Михаил Бабкин

Слимпериада

Трилогия в одном томе

- Слимп
- Слимпер
- Слимперия

Михаил Бабкин

Слимпериада

Трилогия в одном томе

- Слимп
- Слимпер
- Слимперия

Трилогия
в одном
томе

Михаил Бабкин

Слимпериада

Москва, 2006

Михаил Бабкин

Трилогия в одном томе

• Слимп •
• Слимпер •
• Слимперия •

Издательство Альфа-книга

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Б12

Художник
И. Воронин

Бабкин М. А.
Б12 Слимпериада: Слимп; Слимпер; Слимперия/ Послесл. О. Юзифовича.— М.: АРМАДА: «Издательство Альфа-книга», 2006.— 831 с.: ил.

ISBN 5-93556-504-8

Изумрудный Мир... Красивое название, не правда ли? А еще вот такие Миры: Тупиковый, Ханский, Мандариновый, Торговый, Выгребной... ну и Исправительный, как же без него? А еще Мир Равновесия, Мир Прокаженных и много всяких прочих. Все эти Истинные Миры располагаются на Вселенском Диске, по которому и скитается в поисках приключений или по необходимости удачливый вор Симеон, бывший «земной» студент, со своим странным другом — медальоном по имени Мар, обеспечивающим Симеону магическое прикрытие...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 5-93556-504-8

© Бабкин М. А., 2005
© Художественное оформление,
«Издательство Альфа-книга», 2005

• Слимп •

ГЛАВА 1
Самое Лучшее Изумительное Майское Пиво!

Вообще-то Семен вовсе не собирался переноситься в один из Истинных Миров, больно ему это надо было! Тем более вот так вот, с бухты-барахты, не подготовившись, в нетрезвом виде и даже рюкзачок походный не собрав. Но так уж получилось! Так уж вышло. И виноваты во всем были водка и пиво — правда, очень хорошее пиво, не разливное с пивзавода, а бутылочное, марочное и очень хмельное. Часто покупать себе такое пиво Семен не мог, средства не позволяли — откуда деньги у студента?! А вот потреблять его, тем более бесплатно — да сколько угодно! Главное, чтобы такого пивка было побольше, обстановка подушевнее и, главное, без суеты, с умным разговором, неспешно, со вкусом. И вот оно все сошлось— и бесплатное пиво, и душевная обстановка, и разговоры. И Истинные Миры в нагрузку, будь они неладны.

А дело было вот как: один хороший знакомый Семена купил себе домик на окраине города. Ну не очень чтобы домик, так, развалюху бревенчатую. Новостройка до этого района еще не добралась, потому старых домов здесь хватало и, что самое главное, продавали их недорого. Причем за рубли, а не за доллары.

Хороший знакомый, Витя Филиппов, был небогатым художником, который давно мечтал о собственной мастерской, где можно было бы творить бессмертные полотна и по необходимости прятаться от жены — Витина жена довольно отрицательно относилась к его творчеству как таковому. Потому что творчество и водка у Вити шли почему-то рука об руку, не принося большого достатка в семью.

Удачно продав последнюю картину и не истратив ни копейки на любимый напиток, Витя взял да и купил себе домик

под мастерскую. Резко так купил, неожиданно даже для себя самого. А так как домик был уже много лет нежилым и мусору в нем накопилось преизрядно — как от прежних жильцов, так и от вездесущих бомжей, то пригласил художник Филиппов близких друзей для генеральной уборки своей долгожданной мастерской. С соответствующим угощением после грязной работы.

Уборку закончили вечером, когда уже совсем стемнело. Весь мусор вынесли поближе к рощице, которая была рядом, почти за окнами избушки, и сожгли. Костровое пламя и дым разогнали комаров; огонь был такой сильный, что Семену даже стало жарко, хотя стоял он от костра за десяток шагов и одет был довольно легко: старенькие джинсы да рубашка-безрукавка — что еще нужно летом? Полная луна, июньская вечерняя прохлада, треск сгорающих деревяшек и далекое кваканье лягушек напомнили Семену его славное пепсикольное детство. Печеную картошку напомнило. А еще напомнило горячие шашлыки из более взрослой жизни, с водкой и застольными песнями.

Наверное, те же самые воспоминания прорезались у остальных участников трудового десанта: возле костра никто задерживаться особо не стал, все поспешили к домику. К положенному угощению. К накрытому столу.

Семен тоже собрался было уходить, но напоследок все же обошел костер кругом, так, на всякий случай, проверяя, не осталось ли на земле чего из мусора; не тлеет ли где ненароком сухая трава — роща ведь неподалеку! Да и домик деревянный, мало ли что... Далеко ли до пожара! Тем более что после угощения следить за огнем будет просто некому. Скорее всего.

Вот тут-то Семен и наступил кроссовкой на свою судьбу — вернее, на папку. Папка самая обычная, картонная, с веревочными тесемками; один бок ее был обуглен. Видимо, она соскользнула с мусорной горы еще в самом начале, когда пламя только разгоралось, и потому уцелела. Хотел было Семен кинуть ее в огонь, да передумал — папка увесистая, чем-то туго набитая. Кинуть ее просто так в костер, даже не заглянув внутрь... Семен взял папку и, рассеянно помахивая ею, пошел к избушке-мастерской, на огонек в окне.

Посреди небольшой комнаты, теперь чистой и уютной, стоял ободранный стол, оставшийся в наследство от бывших жи-

льцов, крепкий и надежный — даже бомжи не смогли его сломать, хотя наверняка пытались. Вокруг стола, на овощных ящиках, по-простому, сидела вся честная гвардия: сам Витя-художник и его знакомый Андрей Давыдов, журналист и непризнанный писатель; Алексей Ивтушенко, единственный очкарик среди присутствующих, признанный бард и карикатурист; еще пара мужиков, с которыми Семен лично знаком не был, но в лицо знал — они работали в местной газете, куда Семен регулярно носил свои рассказы. В общем, застолье обещало быть интересным. Не скучным.

На столе, на газетной скатерти, стояла зажженная керосиновая лампа, горкой лежали бутерброды с колбасой, рядом, в миске, ждали своей участи сочные помидоры вперемешку с зелеными пупырчатыми огурчиками; еще был и свежий молодой лучок, крупно нарезанный хлеб и обязательные плавленые сырки в круглых баночках. И бутылки, самые разные, в основном водка дешевых сортов. Из вина — несколько пузырей классического портвейна, на любителя; особняком стояло марочное пиво. Пива было много.

— Ну, друзья мои,— пробасил хозяин, оглядывая стол и гостей теплым взглядом,— чем богаты, тем и...— и, не закончив фразу, махнул рукой и потянулся за ближайшей бутылкой.

Зазвенели стаканчики-стограммовки, забулькала водка — праздник начался. Семен выпил полстаканчика водки за здоровье хозяина, полстаканчика за хату, чтобы стояла и не разваливалась, а больше водку пить не стал, приналег на пиво. Не любил Семен сорокаградусную, не жаловал ее. То ли дело пиво! Самый демократичный и вкусный напиток. Безвредный.

Вот этот безвредный напиток и подвел Семена, потому как лег на водку, да еще с устатку и на пустой желудок. Но это потом случилось, а пока что сидел Семен на ящике, плечом к плечу с бардом Ивтушенко, попивал темное пиво из горлышка и понемногу грыз бутерброд — есть ему что-то расхотелось.

После двух-трех стопок друзья-собутыльники развеселились. Пошли разговоры о делах светских, о скандалах городских, о новостях не очень афишируемых — как-никак, а народ здесь собрался к информации допущенный, газетчики, одним словом. Однако темы себя быстро исчерпали — местная светская жизнь, в отличие от столичной, здесь не бурлила, была

серой и тоскливой. Скандалы все оказались мелкими, без должного размаха, и вызывали не изумление и возмущение, а одно лишь раздражение своей убогостью. Неафишируемые новости касались лишь бюджетных злоупотреблений местной администрации, купленных должностей и непонятных перестановок в городском управлении. Какой город — такие и новости.

Семен немного заскучал. Решив дождаться, когда собеседники наконец дойдут до нужной кондиции, когда пойдут анекдоты и общий треп на более интересные темы, он временно отошел от разговора. А так как просто сидеть и наливаться пивом было скучно, то достал Семен папку ту обгорелую, под себя для удобства подсунутую, положил ее на колени и развязал тесемки.

Где-то в глубине души надеялся Семен, что в папке окажется что-нибудь неожиданное, особое — может, рукопись, о делах давних повествующая, которую можно было бы переработать и издать. Или какие-нибудь другие бесценные документы, таинственные и жутко важные. Компромат, к примеру. Откровения.

Но ничего подобного в той папке не было. А была в ней толстая пачка газет, пожелтевших от времени, местных и центральных. Очень, очень старых газет, конца сороковых — начала пятидесятых годов. С одной стороны, конечно, жаль, что не рукопись... Но с другой, если разобраться,— весьма даже любопытная находка! Настоящее свидетельство давно минувшей эпохи. Сиюминутное отражение неизвестной Семену действительности, далекой от него, как неолит. Или даже как юрский период.

Было Семену от роду двадцать два года, был он молод, здоров, неплох собой — плечист, роста выше среднего, темноволос,— и он, разумеется, никак не мог застать тех времен, когда печатались эти газеты. И вообще о годах прошедших, до своего рождения, имел он крайне смутное, противоречивое представление, больше созданное телевидением, чем школьными учебниками истории.

История — впрочем, так же как политика и бизнес,— его никогда особо не интересовала, даже в школе, хотя большинство его сверстников уже в начальных классах прекрасно осваивали азы купли-продажи. А о политиках знали гораздо больше, чем учительница математики о своем предмете. Вот такой

он был неправильный, этот Семен! Не от мира сего. Наверное, потому и не пошел он в большой бизнес по окончании школы, и в малый не пошел. А поступил в технический университет, где обучался последние годы всяким мало кому сейчас нужным премудростям. И зачастую жалел об этом своем необдуманном поступлении, потому что уже на втором курсе понял, что техникой ему заниматься неинтересно. А интересно Семену было писать всякие фантастические истории, в которых придуманная им действительность была гораздо интереснее, чем та, в которой он жил. Для Семена, разумеется. И неоднократно подумывал Семен бросить опостылевшую учебу, уехать в Москву из родного города и поступить там в Литературный институт, чтобы обучиться писательскому делу, да не получалось что-то. То одно мешало, то другое.

После первого курса призвали Семена в армию, где он отслужил свои два года в глухомани, в лесах, в системе ПВО, в техническом расчете. От беспросветной таежной тоски его спасали лишь рассказы, которые он неустанно писал, придумывая темы во время боевых дежурств, да редкие попойки с друзьями: чего-чего, а казенного спирта на точке хватало, проблемой было не спиться за эти два года.

В родной город Семен вернулся с десятком больших рассказов в двух толстых тетрадях, рассказах не о воинской службе, не о таежных приключениях — случалось с ним и такое, тайга есть тайга,— а о невозможном, о несуществующем. Были в тех рассказах и космические пришельцы, и драконы; всякие колдуны-злодеи да лихие богатыри тоже имелись...

Много чего было. И все эти рассказы, один за другим, опубликовала местная газета, куда сочинения Семена попали совершенно случайно — он дал почитать их одной своей хорошей знакомой, бывшей однокласснице. А одноклассница, оказывается, уже полгода как работала в той газете, в редакторском отделе. Вскоре рассказы были напечатаны в нескольких ежемесячных приложениях, специально посвященных фантастике. Что само по себе было для Семена настоящим потрясением: он-то думал, что фантастику в газетах печатают только лишь по знакомству. Или за взятку.

Семен восстановился в университете и продолжал, как прежде, посещать занятия, но вскоре охладел к учебе. Не ин-

тересовали его больше технические знания, хоть ты тресни. Хотелось чего-то другого, а чего именно — было непонятно. Вот тогда и появилась у Семена мысль бросить все и начать заново, как душа требовала. Так что был Семен сейчас на перепутье, но никак не мог сделать решительный шаг. Наверное, смелости не хватало резко изменить свою жизнь... Но судьба сегодня позаботилась о нем.

— А что это у тебя такое? — вдруг поинтересовался сосед Алексей, который был старше Семена почти в два раза, но с которым Семен был давно на «ты», как, впрочем, и со многими в редакции: случалось уже вместе водку пить, а кто же после совместной выпивки «выкать» друг дружке будет, не по-русски оно! Не по-свойски.

— Ну-ка, ну-ка.— Бард отложил в сторону взятую было в руки гитару, обязательную спутницу его гостевых походов, забрал с Сениных коленок газеты вместе с папкой.

— Это где же ты, Семен, архивчик такой раскопал? — Ивтушенко с изумлением рассматривал газеты одну за другой, близко поднося их к своим очкам — света от керосиновой лампы было маловато для нормального чтения, приходилось чуть ли не елозить носом по строчкам.— Гляньте-ка, Берия в президиуме! А вот и товарищ Сталин собственной персоной, на всю полосу...— Алексей с удивлением глянул на Семена.— Ты что, братец, от фантастики к соцреализму перешел? Материалы собираешь? Ну, старик, после Солженицына тебе там делать нечего.— И снова уткнулся в газету.

— Что случилось? — вразнобой зашумели остальные и, забыв о только что произнесенном хозяином дома тосте, о поднятых стаканах, нетерпеливо потянулись через стол посмотреть, что же там такое происходит; ветхие листы сразу разошлись по рукам.

— Какой еще реализм,— возмутился Семен, едва успев отобрать себе газету с портретом Сталина,— при чем здесь реализм! В папке они лежали, газеты эти. Я ее возле костра подобрал, думал, там какие документы важные, а оказалось вот что,— Семен пригляделся,— «Правда» называется. Орган Центрального Комитета Коммунистической Партии Советского Союза, здесь так и написано... В каком таком смысле «орган»?—

Он с подозрением уставился на Ивтушенко, словно именно тот подсунул ему такую странную газету.

— Молодой ты еще, чтобы в таких вещах разбираться,— от души хохотнул журналист Давыдов,— не о том думаешь. Не о тех органах. Дай-ка мне свою газету,— он протянул Семену в обмен другую.— Почитай лучше нашенскую, местную. От пятьдесят второго года. Почти свежая.— И зашелестел отобранной у Семена «Правдой». На некоторое время в комнате стало тихо — развернувшись к лампе так, чтобы свет падал на страницы, полутрезвый народ углубился в чтение, явив собой классическую композицию для картины «Изба-читальня».

Скажем прямо — такое могло произойти только лишь с журналистами, ни одна нормальная застольная компания не променяла бы произнесенный тост и полные стаканы на какие-то старые газеты. О чем чуть погодя и сообщил раздосадованный Филиппов, принципиально не читавший никаких газет, даже тех, где иногда печатались репродукции его работ: он так и сидел, одинокий и обиженный, с поднятым стаканом, пока ему это не надоело. Вот тогда он и высказал свое особое, веское мнение о всяких писаках-бумагомараках. О шакалах пера, променявших дармовую водку и великолепный тост на всякое тухлое старье. О свиномордах, забывших правила гостеприимства и о том, кто здесь хозяин. Спохватившись, сконфуженные «свиноморды» поспешили вернуть газеты Семену и, чтобы успокоить разбушевавшегося хозяина, немедленно выпили. После чего тут же налили по следующей, по штрафной. Чтобы Витя не расстраивался. И потребовали от него очередного тоста.

Семен, как самый младший в этом коллективе, мог не пить, пропустить штрафную по желанию, что он и сделал. В отличие от остальных, он не устыдился Витиного монолога, потому как журналистом себя не считал, и начал читать врученную ему Давыдовым местную газету, раздел частных объявлений. Вернее, одно объявление.

Очень странным было это объявление. Очень. Остальные-то были самые обычные, бытовые — кто-то что-то продавал, кто-то что-то покупал, кто-то с кем-то разводился и спешил о том уведомить всю городскую общественность,— а это объявление... Набранное высоким готическим шрифтом, занимающее при-

личную площадь, оно сразу бросалось в глаза, и не заметить его было просто невозможно. Вот что там было написано, дословно:

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Дорогой друг!

Если тебе надоела хроническая нищета, бессмысленность и убогость твоей серой жизни, а сердце зовет к ратным подвигам и великой славе; если ты хочешь увидеть Истинные Миры во всем их блистательном великолепии, но не имеешь такой возможности; если ты хочешь разбогатеть и возвыситься, то это объявление для тебя!

Военный Магический Двор Его Императорского Величества проводит постоянный набор на курсы офицеров-магов по следующим специальностям: магия боевая, атакующая; магия боевая, оборонная; магия разведывательная; магия диверсионная; магия прочая.

Курсанты-ученики, прошедшие второй отборочный тур и не вызвавшие сомнений в своей лояльности по отношению к Его Императорскому Величеству, зачисляются соответственно своим магическим возможностям на объявленные факультеты.

Дорогой друг! Не упусти свой шанс! Потому что первый отборочный тур ты уже прошел: ты увидел это объявление.

Если ты решился, то не медли: читай вслух путеводное заклинание. Мы ждем тебя!

Возраст конкурсантов не ограничен.

Данное объявление действительно в течение бессрочного количества лет.

Искатели слимпа к обучению не допускаются.

Начальник Магического Двора, Маршал Магических Войск Стратегического Назначения Ити Б. Р. В. (Посмертный).

— Ни фига себе,— сказал наконец Семен, перечитав объявление в шестой раз,— это и есть ваш соцреализм? Фэнтези от пятьдесят второго года? Ну, блин, вообще,— и повернулся к Ивтушенко: — Алексей Анатольевич, растолкуйте мне эту за-

метку с точки зрения соцреализма. Желательно с точки зрения Солженицына. Будьте любезны! — и сунул газету в руки Ивтушенко.

Бард только-только откусил лучок и потому в ответ промычал лишь что-то нечленораздельное, но газету взял и уставился на указанное Семеном место. Прожевав, Алексей Анатольевич громко и с чувством прочитал:

— Продается дойная корова пятнистой наружности, один рог обломан. Недорого. Обращаться по адресу... Ну, дальше и читать не стоит. С точки зрения соцреализма — это финансовая операция, связанная с передачей частной собственности одного физического лица другому. Я так думаю. С точки зрения Солженицына... Да он такой ерундой никогда и не занимался! Старик, бросай валять дурака и лучше выпей водки, пока она еще есть. От твоего пива одно лишь расстройство мозгам и желудку,— и вернул газету опешившему Семену.

— Какая корова? — взвыл Семен.— Какая?!

— Однорогая и дойная,— жуя, обстоятельно пояснил с дальнего конца стола Давыдов,— на предмет молока и мяса. И недорого.

— В целях повышения благосостояния, так сказать. И животноводства,— ехидно посмеиваясь непонятно чему, добавил Витя-художник и налил по следующей.

— Погодите, погодите,— замотал головой Семен,— что-то не то происходит... Витя, а ну-ка теперь ты прочитай,— и отнес злополучную газету Филиппову,— вот здесь... отсюда.

— Срочный ремонт обуви,— равнодушно сказал Филиппов, глянув на страницу,— качество гарантируется. Улица Большая Лесная, будка восемь. Ну и что? — и откусил от бутерброда.

— Как — что? — взвился Семен.— Вы же одно и то же объявление видите по-разному. Не то, что увидел я! Другое!

— Чего? — не понял Витя.— Хочешь сказать, мы уже надрались до того, что и читать разучились? Брось,— встал и хотел было сказать очередной тост, но его остановил один из малоизвестных Семену мужичков — как оказалось, его звали Сашей — и вежливо попросил газету.

Саша обнаружил, что в заколдованном объявлении говорилось и не о корове, и не о ремонте обуви, а сообщалось о

разводе некой гражданки Тимирязевой с мужем, находящимся под следствием. Вот так.

Над столом повисло тягостное молчание. Газета пошла по кругу: все с недоумением таращились на невероятное объявление-хамелеон, перечитывая его по очереди так и сяк, даже кверху ногами, но все равно каждый раз читалось одно и то же. Но у каждого — свое.

— Пора пьянку закруглять,— наконец сделал верный вывод хозяин мастерской.— Допились. Скоро не то что сумасшедшие объявы мерещиться станут, зеленые марсиане на столе появятся. Пятнистой наружности. Запросто.— И налил всем еще разок. Для снятия стресса.

Выпили молча. Семен тоже выпил водки,— а как же иначе, после такого-то,— хорошенько запив ее пивом. И как-то разом начал быстро пьянеть, словно чистого спирта вместо пивка хватанул.

— Да-а,— чуть погодя неопределенно протянул Алексей Анатольевич, нетвердой рукой макая лук мимо кучки соли,— надо же... А кстати, ты-то что прочитал? С тебя же все началось.

— Да вот,— Семен почесал в затылке,— такая непонятка, что... Эх! — пожал плечами и зачитал то самое объявление. Настоящее.

— Слимп какой-то,— задумчиво сказал никогда не пьянеющий Давыдов, облокотившись о стол и подперев тяжелую голову обеими руками,— аббревиатура, что ли? Сельский Лепрозорий Имени Мери Поппинс. Несомненно.— И захихикал.

— Что-то там о транспортном заклинании говорилось,— подал голос Ивтушенко,— неужто есть такое?

— Есть,— невнятно согласился Семен, язык уже плохо слушался его, заплетался вовсю,— мелким шрифтом напечатано. В самом низу,— и неожиданно икнул.

— Тогда читай его,— четко и строго приказал Витя,— глядишь, оно вместо такси нас по домам развезет. Дожились, елы-палы, уже заклинания в газетах публиковать начали! Мр-ракобесы,— и затих, неожиданно заснув прямо за столом.

— Эй, погоди! Стой! — всполошился Ивтушенко, но было поздно: Семен, послушно кивнув, старательно и насколько мог членораздельно, икая через слово, уже произносил абсолютно непонятную фразу.

— ...твою мать! — Это было последнее, что услышал Семен, роняя газету и проваливаясь в зеленую ледяную темноту.

...Испугаться Семен не успел, падение было слишком коротким. Но то ли от холода, то ли от чего другого, а протрезвел он за эти секунды основательно. Точно под ледяным душем постоял.

Зеленый сумрак рассеялся, сменившись обычным, не потусторонним; Семен открыл глаза. И тут же закрыл их. Потому как того, что он увидел, было достаточно, чтобы понять — с ним случилось что-то ужасное. Одно из двух: либо у него началась белая горячка, либо в пиве была какая-то сильная наркота. Ничем иным объяснить происшедшее Семен пока не мог, хотя о белой горячке знал лишь понаслышке, а наркотиками никогда не пользовался, испытывая к ним изначально брезгливое отвращение. Семен помотал головой, крепко потер лицо и уши руками, пару раз глубоко вздохнул и снова открыл глаза. Но бредовое видение не исчезло.

Он стоял посреди то ли большого круглого зала, то ли искусно обработанной пещеры — далекие гладкие стены вокруг него уходили ввысь, где-то в вышине смыкаясь над головой глухим куполом. Стены и сам купол ровно тускнели матовым молочным светом, создавая впечатление пасмурного осеннего дня; по стенам, спиралью снизу вверх, шла какая-то бесконечно длинная надпись, сделанная громадными, в рост человека, черными широкими буквами. Буквы абсолютно непонятные, больше похожие на размытые чернильные кляксы и подтеки, чем на читаемые знаки. Не было такой письменности ни у каких известных Семену народов! Однако Семен почему-то знал, что это именно буквы, стоило ему лишь разок на них взглянуть. И ничего хорошего в той надписи не было, это Семен тоже понял сразу, хотя и не мог объяснить, откуда взялась у него такая уверенность.

А рядом с ним, лишь руку протяни, высилась гора золота. Были здесь и монеты, и разные цепи, и какие-то пузатые кувшины с витыми ручками, и кубки с самоцветными украшениями. Из небрежно брошенных в кучу тут и там золотых ларцов высыпались разноцветные камни, которые зловеще посверкивали среди монет, словно чьи-то мокрые глаза.

Высокая, выше человеческого роста, гора блестела неживым драгоценным сиянием, искаженно отражая в начищенных кувшинах и без того перекошенную физиономию Семена.

Стояла мертвая тишина.

Вот тут-то Семен и перепугался: не стены заморочные так подействовали на него, не золото, в немыслимых количествах наваленное перед ним, а именно — тишина. Тишина, от которой гудело в ушах.

— Эй, есть тут кто? — вполголоса спросил Семен, невольно пятясь от пышного золотого великолепия и затравленно оглядываясь по сторонам.— Или как?

Под ногами оглушительно хрустнуло. Семен глянул вниз и с воплем отпрыгнул в сторону: он стоял как раз на костях, на человеческих костях. На скелете. Собственно, скелета как такового уже не было — он только что осыпался ребрами, превратившись от Сениной кроссовки в плоскую костяную насыпь. Серый пыльный череп с аккуратной дырочкой во лбу, потеряв нижнюю челюсть, медленно откатился в сторону.

— А, нашего полку прибыло! — уверенным, хорошо поставленным баритоном сказал раздавленный скелет.

Разумеется, скелеты говорить не могут, подумал Семен, не бывает такого, но голос явно доносился откуда-то из костей, из-под дуг сломанных ребер.

— Кто тут? — срывающимся голосом повторил Семен.— Кто говорит? — И на всякий случай ступая тихо-тихо, подался в сторону, подальше от разговорчивых останков.

— Вот,— удовлетворенно заметил тот же голос,— у него уже и слуховые галлюцинации начались. Голоса слышит! Что-то уж слишком быстро... Последний из слимперов, если не ошибаюсь, лишь через неделю зов Горга услышал.— Голос запнулся, в сомнении похмыкал.— Кажется, этот Горг у них ангел подземелья... Или не ангел? Да нет, ангел, но не подземелья. И не Горг. Что-то я запутался в их дурацкой мифологии...— пожаловался баритон.— Тоска-а-а.— Голос зевнул с прискуливанием.— Одно и то же. Да-с,— и умолк.

— Да кто же здесь?! — взорвался Семен.— Какие слимперы? Какие ангелы? Он еще и издевается, зараза! Сейчас я тебе покажу, как над похмельным человеком изгаляться.— Не придумав ничего лучшего, он схватил с пола череп и со злостью

метнул его в костяную кучку. Тяжелая серая пыль облачком взметнулась над костями, и Семен, обессилев, сел на пол.

— Ну где же я? — в тоске спросил он сам себя, обхватив голову руками и раскачиваясь из стороны в сторону.— Что со мной? Ой худо мне, ой тошно,— и замолчал, тупо глядя вниз.

— Эй, блевать только не вздумай,— ехидно предупредил голос,— воды в этих местах нет. Нету водички. Стало быть, потеря жидкости невосполнима. В пустыне и то влаги больше... Зато золота сколько! Навалом. Небось, не золотишко искал, а? Не золотишко. А попал сюда. Вот же дурак! Ну давай, давай, начинай на судьбу свою жаловаться, стонать начинай. Не стесняйся. Не ожидал, небось, в такое местечко угодить? Э-э, да откуда тебе знать-то про него... На твоем месте, дурень, я бы поостерегся к стенкам подходить. Тем более надписей касаться... Дольше проживешь. Впрочем, ты все равно их не видишь. И я не вижу, но зато о них знаю, такая вот у нас с тобой разница... Жаль, что ты меня не слышишь. Знаешь, если бы...

— Вижу я, вижу. И слышу.— Семен поднял голову.— И надписи эти винтовые вижу, и голос твой гнусный только глухой не услышит. Сам-то ты где, болтун хренов?

— Ок-х.— ...Голос крякнул, словно его владелец чем-то поперхнулся на полуслове. И опять наступила тишина.

Семен встал, угрюмо глянул в сторону разговорчивой кучки костей, с ненавистью сплюнул в ее сторону и пошел изучать окрестности. Как оказалось, изучать особо было нечего: зал был практически пуст. За исключением самой золотой горы и пары десятков мумий, живописно разбросанных по всему необъятному полу, в зале ничего не было.

Больше всего мумий находилось возле самосветных матовых стен, под первым витком низко идущей черной надписи. Словно те, кто лежал сейчас под великанскими кляксами букв, умерли мгновенно, едва коснувшись их; во всяком случае, у Семена создалось именно такое впечатление. Умерли и мгновенно мумифицировались. Одежды практически ни на ком из них не имелось, хотя кое-где рядом с добротно высушенными покойниками валялись на полу лоскуты обугленной ткани. Семен обошел зал пару раз, не решаясь близко подходить к подозрительным стенам — он хорошо помнил предупреждение

таинственного голоса,— и наконец вернулся к тому месту, откуда начал свой обход. К говорящим костям.

— Ну, и что дальше? — с независимым видом спросил он, присаживаясь перед черепом на корточки.— Какие еще инструкции будут? Ты можешь мне по-человечески объяснить, где я? Только без всяких ангелов и разных там горгов. Хорошо?

— Поклянись,— торжественно сказал голос,— самым святым для себя поклянись, что ты и вправду воспринимаешь мои слова. Хотя нет, не надо. Просто подними правую руку и скажи: «Я слышу тебя, о Магический Вор!»

— Зачем это? — не понял Семен.— Я тебя и так прекрасно слышу, без поднятых рук. У меня уши не под мышками растут.

— А вот ты все равно скажи,— заупрямился баритон,— а то бывают всякие совпадения, знаешь ли. Иначе не буду с тобой разговаривать! — пригрозил голос.— Я жду.

— Ну,— чувствуя себя неловко от глупости происходящего, неуверенно сказал Семен,— значит, я, Семен, слышу тебя, о Магический Вор. Достаточно?

— Невероятно,— с расстановкой, по слогам сказал баритон,— и впрямь слышит. Эй, руку забыл поднять!

— Ах да,— спохватился Семен и помахал правой рукой в воздухе.— Все?

— Да вроде все,— с сомнением произнес голос,— как я еще могу проверить, не галлюцинация ли ты? Может, ты мне только кажешься, а на самом деле я сам с собой разговариваю. Это, однако, надо обдумать.

— Короче, говорилка, ты где прячешься? — с раздражением спросил Семен.— Хватит мне голову морочить! Думать он собрался... Здесь ты, что ли? — и, поднявшись с корточек, осторожно разгреб кости ногой.

Под беспорядочно сваленными обломками ребер, под лохмотьями пыли и обрывками материи, на окаменевшем позвоночнике скелета лежал круглый стальной медальон. Его цепочка, тоже стальная, петлей захлестывала шейные позвонки, и Семену пришлось приподнять хребет, чтобы снять медальон с бывшей шеи.

Медальон был размером с металлическую пятирублевку; с одной его стороны, гладкой и отполированной, были выгравированы очень маленькие, почти неразличимые непонятные

символы. Что-то вроде химических и математических формул, но вперемешку, как попало. С другой стороны медальона присутствовал один-единственный, очень простой и до обидного знакомый рисунок: кулак с нагло оттопыренным средним пальцем.

— Ну вообще...— протянул Семен, не зная, как и реагировать на такую находку.

— Так. Что видим? — строгим учительским голосом поинтересовался стальной кружок.— Ты говори, не стесняйся. Должен ведь я убедиться.

А в чем убедиться, медальон не пояснил. Не соизволил.

— С одной стороны значки какие-то. Очень мелкие, не разберу, что именно,— медленно ответил Семен, внутренне удивляясь самому себе, вернее тому, с какой легкостью он принял очевидный факт: с ним разговаривала неживая вещь. Железка. Возможно, сказалось то, что в Сениных рассказах почти все вещи тоже были говорящими... Шока он не испытал.

— А с другой стороны у тебя выгравировано...— он запнулся, не зная как правильнее сформулировать ответ.

— Ну-ка, ну-ка,— оживился медальон,— и что?

— Кулак с пальцем,— нейтральным тоном ответил Семен.

— Точно! — обрадовался стальной кружок, словно Семен сделал великое открытие.— Он увидел! Обалдеть можно. Ну поздравляю, ты выиграл главный приз. И я тоже. Вот повезло так повезло! Десять лет в пыли валялся, и вдруг такая удача.— Голос неожиданно дрогнул, насморочно всхлипнул и умолк.

— Ты мне толком поясни, что здесь происходит,— как можно мягче и убедительней попросил Семен,— где я оказался, кто ты такой. И что это вообще значит? — Он обвел рукой вокруг себя.

— Разумеется, разумеется,— торопливо ответил кружок,— все объясню. Только сначала надень меня себе на шею и скажи: «Беру и владею».

— Это зачем,— с подозрением спросил Семен,— для чего? Не буду.

— Ты делай, как я сказал,— возмутился медальон,— другие визжали бы от счастья, а этот нос воротит. Надевай и говори! Потом объясню. Скорее, а то Блуждающий Стражник, неровен час, заявится.

— Ну, раз стражник,— нехотя согласился Семен,— тогда, конечно...— Он обтер медальон об свою рубашку, все же на покойнике висел, неприятно как-то, и надел его.

— Беру и владею,— скучным голосом произнес Семен. Медальон громко звякнул, как микроволновка по окончании работы, и больше ничего не случилось.

— А сейчас что? — Семен потрогал железный кружок пальцем: кружок ощутимо нагрелся, словно его на печке подержали.

— А сейчас надо закончить одно дельце и сваливать отсюда поскорее,— с облегчением сказал медальон.— Теперь это можно. Теперь все можно. Ты да я, да мы с тобой... Сработаемся, парень!

— Погоди,— томимый нехорошим предчувствием, пробормотал Семен,— в каком смысле «сработаемся»?

— В прямом,— любезно пояснил стальной кружочек.— Ты, дружище, только что вступил в законное и единоличное, пожизненное обладание. Мной. Ты теперь по чародейному каталогу Морокуса — свободный вор с прикрытием. Высшей категории. С чем тебя и поздравляю.

— Опаньки,— только и сказал Семен.— Дожил,— и почесал в затылке.

А что еще можно было сказать?

ГЛАВА 2
Сокровенный Легендарный Источник Материальной Помощи

— Значит, так,— деловито сказал медальон,— где-то там, среди золотого хлама, лежит кошель. Мы, я и мой бывший владелец, именно за ним сюда и прибыли. Десять лет тому назад. Крепко поиздержался тогда мой хозяин, в долги влез, да и старость уже была не за горами. Вот и решил он поправить дела разом, одним махом.— Кружок на цепочке болтал без остановки, с явным удовольствием, пока Семен ходил вокруг золотой горы, оценивающе меряя ее взглядом.— И сунулся-таки в эти проклятые Хранилища... Ну, ты наверняка легенды о них слышал, не мог не слышать, раз сам здесь... Вроде бы

все он предусмотрел, все необходимые путеводные и защитные заклинания понемногу раздобыл; год работал как проклятый, даже ни одного заказа не взял. Это за целый-то год! Не поверишь, пространственный адресок пришлось аж в Пестром Мире искать. Как-нибудь расскажу, напомни... Как мы там из одного местного колдуна этот адрес вытряхивали — то еще приключение было.

И что же? Все предусмотрел, кроме Блуждающего Стражника. О нем даже в легендах не говорилось, представляешь? Наверное, потому, что рассказывать было некому после такой встречи. Вот тебе и результат: от хозяина одни косточки, а я на десяток лет из жизни выпал. Сходили за кошелечком, называется,— медальон саркастически захихикал.

— Как кошель-то выглядит? — поинтересовался Семен, начиная осторожно разгребать золотую кучу.— Какой он из себя? Размеры, вид? И вообще, зачем он нужен?

— Размер произвольный, по необходимости,— назидательно ответил медальон,— это же кошель! Хранилищный кошель. Кожаный. Из него в любое время и в любом месте можно вынуть ценности, лежащие в конкретном Хранилище. В том, к которому этот кошель привязан. Ты что, легенд не слышал? — удивился кружок.

— Ничего я не слышал,— огрызнулся Семен, с трудом переворачивая тяжелую золотую вазу,— я вообще в ваших мирах впервые. Я, понимаешь, час тому назад еще водку с пивом пил и слыхом не слыхивал ни про ваши пестрые, ни про истинные, ни про какие другие миры,— Семен откатил вазу и, запыхавшись, остановился передохнуть.— Водички бы,— мечтательно сказал он,— совсем сушняк замучил.

— Водички можно,— растерянным голосом проговорил медальон,— это входит в мои обязанности... Ты что, серьезно, ничего не знаешь об Истинных Мирах? Да кто ты такой? Откуда?

— Сначала попить,— потребовал Семен, воспрянув духом,— и немедленно. Чего-нибудь холодненького.

— Слушаюсь,— ответил медальон, и возле Сениных ног тут же материализовался глиняный кувшин. В кувшине оказалась холодная родниковая вода, которой хватило и попить, и умыться. Семен, пофыркивая от удовольствия, вылил остатки себе

на голову и почувствовал себя самым счастливым человеком. Вернее, счастливым вором с прикрытием.

— Однако,— бодро сказал Семен,— теперь и жить можно. Эхма, что у нас там насчет безразмерных кошельков? — и снова полез в золотые залежи. Небрежно раскидывая цепи, слитки и ларцы, расшвыривая ногами монеты и камни, он продолжил поиски, заодно рассказывая медальону о своих недавних приключениях. По правде говоря, особо рассказывать было и нечего, хотя повествование все же получилось длинным. Очень длинным и очень сумбурным: Семен то и дело перескакивал с одного на другое, вспоминая массу не относящихся к делу подробностей. Несмотря на то что Семен причислял себя к литераторам, но рассказывать вслух толково и по существу он не умел, в его исполнении даже анекдоты получались несмешными. Так что когда кошелек нашелся, медальон был в курсе всей Сениной жизни, от школьных лет до сюжета последнего, вчерне написанного рассказа. И о транспортном заклинании в старой газете тоже знал.

— Армейские штучки,— фыркнул медальон, едва Семен закончил свое повествование.— Знакомое дело. Эти их вербовочные объявления хуже тараканов — сами по себе плодятся, сами по себе блуждают из мира в мир. И всегда находят газету, где сами по себе и печатаются. И что интересно — только в разделе объявлений. А всякие способные к магии недотепы на них клюют. Вот же мусорное колдовство!

— Этот? — Семен пропустил мимо ушей ехидное замечание насчет всяких недотеп и поднял кошель, завалившийся под изящный ночной горшок.— Тот самый кошелек?

— Тот самый,— согласился медальон.— Наверное. А других нету?

— Нету,— подытожил Семен.— Во всяком случае, я больше не вижу,— и тряхнул кошелем, сбивая с него пыль.

Кошелек, из-за которого в свое время погиб бывший владелец воровского медальона, был самым обычным мешочком из крепкой выделанной кожи, с кожаной тесемкой-завязкой. Невзрачным и небогатым с виду. Так себе кошель был, на нетребовательного владельца. Без претензий.

— А как с ним обращаться? — полюбопытствовал Семен, приноравливая мешочек к ременной петельке на джинсах.— Инструкция имеется?

— Да какая там инструкция,— вздохнул медальон,— открывай и пользуйся. Руку засовывай, что нащупал, то твое. М-да-а, послал мне случай напарничка... Ты, поди, и воровать-то не умеешь?

— Не умею,— засмущался Семен, словно в чем дурном признался.— Я, в общем, как-то и не собирался в воры записываться. Я вообще ничего не собирался...

— А заклинание прочел,— сердито оборвал его стальной кружок,— да еще ухитрился так его переврать, что попал не к Магическому Двору, а прямиком к Магическому Вору. Специально захочешь, не получится! Значит, это судьба. Будем, стало быть, из тебя человека делать, деваться некуда.— Медальон горестно вздохнул, хмыкнул и вдруг доверительно добавил: — Главное, потенциал у тебя о-го-го какой! Знаешь, а ведь никто из моих бывших владельцев не мог со мной разговаривать. Никто. Не слышали они меня — и все тут. И охранную магию не каждый видеть мог, а если мог, то лишь самую простую, низшего уровня... Впрочем, я ее тоже почти не вижу, к сожалению. Зато хорошо чувствую наличие волшебства. Особенно те места, где оно запрятано. А ты видишь... Да я вообще людей с такими удивительными способностями, как у тебя, никогда и не встречал, хотя уж сколько веков по мирам путешествую, всякого повидал. И знак мой незримый ты разглядел... Не-эт, не зря мы с тобой встретились, не зря.

— Это который знак? — спросил польщенный Семен.— Формулы, что ли?

— Да нет. Ту клинопись любой увидеть может. Я имею в виду тот, который с пальцем,— с досадой пояснил медальон.— Подпись мастера, который меня изготовил: знак ручной работы, единственный экземпляр. Хм, не понимаю, чего ты в нем такого неприличного обнаружил?

— А... э...— не нашелся что ответить Семен. Не объяснять же бесполой железке обычаи и нравы совершенно чуждого ей мира. Все равно не поймет. И потому он молча привязал кошелек к джинсовой петельке, подергал его, проверяя, хорошо ли держится. Кошелек держался хорошо.

— Все,— сказал Семен,— готово. Поехали.

— Поздно,— тускло сказал медальон.— Опоздали. Не успеваю я... Блуждающий Стражник явился. Ох и не везет мне! А ведь так все хорошо начиналось... Ты вот что, стой и не двигайся, авось пронесет. Я тебя прикрою, само собой, но кто знает, что получится. С прежним хозяином что-то не очень... На всякий случай — прощай.— И медальон умолк.

Семен, заранее пугаясь, завертел головой, во все глаза высматривая таинственного грозного стражника. Но вроде все было как и раньше: золото, мумии и тишина. И больше никого и ничего. Хотя...

Слабый звук шагов донесся откуда-то из-за спины. Семен обернулся и замер, в недоумении разглядывая странное создание, уныло бредущее в его сторону от далекой матовой стены.

Блуждающий Стражник блуждал, судя по всему, очень много сотен лет, потому что был дряхлым до невозможности. Настолько, насколько может быть дряхлым устройство, которое никогда не чистили, не смазывали и не проводили с ним регламентных работ. Блуждающий Стражник был механизмом. Своеобразным механизмом, соответствующим миру, где его создали: корпусом служили рыцарские доспехи, ныне изъеденные ржавчиной до дыр. Сквозь прорехи грязного до черноты корпуса то там, то здесь ясно виднелись железные внутренности, какие-то трубочки, вращающиеся шестереночки и подвижные маятнички.

Сам вид стражника Семена не испугал, а скорее успокоил. И не такое в кино видал. А вот то, что было у механического рыцаря в руках... Это заслуживало внимания. Этого надо было остерегаться. Потому что пистолеты, особенно крупного калибра типа «Магнум», у Семена всегда вызывали чувство уважительной опаски.

— Прямо «Звездные войны» какие-то,— прошептал он себе под нос,— эпизод десятый, не отснятый.

Словно услышав Сенины слова, стражник остановился и, поскрипывая шарнирами, принялся оглядываться, неестественными рывками поворачивая голову то в одну, то в другую сторону.

И в этот момент медальон создал вокруг Семена обещанную защиту. Что-то вроде полупрозрачного колпака, накрывшего его от макушки до самого пола. Колпак состоял из бесчисленного количества чешуек-шестигранников, некоторые из них почему-то не прилегали плотно друг к дружке, а были либо повернуты поперек, либо задраны как попало, что напрочь искажало перспективу: Семен словно очутился перед волнистым, местами дырявым стеклом. Смотреть сквозь такое стекло было крайне утомительно, а потому, не думая о том, что он делает, чисто автоматически, Семен протянул руку и пригладил едва ощутимые чешуйки, те, которые были перед лицом, ставя их на место. И тут стражник мгновенно повернулся к нему и уставил в его сторону щель забрала, затем неожиданно быстро поднял обе руки, наведя широкие стволы на Семена. А чешуйки — все до единой, по всему защитному колпаку — вдруг разом стали на место.

Семен замер с вытянутой рукой. И дышать стал через раз, на всякий случай. Стражник постоял, постоял и, внезапно утратив всякий интерес к подозрительному месту, опустил руки и побрел дальше, по дуге обходя золотую гору. Вскоре металлическое шарканье стихло. Семен медленно обернулся: стражник, не снижая скорости, вошел в молочную стену и исчез. Как будто его здесь никогда и не было.

— Уф,— сказал медальон,— пронесло... Вовремя ты... извиняюсь, вы, Семен, мое заклятие невидимости усилили. Я даже и не знал, насколько оно у меня несовершенное. Хорошее, но несовершенное. Что же вы, уважаемый, со мной как с детской игрушкой... о самом главном-то и умолчали... Честное слово, обидно. Могли бы и правду сказать, я все равно разболтать не смогу. Даже если бы и захотел.

— Какую правду? — озаботился Семен.— Ты о чем?

— Ну как же,— в баритоне прорезались странные истерические нотки,— а то мы не знаем, не понимаем мы... Легенд о Настройщике не слышали. Да-с. Извините, если что не то сказал раньше, не знал. Не ведал я!

— Вот что, если ты решил закатить истерику, так давай будешь ее устраивать в другом месте, хорошо? — недовольно буркнул Семен.— Надоело мне здесь. Двигаем отсюда, пока твой ржавый охранник назад не притопал. С него станется.

— Слушаю и повинуюсь,— ответил медальон,— одну минутку,— и тут же, понизив голос, спросил с придыханием: — А какой он, этот Блуждающий Стражник? Я-то его не вижу, не дано мне этого. Только ощущаю... Страшный, да?

— Невозможно страшный,— согласился Семен,— сторукий, одноногий и ходит задом наперед. Прыжками. А рот с клыками на спине.

— Вот ужас-то,— сказал медальон.— Ну и пусть. Теперь мне на все плевать. Пускай себе хоть тысячерукий! Хоть с зубами в заднице. Эх, какой мне, оказывается, компаньон в этот раз достался... Аж самому себе завидно. Так, значит, изволите воспользоваться моей помощью? Сами, стало быть, не жела... Впрочем, о чем это я! Сию минуту.

— Ты вот что,— недовольно сказал Семен, поднося медальон близко к лицу,— прекращай выкать, не люблю я этого. Давай по-свойски. Раз мы с тобой с самого начала на «ты», значит, так будет и дальше. И еще — как тебя зовут? Не могу же я к тебе без имени обращаться.

— Зовут? — растерялся медальон.— Да никак не зовут. Магический Вор — это лишь рабочее название, символ для составления заклинаний. Обращение.

— Значит, будешь сейчас с именем,— пообещал Семен.— И будут тебя звать... гм, звать тебя будут... Мар. Сокращенно от рабочего названия.

— Сподобился я,— торжественно возвестил голос.— Надо же, собственное имя получил! От самого Настройщика и получил. Кто же я теперь по табелю о рангах буду, ежели с собственным именем, да еще и при Настройщике? Морокус такое не предусматривал... Мм, на уровне имперской парадной подвязки, что ли? Не-эт, куда там, выше бери! Неужели вровень с кардинальским жезлом... ни хрена себе...— Слова перешли в невнятное бормотание, затем Семен различил слова молитвы. Похоже, Мар ни с того ни с сего начал впадать в религиозный экстаз.

— Этого еще не хватало! — рявкнул Семен.— Отставить! Потом, все потом. Поехали!

И они поехали.

Мир вокруг Семена вспыхнул разноцветными сполохами, горячая волна пронеслась сквозь тело, и стало необычно легко:

в этот раз перенос был иным. Не таким, как в первый. Наверное, потому, что в Истинные Миры Семен добирался, скажем так, несколько не в себе и своим ходом, а в этот раз его транспортировали с максимальным удобством и комфортом. Заботливо. Как родного.

Комната, в которой оказался Семен, в отличие от зала Хранилища, не поражала своими размерами. Но и назвать ее маленькой было никак нельзя: просторная, с высоким арочным потолком, она напоминала дорогую квартиру из домов постройки пятидесятых годов. Из тех, что строились быстро, серьезно и качественно. Как правило, в центре города.

Стрельчатые, далеко разнесенные друг от друга окна-витражи — точь-в-точь какие обычно рисуют в иллюстрациях к романтическим историям о рыцарских замках,— сияли разноцветными солнечными огнями, раскрашивая богатую обстановку в немыслимые радужные цвета.

Громадный пушистый ковер застилал весь пол, от стены до стены; посреди ковра поблескивал матовой полировкой широкий низкий стол, окруженный четверкой глубоких кресел.

А в углу, под приспущенным балдахином, стояла кровать. Такая, какую Семен видел лишь в рекламных роликах да фильмах про сладкую безбедную жизнь: где-то метра два на три, с высоким и наверняка очень мягким матрасом. Мечта лентяя. И только сейчас Семен понял, насколько он устал.

— Все, приплыли,— сказал он непонятно кому и, сбрасывая на ходу кроссовки, поплелся к кровати.

— Где это мы? — всполошился Мар.— Куда попали? Ничего не понимаю. Это что же за адресок указал мой бывший хозяин в возвратном заклинании? Надо разобраться. Эй, эй, не спи,— медальон тревожно зазвенел,— не спи, кому говорю! — и замолк. Потому что Семен плашмя упал на кровать, придавив собой воровской амулет, и мгновенно уснул.

— Вот так они все попадаются,— сказал чуть погодя очень раздосадованный и сильно приглушенный одеялом голос.— Уж поверьте, не по моей вине. Да-с, не по моей. А в первую очередь по личной неосторожности. Во вторую — из-за жадности. А в третью — из-за баб... И чего они хорошего в них находят? Не понимаю. Короче, я полностью снимаю с себя ответственность за происходящее, слышишь?.. Не слышит,—

пожаловался одеялу медальон.— Спит. Ну что ты будешь делать! Хоть и Настройщик он, а до приличного вора моему хозяину еще расти и расти. Если, конечно, его раньше не съедят, при такой-то беспечности, о-хо-хо... Ладно, попробую сам все выяснить.— Мар умолк.

Когда Семен проснулся, он секунд десять таращился в окружающий его полумрак, не в силах вспомнить, где он и что с ним такое приключилось, почему он не дома. А когда вспомнил, то расстроился. Расстроился тому, что замечательное приключение оказалось на поверку всего лишь обычным сном. Похмельным и потому очень ярким, но сном. А на самом деле он, видимо, отключился у Вити-художника в новой мастерской и его, Сеню, сонного, перенесли в кладовку, чтобы под ногами не путался, туда как раз завезли пяток гостевых матрасов, именно для таких случаев припасенных. Вот и опробовал...

Семен, сильно переваливаясь, прошел на коленях по пружинистому матрасу, с размаху толкнул рукой дверь кладовки. И, вывалившись через откидной полог, упал на мягкое. На ковер.

— Так это, значит, не сон,— прошептал Семен, глядя на окружающую его обстановку поверх разбросанных кроссовок,— какая радость! Наверное.— Тут он встал, потянулся, взглянул на медальон у себя на груди, посмотрел на темные замковые окна, на стол, сервированный к ужину, с серебряными колпаками над горячими блюдами, с зажженными свечами в многоярусном подсвечнике, и первым делом поинтересовался:

— А где тут...

— Туалет? — с готовностью переспросил Мар.— Прямо и направо. За гобеленом. Гостиничная планировка, ошибиться невозможно. Ага, я же говорил!

Пока Семен решал неотложные, накопившиеся еще с того мира дела, медальон, не тратя зря времени, обстоятельно доложил ему обо всем, о чем только смог разузнать: Мар по своим магическим каналам ухитрился подключиться незамеченным к гостиничной информационной сети и выяснить все интересующее. Как оказалось, возвратное заклинание прежнего владельца было настроено на лучший отель Перекрестка, что было вполне разумно — из Хранилищ, как правило, возвращаются с деньжатами. Если вообще возвращаются. Гости-

ничный номер был предоставлен автоматически, по мгновенному запросу возвратного заклинания с подтверждением гарантированной оплаты; номер, к сожалению, достался не из самых лучших — баронский, из внепространственного запасника. Короче говоря, аварийный вариант. Для таких вот нежданных гостей. Но если Семен против, то...

Семен был не против, совсем не против. Его вполне устраивал и баронский вариант. Даже аварийный. О чем он сообщил Мару, с удовольствием вымывшись под водопадным аварийным душем и вытершись роскошным аварийным полотенцем: баронские туалетные хоромы были обставлены по последнему слову современной сантехники, что само по себе было удивительно. Насколько Семен помнил из исторических фильмов, феодалы, в том числе бароны, понятия не имели о гигиене. Тем более об унитазах и биде. И джакузи. Накинув на себя висевший в стенном шкафчике банный халат, больше похожий на королевскую мантию, Семен вернулся в комнату.

— Но это же Перекресток,— изумился Мар, не дослушав Сениных восторгов,— и ничего в том странного нету. Другое дело, если б мы по нашей заявке да за наши денежки вдруг оказались бы в натуральном баронском жилище: вот уж где действительно свинарник! Никакой цивилизации. Вот это и было бы странно.

— Кстати о деньгах,— спохватился Семен,— денег у меня нет.

— Как это — нет? — развеселился медальон.— А хранилищное золото? А камни? А кошель, в конце концов?

— Я имел в виду местную валюту,— смутился Семен, поняв, что ляпнул очевидную ерунду,— деньги в смысле банкнот. Наличку. Вот начну я золотом где попало расплачиваться, так меня же быстро заприметят! И рано или поздно ограбят. У вас тут часто грабят?

— Кто? — заинтересовался Мар.— Кого? Кто заприметит и кого ограбят? Тебя, что ли? А я для чего? Я же как-никак твой напарник. Телохранитель и советчик. Друг, в конце концов.

— Слушай, друг,— сказал Семен, принюхиваясь к доносящимся от стола запахам,— знаешь что? Я, пожалуй, поем, а ты пока просвети меня, непонятливого, про ваши миры, перекрестки и финансовую систему. Последнее меня особо ин-

тересует. С учетом нашего безразмерного кошелька,— и придвинул поближе к столу тяжелое кресло.

Мироздание, по мнению Мара, было устроено просто и логично. Вначале был создан единый Мир — бесконечный в пространстве и во времени диск. Абсолютно плоский. Но разбитый на Истинные Миры (Семен, когда услышал о плоском варианте Вселенной, чуть не подавился котлетой), которые соседствуют друг с дружкой, изначально закрытые от соседей мощными колдовскими границами. В виде ледяного безвоздушного пространства. Просто так перейти из одного мира в другой невозможно, как ни старайся: сколько бы ты ни путешествовал, а без должного заклинания в итоге все равно вернешься на прежнее место, откуда начал свой путь. Словно по шару гуляешь. Такое вот странное колдовство.

После был создан Перекресток... Кем создан? Да теми же, кто придумал и все остальное мироздание. Древними магами. Богами, всемилостивыми и благими. Аминь.

На этом у Мара познания о мироустройстве закончились, он с облегчением перешел к более понятным ему темам. К самому Перекрестку.

Перекресток, как понял Семен из путаных объяснений медальона, был нейтральным общим миром, где решались основные политические и торговые вопросы всех Истинных Миров. Эдакой глобальной зоной безопасности. Попасть сюда мог далеко не каждый, а лишь тот, кто имел особое разрешение: Мар с гордостью доложил, что у него имеется масса всевозможных разрешений и доступов. И не только в мир Перекрестка, но и во многие другие закрытые места. На естественный вопрос Семена: «Откуда?» — медальон уклончиво пояснил, что была как-то у него с одним из бывших хозяев срочная работенка, спецзаказ по взлому секретного каталога магических доступов. Работу хоть и с трудом, но выполнили в срок, и неплохо на этом подзаработали; вот тогда-то им самим кое-что и перепало. В качестве приза. О чем заказчик, разумеется, и не подозревал.

Вообще у Мара оказалось довольно бурное прошлое: изготовленный в незапамятные времена самим Вирти-тонкоруким — личным ювелиром императрицы, официальным придворным астрологом того времени и неофициальным специ-

алистом по взлому заговоренных сейфов — медальон должен был, по замыслу его создателя, помочь принести ему, Вирти, великое магическое состояние. Сделать его могущественным волшебником. Денег и золота у придворного мага и так хватало, а вот с толковыми, качественными заклинаниями было неважно. Плохо с ними было! То есть вообще — никак. Не хотел никто ими делиться. А медальон с его особой, тонкой настройкой должен был вывести Вирти-тонкорукого на те сейфы, где хранились самые действенные, самые ценные заклинания. Чужие. А если сильно повезет — то даже и на слимп, в реальности которого Вирти ничуть не сомневался, напрочь отвергая официальное мнение. Мнение о том, что никакого слимпа в природе не существует.

Но придворные интриги не дали ему возможности испробовать медальон в действии: через пару дней Вирти повесили по пустяковому, вздорному обвинению. Причем повесили сразу и окончательно, без права воскрешения и реинкарнации. И даже без права посмертного существования. Перед повешеньем Вирти-тонкорукий все же успел отдать медальон своему ученику, не объясняя его особых свойств,— просто передал, сказав ритуальную фразу. Видимо, надеялся он все-таки вернуться с того света, этот ювелир-астролог, не захотел делиться секретом даже с учеником. Да тот тоже не промах оказался: смог самостоятельно вычислить большинство возможностей амулета, чем и не преминул воспользоваться...

Дальше все пошло по проторенной дорожке — медальон передавали по наследству, иногда под виселицей; его дарили по пьянке; его снимали с убитого — продать или украсть амулет было невозможно, снять с мертвого дозволялось — и воровали, воровали... Воровали золото и рабов; воровали с его участием живую воду в Мире Темных Островов и пыль забвения для шаманов Мира Снов; взламывали при его помощи имперские магохранилища, иногда по собственной воле, за плату, иногда по принуждению; воровали тени умерших преступников из Дальнего Реестра, когда по заказу родственников, когда по заказу врагов умерших.

Иногда воровали и ради развлечения, чтобы квалификацию не терять: что-нибудь, да воровали.

Последний хозяин Мара, вор-неудачник с кармическим наказанием в виде хронического невезения, владел медальоном недолго, лет пять всего. Даже воровской амулет не смог спасти беднягу, так уж, видимо, было тому предопределено — быть убитым Блуждающим Стражником. Хоть не повесили позорно, и то дело. А магических состояний никто из бывших владельцев Мара так и не нажил...

Пока Семен кушал мясной салат, запивая его светлым пивом, без названия, но очень вкусным, Мар все продолжал и продолжал рассказывать. Похоже, говорить он мог безостановочно и сколько угодно — нашел себе слушателя! Слушателя, которому было интересно все: и факты, и легенды. Любая информация.

Факты были такие: заклинания, в отличие от вещей, нельзя было ни купить, ни продать, такое уж у них было свойство, иначе они теряли свою силу. Их можно было только обменять на другое заклинание. Или подарить. Или украсть. Чем компаньоны Мара и занимались последние полторы сотни лет, специализируясь исключительно на похищениях редких — и взломах охранных — заклинаний, но никак не на их раздаче! Украденное, согласно специфике колдовства, дарилось заказчику, а заказчик взамен дарил похитителям некоторую сумму наличностью или что иное, по договоренности, и таким образом соблюдалось условие безвозмездной передачи заклинаний. Во избежание их порчи.

Вот так оно все и шло, из года в год, вплоть до того черного дня, когда медальон оказался в Хранилище. Где он надолго и остался. Вынужденно.

Легенд было много. Самых разных: и о лунном дьяволе, и о седьмом сне, и об отраженных зомби, и о счастливом сглазе... Мар даже не стал перечислять их все — Перекресток вобрал в себя мифы множества Миров,— а остановился только на двух легендах. Которые, возможно, и не были легендами. Потому как одна из них неожиданно стала явью: древняя сказка о Настройщике. Об особом человеке, наделенном даром видеть волшебство в любом его проявлении; о человеке, способном изменять эту видимую для него магию как угодно. Перенастраивать по необходимости. И будто бы живет этот Настройщик на обратной стороне Вселенского Диска, изредка приходя

в Истинные Миры, чтобы отдохнуть там от своей нелегкой работы. От поддержания чародейного миропорядка.

Второй рассказанной Маром легендой была история о слимпе. Которого не существует, но слухи о котором прошли сквозь века. О неком... о нечто...— тут медальон запутался в определении, но быстро нашелся,— о какой-то фиговине, настолько сильной, что можно при ее помощи то ли миры запросто создавать, то ли наоборот — запросто их разрушать, хрен его знает! Или что другое интересное делать. А еще в той легенде говорилось, что хранится этот таинственный слимп неведомо где, а ежели кому из людей удастся отыскать его, тогда всем станет хорошо. А особенно тому, кто тот слимп отыщет... Тут Мар как бы невзначай, мимоходом поинтересовался, а нет ли у Семена ненароком с собой слимпа, или как?

— Или как,— ответил Семен, заканчивая ужин,— дома забыл. На кровати. На обратной стороне диска,— и безудержно расхохотался.

Медальон хотел было обидеться, но передумал, о чем и сообщил Семену. Понятное дело, с пониманием сказал Мар, кто же такую ценность с собой в дальний путь берет, когда вокруг столько бесчестного жулья, не то что он, Мар. Ему Семен мог бы этот слимп доверить как собственную дочь, если бы она у него была, потому как ни дочки, ни всякие слимпы ему, Мару, и даром не нужны... Хотя нет, даром взял бы. Из принципа. Но дело не в том,— очень уж ему, Мару, хочется узнать, что же такое этот слимп на самом деле. Увидеть его хочется! В натуральном виде. Но ежели дома забыл... Если это такая тайна...

Нет, не поверил медальон в Сенину историю с газетным заклинанием, очень уж вписывался Семен в известную легенду о Настройщике. А мир Семена, о котором тот говорил — мир без магии, унылый и неинтересный,— ну никак не вписывался в мироздание по Мару. Потому что не существовало таких миров! Не должно было существовать. Даже на обратной стороне Вселенной. Так Мар прямо и сказал Семену, решительно и окончательно расставив все по своим, по правильным местам. Для себя расставив. Так, как оно должно было быть, а не так, как придумал Настройщик по имени Семен.

Семен выслушал этот произнесенный с большим чувством монолог, покивал согласно, отодвинул от себя тарелку и произнес:

— Пусть будет так. Ладно, признаюсь тебе как другу — я и впрямь Настройщик. Чего уж темнить...

— А я что говорил! — обрадовался медальон.— Меня не проведешь! Умный я. Опытный.

— Но дело в том,— понизил голос Семен,— что я новый Настройщик. Старый-то помер, а свое дело мне оставил... Слимп не оставлял, учти. Пошутил я про кровать... Ну, я там все наладил по-серьезному, чтобы работало долго и как надо, и прямиком сюда, к вам. Поглядеть, что да как. Много наслышан, а вот бывать в ваших краях как-то не приходилось... Работа у меня такая — особая, настроечная. Много не погуляешь. Короче, я сейчас в отпуске и намерен хорошенько отдохнуть. Развлечься.

— Как долго развлекаться будем? — деловито поинтересовался медальон.— Год, два? Десять лет? Пару столетий?

— А сколько получится, столько и будем,— усмехнулся Семен.— Пока назад не призовут. На ту сторону. Лет пятьдесят, думаю, погуляем, если при правильном образе жизни. А то и больше.

— Я почему спрашиваю,— смущенно пояснил Мар,— тут такое дело, понимаешь... Если год, то ничего, протянем. А если больше, то...

— Не понимаю,— признался Семен.— Ты прямо говори! Учти, я Настройщик молодой, неопытный. Ничего в ваших Мирах и в вашем колдовстве не понимаю. Так что ты поконкретней, ладно? Не стесняйся. Руби правду, я согласен.

— Хорошо,— покорно согласился медальон,— рублю. Работать придется, вот что. На одном золоте не проживешь. Нет, поесть-попить, конечно, можно... Дом купить или магазин какой — запросто. С голоду не умрешь. Но если гулять, да еще полвека, тогда одного золота мало. Заклинания нужны, вот как. Чтобы из мира в мир перелетать, чтобы... Чтобы ни от кого не зависеть! — нашел верную фразу Мар.— Мое-то колдовство короткое, одноразовое... Ну, не одноразовое,— поправился амулет,— но конечное. Подзаряжать его надо. Да и во-

обще... Болтаться без дела пятьдесят лет, попросту проедая золото,— фу! Не по мне это. Тоскливо.

— И не по мне тоже,— серьезно согласился Семен,— так что будем работать. Слушай, может, мне в армию податься? К Магическому Двору. И Миры посмотрим, и заодно с магией что-нибудь придумаем. Как, а?

— Ты чего? — опешил Мар.— Пиво в голову ударило? Вот еще, в армию! Объявлению поверил, ха-ха. Хе-хе. Запомни, что в хорошие места не зовут. А тем более не вербуют. Армия! Что ты о ней знаешь... Был один тип, лет пятнадцать меня носил, пока за бутылку очередному вору не променял,— так вот, этот типчик из армейских был. То ли дезертировал он, то ли выперли его за пьянку, не знаю. Не говорил. Зато об армии, как надерется, много чего собутыльникам рассказывал. И знаешь, что я понял из его болтовни? То, что творческому человеку делать там нечего. Вот и весь сказ.

— Коротко и по существу,— оценил услышанное Семен.— Убедил. А кем же тогда? Работать — кем?

— По специальности,— уверенно ответил Мар,— вором с прикрытием. Поверь, в этом деле нам не будет равных! Ты, с твоим талантом, и я, с моим опытом... Да мы кого хочешь обставим, было бы кого.

— Согласен,— не раздумывая сказал Семен.

Чего уж тут думать! Более надежного и опытного спутника, чем Мар, он, при всем своем желании, вряд ли найдет в этих странных Мирах. А что до воровства... Не белье с веревок тырить будут, в конце-то концов! Не по карманам шарить.

— Только у меня одно условие,— предупредил Семен.— Не хочу я быть вором с прикрытием. Не звучит оно как-то... Давай лучше так: буду я называться специалистом по отладке заклинаний. Просто и многозначительно.

— Как скажешь,— безмятежно согласился Мар.— Хоть заклинателем пиявок. Суть от этого не меняется.

На том и порешили.

...Пока они так мило беседовали, за многоцветными окнами забрезжил рассвет. Наступило утро.

— Думаю, пора и на волю,— заметил Семен, мельком глянув на окна,— в люди пора. Хочу посмотреть, что за Перекресток у вас такой. Самое время.

— Здесь и днем и ночью самое время,— усмехнулся Мар,— особенно ночью. На Перекрестке по ночам не дрыхнут, а дела делают! Или развлекаются. Столица Миров как-никак. Неофициальная.

— Да? — удивился Семен, который хоть и не считал себя провинциалом, но к бурной жизни больших городов был непривычен.— Что же ты раньше не сказал? Пошли бы ночью. Интересно ведь!

— Пока не стоит,— охладил его пыл медальон.— Шастать по ночам можно тогда, когда знаешь — где, что и как. Чтобы на лишние неприятности по глупости не нарваться.

— Так,— сказал Семен,— понятно. Ладно, пошли тогда при дневном свете разбираться где чего. И как. За гостиницу кому платить?

— Положи на стол то, чем решил расплатиться,— посоветовал Мар,— и скажи: «В расчете». Если оплата устроит, нас выпустят.

— А если не устроит? — полюбопытствовал Семен, шаря в кошельке.— Что тогда? О, чего-то нащупал...— Он достал из мешочка золотую монету и положил ее на стол.

— Если не устроит, тогда познакомишься с полиментами, со скорым судом и высылкой в Исправительный Мир,— доброжелательно пояснил медальон.— Не самое лучшее место. Бывал я и там.

— В расчете,— произнес Семен: монета исчезла со стола и через пару секунд на столешнице возникла тонкая пачка фиолетовых купюр, перетянутых резинкой.

— Сдача,— коротко пояснил Мар.— Монету проверили, оценили, и теперь мы можем убираться куда угодно.

— Быстро у вас здесь,— уважительно сказал Семен, засовывая пачку в плотный джинсовый карман,— лихо.

— У нас тут все быстро,— вздохнул медальон.— Иногда чересчур...— но вдаваться в подробности не стал.— Первым делом,— немного подумав, сказал Мар,— надо тебя как следует приодеть. В лучшем магазине. А то что же ты за вор с прик... извиняюсь, специалист по отладке, если весь из себя такой ободранный! Тебя как, прямиком в магазин, или самостоятельно, пешочком по улицам? Для ознакомления.

— Пешочком,— решил Семен,— и по центральным. А как же! Гулять так гулять,— и в ту же секунду оказался на улице.

Мир Перекрестка, похоже, ничем особо не отличался от привычного Семену земного. То же солнце в голубом, по-утреннему чистом небе, та же зеленая трава на газонах, те же деревья в скверах. Но все остальное...

Воздух был чист — это в первую очередь отметил для себя Семен, глотнув его от неожиданности полной грудью, не привык еще к мгновенным перемещениям — и без городского бензинового привкуса. Лесом пахло, травяной свежестью. Цветами.

Проспект, на котором очутился Семен, стрелой уходил вдаль; широкие тротуары были заполнены прохожими в самых странных и экзотических одеждах. Моды и стили были перемешаны напрочь и, судя по всему, это никого не шокировало — никто ни на кого не обращал внимания, спеша по своим делам. Во всяком случае, на Семена не оборачивались.

По проезжей части разъезжали дивные разномастные кареты, некоторые с лошадьми, а некоторые и без; среди них то и дело мелькали привычные для Сениного глаза машины, то современные, каплевидные, то угловатые и нелепые, словно удравшие из музеев,— но ни одна из них не рычала двигателем, выбрасывая выхлопные газы. С экологией в этом мире, похоже, был полный порядок.

Дома, выходящие своими фасадами на проспект, тоже поражали воображение: нигде Семен не видел такой планировки. Если это, конечно, можно было назвать планировкой. Современные многоэтажные небоскребы — сталь, бетон, зеркальные стекла — соседствовали с величественными готическими замками и напыщенными султанскими дворцами, стена к стене, изредка прореживаясь маленькими аккуратными парками.

Все выглядело настолько непривычно, что у Семена закружилась голова, он перевел взгляд на небо, чтобы немного прийти в себя... И чуть не упал: по небу неторопливо плыл косяк летающих тарелок. Классических неопознанных объектов, ослепительно блестящих под солнечными лучами; тарелки почетным эскортом сопровождали черный пузатый дирижабль. Под дирижаблем развевался вымпел с броской алой надписью «Дипломатический».

— Однако,— пробормотал Семен.

— Что, пробирает? — весело поинтересовался медальон.— Перекресток, он и есть Перекресток. Нам прямо,— и чуть потише добавил: — Ты сильно по сторонам не глазей, не надо. И кошель рукой придерживай. На всякий случай. Я, ежели что, о нем позабочусь, можешь не беспокоиться, но все же...— и умолк.

Семен кашлянул, принял озабоченный вид и деловой походкой двинулся в путь.

ГЛАВА 3
Самонастраиваемый Лицензионный Имперский Маскировочный Прибор

Магазин одежды меньше всего походил на магазин. И Семен точно прошел бы мимо — остановился бы, поглазел, но прошел,— если бы Мар вовремя не скомандовал:

— Тпру! Приехали. Нам сюда, направо,— и захихикал, увидев Сенину реакцию.

— Сюда? — поразился Семен.— В этот... Ты уверен?

— Уверен, уверен,— с усмешкой подтвердил медальон,— именно сюда. В этот.

Справа от Семена, за громадной — от тротуара до второго этажа — стеклянной витриной, на фоне искусственного тропического заката, в самых непринужденных позах сидели, стояли и лежали дамочки в роскошных одеяниях. Те, которые стояли, и те, которые сидели в креслах, были одеты хоть и пестро, но вполне приемлемо. А вот те, которые томно возлежали на низких диванах, были почти без ничего: то, что имелось на них, кружевное и воздушное, одеждой назвать было никак нельзя. Потому что оно ничего не закрывало. Скорее наоборот, подчеркивало.

— Что-то не похоже на магазин...— неуверенно сказал Семен, робко делая шаг к витрине.— На другое похоже. На бордель какой-то.

— Можно подумать, ты раньше в наших магазинах бывал,— резонно заметил Мар.— Ох и провинция эта ваша обратная сторона мира, как я погляжу! Ох и темнота. Бордели, между прочим, совсем по другому разряду оформляются. Не так бро-

ско. Я тебе потом покажу, если захочешь,— пообещал Мар и довольно захохотал.

— Где тут дверь? — сухо спросил Семен, оставляя без внимания последнюю реплику.— Как туда войти?

— Просто,— пояснил медальон,— иди сквозь красавиц, и все. Это же мираж. Реклама.

— А стекло? — на миг задумался Семен.— Что, мне и сквозь него идти? Сквозь витрину ломиться, что ли?

— Какое стекло? — теперь уже удивился Мар.— Нету там никакого стекла. И быть не может. Э, да ты что-то магическое небось углядел... Наверное, защита там у них какая-то, от пыли или дождя. Безвредная.

— М-да-а, есть, однако, и свои недостатки в твоем особом зрении,— озаботился вслух медальон.— Видеть преграды там, где их нет... Это, знаешь ли, может однажды нас крепко подвести. Ты вот что — если увидишь чего непонятное, немедленно меня спрашивай. Я-то сразу скажу, настоящее оно или так, волшебное. Обман твоего зрения.

— Ладно,— сказал Семен,— договорились,— и, на всякий случай зажмурясь, шагнул в витрину: стекла, как и предупреждал Мар, не оказалось. Лишь теплый ветер мазнул Семена по лицу.

Магазин внутри оказался небольшим, без привычных для Семена прилавков, вешалок и кабинок примерки. Да что там кабинок — даже одежды в нем не было, в этом хваленом магазине! А был в наличии лишь скучающий продавец, худой и подозрительно румяный, да непонятный круглый постамент посреди зала. И все.

— А где одежда? — требовательно спросил Семен у внезапно затихшего медальона.— Костюмы где? Может, я не туда попал?

— Туда, туда,— убежденно заверил продавец,— не сомневайтесь. Вы, я так понимаю, издалека будете?

— Из очень далекого далека,— согласился с ним Семен.— А у вас что, только дамская одежда в наличии имеется? А то на витрине, знаете ли...

— Судя по всему, вы действительно нездешний.— Продавец, загадочно улыбаясь, оглядел парня с ног до головы и неожиданно подмигнул ему.— И наверняка с Окраинных Миров. Первый день на Перекрестке, да?

— Первый,— вздохнул Семен.

— Тогда приступим,— решительно сказал румяный продавец, доставая из ниоткуда блокнот и ручку.— А для того, чтобы правильно подобрать нужный костюм, я должен задать вам несколько простых вопросов. Попрошу отвечать быстро и не задумываясь! Итак. Какая историческая эпоха вам больше нравится? Ваш любимый цвет? Сексуальная ориентация? Мучили ли вы в детстве животных? — Продавец, не прекращая допроса, раскрыл блокнот и приготовился записывать.— Боитесь ли вы своего отражения? Часто ли случаются у вас запоры? Если бы у вас был слимп, то какой бы мир вы создали первым — простой или перевернутый?

— Мне бы одеться,— пробормотал Семен, затравленно озираясь и пятясь к выходу,— какие к черту отражения... куртку бы да штаны поновее... дурдом какой-то.

— Скажи ему, что у тебя наступил шестой уровень агрессивности,— серьезным голосом посоветовал медальон,— что ты спишь, когда хочешь, и всегда помнишь лик своего отца, а все метийцы — ублюдки и сволочи. И у них гнилые зубы. И уверенней говори! Надменно.

Семен открыл рот, закрыл. Продавец, размахивая ручкой, наступал на Семена, продолжая заглядывать в свой блокнот:

— ...Вызывает ли у вас цифра семь желание отхлестать самого себя ремнем?..

— У меня, между прочим, шестой уровень агрессивности,— слабым голосом сказал Семен.— И цифр я не знаю. И букв тоже. Неграмотный я.

— Надменней! Хами, кому говорю! — зашипел медальон.— А то не отвяжется.

— Шестой уровень! — гаркнул Семен.— У меня! Агрессивности, век воли не видать! Сплю, когда хочу, лик папашки своего помню, зубы лечу. А все метийцы — гады и уши не моют.

— Про уши, знаешь ли, перебор,— задумчиво сказал Мар,— хотя кто знает, кто знает...

Продавец умолк на полуслове, сначала побледнел, а после пошел багровыми пятнами. Мгновенно спрятав блокнот и ручку в никуда, он рухнул на пол и распростерся перед Семеном ниц.

— О светлоликий! — с горечью взвыл продавец, неудобно выворачивая голову, чтобы хоть как-то видеть Семена.— Не вели своей страже меня занормаливать! Не понял я, что шутишь ты, под видом чужеземца пришедший, верных слов не помнящего. Да будет сон твой глубок и лик отца светел!

— То-то же,— грозно произнес Семен.— Давай обслуживай. И быстро. А то я к седьмому уровню запросто перейду. А после и к восьмому! Я в гневе страшен.

— Повинуюсь,— продавец вскочил, как на пружине подпрыгнул и опрометью кинулся к круглому постаменту.

— Слушай, что я ему такое сказал? — тихо спросил Семен у медальона, направляясь следом за продавцом.— Обидел его, что ли? Вон как носится. Как наскипидаренный.

— Разумеется, обидел,— охотно подтвердил Мар.— Еще как обидел! Оскорблениями, дозволенными к публичному произношению лишь лицам королевской крови. У них там строгая иерархия насчет ругательств, в их Чистоледном Мире,— медальон зло хохотнул.— Гаденький мир. Все как один на психоанализе сдвинуты. В общественный сортир без опроса не пустят! Да и вообще, не люблю я метийцев с их татуированным румянцем. Один из моих хозяев был метийцем. Это, если ты не знаешь, низшая каста сотелей. А сотели...

— Отстань,— нервно попросил Семен,— а то я обрушу на тебя свою шестиуровневую ярость. Нечего меня подставлять! Наговорил, понимаешь, человеку из-за тебя черт знает что. Даже неудобно... За царя себя выдал! Тьфу.

— Ничего,— утешил Семена медальон,— зато он теперь в лепешку разобьется, но предоставит нам то, что нужно.

— А что нам нужно? — удивился Семен.— Одежда, она и есть одежда.

— Ты давай иди,— уклонился от ответа Мар,— сначала посмотрим, чего у них в наличии имеется.

А в наличии имелось все. Круглый постамент оказался и гардеробной, и складом готовой одежды одновременно: едва только Семен подошел к нему, как над постаментом вспыхнуло белое неоновое зарево и стали в том зареве появляться развернутые в полный рост костюмы, один другого краше. Повисев несколько секунд в воздухе, очередной костюм исчезал, уступая место следующему. И все они имели ярко выраженный мо-

нарший стиль. Во всяком случае, неизменная горностаевая мантия и бриллиантовые украшения по всему воротнику наталкивали именно на такую мысль.

— Тю! — с досадой воскликнул Мар.— Он же тебе королевские шмотки предлагает.

— Разумеется,— вполголоса, чтобы не услышал продавец, огрызнулся Семен,— меньше ругаться надо было. По-королевски.

— А ты дай ему в ухо,— кровожадно посоветовал медальон.— И скажи, что тебе нужен маскировочный комплект типа «Хамелеон». Или «Летучая мышь» на худой случай. Или что-нибудь подобное. Откуда я знаю, чего они тут за десять лет понапридумывали.

— Не буду я в ухо,— мотнул головой Семен,— хватит с него сильных впечатлений. Еще помрет от волнения... Эй ты, метиец! — спесиво обратился он к продавцу, снова входя в роль капризного царька.— Этого барахла у меня и так навалом. Все шкафы забиты. Ты мне «Хамелеон» подавай! Или «Бэтмана».

— Какого еще бэтмана? — опешил Мар.— Не говорил я такого.

— Или «Летучую мышь»,— поправился Семен.— Желаю. Маскировочную.

— Но, ваше величество... Это же имперские военные склады!— На продавца словно напал столбняк, он замер, в отчаянии воздев к потолку руки.— Секретные! Нет у меня к ним допуска. Не велите меня занормаливать, не виноват я... Может, лучше охотничий костюмчик бесплатно возьмете, а? Со складной походной короной.

— О допуске заговорил,— удовлетворенно пробормотал Мар,— откупаться пробует. Значит, вот-вот дойдет до кондиции и не будет протестовать, ежели мы из его магазинчика прямиком в склад сунемся. Так. Какой там у них на складах допуск? — приглушенно забормотал Мар.— Не то, опять не то... Ага! Есть. Можешь меня предъявлять. Приложи к постаменту... С шеи меня сними и приложи. Нельзя перед подданными спину гнуть... Вот так.

В неоновом свете возник серенький невзрачный комбинезон из тонкой глянцевой материи, с еле заметной молнией от воротника до пупка; пристегнутый закругленный капюшон парил

над ним в воздухе, словно нахлобученный на чью-то невидимую голову.

— Так вот ты какой, «Хамелеон» имперский,— задумчиво сказал Мар,— много наслышан, а видеть не приходилось. Бери его скорей и сваливаем, пока нас не засекли! Допуск допуском, но и о сигнализации не надо забывать. Наверняка где-то к нему прицеплена.

— Эта, что ли? — Семен пригляделся: от комбинезона, от пояса, тянулся в сторону и таял за пределами неонового сияния оранжевый огненный шнурок. Недолго думая Семен протянул руку, легко оторвал невесомый шнур от материи и завязал его конец узелком. Так, на всякий случай. Освобожденный шнурок дернулся и скользнул куда-то за пределы видимости; комбинезон, внезапно став материальным, упал на постамент серой кучкой.

— Ну-с, будь здоров и не забывай по утрам зубы чистить,— назидательно сказал Семен продавцу, беря комбинезон под мышку,— и уши мой. И румянец чаще подкрашивай,— затем покопался в кошельке, вынул пригоршню золотых монет и небрежно швырнул их под ноги сникшему продавцу.

— Эй, ты чего-то чересчур щедрый! — возмутился Мар.— И половины хватило бы. Денежки-то ему лично пойдут, а не в казну — никто в здравом уме не станет афишировать, что с его помощью секретный склад бомбанули. Тем более перечислять такие деньги в военное ведомство.

— Царь я или не царь? — не повышая голоса сказал Семен.— Как хочу, так и плачу. Имею право! Конституцией не запрещено,— и направился к выходу.

Окинув на прощанье миражных девиц пристальным взглядом, Семен пошел дальше по улице, на ходу пытаясь разглядеть обновку.

— Только не здесь! — всполошился медальон.— Зайдем в какой-нибудь скверик, там можно будет и переодеться.

— Было бы во что переодеваться,— вздохнул Семен.— Купил с твоей подачи... можно даже сказать — со склада спер... а чего купил-спер — непонятно. Больно оно невзрачное, это приобретение. В таком только спортом заниматься, по стадиону бегать. И то при хорошей погоде и без зрителей. Чтобы не засмеяли.

— Хе,— сказал Мар,— хе-хе. Посмотрим, что ты потом скажешь. Когда переоденешься.

— Кстати,— вспомнил Семен,— а как это продавец ухитрился меня вычислить? То, что я приезжий?

— По вопросу о дамской одежде,— охотно пояснил Мар.— Потому что старожил таких дурацких вопросов задавать не стал бы. Это же реклама! А задача рекламы — привлечь внимание. Вот потому мужики и видят на витрине расфуфыренных теток. А был бы ты женщиной, увидел бы совсем другое.

— Да? — удивился Семен и нахмурился задумавшись.— А если мужчина вдруг увидит там не женщин? А, скажем, тоже мужиков? Полуголых.

— Э, какая продавцам разница,— отмахнулся медальон,— да хоть кобылу в розочках. Главное, чтобы покупатель в магазин зашел. У нас, братец, в личную жизнь лезть не принято. Ты, главное, деньгу давай, а все остальное никого не касается... Вот подходящий скверик,— Мар качнулся на цепочке, потянул ее, словно потяжелел внезапно.— Кусты высокие, полиментов не видно... Можно переодеваться.

— Да кто они такие, ваши полименты? — Семен, быстро сбросив грязные джинсы, рубашку-безрукавку и кроссовки, принялся натягивать комбинезон на себя. Легкая материя была на ощупь теплой и шелковистой, серая ткань словно скользила по телу — создавалось такое странное впечатление, будто бы это не Семен надевал комбинезон, а комбинезон вбирал в себя Семена.

— Во всех мирах есть службы охраны,— пояснял тем временем Мар,— где полиция, где милиция. Где стража. Здесь — полименты. Ясно?.. Эй, ты свои прежние шмотки просто так в кусты не бросай, нельзя ношеным барахлом раскидываться! Еще наведут через него на тебя порчу. Или отыщут нас поисковым заклятием... Бери старье с собой, сожжем его где-нибудь по пути. Во избежание неприятностей.

— Ну ты уж скажешь,— недоверчиво покачал головой Семен,— порчу наведут. Мистика какая-то. Колдовство — это да, согласен. Но порча...

— Никакой мистики,— запротестовал медальон,— сам сколько раз порченых видел. Ладно, хватит болтать. Оделся? Капюшон можешь пока в кармашек спрятать, он там, на спине.

А теперь представь себе, во что бы ты хотел одеться. Только тщательно представляй! С подробностями.

Семен призадумался. Ничего путного в голову не лезло, так, ерунда всякая. Придумывать себе опять джинсы и рубаху было глупо, а на большее фантазии не хватало. Ну не костюм-тройку же изобретать!

— А вот деловых костюмов не надо,— подал голос Мар,— ты образно думай, не стандартно. У нас стандартно только госслужащие одеваются.

Семен невольно глянул на себя — вместо комбинезона на нем был серый мешковатый костюм. Костюм-тройка на голое тело.

— Понятно,— уверенно произнес он, хотя ничего толком и не понял,— образно, говоришь?..— и стал думать образно, то есть вспоминать иллюстрации ко всем прочитанным им когда-то книжкам. Конечно, гораздо уместнее сейчас было бы припомнить какой-нибудь журнал моды, но такими журналами Семен никогда не интересовался.

— Не то,— категорически забраковал Мар первую Сенину попытку одеться в наряды книжных героев, и вторую забраковал. И десятую тоже не одобрил. А вот от двенадцатой пришел в восторг.

— То, что надо,— одобрительно сказал медальон.— Простенько и со вкусом. Сам выдумал или подсмотрел где?

— Читал,— рассеянно ответил Семен, оглядывая себя с некоторым изумлением.

Серый комбинезон исчез, превратившись в смутно знакомые Семе одежды: кожаный камзол и кожаные штаны-чулки— все ночного черного цвета — отливали тусклым серебряным тиснением; стоячий воротник и манжеты черной же рубашки были оторочены серебристой канвой, в чем Семен лично убедился, специально оттянув жесткий воротничок в сторону и страшно скосив на него глаза; длинный черный плащ-накидка с плотным серебряным шитьем по краям ниспадал на черные мягкие сапоги. Сам плащ был застегнут у шеи небольшой серебряной брошью в виде розы. Руки закрывали щегольские черные с обязательным серебряным отливом перчатки.

— Кажется, шпага еще должна быть,— пожаловался Семен, привязывая кошелек к широкому черному поясу,— в таком

же стиле. На черной перевязи и в серебряно-черных ножнах. А ее нету. Не комплект!

— Не положено,— отрезал медальон,— оружие при надобности отдельно покупается. Это же маскировочный костюм, а не арсенал.

— Ну раз отдельно,— с сожалением вздохнул Семен,— тогда и без шпаги можно походить. Временно... Как бы мне от этих перчаток избавиться, надоели уже, честное слово, кошелек толком привязать не могу... Ух ты, пропали! — Он изумленно уставился на свои голые руки.— Удобно, ничего не скажешь.

— То ли еще будет,— самодовольно заметил Мар,— зря, что ли, я полночи нужный магазин вычислял. Хорошо, что метийцы народ консервативный и скучный, сколько лет в одном и том же месте одежную лавочку держат. Не подвели на этот раз, честь им за то и хвала... Я тебе говорил, что терпеть их не могу?

— Так ты что, все нарочно подстроил? — возмутился Семен, уперев под плащом руки в бока.— И меня не предупредил?

— Разумеется,— спокойно согласился медальон,— придумал и подстроил. Нужна была импровизация. Если не боишься умных слов — адекватная реакция. А если бы ты все заранее знал, фиг бы что у нас с тобой получилось! Актер из тебя не очень, не умеешь ты пока свои эмоции контролировать. У тебя же все на лице написано. Неубедительный из тебя царь вышел бы, ты уж извини за прямоту. Подумаешь, слукавил я чуть-чуть, так ведь для пользы дела... Зато у нас теперь «Хамелеон» есть, последней модели. Да за такой костюмчик любой вор не то что душу заложит — сам себя украдет и перепродаст!

— Ну, знаешь ли,— растерялся Семен, не находя слов,— ну вообще. Актер из меня плохой, скажет еще! Ты выражения-то выбирай.

— Понятно,— усмехнулся Мар.— Значит, насчет всего остального не сердишься? Насчет импровизации.

— Да в общем-то нет,— подумав, признался Семен.— Только на будущее давай без запланированных неожиданностей, ладно? А то я обижусь.

— Обещаю,— преувеличенно честным голосом поклялся медальон и тихонько захихикал.

Семен решил, что лучше не выяснять причин столь неожиданного веселья и, взяв сверток с вещами под мышку, он прогулочным шагом направился в глубь сквера. Высокие деревья, росшие вдоль аллеи, шелестели густой листвой под теплым ветром. Солнце уже поднялось довольно высоко и заметно припекало желтую аллейную брусчатку: было около полудня. Но Семен в своем черном одеянии ничуть не страдал от жары — скорее, ему было прохладно. Словно в новой одежде был спрятан микрокондиционер, поддерживающий оптимальную температуру. Может, так оно и было на самом деле, Семен не задумывался о таких пустяках — хорошо себя чувствует, и ладно. Бытовые чудеса воспринимались уже как должное.

По веткам деревьев прыгали серые белки, изредка прицельно кидая в одинокого прохожего мелкие орешки; было тихо. Только иногда порывами налетал ветер, шумел листьями, и тогда белки замирали на своих ветках, испуганно оглядываясь по сторонам. У Семена заскребло на душе — больно уж этот уютный пейзаж напоминал центральный городской парк в далеком родном городе. Не хватало лишь детворы, мороженщиков с ларями, аттракционов и кинотеатра. И пьяных.

— Чую,— загробным голосом внезапно изрек медальон,— не одни мы тут. Печенкой чую! Следят за нами, что ли? Ты давай не зевай, по сторонам поглядывай,— Мар тревожно зажужжал, словно маленький трансформатор.

— Откуда у тебя печенка,— усмехнулся Семен: в слежку верилось слабо, какая еще может быть слежка в таком славном месте.— Ты чего разгуделся? Комаров отгоняешь?

— Это присказка такая, про печенку,— нервно ответил медальон,— и, пожалуйста, не отвлекай меня от выполнения моих прямых обязанностей! От твоей охраны. Надо все защитные блоки на всякий случай подготовить.

— Было бы от кого охра...— Семен осекся.

Впереди, шагах в десяти от него, из-за кустов резко вышел невысокий худенький человек — даже не человек, а человечек, большеголовый карлик,— в белом чистеньком костюмчике, больше похожем на плотно облегающий скафандр. В одной руке человечек держал что-то вроде коробки с ручкой, тоже белого цвета.

На ходу развернувшись к Семену в шаге, как солдат на плацу, карлик несколько театральным жестом нацепил себе на нос узкие темные очки, заранее припасенные в другой руке, прижал коробку к груди и быстро откинул ее боковую крышку. Внутри коробки на пружинной подставке лежал здоровенный, налитый кровью глаз.

— Не смотри! — в панике крикнул Мар.— Окаменеешь!

Вокруг Семена Владимировича вспыхнуло насыщенное фиолетовое зарево — это медальон спешно включил один из своих защитных блоков. Наверное, особый блок от дурного глаза.

От белой коробки к фиолетовому зареву протянулся грязно-коричневый луч, больше похожий на материальное щупальце, чем на нематериальный взгляд.

— Уроды! — натужно взвыл Мар.— До чего же чужих ненавижу! Ох, колется как... Ходу, ходу отсюда! Меня надолго не хватит. Глаз шибко мощный, свежий... И где они, гады, их берут?

— Ах так! — разозлился Семен.— Значит, так, да? — и, швырнув в сторону одежный сверток, не бросился наутек, как советовал медальон, а высунул руки за фиолетовое сияние и сгоряча ухватился за коричневый луч. Голыми руками.

Ощущение было неприятное, словно Семен сжал в руках шланг работающего дерьмовоза: скользкий луч вибрировал и дергался, так и норовя из них выскользнуть.

Карлик демонически хохотал, тыкая в сторону Семена свободной ручкой, всхлипывал от смеха и изредка показывал Семену Владимировичу нехороший жест. Тот самый, который был выгравирован у Мара на обратной стороне.Знак ручной работы в единичном экземпляре.

— Ну я тебя, паршивца,— вконец осатанел Семен, рывком отодрал полупрозрачный шланг от поблекшей фиолетовой защиты и, покряхтывая от напряжения, отогнул его в сторону, нацелив коричневую кишку на веселого карлика; взгляд, как Семен и надеялся, сразу же удлинился и жадно уткнулся в самого карлика и в его коробку.

— Опс,— изумленно сказал белый человечек и окаменел, превратившись в беломраморную статую: вид у статуи — в мраморных черных очках, с протянутой вперед рукой и торчащим из кулака кривым пальцем — был крайне хулиганский.

Налитый кровью глаз не успел сомкнуть свои веки и тоже окаменел — вывалившись из коробки, он бильярдным шаром прокатился по теплой брусчатке и застрял где-то в кустах.

— Мы что, победили, да? — словно не веря в случившееся, слабым голосом спросил Мар.— И как ты это сделал?

— А ты что, не видел? — Семен подобрал сверток, обогнул статую по большой дуге и трусцой поспешил прочь.

— Не видел,— вздохнул медальон.— Самое интересное как раз и пропустил: защиту держал. Тут уж не до разглядываний.

— Где бы руки помыть? — Семен на ходу сорвал с кустов пригоршню листьев и с отвращением стал оттирать ладони, хотя они были совершенно чистыми.— Чего он хотел, этот карла-марла? Налетел ни с того ни с сего. Псих какой-то. Ты можешь мне объяснить, что случилось?

— Конечно, могу,— уверенно ответил Мар.— На тебя напал один из чужих с глазом василиска в чемодане. Или Медузы Горгоны из Каменного Мира. Говорят, что она ими иногда приторговывает, когда на мели сидит. Ей это раз плюнуть — вырвала, а через день новый вырастает. Хм, интересно, а Медуза глаза себе под местным наркозом рвет или так, по-простому? Э... о чем это я? Ах да. Значит, напал на нас чужой, но почему-то сам окаменел. Видно, бракованный ему глаз попался. Контрабандный.

— Зачем напал? — официально, как на допросе спросил Семен.— С какой целью?

— А кто его знает,— не менее официально ответил Мар,— не сказал. Напал, и все тут. Может, перепутал с кем. А может, пошалить решил. Кто их, чужих, знает! Они все чокнутые и уроды. Изначально. Так ты мне все же не ответил, что случилось-то на самом деле.

Семен кратко объяснил — и про липкий коричневый взгляд, и про то, как изогнул его. И что из этого вышло.

— Вот все время забываю, что ты Настройщик,— с досадой воскликнул Мар, выслушав рассказ.— Отношусь к тебе как к этому... А ты — ого! Нет, надо тобой серьезно заняться, ох как надо. Поднатаскать тебя в основах магии, теории обучить. С умными людьми познакомить. В конце концов, есть же на свете хоть где-то умные люди! А то делать ты что-то можешь, и еще как можешь,— так, как никто другой не сумеет,— а вот

чего делаешь, небось и самому непонятно. И мне непонятно. А все, что непонятно,— опасно. Можно рано или поздно на этом непонятном крепко погореть.

Да и вообще как-то оно по-дилетантски, знаешь ли,— колдовские взгляды руками гнуть, узелочки на армейских сигнализациях вязать... Несерьезно. Глобальней надо! А без учебы ничего глобального у нас с тобой не выйдет.

— Ты что, заметил, как я сигнальный шнур узлом закручивал? — уязвленно спросил Семен.— А придурялся, что охранного колдовства не видишь. Которое высшего уровня.

— Шнура не видел,— с сожалением признался Мар.— Видел лишь, как ты руками узел в воздухе крутил. И сообразил, что ты делаешь. Ладно, нечего ругаться — надо из парка поскорее уходить. Не то еще на второго чужого нарвемся — они всегда парой ходят. И второй далеко не карлик... Или полименты к свежей статуе слетятся, с них станется! Шастают на скоролетах где ни попадя. Носятся, понимаешь, как полуночные ведьмы на помелах, тьфу на них.

— А кто такие «чужие»? — спохватился Семен, вспомнив интересный фильм с таким названием.— Не похожи они на ящеров! Те с зубами и хвостом. И с кислотой вместо крови.

— А почему они должны быть на ящериц похожи? — заинтересовался медальон.— Никогда о таких не слышал. Что, новая разновидность появилась? И где ты их видел? С кислотой вместо крови, надо же! Брр, какая дрянь. Ох и буйная же у тебя фантазия... Я тебе потом про чужих расскажу. Если попросишь.

Сквер закончился большими чугунными воротами, живописно вставленными в ажурную декоративную решетку. За воротами кипела дневная городская жизнь, и никому не было дела до Семена с его необычными возможностями и с его загадочными проблемами — обычная жизнь обычного столичного мира, абсолютно равнодушного ко всему, кроме денег. Так, во всяком случае, подумалось Семену. И он был недалек от истины.

— Время обеда,— флегматично сообщил Мар.— Можно зайти в ресторан. Я-то есть не буду, что-то не хочется. И никогда не хотелось. Но тебе советую. Знаешь, говорят, что нервные стрессы лучше всего лечатся хорошей едой.

— Закуской,— с усмешкой поправил его Семен.

— Тебе виднее,— не стал спорить медальон.

Семен гордо расправил плечи и пошел вдоль сказочных домов, задрав нос и твердо ступая по мостовой. Похоже, его черно-серебряная одежда вызывала у встречных прохожих необъяснимое замешательство — они пялились на него и старались уступить ему дорогу. Шарахались в стороны, если уж прямо. Семен шел, непрестанно хмурясь и косо поглядывая по сторонам,— то ли его расстроило происшествие с гнусным карлой, то ли есть хотелось зверски, он и сам не мог понять.

— От нас шарахаются,— нейтральным голосом сообщил Мар.— У тебя с одеждой все в порядке? Ширинка застегнута?

Семен быстрым движением руки проверил:

— Все в порядке. Ее вообще нет.

— Странный покрой,— заметил медальон,— такую важную деталь, и упустили.

— Ничего странного. В книжках о таких мелочах не пишут,— отмахнулся Семен.— Потому я ее и не учел. Приспичит — сама появится. У меня костюм самонастраивающийся. Хочешь — перчатки тебе, хочешь — ширинки. Хоть две штуки.

— Интересная мысль,— поддакнул Мар.— Две ширинки. М-да-а... Наводит на размышления.

Семен усмехнулся, но ничего не сказал.

— Кстати, у нас по пути огненная урна,— заботливо предупредил медальон,— не забудь выбросить в нее сверток. Вон, драконья башка красуется. Видишь?

Семен видел. Небольшая драконья голова на короткой шее и с широко раскрытой пастью торчала прямо из тротуара возле проезжей части; над пастью дрожал горячий воздух.

— Остроумно,— одобрил Семен, бросая по очереди свои вещи в раскаленную пасть,— безотходная утилизация, стало быть. Грамотно придумано.

— А как же,— согласился Мар,— приятное с полезным. От старья избавляешься и заодно канализационных драконов подкармливаешь. Они давно у нас на самообеспечении... Что дадут, то и жрут. Всеядные они.

— Благодарствуйте,— сыто рыкнула чешуйчатая голова и утонула в брусчатке, оставив после себя в тротуаре рваную

дыру. Впрочем, дыра скоро затянулась, словно ее никогда и не существовало.

— А был ли дракончик? — тупо глядя в свежую брусчатку и чувствуя в голове некую странную легкость, медленно спросил сам себя Семен. И сам себе ответил: — Ой, что-то мне нехорошо... Ой, закусить надо. И выпить! Обязательно — выпить. И чем раньше, тем лучше.

И только уже отойдя на приличное расстояние от того места, где он воспользовался услугами огненной урны, Семен вспомнил, что среди скормленных дракону вещей не было одной кроссовки. Левой.

— Шут с ней,— легкомысленно решил Семен.— Подумаешь.

И пошел дальше искать ресторан.

ГЛАВА 4
Стационарная Латентно-Ионная Магическая Преграда

Ресторан был небольшой, чистенький и уютный, без броской внешней рекламы: на фасаде султанского дворца имелась лишь крупная, сделанная арабской вязью броская надпись «Покушаем?» с громадной буквой «О», стилизованной под круглую дверь. Вот в эту букву Семен и зашел.

Зал оказался почти пустым — из дюжины столиков заняты всего два, да и те, судя по количеству пустых тарелок на них, должны скоро освободиться. Семен хотел было присесть за один из незанятых столов, поближе к выходу, но не успел: из-за расписной ширмы, отделяющей общий зал от кухни, выбежал чем-то взволнованный толстяк в незастегнутом, наспех наброшенном поверх делового костюма праздничном красном халате. Мелко семеня и испуганно улыбаясь, толстяк подбежал к Семену и, преданно заглядывая ему в глаза, зашептал торопливой скороговоркой:

— Что же вы в общем зале... Вам же не сюда, не можно вам здесь, со всеми так запросто... вернее, им с вами... Я, как владелец ресторана, как верноподданный гражданин... Что про меня подумают! Что власть не уважаю, подумают, ежели... Никоим образом, ни-ни,— и, ласково подхватив Семена под локоток, настойчиво потащил его за ширму; у толстяка ока-

залась железная хватка, и Семен не стал сопротивляться. Тем более что и медальон молчал, не давал никаких советов. Видимо, тоже растерялся.

За ширмой оказалась вовсе не кухня, а тяжелая дубовая дверь. Без надписей, но с блестящей латунной биркой в виде короны.

— Ведь вы при исполнении,— многозначительно произнес владелец ресторана, отворяя дверь,— мало ли что... Сюда, будьте любезны! — и чуть ли не втолкнул Семена в комнату.— Приятного аппетита,— вежливо пожелал толстяк напоследок,— кушайте на здоровье,— и тихонько закрыл за гостем дверь. Было слышно, как он с той стороны шумно переводит дух и старательно похлопывает ладонями. Словно грязь с них стряхивает.

В комнате, ярко освещенной широким потолочным окном, был всего лишь один посетитель, лысый и мордастый здоровяк в сером штатском костюме; мордастый что-то аппетитно жевал, сидя за большим квадратным столом. Стол был всего один на весь зал, но зато какой! Прямоугольный и здоровенный, на шести витых ножках, перламутровый и инкрустированный мелкими самоцветными камешками, помпезный до невозможности. Сидя за таким столом, хорошо подписывать указы о награждениях. Или о казнях. Или вести международные переговоры. Но никак не есть.

Однако за столом именно ели. Вернее, ел единственный посетитель. Лысый.

— Присаживайтесь, уважаемый,— лысый приветственно помахал зажатой в руке куриной ножкой,— здесь все свои. Что, напугали хозяина? Ох и любите вы эффектные появления, что и говорить. Н-да-а... Впрочем, имперская служба безопасности так и должна действовать — не только эффективно, но и эффектно. Вы, я так понимаю, только со службы, раз в парадном? Ну и что там, во дворце, новенького? Ладно, ладно, шучу я. Не нужны мне ваши тайны.— Мордастый добродушно рассмеялся.— Скажете еще что-нибудь не то, секретное, у вас там везде одни секреты, и придется вам тогда меня арестовывать. Для неразглашения и выяснения личности, так сказать. А мне после обеда ходить в ваше ведомство ох как неохота. Лень... Вы курицу закажите,— посоветовал разговорчивый здо-

ровяк,— хорошая сегодня курица. В меру зажарена. И грибы советую, под сметанным соусом. Вас, кстати, как зовут? Меня— Бартон.— Лысый посетитель, не дожидаясь ответа, вынул из кармана платок, обтер лицо.— Фу, ну и жара. Вы пивка возьмите, холодненького... Или, если желаете, винца можно. Я бы тоже выпил, но расходы, расходы... Платят нам не то что вам,— пожаловался он, потупив в стол глаза,— маловато платят,— и выжидательно замолк, уставясь на чисто обглоданную ножку, словно впервые ее увидел.

Семен намек понял. Он представился, сел за стол и предложил:

— Давайте я вас вином угощу, если вы не против.

— Не против,— поспешно ответил Бартон, роняя косточку в тарелку.— Давайте.

— Курицу, грибов под соусом и вина! — требовательно произнес Семен.— Ну и что там еще на закуску... Салат какой-нибудь. И пива.

— Креветочный салат,— быстро добавил Бартон,— а пиво из подвала. Темное пиво.

— Темное,— согласился Семен.— А как же.

Поверхность стола на миг покрылась белым туманом: пустые тарелки, объедки и крошки бесследно исчезли, сменившись свежей сервировкой и заказанными блюдами. Причем блюдами в двойном экземпляре. И два графина с пивом. И две большие бутылки вина. Похоже, здесь очень уважали имперскую службу безопасности.

— Вот это дело,— радостно сказал Бартон,— это по-нашему. Это с уважением. Ну-с, дражайший Симеон, будем здоровы! — и ловко откупорил бутылку, стукнув по донышку ладонью.

— Пиво не пей,— подал голос медальон,— крепкое оно. С ног свалит, особенно если с вином его смешаешь. Лучше вообще ничего не пей. И поменьше говори. Непонятная ситуация...

— Стаканчик-то не повредит,— мудро заметил Семен,— что же это я, всухую курицу харчить буду?

— Кто сказал — всухую? — возмутился Бартон, бережно разливая вино по глубоким хрустальным бокалам.— Я такую глупость не говорил. Это же форменное преступление — есть курицу без вина! Тем более без пива. За такое однозначно казнить надо. Как за извращение основ мироздания... Я, видите

ли, второй окружной дознаватель,— пояснил Бартон, осторожно поднимая полный бокал и разглядывая вино на просвет,— по нечетным работаю. Выходной я сегодня... А мне такое вино не подают,— с завистью пробормотал лысый дознаватель,— вот что значит служба безопасности... Да, так вот — повидал я, значит, за годы своей работы всякого народу и вот что понял: ежели кто ни вина, ни пива не пьет, в хорошей компании посидеть не любит, то все — конченый он человек. Мой клиент! Подследственный материал. Ты любого непьющего копни, обязательно какая-нибудь крамола у него за душой найдется. Обязательно! Мироизвращение какое-нибудь. Те же слимперы, мать их...— и лихо выпил, словно тост сказал. Да еще пивом запил.

Семен лишь пригубил вино и принялся за курицу, то и дело поддакивая разгулявшемуся дознавателю: Бартону собеседник явно не требовался — ему был нужен слушатель. И бутылка.

Если бы Семен или Симеон, как его упорно называл быстро пьянеющий мордастый собутыльник, был на самом деле офицером службы имперской безопасности, ему следовало арестовать болтливого собеседника по крайней мере уже раз пять. За крамолу и подрывные речи. Потому что за то время, пока пустела первая бутыль и второй графин, от Бартона досталось всем — в первую очередь государю-императору за его мягкотелость и недальновидность, во вторую — императрице за шашни с Кардиналом, после — Кардиналу за политические интриги с жрецами-слимперами и чужими, с которыми...

Бартон на миг протрезвел, с ужасом взглянул на Семена, обозвал его с испугу коллегой и тут же пояснил, что эти подрывные речи вовсе не его личное мнение, а чистосердечные признания государственных преступников, им с пристрастием допрошенных, кои признания в протоколах дословно отображены и по инстанциям, соответственно приказу, переданы. После чего выпил подряд два бокала вина — от смущения, наверное,— и, придя в чувства, то есть окосев напрочь, предложил немедля ехать к девочкам. А потом уснул, откинувшись на спинку стула.

— И что мне теперь с ним делать? — с неприязнью глядя на спящего дознавателя, спросил Семен.— Может, хозяина позвать?

— Не надо,— сказал Мар,— и так проспится. А сделать надо вот что: у него на шее, под одеждой, должен быть медальон. По виду такой же, как я. Вытащи его и приложи ко мне.

— Зачем это? — поинтересовался Семен, шаря за пазухой у спящего окружного дознавателя.— Для чего? Да, есть медальон... Ну-ка...— Он крепко прижал один металлический кругляш к другому. Дознавательский медальон тут же стал заметно холоднее, а Мар — теплее.

— Все,— доложил Мар,— можно уходить. Быстро-быстро. Заплатить только не забудь.

Семен кинул на стол пару фиолетовых купюр из пачки, оставшейся от уплаты за гостиницу,— те растворились в воздухе, не долетев до столешницы. Напрасно подождав сдачу, Семен махнул на нее рукой и вышел из ресторана на улицу.

— Теперь прикид надо сменить,— посоветовал медальон,— засветились мы в нем. Да и разгуливать по улицам в парадной форме службы безопасности — это уже верх наглости! Хм, в мое время вообще никакой такой имперской службы не было,— озадаченно сказал Мар.— Во всяком случае официально. Сколько изменений за какие-то десять лет, надо же...

Зайдя в ближайшую подворотню, Семен напряг всю свою фантазию и за пару секунд изменился до неузнаваемости, прикид получился что надо: выглаженные стрелкой брючки, короткая дутая курточка, рубашка с отложным воротником, и все странной зелено-серой расцветки. Пятнами. Туфли и те были зелеными, как из крокодильей кожи.

— Ну ты даешь,— только и сказал Мар,— натуральный огородник из Зеленого Мира. Там тоже такие расцветки любят.

— А я не модельер,— огрызнулся Семен,— как умею, так и творю.

— Ну-ну,— хихикнул медальон,— творец он. Слушай, создатель, надо бы нам на некоторое время укрыться. На дно лечь, понимаешь, о чем я толкую? Нужно мне во всем, что здесь творится, хорошенько разобраться. Чужие, среди бела дня нападающие на офицера безопасности... сплетни о кардинале...

Определенно чувствую — что-то изменилось за эти годы! И крепко изменилось. В худшую сторону.

— Печенкой чувствуешь? — беззлобно подзадорил Семен Мара.

— В этот раз — селезенкой,— парировал медальон.— В гостиницу возвращаться не будем, незачем два раза подряд в одном и том же месте ночевать. Двинем-ка мы на окраину, там, думаю, найдем что-нибудь подходящее. Какой-нибудь запечатанный дом. Главное, чтобы в нем линия связи сохранилась, а уж подключиться к ней я и сам сумею. Или ты поможешь.

— Интернет, да? — поинтересовался Семен.— Всемирная информационная сеть?

— Вот-вот, что-то типа того,— согласился Мар.— Типа информационной сети. Но не всемирная: подумаешь, новости одного мира, кому они интересны, кроме местных жителей. Выше бери — вседисковая!

— Ну да,— глубокомысленно покивал Семен,— галактические сплетни. И впрямь интересно.

— Сам ты галактический,— снисходительно рассмеялся Мар.— Говорю тебе — вседисковые! Новости и сплетни. Темнота ты необразованная, хоть и Настройщик. Хоть и с обратной стороны. Ладно, поехали в частную зону.

На миг в глазах у Семена потемнело, и он оказался совершенно в другом месте. Не на центральном проспекте.

Нарядные одноэтажные дома, утопающие в зелени, стояли вдоль тихой неширокой улицы. Обычные дома, без архитектурных заморочек и приятные взгляду. Не шокирующие.

— Иди и на дома внимательно смотри,— посоветовал медальон.— Если увидишь что необычное, сразу мне сообщай. Наверняка хоть какой-нибудь из них да под сигнализацией. Значит, пустой. Значит, будем вселяться.

Семен пошел по сонной улочке, вслух удивляясь тому, как она вообще может существовать в таком бойком мире, как Перекресток.

— Спальный район,— коротко пояснил Мар, услышав Сенины высказывания.— Причем очень большой. Мы сейчас в центре находимся, на окраинах дома повыше будут, помногоэтажнее. А здесь самые богатенькие живут! Ты не смотри, что дома с виду неказистые, это они лишь снаружи так себе. Для

скромности. Если внутрь попадем, тогда увидишь, какие они на самом деле. Я-то уж знаю.

— Увижу,— согласился Семен.— Ты мне вот что лучше объясни, пока я нужный дом ищу,— что ты сделал с медальоном того дознавателя, а? И откуда ты вообще знал о его медальоне— что, рыбак рыбака видит издалека? Он тоже вор с прикрытием? Однако слишком много воров развелось!

— Хорошая пословица,— отметил Мар,— никогда такой не слышал. Надо запомнить. А насчет дознавательского жетона... Так это же типовой государственный знак с обязательным разовым комплектом необходимых заклинаний. У всех служащих имеется. Примитивное устройство. Заодно, между прочим, это и удостоверение личности. Зря, что ли, я такой вид имею? Тут, братец, моим изготовителем все продумано было! До мелочей.

Каждый имперский служащий имеет такой жетон. Как только на службу поступает, так сразу его и получает. Для служебного использования.

Правда, некоторые из моих бывших владельцев поговаривали, что такие жетончики имеют и обратную — в переносном смысле — сторону: при их помощи якобы можно запросто найти любого его носителя, где бы он ни находился, хочет он того или нет. И мигом доставить его в имперскую канцелярию. А еще говорили, что эти даровые амулеты при необходимости могут стать и убийцами, уничтожая впавших в немилость имперских чиновников. Или без афиши, в мгновение ока, забросить таких бедолаг в какой-нибудь несуществующий Мир, где нет ни магии, ни общего языка... Ну это уже, конечно, враки,— категорически заявил Мар,— как можно попасть в нечто несуществующее?

— Думаю, что можно,— задумчиво сказал Семен.— Так все-таки что ты с чужим медальоном сделал?

— Как что? — удивился Мар.— Ясное дело что. Перекачал его заклинания к себе. Я ведь почти пустой, чтобы ты знал. Последний хозяин меня вообще не подзаряжал, а вот пользовался мной вовсю! Напряженка у меня с заклинаниями, понимаешь. Которое для путешествия в другие миры, так вообще закончилось... В дознавательском жетоне магии негусто было, да и слабенькая уже — с такими-то гастрономическими

запросами, как у этого проглота, и чтобы он не попользовался казенным волшебством в свое удовольствие! Ничего, вино жрать и без заклинаний можно,— злорадно добавил медальон.

— Нехорошо ты поступил,— вяло запротестовал Семен,— неэтично.

— Этично, неэтично,— возмутился Мар,— какая может быть этика в моей специальности?! Не заложено в меня такое, чтобы дуракам их глупость прощать. А то сам бы давно дураком стал,— успокаиваясь, подытожил медальон.— Этичность и воровство — вещи несовместимые. Усек?

— Ладно, забудем,— миролюбиво сказал Семен.— И то верно: с волками жить — по-волчьи выть. Никуда не денешься.

— Да ты просто кладезь премудрости,— обрадовался Мар,— так и сыплешь интересными высказываниями. А ну-ка, расскажи еще чего-нибудь,— и заинтересованно умолк.

Семен бродил по тихим улицам, с любопытством рассматривал дома и вполголоса декламировал себе под нос пословицы и поговорки. Редкие встречные прохожие с почтением посматривали в его сторону — поэты и сумасшедшие на Перекрестке охранялись законом. Как редкость.

Нужный дом отыскался, когда уже завечерело. Семен сразу обратил на него внимание, едва свернул на очередную улицу,— уж больно тот выделялся среди соседних аккуратных домиков с подстриженными газончиками под окнами: дом был высокий, старый и темный от времени. Неухоженный газон перед домом зарос высокой травой и сорняками; окна были затянуты снаружи черной блестящей материей с белыми, местами смывшимися от дождей непонятными знаками, похожими на те, которые Семен видел когда-то на стенах в Хранилище. Но эти надписи были вполне очевидные, заметные для любого прохожего. А вот едва различимая клетка из голубых лучей, окружавшая темный дом, вряд ли была видна хоть кому-нибудь. Кроме Семена, разумеется.

— Похоже, дом необитаем,— сделал вывод медальон, когда Семен сообщил ему о невидимой клетке,— только охрана здесь какая-то странная. Весь дом обнесли, перестраховщики. Обычно сигнализация ставится только на двери и окна. На крышу иногда тоже ставится. Но чтобы вот так, на целый дом... Будем брать,— решил Мар.— То есть вселяться. С новосельем нас! —

и добавил, вспомнив одну из Сениных присказок: — Гость в доме — радость в доме. Ну, пошли радовать хозяев,— и бодро просвистел какой-то лихой мотивчик.

— Смотри-ка, он еще и свистеть умеет,— удивился Семен, продираясь сквозь заросли в обход дома,— какой разносторонний.

— Не разносторонний, а талантливый,— поправил Семена польщенный Мар.— Ты еще не слышал, как я пою! Хочешь, продемонстрирую?

— Не надо,— поспешно ответил Семен,— не время.

— И то верно,— согласился медальон и затих.

Дом был надежно закрыт клетью со всех сторон — голубые прутья частой сеткой блокировали черный ход с его задней стороны, куда Семен и направился в первую очередь: негоже ломиться в охраняемый дом с парадного входа. Могут и увидеть.

— А вот мы их сейчас,— уверенно проговорил Семен, пытаясь деловито закатить рукава, но своенравный костюм не позволил ему это сделать, попросту убрав рукава вообще,— сетка, говорите? Ну-ну,— и, примерясь, попытался ухватиться за один из прутьев. Вроде того, как он однажды за коричневый взгляд хватался. И тут случилось неожиданное — его ударило с такой силой, что он отлетел в ближние кусты, где и лежал с минуту, охая и причитая.

— Вот видишь,— сочувственно сказал Мар, когда Семен несколько пришел в себя,— непростое это дело — охрану ломать. С наскока не всегда выходит. Тебе еще повезло, что не убило! Как видишь, не всегда можно голыми руками за мощные заклинания хвататься,— посетовал Мар.— Учиться тебе надо. А потом уже за серьезные дела приниматься. Да вот некогда и не у кого. Жаль... Оклемался? Давай теперь подумаем, что сделать можно.— Мар на секунду запнулся.— Знаешь, а сдается мне, что вовсе это не охранная сигнализация. Слишком уж она серьезная для такого простого дела. Даже чересчур.

— А что же тогда оно такое? — Семен, кряхтя, встал на ноги.

— Больше похоже на глухой заслон,— авторитетно заявил медальон.— Наподобие таких, какие иногда ставят на специальных охраняемых объектах. В магохранилищах, например. Или на военных складах. Помню, вскрывали мы один склад...

Слушай, так, может, это и есть магохранилище? — спохватился Мар.— Частное. Слыхал я о таких случаях. Тогда нам тем более в этот дом попасть нужно. Придумывай поскорее, как это сделать,— заторопил медальон Семена,— страсть как хочется частное хранилище увидеть. Там заклинаний небось валом! Вот уж укомплектуюсь, на сто лет вперед.

— Э-э,— в затруднении протянул Семен,— насчет склада, который вы вскрывали... Как вы тогда управились?

— А никак,— любезно ответил медальон.— Пришибло тогда моего владельца. Вот как тебя, только насмерть. Аж дымился бедняга! Весь обуглился... Меня после его помощник носить стал. Тоже потом погиб, но это была уже совсем другая история. Смешная и поучительная. Значит, пошел он как-то...

— Заткнись,— приказал Семен.— Накаркаешь.

Мар заткнулся.

Семен подошел к голубым прутьям, внимательно их оглядел. Потом задумался — и зеленый наряд на нем вдруг трансформировался, превратившись во что-то похожее на водолазный скафандр. Резиновый. С перчатками.

— Ты меня колдовством,— угрожающе сказал Семен решетке,— а я тебя — естеством. Как говорилось в одном детском фильме.— И смело схватился за прутья.

Мар ахнул, но ничего не произошло: его хозяин, шепотом ругаясь, стал с силой отжимать прутья в разные стороны, освобождая себе проход к двери. Через минуту все было закончено.

— Надо же, электрическое волшебство изобрели,— усмехнулся Семен, проходя к затянутой паутиной двери,— додумались, умники,— и превратил резиновый скафандр в туристический костюм с комплектом привычных кроссовок, затем толкнул дверь.

Перед Семеном был чистенький коридорчик, освещенный дежурным потолочным плафоном. Прикрыв за собой дверь, Семен с опаской пошел по коридору — все-таки у него еще не имелось опыта по вторжению в чужие дома, и он на каждом шагу ожидал какого-нибудь подвоха. Ловушку для нежданных гостей.

Коридор привел его в холл. Широкий, устланный багрово-красным ковром, с диванчиками вдоль стен; окна, закрытые

снаружи черной материей, света практически не давали, но освещения было более чем достаточно — многорожковая хрустальная люстра под высоким потолком сияла ровным и очень белым светом. Ярко, как осветительная ракета.

С одной стороны из холла тянулась вверх широкая лестница с низкими мраморными ступенями, ведущая на второй этаж; по бокам лестницы, в углублениях, находились две резные двери с маленькими, тускло светящимися табличками красного тревожного цвета. Как фотографические фонари.

С противоположной от лестницы стороны была дверь выхода — над ней сверху, прямо на стене, так и было написано: «Выход». Буквы хоть и серебряные, но расплывчатые и какие-то косые, словно написанные второпях. Сама дверь была крест-накрест заколочена толстыми длинными досками. Изнутри заколочена.

— Нехорошее какое-то место,— поежился Семен.— Вон дверь забита. И свет везде горит. Словно ждут нас.

— Ерунда,— отмахнулся медальон,— света он испугался! Забыли выключить — и все. А дверь для надежности заколотили, от таких, как мы. Пошли на второй этаж. Чувствую я, что дом просто переполнен магией. У меня специальная настройка на нее имеется,— похвастался Мар.— Так она показывает, что на втором этаже интереснее всего будет. Наверное, там самые сильные заклинания хранятся. В сейфе. Ты сейфы вскрывать умеешь? Ах да... Ничего, я подскажу. Пошли.— И медальон нетерпеливо закачался на цепочке.

Семен потоптался на месте.

— Все равно мне здесь не нравится,— упрямо повторил он.— Пошли лучше отсюда. Я другой дом подыщу, не такой жуткий. У меня все внутри холодеет... не пойму, отчего, но тоска берет... Страшно мне!

— Тогда тем более все осмотреть надо,— сурово заявил Мар.— Со страхом надо бороться! Если не найдешь его причины сейчас, тогда всю жизнь пустых домов бояться будешь. Так говорил мой бывший хозяин-метиец, когда своего помощника работе обучал. А он был дока в вопросах психологии, мой бывший хозяин. Его потом помощник и задушил,— совсем некстати добавил Мар.— Воспитал на свою голову.

Семен сглотнул, передернул плечами и пошел к лестнице.

— Эти дома особые,— бодрым голосом продолжал рассказывать Мар,— в них сколько хочешь скрытых этажей и подвалов может быть. Можно себе позволить такую роскошь, когда денег навалом! Хотя я в этом никакого смысла не вижу, но некоторым нравится превращать свои дома в многомерный лабиринт. Помню, мы неделю как-то шлялись по такому дому. Хорошо что тот мой хозяин, забыл, как его звали, позаботился заранее — запаковал в меня еду и воду. Ну, заклинания пищевые...

— А они у тебя остались, те заклинания? — шепотом спросил Семен, поднимаясь по лестнице.

— Не-а,— так же бодро ответил медальон,— последнюю воду ты в Хранилище выпил. Да ерунда это! Выживем.

— Не проще ли было снять где-нибудь дом на недельку,— раздраженно пробормотал Семен, подходя к двери на следующем этаже,— с линией связи. Денег-то у нас невпроворот.

— А как же кодекс вора с прикрытием? — запротестовал Мар.— А острые ощущения, в конце концов?!

Семен открыл дверь.

— А вот и острые ощущения,— дрожащим голосом проговорил медальон.— Доболтался...

Семен сначала ничего не увидел, слишком резким был переход от яркого медицинского света к полумраку, но чуть погодя глаза у него привыкли. И он тоже увидел...

Зал был высок настолько, что потолок его терялся в темноте; казалось, что стены, свободно задрапированные черной, такой же, как и на окнах, материей, бесшумно и медленно колышутся под непрерывным ледяным сквознячком; резкий оранжевый свет, идущий от пола, переливался на мягких стенах невнятными отраженными разводами.

Посреди зала, на полу, нацелившись в стены острыми лучами, тлела неугасимым вулканическим пламенем большая колдовская пентаграмма. Очень большая пентаграмма. Огромная. Возле каждого луча огненной звезды лежало по скрюченному человеческому скелету. Скелеты в сравнении с величественной пентаграммой казались маленькими и жалкими. Убогими.

Но не это привлекло внимание Семена, не это. Хотя да — в первый миг Семен был по-настоящему потрясен увиденным,

у него даже ноги подкосились. Хорошо, что не упал, успел к дверному косяку прислониться.

Из центра оранжевой звезды, словно луч прожектора, бил в темный далекий потолок столб фиолетового света, призрачного, пронизанного серебристыми искрами. Искры медленно вспыхивали и гасли; от столба доносилось тихое электрическое потрескивание.

Семен попятился. Шагнув назад, он вышел из зала и осторожно закрыл дверь.

— Пожалуй, ты был прав,— неохотно согласился Мар, когда Семен на цыпочках стал спускаться вниз по лестнице,— нехорошее это место. Отвратительное. Магии навалом, а толку никакого. Слимперская берлога, факт! Это не их сеткой накрыли, это они ею от всего мира отгородились. Свой поисковый ритуал проводили, да в чем-то крепко напортачили. Пришибло колдунов... Видел, как их переходной столб заклинило? До сих пор светится. Очередного психа ждет... Все они, слимперы, по сути своей самоубийцы. Такая у них разрушительная религия. Потому-то они всегда и были вне закона. А сейчас... Надо же, Кардинал и слимперы. И чужие.— Мар расстроенно умолк.

Семен направился было к выходу из дома, но медальон остановил его:

— Придется нам, однако, здесь переночевать. На улицах сейчас полиментовых патрулей как блох на собаке! Элитарный район как-никак. Охраняют, чтоб им пусто было. Можно, конечно, выйти из дома и перенестись куда-нибудь, но стоит ли? Только магию зря тратить, а ее и так мало... Давай все же поищем линию связи. Должна она здесь быть. Обязана. Для слимперов связь — первое дело. Они же по всему Диску раскиданы, сектанты хреновы. Везде обосновались.

— Значит, так,— решил Семен.— Я буду искать линию, а ты мне пока что расскажешь о слимперах. Все, что знаешь. А то я только и слышу: «Слимперы то, слимперы се», а кто это такие — не знаю.

— Правда? — удивился медальон.— А разве я тебе не говорил? Упущение, виноват. Тогда слушай.

И пока Семен ходил по дому — резные двери с красными табличками оказались входом в сеть длинных запутанных ко-

ридоров — и осторожно заглядывал в незапертые пустые комнаты, Мар хорошо поставленным голосом рассказывал ему историю о слимперах. Словно лекцию читал.

Движение слимперов зародилось в те времена, когда появилась легенда о всемогущем слимпе. Которого никто не видел. Слимперами называли тех, кто, поверив в легенду, решил во что бы то ни стало разыскать эту неведомую диковину. Дураков на свете всегда хватало, и потому слимперов поначалу не воспринимали всерьез — чудят люди, ну и пусть себе чудят. Вреда от них не было никакого, а польза имелась — болтаясь по всему Вселенскому Диску в поисках своего божества, слимперы поневоле завязывали деловые отношения в неизведанных мирах, открывая для себя и для других новые торговые пути. И, разумеется, торговали, торговали... Причем удачно. Поиски чуда и выгодные сделки друг другу вовсе не мешали.

Потом как-то исподволь, незаметно, это движение стало более организованным — к руководству в конце концов пришли маги-профессионалы. Темные и жестокие личности. Из тех, кто умел руководить и подчинять себе черной магией слова. («Тогда еще не было комплексных заклинаний,— пояснял Мар,— магия слова, ха! Примитив».) Но и этого хватило, чтобы движение слимперов стало мощной организацией. С жесткой иерархией сверху донизу и безусловным слепым повиновением. А дальше пошло-поехало: не прошло и ста лет, как слимперы приобрели такую экономическую и политическую силу, что противопоставили себя всей империи. И началась война. Подробностей Мар не знал, помнил только, что шла та война лет двадцать—тридцать. И за это время опустошила и перекроила кучу миров — еще бы, глобальные магические сражения! С применением тяжелых необратимых заклинаний.

— В некоторые из таких миров даже сейчас опасно соваться,— помолчав, добавил Мар.— Хотя со времен войны прошли сотни лет, но остаточный магический фон там до сих пор такой сильный, что неподготовленный человек запросто может превратиться во что угодно. Причем без возможности обратного изменения. Закрытые миры, короче говоря... Кстати, чужие как раз оттуда родом, из этих закрытых миров,— мимоходом пояснил медальон.— Побочный эффект общих боевых действий. Дети войны, как их у нас официально величают в

газетах, когда у империи вновь начинает зудеть комплекс вины. Ублюдки, как называю их я.

Ну так вот — о слимперах. Расколотили их армию в пух и прах, на том вроде бы дело и закончилось: все, хана слимперам настала. Ан нет — вновь они объявились. Живучие, как ни странно, оказались. Не сами слимперы, разумеется, а их идеи. Вернее, мечта,— поправился Мар.— Мечта отыскать слимп и все начать сначала. С полной переделкой мироустройства под свои идеалы... Их уже и в тюрьмах, натурально, гноили, и вешали, и на кол сажали. И в масле живьем варили — да толку-то! Главных магов не смогли взять, не успели — ушли они в подполье, организовали заново секту с ее казарменным уставом, возродили свою религию и продолжили поиски слимпа.

— И как же они это делают? — спросил Семен, устало присаживаясь на корточки возле входа в очередную комнату.— Ищут как? Ты рассказывай, не отвлекайся, а я посижу чуток. Ноги устали,— и расслабленно привалился спиной к стене.

— Да ты и сам наверху видел — как,— убитым голосом сказал медальон.— Спрячутся где-нибудь, звезду на полу начертят и переходной столб вызовут. После молитву Горгу прочитают и — прыг в пентаграмму! А там уже куда нелегкая вынесет. Их, по задумке, должно притягивать к тем местам, где сосредоточена особо сильная магия,— такой у них, понимаешь, расчет, что рано или поздно кто-нибудь таким образом на слимп и наткнется. Я, пока в Хранилище был, троих прыгунов лично наблюдал: ка-ак выскочит такой из воздуха с истошным воплем: «Слимп!» Глаза безумные, рожа от счастья перекошенная. Ну потом-то, когда до него доходит, куда он на самом деле попал, настроение, понятное дело, резко меняется...

Эти слимперы перед смертью обязательно в своих грехах Горгу каялись, обычай у них такой. Причем подробно каялись. Основательно.

Горг, чтоб ты знал,— это такой их святой, только я так и не понял, какой: то ли бог смерти, то ли бог безумия. В общем, наслушался я историй о слимперской жизни вдосталь. Можно сказать, знатоком-слимпероведом стал.

А после покаяния они с собой и кончали. Пытались сквозь хранилищную стену выйти. Жуткое зрелище! Одежда мгно-

венно сгорает... Я же говорю — самоубийцы,— подвел итог сказанному Мар.

— То-то их столько под стеной в Хранилище валялось,— вспомнил Семен.— Теперь понятно, откуда там голые мумии. А я думал, что их туда нарочно понакидали, для устрашения. Клад охранять. Ну ладно,— Семен встал и толкнул дверь.

Это помещение резко отличалось от всех остальных. Не было здесь пустоты и запустения, как в предыдущих комнатах, или таинственных всполохов и холодного сквозняка, как в зале на втором этаже: помещение оказалось библиотекой. Здесь было тепло и пахло книгами.

Вдоль стен стояли высокие шкафы из черного дерева, скупо поблескивая то ли бронзовыми, то ли золотыми ручками; за стеклянными дверцами темнели корешки книг с тусклыми нечитаемыми надписями.

Пол застилал ковер нейтрального серого цвета; в глубине комнаты, под низко расположенным настенным светильником, располагались небольшой столик и пара глубоких кресел рядом с ним. На столике, под стеклянным колпаком, лежала маленькая книжка в черном переплете.

— Есть,— торжествующе сказал Мар,— нашли.

— Чего нашли? — озираясь по сторонам, спросил Семен.— Он в это время обнаружил на обратной стороне двери засов и с облегчением запер дверь: на душе у него сразу стало легче.

— Линию связи нашли,— уверенно ответил медальон.— Чувствую я ее. А ты что, разве не видишь? — удивился Мар.— Линия — штука изначально магическая, не можешь ты ее не заметить. Или нарочно притворяешься?

— Знал бы, как она выглядит, обязательно тебе доложил бы,— рассеянно сказал Семен, протирая глаза.— Не вижу никаких линий... Что у них тут с освещением? В глазах рябит. Словно мухи перед носом летают.

— Значит, все-таки видишь,— сделал вывод медальон.— А то я подумал, что у нас нестыковочка вышла. Линия связи — это тебе не булавка, она объема требует. Вся комната линия и есть. Ты вот что, посиди пока в кресле, отдохни. Книжку какую-нибудь возьми почитай, вон их здесь сколько. Может, какая и с картинками попадется. А я пока своим делом займусь.— Мар умолк.

Семен свалился в кресло, с удовольствием вытянул ноги. Зевнул пару раз и, так как делать было нечего, взял из-под колпака черную книжицу.

Книжица оказалась без картинок, к тому же старой и растрепанной — нескрепленные листы разом высыпались из обложки куда попало, на стол и на пол, стоило Семену взять книжку в руки. Семен подобрал со стола один листок, самый ближний, и с интересом осмотрел его.

Текст, напечатанный на листе, оказался нечитаемым. Нет, буквы были вполне понятны, вполне. Но слова, написанные теми буквами, представляли собой сплошную абракадабру. В двух местах, правда, встречалось нечто более-менее вразумительное — на одной стороне листа была надпись: «На лихого дядю», на другой: «Вода». Просто «Вода» — и все. Без пояснений.

— Мар, глянь-ка, чего я нашел,— обрадовался Семен, разглядывая листик.— Ба! Да это заклинания, целая книжка магии вроссыпь. Вот повезло! Это же мы разом все проблемы с твоим тощим волшебством решим. Я сам теперь колдовать чего хочешь смогу. Запросто.

— Что? — отстраненно откликнулся медальон.— Можешь немного подождать? Занят я. Подключаюсь...

— Подключайся, подключайся,— снисходительно разрешил Семен и поднес листик поближе к лицу, разглядывая буквы сквозь неприятную рябь в глазах.— «Вода», хм. Это насчет попить, что ли? Хорошо было бы, во рту пересохло.— Семен подумал, почесал голову.— Ванную, кстати, тоже неплохо было бы принять. Хочу воды. И побольше, побольше! — Он встал из кресла, принял подобающую магу позу: ноги на ширине плеч, одна рука в бок, другая, с листиком, перед собой, брови нахмурены — и громко, тщательно выговаривая слова и строго соблюдая пунктуацию, прочитал заклинание.

Мир вокруг Семена внезапно задернулся черной пеленой. В этой темноте что-то натужно завывало, как перегруженный двигатель, трещало и свистело. Трясло неимоверно — у Семена даже зубы заныли от вибрации. Вдруг тряска прекратилась, темнота приобрела зеленый призрачный цвет и рассеялась; стало светло и тепло.

ГЛАВА 5
Солнечный Ландшафт Идеального Морского Пляжа

Семен открыл глаза.

Ни комнаты связи, ни шкафов, ни кресла — ничего этого не было и в помине. А было роскошное утро с неправдоподобно большим солнцем в чистом небе, океан до самого горизонта и пляж с сухим яично-желтым песком. Песок похрустывал под ногами Семена, тяжелая волна лизнула носки кроссовок. Пахло водорослями и свежестью. Простором пахло.

Семен попятился от волны, отмахиваясь от нее зажатым в руке листком, оступился и упал.

— Где связь? — нервно завопил Мар.— Что случилось? Я только-только в линию вошел... Ух ты! Откуда море с селедками взялось?

— Сам хотел бы знать,— сердито ответил Семен, садясь.— Мне какое-то халтурное колдовство попалось! Книжка дефективная оказалась. Я всего лишь хотел воды организовать, пока ты занят был. Попить, искупаться... Побриться, наконец. Чего время терять?

— Какое колдовство? — шепотом спросил Мар.— Какая книжка?

— Да вот эта,— Семен потрусил перед медальоном измятым листком.— Видишь, «Вода» написано. В заголовке.

— Отлично,— уныло сказал Мар.— Лучше не придумаешь. Значит, помыться захотел... Много водички-то пожелал?

— Много,— не стал скрывать Семен.— Я думал, ванна в комнате появится. Или корыто, на худой случай. А ни корыта, ни ванны! И вообще утащило непонятно куда. Не собирался я сюда переноситься, честное слово. Как-то само оно...

— Понятно,— обреченно вздохнул медальон.— Вот тебе вода. Видишь, до самого горизонта налито... Небось самый большой океан во всех Мирах. Как ты заказывал.

— Не заказывал я никаких океанов,— замотал головой Семен.— Зачем мне океан? Что я с ним делать буду?

— Мыться. Бриться.— Мар подумал.— Можно еще вещи постирать. Или утопиться. По настроению. Это примитивное заклинание, которым ты так здорово воспользовался, полностью выполнило твое пожелание. Буквально. Как ему и было

велено. Доставило тебя к воде, которой много... Ну зачем, зачем ты читал его, не посоветовавшись со мной? Это из той книжки, что на столе лежала, под колпаком? Черная такая, верно? Кто бы мог подумать, что она древним сборником базовых заклинаний окажется! Первичных. Без элементарных мер защиты. Как же это я не доглядел...— закручинился медальон.

— Ну чего ты, чего,— принялся успокаивать его Семен.— Все в порядке. Подумаешь, небольшое путешествие приключилось! Зато какой прекрасный вид, воздух какой! Утро вместо вечера, разве плохо? Даже спать расхотелось... Раз уж мы сюда попали, давай-ка я ополоснусь, а после двинем назад. Включать тебя в линию.

— Легко сказать,— буркнул Мар.— Я же говорил тебе, что у меня проблема с заклинанием путешествия из мира в мир.

— Не беда,— рассеянно ответил Семен, во все глаза глядя на блистающий океан: вдали по изумрудной глади скользила большая стая дельфинов.— Красиво идут...— и безразлично махнул рукой, ерунда, мол, все это. По сравнению с дельфинами.

— И, значит, мы никак не сможем покинуть этот мир,— бодро закончил свое сообщение медальон.— Никогда. Если я не подзаряжусь.

— Ерунда,— опять махнул рукой Семен и вдруг воскликнул:— Что-о?!

— Дошло,— прокомментировал Мар.— Сообразительный какой.

Семен похмыкал, переваривая услышанное, хотел было огорчиться, но передумал — больно уж утро хорошее было. Не мог такой мир оказаться ловушкой.

— Ничего, пробьемся,— решил Семен.— Найдем дворец побогаче, с заклинаниями в сейфе, зарядим тебя на всю катушку. Заработаешь, куда денешься.

— Воистину мудрое решение,— восхитился медальон.— Только где тот дворец искать? Я что-то поблизости его не вижу. Океан вижу, пляж вижу. Лес тоже вижу. А дворцов нету! Не построили еще.

Семен оглянулся — позади, за песчаной насыпью, действительно был лес. Начинаясь с одиноко растущих деревьев и

мелких кустиков, он постепенно густел, издали выглядя непроходимой чащей. Над кустами порхали мелкие радужные пичужки, больше похожие на бабочек, чем на птиц. Из чащи иногда доносились обрывки слабых, но довольно пронзительных криков, которые перекрывали шум волн.

— Харчат кого-то,— отметил Мар.— Ишь как надрывается. Закон джунглей!.. Купаться будешь? Если передумал, тогда лучше пошли отсюда. Куда-нибудь. Где сейфы бывают. Через лесок пойдем или как?

— Или как.— Семен захрустел песком, направляясь в сторону восходящего солнца.— По пляжу пройдусь. Авось где лес пореже будет.

— Авось,— легко согласился медальон.

Шли долго. Солнце поднялось высоко в небо, стало припекать. Семен от жары не страдал, но идти притомился — сухой песок оказался не очень удобной дорогой для ходьбы. Не очень.

Океан так же неумолчно накатывал свои волны на бесконечный пляж, шипя пеной; лес тянулся и тянулся, то приближаясь к океанскому прибою, то отступая от него; путь казался бесконечным.

— Привал,— наконец решил Семен,— осточертело мне пешком гулять. Надо и отдохнуть. Все-таки я выкупаюсь.— Семен повел плечами, и туристский комплект превратился в то, чем был изначально. В серенький невзрачный комбинезон.

Семен положил медальон на листик с предательским заклинанием, придавил кошелем, чтобы ветром не унесло, кинул рядом комбинезон и пошел купаться.

Вода была замечательная. Хотя поначалу она показалась Семену ледяной, но это было только поначалу. Накупавшись всласть, Семен вышел на берег, попрыгал на одной ноге, выливая воду из уха, и вернулся к комбинезону.

— Подъем,— сказал Семен, надевая медальон на шею.— Пора дальше двигаться.— И принялся натягивать комбинезон.— Слушай, Мар, я тебя сразу спросить хотел, да из головы как-то выскочило с этой твоей новостью насчет невозвращения... Расскажи мне про эти первичные заклинания — что оно такое? Особенно про меры защиты, о которых ты упоминал.

Чтобы на эти грабли больше не наступить. И чтобы мне идти не так скучно было.

— Сборник заклинаний, из которого ты листик дернул, очень древняя книга,— задумчиво отозвался медальон.— Я и не знал, что такие еще сохранились. Сборник базовых заклинаний, надо же... Раритет! Если ты не знаешь, что такое раритет...

— Знаю,— перебил его Семен.— Дальше.

— Как бы тебе объяснить попонятнее... Это ранние, очень простые и очень сильные заклинания, но без необходимых мер защиты. Не предусматривающие последствий. Опасное колдовство, особенно для того, кто никогда раньше магией слова не занимался.

— Да чем же оно так опасно? — Семен тем временем превратил комбинезон в удобный спортивный костюм и полуботинки с жесткой подошвой, сунул кошель и сложенный листик в специально созданный нагрудный карман и зашагал дальше, держась ближе к лесу, где почва была понадежнее.

— Ну, представь, что ты решил погасить свечку,— привел пример Мар.— При помощи такого упрощенного заклинания. А звучать оно будет примерно так, если перевести его на общепонятную речь: «Желаю, чтобы свечка погасла». Коротко, без излишеств. Значит, взял ты и прочитал его. Безо всяких уточнений и дополнений. Без конкретного указания, каким образом должна погаснуть твоя свеча.

— Допустим,— согласился Семен.— Ну и что? Погаснет?

— Обязательно,— заверил его Мар.— Но как?

— Молча, наверное.— Семен пожал плечами.— Какая разница, как именно. Главное — результат.

— Есть разница,— раздраженно буркнул медальон.— Думать ты не хочешь... Простое заклинание не решает, как. Оно просто выполняет твою волю. Буквально. Значит, могут быть следующие варианты: для начала, предположим, отсыреет фитилек. Ну, это нормально, это не страшно... или вот посмешнее случай— вдруг сам по себе обрушивается твой дом, убивая тебя самого и заодно, естественно, гася свечку. Или во всем твоем мире вдруг пропадает воздух. Отчего свечка, разумеется, тоже гаснет. Хороший результат, а? Можно и еще вариантов понапридумывать, но мне кажется, что достаточно и этого. Понял?

— Понял. Не простое это дело, оказывается, свечки гасить,— с умным видом изрек Семен,— опасное для здоровья занятие.— И рассмеялся.

— Нечего дразниться,— оскорбился медальон,— я тебе дело говорю, а ты хи-хи да ха-ха! Несерьезное у тебя отношение к магии. Неправильное.

— Ты меня убедил,— напрасно пытаясь убрать улыбку с лица, принялся успокаивать его Семен.— Мне все понятно. Не буду я первичные заклинания про горящие свечки читать, вот еще! Не там ударение поставишь, не ту букву ляпнешь и готово — ни свечек тебе, ни воздуха. Ни спичек.

— При чем здесь спички! — с досадой воскликнул Мар.— Ничего ты не понял. Да, правильное ударение. Да, грамотное прочтение. Но это еще не все! Давай рассмотрим другой пример. Э-э... Хотя бы твою попытку соорудить ванну с водой. Чтобы искупаться. Раз тебе все понятно, то представь, что ты все-таки решил еще раз воспользоваться заклинанием воды. Чтобы ванну принять. Представил? Так, хорошо. А теперь надо добавить уточняющие пожелания. Иначе вместо ванны опять в океан макнешься, но уже не по своей воле. Ну давай, уточняй.— Медальон затих в ожидании.

— Эк ты меня врасплох,— озадачился Семен, даже шаг уменьшил.— Уточнить... Хм. Ладно, уточняю: хочу ванну с водой. Чугунную.

— Пожалуйста,— отозвался Мар.— Грязная чугунная ванна, измазанная черт знает чем, а в ней кипящая вода. Причем ванна немедленно переворачивается, и кипяток выливается тебе на ноги.

— Это почему же? — поразился Семен.

— Ты не указал, что ванна с ножками,— доброжелательно заметил медальон.— Не все ванны имеют ножки. И о температуре воды забыл. Вторая попытка!

— Хочу чистую, эмалированную, чугунную ванну с ножками,— начал перечислять Семен,— с теплой, приятной для меня водой.

— Будьте любезны,— сообщил Мар.— Есть ванна. На тебя упала. Ты ее месторасположение не указал. Вот она и материализовалась над твоей головой. Третья попытка!

— Ах так,— завелся Семен,— так, значит... Повторяю все предыдущее и указываю, что ванна должна возникнуть рядом со мной. На полу или где там еще. Где я нахожусь.

— Готово,— немедленно откликнулся медальон.— Все чин чинарем. Стоит, родимая. Ну?

— Что — ну? — пожал плечами Семен.— Залезаю в нее и...

— И умираешь,— уточнил Мар.— Потому что вода отравленная. Ты же не заказывал безопасную для тебя воду! Вот и получил то, что получил. А отравленной воды в Мирах хватает.

— Тогда все то же самое, только с безопасной водой,— зарычал Семен.— Что еще?!

— А вместе с безопасной водой ты получаешь, предположим, массу стеклянных пиявок. Маленьких таких, почти невидимых. В Озерном Мире водятся. О них ты ничего не сказал. Хотя должен был указать в своем пожелании, что хочешь воду не только безопасную, но и без вредных дополнений в виде любых живых или магических существ.

— Давай по новой,— потребовал Семен, разойдясь не на шутку.— Все предыдущее не считается!

— Не считается,— подтвердил медальон.— И ты тоже не считаешься. Так как тебя уже ошпарило, раздавило в лепешку и отравило до размягчения костей. А над тем, что осталось, стеклянные пиявки поработали. Что, доколдовался? Доуточнялся?

— Ну и ну,— только и сказал Семен. Слов у него не было. Прошагав некоторое время в задумчивом молчании,Семен чертыхнулся: — Блин, вот ты меня уел так уел! Из головы не выходит твоя задачка с ванной... Все. Никаких первичных заклинаний! Никогда. Теперь я понимаю, как мне посчастливилось, что меня лишь к океану забросило. В другой мир. Могло быть и хуже.

— Ага,— кротко согласился Мар.

— Тогда еще вопрос,— сказал Семен, сосредоточенно обдумывая что-то.— Скажи, почему в той книжке, из которой я лист утянул, никакой магии не ощущалось. Обычная книга, обычные буквы. Ни тебе сияний, ни тебе каких других явлений. Книжка как книжка.

— А ты что, в зерне колос можешь увидеть? — рассмеялся медальон.— Заклинания — это причина действия, а не само

действие! Скрытый источник возмущающих факторов, которые и формируют необходимые изменения реальности. Я имею в виду заклинания, написанные в книге. К комплексным это, кстати, тоже относится.

— Как-то ты круто загнул с объяснением,— уважительно сказал Семен.— По-философски прямо-таки. Заумно.

— Разве же это заумно,— возразил польщенный Мар.— Один из моих хозяев был философом. Вот уж кто умел говорить так, что порой сам себя не понимал! Приспичило ему как-то в сортир, на центральной улице. Страсть как приспичило. А единственная уличная кабинка оказалась занята. И как после оказалось, тоже философом. Они, мыслители, очень любят думать, сидя на горшке...

Семен слушал историю, похохатывая в неожиданных местах— Мар рассказывал хорошо, в лицах,— и не забывал посматривать по сторонам. Особенно в сторону леса, откуда изредка доносились истошные обезьяньи вскрики и глухое, приглушенное расстоянием рычание. И невольно старался держаться подальше от леса, постепенно сойдя с твердой почвы на желтый пляжный песок.

— ...и тогда у них завязался спор о том, что первично: еда, растущая из унавоженной земли, или дерьмо, которым унавоживают ту землю, из которой растет та еда. А так как моего философа подперло до невозможности, а его собеседник и не думал выходить из кабины, то спор у них получился крайне горячий и непримиримый...

Ярко-синее пятно, выпуклой кляксой разлившееся над песком, Семен приметил издалека. Поначалу он подумал, что это выброшенные на берег местные водоросли, но, подойдя поближе, увидел, что ошибся. Это были не водоросли — синее пятно оказалось прозрачным и походило на линзу, брошенную на песок выпуклой стороной вверх; песок под линзой был зеленым-презеленым. Как молодая трава.

— ...и тогда судья неожиданно сослал нас в Исправительный Мир,— воодушевленно закончил свой рассказ Мар.— И все потому, что мой философ не мог внятно объяснить на суде, из-за чего он, собственно говоря, настолько взбеленился, что выбил дверь в сортире и швырнул пострадавшему в морду свое соб-

ственное дерьмо. Так что горе от ума — понятие не иносказательное.

— Да-да,— рассеянно согласился Семен.— Кстати о неожиданностях. Ты что-нибудь видишь на песке, вон там,— парень указал рукой.— Синее такое. С зеленью.

— Ни синего, ни зеленого не вижу,— уверенно сказал Мар.— Э, да ты что-то волшебненькое углядел! Пошли посмотрим поближе. Руками только не хватайся сразу, а то будет как в прошлый раз. Еще прибьет ненароком.

— Не учи ученого,— ответил Семен и направился к занятной кляксе.

Вблизи клякса оказалась заревом, пробивающимся из-под песка. Нормальным колдовским заревом, очень ярким и очень насыщенным. Семен обошел его по кругу, осторожно потрогал пальцем, но ничего особенного не произошло — так, лишь слегка закололо в подушечке.

— Будем копать,— решил Семен,— оно под песком где-то.

— Что — оно? — полюбопытствовал Мар.

— То, что светится,— Семен принялся разгребать песок, отшвыривая его горстями в сторону. Скоро песок повлажнел, копать стало труднее, но и зарево заметно усилилось.

— Был такой случай,— пыхтя сказал Семен, помогая себе вместо совка большой золотой монетой, вынутой из кошелька,— одна тетка вот так точно копала-копала и целый инопланетный космический корабль раскопала. Древнюю летающую тарелку. А потом сама в инопланетянина превратилась. Докопалась...

— Инопланетяне — это кто? — деловито поинтересовался Мар.— Колдуны?

— Что-то вроде того,— согласился Семен.— Но это не на самом деле было. Фантастика это. Сказка.

— Нет, ну почему же сказка,— похмыкал Мар.— Вот, например, прыгалки чужих... Те, круглые, которые по небу летают,— ты их еще видел вместе с дипломатическим пузырем... так у них одно из охранных заклятий как раз для таких случаев предусмотрено. Ежели при перелете из мира в мир при помощи той прыгалки все чужие в ней вдруг возьмут и ненароком помрут и, значит, управлять ею больше будет некому, так это заклятие обязательно кого-нибудь из местного населения в

чужого превратит. Тыщу лет ждать будет, но дождется! Переделает, зараза, так, что родная мама не узнает. Чтобы прыгалку в родной мир вернул. Жадные они, сволочи, эти чужие... У них даже магия чужая,— зло сказал медальон.— Техническая. Вредная. Только с прыгалками и могут из мира в мир путешествовать. Слушай, бросай копать! А вдруг и впрямь под песком чужая хреновина лежит? Летучая тарелка по-твоему.

— Это не тарелка,— сказал Семен,— это...— и с натугой выдернул из песчаной ямы черную пузатую бутыль, обмазанную смолой: горлышко сосуда было запечатано большой сургучной печатью, от которой и шло сияние. Семен встал на ноги и легонько встряхнул бутылку — внутри нее что-то тяжело переместилось.

— Ха, вино! — обрадовался Мар.— Древнее! Это здорово. За древнее вино знатоки очень хорошо платят! И золотом, и заклинаниями, по выбору. Вот мы транспортное заклинание себе за бутыль и выторгуем. Полезная находка. Поздравляю. Конечно, можно такое заклинание и на хранилищное золото выменять, но на вино, случается, охотнее клюют.

— И часто бутылки такими колдовскими печатями опечатывают? — Семен пощелкал по сургучу ногтем.

— Впервые вижу,— честно сказал медальон.— Наверное, очень ценное вино. Вот и опечатали. Чтобы в уксус не перешло.

— Сейчас попробуем, какое оно ценное,— пообещал Семен, ковыряя пробку монетой.— Сдается мне, что вовсе не вино внутри. Сдается мне...— и, отколупнув печать, с хлопком выдернул пробку.

Из бутылки донесся заунывный речитатив:

— ...И, будучи в здравом уме и твердой памяти, учитывая все предыдущие свои обеты, в этот раз я клянусь лишь в том, что тот, кто освободит меня, будет предан смерти. Мной. Лично... О, уже откупорили! Давно надо было так поклясться.

— Тыкай пробку взад! — завопил Мар.— Это джинн!

Но воткнуть пробку Семен не успел — с реактивным воем из сосуда вырвалась струя бурого дыма; бутылка вылетела у Семена из рук и стала носиться над берегом как крылатая ракета, то и дело тыкаясь в песок донышком.

— Не было печали,— расстроился медальон,— так хорошо шли, истории друг дружке рассказывали. А теперь с джинном

воевать придется! Слышал, что он сказал? Что убивать своего освободителя будет. То есть тебя. Эх, докопался, как твоя тетка-дура.

Между тем дым собрался в бурое облако, из которого быстренько слепился невысокий длиннобородый старичок в грязном тюрбане, засаленном халате и остроносых дырявых туфлях на босу ногу. Старичок сильно покачнулся, вдохнув свежего морского воздуха, но устоял на ногах, кашлянул и, приняв угрожающую позу — скрещенные на груди руки, одна нога вперед, глаза вытаращены донельзя,— дрожащим фальцетом заголосил:

— Ты, посмевший освободить меня! — Голос у старичка сорвался на визг: джинн удивленно смолк, тихонько покашлял.— Ты, посмевший освободить меня,— тоном ниже и не так надрывно проговорил старичок и склонил голову, прислушиваясь к собственному голосу.— У тебя, который освободил меня, есть зеркало? — совсем тихо спросил старик, ощупывая свое лицо.— Дай скорее.

— То убивать собрался, то зеркало ему подавай,— недовольно проворчал Мар.— Откуда у нас зеркало? Так ему и скажи. Пусть он сначала от своих гнусных намерений откажется, а уж потом с просьбами обращается!

— А я не с тобой говорю, о болтливая железяка,— окрысился старичок.— Тебя я в первую очередь убью. Вот посмотрюсь в зеркало и убью.

— Глянь-ка, слышит меня! — обрадовался Мар.— Еще один слухач нашелся. Семен, а он, случаем, не воплощение старого Настройщика? Того, о котором ты когда-то говорил. Который помер и свое дело тебе завещал.

— Джинны никогда и никому не завещают свое тело,— визгливо заявил старик,— вот еще!

— А, он еще и глухой к тому же,— пробормотал медальон.— Ей-ей, становится интересно.

— Так есть у вас зеркало или нет? — нетерпеливо повторил свой вопрос джинн.

— К сожалению, нет,— Семен развел руками.— Скажите, вас за что в бутылку укупорили?

— Оно тебе надо знать? Не скажу,— взвился старичок: вопрос оказался явно болезненным.— Готовься к смерти, о не-

счастный! — джинн засучил рукава халата и уставился на Семена, меряя его с ног до головы свирепым взглядом.

— Ну,— сказал Семен, внутренне готовясь к магической атаке.— И что дальше?

— Конец тебе! — завопил старичок, делая руками сложные пассы и нетерпеливо подпрыгивая на месте: — Так, теперь так... Вот тебе, вот тебе! Нет, наоборот,— он остановился, отдышался, обтер потное лицо бородой и опять замахал руками.— Кажется, так. Или не так?.. Что, страшно?!

— Не очень,— признался Семен.— Вредно вам так напрягаться. Успокоились бы, что ли. Давайте мирно поговорим, а? Без рукомашества.

— Ни о какой пощаде не может быть и речи,— категорически заявил джинн.— Я клятву нерушимую дал,— и замахал руками пуще прежнего.

Внезапно старичок взвыл в бессильной ярости, погрозил кулаком в сторону бутылки и с протяжным криком: «Зашибу-у!» — кинулся на Семена. Семен попытался увернуться, но старичок хватко уцепился за рукав его спортивной куртки. Тряся рукав, как енот тряпку, джинн повизгивал от возбуждения; в конце концов он вцепился в материю и зубами.

— Припадочный,— рассудительно сказал Мар.— Сошел с ума от одиночества. Смотри, за руку тяпнет! Колдовать он точно не может,— сделал вывод медальон.— Иначе бы не кусался.

— Успокойтесь, папаша,— Семен с трудом отодрал джинна от себя,— в вашем возрасте — и такие эмоции. Вы знаете, что такое инфаркт?

— Или инсульт,— подсказал образованный медальон.

— Все, все у меня отобрали,— упав на песок, зарыдал джинн, размазывая концом чалмы слезы по всему лицу.— Молодость отняли, богатство отняли, колдовской силы — и той лишили! О горе мне, несчастному! Пойти на чалме повеситься, что ли?— Старик с отвращением подергал себя за бороду.— Или на бороде, вон она какая длинная. В самый раз будет.

— Чалма от вас никуда не убежит,— решительно сказал Семен, ставя легонького джинна на ноги.— Вы давно в бутылке-то? Сколько веков?

— Давно,— покивал джинн,— очень давно. Три недели.

— Это срок,— уважительно поддакнул Мар.— Три недели, это...

— Сам посидел бы,— опять завелся старик,— вот я тогда на тебя посмотрел бы! Темно, холодно, сыро. Скучно. А сколько сидеть еще — неизвестно.

— За что же вас так, а? — Семен подобрал бутыль, потряс горлышком вниз,— из бутылки выплыли остатки бурого дыма, на лету превратившись в драный матрас и дырявое одеяло.

— Там еще рукопись должна быть,— насморочно всхлипнув, сказал джинн.— Особо ценная. Моя.

— Вот она,— Семен подобрал с матраса тугой свиток из плотного пергамента,— прошу,— и подал его старику.

— Спасибо,— буркнул джинн.— Эх, все равно больше не пригодится,— старичок взвесил на руке свиток, хотел было швырнуть его в воду, но передумал.— Перед смертью перечитаю,— пояснил он, пряча пергамент за пазуху.— Так как я только что стал клятвопреступником, у меня есть лишь один выход.— Джинн с тоской посмотрел в сторону леса: видимо, выискивал дерево с толстой веткой.

— Клятвопреступником? Только что? — изумился Семен.— А я и не заметил. Это когда же?

— Когда дал клятву убить своего освободителя,— торжественно изрек джинн, вытягиваясь по стойке смирно.— А клятву исполнить не смог. По освобождении.

— А-а, это...— спохватился Семен.— Верно, была клятва, слышали. Но я вас раньше раскупорил. До того. До клятвы.

— Правда? — оживился джинн.— А что я в тот момент говорил? Что именно?

— Будучи в здравом уме и твердой памяти,— подсказал Мар.— Насчет твердой памяти, может, так оно и есть. А вот относительно здравого ума...

— Спасен! — завопил джинн и затопал ногами от восторга.— Второй раз спасен! И от заточения в бутылке, и от позорной смерти. Счастье-то какое,— и с умилением посмотрел на Семена-спасителя.— Спасибо тебе, о величайший из раскупоривателей.

— Толку-то от твоего спасибо,— фыркнул практичный Мар.— Был бы ты волшебником, тогда другое дело. Тогда можно было бы с тебя что-нибудь поиметь. А так... Хе!

— Был бы я волшебником, ты бы уже давно заткнулась, о болтливая железяка,— высокомерно заявил джинн.— Я бы первым делом клятву исполнил. Ту самую. И пикнуть бы не успели! А потом бы вы уже сами разбирались, до нее вы меня освободили или после... Посмертно.

— Старый хрыч,— посмеиваясь сказал медальон,— дырка от бублика. Он еще и пугать меня надумал задним числом, каков наглец! А ну полезай в свою дудку обратно, чтоб я тебя больше не видел!

— Я — дырка? — разволновался джинн,— да я... Дай, дай железку! — Старик запрыгал вокруг Семена, пытаясь дотянуться до его шеи.— Чтобы меня, великого шейха звезд, шахского прорицателя и астролога, так жестоко унижали? Никто не смеет безнаказанно оскорблять Мафусаила ибн-Саадика. Дай железку, я ее съем! Это я могу. Не жуя.

— Тихо! — рявкнул Семен.— Никто никого есть не будет. И в дудки, то есть в бутылки, лезть не станет. Что вы как маленькие, ну нельзя же так,— Семен взял разгоряченного Мафусаила за шиворот халата и отставил его в сторонку.— Остынь,— приказал парень джинну.

— А ты,— обратился Семен к медальону,— ты ведь сам говорил насчет его твердой памяти и всего остального... Видишь, нехорошо человеку, с головой у него проблемы! Колдовать разучился, оттого и нервничает. Пожалуйста, не задирай старичка, не надо. Договорились?

— Договорились,— нехотя согласился медальон.— Хотя такого просто грешно не задирать.— Мар уныло помолчал.— Ну, раз ты просишь... Слышишь, джинн, давай на мировую? Ты меня не ешь, а я тебя не трогаю. В знак уважения к твоей профессии. У меня к придворным астрологам особое отношение. Своеобразное.

— Извинись! — потребовал джинн.— С почтением извинись.

— Извиняюсь,— покорно сказал Мар.

— А почтение? — с подозрением спросил Мафусаил.— Трепет в голосе — где?

— У меня ангина,— хрипло заявил медальон.— Только что разыгралась. Потому и не слышно почтения. А так — скорблю и каюсь. Всенепременно.

— Извинения приняты,— надменно оповестил Мафусаил океанскую даль.— В первый и последний раз.

— Вот и хорошо,— Семен огляделся.— Не подскажете ли, уважаемый джинн, есть ли здесь поблизости какой-нибудь город? А то все океан да океан. Надоело уже по пляжу бродить.

— Город? — нахмурился Мафусаил.— А как же, есть город. Там,— джинн уверенно махнул рукой в ту сторону, куда и шел до встречи с ним Семен.— Там находится трижды благословенный и трижды проклятый город городов, великий Баддур.

— Кстати, а как называется ваш мир? — внезапно заинтересовался Мар.— Какое у него название по имперскому списку Истинных Миров?

— Мир наш называется Ханским, о любознательная железяка,— довольно вежливо ответил Мафусаил ибн-Саадик,— и ни о каких имперских списках я никогда не слышал. Как и о какой-то там империи.

— Закрытый мир,— упавшим голосом сказал Мар.— Я как чувствовал! Вот же влипли...

— А дозволено ли будет теперь мне узнать — кто вы такой, о храбрый открыватель бутылок? — почтительно спросил джинн, прижимая руки к груди и низко кланяясь Семену.

— Дозволено,— кивнул Сеня.— Меня зовут Семен Владимирович, а любознательную железяку — Мар.

— Воры мы,— равнодушно добавил медальон.— Временно безработные. Специалисты по отладке заклинаний. Из другого мира.

— А! — крикнул, пятясь от них, Мафусаил.— А!

— Заклинило деда,— посочувствовал Мар.— По спине его постучи. Чего это он, бородой подавился?

— Сбылось мое предсказание! — опомнился джинн, выхватывая из-за пазухи пергаментный свиток и потрясая им над собой.— Все сбылось! И именно так, как я здесь описал. Не солгали мне звезды! Есть, есть правда в этом мире,— и торжествующе ткнул в небо пергаментной трубкой.

— Значит, вам одним крупно повезло с таким справедливым мироустройством,— заботливо отметил медальон.— Уникальный случай. Можете радоваться,— и едко захихикал. Но тихо-тихо. Чтобы дедушку не обидеть.

ГЛАВА 6
Сообщество Лиц, Имеющих Массу Проблем

Семен шел по направлению к городу; джинн бегал вокруг Семена Владимировича как приблудная собачонка, преданно заглядывая ему в глаза. И одновременно изливал Семену душу, витиевато и многословно. Как умел.

— ...И тогда звезды сказали мне, о султан моего сердца, что в наш недостойный мир скоро явятся два великих умельца, два виртуоза воровского дела, кои познакомятся со мной при трагических для меня обстоятельствах и смутят после своими деяниями умы людские, и сотрясут основы города Баддур. И придет тогда конец правлению великого шаха Карамана, будь проклят он от пяток до кончика макушки!.. Два умельца, большой и малый. Причем один будет на другом, а вместе они едины — так сказали звезды, чем повергли меня в великое замешательство. И находясь в том тягостном недоумении, поведал я неосторожно шаху все, что узнал от звезд, не облачив жестокую правду в одеяния недомолвок и иносказаний. И вскричал тогда в гневе грозный Караман: «Лгут твои звезды! И ты лжец, поганый и недостойный!» И еще сказал неправый шах: «Коли такие они великие, что шепчут о тех ворах светила небесные, и раз предсказано тебе с ворами теми встретиться — так пусть для начала выкрадут они тебя из темницы стеклянной, заклятием моим опечатанной; силу и молодость твою пусть выкрадут из сокровищницы моей, ифритом лютым охраняемой! А там видно будет»,— после чего трижды хлопнул в ладони и заточил меня в мерзкий сосуд, слугами учтиво поднесенный. И приказал тем слугам закопать бутыль со мной где-нибудь подальше от города. И стал я тем, чем стал,— закончил свою печальную повесть джинн, на ходу промакивая глаза рукавом халата.— Одно лишь меня радует: то, что сбылась первая часть предсказанного звездами — я на свободе.

— Сокровищница — это хорошо,— одобрительно сказал Мар,— люблю сокровищницы. А вот лютый ифрит — это плохо. Не люблю я ифритов.

— А ты их часто встречал? — Семен козырьком приложил ладонь ко лбу, пристально всмотрелся в даль.— Похоже, лес

заканчивается: впереди что-то вроде бухты виднеется. Значит, скоро будет город.

— Не встречал я ифритов никогда. Но все равно их не люблю,— упрямо повторил медальон.— Охранник он и есть охранник, как его ни обзывай. Тем более лютый. Ну ее к чертям, ту сокровищницу! Обойдемся и без сотрясений основ славного города. Тихо-мирно бомбанем какой-нибудь сейф с заклинаниями и свалим в местечко поспокойнее, без ифритов. На Перекресток. В тот дом, с пентаграммой и со связью. Интересное место... Мафусаил, у вас сейфы сложные?

— Нет у нас никаких сейфов, о неразумная железяка,— сухо ответил джинн,— не ведаю я о столь дивных местах для хранения заклинаний. Ибо настоящие заклинания творятся не записанными на бумаге словами, а движением рук, пальцев, глаз и бровей. И тайным напряжением пупка.

— Как так,— не поверил Семен,— да я целую книжку разговорных заклинаний недавно в руках держал! Ни о каких пупках там вроде не упоминалось. Правда, я ее толком не смотрел... да и пользоваться теми заклинаниями нельзя — они все первичные. Без необходимых мер защиты.

— Вот! — назидательно поднял палец Мафусаил.— Потому словоговорение и стало повсеместно магией недозволенного толка. Ибо от слов говорящих лишь одни беды происходят. Сказано в преданиях, что была когда-то великая битва между небесными богами: богами чародейного слова и богами волшебства тела. И погибли в муках боги слова, страхом необычайным объятые, в страхе том напоследок наш мир породив. И увидели это боги тела, и сошли тогда они в тот несчастный мир и научили жителей его неразумных основам магии жестов и поз. И после оставили их в покое, уйдя в свою небесную высь.

— Слимперские штучки,— презрительно заметил Мар.— Колдовство немытых рук и грязных ногтей. Убожество.

— А насчет защиты от первичных заклинаний,— продолжил джинн, к счастью, не расслышав сказанное медальоном,— то встречал я одного мага-отступника, знавшего универсальное слово защиты. Которое добавляется к таким заклинаниям, делая их безопасными и доступными для повсеместного использования. Даже для вовсе не искушенных в магии. Особое

слово! Я о нем услышал, когда того словесника-иноверца в шахской пыточной от ереси перевоспитывали.

— Какое слово? — хором воскликнули Семен и Мар.

— Не помню,— расстроенно ответил джинн.— Оно мне и не нужно было, то слово запоминать. Ересь и вред!

— Жаль,— коротко сказал Семен.— Очень жаль. А найти того словесника можно?

— Нельзя,— с сожалением покачал головой Мафусаил.— Ибо прах его был скормлен свиньям в назидание остальным. А свиньи заколоты и скормлены псам. А псы...

— Достаточно,— оборвал джинна Семен.— Круто тут у вас с инакомыслящими... с иначе колдующими обходятся. Не дружелюбно.

— На том и стоим,— гордо кивнул Мафусаил.— Но все ваши проблемы можно с легкостью уладить! Стоит лишь вернуть мне из шахской сокровищницы былую силу и молодость, как память моя сразу же восстановится. И я с радостью помогу вам своим волшебным умением, о блистательные воры! Тем более что я и так должен своему освободителю одно желание — по закону второй, более ранней клятвы.

— А почему не три? — немедленно влез в разговор медальон.— Как правило, обещают три желания, а не одно. Я слышал сказки о джиннах! Меня не проведешь.

— Раньше надо было меня освобождать, о хитроумная железяка,— усмехнулся джинн.— После первой клятвы. До второй.

— Собственно говоря,— прервал их спор Семен,— не очень-то нам то чародейное слово и нужно было. Нужно, но не очень. Нам бы из вашего мира выбраться, и ладно. Вернуться туда, откуда мы сюда попали. Это можно устроить?

— Разумеется, о владелец говорящего железа,— кивнул Мафусаил.— Можно или изучить волшебство тела, на что уйдет лет двадцать, и вернуться самому, без посторонней помощи. Или помочь бедному джинну в его беде. За что бедный джинн обязуется выполнить одно ваше сокровенное желание. То есть отправить вас назад.

— Так или иначе, а все идет к тому, что придется нам лезть в шахский дворец,— задумчиво сказал Семен.— Магию движения ни я, ни ты, Мар, не потянем.

— Я бы потянул,— возразил медальон,— да у меня ни рук, ни бровей нету. Ни тем более тайного пупка. А какая ж магия, да без дырочки на пузе!

— Еще бы,— подтвердил джинн.— В магии тела насчитывается сто пятьдесят два основных движения, не считая трехсот шести вспомогательных поз,— из них двадцать пять настолько срамных, что я и говорить о них не стану, дабы не пачкать свои уста и ваш чуткий слух такими недостойными словами. И везде обязателен пупок! Это ключевая часть заклинания действием.

— А вот и город.— Семен остановился, уперев руки в бока.— Красив, ничего не скажешь. Как на картинке.

Великий город Баддур раскинулся сразу за широкой синей бухтой, ступеньками поднимаясь от нее по пологой длинной горе. Белые здания с серебряными крышами прятались среди прохладной зелени; узенькие улицы змеились между ними, ответвляясь лабиринтами еще более узких переулков. Две высокие каменные стены отделяли город от подступающего к нему леса, с одной и другой стороны горы, возле дальней стены расположился причал.

В бухте стояло несколько больших одномачтовых кораблей со спущенными парусами; маленькая весельная лодочка медленно шла от одного из кораблей к далекому причалу.

На самом верху горы красовалась высокая серебряная башня, ослепительно сияющая под жарким послеполуденным солнцем. Башня была удивительно похожа на космическую ракету— такую, какой ее рисуют в комиксах,— настолько, что Семен невольно затаил дыхание, ожидая услышать далекий гул работающих двигателей. Но услышал лишь слабый лай собак да скрипучие крики вездесущих чаек.

— Ослепнуть можно,— Семен протер глаза,— вам что, серебро девать некуда?

— Иначе никак нельзя,— джинн мельком глянул в небо,— это необходимая защита от заоблачных шайтанов. Шайтаны те летают в круглых небесных повозках и за нами тайком подглядывают. И днем и ночью. Особенно ночью. И коли не убережешься да зазеваешься, так и украсть могут в рабство. Запросто! Или разума лишить во сне. А серебро их надежно

отпугивает. Не могут они заглядывать в такие дома, где крыши серебром покрыты. Боятся, наверное.

— Чужие,— сразу догадался Мар.— Эти могут, в рабство-то. Только зачем им рабы? Не понимаю. Хм, интересно, а при чем здесь серебро? Может, оно как-то чего-то отражает... чем-то на них воздействует... Никогда не слышал о такой взаимосвязи,— озадачился медальон.

— Обычно серебряными пулями оборотней убивают,— рассеянно сказал Семен, придирчиво оглядывая себя: маскировочный костюм стал белым просторным халатом, белыми шароварами и черными туфлями с загнутыми носками. На голове у Семена появилась пышная чалма, тоже белая.— Но то оборотней... Ну как, Мафусаил, нормально я смотрюсь?

— Вполне нормально, достопочтенный,— подтвердил джинн.— Только лучше бы тебе победнее выглядеть. И погрязнее. Там заплатка, здесь дырка... И тогда городская стража у ворот не будет домогаться от тебя денег. Ибо одинокий незнакомец, да еще богато одетый, может стать жертвой их неуемной алчности.

Пока джинн произносил свою тираду, Семен опять преобразился: сейчас он выглядел как близкий родственник самого Мафусаила. Такой же ободранный и гадкий. Как помойный кот.

— Очень хорошо,— одобрил джинн.— Остановиться можно будет у меня дома, о чародей воровских одежд. Дом, конечно, у меня тоже отобрали, не удивлюсь, если в нем кто-то уже проживает, но есть одна никому не известная пристройка к нему, с большой комнатой и отдельным выходом на соседнюю улицу. В тупик. И ключ там же спрятан, в тайничке.

— А зачем такая пристройка нужна? — Семен с интересом покосился на джинна.— Для астрологических занятий? Или для отработки двадцати пяти неприличных поз?

— Не скажу,— заупрямился Мафусаил.— Тебе и не нужно знать, поверь мне! Тайна сия настолько ужасна, что даже я содрогаюсь, вспоминая о существовании той комнаты. Пойдем скорей в город, о пытливый знаток отмычек, пойдем,— и, закруглив тем самым разговор о загадочной пристройке, потащил Семена следом за собой, привычно ухватив его за рукав.

Баддур лишь издали выглядел тихим и спокойным городом — со стороны, обращенной к океану. Путники вошли в

славный Баддур с другой его стороны, обойдя вдоль стены пологую гору и раскинувшиеся на ней дома с серебряными крышами: там, за горой, и был настоящий город — шумный и пыльный. Живой.

Как пояснил джинн, возле бухты обитали только шахские придворные, шахские наложницы и богатые, достойные уважения представители купеческого сословия. В серебряной башне проживал сам шах, сто колючек ему в пальцы и каленое шило в пуп, а под башней находилась та самая сокровищница, куда славному вору по имени Семен и надлежало заглянуть в ближайшее время.

Городские ворота были распахнуты настежь. Перед воротами стоял вьючный караван из непривычных для Семена животных — нечто среднее между верблюдами и ослами; четверо дюжих стражников были заняты выколачиванием въездной мзды из несговорчивого старшего караванщика и потому совершенно не обратили внимания на двух нищих, торопливо проковылявших мимо них к воротам.

Баддур сразу ошеломил Семена громким шумом, криками, пестрыми красками, толкотней и суетой. И запахами. Было такое впечатление, что за воротами начинался базар без конца и края — место, где торговали всем сразу: и тканями, и скотом, и посудой, и едой.

Дымились над мангалами румяные шашлыки; то там, то тут высились горы дынь — или каких других плодов, но очень похожих на дыни; был виноград в высоких плетеных корзинах, над которыми вились осы; протяжно кричали разносчики холодной воды, предлагая утолить жажду; на разные голоса вопили менялы, обещая самый выгодный обмен денег; в теньке, под полосатыми матерчатыми навесами, сидели толстые продавцы вина, молча и услужливо разливая вино в оловянные стаканчики — их товар в рекламе не нуждался.

Продавцы тканей, продавцы зелени, продавцы табака, продавцы фруктов, продавцы ножей, продавцы сладостей... У Семена голова пошла кругом. И еще он почувствовал, что сильно проголодался. Да что там проголодался — есть хотелось до невозможности! Последний раз он ел черт знает когда и вообще в другом мире.

— Минутку.— Семен полез в карман и нащупал там золотой кругляш, которым он недавно орудовал вместо совка.— Мафусаил, пошли пообедаем. Я угощаю,— и показал джинну монету.

Джинн испуганно огляделся по сторонам — не заметил ли кто блеска золота? — и, привстав на цыпочки, торопливо зашептал Семену в ухо:

— Не вздумай предлагать такую монету уличным продавцам! Тебя сразу обвинят в том, что ты ее у кого-то украл. И позовут стражу! Сам подумай — откуда у бедных нищих может быть золото? Не надо зря рисковать, о неразумный любитель вкусной еды, и лучше отдай опасное богатство мне, подальше от соблазна.

— Бери,— великодушно разрешил Семен, небрежно суя монету в руку джинну,— у меня таких еще много. Не обеднею. Но есть-то все равно хочется.

— Будет тебе еда,— торжественно пообещал Мафусаил, пряча золотой за щеку,— фкоро буфет.— Щека у джинна заметно опухла; от монеты у Мафусаила явно испортилась дикция.

— Так фернее,— пояснил джинн,— иф кафмана мофут укфасть. Изо фта — нет.

— Теперь у него полный комплект старческих недомоганий,— безмятежно сказал Мар.— Глухой, шепелявый и без памяти. Можно и в утиль сдавать. В приют для престарелых джиннов.

Мафусаил зло сверкнул на медальон глазами, но промолчал— говорить ему сейчас действительно было трудно. Махнув рукой в сторону, джинн потянул Семена за собой, лавируя среди горланящих продавцов, повозок и торговых шатров. Семен на ходу проверил, на месте ли кошелек и листик с заклинаниями — все было надежно спрятано во внутренних нагрудных карманах. Было бы очень обидно, если бы его, вора с прикрытием, обворовал какой-нибудь мелкий рыночный воришка. Обидно и невосполнимо.

Джинн вытащил Семена из толчеи и поволок его дальше, в сторону кривобоких саманных домиков, отгороженных от рынка низкими глинобитными заборчиками. Нырнув в узкий переулок между домами, Мафусаил поспешно зашагал вверх

по поднимающейся в горку дороге, то и дело оглядываясь назад.

— Есть у меня подозрение, о мой быстроногий спутник, что за нами кто-то следит,— вынув монету изо рта, с тревогой сообщил Мафусаил и в очередной раз оглянулся назад.— Блеск золота порой поопаснее жадного стражника будет! — и спрятал монету в складках своей чалмы.

— Не переживай,— Семен ободряюще похлопал старика по спине,— пробьемся. Правда, Мар?

— Возможно,— уклончиво ответил медальон.— Проблема лишь в том, как именно пробьемся. И чем пробиваться будем. Видишь впереди двоих? По-моему, у них в руках дубинки. Или кистени, не разберу...

— Сзади тоже двое,— севшим голосом доложил Мафусаил.— И тоже с дубинами. Ой-ой...

Демонстративно поигрывая тяжелыми дубинками и нагло улыбаясь, два крепких молодца в лохмотьях поджидали Семена и джинна возле очередного поворота узкой улочки. Сзади подбегали еще двое, для устрашения громко ругаясь и размахивая на бегу увесистыми палками.

— Деньги! — громко сказал один из встречных молодцов и с ухмылкой протянул вперед руку.— Гони монету, сволочь, пока тебя не прибили. Давай-давай,— и нетерпеливо поманил джинна пальцем.

— Какую монету? — очень натурально возмутился Мафусаил, тряся бородой от страха.— Сам посуди — откуда у нищего странника может быть золото?

— Вот ты и проговорился,— заметил второй молодец, перехватил дубинку из руки в руку и лениво спросил напарника:— Может, пришибить их для начала? До смерти. А потом и поговорим.

— Рашик, там кого-то на улице убивать собрались,— донесся из-за глиняного забора испуганный женский голос.— Рашик! Зови стражу!

— Уймись, женщина,— недовольно ответил невидимый Рашик,— не лезь в мужские дела. Сами разберутся.— И голоса тут же стихли.

— Настоящий мужчина,— одобрительно кивнул в сторону забора молодец с протянутой рукой.— Уважаю.— И хмуро глянул на странников.— Ну, долго я еще буду ждать?

— Ситуация выходит из-под контроля,— шепнул Мар.— Что делать будем? Может, отдадите монету? Хрен с ней, у нас еще есть.

— От этих одной монетой не откупишься,— быстро шепнул Семен.— Заклинание невидимости у тебя еще работает?

— Чуть-чуть работает,— так же быстро ответил медальон.

— Тогда начинай мерцать,— еле слышно приказал Семен,— так, чтобы я то виден был, то не виден,— и шагнул вперед, небрежно оттолкнув джинна к забору.

— Дети порока! — взревел Семен, поднимая к небу руки.— Как вы смеете нападать на моего раба?! Именем царя шайтанов за такую провинность объявляю и вас своими невольниками! Ко мне, моя круглая небесная повозка! Ко мне! Сегодня ты повезешь не одного, а сразу пятерых рабов — то-то будет радости в моих садах ужаса! — и раскатисто захохотал прямо в рожи опешившим разбойникам.

Одновременно с этим маскировочный костюм лихорадочно стал преображаться, превращаясь то в саван смерти, то в бинты мумии, то в медицинский халат, заляпанный кровью,— Семен спешно придумывал себе одежку пострашнее; наконец костюм успокоился, превратившись в ушастый бетманский наряд. Семен позволил себе лишь несколько отступлений от классического кинообраза — отказался от ненужного плаща и организовал у себя на груди и на спине по выпуклому кровавому глазу. И тут включилось мерцание.

Добры молодцы взвыли от ужаса — и те, что были спереди, и те, что подбежали сзади. А когда оба глаза, на спине и груди, медленно моргнули... Дубинки остались лежать на земле. А добры молодцы пропали, только пыль осталась висеть над дорогой.

— Рашик, Рашик,— истошно запричитал женский голос за забором,— что с тобой? Почему ты упал? Рашик, зачем ты подглядывал в щелку?! Ой, Рашик, Рашик...

— Вперед! — Семен подхватил обмякшего джинна под руку и как ни в чем не бывало пошел дальше, на ходу превращаясь из кровавого шайтана в безобидного нищего.

— Это было круто,— с восторгом сказал Мар,— давно я так не веселился! Это, знаешь, будет похлеще, чем когда один из моих хозяев изображал овцу — мы тогда из пещеры циклопа выбирались... Ты знаешь, кто такие циклопы?

— Знаю,— отмахнулся Семен.— А как звали того твоего хозяина? Не Одиссей ли?

— Зачморой его звали,— пренебрежительно ответил медальон.— Кличка такая. Имени у него не было, не заслужил. А Одиссей... М-м, что-то знакомое... Не помню. Вроде слышал где-то, а где — не помню. А что, важная шишка?

— Да уж поважнее твоего Зачморы.— Семен потряс джинна за плечо.— Мафусаил, очнись!

— Не забирай меня, о красноокий шайтан,— взмолился джинн, не открывая глаз,— ибо слаб я и стар, чтобы быть твоим рабом.

— Да, в этот раз ты был убедителен,— согласился Мар,— в этот раз лицедейство у тебя получилось. И что важно — без моей придумки! С моргающими глазами, так это вообще... Ха-ха! Вот как рождаются нездоровые слухи и начинается сотрясение основ города — с хорошо организованного обмана. Профессионально сделанного. Добротно. Что ж, лиха беда начало,— медальон помолчал, затем продолжил: — Я думаю, что тебе надо внимательно ознакомиться с пророчеством этого слабонервного астролога. Больно уж все совпадает. И освобождение из бутылки с нашим дальнейшим знакомством. И сотрясение основ, во всяком случае ребят с дубинками и неведомого Рашика ты уже потряс. На всю оставшуюся жизнь. Через час весь город будет гудеть... Знаю я эти отсталые миры, у них сплетни разлетаются быстрее птиц.— Медальон коротко хохотнул.— Быть большой буче,— радостно сказал он.— Быть! Зуб даю,— но не уточнил, чей именно.

Дом с пристройкой находился в элитарном районе, где проживали шахские придворные и купцы, возле бухты. Чтобы избежать лишних расспросов со стороны патрулирующих район стражников, Семен в одном из пустых переулков придал себе вид богатого торговца: плотный белый халат с золотой оторочкой, белые шаровары и белая чалма, черные туфли — тот самый набор, который в свое время забраковал Мафусаил. В этом районе такой наряд оказался как нельзя кстати — стражники равнодушно проходили мимо идущего по своим делам важного купца и семенящего рядом с ним старика-слуги.

В торце глухого тупика, изогнутого и заваленного мусором, была крепкая дубовая дверь, грязная и почти невидимая на фоне такой же грязной стены. Поковырявшись в мусоре, Мафусаил вытащил из-под какой-то помятой кастрюли большой ржавый ключ с затейливой бородкой.

— Не поверите, скольких усилий стоило мне привести этот чистенький закоулок в такой безобразный вид,— пожаловался джинн, вставляя ключ в замочную скважину.— Пришлось мусор самому понемногу приносить, из бедных кварталов. Зато никто сюда и носа не сует — если случайно и забредут, так сразу же и уходят. Свалка, одно слово,— и с усилием провернул ключ.

Замок издал неожиданно мелодичный звук, и обшарпанная дверь слегка приоткрылась.

— Ну ты и конспиратор,— восхитился Семен.— Дверь небось тоже грязью специально мазал? Для маскировки.

— Само собой,— буркнул джинн и, пропустив Семена впереди себя, вошел следом за ним и запер за собой дверь. Семен с изумлением огляделся.

Пристройка была хороша — над головой высокий лепной потолок с неяркими матовыми лампами, утопленными в причудливой лепнине; необъятный зал тянулся куда-то вдаль, задрапированный вдоль и поперек разноцветными шелками; высокие зеркала по стенам, изящные столики и кушетки где ни попадя и далеко в глубине — еле видимая сквозь тонкие шелка громадная кровать, укрытая от посторонних глаз опущенным серебристым пологом.

— Траходром,— со знанием дела сказал Мар.— Место любовных утех. Ай да джинн, ай да астролог! Ай да звездочет!

— Да, в таком местечке и на ум не придет звезды считать,— охотно согласился с медальоном Семен.— А кто же, если не секрет, бывал здесь? Какие-нибудь астрологини? Предсказательницы судеб?

— Увы мне,— закручинился Мафусаил,— что теперь скрывать! Прелюбодеяние и разврат творились в этой обители греха... Здесь, в этом гнезде порока, прекрасные шахские наложницы тайно любили меня,— джинн протер глаза бородой и трубно высморкался в полу грязного халата,— а я любил их. Всех! Ну, не сразу, конечно, откуда столько сил, а по очереди и в разные дни.— Джинн с презрением посмотрел в сторону далекой кровати.— Горе мне, горе! Как я мог? Нет чтобы от-

даваться таинствам звезд, изучать движение светил, преумножать свою мудрость...

— Тебе, Мафусаил, здорово повезло, что ты на предсказании погорел, а не на тайных свиданиях,— поспешил утешить джинна Семен.— Представляешь, что было бы, если б шах-государь тебя в таком месте да со своими наложницами застукал?!

— Не представляю,— мрачно ответил джинн.— Шах большой выдумщик насчет пыток и медленного умерщвления неугодных. Все! Никогда больше такого не повторится. Никогда! Наука и звезды — вот мой удел, вот занятие, достойное пылкой любви. А не плотские утехи.

— Это он сейчас так говорит,— шепнул Мар.— Посмотрим, что он запоет, когда помолодеет,— и мелко затрясся на цепочке в приступе беззвучного смеха.

— Кстати, о предсказаниях.— Семен присел на кушетку.— Дай посмотреть твой свиток. Может, чего интересного прочитаю. А ты пока сообрази насчет еды, как обещал, хорошо? Прямо мутит от голода, надо же.

— С радостью, о великий знаток грамоты,— Мафусаил достал из-за пазухи пергаментную трубку и с полупоклоном вручил ее Семену.— Я искренне надеюсь, что мои слабые попытки приподнять незримую завесу далекого будущего стоят тех усилий, кои...

— Жрать давай! — рявкнул Семен и стукнул кулаком по столику.

— Будет сделано! — коротко отчеканил джинн и спешно умчался в глубь зала, лишь занавески колыхнулись от ветра.

— С ним только так,— сердито проворчал Семен, разворачивая свиток.— Ну-ка, что тут про нас говорится? — и углубился в чтение.

Пока Мафусаил расставлял на столе вяленое мясо, сухие лепешки, свежие фрукты и кувшин холодной воды, Семен изучал предсказания.

Предсказаний было много. Лет на триста вперед, а то и больше: четкой хронологии, естественно, не было никакой. Где-то в самом конце свитка Семен нашел и телеграфно короткое сообщение о нем самом, о Семене Владимировиче: ничего нового, о чем бы им тогда не рассказал джинн, в том предсказании не имелось. Все остальные пророчества оказа-

лись настолько туманны и насыщены непонятными намеками и ссылками, что читать их было просто бессмысленно. Все равно ничего не понять.

Семен отложил пергамент и вплотную занялся мясом и лепешками, запивая их холодной водой. Пока он ел, джинн успел где-то выкупаться, коротко подстричь бороду и переодеться во все новое. В таком виде он выглядел куда как благообразнее, хотя одежда ему была заметно великовата; отмытый и подстриженный джинн здорово смахивал на постаревшего Шона Коннери. Как брат-близнец.

— Скажи, Мафусаил, а звезды тебе не намекнули, как мы сможем пробраться в шахскую сокровищницу? — Семен с аппетитом захрустел яблоком.— Или, может, ты у них сегодня ночью поспрашиваешь? Я вижу, ты с небесными светилами накоротке — вон сколько пророчеств наклепал! И что, все-все сбудутся?

— Сомневаюсь,— джинн отщипнул кусочек лепешки.— Сомневаюсь, что звезды помогут мне в столь пустяковом для них деле, как проникновение во всякие там сокровищницы. Нет им до людских сокровищ никакого дела! А насчет долгосрочных предсказаний... Насчет них я тоже сомневаюсь. В их правдивости. Звезды порой бывают весьма лживы... Но долг астролога заставил меня записать все, что я узрел в небесах, дополнив предсказания обязательными в таком случае туманными намеками и расплывчатыми предположениями.

— А зачем они нужны, эти намеки и предположения? Туманные.— Семен с удовольствием запил яблоко холодной водой и вытер рот салфеткой.

— Как же иначе? — удивился джинн.— Предсказания — вещь деликатная. Нельзя в них ничего говорить откровенно и в лоб! Тем более указывать конкретные даты. Опасно это. Что далеко ходить, три недели тому назад... А, ладно. Что случилось, то случилось. Так вот, о любознательный повелитель карманов, знай же — чем больше тумана и непонятностей в пророчестве, тем больше шансов, что такое долгосрочное предсказание окажется верным, даже если оно изначально ошибочно или попросту выдумано. Когда-нибудь, но верным! Пусть даже и через сотни лет. Когда случайно, хоть немного, хоть чуть-чуть, оно совпадет с каким-нибудь важным событием, о

котором астролог, по правде говоря, и понятия не имел,— потомки обязательно растолкуют расплывчатое пророчество так, как этого не смог бы сделать и сам предсказатель. Достаточно одного такого совпадения, и все: имя твое обессмертится на века. А у меня таких предсказаний сотни! Хоть одно, но сработает... Я так думаю.

— Так он в гении метит,— догадался медальон,— в веках наш дедушка прославиться хочет! Вот это размах, вот это амбиции,— позавидовал Мар.— Молодец. А я-то думал, что он недотепа. А он ух какой, оказывается! Я тебя уважаю. Хочешь ты того или нет.

— Я не против,— скромно ответил джинн.— Уважай.

— Ну вылитый Нострадамус,— зевая сказал Семен.— Тотальный провидец. Теперь я понимаю, как делаются великие предсказания. Жулики вы, господа астрологи. Никому верить нельзя,— зевнул еще раз и растянулся на кушетке.— Устал я что-то. Пожалуй, посплю немного.

— Отдыхай, о непревзойденный специалист по замкам,— согласно покивал Мафусаил.— Сегодня ночью нам предстоит нелегкая работа! А я пока схожу к шахской башне, посмотрю, что да как. Думаю, меня никто в тех краях не признает,— поклонился и ушел, тихонько заперев входную дверь снаружи. И Семен немедленно уснул.

Проснулся Семен оттого, что ему кое-куда приспичило. Так как джинн забыл объяснить, где именно находятся столь важные удобства, пришлось Семену искать их самому. Заодно он полностью ознакомился с безразмерной пристройкой и убедился, что она, в общем-то, действительно невелика, а дополнительное пространство в ней было создано все той же магией: комната попросту была повторена много раз, о чем ясно говорили видимые только Семену дымчатые перегородки пространственных состыковок.

Кроме удобств обнаружился и небольшой комнатный садик с карликовыми фруктовыми деревьями и журчащим между ними ручьем,— джинн, судя по ухоженности садика, был еще и эстетом-садоводом; Семен с трудом удержался от того, чтобы вырезать на стволе ветвистой яблоньки какую-нибудь необычную памятную надпись. Само собой матерную.

— Ну словно школьник! — отругал он самого себя и пошел к выходу.— А куда это наш знатный мичуринец запропастился?— раздраженно спросил он у закрытой входной двери.— Что-то слишком долго его нет. Уж не опознал ли кто его? Шахские наложницы, например. И мучают сейчас беднягу, по старой памяти,— развеселившись от такого предположения, Семен пропустил момент, когда дверной замок мелодично тренькнул.

Дверь распахнулась, и вошел джинн. Вид у Мафусаила был растрепанный и крайне озадаченный. Словно он только что отстоял длинную скандальную очередь в пивнухе, а долгожданное пиво закончилось прямо перед ним.

— Что случилось? — встревожился Семен, напуганный горестным выражением лица джинна.— Опознали? Все пропало?

— Золото,— дребезжащим голосом произнес Мафусаил, протягивая Семену очень знакомую монету. И трагически замолчал, как будто этим словом было сказано все.

— Действительно, золото,— согласился Семен, взял тяжелый кругляш и недоуменно повертел его в руках.— Ну и что?

— Это неправильное золото,— убежденно сказал джинн.— И делают его в неправильном мире. В шайтанском.

— Чего это он нашими деньгами недоволен? — возмутился Мар.— Семен, я понял — это местный заговор против нашего богатства. Нас третируют!

— Попрошу внятных объяснений,— потребовал Семен, не обращая внимания на опрометчивое заявление медальона.— Почему неправильное? Как это понимать?

— Его не существует,— понизив голос и зачем-то оглядываясь по сторонам, произнес джинн.— Оно как бы есть, но его как бы и нету. Я только что заходил к Абдулле-меняле, есть тут один... меняет туда-сюда... Так он через золотомерное стекло стал монету проверять, как положено. На предмет наведенной порчи, сглаза и прочего колдовства. Бывает, знаете, камешек в дорогую монету превратят или кусок свинца заклинанием облагородят... Глянул он в стеклышко — и все, сразу отказался от размена. Шайтанское, кричит, у тебя золото. Нету его! Потому что стекло ни монеты, ни чего другого вместо нее не увидело. Вообще. Стражников хотел позвать!

— Позвал? — встрепенулся Мар.

— Не успел,— огорченно ответил Мафусаил.— Я его тем стеклом по голове стукнул. Тяжелое стекло, на подставке... Хороший человек был Абдулла, всегда мне денег занимал. А так — сволочь сволочью. Ростовщик.

— Интересное кино получается,— Семен раздраженно швырнул на столик злополучную монету,— золото, которого у меня навалом, элементарной проверки не выдерживает. Специальное стекло его не видит! Черт знает что, а не богатство. Хлам. Фальшивка.

— Не скажи,— запротестовал медальон.— Мало ли чего там их стекло не углядело... Разобраться сначала надо, а уж после ругаться. Не зря же Хранилища существуют, не зря же их столько лет ищут! Не будут в таких местах всякую фальшивку держать. Смысла нету. Может, оно особое, то золото. Хитрое. С секретом.

— Хитрое оно там или нехитрое, а хлеба на него не купишь,— пожал плечами Семен.— Во всяком случае, там, где есть золотомерные стеклышки.

— Но не у всех же они имеются,— резонно заметил Мар.— В крайнем случае будем покупать хлеб у слепых продавцов. Или у косоглазых. Выкрутимся как-нибудь.

— Слепой продавец,— с сомнением покачал головой джинн,— это как безногий скороход, о хитромудрая железяка. Не бывает таких. Я не встречал ни тех, ни других.

— На концентратах проживем,— буркнул Семен.— На пищевых заклинаниях. По-походному, стало быть.

— Кстати, о походных условиях,— спохватился Мар.— Ничего не получится. У меня полный пробел на эту тему! Заклинания еды тоже закончились, понимаешь. Я ведь тебе говорил...

— Что там в городе? — поспешил сменить неприятную тему Семен.— Все спокойно? Народных волнений по поводу явления шайтанов не было?

— Никаких проблем,— заверил джинн.— Особых волнений уже нет, все под контролем шахской стражи. Рынок разогнали, когда горожане полсотни нищих прирезали, тех, в которых свидетели-бандиты узнали переодетых шайтанов. Нас, то есть. Да сгорело десятка два домов. Да пару купеческих кораблей, что в бухте стояли, под шумок разграбили и на дно пустили. А так — все тихо и мирно. Уже.

— Вот народ поразвлекался! — восхитился Мар.— Корабли, и те не пожалели. Да, большая буча — вещь серьезная... А что там насчет шахской башни?

— Все нормально,— успокоил Мафусаил Семена, хотя вопрос задал медальон.— Тайный лаз остался там же, где и был... А я что, не говорил вам про него? Нет? — обеспокоился джинн. Семен отрицательно помотал головой.— Значит, как-то к слову не пришлось. Обычным образом в шахскую башню нам никак не пробраться, о специалисты по скрытым перемещениям, а вот через мой ход, пожалуй, будет можно. Наверное.

— Откуда он взялся-то? — поинтересовался любознательный Мар.— Крысы, что ли, его прогрызли? Тайные ходы в стратегические объекты специально не делают! Себе дороже станет. Особенно ежели там сокровищница. Шах не позволил бы.

— Разумеется, не позволил бы,— вздохнул Мафусаил.— Но Гюзель, она такая... такая пылкая! Такая непредсказуемая! А шах ее из башни никуда не отпускает. И я, в нарушение всех устоев, самолично...— джинн, заикаясь от смущения, постепенно перешел на шепот,— подло воспользовавшись доверенным мне знанием... нагло обманув сторожевых духов... посмел создать магический лаз. О позор мне! О стыд!

— Наш человек,— убежденно сказал медальон.— С задатками. Так ты что, прямо в башне, у шаха под носом — того? Только не ври, что это ты делал в шахской спальне, да еще и на его кровати. Все равно не поверю.

— Именно так! — джинн в тоске заломил руки.— Неискупимы мои прегрешения. И случившееся со мной я считаю лишь малым наказанием за все то, что сделал я, предавшись постыдному зову своей необузданной плоти и неукротимой похоти! Увы мне, увы.

— Просто половой гигант какой-то,— пробормотал Семен, с невольным уважением глядя на тщедушного старика.— А ты не врешь?

— Перед лицом смерти не лгут,— торжественно ответил Мафусаил, строго глядя на Семена.— Если мы не проникнем в сокровищницу, то дни мои будут сочтены. И очень скоро. И лгать мне в этом случае недостойно, о пытливый укротитель ифритов.

— Ифрит! — всполошился Мар.— Про ифрита я ведь и забыл! Что с ним делать? Что?

— Пройдем через магический ход, а там видно будет, что,— рассудительно сказал Семен.— Там посмотрим.

— Эх, где наша не пропадала,— разудало решил медальон.— В том смысле, что в местных ходах этого уж точно не случалось: никакая наша здесь еще не пропадала. Пошли, что ли?

— Пошли,— согласился Семен.— Прямо сейчас. Чего тянуть-то.

— Только я вас очень прошу,— взмолился Мафусаил,— будьте осторожны. Крайне осторожны! И молчите в любом случае. Даже если нас поймают. Даже если у нас ничего и не получится. Чтобы стража ход не обнаружила!

— Это почему? — снисходительно поинтересовался Семен.— Сам, что ли, после за своей молодостью пойдешь? Если мы засыплемся. Если ты живой останешься.

— Вот именно.— Джинн страстно облизал губы.— Если жив останусь, то Гюзель я обязательно навещу. Напоследок.

— А врал, что старенький,— изумленно сказал медальон,— что зарекся навеки. Ох ты,— и засмеялся так, что заходил ходуном на цепочке.

Семен подумал и присоединился к нему.

— Не понимаю причин столь неуместного веселья,— сухо сказал Мафусаил, раздраженно тыкая ключом в дверной замок.— Я только поцеловать ее хотел напоследок,— и с силой крутанул ключ.

— А как же,— просипел Мар,— я и не сомневался. Именно что поцеловать. Не более,— и заржал крайне неприличным образом.

ГЛАВА 7
Сторожевой Ловчий Ифрит, Могущественный и Преданный

К шахской башне Семен и Мафусаил добрались без приключений.

Была темная безлунная ночь, жаркая и влажная. Улочки были пусты и тихи, лишь изредка где-то дурными голосами взлаивали собаки, но сразу же испуганно замолкали; тяжелый ночной воздух пах горелым.

Редкие встречные группы ночного дозора были слышны издалека: стражники топали сапогами по грунтовке и нарочито громко бренчали оружием, пугая возможных шайтанов. Потому обойти дозор стороной было несложно — сложно было не запутаться в лабиринте глиняных стен, закоулков и тупичков. Но джинн легко ориентировался в темном неосвещенном городе — видимо, такие походы вслепую были для него привычны. Впрочем, Семена это вовсе не удивляло: при таких-то запретных увлечениях да не научиться безошибочно определять направление?! Когда от этого порой зависит вся твоя жизнь. И не только твоя...

Серебряная башня возникла неожиданно: пробрались через какие-то низкие незапертые дверцы в толстых каменных стенах, куда приходилось протискиваться чуть ли не на четвереньках; потом был сад с сырой землей и сладким запахом спелых яблок; затем кусты с жесткими ветками и острыми колючками; и вдруг — башня.

Стояла такая темень, что, несмотря на полированное серебро стен, Семен так и не увидел башню сквозь листву и через пару шагов наверняка врезался бы в нее, если бы джинн вовремя его не предупредил:

— Мы пришли, о ловкий покоритель сокровищниц.— Мафусаил деликатно попридержал Семена за талию и вывел его на открытое пространство, где было несколько посветлее.— Сейчас мы с той стороны башни, где стражники никогда не бывают: здесь самая толстая стена и самые густые заросли шиповника. Потому опасаться нам нечего. Но и медлить не стоит! Позволь указать тебе мой лаз.— Джинн, судя по осторожным шлепкам, пытался в это время найти что-то на поверхности башенной стены.

— Если ты о том магическом проходе, на котором лежит твоя рука, то можешь не беспокоиться,— со смешком ответил Семен.— Я его и так вижу. И более того...

— Что? — с испугом спросил джинн.— Что — более того?

— Их пять, входов этих.— Семен пристально вгляделся в темноту.— Нет, даже шесть... Семь!

Серебряная башня на фоне черного неба выделялась как еле видное белое облако; по низу облака шел неровный ряд

зеленых пятен, круглых, словно иллюминаторы на борту океанского лайнера, призрачных и таинственных.

— В который полезем? — деловито поинтересовался Семен, превращая свой халат в облегающее черное трико.— Нам бы в тот, который к сокровищнице поближе. Чего нам в спальню к шаху лезть! Обойдемся и без спальни.

— Семь ходов,— потрясенно пробормотал Мафусаил,— целых семь! Кто же еще, кроме меня? Неужели Селим-визирь? Или Махмуд-казначей? Или кто еще?! — взвыл джинн, хватаясь за голову.

— Э, да милая Гюзель, похоже, еще та штучка,— неприязненно сказал Мар, но очень тихо, лишь для одного Семена.— Сочувствую нашему джинну. Выражаю ему свои соболезнования. Семен, давай действуй, а то Мафусаил сейчас от ревности помрет. Так и не дождавшись своей молодости.

— Точно,— спохватился Семен,— ты прав. Мафусаил! — Семен поймал руку джинна.— Давай не отвлекаться. Сначала дело, а после сцены ревности. Да и вообще, сперва разобраться надо, куда эти ходы ведут и когда они сделаны, может, они вовсе и не к твоей Гюзели протянуты. Башня древняя... Ты подумай — а если этим проходам лет двести? Или триста. Какая еще Гюзель, триста лет тому назад!

— Давайте разбираться,— немедленно согласился джинн и вроде бы стал успокаиваться. Во всяком случае, за голову он перестал хвататься.

— Твой ход куда ведет? — спросил Семен, подходя к первому зеленому пятну.

— В одну из шахских опочивален,— угрюмо ответил джинн.— В ту, где Караман бывает реже всего.

— Не лучший вариант.— Семен задумался.— А как в эти ходы вообще попадают? Открывают их как?

— Обычно каждый настраивает вызов своего прохода на личное ключевое движение,— помолчав, произнес Мафусаил.— Вовсе не магическое. Мое было настроено на пожатие плеч с одновременным подниманием левой брови.

— И с тайным напряжением пупка,— серьезным голосом подсказал Мар. Джинн невесело хмыкнул.

— Меня не интересует ключ,— сказал Семен, вглядываясь в тусклое зеленое пятно.— Меня интересует сам замок. Ну-ка, открой свой ход!

Поверхность лаза была сплошь испещрена крупными темными разводами: разводы напоминали неровные серые кляксы грязи, налипшей поверх зеленого лесного мха. Джинн пошевелился в темноте, зашуршал одеждой — серые кляксы внезапно провернулись по вертикали, оказавшись с изнанки такими же зелеными; через мгновение вся поверхность пятна засияла ровным фосфоресцирующим светом. И тут же пятно превратилось в темную дыру: из открывшегося хода потянуло прохладой и донеслись звуки далекого могучего храпа.

— Это не Гюзель,— убежденно сказал Мар.— Гюзели так не храпят.

Джинн торопливо зашуршал одеждой, и ход закрылся, сначала опять позеленев, а затем покрывшись серыми кляксами.

— Шах Караман,— дрожащим голосом поведал Мафусаил.— Нельзя нам в этот ход.

— Ясное дело,— согласился Семен.— Пошли к другому. Я, кажется, понял, что надо делать.

Остановившись возле следующего пятна, Семен, недолго думая, принялся легонько тыкать пальцем в серые пятна, насильно проворачивая их в нужное положение,— через пять секунд ход открылся.

— Готово,— тихо сказал Семен.— Кто первый?

— Возможности твои просто удивительны,— прошептал джинн, кланяясь Семену в пояс.— Но позволь мне, немощному, все же идти следом за тобой, о взломщик пустоты. Ибо не должно старцу, не способному к ратным делам, поспешать впереди столь славного воина, который...

— А вдруг этот ход в спальню Гюзель? — задумчиво предположил медальон.— Прямиком к ее кровати.

— Я первый! — Мафусаил резко оттолкнул Семена и рыбкой нырнул в проход. Семен крякнул от неожиданности, усмехнулся и тоже скользнул в лаз.

Это была продуктовая кладовая: тусклое дежурное освещение высвечивало ряды высоких стеллажей вдоль длинных стен, с банками, кулями, пакетами и коробками; с низкого потолка свисали подвешенные на веревках копченые окорока. Отдельно стояли деревянные лари для круп и муки. Далеко в глубине кладовой виднелись ряды высоких бочек с большими латунными кранами.

— А, значит, это Муса-повар тайную лазейку себе организовал,— облегченно сказал Мафусаил, оглядываясь по сторо-

нам.— Вот жулик. А говорил, что знаком лишь с поварской магией. Лгун и гнусный обманщик! — в праведном гневе воскликнул джинн.— Впрочем, мне на его делишки плевать. Главное, что Гюзель здесь ни при чем. Пошли следующие ходы проверять,— Мафусаил намерился было вернуться к проходу, но Семен остановил его.

— Сокровищница далеко отсюда? — спросил он джинна.

— Рядом,— нетерпеливо ответил Мафусаил,— коридором пройти. Успеется! Пошли, пошли остальные лазы проверим. Я должен знать! Гюзель!

— Мы пришли сюда не за этим,— осадил джинна Семен.— Вот сходим к ифриту, уладим с ним дела, а уж после... если время будет.

— А ну как он меня убьет,— заныл Мафусаил.— И я погибну, так и не узнав, верна она мне или нет?

— Ничего, посмертно проверишь,— утешил джинна медальон.— А если окажется, что неверна, будешь донимать ее ночными визитами. Бабы привидений страсть как боятся.

Джинн с отвращением передернул плечами и молча направился в сторону бочек.

— Не время пить! — окликнул его Семен.

— Там выход,— не поворачиваясь, уныло ответил Мафусаил.— За бочками.

Выйдя из кладовой, джинн поплелся по узкому коридору, понуро свесив голову и не обращая внимания на то, идет за ним Семен или нет. Видимо, заранее готовился к скорому переходу в привиденческое состояние.

Семен догнал джинна, и дальше они пошли вместе, плечом к плечу.

Коридор казался бесконечным: плавно изгибаясь, он постепенно опускался все ниже и ниже под землю. Плоские светильники на стенах, такие же, как в кладовой, тревожно мерцали белым вечерним светом; становилось все холоднее.

— Электричество? — кивнул на светильники Семен.

— Заклинания,— равнодушно ответил Мафусаил.

И тут коридор закончился. Впереди был широкий пустой зал, залитый тем же неверным светом: далеко-далеко, на другой стороне зала, виднелась высокая двустворчатая золотая дверь. Даже не дверь — ворота. Вход в шахскую сокровищницу.

Зал от коридора отделяла еле видимая перегородка, словно отлитая из толстого стекла. Явно магического происхождения.

— Стоп! — Семен резко остановился и попридержал джинна за плечо.— Пришли. Не шевелись! Даже не дыши. Если сможешь.

Мафусаил покорно кивнул. И еще раз кивнул. И еще раз.

— Стенку перед нами видишь? — шепнул Семен, обращаясь к медальону.

— Нет,— сразу отозвался Мар.— Значит, опять защитное волшебство. Кстати, а что ифрит?

— Пока не вижу,— Семен осторожно подошел к прозрачной стене поближе.— Пока что...

И тут он увидел ифрита.

Большое видится на расстоянии. Тем более очень большое и почти невидимое — ифрит, оказывается, все это время стоял возле Семена, прислонясь спиной к полупрозрачной стене. А теперь он отошел от нее — Семен вначале заметил слабое перемещение в воздухе, а после внезапно обнаружил и самого ифрита.

Охранник сокровищ был широкоплеч, высок и могуч; матовые блики от колдовского освещения тягуче переливались по его стеклянной фигуре. Почти голый, в одной лишь набедренной повязке, но с тяжелым кривым ятаганом на поясе, ифрит выглядел очень опасным. Очень.

Ифрит повернул свою прозрачную голову в сторону Семена и еле заметно шевельнул прозрачными губами.

— Еще один глупец пришел сюда, чтобы найти здесь свою погибель. Что же ты медлишь, несчастный? В чем сомневаешься? Иди же ко мне. Переступи разделительную черту и познай радость смерти. Как и многие другие до тебя. Ха. Ха. Ха,— раздельно, как пишут в книжках, прохохотал ифрит. Голос у охранника был под стать ему самому — сильный, но одновременно абсолютно невыразительный. Словно механический.

Семен невольно глянул под ноги: на полу, прямо перед своими кроссовками, он увидел ровную черту. Как будто выцарапанную гвоздем. Еле видную.

— Чего головой крутишь? — горячо зашептал Мар.— Есть там ифрит или нет?

— А вы что, не слышали? — Семен глянул на медальон, посмотрел в сторону джинна. Мар ничего не ответил, а Мафусаил отрицательно помотал головой: старика била нервная дрожь.

— Понятно.— Семен облизнул пересохшие губы.— Магия высшего порядка. Наивысшего. Попробую-ка я с ним поговорить.— И громко сказал: — Привет тебе, о ифрит.

— Привет и тебе, о смертный,— насмешливо ответил страж.— Не поверишь, до чего забавно разговаривать с теми, кто тебя на самом деле не ощущает. Небось будешь меня сейчас убеждать в том, что ты великий маг, который действительно может слышать мою речь? Который пришел вернуть мне память и освободить меня из ненавистного заключения? Взамен на доступ к шахским сокровищам... Бывали у меня и такие гости, бывали. Да никто из них не ушел. Поганые обманщики! Словоблуды.

— Не буду я тебя ни в чем убеждать,— пожал плечами Семен.— Я просто поболтать с тобой хочу. А память я возвращать не умею. Этим пускай врачи занимаются, которые головы лечат. А я не могу. Я простой вор... ну, не очень простой. И не очень-то и вор, но так уж получилось... Короче, тут такое дело — мне вовсе не нужны шахские сокровища. У самого золота хватает. А нужно...

— Погоди-ка,— торопливо перебил Семена ифрит, приближаясь к перегородке,— повтори все еще раз и помедленней. Твои слова не похожи на случайное совпадение...

— Поразительно знакомая ситуация,— пробормотал Семен.— Так вот, повторяю: я пришел тебя не убеждать. Достаточно?

— А в какой руке я держу ятаган? — возбужденно спросил ифрит, упираясь обеими руками в стену.— В какой?

— Да он у тебя вообще на поясе висит,— ответил Семен, отступая от стены на шаг,— без ножен и на левом боку. И еще, чтобы сразу снять все вопросы: ты в одной лишь набедренной повязке. И босой. И с бритой головой. И еще,— Семен вгляделся в лицо тяжело дышащего ифрита,— у тебя посреди лба шишка. Точно рог проклюнулся.

— Верно,— медленно сказал ифрит.— Все так. Значит, ты действительно меня и видишь, и слышишь. Что ж, пожалуй, я тебя пропущу к сокровищам. Пожалуй. Но за одну маленькую услугу — верни мне память и освободи меня! Всего-то.

— А как я это сделаю? — растерялся Семен.

— Как хочешь,— непререкаемо ответил ифрит.— Такое мое условие. Хоть ты и вор, как сам сказал, но ты и великий чародей. Смог скрытно пробраться в башню, смог увидеть преграду... смог услышать и описать меня. Сможешь и все остальное.

— Ладно,— нехотя согласился Семен.— Попробую. Только ты расскажи мне о себе все, что помнишь. Может, я и соображу, чем тебе помочь.

— Заходи,— коротко сказал ифрит, отходя в сторону.— Не стоит нам беседовать вот так, через проклятую преграду. Заходи. Не убью. Даю слово.

— Мафусаил, ты побудь пока здесь,— указал Семен джинну.— Нам с ифритом поговорить надо. На той стороне. Если что, дорогу обратно знаешь.— Джинн послушно кивнул.

— Отчаянный ты человек, Семен ибн-Владимирович,— восхитился медальон.— Люблю отчаянных. Ты мне все больше и больше нравишься.— И замолчал.

Семен вздохнул, мысленно перекрестился и решительно шагнул сквозь неощутимую стену. И вошел в зал. Роковая черта осталась позади.

— Ты понимаешь, что теперь ты в моей власти? — негромко спросил ифрит, не делая, однако, никаких угрожающих жестов.— Что я волен сделать с тобой, что хочу?

— Понимаю,— согласился Семен.— Но одно ты не можешь сделать — убить меня! Ты дал слово.

— Верно,— сказал ифрит, присаживаясь на корточки.— Но я могу тебя сильно покалечить. А после ты и сам умрешь. Впрочем, не будем об этом. Время еще не пришло. Ты просил меня рассказать о себе? Рассказ мой будет короток. Я очнулся здесь таким, каким ты меня видишь. Триста или двести пятьдесят лет тому назад, уж не помню точно. И все эти годы вынужденно служу охранником. На моей памяти уже сменилось десять шахов; были сотни неудачных ограблений, десятки попыток вступить со мной в обманный сговор; много чего

было! Но я убил всех, кого смог. Правителей — не смог. К сожалению.— Ифрит шумно вздохнул.— Эти подлецы имеют амулет, который передают друг другу по наследству. Который защищает их от меня. Вроде той стены,— страж с ненавистью кивнул в сторону выхода в узкий коридор, где в ожидании маялся джинн.— Есть мне не надо. Пить тоже не требуется. Скука! Смертельная скука — вот что страшно... Пожалуй, если ты меня не освободишь, то я не стану тебя калечить,— неожиданно решил ифрит.— Просто останешься здесь и будешь меня развлекать. Будет хоть с кем поговорить! А удрать ты все равно не сможешь,— усмехнулся страж.— Спать мне тоже не требуется. Так что станешь частью охраняемых мной сокровищ. И все.

— Там поглядим,— уклончиво ответил Семен. Становиться частью сокровищ ему вовсе не хотелось.— Давай я тебя осмотрю. Может, что необычное обнаружу.

— Я сам — сплошное необычное,— гордо ответил ифрит.— Смотри.— И встал в полный рост.

Семен обошел стражника по кругу, внимательно рассматривая его со всех сторон, но ничего подозрительного не обнаружил — ифрит как ифрит. Бывают и похуже. Наверное.

— А ну-ка садись,— приказал Семен.— Очень уж ты высокий. Хочу твою шишку на лбу осмотреть. Не беспокоит? — профессиональным врачебным голосом спросил он у стражника.— Чешется — не чешется? К перемене погоды не болит?

— Не болит,— ифрит сел на пол, сложив ноги по-турецки.— И не чешется. Далась тебе эта шишка! Ты особое ищи. Может, у меня на спине проклятие какое написано? — стражник отстегнул ятаган от пояса и с удовольствием поскреб лезвием себе спину.— Вот там действительно порой зудит.

— Спина в порядке,— мимоходом сообщил Семен, близко разглядывая прозрачную шишку на прозрачном лбу.— Мыться надо почаще, тогда и спина чесаться не будет.

— Мыться! — возмутился ифрит.— Откуда здесь вода возьмется? Я бы с удовольствием...

— Закрой глаза и не смотри на меня — потребовал Семен.— Отвлекаешь. Странная у тебя шишка, очень странная... Там, внутри, что-то есть. Огонек какой-то. Сейчас я его...

— Сделаешь мне больно — ухо тебе оторву,— предупредил ифрит.— Я на расправу скорый!

— Лечение без боли все равно что нога без мозоли,— авторитетно заявил Семен,— ничего, потерпишь.

Мар явственно фыркнул.

— Итак,— Семен потер ладони,— приступаю.

— Угу,— сказал ифрит.— Приступай.— И закрыл глаза.

Семен легонько коснулся шишки — по телу стражника прошла крупная дрожь. Семен успокаивающе похлопал ифрита по твердому, как дерево, плечу и снова вернулся к наросту на лбу стражника.

Внутри мягкой на ощупь шишки действительно было что-то странное. Что-то светящееся, очень тонкое и длинное, уходящее в глубь прозрачной головы. Что-то наподобие изогнутой иглы— с маленьким шариком-шляпкой со стороны лба. Семен осторожно надавил большим пальцем на шишку сбоку, и внезапно она поплыла под нажимом его пальца, быстро тая, как воск горящей свечи. Семен глухо чертыхнулся — горячие капли потекли по лицу ифрита.

— Не сильно жжет? — испуганно спросил Семен. Лишаться уха ему не хотелось.

— Нога без мозоли...— сквозь зубы ответил страж.— Действуй, лекарь. Действуй. Я потерплю.

Опухоль исчезла. Семен подцепил ногтями светящийся шарик и осторожно потянул иглу к себе: та легко пошла наружу.

— О,— вдруг сказал ифрит.— Вон оно что! Теперь я вспомнил,— и беззвучно захихикал. Словно ему пятки пощекотали.

Семен выдернул иглу полностью. И, едва он это сделал, игла мгновенно погасла и растворилась в воздухе, лишь золотой шарик выпал у Семена из пальцев; и тут невидимый ифрит стал видимым. Стал человеком. Семен попятился от него — ифрит, бывший ифрит, был невообразимо грязен. И вонял! Как бомж со стажем. Но не это было главным, не это... Главным было то, что все получилось. И путь к сокровищнице оказался открыт.

Человек легко встал на ноги. И покровительственно улыбнулся Семену.

— Что ж, вор-лекарь,— дружелюбно сказал бывший ифрит,— ты и впрямь вылечил меня. А я выполню свое обещание.

Ступай в сокровищницу и бери все, что тебе надо. И быстро уходи отсюда! Потому что скоро здесь станет очень шумно и очень небезопасно. Потому что я вернулся. Я — первый шах этой страны и основатель города Баддура. Я — познавший магию летящего жеста не от второсортных учителей, а от прямых потомков богов волшебства тела. И я иду возвращать себе трон.

— А за что вас... в ифриты, за что? — не удержался от ненужного вопроса Семен.

— Этого тебе знать не положено,— надменно ответил основатель города,— целее будешь. Торопись, вор! — и спешно вышел из зала, пройдя сквозь безвредную теперь для него магическую преграду и нечаянно задев зазевавшегося Мафусаила.

— Джинн, давай сюда! — махнул рукой Семен.— Быстро-быстро! Надо успеть тебя восстановить, пока не началось.

— Что не началось? — подбегая трусцой и на ходу потирая ушибленное плечо, спросил джинн.— Видал грубияна? Толкнул и не извинился. Одно слово — ифрит.

— Дворцовый переворот,— ответил Семен, направляясь к золотым дверям.— А толкнул тебя ваш новый шах. Уж этот шахом точно будет! Можешь не сомневаться.

— Хороший человек,— немедленно отреагировал Мафусаил.— Он мне сразу понравился.

— Исключительный симпатяга,— поддакнул медальон.— Душка. Такой сам будет своих наложниц в постель к тебе подкладывать. Чтобы ты не скучал. А как же!

— Не трогай меня за святое,— вяло огрызнулся джинн.— Много ты понимаешь в любовных утехах,— и сосредоточенно умолк, обдумывая очевидный факт: смена шаха наверняка вела к смене гарема. А смена гарема плюс возвращенная молодость сулили приятные неожиданности... Джинн Мафусаил расправил плечи, ускорил шаг и засвистел что-то радостное и игривое; настроение у него заметно улучшилось.

— Ты что-нибудь слыхал о вашем первом шахе? — мимоходом спросил Семен.— О самом первом. Который Баддур основал.

— Конечно.— Мафусаил перестал свистеть.— Драматическая история, полная печали и очень нравоучительная. Брат шаха, злобный и завистливый человек, возжелал власти и одной из любимых жен шаха. И, вступив в мерзкий сговор с той

нечестивой женщиной, ночью, когда шах спал, вогнал ему колдовскую иглу в голову, запечатав ту иглу неуничтожимой заговоренной печатью. Он был словесником, этот презренный брат! И шаха не стало... А сын шаха, от той жены-предательницы, увидел после в башне призрак своего отца и сошел с ума. А придворные, обнаружив сумасшествие принца...

— Тсс,— Семен приложил палец к губам.— Дальнейшее — молчание.

Пройдя сквозь еще одну прозрачную стену, возле дверей сокровищницы, они остановились перед самими золотыми воротами.

— Надеюсь, хоть тут сюрпризов не будет,— Семен взялся за гнутую витую ручку.— Хватит на сегодня,— и открыл ворота.

Внутри сокровищницы царил полный бардак. Не в том сладостном понимании, которое вкладывал в это слово джинн, а в самом обычном и бытовом. В утилитарном. Горы золотых монет и украшений, разбросанных по грязному полу там и сям; пыльные сундуки, стоявшие как попало; кучи одежд, наваленных где придется... Продуктовая кладовая по сравнению с шахской сокровищницей казалась образцом порядка и чистоты.

По стенам и потолку зала, светившимся ровным матовым светом, были начертаны до боли знакомые расплывчатые письмена. Семен даже принялся с испугом озираться по сторонам: нет ли где поблизости блуждающего стражника? Стражника, разумеется, не было.

— И где же в этом кавардаке запрятана твоя сила и молодость, о половозрелый джинн? — брюзгливо спросил Мар.— Да мы тут до смены шахской династии ковыряться будем! Может, ты их по запаху найдешь или по каким другим приметам? Какие приметы у твоей силы и здоровья? Особые, броские.

— Не дразни деда,— оборвал Семен речь медальона.— Он и так в замешательстве. Видишь, как кручинится.— Джинн стоял в полной прострации, безумными глазами обводя кучи золота и барахла.

— Бутылочка,— выдавил из себя Мафусаил.— Должна быть фиолетовая бутылочка. Помню, ее вместе с тем сосудом приносили. В который меня заточили.

— Это уже ближе к делу,— одобрил Мар.— Это дает шансы. Все на поиски бутылочки! Нашедшему — премия. В размере молодости и возвращения на Перекресток.

Джинн словно с цепи сорвался: он бросился к золотым кучам с диким воплем, словно людоед к толстяку-миссионеру; Семен еле успел догнать и ухватить Мафусаила за шиворот.

— К стенам не подходи,— предупредил Семен джинна зловещим шепотом.— Умрешь на месте. И не ори так! Уши закладывает. Спокойней надо, спокойней. Никуда твоя бутылка от нас не убежит,— и отпустил Мафусаила.

Поиски были недолгими — фиолетовая бутылочка стояла неподалеку от входа, сиротливо прячась между сундуками. Джинн схватил ее дрожащими руками, в нетерпении содрал с пузырька сургучную пробку и жадно приник к горлышку.

— Пока наш друг восстанавливает свои силы,— поставленным голосом шоумена произнес Мар,— я бы рекомендовал тебе, Семен, набрать местного золотишка впрок. Пользуясь случаем, так сказать. Во избежание дальнейших недоразумений с нашим, хранилищным. Не зря ведь рисковали! Надо и нам хоть что-то поиметь с этого приключения.

— Согласен,— Семен поискал, во что бы сложить монеты, нашел в куче тряпья пыльную кожаную сумку с длинным наплечным ремнем и насыпал в нее золота. Не очень много, так, на мелкие расходы. И чтобы сумка зря не тяготила: таскать постоянно на себе солидный запас металлических денег — удовольствие небольшое.

Вместе с последней пригоршней золота Семен выудил из драгоценной кучи нечто необычное, здесь вовсе не уместное — хорошо сделанную рукоять то ли сабли, то ли ятагана. Рифленая, удобная, с прикрывающей пальцы толстой стальной дугой-пластиной, она хорошо ложилась в ладонь. И при случае могла послужить неплохим кастетом.

— Возьму,— решил Семен.— Вставлю приличный клинок, закажу ножны. Буду при оружии! А то ни ножа, ни пистолета... Хожу как пацифист драный, это при моей-то работе,— и кинул рукоять в сумку.

— Свершилось! — зычно сказал кто-то у Семена за спиной.— Вот он я. Такой же, каким был раньше. Смотри!

Семен обернулся.

Старик-джинн исчез. Перед Семеном, радостно улыбаясь, стоял здоровенный детина: черноволосый, брови вразлет, с аккуратной напомаженной бородкой, с румянцем на высоких скулах, с ослепительной белозубой улыбкой и голубыми наглыми глазами. Одежда, большая для старика, трещала на детине по швам.

— Эк его разнесло,— только и сказал Мар.

— Поздравляю,— сухо сказал Семен. Он не любил красавчиков.

— Джинн, возвращай нас! Как обещал,— потребовал медальон.— А то помчишься сейчас кобелевать, только мы тебя и видели.

— Сначала надо выйти из башни,— помолодевший Мафусаил с тревогой огляделся по сторонам.— Неподходящее здесь место для творения волшебства. Вдруг что не так сработает...

Внезапно пол под ногами Семена вздрогнул. Тяжелый гул прокатился по стенам сокровищницы; золотые кучи со звоном стали осыпаться, раскатываясь монетами во все стороны.

— Землетрясение? — округлил глаза Мафусаил.— Именно сейчас?

— Смена власти! — крикнул Семен, торопливо вешая кожаную сумку на плечо.— Бежим! — И они припустили со всех ног обратно, к лазу в продуктовой кладовой.

Башню трясло. Что происходило на ее верхних этажах, Семен даже и представить себе не мог. Да и были ли нынче у башни верхние этажи? Неизвестно. Возможно, что и не было.

Пол спирального коридора то и дело уходил из-под ног Семена; парня швыряло от стенки к стенке как пьяного. Более массивный и потому более устойчивый Мафусаил подхватил Семена под руку и поволок его по коридору.

— Штормит, однако,— посетовал Мар.— Случилось мне как-то попасть с одним из моих хозяев в сильную бурю. Мы тогда контрабандой промышляли...— Семен не услышал продолжения: начался такой грохот, что медальон предпочел замолчать.

В кладовой все было по-прежнему, лишь окорока раскачивались на своих веревках да попадали с полок пакеты и коробки. Джинн подтащил Семена к тому месту, где они вошли в башню, и бодро толкнул его в дыру прохода, но слегка

промахнулся — Семен крепко шмякнулся о камни и упал на пол.

— Все ребра поотшибал, мазила,— сказал он Мафусаилу, кривясь от боли в боку.— Инвалидом сделал!

— Ну, извини,— развел руками джинн.— Увлекся. Поспешил.

— Чего уж там,— Семен вдохнул полной грудью, выдохнул: ребра вроде были целы.— Вперед, на волю! — и на четвереньках полез в проход. Джинн последовал за ним.

На воле было раннее утро. Прозрачное темно-синее небо очистилось от ночных облаков, воздух пах морем и розами. Кое-как закрыв за собой проход и продравшись сквозь заросли шиповника куда подальше от шахской башни, Семен оглянулся.

Верхушка серебряного здания ослепительно сияла под лучами рассветного солнца. Как ни странно, башня была целой и даже не подрагивала. Ничто не указывало на то, что внутри нее идет смертельная борьба за власть. С применением тяжелой магической артиллерии.

Джинн перехватил Сенин взгляд и понятливо подмигнул:

— Шахская башня и не такое видала! Не бойся, не обвалится. А нам, я думаю, все же будет полезнее убраться отсюда куда подальше, пока правители власть делят. Весьма надеюсь, что Карамана прихлопнут,— лучезарно улыбнулся Мафусаил.— Пока все идет так, как я и предсказал... Слушай, а зачем тебе торопиться с возвращением? Пошли, отсидимся у меня в пристройке. А после пойдем к новому шаху на поклон. Толковые астрологи да виртуозы отмычек любому правителю пригодятся! Мы ему напомним, кто его спас, и он нас обласкает.

— Вот же темнота неграмотная,— расхохотался Мар.— Насчет женщин ты знаток, не спорю. Но в дворцовых интригах, увы, ты дуб дубом. Обласкает... Ага, и орден заодно даст. Посмертно. Не вздумай ему хоть словом, хоть взглядом намекнуть на то, что ты знаешь, кем он был раньше. А вот о своем предсказании смены власти и о своем заточении в бутыль можешь новому шаху смело рассказывать. Будешь политическим страдальцем за правду! Таких страдальцев новые властители жалуют. Особенно тех, кто предсказал их приход к

власти. Только опусти подробности о нашей встрече. Ты нас вообще не видел! Усек?

— В твоих словах есть смысл,— опечалился джинн.— Да, интриги — это не по моей части. Хорошо, так и сделаю. Ни словом, ни взглядом...

— А теперь,— сказал Семен,— если все вопросы у нас решены... Мар, у тебя вопросов больше нет?.. Тогда попрошу, Мафусаил ибн-Саадик, выполнить обещанное. Отправить нас назад, на Перекресток. В то же место, откуда мы перенеслись в ваш мир.

— Прощайте,— сказал джинн.— Вряд ли мы когда-нибудь еще свидимся.— Он протянул Семену руку.— Будь удачлив в своих делах, о сметливый вор.— Семен крепко пожал протянутую ему руку, встал на цыпочки и похлопал Мафусаила по плечу:

— И тебе удачи, о покоритель гаремов!

Джинн подмигнул Семену, отступил от него на шаг.

— Начинаю,— предупредил Мафусаил и быстро замахал руками, делая ими сложные непредсказуемые движения. Словно каратист во время боя.

Воздух вокруг Семена приобрел странный темно-синий оттенок и начал уплотняться в кокон; вокруг летали длинные негаснущие искры, сами собой сплетаясь в толстый подвижный жгут,— через миг жгут удлинился и коснулся воздушного кокона.

— Гюзели привет! — крикнул Семен, но Мафусаил его не услышал: мир вокруг Семена Владимировича вспыхнул радужными огнями, жаркая волна прокатилась по всему телу и...

И Семен перенесся.

ГЛАВА 8
Смертельный Лабиринт Иллюзий и Миражных Побед

В библиотеке все было по-прежнему: так же неярко светился над столиком низкий светильник, так же неторопливо плавали перед носом мелкие мушки магической связи. Все было, как и раньше... Как и раньше? Семен с тревогой огляделся: кресло

сдвинуто в сторону, дверцы шкафов раскрыты — шкафы пусты, книги из них куда-то пропали. А еще пропали разбросанные по ковру и столику листы с заклинаниями. И внутренний засов входной двери оказался выбитым, валялся на полу возле стены.

— Он здесь! — громко крикнули за стеной, вслед за тем приоткрытая дверь распахнулась от сильного удара.

Семен от неожиданности шарахнулся в сторону — в дверной проем, громко топоча подкованными сапогами, вбегали люди в черной униформе. Держа Семена под прицелом светящихся коротеньких трубочек, люди в черном окружили его. Двое из вбежавших тут же впихнули его в кресло, мигом оттащили кресло от стены к центру комнаты — и все молча. Слышно было лишь тяжелое дыхание и сопение; в комнате запахло потом и гуталином.

— Что это все зна...— открыл было рот Семен, но тут же получил увесистую затрещину и прикусил язык.

— О, дворцовая гвардия! — искренне удивился Мар.— А я сперва подумал, что полименты. Откуда они здесь взялись? А-а, засада... Понятно. Налезли в дом, как тараканы, сквозь ту дыру, что ты в защите проделал. Растет квалификация у наших служб, растет... Семен, ты, главное, молчи и не трепыхайся. Выполняй все их приказания и сразу отвечай на конкретные вопросы. А то забьют сначала до полусмерти, а потом разговаривать с тобой станут. Экие они возбужденные... Я бы прямо сейчас тебя отсюда унес, но эта глухая защита вокруг дома, эти громобойные прутья... Не осилю я их.

Есть, правда, один вариант. Но он тебе не понравится... Впрочем, если будет угрожать смертельная опасность, я его испробую. Ты только сигнал мне подай. Кашляни погромче!

— Хорошо,— одними губами прошелестел Семен.

— Молчать! — свирепо рявкнул стоящий рядом с креслом черный и сильно ткнул Семена в ухо кулаком.— Молчать, слимпер вонючий. Голову назад, руки вперед и никаких манипуляций! Попробуй только прошептать заклинание или отправной знак на пальцах выкинуть! Все руки переломаю,— с предвкушением в голосе сказал черный. Слимперов он явно не любил.

Раздвинув строй, к креслу подошел высокий человек в удивительно знакомом одеянии. В таком, в каком некогда щеголял и сам Семен. В форме офицера имперской безопасности. Неприятно улыбаясь, офицер оглядел Семена, сидевшего перед ним в дурацкой физкультурной позе — с откинутой назад головой и вытянутыми вперед руками,— и негромко сказал:

— Что, думал — мы ваше чародейное укрытие без надзора оставим, да? Что надоест нам за домом следить, раз вы его закрыли? Ошибся, жрец, ошибся. Мы ваш гадюшник беспризорным не оставляли. Ни на минуту! И тебя тоже вовремя заприметили. Впрочем, ты сам виноват. Наследил, как последний недоумок,— вломился в зону Перекрестка с устаревшим кодом доступа...

— Как так! — встрепенулся Мар.— Вот так новость!

— В гостинице запрещенным золотом расплачивался. Чужого в камень превратил — впрочем, лично я это большим преступлением не считаю. Ко всему еще и свой ботинок возле него оставил. Возле статуи. Словно нарочно. Поразительное дилетантство, уникальное...

— Ботинок,— ахнул Мар.— Вон оно что. А про маскировочный костюмчик-то не разнюхали, хе-хе! И то хорошо.

— ...И, разумеется, твой след привел нас к слимперскому логову. Мы не сомневались, что рано или поздно кто-нибудь из вас сюда явится.— Офицер криво улыбнулся.— Зря вы имперскую службу безопасности за дураков держите. Зря. Одного я только не пойму — почему ты не распечатал весь дом, а создал локальный проход сквозь глухой заслон? И особенно меня интересует, как именно ты ухитрился его создать. Очень интересует. Это для нас что-то новенькое... Вот об этом мы подробно и побеседуем в управлении. Кстати, если бы не этот фокус, с тобой сейчас и возиться не стали бы. У нас со жрецами нынче разговор короткий. Мы вам не кардинальская служба! — офицер кивнул головой солдатам.— Арестовать.

Мигом залепив Семену рот заранее подготовленным куском пластыря, два солдата выдернули своего пленника из кресла и, намертво зажав его руки в своих, выволокли арестованного из комнаты в коридор. Споро таща его по извилистому ходу, солдаты не обращали внимания на взмыкивания возмущенного Семена, лишь изредка, для острастки, врезая ему локтями под

ребра, иногда попадая по сумке с золотом, которую с него еще не сняли. Не успели. Или забыли.

В холле их ждали. Но явно не те, на кого рассчитывали конвоиры: они резко остановились, шумно переводя дух. Подоспевший офицер растолкал солдат и вышел вперед.

Возле лестницы, надежно блокируя выход в коридор, на улицу, стояла группа людей в форме. Не в такой форме, как те, что сопровождали Семена. В темно-серой. Хотя во всем остальном они были удивительно похожи на арестовавших Сеню бойцов. Как братья-близнецы. Такой же покрой одежды, такие же угрюмые лица. Такие же светящиеся трубочки, направленные теперь не только на несчастного пленника, но и на его сопровождение.

Из встречающей группы вышел офицер — Семен уже отличал офицеров от рядовых бойцов. По обязательному плащу и высоким сапогам.

— Вы превысили свои полномочия,— скучным голосом сказал серый офицер.— Жрецы-слимперы проходят исключительно по нашему ведомству. Попрошу передать мне арестованного. Вот приказ, подписанный кардиналом,— офицер достал из нагрудного кармана карточку наподобие визитной.

— Я подчиняюсь только имперской канцелярии,— отрезал, наливаясь кровью, черный офицер.— У меня приказ!

— У меня тоже,— хладнокровно ответил его собеседник.— Как будем решать затруднение?

— Разумеется, дуэль,— надменно вздернул голову черный офицер.

— Приступим? — сказал серый офицер, не отводя взгляда от противника и пряча светящуюся трубочку в рукав.

Неуловимым движением серый офицер выдернул из-под плаща шпагу и напал на черного — в руке у того тоже сверкнул клинок. Звон металла наполнил зал; солдаты потеснились, освобождая место для поединка, отступили к стенам и стали с интересом наблюдать за происходящим, возбужденно переговариваясь между собой.

— Однако какие мы важные,— пробормотал Мар.— Офицерская дуэль, и из-за кого! Слушай, я как-то все больше и больше начинаю уважать нас обоих,— с гордостью сказал медальон.

Семен в ответ лишь коротко промычал.

— Это как надо понимать, что ты со мной согласен или ты мне просто сигнал подал? — озаботился Мар.— Типа покашлял. Ну, как мы договаривались, помнишь? Короче, план меняется — будешь не кашлять, а мычать. Один раз громко промычал, значит, дергаем отсюда. Если получится,— честно предупредил медальон.

Солдаты оглушительно взревели: серый офицер сделал финт шпагой, черный подался на уловку и заработал ранение в грудь. На Семена теперь никто не обращал внимания; солдаты принялись делать ставки на своих командиров — как черные, так и серые. Стоял невероятный шум.

Поединок сместился ближе к пленнику: серый офицер теснил черного, нанося ему удары, которые черный офицер парировал с трудом, сказывалось ранение. Солдаты подались в разные стороны, оставив Семена с конвоирами у стены,— те попытались тоже разойтись и тоже в разные стороны, но чуть не вывихнули Семену руки. Семен взвыл, от боли закрыв глаза. Замычал во всю мочь.

— Понял,— сказал Мар.— Действую.

Не успел Семен открыть глаза, как руки солдат-конвоиров разжались; звон стали и крики звучали гораздо глуше. Семен огляделся: он был все там же, в запечатанном доме. На втором этаже. Возле пентаграммы. Возле столба фиолетового света.

— Ушел! — истошно завопили внизу.— Жрец ушел!

— Искать! — вразнобой командирским ревом ответили два голоса.— Всем искать! Не мог уйти, дом закрыт дополнительным щитом. Имперский отряд — на второй этаж, к звезде! Кардинальский — в библиотеку! Бегом! Бегом! — По лестнице забухали сапоги.

Семен повернулся к пентаграмме. Поежился.

— Я предупреждал, что тебе этот вариант не понравится,— мрачно сказал медальон.— Но другого нет.

Буханье сапог становилось все ближе и громче; Семен, не оборачиваясь, шагнул в столб.

— Вот он! — раздалось сзади.— Он... он...— Крик отозвался в ушах беглеца умирающим эхом. Что-то мощное, безжалостное схватило Сеню, сжало так, что парень не смог ни охнуть, ни вздохнуть; нарастающее электрическое шипение полностью оглушило его. Фиолетовый свет померк, и Семена грубо швырнуло куда-то в темноту. Как камень из пращи.

...Семен поморгал, разгоняя муть: видно было плохо, все плыло и качалось, свет резал глаза как с похмелья.

— М-м-м,— промычал парень, потом вспомнил о пластыре и с ненавистью содрал его с губ.— Ох,— простонал он, тут же схватившись за лицо,— больно-то как! Ух ты, какая щетина отросла. Побриться, однако, надо. Мар, где мы?

— Хрен его знает, гражданин начальник,— четко отрапортовал медальон.— Понятия не имею, куда нас зашвырнуло. В принципе должны были в каком-нибудь колдовском месте оказаться. Где магия сильная. Надеюсь, это не очередное Хранилище?

Семен стоял в длинном и широком коридоре: по левую сторону от него тускло багровели закатным светом прямоугольники узких окошек-бойниц, забранные толстыми железными прутьями; по правую тянулась каменная стена, увешанная груботкаными гобеленами. На всех гобеленах были изображены казни: кого-то сажали на кол, отрубали головы, четвертовали... Изображены с чувством и весьма тщательно — наказуемые выглядели как живые. Даже те, которые наверняка были уже мертвы.

Меж красочных полотен застыли почетным караулом пустые рыцарские доспехи, мятые, грязные, местами продавленные и распоротые, как будто их вскрывали тупым консервным ножом. Поверх многих доспехов запеклось что-то черное, словно на них небрежно плеснули краской; рядом с каждым рыцарем находилась дверь из крепкого мореного дуба с тяжелой ручкой-молотком. Создавалось впечатление, что распотрошенные рыцари несли охрану, предупреждали, что двери открывать не следует. Ни в коем случае.

С этим мрачным местом резко контрастировал запах: в коридоре крепко пахло жареным луком, уксусом и чем-то мясным. У Семена сразу заурчало в животе.

— Пахнет-то как! — Семен повел носом.— Шашлыком, что ли?

— Не очень похоже на колдовское место,— решил медальон.— Странно. Или я что-то недопонимаю, или слимперская пентаграмма от времени испортилась. Забросила нас по ошибке в ресторан.

— Не думаю.— Семен потер лоб.— Голова аж гудит после такого броска... И в колдовских местах, бывает, еду готовят. Хороший признак! Значит, где-то здесь есть люди. Пойду поищу.— Семен откашлялся, помотал головой, отгоняя усталость, и пошел на запах, глотая вдруг набежавшую слюну.

Коридор со стороны окон отпочковался узким наклонным ходом с каменными стертыми ступеньками, ведущими вниз: именно из этого хода и тянуло вкусным сквознячком. Семен осторожно шагал по ступенькам, часто приостанавливаясь и вглядываясь в полумрак — мало ли какие сюрпризы могли ожидать его там! К счастью, сюрпризов не оказалось, во всяком случае на самой лестнице. Но вот ступеньки закончились, и Семен, прижимаясь к стене, заглянул за слегка приоткрытую дверь.

Пожалуй, это была столовая. Столовая при кухне: у дальней стены на объемистой печи стояли кастрюли, сковородки, какие-то противни и судки — все это кипело, шипело, шкварчало и пахло. Сказочно пахло; Семену показалось, что он вот-вот захлебнется слюной.

У плиты, стоя спиной ко входу, суетился невысокий крепыш в серой рубахе-распашонке и серых коротких штанах. Беззвучно выбивая чечетку голыми ногами по деревянному полу, он одновременно что-то помешивал в кастрюлях здоровенным половником, что-то пробовал, зачерпывая длинной ложкой из судков, сыпал в сковородки специи и отгонял полотенцем от кастрюль мух. Семен ничуть не удивился бы, если б у повара оказалось не две руки, а шесть,— потому что так ловко управляться сразу со всей кухонной работой казалось делом невозможным. Но повар управлялся. И еще как!

На стенах просторной кухни висели коптящие факелы, ярко высвечивая дверь неподалеку от печи и более тускло освещая длинный стол посреди зала. За столом, уставленным разнокалиберными блюдами и мисками, на струганых лавках сидело около десятка людей, сосредоточенно жующих, хмурых, чем-то озабоченных. Обычного для застолья гомона не было слышно— жующие лишь изредка поглядывали исподлобья на своих соседей по ту сторону стола, на том их общение и заканчивалось. То ли здесь не положено разговаривать, то ли все эти люди

были смертельными врагами, но трапеза проходила в полном молчании.

Семен пригляделся к одеждам едоков и быстро организовал себе похожую — нечто среднее между балахоном и коричневой долгополой рясой, подпоясанной кожаным ремешком,— спрятав под ней сумку. И, плюнув на возможную опасность, открыл дверь и зашел в столовую. Очень уж есть хотелось. Придав лицу на всякий случай постное и умильное выражение, Семен неспешно подошел к столу — сидящие с краю молча потеснились, освобождая ему место,— сел и пододвинул к себе пустую миску и чистую ложку, которые словно ждали именно его. И стал быстренько накладывать в миску все, что под руку попадало: мясо, зелень, картошку, опять мясо... И сразу принялся есть, торопясь и жадно глотая. Чтобы успеть наесться, пока по шее не надавали.

— Приятного аппетита,— вежливо сказал Мар.— Можешь не отвечать. Я не обижусь.— Он хотел сказать еще что-то, но в этот момент с дальнего края стола донесся громкий уверенный голос:

— Итак, братия, к вам все же присоединился тринадцатый. Нашелся-таки храбрец! Это хорошо. Значит, наконец-то ваш отряд полностью в сборе. Это тоже хорошо. После вечернего отдыха попрошу никого не опаздывать, ибо врата открываются ровно в полночь. Как обычно. Оружие и доспехи — по вашему усмотрению.— Говоривший встал, коротко кивнул всем сидящим и, обойдя стол, ушел к лестнице. Лица говорившего Семен не рассмотрел, было слишком сумрачно, но глаза он все же увидел, успел: глаза холодные и усталые. Равнодушные глаза.

Едва на лестнице стихли шаги, как все за столом уставились на Семена, у того даже мясо в глотке чуть не застряло.

— Ну ты и пси-их,— медленно проговорил один из сидевших, пялясь на Семена, как на нечто диковинное,— ну ты и недоумок. Тебе что, Мажок у главного входа не сказал, что нас уже двенадцать? Какого дьявола ты сюда приперся? Всю малину испортил, гад. Мы тут уже третий месяц на дармовых харчах отъедаемся, без тринадцатого в лабиринт ходу нет, думали еще месяц отдохнем, и на тебе! Явился не запылился. Ох и дурак же ты, хоть и тринадцатый. Хоть и доброволец.

— Погоди, брат Ягир,— остановил его сосед Семена по лавке,— нечего лаяться. Ты на лицо его погляди, он же не наш! Он вообще непонятно откуда взялся. У него лицо... У него борода растет. Мне видно.

— Да ну! Не может быть! — вразнобой загалдела братия, все посрывались с мест и окружили Семена, отпихивая друг друга и стараясь поближе заглянуть ему в лицо.

— Точно, братики,— убито сказал Ягир, для уверенности проведя по Семеновой щеке пальцем,— не наш он. Ты кто? Одежда на тебе вроде как наша, а сам... Откуда ты взялся? Не мог брат Мажок такого типа не заметить и в замок колдуна пропустить. С волосами на лице, надо же... Слыхивал я о таких чудесах, но сам вижу впервые. Борода растет, подумать только! — Брат Ягир остро глянул Семену в глаза.— Говори правду и не вздумай лгать. Я хорошо отличаю правду от вранья. Мне дана эта возможность, как брату Иттару умение видеть в полной темноте.— Ягир кивнул на семеновского соседа.— Кто ты? Не бойся, мы тебе ничего не сделаем. И даже бить не будем. Хотя надо было бы, очень ты некстати появился, но... Теперь мы в одной упряжке. Говори.— Брат Ягир повелительно махнул кому-то рукой, и ему немедленно принесли табурет, хотя никаких табуреток Семен в кухне раньше не видел. Не заметил, наверное.

Судя по уверенному поведению, Ягир в этой команде был признанным старшим. В отличие от ушедшего, который больше походил на официального начальника. Командира по назначению.

— Говори уж,— вздохнул медальон.— Только лишнего не болтай. У этого Ягира взгляд точь-в-точь как у натурального полимента. Будь осторожен.

— Ладно, все скажу,— с вымученным видом согласился Семен, облизывая ложку.— Куда деваться! А ничего, если я буду и говорить и есть? Очень я проголодался. Очень.

Брат Ягир нетерпеливо кивнул; остальные братья подались к Семену ближе, переглядываясь и таинственно подмигивая друг другу. «Ну я вас,— с неприязнью подумал Семен.— Поесть бы только как следует, а там и деру можно будет дать...» — А вслух произнес:

— История моя длинная и странная, и для вас, думаю, во многом непонятная будет. Потому скажу коротко, но правдиво. Ответьте мне для начала лишь на один вопрос: как называется ваш мир по имперскому списку Истинных Миров?

— Хороший вопрос,— одобрил Мар.— Правильный. Ну и что? Молчат... Опять мы в закрытых мирах! Вот же невезуха,— и в сердцах добавил что-то, Семену вовсе не понятное. Выругался, наверное, на неизвестном Сене жаргоне.

— Знаете что,— прожевав, сказал тринадцатый,— не буду вас загружать лишними разговорами. Зовут меня...— он запнулся, не хотелось ему называться здесь своим настоящим именем, не хотелось — и все тут. Вспомнив, как называл его когда-то пьяный окружной дознаватель, Семен продолжил: — Зовут Симеоном, я иноземец и волею судьбы — вор, который охотится не за золотом, а за интеллектуальными, то есть нематериальными ценностями. И попал к вам совершенно случайно, заброшенный сюда неведомым колдовством.— Семен не стал уточнять, какие именно интеллектуальные ценности его интересуют. И насчет неведомого колдовства тоже не соврал. Почти.— Я понятия не имею, что у вас тут происходит. Почему тринадцать? Почему замок колдуна? Кто вы сами такие? — Семен сунул в рот кусок мяса и замолчал, жуя и выжидательно глядя на собеседника. Вся братия тоже уставилась на Ягира.

— Он не лжет,— медленно сказал брат Ягир, буравя Семена пристальным взглядом.— Многое не договаривает, но не лжет. Он действительно вор. Не брат по крови! Но и не враг. Иноземец... Хм, а может, это и к лучшему. Ни в одном отряде не было иноземца! Тем более вора. Может, именно нам и повезет нынче, кто знает?

На твои вопросы отвечу тоже коротко. Замок колдуна там,— Ягир махнул рукой в сторону лестницы.— И лабиринт тоже там. И войти в тот лабиринт может только тринадцать человек, ни больше, ни меньше. А мы — воины-послушники. Достаточно?

— Можно подробнее? — попросил Семен, устало отодвигая от себя пустую миску.— Мне про себя просто нечего больше рассказывать, честное слово. Основное я вам сообщил, а все остальное несущественно. Разве что свои приключения по-

вспоминать, а оно сейчас вроде как и не ко времени будет... Потом расскажу, вы не против? С самого начала и не торопясь.

— Если у нас будет это «потом»,— невесело усмехнулся брат Ягир.— Ладно. Уважу твою просьбу. Поподробнее, хм... Тогда слушай.— Ягир налил себе из кувшина в глиняную кружку воды, отпил и приступил к рассказу.

— Жил-был злой колдун. Именно в этом замке, где они сейчас и находятся. Откуда взялся, когда успел свой замок построить — неизвестно. Года два колдун наводил ужас на всю округу, что там округу — на все земли от Гладкого моря до Оленьей пустоши! Хотя никто и никогда самого колдуна не видел — наблюдались только последствия его колдовства. Ураганы, наводнения, землетрясения. Миражи над замком видели, молнии в чистом небе, ночные сияния и много чего другого видели, не менее потрясающего. А потом колдун взял и помер. Почему так решили? Да потому, что к правителю страны, Главному Отцу-Настоятелю, прибыл год тому назад от колдуна гонец, странный гонец, не живой, но и не мертвый, который и передал эту весть Отцу-Настоятелю. Что, мол, отошел колдун в мир теней. И еще тот колдовской гонец сказал, что любые тринадцать человек могут теперь войти в замок колдуна когда угодно, и ровно в полночь перед ними откроются врата, за которыми будет лабиринт. А в центре того лабиринта лежит нечто, которое Отцу-Настоятелю очень даже пригодится. И тем, кто это нечто найдет, тоже мало не покажется. А из тринадцати идущих в лабиринт дюжина обязательно должна быть из людей подневольных, по приказу туда присланных, а тринадцатый — только из добровольцев. Который сам придет в замок. Такое вот непременное условие. Сказал — и рассыпался в прах. Словно и не было никакого гонца вовсе.

С тех пор в замок колдуна много народу ушло. Но никто еще назад не вернулся, не рассказал, что за таинственное нечто хранится в лабиринте. Может, погибли все, а может, и того хуже... Разные слухи ходят. Даже и говорить не хочется, какие,— так закончил свою речь брат Ягир и со стуком поставил на стол пустую кружку.

Семен нервно потеребил медальон. Словно по рассеянности.

— Сложная ситуация,— в раздумье сказал Мар.— С одной стороны — никто не возвращался. Не очень обнадеживает, ска-

жем прямо! С другой стороны — какое-то нечто, явно не зря запрятанное так глубоко. Хотя я совершенно не понимаю тайного замысла этого чокнутого колдуна. Интриги его не понимаю. Информации не хватает... Не харчит же он ребятушек-братушек, в самом деле! Спрятался, понимаешь, где-то в лабиринте, распустил слухи о своей смерти, а сам гостей ждет, ножик точит. Глупо это. Он же колдун, а не людоед. Тэ-экс, что же он тогда мог запрятать в замке? Золото? Фу, как пошло. Думаю, не золото... А может, силушку свою перед смертью где-нибудь под камушком прикопал, а? Заклинаньица всякие или амулетики сильнодействующие... Вот это нам бы пригодилось. Это было бы в самый раз... Я понял! — восторженно завопил Мар.— Он же там слимп заначил, гад землетрясный! Потому-то нас сюда и закинуло. Все, вычислил я колдуна. Расколол гнуса. Семен! Мы идем с братушками. Категорически! Всенепременно. Будем слимп брать. А после устроим всем веселую жизнь. Давно я хотел кое-что в мироздании подправить. М-м, для начала... Что бы такое учудить для начала? Вот незадача, ничего не придумывается... Ладно, когда найдем, там и придумаю.

— Понятно,— грустно сказал Семен.— Знаете что, похоже, все-таки придется мне с вами идти. Хотя и не очень хочется. Страшно мне.

— Нам тоже страшно,— признался молчавший до того брат Иттар.— Только дураки сами в эту ловушку лезут. Добровольцы, стало быть. Мы на входе в замок специально брата Мажока поставили, тайком от смотрителя замка, чтобы он таких дураков от геройского поступка отваживал. Вплоть до смертоубийства, если уж очень настырный доброволец окажется. Хоть и грешно это, убивать слабоумных! Но что поделать— нам жить тоже хочется... Лично я не верю в запрятанные волшебные сокровища, о которых толковал нам Отец-Настоятель. И в полезность их тоже не верю. Просто-напросто колдун решил забрать с собой в загробную обитель как можно больше невинных душ, чтобы от дьявола ими откупиться. Я так думаю.— И зло стукнул по столу кулаком.

— Один плюс — здесь неплохо кормят,— усмехнулся Ягир.— Я за эти месяцы ухитрился немного растолстеть. Хотя и тре-

нировался каждый день, как и положено. Форму терять нельзя даже в колдовских замках! Даже без надежды на спасение.

— Да, повар здесь расторопный,— рассеянно согласился Семен, мельком глянув на суетящегося возле печки крепыша.— Шустрый.

— Какой еще повар! — расхохотался Ягир.— Нет здесь никаких поваров. И не было. Колдовство лишь одно. Кроме нас и смотрителя, который ушел, нет в замке ни единой живой души. Еда, братец, сама собой готовится и на стол подается, вот и все. Повар, ха! Да ты небось настоящего колдовства никогда и не видел. Впрочем, что воры могут понимать в магии...

Семен поспешил сменить тему разговора:

— А удрать вы не пробовали? — спросил он, стараясь не глядеть в сторону плиты.— Чего вы свои жизни гробите, раз идти в лабиринт не хотите! Ушли бы, и все дела. В бега подались бы.

— Нету здесь выхода,— неохотно признался Ягир.— Вход есть, а выхода нету. Да если и удерешь, найдешь лазейку,— куда потом от гнева Отца-Настоятеля денешься? У него везде уши и глаза имеются. И на расправу он скор. Лютый он, наш Отец-Настоятель. Беспощадный.

— Коли так, то давайте отдыхать,— предложил Семен, потирая слипающиеся глаза.— Если нам от лабиринта никак не отвертеться. Хоть пару часов поспать надо.

— Верно,— согласился Ягир.— Всем отдыхать!

И братия, вполголоса обсуждая происшедшее, потянулась ко входу в соседнюю комнату. Брат Ягир проводил их озабоченным взглядом, а когда все ушли, повернулся к Семену:

— Вор Симеон, ты не простой человек. Не отпирайся, не простой. Не знаю, откуда ты здесь взялся, но прошу тебя — не исчезай! Сдержи данное тобой слово. Возможно, ты наша единственная и последняя надежда.

— Не беспокойся.— Семен украдкой подавил зевок, спать хотелось отчаянно.— Раз сказал, что пойду,— значит, пойду. Может, и для меня что интересное в том лабиринте обнаружится. Имеется такое предположение. Только одно условие — я должен идти первым. Есть, понимаешь, у меня одно особое свой-

ство... умение одно... Короче, надо сначала мне самому проверить, что нас впереди ждет, а уж после по ситуации...

— Разумеется,— сказал Ягир, дружески кивнул Семену и пошел следом за братией.

Семен встал с лавки, направился было к двери в спальню, но не удержался, подошел к суетливому колдовскому повару и заглянул ему в лицо. Потом пожал плечами и отправился спать: лица у повара не было. Лишь две точки вместо глаз.

Проснулся Семен оттого, что его кто-то потряс за плечо.

— Вставай, брат вор,— негромко сказали над ним.— Полночь близка. Идти надо.

Семен открыл глаза. В спальне, в неверном свете обязательных настенных факелов шло движение — братия готовилась к походу. Многие уже успели сменить свои балахоны на короткие кожаные куртки с широкими бляхами-клепками на груди и просторные кожаные шорты; кто-то еще примерял на себя кожаную амуницию, придирчиво осматривая крепеж блях; один из братии, стоя под факелом, изучал заточку своей короткой сабли, изредка подправляя ее металлическим правилом; кто-то разогревался, ловко размахивая вокруг себя нунчаками. Или чем-то вроде нунчаков, но не менее опасным.

Семен поднялся с лежанки, потянулся. Огляделся: неподалеку от него стоял Ягир, о чем-то тихо беседуя с братом Иттаром. Заметив, что Семен встал, Ягир подошел к нему и коротко сказал:

— Туалет там,— и махнул рукой в сторону.— После подбери себе куртку и штаны. И оружие какое-нибудь возьми. Ты с оружием обращаться-то умеешь? — и, не дожидаясь ответа, вернулся к Иттару.

— Отец родной,— недовольно пробурчал Мар,— сплошная забота. Ум, ловкость и удача — вот наше оружие! А не палки и сабли. Настоящий вор не пользуется оружием. Никогда!

— А я не настоящий вор,— возразил Семен,— временный я,— и потрусил в туалет, не слушая больше раздраженного ворчания медальона.

Надевать кожаные доспехи Семен не стал — превратил маскировочный костюм в нечто на них похожее, соорудил на ногах крепкие ботинки с мягкой нескользкой подошвой и на том успокоился; сумку с золотом Семен решил нести с собой,

не оставлять же ее здесь, мало ли как обстоятельства сложатся. Да и вообще, вряд ли они сюда вернутся — уж Семен точно возвращаться не станет! В этом он был уверен.

Вопрос с оружием решился как-то сам собой и совершенно неожиданно. Брать нунчаки или саблю Семен не собирался, хватит с него тяжестей, а решил он попользоваться при необходимости кастетом-рукоятью, которая лежала у него в сумке. И для пробы взял ее в руку. И сразу обратил внимание на слабое точечное сияние, исходившее от рукояти, аккурат чуть выше того места, куда ложился большой палец: сияние было заметно лишь в полумраке, пропадая на свету.

— Чего это тут...— пробормотал Семен, близко поднося рукоять к глазам.— Кнопочка, что ли? Похоже. Колдовская, ну конечно...— отведя руку в сторону, он нажал ту кнопочку. Из рукояти с шипением выскочил длинный прямой клинок, прозрачный и узкий; рукоять налилась тяжестью, слегка завибрировала в Сениной руке. По гладкому плоскому клинку заиграли факельные всполохи; внутри клинка, вдоль него, с тихим потрескиванием стремительно проносились мелкие пузырьки воздуха, как будто сквозь клинок шла вода под очень высоким давлением.

— Вот так выкидуха,— восхищенно прошептал Мар.— Обалдеть можно.

— Водяные пистолеты знаю,— сказал Семен, любуясь прозрачным клинком,— сам в детстве играл. Но чтобы водяные сабли...— он нажал кнопку, и клинок исчез, рассыпался мелкими холодными брызгами.

— Надеюсь, что он не одноразовый,— Семен сунул рукоять в карман куртки.— Во всяком случае, теперь нам смерть от жажды точно не грозит. Даже в пустыне. Надеюсь, против такого оружия ты не возражаешь?

— Ладно,— великодушно разрешил Мар,— владей. Оригинальный инструмент. Возможно, и пригодится в нашем деле. Вместо резака для вскрытия сейфов.

Сениных экспериментов с чудесной рукоятью никто не заметил — все были заняты собственными делами, никому не было дела до вора, примкнувшего к отряду. Пока что не против.

Где-то наверху глухо ударил гонг, все невольно посмотрели на потолок.

— Время,— сказал брат Ягир.— Идем.— И направился к выходу из спальни.

Пройдя через кухню-столовую, народ цепочкой потянулся к лестнице, ведущей в замок, в коридор с рыцарями. Семен глянул в сторону печи — хлопотливый поварской призрак отсутствовал, да и сама печь была холодной, пустой, без кастрюль и сковородок. Значит, возвращения уходящих никто не ждал. Семен поежился, нащупал в кармане рукоять и, немного приободрившись, последовал за всеми.

В коридоре гулял промозглый сквозняк, еле заметно колыша гобелены и тоскливо посвистывая в дырах пустых лат; настенные факелы трещали и коптили. Семен шел, отсчитывая двери, возле которых застыли дырявые рыцари: возле двадцать первой, и далеко не последней в этом ряду, двери рыцаря не было. Зато был смотритель — высокий, в черной глухой накидке до пола и с низко опущенным на лицо капюшоном. Без лишних слов смотритель распахнул дверь и отошел в сторону. Семен ощутил на себе его тяжелый взгляд, равнодушный и изучающий. Выпятив подбородок и расправив плечи, Семен растолкал замешкавшихся перед дверью послушников-бойцов.

— Я первый,— торопливо сказал он, косясь на смотрителя.— На разведку. У меня с Ягиром договор. Разведка, знаете ли,— это вам не саблями махать... Тут острый глаз нужен. Доверьте дело профессионалу.— Из-под капюшона донесся короткий смешок, но Семен не обратил на смех никакого внимания, только скрутил в кармане фигу — так, на всякий случай. От сглаза. И вошел в дверной проем.

Впереди был коридор с сырыми замшелыми стенами, со светляками потолочных светильников в темной вышине, с каменным неровным полом. Там, вдалеке, коридор круто сворачивал вправо: из-за угла всполохами вырывался безжизненный голубой свет, неровно высвечивая коридорный поворот. Было тихо, как в мавзолее. И пахло... Пахло чем-то знакомым — то ли как после грозы, то ли как возле работающего телевизора.

— Пошли,— Семен махнул рукой.— Пока все чисто. Но вперед меня никому не выходить! И не торопиться. Ни в коем случае не торопиться.

— Командир,— сказал за спиной у Семена брат Иттар.— Ну-ну.— И послышались осторожные шаги: братия заходила в коридор.

Гулко хлопнула дверь, и снова стало тихо. Семен медленно, чуть ли не на цыпочках, стал подкрадываться к голубому свечению: чем ближе подходил он к ярко освещенному повороту, тем ощутимее становился запах. И еще становилось заметно теплее. Семен судорожно вздохнул — сердце от волнения билось, как после крепкого кофе,— и осторожно заглянул за угол.

Метров десять коридор шел прямо, а дальше разветвлялся влево и вправо. На полу коридора то там, то тут светились голубым светом круглые пятна: от пятен шло тепло.

— Мар, пятна на полу видишь? — шепотом спросил Семен.— Голубые такие. Горячие.

— Нет,— так же шепотом ответил медальон.— Хотя погоди... что-то отмечается, контуры какие-то. Слабые-слабые... Ловушечки, да?

— Типа того,— согласился Семен.— Не лужи от дождя. Эгей, братия! — Семен повернулся к воинам-послушникам.— В коридоре полным-полно невидимых ловушек. Откуда я это знаю, не важно. Главное, идите за мной след в след и ни в коем случае не отклоняйтесь в сторону. На всякий случай возле каждой ловушки я буду класть монету — с той стороны, куда к ней, к ловушке, приближаться не надо. Ясно?

— Слушай, вор,— пренебрежительно сказал один из послушников, зло поигрывая нунчаками,— если ты стараешься набить себе цену, тогда ты выбрал для этого неподходящее время. Видеть невидимое не дано никому, даже брату Иттару, а уж тот кромешной ночью комаров сосчитать может. Коридор пуст! За мной, братья.— И с этими словами он уверенно шагнул в коридор. Кто-то собрался было пойти за ним, но Ягир молча остановил воина, оттолкнув его назад. И сделал знак Семену: «Молчи!» Не успел послушник с нунчаками пройти и трех шагов, как наступил на одно из пятен. И исчез. Семен невольно вздрогнул — сзади раздался общий вздох ужаса.

— Брат Суми всегда был чересчур самоуверен и поспешен в своих поступках,— сухо сказал Ягир.— Делайте так, как говорит брат Симеон. Последний из идущих пусть собирает

монеты и передает их ему. Думаю, запас денег у нашего проводника не бесконечен, а вешки нам в пути еще понадобятся.

Шли неторопливо, выверяя каждый шаг,— Семен, прежде чем войти в следующий коридор, внимательно изучал его, выискивая в нем всевозможные сюрпризы. А сюрпризов хватало: пятна на полу были лишь частью системы ловушек, которыми лабиринт оказался весьма богат. Кроме пятен вскоре обнаружились тонкие красные лучи, преграждающие путь вроде шлагбаумов,— лучи находились на разных уровнях и порой приходилось или проползать под ними, или перепрыгивать через них. Семену было проще: он видел преграду. А его спутники — нет.

Вскоре отряд потерял еще двоих: один из послушников нагнулся недостаточно низко, зацепил луч головой — и пропал. А вместе с ним пропал и шедший следом воин, который в это время случайно дотронулся до послушника рукой. Исчезли, как будто их никогда и не было, только легкий ветерок пронесся над тем местом, где они находились.

Семен, помня правило прохождения лабиринтов, придерживался одной его стороны, правой, надеясь лишь на то, что лабиринт везде замкнутый, не то им придется блуждать среди ловушек до слимперских святок. О чем Семена и предупредил медальон, которому уже случалось бывать в подобных ситуациях. Нечасто, но случалось. К счастью, лабиринт оказался замкнутым: отряд постепенно приближался к цели своего путешествия.

Первым это заметил Семен. Потому что ловушек вдруг стало меньше. Гораздо меньше. Встречались кое-где зловредные пятна, не без того — голубые, жаркие,— но редко, очень редко. А лучи пропали вовсе. Это и насторожило Семена: в таком пакостном месте да без ловушек? Значит, близки они к цели, и, значит, ждет их впереди какая-то гадость покруче, чем пятна и лучи. Однозначно ждет! Так оно и оказалось... Только дрянь та на первый взгляд вовсе и не гадостью показалась, а совсем наоборот. И кое-кто на нее, увы, купился.

За очередным поворотом Семен резко остановился и замер в изумлении. Потому что коридор закончился — впереди был громадный зал, празднично убранный и нарядный, едва освещенный пригашенным интимным светом. Длинные ленты раз-

ноцветного серпантина свисали с потолка, пол устилал бесконечный и очень ворсистый ковер; то тут, то там в пятнах более яркого света возлежали на мягких возвышениях томные полуобнаженные красавицы, возле которых стояли подносы со сладостями и винами в причудливых бутылках. Красавицы лениво грызли сладости, запивая их вином из высоких бокалов.

За спиной Семена кто-то громко сглотнул.

— Прямо как на той витрине, помнишь? — неприязненно сказал Мар.— Ну, тот магазинчик, где ты в роли короля из Чистоледного Мира выступал. Где мы костюмчик тебе раздобыли... Очень подозрительное место! Слишком показное.

— Слишком,— медленно повторил Семен. Он с подозрением вгляделся в красавиц: девушки были как настоящие. Почти живые. Почти.

Сквозь красавиц, сквозь возвышения и подносы, сквозь ковер просвечивало зеленое неугасимое сияние, очень слабое, едва различимое, но очевидное. Черная тропинка вилась между теми возвышениями, начинаясь возле ног Семена и уходя вдаль; тропинка прихотливо изгибалась, иногда ныряя под некоторые из возвышений,— там красавицы не проявляли никакой активности. Лежали хоть и томно, но неподвижно. Словно спали.

— Не могу я, братья,— срывающимся голосом сказали за спиной Семена.— Три месяца воздержания! Целых три! Не могу больше терпеть, сил нету. Лично я пошел.— Семена с силой оттолкнули в сторону, и мимо него пробежал один из послушников, на ходу отшвырнув в сторону саблю.

— Стой! — истошно крикнул Ягир.— Опомнись! Из-за бабы жизни лишаться?

— К черту баб! — завопил в ответ послушник.— Я три месяца вина не пил. Весь пересох.— И с этими словами он, сойдя с тропинки, схватил с ближайшего подноса бутылку. Дальнейшее видел только один Семен: послушника окутало зеленое сияние, мгновенно выбившееся из-под ковра, и бедняга пропал в нем вместе с бутылкой, так и не донесенной до рта. И одновременно Семен видел другое: как послушник, отхлебнув из горлышка, улегся на возвышение, вальяжно обхватив девицу за голые плечи; сквозь него теперь тоже просвечивало зеленым.

— Здесь хорошо! — пьяным голосом крикнул фантом.— И вино вкусное, и девочки что надо. Чего суетиться, чего спешить? Отдохнем немного и дальше пойдем. Давайте ко мне, не робейте.— И он счастливо захохотал. Очень счастливо. И очень натурально.

Мимо Семена проскользнуло еще трое: история повторилась. К сожалению. Теперь голосила вся полупрозрачная четверка, призывно размахивая бутылками и подзадоривая оставшихся; девицы посылали всем подряд воздушные поцелуи и игриво подмигивали, то и дело — будто ненароком — задирая и без того короткие платьица.

Семен оглянулся.

— А вы почему не идете? — хмуро спросил он у оставшихся.— Вон как зовут! Аж надрываются.

— Братья сделали окончательный выбор,— невозмутимо ответил Ягир.— Хоть и поспешный, но сделали. Теперь это их дело. Мы же сделали свой выбор. Другой. Потому что это явный обман. Ловушка! Чересчур все славно... И где — в колдовском лабиринте? Тем более что я хорошо знал брата Тури до его поступления в послушники. Того, самого первого. Который за бутылкой пошел. Слаб он был до вина, что правда, то правда. Но сидеть с девицами в обнимку и нахвалиеать их... Были бы тут козы, тогда да. Тогда бы я его понял. Он раньше пастухом был, наш брат Тури... Впрочем, некогда сожалеть. Веди нас дальше, Симеон. Веди.— Ягир косо глянул на развеселых призраков, сплюнул и больше не обращал на них никакого внимания.

Семен шел по тропинке, уставясь в нее и не глядя по сторонам; пятеро из братии, осторожно передвигая ноги, молча шли за ним след в след. Далеко позади остались пьяные выкрики и истеричный женский хохот, а тропинка все не кончалась. Семен проходил сквозь возвышения и возлежащих на них девиц, преграждавших им путь,— спящие красавицы на поверку оказались воздушными и неосязаемыми. Миражными.

Но вот черная тропинка закончилась, уперлась в открытый проем коридора. Дальше опять начинался лабиринт, но не такой, как прежний, с замшелыми стенами и каменным полом, а другой. Зеркальный. Стены и потолок многократно отражали Семена и его спутников, повторяя и множа их; пол переливался

едкими разноцветными всполохами, от которых рябило в глазах. Создавалось впечатление, что они ненароком забрели в гигантский калейдоскоп,— от мелькания красок у Семена закружилась голова.

— Этого еще не хватало,— сказал Семен, потирая виски.— Мар, ты что видишь?

— Да ничего такого,— неуверенно ответил медальон.— Коридор как коридор. Стены серые, потолок ободранный. Пол, как в хлеву, грязный. Ничего особенного.

— Тогда смотри по сторонам внимательней,— решил Семен,— будешь подсказывать мне, что у нас впереди. Отмечай все подозрительное и сразу сообщай. У меня тут небольшая проблемка возникла, так что надеюсь только на тебя.

— Что случилось? — испугался Мар.— Что за проблемка? Серьезная?

— Издержки колдовского видения,— отмахнулся Семен.— Ерунда. Ты, главное, не отвлекайся. Работай давай.

— Слушаюсь,— ответил медальон.— Иди все прямо и прямо, а потом направо. Пока ничего подозрительного.

Семен прикрыл глаза ладонью и изредка посматривал в щель между пальцами: он медленно шел вперед, слыша позади себя тихие шаги и размеренное дыхание своих спутников.

— Прямо... Поворот налево... Опять прямо,— командовал Мар.— Поворот направо, и... Пришли, что ли? Дверь. Хе-хе, из досок. Как в сортире.

Семен убрал руку от глаз.

Перед ним действительно была дверь. Но не из досок, нет, а из плиты черного мрамора, со сложными резными украшениями по всей ее плоскости. И были на той плите изображены человеческие и звериные фигурки, странно переплетенные между собой; фигурки плавно перемещались по кругу. В центре подвижного круга застыл рельефный кошачий глаз с огненным вертикальным зрачком — глаз, казалось, смотрел прямо в лицо Семену. Смотрел пристально и недоверчиво.

Справа на двери имелась прозрачная ручка в виде изогнутой тигриной лапы; внутри лапы тревожно моргала маленькая красная точка. Словно индикатор автосигнализации. Будь Семен не так ослеплен и заморочен разноцветными всполохами, он обязательно обратил бы на нее внимание! Обязательно.

Но Семен точку не заметил: решительно взявшись за лапу, он потянул ручку на себя — дверь начала открываться, плавно и бесшумно. И тут в лицо Семену ударила вспышка ярчайшего света. На миг ему показалось, что он ослеп,— Семен с криком прикрыл глаза рукой.

— Урок первый,— сказал чей-то бесстрастный голос,— никогда не открывай незнакомые двери, предварительно не проверив их на заговоренность. Тем более в столь подозрительных местах. Ты же видел, не мог не видеть, что дверь особая, не простая! Потому должен был сначала найти наложенную на нее волшбу и обезвредить чары соответствующими заклинаниями. А уже после браться за ручку. Кстати, чтобы ты знал,— заклятие было выведено именно на ручку, с внутренней ее стороны. Точечное волшебство. Метод локальной диверсии. Способность видеть магию вовсе не дает права быть беспечным и непредусмотрительным, вор Симеон. Так-то.

Семен оторвал руки от лица и затравленно огляделся.

Он находился в просторной и пустой комнате, где не было ничего, кроме голых светящихся стен,— ни столов, ни стульев, ни какой-либо другой обстановки. А также не было окон. И двери не было.

Перед Семеном стоял высокий человек в черной глухой накидке до пола, со сложенными на груди руками и с низко опущенным на лицо капюшоном.

— Смотритель? — удивился Семен, протирая слезящиеся глаза.— Вот так фокус.

Смотритель резко откинул капюшон.

— Ой,— тихонько проскулил Мар.— Сам Кардинал... Все. Отпрыгались мы.— И забормотал молитву.

ГЛАВА 9
Слуга Любимого Императора, Милостивого и Просвещенного

Кардиналу было лет пятьдесят. Был он лысым, худощавым, с резкими чертами лица. Уши у Кардинала слегка оттопыривались, придавая ему отдаленное сходство с сатиром; глаза были серые, холодные. Изучающие.

— Что случилось с моими спутниками? — решительно спросил Семен, стараясь не обращать внимания на еле слышные стоны и причитания Мара.— Где люди?

— Странный вопрос в такой ситуации,— пожал плечами Кардинал.— Впрочем, могу ответить: ничего страшного с ними не случилось. Твои спутники занормалены,— и умолк, словно дал исчерпывающий ответ. Видя недоумение Семена, Кардинал пояснил: — Они находятся в остановленном времени. Как и те, кто приходил сюда до них. Убийство не входит в мои планы. Мне вообще нет до этих людей никакого дела, я бы попросту отпустил их на все четыре стороны, если бы не возможная утечка информации. В остановленном времени не болтают! И не стареют, между прочим. Еще вопросы?

— Вопросов много,— растерянно сказал Семен,— только я никак не соображу, какой из них важней. Который первым задавать.

— Нормальная реакция,— кивнул Кардинал.— А не перейти ли нам отсюда в другое место? В более подходящее для ведения обстоятельной беседы. Разговор у нас будет долгий и серьезный. Важный.

— Не сомневаюсь,— согласился Семен.— Давайте перейдем. А здесь, где мы находимся, это что за место?

— Отстойник,— равнодушно ответил Кардинал.— На случай непредвиденных осложнений. Но осложнений, к счастью, не было. А вот если бы ты оказался магом, притом агрессивным...— Кардинал не стал развивать дальше свою мысль, повернулся к ближней стене и взмахнул рукой. В стене возник темный проем, куда он и шагнул.

Семен быстро прошептал:

— Мар, веди себя тихо и не вздумай подавать голоса. Вдруг этот тип тебя услышит? — и шагнул следом за Кардиналом.

Другое место, подходящее для обстоятельной беседы, оказалось удивительно похожим на офис малобюджетной фирмы.

Квадратная лампа на потолке, несколько столов, приставленных друг к другу впритык в виде буквы «Т», шкаф-стеллаж с книгами и папками на полках, железный сейф (Мар затрепетал на цепочке при виде сейфа), журнальный столик с чашками и кофейником; стены комнаты были задрапированы серой плотной материей. Окон не было.

Кардинал неспешно снял с себя накидку, оставшись в темно-сером глухом свитере, таких же по цвету брюках и серых же мягких туфлях; он небрежно бросил накидку поверх сейфа. После чего сел за главный стол, кивнув Семену на стулья у соседнего. Семен присел на краешек стула, положив сумку с золотом рядом с собой.

— Так,— сказал Кардинал.— Будем для начала знакомиться. Я — Кардинал. Если это тебе о чем-то говорит.

— Конечно, говорит,— покивал Семен.— Высшее после Папы духовное звание. Религиозное. Читал в справочнике.

Брови у Кардинала поднялись домиком.

— Религиозное? — задумчиво переспросил он и рассмеялся.— В общем-то да. Что-то типа того. Хм, забавно. А папа— это кто? Император? Папа, придумают же! — Кардинал усмехнулся и вновь стал серьезным.— Собственно, ты можешь не представляться..Я тебя еще при первой нашей встрече опознал. У меня в сыскном отделе служат хорошие художники: любой портрет со слов очевидца нарисуют. А твое имя узнать и вовсе было не сложно — голос у брата Ягира громкий, командирский, а слух у меня тонкий. Я многое о тебе знаю, вор Симеон. Еще бы! Шуму на Перекрестке ты наделал преизрядно... Ну-ка, посмотрим.— Кардинал не глядя протянул руку к шкафу, с полки сорвалась одна из папок и сама собой легла к нему на стол.

— Значит, так,— сказал Кардинал, раскрыв папку,— что у нас тут имеется... А имеется незаконное проникновение на Перекресток, статья двадцать четвертая, с учетом пятнадцатой поправки... Э, ерунда, всего-то два месяца в Исправительном Мире или штраф в размере... М-м, что там еще... Ага! Преднамеренное окаменивание — словечко-то какое! — второго секретаря посольства Рационального Мира, его личностную альфа-часть... Это я выдержку из протокола зачитал,— мимоходом пояснил Кардинал.— С места происшествия. Между прочим, десять лет каторги с конфискацией памяти. Это уже серьезно.

— Он первый начал,— буркнул Семен.

— Дальше,— не слушая Семена, продолжал Кардинал, листая страницы.— Дальше у нас идет нечто особенное. Преступления особого рода. Во-первых, использование магически чистого и потому запрещенного к реализации золота. Хм, если

по максимуму, то на двадцать пять лет рудничных работ запросто тянет. В том же Исправительном Мире. Хотел бы я знать, где ты чистое золото раздобыл! Его уже много лет как все уничтожили... Очень хотел бы. Крайне. Но об этом мы поговорим после. Отдельно, обстоятельно. После того, как ты... Потом, все потом! И, наконец, самое главное.— Кардинал осторожно закрыл папку и легким движением руки отправил ее на место.— Вчерашний побег из-под ареста. С нанесением тяжелого ранения имперскому офицеру... Да-да, я в курсе, мне об этом уже доложили. Это, знаешь ли, все. Это — Дальний Реестр, если по полной строгости, ты понимаешь?

— Я его даже не касался,— угрюмо ответил Семен.— Мне солдаты рот пластырем залепили и за руки держали. А офицеры дуэль затеяли, меня между собой не поделили. Пока делили, один другого и покалечил. Я тут ни при чем.

— Дуэль лишь ты один видел,— живо возразил Кардинал.— Так получается. Солдаты показали под присягой, что ты сам напал на имперского офицера, ударил его ножом в грудь и скрылся в переходном столбе пентаграммы. Врут, конечно. Офицеров выгораживают — дуэли запрещены уставом.

Но твоя беда в том, что официально, повторяю, официально в нанесении увечья обвинен вор Симеон. Который сидит сейчас передо мной.— Кардинал побарабанил пальцами по столу.— Ужасное преступление, м-да-а... А если приплюсовать перечисленное выше, то... Плохо твое дело.

— Так вы что же, целый колдовской замок отгрохали, и все лишь для того, чтобы с его помощью преступников отлавливать? — не на шутку удивился Семен, он даже бояться перестал от удивления.

Кардинал презрительно скривил губы:

— Больно высоко себя ценишь! Замок для воров строить, ишь ты, размечтался... Замок для других целей наколдован был. Это простое совпадение, что ты оказался в нем. Переходной столб тебя сюда забросил, расстарался. Хотя, если подумать, то да — и для преступников тоже. Но смотря для каких! Ладно, поговорим о деле.— Кардинал покосился на шкаф с папками.— Все твои преступления можно замять и списать. Как несущественные. И даже дать тебе полное гражданство на Перекрестке. Если...

— Что — если? — заинтересовался Семен. Никакого гражданства ему не надо было, не собирался он жить на Перекрестке, вот еще, других удивительных миров хватало,— но ему неожиданно стало интересно.

— Буду откровенен,— глухо сказал Кардинал, глядя Семену в переносицу.— Полностью откровенен. Потому что отсюда у тебя лишь два пути: или в остановленное время, навсегда, или после подписания договора в Отряд. Тоже навсегда.

— Небогатый выбор.— Семен облизнул пересохшие губы.

— Может, кофе? — неожиданно любезным голосом предложил Кардинал и щелкнул пальцами: с журнального столика к ним подлетела чашка и кофейник. Семен невольно отшатнулся — чашку и кофейник нес тот самый безликий, орудовавший на темной кухне у плиты; при ярком свете безликий просвечивался, словно был сделан из дыма. Повернув к Семену белое пятно лица, призрак налил в чашку кофе и вдруг сделал Семену странный знак, постучав пальцем по кромке чашки. Словно предупредить хотел о чем-то. И растаял в воздухе.

— Пей, не отравленное.— Кардинал подпер голову руками, выжидательно глядя на Семена.— Слово даю.

Семен замялся, помня непонятное предупреждение, но взял чашку — она оказалась странно холодной и колкой на ощупь, словно припорошенная льдинками, однако, едва Семен поднес чашку к губам и сделал маленький пробный глоточек, сразу же нагрелась. Кофе был хороший — в меру сладкий и ароматный. То, что надо.

— Значит, так,— сказал Кардинал, отвалившись на спинку стула и скрестив руки на груди,— как я и обещал, буду откровенен. Я не только Кардинал, правая рука Его Императорского Величества, но и глава ордена слимперов. Верховный Жрец. Разумеется, негласно. Неожиданно, правда? — Кардинал улыбнулся, видя замешательство Семена: тот чуть кофе себе на шорты не пролил.

— Потому я и заинтересовался неким вором, нашедшим лазейку в запечатанный обрядовый дом, куда не мог войти даже я,— продолжил Кардинал, наслаждаясь произведенным эффектом.— И путем логических умозаключений сделал правильный вывод. Что этот вор — особо одаренный видящий. Ловкий, самоуверенный. Отчаянный. Потому что никто из

обычных видящих не полез бы в запечатанный и наверняка поднадзорный дом. Они предпочитают не афишировать своих способностей. Никогда. За редким исключением: видящим предоставляются исключительные льготы при поступлении в военное училище. На курсы офицеров-магов.

Дело в том, что видение — это отклонение от нормы, а любые отклонения опасны для общества. И общество само борется с этими отклонениями.— Кардинал склонил голову набок и с интересом посмотрел на Семена.— Закон стаи: непохожего убивают. Понятно?

— Понятно.— Семен поставил чашку на стол.— Вы меня тоже? По закону стаи.

— Ни в коем случае.— Кардинал повел рукой вокруг себя.— Этот замок, как и многие другие в Закрытых Мирах, создан только для одной цели: найти и выявить видящих. Вернее, не просто видящих, а тех, кто способен видеть все проявления магии. И взять их на службу. В Отряд. Очень, очень дорогостоящий проект... В Истинных Мирах, как и на Перекрестке, видящих почти нет. Повывелись что-то.

Кардинал недовольно поцокал языком, немного помолчал. После размеренным голосом продолжил:

— Проект был развернут три года тому назад. Здесь, в данном мире, это замок чернокнижника со всей положенной для злобного колдуна атрибутикой. В другом — храм ведьмы. В третьем — башня дракона. Или пещера друида. Вариантов было использовано много. Но что примечательно — все эти шумные драконы, коварные друиды и подлые ведьмы внезапно взяли и померли. В одночасье. Ровно год тому назад. Померли и оставили завещание, переданное местным верховным правителям: посылайте в наше жилье своих людей, не пожалеете. Там есть нечто такое! Драгоценней всех драгоценностей. И все ваше, даром. Только дорога к этому нечто лежит через лабиринт. А пройти его могут только двенадцать подневольных, служивых людей. И один примкнувший к ним доброволец. Мужчина или женщина, без разницы. Смысл понимаешь?

— Нет,— помотал головой Семен.— Не очень.

— Все просто.— Кардинал щелкнул пальцами и появившийся из ниоткуда призрак унес со стола кофейник и чашку. Семену показалось, что призрак чем-то удручен,— тот шел сгор-

бясь и беззвучно шаркал ногами,— но не придал этому значения. Может, у безликого радикулит разыгрался. Кто их, призраков, знает!

Кардинал подался вперед:

— Когда люди начинают бесследно пропадать в колдовском лабиринте, то рано или поздно сопровождающим их добровольцем становится видящий — если он раньше сам в числе тех двенадцати назначенных случайно не окажется, по приказу. А добровольцем он — или она — становится для того, чтобы провести людей через лабиринт. Может, отец или брат в число тех двенадцати попал. Или любовник. А может, попросту жалко бедолаг становится, на смерть ведь идут... есть такие чувствительные натуры, всех им жалко, герои без мозгов. И когда такой герой проходит лабиринт, минуя поэтапно все ловушки, начиная с самых простых, нарочито обозначенных, и заканчивая самыми сложными, завуалированными, то я его, такого глазастенького, цап! И в Отряд. А остальной хлам — в остановленное время. Чтобы лишнего не болтали.

— Понятно.— Семен потер лоб, что-то голова закружилась. Крепкий кофе оказался. Весьма крепкий.— И как это вы везде поспеваете? Во все замки и пещеры одновременно...

— Да вот, ухитряюсь.— Кардинал обхватил плечи руками, словно замерз.— Много меня. Потому и поспеваю. На все хватает.

— А почему двенадцать подневольных? А не двадцать. Или девять.— Семен украдкой зевнул, прикрыв рот ладонью. Что-то спать захотелось ни с того ни с сего.

— Просто мне нравится число двенадцать,— пожал плечами Кардинал.— Всего-то. И никакой мистики цифр. Хорошее круглое число! Тем более что во многих мирах считают дюжинами, а не десятками. Так-то.

— Понятно.— Семен сложил руки на груди, как и Кардинал, еще и ногу на ногу закинул: все ему внезапно стало как-то безразлично. Скучно стало. Действительно, никакой мистики, один голый расчет...— Отряд — для чего? — сонно спросил он.

Кардинал цепко глянул Семену в лицо, тут же отвел взгляд в сторону и, помолчав, сказал:

— Скоро будет война. По моим предположениям, лет через пять. Глобальная. Страшная. С чужими. И никуда нам от той

войны не деться! Причин много — и экономических, и религиозных. И политических. Короче — идет экспансия чужих. Исподволь, с применением технической магии... Я перед этими чужими как подстилка стелюсь, лишь бы оттянуть начало боевых действий, достали уже, с-сволочи... Закрытые миры уже почти все в их полной власти, и я ничего не могу с этим поделать. Ни-че-го,— по слогам раздраженно повторил Кардинал.— Эти подлецы обрабатывают местных жителей во время сна, воздействуя на них специальной магией со своих прыгалок. Тонкой магией, которая исподволь перестраивает психику в заданном направлении... В обработанных мирах чужие теперь полные хозяева, без их разрешения никто даже чихнуть не смеет! Один лишь Ханский Мир пока сопротивляется, все жители по ночам под серебряными крышами прячутся. Как они догадались, что серебро экранирует магию ментального внушения, ума не приложу. Случайно, наверное. Потому еще и держатся. Но тоже ситуация нестабильная, у них недавно дворцовый переворот произошел... Гм, разболтался я что-то не по существу. Отвлекся.

Кардинал недовольно нахмурился:

— О чем я говорил? Ах да, о войне. Дело в том, что неизвестно, кто в ней победит. Силы примерно равны: как у нас, так и у чужих. Значит, надо предпринять все, чтобы ослабить чужаков заранее. Или нанести превентивный удар. А самым мощным оружием для нанесения такого удара может быть только слимп. Которого официально нет и быть не может: эту мысль постоянно вдалбливают в умы законопослушных граждан империи. И будут продолжать вдалбливать, даже когда слимп будет найден! Для предотвращения паники и смуты... Да-да, я не оговорился — не «если», а именно «когда». Потому что он существует.— В глазах Кардинала зажглись фанатичные огоньки.— Существует! Это непреложный факт. Это истина! Иначе как объяснить, откуда берутся все заклинания? Откуда раньше брались устные, а нынче — комплексные? Их ведь никто специально не составляет. Они просто приходят в готовом виде к избранным, и все! Откуда? Я не знаю. Но догадываюсь... Ты что, не веришь мне? — напряженным голосом спросил Кардинал.— Сомневаешься в моих словах?

Семен пожал плечами:

— Почем я знаю? Я слимп не видел. Руками его не трогал.

— Ну да, разумеется,— остывая сказал Кардинал.— Я забыл, с кем имею дело. С вором. Так вот, вор Симеон, знай же — мной, лично мной был создан особый Отряд для поиска слимпа. Отряд, который все время пополняется людьми с необычными способностями. И в первую очередь видящими, собранными опять же мной из всех миров. В основном из закрытых. Император не в курсе,— Кардинал криво усмехнулся.— Старенький он, наш император. Недальновидный. Ему бы все в саду, с цветочками... На принца надежды нет, юн и глуп. Императрица... Она женщина молодая, что ей политика и война! Другое ей нужно,— Кардинал осекся, крепко потер лицо ладонями, словно умылся.— Выходит, что вся империя на мне. Вся. Вот так.

— Сочувствую,— сказал Семен и широко зевнул.— Вы, значит, нынче вроде как заместитель императора, да? В политике и постели. А со слимпом станете заместителем Бога.

— Ну ты и наглец,— возмутился Кардинал.— Хам ты, Симеон! Если бы не государственное дело, я бы тебе сейчас показал заместителя. Уши оборвал бы и распотрошил, как рыбу. Ты думай, чего болтаешь-то! И кому.

— Виноват, исправлюсь,— Семен тяжело помотал головой.— У меня что-то... Туго я сейчас соображаю. Устал, наверное.

— Наверное,— участливо сказал Кардинал.— Столько-то всего произошло! Значит, так: подпишешь договор о нашем сотрудничестве и сразу отдыхать. Я тебя сейчас же в Отряд переправлю, там тебя и подлечат... от головы.— Кардинал отодвинулся назад вместе со стулом, потянул на себя ящик стола и достал оттуда большой лист пергамента, уже заполненный крупными строчками с витиеватыми заглавными буквами и проштемпелеванный снизу красной гербовой печатью.

— Стандартный договор,— Кардинал положил лист перед Семеном.— Прочти и распишись.

— Чем расписываться-то? — вяло поинтересовался Семен, беря договор в руки.— Кровью небось?

— Разумеется,— холодно подтвердил Кардинал.— Не чернилами же! Игла у меня, кстати, имеется. Не бойся, вполне стерильная. Как раз для таких случаев.

Семен не ответил, пытаясь вникнуть в смысл написанного — строчки плыли перед глазами, буквы застилало туманом. Од-

нако что-то все же доходило до сознания, и это что-то Семену очень не нравилось. Он заставил себя сосредоточиться, хотя это было трудно, кидало то в жар, то в холод. «Грипп у меня, что ли? — с безразличием подумал Семен, в пятый раз перечитывая короткий текст,— ох как не вовремя...» И тут скрытый смысл договора дошел до него. Резко дошел. Сразу.

— Но это же обыкновенное рабство,— прошептал он, роняя лист на стол.— Абсолютное, стопроцентное. Без права пересмотра соглашения. Не буду подписывать! И точка.

— Крепенький ты,— изумился Кардинал, доставая из ящика длинную костяную иглу.— Уникальный. Это хорошо. Это многообещающе. У меня после чашечки кофе еще никто так смело не отказывался. Колебались, бывало. Но больше от радости плакали, в хорошее место ведь идут... ноги обнимали... Руку давай, палец колоть буду! Хотя нет, сначала проверим твои карманы. Может, что вредное завалялось. Опасное... Доставай все, не стесняйся. И медальон сними, мало ли что это за штучка. Не нужны тебе больше самодельные обереги, я тебе другой выдам. Специальный. Отрядовский.

Семен вяло, как во сне, начал шарить по своим карманам. «Да что такое со мной происходит?» — с запоздалым ужасом подумал он, глядя, как его руки сами выложили на стол кошель и лист с заклинаниями, придавив «На лихого дядю» безмолвным Маром.

— Кофе,— заплетающимся языком сказал Семен.— Кофе. Отрава. Вы же слово дали.

— Дал,— подтверждающе кивнул Кардинал, в ожидании вертя в пальцах иглу.— И сдержал. Кофе был чистый, без обмана. А вот чашка... Урок второй — ничего не пей и не ешь из чужой непроверенной посуды. Чашка была с подвохом, а не кофе. Со скрытым заклинанием на слепое подчинение. Насчет чашек я слова не давал,— и захохотал весело, от души.— Давай, давай,— подбодрил он Семена,— разгружай карманы, нечего время тянуть. Не все так плохо, уж поверь мне. И в Отряде можно жить, и неплохо жить. Сытно, весело. Богато. Я своих не обижаю! Да и какая тебе разница, где погибнуть, если начнется война. Если слимп не отыщется. Что в Отряде, что на воле...— Кардинал явно развлекался, глядя на потуги Семена перебороть самого себя, вырваться из-под наркоза за-

клинания.— Что, тяжело? А ты не сопротивляйся, и сразу станет легче. Нет, ну каков упрямец! Сильный какой! Молодец, молодец... Сержантом будешь, однозначно. Воля есть, остальное приложится.

Семен потянул непослушной рукой из бокового кармана сабельную рукоять. Та не шла, зацепилась за что-то, застряла в кармане. Семен рванул ее посильнее. Рукоять выскользнула наружу и сразу раздалось знакомое шипение — палец Семена случайно задел невидимую кнопку. Водяной клинок плашмя скользнул по голой ноге, вонзился в каменный пол и... И Семена отпустило: сонная одурь пропала, словно он разрядился через меч. Полностью пропала. Совсем.

— Что там? — Кардинал поспешно перегнулся через стол, увидел меч, увидел прозрачную струю клинка, воткнувшуюся в пол, быстро взглянул в глаза Семену и все понял.

— Даже так? — с уважением сказал Кардинал.— Радужный меч династии Юшанов, Смерть Ворожбе! И у кого! Значит, скинул заклятие на клинок, ухитрился... Ох и удачливый ты! Ох и везучий. Ч-черт, да я просто восхищен тобой! Жаль, что тебя придется занормалить. Или убить. Если ты договор не подпишешь. Очень жаль... Так ты сабелькой помахать желаешь? Изволь. Можно и на сабельках.— Кардинал резко отпрыгнул от стола, мгновенно преображаясь: его серые одеяния исчезли, превратившись в серебристую, как чешуя, трико-кольчугу; Семен недолго думая преобразил свою неказистую кожаную защиту точно в такую же чешую.

— А, ворованный «Хамелеон»,— обрадовался Кардинал.— Вон где обнаружился! А я-то все на чужих грешил, на их разведку. Не поверишь, прямо гора с плеч... Ну-с, приступим.— Он сделал быстрое движение рукой, словно что-то из воздуха взял, резко тряхнул кистью: из сжатой в кулак руки Кардинала вырвался луч яркого оранжевого света. Луч, ограниченный по длине. Световой клинок.— Интересно,— плавно поводя лучом перед собой, задумчиво сказал Кардинал,— меч воды и меч огня. Что получится? Любопытно. Ой как любопытно! Сейчас проверим,— и сделал пробный выпад, чуть-чуть не достав Семена. Специально не достав. Семен неловко, как дубиной, отмахнулся своим мечом от огненного клинка — сбоку, наотмашь. Со всей силы. Клинки с громовым треском пересеклись,

выбив друг из друга клубы пара и облако искр; в комнате сразу запахло, как в бане.

— Здорово,— заметил Кардинал.— Впечатляет. Однако фехтовать ты не умеешь. Зачем же тогда тебе меч, вор? — Кардинал насмешливо подмигнул Семену.— Может, сдашь оружие и подпишешь договор? Без членовредительства. Пока я добрый.— И, отступив на шаг, погрозил Семену пальцем.

— Мар! — крикнул Семен, бестолково размахивая перед собой мечом, просто так размахивая, чтобы хоть что-то делать,— Мар, читай «На дядю!» Вслух читай, громко! Читай!!!

— Какой такой Мар? — озаботился Кардинал, даже световой меч вниз опустил.— Здесь еще кто-то?

Семен прыгнул вперед, стараясь с размаху огреть противника по голове клинком, но Кардинал мимоходом отвел его удар в сторону, шутя, не напрягаясь. Похоже, он и не заметил нападения — Кардинал вертел головой по сторонам, ища непонятного Мара.

С той стороны, где находился стол, донесся громкий голос медальона: Мар быстро и четко произносил скороговоркой непонятные, но грозные слова. В комнате заметно потемнело.

— Медальон! Ах ты...— Кардинал бросился к столу, на ходу занося световой клинок для удара. Семен, уронив свой бесполезный меч, прыгнул следом, в полете толкнув Кардинала руками в спину.

Внезапно словно граната разорвалась перед Семеном — его ударило волной встречного горячего воздуха, перевернуло, бросило на пол. И сразу стало тихо-тихо. Оглушенный Семен медленно выбрался из-под стола, куда он въехал на спине, встал покряхтывая. Осмотрелся.

Кардинала не было. Остались лишь лоскутки серебристой ткани — обрывки замечательного «Хамелеона» да погнутая и мятая черная трубка, бывшая когда-то световым мечом.

— Джедай хренов,— сказал Семен.— Отмахался, фехтовальщик олимпийский! Ну-ну,— и в сердцах пнул трубку.

Носок ботинка слегка зацепил еще что-то, лежавшее под лоскутом, что-то небольшое, тяжелое. Семен нагнулся и поднял с пола прямоугольную золотую пластинку. На которой было выгравировано: «Дубль №25». Чуть ниже стояла размашистая роспись, словно сделанная торопливым огненным пером —

вокруг букв было слегка набрызгано мелкими золотыми капельками-пылинками.

— Дубль. Замечательно,— ошарашенно сказал Семен.— Мне только дублей не хватало для полного счастья. Кардинальских. То-то он говорил, что много его! Понятненько.— Он повертел в руках пластинку, превратил свое чешуйчатое трико в походный костюм и спрятал трофей в карман. На память. После подобрал радужный меч, когда-то принадлежавший неизвестной ему династии Юшанов, убрал клинок и направился к столу.— Ну, как оно? — Семен положил рукоять на обгорелый стол, по которому словно молния ударила, неторопливо повесил на шею медальон.— В роли колдуна-словесника каково?

— Погано,— честно признался Мар.— Чуть на дольки меня хренов дубль не порубал. Листик с заклинанием все-таки сжег, зараза... Однако с комплексной магией все куда как быстрее получается! Ох, и натворил я дел... Сам первичное заклинание озвучил — и это я, тот, кто тебя от них строго-настрого предостерегал! — и никаких предохранительных условий в нем не указал. Не успел! Что теперь будет? Не представляю.

— Заклинание «На лихого дядю» сработало? — Семен положил в нагрудный карман кошель.— Сработало. Исчез дядя? Исчез. Все, вопрос закрыт. Мироздание уцелело, и ладно.— Повесив сумку с монетами на плечо, Семен огляделся.— Где тут у него выход был? До чего же стены одинаковые... А, вон там, по-моему.— Он ткнул рукоятью меча в одну из стен.

— Погоди уходить,— всполошился Мар.— А сейф? Сейф обязательно поглядеть надо! Я магию в нем чую. Сильную!

— Верно,— спохватился Семен,— про него-то я забыл. Сейчас...— Семен подошел к железному ящику сбоку, брезгливо скинул с него черную накидку, нажал кнопку на рукояти меча и, аккуратно примерясь лезвием, принялся срезать дверцу вместе с петлями и боковинами сейфа.

Едва он прикоснулся клинком к ящику, как сейф тут же окутался иссиня-белым сварочным заревом, полыхнул длинным языком жаркого пламени, словно норовя облизать им Семена с ног до головы, и почти достал его, почти. Однако в последний миг жгучий язык отклонился в сторону, метнулся к прозрачному клинку, обвил его и растаял. Погас. А вместе с ним погасло свечение вокруг сейфа.

— Тьфу ты! — Семен утер свободной рукой холодный пот со лба.— Так и есть, я первое правило забыл. Про которое Кардинал мне говорил. Насчет проверки подозрительных дверей на заговоренность. А меч хорош, ничего не скажешь,— Семен опять примерился к сейфу.— Как он ту сварку заземлил, любо-дорого... Натуральный молниеотвод, а не меч. Вернее, магоотвод.— Семен надавил на лезвие.— Наверно, он из проточной воды сделан. Проточная, она хорошо заземляет...

Лезвие медленно вгрызалось в броню сейфа; над железным шкафчиком зависло облачко мелкой водяной пыли, в котором играла блеклая радуга. Словно работал Семен не с мечом, а с водяным распылителем. Которым воздух увлажняют.

Через минуту дверца отвалилась. Семен выключил меч, спрятал рукоять в карман, присел на корточки и заглянул в нутро сейфа.

Железный ящик был пуст. Почти пуст: на средней полке лежал кругляш с цепочкой, брат-близнец Мара. Только размером чуть побольше.

— Отрядовский оберег,— сообразил Семен.— Который мне Кардинал вместо тебя выдать хотел. Берем?

— Нет,— ревниво запротестовал Мар.— Зачем тебе кардинальская фигня? Вовсе ни к чему, уж поверь. Ну-ка, приложи меня к оберегу... Осторожно, руками его не касайся, а то вдруг полыхнет или взорвется, кто ж его знает...— Семен снял медальон с шеи и аккуратно наложил его сверху на кардинальский оберег, но ничего не случилось. Не полыхнуло и не взорвалось.

— О,— сказал Мар.— Ух ты! — и замолчал, лишь изредка бормоча что-то еле слышное. Похоже, ругался. Семену надоело сидеть на корточках, он собрался было встать, но тут Мар коротко дилинькнул.

— Все? — спросил Семен, протягивая к нему руку.

— Все,— сытым голосом ответил медальон.— Можешь меня забирать. Я под завязку... ик... прямо-таки обожрался... ик... Ох, тяжело.

Семен взял Мара — тот заметно прибавил в весе. И нагрелся так, что обжигал руку. Семен побросал горячий медальон, как печеную картошку, с ладони на ладонь, потом надел его.

— Хорошо,— довольно сказал Мар.— Очень хорошо... ик.

— Я думаю,— согласился Семен, вставая на ноги.— Ты тяжелее стал, раза в два. Наелся, как удав.

— Нет,— с трудом сдерживая икоту, ответил Мар.— Я не о том. Хорошо, что ты тот оберег брать не стал. У него половина заклинаний налажена на подчинение своего владельца Кардиналу. Лично. Покруче той чашки с кофе будет! А еще там было одно заклинание... скрытое, глубоко запрятанное... Нехорошее заклинание.

— Какое? — насторожился Семен.

— Убойное.— Мар протяжно рыгнул.— Извиняюсь. Уф, полегчало. Перебор, однако, случился. Но лучше перебрать, чем пустым быть! Я себя последнее время таким никчемным чувствовал, что порой...

— Мар, какое убойное заклинание? — настойчиво повторил вопрос Семен.— Каяться после будешь.

— Да такое, из этих... Из контрольных. Ежели что замыслишь против Кардинала или приказа его ослушаешься... И насчет слимпа там говорилось. Как, значит, найдешь тот слимп и Кардиналу преподнесешь, так и опаньки тебе будут. Сразу же.

— Вот скотина! — возмутился Семен.— Вот сволочь!

— Да уж,— охотно согласился медальон.— Гад еще тот. Все продумал. Правильно мы его, лихого дядю, прищучили. Хоть и двойника. Кстати, в той половине заклинаний, которую я брать не стал, помимо всего прочего особо указывалось на нейтральное отношение к действиям чужих. Можно сказать, на доброжелательное. Врал он про войну, факт! Кто же врагам добра желает...

— Эт-точно,— рассеянно сказал Семен, думая о чем-то другом.— Значит, опаньки будут, говоришь... Эх, доберусь я когда-нибудь до оригинала! Ох и побеседую с ним!

— Не надо,— быстро сказал медальон.— Ты мне живой нужен. Зачем мне мертвый Семен? Он же тебя как курчонка... Брось! Мстить можно и по-другому, не так рискованно.

— Возможно,— нехотя согласился Семен.— После обдумаю такой вариант. А пока надо сваливать.

— Запросто,— небрежно ответил Мар.— Хоть на Перекресток. У меня теперь все новые коды есть, и еще кое-что свеженькое заимелось! Я теперь не только обороняться могу, я...

Семен перестал слушать болтовню медальона: перед ним возник безликий призрак. Тот самый, что кашеварил и кофе подносил. Который пытался предупредить Семена о подвохе с чашкой. Безликий умоляюще прижал руки к груди, а после потыкал себе в лицо пальцем.

— Ты чего хочешь? — недоуменно поинтересовался Семен, вглядываясь в крохотные точки глаз на белом пятне лица.— Не понимаю.

— Ничего я не хочу,— растерялся Мар.— Я тебе о заклинании нападения толкую, у меня нынче и такое припасено, а ты меня не слушаешь. Я для кого стараюсь?

— Погоди ты,— оборвал его Семен.— Тут гость пришел, который без лица. Хочет чего-то.

— Какой такой гость? — всполошился Мар.— Он тебе мешает? Давай я на нем заклинание нападения попробую! Надо же потренироваться хоть на ком-то.

— Отставить тренировки! — гаркнул Семен.— Молчи и отдыхай. Пока что.

— Вот по-солдафонски не надо,— обиделся Мар.— Я и так помолчать могу. Без окриков.— И замолк.

Призрак выждал, когда Семен снова обратил на него внимание, и настойчиво повторил жест. Но более подробно: нарисовал себе пальцем большие глаза, нос, рот.

— Он хочет, чтобы я ему лицо восстановил,— прошептал Семен.

— Ну и восстанавливай,— буркнул Мар.— А я молчу и отдыхаю. Согласно приказу.

— Извини, что нашумел на тебя,— повинился Семен перед медальоном.— Сгоряча это я. От неожиданности,— Семен дружелюбно похлопал по нему ладонью.— Больше не буду. Обещаю.

— Лучше не обещай,— вздохнул Мар.— Не выполнишь ведь... Ладно, я уже не сержусь. Давай, восстанавливай чего хотел.

Семен протянул руку к терпеливо ждущему призраку и дотронулся до его лица. Пальцы ощутили легкое уплотнение, словно Семен к клочку ваты прикоснулся: по лицу призрака прошла легкая рябь. Как будто ветерок по невесомой занавеске прогулялся. Семен аккуратно обвел пальцем те места, где у призрака должны были находиться нормальные глаза, нос и рот — и они появились, не сразу, но появились. Так же, как

на проявляемой фотокарточке,— сначала контуры, слабые намеки на изображение, а после, разом, само изображение.

Лицо у призрака оказалось благообразное, доброе. Как у приходского священника. Заслуживающее доверия.

— Благодарю вас, Симеон,— глухо сказал призрак.— Вы невероятно помогли мне, вернув речь и нормальное зрение. Не поверите, до чего тяжело быть бессловесным существом! И видеть сейчас я стал гораздо лучше... Даже лучше, чем видел при жизни. Позвольте представиться — меня зовут Барли. Вернее, звали когда-то.

— А кем вы тогда были? — поинтересовался Семен, довольный искренней похвалой.— При жизни. Священнослужителем?

— Нет, зачем же,— Барли-призрак улыбнулся доброй, открытой улыбкой.— Я был профессиональным упростителем. Сказать понятнее: частным специалистом по упрощению всяческих опасных чародеев и магов. В основном — талантливых юнцов из высокопоставленных семей, ребятишек-бунтарей, способных к созданию собственных заклинаний. Эдаких самородков, отрицающих комплексную магию, одобренную и контролируемую Имперскими службами. Заодно отрицающих и саму Империю. Опасные личности эти молодые бунтари со своим грозным дурным колдовством! Непредсказуемые. Между прочим, чтобы вы знали, по заявлению самих родителей упрощал, без огласки,— в Империи очень и очень не поощряется самодеятельность в вопросах магии. Вплоть до уничтожения таких самородков.

Должен вам сказать, уважаемый Симеон, что я был таким же видящим, как и вы. С той лишь разницей, что вы, кроме видения, обладаете и редкой, очень редкой способностью к действию. Я сразу это определил, еще когда вы мне в лицо заглянули. Там, внизу. У плиты. По ауре определил, мертвые могут ее видеть. У меня богатый жизненный... то есть досмертный опыт по всяческим чародейным странностям. Разных, знаете ли, магов-выскочек приходилось упрощать.

Работал я только по вызову, по наличной оплате... на безбедную старость копил, у меня свой счет в Имперском банке имелся... а оно вовсе не так вышло, как я надеялся. Грустная история, но закономерная: со временем я слишком много лиш-

него узнал, с такой-то работой! Неудобен стал для многих. Меня и ликвидировали. Частично.

Сперва тайно казнили, после отправили в Дальний Реестр, в запасники — уж не помню, сколько лет я там пробыл. А год назад стерли лицо и сослали сюда, в замок, на вечные работы, определив в категорию подсобников-невидимок. Я многое умею, а такими специалистами не разбрасываются. Даже посмертно.

— А лицо вам зачем стерли? — невпопад брякнул Семен. Очень уж неожиданным оказалось признание.— Чтобы вас неупокоенные души убитых не опознали? Которых вы того... Упростили.

— Ну что вы, Симеон,— вежливо возмутился Барли,— как можно! Какие убитые, что вы. Я же сказал — упрощал, а не уничтожал. Лишал их опасных магических способностей. У вас талант воздействовать на магию, изменять ее, у меня — разрушать ее источники. Вот такая способность. Была.

А лицо стерли для того, чтобы я не проболтался. Дело в том, что среди упрощенных мною — в свое время — были и те, которые нынче стали политиками весьма высокого ранга. Весьма! Которые дорожат своими постами и связями. Которым никак нельзя признаваться в грехах своей глупой бунтарской молодости. Это какой же скандал будет, если ненароком всплывет правда! То, что они сами магию лепили. Собственную. Такой скандал, что у многих ни постов, ни связей не останется. Хотя болтать-то мне, скажем прямо, здесь некому, не каждый призрака слышать может, но...

— Я могу,— встрял в разговор Мар.— Вот, слышу ведь.

— Очень хорошо,— невозмутимо сказал Барли.— Я рад. Иногда мне кажется, что меня специально здесь держат, на самой окраине Империи, в Закрытых Мирах. На выселении. Кому-то, похоже, я до сих пор очень нужен. Даже мертвый. Интриги, интриги... Видимо, потому-то меня из Реестра и убрали: чтобы никто не смог самовольно востребовать меня оттуда и допросить. Скажу вам честно — я даже остался доволен таким поворотом дела, пусть и стал бессловесным работником. Пусть!

Во-первых, потому, что в запасниках Реестра невыносимо тоскливо и одиноко, а во-вторых, потому, что допроса — гра-

мотного, изнурительного — я никак не вынес бы. И мог бы случайно открыть доверенную мне тайну...

— Какую? — хором спросили Семен и Мар.

— Я знаю секрет магически чистого золота,— шепотом сказал призрак.— Знаю, что оно такое на самом деле.

ГЛАВА 10
Служба Ликвидации Истинных Магических Проявлений

— Тихо! — перепугался Мар.— Молчи! Ни слова больше. Все, никаких разговоров. Нашел где такие признания делать. Тут небось кардинальские уши везде поразвешаны. А если и не развешаны, то все равно, лучше на волю выйти, там побезопаснее будет.

— И то верно,— согласился Семен.— Пойдемте, Барли, на природу, свежим воздухом подышим. Птичек послушаем. Вы давно птичек слушали?

— Давно,— уныло подтвердил призрак, направляясь за Семеном.— При жизни. А после не слышал. Не до птичек мне было.

Семен неопределенно угукнул, внимательно оглядывая стену: он искал дверь. Дверь нашлась не сразу, очень уж она тщательно была замаскирована, причем не магическим, а обычным образом. Магическую дверь Семен быстрее обнаружил бы. Сразу.

— Прошу.— Семен, оглядываясь на призрака, толкнул дверь.— Пройдем через отстойник, через лабиринт, а там...

— Ха,— весело сказал Мар.— Тю-тю отстойник вместе с лабиринтом! Упростились. Что это за курятник? Откуда взялся?

Семен выглянул за дверь. Определение было метким. Иначе как курятником назвать увиденное было нельзя.

Лабиринт и отстойник исчезли, превратившись в бескрайний зал без крыши; стенами зала служили наружные стены замка — изнутри замок оказался пустотелым. Зал был перегорожен там и сям высокими щитами, кое-как сбитыми из горизонтальных кривых жердочек; пол устилали плотно подогнанные друг к другу брикеты грязной соломы. На соло-

менном полу вповалку лежали люди, кто где. Людей было много. Особенно вдалеке, там, где начинался бывший лабиринт.

Утреннее солнце заливало лежавших ярким светом — кто-то, просыпаясь, недовольно прикрывал глаза руками, кто-то уже сидел, обалдело глядя по сторонам; кто-то еще храпел, выводя сочные рулады.

— А, занормаленные отморозились,— понял Семен.— Добро пожаловать из остановленного времени. Похоже, лабиринт вместе с лихим дядей-дублем пропал.— И шагнул на утрамбованную землю, обозначившую место, где когда-то был отстойник.

— Погоди-ка,— деловито сказал Мар,— секундочку...— За спиной Семена басисто ухнуло, под ногами дрогнула земля. Семен прыгнул вперед, пробежал с испугу десяток шагов и только после оглянулся.

Позади него лежала груда обломков, бывшая только что внутренней пристройкой к замковой стене, единственное ненаколдованное помещение в этом обманном месте. Над обломками поднималось облако пыли, сквозь которую проглядывали почти прозрачные язычки пламени.

— Заклинание нападения,— удовлетворенно сообщил Мар.— Должен я был хоть на чем-нибудь его опробовать, верно? Заодно и компромат на тебя уничтожил. Не молодец ли я?

— Молодец,— выдохнул Семен.— Жаль, у тебя ушей нет. Вот бы я за них кое-кого оттаскал...

— Значит, мне с ушами повезло,— глубокомысленно изрек медальон.— А как бабахнуло! Как рвануло! Красота.— И он довольно замурлыкал себе под нос какой-то мотивчик.

Переступая через лежащие тела, Семен медленно пробирался к выходу из курятника-лабиринта. В одном месте он наткнулся на спящего брата Ягира, но будить его не стал — о чем теперь с ним говорить? Свое обещание Семен сдержал, разобрался с лабиринтом. Можно было теперь заняться и своими делами. Где братии места не было. Не вписывались они в дальнейшую жизнь.

— А чего это мы все пешком да пешком? — прервал свое музицирование Мар.— Хочешь, я тебя куда-нибудь перенесу? Вместе с Барли. Я запросто!

— Давай,— согласился Семен.— Только в местечко, где потише и побезлюднее. Нам поговорить надо.

— В музей, что ли? — снисходительно заметил Мар.— Знаю я один тихий музей, в Искристом Мире. Безлюдный-пребезлюдный. Заброшенный. Внимание, переносимся.

— Эй, зачем так...— начал было протестовать Семен, но свой протест закончил уже в другом мире,— ...так далеко забираться. О, перенеслись! Я и не заметил, как.— В этот раз перенос произошел настолько мгновенно, что у Семена лишь что-то мелькнуло перед глазами, да слегка екнуло в желудке.

— Свежее заклинание,— похвастался Мар.— Почти не использованное. Да, снабжает Кардинал своих, ничего не скажешь. По первому разряду обеспечивает.

Семен огляделся. Действительно, он был в музее. Музей ни с чем не спутаешь, там особая тишина, особое состояние успокоенности. Особый запах. Семен невольно принюхался, громко чихнул — чих слабым эхом отозвался от застекленных стен-витрин, за которыми притаились экспонаты. Экспонаты, в отличие от самого зала, были неплохо освещены в своих глубоких нишах скрытыми разноцветными светильниками. Видимо, устроители музея рассчитывали на то, что посетителей больше будет интересовать история за стеклами, чем окружающая обстановка.

По центру зала-коридора имелись для отдыха кожаные диванчики в два ряда, спинка к спинке,— цепочкой тянувшиеся издалека, из полумрака, и уходящие в полумрак; коридор казался бесконечной ночной платформой, с обеих сторон которой остановились электрички с включенным внутренним освещением — стены-витрины были и на противоположной стороне зала.

— А где наш упроститель? — Семен завертел головой.— Барли где?

— Здесь я,— глухо донеслось с одного из диванчиков.— Отдыхаю. Если бы вы знали, как приятно выйти из-под действия заклятия, заставляющего тебя работать, работать и работать. Безостановочно, днем и ночью!.. Мне здесь нравится. Если вы не против, то я тут и останусь. Буду музейным привидением. Музей с призраком! Это здорово. Это романтично. Стильно.

— Пожалуйста,— кивнул Семен, присаживаясь рядом с музейным стильным привидением.— Какие могут быть возражения! Единственно только... Вы говорили что-то насчет секрета

магического золота. Чистого. Можно о нем подробнее, или это такая тайна, что нам ее знать никак нельзя?

— Отчего же,— помолчав, сказал Барли.— От вас у меня тайн нет. Тем более что я слышал ваш разговор с Кардиналом и понял, что вы, Симеон, имеете доступ к такому золоту. К сожалению.

— А чем оно такое опасное? — насторожился Мар.— Взрывное, да? Никогда о взрывном золоте не слышал. Хотя древние могли и до такого додуматься. Они головастые были, древние. Помню, грабили мы как-то этот музей... не здесь, в южном секторе... так один из чудиков ненароком ожил, когда мы с него браслет-умертвитель сняли, и...

— Погоди ты со своими воспоминаниями,— с досадой воскликнул Семен.— Дай человеку... Дай призраку выговориться. Вечер воспоминаний пока не начался. Я потом тебя послушаю.

— Ловлю на слове,— сказал Мар.— Только ты в южный сектор все равно не ходи. На всякий случай.— Медальон довольно захихикал.

— Чистое золото было создано очень давно.— Барли глухо откашлялся.— На заре Миров... Вы знаете, откуда взялись сами Миры и волшебство? Вам известно, что вначале было слово?— Призрак глянул на Семена. Семен пожал плечами, вспомнил Библию и кивнул.

— Вот только кто сказал то первое слово, неизвестно.— Барли ссутулился, уставился в пол.— Впрочем, оно было сказано, и возникла магия. Хаос волшебства, из которого со временем создались все Миры. Даже те, которые нынче не волшебные.

— Не бывает миров без магии,— авторитетно заявил Мар.— А то я не знаю. Что он мне голову морочит!

— Ты, знаток мироздания,— урезонил его Семен,— не перебивай. Есть такие миры, есть. Точно тебе говорю. И чего это ты про голову вспомнил? Нету у тебя головы.

— Ну не голову морочит. Ну цепочку отвязывает,— поправился Мар.— Что вы мне тут цепочку отвязываете оба? А? Вы всерьез, что ли, насчет миров без колдовства?

— Серьезней некуда,— подтвердил Семен.— А теперь сделай вид, что тебя нету, договорились?

Мар сердито проворчал в ответ невнятное, но умолк.

— Когда люди открыли магию,— продолжил Барли, деликатно дождавшись, пока Семен и Мар перестанут препираться,— почти одновременно во всех Мирах, то наступили смутные и опасные времена. Работать с волшебством — нет, баловаться с магией, так вернее,— хотели многие. Но не у всех это получалось. А то, что получалось, иногда было настолько опасным, что в некоторых Мирах волшебство поставили вне закона. А на чародеев объявляли беспощадную охоту. Избиение, можно сказать. Это в том случае, если такой Мир еще не успел разрушиться из-за неумелых экспериментов с магией. Сколько их было, уничтоженных Миров! Голых, безжизненных. Сожженных.

— И затопленных,— буркнул Мар.— Ванны создавали с дурна ума. Пачками. Знаю я одного умельца по ваннам без ножек.

— И тогда,— призрак не обратил внимания на реплику медальона,— ведущие маги Миров собрались на совет. Уже были изобретены транспортные заклинания и потому проблем с перемещением из Мира в Мир не существовало. На совете магами было принято решение — взять волшебство под контроль. Вернее, не само волшебство, а людей, способных к опрометчивой работе с ним. Магов-самоучек. И создать особый Мир, где бы эти самоучки могли обучаться грамотной работе с природными чародейными силами, не подвергая опасности свои Миры: так появился Перекресток. Это потом он стал столицей Миров... А тех стихийных колдунов, которые отказывались перебираться на Перекресток, попросту уничтожали.

Со временем несговорчивых научились упрощать, а не убивать. Это когда обнаружились люди с такими способностями, какие были и у меня. Кстати, если азам магии худо-бедно можно обучить даже самого тупого и ленивого, хотя кто его, такого никчемного, обучать станет, то умение упрощать — свойство врожденное. Передаваемое только по наследству. Само собой, что упростители стали своеобразной службой безопасности при Совете Магов. Эдакая незримая служба ликвидации неугодных и опасных магов.

— Колдуны-полименты,— подсказал Мар.— Охранка.

— Грубо, но верно,— поморщился Барли.— Однако когда повсеместно стала внедряться комплексная магия, удобная и максимально безопасная, когда само государство, то есть Империя

взяла под свой контроль работу с волшебством, вернее, запретила эксперименты в этом направлении,— тогда служба ликвидации тихо самораспустилась. Потому что официально распускать ее было некому: Совета уже не существовало. Магитворители, настоящие маги, которые умели создавать заклинания, пропали. Не разом, конечно, а постепенно, исподволь. Один за другим. На смену им пришли избранные. Те, через которых в Миры приходит комплексная магия. Готовая к употреблению.

Ходили слухи, что творителей то ли убили согласно тайному императорскому приказу — зачем нужны непредсказуемые маги, когда есть предсказуемое комплексное волшебство... То ли занормалили чародеев и держат их в тайнике, на случай непредвиденных глобальных проблем, маги ведь тоже стареют и умирают, а в остановленном времени что с ними сделается!.. То ли сами они куда ушли, подальше от ненужной им Империи, кто знает. Я лично не знаю. Слухи есть слухи.

— А магическое золото? — спросил Семен, откидываясь на спинку дивана,— оно здесь при чем?

— Да,— глухо сказал Барли.— Разумеется. Извините за столь длинное вступление, но без него рассказ о магически чистом золоте был бы неполным. Потому что это золото — вовсе не то, чем оно выглядит. Это не золото! Это чистая магия, которой лишь придан вид благородного металла. Заколдованное колдовство. Волшебство впрок.

Видите ли, древние маги научились спасать Миры, стоящие на грани чародейного самоуничтожения. Радикально спасать. Специальными необратимыми заклинаниями. После применения которых спасенный Мир оставался цел... настолько цел, насколько еще не успел навредить самому себе... но магия навсегда покидала его. Вот эти излишки волшебства древние чародеи и обращали в нечто более-менее вещественное. Для удобства хранения. В золото, например. А почему бы и нет? Тот, кто не знает, что оно такое на самом деле, станет пользоваться обращенной магией как обычным золотом, не нанося вреда никому. Ни себе, ни другим. Если доберется до того золота.

Было создано Хранилище, выглядевшее так же, как и многие другие, где хранились не волшебные драгоценности — кто за-

подозрит, что в нем находится сила сотен Миров! Единственное дополнение, особенность этого Хранилища — механический человек, специально созданный для охраны колдовского золота. Который должен убивать любого, кто не имел особого допуска в Хранилище. Вы с ним... встречались?

— Встречались,— сказал Семен, с неприязнью вспомнив рябые от старости стволы в руках Блуждающего Стражника.— Было дело. А почему они ту магию попросту не рассеивали в пространстве? Те, древние. В вещи, в монеты и цепи — зачем?

— Вам знакомо понятие энтропии? — Барли повернул к Семену прозрачную голову.

— Знакомо,— ответил Семен.— Что-то насчет тепловой смерти Вселенной, кажется.

— Насчет тепловой не знаю,— призрак выпрямился, сложил руки на коленях.— А переизбыток магии, ее неравномерное распределение в межмировом пространстве могут привести к возникновению первозданного хаоса. Что было бы крайне нежелательно. Вы со мной согласны?

— Согласны мы, согласны,— вклинился в разговор медальон.— Нам жить тоже хочется, а как же! Слушай, Барли, дружище, подскажи, как этой чистой магией попользоваться, а? Очень хочется. Это же натуральный слимп какой-то выходит, ей-ей. И искать его не надо. Только руку к кошелю протяни и возьми. Красота!

— Я бы на вашем месте вообще до волшебного золота не дотрагивался,— осторожно заметил Барли.— Только начни его применять — и можно таких бед натворить! Чистая магия, пожалуй, поопаснее первичных заклинаний будет. Мне так кажется. Что же насчет реального использования... Я не знаю, как это делается. Мне об этом неизвестно. В семейной тайне о том ничего не говорилось.

— Семейная? — насторожился Семен.— Получается, что...

— Верно,— призрак кивнул.— Один из моих предков был древним волшебником. Членом Совета. Одним из тех, кто спасал гибнущие Миры. Все, больше мне нечего вам сообщить. Разве что...

— Э? — встрепенулся Мар.— Вспомнил, как золото в магию переделывать? То есть магию в магию пере... Тьфу! Запутался я.

— Последним из упрощенных мной был один очень талантливый в чародействе молодой человек,— сухо сказал Барли.— Идеалист, с детства мечтавший найти слимп и дать всем Мирам счастье. Гений волшебства, я бы сказал! Который все-таки разобрался с секретом запрещенного золота, сам разобрался. Ему попалась одна безделушка из Хранилища, уж не знаю какая... Наверное, произошла случайная утечка, скорее всего воры постарались — извините, Симеон, я не вас имел в виду,— какая-то малая часть сокровищ из особого Хранилища уже давно гуляла по Мирам, не соответствуя нормам обычного золота. Что обнаруживалось при проверке денег на подлинность: проверочные стекла устроены так, что видят лишь материальную суть проверяемого предмета. Его вещественную истину, что скрыта под специально осязаемым для всех обманным колдовством. А так как материальной сути у волшебства нет, то проверяемое золото оказывалось невидимым. Такое невидимое золото было признано Имперским банком фальшивым, объявлено запрещенным и по специальному декрету подлежало обязательному уничтожению. Что и было произведено. Постепенно, по мере обнаружения таких денег. Как— не знаю. Скорее всего их в конце концов затопили где-нибудь в море, подозрительные магические вещи, как правило, всегда топят. В каком-нибудь одном из необитаемых Миров.

— Так что там насчет упрощенного паренька? — напомнил Мар жадным голосом.— Который безделицу из Хранилища заначил. Который с секретом разобрался.

— В той области Перекрестка, где он попытался раскрыть золотую вещицу при помощи самодельного заклинания, сейчас находится красивое голубое озеро,— медленно сказал Барли.— Мертвое озеро. У молодого человека тогда не было нужных знаний и сноровки. Дело замяли, а озеро объявили специально созданным украшением, для оживления пейзажа и увлажнения городского воздуха. Родители у паренька, как ты его назвал, были очень видными людьми. Приближенными Императора. Молодой человек вскоре лишился своих магических способ-

ностей, о чем, похоже, ничуть не жалел. Тогда. А нынче... Если хотите, можете сами у него спросить.

— Кто он? — Семен подался вперед.

— Тот, с двойником которого вы недавно сражались на мечах. Почти сражались. Кардинал.— Призрак встал, легонько поклонился Семену.— Извините, я рассказал вам все, что знал. С вашего позволения, пойду-ка я осмотрю свое новое жилище. Мое почтение! — и призрак растаял в воздухе.

— Удрал, вредитель! — прислушавшись к тишине, возмутился медальон.— Заинтриговал и удрал.

— Кто бы мог подумать,— Семен встал, с удовольствием потянулся.— Наш вездесущий Кардинал, стало быть, из этих, из юных натуралистов-гениев. То-то он хотел со мной о запрещенном золоте поболтать! Да только разговор отложил. На момент после подписания договора и торжественного охомутания отрядным медальоном. Когда я даже трепыхаться не смогу. Ушлый мальчонка! Сообразительный, поганец... Пойду-ка я прогуляюсь,— решил Семен.— На экспонаты погляжу. Давненько я в музеях не был! Особенно в иномирных.— Сеня еще раз потянулся, с шумом выдохнул воздух, поводил плечами— спина малость затекла от неудобной диванной спинки,— и неторопливо направился вдоль стен-витрин, иногда переходя на другую сторону зала, к другим витринам. Вдруг что интересное пропустит?

А пропустить интересное было немудрено. Все казалось интересным! Интересным и зачастую непонятным.

Каждая витрина представляла собой что-то вроде громадного окна. Окна то ли в иной мир, то ли в иную жизнь, из которой было выхвачено какое-то событие и остановлено, помещено за стекло. Изображение было объемным, пугающе натуральным, красочным. То, что Семен принял сначала за дежурную подсветку экспонатов, было их собственным освещением. Присущим тому месту, откуда изъято это событие.

За стеклом одной из витрин, при свете выбивающегося из окон многоэтажек пожарного пламени, шла уличная сеча: плечистые ребята в закопченных самодельных латах наотмашь рубили длинными мечами лезущих к ним синерожих, полусгнивших зомби. У ребят были усталые недовольные лица, чувствовалось, что махать мечами им уже давно надоело, они

бы лучше сходили пивка попить; у зомби на мордах застыло чувство глубокого удовлетворения. Словно они не под мечи лезли, а за гуманитарной помощью давились.

За стеклом другой витрины, на фоне каких-то ржавых труб и висячих цепей, крепкая тетка в грязной полувоенной форме в упор лупила из тяжеленного автомата в черного зубастого ящера, присевшего на задние лапы. Тетка пугала очень хищным выражением лица; покрытый слизью ящер был задумчив и грустен, хотя от него во все стороны летели кровавые ошметки. Казалось, что ящер вот-вот недоуменно спросит: «А в чем, собственно говоря, дело? Чего вы ко мне пристали?» Семен перешел к следующему окну.

Здесь не было чудовищ, мечей и автоматов. Здесь все было гораздо спокойней: высокий, перепачканный бурым гражданин в черном одеянии, очень похожий на гробовщика, деловито вколачивал большим молотком в грудь другому гражданину, лежавшему на медицинском столе, острые деревянные колышки. Лежавший гражданин уже походил на ежика; судя по всему, останавливаться на достигнутом человек в черном не собирался— к столу была прислонена бензиновая мотопила. Лицо лежавшего выражало равнодушие и скуку.

Нечто в подобном роде находилось и за стеклами других витрин. Везде кто-то кого-то убивал, распинал, выворачивал наизнанку. Делал бяку, короче говоря.

— Очень похоже на музей восковых фигур,— заметил Семен, переходя от одной витрины к другой.— Как живые, честное слово.

— Так они, наверно, и есть живые,— предположил Мар.— Это же коридор воплощенных ужасов, которые материализованы и приостановлены. Теми, кто этот музей создал. Что-то вроде занормаливания, только явного, видимого. Помнится, где-то поблизости должен быть еще один смешной зал, с картинками воплощенного секса. Со всеми мыслимыми извращениями. И с немыслимыми тоже. Хочешь на секс посмотреть?

— Чего на него глядеть,— отмахнулся Семен.— В нем участвовать надо, а не смотреть. И без извращений.

— Можно и поучаствовать. Наверное.— Медальон сам по себе покачнулся на цепочке.— Подозреваю, что если пролезть сквозь витрину... да хотя бы здесь, вон, видишь, где вампиры

девицу кушают?.. то можно оказаться в том мире. Куда залез. Хочешь к девице?

— Не хочу,— быстро ответил Семен, отшатываясь от окна, где пара клыкастых кровососов приставали к монашке, запертой в келье; монашка отбивалась чем могла — в глазу у одного из ночных гостей торчало серебряное распятье. Вид у покалеченного вампира был глупый и обиженный.

— Вот ты меня тогда прервал, а я тебе интересную историю хотел рассказать,— посетовал Мар.— Про этот музей. Хочешь послушать?

— Валяй,— согласился Семен.— А я пока выставку погляжу. Интересно они тут все обустроили. Занятно.— И пошел дальше, от окна к окну.

— Значит, так.— Медальон откашлялся.— Лет эдак сто двадцать тому назад один крутой богатей из Оловянного Мира предложил моему тогдашнему хозяину, Зачморе, работу. Несложную, но хорошо оплачиваемую. Требовалось для того крутого выкрасть из старого заброшенного музея браслет. Как объяснил заказчик, браслет нужен был ему лично, для коллекции. Никакой иной ценности, кроме как коллекционной, тот браслет не представлял — по словам самого богатея. Я, конечно, сразу насторожился, слишком уж все просто казалось: музей заброшенный, охраны нет, опасности никакой. Чего же тогда к профессиональному вору обращаться? Сам бы смотался и взял, тем более что пространственный адресок имелся — заказчик его мне сразу со своего амулета перебросил, как только Зачмора согласился идти на дело. Знаешь, это очень подозрительно, когда адрес не говорят вслух, а напрямую сбрасывают в жетон — я имею в виду обычные исполнительные жетоны, а не себя, естественно. Так, знаешь ли, поступают только тогда, когда не хотят афишировать место прибытия. Но слышать меня Зачмора не мог, иначе я его враз отговорил бы. Музей-то, судя по транспортному заклятию, находился в Искристом Мире!

Надо сказать, что я и раньше слышал кое-какие байки о том, что внутри Искристого Мира вроде бы находится зачарованный музей, сработанный еще при древних магах. Что весь этот Мир, собственно говоря, и есть музей. От поверхности до самого нутра. Может, так оно и было на самом деле, кто

знает? У меня проверить те байки случая пока не было — в Искристый Мир давно уже никто не совался и искать там ничего не искал. И долго не будут соваться и искать. Потому что на нем лежит проклятие, наложенное еще в войну со слимперами. Хорошее такое проклятие, мощное. До сих пор действует. Но наверху. Не здесь. Кстати, из-за проклятия он и получил свое прозвище — Искристый. Говорят, что там, наверху, на поверхности, все искрится и переливается, особенно днем. Дома, деревья. Люди. Вернее, статуи — людей там больше нет. А те, кто случайно попадает в Искристый Мир, сразу же убираются обратно — там замерзают ровно через три минуты. Будь ты хоть в двух шубах и с грелками под мышками. Изнутри замерзают. Такое вот морозильное колдовство.

Итак, получили мы описание браслета, который надо найти, и адрес. Богатей, кстати, предупредил, что музей большой, поискать браслетик придется, но не объяснил, насколько большой. Сам, наверное, толком не знал. Зачмора хоть и обалдуй был, но не дурак — подготовился к экспедиции как следует. Пищевые и лекарственные заклятия в меня упаковал, выпивкой и табачком запасся, хотел было оружие прикупить, да передумал, не положено вору с оружием-то. Жалел потом очень об этом. Но это уже после было...

И вот отправился он в музей. Прибыл, кстати, аккурат в то место, где недавно оказались и мы с Барли,— где-то там, под диванчиками, до сих пор зачморовы окурки должны валяться.

Лазили мы по этому музею около недели. Ну, это не срок, если учесть, что музей оказался многоуровневым, и каждый его уровень разбит на тысячи залов. Мы, в общем-то, далеко от места прибытия не удалялись, заказчик предупредил, что браслетик должен быть где-то поблизости. На экспонате.

Ох и повидал я здесь всяких чудес! Ох и навпечатлялся. Все тут есть... Вседисковый музей, короче говоря. Все Миры представлены. И редкими вещами, и музыкой, и наукой. И воплощенными чувствами-фантазиями. И самими жителями. Вот с одного такого жителя Зачмора браслетик и снял, хе-хе.

Залов пятнадцать отсюда, в южном направлении, есть место, где за стеклами всяческого народу страсть сколько понаставлено. В самых живописных позах и нарядах. По-моему, пред-

ставители всех наций из всех Миров. Каждой твари по паре. По мужику и по бабе. Только чужих я там не видел, их ни с кем не спутаешь. Не было там ни головастых коротышек, ни их физических продолжений — здоровенных тупорылых амбалов... Чего удивляешься? А, ты же только мозгляка видел, я и забыл. Альфу этого. Которого в камень обратил. Каждый чужой един в двух телах одновременно: мозг в хилом тельце гуляет, а его физическая сила следом за ним бродит. Как медведь на привязи. Тебе тогда крепко повезло, что мозгляка быстро уделал, а то бы он своего амбала обязательно на тебя натравил бы!

Значит, нашли мы то место с живописным народом. Здоровенный такой зал, конца и края не видно. А по стенам ниши, а в нишах люди. То ли натуральные человеки, но специально заторможенные, то ли чучела-экспонаты, то ли просто объемные изображения — кто их поймет?

Особняком, в самом центре зала, на низком постаменте стоял весьма примечательный экспонат — громадный мужик, косая сажень в плечах, лоб и щеки в татуировках, сам в одежде из оранжевых перьев, на боку острый топорик из хрусталя. Вояка, одно слово. На морде написано. И рукой так делает, словно благословляет всех входящих в зал. А на руке браслет. Тот самый, судя по описанию: медный, в завитушках, с защелкой. Зачморе, парню не из малорослых, пришлось даже на цыпочки встать, чтобы до защелки дотянуться. Значит, дотянулся он, снял браслет с руки экспоната и себе в карман его спрятал. Все, дело сделано, можно возвращаться. Ага, разогнались... Этот экспонат, значит, ни с того ни с сего оживает, представляешь? Нагибается и без лишних вопросов хватает моего хозяина за горло. Той же самой рукой, которой всех благословлял. А другой рукой за топориком тянется.

Схватил, стало быть, мужик в перьях Зачмору, душит его, а сам глазами страшно вращает и орет: почто, мол, потревожил он его покой, из снов реальных и сладостных вырвал? Какого хрена браслет-умертвитель снял, так тебя и разэтак, коли ты не владыка музея — тайного представительского слова не произнес и потому никакого права оживлять шамана-экзекутора не имел? До чего же наглые посетители пошли, орет, давно мечтал хотя бы одного такого придушить!

А Зачмора только сипит и багровеет, ничего сказать не может — того и гляди пернатый шаман вот-вот свою мечту осуществит. Хоть и не положено мне без команды в хозяйские дела вмешиваться, без конкретного распоряжения, но вижу — дело плохо. Останусь я сейчас без Зачморы и что тогда со мной будет? Кому я здесь нужен? Этому в перьях, что ли? Включил я шоковое заклинание, против полиментов и диких зверей налаженное, и вломил татуированному так, что от того перья во все стороны полетели. В буквальном смысле.

Отпустил шаман-экзекутор Зачмору, полежал немного на постаменте и малость успокоился. Добрее стал, уважительнее. Но все равно свою линию гнет: непорядок это, нельзя нападать на отмеченного благодатью! Будут, мол, у Зачморы теперь крупные неприятности. А сам глазами туда-сюда постреливает, соображает, что происходит. Зачмора пока прокашлялся, пока отдышался, пока проорал все ругательства, какие знал, наш татуированный друг и вовсе в себя пришел. Настолько, что стал осмысленные вопросы задавать, вроде того, как Зачмора в специальный зал сохранения исчезающих видов сквозь незримую преграду ухитрился проникнуть, да зачем вызвал его, шамана по наказаниям, из счастливого сна о Небесном Гнезде, и с какой целью браслет-умертвитель у него отобрал...

Зачмора, как смог, объяснил наказательному шаману реальное положение дел: про то, что музей уже давным-давно заброшен и никому до него дела нет; про войну давнюю и про морозильное заклятие, на музейный мир наложенное, рассказал; про заказ на браслет ничего говорить не стал. Про то, что вход в этот спецзал для всех нынче открыт и никаких преград перед входом не наблюдалось, тоже поведал, да все равно пернатый ничему не поверил. Решил, что обманывают его. Ногами стучать стал, топориком грозить, но с опаской, издали — не понравилось ему шоковое заклинание, факт. Разорался, как торгаш на базаре, когда того при сделке обсчитают. Кричал, что первый владыка музея, великий небесный волшебник, лично нанял его на бессрочную работу по охране важного зала, а в качестве оплаты дал браслет-умертвитель, который переносит его, верховного шамана золотоглазой Птицы Каасибы, живым в страну обетованную, то есть в Небесное Гнездо, куда только мертвые попадают. Во время отдыха, на-

значаемого владыкой музея. И никто не вправе отбирать у него этот священный браслет и лишать его заработанного блаженства. Потому как только в мире мертвых он давно уже чувствует себя по-настоящему живым и счастливым! И никакому вору-наглецу, пусть и с необычными громобойными способностями, все равно не уйти от гнева Птицы Каасибы, где бы этот наглец ни был. Он, шаман, об этом позаботится. Лично.

Тут Зачмора призадумался. Я-то давно смекнул, для чего браслет-умертвитель нашему заказчику нужен был. Вовсе не для коллекции, а для личного пользования. Чтобы в свое собственное выдуманное Небесное Гнездо перебраться. На бессрочное количество лет. Хитрый браслет, однако! Я о таком никогда слыхом не слыхивал, даже в преданиях... Эх, не надо было Зачморе отвлекаться! Надо было поскорее от шамана-экзекутора удирать, но ни я, ни Зачмора тогда всерьез его угрозу не восприня-ли — казалось бы, ну чем может быть опасен мужик в перьях и со стеклянным топором? Который шокового заклинания отведал? Не более страшен, чем обычный городской сумасшедший.

Пока Зачмора думал, отмеченный благодатью принялся резво скакать на месте и махать перед собой топориком крест-накрест; перья на шамане вдруг встали дыбом и с них посыпались искры, такие же оранжевые, как и сама перьевая одежка. Не успел Зачмора сообразить, что к чему, как шаман-экзекутор успокоился и высокомерно сообщил, что, мол, наложил на гнусного вора особую порчу и никуда тому, значит, от той порчи не деться и не снять ее, как бы он, вор, ни старался. А когда вору надоест ходить порченым, так пускай назад возвращается. Вместе с браслетом. А лучше пусть прямо сейчас его назад отдаст. Пока не началось.

На том мы и расстались — посмеялся Зачмора над глупыми словами глупого шамана и дал мне команду убираться из музея: не верил Зачмора ни в порчу, ни в сглаз, ни в проклятие. В магию — верил. В мистику — нет.

Вот тут-то и начались наши приключения. Не самые радостные, надо сказать. Для начала мы попали не в Оловянный Мир, куда было настроено заклинание возвращения, а в Исправительный. Куда никто по доброй воле не путешествует.

в колонну осужденных. Еле смылись от местных полиментов, один из них Зачмору кислотным хлыстом чуть насмерть не прибил — у того шрам от ожога через всю спину протянулся. Но это были лишь цветочки, ягодки созрели позже...

Когда мы попали в Оловянный Мир, с третьей попытки, то оказалось, что заказчик буквально полчаса тому назад отбыл в один из Миров для заключения важной сделки, а когда вернется — неизвестно. Может, завтра, а может, через неделю. И никаких указаний насчет браслета он ни своей жене, ни слугам не оставлял.

Ладно, решил Зачмора, подождем недельку — поселился в гостинице и стал ждать.

Ожидание вылилось в затяжное пьянство. В запой. На третий день запоя случайные собутыльники выбили Зачморе передние зубы и отобрали у него все деньги, но на браслет не польстились — кому она нужна была, та медяшка! Зачморе пришлось выехать из гостиницы и поселиться в парке, на скамейке. За бродяжничество Зачмору дважды арестовывали полименты, но, обнаружив, что денег у него нет, выбрасывали на улицу. Предварительно тоже побив.

Ко всем несчастьям, у Зачморы неожиданно началась экзема по всему телу: он покрылся волдырями с головы до ног. И непрестанно чесался. До крови. У него и раньше случалось нечто подобное после сильных переживаний, на руках. Но чтобы так...

На пятый день Зачмора начал катастрофически лысеть: к вечеру все волосы у него выпали полностью.

На шестой день Зачмору скрутил радикулит, чего раньше никогда с ним не случалось,— он стал ходить согнутым, как древний дед, и очень медленно.

Когда на седьмой день Зачмора приковылял к дому заказчика — грязный, в лохмотьях, беззубый, лысый и в язвах,— его не хотели принимать. Даже на порог пускать не хотели. Наконец после долгих слезных просьб дворецкий с плохо скрываемым отвращением сообщил Зачморе, что хозяин пока не вернулся и вряд ли скоро будет — у него важный круиз по Мирам, с посещением деловых партнеров. А если нахальный урод еще раз сунется в этот дом, то он, дворецкий, обойдется

без вызова полиментов, увесистая дубина у него имеется. Как раз для таких посетителей.

Оплата за украденный браслет явно откладывалась на продолжительное время, и Зачмора решил вернуться на Перекресток, в свое жилище. Стоит ли говорить, что на Перекресток мы попали не скоро,— нас носило по всем Мирам! Путеводные адреса-заклинания, вложенные в меня, словно сошли с ума и срабатывали как попало. Где мы только не побывали... И все время с ходу попадали в какую-нибудь свару: в одном Мире Зачморе тут же сломали нос, в другом отсекли ухо. Я уже не считаю подбитых глаз, синяков и шишек. Зубов, кстати, у Зачморы вскоре вообще не осталось, все повышибали в драках...

Через месяц мы случайно попали на Перекресток — Зачмора хотел было слетать в Оловянный Мир, узнать, прибыл ли заказчик, но заклинание, как обычно, сработало вовсе не так, как надо, и мы оказались там, куда Зачмора хотел попасть еще месяц назад. Разумеется, мой хозяин тут же влип в уличную потасовку, где ему ни за что ни про что сломали одно ребро— впрочем, Зачмора отнесся к этой беде философски, он уже стал привыкать к разным неприятностям и увечьям.

Я, ей-ей, не удивился бы, окажись, что дом Зачморы сгорел или развалился за то время, пока мой владелец шастал по Мирам, оставляя себя в них по кусочкам, но, к счастью, дом оказался цел. И золотишко, припасенное в том доме, в тайнике, тоже не пропало. Как ни странно.

И первым делом Зачмора отправился знаешь куда? Не в кабак, не к шлюхам и не к врачам. А к одной известной ясновидящей. О которой в прошлые времена никогда не вспомнил бы. Заплатил за прием вне очереди бешеные деньги и потребовал у ясновидящей определить, есть ли на нем наведенная порча. А если есть, то снять ее как угодно,— он, Зачмора, за оплатой не постоит.

Порча присутствовала. Да такая, что ясновидящая диву далась, когда ее обнаружила. Сказала, что впервые со столь мощным проявлением сталкивается. А еще сказала, что снять именно эту порчу она не в силах. И никто не в силах: ни маги, ни колдуны. Потому что данная порча — это даже не черное колдовство, а гораздо хуже. Гораздо.

Порча, которую навел на Зачмору шаман-экзекутор, была статистической. С надежной защитой от постороннего вмешательства. И принцип той порчи был ужасающе прост — если предвиделась хоть какая-то возможная неприятность, хоть самая малая, то она непременно должна была произойти. С Зачморой. К примеру: если, теоретически, транспортные заклинания могли дать случайный сбой — предположительно один раз на десять тысяч попыток,— то у Зачморы они теперь барахлили все время. Если внезапное выпадение волос, что может, в принципе, случиться с любым здоровым человеком, имеет весьма низкую степень вероятности — что-то около сотой доли шанса,— то Зачмора эту сотую долю ухитрился-таки схлопотать. И так далее...

И будут нынче происходить с Зачморой из всех возможных случайностей лишь те, которые причинят ему самые большие неприятности и вред. Такая, стало быть, лютая непоправимая порча...

Так что, сказала ясновидящая, пусть Зачмора не тратит время зря, не бегает по колдунам и чародеям, а как можно скорее идет на поклон к тому, кто эту порчу на него навел. И вымаливает прощение. Как угодно. На том сеанс ясновидения и закончился.

Деваться было некуда — надо было возвращаться в музей, к шаману-экзекутору. И, разумеется, вернуть ему похищенный браслет. И умолять шамана о снисхождении... Ничего подобного с Зачморой не произошло бы, не нарушь он одно важное воровское правило: если тебя во время работы застукал хозяин краденой вещи, брось вещь и беги. Целее будешь. Нда-а...

Так как транспортные заклинания срабатывали у Зачморы как попало — теперь было понятно почему, окаянная порча свои корректировки вносила,— Зачмора временно передал меня своему другу, Горику-Чимарозе... это не кличка, а имя такое. Чтобы, значит, Горик доставил его, Зачмору, в Искристый Мир. И подстраховал его там, на всякий случай.

У Горика-Чимарозы адресное заклинание сработало как надо — мы оказались в музее. Аккурат в том зале, где когда-то с шаманом повстречались. В зале сохранения исчезающих видов. Да только возвращать браслет было уже некому: шаман лежал возле своего постамента в луже крови. Давно, видать,

лежал — кровь вся высохла и почернела. Он себе топориком вены вскрыл, вот как. Не выдержал, наверное, одиночества... Или, скорей всего, не смог жить в реальном мире без своего Небесного Гнезда. И ушел в мир мертвых традиционным способом. Без браслета. Сложил на постамент свою перьевую одежду, а после топориком попользовался.

Короче говоря, теперь у Зачморы возникла новая проблема. Серьезная проблема! Можно сказать, смертельная: порча в ближайшее время убила бы его не менее надежно, чем хрустальный топор своего татуированного владельца. А снять порчу было некому.

И знаешь, какой выход придумал мой бывший хозяин? Очень простой: он вслух отказался от воровского медальона, тем самым окончательно передав меня Горику-Чимарозе. А после нацепил на себя шаманские перья, воткнул за пояс хрустальный топор, залез на постамент и надел на руку ворованный браслет. И окаменел. Застыл навсегда. Надеюсь, что в Небесном Гнезде — или куда там Зачмора попал — его больше не донимают экзема и плешивость. И еще надеюсь, что в мире мертвых он никогда не встретится с шаманом-экзекутором,— подвел итог рассказанному Мар.— А то поубивают друг дружку, неровен час! Хоть и покойники оба. Вернее, один покойник, а второй так, серединка на половинку... Знаешь, я вот что хотел тебе посоветовать на будущее: ты когда знакомиться с народом будешь, называйся-ка и впредь Симеоном. Как тебя дознаватель окрестил. Как ты братии представился. Ни к чему своим истинным именем разбрасываться. А то еще порчу наведут... Второго браслета-умертвителя нам взять негде. Кстати — хочешь, сходим на Зачмору посмотрим?

— Не хочу,— решительно ответил Семен.— Не тянет как-то. Тут и без покойников не очень весело. Кстати, если ты эти места целую неделю изучал, тогда, может, пояснишь мне, что это такое? — Семен остановился возле ниши, сделанной в стене между двумя соседними витринами: снаружи ниша была словно затянута тусклой полупрозрачной пленкой. Внутри ниши, в специальной лунке, словно яйцо неведомой золотоглазой Птицы Каасибы, лежал прозрачный, размером с небольшой арбуз, идеально круглый шар; шар таинственно светился глубинным бирюзовым светом.

— Ты что имеешь в виду? — недоуменно спросил медальон.— Витрины, что ли?

— Нишу с шаром,— пояснил Семен.— В стене передо мной. Или ты ее не видишь?

— Не вижу,— подтвердил Мар.— Колдовство, несомненно. Маскировочное. Это мы в каком зале оказались-то?

— Названия не видел, не было названия,— Семен заглянул сначала в одну из витрин, после в другую: за одним окном, в полумраке, на фоне бревенчатой стены, увешанной пучками сушеных трав, усатый добрый молодец без особого напряжения душил старую тщедушную ведьму. Возле ведьмы, на столе, среди ступок и баночек лежал прозрачный шар, налитый сочным сине-зеленым заревом.

За другим окном была красна девица — сидя за карточным столиком в одной ночной сорочке, она расширенными от ужаса глазами всматривалась в точно такой же шар; видно было только девицу, стол и сам шар, все остальное тонуло в ночной мгле. Внутри бирюзового сияния смутно темнела рогатая тень.

— А, сфера предсказаний,— понял Мар.— Бесполезная, в общем-то, штука. Видел я такую, на ярмарке, у цыганки-гадалки. Что-то показывает, а чего — не разберешь... Да и зачем оно нужно, свое будущее знать? Ничего хорошего. От судьбы все одно не уйдешь.

К тому же брехня эти предсказания — сообщит тебе такой шар, например, что тебя завтра в бане зарежут, и что тогда? В баню ты, естественно, не пойдешь, тебя, разумеется, не зарежут... Значит, не будущее шар показывал? Не будущее. Обман сплошной! Вранье.

— По мне все же лучше быть не зарезанным, чем зарезанным,— возразил Семен, протягивая руку к нише.— Пожалуй, возьму-ка я шарик. На пробу. И двинем отсюда куда-нибудь, на твое усмотрение. Туда, где природы побольше. Чтобы деревья были! И речка с пляжем. Надоело мне по лабиринтам и коридорам слоняться. Свежего воздуха хочется.

— Давно пора,— согласился Мар.— Конечно, двигаем! Предлагаю посетить Лесной Мир. Вот уж где воздуха навалом, свежего, полезного. И совершенно бесплатного.

Семен с трудом протолкнул руку сквозь плотную колдовскую пленку, взял странно легкий шар и положил его в на-

плечную сумку. После чего мир на секунду задернулся черным покрывалом, и прохладный музейный полумрак сменился вечерним солнечным светом.

Семен, щурясь, огляделся — он стоял на вершине высокого зеленого холма, по щиколотки утопая в траве. Местность соответствовала его пожеланию: неподалеку от холма, через обширную травянистую равнину протекала чистая глубокая речка с песчаными берегами; вокруг равнины и прилегающего к ней холма раскинулся бескрайний вековой лес. Там, за лесом, где большое малиновое солнце почти касалось горизонта, далеко-далеко отсюда, прорисовывались неровные зубцы темных гор.

Под холмом, возле ближнего речного берега, раскинулся небольшой городок с добротными домами из тесаных бревен— высокие островерхие крыши домов были заботливо уложены черепицей. На некоторых домах, двухэтажных, медленно поворачивались под изменчивым ветерком блестящие серебристые флюгера; стояла удивительная тишина.

Городок, казалось, дышал покоем и миром.

— Славное место,— одобрительно сказал Семен, неторопливо спускаясь по склону холма к городку.— Здесь и поживу недельку. Отдохну от приключений. Высплюсь, отъемся!

— Ну-ну,— с сомнением сказал Мар.— Будем надеяться.

ГЛАВА 11
Славное Лесное Избранное Место Проживания

Городок оказался пуст. Симпатичные домики были закрыты: двери замкнуты на висячие замки, ставни заперты. Ни лая собак, ни мычания коров, ни ржания лошадей — ничего. Словно жители городка вымерли вместе со всей своей живностью. Заперли дома и вымерли.

— Все это крайне подозрительно,— заметил Мар, когда Семен обнаружил седьмой по счету закрытый дом.— Может, на них мор какой навалился? Хотя от мора не запираются. Тем более снаружи... В прошлый раз, когда я попал сюда, было куда как веселее! Домов, правда, стояло поменьше. И похуже они были. Времянки, одно слово. Там, выше по течению, на лесных ручьях тогда золото мыли, а здесь его тратили. Весело

тратили, с размахом! Мы тут неплохо золотишком разжились, по бросовой цене. На простенькие амулетики с бытовыми заклинаниями меняли. Официально здесь магию не поощряют, в Лесном Мире, но пользоваться ею любят... Пошли в центр. Там кабак должен быть. Или салун какой-нибудь. Очаг культуры. Не может быть, чтобы такой очаг да без присмотра оставили!

— Пошли,— согласился Семен.— Культура, конечно, догляда требует. Особенно если она в бутылки разлита,— и пошел по улице, не обращая больше внимания на закрытые дома.

Кабак, он же салун, действительно оказался почти в центре городка, посреди небольшой площади.

Двухэтажный дом с высокими, надежно закрытыми ставнями окнами — единственное кирпичное здание в городке — был широк и монументален. Наверное потому, что с другой его стороны, во второй половине, размещалась мэрия: Семен сначала наткнулся на запертую дверь с прибитой к ней начищенной латунной табличкой, на которой было выгравировано «Мэр города», а уж после, обойдя дом, обнаружил вход в салун.

Над входом красовалась броская вывеска: «Пятничная ресторация». Почему именно пятничная, пояснений не имелось, но это было неважно — главное, что дверь заведения с необычным названием открыта нараспашку. Недолго думая, Семен вошел в ресторацию.

Поначалу Семену показалось, что в слабо освещенном зале никого нет,— в полумраке лишь тускло поблескивали скобленые столешницы круглых столов, на которые были поставлены перевернутые вверх ножками стулья; в глубине зала, на длинной стойке, слабо светила одинокая свеча. Пахло холодной сыростью, спиртным и горелым воском. Тоской пахло. Неустроенностью.

Семен направился к стойке. Подойдя ближе, он обнаружил, что с другой ее стороны пригорюнился весьма одинокий мужик в компании с одинокой пузатой бутылкой. И одиноким пустым стаканом. Граненым.

Внешность у мужика была примечательная: плечистый, бородатый, с копной нечесаных волос на голове, в белой рубахе-косоворотке и черной атласной жилетке,— ниже Семен не

разглядел, стойка мешала,— он был здорово похож на знаменитого российского старца, чей подмигивающий портрет в свое время украшал нерусские водочные бутылки.

Мужик посмотрел на Семена шальными от выпитого глазами и тяжело вздохнул. После скособочился, сунув руку под стойку, молча достал оттуда второй стакан и, со стуком поставив его рядом со своим, щедро плеснул в них из бутылки.

— Пей,— сказал мужик и махом вылил содержимое своего стакана куда-то себе в бороду. И выжидательно уставился на Семена.

— Будем здоровы,— вежливо сказал Семен.— Закусить чем-нибудь найдется?

Мужик молча достал из-под стойки щербатую миску с крупно нарезанными кусками холодного вареного мяса, тарелку с ломтями свежего хлеба и толстыми перьями зеленого лука, пододвинул все поближе к Семену.

Выпивка была крепкой. Что-то среднее между джином и ямайским ромом. Крепкой и вкусной. Горлодерной. Семен выдохнул разом и закусил сначала луком, а после мясом.

Вытерев повлажневшие глаза, мужик изрек басом:

— Ты не друид,— сказал, словно приговор огласил. И снова налил в стаканы.

— Не друид,— покачал головой Семен, слепливая себе бутерброд с мясом и луком.— А это хорошо или плохо?

— Это нормально.— Мужик неожиданно подмигнул Семену, и еще больше стал похож на своего водочного двойника.— Друиды медовую не пьют. Они вообще ничего крепче воды не пьют. И мясо не едят. Тусклый народец. Хотя и колдуны. Ты как к колдунам относишься?

— Когда как,— осторожно ответил Семен.— По-разному.

— Давить их надо,— убежденно сказал бородач.— Всю торговлю мне порушили, гады. Взял бы и поубивал их, сволочей! Вот этими вот руками,— мужик потрусил перед носом Семена волосатым кулачищем, потом неожиданно протянул руку вперед:

— Будем знакомы. Иван.

— С... Симеон,— от неожиданности Семен стал заикаться.— Вы — с Земли?

— Все мы от земли,— Иван захрустел луком.— Из земли вышли, в нее, родимую, и уйдем. Пей, Симеон, чего стакан полным держишь. Пей.

Семен выпил, сунул в рот кусок мяса, снял с ближайшего стола стул и уселся перед стойкой.

— Иван — это сокращенно,— пояснил бородач.— Ежели полностью, то Иванносорокосил. Я, понимаешь, из княжеского рода. Род у меня хоть и знатный, но бедный. И гордый. А я не гордый, вот по торговой части пошел. Деньгу зарабатываю. А друиды вредят, работать мешают. Один тут в холме поселился несколько лет тому назад. Жил, пакостил. Помер. От него гонец к Лесному Воеводе пожаловал, нечто ему и всем остальным пообещал. Даром. Вот народ и стал в тот холм ломиться, как за бесплатной выпивкой. И пропадать. А намедни зашел ко мне, в «Пятничную ресторацию», друидский прихвостень. Помощничек его. Глиста в черной накидке. Тоже медовую никогда не пил. Но мясо ел. Зашел, хотел что-то сказать и на тебе — бах! Взорвался. На лоскутки расшился. А внутри у него, оказывается, золотая табличка с тайным именем была: Дубль Тринадцать его звали. Тоже друид, стало быть. Колдун, значит...

— Елки-палки,— бесцветным голосом прошелестел Мар.— Вон оно как моя озвучка «На лихого дядю» аукнулась-то! Не удивлюсь, если окажется, что Кардинал всех своих дублей в один миг лишился. Ох уж эти прямолинейные первичные заклинания...

Иванносорокосил, разумеется, не услышал, о чем говорил медальон:

— ...И тут из холма пропавший народ как попер, как попер! И такое рассказал, что наши взяли кто вилы, кто косы, кто дубье, и пошли по лесам местных друидов шерстить. На всякий случай. А баб, детей и животину в соседнее поселение отправили. От греха подальше... Меня на охоту не взяли. Мэр так и сказал — сиди, говорит, свою ресторацию и мою мэрию сторожи. Чтобы, значит, в урон хозяйство не пришло. Вот и сторожу. Слова молвить не с кем! Так ты точно не друид? — Иван вдруг с подозрением уставился на Семена.

— Н-не друид,— тяжело качнул головой захмелевший Семен.

— Тогда пей,— решил Иван и забулькал медовой, наполняя стаканы.

— Не буду.— Семен помотал головой,— я и так уже... пьяный я.

— Ты меня уважаешь? — бородач вопросительно приподнял бровь.

— Да,— обреченно кивнул Семен,— уважаю.— И поднял стакан.

Через полчаса Семен с Иваном обнялись и побратались. Еще через полчаса и два тоста Семен признался, что он известный вор-специалист. По магии. Всегалактического масштаба. На что Иван откровенно сказал, что плевать ему, вор Симеон или нет, главное, чтобы человек хороший был. Он, Иван, по молодости тоже с кистенем на дорогах промышлял, первичный капиталец собирая. Для занятия торговлей. Хорошее время было, веселое! Отчаянный был, молодой. Глупый. Вспомнить приятно... После остепенился, на сейфы перешел. Лет пять по городам ездил, медвежатничал. Ну а потом и торговлей занялся...

Чуть погодя Иван сказал, что заведение для посторонних, не братков, нынче закрыто. Он запер входные двери на засов, зажег с десяток свечей и расставил их на столах — ресторация сразу приобрела угрожающий мистический вид. Словно в ней собирались отслужить черную мессу.

Через следующие полчаса Семен по большому секрету рассказал брату Ване, что он, Симеон, не только вор, но и знатный охотник за друидами. За Дублями. Вот и золотая грамотка есть, выпотрошенная из друида по имени Дубль Двадцать Пятый. Лично им, Симеоном, добытая: коварного Дубля он настиг в одном из Миров, где произошла страшная сеча, богатырский поединок с разрушением друидского замка и сотрясением земной тверди. Хрясть налево, хрясть направо... море крови! горы трупов!.. бледные девы рыдали над убитыми имперскими солдатами... Откуда солдаты? Черт его знает откуда... А он, Симеон, гордый и несокрушимый... на мечах... убил поганого Дубля и пластинку из его пупка выковырял. С тайным именем. Они, друиды, при помощи пупков колдуют. Магией жеста. Император его после лично целовал, троекратно. Не пупок, а Симеона.

Вслед за тем была продемонстрирована сама золотая пластинка, завалявшаяся у Семена в кармане. С номером и росчерком. По поводу чего выпили опять; потом Семен показывал радужный меч и как он им сражался... Иван сказал, что стойку он все равно собирался новую делать, так что братко Симеон пусть не переживает, что порубал ее. Пусть рубает что хочет. И столы новые надо будет заказать... И стулья... На пятом стуле Семен решил, что пора и отдохнуть. Лег на щепки и уснул.

Утро было солнечное и ужасное.

В голову как будто свинец залили; во рту за ночь образовалась небольшая пустыня, а в желудок закатился булыжник. Круглый сухой кирпич.

Семен со стоном открыл глаза. Закрыл. Снова открыл. С трудом сел.

Ночевал он в кровати. Это радовало. Но как он попал в нее, что случилось до этого — Семен не помнил.

Кровать была большая, застланная лохматой медвежьей шкурой, на которой Семен и провел ночь. Одетый. Комната, где кроме кровати практически ничего не имелось, лишь маленький столик с графином воды в изголовье, находилась на втором этаже: через распахнутое окно виднелись черепичные крыши, далекие верхушки лесных деревьев и солнце. Солнце и разбудило Семена.

Семен сполз с кровати, первым делом приложился к графину. После нашел входную дверь и побрел искать «удобства». Они нужны были позарез.

Все необходимое нашлось на первом этаже, в коридоре — планировкой ресторация напоминала общежитие. Приведя себя в порядок и даже более менее побрившись — в туалетной комнате, на полочке возле зеркала и умывальника кто-то забыл хорошо правленную опасную бритву и кусочек мыла,— Семен воспрянул духом. Забрав бритву, он пошел искать брата Иванносорокосила — Сеня помнил, что они братались. Больше ничего не вспоминалось. И еще надо было выяснить судь-бу радужного меча и сумки, куда-то они запропастились.

Бородатый Иван сидел в зале ресторации за одним из столов и, нацепив на нос очки, что-то писал карандашом в большой толстой книге. Вид у брата Ивана был суровый. На столе

лежала Сенина сумка, возле стола — включенный меч: клинок был окутан еле видимым облаком водяной пыли. Под клинком уже собралась изрядная лужа. Видимо, меч пролежал здесь всю ночь.

За соседним столом со скучающим видом сидел незнакомый Семену человек — среднего роста, с лысиной ото лба до макушки, худощавый, гладко выбритый. Незнакомец, одетый в болотного цвета одежды, больше похожие на военную камуфляжку, чем на повседневный костюм, оживился, увидев вошедшего Семена.

— А, знаменитый Симеон! Вас-то мы и ждем. Как спалось-почивалось?

— Нормально,— буркнул Семен, оглядываясь по сторонам: ставни с окон были сняты и зал ресторации был достаточно хорошо освещен. Достаточно для того, чтобы понять: здесь вчера здорово погуляли. Очень здорово. Обломки нескольких столов и порубленные на кусочки стулья небрежно собраны в кучу у стены; стойка напоминала собой ящик фокусника — тот, куда женщину кладут. Ящик, который долго и неумело распиливали то так, то эдак. Семена передернуло.

— Знаешь, братко,— сказал Иван, отрываясь от книги,— пьянка пьянкой, а дело делом. Ты уж извини, но я тебе тут счет выставил. На испорченную мебель. И на стойку. Судя по всему, оплатить ты сможешь,— бородач похлопал по сумке ладонью.— В большом убытке не будешь.

— Само собой,— Семен, постанывая от мерзостного ощущения в голове, поднял меч с пола, убрал клинок, спрятал рукоять в карман куртки и сел за стол. Напротив Ивана.

— Похмелье? — понимающе заметил Иван.— Не беда. Сейчас подлечу.

— Только не медовой,— запротестовал Семен.— Вывернет меня от нее. Бульона бы. Горячего.

— Бульон тоже будет,— кивнул бородач.— На кухне суп готовят... Я у тебя взял пять золотых в счет долга, остальные деньги в сумке, в целости и сохранности. Что ж ты так, братко, с такими деньжищами и так пьешь, нехорошо это. Повезло тебе, что я честный человек, а то всяко могло бы случиться. Народ у нас разный.

Семен вспомнил рассказ Ивана о временах его бурной молодости и уныло кивнул:

— Повезло.

— Я на кухню, а ты с нашим мэром поговори,— бородач повел рукой в сторону незнакомца в болотной камуфляжке.— Хороший человек. Свой. Бывший наемный убийца. Отличный товарищ, примерный семьянин. Не то что я,— и ушел на кухню. За бульоном.

— Клавдис,— представился мэр, широко улыбнувшись Семену. И пересел к нему за стол.

— Симеон,— ответил Семен и вяло пожал протянутую руку.

— Слышал о вас,— улыбаясь, сказал мэр.— Наш Мир хоть и провинция, но слухи о том, что творится на Перекрестке, до нас быстро доходят. Это вы чужого в камень обратили?

— Я,— уныло признался Семен.

— А нападение на дворцовую гвардию... говорят, пятерых убили. И слимперский дом откупорили... тоже вы?

— Я,— вздохнул Семен. Пускаться в подробные объяснения не хотелось.

— Судя по всему, вы еще где-то гастролировали,— с пониманием заметил Клавдис, покосившись на сумку с золотом.— Плюс колдовской меч и золотая пластинка с тайным друидским именем Дубля Двадцать Пятого. Да еще и поединок. Бурная у вас жизнь! Интересная... Мне Иван все рассказал. Эх, меняются времена, меняются. Раньше все как-то специализировались, каждый занимался своим делом: вор только воровал, грабитель только грабил. Убийца только убивал. Нынче все смешалось... Смутные времена. Непонятные.

Впрочем, я не об этом хотел поговорить с вами, Симеон. А о деле.

Иван говорил, что вы занимаетесь уничтожением колдунов,— уж не знаю, по зову сердца или в коммерческих целях. Скорее всего, в коммерческих. Судя по золоту в сумке. Так вот, у меня есть деловое предложение — надо тут одного колдуна прищучить. Замочить, если говорить понятно. Достали уже эти колдуны, дальше некуда! Мы их не трогали до поры до времени. Но после случая с местным друидом и его Дублем-прихвостнем терпение у нас лопнуло. Как тот Дубль. Ре-

шили мы нашу округу от них полностью очистить, да разбежались они кто куда. Успели. Чуют опасность, что ли?

Но один остался. Там, в лесу. В самой глухомани, куда мы раньше не заходили. Мало того что остался, наглец, так еще закрылся от всего мира непроницаемой изгородью, ни подойти к его дому, ни подступиться! Значит, есть чего от народа скрывать.

Имеется решение ликвидировать того колдуна. На всякий случай.

— Чье решение? — поинтересовался Семен. В го-лове гудело уже поменьше, и он мог теперь вполне связно поддерживать беседу.

— Мое, чье же еще,— пожал плечами мэр.— Мы бы и сами управились, но эта изгородь... Иван говорил, что вы волшебные преграды голыми руками пробиваете. Ломаете. Полезное качество! Особенно в вашей работе.

Семен замычал от отвращения к самому себе. Надо же, как он не вовремя надрался! До потери самоконтроля. Тьфу.

— Есть такое немного,— сквозь зубы, медленно процедил он.

— Отлично,— Клавдис потер ладони.— Оплата, я понимаю, по договоренности и по окончанию работы. Разумеется, первые трофеи — ваши. Ну а я все остальное, что останется, приберу. В хозяйстве пригодится. Ваша цена?

— Бесплатно,— сказал Семен. Никого он убивать не собирался, но марку держать надо было. Вспомнив реплику мэра, Семен добавил: — Я принципиально денег за такую работу не беру. Я их иначе зарабатываю.

— Понятно,— согласно кивнул мэр.— Приятно видеть, что дух романтики еще не умер! Я, по правде говоря, уверен был, что новое поколение такое же циничное и продажное, как и мы сами. Ошибся я, ошибся. Ну-с, позавтракаем и в путь. Вон и супчик несут.

Лавируя между столов, с полным подносом в руках к ним шел Иванносорокосил.

— Питье,— Иван снял с подноса и поставил перед Семеном высокую глиняную кружку, полную горячего бульона, положил рядом с кружкой ломоть черного пахучего хлеба.— Лекарство,— бородач поставил на стол объемистую рюмку, до половины заполненную печально знакомой медовой.

— Надо,— убедительно сказал Иван, заметив вытянувшееся лицо Семена.— Вот я подлечился, и здоров. Чего и тебе желаю. А это нам, господин мэр,— он принялся разгружать поднос.— Телятина, горчица, пиво. Хлеб, свежие огурчики. Перекусим и пойдем. Чего время тянуть-то... Я кистенек свой в кладовке разыскал — справное орудие, проверенное. Надо же, опять понадобился. Кто бы мог подумать!

Семен собрался с духом, зажмурился и одним глотком выпил медовую. И сразу припал к глиняной кружке. Отдышавшись и несколько повеселев, он поглядел на сотрапезников. Те ели, изредка поглядывая на Семена.

— Ну как, молодой человек? — мэр Клавдис отхлебнул пива из такой же глиняной кружки.— Вижу, полегчало. Оно, конечно, нежелательно после кутежа серьезными делами заниматься, но время поджимает. Наши уважаемые жители требуют немедленных действий в отношении неприступного колдуна. Иначе может начаться смута. То есть перевыборы мэра.

— У нас нравы простые. И перевыборы простые. Демократия у нас! Прежнего мэра,— кивнул Иван в сторону Клавдиса,— на кол посадят, ежели не успеет сбежать, а нового на его место назначат. До следующих перевыборов.— И аппетитно захрустел огурцом.

— Ф-фу,— Семен вытер выступивший на лбу от горячего бульона пот.— Интересная у вас тут демократия. Крайне жесткая.

— И потому очень действенная,— покивал Клавдис.— Жить захочешь — поневоле так, как надо, работать станешь. Так, как твои избиратели от тебя требуют.

— Слушайте, а вам колдуна надо именно убить? Или, может, лучше предъявить ему ультиматум с отступными — золото там или что другое с него потребовать,— и пусть он чешет отсюда куда подальше, а? Когда отступные выплатит. С мертвого-то много не возьмешь,— предложил Семен компромиссный вариант. Не хотелось ему ни с каким колдуном связываться, но и радикальные перевыборы Семена не устраивали. Тем более что братко Иван наверняка будет в них участвовать. На стороне прежнего мэра. Прибьют тогда братко...

— Обязательно убить,— убежденно сказал Клавдис.— И только так, не иначе. Их, колдунов, завсегда или ублажают или

убивают. Без вариантов. Ублажать мы никого никогда не ублажали, и не будем, так что — убить.

— И концы в воду,— добавил Иван, переглянулся с Клавдисом, и они вдвоем громко захохотали. Видимо, это была их дежурная шутка. Понятная только им.

— В воду так в воду,— пожал плечами Семен, допил бульон и отставил кружку в сторону.— Я готов. Пошли?

— Пошли,— кивнул Иван.— Пиво вот только выпью и пойдем.

— Я вас на улице подожду,— сказал Клавдис, поднимаясь из-за стола.— Не задерживайтесь. Нам обязательно дотемна управиться надо. До возможных перевыборов.

...Вековой лес был удивительно ухоженным. Словно и не лес это был вовсе, а парк — ни тебе завалов-буреломов, ни неряшливых кустов, ни гнилых стволов и пней, ни сухостоя. Даже комаров не было. Деревья росли на одинаковом, достаточно большом друг от друга расстоянии, как будто специально высаженные. По разметке. Полуденное солнце проникало до самой земли, отвесными лучами падая на изумрудную траву; в кронах деревьев разноголосо щебетали птицы.

Клавдис шел впереди, уверенно придерживаясь лишь ему одному известного направления; следом за мэром шагал Семен, прижимая к себе локтем раскачивающуюся на ходу сумку — оставлять ее в «Пятничной ресторации» Семен не захотел, мало ли что случиться могло. Хватит с него и вчерашнего! Хотя Иван и предлагал запереть сумку в надежном, лично им проверенном сейфе мэрии. Который он, с его квалификацией, как-то часа три отмычками вскрывал. На спор.

Сейчас Иван шел замыкающим, легко помахивая массивным железным кистенем, озорства ради сшибая им на лету бабочек. Тренировался, наверное. Семен представил, как Иван-носорокосил орудовал этой битой во время разбоев, и ему стало не по себе.

Деревья постепенно стали расти гораздо гуще, все ближе и ближе прижимаясь друг к дружке; колючие кусты, которых Семен раньше не видел, теперь то и дело перегораживали им путь, цепляясь шипами за одежду. Стало гораздо темнее — солнце с трудом пробивалось сквозь переплетенные между собой ветви деревьев.

— Пришли,— коротко сообщил Клавдис.— Аккурат за этими деревьями друидская поляна с неприступным домом находится. Мои избиратели где-то там за кустами прячутся, колдуна караулят... Я людей после утреннего разговора с Иваном сразу предупредил, что в следующий раз специалиста с собой приведу, так что шуметь и соваться под руку они не станут.

— Так вы что же,— удивился Семен,— заранее уверены были, что я соглашусь вам помочь?

— Уверен, не уверен,— мэр подмигнул Семену,— но пообещать надо было. Чтобы напряжение снять.

— Помог бы, само собой,— рассудительно сказал Иван, ногтем сдирая с кистеня раздавленных бабочек,— как-никак ты, Симеон, мой братко. И Клавдис братко. А братки друг другу завсегда помогать должны. Как же иначе!

— Когда стенку сломаешь,— тихим голосом продолжил Клавдис, останавливаясь и пропуская Семена вперед,— ты колдуна сразу не убивай, ладно? Оставь эту работу моим людям. А сам лучше в сторонке постой, чтобы по горячке и тебя не зашибли. Боюсь, не смогут они утерпеть, чтобы в деле не поучаствовать. Очень уж решительно настроены. Я понимаю, что ты сам управиться хотел, принципы такие... Но уж если что не так пойдет, тогда конечно. Тогда меч тебе в руки. Договорились?

— Однако,— только и смог сказать Семен. Дело получалось нешуточное: он собирался пробраться в дом неведомого друида и попытаться мирно урегулировать с ним вопрос о переселении, без кровопролития... в крайнем случае с помощью Мара выбросить колдуна в другое место... в другой Мир на худой конец, для его же пользы,— но отдать друида с ходу, вот так, под вилы и кистени? Мерзкая ситуация складывалась. Гнусная.

— Да ладно тебе, не жадничай,— Иван неправильно истолковал замешательство Семена.— Мы тебе потом другого колдуна найдем. Не хуже этого! Крутого найдем, вредного. Вот тогда и потешишься, удаль свою молодецкую покажешь. И мы с удовольствием посмотрим. А сейчас наверняка работать надо! Чтобы выборов не допустить. Понял?

— Понял,— Семен шагнул вперед, с трудом протискиваясь между деревьями,— чего ж тут непонятного...— и вышел на друидскую поляну.

Друидская поляна была круглая как тарелка. Большая такая зеленая тарелка, посреди которой стоял сказочный леденцовый домик — во всяком случае, у Семена поначалу возникло именно такое впечатление. Впечатление сказочности.

Домик был невелик, сложен из крупных темных камней и весь переливался разноцветными огоньками. Как будто его щедро облицевали яркими самоцветами. В резные окошки вставлены зеркальные стекла, ослепительно сверкавшие отраженными солнечными лучами; затейливо изукрашенная самоцветными камнями дверь оказалась полуоткрытой. Заходи кто хочет.

Однако зайти в домик вряд ли бы кто смог: вокруг леденцовой избушки, смыкаясь над ней куполом, стояла дымчатая полупрозрачная стена. Толстая, непробиваемая. Как будто из бронестекла отлитая; окружавший домик лес начинался метрах в десяти от стены.

Семен, чувствуя на себе множество взглядов, вышел на поляну. Уперев руки в бока, он в растерянности остановился перед стеной. Как ее можно было взломать, каким образом — Семен даже и представить себе не мог. Пока что не мог.

— Кхе-кхе,— осторожно подал голос Мар.— Можно мне говорить?

— О, что-то давненько тебя не слышно было,— обрадовался Семен.— Ты чего это вдруг в молчанку играть стал? Я, представь себе, даже ухитрился забыть о тебе.

— Э-э... Согласно приказу,— почему-то запнувшись, ответил медальон.— А ты что, не помнишь? Своего вчерашнего приказа не помнишь?

— Я много чего не помню,— пожаловался Семен.— Медовая, черт возьми, слишком крепкая ока-залась... Перебрал я, елки-палки. Перестарался.

— Я это заметил,— поспешил заверить Мар.— Перебор был впечатляющий. Очень даже. Впрочем, не мое дело учить тебя уму-разуму. Хотя надираться до потери оружия и золота — это все же крайне несерьезно. Непрофессионально, знаешь ли.

— Мог бы и остановить меня,— краснея от запоздалого стыда, буркнул Семен.— Что же ты...

— Я пытался,— нехотя ответил медальон.— Но ты послал меня в... Неважно, куда послал. В общем, велел заткнуться.

И молчать, пока не понадоблюсь. Говорить только по необходимости. Вот мне и показалось, что именно сейчас такая необходимость возникла. По-моему. Потому-то я и заговорил... Ты сильно не убивайся, ничего страшного не произошло, я и не такое видал. Потому давай о деле.

— Давай,— повеселел Семен.

— Я так понимаю, что пройти к черному склепу нам мешает невидимая стена...— начал было Мар.

— Какой склеп? — резко остановил его Семен, пристально вглядываясь в праздничный леденцовый домик.— Какой черный? Нет тут никакого склепа. Нарядный дом, очень красочный. Сувенирный прямо-таки.

— Да? — Мар помолчал.— Во всяком случае, я вижу черный полуразрушенный склеп. Увитый плющом. С приоткрытой ржавой дверью. Ха, я понял: это маскировка! Одно мне непонятно — почему друид замаскировал свое жилище именно под склеп? Не любят они склепы, я это точно знаю... Может, вовсе и не друид здесь живет... Слушай, а если это маскировка наоборот? Вдруг я вижу то, что есть на самом деле, а ты — специально созданный волшебный образ? Мираж для видящих. Таких, как ты.

— Разберемся,— коротко сказал Семен и пошел вдоль полупрозрачного купола, на ходу постукивая по нему кулаком: ощущение было такое, как будто Семен ударял по монолитной гранитной стене.

Обойдя купол кругом и не найдя ничего, хотя бы отдаленно напоминающего дверь, Семен остановился и призадумался. С такой глухой защитой он еще не сталкивался.

— Ничего не нашел? — полюбопытствовал Мар,— ну хоть что-нибудь? Какой-нибудь намек на выключатель, что ли.

— Ничего,— сокрушенно покачал головой Семен.— Совершенно ровная поверхность. Ни щели, ни зазора. И никаких намеков.

— Должно что-то быть,— убежденно сказал медальон.— Помню, у нас... у Горика-Чимарозы похожий случай был. Брал он как-то по заказу некий частный банк — письмецо одно компрометирующее надо было из него изъять,— и у тамошнего сейфа оказалась очень похожая защита: он невидимой полусферой был накрыт. Чимароза и так, и сяк над той полусферой

бился, ну ничего с ней поделать не мог! Ничего ту защиту не брало. Ни одно взламывающее заклятие не срабатывало. А время поджимало, всего-то часа три до рассвета осталось, а еще сейф надо было вскрыть да уйти незаметно...

— Ну-ну,— оживился Семен.— И что?

— Так Горик со злости, что ничего не получается, по той полусфере ножом ударил.— Мар захихикал.— Заговоренным на прочность и нестачиваемость. Глупо, конечно. Но сработало! Исчезла защита, представляешь? С самим сейфом Горик-Чимароза быстро управился, простеньким сейф оказался. Никудышным. На невидимый купол владелец банка понадеялся. Так что Горик заказ честно отработал, а потом неделю пропьянствовал, удачу свою празднуя. Среди своих и праздновал. Там и рассказал по пьянке, как защиту ножом уделал. Никто ему, само собой, не поверил, до драки чуть дело не дошло. Хорошо, один дед-огранщик в спор ввязался... Тот дед когда-то профессором был,— еще до того, как настоящие деньги пошел зарабатывать,— свойства всяких кристаллов и стекол изучал. Оно ему после пригодилось, то знание, когда ворованные камешки перешлифовывать стал... Впрочем, я не о том.

Унял дед спорщиков и объяснил им, что слыхал он о той защите, ее чужие придумали. Техническая магия, значит. И основана та защита на принципе кристаллической структуры бронестекол — это он так сказал, я лишь его слова повторяю... Тут бывший профессор в такие научные дебри полез, такими терминами принялся сыпать, разъясняя всем физическую сущность кристаллов и особенности стеклянного литья, что ему чуть по шее не надавали. Но вовремя передумали и заставили деда выпить разом стакан рома, отчего дед заметно поглупел и смог изъясняться на более-менее понятном человеческом языке. И оказалось, что у многих бронестекол, особенно у крупных, есть такая особая крохотная точка, по которой ежели чем-нибудь прицельно стукнуть, то, значит, это стекло может сразу на мелкие осколки рассыпаться. Кристаллы, кстати, тоже могут разваливаться на куски, если их по каким-то там э-э... особым плоскостям спаянности шарахнуть. А так как полусфера чужих в общем-то и есть магический вариант смеси бронестекла и кристалла, то получается, что Чимароза именно в такую точку кончиком своего заговоренного ножа и тюкнул

ненароком. Специально старался бы, искал — никогда не нашел бы. А случайно — пожалуйста, в лучшем виде. Дуракам-то всегда везет... Ты, кстати, тоже везучий. Я заметил,— невпопад добавил Мар.

— Это к чему ты клонишь? — Семен прикусил губу, чтобы не расхохотаться.— На что намекаешь? Исходя из твоего определения насчет дураков.

— Вовсе я ни на что не намекаю,— почтительным голосом заверил медальон Семена.— Везения у тебя хоть и хватает, но никак не в ущерб умственным способностям. Я о другом толкую — надо бы повнимательней все заграждение осмотреть. Может, ты эту точку и увидишь, кто знает!

— Может быть,— согласился Семен. И пошел опять по кругу, на этот раз разглядывая купол очень внимательно. По участкам, не торопясь. Снизу доверху и сверху вниз. Насколько взгляда хватало.

И в конце концов он ее нашел.

Точка находилась невысоко, Семен мог запросто дотянуться до нее кончиками пальцев: небольшое мутное уплотнение внутри полупрозрачной толщи купола. С теннисный шарик размером. Если бы Семен не искал ее специально, то вряд ли бы заметил.

— Кажется, есть,— Семен достал из кармана куртки рукоять меча, отвел руку в сторону и нажал кнопку. Клинок, просвеченный насквозь прямыми солнечными лучами, внезапно приобрел удивительно сочный голубой цвет. Точь-в-точь как речная вода на рекламном плакате.

Семен несколько раз взмахнул над собой мечом — за водяным клинком длинным шлейфом протянулась искристая радуга; из-за близких кустов донесся глухой ропот одобрения: похоже, невидимые зрители, попрятавшиеся в лесу, понимали толк в оружии. Или попросту никогда раньше не видели радужных мечей.

— Эхма! — Семен картинно перехватил рукоять меча обеими руками, потом поднял волшебное оружие династии Юшанов над своей головой, старательно нацелился острием клинка в мутный теннисный шарик и с силой ткнул в него. Как ломом ударил.

В тот же миг раздался оглушительный звон, словно с размаху стукнули колотушкой по хрустальному гонгу,— оглушенный этим звуком, Семен застыл, упершись мечом в дымчатую преграду. А когда преграда исчезла, плашмя упал на траву, по рукоять вогнав меч в землю.

ГЛАВА 12
Строго Лимитированное Изменение Мирового Порядка

Сквозь гул в ушах Семен услышал дружный рев. «Наверное, мужички друида кончать бегут,— подумал он мимоходом,— дождались. Вон как разохотились»,— и сел, тряся головой. Огляделся.

Никуда мужички не бежали. Они даже носа из своих кустов не высунули. А орали мужички лишь от избытка чувств. От впечатлений. Точно так же, как орут болельщики после удачно забитого гола.

Преграда исчезла. Полностью. А с ней исчез и сувенирный домик — травяная поляна была пуста. Хотя нет, не совсем пуста: посреди нее, там, где раньше стоял дом, что-то имелось. Это что-то было человеком: человек сидел на корточках, сложив руки на коленях и с явным интересом оглядывался по сторонам.

— Вояки,— пробормотал себе под нос Семен, поднялся, выдернул меч из земли, выключил клинок, но саму рукоять прятать в карман не стал. Так, на всякий случай. И направился к человеку.

— Склеп пропал,— доверительно сообщил Мар.— Это на моем уровне видения. На обычном. А что у тебя?

— Аналогично.— Семен разглядывал человека.

Тот, видя приближающегося к нему Семена, встал в полный рост. Выглядел незнакомец довольно живописно: сам худой и какой-то нескладный, угловатый; волосы до плеч, но аккуратно подстриженные, ухоженная короткая бородка; одежда, что-то вроде классического джинсового костюма, выцветшая от времени, тертая-перетертая, вся в неровных заплатках, но чистая; легкие сандалии на босу ногу. То ли бродяга, то ли нищий. Аккуратный такой нищий. Хиппи-шестидесятник, ка-

ких Семен иногда видел в кинохрониках. Дети цветов. Маковый ребенок.

«Маковый ребенок» улыбнулся Семену во весь рот и неожиданно подмигнул ему.

— Не пугайся, Симеон, я сейчас дурака валять буду,— громким шепотом сказал хиппи,— надо тех, в кустах, успокоить. Потом поговорим,— и без паузы завыл, то хватаясь за голову, то простирая руки к лесу:

— А-а, бедный я, а-а, несчастный я! Горемыка убогий, бедолага сирый, колдунами пуганный, разбойничками битый! О горе мне, горе! Похитил меня друид окаянный, в темный лес уволок, в клетке ржавой держал, для целей злобных и окаянных...

Из кустов, из-за деревьев, смущенно переглядываясь между собой, на поляну стали выходить бравые мужички, кто с топором, кто с дубиной. Похоже, события развивались не по запланированному ими сценарию — видимо, сначала предполагался погром дома с обязательным пожаром, после казнь друида и пьянка. Или сначала казнь, потом погром и пьянка. Но ни дома, ни друида нынче не было. Нечего было жечь. И казнить вроде бы некого было.

— Сам я не местный,— жалобно выл тем временем хиппи, осторожно рвя на своей груди куртку,— сильно больной я на голову! И телом хилый, слабый, подайте, кто может... Тьфу, не то! Погорелец я, дом враги сожгли, жену и детишек в полон угнали...

Мужички окружили Семена и незнакомца плотным кольцом, озадаченно пялясь на бородатого погорельца. Погорелец то и дело закатывал глаза, истово мотая головой из стороны в сторону, весь как-то лихо кособочился то на одну, то на другую сторону, одновременно крепко стуча себя в грудь кулаками,— и действительно больше походил не на жертву пожара, а на сильно больного. Каким он сам назвался.

— Тю, да он припадочный,— удивленно сказал один из мужичков.— Разве ж то друид? Не, не друид. Юродивый это. Я таких в большом городе видел.

— Да погоди ты,— остановил его другой мужичок, с сомнением глядя на припадочного юродивого.— Может, вовсе он нарочно притворяется. Обманывает нас. Может, он все-таки друид? — с надеждой сказал сомневающийся, тяжело похло-

пывая дубинкой себя по ноге.— Что же это мы, значит, так никого сегодня и не прибьем? Скучно оно как-то получается! Неинтересно.

— А вот мы его сейчас проверим,— с угрозой в голосе проговорил братко Иван, бесцеремонно расталкивая мужичков и протискиваясь поближе к подозрительному незнакомцу,— есть одно верное средство.— В руках у братко был складной стаканчик и плоская карманная фляга.

— Ежели друид,— уверенно сказал Иванносорокосил, осторожно плеснув в стаканчик из фляги,— то его от одного только запаха вывернет, знамо дело. А ежели не друид, то...— и сунул стаканчик в лицо возможному друиду.— Пей!

— А чего так мало-то? — возмутился проверяемый на друидность незнакомец,— сам из этой фиговины пей. Дай-ка...— выхватил из братковой руки фляжку и, задрав ее, приник к горлышку. В наступившей тишине кто-то хрипло откашлялся и с завистью почмокал губами.

— Ты того... Не наглей,— миролюбиво сказал Иван, с трудом отбирая флягу назад,— вон, ополовинил уже... Эх! — долил в стаканчик и залпом выпил. Крякнул, сложил стаканчик и завинтил флягу крышечкой.

— Какой он к едрене фене друид,— Иванносорокосил, потеряв к происходящему всякий интерес, вышел из круга.— Вы как хотите, а я в ресторацию возвращаюсь. Дела у меня,— и, бурча на ходу что-то невразумительное, зашагал к деревьям; так и не пригодившийся кистень Иван небрежно заткнул за пояс.

— Что ж, граждане,— зычно сказал мэр Клавдис, до того молча стоявший внутри круга.— Будем считать, что наш поход удался. Во-первых, стену мы убрали. Так? Так. Во-вторых, друидский дом полностью развалили. До основания. А поганый друид, стало быть, от этого нашего поступка самоликвидировался. Вместе с домом. И что же мы теперь имеем? А имеем мы жертву друидских козней, запуганного колдуном до полусмерти...

— Вот-вот,— охотно закивала жертва, преданно глядя в глаза мэру и между делом старательно одергивая на себе куртку,— козни. Вот именно.

— ...И потому, я думаю, на этом деле мы можем смело поставить точку...

— Так что, никого, значит, бить не будем? — сильно огорчился мужичок с дубинкой.— Обидно. Что же это мы, получается, зазря сюда ходили?

— ...И в честь знаменательной победы,— Клавдис покосился на огорченного мужичка,— объявляется городской праздник. С бесплатным угощением. Все расходы за выпивку и еду мэрия берет на себя. За битую посуду и ломаную мебель платит виновный. Все. Вопросы?

Вопросов не было. Что там вопросы — через полминуты на поляне вообще никого не было, кроме Семена, мэра и джинсового хиппи: в лесу стоял такой треск, словно через него ломилось по меньшей мере стадо напуганных лосей; треск постепенно удалялся. Народ спешил на праздник.

— Ну-у,— Клавдис задумчиво посмотрел на оборванца,— друид ты на самом деле или не друид... В общем-то мне сейчас это уже безразлично,— оборванец стоял по стойке смирно, поедая мэра взглядом, как новобранец — батю-командира,— но должен предупредить: к нам не суйся. Тем более сегодня. Прибьют, знаешь ли. Симеон, вы идете в город?

— Я здесь побуду,— ответил Семен.— Поговорю с этим,— он кивнул на хиппи-погорельца.— А потом... может быть... Не знаю пока.

— Я так и думал,— ничуть не удивился Клавдис.— Вольный ветер, дальняя дорога... Знакомо. Во всяком случае — спасибо,— мэр пожал руку Семену и решительно направился к деревьям. И ушел, так ни разу и не оглянувшись.

— Ну что же,— Семен спрятал рукоять меча в карман и повернулся к жертве друидских козней,— рассказывай, уважаемый, как ты до жизни такой докатился. И откуда меня знаешь. Что, неужели среди колдунов-затворников я настолько популярен?

— Среди других затворников, пожалуй, нет,— подумав, сказал незнакомец.— Хотя кто знает... А я, кстати, вовсе не колдун. Вот еще! Больно надо.

— Что же ты тогда в колдовском доме делал? — удивился Семен.— Только не заливай мне насчет ржавой клетки и ока-

янных цепей. Насчет полоненной жены с детишками тоже можешь помолчать. И припадков не надо. Не люблю я этого.

— Хайк,— вдруг сказал джинсовый незнакомец, улыбнувшись и протягивая Семену руку.

— Что, колдует? — встрепенулся Мар.— Нападает? Ты мне только знак дай, я его в пыль, в порошок... Очень уж хочется боевые заклинания в деле опробовать.

— Не сейчас,— шепотом ответил Семен и, перехватив удивленный взгляд бородача, громко пояснил:

— Не обращай на меня внимания. Это я иногда слова оберегающие говорю. Привычка у меня такая! Безвредная. М-м... В каком смысле — «хайк»?

— Зовут меня так,— пояснил незнакомец.— Имя такое. Не кличка. Избранный я.— И уставился на Семена в ожидании реакции.

— Избранный? Это хорошо,— кивнул Семен, не вникая в смысл сказанного.— А куда избранный? В комитет друидского самоуправления, что ли?

— Семен,— предостерегающе зашелестел Мар,— какой комитет, что ты! Избранные — это через которых комплексные заклинания в Миры идут.

— Ах, вон что! — спохватился Семен.— Понятно. Извиняюсь, недоразумение вышло. Хм, надо же, не думал не гадал, а с одним из избранных повстречался. Однако!

— Я когда-то тоже не мог предположить, что встречусь с человеком, объявленным во всеимперский розыск,— дружеским голосом сказал Хайк.— Это ж как надо было постараться, чтобы так разозлить кого-то из высших имперских чиновников! Очень, очень постараться.

— Розыск? — озаботился Мар.— Всеимперский? Эк засветились-то! Со мной такое впервые.

— Нет, чувствую, здесь требуется обстоятельный разговор,— решил Семен.— На ходу такие дела не обсуждаются. Надо бы нам куда-нибудь... где посидеть спокойно можно... Черт, в город идти никак нельзя, там сейчас такая пьянка началась! Здесь на травке, что ли?

— На травке не надо,— сразу отказался Хайк.— Здесь — не надо. Место меченое, скоро сюда для разбирательства кто-ни-

будь обязательно заявится. Тем более... ты в этом Мире давно? Дня два будет?

— Будет,— согласился Семен.— А что? Временную прописку оформлять пора?

— Нет,— усмехнулся Хайк: похоже, понятие прописки ему было знакомо,— ты до сих пор на свободе лишь потому, что прыгаешь по Мирам, как блоха. Поисковому заклинанию до трех суток требуется, чтобы месторасположение нужного человека найти! Да и то если он где-то в имперских Мирах прячется. С закрытыми Мирами подольше возни, там магическая структура иная.

— Становится интересно,— Семен поджал губы.— Откуда, уважаемый, у тебя такие глубокие полицейские познания? Вернее, полиментовские. Ты что, из этих, из службистов?

— Избранный я,— терпеливо повторил Хайк.— Через меня знаешь сколько заклинаний прошло! Я ими хоть пользоваться не могу, зато много чего о принципах их работы знаю. Слишком много знаю. Короче, уходить отсюда надо. И непременно в другой Мир. А то ни мне, ни тебе не поздоровится! Особенно тебе.

— Конечно, уходить,— заторопился Мар,— дело человек говорит, мотаем отсюда, пока не началось. Я угрозу чую... сверху что-то идет... думай скорее!

— Тогда давай,— решил Семен.— В любой, на твое усмотрение. Вместе с Хайком, разумеется.

— Минуточку,— засуетился медальон,— сейчас по списку пробегусь...— и замолчал. Список принялся читать, наверное.

— А, управляемый голосом многофункциональный медальон,— понял Хайк, с интересом приглядываясь к кругляшу на груди Семена.— Одушевленный небось. Слышал я байки об одушевленных... Свежая разработка? Новинка, да?

— Древняя новинка,— уклонился Семен от объяснений.— Из закрытых фондов.

— Дашь адресок? — оживился Хайк.— Ежели я новый шар новостей раздобуду, то обязательно туда загляну. Люблю закрытые места!

Семен не ответил, не успел: сверху дохнуло холодным воздухом. Семен и Хайк одновременно посмотрели вверх.

Над поляной, в вышине, висела настоящая летающая тарелка. Прыгалка. Круглая, блестящая словно хромированная, местами покрытая густым инеем. Большая.

Прыгалка бесшумно опускалась вниз, прямо на головы людей.

— А эти здесь при чем? — непонятно чему удивился Хайк.— Вообще-то я других ожидал.

— Мар, давай действуй! — с испугом крикнул Семен,— нечего в списке ковыряться! В любой мир, быстро! В безопасный.

— Есть,— коротко ответил Мар.— В безопасный.

Лесной Мир поплыл разноцветными сполохами, исказился, на миг стало темно и тут же посветлело: Семен еле устоял на ногах. Потому что земля под его ногами стала странно неустойчивой, колышущейся. Земля?.. Семен огляделся, предчувствуя неожиданное.

Это была не земля. Это вообще было непонятно что.

Вокруг только небо. И сверху, и по бокам — одно небо. Такое, какое бывает только в сентябре, в самом начале осени: синее, глубокое. Чистое. Пахнущее морозцем.

Над головой вместо обледеневшего диска висело ослепительно белое солнце; поодаль, на краю небосвода, другое — маленькое и не такое яркое. Все пространство над головой Семена было исчеркано темными пересекающимися полосами: небо в клеточку.

А то, на чем стоял Семен... Оно оказалось живым. Громадное, плоское, треугольное и живое: тугая шкура, сплошь покрытая черным ворсом, маслянисто поблескивала в солнечных лучах — под шкурой, в глубине, перекатывались твердые бугры мышц; существо летело, изредка лениво шевеля далекими углами-крыльями. Хотя это, конечно, были не крылья, с такими крыльями летать никто не смог бы,— но существо летело.

Невдалеке от Семена сидела группка людей, азартно играющих в кости: сухой перестук костяшек в стакане доносился даже сюда. Никто из игроков не заметил появления новых попутчиков, все были увлечены игрой.

Чуть подальше тоже были люди: кто читал газеты, поджав ноги по-турецки, кто резался в карты, кто спал. Обстановка до того напоминала поездку в пригородной электричке, что Семен усмехнулся,— для полной схожести только пьяных не

хватало. Хотя... Семен глянул в другую сторону: ближе к задней части летающего треугольника сидела обособленно от всех шумная троица с откупоренной прозрачной амфорой. Амфора была литра на три, заполненная лишь наполовину темной густой жидкостью,— судя по всему, троице уже было хорошо.

— Порядок,— сказал Семен, присаживаясь на черную поверхность,— все как у людей. Мар, где мы?

— В Безопасном Мире,— доложил медальон.— Как ты и приказал. Я, правда, не знаю, насколько он безопасен, этот мир, я здесь никогда раньше не был, но название многообещающее. Надеюсь.

— Что он сказал, твой медальон? — Хайк присел рядом с Семеном, с любопытством осмотрелся.— Общественное транспортное средство, понятно. Летающая лошадка. А почему именно сюда? Хотя какая разница...

— Мы в Безопасном Мире,— сказал Семен.— Что это за мир, кто его знает!

— А, Безопасный,— покивал Хайк,— слышал, слышал. Это куда чужим вход категорически воспрещен. Под страхом смерти. Говорят, что местные даже специальную сетку против них поставили,— Хайк ткнул пальцем вверх.— Против прыгалок. Весьма дорогое колдовство! Не каждому миру по карману.

— Да уж,— Семен мельком глянул на сетку,— впечатляющий размах. Молодцы. Значит, чужие нас здесь не достанут. Пока что. И поисковое заклинание... сколько ему там надо... ты говорил, до трех суток? Значит, есть еще время поговорить.

— Есть,— подтвердил Хайк.— Ну, давай тогда снова знакомиться, раз такое дело. Поосновательнее. Хайк, избранный,— церемонно представился Семену собеседник.— Специалист по вседисковым линиям связи. Вынужденно специалист.

— Симеон,— торжественно сказал Семен.— Вор с прикрытием. Вынужденно вор.

И они пожали друг другу руки, специалист по связи и вор с прикрытием. Вынужденные.

— Так, будем считать, что официальная часть завершена,— Хайк потер ладони.— Эх, хорошо бы за знакомство... Ну да ладно, успеется.

— Ты расскажи, как в тот сувенирный домик попал-то,— Семен прилег, лежать на черной шкуре было удобнее, чем

сидеть,— в тот, с разноцветными огоньками по стенам и зеркальными стеклами. В друидскую хатку.

— Ого! — восхитился Хайк,— ты, оказывается, не только сам дом увидел, но еще и его разрешающий символ разглядел? Огни разноцветные? Чего ж ты стенку ломал, раз ты из допущенных! Или ты не из допущенных, а из видящих?

— Неважно,— отмахнулся Семен.— Я думаю, что и из тех, и из других. Понемножку. Из допущенно-видящих.

— Что-то новенькое,— в задумчивости потер переносицу Хайк.— Впрочем, что сделано, то сделано. И спасибо тебе за это. Иначе сидел бы я в том доме до явления слимпа народу.

— Хорошее выражение,— одобрил Мар.— Надо запомнить.

— Те, кто видел разрешающий символ, могли проходить сквозь стену беспрепятственно,— Хайк вздохнул.— Туда и обратно. В отличие от меня. Например эти, как их... Допущенные к контролю. Хотя ко мне за все годы лишь один раз такой наведывался. Выяснял, есть ли какие жалобы... Ха, жалобы! Да все мое существование в те времена было одной бесконечной жалобой: после вольной жизни да в камеру! Хоть и в богатую, роскошную, но — камеру... Так, о чем это я говорил? А, о символах входа.

Те, кому проход был запрещен, видели старый гнилой склеп. И, как правило, проникнуть туда не пытались: почем зря могильники колдовскими стенами не огораживают. Может, вампиры там живут или какая другая нечисть обитает... С умом придумано, верно?

— Верно,— Семен легонько дотронулся до медальона.— Теперь понятно. Понятно, почему я пройти не смог. Кое-кому в допуске было отказано.

— И тут дискриминация,— недовольно фыркнул Мар.— Чем это я им не понравился, тем стенам? Вроде свой, колдовской.

— Избранным я стал пять лет тому назад,— Хайк лег на спину, сунул руки под голову и уставился в синее небо.— За что и почему — не знаю. Стал, и все. Это, друг Симеон, как болезнь... Скоротечная. Кто не был избранным, тот не поймет.

Я одно время травками баловался, курил пакость всякую. Есть, понимаешь, в Мирах разные интересные травы, которые довольно любопытно действуют на человека. Их по-разному можно... курить, например, можно. Или заваривать. Я — курил.

Я-то сам из богатой семьи... Между прочим, художником хотел стать, не по мне было семейным делом всю жизнь заниматься. Эх, не получилось... Семья запретила. Вот я травками и стал увлекаться... Были, конечно, у меня проблемы с родственниками из-за такого моего увлечения, были. Разногласия, а как же! Мой образ жизни их не устраивал. Понятное дело! Впрочем, я не о том.

Однажды после травки мне вдруг стало плохо. Ни с того ни с сего. В голове сплошная каша образовалась: перед глазами какие-то непонятные символы-значки как мухи снуют, в ушах незнакомые голоса вразнобой кричат, орут неразборчивое... Бросать меня начало то в жар, то в холод. Все, понял я, допрыгался. Докурился. Меня, понятное дело,— в лучшую больницу. Только лечить там не стали. Не успели. Видимо, кто-то из врачей был проинструктирован насчет таких случаев — через час в больницу приехали вежливые люди в одинаковых деловых костюмах. Вежливые люди дали мне подержать в руках какой-то шар, после чего мне стало гораздо лучше. И меня тут же увезли. Вежливо. Даже родным не сообщили.

Как после оказалось, это была специальная имперская служба. Служба по выявлению избранных. Мы, избранные, поначалу все через стадию душевной болезни проходим; болезни, конечно, разные бывают, и не только у избранных случаются, но если шар помогает, то... Вот так нас и вычисляют. А дальше... Дальше были дом и шар новостей. От меня много не требовалось — как почувствую приступ, сразу брать шар в руки. У меня, значит, тут же проходит недомогание, а Имперское Магохранилище в этот миг становится богаче на некоторое количество комплексных заклинаний. Прямая линия! Для меня— всегда свободная.

Работа, честно говоря, не пыльная, но тоскливая. Потому что никуда я из того дома выйти не мог. Нельзя, и все тут! Для моей же пользы, как мне объяснили. За последние годы много избранных пропало непонятно куда, словно на них охоту кто-то объявил. Может, и впрямь их убивать принялись, мало ли психов в Мирах... В общем, обезопасили меня. Достояние Империи как никак! Только мне, достоянию, от той безопасности ох как нерадостно стало. Хоть волком вой.

Одна отдушина у меня была — шар. Поначалу я относился к нему лишь как к обычному врачебному устройству. Которое мои приступы снимает, не более. А постепенно, от нечего делать, я его стал изучать.

Тонкая штука оказалась! Интересная. Тот, кто шар мне вручил, наверное, и не подозревал обо всех его возможностях. Хотя бы о том, что с его помощью можно было запросто влезать во вседисковые линии связи. В любые, даже самые закрытые. Где сторожевые заклинания есть. Они меня не видели, представляешь? Пропускали не раз!.. Хм, а может быть, это только у избранных получается? Да и то не у всех. Потому что я много раз пытался связаться через шар с другими, такими же, как я, но ничего у меня не вышло. Никого в линиях не нашел.

Так вот, Симеон,— Хайк перекатился на бок, лицом к Семену, задорно подмигнул ему,— именно там, в линиях, я с тобой и познакомился. Меня заинтересовала новость о необычном случае с превращением чужого в камень. Чтобы на Перекрестке так обошлись с чужим — невероятно! После, если не ошибаюсь, был взлом слимперского дома. Потом проскальзывало еще что-то, связанное с запрещенным золотом... Однако эти сообщения из доступных линий подозрительно быстро убрали. Как будто ничего и не было. Теперь мне стало совсем интересно: а почему убрали-то? Что за этим кроется? И я принялся искать по всем направлениям любые сообщения, связанные с вором Симеоном. О котором теперь ничего не говорилось в открытых линиях, но много чего сообщалось в закрытых. Особенно в полиментовском архиве. Хочешь, расскажу?

— Не хочу,— сердито ответил Семен,— времени нет ерунду всякую слушать.

— Почему же ерунду? — удивился Хайк.— Удачное вооруженное ограбление пяти крупных банков в имперских Мирах это не ерунда... Грабители во всех случаях представлялись вором Симеоном. И по приметам на тебя здорово похожи: я подробное описание в досье читал. В досье на тебя.

— Воры не грабят,— не на шутку разъярился Мар, до того спокойно слушавший рассказ Хайка,— вот же беззастенчивая брехня! Воруют воры, а не гопстопничают! Семен, нас под-

ставили!!! Ур-роды! Всех в клочья! Правилку им, гадам, устроить надо! Перо в бочину и...

— Я грабежом не занимаюсь,— надменно проговорил Семен, садясь и пряча медальон за пазуху, чтобы тот не так сильно оглушал его своими воплями,— я человек тихий, спокойный. Уравновешенный. Если что и делаю, то, как правило, без лишнего шума. Мне огласка не нужна.

— Само собой,— легко согласился Хайк,— я вскоре тоже понял, что это был не ты. Понимаешь, преступления такого масштаба... тем более хорошо организованные, удачные и за такой короткий срок... с идиотскими саморекламными заявлениями... Это все было сделано слишком показно. Слишком нарочно! Кем-то из весьма влиятельных людей. Явно для того, чтобы поставить всех полиментов на дыбы и дать твои приметы во всеимперский розыск. Но это еще не все!

— Так,— мрачно сказал Семен,— продолжай,— и вынул притихшего Мара из-за пазухи: тому тоже было полезно послушать такие новости.

— Я случайно влез в абсолютно закрытую линию,— понижая голос до шепота, сообщил Хайк.— Понимаешь — в абсолютно! Искал все о Симеоне и нашел-таки. На свою голову нашел. Прямая линия, связь между Кардиналом и Советом чужих. И тут я понял, что пропал. С такими знаниями долго не живут. И, по-моему, меня засекли — там лихое сторожевое заклинание оказалось, очень чуткое... А, не важно. Теперь — не важно.

— Не тяни,— взмолился Семен,— давай рожай. Ну!

— Кардинал и чужие уже много лет вместе ищут слимп.— Хайк сел, огляделся, близко наклонился к Семену и продолжил быстрым шепотом: — Главный во всем этом деле — Кардинал. Он сам предложил чужим сотрудничать, у них магия иная, техническая, с особыми возможностями. С такими, каких нет у Кардинала. А Кардинал за помощь платит им диковинками, найденными слимперами в их поисковых прыжках.

Представляешь, он хочет ни много ни мало, а полной переделки всего мироздания! Облагораживающей переделки, как записано у него в договоре с чужими. Соответственно его, Кардинала, личным представлениям о правильности мироустройства. Где все будут обязательно счастливы, хотят они того или нет. Все поголовно! Где не будет никаких Империй, ни-

какого насилия, никаких войн. Никаких денег, никаких преступлений, полиментов и болезней. Все будут изначально равны и возвышенно-благородны. Добрые все будут, умные. И — бессмертные.

— Кошмар,— с ужасом сказал Семен.— Не врешь?

— Чтоб меня эта тварь слопала,— Хайк с силой ударил кулаком по черной шкуре.

— А чего, а мне нравится,— пробормотал Мар.— Насчет преступлений это он зря погорячился, воровали и будут воровать, а так — ничего. Забавно,— и захихикал.

— А сам Кардинал? Он-то как вписывается в собственную модель мироздания? — Семен щелкнул по медальону ногтем, Мар ойкнул и замолчал.— Кем он себя там назначить собрался?

— Верховным следящим за порядком, незримым и всемогущим,— сурово ответил Хайк.— Богом. А чужие станут его наместниками по всем Мирам. По тем, которым он разрешит существовать.

В первую очередь будут уничтожены самые бесперспективные Миры, те, которые еще в древности перестали быть магическими... Я неверно выразился,— Хайк скривился, словно ему в рот попала муха,— не уничтожены, а полностью переделаны. Стопроцентно облагорожены. Хотя какая разница! Мой мир попадает под эту категорию, у нас своей магии нет, вся сплошь привозная, имперская. Комплексная. Медальоны по блату или через черный рынок.

— Ни фига себе,— сказал Семен. Подумал и добавил такое о Кардинале и чужих, что Хайк лишь крякнул и покачал головой, а Мар немедленно поинтересовался, относится ли описываемое действие к чужим, изначально бесполым, размножающимся насильственным делением. Про Кардинала медальон спрашивать не стал.

Семен проигнорировал вопрос.

— Что там еще у тебя в запасе имеется? — напряженным голосом спросил Семен.— Хайк, я ведь понимаю, что ты не все мне рассказал. Давай-давай, не стесняйся. Раз начал говорить, то выкладывай свою историю полностью. До конца.

— Я проследил линию до архива чужих, это несложно было — для меня несложно — и... И нашел там несколько иные намерения по практическому использованию слимпа. Разуме-

ется, без ведома и участия Кардинала. В стиле чужих, без идеалистических заскоков.

Чужие, кстати, уже давным-давно вовсю действуют в закрытых Мирах! Подминают их под себя. Слимп слимпом, а действительность — действительностью. Одно другому не мешает.

А намерения у чужих такие: полная стерилизация всех Миров, не заселенных чужими... повсеместное уничтожение магии как таковой... и напоследок — уничтожение самого слимпа. Во избежание.

— Разумно,— буркнул Семен.— Зачем технической цивилизации магия, не нужна она ей вовсе. Одно лишь беспокойство. А в просмотренных тобой линиях нигде не намекалось, что же такое слимп на самом деле?

— Намекалось,— Хайк мельком глянул на Сенин медальон: Мар от нетерпения ходил на цепочке ходуном.— То там, то тут, всего понемножку... Многие думают, что слимп — это природное чудо. Сердце магии. Стихийный источник всех заклинаний: и устных, и комплексных. И магии жестов. Но чужие считают иначе. Они предполагают, что это — специально созданный кем-то символ-ключ. Ключ к громадной колдовской силе, хранящейся в не ведомом никому тайнике. К очень древней силе, дремлющей до поры до времени. А что это за сила, я понятия не имею. Нигде об этом не было написано, но...

— Обращенная магия,— рычащим голосом сказал Мар.— Запретное золото. Полный кошель! У нас.

— ...Судя по записям в архиве чужих, они точно знают, кто имеет доступ к этой силе.— Хайк твердо посмотрел в глаза Семену.— Чужие засекли ее недавнее появление на Перекрестке. И определили конкретного носителя силы. Это ты. Они на тебя даже устроили покушение, но оно почему-то не удалось, хотя если чужие берутся за дело, то, как правило, своего добиваются. А потом ты пропал, ухитрился выйти из-под их контроля. Так что, Симеон, тебя нынче ищут и чужие, и, возможно, сам Кардинал. Порознь друг от дружки. Все ищут.

— Ищут пожарные, ищет милиция,— задумчиво сказал Семен.— Надо же! С одной стороны, озверелый идеалист с инициативой и властью... из тех, кто схватит тебя за глотку и потащит к счастью, пиная коленом под зад для ускорения...

По-моему, одно из худших преступлений — творить благо насильственно! Особенно в таких масштабах.

С другой стороны — чужие с их простенькими незатейливыми планами уничтожения и завоевания. А посередке — я.

— Мы,— поправил Семена медальон.— Ну и что? Подумаешь, Кардинал! Подумаешь, чужие! Они не всеведущие и не всесильные. Иначе давно бы нас отловили. Всесильным это раз плюнуть. Вот если бы ты был всесиль... если бы ты...— Мар поперхнулся, дернулся на цепочке.— Семен,— задыхающимся голосом прошептал медальон,— а почему бы тебе, да-да, тебе, не найти слимп? Древняя магия у нас в кармане, в кошеле то есть, способности у тебя великолепные... не воровские, но для этой цели в самый раз. Опять же — найдешь слимп, и тогда никакой Кардинал тебе не указ. И чужих можно того... к хренам собачьим. На предмет поголовной стерилизации с обязательным отрыванием тех голов.

— А у тебя-то какой интерес? — изумился Семен, поднося медальон к лицу.— Ты-то чего так завелся?

— Есть у меня интерес,— категорически заявил Мар.— Не хочу я жить в идеальном мироустройстве. Не по нутру оно мне! Скучно. Это в том случае, если Кардинал по мирозданию пройдется. А если чужие, тут и говорить нечего: каюк магии— это каюк и мне. Не хочу каюкнуться!

— А я тебя так настрою, чтобы ты не испортился,— с улыбкой сказал Семен,— я же Настройщик. Как-никак.

— Ой-ой,— ехидно засмеялся Мар.— А то я тебя не раскусил. Разобрался, не дурачок! Сказки это все про Настройщика, трепня. К сожалению.— Медальон вздохнул.— А так хотелось верить... Но кое-что ты и впрямь можешь, этого у тебя не отнять. Так какое будет твое решение?

— Дай подумать,— Семен с досадой прикусил губу.— Не торопи меня. Слимп искать — это тебе не за пивом в ларек сбегать.

— Вон оно что,— оживился Хайк,— вон вы о чем. Решили сами со слимпом разобраться? Правильно, Симеон, это единственно верное решение! Именно на него я и надеялся, иначе бы не старался встретиться с тобой.

— В каком таком смысле — старался? — недоуменно спросил Семен.— Это ведь я тебя... я с тобой встретился, а не ты со мной. Случайно.

— Хе,— сказал Хайк,— хе-хе. Шар новостей — он еще иногда и предсказывать может! Неточно и максимум на день-два вперед — но может. Вот так я и узнал, где в ближайшее время будет находиться вор Симеон. А потом дал приказ дому переместиться в Лесной Мир. Туда, где через день должен был оказаться ты: мой дом в случае опасности мог уходить в другие Миры. По аварийному режиму. Вот я кое-как и подключился через шар к этому режиму. Взял управление на себя и контролировал ситуацию до тех пор, пока ты не уничтожил дом. Не позволил ему удрать от тебя... Эх, жаль, что шар новостей тоже пропал,— закручинился Хайк,— где теперь новый раздобудешь! Не делают их нынче, утерян секрет изготовления... шаров-то всего ничего осталось. Охраняются почище имперской казны! Поди достань такой.

— Погоди-ка,— Семен, не слушая жалоб бородача, в растерянности схватился за голову,— это что ж получается, что любой кардинальский гад может меня точно так же вычислить? У кого шар найдется. А чего же они тогда поисковыми заклинаниями пользуются? Глянул в шар — и готово. Проще простого!

— Э нет,— Хайк ободряюще похлопал Семена по плечу,— таких специалистов по шарам, как я, в Империи немного. Всего двое — я и мое отражение в зеркале. Остальным просто не дана способность использовать шар в полную силу. Тем более неизбранным. Говорят, в древности были умельцы, вот те многое могли, похлеще моего, но то ведь в древности!

— Хотелось бы надеяться,— Семен успокоился, сел поудобнее.— А ты от меня чего хочешь? Раз искал, значит, на что-то надеялся. На что?

— Я, Симеон, хочу вместе с тобой отыскать слимп,— помолчав, ответил Хайк и предостерегающе поднял руку, заметив, что Семен порывается его о чем-то спросить.— Да-да, меня тоже не устраивают планы Кардинала и чужих. Разумеется. Но больше всего мне интересен даже не сам слимп... хотя нет, вру, интересен, конечно, но... я хочу разобраться, откуда на самом деле приходят комплексные заклинания.

— А разве не от слимпа? — Семен ошарашенно уставился на Хайка.— Разве не...

— В том-то все и дело,— медленно кивнул Хайк.— В том-то и дело.

— Ты не ошибаешься? — осторожно спросил Семен, хотя уже знал ответ. И этот ответ ему не нравился. Потому что вносил тоскливую неопределенность в уже сложившуюся картину реальности.

— Нет,— Хайк упрямо покачал головой.— Это было бы здорово, если бы я ошибался. Но я не ошибаюсь. Заклинания идут из ниоткуда. А такого не может быть! И я хочу понять, в чем дело.

ГЛАВА 13
Скоростной Легковооруженный Имперский Мобильный Патруль

Живой самолет медленно пошел на снижение: уши у Семена заложило, и он несколько раз сглотнул, чтобы избавиться от неприятного ощущения; воздух резко потеплел, потерял морозный привкус и стал пахнуть мокрым летним асфальтом. Пассажиры оживились, принялись собираться, суетливо перекладывая с места на место поклажу; игроки в кости закруглили свою бесконечную игру и теперь сидели, молча и неподвижно, мрачно поглядывая по сторонам; троица в хвосте спешно приканчивала амфору.

— У меня предчувствие,— неожиданно сказал Мар.— Нехорошее. То ли разборка какая должна случиться, то ли документы проверять будут. На случай проверки тебя как представить-то? Графом, бароном или еще кем? Хочешь, принцем назначу. С принцев взятки гладки: с одной стороны, и обидеть их нельзя, ограбить то есть, могут быть дипломатические осложнения, а с другой стороны, никто не удивится, что принц общественным транспортом пользуется. Инкогнито. У них, у принцев, в отличие от королей, условностей в жизни поменьше. Некоторые до старости так в принцах и ходят — денег навалом и никакой ответственности. Вот, помню, как-то в Болотном Мире познакомился мой хозяин с тамошним местным

принцем, обалдуй еще тот оказался! И на третий день знакомства попадают мой хозяин и этот принц, оба пьяные в слякоть, в кутузку за дебош, а там...

— Мар, ближе к делу.— Семен потряс головой, поковырял пальцем в ухе, левое никак не отходило, заложило напрочь.— Если серьезная опасность, так давай отсюда уберемся. Чего ждать!

— Не получится,— помолчав, признался медальон.— Нас уже каким-то колдовским захватом взяли, ощущаю я его. Ну, не нас конкретно, тебя и Хайка, а всех. Вместе с летающей лошадкой. Отсюда и предчувствия... Я, понимаешь, предупредить не успел, больно уж быстро все произошло. Только что. А пробиваться сейчас себе дороже станет, тем более вас двоих вытягивать. Вот снимут захват, тогда...

— Ладно.— Семен огляделся. Действительно, колдовство присутствовало: вокруг летающего треугольника полыхало холодное разноцветное пламя, неяркое, но заметное. Словно они летели сквозь полярное сияние: лучи смыкались где-то в вышине, у Семена над головой, вливаясь друг в друга и создавая сумасшедшее феерическое зрелище, клубок многоцветного огня.

Живой самолет мягко опустился на землю. На асфальт.

Семен привстал, с интересом огляделся по сторонам — углы-крылья расслабленно опали, распластались по асфальтовому полю, и летающий треугольник вдруг разом стал весь каким-то плоским, твердым и неживым. Но зато ничего теперь не мешало увидеть то, что находилось на самом поле.

Поле было очень большим, почти бескрайним: то там, то тут на черном, пышущем жаром асфальте лежали точно такие же бездвижные треугольники, вроде того, на котором сейчас находился Семен. Вдоль поля, ограждая его от внешнего мира, тянулась высокая стена, серая и унылая.

Само поле было вдоль и поперек расчерчено частыми серебристыми полосами, пересекающимися под самыми неожиданными углами; вокруг каждого летающего треугольника очерчен широкий белый круг, то ли посадочный, для ориентира, то ли охранный, заговоренный. Чтобы летающих лошадок не угнали.

Множество людей в темно-синей полувоенной форме (очень похожей на ту, в которой работает ОМОН, отметил Семен), взяли треугольник с пассажирами в плотное кольцо.

В руках встречающие держали не цветы — знакомые Семену самосветные трубочки оказались направлены в сторону пассажиров.

— Это не армейские,— с неудовольствием сообщил Мар.— Это полименты. Их в какую форму ни выряди, а спутать все равно ни с кем не спутаешь. Морды у них чересчур наглые. Чего это они тут...

Из оцепления вышел кто-то, явно большего чина, чем остальные полименты. Скорее всего, офицер: и форма на нем сидела куда как аккуратнее, чем на других, видимо, шилась на заказ, и держался он уверенно, властно.— Махнув рукой бойцам в оцеплении, офицер неспешно направился к пассажирам летающего треугольника. Оружия у офицера не было, и Семен внутренне понадеялся, что это просто такой местный ритуал... особая мера безопасности при рядовом таможенном досмотре. Мир-то Безопасный, вот и оправдывают название...

Остановившись метрах в десяти от черного самолета, офицер зычным голосом крикнул:

— Всем оставаться на своих местах! Банда Верзилы Кида— на выход! Руки за голову, выходить по одному. Оружие бросить там, где находитесь. И без шуток — вы у нас под контролем.— Офицер нетерпеливо мотнул головой.— Быстро, быстро!

Семен огляделся: банда? Здесь? Кто бы это мог быть?

Пассажиры повели себя точно так же, как и Семен,— все принялись торопливо оглядываться и смотреть друг на друга с крайним подозрением; особо перепуганные хватали свои пожитки и, ничего не соображая, кидались прочь, подальше от опасного места. Но, налетев на невидимые стены, тут же падали оглушенными: стены, похоже, были особые. Полиментовские.

Казалось, больше всего походила на банду развеселая троица с амфорой. Но троица, сообразив, что задержка будет долгой, уже достала откуда-то вторую, полную амфору и, не обращая внимания на поднявшийся переполох, занялась любимым делом. Нет, на банду пьяницы никак не тянули.

— Не туда смотришь.— Хайк толкнул Семена локтем в бок.— Вон они. Игроки в кости.

Семен повернул голову: игроки, пять человек, уже стояли на ногах. В руках у каждого из них тоже были светящиеся

трубки; самый высокий из игроков, он же скорее всего и главарь, Верзила Кид, держал на плече здоровенную трубу, очень похожую на гранатомет «Муха», с той лишь разницей, что гранатометы не сияют внутренним оранжевым светом. Этот — сиял. И к тому же неприятно резко тикал, как древний будильник.

— И где он его только прятал? — изумился Хайк.— Сидел на нем, что ли?

Такую трубу действительно трудно было спрятать на себе под одеждой: хотя бандиты и были одеты в долгополые черные куртки и такого же цвета широкие брюки, но ни под полой, ни тем более в штанине труба не уместилась бы. Просто не влезла.

— Эй, начальник! — зло крикнул главарь, целясь трубой в сторону офицера.— Шел бы ты отсюда вместе со своей кодлой. Мы вам ничего не сделали и не собирались делать. Отдыхаем мы! До лампочки нам весь ваш мир и все ваши дела, мы в других местах работаем. Давай разойдемся по-хорошему!

— По-хорошему будет, если вы сложите оружие и выйдете с поднятыми руками,— офицер не изменил позы, словно и не был под прицелом,— а отдых мы вам обеспечим. Продолжительный.

— Вот идиоты,— пробормотал Мар.— Полименты дубовые. Ни хрена работать не умеют! И откуда такие берутся? Надо было устроить засаду, дать ребятам выйти, а после уже их брать. Вон сколько лишнего народу вокруг! Пассажиров то есть. Я бы теперь, на месте их главаря, объявил бы всех нас заложниками.

— У меня чаккер! — угрожающе крикнул Верзила Кид.— Ты что, ослеп? Да я вас всех сейчас положу! А подстрелите меня, тоже не обрадуетесь — я у него самоликвидатор уже включил. Только кнопку отпущу, всем хана будет.

— Нам — не будет,— сквозь зубы процедил офицер.— Летун накрыт зеркальным заклинанием. Сам сдохнешь вместе со своими дружками.

— А тебе что, и этих не жалко? — Верзила Кид ткнул свободной рукой куда-то себе за спину.— Людишек-то посторонних не жалко? Тоже ведь сгорят.

— Плевать,— офицер сложил руки на груди, качнулся с носка на пятку,— у нас Безопасный Мир. Местные жители все в Архив записаны. А до чужаков мне дела нет.

— Вон оно что,— разочарованно протянул главарь.— Жаль. Значит, заложников из них не получится... Начальник, а что делать тогда будем? Я же про зеркальное заклинание все знаю: вы в меня тоже стрелять не можете, пока оно действует.

— Не можем,— согласился офицер.— Ну и что? Подождем, пока вам самим не надоест там сидеть. У нас времени хоть отбавляй. Хочешь — выходи, хочешь — отпускай кнопку. Мне без разницы.

— Надо что-то делать,— тихо сказал Семен то ли Мару, то ли Хайку,— патовая ситуация. Сейчас у этого верзилы нервы не выдержат, и...

Семен не договорил: нервы все-таки не выдержали. Но не у Верзилы Кида, а у одного из пассажиров, которого Семен раньше не заметил, уж больно тот был невзрачный. Серый какой-то был, неприметный. С диким воплем вскочив на ноги, невзрачный пассажир кинулся мимо главаря и, не добежав до завесы разноцветного пламени, рухнул на колени.

— Спасите меня! — истерично завопил пассажир, протягивая руки к офицеру.— Я из другого мира! Я случайно здесь! Не записан я в вашем Архиве! Я вам всем заплачу, золотом заплачу! Много! Хоть все берите, только спасите меня!

Верзила Кид неожиданно быстро, в два прыжка, подскочил к перепуганному пассажиру сзади и наотмашь ударил его по затылку своей оранжевой трубой: грозный чаккер от удара рассыпался облаком ярких искр, впрочем, тут же погасших; пассажир ткнулся лицом в черную поверхность летуна и затих.

Спутники Кида, пряча самосветные трубки в рукава и на ходу выдергивая из карманов наручники, бросились к лежащему — через пять секунд несчастный пассажир был скован по рукам и ногам.

— Давай, снимай зеркало,— тот, кого звали Верзилой Кидом, помахал офицеру рукой,— дело сделано.

В тот же миг Семен заметил, что сияние вокруг летуна померкло и исчезло.

— С ума сойти можно,— только и сказал Мар.— Что здесь происходит? Цирк какой-то, ей-ей. Кордебалет.

Семен глянул на Хайка, тот пожал плечами. Сам, мол, ничего не понимаю.

— Внимание! — Офицер-полимент подошел вплотную к летуну, ловко вспрыгнул на него.— Приносим всем свои извинения. Была проведена секретная операция по выявлению и задержанию особо опасного преступника. К сожалению, поступить иначе у нас не было никакой возможности: было лишь известно, что он не из нашего мира и находится именно на этом летуне. Пострадавшим,— офицер кивнул в сторону лежащих без сознания,— окажут обязательную медицинскую помощь, после чего им немедленно выплатят денежную компенсацию за причиненное беспокойство. У всех остальных будет произведена обычная проверка документов. Вопросы?

Вопросов ни у кого не имелось. Пассажиры молча вставали, подбирали свои пожитки и гуськом направлялись к поданному трапу. У Семена создалось впечатление, что происшедшее их вовсе не удивило. Испугало, да, но не удивило.

Мимо Семена, покачиваясь и опираясь друг на друга, проковыляла пьяная троица; на спине у одного из них висел объемистый заплечный мешок. Из мешка доносилось стеклянное позвякивание.

— Ж-жаль,— невнятно бормотал тот, который был с мешком,— надо было и мне... ик... чтобы халявную компенсацию п-получить. Выпили бы... Кто ж знал, что они... ик... деньги даром раздают.

— Да ну их,— равнодушно ответил другой, потрезвее, заботливо поддерживая не столько своего спутника, сколько его мешок,— тебя и так только вчера воскресили. Мы же твой день рождения отмечаем, забыл, что ли? А если бы ты опять вдруг помер? Глушилка, она, зараза, штука коварная, пьяных не любит...

— И то верно,— сразу согласился мешочник,— в-выжрали бы все мое вино без меня. Пока я... ик... по новой воскресал бы.— Троица, обнявшись, враскачку пошла вниз по трапу, брякая на каждом шагу пустыми амфорами в мешке.

— Наша очередь.— Семен встал, отряхнул брюки.— Мар, слушай меня, хоть стены уже и сняли, но переноситься куда-то отсюда, тем более на глазах у толпы полиментов, думаю, не стоит. Не надо привлекать к себе лишнего внимания. Сделаем

вот что: пройдем проверку, как и все. Но если возникнут какие-либо осложнения, тогда конечно. Тогда действуй! Кстати, кто я нынче?

— Как и договорились, ты — принц,— затараторил медальон.— Из Чумного Мира. Младший сын одного из местных королей... захудалое такое королевство, мелкое... младшие — они вообще никого не интересуют, даже заговорщиков. А будут спрашивать — я подскажу, что ответить.

— Хайк, у тебя с документами все в порядке? — Семен подмигнул избранному.— Жетон есть?

— А как же,— Хайк вытянул из-за пазухи цепочку со стальным блестящим медальоном на ней, очень похожим на Мара, только чуть поменьше размером,— все свое ношу с собой. Пошли?

— Пошли,— Семен направился к трапу.

Офицер стоял в сторонке, недалеко от трапа, о чем-то оживленно беседуя с бывшим главарем банды. Проверкой занимались рядовые: предъявленные к осмотру медальоны изучались самым тщательным образом при помощи занятного устройства, очень похожего на ручной сканер, каким в земных магазинах проверяют ценники на покупках. Только вместо считывающего устройства на серебряную рукоять был насажан большой человеческий глаз. Но не живой, настоящий, а вырезанный из рубина — красный, с широко распахнутыми рельефными веками. Однако и не мертвый: Семен успел заметить, что темный зрачок рубинового глаза слегка сокращается, когда в него попадают прямые солнечные лучи.

Семен, не снимая Мара с шеи и держа медальон на ладони, подставил его под рубиновое око. Еле видимый багровый лучик скользнул по поверхности медальона; Семен осторожно скосил глаза на ладонь — Мар вдруг покрылся тусклой золотистой пленкой, усеянной россыпью мелких точек и тире: значки шли плотной спиралью, от внешнего края медальона к его центру. Считывающий луч отразился от пленки; на текстовом экранчике с обратной стороны глаза-сканера высветилась какая-то надпись, от которой проверяющий полимент, похоже, пришел в замешательство.

— Минутку,— сказал боец и, трусцой подбежав к офицеру, что-то негромко доложил ему. Офицер заинтересованно глянул на Семена, забрал у проверяющего сканер и самолично про-

верил медальон-документ. Отчего показания на экранчике ничуть не изменились — Мар хорошо знал свое дело.

— Ваше высочество,— казенным голосом сказал офицер, глядя куда-то мимо Семена,— я официально приношу вам свои извинения за случившийся инцидент, и...

— Полно, уважаемый,— снисходительно прервал его Семен,— какие могут быть извинения! Дело есть дело. Мне даже доставило удовольствие смотреть на вашу работу... я никогда раньше не видел такого,— тут он не покривил душой, такого он и впрямь раньше никогда не видел,— э-э... скажите, любезнейший, дозволено ли мне будет задать вам пару вопросов? Так сказать, личного плана. Удовлетворить собственное любопытство.

— Извольте,— с облегчением сказал офицер, невольно подстраиваясь под манеру разговора своего вельможного собеседника,— слушаю вас.

— А кто был тот человек, которого ваши люди арестовали столь необычным способом? — великосветски улыбаясь, Семен внутренне напрягся в ожидании ответа. Не хотелось услышать что-то вроде: «Да вот, вора Симеона по ориентировке повязали, теперь он у нас попляшет...»

— Вора взяли,— нехотя ответил офицер,— казнокрада. Собирался отсидеться в нашем мире, пока его по всей Империи искать не перестанут. Ошибся, дурень. Не там отсиживаться решил. Законов наших не знал, вот потому и влип! С воровством у нас строго, очень строго. Гораздо строже, чем даже за убийство... Убийство — что? Оживили и пошел, не велика беда... А воровство наказывается по всей строгости закона. Не любят у нас воров! Не жалуют.

— Вот как,— очень натурально восхитился Семен,— похвально. Значит, не жалуете воров...

— Ты у него про чаккер спроси,— подал голос Мар.— Что это за бандура такая, я о ней слыхом не слыхивал. Интересно!

— И последний вопрос,— спохватился Семен.— Ваш грозный чаккер... м-м... это что за оружие? В моих арсеналах такого нет. По-видимому, совершенно новый вид вооружения. Надеюсь, оно не секретное? Любопытно было бы узнать производителя. Во всяком случае, в моей гвардии такое пригодилось бы!

— Гастор, подойди-ка сюда,— офицер повернулся в сторону бывшего Верзилы Кида,— тут принц твоим чаккером интересуется, откуда у тебя такое грозное оружие,— и чему-то усмехнулся.

Гастор подошел, коротко кивнул принцу со своей высоты, словно в лоб собрался его поцеловать, и без лишних церемоний сообщил:

— Собственно, никакого оружия и не было. Так, экспромт. Мираж, магическая зарисовка. Надо же было предъявить что-то сверхубойное, грозное... Хорошо получилось, правда? Черная труба, тиканье... Впечатляет, по-моему.

Семен вспомнил ярко-оранжевый, вовсе не черный ствол— магия, понятно! — и согласно покачал головой:

— Весьма и весьма впечатляет! Даже я почувствовал себя несколько неуютно.

— А чаккер...— Гастор смутился.— Кота моего Чакки зовут, вот и ляпнул от волнения. Но ничего, сошло.

— Жаль,— искренне огорчился Семен,— очень мне хотелось бы свою охрану такой игрушкой оснастить. На всякий случай. Кстати,— Семен плавно повел рукой в сторону Хайка, терпеливо ждавшего своей очереди за спиной Семена Владимировича,— это мой предсказатель. Ясновидящий, стало быть. Зачем его проверять, я лично за него ручаюсь! Вот, и шар его при мне,— Семен похлопал рукой по сумке.— Предъявить?

— Только личные документы,— жестко ответил офицер.— Шар не надо,— и шагнул к Хайку, безропотно протянувшему ему свой жетон.

Офицер скользнул сканером по кругляшу, глянул на экранчик, потом как-то странно посмотрел на Семена. Отступив на шаг от Хайка и пряча рубиновый глаз в специальную кобуру на поясе, офицер вежливо сказал:

— Думаю, ваше высочество, что если у вас даже ясновидящие такие,— он выделил голосом слово,— то вашей гвардии никакие чаккеры не нужны,— коротко отдал честь, коснувшись пальцами фуражки, и отошел в сторону, пропуская принца и предсказателя мимо себя.

Семен молча зашагал в ту сторону, куда раньше ушли все остальные пассажиры летуна,— к небольшому кирпичному до-

мику, встроенному в серую стену наподобие заводской проходной. Хайк догнал Семена и пристроился рядом.

Отойдя на приличное расстояние от оцепления, Семен не выдержал:

— Хайк, кто ты такой? — он смерил бородача подозрительным взглядом.— Как понимать заявление того полимента? Это в каком таком смысле: «если у вас даже ясновидящие такие»?

— Да все как-то к слову не приходилось,— Хайк отвел взгляд в сторону,— то да се, понимаешь ли...

— Полимент он,— уверенно заявил Мар.— Из спецподразделения. Несомненно. Ух, рожа продувная! А врал-то, врал, что художник... Как ты там когда-то говорил, что рыбак рыбака чует издалека? Во, дочуялись. Давай его прикончим, а? Зайдем в домик и прикончим. На фиг нам полимент в друзьях нужен! Даже и избранный.

— Помолчи,— Семен зажал медальон в кулаке.— Хайк, давай-ка выкладывай все начистоту. А то тут всякие мнения есть,— Семен не стал уточнять, какие.

— Ох, как мне не хотелось бы,— поморщился Хайк.— Но что поделать, раз ты так этого требуешь. Видишь ли, моя семья... клан, вернее... он специализируется на особого вида работах. Связанных с некоторыми опасностями и риском. И потому все мы с детства проходим особый курс обучения... боевого обучения.

— Можно поконкретнее? — Семен остановился, раздраженно поправил сумку на плече.— Вот не люблю я этого, вокруг да около! Говори прямо.

— Я из клана наемных воинов,— обреченно сказал Хайк.— Мастер по многопрофильному бою, если поконкретнее. Основная специализация — телохранитель.

— Клан наемных воинов, тэк-тэк,— озабоченно пробормотал Мар.— Как же, слыхал. Спроси его, он, случаем, не из Черепашьего Мира?

— Черепаший Мир? — Семен легонько ткнул пальцем в грудь Хайка.

— Черепаший,— грустно согласился Хайк,— клан Болотной Черепахи. Двенадцатый уровень обучения. Отлучен от про-

фессии за неустойчивость... за то, что художником хотел стать. За травки.

— М-да, кончишь такого, как же,— резонно заметил Мар.— Он небось и от магии обучен обороняться... Двенадцатый уровень из четырнадцати! Это я, однако, погорячился. Однако беру свои слова назад. Он бы нас самих в лепешку раскатал чуть что... Черепахи, они такие.

— Ладно уж,— Семен улыбнулся, видя непонятное смущение Хайка,— надо было сразу сказать, а то темнил, темнил. Чего тут такого?! Наемный телохранитель, работа хорошая, нужная.— И направился к домику.

— Симеон.— Хайк поравнялся с Семеном, не глядя ему в лицо, продолжил: — Пойми меня правильно... Я ведь сейчас никто! Применять свое умение мне запрещено уставом, если я не нанят на работу. Пусть я и отлученный, пусть. Но устав никто не отменял! И на работу меня с такой меткой никогда не возьмут, я обязан предупредить работодателя о своем отлучении... Не хотелось зря трепаться. Я — избранный, и этого с меня достаточно. Можешь не сомневаться — я доволен своей судьбой.

— Что-то ты не очень весело это сказал.— Семен открыл дверь и зашел в домик.— Что доволен своей судьбой.

— Как сказал, так и сказал,— вздохнул Хайк, заходя в дом следом за Семеном.

Домик изнутри был абсолютно пуст. Голые цементированные стены, скамейки вдоль стен, чисто выметенный каменный пол, несколько высоких то ли дверей, то ли окон, наглухо задраенных толстыми цельнолитыми стеклами, и — никого! Ни одного человека. Словно все пассажиры летуна испарились, едва вошли в дом: второго выхода не было.

— Куда народ подевался? — Семен растерянно обвел взглядом помещение.— Знаешь, очень похоже на зал ожидания. Только чего тут можно ожидать? Непонятно.— Семен присел на скамейку, похлопал возле себя рукой.— Хайк, присаживайся. Так, говоришь, тебя никто на работу не возьмет с таким волчьим билетом?

— Не возьмет.— Хайк сел, понуро уставился в пол.— Отлучение — это серьезно. Это — навсегда. Правда, если бы кто

меня все же нанял, тогда... Тогда был бы шанс на пересмотр моего дела.

— Мар, нам нужен телохранитель? — деловито поинтересовался Семен.— Твое мнение?

— На хрен он нам сдался? — сердито ответил медальон.— Зачем тебе второй защитник? Хочет путешествовать с нами — на здоровье, пускай. Конечно, не нужен!

— Я рад слышать, что ты такого же мнения, как и я,— согласно покивал Семен.— Хайк, мы тут посовещались и решили нанять тебя на работу.

— Что?! — в один голос воскликнули Мар и Хайк.

— Большую оплату не гарантирую,— продолжил Семен, не слушая возмущенного верещания медальона,— но зато у тебя появится шанс, как ты и говорил. Да и мне будет веселее... Кстати, ты можешь научить меня драться на мечах? — Семен повернулся к Хайку.

— Ах вон оно что,— сразу успокоился Мар,— хе-хе, хитрец какой! Профессионального учителя себе решил за недорого нанять. Так бы сразу и сказал. А то телохранитель, телохранитель...— и, пробурчав что-то совсем уже невнятное, умолк.

— Во-первых, я не собираюсь использовать тебя как своего телохранителя или наемного учителя,— ровным голосом продолжил Семен, словно он и не слышал сказанных Маром слов.— А во-вторых, просто хочу освободить тебя от запрета на использование своего умения. Мы заключим договор, а после ты волен идти куда захочешь, если вдруг передумаешь быть со мной.

— Ты это серьезно? — Хайк смотрел на Семена во все глаза.— Насчет работы? Но у меня нет рекомендаций! Я — отлученный! Ты понимаешь, какую ответственность берешь на себя?

— Вполне серьезно.— Семен пожал плечами.— У меня, между прочим, тоже нет рекомендаций, ну и что с того? И плевать мне на то, что тебя отлучили. Какое мне до этого дело! Короче, тебе что нужно — работа или сочувствие?

— Работа.— Хайк встал.— Я согласен. Но прежде чем наш договор вступит в силу, надо сказать ритуальную фразу и сделать хотя бы символическую оплату. Назови себя, скажи, что ты берешь меня к себе на работу и заплати мне монету, не важно какую. Хоть медную.

— Что ж,— Семен поднялся с лавки.— Я, вор Симеон, беру тебя на работу. По специальности.— Семен побренчал золотом в сумке, выудил оттуда монетку и протянул ее Хайку — тот взял золотой, церемонно положил его в карман. И... ничего не случилось. Не грянул гром, не сверкнула молния. Даже ветерком не потянуло. Хотя Семен ожидал какого-нибудь проявления того, что договор вступил в силу. Какого-нибудь знамения.

— А как я узнаю, что ты у меня на службе? — поинтересовался Семен.— Что договор заключен? Как-то и где-то оно ведь должно быть отмечено! Я так думаю.

Хайк молча достал из-за пазухи свой медальон, показал его Семену: кругляш теперь странным образом изменился, став не блестящим, стальным, каким он был прежде, а дымчато-золотистым, полупрозрачным. Словно отлитым из особого декоративного стекла.

Хайк подбросил медальон на ладони, поймал его и подмигнул Семену:

— Вот такие дела.

— Круто,— кислым голосом одобрил увиденное Мар.— Весьма круто. Вор с прикрытием, с личным защитным медальоном... и с одним из лучших в Мирах телохранителем. Который к тому же избранный. Ты ему еще шар предсказаний выдай, ага, тогда полный комплект будет. Ну вообще.— И удрученно закряхтел. Семен с удивлением понял, что Мар ревнует. Это было неожиданно.

— Ах да! — Семен хлопнул себя по лбу.— Действительно! Хайк, смотри, что у меня есть для тебя.— И вынул из сумки невесомый шар.

Хайк осторожно взял у него из рук сферу предсказаний, покатал ее в ладонях.

— Честно говоря, я думал, что ты блефуешь, когда обещал полиментам показать шар предсказаний,— глухо сказал бородач, вглядываясь в бирюзовую глубину сферы.— Древняя вещь. Сильная. Откуда такое чудо?

— Цыганка-гадалка подарила,— усмехнулся Семен, вспомнив музейные коридоры Искристого Мира.— Бери, пользуйся. Раз мы вместе... а мы вместе? (Хайк кивнул.) Тогда тебе и шар в руки. Будешь нас информацией снабжать.

— Какой? — Хайк посмотрел на Семена затуманенным взглядом.

— Разной,— пожал плечами Семен.— По необходимости. Так,— Семен огляделся.— Что-то мы здесь засиделись. Ничего не происходит, никто не появляется... Зря только время теряем. Мар, давай-ка двинем отсюда... Мар! — Медальон не отзывался.— Минутку,— Семен оставил Хайка на скамье, погруженного в созерцание шара: было похоже, что черепаховый боец впал в транс — он уже ничего не слышал и не видел. Его сейчас можно было брать голыми руками, несмотря на двенадцатый уровень обучения.

Семен подошел к двери-окну, глянул наружу: за окном был лес. Серьезный вековой лес, сырой, мрачный, с тропинкой, тянущейся прямо от стеклянной двери. Лес, которого просто не могло быть возле аэропорта! Семен заинтересованно подошел к другому окну.

За этой дверью-окном был город. Семен смотрел на него, словно этажа с третьего: по тротуару неспешно шли прохожие; на проезжей части машин видно не было, но создавалось впечатление, что какое-то движение там все же происходит — воздух над дорогой струился и переливался, в нем мелькали еле видимые, размазанные скоростью тени.

Серые дома уходили этажами ввысь — как Семен ни старался разглядеть, где же у них, в конце концов, последний, верхний этаж, ему это не удалось. И, несмотря на такую монументальную архитектуру, на улице было светло. Что там светло! Ярко, как на пляже, хоть бери и загорай... Чего-чего, а света здесь хватало: в небе сияло два солнца!

— А кирпичный домик-то с секретом, оказывается,— сказал сам себе Семен,— вот тебе и зал ожидания! Ладно, попозже разберемся. Мар, ты почему не отвечаешь?

Медальон упорно молчал.

— Слушай, ну не будь ты как ревнивая любовница! — с досадой воскликнул Семен.— Посоображай хоть немного! Мы решили взяться за серьезное дело. За очень серьезное! И в одиночку мне его никак не потянуть. Считай, что я решил набрать команду из тех, кто может мне помочь. Из специалистов-профессионалов. Хватит все одному да одному! Тем более припомни, если ты забыл, что у Кардинала уже есть

свой отряд... там ребята тоже не промах... отряд, с которым мы запросто можем встретиться во время поисков слимпа. Конкуренты! Что тогда делать? В одиночку с ними не подерешься, удирать только. Да и то, если будет возможность. Ну не могу я размножиться, чтобы нас стало много, тебя и меня!

— Интересная мысль,— сказал Мар бодрым голосом, как будто ничего и не было, как будто не молчал он только что, обиженный и раздосадованный, а продолжал давно начатый разговор.— Кардинал-то смог! Вот бы узнать, как. Может, он вроде чужих, делением себя умножает?

— Так то ж Кардинал,— Семен невольно улыбнулся, представив себе натужно делящегося Кардинала.— Он случай особый. Значит, ты согласен с тем, что я тебе сказал?

— Согласен,— недовольно ответил медальон.— Но ведь не по правилам это! Вор с прикрытием работает только в одиночку, сам на себя. Так всегда было!

— Меняются времена, как говорил мэр Клавдис,— многозначительно заметил Семен,— да и вообще, гуртом и батьку бить сподручней.

— Какого батьку? — насторожился Мар.— А, это пословица! Понятно. Ладно, гуртом так гуртом, раз так надо. Но, чур, уговор — отыщем слимп, переделаем Вселенную, бошки всем чужим пооткручиваем, а после — ни-ни! Никаких команд. Воровать только в одиночку. Тайком.

Семен лишь открыл и закрыл рот — сказать ему было нечего.

— Я вот тут осмотрелся, пока вы в шарик пялились,— продолжал беспечно болтать Мар, не обращая внимания на состояние хозяина,— и понял, что здесь какая-то техническая волшба имеется. Что-то связанное с перемещением. Вон какие-то ручки да кнопки рядом с дверями понатыканы... Ты небось и не заметил, не до того со всякими прогрессивными идеями было! Оно, конечно, можно разобраться, что к чему, но не вижу смысла. Давай я тебя по-простому, по старинке. Вместе с Хайком. Ты шарик-то у него забери, совсем мужик остекленел! Одуреет от таких гляде...

И тут Семен не выдержал. Он расхохотался так, что Мар умолк на полуслове. Дождавшись, пока Семен отсмеется, медальон вежливо поинтересовался:

— И чего это я такого смешного сказал?

— Да так,— Семен утер слезы,— уж сказал так сказал. Коротко, но по существу. Хайк! — Семен направился к приятелю.— Отбываем! Давай сферу, в сумку положу,— Семен вынул шар из ладоней Хайка. Тот вздрогнул и, словно проснувшись, огляделся по сторонам.

— Этому шару цены нет,— сказал Хайк, вставая со скамейки и потягиваясь,— куда до него нынешним! Я думал, что у меня в доме был хороший шар новостей... барахло он был, оказывается. А этот — о! Этот любому другому шару сто очков вперед даст.

Хорошая новость, Симеон! Я специально заглянул в полицейский архив — чего зря просто так по линиям шастать, без дела,— и убрал оттуда все упоминания о тебе. И для поискового заклинания ответ подготовил, там же в полицейском архиве его спрятал. Теперь на любой запрос о воре Симеоне всегда будет выдаваться один и тот же ответ: тебя в этом мире не было и нет. Так что Безопасный Мир для тебя нынче стал и впрямь безопасным! На некоторое время. Пока подлог не обнаружат.

— Вот видишь,— сказал Семен, подбрасывая медальон на ладони,— убедился, что гуртом сподручнее?

— А я что, возражаю? — хмыкнул Мар.— Раз решили, значит, решили. Я не против, чего уж там. Тем более поисковому заклинанию первоклассную дурочку втулили... Хм, неплохо.— И, посчитав разговор оконченным, медальон умолк.

ГЛАВА 14
Сеанс Локального Использования Малоизученных Процессов

Похоже, работа аэропорта возобновилась: в зал ожидания, как его окрестил Семен, внезапно повалил народ. Люди по очереди подходили к цельнолитым дверям-окнам, быстро набирали на кнопках какие-то известные им коды и, дождавшись, когда предыдущий пейзаж за дверным стеклом сменится на новый, попросту толкали подвижную дверь и уходили в выбранное ими место. Двери, наверное, работали лишь в одну

сторону — за все это время Семен ни разу не заметил, чтобы хоть кто-нибудь вошел через них в зал.

Пристроившись в хвост очереди, Семен поманил Хайка рукой.

— Будем как все,— шепнул он одними губами на ухо бородачу.— Куда вынесет, туда и вынесет. Пойдем наудачу.

— Лучше всего, если бы удача вынесла нас к гостинице и ресторану,— тоже шепотом ответил Хайк.— Есть хочется. Да и вечереет уже.

— Нет, ну никак не могут они без приключений,— ехидно заметил Мар, у которого был отменный слух.— Ну-ну. Надоест блуждать наугад, скажете.

Семен промолчал.

Очередь двигалась быстро, у выхода никто долго не задерживался: через минуту Семен оказался у самой двери. Недолго думая — а чего там думать! — Семен набрал первую пришедшую на ум комбинацию цифр, экспериментировать так экспериментировать. Комбинация была оригинальная до невозможности: цифры шли подряд от единицы до восьмерки через проставленные наугад пробелы.

За стеклом образовался идиллический пейзаж: спокойное озеро, отблескивающее вечерними солнцами, кусты и деревья вокруг озера, каменистый пляжик, едва покрытый песком и начинающийся прямо от двери.

— Нам сюда,— Семен толкнул дверь.

Воздух за дверью был теплый, крепко пах мокрой травой, незнакомыми цветами и свежей рыбой. Семен прошел немного по пляжу, оглянулся: Хайк с улыбкой до ушей топал следом, глядя только на озеро. Переходной двери, разумеется, позади уже не было.

— Рыбалка,— счастливым голосом сказал Хайк, подойдя к озеру и уставясь в водную гладь.— Раки! Вон, по дну ползают. Ведро бы...

— Здесь и переночуем,— решил Семен.— Что нам гостиница! На природе, с костром — вот ночлег настоящих путешественников. Мар, ты можешь организовать ведро? И пару удочек заодно. И ужин с пивом. Непременно с пивом! А пива побольше, раков варить будем. Да, сообрази-ка еще нам укроп и соль, расстарайся, хорошо?

— Пиво светлое или темное? Холодное или вовсе ледяное? — заботливо поинтересовался медальон.— А может, заодно музыку какую закажете? Для увеселения. Трио балалаечников, к примеру, или симфонический оркестр с арфой. Балет не желаете?

— При чем здесь балет? — оторопел Семен.— Пиво, укроп и ведро с удочками. Без балета. Зачем он нам! Вовсе ни к чему.

— А ты запаковал в меня то ведро и удочки, а? — Мар довольно хохотнул, шутка удалась.— И пиво. Нету у меня таких запасов! Конкретно удочек, ведер и пива. Могу лишь предложить многовариантное пищевое заклинание, которое я взял из кардинальского медальона.

— Не потравимся? — озаботился Семен.— Кардинальское как-никак.

— Можешь не сомневаться,— гордо ответил медальон.— Я все новые заклинания сразу же на вредность и опасность проверяю, еще при получении. У меня никто никогда не травился!

— Тогда зачитай варианты,— Семен сел на теплый песок, превратил брюки в шорты, заодно убрал обувь, сунул ноги в воду и зажмурился от удовольствия.— Весь список, пожалуйста.

Мар откашлялся и принялся зачитывать меню торопливым речитативом, словно арию-монолог из оперы исполнял. Семен слушал его вполуха, на ужин мог сгодиться любой из перечисленных вариантов, лишь бы съедобно было.

Хайк сбросил свою джинсовку и сандалии, остался в одних трусах-плавках и немедленно принялся ловить раков, используя вместо мешка свою куртку. Семен смотрел в темнеющее небо, где осталось только одно маленькое солнце, да и оно уверенно катилось к горизонту, проныривая сквозь крупные ячейки магической небесной сетки. Вечерело.

— Вариант номер девятнадцать,— напевно сказал Мар и вдруг запнулся, словно наткнулся на нечто непроизносимое.

— Что там? — Семен зевнул.

— Пивной стол с севрюжьей ухой в походном котле, острыми рыбными закусками и разнообразными специями,— растерянно сообщил медальон.— Рекомендован для дружеских встреч в минуты отдыха на лоне природы. Так в сноске написано.

— Вот на девятнадцатом и остановимся,— решил Семен.— Закуски и специи давай в одном экземпляре, котел пусть будет без ухи, обойдемся, а вот все пивное — в двух... нет, в четырех экземплярах. Гулять так гулять!

...Ужин удался на славу. Кроме холодного пива в глиняных кувшинах и закусок, разложенных по одноразовым тарелочкам, в комплексный пивной стол также входила свежая зелень и соль в большой солонке: Семен повыдергивал из зелени весь укроп и сунул его в котел, туда же ссыпал соль; воду в котелке вскипятили без костра — спичек не было, так что пришлось воспользоваться одним из боевых заклинаний, огнеметным,— и вскоре раки были готовы. Хайк не очень налегал на пиво, а вот Семен отвязался на полную катушку, хотя буквально недавно дал себе зарок не пить. Но пиво — не медовая, решил он, тем более вон его сколько, не выливать же!

Выливать ничего не пришлось.

Когда ужин закончился, Семен еле вытребовал у Мара пару обычных лежанок с матрасами и одеялами: медальон все порывался всучить двуспальную княжескую кровать с балдахином, невесть как затесавшуюся в его комплект походных заклинаний. Двуспальную кровать Семен отверг с негодованием, сказав, что это пижонство, спать на берегу в кровати, тем более двуспальной, и вообще, за кого он, Мар, его принимает? Два мужика в одной кровати, это, знаешь ли... После чего появились лежанки.

Уже засыпая, Семен случайно глянул в чистое ночное небо, усыпанное незнакомыми созвездиями, и ему то ли показалось, то ли приснилось, что пара ярких звезд ведет себя крайне странно — звезды медленно двигались по кругу, за фиолетовой небесной защитой. За сеткой от чужих.

— Спутники-шпионы,— зевая пробормотал Семен.— Эх, ракеты на вас нету,— и уснул. И, разумеется, не видел, как один из спутников-шпионов внезапно нырнул вниз, к сетке,— в небе полыхнула зарница, одной подвижной звездой на небе стало меньше, но в разрыв магической сети, пока она не успела затянуться, проскользнула вторая звезда и плавно ушла к горизонту. Ничего этого ни Семен, ни Хайк не видели. Только Мар рассудительно заметил:

— К дождю, видать, полыхает. Предлагал же с балдахином, так нет, не захотел. Пусть теперь мокнет, пусть! Главное, что у меня совесть чиста,— и тихонько захихикал, предвкушая грозу и ливень. Но грозы ночью так и не случилось.

Семен проснулся рано, когда еще только светало. Вылез из-под одеяла, решил в кустах утренние проблемы и, потягиваясь, пошел умываться. Вода в озере оказалась настолько теплой, что умывание быстро перешло в купание — Семен плескался от души, распевая во все горло матерные частушки: в надозерной туманной тишине частушки звучали мягко и лирично. Наоравшись и накупавшись, Семен вылез из воды и сел обсохнуть.

Разбуженные первым, большим солнцем, в ветвях деревьев загомонили птицы; туман над озером рассеялся, и оно явилось во всем своем круглом великолепии. Наступило утро.

— Интер-ресные у тебя песни,— восхищенно сказал Мар,— необычные. Я таких раньше не слышал, к сожалению. Особенно мне понравилась песенка о группе молодых половозрелых особей женского пола, нашедших в естественном водоеме резиновый фаллоимитатор. Которые в учебное заведение не пошли. Оригинальная концепция! Неожиданная.

— Ну ты даешь,— развел руками Семен.— Сам ты оригинальная концепция! Вон как частушку расписал, хоть в газете печатай, в разделе «Новости культуры». Ты чего с утра такой интеллигентный, недоспал, что ли? Или приболел?

— Развлекаюсь я,— скромно ответил Мар.— Культур-мультур тренирую. У меня один из прежних хозяев учителем изящной словесности был, до того как на большую дорогу вышел... к чему бы это он мне ни с того ни с сего вспомнился?.. Вот тот, гад, умел витиевато изъясняться! Даже на работе никогда не ругался и впрямую никому не угрожал. Не хамил. Скажет лишь, бывало, крайне вежливо: «Не соизволит ли ваша милость одарить меня своей высочайшей благосклонностью в виде всей наличной собственности, коя имеется при себе, иначе я буду вынужден пресечь нить жизни вашей пресветлой милости этим скромным мясницким топором» — и все, дело сделано. Одарен. Правда, он все равно после... э-э... пресекал нить. Как правило. Не любил оставлять свидетелей, сволочь... Ненавижу убийц-садистов,— помолчав, ледяным тоном добавил Мар.— Я покро-

витель воров, а не душегубов... Сдал я его. Полиментам и сдал: не прикрыл вовремя невидимостью. Единственный раз предал хозяина! Но он того заслужил.

— А после? — Семен даже присвистнул от неожиданности.— Ты-то как после? Полименты и воровской медальон... Неожиданный поворот!

— Думаешь, среди полиментов нет воров? — рассмеялся Мар.— Я почти полгода пролежал на складе вещественных доказательств, а потом меня там одна дамочка обнаружила. Из офицерского состава. Умная оказалась, стерва, подкованная в истории... сумела разобраться, что к чему. И лет пять мы с ней удачно работали, совмещали службу и воровское ремесло, и еще бы погуляли, но... Любовь! — Медальон саркастически захохотал.— Подарила меня в знак великой любви одному заезжему гастролеру, и невдомек ей было, что гастролер специально за медальоном приехал... все они, бабы, на великой любви сдвинутые! Вот так.— Мар издал звук, словно презрительно цыкнул сквозь зубы.

— Поучительная история.— Семен встал, отряхнулся от песка, натянул комбинезон.— Можешь не волноваться, я тебя никому дарить не собираюсь. И в великую любовь, знаешь, не очень-то верю!

— Это ты зря,— оживился Мар.— Помню, приключилась однажды с одним из моих хозяев великая любовь. Можно сказать, трагическая! Купил он как-то себе молодую овцу на рынке, шашлык надумал делать, а та оказалась заколдованной девицей, причем без возможности обратного превращения. Вот он ее в овечьем виде и...

— Тьфу на тебя,— беззлобно сказал Семен и пошел будить Хайка под радостный гогот медальона.

А во время завтрака — вариант номер девяносто пять, кофе с лимоном, гренки и сливочное масло — Семена вдруг неожиданно осенило. Да так, что он кофе поперхнулся. Семен резко поставил недопитую кружку на траву и, откашлявшись, сказал:

— Мар, Хайк, мне только что такая мысль в голову пришла, такая, что я сам поразился. Наверное, от кофе озарило... Я вот что подумал: а давайте-ка я попробую самостоятельно разобраться с тайной магического золота, вдруг выясню, что

к чему? А то, понимаешь, полный кошель силы, все за ней бегают, а я чего ушами хлопаю? Место здесь тихое, спокойное, посторонних нет. То что надо! По-моему, лучше не придумаешь.

Есть у меня подозрение, что чужие крепко ошибаются насчет слимпа в роли символа-ключа. Подозреваю, что никакого отношения слимп к этому золоту не имеет... слишком уж все просто было бы, окажись оно так. Ваше мнение?

Хайк задумчиво поскреб в бороде.

— Почему бы и нет? Попробовать можно. Хотя кто его знает, чем твои попытки могут закончиться! Давай-ка я в шар предсказаний загляну, узнаю, что тут вскоре произойдет. Не поубивают ли нас эти смелые опыты.

— Вот этого не надо,— запротестовал Семен,— категорически ничего знать не желаю! У меня весь кураж пропасть может. Как будет, так и будет. А кто сомневается, пусть в сторонку отойдет. Куда подальше.

— От магии далеко не убежишь,— покачал головой Хайк,— и за кустиком не спрячешься. Значит, будем надеяться на лучшее. Какая-нибудь помощь нужна?

— Пожалуй, нет.— Семен поскреб в затылке.— Разве что поглядывай по сторонам, смотри, чтобы посторонних не было. Нам зеваки не нужны. Вдруг эксперимент сглазят?

— Ха, пусть только попробуют,— возбужденно сказал Мар,— я их сам так сглажу, на всю жизнь запомнят! Семен, надо было тебе давным-давно кофе с лимоном натрескаться, кто ж знал, что он так мозги просветляет. А... а как ты себе представляешь этот эксп... эскпр... тьфу! Магию как расколдовывать собираешься?

— Понятия не имею,— пожал плечами Семен.— Как-нибудь.

— Тогда ты зря не посмотрел в шар,— посетовал Мар.— «Как-нибудь» всегда означает «кое-как», а «кое-как» обязательно тянет за собой «ни фига себе!». В смысле нежелательных последствий. Значит, так: если все пойдет наперекосяк, то я вас тут же выдергиваю в другое место. Подальше отсюда. Идет?

— Хорошо.— Семен раскрыл кошель, сунул в него по локоть руку и с озабоченным видом принялся там что-то нащупывать.— Где ж тут монетка помельче... в мелких и магии, наверное, поменьше будет, в самый раз для эксперимента... Выдергивай, но только в случае крайней опасности. Когда я сам

ничего поделать не смогу. А то поторопишься и все дело мне испортишь... Ага, нашел! — Семен достал из кошеля совсем мелкую золотую монетку, размером меньше рубля, оценивающе осмотрел ее со всех сторон.— Вроде бы то, что надо. Ну, я начинаю. Готовы?

— Мы-то давно готовы,— подал голос Мар,— чего тут особо готовиться! Только ты, знаешь, потихоньку начинай. Неторопливо. Чтобы чуть что не все здесь сразу взорвалось, а постепенно. Чтобы мы удрать смогли.

— Это уж как получится,— рассеянно ответил Семен, внимательно глядя на монету,— это уж как выйдет. Но я постараюсь.

Монета на вид была самая обычная, такая, какой и положено быть древним монетам: сильно потертая, с еле видимым профилем бородатого старца в лавровом венке на одной стороне и малопонятной надписью — на другой. И ничего колдовского в ней не было, в той монете, ничего не проглядывалось эдакого особенного. Монета как монета, если только не знать о ее магической сути. Но Семен знал.

Семен уставился в бородатого старца, хмуря брови и стараясь придать взгляду необходимую магнетическую силу, хотя он, честно говоря, понятия не имел, что это такое и как это делается, но в читанных когда-то готических романах все колдуны-магнетизеры обязательно обладали именно таким взглядом. А в современных романах-фэнтези так вообще поголовно все — и главные герои, и второстепенные, в перерывах между обязательными драками на мечах, укрощением залетных драконов и соблазнением девиц королевской крови — магнетизировали друг дружку почем зря, со всей дури, и, как правило, с летальным исходом. То есть насовсем.

Но что-то не магнетизировалось. Наверное, опыта не хватало,— Семен вздохнул, протер заслезившиеся глаза кулаком и опять уставился на монету. Но уже не так свирепо: чего глаза ломать по-пустому! Так и близорукость заработать недолго.

— Ты попробуй вслух чего-нибудь пожелать,— шепотом посоветовал Мар.— Глядишь, что и получится. Может, оно только от окрика срабатывает... от силы твоего пожелания, что ли.

— Хочу... м-м, а чего же я и впрямь сильно хочу? — засомневался Семен.— Вот беда, ничего мне сейчас не хочется, представляешь?! Всем доволен.

— Как — ничего? — возмутился медальон.— А ты власти захоти, денег гору! Силы немереной пожелай. Здоровья от пуза. Чего еще там можно потребовать... что, как правило, люди на халяву желают? Во, гарем себе закажи, из ста наложниц! Вместе с джинном Мафусаилом, для догляду. А на закуску Кардинала на побегушках. Чтобы ботинки тебе по утрам ваксой чистил и за пивом на опохмел бегал. А еще...

— Пиджак с отливом, и в Ялту,— буркнул Семен.— Отстань с дурацкими идеями! Дай подумать.

— Что ж, тогда думай, мыслитель ты наш,— благодушно дозволил Мар.— Как надумаешь, предупреди.

— Предупрежу,— нетерпеливо отмахнулся Семен.— Обязательно. Я эту монету вот-вот... Слушай, а если на нее сбоку поглядеть? Через зеркало, отраженно. Мар, у нас есть зеркало?

...Время близилось к полудню. Хайк уже давно плавал в озере, спасаясь от жары: маленькое солнце догнало большое, и они на пару грели так, как никакой Ялте и не снилось.

Мар заунывно напевал что-то тягучее, сонное, где фигурировал караван из ста верблюдов, из ста одного верблюда, из ста двух... Медальон явно скучал. Отчаянно.

Семен сидел в тенечке под деревцем, вяло отмахиваясь веткой от комаров, зевая и равнодушно подбрасывая слегка погнутую монету на ладони: монета все время выпадала мятым аверсом вверх, и Семену уже осточертела невозмутимая бородатая физиономия.

— Нет, неважный все-таки из меня маг,— уныло признался наконец Семен.— Дохлое дело! Хоть к Кардиналу за консультацией обращайся. Мар, может, ты посоветуешь, что мне с монетой делать? Я уже ее и так смотрел, и эдак. И на зуб пробовал. И камнем по ней бил, толку-то! Погнул только. Хоть тресни, обычное золото — и все тут. Металл.

— Сто семь верблюдов,— скучным голосом сказал Мар.— Сто восемь. А ты попробуй с ней не как с золотом обращаться... Сто девять верблюдов.

— Как это? — заинтересовался Семен, пытаясь от нечего делать разогнуть монету.

— А вот так: попробуй почувствовать в ней внутреннюю суть. Истинную. Магию попробуй ощутить,— медальон вдруг осекся.— Слушай, а чего это я тебе только что наговорил? — запинаясь, с нескрываемым страхом произнес Мар.— Вернее, кто вместо меня это сказал? У меня отродясь таких умных мыслей не водилось! Эй, кто тут во мне?! Вылазь из меня! Прочь, прочь!

— Уж не знаю кто, но совет он дал дельный.— Семен одобряюще побарабанил по медальону пальцами.— Да не переживай ты, никто в тебя не залез. Это твое подсознание сработало. Опыт твой. Ты же, братец, натурально медитировал, когда я вопрос тебе задал. Вот подсознание и расстаралось.

— Какое подсознание? — истерично заголосил Мар.— У меня и сознания-то никогда не было! Кому нужен сознательный вор, скажите на милость? Чур меня! Ой, пропадаю, подсознательность заела...

— Необразованный ты,— посмеиваясь, сказал Семен.— Темный. Фрейда на тебя нету, тот бы все объяснил, как надо. Ладно, я сам растолковать попробую. Читал я одну книжку по психологии и медитации, так вот что там говорилось о сознании и подсознании...

Из длинного и путаного рассказа Семена медальон сделал для себя лишь один, но однозначный вывод: надо поменьше медитировать, то есть про верблюдов петь, и тогда никакая сознательность-подсознательность морочить тебя больше не будет. Он так и сказал Семену:

— Все, больше о верблюдах ни слова. Я лучше про пиво петь буду,— и тут же затянул протяжно: — На полке стояло сто бутылок, одна упала и разбилась... На полке стояло девяносто девять бутылок, одна упала и разбилась... На полке...— Голос Мара становился все тише и тише, постепенно сходя на нет.

— Не верблюды, так бутылки,— усмехнулся Семен.— Йог от пива.— Он с сомнением покатал на ладони гнутую монетку.— Но совет толковый! Хм, попробовать ощутить внутреннюю суть... Что ж, и попробую. Почему бы и нет? — Он сжал монетку в кулаке, сел поудобнее: прислонился спиной к дереву, вытянул ноги, закрыл глаза и расслабленно затих.

Было настолько жарко, что даже комары перестали кусаться; минут через пять Семена неудержимо потянуло в сон. И вот тут, на самой грани сна и яви, в момент, когда приходит просветление духа и постижение истины — так, во всяком случае, говорилось в книжках по медитации,— Семен, увы, духом не просветлился. Не успел. Вместо ожидаемого прихода истины Семена ужалила оса. В плечо.

— Зараза! — взвыл Семен, вскакивая на ноги и размахивая зажатым в руке аэрозольным баллончиком.— Вот тебе, сволочь!— и пустил облако яда в наглую осу, которая и не думала никуда улетать, а по-прежнему кружила рядом.— Мерзавка,— мрачно сказал Семен, глядя, как оса пролетела сквозь ядовитое облако, на лету сдохла и упала в траву.— Я уже почти ощутил, блин, а тут на тебе! — И погрозил осе баллончиком. А после уставился на него.

На ярко-желтом баллончике не было никаких надписей, зато были нарисованы черные мухи и такие же черные осы, перечеркнутые крест-накрест. И маленький череп с костями возле головки распылителя, что, по-видимому, служило предупреждением. Предупреждением, что в баллоне — яд.

— Сработало,— сдавленным голосом сказал Семен.— Получилось!

— Уже? — сонно спросил Мар.— И мы до сих пор живы? Удивительно.

— Хайк, иди сюда! — завопил Семен, не обращая внимания на реплику медальона.— Есть! Готово.

Хайк пулей вылетел из озера и, на бегу подхватив одежду, помчался к Семену.

Семен, довольный до невозможности, стоял подбоченясь, демонстративно держа в вытянутой руке баллончик. И изредка для демонстрации пускал по ветру аэрозольное облако: ближайшие комары и мухи поначалу озадаченно притихали, а затем бросались врассыпную.

— И как это у тебя получилось? — спросил Хайк, поспешно натягивая штаны и куртку.— И почему именно средство от мух? — Хайк взял баллончик, осмотрел его.— Э, у нас такие тоже иногда в магазинах бывают. Хорошая штука! Дефицитная. На Перекрестке производят.

— От ос средство,— поправил его Семен, показывая ужаленное плечо с красным пятном,— грызнула, сволочь. Только я просветляться начал, как нате вам!

— Понятно, понятно,— нетерпеливо перебил Семена медальон,— сочувствуем и желаем скорейшего выздоровления. Ты лучше расскажи, как ты это сделал!

— А как ты это ухитрился сделать? — невольно повторил тот же самый вопрос Хайк, который, конечно, не слышал того, что сказал Мар.— Что ты почувствовал, когда монета в средство от насекомых превратилась? Ну, когда колдовство освободилось? Что?

— Черт его знает,— Семен с недоумением посмотрел на баллончик, осторожно положил его на землю.— Сначала оса укусила. После я вскочил, прибил ее... А что же было между этим? Хм,— Семен потер плечо.— Так, давайте поэтапно. Я вначале немного испугался от неожиданности... открыл глаза, увидел, что это оса. Разозлился, захотел ее прихлопнуть... сразу же на ум несколько способов пришло. Самым верным показалось отравить. Я очень пожалел, что у меня с собой яда от насекомых нету... Вспомнил — я ведь в тот момент успел себе даже баллончик зрительно представить! Не конкретный, именно этот, а вообще баллончик. Настолько ярко, что как-то не удивился, когда он у меня в руке оказался. Словно так оно и должно было быть.

— Ага! — От вопля Мара у Семена засвербело в ушах.— Вот оно что! Х-ха! Я все понял. Все-все. Семен, быстро спрашивай, что я понял, а то не удержусь и сам разболтаю. Ну же!

— Что ты понял? — строго спросил Семен, подмигнув Хайку и указывая взглядом на медальон. Хайк с пониманием кивнул.

— Испуг, то есть сильное переживание,— захлебываясь словами, затараторил Мар,— плюс сильное желание, плюс фантазия. Ты же как наяву представил себе ту банку с ядом, верно? А фантазии у тебя хватает, вон, сам рассказывал, что всякие небылицы когда-то сочинял... Плюс твои уникальные возможности. Вот оно все вместе и сработало. Та-ак,— растяжку и мечтательно протянул медальон.— Сбылось. Теперь мы что хочешь натворить можем с испугу. Нет теперь для нас преград! Вот только как бы научиться пугать тебя грамотно и в заданном направлении,— спохватился Мар.— Чтобы полу-

чалось то, что нужно, а не всякая дребедень. Это, однако, покумекать мне надо.

— Ты бросай такие планы строить,— рассвирепел Семен.— Пугать он меня задумал! Да хоть и для пользы дела, все равно не позволяю.— Семен повернулся к Хайку.— Видал наглеца! Говорит, пугать меня надо, чтобы я от избытка чувств и фантазии золото в нужные вещи переделывал. Да я такое с испуга понаделаю, что сам не рад буду! Поубиваю всех на фиг, и себя тоже. От избытка фантазии.

— М-да...— задумчиво протянул Мар.— Ты прав. Это не выход.

— А зачем пугать-то? — не понял Хайк.— Попробуй просто зрительно представить себе, что ты хочешь получить. Очень подробно. И пожелай эту вещь. Только не на словах, а в душе. По-настоящему пожелай.

— И на всякий случай испугайся,— тут же добавил медальон.— Надо будет, помогу. Ты только предупреди, а уж я расстараюсь, так и быть. Святое дело!

— Вторая попытка.— Семен достал из кошеля большую монету, небрежно подбросил ее, поймал на лету и быстрым шагом направился к озеру. Хайк подобрал забытую Семеном сумку, повесил ее на плечо и поспешил следом, не задавая вопросов. Зато Мар просто изнывал от любопытства:

— А чего ты задумал, э? К озеру — зачем? Да не молчи ты как расстрельный конвой! Смотри, будешь дальше в молчанку играть, не стану тебе помогать — и точка. Не буду пугать в нужный момент,— пригрозил медальон.

— Очень хорошо.— Семен остановился на берегу, огляделся по сторонам, задрал голову к небу.— Это замечательно, что ты мне помогать не будешь. Просто здорово. А хочу я попробовать сделать так, чтобы нежарко было. Вот этого мне и в самом деле очень хочется. По-настоящему.

— Зонтик, что ли, делать будешь? — насмешливо поинтересовался Мар.— Достойное занятие для начинающего мага. Эх, Семен, Семен... Нет в тебе истинного размаха! Масштабности нет. Зонтик, надо же! — Медальон удрученно вздохнул.— Да будь у меня такие возможности, как у тебя, я бы такое сделал, такое... Я бы... Уж чего-нибудь да сделал, но только

не зонтик. Никогда! — с гордостью за собственную масштабность изрек Мар.

— Дались тебе эти зонты.— Семен закрыл глаза, сосредоточился.— Не тарахти почем зря! Видишь, работаю я. Представляю желаемое.— Семен протянул руку в сторону озера, на открытой ладони блеснула золотая монета.

Мар раздосадованно умолк. Хайк бесшумно встал рядом с Семеном, за его спиной, и теперь чутко поглядывал по сторонам — нет ли где посторонних? Тех, которые сглазить могут.

Посторонних не было. Мало того — вдруг резко, словно по команде, из листвы деревьев посыпались птицы: они с истошными криками взлетали в небо, на лету сбивались в стайки и опрометью летели прочь от озера.

Озеро покрылось рябью: рыбы суматошно выпрыгивали из воды и с плеском шлепались обратно. И снова выпрыгивали, и снова шлепались, как будто их что-то выбрасывало из глубины; раки торопливо побрели с мелководья на сушу, в траву— многоногих переселенцев было столько, что весь берег на некоторое время оказался покрыт темно-зеленым хитиновым ковром.

Хайк проводил раков заинтересованным взглядом, после глянул на Семена — Семен стоял не шевелясь, с закрытыми глазами, что-то шепча себе под нос. А на ладони у него таяла монета. Таяла, как сухой лед, уменьшаясь в размерах; над монетой с тихим треском вспыхивали и гасли маленькие молнии. Не искры, а именно молнии. И одновременно с тем, как уменьшалась монета, становилось заметно холоднее. И темнее.

Хайк посмотрел вверх — небо на глазах становилось пасмурным, грозовым: два солнца с трудом пробивались сквозь быстро сгущающиеся тучи. Самым непонятным было то, что погода портилась только над озером и пляжем, чуть подальше от озера небо оставалось чистым и безоблачным. Причем во всех направлениях.

Черные облака клубились так низко, что, казалось, до них можно было добросить камень.

— Симеон! — с тревогой окликнул Хайк застывшего в столбняке Семена.— Очнись! Что-то неладное происходит. Симеон! — Хайк потряс Семена за плечо.

Семен открыл глаза, посмотрел сквозь Хайка невидящим взором. Помотал головой, приходя в себя, глянул на свою ладонь — монеты не было, растаяла монета. Полностью. И лишь только потом Семен заметил низкую тучу над головой, бурлящую от рыбьих тел воду и невольно попятился от озера.

— А с чего оно так получилось? — с дрожью в голосе спросил Семен.— Я хотел всего лишь...— Но договорить он не успел.

Ослепительно белая молния, толстая, как ствол баобаба, ударила из тучи в центр озера. Вода мгновенно закипела; гром... нет, ударная волна отшвырнула Семена и Хайка далеко в сторону, в кусты.

Семен встал, с трудом удерживаясь на ногах — горячий сырой ветер дул от озера, срывая листву с деревьев, толкал в грудь. Под ногами было скользко от раздавленных раков.

Молнии из тучи били в озеро безостановочно. Вернее, не в само озеро — его уже не было, лишь на дне впадины, бывшей когда-то озерным ложем, бешено кипела черная от грязи вода,— а в длинный водяной столб, медленно поднимающийся к туче.

— Бежим! — прошептал кто-то рядом с Семеном: это крикнул Хайк, изо всех сил крикнул, но его голос показался шепотом в вое ветра.

Водяной столб соединился с тучей — черная грозовая клякса мигом всосала его в себя и вдруг, резко увеличившись в размерах, рывком поднялась в небо; молнии теперь били безостановочно, превращая сухую яму, в которой только что было озеро, в нечто напоминающее кратер вулкана: дно и стенки ямы уже начинали дымиться, а кое-где сквозь отвалившуюся корку выступали багровые лавовые подтеки — это плавились камни.

Семен махнул рукой Хайку, и они бросились прочь от опасного места. Бежать было тяжело — ветер поменял направление, он теперь дул в сторону огромной дымной ямы, неся с собой песок и мусор. Семен словно попал в пыльную бурю, по лицу стегали листья, сухая трава и оторванные ветки деревьев; земля под ногами начинала ощутимо содрогаться.

Бежали долго. Наконец стало чуть потише, лесок закончился — впереди была равнина, поросшая высокой травой; ветер дул уже не с такой силой и не ослеплял пылью, подземные толчки стали почти незаметными, и Семен решил остановиться,

чтобы перевести дух. Хайк притормозил рядом, ему, похоже, переводить дух не требовалось, он вообще не запыхался. Глядя назад, Хайк озабоченно сказал:

— Мне кажется, Симеон, ты что-то не учел. Не знаю, чего ты хотел добиться, но получилось у тебя все не так, как ты задумал.

Семен оглянулся.

Позади, упираясь в небо черной тучевой шляпкой, высился гриб, похожий на ядерный — такой, каким его рисуют в учебниках по гражданской обороне. С той лишь разницей, что к атомной энергии этот гриб никакого отношения не имел. Впрочем, по своей разрушительной силе он был не менее опасен и, в отличие от ядерного, рассеиваться не собирался — наоборот, грозовой гриб явно набирал силу: шляпка росла, постепенно поднимаясь ввысь; темная смерчевая ножка ощетинилась разрядами молний. В водовороте смерча крутились вырванные с корнем деревца; мелькнули крохотные лежанки, оставленные на берегу, мелькнули и сгорели в ярко-голубой молнии, пробившей смерч от низа тучи до самой земли; далекий пушечный гром колыхнул воздух, у Семена от тяжелого звука неприятно екнуло в животе.

— Однако не прав я был насчет масштабности и размаха,— смиренно покаялся Мар.— Признаю свою ошибку. Для неопытного мага у тебя этот фокус весьма неплохо получился. Впечатляет! Я одного только не понял: ты что хотел — погоду немного подправить или с самого начала задумал такой бедлам сотворить? Для отработки навыков боевых действий. На страх врагам, так сказать. Научиться вызывать мор, глад, смерчи и землетрясения. Так вот, по смерчам и землетрясениям можешь поставить себе зачет. А мор и глад когда делать будем? И где?

Семен не стал отвечать, что тут можно было сказать!

— Оно движется! — крикнул Хайк и ткнул рукой в сторону смерча. Семен только сплюнул с досады: смерч, наклонившись вбок, медленно сдвинулся с места и, набирая скорость, поплыл куда-то вправо, хорошо хоть не к ним.

— Я же ведь только небольшую грозу хотел себе представить, а оно вон как вышло,— Семен полез в кошель.— Надо бурю остановить. Сейчас я ее...

— Только не это! — перепугался Мар.— Хватит! Авось само рассосется. У тебя фантазия чересчур буйная! Нельзя тебе колдуном работать. Хотел грозу, а получил самоходную хренотень с молниями... Сейчас вообще всех угробишь, вместе с местным населением! Да фиг с ним, с населением, оживет, куда денется, у них Архив есть. А ты? А Хайк?

— Но надо же что-то делать! — в растерянности замер Семен.

— Надо,— согласился Мар,— сделать вид, что мы здесь ни при чем. И сваливать, пока не засекли. А можно чуток постоять и посмотреть, не каждый день, поди, такие смерчи видеть можно. Люблю стихию! Есть в этом нечто... мм... нечто вдохновляющее. После и жизнь как-то ярче кажется, насыщеннее... Ты не замечал, что природные катастрофы как магнитом притягивают к себе народное внимание? И чем больше та катастрофа, чем разрушительнее, тем больше внимания. Пропорционально ущербу. Потому что каждый хочет узнать, насколько это было страшно... вовсе не для того, чтобы посочувствовать пострадавшим, а чтобы в душе порадоваться, что его там в то время не было. Давай же смотреть и радоваться, что живы и здоровы! А прижмет — уберемся отсюда, дела на две секунды...— Мар, увлеченный редким зрелищем, болтал, как утренний диджей, вовсе не обращая внимания на то, что Семен давно уже ему не отвечает: Семен и Хайк молча смотрели в небо.

По небу косяком скользили летуны. Не такие большие, как тот, на котором недавно побывал Семен, да и цвет у них был совершенно другой, ярко-красный, но во всем остальном они были полной копией пассажирского летуна.

Косяк красных треугольников целеустремленно летел к смерчу. Внезапно один летун отделился от группы и стремительно пошел вниз, к Семену и Хайку. Опустившись неподалеку и зависнув над травой, летун плавно подплыл к людям.

— Эвакуация! — повернув голову к Семену, громко крикнул сидевший на летуне пилот в таком же красном, как и сам летун, комбинезоне, оранжевом шлеме и зеркальных очках-консервах; пилот сидел в неудобном пластиковом кресле, очень похожем на трамвайное, и был намертво, вместе с креслом, пристегнут к шкуре летуна широкими ремнями. Крест-накрест пристегнут, напоминая собой гонщика-каскадера перед выполнением смертельно опасного трюка. С той лишь разницей,

что автогонщики не пользуются плетками: в правой руке лихого воздухоплавателя была зажата плетка-нагайка.

— Немедленно на борт! Сектор уже блокирован! — Пилот нетерпеливо указал плеткой на такие же неудобные креслица позади себя. Семен без возражений забрался на летуна, некогда было выяснять, какой такой сектор и почему спешка, хотя догадывался почему; Хайк ловко запрыгнул прямо в ближнее сиденье.

— Ремни пристегните,— потребовал пилот, косясь на пассажиров блестящими зеркальцами очков.— Спасательный летун — это вам не общественная кляча, предохранительных средств не предусмотрено. Вякнуть не успеете, как за борт свалитесь.— Едва Семен и Хайк пристегнулись, как летун свечкой рванул в небо.

Развернувшись носом в противоположную от смерча сторону, летун на бешеной скорости помчался к горизонту.

Ветер бил в лицо Семену, выдавливая из глаз слезы; Семен, отвернувшись от ветра, посмотрел назад — вокруг невероятно распухшего смерча алыми мухами вились спасательные летуны. Что-то там происходило... Семен прищурился.

Описывая сложные траектории, летуны ткали в воздухе вокруг грозового гриба магическую сеть, наподобие той, что виднелась в небе. Сеть наливалась золотистым светом; гриб понемногу стал уменьшаться, опадать.

— Прямо камень с души! — крикнул Семен бородачу.— Теперь уж точно бурю задавят!

Пилот оглянулся. Наверное, он подумал, что Семен обращается к нему.

— Ночью в этой зоне чужие сквозь Сеть прорвались,— сильно пнув ногой в красную шкуру и тем уменьшив скорость летуна, громко сказал пилот. Встречный ветер сразу утих и говорить теперь можно было не напрягаясь.— Один сгорел, а второй пролез. Какого черта им у нас понадобилось? Был же договор...— пилот махнул плеткой в сторону поникшего смерча.— Атакующая погодная магия, пропади она пропадом. Четыре балла опасности по пятибалльной шкале! Еще бы чуть-чуть — и все, никаких спасательных работ не потребовалось бы. Весь сектор к черту... Сбросили бы в тень лет на двадцать,

и вся недолга. Вместе с туристами.— Пилот сдвинул очки на лоб, подмигнул Семену.— Туристы? Иномирники?

— Туристы,— поспешно согласился Семен.— Только вчера прибыли. А что это за зоны и сектора такие? Нам инструктор из турфирмы ничего о них не говорил.

— Инструкторы, мать их,— с пренебрежением сказал пилот.— Как деньги получать, так все инструкторы. А как объяснить толком... Наш мир в целях безопасности разбит на зоны особыми стенами. А зоны поделены на сектора. Из зоны в зону перебраться можно лишь на летуне, специально так задумано, для возможности жесткого контроля. И никакие магические выкрутасы тут не помогут! Только на летуне, и точка. А вот уже внутри зоны — там да, там путешествуй как угодно, в любой из ее секторов. Хоть через узловые двери, хоть с транспортным заклинанием. Хоть пешком.— Пилот помолчал и добавил:

— Не повезло вам, братцы туристы.— Спасатель вернул очки на место.— По всему Безопасному Миру объявлено чрезвычайное положение. В связи с проникновением чужих. И в связи с их наглой погодной атакой.

— А что это значит? — Хайк подался вперед.

— Ничего хорошего. Скоро сами узнаете...— Пилот отвернулся от пассажиров, летун стал плавно набирать скорость.

Внезапно позади басовито ухнуло, летун подпрыгнул, как будто наскочил на ухаб. Семен обернулся.

Проклятый грозовой гриб, опять увеличившись в размерах и разорвав золотую магическую сеть, вовсю полыхал странными невозможными молниями: синие ломаные линии кольцами опоясывали его сверху донизу, словно молнии не могли оторваться от породившего их чудовища. Спасательные летуны красными брызгами разлетались от гриба в разные стороны.

— Не, не задавят,— уверенно сказал Мар.— Семен, я тебя поздравляю! Ежели тебе когда-нибудь надоест быть вором с прикрытием, то запросто можешь вербоваться в любую армию. На должность офицера-разрушителя. В диверсионный отдел.

Пилот с испугом оглянулся.

— ...дец сектору! — невнятно крикнул пилот-спасатель, наотмашь хлестнув плеткой по красной шкуре летуна.— Сейчас в тень сбрасывать бу...— Ветер унес его слова.

Летун резко увеличил скорость: Семена и Хайка вдавило в спинки сидений, в ушах у Семена засвистел ветер.

Впереди из ничего вдруг возникла высоченная, от земли до неба, тусклая перламутровая стена: летун уверенно держал курс на нее.

Шел на таран.

ГЛАВА 15
Сыщик-Лазутчик: Инфант, Младший Принц

По всей видимости, тусклая перламутровая стена была одной из тех самых перегородок между зонами, о которых говорил пилот,— летун в стену не врезался, лишь на миг слегка притормозил в полете, нырнув в перламутровое марево, отчего пассажиров бросило вперед, но выпасть из кресел не дали ремни безопасности,— через секунду летун оказался внутри города.

Внутри, потому что гигантские серые здания мегалополиса тянулись ввысь на невероятную высоту: летун несся над широкой улицей словно воробей над ручьем глубокого каньона.

Заложив вираж, летун плавно опустился на выступ-балкон одного из высотных зданий, этаж на пятнадцатый; в стене здания темнел арочный вход. Без дверей.

— Слезайте,— нетерпеливо сказал пилот,— мне назад поспеть надо. Пока сектор в тень не сбросили. Может, еще каких туристов найду.

— А что это за место,— спросил Семен, расстегивая ремни и спрыгивая на серый камень балкона,— соседняя зона?

— Соседний сектор,— равнодушно ответил пилот.— До другой зоны лететь и лететь. Порченый сектор по тревоге зоновыми стенами блокировали. Это у нас быстро делается! Во избежание. Идите, идите,— пилот махнул рукой в сторону темного входа,— там вами займутся.— Он хлестнул плеткой, красный треугольник сорвался с выступа и унесся в обратную сторону. В сторону порченого сектора.

— А стоит ли? — усомнился Мар.— Идти непонятно к кому... Что-то не нравится мне это место. Шибко на административ-

ную нору похоже. А где администрация, там и полименты. А где полименты, там обязательно жди неприятностей.

— И все же надо сходить,— упрямо сказал Семен.— Во-первых, я хочу разобраться, чего же я такого крутого натворил... может, смогу как-то помочь... А во-вторых — надо узнать, зачем сюда проникли чужие. То их не было, а как только мы здесь оказались, так они сразу и заявились. Даже энэлошку свою не пожалели. Вряд ли это обычное совпадение!

— Прыгалку,— флегматично поправил Семена медальон.— Ты прав, ни о каком совпадении не может быть и речи. Чужие сюда однозначно с вредной целью притащились. За тобой охотятся, факт! Чутье у них, что ли, на конкретного Симеона? В Лесной Мир тоже явились не запылились... Э, да они не тебя чуют, а магию в кошеле! По ней нас и находят, почище всякого поискового заклинания. От их технической магии предсказательным шаром не отделаешься, не тот случай... Хм, а что же тогда делать? — призадумался Мар.

— Там видно будет,— беззаботно сказал Семен, забрал у Хайка сумку, и они направились ко входу.

За аркой был небольшой коридор, заканчивающийся невзрачной дверью со скромной жестяной табличкой посреди. На табличке было выдавлено крупными буквами: «Филиал службы безопасности». Чуть ниже помельче: «Добро пожаловать!» Коротко, но многозначительно.

— Гм,— сказал Семен.— Добро пожаловать в ФСБ, что ли? Надо же,— и, постучав в дверь, открыл ее.

За дверью находилось просторное помещение, обставленное в лучших канцелярских традициях: зал перегорожен поперек стеклянной стеной, имевшей стеклянную же дверь; за дверью длинный проход, тянувшийся между рядами столов на добрую дюжину метров; сами столы — отгорожены друг от друга пластиковыми ширмами. Из-за низких ширм выглядывали одни лишь макушки работающих сотрудников филиала. Макушки не двигались.

На потолке, над каждым столом, висели матовые бестеневые лампы на витых шнурах: зал был освещен настолько ярко, что создавалось впечатление, что здесь не канцелярия, а операционная. Или прозекторская.

Слева перед стеклянной дверью, как секретарь перед кабинетом директора, за дубовым столом сидел мужчина средних лет, среднего телосложения, в темном официальном костюме среднего покроя. Тусклое лицо секретаря выглядело тоже весьма средне. Словно он спал с открытыми глазами и ему снились замороженные тараканы. Среднего размера.

— Уважаемый,— вежливо обратился Семен к секретарю,— нас к вам только что доставили на спасательном летуне. Мы сами как-то не напрашивались, но так получилось...

— А, младший принц из Чумного Мира,— невыразительным голосом сказал секретарь, очнувшись от созерцания виртуальных тараканов.— Инфант, стало быть. С телохранителем-ясновидящим. Проходите, вас ждут в кабинете,— секретарь вяло указал рукой куда-то мимо канцелярского рая за стеклом, на дальнюю от себя стену.

Семен, в душе неприятно удивляясь осведомленности секретаря, посмотрел в указанную сторону. В стене чернела железная дверь — наподобие тех, что ставят жильцы многоэтажек, чтобы защитить свои квартиры от грабителей; на двери, под эмалированной табличкой с надписью «Начальник филиала», то ли алмазным резцом, то ли чем еще было вырезано всего одно короткое слово из трех букв. Матерное. Коряво вырезано, второпях. Сама дверь местами была вогнута, словно по ней изо всех сил лупили кувалдой.

Семен озадаченно глянул на Хайка — тот пожал плечами.

— Мертвечинкой попахивает,— внезапно изрек Мар загробным голосом.— Дохлятинкой.

— У тебя же носа нет,— невольно принюхиваясь, заметил Семен,— откуда запахи-то? Хотя, да... есть что-то затхлое.

— У меня и мозгов тоже нету,— резонно возразил медальон,— однако думаю ведь!

— Эт-точно,— согласился Семен,— есть такой парадокс.

Подойдя к двери, Семен постучал в нее кулаком.

— Открыто! — громко крикнули из-за двери.— Но если это опять кто-нибудь из зомби-профсоюза, то я с вами цацкаться больше не буду, достали уже! У меня и топор наточен. Учтите!

— Мы не зомби,— лучезарно улыбаясь, сказал Семен, входя в кабинет.— Зомби — не мы!

— И то приятно,— буркнул, вставая из-за стола, седой и весьма представительный мужчина. Впрочем, впечатление представительности сильно портил такой же, как и на секретаре, посредственный костюм: видимо, это была обязательная для ношения форма.

В руке у седого был топор.

— Станс Ксанс, начальник филиала,— сердитым голосом сказал седой.— Видели, что они у меня на двери вырезали, скоты? Вот бы того мерзавца-депутата, что протащил закон об обязательном дослуживании подписавших контракт... даже в случае невозможности архивного восстановления... вот бы его да на мое место! — мечтательно сказал Станс.— Хотя бы на неделю...— Начальник вдруг вспомнил про топор в руке, поискал глазами, куда бы его спрятать, но передумал и положил на стол. Поблизости.

— Чем обязан? — Станс сел, поправил выбившийся галстук.— Вы стулья-то берите, вон они, у стенки стоят.

Семен и Хайк сели напротив начальника филиала.

— Мы из того сектора, где смерч возник...— начал было Семен, но начальник его остановил.

— Понятно! — раздраженно сказал Станс.— Туристы. Принц с телохранителем. Знаю, знаю... Ох уж мне эти дилетанты... Смерч, ха! Вы его еще природным явлением назовите. Стихией, да-с. Стихия, граждане туристы,— это дурацкие законы,— начальник покосился на топор.— А все остальное — происки. С чем мы и боремся.

Во-первых, никакой это не смерч, а типичный молниевый кадавр... исключительно мощный кадавр... А во-вторых, предъявите-ка для начала ваши документы,— неожиданно потребовал Станс и тут же достал откуда-то из-под стола знакомое Семену устройство, красный проверочный глаз на ручке. Словно специально его там держал. Наготове.

— Пожалуйста,— Семен подался вперед, держа медальон на ладони. Взгляд сканера скользнул по Сениному медальону, по кругляшу Хайка; начальник филиала внимательно считал данные с экранчика, шевеля от усердия губами, и разочарованно сказал:

— Документы настоящие, не поддельные. Жаль, жаль... Впрочем, вопросы к вам у нашей службы все равно имеются.—

Станс зашуршал бумагами в ящике стола, низко склонив голову.

— Давай, тресни ему по башке,— тихо посоветовал Мар.— Обухом. И уберемся отсюда куда подальше! Не люблю вопросов, тем более от таких типов. И в таких местах. А с ним, поверь, ничего не станется... В крайнем случае дослужит здесь же, по подписанному контракту... Согласно закону. Если через Архив не восстановится.

— Погоди,— одними губами ответил Семен.

— Вот, нашел.— Седой начальник вытащил из ящика плотно исписанный листик с фиолетовой печатью снизу, положил его перед собой.— А вопрос такой... Любопытный, знаете ли, вопросик по докладу от службы туризма и иммиграции... Как это вы попали в наш Мир, минуя все фильтрационные службы, а, граждане туристы? — Станс с подозрением уставился на Семена.— После проверки на общественном летуне обнаружилась такая вот забавная неувязочка. Принципиально невозможная.

— Хорошие у Кардинала заклинания оказались! — обрадовался медальон.— Хитрые. Вон, мимо таможни пронесли... Да им цены нету! Тем более обухом его, обухом,— кровожадно потребовал Мар.— Пока раскалывать тебя не начал.

Семен задумчиво посмотрел на топор, перевел взгляд на начальника филиала. Бить живого человека топором он не собирался, хотя возможность была исключительная: начальник сидел, откинувшись на спинку стула, полузакрыв глаза и сложив руки на груди. Ждал ответа.

— Видите ли, милейший,— надменно сказал Семен, недовольно оттопырив нижнюю губу,— я не привык отчитываться в своих действиях. Лица королевской крови имеют привилегию поступать так, как считают нужным... но лично для вас я сделаю исключение. И открою важную тайну... настолько важную, что передавать ее кому бы то ни было не советую! Даже вашему вышестоящему руководству. Потому что все может закончиться плачевно. Для вас, а не для меня.— Семен нахмурился, спешно придумывая тайну пострашнее; начальник филиала уставился на Семена ничего не выражающим взглядом, хотя и несколько побледнел.

— Ага, экспромтик,— понимающе сказал Мар.— Что ж, можно и так. Можно и без топора.

— Как вы знаете, я — принц, а он — мой телохранитель,— Семен указал на Хайка.— Но я не просто принц! Я состою на службе секретного имперского отдела Всемирной Службы Безопасности. Вы, разумеется, и не слышали о таком.— Семен многозначительно прищурился.— О службе ВСБ знают только те, кому положено знать... Вы меня понимаете?

Начальник филиала сглотнул слюну и кивнул. Он, похоже, сразу все понял. И, похоже, ему расхотелось слушать дальше объяснения принца-службиста, но вопрос уже был задан.

— Мой уровень — уровень «мастдай»,— приглушенным голосом сказал Семен,— с правом полной, даже посмертной дефрагментации. Отдел «Дос», команда «Формат Ц»... не сталкивались? Ваше счастье.

Семен перевел дух: случайно услышанные им от знакомого компьютерщика непонятные фразы вдруг неожиданно пригодились.

— О том, почему мы здесь: моя последняя операция была в Заоблачном Мире,— вдохновенно начал свой рассказ Семен, ничуть не заботясь, есть ли такой Мир на самом деле. Даже лучше, если бы был. Тогда рассказ выглядел бы еще достовернее.— Дело о «Клубе высокопоставленных самоубийц», не слышали? Разумеется, нет. Это дело проходило по категории икс-ноль, то есть не подлежало никакой огласке. Вообще никакой. Потому о нем вы нигде ничего не узнаете, разве что только от меня. Но помните о предупреждении...— совсем тихо добавил Семен. И продолжил: — Ликвидация клуба самоубийц была весьма непростой задачей! Собственно, на клуб я вышел случайно...— И Семен принялся неторопливо пересказывать сюжет хорошо запомнившегося ему фильма «Приключения принца Флоризеля». Близко к тексту, но иногда допуская красочные вольности и, естественно, заменяя имена главных действующих лиц. Вернее, вовсе не указывая их — в повествовании фигурировали лишь некий абстрактный принц и его верный телохранитель.

...Таким образом хозяин клуба, он же Председатель, он же Клетчатый, совершил дерзкий побег прямо из-под ножа гильотины и впоследствии переметнулся к чужим.— Семен в

сердцах стукнул по столу кулаком; седой начальник поспешно убрал со стола топор. Подальше от греха.— Переметнулся с целью проведения серии террористических актов по всем Мирам! Начиная с вашего. Мы прибыли в Безопасный Мир по сквозному каналу... не спрашивайте, что это такое, не имею права раскрывать имперские магические секреты... в точку возможного проникновения прыгалок террористов. Чтобы своевременно подать сигнал мобильной спецгруппе ликвидаторов. Но...— Семен вздохнул.— Не успели. Председатель нанес свой вероломный удар первым.

— Браво,— восторженно сказал Мар.— Брависсимо! Изумительная история. Так и хочется поддаться порыву праведного гнева! Найти Клетчатого и в пыль его, в порошок! Своими собственными руками... тьфу, рук-то нету, забылся... Жаль, что его на самом деле не существует. А может, он все же есть? — с надеждой спросил медальон. Семен, разумеется, отвечать не стал.

— Я приношу свои извинения... коллега,— смущенно сказал начальник филиала,— но... Рассказ есть рассказ, сами понимаете... А более вещественные доказательства у вас имеются?

— Вы не верите принцу на слово? — поразился Семен.— Принцу из команды «Формат Ц»?

— Верю,— поспешил заверить разгневанного принца Станс,— очень даже верю. А если будут доказательства, то поверю еще больше. Скажем, документ с подписью.

— Документ? — озадачился Семен.— Что ж, есть и документ,— Семен пошарил в кармане и выудил из него золотую пластинку. Ту самую, что осталась ему на память от кардинальского дубля. С размашистой огненной подписью. И протянул ее седому начальнику.

Станс немедленно навел на подпись проверочный глаз, долго смотрел на экранчик, а после со вздохом вернул пластинку Семену.

— Подпись Кардинала настоящая,— громко сообщил начальник филиала кому-то в воздух.— Подтверждаю. Доклад иммиграционной службы ликвидируется, дело закрыто. Защиту можно снять. Текст беседы стереть. Все.— Станс взял со стола листик с печатью, небрежно скомкал его в шар и бросил в потолок, в сторону матовой лампы: бумажный шар, не долетев до потолка, вспыхнул в полете и исчез. Даже пепла не осталось.

— Э? — Семен испуганно огляделся по сторонам.— Защиту? Какую защиту? Я ничего не видел... то есть, м-м, я думал... э-э... филиал, как-никак...

— Ну и что, что филиал? — удивился седой начальник.— Полномочия те же, связь с центральным управлением прямая... А, вы насчет защиты! Никакой магии,— похвастался Станс,— все нашенское. Отечественные разработки, специально для службы безопасности. Чистейшей воды физика и механика. Не доверяем мы магии... были прецеденты... Так что, ежели бы у нас с вами разговор не получился — вы, конечно, понимаете, о чем я толкую,— тогда бы... э-э... ну, вы видели.— Начальник филиала указал взглядом на потолок.

— Ну и ну,— проговорил ошарашенный Мар,— а я его обухом хотел. Вот же дурак! — и еще кое-что добавил о себе нелестное, с чем Семен в душе согласился.

— М-меня ввел в заблуждение т-топор,— слегка заикаясь от волнения сказал Семен.— При такой защите и... Странно как-то. Непонятно.

— А-а, топор,— снисходительно сказал Станс,— топор — это другое дело. Этих типов только топором и можно припугнуть.— Начальник с ненавистью глянул в сторону входной двери.— Они, сволочи, только топора и боятся. Зомби, мать их... Тем более что хоть и дохлые, а сожги такого, он все одно через Архив тут же восстановится. Пока контракт не отработает. Филиал он и есть филиал... Впрочем, уважаемый Дубль — ничего, если я вас по кодовой кличке? — так вот, коллега Дубль...

— Не надо по кодовой,— поспешно сказал Семен,— нежелательно. Зовите меня просто товарищем принцем. Или Симеоном. Как хотите.

— Симеон,— хохотнул начальник филиала.— Это вы хорошо придумали. Юмор, понимаю. Значит, вы тоже в курсе, да?

— Насчет чего — в курсе? — осторожно спросил товарищ принц.— Попрошу уточнить.

— Ну как же,— удивился Станс,— предупреждение по службе безопасности. Кто-то вчера влез в полиментовский архив и изменил там данные по вору-Симеону. Теперь ищут не только вора, но и того, кто пошерстил архивы. Хотя, скорее всего, это сделал сам Симеон. Талантливый человечище! Гений пре-

ступности. У него теперь даже неофициальное прозвище есть: Искусник Симеон. Всю полиментовскую службу на рога поставил... он сейчас где-то в нашем Мире. Ищут его. Полименты ищут.

— Разумеется в курсе,— сухо сказал Искусник Симеон,— но это все ерунда по сравнению с поставленными передо мной задачами. Хотя... Возможно, оно все как-то и взаимосвязано — этот неуловимый вор и мой подопечный Председатель. И чужие.

— Экий клубок получается,— восхитился Станс,— вот что значит профессиональное мышление! Вот что значит служба ВСБ! А мы тут по-простому, по-провинциальному... без особой инициативы, знаете ли. Действуем только по приказу: приказано найти прыгалку чужих — нашли. Приказано проверить подозрительного принца — проверили... Прикажут искать вора-искусника, будем искать вора-искусника! Думаю, не сегодня завтра такой приказ обязательно поступит... И найдем, не сомневайтесь, как бы он ни маскировался! Никуда он из Безопасного Мира не денется. Никуда. Небесная Сеть с утра включена на полную блокировку, магическим образом от нас никак не улизнешь... на прыгалке разве что, так кто ж вора Симеона к той прыгалке подпустит... Да и проскользнуть сквозь Сеть сложно, сгорит прыгалка. Вон, первая-то сгорела.— Начальник филиала довольно улыбнулся, словно именно он самолично сжег вредительский аппарат. Но тут же помрачнел: — Вот не было печали! Кроме чужих еще теперь и Председателя искать... Одна головная боль. А может, он на первой прыгалке был, на сгоревшей? — Станс в задумчивости обхватил голову руками.— Проверить бы надо.

— Обязательно проверить! — торопливо подхватил Семен.— Я именно это только что хотел вам предложить. Если Клетчатый сгорел, тогда вопрос с поиском Председателя снимается— не надо вам его искать, да и я могу вернуться в управление. За новым заданием.

— Это можно,— просветлел лицом начальник филиала,— почему бы и нет? Убедимся, а тогда видно будет, рапортовать наверх или не стоит. Вы поможете мне обследовать уцелевшую прыгалку? С вашим-то опытом, со знанием дела, так сказать.

— Всенепременно! — заверил Станса опытный принц-службист.— А как же!

— Тогда пошли,— начальник поднялся из-за стола.— Я знаю, где прыгалка находится... Допуск у меня имеется, а вас я представлю как имперских экспертов по прыгалкам. Кстати,— Станс заговорщицки понизил голос,— у меня там секретарь... гнусная личность, право же... думаю, он дверь мне и попортил, я его премии недавно лишил... вы не могли бы его деф... дефрагментировать, а? Посмертно. Надеюсь, он тогда точно не восстановится.

— Не имею права.— Семен с сожалением поцокал языком.— Уставом запрещено, если дефрагментация к заданию не относится. Тем более без протокола. Но,— Семен подмигнул начальнику,— ведь любой вопрос можно решить, не правда ли? Если все останется между нами.

— Останется,— горячо заверил его начальник.— Слово даю.— На Хайка Станс теперь даже не смотрел, окончательно сделав для себя вывод о служебной иерархии гостей: принц, скорей всего, был где-то в звании не ниже полковника, а телохранитель — в лучшем случае сержант. Шестерка с кулаками.

— Вернемся, тогда и сделаем вашего секретаря,— обнадежил Семен начальника филиала.— В конце рабочего дня. Никаких проблем!

Они вышли из кабинета. Станс, гремя ключами, запер железную дверь. Проходя мимо секретаря-зомби, начальник филиала злорадно улыбнулся, но обреченный секретарь его улыбки не увидел — он продолжал сидеть с отсутствующим видом. В предчувствии дефрагментации.

На выступе-балконе их уже поджидал летун — с креслицами, ярко-желтый, в черную поперечную полосу; по бокам летуна имелись зеленые мигалки. Когда Станс успел вызвать транспортное средство, Семен не заметил.

— Между прочим,— вдруг расстроенно сказал Мар,— этот хитроумный шеф абсолютно прав. Я сейчас попытался ради интереса воспользоваться дальним транспортным заклинанием... ну, типа настроить его для броска из этого мира... Действительно, все заблокировано. Мало того, ближние транспортные заклинания тоже не действуют! Теперь здесь или пешком, или летуном. Вот влипли... Надо как угодно, но уби-

раться отсюда. Как угодно! Мне здесь не нравится. Транспортная магия не работает, ужас-то какой! Того и гляди вообще все заклинания отключатся.

— Мне здесь тоже не нравится,— шепотом сказал Семен.— Вот потому мы и направляемся к прыгалке. Есть план.— Семен не стал развивать мысль дальше, а Мар не стал его ни о чем спрашивать. И так все было понятно.

— Будь поосторожней,— только и сказал медальон.

Семен сел в кресло, Хайк уселся рядом.

— Ты чего все время молчишь? — негромко спросил Семен.— Что-то не так?

— Все в порядке,— шепнул в ответ Хайк.— Я же сейчас твой служебный телохранитель, подчиненный, а имперские служебные телохранители права голоса не имеют. Молчать они должны. Отвечать только на вопросы, да и то лишь с разрешения своего непосредственного начальника.

— А-а,— успокоился Семен.— Правильно. Тогда молчи.

Летун шел на сравнительно небольшой высоте, метрах в двадцати над дорогой, и Семен с интересом поглядывал то вверх, то вниз, то по сторонам.

По сторонам смотреть было неинтересно, одни скучные серые стены да отверстия входов с обязательными посадочными козырьками под ними; никаких окон нигде не наблюдалось.

Вверху кипела транспортная жизнь: летуны самых разных размеров и расцветок носились по небу туда-сюда, как ласточки перед грозой, и, казалось, никаких правил полетного движения у них не существовало. Однако это было не так — какие-то правила все же имелись, потому что такие же желтые в полоску летуны, как и тот, на котором летел Семен, но с синими мигалками по бокам, то и дело прижимали нарушителей к стенам домов, заставляя их садиться на козырьки. Что там дальше происходило, Семен не видел. «Интересно, а эти местные инспектора тоже взятки с нарушителей берут?» — мимоходом подумал Семен, но спрашивать у Станса не стал, чего там спрашивать — дорожная инспекция — она везде дорожная инспекция. Даже в других Мирах.

Внизу зрелище было не менее захватывающим: основную часть улицы занимала дорога, по которой с сумасшедшей ско-

ростью неслись навстречу летуну то ли машины, то ли звери, очень похожие на машины,— Семен из-за скорости так и не смог толком разобраться. От пешеходных тротуаров поток зверомашин отделяли полупрозрачные стены явно магического происхождения. Семен невольно вспомнил выход львов на арену цирка через трубу-решетку — аналогия показалась вполне уместной.

Пешеходов Семен не разглядел, да и не очень-то старался. Ну, пешеходы, ну, иномирные... Ничего интересного.

Летун резко набрал высоту, проскочил сквозь транспортный поток, пренебрегая полетными правилами: за ними сразу увязался патрульный летун, но как-то неуверенно, с опаской — Станс немедленно пнул каблуком в желтый пол, отчего зеленые мигалки летуна ожили. Едва лишь они сверкнули, как преследовавший их патрульный треугольник тут же нырнул вниз и в сторону.

Летун Станса поднимался все выше и выше: этаже на двухсотом летун пошел медленнее, словно Станс выискивал среди одинаковых отверстий-входов один-единственный, известный лишь ему вход. Впрочем, отверстия были не такими уж одинаковыми — Семен только сейчас обратил внимание на то, что все посадочные козырьки имели свои отличительные знаки, начертанные на обеих сторонах, снизу и сверху каждого козырька.

Найдя нужный вход, Станс уверенно направил в него летуна.

Они попали в длинный темный туннель; летун неспешно плыл вперед, часто попыхивая мигалками,— стены то и дело приобретали мертвенный зеленый цвет.

— Один из путеводных узловых коридоров,— не оборачиваясь, пояснил Станс.— Секретный. Только для летунов службы безопасности. Сейчас будем на месте.

Секретный коридор закончился знакомой Семену перламутровой перегородкой; справа на стене, перед воздушным заграждением, был светлый квадрат, чуть ниже ряд кнопок. Станс приложил к квадрату ладонь, выждал секунд десять, потом набрал на кнопках код и уже после этого направил летуна в перламутровое марево...

Здесь были горы.

Летун завис над ровной площадкой, естественным посадочным полем на плоской вершине скалы; справа от скалы отвесная поверхность горы уходила в темно-синее вечернее небо, исчерканное близкой Сетью; слева от площадки начиналась пропасть, в пропасти плыли тучевые облака. Было холодно.

На площадке, сверкая серебряными полированными боками, лежала энэлошка, она же прыгалка, транспортное средство чужих.

Вокруг летающей тарелки в произвольном порядке расположились желто-полосатые летуны; между летунами бродили службисты-безопасники. В отличие от Станса, они были одеты в теплые камуфляжки и от холода не страдали: Семен сразу организовал себе такую же. Хайка в его плотной всепогодной джинсовке, похоже, холод не донимал; хуже приходилось Стансу в легком казенном костюме — седой начальник филиала, направляя летуна к прыгалке, то и дело ежился, крепко ругая сквозь зубы чужих, посадивших свой «сундук» в таком неудобном стылом месте.

Летун приземлился возле прыгалки.

— А-а, наш принципиальный Станс явился! — радостно завопил кто-то из камуфляжных.— Начальник отдела «Мертвая голова»! Ну и как на новом месте, не съели тебя еще твои зомби-момби? — И радостно загоготал над собственной шуткой.— В следующий раз думай, прежде чем карточные долги начальству зажиливать!

— Я тут специалистов привез,— мрачно сказал Станс, уничтожая взглядом весельчака.— Имперских. Вы прыгалку-то открыли?

— Нет.— Камуфляжный весельчак подошел к прибывшим, протянул руку и поздоровался со всеми.— Не получилось. Дверь жестко заговоренная, на адресата. Да и чего ее открывать! Пустая она, прыгалка. Вон на двери знак экипажа красным светится... Скорее всего порожняком шла. Только для чего? В догадках теряемся.

— Вот потому я специалистов и привез,— отрезал Станс.— Приступайте, уважаемые.— Он мельком кивнул Семену и Хайку, при этом даже не заметив перемену в облике Семена, и тут же поволок весельчака куда-то в сторону, откуда вскоре

стали доноситься сердитые возгласы: «... да у него, тля, в рукаве туз был заначен... Какого хрена я ему вдруг должен, тля, если он один весь банк взял? Мать его так!.. А ты против начальства не лезь, жалко стольника было, что ли? Вон, теперь с дохляками в карты играй... За это морду бьют, тля!.. Набил один, как же. Три дня его потом искали, нынче в твоем отделе на побегушках служит...»

Спор получился увлекательный, громкий, про Семена и Хайка спорщики как-то вдруг сразу позабыли; остальные службисты-безопасники, поначалу недоверчиво приглядывавшиеся к имперским специалистам, постепенно потеряли к ним интерес, тем более что Семен не торопился вскрывать прыгалку, а для начала несколько раз обошел ее по кругу. Неторопливо обошел, с профессионально-недовольным видом. А после остановился перед входом в энэлошку, почесывая в затылке и всем своим видом показывая, в каком он пребывает затруднении.

Заскучавшие безопасники постепенно подтягивались к спорщикам и немедленно вступали в беседу. Похоже, тема была наболевшей: то ли таинственное начальство жульничало в карты не только со Стансом, то ли всем из присутствующих когда-то пришлось поруководить зомби-отделом.

— Не отвлекайся,— строго сказал Семен Хайку, заглядевшемуся на спорщиков.— Мы пришли сюда не за этим.— И, убедившись, что службисты-безопасники не обращают на них внимания, подошел к двери прыгалки вплотную.

Овальная дверь была четко оконтурена тонкой золотой полоской; на самой двери еле заметно высвечивался большой красный треугольник. Знак того, что прыгалка пуста. Так, во всяком случае, сказал камуфляжный весельчак, а у Семена не было оснований не верить ему. Им, службистам, виднее.

То, что дверь была заперта при помощи магии, Семен увидел сразу, еще при первом обходе: тонкая паутина, словно сотканная из хрустальных нитей, закрывала овал двери, цепляясь краями за внешнюю поверхность прыгалки, далеко за самой дверью; нити паутины сходились в центре, точно над красным треугольником, удивительным образом срастаясь там в массивную хрустальную бляшку. В кнопку.

— Тэкс,— сказал Семен, внимательно оглядывая паутинную кнопку и вовсе не торопясь касаться ее, он даже руки за спину убрал.— Хайк, как ты думаешь, для чего, как правило, запирают помещение?

— Чтобы никто в него не вошел,— Хайк почесал в бороде.— По-моему.

— Логично,— согласился Семен.— А если тебе подбрасывают ключ от того запертого помещения, а? Ненавязчиво так подбрасывают. Мол, хочешь — заходи, не хочешь — не заходи. А обстоятельства настоятельно требуют, чтобы ты зашел. Очень настоятельно.

— Значит, там ловушка,— уверенно сказал Хайк.— Что ж еще!

— Вот и я того же мнения,— кисло сказал Семен, надавливая на кнопку.

Хрустальная паутина рассыпалась миллионами искрящихся пылинок; вход в прыгалку был открыт.

— Слишком уж все просто и нарочито,— Семен упер руки в бока, с подозрением уставился на дверь.— Слишком. Этот замок явно рассчитан на меня! Именно — на меня. На того, кто может видеть магию. И воздействовать на нее. Как идти в прыгалку не хочется... Ведь ловушка же! Факт.

— А кому сейчас легко,— рассудительно возразил Мар.— Разве есть варианты?

— Нету,— вздохнул Семен и приложил ладонь к треугольнику.

Овал двери растаял в воздухе. Перед Семеном был коридорчик, такой же серебристый, как и обшивка прыгалки: впереди виднелась еще одна дверь. Тоже с красным треугольником.

— Я первый,— твердо сказал Хайк, отстраняя Семена в сторону и входя в коридор.

К счастью, ничего не случилось: не сработала какая-либо тревожная сигнализация или тайное оружие от непрошеных гостей; растворившаяся входная дверь тоже не вернулась на место. Впрочем, дальняя дверь как была закрытой, так закрытой и осталась.

— Думаю, не Хайка здесь ждут,— буркнул Семен.— Эхма!— И вошел в коридор.

Входная дверь тут же материализовалась у него за спиной, отгородив Семена и Хайка от внешнего мира. Сразу стало очень тихо: Семен теперь не слышал ни ровного гомона толпы, ни резкого: «Тля!» Как будто бы их замуровали глубоко под землей. Похоронили.

Семен прошел к следующей двери, запечатанной точно так же, как и наружная, надавил на хрустальную кнопку, подождал, пока осыплется искристая пыль, приложил к треугольнику ладонь — овальная дверь послушно исчезла, пропуская его дальше.

— Приглашают,— с нервным смешком сказал Семен.— Ждут.— Он перешагнул через низкий порожек; Хайк вошел следом, и дверь немедленно вернулась на место.

Пожалуй, место, где оказался Семен, нельзя было назвать ни рубкой управления, ни технической кабиной: здесь не было никаких средств управления. Вообще. Ни обязательного пульта с ручками-кнопками и голографическими мониторами, что так любят показывать в космических мыльных операх; ни противоперегрузочных кресел, в которых мужественные астронавты мужественно страдают от нечеловеческих перегрузок, удирая от шальной черной дыры; ни, в конце концов, хоть какой-нибудь паршивенькой анабиозной камеры. Ничего! Только лишь окружность серебристой стены, серебристый пол и такой же серебристый потолок — Семен как будто попал внутрь новенькой консервной банки. Большой и плоской.

— И что дальше? — выйдя на середину, громко спросил Семен неизвестно у кого.

Словно дождавшись именно этих слов, стены растаяли. Разумеется, они не пропали вообще, но стали настолько прозрачными, что Семен невольно попятился: с одной стороны прыгалки был виден бездонный провал с медленно плывущими в нем облаками, с другой — службисты-безопасники, кучкующиеся поодаль от энэлошки. Никто из безопасников, увлеченных важным спором, не смотрел в сторону прыгалки; звук отсутствовал, но и так было понятно, что страсти накаляются— Семену даже показалось, что он опять слышит громогласное: «Тля!» Что конечно же было невозможно.

Внезапно и обрыв, и разгоряченные беседой службисты поплыли вниз — прыгалка мягко взлетела. Очень мягко и бес-

шумно: никакого ускорения Семен не почувствовал. Наверное, и старт был беззвучным — никто из безопасников даже ухом не повел. А может, в таком гомоне просто не услышали, если чего и прозвучало... Не до того им было.

— Вот так и похищают ценных имперских специалистов,— с горечью сказал Мар.— Всем на тебя наплевать! Никакой заботы. А после будут за головы хвататься, волосы рвать... Когда их всех по зомби-филиалам разошлют. На руководящие посты. А может, и на подчиненные... Эх, тля, р-работнички...— медальон презрительно цыкнул и умолк.

— Летим, да? — полувопросительно-полуутвердительно проговорил Хайк.

— Летим,— согласился Семен.— К Сетке и летим. Что сейчас будет! Ох, что будет...

Прыгалка вдруг заложила вираж и встала на ребро, изображение на стенах резко сместилось: с одной стороны теперь была видна удаляющаяся гора с заснеженным пиком, крохотным пятачком посадочной скалы и темной россыпью еле видимых точек, в панике снующих между желтыми пятнышками летунов; с другой стороны на энэлошку надвигались черные ячейки Сети, быстро увеличиваясь в размерах.

Внутри самой прыгалки этот лихой маневр ничем не проявился — как стоял Семен, так и продолжал себе стоять. Только голова крепко закружилась от увиденного.

— Что сказал бы в такой ситуации гражданин начальник филиала? — скучным голосом спросил Мар.— Мать твою? Так вот: мать твою-у-у!!! — завопил медальон как резаный.

Сеть была рядом. Рукой подать.

ГЛАВА 16
Сверхсекретная Лаборатория Имперского Многоцелевого Полигона

Ячейки Сети были крупными, но не настолько, чтобы прыгалка могла проскользнуть сквозь них. Даже по диагонали. Даже сложившись вдвое.

Магическая сеть оказалась сплетена из очень мощных заклятий: если сравнивать размеры плетенки с чем-либо знако-

мым Семену, то скорее всего она походила на часто состыкованные трубы транзитной магистрали нефтепровода. Мощной такой магистрали, по которой нефть из одной страны в другую качают; внутри дымчато-темных труб переливалось вязкое фиолетовое зарево.

Даже будь Семен снаружи, каким-то окаянным способом уцепившись за гладкий бок энэлошки, то и тогда вряд ли бы он смог сделать что-либо: такое мощное колдовство, планетарного масштаба, ему было не по силам.

Прыгалка неожиданно остановилась, не долетев до дымчато-фиолетовых труб, застыла на месте как вкопанная. Вертикально, стоя на ребре. Так же, как и летела.

Сквозь темные отверстия ячеек просвечивались россыпи далеких звезд — наступала ночь; звезды были яркими и неподвижными. Но не все: одна из самых ярких звезд, внезапно покинув небосвод, стремительно помчалась вниз, навстречу к удирающей из Безопасного Мира прыгалке. Семен еще успел разглядеть, как звезда, увеличившись в размерах, превратилась точно в такую же серебряную энэлошку — успел, а потом с криком зажал глаза руками: встречная прыгалка врезалась в Сеть. Полыхнуло так, словно где-то неподалеку, на миг, во всю мощь зажглось солнце, самое большое из двух; пол пошел ходуном — Семен не удержался на ногах и крепко приложился об пол боком.

Когда в глазах наконец перестали мельтешить зеленые пятна, а пол прекратил трястись как перегруженная бельем стиральная машина, Семен открыл глаза. И встал на ноги.

Они были в том самом месте, которое Мар когда-то определил как мощную колдовскую границу между Мирами — преграду, непреодолимую без особых путевых заклинаний. Преграду в виде ледяного безвоздушного пространства.

Они были в космосе.

Хайк сидел на корточках, со спокойным интересом озираясь по сторонам и держа в руках шар предсказаний. Наверное, шар выкатился из сумки во время тряски — тощая сумка валялась у Семена под ногами, золотые шахские монеты рассыпались по всему полу. Но собирать их Семен не стал, не до золота сейчас было!

За прозрачной стеной прыгалки висел большой глобус Безопасного Мира, плотно исчерканный темными нитями параллелей и меридианов магической Сети; в одном месте Сеть была порвана, там медленно клубилось тусклое фиолетовое облако. Облако постепенно сжималось, уплотнялось и ветвилось, превращаясь в то, чем было изначально,— в нити защитной Сети. Через десять секунд Сеть восстановилась и уже ничто не говорило о том, что здесь недавно сгорела очередная прыгалка чужих. Прыгалка-камикадзе, открывшая проход для прыгалки-похитительницы.

Безопасный Мир становился все меньше и меньше, проваливаясь в космическую черноту, вскоре планета исчезла из виду вообще, словно ее никогда и не было; чуть погодя превратились в звезды парные большое и малое солнца, сразу затерявшиеся на фоне общей звездной мешанины.

Семен и представить себе не мог, с какой скоростью они сейчас мчались, впрочем, он и не собирался ломать голову над такими пустяками.

— Мар! — нетерпеливо позвал Семен.— А ну-ка транспортное заклинание, живо! Уматываем с посудины, пока нас непонятно куда не утянуло. В любой Мир... только не в Безопасный! Шнель-шнель!

— Есть! — по-военному четко ответил медальон. И тут же не менее четко доложил: — Никак нет! Ничего у нас не получится, Семен, эта прыгалка такая же непробиваемая, как та небесная сетка. Влипли мы, Сеня, суши сухари... И никто не узнает, где могилка моя...

— Тьфу ты,— Семен упер руки в бока, расстроенно глянул на Хайка.— Мы с тобой сейчас, Хайк, ей-ей, как те Белка и Стрелка в испытательном полете... были такие собачки, в небо их отправили... гавкай сколько влезет, а с орбиты все равно не снимут! Даже если сдохнешь. Не получается у нас удрать отсюда, вот какое дело, понимаешь! Хотя, если подумать...— Семен нерешительно потянулся к кошелю с магическим золотом.

— Не вздумай! — всполошился Мар.— Нам в этой банке только молниевого кадавра не хватало!

— Ну почему же кадавра,— смутился Семен.— Ты уж прямо сразу... Может, я дверь хотел придумать, а ты не дал! Обычную

волшебную дверь. В другой Мир. Магия древняя, мощная... Авось пересилила бы техническую.

— Двери придумывать после будешь,— категорически заявил медальон.— В каком-нибудь необитаемом Мире. Который и потерять не жалко. А сейчас давай без экспериментов, ладно? Ха, дверь! Знаю я, чем это скорее всего закончилось бы: обычной дыркой в стенке прыгалки. Натуральной. Это ж междумирье, темнота! Кто же с ним шутки шутит?.. Я бы тебе рассказал пару историй об этом жутком месте, но некогда и незачем. Не люблю зря страхи нагонять! Хотя нет, люблю, но всему свое время. Ты давай головой думай, а не за древнее золото хватайся...

— Головой я уже подумал,— огрызнулся Семен,— толку-то.

— Тогда думай другим местом,— невозмутимо посоветовал Мар,— каким хочешь. Главное — думай! Кстати, а ты еще что-нибудь надумал, кроме двери в никуда? Если не секрет.

— Надумал я очень простую комбинацию, на которой нас взяли,— неохотно ответил Семен.— Кто-то — Кардинал или чужие — пронюхал, что я нахожусь в Безопасном Мире. Зная, что его жители окончательно свихнулись на почве глобальной безопасности, эти шустрые ребята нагло взломали защитную Сеть и отправили туда, в Безопасный Мир, пустую прыгалку. Прыгалку, запечатанную особой печатью... которую только вор Симеон взломать сможет... и имеющую для возвращения один-единственный жестко указанный адрес. С тем безошибочным расчетом, что после этого Сеть блокирует все входы-выходы наглухо и выбраться из Безопасного Мира можно будет только на той пустой прыгалке. А заодно эти спецы по провокациям заранее вычислили начало обязательной тотальной проверки архивов и, соответственно, документов у населения. Как же без проверок-перепроверок в такой ситуации... И осталось этим головастым ребятам всего-навсего дождаться, когда вор-Симеон вместе с кошелем драпанет на той прыгалке. Если сумеет до нее добраться. Вот, сумел-таки,— закручинился Семен.— Еще и с молниевым кадавром расстарался, для усиления режима проверки... Как на заказ.

— Думаю, Кардинал здесь ни при чем,— уверенно сказал Хайк, поглаживая шар предсказаний и отстраненно глядя в его бирюзовую глубину.— Не может быть у Кардинала столько

прыгалок, чужие никому их не продают. И в аренду не сдают... Тем более сжечь вот так вот, запросто, две прыгалки, и всего лишь для того, чтобы третья смогла войти в запрещенный для чужих Мир и выйти из него!.. Это чужие, Симеон.

— Стрелку они нам забили,— мрачно сказал Мар.— В смысле не собаку, а конкретную встречу. Как бы от нее отмазаться... Не имею ни малейшего желания общаться с этими уродами!

— Я тоже,— согласился Семен.— Хайк, скажи-ка, дружище, а ты можешь попробовать взять управление этой посудиной на себя? Вроде того, как ты друидским домом управлял, чтобы со мной встретиться.

— Попробую,— коротко ответил Хайк и надолго умолк, глядя в шар предсказаний.

Шло время, минута за минутой: звездный пейзаж за стенами-окнами почти не менялся. Почти, потому что кое-какие изменения все же происходили, медленно, но происходили: какие-то звезды постепенно тускнели и исчезали, какие-то, наоборот, возникали; казалось, что Вселенная неспешно вращается вокруг единственного центра мироздания — вокруг прыгалки чужих.

Будь на месте Семена какой-нибудь крупный физик-теоретик, он уже раз пять сошел бы с ума, потому как прыгалка нарушала все известные законы физики, обходясь безо всяких теоретически предсказанных гиперскачков, подпространств, нуль-проколов и сверхсветовых скоростей. Возможно, даже игнорируя и великую теорию относительности. Она просто очень быстро летела.

А может, и не сошел бы с ума, а вовсе наоборот — наглядевшись воочию на все эти антинаучные страсти, возвысился бы тот теоретик интеллектуально и тут же придумал бы новый закон физики, объясняющий все на свете. За что благодарные сограждане вручили бы ему Нобелевскую премию, поставили бы при жизни памятник на родине и благополучно забыли бы о том физике через десяток-другой лет, увлеченные единственным жизненно важным для всех законом — экономическим.

Семен подобрал монеты (чего деньгами зря сорить?) и сел напротив Хайка, прислонившись спиной к Вселенной за прозрачной стеной.

Минут через пять Хайк ожил.

— Есть,— выдохнул он, глядя на Семена покрасневшими от напряженного вглядывания глазами,— подключился.

— Ну-ка,— обрадовался Семен,— и что у нас там?

— У нас там билет в один конец,— сообщил Хайк.— Я не силен в звездной терминологии чужих... по-моему, прыгалка летит в один из самых окраинных Закрытых Миров. Там у них что-то вроде основной базы.

— Так-так,— Семен довольно потер руки.— Можешь изменить маршрут?

— Могу,— кивнул Хайк.— Только куда лететь? Миров, живых Миров — тысячи. А мертвых и того больше. И все имеют свои координаты! Которых я, разумеется, не знаю. Тем более в исчислении чужих.

— Семен, скажи ему, чтобы рулил к самому ближнему Миру,— встрепенулся Мар.— Какой будет, такой и будет, какая разница. Нам главное из этого тазика побыстрее выбраться, а там уже я за дело возьмусь!

— Хайк, веди прыгалку к ближайшему Миру,— сказал Семен.— Только проверь, чтобы он не совсем мертвым был. Чтобы хоть воздух имелся.

— Само собой,— кивнул Хайк и опять уставился в шар.

Вселенная повернулась вокруг прыгалки на пол-оборота и остановилась; одна из звезд стала увеличиваться в размерах— это было местное солнце.

Из темноты проклюнулась еще одна звездочка: быстро приблизившись, она превратилась в планету. Прыгалка пошла на облет неведомого Мира.

Похоже, технической цивилизации на этой планете не имелось — сплошь зеленые материки, ни городов, ни пустынь; очень тихие моря и океаны — за время облета Семен не увидел на них ни бурь, ни штормов; небо этого Мира было неправдоподобно чистым. Планета казалась весьма благоустроенной. По-хозяйски благоустроенной.

— Экий конфетный Мир,— с неприязнью сказал медальон.— Не верю! Небось как у той шлюхи — морда намазана, а сама месяц не мылась...

— Да ты, Мар, настоящий циник! — с притворным ужасом заметил Семен.— Не веришь ты в светлые идеалы. В торжество добра не веришь! Как же так?

— Да вот так,— серьезно ответил медальон.— Не верю. И в то, что красота спасет Миры... выдал такое один, не помню кто... тоже не верю! Ничего их не спасет. Даже слимп.

— От чего — не спасет? — заинтересовался Семен.

— Да от всего,— уклончиво ответил Мар.— Не спасет, и точка.

— Тогда, может, ну его, этот слимп? — легко предложил Семен, глядя, как новый Мир приближается к ним, разворачиваясь от горизонта до горизонта бескрайней зеленой равниной.— Раз он все равно не спасет... Хайк, вон там! Видишь, вроде бы здание какое-то... Обойдемся, Мар, без слимпа?

— Ты что! — возмутился медальон.— Я же образно! Соображать надо. Спасет, не спасет, торжество добра... Ты прямо как Кардинал с его идеей фикс об идеальном мироустройстве. Найдем — там разберемся.

— Эт-точно,— согласился Семен,— разберемся. Хайк, тормози — и вниз. Приехали.

Прыгалка скользнула к земле.

Едва только энэлошка коснулась поверхности, как стены-окна немедленно приобрели изначальный серебристый цвет: Семен опять почувствовал себя запертым в консервной банке.

— Все, кино закончилось,— Семен подошел к двери.— Хайк, когда мы выйдем из прыгалки, что с ней будет?

— Дальше полетит,— Хайк встал, не отрывая взгляд от шара,— по адресу. Я ее снаружи контролировать никак не смогу.

— Ладно,— Семен приложил руку к треугольнику на двери, та послушно растворилась.— Тогда подожди меня в коридорчике.

Хайк осторожно, словно неся в руках не шар предсказаний, а до краев полную чашу, вышел из помещения.

— Ты что задумал? — поинтересовался Мар.— Вижу ведь— задумал!

— Привет передать хочу,— Семен покопался в сумке.— Пламенный. Хозяевам прыгалки, альфам-бетам разным. Мол, вор Симеон здесь был, наше вам с кисточкой. Да вот ни карандаша, ни гвоздя...

— Предлагаю отправить им кое-что посущественнее письма,— оживился Мар.— Есть у меня в запасе одна очень подходящая к моменту упаковочка. Случайно сохранилась. Еще с тех пор, когда мы с одним из моих хозяев возили контрабанду для Зеленого Мира...

...Хайк стоял у внешней двери, спиной к серебристому помещению, и потому не видел, что там происходило. Единственное, что его сейчас заботило,— это как бы не разорвать контакт с прыгалкой, удержать ее на месте. И потому, когда мимо Хайка промчался Семен с вытаращенными глазами, одной рукой зажимая нос, а ладонью другой с ходу впечатываясь в треугольник открывания двери,— Хайк даже глазом не моргнул. Не имел он сейчас права моргать...

Дверь открылась, Семен кубарем выкатился из прыгалки, и только теперь Хайк почувствовал невероятное зловоние — кашляя и отплевываясь, Хайк выбежал следом за Семеном.

Прыгалка тут же зарастила входное отверстие и медленно-медленно приподнялась над землей.

— Что... Что это было? — еле продышавшись, через слово чихая и кашляя, спросил Хайк.

— Удобрения,— Семен обтер мокрое от слез лицо рукавом, высморкался.— Драконье дерьмо. Еще та слезогонка... Между прочим, весьма ценится в Зеленом Мире. Весьма! Это, Хайк, мой подарочек нашим благодетелям,— Семен сплюнул и от души расхохотался.— Полный горшок! Аж до потолка... Тонны полторы будет. А то и две.

Летающий горшок, словно тихий ангел, торжественно и бесшумно воспарил в небо, уносясь в бескрайние космические просторы. С грузом ценного удобрения на борту: затаренный дерьмом под завязку.

— Итак,— бодро сказал Семен, подбоченясь и подмигнув Хайку,— что мы имеем? А имеем мы, братцы, свободу. И новый Мир в придачу! Что же еще надо вольным искателям приключений?

— Ночлег надо,— стал деловито перечислять Хайк,— ужин. Вечер скоро, вон солнце как низко опустилось,— он прижал одной рукой шар предсказаний к боку, на манер арбуза, а второй указал на зависшее в небе солнце.

— Это еще неизвестно, вечер ли здесь,— возразил Семен.— Может, самое утро... Возьми-ка, нечего шар плющить.— Он протянул Хайку сумку.— Будешь оруженосцем... то есть сумконосцем. А насчет ночлега ты прав: вечер тут или утро, а поспать надо. Мар, как у нас с транспортным колдовством? Заработало?

— Все в порядке,— успокоил Семена медальон.— Работает. Вас куда доставить?

— Пока никуда,— решил Семен.— Можно и на природе переночевать. Понравилось мне на свежем воздухе!

— Зачем же на природе,— Хайк спрятал шар в сумку, пристроил ее на плечо,— вон здание стоит, пойдем туда. Все же крыша! Кто знает, какие здесь ночи. Или дни.

— Хм, спать в незнакомом доме,— недовольно покрутил носом Семен,— не самый лучший вариант.

— Ничего страшного,— отозвался медальон,— я тебя разбужу, если что. Или прикрою вас обоих защитой, тебя и Хайка. Могу и повоевать, пока вы спите. Выключить все звуки и повоевать. Я нынче много чего могу!

— Отставить воевать,— приказал Семен и неожиданно зевнул.— А насчет защиты ты хорошо придумал. Это я дозволяю. Хайк, пошли,— Семен махнул рукой.

Прыгалка выпустила их на равнине, неподалеку от приземистого широкого здания. Здание было с закругленными, словно слизанными ветром углами; окон в нем не наблюдалось, зато имелась высокая квадратная дверь, слегка утопленная в стену; в двери поблескивало стеклышко глазка. Само здание было темно-зеленого цвета, не сильно отличаясь раскраской от травы.

— Бункер какой-то,— позевывая, заметил Семен, подходя к обтекаемому строению; вблизи от здания воздух почему-то одуряюще пах свежей масляной краской.— Убежище. Зачем здесь убежище? — Семен протянул было руку к двери, но тут же поспешно убрал ее: дверь поехала в сторону, прячась в стену.

В открывшемся проеме стоял бравый добрый молодец в таком же, как у Семена, пятнистом камуфляжном костюме, но в мягкой камуфляжной фуражке на голове; у Семена такой фуражки не было. Бравый молодец резко козырнул, махнув двумя пальцами у виска, и бойко отрапортовал:

— Здравия желаю, господин...— молодец пошарил взглядом по плечам Семена, ничего там не обнаружил,— ...господин старший офицер! За время моего дежурства никаких происшествий не случилось! Дежурный по противомагическому бункеру сержант Горкин.

— Вольно, разойдись,— автоматически ответил Семен.

Сержант правильно понял странную команду: он подался в сторону, пропуская Семена.

— Мы что, войдем туда? — с подозрением спросил Мар.— Бункер, надо же... Еще и противомагический. Вояки, понятное дело... Хотя почему бы и нет? Я и из бункера вас выдерну, ежели приспичит. А вдруг что интересное здесь узнаем? О слимпе, например. Пошли, Семен.

Семен уверенно шагнул в полумрак.

— Штатский с вами? — нейтральным голосом заметил сержант.— Уровень соответствует?

— Вполне,— коротко ответил Семен.— Штабной наблюдатель с правом голоса. Консультант.— Похоже, Семен стал понемногу привыкать к авантюрным поворотам судьбы: врал он теперь бойко и ничуть не смущаясь. Уверенно врал. Профессионально.

Дверь бункера встала на место, под потолком зажглась цепочка ламп дежурного освещения: коридор шел наклонно вниз.

— Вы первый из прибывших, господин...— сержант выжидательно замолк.

— Майор,— подсказал Семен, с независимым видом направляясь по коридору в глубь бункера. Он мог бы, конечно, назваться и генерал-майором, жалко, что ли, но опасался, как бы чин оказался не по возрасту. Зачем ненужные подозрения?— Продолжайте, сержант.

— Остальные члены лабораторной группы ожидаются утром, господин майор,— поспешил доложить сержант Горкин.— Воздействие, как и было запланировано, будет проводиться ровно в полдень.

— Значит, все-таки вечер,— пробормотал Семен.

— Виноват, не расслышал? — напрягся сержант.

— Я говорю — ужин когда? — Семен продолжал вышагивать, не обращая внимания на сержанта.— И коротко доложите обстановку, что да как... Офицеры в бункере есть?

— Ужин по распорядку, после заката. Для членов лабораторной группы подготовлен отдельный зал. Офицеры...— Сержант замялся.— Разумеется, есть... только они раньше ужинать сели, у себя... не ждали они сегодня никого! Ведь прыгалки

только завтра должны прибыть,— виноватым голосом, словно оправдываясь, сказал сержант.

— Тогда веди к офицерам,— ледяным тоном приказал Семен.— Мы тоже ужинать будем, вместе с ними. Пораньше.

...Прибытие Семена вместе с Хайком, в сопровождении дежурного сержанта, переполоха среди офицеров не вызвало. Гостей поначалу вообще не заметили.

В маленькой комнате, куда сержант привел самозваного майора и не менее самозваного штабного наблюдателя,— скорее всего это было какое-то подсобное помещение,— шла пьянка. Обычная рядовая пьянка, без особого размаха, явно организованная на скорую руку,— посреди стола красовалась почти пустая поллитровка, на тарелке горка бутербродов с колбасой, пустая банка из-под консервов да три стакана: офицеров в стандартных камуфляжах было трое. Дым в подсобке стоял коромыслом, все трое курили, стряхивая пепел в банку.

Сержант громко откашлялся, но не от дыма, а для привлечения внимания.

— Горкин,— обрадовался один из офицеров,— вовремя ты! Организуй-ка нам еще один пузырь... Эй, ты кого там с собой привел?

— Майор из лабораторной группы,— сдавленным голосом произнес Горкин,— только что прилетел.

— Давайте без чинов,— с ходу предложил Семен, проходя к столу и присаживаясь на свободный табурет.— Я сегодня не на службе, завтра служба будет... еще пара стаканов найдется?

— Горкин,— повел бровью офицер,— организуй. И пузырь не забудь.

Сержанта словно ветром сдуло.

— Хайк, присаживайся,— Семен вытащил из-под стола еще один табурет.— Наш человек, не смотрите, что не при форме и с бородой. Специалист в своем деле,— отрекомендовал Семен Хайка. Что было абсолютной правдой: в своем деле Хайк действительно был специалистом. Просто у него пока что не было случая наглядно продемонстрировать свое умение.

— Симеон,— представился Семен, слегка привстав с табурета и кивнув присутствующим военным. Вспомнив ехидные слова медальона, сказанные им на спасательном летуне, май-

ор-Симеон весомо добавил: — Диверсионный отдел, старший офицер-разрушитель. Специализируюсь по кадаврам.

Местные офицеры, враз поскучнев лицами, тоже ответно представились. Имен их Семен не запомнил, а воинское звание у всех было одинаковое: капитан. Правда, было одно небольшое отличие — тот офицер, который послал сержанта за бутылкой, был комендантом бункера. То есть являлся как бы старшим капитаном. Или младшим майором. Что, во всяком случае, почти уравнивало его с новоявленным представителем диверсионного отдела.

— Предлагаю на «ты»,— доброжелательно сказал Семен.— Я майором-разрушителем совсем недавно стал... можно сказать, только что... так что давайте на равных, идет?

Никто не возражал, тем более что сержант принес еще пару стаканов и закупоренную бутыль. Хайк пить отказался и, сославшись на важные дела, попросил отвести его в более спокойное место. Мол, документы почитать надо — Хайк похлопал себя по сумке. Документы отозвались металлическим звоном, но никто не обратил на это внимания, потому что уже было налито. Бравый сержант Горкин увел Хайка с собой, а оставшиеся чокнулись стаканами за знакомство.

Семен много пить не собирался, хватит организм травить, тем более что в стакане оказался самогон. Крепкий, очищенный, но самогон.

Семен отхлебнул половину налитого, закусил бутербродом.

Некоторое время висела неловкая тишина, все-таки Семен был здесь человеком случайным, тем более старшим по званию. Да еще из ожидаемой лабораторной группы. Но самогон брал свое, тем более что Семен для завязки разговора поделился с капитанами свежей новостью из своей служебной практики: о нападении чужих на Безопасный Мир и молниевом кадавре, сброшенном местной спецслужбой и им, майором-разрушителем, в тень, вместе с обреченным сектором. Весело рассказал, с подробностями, не путаясь и не повторяясь. Наверное, очищенная выпивка так подействовала.

Капитан-комендант ответил на это, что здесь, на полигоне, и не такое видали. И тут же пошли рассказы-воспоминания, подогретые самогоном,— рассказы об испытаниях самого раз-

нообразного магического оружия, которые проводились в этом специальном Мире. Мире-Полигоне.

Семен внимательно слушал невероятные байки, согласно кивая головой и мотая на ус важные сведения, которые сообщали разговорчивые офицеры-собутыльники; в конце концов из этих разрозненных фрагментов непринужденной беседы сложилась довольно любопытная картина. Очень и очень любопытная.

В этот Мир никак нельзя было попасть обычным магическим способом. Даже случайно. Потому что транспортные заклинания в упор не хотели видеть Полигон, не находили его, даже если в тех заклинаниях специально указывался адрес. Насильно вколачивался. Как вколачивался? Ну, на это есть специалисты... Военные маги, стало быть. Головастики-теоретики, контрактные «пиджаки» при Имперском штабе.

А еще этот Мир отсутствовал в реестре Имперских Миров, хотя и принадлежал Империи. С реестром понятно: или не включили в него Мир-Полигон из-за уникальной сущности, или специально вычистили любое упоминание о Полигоне — и вся недолга. А вот загадку его безадресности так до сих пор и не разгадали, да в общем-то никому и не нужна стала та разгадка, с тех пор как безымянный Мир стал Миром-Полигоном. Когда Кардинал издал секретный приказ, передав Полигон в военное ведомство.

Кстати, о Кардинале — говорят, что Мир-Полигон первыми обнаружили чужие... ну да, сюда ведь только на прыгалках и можно добраться... Убраться? Убраться отсюда можно и без прыгалок, как обычно, с транспортным заклинанием... о чем это я? А, вспомнил! Нашли, значит, чужие бесхозный Мир и по сходной цене продали его Империи. Вернее, Кардиналу... тс-с, это страшная военная тайна, но здесь все свои, так что... а прыгалки военное ведомство с тех пор у чужих фрахтует. Чем расплачивается — неизвестно. Тайна. И тайна, видать, серьезная, даже не военная, военную давно бы разболтали...

Последний год на Полигоне почти перестали испытывать стандартное магическое оружие, а вместо этого принялись проводить странные неудобопонятные эксперименты... очень странные... по разрушительности ничуть не уступающие всяким молниевым, землетрясным и цунами-кадаврам... Почему

не видно разрушений? Так на то есть оперативная восстановительная служба. Прилетают, стало быть, они сюда после каждого эксперимента и наводят порядок: что в тень на время сбросят, что, наоборот, из тени вытащат, ежели срок прошел и на удаленном участке все успокоилось... бывает, за невозможностью восстановления что-нибудь из другого Мира навсегда позаимствуют, а местные жители после гадают, куда оно подевалось...

Завтра опять эксперимент, вы, майор, конечно, в курсе... не в курсе? Отправили в срочном порядке, ничего не объяснив? Это нормально, это по-нашенски, по-военному... Воздействие в полдень будет, вот как. Что за воздействие, это только генералы знают. Наше дело — обеспечить нормальную работу бункера: чтобы грязи внутри не было, чтобы все блестело, вылизано было... вон, вчера бункер снаружи полдня красили, сегодня весь день внутри мыли-чистили... личный состав сейчас пластом лежит, отбой до времени пришлось объявить. Да и то сказать — для наблюдения за воздействием сам маршал магических войск прибудет! Сам Ити Б.Р.В., лично. Инкогнито. У которого семь посмертных жизней, в знак особых заслуг перед Империей. И еще какой-то особый кардинальский отряд заявится... хрен его знает, что за отряд. Возможно, что и Кардинал прилетит, но это вряд ли. Слухи ходят, что приболел он сильно, даже деловые приемы отменил: говорят, покушение на Кардинала недавно случилось, взорвать его кто-то пытался. При помощи запретных первичных заклинаний... Врут небось. Знаем мы эти первичные заклинания, ха-ха,— молодая горячая императрица, старый государь-император... наш славный старикан, сто жизней ему после смерти... Так выпьем же за любовь, господа офицеры!

Разговор ненадолго перешел на женщин, но быстро увял, снова вернувшись к службе, к малой зарплате, к дежурствам по месяцу, к бестолковым придиркам начальства, к осточертевшим проверочным комиссиям... Семен понял, что ничего нового он больше не услышит. И потихоньку ретировался, оставив господ капитанов с третьей ополовиненной бутылкой самогона; господа капитаны ухода майора-разрушителя, знатного специалиста по кадаврам, не заметили. Впрочем, они сей-

час и самого кадавра не заметили бы, даже если бы тот сплясал канкан прямо у них на столе.

Вездесущий сержант Горкин, универсальный дежурный, провел Семена к месту ночлега. Семен подозревал, что это будет что-то вроде казарменного помещения, бункер все-таки, но обошлось — ночевать ему и Хайку предстояло в довольно приличной обстановке, в двухместном номере гостиничного типа. С душем, отдельным туалетом и даже, что очень умилило Семена, с маленькой кухонькой.

Хайк уже спал, оставив включенным потолочный светильник; будить его Семен не стал; разделся, принял душ и, завернувшись в простыню, ушел на кухню.

На кухне обнаружились: откидной стол, по сторонам от него пара откидных сидений; встроенный в стену шкаф, плотно забитый консервами и стопками чистой одноразовой посуды; миниатюрная раковина с хромированным краном. Разумеется, была и плита. Семен так и не понял ее устройства: плита ни к чему не была подключена и больше напоминала тумбочку, чем приспособление для нагревания,— внутри нее хранился небольшой чайник и несколько крохотных кастрюль,— но два плоских металлических кругляша на плите нагревались исправно, стоило только повернуть ручку.

Семен нашел в шкафу коробку с заваркой, банку с кусковым сахаром, вскипятил в чайнике воду и заварил крепкий чай: пить после самогона хотелось, как после селедки.

— Что скажешь? — спросил Семен у медальона, прихлебывая чай и постепенно приходя в себя.— Твое мнение, Мар?

— Много у меня мнений,— помолчав, грустно ответил медальон.— И все нерадостные. М-да-а, вломили мы тогда Кардиналу... Дублям, вернее, но и оригиналу за компанию нехило досталось. Это хорошо. Это радует. Однако теперь, Семен, мы личные враги Кардинала. А вот это плохо, он всю Империю перетрясет, чтобы тебя найти. Когда от болезни оправится.

Далее. Что у нас там далее? А, эксперименты на Полигоне. С экспериментами понятно, слимп они таким образом пытаются вычислить... Я так думаю. Зря, что ли, Кардинал целый Мир у чужих откупил да военным отдал? Еще и прыгалки эти, которые чужие никому не продают и в аренду не сдают... Однако для военного ведомства все же сделали исключение!

Вернее, для Кардинала. Стало быть, военные у него на поводке. Совсем плохо.

Что у нас еще? А, кардинальский отряд! Который завтра прилетит. Тут вообще без комментариев... Давно ли ты чуть сам договор кровью не подписал?

Короче говоря, единственно, что могу посоветовать,— приглядывайся и держи язык за зубами. Авось что полезное увидим, то, что самим может пригодиться. Главное, не выделяйся! Местные офицеры считают тебя залетным майором из имперской лабораторной группы, пусть и дальше так считают; те, которые завтра прилетят, примут тебя за местного «ать-два, принеси-подай», постарайся не разрушить это их впечатление. А сам подмечай, поглядывай... От кардинальского отряда вообще держись в стороне! Надеюсь, ты теперь имеешь представления, что это за люди... Зомби по сравнению с ними — вольные пташки, сами себе хозяева. Вот вроде бы и все. Вопросы?

— Все понятно,— Семен долил чаю в кружку, кинул туда пару кусков сахара.— Фу, никак не напьюсь. Крепкий был самогон, зараза.— Семен вытер пот со лба и задумчиво произнес: — Есть у меня вопрос, есть, но он как-то не по теме получается. Но все же: интересно мне знать, а где все эти годы хранилось то дерьмо, которое мы сегодня в прыгалку закачали?

Мар издал звук, как будто он чем-то подавился. После откашлялся и растерянно сказал:

— Вот уж не по теме так не по теме... Откуда ж я знаю! Заклинания они и есть заклинания, работают — и ладно. Это тебе лучше со специалистами поговорить. С теми, кто диссертации по прикладной магии защищал. Я ведь только практик, куда мне до них! Могу сказать лишь следующее: упаковочное заклинание — штука одноразовая, упаковал при его помощи что-нибудь, пароль вызова запомнил, а когда потребовалось — это «что-нибудь» и вызвал. Хоть через год, хоть через сто лет. Хоть через тысячу. Оно, это «что-нибудь», и через тысячу лет будет таким же, каким было в момент запаковки. Очень удобно для работы с контрабандой! Думаю, это что-то наподобие занормаливания. Частный случай.

Все остальные заклинания — многоразовые. Но конечные. Чем больше такими заклинаниями пользуешься, тем быстрее они выдыхаются, слабеют... Свежие заклинания осечек никогда не дают, пользованные — иногда, а дохлые — так через раз. Тогда, значит, надо идти и покупать новые. Или воровать, что мне нравится гораздо больше. Понял?

— Чего ж тут не понять.— Семен зевнул во весь рот.— Колдовство на батарейках. Ладно, пора спать ложиться. Завтра мне в роли Фигаро выступать.— Семен поднялся, выключил на кухне свет, прошел в комнату и упал на кровать; в комнате свет выключать он не стал. Так, на всякий случай.

— Что такое Фигаро? — требовательно спросил Мар.— Это типа шпиона, да?

— Это типа «Отелло рассвирепелло»,— сонно ответил Семен.— Опера это,— сунул голову под подушку и моментально уснул.

— Опера? — недоуменно переспросил Мар.— Опера... А, оперативный работник! Так я и говорю — шпион,— сделал вывод медальон и удовлетворенно замолчал. Последнее слово осталось за ним.

ГЛАВА 17
Спасательный Лаз Из Мира-Полигона

Прибытие лабораторной группы Семен и Хайк проспали. Они вообще проспали всю подготовку к воздействию! Впрочем, их вины в том не было: Семена и Хайка не разбудили, попросту забыв и о майоре-разрушителе, и о бородатом штабном наблюдателе.

Потому что на рассвете прибыла одна из первых прыгалок — с лабораторной группой, сразу приступившей к выполнению своих задач. К чему немедленно были привлечены все бойцы противомагического бункера и даже двое из невыспавшихся, полутрезвых офицеров.

Позднее прилетел кардинальский отряд, бойцов которого тоже надо было встретить и уделить им какое-то внимание — разместить хотя бы для начала по свободным комнатам; одновременно, совершенно неожиданно и абсолютно не вовремя,

примчалась комиссия по проверке противопожарной безопасности бункера — комиссия должна была прибыть только через неделю, но кто-то где-то перепутал сроки и прыгалка с чиновными пожарниками явилась аккурат в самое неподходящее время. Бравый сержант Горкин занялся размещением отряда, а капитан-комендант — руганью с комиссией.

Потом прибыл Маршал Магических Войск Стратегического Назначения.

Так что Семену и Хайку дали выспаться.

Позавтракав, Семен в одиночку отправился выяснять обстановку — Хайк пообещал подойти к выходу из бункера минут через тридцать — сорок. Что-то он там хотел посмотреть в шаре предсказаний, Семен не стал спрашивать что. Надо будет, сам расскажет.

Скорее всего, новости можно было узнать в гостевом зале, и Семен отправился на его поиски.

Проблуждав по запутанным коридорам бункера не менее четверти часа, Семен все-таки нашел гостевой зал, выделенный для членов лабораторной группы; бункер был пуст и казался необитаемым. Словно все ушли на фронт.

Гостевой зал тоже был пуст. Почти пуст.

За большим обеденным столом, лицом ко входу, на фоне лохматых карликовых пальм в кадках сидел чистенький, ухоженный и совершенно лысый старичок в белой льняной рубахе навыпуск, синих штанах-трико и тапочках на босу ногу; к одной из ближних пальм была прислонена швабра с намотанной на нее тряпкой, из-за кадки выглядывало пустое ведро. Старичок кушал яичко всмятку, благожелательно поглядывая на вошедшего Семена.

— Здорово, отец! — бодро поприветствовал Семен старичка.— Приятного аппетита! Батя, не подскажешь, куда весь честной народ подевался? А то пусто в подземелье, как в кармане после пьянки.

— Присаживайтесь, молодой человек,— старичок показал ложкой на один из стульев.— Чаю желаете? Хороший чай, серьезный. Сам заваривал.

— Некогда, батя, чаи гонять,— пожаловался Семен, присаживаясь.— Дела все, дела. Скоро задействие будет... тьфу, воз-

действие. Работы — во! — Семен чиркнул себя по горлу ладонью.

— Если не секрет, вы кто такой будете? — дружелюбно поинтересовался старичок, поглядывая на семеновский камуфляж без знаков различий.

— Я? — Семен расправил плечи.— Я — офицер-разрушитель из диверсионного отдела. Специалист по кадаврам и прочей хренотени. Майор. А вы, я так понимаю, из местной обслуги? — Семен покосился на швабру.

У старичка стал очень задумчивый вид, он даже яичко положил на тарелку.

— Офицер-разрушитель? — Старичок взял салфетку, неторопливо обтер губы.— Весьма интересно. Свежая мысль! Хм, разрушители... А я-то ломал голову, как новый диверсионный подотдел назвать, а они, оказывается, уже сами себе название дали... Орлы! Тебя как зовут, майор?

Семен почувствовал, что происходит что-то не то. Что старичок, скорее всего, не имеет никакого отношения к ведру и швабре, кем-то позабытым в спешке. Что старичок не кто иной, как...

— Майор Симеон,— поспешно вскочив и вытянувшись в струнку, отрапортовал Семен.— Виноват, господин маршал, не признал вас в штатском.

— Ну ты даешь,— восторженно выдохнул Мар.— Быстро сориентировался. А до меня пока дошло...

— Бывает, бывает,— усмехнулся маршал, наливая чай в две кружки.— Ты пей, не стесняйся... У меня когда-то тоже такой случай был,— старичок хитро прищурился, вспоминая.— Я тогда помоложе тебя был, в Имперском ведомстве служил... капитаном, по-моему. Или старшим лейтенантом... не помню, давно это было! Еще в первой жизни. М-м... в бане это случилось. Знаешь на Перекрестке старые Калитные бани? Должен знать, популярное место... Или снесли их уже? Ну, не важно... Повздорил я там в предбаннике с одним голым типом, он мне амфору с пивом ненароком разбил. Крепко повздорил, хе-хе. Силушки тогда у меня хватало... А потом оказалось, что это новый начальник отдела кадров Имперского военного ведомства. Только что прибыл и с дорожки сразу пошел в знаменитые бани. Омовение тела произвести, так сказать... На

следующий день я с ним нос к носу в ведомстве столкнулся. М-да-а... Так что служба моя незамедлительно переместилась в самый отдаленный гарнизон, на окраине Империи. Где вскоре в одном из Миров начался быстрый мор — из нереальности, разворошенной местными колдунами-самоучками, в тот Мир всякая пакость поналезла. Нас, конечно, бросили на ликвидацию... С этого момента и началась моя настоящая, а не тепличная штабная служба.— Маршал, растроганный воспоминаниями, отечески снисходительно посмотрел на Семена.— Значит, разрушители, говоришь? Ладно, пусть будет «разрушители».

Семен, всем своим видом выражая заинтересованность и чинопочитание, вежливо пил предложенный чай, в то же время лихорадочно придумывая, как бы выкрутиться из создавшейся ситуации: уж засветился так засветился!

— Тэк-с,— что-то обдумав, сказал маршал.— Это даже удачно, майор, что ты сюда зашел. Очень кстати! У меня как раз свободно место адъютанта... прежнего недавно покалечили, он слимперского жреца арестовывал, вот на операции и покалечили... а ты, Симеон, судя по всему — человек бойкий, расторопный... Значит, так — проведем воздействие, вернемся на Перекресток, там и напишешь рапорт о переводе в мой личный отдел. На должность адъютанта-полковника. Считай, что предварительное собеседование ты прошел.— Маршал Ити Б.Р.В. привстал, перегнулся через стол и потрепал опешившего Семена по плечу сухонькой рукой.— Поздравляю вас, полковник! Да, кстати, на построении будь обязательно, привыкай к своим новым обязанностям. Форма одежды... Не до парадов сегодня, оставайся как есть. М-м, что еще?.. Пожалуй, все. Построение через полчаса. Свободен,— маршал махнул рукой в сторону выхода. Семен уже открывал дверь, когда маршал вдруг спросил его в спину: — Симеон, а я тебя раньше нигде не встречал? Больно уж твое имя мне знакомо. И внешность.

Семен обернулся, не зная, что ответить. Не говорить же, что скорее всего маршал мог видеть его в полиментовской ориентировке, состряпанной художниками кардинальского сыскного отдела.

— Впрочем, чего это я? — удивился маршал.— При Имперском Магическом Дворе и видел, где же еще. Иди, полковник, иди. Не опаздывай.— И поднес к губам кружку с чаем.

Семен вышел и осторожно прикрыл за собой дверь. И на цыпочках кинулся прочь. К выходу из бункера.

— Па-аздравляю, гражданин полковник,— насмешливо и врастяжку сказал Мар.— Какой рост! Какая карьера! Просто сказка. Теперь надо обязательно сходить представиться командиру кардинальского отряда... есть же у них командир! Показать себя с лучшей стороны: тоже брякнуть что-нибудь в струю... Глядишь, и там звание себе оторвешь. Тебя кем Кардинал назначить хотел? Сержантом? Будешь, стало быть, полковником-сержантом. Или сержант-полковником, уж как тебе захочется.

— Отстань,— огрызнулся Семен.— И без тебя погано. Так проколоться!

— Почему — проколоться? — удивился медальон.— Ни в коем случае! Все получилось крайне удачно. Теперь ты адъютант и можешь шляться здесь где угодно. Я имею в виду, что никто тебе лишних вопросов задавать не будет,— пояснил Мар.— Скажешь, что адъютант, и все. Может быть, даже в первых рядах окажемся на этом... как его... на воздействии. Чтобы видно получше было,— с надеждой предположил Мар.— Люблю широкомасштабные воздействия! Особенно если они зрелищные и безобразные. Страшные.

Семен никак не отреагировал на реплику о широкомасштабных безобразиях: возле выхода из бункера, с сумкой на плече, у полуоткрытой двери стоял Хайк, чем-то явно удрученный. Унылый какой-то, погасший. Сам на себя не похожий.

— Ты чего? — Семен ободряюще улыбнулся Хайку.— Чего грустишь, как сестрица Аленушка над расфасованной козлятинкой? В шаре предсказаний что-нибудь не то увидел, да?

Хайк неопределенно кивнул, то ли отрицательно, то ли утвердительно. Семен насторожился:

— Ты поконкретнее можешь?

— Нет,— уныло ответил Хайк,— не получается поконкретнее. Я четыре раза просматривал наше возможное будущее... Ничего не просматривается! Нет у нас будущего, Симеон. Вот так.

— Ты это брось,— нахмурился Семен.— Померли, что ли? Вот так вдруг взяли и померли? Ерунда. Ты, приятель, не там

шар предсказаний смотрел! Надо было не в бункере с ним работать, а на улице, под открытым небом. Бункер-то противомагический... мало ли как он влияет. Заэкранировал шар, и все дела! Ты на воздухе давай посмотри,— Семен шагнул к двери.— Кстати, а где наш бессменный дежурный? Сержант Горкин — где?

— Там все,— повеселевший Хайк махнул рукой на выход,— к построению готовятся.

— Нет лучше праздника для военных, чем очередное, а тем более внеочередное построение,— глубокомысленно изрек Мар.— Все нормальные военные просто обожают построения! Спят и видят — как бы построиться поуютнее, а потом промаршировать куда-нибудь. Не важно куда, лишь бы подальше. Весело, с песней! У них, у настоящих военных, особая психика... маршировочно-строевая. Не каждому дано такое счастье. Вот тебе, Семен, не дано. Хреновый из тебя полковник будет! И сержант хреновый. Так что оставайся-ка ты лучше вором с прикрытием.

— Можешь не сомневаться, останусь,— пообещал Семен,— не люблю я строиться.— И вышел из бункера.

День близился к полудню: солнце висело почти посреди неба.

На зеленой равнине, вдалеке, что-то ярко поблескивало, словно там за ночь образовалось небольшое озерцо,— Семен прищурился, пытаясь разглядеть, что же там такое, но не смог. Слишком ярко блестело.

Неподалеку от бункера топтались на месте бойцы из обслуживания, человек тридцать, заранее построенные в шеренгу заботливыми отцами-командирами; над строем плыли табачные облачка — кто-то тайком курил, пользуясь моментом. Сами отцы-командиры, стоя на ближнем фланге, нервно поглядывали на бункер, ожидая скорого выхода маршала.

Чуть поодаль, перпендикулярно шеренге солдат, отдельной группкой держалось шесть человек, видимо, из кардинальского отряда. Пятеро мужчин и одна девушка.

Чувствовалось, что все шестеро из одной команды: если бункерные бойцы были одеты в стандартную темно-зеленую камуфляжку, шнурованные высокие ботинки, у всех на головах были одинаковые мягкие фуражки с длинными козырьками

(Семен поспешно создал себе такую же), то кардинальские спецы выглядели не менее одинаково, с той лишь разницей, что форма у них была другая. Черная. Но, в общем, похожая на солдатскую; на груди каждого из спецов поблескивал кружок медальона.

Капитан-комендант махнул Семену рукой, давай, мол, к нам, но Семен сделал озабоченное лицо и протрусил мимо, за спинами солдат, к другому флангу, поближе к кардинальской шестерке. Очень уж взглянуть на них поближе хотелось, когда еще такая возможность представится. Наверное, Семен делал что-то неположенное, потому что на него уставились все: и ближние солдаты, и шестерка в черном. Но из бункера уже вышел маршал, и капитан-комендант надрывно прокричал:

— Смирно, равнение на...

Семен не слушал дальнейших команд — в армии когда-то наслушался,— он внимательно разглядывал членов кардинальского особого отряда. Вернее, рабов Кардинала. Личных.

Парни были крепкие, мускулистые, все как на подбор плечистые и рослые, словно их с детства тренировали для службы в особых кардинальских войсках, а не забрали обманом из лабиринтов заколдованных замков и друидских пещер. Ну не тянула эта мускулистая пятерка на людей с необычными возможностями, никак не тянула! Самое необычное, на что они были способны,— это на лихое показательное разбивание кирпичей голыми руками и о собственную голову. Семен не сомневался, что этот трюк они наверняка освоили хорошо.

А вот девушка... Девушка была другой. Семен не мог толком понять, почему он так решил. Другая, и все тут!

Девушка была гораздо ниже своих рослых спутников: очень женственная, с хрупкой талией, перетянутой серебристым ремнем, с черными, до плеч, тяжелыми волосами, выбивающимися из-под фуражки; у девушки были тонкие черты лица, большие зеленые глаза... Здесь Семен и застрял, зацепился намертво и ничего не смог с собой поделать. Потому что взгляд у девушки был несчастный и отрешенный. Нездешний был взгляд. Похоже, она толком и не понимала, где находится и что сейчас с ней происходит.

— Медальон! — внезапно воскликнул Мар.— Обрати внимание — особый кардинальский медальон есть только у деви-

цы! Он размером больше стандартного! А пятерка качков-оболтусов вся со стандартными кругляшами... Какой это, к хренам собачьим, отряд! Это же обычная охрана, исполнители. А девица — да. Девица явно замордована колдовством до бессознательности. Вон, своими зелеными гляделками хлопает, ничего понять не может. Ой, неспроста это! Ой, не к добру. Сейчас ее кэ-эк сунут в то самое воздействие, кэ-эк заставят слимп на ощупь искать, тут ей секир башка и наступит. Ты глянь, глянь, она на тебя уставилась! Словно чего услышала...— Мар резко умолк: Семен прихлопнул его ладонью, как надоедливую муху. Потому что девушка действительно смотрела на Семена. В упор.

— Помогите...— еле слышно прошептала девушка,— помогите...

Стоявший рядом с ней охранник косо глянул на Семена, недовольно поморщился и шагнул вперед, заслонив собой девушку.

Семен вздрогнул, помотал головой.

— Ты слышал? — одними губами прошелестел он, убирая руку от груди.

— Слышал,— недовольно ответил Мар.— Хотя если будешь так по мне и дальше хлопать, тогда скоро точно ничего слышать не смогу... «Помогите» она сказала. Два раза. Я хоть и прихлопнутый был, но не глухой. У меня вообще слух первоклассный! Могу даже услышать, как пыль на пол ложится, но это когда вокруг тихо. И когда по мне не хлопают, как по таракану.

— Что же делать? — закручинился Семен. Очень тихо закручинился, не привлекая к себе внимания.— Что?

— Пока — ничего,— сказал Мар.— Пока стой и слушай выступление своего нового шефа, может, что умное скажет. Дальше видно будет.

Семен так и сделал, тем более что ничего иного ему не оставалось.

Маршал Ити Б. Р. В., парадный до невозможности — в белой высокой фуражке, в белом кителе, увешанном разнокалиберными медалями и орденами, с золотыми вензелями по широким лацканам, в белых наглаженных брюках с широким золотым кантом, в белоснежных перчатках и белых же туфлях,— словно капитан на роскошном океанском лайнере. Рангом не ниже «Титаника».

Маршал был в ударе. То ли он давно не выходил на свежий воздух, то ли чай оказался излишне крепким, но речь маршала была продолжительной и напыщенной: казалось, что Ити Б. Р. В. произносит один длинный бесконечный тост. Тост во здравие Императора и Кардинала, Кардинала и Императора. Просто Кардинала. Великого Кардинала. Кардинала, отца Империи... Тут маршал осекся, снял фуражку, вытер лысину белым платком и будничным голосом закончил свою речь:

— Сейчас будет произведено воздействие. Масштабное воздействие на реальность. Великий эксперимент, который позволит небывало укрепить мощь нашей горячо любимой Империи перед лицом надвигающейся угрозы,— Ити Б.Р.В. мельком взглянул в небо, словно угроза вот-вот должна была свалиться именно оттуда.— Лица, не участвующие в воздействии, должны укрыться в бункере. Лабораторная группа уже убыла из Мира-Полигона своим ходом, так что можно приступать,— маршал надел фуражку.— Да, кстати,— спохватился Ити Б. Р. В.,— обязан напомнить о неразглашении увиденного. За нарушение — или бессрочное занормаливание, или необратимое перевоплощение. Или конфискация памяти. По выбору,— маршал поправил фуражку, командно взмахнул платком.— Ура, господа!

— Ура! Ура! Ура! — троекратно, с подъемом рявкнул строй; Семен невольно усмехнулся: казалось, что военные бурно демонстрируют свою радость по поводу такой замечательной перспективы. По одному «Ура!» на каждое наказание. Нет, прав был Мар: у военных особая психика. Особая-преособая. Наизнанку.

— В бункер! — скомандовал маршал.— Бегом марш!

— Мар, включай невидимость,— тихонько сказал Семен и сделал шаг назад из строя.

В тот же миг вокруг Семена знакомо раскинулся полупрозрачный колпак, составленный из еле видимых чешуек-шестигранников. Семен отошел подальше в сторону от суетливо задвигавшихся бойцов, огляделся в поисках Хайка.

Хайк стоял поодаль, за спиной Семена, держа шар на вытянутой руке и озадаченно глядя в него: со стороны он смотрелся точь-в-точь как принц датский с черепом. Джинсовый принц с черепом предсказаний.

Семен подошел к Хайку вплотную — колпак невидимости тут же накрыл и Хайка.

— Хайк! — Семен нетерпеливо потряс бородача за плечо.— Очнись! Значит, так: мы остаемся здесь, в бункер не идем. Как только начнется воздействие... или что там начнется... мы сразу похищаем девушку и удираем. Никакой это не отряд! Нет, девушка точно из кардинальских опекаемых, а пятерка костоломов с ней — то ли охрана, то ли соглядатаи! Может, колдуны-исполнители какие. Слимперы на подхвате.

— Да,— кивнул Хайк, пряча шар в сумку.— Я знаю.— Бородач снял с себя куртку, оставшись в сетчатой майке-борцовке.— Я видел.— Хайк свернул куртку и сунул ее в сумку.

— Это зачем? — не понял Семен.— Для чего?

— Так надо,— загадочно ответил Хайк.

— Ты все-таки увидел что-то? — догадался Семен.— Что?

— Не скажу,— Хайк долгим взглядом посмотрел в сторону черной шестерки: девушка и ее сопровождение направились к далекому зеркальному сиянию.— А то у тебя кураж пройдет.

— Сказать все же придется, Хайк,— Семен тоже глянул в ту сторону.

Хайк секунду поколебался и неохотно ответил:

— Я видел три варианта окончания событий... Не сами события. Так вот: в первом варианте мы погибаем. Все. Вместе с теми шестью. В другом — ты спасаешься один. В третьем — мы уходим вместе с девушкой. Но куда уходим — не знаю. Не увидел. Не смог.

— Как избежать первых двух вариантов и реализовать третий? — сухо спросил Семен, времени на переживания уже не было.

— Не знаю,— развел руками Хайк.— Говорю же — видел только окончание событий!

— Ладно,— Семен не стал тратить время на расспросы.— Пошли! Держись поближе ко мне,— предупредил он Хайка, заметив, что колпак прикрывает их обоих.— Нас Мар сейчас страхует. Пошли.— Они бегом бросились догонять шестерых в черном.

То блестящее, что Семен принял издали за озерцо, оказалось вовсе не озером. Воды там не было и в помине.

Далеко раскинувшись нелепо громадными лучами, на выжженном, сером от травяного пепла круге блестела гигантская пентаграмма. Раза в два больше той, что Семен видел в слимперском доме.

Пентаграмма, высокая, трехслойная, выступала над горелой землей наподобие бордюра; сбоку особенно хорошо были видны все ее слои: нижняя пентаграмма, самая толстая — медная, средняя, потоньше, из серебра. Верхняя, самая тонкая, из золота.

Как лабораторные умельцы ухитрились создать такой шедевр в полевых условиях, Семен не представлял. Скорее всего, пентаграмму доставили сюда уже готовой, применив упаковочное колдовство.

Пентаграмма внушала почтение своими размерами. И не только размерами,— Семен с тревогой обнаружил, что многослойная звезда, еще не активированная, еще не разбуженная заклинаниями, источает ледяной магический холод: у Семена даже мурашки побежали по коже. И еще, что было совсем пугающе,— пентаграмма отбрасывала в небо никому, кроме него, не заметную, легкую тень.

Пятеро парней, которых Мар окрестил качками-оболтусами, сопровождали девушку до самой пентаграммы. Возле многослойной звезды они разделились: девушка осталась стоять на месте, а пятерка бегом кинулась к остриям лучей.

Семен мельком глянул в сторону бункера и на секунду оторопел: зеленый бугор стал совсем низким, словно утонул в земле; из крыши бункера торчал мощный перископ, нацеленный на пентаграмму.

— Подводная лодка в степях Полигона,— невольно усмехнулся Семен и обернулся к Хайку.— Начали,— коротко сказал он и шагнул было к девушке...

Одновременно с этим со стороны бункера прогремел мощный пушечный выстрел. Что там могло стрелять, было непонятно, не перископ же! Но выстрел послужил сигналом: пятеро, стоявшие на концах лучей, одновременно вскинули руки; в тот же миг Семена насквозь пронзил ледяной нереальный ветер, тень над пентаграммой уплотнилась, налилась ночной тьмой: во тьме зажглись яркие точки. Похоже, это были звезды.

Вокруг девушки, на фоне тьмы, вдруг возник радужный переливчатый ореол; медленно, словно сомнамбула, девушка

направилась к сгустку мрака, в который превратился воздух над многослойной пентаграммой.

— Берем! — крикнул Семен, со всех ног бросаясь к девушке; та уже находилась всего в нескольких шагах от границы света и тьмы.

Подбежав, Семен попытался было схватить девушку за руку, но куда там! Ореол, внезапно вспыхнув ярче, оттолкнул Семена прочь.

— Так, да?! — в азарте крикнул Семен.— Толкаться, да? А так? — Семен раскинул руки, преградил девушке дорогу и принялся грудью оттеснять ее от пентаграммы, то и дело получая ощутимые тычки от часто вспыхивающего ореола.

Девушка вяло сопротивлялась, но обойти неожиданно возникшее препятствие не могла: она смотрела на Семена пустым взглядом, не видя его.

— Мар! — зло крикнул Семен.— Давай выдергивай нас отсюда! Мы в другом месте с этой защитной дребеденью разберемся. В спокойной обстановке.

— Не могу! — напряженным голосом крикнул в ответ Мар.— Тебя и Хайка могу, ее — нет. Закрыта она от меня, понимаешь? Она вообще сейчас от любой внешней магии закрыта... Думай, что делать?

— Ах ты,— рассвирепел Семен,— чертовы кардинальские штучки! Это медальон ее охраняет, зараза. Сорвать его к черту, и все дела,— и потянулся к шее девушки.

— Не вздумай! — всполошился Мар.— Убьешь ее! Нельзя! Она сейчас с медальоном — одно целое. Думай!

Семен продолжал держать девушку на расстоянии от пентаграммы, но долго так продолжаться не могло, надо было действительно что-то спешно придумывать. Тем более что обстановка резко изменилась к худшему.

Черные ребята, стоявшие у лучей пентаграммы, забеспокоились, принялись часто оглядываться, не понимая, что происходит: колпак невидимости укрыл от них Семена и девушку. Но зато теперь колпак не прикрывал Хайка,— Хайк стоял на виду, исподлобья поглядывая на плечистых колдунов. Сумку он свернул и отбросил в сторону бункера.

Наконец ближайшие двое не выдержали: одновременно сорвавшись с места, колдуны-слимперы во всю прыть бросились

к Хайку; мгла, оставленная без присмотра, стала угрожающе выпирать за пределы осиротевших лучей пентаграммы.

Колдун, подбежавший первым, даже и не понял, что с ним произошло, Семен тоже не понял, хотя ему все было отлично видно: Хайк на миг словно размазался в воздухе, а после снова материализовался, но уже в стороне, сбоку от колдуна; колдун, с неестественно повернутым к собственной спине лицом, по инерции пробежал еще пару шагов и мешком рухнул на землю, в агонии суча ногами. Второй колдун, схватившись рукой за медальон, что-то крикнул, останавливаясь,— Хайк сделал рывок в его сторону, опять исчезнув из реальности, и возник уже за спиной колдуна. Семен вытаращил глаза: колдун нелепо всплеснул руками и сложился пополам, но не вперед, а назад, стукнувшись затылком о свои пятки, сложился и упал; в то место, где перед прыжком стоял Хайк, запоздало ударила молния, вызванная мертвым уже колдуном.

— Господи, что он делает? — в ужасе воскликнул Семен.— Просто мясорубка какая-то!

— Тебя он спасает,— нервно ответил Мар.— Работа у Хайка такая, спасательная! Это же черепаховый боец, а не девочка по вызову. Не отвлекайся, думай! Нельзя же все время эту заколдованную подругу вот так на месте сдерживать...

Семен только хмыкнул вместо ответа. Он и сам знал, что нельзя. Но что делать? Что?

Сзади громко ухнуло, Семен оглянулся: колдуны ребята тренированные, знакомые с боевой магией, но куда им тягаться с Хайком! Еще двое лежали бездыханными — видно было плохо, далеко они лежали, у правого бокового луча, наверное, вдвоем пытались отбиться; у одного из колдунов было вырвано горло, у другого не было головы.

Семена замутило. Что там происходило с последним колдуном, Семен не видел, все закрывала пухнущая над пентаграммой мгла, но, судя по грохоту, последний колдун пока еще держался, отчаянно обороняясь от неизвестно откуда взявшегося чудовища. Чудовища в человеческом облике.

— Вспомнил! — Семен поспешно рванул из кармана рукоять радужного меча.— Попробую скинуть ее охранное заклятие на клинок! — Семен отвел руку в сторону и нажал кнопку.

— Смотри не зарежь ее впопыхах,— предостерег Мар,— аккуратнее действуй. Не торопясь. А главное — меч береги! Девушек на свете, поди, много, а такой меч всего один.

Семен не слушал мудрых советов медальона, не до того было: осторожно просунув водяной клинок между собой и девушкой, Семен с силой придавил его к защитному ореолу. Что-то негромко треснуло, словно сломалась сухая ветка; девушка пошатнулась, но устояла на ногах; всполохи, настойчиво отталкивавшие Семена от девушки, пропали, но сам ореол не исчез. А вот меч... Семен посмотрел вниз.

Клинок рассыпался водяной пылью. Разом. Навсегда. Да и кнопка на рукояти больше не высвечивалась, пропала вместе с клинком; Семен попробовал пару раз нажать на то место, где раньше была кнопка, но ничего не произошло. Меч погиб безвозвратно; Мар огорченно крякнул, но ничего не сказал.

Швырнув в сторону бесполезную рукоять, Семен взглянул в глаза девушке. Увы, сознание к ней не вернулось. Пустые были глаза. Невидящие.

Взяв девушку за руку, Семен медленно потянул ее за собой, подальше от пентаграммы: девушка шла за ним, как механическая кукла,— покорно, не сопротивляясь.

Частые взрывы за темным столбом, попирающим пентаграмму, внезапно стихли. Семен оглянулся.

Никем теперь не сдерживаемый, никем не контролируемый колдовской мрак потихоньку вытекал за пределы многослойной звезды. Стало холодно. Не так, как раньше, к внутреннему холоду Семен уже притерпелся, привык: холодно стало снаружи. Очень холодно.

Семен вместе с девушкой выбрались из выжженного круга, под ногами захрустела мерзлая, покрытая инеем трава; изо рта Семена при дыхании вырывались по-зимнему белые облачка пара.

— Что-то стало холодать, не пора ли нам удрать? — горько пошутил Мар.— Однако не выйдет. Твоя подружка как была закрытой от меня, так и осталась. М-да-а, положеньице... И бункер совсем в землю ушел. Утоп бункер! Теперь туда никак не вернешься.

Семен глянул в сторону противомагического убежища: действительно, зеленая крыша полностью исчезла, даже перископ

не был виден. Осталось лишь большое серебристое пятно инея, выступившее на комковатой, словно свежевскопанной земле.

— Симеон, что делать будем? — негромко спросил позади Хайк.

Семен обернулся: бородач, такой же, как и прежде,— в куртке, с сумкой через плечо, только борода немного обгорела,— с беспечным видом вытирал окровавленные руки пучком мокрой травы.

— Колдунов больше нет, но их колдовство осталось.— Хайк повел головой в сторону пентаграммы.

Звездная темнота поглотила пентаграмму полностью. Теперь это был угольно-черный столб, упирающийся в небо. И этот столб становился все шире и шире, постепенно увеличиваясь в диаметре и превращая окружающее сущее в себя самого, в черное ничто; только сейчас, приглядевшись повнимательней, Семен понял — внутри столба были не звезды. Это были лица, далекие лица... бесконечное количество лиц... спокойных и яростно искаженных, мужских и женских, красивых и безобразных, юных и старческих... но навсегда застывших в смертном покое.

— Что же это? — прохрипел Мар.-- Это они что... это они, значит, в инферно забрались... на том свете слимп поискать решили. Вот скоты! Вот сволочи! Да это же самая запрещенная зона колдовства... даже в войнах никто никогда инферно не применял, себе дороже станет... Семен! — во всю глотку гневно крикнул Мар.— Если ты сейчас ничего не сделаешь, то мы все пропали! Скоро Мира-Полигона не будет! Я твою девицу-красавицу отсюда не вытяну. А ты от нее, вижу, просто так не отвяжешься... Ну не могу я тебя насильно отсюда вытаскивать, не могу! Запрет у меня на такие действия, понимаешь ты или нет?!

— Заткнись! — рявкнул Семен.— Молчи. И ты, Хайк, тоже молчи. Что бы ни случилось — всем молчать! — Семен повернулся к столбу спиной, сунул руку в кошель, вытащил оттуда полную пригоршню магического золота и, закрыв глаза, что-то принялся шептать себе под нос, баюкая золото в ладонях.

Столб инферно беззвучно расширялся, поглощая свет и тепло; земля под ногами глухо потрескивала, быстро промерзая вглубь и лопаясь на поверхности крупными трещинами; поднялся ветер. Несильный здесь, у земли, наверху он превращался в настоящий ураган, принося с собой откуда-то облака — в вышине вокруг столба крутился буйный воздушный водоворот,

спрессовывая облака в лилово-сизую тучу; вдруг резко, как будто прорвало небесную плотину, пошел проливной дождь вперемешку с колючим градом; через десяток секунд дождь сменился крупным мокрым снегом.

Девушка стояла, понуро опустив голову. Ни снег, ни холод не могли повредить ей — она была надежно защищена от любых внешних воздействий колдовством своего медальона. К сожалению, слишком надежно.

Хайк, сложив руки на груди, равнодушно поглядывал на буйство стихии, на приближающуюся черную стену инферно — впадать в панику он не собирался. Если ему и предстояло умереть, то сделать это Хайк собирался достойно. Без суеты.

Мар тихонько, на пределе слышимости, скороговоркой бормотал что-то неразборчивое. Наверное, молился воровскому богу — что ему еще оставалось делать при таком хозяине...

Внезапно перед ними что-то полыхнуло в снежной круговерти нестерпимо ярким, пронзительно-желтым заревом: Хайк невольно прикрыл глаза ладонью.

— Это же дверь! — радостно завопил Мар.— Натуральная магическая дверь! Скорее, скорее ее открывайте, мне жить хочется!!! Куда угодно, хоть к полиментам в участок, хоть к Кардиналу в темницу, плевать. Ай да Семен, ай да творец-молодец! Так бы и поцеловал тебя, да жаль, губ нету. Считай, что поцеловал. Причем безо всяких задних мыслей,— на всякий случай предупредил медальон.

Высокая прямоугольная дверь висела над заметенной снегом землей, ни на что не опираясь, и была словно сделана из нежаркого вечернего солнечного света: по пригашенной, ровно сияющей поверхности проплывали туманные расплывчатые пятна, то и дело плавно меняя свои очертания. Как летние облака в ветреную погоду.

— Идем,— коротко сказал Семен и толкнул дверь. Та открылась внутрь, распахнулась настежь; в воздухе остался лишь яркий пустотелый прямоугольник, эдакая дверная коробка из солнечного света. Хайк прыжком перескочил через невысокий порожек, огляделся. Похоже, там ничего опасного не было. Хайк приглашающе махнул рукой:

— Можно идти! — И отступил в сторону, исчезнув из дверного проема.

Семен подхватил девушку на руки, переступил через порог. Как жених, вносящий невесту в дом.

Дверь беззвучно захлопнулась за Семеном и, скрутившись в огненный жгут, растаяла без следа.

Через полминуты черная стена инферно неспешно проползла по этому месту и пошла дальше, дальше, дальше...

ГЛАВА 18
Система Линейного Изменения Магических Пространств

Дверь за спиной Семена скрутилась в огненный жгут и пропала; Семен, разумеется, этого не увидел.

Здесь тоже шел дождь. Мелкий, теплый, он сыпался из затянувших все небо, низко нависших над землей серых облаков; туман молочной дымкой затягивал все вокруг, не давая толком разглядеть, куда они попали.

Под ногами плескалась вода, словно Семен стоял в большой неглубокой луже. Он поначалу испугался, что их занесло в какую-нибудь трясину, но это было не болото — вода оказалась чистой, а дно лужи твердым и ровным. Каменным.

Семен осторожно поставил девушку на ноги. Та легко соскользнула с его рук и встала рядом с Семеном, не выказывая ни удивления, ни хоть какого-нибудь интереса к происходящему.

— Хайк! — громко позвал Семен.— Ты где?

Голос звучал глухо, звук сразу растворился в тумане; Хайк не отозвался.

— Хайк! — изо всех сил крикнул Семен, прислушался — ответа не было. Не было слышно вообще ничего, кроме слабых всплесков потревоженной воды под ногами и бесконечного шелеста дождя.

— Мар? — Семен наклонил лицо.— Мар?!

Медальон тоже не отозвался, и это было необъяснимо, ненормально, не мог Мар молчать, тем более в такой ситуации. Что-то не в порядке с этим Миром, что-то не то.

Надо идти. Хоть куда-нибудь, лишь бы не стоять на месте.

Впереди туман был вроде немного погуще и потемнее, возможно, там росли деревья или начинался пригорок. А может быть, и нет там никаких деревьев... Во всяком случае, выбирать

особо не приходилось — Семен, настороженно поглядывая по сторонам и чутко прислушиваясь к любому шуму, двинулся вперед, держа девушку за руку — та покорно шла за ним.

Это действительно был пологий пригорок, поросший низким чахлым кустарником. Дальше за кустарником, на границе видимости, начинался то ли заброшенный парк, то ли ухоженный лес, Семен не разобрал; далеко разнесенные друг от друга мощные стволы деревьев гладкими колоннами уходили в белесую небесную муть, пряча в ней свои кроны.

Семен остановился, оглянулся напоследок. И замер, пораженный увиденным.

Тумана — там, откуда они только что пришли,— не было. Растаял туман. Весь растаял, без остатка. И моросящего дождя больше не было. И туч.

Перед Семеном находилась широкая дорога, залитая повсюду тонким слоем воды; дорога прямая — как скоростная автострада; путь, протянувшийся от одной линии горизонта до другой.

Сама дорога была выложена из плотно подогнанных друг к другу коричневых плит-ромбов, больших, тесаных. Спокойная гладь воды над плитами поблескивала неживым стеклянным блеском; там, где прошли Семен и девушка, в воде виднелись вмятины. Следы от ног. Дальние вмятины уже почти затянулись, а ближние — глубокие, четкие. Свежие. Словно оставленные не на воде, а на мокром снегу.

По ту сторону дороги был лес, наверное, такой же, как и по эту сторону: деревья башнями уходили в высокое темно-синее небо — сосны, сосны-великаны. Никогда Семен не видел таких, ростом никак не меньше Останкинской телебашни.

Размашистые зеленые кроны деревьев, залитые яркими солнечными лучами, казались неподвижными; над ближними пышными верхушками, высоко-высоко, где-то у солнца, широко раскинув крылья, парила одинокая птица. Семен на секунду представил себе размеры этой птицы, и ему стало несколько не по себе.

Хайка не было видно ни на дороге, ни возле деревьев-великанов.

— Надеюсь, эта птичка не уволокла Хайка себе на обед,— пробормотал Семен, напряженно вглядываясь в небо.— Впрочем, он ей и не дался бы. Я так думаю.— И повернулся к дождю и туману.

— Ох ты,— внезапно громко сказал Мар.— Где это мы? — Голос у медальона стал скрипучим, как будто у него основательно пересохло в горле.

— Наконец-то,— обрадовался Семен.— Ты чего так долго молчал? Что с тобой случилось?

— Да я только-только в себя пришел,— буркнул Мар и надсадно закашлялся.— Вот же пакость,— пробормотал медальон,— и как вы такой дрянью дышите...

— Ты о чем? — не понял Семен.

— Да о тумане, о чем же еще,— Мар недовольно вздохнул.— Неужели не замечаешь? Это же колдовство! Чистейшее, чище не придумаешь. Все, что вокруг нас,— колдовство! И туман в том числе. Что-то наподобие твоего магического золота, но в другом виде... Я почему отключился — меня от количества здешней магии просто зашкалило. Как только попали сюда, так сразу и переклинило. Я ведь ее чувствую, магию... Семен, ты куда дверь открыл-то? — требовательно спросил медальон.

— Понятия не имею,— пожал плечами Сеня.— Я хотел только одного: уйти в безопасное место. По-настоящему безопасное. Где не будет ни этой чертовой пентаграммы с инферно, ни Империи... Где меня ни за что не достанут ни Кардинал, ни чужие с их суетой вокруг неуловимого слимпа. Очень мне, понимаешь, захотелось отдохнуть от всего этого... Хоть немножко, хоть чуть-чуть!

— Да такого места, поди, и нету,— с сомнением произнес Мар.— Не Империя, так Закрытые Миры. Или мертвые Миры. Но все равно контролируемые если не Кардиналом, так чужими.

— А это что? — Семен обвел вокруг себя рукой.

— Не знаю,— серьезно ответил Мар.— Но предполагаю. Предполагаю, что это — обратная сторона Вселенского Диска. Помнишь, я тебе о нем рассказывал? Ну, то место, где Настройщик живет... Похоже, это не сказка. Может, и Настройщик — не сказка?

— Не бывает такого,— неуверенно сказал Семен.— Обратная сторона Вселенной, хм... Чушь!

— Ну-ну,— загадочно ответил Мар и многозначительно умолк.

— Настройщик или не Настройщик,— с досадой воскликнул Семен,— а нам надо выбираться из этого тумана! Хорошо бы какое-нибудь жилье найти... вдруг здесь живет кто поблизости?

Опять же кардинальский медальон с девушки снять надо... Хайка найти, в конце концов!

— Этот не пропадет,— успокоил Семена Мар.— За него ты можешь не беспокоиться! Если живой — сам нас найдет, чего панику зря поднимать... Ты глянь, глянь, что творится! — обомлел медальон.— Ух ты!

Было от чего прийти в изумление: в тумане, застилавшем сосновый бор перед Семеном, неожиданно обозначился вход в узкий коридор из очищенного от белой мути воздуха; коридор вел куда-то в самую глубь бора, плавно огибая стволы-башни. Мягкие колышущиеся стенки туманного коридора смыкались вверху аркой; мало того — внутри нежданно открывшегося прохода не было дождя, а зеленая густая трава на земле была лишь слегка влажная, не мокрая.

— Приглашают, однако,— с трепетом в голосе сообщил Мар.— Засекли нас, Семен, вот какие дела...

— Раз приглашают, значит, пойдем,— уверенно сказал Семен.— Это даже хорошо, что приглашают, самому долго искать пришлось бы,— Семен решительно ступил на травяную дорожку и потянул за собой безмолвную девушку.

Дорожка прихотливо изгибалась, без видимой причины виляя то влево, то вправо. Семен шел, изредка бросая взгляды по сторонам: сквозь туманные стены видно было неважно, но все же кое-что можно было разглядеть. Кое-что удивительное и необъяснимое.

Там, за стенами, все ежесекундно менялось: растворился и пропал в тумане сосновый бор, сменившись почему-то жаркой бескрайней пустыней с высокими барханами; через секунду пустыня превратилась в бурное штормовое море, где вспененные волны катились друг за другом, подгоняемые ураганным ветром; на смену морю пришел невероятно красивый город, видимый с высоты птичьего полета,— город с дворцами, башнями, разноцветными вымпелами на шпилях; над шпилями, с левой стороны и неподалеку от стены коридора, летел, распластав кожистые крылья, золотой дракон. На спине дракона сидел воин в ослепительно сияющих на солнце доспехах.

У Семена от увиденного закружилась голова, и он уткнулся взглядом в травяную дорожку. Чтобы не упасть ненароком.

— Он нам язык показал,— с обидой в голосе сказал Мар.— Длинный! Раздвоенный.

— Кто? — поинтересовался Семен, не отрывая взгляда от дорожки.

— Дракон, кто же еще,— Мар возмущенно покачнулся на цепочке.— Тьфу, одно слово — рептилия! Никакой от них пользы, один навоз разве что...

— По-моему, у него на спине всадник был,— заметил Семен.— В доспехах.

— Чего не заметил, того не заметил,— с сожалением признался медальон.— Язык видел. Всадника — нет.

— Странно,— Семен взглянул сквозь стену еще раз, но ни города, ни дракона с седоком там уже не было, а были искрящиеся на солнце льды, одни льды — и слева, и справа от коридора, до самого горизонта.— Если тут все сплошное колдовство, тем более особое колдовство, такое же, как и магическое золото... видимое и мне, и тебе... то всадника ты не мог не заметить.

— Я только на язык смотрел,— подумав, сообщил Мар.— Решал, обижаться или нет. Ежели бы твой ездок тоже с высунутым языком летел, вот тогда бы я его точно заметил! За компанию.

Семен хотел было сказать что-нибудь ехидное по поводу наблюдательности некоторых медальонов, но не успел — коридор закончился. Резко закончился, неожиданно.

Семен потянул девушку за руку, и они вышли из-под защиты белых дымчатых стен; в тот же миг коридор развеялся, словно никогда его и не было, растаял, как самый обычный туман под утренним солнцем.

— Пришли,— прокомментировал случившееся Мар.— Туда, куда должны были прийти. А куда мы должны были? Сюда, что ли? В сад? Ничего не понимаю...

Они стояли в яблоневом саду. Утреннем, пронизанном солнечными нежаркими лучами; пахнущем пока незрелыми яблоками, наполненном тем самым особым ароматом, где непередаваемо смешаны запахи и молодых яблок, и теплой сырой земли, и свежей травы,— запахом, любимым Семеном с детства.

Среди яблоневых веток жужжали пчелы: чуть поодаль между стволами яблонь виднелась небольшая просека, уставленная ульями.

А прямо перед Семеном, шагах в десяти, среди деревьев стоял ладный аккуратный домик, сложенный из желтого кир-

пича, с невысоким деревянным крылечком и распахнутыми резными ставнями.

— Что-то мне это напоминает,— растроганно сказал Семен,— что-то далекое, из детства... Только тогда, кажется, был вечер... Но что именно напоминает — не вспомню, хоть убей.

— Пошли к дому,— предложил Мар,— а то темнеть начинает. Вечереет.

— Как — вечереет? — не понял Семен.— Ведь только что было утро.— Он глянул на небо и не поверил своим глазам. Мар был прав.

Утро решительно менялось на поздний вечер: солнце тускнело, превращаясь в полную луну, небо темнело, заполняясь крупными звездами; перестали жужжать пчелы, вместо них разноголосо затрещали кузнечики, прячась в намокшей от вечерней росы траве.

— Цикады куда как благозвучнее,— недовольно пробурчал Мар,— не люблю я этот пошлый стрекот. В одном Мире, в Развернутом... ты там не был, а стоит побывать, они там все эстеты, красивое любят, так вот — там никаких кузнечиков, только цикады. Специально выведенные. Такое благозвучие по ночам, что... Что это?

Стрекот стих, сменившись удивительно красивыми звуками— словно заиграли сотни маленьких хрустальных колокольчиков, сплетаясь в завораживающую мелодию, мелодию без начала и без конца.

— Точь-в-точь как в Развернутом Мире,— растерянно сказал Мар.— Ничего не понимаю!

— Я тоже.— Семен решительно направился к крылечку.— Думаю, сейчас мы все узнаем,— пообещал Семен, помог девушке подняться по ступенькам и решительно постучал в дверь.

Дверь отворилась. Сама.

По ту сторону двери было темно.— Семену даже показалось, что там вообще нет ничего, один первозданный мрак, но секунду спустя темнота оформилась в нечто вещественное, в короткий коридор, задрапированный по стенам и потолку черным, с золотой вышивкой бархатом.

— Что за ерунда,— пробормотал Семен,— что за бархат в садовом домике...— и осекся: бархата не стало. Были дешевенькие темные обои, беленый потолок и лампочка под плетеной корзинкой-абажуром; в конце коридора возникла простая не-

крашеная дверь, деревянная, с косо прибитой стандартной железной ручкой.

— Однако становится все страньше и страньше,— верно подметил медальон.— Хорошо я сказал? В самую точку.

— Сказал-то хорошо, но не первым,— Семен прошел к двери и потянул на себя ручку.

За дверью опять был мрак, но он почти сразу рассеялся: за дощатым столом, низко склонив голову над большой раскрытой книгой, сидел старец с длинной седой бородой, длинными седыми волосами; старец был одет то ли в просторный льняной греческий хитон, то ли в долгополую рубаху навыпуск, подпоясанную узким кожаным ремешком. Под столом виднелись босые ноги старца.

Рядом с книгой на столе мерцало что-то неопределенное, превращающееся попеременно то в толстую монастырскую свечу, то в неяркую керосиновую лампу. За спиной старца высвечивалось лунным ночным светом открытое окно; окно тоже было странным — оно плавно смещалось то влево, то вправо, видимо, подыскивая для себя наиболее подходящее место; наклонный столб лунного света с небольшой задержкой следовал за окном, скользя желтым квадратом по белому мрамору пола. Впрочем, мрамор под взглядом Семена тут же превратился в струганые доски.

Больше в комнате не было видно ничего, все скрывала густая темнота.

— Здравствуйте,— сказал Семен, делая шаг к столу.

— Здравствуй, Семен,— ответил старец. Голос у него был густой, сочный, не соответствующий столь немощному облику. Едва Семен успел осознать это, как вид старца несколько изменился: он стал шире в плечах, плотнее, борода и волосы на голове стали короче, потемнели и закучерявились; хитон сменился на неброский светло-серый спортивный костюм и серые кроссовки.

— Ишь, фокусник,— прошептал Мар.— Семен, откуда он тебя знает? Кардинальский шпион, что ли? С инструкциями.

— Я не фокусник,— ответил сильно помолодевший старик, которого теперь уже никак нельзя было назвать стариком.— И не кардинальский шпион.— Мужчина легко встал и вышел из-за стола, поманив Семена рукой.— Подведи Яну ко мне.

— Ее зовут Яна? — ошарашенно спросил Семен, торопливо подводя девушку к столу.— А вы откуда знаете?

— Значит, он не шпион. Значит, он сам Кардинал,— уверенно решил Мар.— Тот тоже все знает, гад! И в серое любит одеваться. Переодетый и загримиров...— Мужчина бросил взгляд в сторону медальона, и Мар осекся на полуслове.

— Пусть твой болтун немного отдохнет.— Бывший старец подошел к девушке.— Не люблю пустозвонов!.. Эх, девочка, как же тебя так угораздило-то...

— Кардинальский отряд...— начал было Семен, но мужчина остановил его движением руки:

— Помолчи. Я знаю.

Семен немедленно умолк, опасаясь, как бы с ним не случилось то же самое, что и с Маром: медальон крепко спал, похрапывая и что-то невнятно бормоча во сне. Впервые спал за все время знакомства с Семеном! Возможно, что впервые и за всю свою долгую колдовскую жизнь.

— Семен,— сказал мужчина, поднося руку к медальону девушки,— встань позади Яны, подхватишь ее,— и, подождав, пока Семен выполнит указание, прикоснулся мизинцем к кругляшу на ее груди.

Ровное сияние вокруг девушки погасло, она слабо вскрикнула и осела. Семен едва успел подхватить ее.

— Положи Яну на кровать,— приказал чародей (так его окрестил мысленно Семен, а кем же еще мог быть этот невероятный человек? Только чародеем-волшебником! Древним магом. Одним из тех, кто ушел когда-то из Империи в неведомом направлении),— вон туда положи,— неподалеку из темноты выступила, высветилась широкая кровать, застланная пушистым одеялом.— А после присядем, поговорим.

Семен отнес девушку к кровати, бережно уложил и вернулся к столу.

Чародей сидел на прежнем месте, сложив руки на груди и задумчиво уставясь в потолок,— беспокойное окно переместилось теперь туда, сквозь него была видна близкая, огромная луна с выпуклыми кольцами кратеров и четкими тенями вокруг них: окно стало чем-то вроде мощного телескопа. По лунным кратерам, словно по кочкам, скакал серебристый заяц, прижимая лапками к животу фарфоровую ступку с торчащим из нее медным пестиком. Ни заяц, ни ступка с пестиком теней не отбрасывали.

Чародей проводил зайца рассеянным взглядом, посмотрел на Семена (парень, обнаружив перед столом невесть откуда

взявшийся стул с высокой, до затылка, прямой спинкой, присел на краешек сиденья) и безо всякого вступления сказал:

— Разумеется, мне гораздо проще было бы согласиться с твоим предположением, что я — древний маг, ушедший от имперских козней в неизвестность... в уединение. В свой собственный Мир. Но это было бы неправдой! А лгать я не могу. Пока — не могу. Да и не хочу этому учиться... Некому мне здесь врать. И незачем.

Семен недоуменно нахмурился, услышав столь необычное заявление, но спрашивать ничего не стал. Зачем спрашивать, если собеседник может читать твои мысли.

— Могу,— кивнул чародей.— Но больше не буду. Не хочу тебя смущать. Задавай вопросы вслух, если они у тебя есть. А они есть, не сомневаюсь.

— Гм,— Семен запнулся, не зная с чего начать.— Вы Мара можете... э-э... разбудить для начала?

— Да он уже не спит,— рассмеялся собеседник.— Таится он. На всякий случай.

— Я не таюсь,— отрезал медальон,— а храню гордое молчание. Потому что мне сказать нечего.

— Смотри-ка, с характером,— уважительно отметил чародей.— И не из пугливых. Похвально. Но ты, братец, как хранишь сейчас молчание, так и продолжай хранить его дальше. Гордо. Чтобы снова не уснуть. Договорились?

Мар не ответил — он уже принял к исполнению пожелание мага.

— Теперь о девушке, о Яне.— Семен оглянулся на кровать.— Что с ней?

— Вот она-то как раз сейчас спит.— Чародей провел над столом рукой: вместо раскрытой книги возник поднос с двумя чашками густого, пряно пахнущего кофе.— Угощайся.

— Что-то не хочется,— сразу отреагировал Семен, у него после общения с Кардиналом сложилось стойкое предубеждение относительно кофе. Особенно если им угощали.

— Нет-нет,— усмехнулся собеседник,— ты, видать, вспомнил тот подлый случай с Кардиналом... Можешь не опасаться: никакого подвоха здесь нет. И не будет. Ни с кофе, ни с чашками, ни с чем-либо другим. Пей и ничего не бойся!

Семен все же с опаской взял чашку в руку. Но и чашка, и кофе вроде бы действительно были нормальными, без колдовских заморочек. Впрочем, определить это наверняка было

невозможно, раз все здесь сделано из колдовства, как говорил об этом Мар. Если медальон, конечно, не ошибся.

— Так вот, о Яне.— Чародей посмотрел в сторону кровати.— С ней все будет в порядке. Правда, она вряд ли вспомнит последние события, то, что с ней произошло вчера и сегодня... да оно, наверное, и к лучшему. Медальон я уничтожать не стал, добротная вещица все-таки, почистил его только хорошенько. Выкинул все лишнее и вредное. Слепое подчинение Кардиналу, преклонение перед чужими выбросил,— принялся перечислять маг, для верности подсчета загибая пальцы.— Ритуальное самоубийство по приказу Кардинала выбросил... обязательную агрессивность к видящим, но не членам Отряда, тоже убрал... Ну и по мелочам прошелся. Кстати, договор, подписанный кровью, я тоже уничтожил. Яну теперь с Кардиналом и Отрядом ничего не связывает,— подвел итог сказанному чародей.— Вольная пташка! Может смело возвращаться в свой Мир, править им. Королева как-никак.

— Королева? — У Семена отвисла челюсть.

— Вообще-то полгода тому назад она была принцессой,— любезно пояснил маг, прихлебывая кофе.— Принцессой того Мира, откуда она родом. Но уже полгода как умер ее отец, король... старый он был. Дряхлый. А других прямых наследников престола король не имел. Жаль девочку, сильно огорчится, когда узнает. Очень Яна отца любила... В лапы к Кардиналу она случайно попала, как и многие другие.— Маг аккуратно поставил чашку на стол, та вновь наполнилась кофе.— Яна была в одном из Окраинных Миров на преддипломной практике... Принцесса в то время в университете училась, на Перекрестке. Зоолог она, по драконам специализируется. А в том Мире, куда Яна попала, люди в ведьминском замке пропадать стали, ну, ты знаешь эту историю... Принцесса пошла тринадцатой. Добровольцем. Она видящая, как и ты.— Волшебник подмигнул Семену.— Не настолько одаренная, конечно, куда ей до тебя! Воздействовать на магию немногие умеют. А так, как это делаешь ты, в Мирах вообще никто не может! Талант у тебя, Семен! Талантище. И только тебе решать, как его применить.

Семен неожиданно для себя покраснел от смущения. Никто и никогда не говорил ему таких слов. Хотя нет, что-то подобное высказывал Мар, но то ведь был Мар! Медальон, а не всесильный маг мирового масштаба.

— А Хайк? Где он? — вспомнил Семен.— Мы его потеряли на входе.

— Здесь он,— бородатый чародей неопределенно повел рукой в сторону.— В одном из вариантов. Отдыхает. Я его потом к тебе доставлю. Тоже, кстати, уникальная личность! Умеешь ты, Семен, сотрудников себе подбирать.

— Друзей,— уточнил Семен.

— Да, друзей,— согласился бородач.— Кстати, ты не удивлен, что я так много знаю о тебе и о твоих друзьях?

— Удивлен немного,— подтвердил Семен.— Но на то вы и маг. На то вы и чародей.

— Вот тут ты ошибаешься. Я не маг и не чародей,— спокойно ответил мужчина, бросая на Семена внимательный взгляд.— Надо было тебе сказать с самого начала, но не до того было. Ситуация не та. Так вот: я — никто и ничто. Я — нечто неопределенное. Я — упорядоченная магия. Всего лишь.

У Семена задрожала рука, он поставил чашку на стол.

— Вы... вы...— Семен не нашел нужных слов.

— Слимп,— подал голос Мар. Не выдержал-таки.

— Слимпа не существует,— твердо сказал бородатый собеседник.— Мне ли не знать! Вернее, он не существовал до тех пор, пока ты, Семен, не создал его. Я — Слимп. И этот многовариантный Мир — Слимп. И все, что ты видел здесь, все, что тебя окружает,— все это Слимп. То есть я.

— Как так?! — хором воскликнули Семен и Мар.

— Посмотри в своем особом кошеле, много ли там осталось магического золота.— Тот, кого Семен считал магом, хитро улыбнулся.

Семен поспешно сунул руку в кошель на поясе.

— Пусто! — растерянно сказал Семен.— Ничего не могу нащупать!

— Само собой,— медленно кивнуло нечто неопределенное по имени Слимп.— Само собой. Ты, Семен, когда создавал дверь, слишком сильно пожелал очутиться в несуществующем Мире. И при этом подсознательно... подчеркиваю — подсознательно, не специально, хотел найти тот самый слимп. Чтобы поставить точку в интригах Кардинала и чужих. Чтобы спасти Яну. И ты его нашел... Правда, для этого всему магическому золоту — и тому, что было в Хранилище, и тому, что было разбросано по другим Мирам, затоплено в мертвых морях,—

ему пришлось преобразиться. Переплавиться в то, что ты искал. В Слимп. Хорошая новость, правда?

— Восхитительная,— только и сказал Мар. Семен был с ним полностью согласен.

— Вот так мифы становятся явью,— Слимп кинул взгляд на пустую чашку Семена.— Еще кофе?

— Нет, спасибо,— автоматически ответил Семен.— Больше не хочу. Надо же, как оно получилось...— Семен нервно захихикал, уткнув лицо в ладони.— Мне Слимп кофе предлагает... с ума сойти!

— Ну-ну,— успокаивающе прогудел бородач,— только без истерики, ладно? Мало ли что в жизни бывает. Ты должен гордиться, что выступил в роли творца, великого творца... а не впадать в банальную истерику.

— Я и не впадаю,— Семен потер лицо, с очумелым видом глянул на собеседника. На упорядоченную им магию.— Просто все это как-то слишком неожиданно произошло. Слишком быстро и странно.

— Вот и ладно,— успокоился Слимп-бородач.— Не люблю нервных срывов.

— Как же вы можете что-то любить или не любить, если вам всего несколько часов от роду? — устало поинтересовался Семен, обхватив плечи руками. Что-то ему стало зябко от таких неожиданных новостей. Неуютно.

— Я существую несколько часов,— поправил его Слимп.— Осознаю себя как личность. А насчет любви-нелюбви... Мне тысячи лет, Семен. Во мне опыт многих магов и сила сотен Миров; сила, которая ничего не стоит без интуитивного понимания ее сути! А для этого понимания у меня есть твои чувства, твоя память, твои эмоции и желания, которые ты вложил в мою личность при ее создании. Человеческие чувства и человеческие желания! Я — не только сплав магии и знаний. Я — часть тебя, Семен.

— Братишка,— сказал вредный Мар.— Старшой.— И испуганно замолк.

Слимп лишь покосился на медальон и снисходительно усмехнулся.

— Ну и что мне теперь делать? — уныло спросил Семен сам у себя.— Ну, есть теперь колдовской слимп... И что дальше? Дальше — что?

— Как что? — поднял брови Слимп.— Жить. Жить, где хочешь и как хочешь. Я, конечно, могу создать любой Мир по твоему вкусу, нет проблем. Хочешь быть падишахом? Пожалуйста — будет тебе такой Мир. С дворцами, гаремом и рабами. Но ты не захочешь, я знаю. Пожелаешь — станешь мессией или великим полководцем... космонавтом-первооткрывателем или кровавым диктатором... тайным советником-интриганом или всесильным чародеем... но ты и этого не хочешь! Ты многого не хочешь, Семен. Я знаю.

— А чего же я хочу? — Семен изумленно уставился на бородача.— Чего?!

— Жить только своей, настоящей жизнью,— Слимп грустно посмотрел на Семена.— Той жизнью, которую я никогда не смогу сочинить. И никто не сможет.

— Падишахом — это хорошо,— задумчиво сказал Мар.— Я бы в падишахи с удовольствием... Жаль, мне не предлагают. Товарищ-гражданин Слимп, можно вам вопросик? Усыплять не станете?

— Давай,— улыбнулся бородач.— Не стану.

— Вы можете типа того... Типа Кардинала и чужих к едрене фене, а? — с надеждой в голосе спросил Мар.— А то достали, понимаешь. Житья не дают!

— Могу. Но не буду,— Слимп покачал головой.— Ты представляешь себе, что такое насильственное, глобальное вмешательство в историю Миров? Поверь, твое необдуманное желание ничуть не страшнее по своим последствиям, чем благое желание Кардинала по переделке мироустройства. Я, как магия, имеющая свободу воли и выбора, наотрез отказываюсь от каких-либо масштабных экспериментов с реальностью. Впрочем, я могу создать специально для тебя Миры, где не будет ни Кардинала, ни чужих. Желаешь?

— Не надо,— разочарованно отказался медальон.— Не желаем мы такого счастья. Проживем и с тем, что имеется! Нам протезы ни к чему.

Слимп только развел руками.

— Но что-то я все же могу для вас сделать?

— Пожалуй, можете,— подумав, сказал Семен.— Почему бы и нет? Для начала закройте инферно... Уберите из реальности

ту дрянь, от которой мы сбежали. Надеюсь, это не будет масштабным вмешательством в реальность?

— Не будет. Все, инферно закрыто и убрано,— Слимп выжидательно посмотрел на Семена.— Далее?

— А что с противомагическим бункером стало? — спохватился Семен.— Там маршал один забавный был. Жаль, если он пропал.

— Ничего с бункером не случилось,— равнодушно ответил Слимп.— Защита вовремя сработала. Выкинуло их в один из ближних Миров, всего-то... Они сейчас как раз самогон пьют, свое второе рождение празднуют. Прямо в бункере всем составом надираются. Между прочим, первым тостом маршал тебя помянул! Чем-то ты ему, Семен, приглянулся.

— Замечательно,— обрадовался Семен,— прямо гора с плеч.

— Все это ерунда,— вклинился в разговор медальон.— Бункеры, вояки, тьфу! Не по существу это все. Ты, Семен, лучше про наше будущее поспрашивай, лови момент!

— И не подумаю,— отрезал Семен.— Интересно, что ли, узнать, когда ты помрешь, да? Могу спросить о тебе. О себе не стану.

— Не, не интересно,— перепугался медальон.— Знать ничего не желаю! Пошутил это я. Схохмил. Ха-ха-ха,— Мар старательно и очень ненатурально рассмеялся.

— Даже если бы и спросили, я все равно не смог бы вам ответить,— лукаво улыбнувшись, Слимп пригладил бороду.— Поверьте, дальнее будущее никому не известно, ни ваше мне, ни мое кому бы то ни было... и это хорошо! Иначе чем бы отличалась такая наперед известная жизнь от запрограммированной жизни в самодельных Мирах? Тех, от которых вы отказались? Ничем... Есть еще пожелания?

— Вроде бы нет,— Семен пожал плечами.

— У меня-то как раз пожеланий навалом,— буркнул Мар,— да толку с того! Семен, раз нам здесь ничего не светит реально полезного, то чего мы тут сидим? Погостили у твоего старшего названого брательника — и ладно, пора своими делами заняться. У нас вон спящая королева на руках, Хайк в каком-то там варианте прохлаждается... Труби сбор, отчаливаем!

— Пойдем мы,— вставая, сказал Семен.— Вы знаете что, вы отправьте нас всех в тот Мир, откуда Яна. Королева Яна. Доставлю ее домой, а там видно будет. Прощайте, уважаемый Слимп!

— До свидания,— привстал и поклонился бородатый Слимп.— Думаю, мы еще когда-нибудь увидимся. Так что не прощай, а до свидания, Семен.

Семен хотел было сказать еще что-то, соответствующее моменту, что-то торжественное, но не успел — оказался в другом Мире. В Мире королевы Яны.

Ярко светило раннее летнее солнце, в небе пели птицы.

Неподалеку, отбрасывая длинную тень, возвышалась неприступная городская стена с треугольными зубцами; из-за стены выглядывали островерхие крыши далеких башен с реющими на шпилях узкими цветастыми вымпелами.

К открытым городским воротам по мощеной дороге неспешно тянулись груженые повозки с впряженными в них мохнатыми животными, похожими на яков,— день, видимо, был выходной, торговый.

Семен обернулся: там, позади, начинался непролазный лес. Густой, вековой.

А рядом с Семеном, по пояс в высокой траве, сидела девушка Яна, испуганно прижимая руки к груди и оглядываясь по сторонам. А чуть подальше стоял Хайк, прикрыв глаза козырьком ладони и невозмутимо щурясь в небо. Семен посмотрел вверх.

По небу плыл изумрудный дракон, раскинув кожистые крылья-паруса; дракон, заметив глядевших на него снизу людей, слегка наклонил голову, словно желая с ними поздороваться. И насмешливо высунул длинный раздвоенный язык.

— Они что, сговорились все? — негодующе завопил Мар.— Семен, нас опять ящерица оскорбляет! Нет, надо было все же у Слимпа одно желание отоварить. Самое важное! Чтобы у всех драконов языки поотсыхали.

Семен упер руки в бока и захохотал в небо. Счастливо, от души.

Потому что был Мар. Потому что была Яна. Потому что был Хайк.

Потому что впереди была целая жизнь.

Своя.

• Слимпер •

ГЛАВА 1
Секта Лабильных, Использующих Малую Пентаграмму

В просторном зале ресторана было шумно и многолюдно: похоже, здесь что-то праздновали, и праздновали давно, основательно, с размахом. Но не свадьбу, нет, уж ее-то Семен не спутал бы ни с каким другим народным гуляньем — во всех Мирах у свадеб, как бы они ни проводились, была одна непременная общая деталь: наличие жениха и невесты где-нибудь на самом видном месте.

Здесь же на самом видном месте — посреди зала — на низком, устланном коврами помосте, имелась лишь небольшая пентаграмма, сделанная почему-то из тщательно скрученных толстым жгутом золотых и серебряных ленточек, похожих на серпантин; над пентаграммой клубился видимый лишь одному Семену алый, четко ограниченный краями ленточной звезды туман.

Весь зал ресторана был плотно уставлен квадратными дубовыми столиками: лишь вокруг самого помоста было свободное пространство, словно предназначенное то ли для танцев, то ли для тусовки подвыпившего народа. Однако ни танцев, ни тусовки не наблюдалось: роскошно одетые посетители ресторана чинно сидели за своими столиками, ели, выпивали, курили. Но то и дело кто-нибудь из присутствующих вставал из-за стола и, повернувшись лицом к пентаграмме, громко и неразборчиво произносил скороговоркой что-то вроде тоста, после чего непременно подходил поближе к помосту и плескал из своего бокала в сторону ленточной звезды, а так как выступающих было много и начали они выступать давно, то зеленый мрамор пола вокруг помоста напоминал собой поверхность тихого болота: ровную, мокрую и липкую. Словно затянутую жирной ряской.

Столик, за которым расположился Семен, находился довольно близко от странного возвышения — видимо, этот столик был предназначен для очень важных персон и к нему не сажали кого попало — за этим внимательно следил распорядитель зала, которому Семен украдкой сунул золотую монетку, попросив отдельный стол и еды получше. Сейчас распорядитель болтался где-то неподалеку, честно отрабатывая монету: Семена никто не беспокоил, а еда была просто великолепной. Хотя и непривычной. Впрочем, в каждом Мире — своя кулинария. Но шампанское в любом Мире оставалось шампанским, как бы оно там ни называлось. Семен в этом успел убедиться лично: раскупоренная бутыль в ведерке со льдом была уже наполовину пуста.

Собственно, Семен Владимирович — бывший студент, а ныне удачливый вор по имени Симеон, вор с необычными способностями и с уникальным магическим прикрытием — был посторонним на этом загадочном празднике, никем не званным гостем. Он и оказался-то в ресторане, да и в этом Мире впервые в жизни и всего час тому назад. Материализовался прямо здесь, в зале. Вернее, на пороге зала. Впрочем, этого за праздничной суетой никто не заметил, Семен немедленно превратил свой универсальный маскировочный костюм «Хамелеон» в черный смокинг, черные брюки и черные же лаковые туфли, довершив официальный ансамбль белой рубашкой и галстуком-бабочкой,— и обратился к распорядителю зала. Распорядитель в Семене самозванца не распознал. Все мужчины в зале были одеты так же, как и Семен Владимирович. Вернее, Семен был одет так же, как они.

Как назывался Мир, что это был за ресторан и что здесь праздновали — Семен не знал. Да и знать не хотел! Он хотел лишь вкусно поесть и немного расслабиться. И вот теперь ел и расслаблялся, с интересом поглядывая на народ, усердно поливающий мраморный пол отменным шампанским.

— Знаешь,— задумчиво сказал Мар, слегка покачнувшись на цепочке,— что-то не нравится мне ни эта пентаграмма, ни это явно ритуальное выплескивание вина...— Медальон, который, собственно, и был магическим прикрытием Семена, недовольно хмыкнул.— Как-то оно все... Как-то оно на идолопоклонство смахивает. Хотя я впервые вижу, чтобы поклоня-

лись именно пентаграмме. Божкам всяким — видел, было дело: лет двадцать тому назад, в Песчаном Мире, мы с одним из моих бывших хозяев в языческих храмах носы и уши таким божкам тайком отпиливали по заказу миссионеров из Спасенного Мира, из Ордена Безносого Чудотворца... Забавный такой Орден был: в него вступали лишь те, кто сифилисом крепко переболел... Чтобы, стало быть, песчаный народ исподволь подготовить к вступлению на праведный путь. А после в истинную веру обратить. Они, отцы-миссионеры, за каждый нос отдельно платили...

— А уши тогда зачем пилили? — рассеянно поинтересовался Семен, запивая мясной рулет шампанским.— За компанию, что ли?

— Да нет,— бодро ответил Мар,— мы после уши язычникам назад продавали. Им эти носы до задницы были, так, декоративный элемент, не более, а вот уши... Они, туземцы, божков своих Ушанами звали и вымаливали у них для себя в основном только хороший слух для охоты. У них, у туземцев, почти у всех зрение слабое было, так они зверя на звук промышляли... Птицу, между прочим, стрелой влет били. Слепенькие, слепенькие, а охотились здорово... А пели-то как! — оживился медальон.— Какие голоса, какие хоры! И все печальные такие песни, медленные, добрые... на вечерней зорьке всем селом у храма построятся и начинают петь гимн в честь своего бога. Да так жалостливо, спасу нет!

Мой хозяин, бывало, нос и уши потихоньку у очередного Ушана ножовкой отпиливает, а сам слушает и плачет, слушает и плачет... Душевный у меня хозяин был,— Мар вздохнул,— совестливый. Много за уши с язычников не брал, так, чисто символически... Пригоршню-другую жемчужин за каждое или по крупному алмазу, ежели уши особо большие попадались. Там того жемчуга и алмазов как гальки на морском берегу, места только надо было знать. Язычники знали.

— А идолы из чего были сделаны-то? Из дерева, что ли?— Семен пригляделся — в зале что-то начинало происходить. Что-то непонятное: народ за своими столами притих, все внимательно уставились на пентаграмму; над звездой постепенно разгоралось не колдовское, а вполне видимое красное пожарное зарево.

— Почему же,— удивился медальон,— из золота, само собой. Как и положено.

— Так чего же он тогда уши-то возвращал? — Семен вернулся к рулету: зарево над пентаграммой продолжало разгораться, но паники в зале не было. Значит, все шло как надо, как запланировано, чего тогда зря волноваться, так ведь и аппетит может пропасть. Видимо, начинался какой-то аттракцион с использованием магии. Скорее всего, шоу-программа. Развлекаловка.

— Я ж говорю — хозяин душевный и совестливый был,— терпеливо повторил Мар.— Тем более что золото тогда на Вседисковом финансовом рынке спросом не очень пользовалось, слишком много его стало. А брюлики да лалы — они, наоборот, здорово в цене поднялись. Ты знаешь, что такое девальвация?

— Знаю,— отмахнулся Семен,— это что-то из экономики... Ты глянь, что делается.— Семен не донес до рта бокал с шампанским и резко поставил его на стол.

Из-за ближнего к помосту стола поднялась богато одетая дама, немолодая, худая и высокая, с пышно взбитыми фиолетовыми, наверняка крашеными волосами. Что-то коротко сказав сидевшим с ней за столом (те переглянулись между собой и громко захлопали в ладоши), дама твердым шагом направилась к помосту. К пентаграмме.

Неожиданно весь зал взорвался бешеными аплодисментами; многие повскакивали со своих мест и стоя продолжали аплодировать фиолетовой даме, словно известной примадонне, в последний раз выходящей на эстраду.

— Петь, наверное, будет,— предположил Мар.— Не стриптиз же показывать! Какой стриптиз в ее годы... Хотя был я как-то с одним из прошлых своих хозяев в некоем малоизвестном заведении на Перекрестке, где дамочки предсмертного возраста такое вытворяли, такое! Просто тьфу что вытворяли, и все тут. Во всяком случае, лично мне на все их ужимки смотреть было тошно... А хозяин, однако, чуть не сомлел, глядя на эти прелести. Так что каждому свое.

— Помолчи, ладно? — нервно сказал Семен.— Песни петь будет, ага. В активированной пентаграмме. Ну ты, блин, скажешь...

Дама взошла на помост и решительно шагнула в пентаграмму. По залу прокатился общий вздох: на миг алое пламя — и магическое, и реальное — потускнело и вдруг вспыхнуло еще ярче; женщина исчезла. Исчезла на видимом, ощутимом для всех уровне. На магическом же, доступном лишь Семену плане реальности с ней происходило что-то жуткое — обнаженный женский силуэт, разом лишившийся всех своих одежд, повис в колдовском пламени, неистово суча ногами и руками; тело несчастной странным образом изменялось, таяло и текло, словно воск в огне, переплавляясь в нечто неопределенное, аморфное, чему не было названия... Через несколько секунд магическое пламя вновь стало прозрачным и чистым. Ждущим.

— Это... что это было? — сдавленно спросил сам у себя Семен, хватая бокал и одним глотком допивая холодное шампанское.— Что у них здесь происходит, а?

— Не стриптиз, факт,— глубокомысленно изрек Мар.— Но ежели это был все-таки стриптиз, эдакое местное извращение, то очень и очень радикальный. Вплоть до снимания с себя кожи и всего остального.

— А ты что, тоже увидел это? — шепотом спросил Семен, потупясь,— смотреть на пентаграмму не было сил.

— Не знаю, что конкретно ты имеешь в виду,— хладнокровно ответил медальон.— Я-то колдовским зрением не обладаю... но кое-что все же успел заметить. Значит, так: сначала на мадаме исчезла вся одежда, потом кожа, потом мясо, ну а потом и все прочее тоже... Но это быстро произошло, ты мог и не заметить, ты же не такой скоростной на восприятие, как я! Думаю, что и остальные ничего не увидели. Иначе бы не лезли дуром в эту адскую печку. Вон гляди что творится, гляди! Ни фига себе...

Семен поглядел.

По всему залу то там, то тут из-за своих столиков поднимались люди и с отрешенным видом шли к помосту; адская печка, как назвал пентаграмму Мар, работала без остановки — вспышки алого пламени становились все чаще и чаще; в зале стало жарко. Пентаграмма действовала совершенно бесшумно, в наступившей мертвой тишине были слышны только шаги и тяжелое дыхание идущих к ленточной звезде.

Семен лишь мельком успел заметить, что происходит внутри пентаграммы, но ему хватило и этого — Семена замутило и чуть не вырвало; он поспешно отвел взгляд в сторону.

— Ты куда меня, гад, приволок? — злым шепотом спросил Семен у медальона.— Куда? Я же тебя просил доставить меня в какой-нибудь элитный ресторан, где хорошо кормят и есть на что посмотреть. А ты...

— Ничего подобного! — возмущенно запротестовал Мар.— Все так, как ты заказал! Ресторан однозначно элитный, кормежка на высшем уровне, сам ведь хвалил. А то, что зрелище оказалось не очень... Так я не виноват! Путеводное заклинание не выбирало, какое именно представление будет показано в данном месте, оно попросту выполнило три твоих условия. Просил зрелищное — на, получи на всю катушку. Я-то здесь при чем?

Семен ничего не ответил, мрачно уставясь мимо тарелок: вид еды сейчас вызывал у него лишь неприятные спазмы желудка; обед был испорчен безнадежно.

— Я вижу, вы впервые и, разумеется, нелегально присутствуете на главной мистерии секты Изменчивых, не правда ли? — участливо и вполголоса сказал кто-то рядом с Семеном.

Семен поднял голову.

Перед ним, по другую сторону дубового столика, сидел крепкий широкоплечий мужчина лет сорока, коротко стриженный, с проседью в черных смоляных волосах; тонкая ниточка усов и характерный прищур делали его похожим на удачливого гангстера из американского фильма тридцатых годов. Шляпы только не хватало. И автомата Томпсона под мышкой.

Мужчина был в точно такой же, как у Семена, одежде, разве что фрак был чуточку светлее, с едва заметной серебристой искрой, да галстук-бабочка был чуть побольше; на мизинце левой руки был дешевый медный перстенек с невзрачным мутным камнем — перстень никак не вязался с образом удачливого гангстера.

Мужчина дружелюбно улыбнулся Семену:

— Согласен, поначалу просто оторопь берет от такого действа, особенно если к начальной фазе Изменения внимательно приглядеться... некоторые из любопытствующих — из тех, кто

не знал, что должно было произойти,— иногда даже сознание теряли прямо на мистерии. К сожалению. Потому что Изменчивые обязательно убивают всех посторонних, да-с. Тех, кто проник на мистерию тайно, без их ведома и официального приглашения. Сектанты, что с них взять! Фанатики.

— Вы кто? — вяло спросил Семен, которому сейчас совершенно не хотелось ни с кем знакомиться. Ему вообще ничего не хотелось. Разве что убраться отсюда куда подальше. От таинств и мистерий.

— Друг,— многозначительно ответил незнакомец.— Позвольте представиться: профессор Лео Шепель (кстати, предпочитаю, чтобы ко мне обращались по фамилии),— историк и археолог. Специализируюсь по современным и древним запрещенным культам... и, в частности, по запретной боевой магии. Тоже древней. А вы, если я не ошибаюсь, вор с прикрытием, да? По кличке Искусник Симеон.

— Опа,— только и сказал Мар.— Где же это мы прокололись-то? Вроде все было чинно-благородно, сидели себе в уголке и не высвечивались...

— Ошибаетесь, милейший,— холодно ответил Семен, мгновенно приходя в себя.— Вы обознались. К ворам я не имею никакого отношения. Я — младший принц из Чумного Мира, у меня и соответствующие документы имеются, прибыл сюда ради развлечения и...

— А я в таком случае — младшая горничная Императрицы,— с той же добродушной улыбкой прервал Семена профессор Шепель.— Любимая. Полноте, Симеон! Я не из имперской службы безопасности, не из разведки и не из полиментовской системы. Я действительно профессор истории, действительно археолог! И у меня есть для вас работа. Со сказочной оплатой.

— Принц я,— поморщившись, устало повторил Семен.— И все тут. Мар, двигаем отсюда в...

— Погодите,— зачастил профессор,— вот мой личный жетон.— Шепель быстро расстегнул ворот рубашки, сорвав и сунув в карман галстук-бабочку, вынул из-за пазухи стандартный имперский медальон на золотой цепочке.— Проверьте! У вас же наверняка есть чем проверить.— Археолог поспешно расстегнул цепочку и подал Семену медальон на ладони.

— Вот с этого и нужно было начинать,— назидательно сказал Мар.— На лбу-то у него не написано — профессор он там или стукач. Хотя, по правде говоря, одно другому не мешает... Семен, ну-ка приложи его жетон ко мне. Сейчас я его проверю! Посмотрим, какой он там археолог...

Семен взял протянутый ему кругляш и приложил его к своему медальону.

— Нормально,— сказал через пару секунд Мар.— Действительно профессор. Действительно археолог. Но, должен заметить, здесь пометочка одна любопытная имеется, полиментовская... Он, получается, хоть и профессор, а на учете у них все же состоит. Наш человек! Интересно, чего он натворил? Не мелочь же по карманам тырил, с такой-то мордой... Слушай, может, он брачный аферист? — Медальон не стеснялся высказывать свои подозрения вслух: кроме Семена, слышать его больше никто не мог. Теоретически.

— Прошу.— Семен вернул жетон возможному брачному аферисту.— Так какое у вас ко мне дело? И откуда вы меня знаете? И как нашли?

— Не здесь.— Шепель повел бровью в сторону пентаграммы.— Пожалуй, нам стоит побеседовать в другом месте. Мистерия скоро закончится, и оставшиеся, те, кто не удостоился сегодня права быть Измененными, могут вами, Симеон, заинтересоваться. Что было бы крайне нежелательно. Я-то по роду своей работы допущен к наблюдению за ритуалом, а вот вы...

— Да? — встрепенулся Мар.— Семен, и впрямь, пошли отсюда! Еще запихнут тебя ненароком в тот ленточный крематорий, с них станется. Я-то, конечно, в любом случае тебя отсюда выдерну, но зачем зря рисковать?

— Куда пойдем? — деловито спросил Семен, вставая из-за стола.— Только не в другой ресторан! Хватит с меня сегодня ресторанов и увлекательных зрелищ.

— Предлагаю ко мне в офис.— Археолог убрал свой медальон под рубашку, приладил бабочку на место, с неудовольствием оттянул ворот и покрутил шеей.— Не люблю галстуки,— пожаловался он.— Но выходить надо при том же параде, как и входили. Иначе будут вопросы.

— Так мы же с транспортным заклинанием...— начал было Семен, но Шепель с усмешкой погрозил Семену пальцем:

— Из ресторана — только ножками. На улице — да, разумеется. Именно транспортным заклинанием, потому что я живу в другом Мире. В Размытом. Когда малая пентаграмма в действии, она создает вблизи от себя, на магическом плане, такие мощные искажения, что путеводные заклинания могут выкинуть нас куда угодно. Даже в Исправительный Мир. А мне туда еще рано.

— Мне тоже,— согласился с профессором Семен, и они пошли к выходу. Напоследок Семен все же оглянулся.

Зарево над пентаграммой медленно угасало — видимо, ритуал завершился; не прошедшие Изменения члены секты пили из бокалов шампанское. Стоя. То ли поминали ушедших, то ли заливали свое горе по поводу того, что не удостоились сегодня высокой чести нырнуть в алое пламя. «Кто их, сектантов, знает! У них у всех крыша на сто восемьдесят градусов повернута»,— подумал Семен, следуя за своим провожатым. За вероятным будущим работодателем.

...Офис Лео Шепеля мало походил на бюрократическую нору, от офиса в нем были лишь канцелярский стол, заваленный ворохом бумаг, пара стульев с решетчатыми спинками да обязательный для деловой конторы массивный сейф, наполовину вмурованный в стену; рядом с сейфом имелось высокое стрельчатое окно с толстым, наверняка бронированным стеклом. За стеклом медленно падал крупный снег — в Размытом Мире была зима; на улице вечерело.

Оказавшись в офисе, Семен первым делом превратил свою официальную одежду в более привычный и удобный спортивный костюм, после чего принялся осматриваться.

Более всего помещение, где оказался Семен, было похоже на малый филиал музея из Искристого Мира: вдоль стен — почему-то наглухо, от пола до потолка обклеенных плотной серебряной фольгой,— стояли открытые стеллажи с внутренней разноцветной подсветкой; полки стеллажей были уставлены самыми разнообразными диковинками. Там соседствовали маленькие костяные статуэтки и какие-то деревянные жезлы с глиняными, словно наспех слепленными многорукими божками-набалдашниками, объемистые бутыли, плотно, виток к витку, оплетенные толстой медной проволокой, с залитыми сургучом горлышками и многое, многое другое. Одну из ниж-

них полок занимал лежавший на ней длинный двуручный меч с намертво вцепившейся в рукоять то ли отрубленной, то ли оторванной человеческой кистью.

Кисть выглядела как настоящая. Семен присел на корточки, чтобы рассмотреть поближе занятный муляж. Но когда один из пальцев шевельнулся, плотнее прижимаясь к рукояти, у Семена опять что-то неприятно екнуло в желудке, так что он предпочел встать и отойти подальше от занятного экспоната. Слишком занятного, чтобы разглядывать его в упор с подозрительным еканьем в желудке.

— Руками только ничего там не трогайте.— Профессор Шепель, коротко глянув на Семена и ничуть не удивившись перемене в его одежде, убрал со стола бумаги.

— Так как поесть вам, Симеон, толком не удалось... м-м, бывает, бывает... то вы, надеюсь, не откажетесь...— Шепель, побренчав связкой ключей, открыл сейф, достал оттуда аккуратно сложенную скатерть и застелил ею стол: скатерть была расписная, старательно украшенная по краям серебряным шитьем в виде замысловатого восточного орнамента; воздух над столом тут же наполнился тысячами мельчайших искорок — скатерть явно была волшебная.

— Самобранка, что ли? — Семен заинтересованно разглядывал роспись: в цветущем саду полногрудые, обнаженные по пояс девы угощали персиками юношу в золотом халате и золотой же чалме; лицо у юноши было капризное и недовольное. Наверное, он уже объелся дареными персиками.

— Само-бранка? — с задержкой переспросил Шепель, сосредоточенно делая над скатертью замысловатые пассы руками.— Может, и самобранка, мало ли у нее каких других названий в иных Мирах. Лично мне эта вещица досталась под названием «ковер-дастархан». В Ханском Мире ее когда-то именно так называли... Есть!

Искорки внезапно погасли: на ковре-дастархане появились глиняные блюда с пловом, мантами, какими-то салатами и пирожками; в центре возвышался бронзовый запотевший кувшинчик с длинным узким горлышком. Рядом с кувшинчиком стояли две пустые тарелки, пара пиал и отдельно широкая чаша с водой — в воде плавали лепестки роз.

— Фруктовый шербет,— пояснил Шепель, разливая из кувшинчика по маленьким пиалам темный густой напиток.— Спиртное, увы, коврик не делает. Но если желаете... Да вы присаживайтесь к столу!

— Не желаю.— Семен помотал головой, сел за стол.— Шербет так шербет.— И, ополоснув руки в чаше с водой, наложил себе плова в тарелку. Руками. Ложек коврик не предоставил.

— О, я вижу, вы знакомы с обычаями Ханского Мира,— заметил профессор, тоже ополоснув руки в чаше и накладывая себе плов.— Я был в том закрытом Мире года два тому назад, в экспедиции, мы взламывали по заказу тамошнего шаха... э-э... то есть, раскапывали... впрочем, к нашему разговору та история никак не относится. Я вот о чем хотел сказать: в культуре этого невероятно самобытного Мира традиционно не используются ни ложки, ни вилки при угощении подобными блюдами. Хотя в некоторых случаях существуют дозволенные отступления от правил. Например, когда...

— Товарищ профессор,— Семен отправил в рот жменьку плова, плов оказался вкусный,— давайте оставим культуру Ханского Мира на потом. Был я в том Мире, насмотрелся на их традиции... Кстати, вы с джинном Мафусаилом ибн-Саадиком, придворным астрологом, случаем, не знакомы?

Профессор поперхнулся пловом и закашлялся.

— Видать, знаком,— уверенно сказал Мар.— Любопытно, а что у них могло быть общего? В шахский гарем, что ли, на пару лазили? В свободное от работы время. Ты спроси, не стесняйся!

— Как бы это сказать...— Шепель вытер рукавом выступившие слезы.— Ну-у... Знаком, короче говоря. Собственно, этот коврик он мне и продал. У него была любимая жена... Гюзель, кажется, ее звали... Она давным-давно умерла, а коврик он хранил как память о ней. Но тяжелые финансовые обстоятельства, личные проблемы...

— Интересная новость,— не моргнув глазом сказал Семен.— Говорите, умерла Гюзель? Давным-давно? Надо же,— и отпил из пиалы шербета.

— Вот же вредитель! — радостно воскликнул Мар.— Семен, наш джинн, оказывается, не только специалист по женской части, но еще и вор! Стянул коврик у своей дорогой Гюзели

и профессору загнал. Оно и понятно: на его гаремные развлечения никаких денег не хватит. Ох и пройдоха, ох и альфонс... Молодец,— неожиданно добавил медальон.— Уважаю.— И замолк.

— Я вот что хотел у вас узнать, пока мы к основному разговору не приступили.— Семен с аппетитом принялся за манты.— Вот эта секта Изменчивых, кто они такие? Слимперов знаю, даже знаком с одним их жрецом.— Семен не стал уточнять, с каким именно жрецом: такой информацией почем зря не разбрасываются.— Что это они там, в ресторане, вытворяли?

— А, обряд Изменения.— Шепель немного подумал, собираясь с мыслями.— Вот вы, Симеон, вспомнили о слимперах. Да, мощная секта! Можно сказать, организация. Религиозная, крепко стоящая на ногах организация. Официально запрещенная, но тем не менее вполне существующая. Предполагаю, что ее напрямую курирует кто-то из самых верхов имперской власти.

— Несомненно,— буркнул Семен.

— ...А остальные, более мелкие секты — всего лишь вариации на ту же самую тему. На тему слимпа. Так сказать, новое толкование старых заблуждений. Скажем, есть секта «диких» слимперов. Они отрицают магическую суть слимпа и считают, что слимп по своей природе есть настоящая реальность, нам недоступная, а все, что ныне имеется вокруг нас,— всего-навсего морок и обман, кем-то специально созданный. Есть секта «отрицающих», которые утверждают, что слимпа искать вообще не надо, потому что мы все живем внутри него, и каждое живое существо по сути своей есть малая частица слимпа... А есть «изменчивые». У них своя вера — вера в то, что, пройдя ряд непредсказуемых изменений, полностью меняющих облик и личность, кто-нибудь из них рано или поздно достигнет совершенства и станет всемогущим Слимпом.— Шепель долил себе в пиалу из кувшинчика.— Ни более и ни менее.

— Мало нам одного живого Слимпа, которого ты ненароком создал, так еще вон сколько претендентов по пентаграммам шляется, с конкретной целью,— желчно сказал Мар.— Конкуренты на должность Бога. Эдак скоро проходу от слимпов не станет! Куда ни плюнь, всюду слимпы будут. Тю, дурилки пентаграммные...

— Понятно.— Семен взял с блюда и надкусил пирожок, запил съеденное шербетом.— Значит, всемогущества хотят... И что, есть у них хоть какие-нибудь результаты? Знамения какие-то, сообщения есть? От тех, кто в Изменении участвовал. Кто в ленточную звезду слазил.

— Ну о каких результатах может быть речь,— Шепель удрученно развел руками,— если человек непонятно кем или чем становится. И непонятно где. Результаты! Как можно стать тем, чего нет в природе.

— Я бы не стал заявлять столь категорично.— Семен ополоснул руки в воде с лепестками.— Есть у меня подозрение, что Слимп все же существует... Благодарю за угощение. Давайте теперь к делу.

— К делу так к делу,— согласился профессор,— почему бы и нет.— Шепель провел рукой над ковриком, и блюда-тарелки вместе с кувшинчиком немедленно исчезли. Аккуратно сложив коврик-скатерть, Шепель спрятал его в сейф.

— Могут украсть,— пояснил профессор в ответ на недоуменный взгляд Семена.— Были уже попытки. Между прочим, коврик весьма дорого стоит. Весьма! Раритет, знаете ли. Некоторые коллекционеры мне за этот ковер-дастархан большие деньги предлагали... Ценная вещь!

— А там что, не ценные? — Семен посмотрел на стеллажи.— Ерунда всякая?

— Тоже ценные,— заверил Семена Шепель.— Еще какие ценные! Только их украсть невозможно. Они, знаете ли, убивают всякого, кто их с полки возьмет. Кроме меня, естественно. Мне боевые амулеты не опасны, у меня защита есть.— Он мельком глянул на свой дешевый медный перстенек.

— Так надо было коврик туда, к ним,— Семен кивнул в сторону стеллажей,— для пущей сохранности.

— Нельзя,— с сожалением признался археолог.— У них магия взаимоисключающая, у ковра и у боевых амулетов. Я бы с дорогой душой, но нельзя. Древние волшебные раритеты, они, видите ли, почти все узко специализированны. И зачастую несовместимы друг с другом. Когда-то это было целой наукой — умение правильно комплектовать магическую амуницию... Порой, Симеон, проигрывались глобальные, решающие сражения

из-за, казалось бы, сущей мелочи! Из-за безделицы. Из-за пустяка.

Скажем, в битве за Нартовую Пустошь... была такая в Болотном Мире когда-то, теперь там центр развлечений построили... так вот, в том сражении вождь одной из воюющих сторон по указанию своего колдуна решил использовать в битве трофейный меч-кладенец: то ли в бою тот меч его бойцы взяли, то ли лазутчики у противника выкрали, не важно... Важно то, что ни колдун, ни вождь не учли одну незначительную мелочь— вплетенную в гриву коня вождя такую особую ленточку, предохраняющую седока от чужого магического оружия. Сильная такая ленточка была... И что получилось в итоге? А в итоге едва трофейный, а значит, вражеский по определению меч покинул ножны, как тут же сработало защитное колдовство ленты и мигом отбросило вражий меч далеко в сторону. Вместе с рукой вождя: меч рванул с такой силой, что ему полностью оторвало кисть руки, которой он держал чужое оружие. Ну а дальше... Меч-кладенец действует до тех пор, пока его рукоять сжимают чьи-либо пальцы. Вот меч и принялся действовать сам по себе, никем не управляемый... Короче, все, кто был в тот день на поле битве, там и полегли. Все до одного. На том спор о Нартовой Пустоши и закончился. На пару лет: пока рука, державшая меч, не сгнила окончательно и оружие не перестало убивать кого ни попадя. Тех, кто на Пустошь случайно попадал.

— Подумать только! — удивился Семен.— А я был уверен, что меч, который лежит у вас на полке, и есть тот самый кладенец. Главное, рука оторванная тоже присутствует! Живая. У нее пальцы шевелятся, я сам видел.

— Он и есть,— медленно сказал Шепель, странно глянув на Семена.— Значит, то, что о вас писали, правда. Вы — видящий. Это хорошо. Рука на мече... остывший магический образ... я так и не смог его убрать, потому меч и лежит у меня в запаснике. Кому он нужен, если в любой момент опять может взяться за старое!

— Так. Мы снова вернулись к главному вопросу.— Семен подобрался.— Откуда вы меня знаете? Как меня нашли?

— Я вас очень прошу,— пропустив мимо ушей вопросы Семена, взмолился профессор-археолог,— попробуйте убрать об-

раз руки с меча. Вы ведь можете, да? Можете? Поверьте, это очень важно! В первую очередь для вас. Вы... Вы можете это сделать?

Семен вздохнул и, ничего не ответив, направился к стеллажу.

Присев на корточки, он внимательно пригляделся к руке — та не подавала никаких признаков жизни,— потом осторожно, по одному, принялся отдирать пальцы от рукояти меча. Пальцы были мягкими, словно пластилиновыми, липкими, и у Семена от брезгливости снова неприятно заекало в желудке. К счастью, оторвать пальцы от рукояти он успел быстрее, чем взбунтовался желудок: кисть дохлой лягушкой упала на полку и растаяла в воздухе.

— Готово.— Семен встал, с отвращением отряхнул ладони.— Где руки помыть можно?

— Рукомойник там, в углу,— возбужденно сказал Шепель, присаживаясь на корточки и осторожно поводя над длинной рукоятью меча своим медным перстнем,— невероятно... Камень ни на что не реагирует! Чудеса, да и только.

— Фирма веников не вяжет,— торжественно сообщил Мар неизвестно кому.— Фирма их ворует. Подумаешь, образ сняли. Мы с Семеном такие дела проворачивали, что ух ты! Да мы... Чего это я разошелся? Он же все равно меня не слышит. К сожалению. Иначе бы я ему такое рассказал, такое... Мы в своем деле тоже небось профессора! Нет — академики. Или кто там у них еще круче...

Семен вымыл руки и вернулся к стеллажу: археолог продолжал водить ладонью над мечом, что-то бубня себе под нос. Видимо, все еще продолжал восторгаться.

Шепель поднялся с корточек, церемонно поклонился Семену.

— Теперь у меня нет никаких сомнений, что вы — Искусник Симеон. Видящий, который может воздействовать на магию. Вы тот, кто мне нужен! Позарез нужен. И я хочу сделать вам предложение, от которого вы не сможете отказаться.

— Отказаться я могу от чего угодно,— отмахнулся Семен,— у меня есть все, что мне надо. Или почти все.

— У вас нет браслета-экрана,— вкрадчиво произнес археолог.— Так называемого «воровского счастья». Который никогда

не позволит обнаружить вас ни одному поисковому заклинанию, какое бы мощное оно ни было.

— Считайте, что вы меня заинтересовали,— подумав, сказал Семен.— Очень заинтересовали. Но сначала — все те же вопросы. Откуда вы меня знаете и как нашли.

— Отвечаю по порядку.— Шепель нервно потеребил галстук-бабочку.— У меня есть знакомства в имперском сыскном отделе. Надежные, хорошо оплачиваемые знакомства! Служащие, которые поставляют мне сведения о самых необычных преступлениях в Империи и данные о самых необычных преступниках. Я работал со многими из тех, кого так усердно ищут и никак не могут найти полименты! У меня свой метод поиска нужных мне людей.

Дубликат вашего портрета, нарисованного художником кардинальского сыскного отдела, лежит в моем сейфе, в отдельной ячейке. Вместе с дубликатом личного досье на вора Симеона. Искусника Симеона, как назвали вас в Безопасном Мире. О, я в курсе многих ваших приключений! Один побег на прыгалке чужих из Безопасного Мира чего стоит... Вы уже стали живой легендой у воровской братии! Неуловимый вор-видящий, который работает исключительно в одиночку. И который, возможно, умеет влиять на магию. Я давно искал человека с вашими способностями, Симеон!

А как я вас нашел... Могу сказать прямо — это была непростая работа! Пришлось посетить множество разных Миров, тех, где вы могли появиться, и оставить там специальные сторожевые заклинания. Настроенные на вас лично, Симеон. Такие заклинания, каких не было, нет и не будет в имперском сыске. Потому что эти сторожа были взяты мной из амулета, охранявшего Земляную Книгу. Вы слышали легенду о Земляной Книге?

Семен отрицательно покачал головой.

— Я вам потом ее расскажу,— пообещал Шепель.— При случае. Очень, знаете, впечатляющая легенда! Страшненькая. Но именно она дала мне подсказку, где может храниться Земляная Книга.

В общем-то ничего особо полезного в той книге не оказалось, легенды всегда все преувеличивают: простенькие рецепты по изготовлению грязевых зомби, посредственные заклинания для

вызова пылевых умертвий, наведение глиняной порчи на врагов... что там еще насчет врагов было... м-м... песок вместо крови, стеклянные кости, железные корни волос, растущие в мозг... э-э... и прочие нехитрые забавы с человеческой плотью. Прикладная грязевая некрономика, первые опыты! Давно устаревшие технологии... Никакого интереса ни с военной, ни с коммерческой точки зрения.

Саму Земляную Книгу я продал коллекционерам-некромантам, а охранный амулет оставил себе. На всякий случай— вдруг пригодится? И не ошибся. Пригодился.

— Хм, а где он ту Земляную Книгу взял-то?— призадумался Мар.— Не в библиотеке же! Семен, по-моему, господин профессор-историк не кто иной, как наш собрат по ремеслу. Слышал я о таких! Их еще «черными археологами» кличут. Попросту говоря — кладбищенские воры. Покойников грабят! Мародеры от истории, ага. Впрочем, у каждого свой бизнес... Слушай, спроси-ка у этого специалиста по умертвиям, чего ему от нас нужно? А то все ходит вокруг да около! У меня уже терпение кончилось его мудреные рассказы слушать.

— Гражданин профессор Шепель,— Семен пододвинул к себе стул, сел, закинув ногу на ногу,— давайте ближе к теме. Суть вашего предложения?

— Вы сейчас не заняты работой? — поинтересовался профессор.— Я имею в виду, не нарушит ли мой заказ ваши планы? Дело предстоит серьезное!

— Пожалуй, нет. Не нарушит.— Семен лениво покачал ногой.— До следующей пятницы я совершенно свободен. До пятницы в Изумрудном Мире.

— А что произойдет в пятницу? — озаботился профессор.— Банк брать будете?

— Нет, почему же.— Семен усмехнулся.— Вполне законное мероприятие... Я должен быть на коронации. Одна моя знакомая становится королевой и очень обидится, если я пропущу такое важное для нее событие.

— Голову оторвет,— поддакнул Мар,— и неограниченного кредита лишит. Она, помнится, так и сказала. Черт с ней, с головой, кредита жалко...

— Ясно,— сказал Шепель.— До следующей пятницы мы наверняка управимся. Значит, так: в одном из закрытых мертвых Миров есть древний, всеми забытый мавзолей...

ГЛАВА 2
Самозванец: Лихо Исполненный Монархический Подлог

Реально коронация должна была состояться лишь в субботу, в полдень, но Семен нарочно указал в разговоре более ранний срок — надо было тщательно, не торопясь подготовиться к королевскому празднику. Все же не каждый день у Семена друзья коронуются! Тем более если друг — спасенная им принцесса.

Вообще-то работа от профессора Шепеля подвернулась как нельзя кстати: Семен уже несколько дней ломал голову над тем, что бы эдакое подарить будущей королеве Яне. Такое, чего никогда не купишь за деньги. Что-нибудь особенное, запоминающееся. В самом деле, ну не бриллиантовое же колье дарить девушке, у которой в сокровищнице этих бриллиантов как тараканов в старом общежитии! Семен лично те бриллианты видел. И штабеля золота в слитках видел. Когда Хайк, личный телохранитель Семена, дядю принцессы Яны в замковой сокровищнице жизни лишал. Дядю-короля. Самозваного короля.

Собственно, ситуация, в которой оказалась принцесса Яна, бывший член кардинальского Отряда, видящая, была классической до банальности: возвращения Яны никто из ее подданных не ждал. Зато ждал родной дядя, интригами и подкупом занявший монарший трон вскоре после смерти своего брата-короля,— ждал, хотя с некоторых пор принцесса официально числилась погибшей.

Через два дня после похорон отца Яны шустрый дядя молниеносно провел широкомасштабную «предвыборную» кампанию по подготовке общественного мнения — во всех новостных листках, развешанных на рынках и площадях королевства, сообщалось о том, что принцесса Яна окончательно и бесповоротно съедена лютым драконом во время ее преддип-

ломной практики в одном из отдаленных захолустных Миров. Нанятые сплетники с воодушевлением рассказывали в многочисленных кабаках и тавернах весьма красочные подробности гибели принцессы — очень кровавые и очень убедительные подробности. Как будто они сами, лично, присутствовали во время возмутительного акта поедания драконом несчастной студентки имперского биофака. Типа свечку у пасти держали.

Через месяц после начала активной обработки общественного мнения дядю короновали; никакого возмущения, а тем более бунта не было — народ кричал «Ура!» и пил за здоровье нового короля. О Яне больше никто не вспоминал. Умерла так умерла.

Однако сразу после коронации всей страже по всему необъятному королевству (и особо — страже столичной) была дана секретная ориентировка о возможном появлении на территории королевства самозванки, внешне крайне похожей на покойную принцессу и потому незаконно претендующей на трон. В случае обнаружения данной особы предписывался ее немедленный арест и препровождение оной девицы по этапу в дворцовую тюрьму, где с ней разберутся; за поимку самозванки полагалось крупное вознаграждение. Очень крупное. Золотом.

Дядя не хотел рисковать и учитывал все возможные варианты развития дальнейших событий. Но, на свою беду, он не учел одного: того, что Яна вернется в Изумрудный Мир не одна.

Разобраться в нынешней политической ситуации будущей правительнице самого крупного королевства Изумрудного Мира помогли стражники, стоявшие у главных городских ворот столицы — стражники, которые без объяснений кинулись на Яну, едва она подошла к воротам... Вернее, помог один из стражников, специально не покалеченный Хайком: стражник охотно дал подробный отчет обо всем, что случилось в королевстве за то время, пока Яна отсутствовала. Также умный стражник немедленно признал в Яне настоящую, а не самозваную королеву и, стоя на коленях, верноподданнически поцеловал ей руку, первым во всем королевстве присягнув новой правительнице на верность. За что тут же был помилован и назначен главой городской стражи.

Дальнейший путь ко дворцу маленький отряд проделал под защитой Мара, на время укрывшего Семена, Хайка и Яну колпаком невидимости,— во избежание ненужных жертв со стороны ретивых стражей порядка.

Дворцовый переворот прошел довольно быстро и без особых эксцессов; правда, Хайку — черепаховому бойцу из клана наемных воинов и телохранителю Семена — пришлось сначала за минуту положить всю личную охрану дяди-короля (полторы дюжины хорошо вооруженных гвардейцев), но это оказалось даже к лучшему: изувеченные трупы на полу и громадные пятна крови на стенах тронного зала послужили весомым доводом для придворных сановников. Доводом в пользу Яны. Доказательством того, что к трону пришла законная королева. А то какой же настоящий переворот, да без крови?

Семен тоже не остался без дела, с удовольствием поучаствовав в восстановлении исторической справедливости: боевые заклинания медальона пришлись очень кстати! Пожалуй, с дворцовыми воротами и первым этажом самого дворца Семен несколько перестарался — ремонт и восстановление интерьера теперь затянутся на месяцы,— но тут уж ничего не поделаешь. Потому что яркий, профессионально и эффектно исполненный переворот тем и отличается от переворота дилетантского, что запоминается при дворе очень и очень надолго. Иногда навсегда. И является хорошим предупреждением для других возможных претендентов на трон: с нами лучше не связывайтесь!

Дядя-интриган, видя такое дело, решил отсидеться в сокровищнице, дождаться, пока утихнут революционные страсти, и тайком удрать. Но не удалось... Когда Хайк, держа свежесвергнутого короля за глотку, спросил у Яны, что ему делать с дядей — все же ее родственник,— принцесса жестко ответила:

— Мне не нужна гражданская война! Двум правителям в одной стране не бывать! — И участь дяди была решена. Семен только крякнул, услышав такой приговор, но вмешиваться не стал: как-никак Яна была настоящей королевой...

В тот же день в столице было официально объявлено, что король и его охрана пали от рук неких иномирных заговорщиков, возжелавших поэтапно узурпировать власть над всем Изумрудным Миром; принцесса Яна, похищенная теми же заговорщиками, смогла вырваться из плена и вернулась на

родину во главе карательного отряда, дабы отстоять независимость государства; заговорщики уничтожены, узурпация подавлена в зародыше. Принцесса Яна скорбит о безвинно погибших и объявляет недельный государственный траур, после чего состоится ее коронация; похороны короля и его охранников-героев, павших в неравном бою с ненавистными заговорщиками, пройдут завтра с положенными в таком случае королевскими почестями; также принцесса Яна призывает население к бдительности! Враг не дремлет. Аминь.

В то же самое время повсеместно были снижены подушный налог и цены на пиво; спасенный от узурпации народ ликовал, прославляя великую королеву Яну.

Так как коронация должна была состояться лишь через неделю, Семену пришлось покинуть Изумрудный Мир — находиться на одном месте он мог не более трех дней, именно столько времени требовалось поисковым заклятиям имперской службы безопасности, чтобы отыскать местонахождение вора Симеона.

Взяв из казны кошель с золотом на мелкие расходы, Семен попрощался с Яной и Хайком, твердо пообещав вернуться в следующую пятницу, накануне коронации, и отбыл в неизвестном (даже для себя) направлении; Хайка Семен оставил при будущей королеве, для ее надежной охраны. Так, на всякий случай. Во избежание.

И вот сейчас Семен сидел напротив профессора Шепеля и с интересом слушал его рассказ об удивительном мавзолее, спрятанном в одном из закрытых и напрочь забытых Миров.

— ...Судя по усталости магической защиты, мавзолею никак не менее полутора тысяч лет,— убежденно сказал Шепель, доставая из кармана смокинга тяжелый никелированный портсигар и щелкая кнопочкой на его боку.— Если внимательно просмотреть все расчетные магограммы, то...

— Я не курю,— глянув на портсигар, сразу предупредил Семен.— И табачный дым не переношу.

— Дым? — недоуменно переспросил профессор, бросил взгляд на свою никелированную вещицу и рассмеялся.— Дыма не будет. Это, Симеон, совсем не то, о чем вы подумали. Совсем не то.— Шепель открыл портсигар.— Я, кстати, тоже не курю. И никому не советую. Это... Впрочем, сами видите.

Семен кивнул. Он видел.

Портсигар оказался чем-то вроде крошечного ноутбука – с откидным плоским экранчиком и мелкой клавиатурой, давить на которую можно было разве что спичкой.

— Ба! — не на шутку разволновался Мар.— Так это ж техническая магия! Семен, штучка-то от чужих! Их работа, чтоб я поржавел. Откуда? Зачем?

— Смотрите,— Шепель осторожно надавил ногтем на одну из кнопочек,— вот как выглядит мавзолей внешне.

На экранчике проступило крохотное изображение: среди скал, на ровной каменистой площадке, высился вертикально установленный белый цилиндр с плавно закругленным верхним торцом. Цилиндр был похож на патрон от пистолета Макарова, такой же ладный, такой же аккуратный. И такой же опасный — при первом взгляде на мавзолей-патрон у Семена почему-то сразу заныло под ложечкой и возникло очень неприятное ощущение. Ощущение угрозы.

Изображение было объемным, цветным, но определить истинные размеры цилиндра Семен не мог, не с чем было сравнить.

— Тридцать метров в высоту, десять в диаметре,— словно прочитав мысли Семена, любезно сообщил профессор Шепель.— Нестандартная конструкция! Обычно постоянную защиту делают в виде полусферы или клетки, так гораздо проще: меньше сложностей в создании. А здесь особо постарались... Почему? Не знаю.

— Эт-точно,— согласился Семен.— Уж постарались так постарались, ничего не скажешь. Какая-нибудь дополнительная информация по мавзолею еще имеется? Ну, кто там захоронен... что из ценностей имеется... как, в конце концов, открывается.

— Кто захоронен, неизвестно.— Шепель еще немного полюбовался картинкой, потом захлопнул портсигар-ноутбук и спрятал его в карман.— Да и захоронен ли... Ценностей там много. Любых! Разных. Лично мне оттуда нужна только шкатулка из черного железа с оригинальной символикой на крышке. Для вас, Симеон, она никакого интереса не представляет, уж поверьте мне, слишком у нее применение специфическое... Зато вам наверняка будет интересен браслет воровского сча-

стья, о котором я говорил раньше. Может, что еще для своей нелегкой профессии в мавзолее отыщете, мало ли... Берите все что угодно! Кроме шкатулки, разумеется. А остальное берите не стесняясь, сколько на себе унесете — столько и берите. Это и будет вашей оплатой.

Как открывается мавзолей — не знаю. Для того и пригласил вас в дело... Зато точно знаю, как выключить изнутри его магическую защиту. Все просто — там, внутри мавзолея, есть особая иголка, которую надо сломать, тогда магическая защита рассеется. Значит, так: игла лежит в...

— Яйце,— Семен принялся загибать пальцы,— яйцо в утке, утка в зайце, заяц в сундуке, сундук на вершине дуба. Так?

— Так,— мрачнея лицом, подтвердил профессор.— Яйцо стеклянное, толстостенное, лежит в серебряном контейнере... контейнер в виде гуся, известный символ наемных солдат; сам контейнер завернут в покрывало с вышитым на нем золотым зайцем, символом быстрой победы; все это уложено в герметично закрытый хрустальный ларь, который не висит, а лежит на... Послушайте, Симеон! Откуда у вас такие познания? — воскликнул Шепель, с нескрываемым подозрением глядя на Семена.

— В книжке одной читал,— уклончиво ответил Семен.— Детской. История о некой бессмертной нежити, которая девушек похищала.

— Детская некрономика? — Лицо профессора приняло задумчивое выражение.— Впервые о такой слышу. Ну ладно. Не то я уже было подумал...

О чем именно он подумал, Шепель не сказал. А Семен не стал выяснять, хотя реакция профессора ему не понравилась: Шепель явно чего-то недоговаривал. К тому же возникал вопрос без ответа: а откуда у него самого, у Шепеля, такие познания?

— Когда работать будем? — Семен постарался отогнать от себя неприятные подозрения. Может, археолог попросту опасается, что Семен тоже займется его ремеслом и перебежит ему дорожку? А познания — да мало ли книжек на свете! Помимо детской некрономики с Кощеем Бессмертным.

— Завтра с утра.— Шепель глянул в окно.— Уже совсем темно, а я привык ложиться спать вовремя. Вы, Симеон, если

желаете, можете отдохнуть у меня — в соседней комнате есть диван. А если хотите, то в гостинице. Она рядом.— Профессор указал на окно.— Ее даже из моего офиса видно.

Семен вспомнил пластилиновые пальцы, сжимавшие рукоять меча, смертоносных уродцев на стеллажных полках и невольно поежился.

— Пожалуй, в гостинице,— решил Семен.— Оно и мне, и вам удобнее будет.

— Тогда в девять.— Шепель встал.— Я зайду за вами: на дело отправимся прямо из номера гостиницы. Какие-нибудь вещи, инструменты вам потребуются?

— Все свое ношу с собой.— Семен тоже поднялся со стула.— До завтра! — И направился к выходу из офиса.

...Снег бодро поскрипывал у Семена под ногами, морозный воздух был тих и прозрачен; по широкой вечерней улице степенно, не торопясь, шли тепло одетые прохожие: кто в шубах, кто в дубленках. Семен ничем не выделялся из толпы — маскировочный костюм превратился в долгополую серую шубу, серую шапку-малахай, теплые штаны и черные меховые унты: почему-то все встреченные Семеном прохожие были в унтах. То ли мода здесь была такая, то ли зимы чересчур холодные и снежные, кто знает?!

Яркие фонари на высоких столбах сияли насыщенным желтым светом, создавая странное впечатление, будто Семен идет не по снегу, а по песку; с неба, казалось, сыпались не редкие крупные снежинки, а хлопья поп-корна. Холодного такого попкорна. Ледяного.

По наезженному снегу дороги, шурша полозьями, без излишнего лихачества скользили небольшие приземистые машины, отдаленно напоминавшие гибрид кареты и сибирского снегохода. Вот только принципа их движения Семен так и не понял — у каретных снегоходов не было ни ведущих шипастых колес, ни толкающих машину вперед пропеллеров. Ничего! Одни лишь широкие полозья и слегка приподнятый над ними салон с пассажирами.

— Магия, понятно,— сказал сам себе Семен.— Ничего особенного.

И он пошел искать обещанную гостиницу.

...Номер Семен взял себе не очень дорогой — всего лишь пятикомнатный, из разряда «люкс баронский, экономический» — тратить деньги на роскошные королевские апартаменты он не решился. С него пока и баронского люкса хватит! Вот подождем, когда королева Яна неограниченный кредит откроет, тогда...

Заказав в номер легкий ужин и свежую местную газету, Семен отправился в ванную искупаться — вернее, вволю поплескаться в небольшом мраморном бассейне, заменявшем здесь стандартную чугунную ванну.

Пока Семен мылся-плескался, ненавязчивая гостиничная обслуга полностью сервировала здоровенный стол в главном зале номера и тактично удалилась; похоже, экономические бароны в этом Мире были людьми жизнерадостными и очень любили покушать — легкого ужина, опрометчиво заказанного Семеном, вполне хватило бы на нескольких небаронов вроде него: одних печеных фазанов было три штуки, не считая множества салатов, острых приправ и закусок. А представленным к ужину шампанским можно было бы оживить не одну пентаграмму Изменчивых! Если, конечно, пентаграммы активировались именно игристым вином, а не чем-то иным.

— Ну скажите хоть кто-нибудь, на фига мне столько шампанского?— Семен возмущенно ткнул рукой в начищенную бронзовую лохань, заботливо оставленную на специальной тележке рядом со столом: лохань была заполнена тяжелыми зелеными бутылками вперемешку с колотым льдом.— Я же столько не выпью! Что мне теперь, клизму из него самому себе ставить? Чтобы добро не пропало.

— Клизма из холодного шампанского? — Мар задумчиво похмыкал.— Оригинальная идея... Семен, да ты, видать, знаешь толк в извращениях! Вот уж чего от тебя никак не ожидал.

— Умник,— фыркнул Семен,— специалист по нетрадиционному клизмированию... Так, а это что? — Семен взял с отдельно стоящего серебряного подноса толстую газету: под газетой оказалась россыпь глянцевых визиток с качественными портретами полуголых девиц.

Девицы все как на подбор были худощавые, неестественно белокожие и загадочно-томные, с мертвенно-синими веками и ярко-алыми татуированными губами; дорогой макияж и та-

туировка, как ни странно, делали девиц более похожими не на гостиничных профессионалок, а на сирых убогих вампиров. В последней стадии гемоглобинового истощения.

— Ну уж...— Семен озадаченно уставился на эротические визитки.— Чего они тут оказались-то? Я вроде не заказывал.

— Эх, Семен! — Мар сочувственно вздохнул.— Все же в каком провинциальном Мире ты раньше жил! Чего, зачем... А то сам не понимаешь! Потому и стол такой богатый, что на гостей рассчитан. Бароны, они народ простой, веселый, без комплексов! И денежный. Так что будем делать с девочками?

— Ничего,— решительно ответил Семен, отодвигая поднос с визитками подальше от себя, на дальний край стола.— Мне выспаться надо, завтра серьезная работа предстоит.

— Вот это правильно,— одобрил решение Семена медальон.— Работа — прежде всего! А девочек по вызову во всех Мирах хватает, еще успеется... Был у меня как-то случай: один мой давнишний хозяин по кличке Весельчак Римми, получив заказ на срочную работу и кой-какой аванс наличкой, отправился в одно вполне приличное заведение отметить это дело. В бордель, если точнее. Ну, вино, шампанское, девочки, то да се... А хозяйка борделя, мамаша Ли по кличке Веселый Роджер— она раньше на пиратском корабле ходила, то ли при капитане была, то ли сама капитанила, дело давнее, темное,— на него глаз положила. Может, потому что Римми золотом сыпал не скупясь, а может, просто мордой вышел, хрен его знает... И короче, когда мой хозяин дошел до нужной кондиции, затянула мамаша Ли его к себе в постель. Одновременно с этим в бордель явились матросы с только что прибывшей «Розовой жемчужины»— это клипер такой был, шерсгь туда-сюда по морю возил — и, разумеется, в стельку пьяные...

— Так-так,— согласно покивал Семен, разворачивая газету и слушая рассказ Мара вполуха,— пьяные матросы, а как же...— Семен зашелестел страницами.

— ...в прошлый раз этих залетных матросиков кто-то из местных девочек обчистил, вот ребятки и решили набить морду Веселому Роджеру,— похохатывая продолжал Мар,— задним числом, стало быть. А так как никто им не объяснил, что Веселый Роджер — это, в натуре, бордель-маман, а не бордель-папан, то, естественно, из кровати первым был вынут

Весельчак Римми. Никакой... Матросики, тоже никакие, с трудом смогли задать ему лишь один, но главный вопрос: «Весеро?..», что, видимо, означало: «Веселый Роджер?» На что получили не менее исчерпывающий ответ: «Весери...» Разницу в одну букву никто из матросов не заметил. А после... э-э... Ну, что случилось после, и так понятно.

Короче, подзадержались мы в том борделе надолго: лечились мы там, значит. В смысле, не я лечился, а мой хозяин, м-да-а... Заказ, конечно, тю-тю, аванс назад отобрали... Хорошо хоть бить Весельчака Римми заказчики не стали, куда уж дальше было его бить! И так живого места на нем не осталось... Но нет худа без добра,— рассудительно сказал Мар.— Веселый Роджер... Веселая Роджера... Тьфу! Бордель-маман, пока выхаживала Римми, воспылала к моему хозяину такой любовью, что предложила ему остаться при заведении. Типа вышибалой... или барменом... или оценщиком краденого... или кем он сам захочет: заведение-то было многопрофильное! В смысле — не только одними девочками зарабатывало, хе-хе.

Так что я года три пожил на одном месте, пока Весельчака Римми в пьяной драке не прирезали. Веселая Роджера сама и прирезала — к новенькой спьяну приревновала... а потом и сама повесилась. Вот такая, понимаешь, любовь.— Мар вздохнул.— Трагедия высоких чувств.

— Бывает,— согласился Семен, внимательно рассматривая что-то на одной из газетных страниц.— Мар, гляди сюда! Интересное дело с нашим профессором получается...

На предпоследней газетной странице, в разделе «Скандалы недели», имелась заметка о случившемся несколько дней тому назад конфузе с участием известных в городе лиц. Конфуз заключался в том, что некий весьма известный в определенных кругах научный работник — «профессор-археолог», как уклончиво обозначили в статье главного виновника скандала,— устроил несанкционированный дебош в городской мэрии. С разбиванием двух стульев и одного окна.

Причиной дебоша явилось официальное постановление мэра о запрещении нахождения в городе лиц чужого вида — таких, как прибывшая недавно с частным визитом биологическая пара альфы и беты,— постановление, несомненно гово-

ривишее лишь о патриотизме мэра и никоим образом не о зажиме демократии на местах.

Причем в дебоше участвовал не только известный научный работник, но и поименованные выше альфа и бета. Чем, разумеется, только подтвердили мудрость и прозорливость мэра.

Что произошло после скандала, какие меры были приняты к дебоширам — в заметке не указывалось. Зато была черно-белая фотография: разъяренный профессор Шепель с ножкой от стула в кулаке и прячущийся у профессора за спиной большеголовый карлик-альфа; карлик исподтишка показывал фигу толстому мужчине в казенном деловом костюме — толстый мужчина висел в воздухе, удерживаемый за казенный шиворот мощной, покрытой шерстью когтистой рукой-лапой (сам владелец руки, бета, в кадр не попал). У толстого мужчины было сосредоточенное выражение лица, словно он и на весу продолжал решать в уме народнохозяйственные задачи. Это, наверное, и был мэр.

— Во как,— растерянно пробормотал Мар.— Даже так... Семен, а не кажется ли тебе, что гражданин Лео Шепель круто повязан с чужими? И не для них ли он пытается достать из мавзолея ту важную шкатулочку, а? Вон и машинка с кнопочками у него тоже от чужих... Которая картинки показывает.

— Кажется.— Семен сложил газету.— Однако надо с профессором держать ухо востро! Боюсь, что...— Семен не закончил мысль, зевнул.— Завтра видно будет,— решил он.— Мне все равно в мавзолей сходить надо. За браслетом. А сейчас— спать... Мар, ну-ка запакуй это все добро в себя! Фазанов, закуски, вино... Не оставлять же добро неизвестно кому. Тем более оплаченное. У тебя есть свободное упаковочное заклинание?

— Как не быть! — обиделся медальон.— А как же! Пароль вызова сам назначишь или мне доверишь?

— Сам.— Семен потер нос.— Пусть будет... м-м... Да хотя бы «Жрать давай», чем не пароль!

— Готово,— доложил Мар.

Семен глянул мельком в сторону стола — тот был пуст, в бронзовой лохани остались только куски подтаявшего льда,— и отправился в спальню.

....Профессор Шепель прибыл в гостиницу к обещанному времени: ровно в девять он постучал в дверь баронского номера.

— Открыто! — крикнул Семен из ванной.— Входите! — Он только что закончил приводить себя в порядок, умылся и побрился; бритву Семен позаимствовал в Лесном Мире, в «Пятничной ресторации», и с тех пор всегда носил ее с собой. Как память о братко Иване.

Сегодня профессор выглядел менее торжественно, чем вчера,— смокинг и парадные брюки сменились короткой курткой на меху, плотными рабочими штанами наподобие джинсов и обязательными унтами. На голове у профессора была вязаная шапочка, в руке — туго набитый брезентовый портфель-баул. Вся одежда имела грязно-болотный цвет, и Шепель был похож на полевого боевика, тайно пробравшегося в город для закупки спичек, соли и патронов.

Семен тут же организовал себе нечто похожее, только без портфеля — портфель ему был не нужен. Да и не делал костюм таких вещей, не для того он был предназначен!

— Готовы? — Шепель придирчиво оглядел Семена, одобрительно кивнул.— Нормально. Сойдет. Ну, поехали.— Профессор пошарил у себя за пазухой, выудил оттуда свой жетон-медальон и что-то тихо сказал в него, точь-в-точь как секьюрити в служебный микрофон. Но ничего не произошло. Вообще ничего.

— Что такое? — Шепель недоуменно глянул на Семена.— Ваша, что ли, работа?

— В каком смысле? — Семен точно с таким же недоумением уставился на профессора.

— Номер блокирован на перемещение из него,— пояснил Шепель, с тревогой оглядываясь по сторонам.— Если не вы, то кто? Полименты? Этого еще не хватало!

— Э-э, какие полименты-шмолименты,— с пренебрежением отозвался Мар.— Это гостиничная магия выделывается... Семен, ты ведь за номер и за ужин не расплатился! Вот тебя и не выпускают. Что они, с баронами раньше не сталкивались, что ли?! Да бароны все как один стараются втихаря удрать из таких заведений, не заплатив по счету. Но, как правило, платят... куда им деваться от охранной магии! Плати скорее, а то и впрямь полиментов могут вызвать, не ровен час!

— Все нормально,— успокоил Семен профессора,— я за номер забыл заплатить.— Семен полез под куртку, за кошелем с золотом; профессор облегченно вздохнул, уронил жетон на грудь и присел в ближайшее кресло.

Сначала Семену попался под руку хранилищный кошель, нынче пустой — Семен носил его с собой на всякий случай, толку от него теперь не было никакого: все хранилищное магическое золото ушло на случайное создание Слимпа... Потом нашелся и второй кошель, с золотом, взятым из казны принцессы Яны — Семен носил оба кошеля на обычном кожаном ремне, повязанном поверх маскировочного костюма. Это была вынужденная мера — костюм при очередном превращении иногда «забывал» создавать пояс, на котором должны были висеть кошели, и тогда те сразу оказывались на земле. Вернее, Семен забывал. А с неизменяющимся ремнем проблема отпала.

— Момент.— Семен развязал кошель и принялся выкладывать на стол золотые монеты, выбирая помельче, одну за другой: монеты немедленно исчезали, словно стол их неутомимо съедал. На шестом золотом кругляше стол успокоился — седьмую монету он не принял.

— В некоторых Мирах за шесть золотых можно целый дом купить,— неодобрительно сказал Мар.— С мебелью, водопроводом и утепленным сортиром. Ну и цены! Нет, быть бароном все же очень расточительно... Неэкономно. Ты, Семен, в следующий раз или подешевле номер выбирай, или заранее разбирайся с гостиничной магией. Чтобы поутру не мы им, а они нам должны были! Вот такая баронская экономия, уверен, будет правильной.

— Готово.— Семен спрятал лишний золотой в кошель, поправил куртку.

Профессор-археолог встал, подошел к Семену поближе и повторно шепнул что-то в свой медальон. На миг у Семена привычно потемнело в глазах, появилось ощущение невесомости, а в следующую секунду он был уже в другом Мире. В Мире с мавзолеем.

Небо в этом Мире было удивительное — оно все полыхало длинными разноцветными сполохами, словно затянутое единым северным сиянием; сквозь радужное сияние едва виднелось солнце, далекое и тусклое. Маленькое.

Земля под ногами Семена была твердая, каменистая, заиндевелая; вокруг, тут и там, громоздились бурые скалы, нацеленные своими остриями в полыхающее небо.

Было холодно.

Впереди, метрах в ста, на небольшом возвышении, явно искусственного происхождения, высился цилиндр мавзолея. Мавзолей был идеально белым — на нем даже всполохи не отражались,— белым и светящимся: на картинке в портсигаре с кнопками Семен такого свечения не заметил. Впрочем, картинка давала лишь реальное изображение предмета, а вовсе не магическое.

— Высокогорье,— пояснил Шепель, тоже глянув в небо,— здесь всегда так,— и неторопливым шагом направился к мавзолею, осторожно неся свой портфель-баул, словно в нем лежало что-то хрупкое; портфель был тяжелым, и профессора заметно кренило в сторону.

— Скажи, Мар,— негромко спросил Семен, нарочно отстав от Шепеля,— а к чему вообще такие сложности? С вскрытием мавзолея. Неужели нельзя было попросту прыгнуть в него? Вон, транспортные заклинания у всех имеются... Дал команду— и там.

— Где — там? — заинтересовался медальон.

— Ну, там.— Семен махнул рукой в сторону белого цилиндра.— Внутри.

— Ишь чего захотел.— В голосе Мара сквозило ехидство.— Кабы такое можно было сделать, кто ж тогда тебя на работу нанимал бы... Все сами давным-давно по разным мавзолеям и банкам шарили бы, как у себя в кармане! Представляю, чем бы это закончилось,— озабоченно произнес медальон.— Полным развалом и анархией, м-да-а... К счастью, такого безобразия не может быть, потому что без конкретного адреса ты никогда не попадешь в конкретное место. Особенно защищенное магией. Да и вообще нельзя пользоваться транспортным заклинанием наобум, всяко может произойти... Вот, помню, был случай: один знакомый моего очередного хозяина решил попасть в частный банк напрямую, без надлежащего аккуратного взлома. И обратился он к одному колдуну-самоучке, чтобы тот подправил ему стандартное транспортное заклинание...

— Короче.— Семен ускорил шаг, нагоняя Шепеля.

— Короче, того знакомого нашли через пять лет, случайно. Когда новую дверь в стене банка прорубали.— Мар издал звук, словно сплюнул.— По кусочкам, вместе с кирпичами вынули. Мерзостное зрелище было! Мой хозяин в это время возле стройки ошивался, высматривал, что к чему... хотел этот банк пощупать. Передумал, когда знакомого в виде битого кирпича увидел... Голова хорошо сохранилась, не разбили голову! А из кирпичей в это время кровь потекла,— умирающим голосом закончил повествование Мар.— Море крови! Черной, липкой... А когда голова открыла глаза и сказала...

— Да ну тебя,— нервно перебил его Семен,— хватит мне мозги пудрить! Я и без того весь на взводе.— Семен раздраженно щелкнул ногтем по медальону; Мар, очень довольный собой, демонически захохотал.

Шепель остановился, не доходя до возвышения с мавзолеем, поставил портфель-баул на землю и шумно перевел дух. После чего расстегнул портфель и принялся бережно доставать из него различные предметы: пару уже знакомых Семену деревянных жезлов с глиняными божками-набалдашниками; пяток одинарных подсвечников с заостренными штырями-ножками и связку черных свечей к ним; тонкие серебряные трубки, уложенные в прозрачный пакет-футляр.

— Это что такое? — полюбопытствовал Семен, наклоняясь к футляру поближе и беря одну из трубок: трубка была раздвижной, вроде телескопической удочки, с крючками-петельками на торцах. Тоже серебряными.

— Что? — Шепель испуганно вздрогнул и резко захлопнул баул.— Ф-фу, Симеон, нельзя же так... Защита это.— Профессор отвел руку Семена в сторону.— Лучше не трогайте. Вещь тонкая, сноровки требует... Я сейчас механическую пентаграмму из трубок собирать буду, на всякий случай. Мало ли что может произойти... Прикрою вас из нее, если что! На расстоянии.

— Как это? — возмутился Мар.— Чушь собачья! Семен, нас тут за лохов держат! Из пентаграммы никогда никого не прикроешь, тем более на расстоянии, это я уж точно знаю, сталкивался с такими делами. Семен, я понял — наш профессор решил себя лично обезопасить! Себя одного. Ох, нечисто он играет... То ли из мавзолея что-то может на волю рвануть, то ли тебя он решил убрать, безопасно и с комфортом. По вы-

полнении работы. А что, запросто! — Медальон зло и непонятно выругался.— Вон, не зря же этот спец по могилам с собой убивательные жезлы приволок! Бывали у меня такие случаи, бывали... Предлагаю действовать так: открываешь вход, ждешь. Если ничего из той белой хренотени не выскакивает, тогда входим. Если выскакивает — я тебя отсюда уношу, а этот умник пускай сам разбирается! Далее, когда войдем, не торопись снимать защиту, надо сначала разобраться, что там к чему. Может, и не мавзолей то вовсе...

— Посмотрим,— вполголоса отозвался Семен.— По обстоятельствам поглядим.

— Да-да.— Лео Шепель, услышав слова Семена, поднял голову.— Действительно, Симеон, сходите пока к мавзолею, поглядите, что там да как. А я тут быстренько.— Он принялся раздвигать телескопические трубки, ловко цепляя их друг к дружке крючками-петельками; вскоре на земле обозначились части небольшой пентаграммы. Особой, защитной. Индивидуальной.

Семен ничего не ответил, повернулся и пошел вокруг мавзолея— говорить с Шепелем ему больше не хотелось: высказанные Маром опасения весьма походили на правду. Весьма.

— Значит, таким образом, да? — сердито бормотал Семен себе под нос, медленно обходя мавзолей по кругу и рассеянно меряя его невидящим взглядом.— Значит, использовать меня гражданин Шепель хотел? Попользоваться как следует, а после контрольное заклинание в голову... или куда там еще... и опаньки дурачку Симеону? Ну-ну... Да где же эта дверь-то! — Семен в негодовании остановился и с ненавистью уставился на мавзолей.— Дверь где, спрашиваю?!

И тут он ее увидел. Дверь.

Вернее, один из ее кусочков.

ГЛАВА 3
Сокровищница Легионеров, Или Мавзолей Павших

Мавзолейная дверь была разбита на множество разновеликих фрагментов наподобие известной Семену нерусской игры «паззл»: кусочки входной головоломки темнели на стене мавзолея словно приклеенные к ней осколки черного стекла.

Было тех осколков ровно двадцать пять штук, Семен не поленился их сосчитать, прежде чем приступил к делу; все фрагменты двери оказались разбросаны по обратной стороне мавзолея, противоположной тому месту, где Шепель сейчас собирал свою трубчатую пентаграмму.

— Как будто кувалдой по двери стукнули,— заметил Семен, еле-еле прикасаясь подушечкой пальца к одному из осколков.— Стеклянная такая дверь была, непрочная... Ну-ка.— Черный фрагментик, размером с ладонь, легко скользнул по стене, следуя за указательным пальцем Семена.— Отлично.— Семен отошел на шаг и, что-то прикидывая в уме, оглядел россыпь чернильных осколков.— Принцип ясен: надо сложить кусочки вместе, тогда мы и получим то, что получим. Надеюсь, что дверь, а не суровую надпись: «Выхода нет».

— Входа,— учительским тоном поправил Семена медальон.— Выход — это когда выходят. А вход — это когда входят. Понятно?

— Не может быть! — притворно изумился Семен, подходя к стене поближе.— А я и не знал... Ты, Мар, в нашем метро не был.— Семен принялся деловито передвигать черные осколки, подгоняя их друг к другу.— Там на станциях когда-то таблички с такими надписями висели... Много народу, начитавшись тех надписей, под колеса побросалось! От жизненной безысходности. Нет, мол, выхода, и точка... Сняли потом те таблички, чтобы людей зря не губить. Сообразили.

— А-а,— понимающе протянул Мар,— письменное эхо, колдовство через беззвучное чтение... Знаю, встречался с такой магией, было дело! Попали мы как-то с одним из моих очередных хозяев, Уриком Шмыгой, в Эбонитовый Мир — надо было спереть у тамошнего погодного шамана Дождевую Книгу. Между прочим, заказал ту книжку тоже шаман, но из другого Мира, он там министром по мелиорации работал... Заказал и строго-настрого предупредил — в книгу ни в коем случае не заглядывать!

Вот мой хозяин и отправился дождевую книженцию тырить. А надо сказать, что Урик отродясь ни читать, ни писать не умел...

Семен кивал, слушая рассказ Мара, и продолжал состыковывать фрагменты, изредка отходя от стены подальше и лю-

буясь своей работой: все же получалась дверь, а не что-либо другое. Не запрещающая надпись.

Дверь была уже собрана более чем наполовину (верхняя ее часть) и своим обозначившимся контуром определенно напоминала Семену то ли веретено, то ли кошачий зрачок... Занятная такая дверь получалась. Не стандартная.

— ...и, значит, пока Урик с книгой добрался до заказчика, то штаны на нем уже начали дымиться. Снизу, от ботинок до колен. Хорошо, что обувка добротная была.— Мар хихикнул.— Ботиночки-то арестантские, крепкие, они у Шмыги еще с последнего срока в Исправительном Мире остались! Им сносу не было. В Исправительном Мире у начальства принцип железный: арестанта дешевле обуть один раз, но качественно, чем много раз, но абы как... Эк я скаламбурил,— изумился медальон,— ай да я!.. М-м, сбился... О чем это я говорил? А, вспомнил — о молниях, бьющих из земли. Так вот: молнии трещат, штаны дымятся, обувь постепенно обугливается... Кошмар, одним словом. Ну, отдал хозяин книжку заказчику, а сам рыдает и просит: мол, хрен с ней, с оплатой, только молнии убери!

Шаман-министр посмеялся, рукой эдак над Дождевой Книгой поводил, словно пыль с нее стер, и все, не стало молний. А после спросил: «Что, в книгу заглядывал?» — добродушно так спросил, без злости. Ну а Урику куда деваться? «Да,— говорит,— чуть-чуть, как же без того... Глянул на обратном пути под обложку, из любопытства. Тут оно все и началось».

В общем, оказалось, что на первой странице было написано одноразовое, но мощное проклятие типа: «Кто книгу сопрет, того молния убьет!» А так как мой хозяин читать совершенно не умел, то его лишь пощипало теми молниями. Но пощипало чувствительно. Эффект письменного эха, стало быть,— так шаман Урику сказал. Ему, шаману, виднее...

Кстати, после того случая мой хозяин всем своим друзьям-книгочеям настоятельно рекомендовал разучиться читать. Мол, один вред от той грамоты в нашей работе! Дескать, был бы он грамотным, так однозначно сгорел бы от молнии к едрене фене, вякнуть бы не успел. Впрочем, Урик все же потом сгорел, даже я спасти его не смог, не зарядил меня Шмыга вовремя нужными противопожарными заклинаниями... хоро-

шо, что сам я не расплавился! Но это случилось гораздо позже и вовсе не от молнии, а от драконьего плевка.

Это, помнится, произошло, когда Урик Шмыга, гуляя по имперскому зоопарку, поспорил спьяну со своим корешем, что сможет попасть камнем в драконьи яйца с первого раза. Уточняю: яйца были не те, из которых могли вылупиться дракончики, а те, которые у дракона-самца между...

— А почему молнии снизу-то били? — не удержался от вопроса Семен, присоединяя очередной кусочек черноты к почти собранной двери.— Молнии из земли... Странно.

— Ничего странного.— Мар расхохотался в полный голос.— Он же книжку вверх ногами держал, когда под обложку заглядывал!

— Понятно,— сказал Семен, медленно перетаскивая пальцем последний фрагмент головоломки к нужному месту.— Мар, готовься. Сейчас откроется,— и, поставив кусочек на место, сразу отпрыгнул в сторону. На всякий случай.

Ничего не произошло — не покачнулась земля, не взревели трубы, не высунулась из входа зубастая пасть, из открытого мавзолея даже сквознячком не потянуло.

Семен медленно, останавливаясь на каждом шагу и чутко прислушиваясь к любым звукам, направился к входу.

— Думаю, сообщать Шепелю о том, что мавзолей открыт, пока не стоит,— негромко сказал Мар.— Действуем по плану: зашел, увидел, покумекал.

— Разумеется,— шепотом ответил Семен.— Только так и никак иначе.

Окончательный вариант входного проема напоминал своей формой лезвие грузинского кинжала, направленного острием вверх: прямой низкий порог и плавно смыкающиеся над головой под острым углом высокие боковины входа вызвали у Семена именно такую ассоциацию; проем был настолько узок, что человек солидной комплекции, пожалуй, мог бы в нем и застрять.

— Пошли, да? — полуутвердительно спросил медальон.

— Слушай, а вдруг там есть блокировка против перемещений, как в гостинице? — предположил Семен, нерешительно топчась перед входом.— А если вход закроется, что тогда делать? Мар, у меня плохие предчувствия.

— Ну, если как в гостинице, тогда ничего, пробьемся,— уверенно сказал Мар.— Гостиничная блокировка для меня не проблема! Такое колдовство лишь для стандартных жетонов непреодолимо... Ты вот что — ты давай поменьше каркай да побольше действуй! Решил входить — входи, чего заранее убиваться-то... Там видно будет. Кстати о «видно будет» — свет зажечь? У меня есть фонарное заклинание. Яркое!

— Включай,— вздохнул Семен и, на всякий случай выставив вперед руки, решительно шагнул в чернильную темноту.

...Внутри мавзолея было светло, как в солнечный день. Семен, настроившийся на темноту, невольно вскинул ладони к глазам и огляделся по сторонам сквозь щелку между пальцами.

Бестеневое освещение давали стены и потолок — свет был как будто солнечный, с легкой желтизной. И не такой уж яркий, это Семену лишь показалось после разноцветных уличных сумерек.

Перед Семеном находилась блестящая металлическая конструкция, похожая на скелет какой-нибудь дозорной башни: стальные диски-ярусы — все без ограждения — были нанизаны на толстенную, тоже стальную, ось-трубу. Нанизаны с равными промежутками, где-то в рост человека; ярусы, начиная со второго и выше, были плотно уставлены в один слой большими серыми коробками. На первом, нижнем ярусе коробок не было: там имелся лишь длинный стол, наружным кольцом обхватывающий весь ярус. Стол, разумеется, тоже был металлический: тусклая бронзовая столешница поддерживалась частоколом тонких бронзовых ножек; на столе лежало множество разных предметов, каких именно — Семен не стал разглядывать. Успеется.

Широкая винтовая лесенка без перил, обвивая стальную ось башни, как медицинская змея ножку бокала, проходила сквозь все диски, то и дело ныряя в широкие отверстия входов на ярусы; башенная конструкция была высокой, аккурат до светящегося потолка мавзолея.

Возле нижних ступенек лесенки, на чугунном столике-грибке, стоял хрустальный ларь размером с приличный телевизор. Стенки и крышка ларя были покрыты многочисленными хрустальными каплями-подтеками, и потому разглядеть, что на-

ходится у него внутри, не представлялось возможным. Впрочем, Семен и без того знал, что там лежит.

— Похоже, моя подсветка здесь не требуется,— верно решил Мар, и в зале мавзолея сразу стало чуточку темнее. То ли от этого, то ли от того, что глаза у него уже привыкли к мавзолейному освещению, но Семен за ненадобностью перестал прикрывать лицо ладонями.

— Да, а как там вход? — спохватился он и обернулся.

Входа не было. Чернильные осколки вернулись на свои прежние места, и сделать с ними что-либо изнутри было невозможно: фрагменты колдовского «паззла» остались снаружи. А изнутри их закрывала прозрачная пленка, твердая как камень— Семен потыкал в нее пальцем для пробы, но безрезультатно — пленка осталась целой. Или это было очень сильное колдовство, или Семен попросту делал с ней что-то не то и не так.

— Эх, заборонили-таки демоны,— с досадой воскликнул Семен,— наглухо заборонили! И крест животворящий не поможет...

— Демоны? — всполошился Мар.— Где? Семен, прижмись к стене и укажи мне цель! Сейчас я их в пыль, в зубной порошок...— Медальон тонко зажужжал, словно заряжающаяся фотовспышка.

— Отставить в порошок.— Семен невесело усмехнулся.— Пошутил я. Кино одно вспомнил.— Жужжание стало понемногу утихать.

— Ты так больше не шути,— слегка задыхаясь, потребовал Мар.— Заклинание больно сильное, его назад запаковывать целое дело! — Внутри медальона что-то сухо щелкнуло, и наступила тишина.

— Ладно, пойдем посмотрим для начала, что здесь хранится.— Семен миновал хрустальный ларь, даже не взглянув в его сторону.— Начнем с верхних этажей.— И он бодро зашагал по гулким ступенькам.

Мавзолей все же оказался именно мавзолеем: серые ящики были не чем иным, как урнами с прахом. Гробами. О чем сообщали выгравированные на них именные пояснения: Мар был немного знаком с древними письменами и потому мог делать более или менее внятный перевод.

— Легионер такой-то,— бубнил медальон, едва Семен останавливался возле очередного ящичка,— пал смертью храбрых при защите города такого-то... а этот легионер пал смертью героя при взятии того же города... хм, у них у обоих даты смерти совпадают! Любопытно... А вот этот пал, геройски спасая принцессу такую-то... что за принцесса, понятия не имею... а этот...

— Ладно, не надрывайся.— Семен махнул рукой.— Все они тут павшие, все герои. Наемные. Пошли-ка лучше на первый ярус. Там, кажись, будет поинтереснее.

И без излишней суеты он принялся спускаться вниз, держась поближе к стальной оси башенки: это легионеры могли позволять себе убиваться почем зря, работа у них была такая, а вот Семену жить нравилось. И в серый именной ящик он пока не торопился.

На столе первого яруса было разложено множество любопытных предметов — вещи сохранились на удивление неплохо, хотя чувствовалось, что ими всеми когда-то пользовались, и пользовались в сражениях: на многих предметах были глубокие царапины, подпалины или вмятины. Скорее всего, эти вещички когда-то принадлежали тем, кто нынче лежал на верхних ярусах. Легионерам-контрактникам. Профессионалам.

Семен медленно шел вдоль изогнутого стола, держа руки за спиной, чтобы ненароком не зацепить рукавом какую-нибудь вещицу и тем самым случайно ее не включить; шел, то и дело останавливаясь и внимательно разглядывая очередной экспонат посмертной выставки, стараясь догадаться, для чего мог служить тот или иной предмет.

Ну, предположим, с кинжалами и мечами все было более-менее понятно: оружие как оружие, пусть и с некими особыми магическими возможностями, но привычное, можно сказать — понятное. А вот как можно было объяснить, предположим, небольшую кожаную мухобойку с серебряной витой ручкой, лежавшую возле коллекции крылатых метательных ножей?

Кожаная хлопалка на витой ручке была густо покрыта черно-багровыми пятнами, глянцево блестевшими, словно сырая киноварь; багровые пятна были усеяны крупными белыми точками. Ну вылитый мухомор на серебряной ножке! Только плоский.

Семен нагнулся, чтобы рассмотреть мухобойку поближе и тут же с воплем отпрянул от нее: белые точки оказались налипшими на кожаный квадрат хлопалки полураздавленными скелетами. Человеческими скелетами. Микроскопическими.

— А, легендарная хлопушка Оттерега! — обрадовался Мар.— Как же, слышал, слышал... Одним махом сотню врагов побивахом. Вон она, оказывается, где находится! Значит, и герой Оттерег где-то поблизости должен быть. В одном из ящиков наверху, несомненно.— Медальон тяжело вздохнул.— Вот так, елки-палки, и проходит мирская слава... Тебя, рано или поздно, в ящик засунут, а твои ценные шмотки на общий стол выложат, для всенародного осмотра. В назидание, так сказать. Эх-хе-хе...

— Ого! — обрадовался Семен.— Выходит, ты и с легендарным оружием знаком? Чего ж ты раньше молчал-то?

— Так ведь ты меня о нем никогда раньше и не спрашивал,— несколько удивленно ответил Мар.— Да и чего о том оружии было говорить — легендарное оно и есть легендарное! То есть все о нем знают, но никто его не видел. Оружие, пропавшее без вести.

— Я — не все,— отрезал Семен.— Ничего я об этом легендарном оружии не знаю! Слыхом не слыхивал. Оно небось родом из разных Миров и попало сюда вместе с их покойными владельцами... хотел бы я знать, кто о них так позаботился? В общем, если что из вещей опознаешь, сразу рассказывай. Договорились?

— Конечно,— охотно согласился Мар.— Я много легенд знаю! Вот, например, видишь шлем? Золотой, с наушниками? Это чародейный шлем дальновидения. Никакая магическая преграда ему нипочем, все видит и слышит! Так, во всяком случае, говорится в легенде о чокнутом великане Додо. Суть легенды вот в чем: жил-был в Выгребном Мире кровожадный великан Додо, который еще в детстве сошел с ума, увидев свое отражение в луже, и...

— Вон тот, что ли? — Семен прошел вдоль стола и с трудом приподнял блестящий шлем, отдаленно напоминающий мотоциклетный: шлем дальновидения был сделан из чистого золота и для длительного ношения не предназначался — очень уж он был тяжелый.

По бокам шлема имелись серебряные выпуклые улитки, направленные раструбами вперед; на лицевой стороне шлема присутствовали откидные, на манер забрала, непрозрачные очки из толстого мутного стекла.

— Попробовать, что ли? — с сомнением спросил Семен, взвешивая шлем на руках.— Килограмм десять будет. И как они его носили?

— Попробуй,— оживился Мар.— Самое время узнать, что наш друг-археолог делает. Небось сидит в пентаграмме, по уши в защитной магии, и тебя выкликивает. Он же не знает, что ты уже здесь!

— Эт-точно. Выкликивает.

Семен усмехнулся и, повернувшись лицом к стене, противоположной той, где был исчезнувший вход, надел шлем на голову. В тот же миг у него перехватило дыхание от неожиданности — он как будто снова оказался на улице: желтый мавзолейный свет превратился в сочное наружное многоцветье. Шлем усиливал изображение, самостоятельно регулируя по необходимости и яркость, и четкость: видно было все как на экране хорошего монитора — от ближней трещинки на выступе-основании мавзолея до камушка на вершине самой дальней скалы. Стоило лишь навести взгляд на что-либо, как шлем сам подбирал нужное увеличение.

Одновременно Семен услышал множество звуков: глухой грозовой рокот, видимо, где-то далеко шла гроза; шорох осыпающихся со скал камней; шелест ветра в вышине и — голос. Голос звучал четко, каждое слово можно было различить без труда: это говорил профессор Шепель. Отдавал кому-то распоряжения.

— ...сразу, когда он снимет защиту. Я буду работать с этой точки, вы — с двух остальных. То есть берем ликвидируемого в треугольник. Стрелять аккуратно, особенно если он будет на первом ярусе! Мне нисколько не хочется, чтобы шкатулка случайно открылась... а вам оно тем более не нужно. В случае сопротивления я применю жезлы быстрой смерти, но это, разумеется, крайняя мера, могут быть ненужные разрушения ценного антиквариата. Потому повторяю еще раз: стрелять точно и без промедления!

Семен чуть повернул голову, выискивая взглядом Шепеля. И сразу нашел его.

Шепель инструктировал чужих. Альфу и бету.

Инструктаж проходил возле раскладной пентаграммы; за пентаграммой, поодаль, переливаясь отблесками разноцветных небесных огней, стояла зеркальная прыгалка чужих.

Альфа, низкорослый человечек в плотно обтягивающем фигуру серебристом скафандре, слушал инструктаж невнимательно, иногда невпопад согласно кивая большой лысой головой, в основном альфа разглядывал зажатую в его руках светящуюся трубку, поворачивая ее то так, то эдак. То ли чужой ее впервые видел, то ли знал инструктаж назубок и развлекался с оружием, чтобы не помереть со скуки... Бета, в отличие от своей разумной половины, внимал профессору с открытым ртом. Вернее, с открытой пастью, полной стальных зубов-клыков: чужой-бета— высокий, массивный, покрытый черной длинной шерстью, с красными треугольными глазами,— больше походил на животное, чем на разумное существо; он мог бы служить наглядным пособием на конференции по вопросу «Снежный человек: миф или реальность?». Но, в отличие от мифического снежного человека, бета был реальностью. Причем неприятной. И вооруженной — такая же, как и у альфы, светящаяся трубка была заткнута у него за широкий пояс, составлявший всю его одежду.

— Скажите, Шепель,— небрежно сунув трубку себе под мышку, свистящим голосом спросил у профессора чужой-альфа, прервав затянувшийся инструктаж,— вы уверены, что ликвидируемый находится внутри об-бъекта? — Альфа немного заикался.

— Уверен.— Археолог похлопал себя по карману.— Ваша машинка показала. Я заранее разложил вокруг мавзолея стеклянные глаза, те, что вы мне дали... Вошел он, вошел! Но пока не вышел. Там он! Внутри.

— Эт-то хорошо,— одобрил карлик.— Мышеловка захлопнулась. Изнутри д-дверь никак не открывается, в документах об этом особо указывалось... Б-блокировка там мощная, никаким транспортным заклинанием не пробьешь! Так что осталось лишь н-немного подождать, когда он иглу сломает... Кстати, Шепель, вы кого живой отмычкой наняли-то? Одноразовой.

— А,— Шепель махнул рукой,— некого вора Симеона. Из молодых да ранних! Вы просили вскрыть мавзолей поскорее, вот и пришлось искать умельца на стороне... Я о Симеоне через имперский сыскной отдел узнал. Обычный молодой недоумок-видящий, ничего особенного! Кроме, разумеется, умения взламывать защитную магию вручную — это, конечно, уникально... В досье чего только про того Симеона не было написано! И такой он, и эдакий... Разносторонний. Даже написали, что он якобы вашу прыгалку из Безопасного Мира угнал, х-ха! Им не отчеты писать надо, имперским сыскарям, а книжки. Сказочные.

— Д-дурак вы, Шепель,— мрачно изрек лысый чужой и в раздражении сплюнул на землю.— Нужно было сначала со мной посоветоваться. С-симеон, надо же... Наши люди уже имели с ним д-дело: один из них до сих пор памятником самому себе стоит. И прыгалку он, кстати, на самом деле угнал, если так можно сказать. А после у-ухитрился с нее сойти. С прыгалки, которая была в автономном полете! Учтите, если операция сорвется по в-вашей вине, то у вас будут крупные неприятности! Очень крупные. Во всяком случае, обещанную в уплату персональную п-прыгалку вы уж точно не получите.— Сказав это, чужой повернулся и пошел прочь, прямой как палка, со светящейся трубкой под мышкой. Пошел к своему назначенному месту. Согласно инструктажу.

Бета молча развернулся на месте и тоже потрусил к мавзолею, но в другую сторону: теперь мавзолей мог простреливаться с трех точек. Как и было запланировано.

— Эй-эй, а в чем, собственно, дело? Чего заранее паниковать-то? — недоуменно крикнул Шепель вслед карлику, но ответа не получил. Пожав плечами, профессор подошел к своей раскладной пентаграмме и с рассеянным видом принялся бесцельно подправлять лучи носком унта. Но, видимо, думал он вовсе не о пентаграмме — шлем донес до Семена невнятное злое бормотание:

— ...твою мать... пугать меня вздумал, недомерок чертов... в гробу я тебя видал!

Семен с трудом снял с головы тяжелый шлем. Смотреть больше было не на что и незачем, ситуация и так была предельно ясна.

— Мар, у нас неприятности.— Семен положил шлем на стол.— Ты был прав. Меня там снаружи команда самодельных киллеров поджидает: профессор и двое чужих. Один с жезлами, двое с трубками. Как только сниму защиту, так нам сразу начнут делать быстрый капут.

— Более подробно, пожалуйста,— невозмутимо попросил медальон.— Если можно, дословно.

— Можно и дословно,— сказал Семен, потирая макушку (шлемом надавило), и пересказал Мару все, что слышал. Подробно, в лицах.

— Тэк-с,— сказал медальон, внимательно выслушав рассказ Семена.— Ну-у, пока ничего страшного не произошло и не произойдет... мы же защиту снимать прямо сейчас не собираемся! Ты вот что — ты шкатулку ту найди. Посмотреть охота, чего в ней такого особенного. Ну и браслет воровской поищи, зря, что ли, в эту банку залезли... А я пока подумаю, как нам быть.— Мар надолго умолк.

Семен пошел вдоль стола, пропуская мимо все, что хотя бы отдаленно не напоминало коробку: деревянные шипастые булавы и витые хрустальные трубки-браслеты; стопки остро заточенных медных дисков; изящно сделанные бумеранги и кое-как высеченную из камня растопыренную человеческую пятерню с тщательно отполированными ногтями; нечто, отдаленно напоминающее помятую механическую кофемолку с длинной кривой ручкой («Ею что, по черепу кому-то стучали?» — мимоходом подумал Семен); тряпичную куклу с воткнутой в живот вязальной спицей; маленькую черную шкатулку...

— Нашел! — Семен остановился как вкопанный.— Мар, гляди. Тут что-то на крышке написано. Выгравировано.

Шкатулку накрывал стеклянный колпак, Семен не стал его снимать — сквозь чистое стекло и так все было хорошо видно.

Черная шкатулка казалась совершенно безопасной: в таких пожилые домохозяйки хранят или пуговицы россыпью, или не особо нужные лекарства. Чем та коробочка настолько приглянулась чужим, что они готовы были отдать за нее прыгалку, тем более новую, Семен понять не мог.

Стремительные письмена на крышке загадку не проясняли: легкая вязь букв Семену была непонятна.

— Что у нас тут? — деловито спросил Мар.— Шкатулка? М-да, действительно, она самая... Прямоугольная. Э-э... Черная.

— Я и сам вижу, что не помойное ведро.— Семен ткнул пальцем в сторону надписи.— Написано на ней что?

— Написано...— медальон в затруднении кашлянул.— Тут, понимаешь, несколько вариантов перевода... не знаю, который из них вернее.

— А ты мне их все скажи,— посоветовал Семен,— авось разберусь. Из какой, кстати, легенды коробка?

— Нету такой легенды,— подумав, сообщил Мар.— Отсутствует. Может, некому было те легенды рассказывать? После открывания шкатулки.

Итак, варианты перевода: «Легкая смерть», «То, что гасит жизнь» и... м-м... пожалуй, это будет вернее: «Абсолютное оружие». Да, точно,— «Абсолютное оружие»!

— Приплыли,— хрипло сказал Семен.— Дальше некуда. Привет от Шекли называется.

— А ты что, знаешь, как правильно использовать шкатулку?— живо заинтересовался Мар.— Слышал такую легенду?

— Читал.— Семен почесал в затылке.— Тогда понятно, почему чужие за ней охотятся. Ситуация, м-да-а... Нельзя, Мар, чтобы этот ларчик к ним в руки попал! Никак нельзя.

— Почему? Что в нем такого особенного? — Мар просто изнывал от любопытства.— Расскажи, э?

— Особенного? — Семен пошел вдоль стола, прочь от шкатулки. От греха подальше.— Особенное, Мар, в этом ларчике то, что очень скоро в том Мире, где его откроют, не останется ни победителей, ни побежденных. Вообще никого не останется. Даже кошек. Даже тараканов.

— Круто,— оценил Мар сказанное Семеном.— Ну ее на хрен, дрянь такую... Слышать о ней больше не хочу! На фига нам мертвые Миры, там и воровать-то не у кого будет! А мародерством я не занимался и не буду заниматься, вот такое у меня жизненное кредо.

— Какие, оказывается, ты умные слова знаешь! — восхитился Семен.— Молодец. И где же ты им научился? — Семен шел вдоль стола, выискивая на этот раз обещанный браслет воровского счастья. Но браслета пока что видно не было.

— Мы однажды с одним моим хозяином несколько месяцев на необитаемом острове жили,— любезно пояснил Мар, польщенный нежданной похвалой,— в Цветочном Мире. Не подзарядил он меня вовремя транспортным заклинанием, вот и жили...

Мы тогда контрабандистами работали: всякие водки-коньяки через море кораблем возили. Временно работали, в ожидании подходящего воровского заказа. Да вот незадача случилась — как-то весной, в одну из сезонных бурь, корабль-то возьми и потони... Только мой хозяин и спасся.

Представь— жратвы на острове навалом: штормом десяток ящиков с разбитого корабля на берег выкинуло, с консервами. Опять же бананы-кокосы всякие над головой растут, черепахи мясные по пляжу шастают... Но скука невозможная! Этот хозяин у меня шибко грамотный был, в отличие от того же Урика Шмыги, и скоро без книжек тосковать начал. Он ведь даже в корабельный гальюн с дежурной книжкой ходил, невзирая на качку! Прочитает страничку, вырвет, использует ее по назначению и дальше книжку читает... Очень образованный человек был! А тут такой облом вышел... В смысле — читать совсем нечего стало.

И вот как-то, вскрыв очередной ящик, обнаружил в нем мой хозяин не осточертевшие ему консервы, а разрозненные тома старой Большой Вседисковой Энциклопедии. Видно, поставщики нахимичили: консервы украли, а ящик для веса книжками набили. Окажись там выпивка — и то столько радости не было бы! И стали мы запоем читать...

— Как ты думаешь — это то, что я ищу, или нет? — прервал Семен повествование Мара.

На столе, несколько особняком от всего оружия, на черной бархатной подстилке лежал бронзовый невзрачного вида браслет, собранный из узких подвижных дуг-звеньев. Браслет был расстегнут и, похоже, не вполне исправен: у него была смята защелка.

— Кто ж его знает,— задумчиво ответил медальон.— Может, он, а может, и не он. Шепель соврет — недорого возьмет! Ему нужно было, чтобы ты в мавзолей вошел и иголку сломал, он для этого мог тебе любую лапшу на уши повесить. Хотя... Приложи-ка меня к браслету, но сам его руками пока не трогай. Мало ли что...

Семен без лишних вопросов снял медальон с шеи и приложил его к браслету.

— Достаточно,— сказал Мар.— Можешь вернуть меня на место. Докладываю: браслет вполне безопасен. Владей, пользуйся! Если сможешь.

— Не понял,— нахмурился Семен.— В каком смысле — «безопасен» и в каком смысле — «если сможешь»?

— Чего ж тут непонятного? — удивился Мар.— Безопасен — это значит, что браслет тебя не убьет, ежели ты его в руки возьмешь. Больше по этому поводу мне сказать пока нечего. А «если сможешь» — так у него же защелка сломана! Вряд ли он станет работать так, как нужно, незащелкнутый.

— Ты мне главного не сказал.— Семен взял браслет с подстилки, потряс им перед медальоном.— Для чего он служит?

— Вот чего не знаю, того не знаю,— уныло ответил Мар.— Не въехал я. Сложная для понимания штуковина оказалась! Ладно, выберемся отсюда, тогда и буду разбираться.

— Выберемся?! — пряча браслет в кошель с золотом, встревожился Семен.— Вот именно! Про то, что из мавзолея еще как-то выбраться надо, я и забыл... А как? Тут блокировка сумасшедшая, я же тебе говорил.

— Точно, сумасшедшая,— неожиданно повеселевшим голосом подтвердил медальон.— Я ее уже прощупал. Глухая блокировка! Мертвая.

— И что у нас получается? — Семен сел на стол как на лавку, небрежно сдвинув в сторону смертоносный хлам.— Получается следующее: выйти отсюда мы не можем, не сняв защиту. А если ее снять, то меня могут убить. Так?

— Убить — это вряд ли.— Мар скептически хмыкнул.— А я на что? Прикрою, не сомневайся... Уж на пару секунд меня хватит, чтобы тебя от чего угодно защитить! А за пару секунд сработает транспортное заклинание и — вжик! Ищи ветра в поле, вора в толпе. Не, не убьют. И не покалечат. Ручаюсь!

— Ладно,— кивнул Семен.— Хорошо. Не убьют и не покалечат. Но мавзолей-то останется настежь открытым! Вместе со всем магическим оружием... Можно, конечно, было бы прихватить с собой шкатулку, можно. Но я к ней и пальцем не притронусь! Боюсь я этой штуковины,— нехотя сознался Семен.— До дрожи в ногах. До икоты. И таскать ее с собой по Мирам не намерен! Мало ли что...

— Если я тебя правильно понял,— безмятежно сказал Мар,— ты хочешь покинуть мавзолей, не убирая его защиты. И заодно сделать мавзолей недоступным для всяких чужих и примкнувших к ним Шепелей-Шмепелей. На будущее. Ведь так?

— Ты что-то придумал,— догадался Семен.— По голосу слышу, что придумал!

— Есть малехо,— не стал скрывать медальон.— Сообразил, когда ты браслет в кошель прятал.

— А кошелек-то здесь при чем? — Семен рассеянно похлопал себя по боку, кожаный мешочек под курткой отозвался звоном монет.

— Этот кошель ни при чем,— загадочным голосом поведал Мар.— А вот пустой, хранилищный... О, хранилищный очень даже при чем!

— Что-то я, наверное, туго стал соображать,— пожаловался сам себе Семен, вставая со стола.— Кофе бы сейчас выпить. Или чайку крепкого... Я тебя, честное слово, не понимаю! Магического золота в хранилищном кошеле нет и не предвидится, чем же тогда он может нам помочь?

— Придется растолковать, раз ты без кофе соображать не умеешь,— снисходительно сказал медальон.— Кошель-то напрямую связан с Хранилищем! Пусть теперь золота там нету, пусть. Но прямая связь кошеля с Хранилищем ведь осталась, никуда не делась! Собственно говоря, ты же все время брал золото не из кошеля, а из самого Хранилища...

— Ну,— согласился Семен, не понимая, куда гнет Мар.

— Лезь в кошель, балда! — рявкнул медальон.— Это наш единственный шанс. Кошелек безразмерный, пролезешь как-нибудь... И яйцо с иглой прихвати, незачем его здесь оставлять! Заначим яичко в Хранилище, пусть его потом ищут!

Семен с ошалелым видом уставился в пространство, лихорадочно обдумывая сказанное Маром.

— Знаешь,— наконец медленно сказал Семен,— твоя идея настолько бредовая, что, пожалуй, может и сработать. А почему бы и нет? — Семен сорвался с места и бросился к одноногому столику с хрустальным ларцом.

Тяжелая крышка ларца полетела в одну сторону, покрывало с вышитым золотым зайцем — в другую; серебряный гусь почти сразу развалился вдоль на две пустотелые половинки, стоило лишь хорошенько стукнуть им о чугунный столик; стеклянное

яйцо покатилось по столешнице и Семен едва успел подхватить его, прежде чем оно упало бы на пол и разбилось.

Семен посмотрел яйцо на просвет: внутри него, в вязкой, похожей на глицерин жидкости плавала длинная черная игла.

— Тоже мне, смерть Кощеева.— Семен небрежно сунул яйцо в карман куртки.— Лады. Войти-то Шепель в мавзолей все равно войдет, рано или поздно — слишком куш для него жирный... но вот выйти — вряд ли!

— Бедный Шепель,— лицемерно вздохнул Мар.— Какой неприятный сюрприз! Слушай, а если он от отчаяния черную шкатулку откроет, а?

— Пускай.— Семен принялся торопливо отвязывать от пояса хранилищный кошель.— Стены у мавзолея мощные, авось не выпустят шкатулочную пакость наружу... А и выпустят — не беда! Этот Мир давно мертв... Некому будет погибать, кроме всяких интриганов-археологов и не в меру активных чужих.— Семен примерился сунуть ногу в кошель.

— Стой! — отчаянно завопил Мар.— Не здесь! Надо уйти от ларца куда подальше: Шепель, поди, не дурак, может сообразить, как ты из мавзолея выбрался. Найди-ка такое местечко, где он кошелек наверняка не обнаружит.

— Логично,— согласился Семен.— Только где ж его найти, такое место?

— На втором ярусе, по-моему, был пустой ящик,— подсказал медальон.— Без надписи и не запертый. Типа заготовки для очередного героя.

— Эй, кто тут в герои крайний? — задорно крикнул в далекий потолок Семен, направляясь к лестнице.— Никого? Так я первый буду.— И затопал по ступенькам.

ГЛАВА 4
Селянин-Лесовик И Монах-Передвижник

Семен сидел в ящике-гробу и старательно растягивал горловину хранилищного кошелька: горловина хоть туго, но поддавалась.

Косо наклоненная крышка ящика неудобно опиралась на левое плечо Семена и задевала ухо, но это была мелочь — главное было то, что крышка наверняка захлопнется, если он

все-таки сможет удрать через кошель, захлопнется и закроет волшебный мешочек от случайных посторонних глаз. Если только все получится! Если...

— Фокусник, во избежание разоблачения, спрятался в собственном цилиндре,— торжественно возвестил Семен, натягивая мешочек на ноги словно бесформенный кожаный носок,— и потому разоблачение не удалось... Ишь ты, страх какой! — поразился Семен: зрелище действительно было не для слабонервных, странное и несколько жутковатое — ног у Семена уже не было по колени! Кошель словно заглатывал Семена, втягивал его в себя все быстрее и быстрее, ничуть при этом не увеличиваясь в размере.

— Падаю! — с испугом крикнул Семен напоследок и полностью провалился в кошель.

Крышка гроба с лязгом захлопнулась.

...Падение было недолгим: Семен чувствительно шмякнулся боком о каменный пол и тут же вскочил на ноги, с изумлением озираясь по сторонам: фокус удался! Какая радость.

В Хранилище все было как и прежде: громадный купол над Семеном светился матовым молочным светом; вдоль самосветных стен в живописных позах лежали обнаженные мумии слимперов-неудачников... Почти как прежде, поправил себя Семен. Потому что кое-какие изменения все же произошли.

Во-первых, со стен купола исчезли темные размытые письмена. Во-вторых, исчезло магическое золото — полностью, без остатка. Вместе с камнями-самоцветами. А в-третьих, рядом с Семеном, в нескольких шагах от него, лежал опрокинувшийся навзничь Блуждающий Стражник. Судя по всему, совершенно мертвый. Вернее, совершенно не функционирующий — механизмы мертвыми не бывают. Даже волшебные. Потому что они изначально не живые.

Видимо, когда исчезло магическое золото, переплавившись с подачи Семена в самостоятельную магию по имени Слимп— магию, наделенную собственной волей и собственными убеждениями,— защитное волшебство Хранилища изменилось. Раз и навсегда. За ненадобностью.

Блуждающий Стражник лежал, подогнув ноги и далеко раскинув руки в стороны. В буквальном смысле раскинув:

руки отвалились от прогнившего корпуса и лежали поодаль от туловища, все еще сжимая ржавыми пальцами рукояти двух здоровенных пистолетов — оружия не колдовского и для магических Миров вовсе не характерного. Впрочем, Стражнику было невесть сколько веков — может, в то время, когда его создавали, пистолеты были на вооружении повсеместно? Кто знает!

Семен присел на корточки, склонился над темной от застарелой грязи головой-шлемом и сдвинул забрало на лоб Стражнику: под решетчатой пластиной был один сплошной ком слежавшейся пыли, из которого то там, то тут торчали оголенные петли проводов. Глаз у Стражника не было.

— Интересно, чем же он раньше смотрел? Целился как? — удивился Семен, доставая из кармана куртки стеклянное яйцо и старательно вдавливая его в пылевой ком.— Вот таким образом.— Семен вернул забрало на место, встал и отряхнул руки.— Вряд ли кому придет в голову искать здесь яйцо с иголкой! — сказал Семен, крайне довольный свой выдумкой.— Фантазии не хватит.

— Эт-точно,— кротко согласился медальон.— Надо быть по-настоящему безумным, чтобы ковыряться в дохлом средневековом рыцаре, пусть и механическом. В поисках возможного клада... Большинство людей именно так и поступило бы. Поковырялось.

Семен пропустил мимо ушей вредное замечание — теперь его внимание привлекли пистолеты. Хотя Семен и отслужил в родной армии положенных два года, фехтовать шпагой или рубиться на двуручных мечах он не умел. Не учили этому в ПВО почему-то... А вот стрелять — да, учили. Правда, в основном из автомата АКМ, хотя несколько раз довелось пострелять и из допотопного револьвера, тяжелого и неудобного.

Вынув оружие из рассыпающихся пальцев, Семен убедился, что один пистолет уже ни на что не годен: рябой от времени ствол в нескольких местах был проеден ржавчиной и заметно погнут, цельнолитая рукоять треснула пополам, как будто ею гвозди забивали... Зато второй был словно только что со склада: чистый да гладкий. Ухоженный.

Вообще-то эти пистолеты были какие-то неправильные. Какие-то чересчур простые, что ли,— ствол-труба как у ракетницы,

спусковой крючок без обязательной защитной скобы, литая металлическая рукоять. И все. Ни курка тебе, ни предохранителя... Семен повнимательнее осмотрел исправный пистолет и все-таки обнаружил у него сбоку нечто особое: небольшую кнопку-бугорок. Решив, что оружие вряд ли начнет стрелять само по себе, если он на ту кнопку нажмет, Семен надавил на бугорок.

Пистолет переломился наподобие охотничьего ружья: в стволе, как в дробовике, сидел один-единственный патрон. Семен без усилий вытащил его, подцепив ногтями,— да, это был самый что ни на есть обычный патрон! Старый, тусклый. Винтовочный, образца тысяча девятьсот четырнадцатого года. Или, вернее, заряд, весьма похожий на боезапас легендарной трехлинейки: этот патрон был гораздо крупнее винтовочного и почему-то без капсюля, а остроконечная пуля у него была серебряная, размером с приличный огрызок толстого карандаша. Эдакий мини-снаряд против гигантского оборотня.

— О-о,— уважительно протянул Мар.— Убойная вещь! Да, от такой блямбы обычной магией не защитишься. Мой последний хозяин, например, не смог... Во-он его череп лежит, с дырищей над переносицей! Где ты его в прошлый раз уронил, там и лежит.

Семен не ответил, лишь неопределенно пожал плечами: он молча вложил патрон в ствол и с щелчком вернул оружие в первоначальный вид.

— Одноразовка,— с презрительной усмешкой знатока заметил Семен, небрежно ткнув стволом перед собой, в сторону молочной стены.— Пукалка-самопал. Ни прицела, ни нарезки... Примитивное оружие! Да и патрон наверняка дохлый, вон даже капсюля нет. Муляж тренировочный...— и с беспечным видом нажал на спусковой крючок. Просто так нажал, для пущей убедительности. Для подтверждения сказанного.

Страшный грохот потряс стоялый воздух купола: пистолет рявкнул как малая парадная гаубица, потом еще раз, и еще... Лишь на пятом выстреле ошарашенный Семен наконец-то сообразил убрать палец со спускового крючка; отдачи у оружия не было.

— Если это одноразовая пукалка,— словно сквозь вату донеслось до Семена,— то я имперская почтовая марка. Гашеная.

— Ё-моё,— пробормотал Семен, продолжая держать пистолет в вытянутой руке.— Это что такое было-то? Это почему?! — Он положил пистолет на пол — медленно и осторожно, точно полный до краев стакан поставил.

— Так же и сердечный приступ схватить можно,— горько пожаловался Мар.— Хорошо, что у меня сердца нет, а то бы уж точно прихватило... А еще очень хорошо, что у меня кишечника нету. Хотя позыв был. Причем сильный. Тебе, Семен, повезло, что я без кишок, а то...

— Оч-чень интересно.— Семен, не слушая жалоб безкишечного медальона, крепко потер руки, унимая внезапную дрожь.— Оч-чень. Магическое огнестрельное оружие... Забавно.— Немного успокоясь, он поднял пистолет с пола и осмотрел его еще раз.

Ствол оружия слегка нагрелся; патрон в стволе был абсолютно целый: серебряная пуля была на месте. Семен почти минуту смотрел на нее, не веря своим глазам.

— Слыхал я о неразменном пятаке,— сказал наконец Семен, вдосталь наглядевшись на военное чудо.— Но неразменную пулю вижу впервые! — И вложил патрон в ствол. Однако собирать оружие не стал, предпочтя оставить его пока что полуразобранным — без защитной скобы и без предохранителя собранный пистолет мог выстрелить в любой момент, стоило лишь нечаянно зацепить чем-нибудь за спусковой крючок. А рисковать зря Семену не хотелось.

Превратив жаркие куртку и брюки в нечто, напоминающее робу автомеханика — темно-синий комбинезон с лямками через плечи и глубоким наружным карманом поперек живота вроде сумки у кенгуру, под лямками возникла серая рубаха, а унты стали кроссовками,— Семен по-хозяйски положил разобранное оружие в карман комбинезона. За неимением кобуры.

Карман-сумка немедленно оттопырился, словно у Семена неожиданно выросло сытое интеллигентское брюшко.

— Ты что, это чудовище с собой взять хочешь? — ужаснулся Мар, видя приготовления Семена.— Зачем?!

— Пригодится,— уклончиво ответил Семен.— Мало ли что... Может, от врагов отстреливаться придется.

— Какие там враги,— вздохнул медальон.— Врагов сначала заиметь надо, а уж после от них отстреливаться!

— Был бы пистолет, а враги найдутся,— заверил Мара Семен.— Во всяком случае, обменяю его после на что-нибудь другое, не менее экзотичное. Мне же для Яны подарок надо найти... думаю, что сам пистолет ей без надобности, не любят женщины оружие! Вот и обменяю на что-нибудь.

— Только не продешеви,— сразу успокоившись, предупредил медальон.— Такая волына многого стоит! Не делают нынче таких грохочущих пистолей. Нынче лучевые в моде, их и полименты, и чужие носят... Ладно, с оружием решили. Теперь давай думай, куда из Хранилища двинем. Не сидеть же здесь сиднем среди покойников!

— А вон туда и двинем.— Семен махнул рукой в сторону молочно-белой стены, туда, куда только что стрелял.— Любопытно мне на Хранилище снаружи посмотреть. Тем более что запрещающие письмена исчезли... Не чувствую я больше от стен никакой угрозы.

— Я бы так рисковать не стал,— забеспокоился Мар.— Хрен его знает, где мы можем оказаться! Может, это Хранилище под землей замуровано. Или на дне какого океана находится... Задохнешься ведь! Потонем.

— А вот это твоя прямая забота: проследить за тем, чтобы мы не утонули,— посмеиваясь, сказал Семен, подходя к стене.— И чтобы в земле не остались. Справишься?

— Куда же я денусь,— вздохнул медальон.— Ох и послал мне случай напарничка, ох и послал... Семен, ты слыхал, что любопытство кошку сгубило?

— Так то кошка,— уверенно ответил Семен,— а то я.— И шагнул в белое сияние.

...Снаружи Хранилище выглядело как гора. Высокая, каменистая, ни кустика, ни травинки; Семен стоял у подножия той горы, отряхиваясь от пыли и песка — гора хоть и была колдовской, миражной, но мусору и грязи на ней было преизрядно. Накопилось с годами. Там, где Семен вышел из Хранилища, на склоне горы светлело пятно в виде человеческого силуэта: камни здесь были словно дочиста отмыты. Теперь вся эта грязь была на Семене.

Более или менее отчистив одежду и вытрусив из шевелюры мелкие камушки и песок, Семен огляделся.

День в этом Мире клонился к вечеру: оранжевое солнце низко висело над верхушками высоких деревьев, придавая густой листве зловещий темно-багровый цвет — деревья росли по другую сторону широкой утоптанной дороги, пролегавшей неподалеку от горы. Видимо, прямо за дорогой начинался дремучий нехоженый лес.

На дороге стояла, чуть накренясь набок, небольшая открытая повозка с «обутыми» в шины колесами — колеса были вроде мопедных, с множеством тонких железных спиц. Возле повозки, лицом к ней и спиной к Семену, сидел, скрестив ноги по-турецки, человек в темно-коричневой одежде. Сидел не шевелясь — издали его можно было принять за пень, странным образом выросший на проезжем месте. Обознаться было легко, так как и повозку, и неподвижного человека покрывала густая тень от деревьев.

Впереди повозки лежало что-то темное, крупное и тоже не шевелилось.

— Хм, чего это он там расселся? — спросил Семен, напоследок отряхнув штанины комбинезона.— Сходить надо, посмотреть...

— Зачем? — живо отреагировал медальон.— Сидит — ну и пусть себе сидит. Чужой Мир, чужие нравы... Может, он молится. Или клятву какую дает... Убить первого встречного, например! А тут р-раз — и ты на подходе. Будьте любезны!

— Есть у меня сильное подозрение, что не просто так он там сидит,— упавшим голосом ответил Семен, направляясь к повозке.— Подозреваю, что это я его лошадь того... На линии огня случайно оказалась, и тю-тю лошадка...

— Золотую монету ему дай и пусть себе проваливает куда ехал,— недовольно буркнул Мар.— Оно, конечно, не стоит никакая сельская кляча такой дикой цены, но зато совесть тебя грызть не будет. Вообще-то, по-моему, совесть есть атавизм и пережиток, очень вредный для нашей работы! Заблуждение, от которого надо всемерно избавля...— медальон осекся на полуслове.— Вот так лоша-адка...— протянул Мар и умолк.

Упряжной лошадкой был серый, с подпалинами матерый волчище. Мертвый матерый волчище, с рослого теленка размером, лежавший на боку и запутавшийся лапами в ремнях упряжи: из пасти волка вывалился темный от пыли язык, открытые глаза

стеклянно смотрели куда-то поверх Семена; волк не дышал. На боку волка, в области груди, было три черных входных отверстия от неразменной пули; четвертое отверстие приходилось на шею. Пятый выстрел отстриг зверю ухо.

Земля под волком была залита темно-бурой запекшейся кровью; над кровью жужжали зеленые мухи.

— Кучно,— еле слышно выдохнул Семен, останавливаясь позади неподвижно сидящего человека.— Метров с двадцати... невероятный результат!

Однако сидевший человек его услышал.

— Да,— сказал он, вставая на ноги и легонько покряхтывая.— Вот именно что невероятный! По монастырской купчей... ох ты, бедная моя поясница... по купчей ведомости ездовой волк проходил как оборотневый, самовосстанавливающийся... многоразовый, так сказать. И где же его обещанная многоразовость? Где восстанавливаемость, я вас спрашиваю? — Человек в коричневом повернулся к Семену.— Жулики, кругом одни жулики... Никому верить нельзя! По документам — практически бессмертная скотина... ан нет: ни с того ни с сего сама по себе продырявилась, упала и сдохла.

Судя по всему, это был священнослужитель. Может быть, монах из какого-нибудь ближнего монастыря — коричневая одежда оказалась чем-то вроде сутаны, перетянутой в поясе тонким кожаным ремешком; на ногах у монаха были деревянные сандалии. Монаху было лет под пятьдесят, стрижен он был коротко, под горшок, хотя особо стричь было и нечего— на макушке у священнослужителя имелась обширная плешь-тонзура, то ли природная, то ли специально выбритая; красный нос и плутоватые глазки выдавали в нем человека жизнелюбивого, бойкого. Пройдоху и пьяницу выдавали, короче говоря.

— Вот, сидел и ждал, пока он восстановится,— пожаловался монах Семену, со злостью пнув дохлого волка сандалией.— Как дурак сидел и ждал. Видать, бракованного волка подсунули. Надо будет монастырю в суд на заводчика подать...— Монах склонился над возком, сильно навалившись животом на его борт. Словно нырять в повозку собрался.

— Эй, селянин,— глухо донеслось из возка,— подсоби-ка аптечку выгрузить... Одному несподручно, радикулит замучил!

Достал, понимаешь, сил просто нету... И лечить некогда — дела все, дела.

Семен подошел к возку, помог монаху вытащить из него небольшой, но увесистый сундук с двумя боковыми ручками.

— Пешком теперь, да? — понял Семен.— Могу помочь нести.— Семену все еще было стыдно, что это именно он пристрелил ездового волка. Пусть случайно, но все же... Да и волк, скорее всего, был не бракованный — просто изрешетившие его серебряные пули не оставили оборотневому созданию ни одного шанса на восстановление.

— Зачем же пешком,— возразил монах, откинув крышку сундука и сосредоточенно копаясь в нем: изнутри сундучок оказался разделен перегородками на множество отделений-ячеек.— Сейчас я моего зверя немного оживлю... до ближнего поселка довезет, и ладно... Тебе в какую сторону? В ту же, что и мне? Славно. Подвезу, вдвоем оно веселее, безопаснее... ты драться-то умеешь? А то, говорят, душегубцы здесь шалят. То ли разбойнички какие, то ли живые умертвия, не знаю. Глухое место... кабы не служба, я бы ни за что на ночь глядя, к тому же в полнолуние...— Голос монаха становился все тише, он уже забыл о Семене, разыскивая что-то в своем сундуке.

— Ага,— сказал наконец монах, выпрямляясь и сразу хватаясь за поясницу.— Ох ты... Слушай, селянин, тебя как зовут?

— Симеоном кличут,— вежливо ответил Семен, входя в роль простодушного селянина,— а вас, святейшество? — И смиренно сложил руки поверх кармана-животика.

— Зови меня отец Вуди.— Монах потряс вынутым из сундука черным флакончиком, взбалтывая его содержимое, потом отвинтил крышечку — из горлышка посудины сразу потянулась струйка темного дыма — и осторожно, далеко отставив руку, уронил по одной капле на каждую рану волка. Черная жидкость мгновенно впиталась в волчью плоть: через секунду от ран не осталось и следа! Даже срезанное ухо по новой отросло.

Волк медленно втянул в пасть язык, встал, тяжело помотал башкой и застыл в несколько неестественной позе — похоже, у него был серьезно поврежден позвоночник; взгляд у волка так и остался мертвым.

Отец Вуди поспешно завинтил крышечку и положил флакон в одну из ячеек сундука.

— Симеон! — торопливо приказал монах.— Клади аптечку в повозку и запрыгивай! Сейчас он чесанет. Ох и чесанет! — Семен ухватил сундук, поднапрягся и рывком перенес его в повозку, после чего и сам запрыгнул в нее: в повозке была лишь одна лавка, для возницы, потому Семен устроился на дне возка, возле аптечки. Отец Вуди, подобрав полы сутаны, покряхтывая, забрался следом — на лавочку.

Волк, словно дождавшись именно этого момента, сначала медленно, неуверенно, а потом все быстрее и быстрее потрусил по дороге: повозка катилась легко, лишь изредка несильно подскакивая на особо крупных ухабах — видимо, у повозки помимо дутых шин имелись и хорошие рессоры.

— А как долго он так бежать сможет? — с любопытством спросил Семен.— Отдыхать ему надо или нет?

— Разве ж это бег,— с пренебрежительной усмешкой сказал отец Вуди, наматывая на руку вожжи.— Зверюга только разогревается. Снадобье пока еще не полностью всосалось... кровь слишком густая, сворачиваться начала... Подожди минутку, кровушка у нашей скотинки разгуляется, вот тогда и будет бег! А отдыхать ему не надо, зачем мертвому отдых? Будет бежать, пока не развалится... Они, временно оживленные, от снадобья хоть и бодрые становятся, но гниют слишком быстро... на ходу могут развалиться. Ну, посмотрим, посмотрим.— Монах озабоченно поглядел в небо.— Солнышко садится. Это плохо... Слушай, Симеон, у тебя хоть какое-нибудь оружие с собой есть? — Отец Вуди оглянулся на Семена.— Вы же, селяне, без топора или складных дубинок в лес ни шагу! Есть чего, говорю?

— Есть,— Семен похлопал себя по животу.— В кармане.

— Значит, дубинка,— монах удовлетворенно кивнул,— складная. Небось с выдвижными медными шипами?

— С серебряными,— коротко ответил Семен.

— Богато живешь, селянин Симеон,— уважительно сказал отец Вуди.— От нежити отмахаться можно... Говорят, вы в свои дубинки и ножи самострельные ухитряетесь вставлять, которые на десять шагов лезвием стреляют?

— Ухитряемся,— согласился Семен,— мы такие! Умелые мы.

— Покажешь потом, ладно? — попросил отец Вуди.— Ни разу не видел.

— Покажу,— пообещал Семен.— Потом. Если захотите.

— Договорились.— Монах сосредоточился на управлении волком: мертвый зверь шел ходко, все быстрее и быстрее, движение лап уже было трудно заметить в сгустившемся вечернем сумраке.

Дорога нырнула в лес, по обеим ее сторонам черными стенами высились угрюмые вековые деревья; их кроны закрывали почти все небо.

Наступала ночь — в узкой полоске неба, тянувшейся над дорогой, постепенно загорались крупные августовские звезды; далеко впереди по-над деревьями высунулся краешек полной луны.

Было тихо, лишь иногда поскрипывали колеса да что-то еле слышно бормотал себе под нос отец Вуди; волк бежал совершенно бесшумно, разве что изредка издавал звуки, похожие то ли на кашель, то ли на хруст костей.

— Вообще-то есть в этом что-то романтическое,— томным голосом сказал молчавший до этого Мар.— Летняя темная ночь, глухой лес... одинокие путники, спешащие к далекому уютному очагу... дохлый волк, который везет тех путников к тому очагу... и зловещие умертвия, которые вот-вот нападут сзади на беспечных путешественников. Все прямо как в старинной легенде о принцессе Мариэль! Только там в упряжи скелет коня был. Хорошая легенда! Я ее в Пыльном Мире услышал. Значит, так: у одного короля было две дочери-близняшки. И когда настало время, решил король выдать их обеих замуж за...

— Какие умертвия? — в испуге вскинулся Семен, резко оборачиваясь назад.— Где?!

Умертвия были неподалеку, метрах в пятнадцати позади повозки: было их около дюжины, более точно сосчитать в темноте не получалось; мчались они по дороге с той же скоростью, что и возок, не приближаясь, но и не отставая. Бежали совершенно беззвучно. Молча.

Кем они были при жизни, понять нынче было практически невозможно: эти существа не выглядели ни людьми, ни животными. Вернее, они были одновременно и тем, и другим — словно некий чокнутый умелец сшил воедино случайно ока-

завшиеся под рукой разрозненные части тел из морга и скотомогильника, сшил как попало, а после интереса ради оживил свои создания.

В лунном свете были хорошо видны красные зеркальца глаз, до четырех-пяти штук у каждой твари, и белые острые кости, торчавшие из умертвий в самых неожиданных местах наподобие игл дикобраза.

— А, чертовы душегубцы объявились, кол им в брюхо! — зло крикнул отец Вуди, мельком оглянувшись.— Ну и поездочка у меня в этот раз выдалась, давно такой не было... Эй, селянин, доставай свою дубинку и лупи их по мордам, коли догонять станут! Нам немного осталось, вон и деревья, кажись, реже становятся...

Монах кричал что-то еще, но Семен его не слушал: он вытащил из кармана пистолет, не вставая развернулся к преследователям лицом и уперся ногами в задний борт повозки. Для устойчивости. После чего присоединил ствол к рукояти, сжал ее обеими руками — на манер американского полицейского в тире — и открыл бешеную стрельбу.

Пламя из ствола выбивалось почти на полметра, яркое, желтое, ослепляя Семена и мешая ему толком целиться. Потому Семен лупил веером — кому достанется, тому и достанется.

— Свет включить? — заботливо спросил Мар. Как ни странно, в грохоте выстрелов его голос был слышен отлично.— Со светом и стрелять веселее, да и точность лучше будет. А то все мимо да ми...

— Давай! — в азарте заорал Семен.— Свет на сцену! Пошла массовка! Сейчас кино делать будем!

Вспыхнул свет. Холодный, белый, как у шоссейного фонаря, он шел откуда-то сверху, размытым пятном освещая дорогу позади повозки.

Преследующих повозку умертвий осталось всего пять штук; дорога за повозкой, насколько хватало глаз, была усеяна частями тел, разбросанными там и сям.

— Дубль первый! — крикнул Семен, наведя плюющийся огнем ствол на ближнее чудище: нежить стала рассыпаться, на ходу теряя свои лапы, руки, головы, словно Семен кромсал ее остро отточенным мечом — за нежитью цепочкой протянулись потерянные части тела.

— Второй дубль! — Семен перевел ствол в сторону.— Третий... четвертый... пятый и последний! Все.— Семен отпустил спусковой крючок. И сразу стало тихо. Только в ушах словно вата застряла.

Дорога была пуста: последнее умертвие, разом рассыпавшееся после особо удачного попадания, исчезло из скользящего за повозкой пятна света; тут же погас и свет.

— Что там? — обернувшись, крикнул со своей лавочки отец Вуди.— Отбились? А то у волка хвост отвалился! Того и гляди— лапы посыпятся.

— Отбились.— Семен плюнул на ствол, слюна зашипела как на утюге.— С такой-то пушкой и не отбиться! Ха! — Семен помахал в воздухе пистолетом, остужая его.

— Угу,— сказал монах, отвернулся и надолго замолчал, о чем-то крепко задумавшись. А может, и не задумавшись, а попросту следя за волком — отваливаются у того лапы или нет.

Луна теперь висела прямо над головой и хорошо освещала дорогу; луна здесь была раза в два больше земной, привычной. Так что света хватало, хоть в карты играй — ни за что масть не перепутаешь!

— А теперь...— с угрозой начал было Семен, но, покосившись на спину монаха, сбавил тон: — А теперь, Мар, ответь-ка мне на один вопрос: почему ты меня вовремя не предупредил об умертвиях? О том, что они нас догоняют. Что напасть хотят.

— Разве? — неподдельно удивился медальон.— По-моему, в самый раз сказал. Да и то, собственно, случайно вырвалось... Чего ради надо было тебя и этого монаха-передвижника зря пугать! Я бы и сам справился.

— То есть? — нахмурился Семен.

— Ну, если бы те бегунцы стали для тебя реально опасны,— вздохнув, устало ответил медальон,— я бы их мгновенно уничтожил. Всех. Разом. Без лишнего грома и подсветки. Есть у меня хорошие заклинания на этот случай, есть! Очень хорошие, свежие заклинания. Вы бы ничего и не заметили... Я же твой телохранитель как-никак! Охранник.

— Подожди,— опешил Семен,— так, значит, я зря весь этот трамтарарам поднял?

— Но тебе же страсть как хотелось по врагам пострелять,— ехидно напомнил Мар,— пистоль в деле опробовать! Вот и

опробовал. Да и мне интересно было его в работе посмотреть... Не волнуйся, я держал ситуацию под контролем.

— Ну ты и жук,— только и сказал Семен, покачав головой.— Ловко все подстроил... Признайся — ты ведь нарочно про умертвий проговорился, а? — Семен разобрал остывший пистолет и спрятал его в карман.

— Нарочно, ненарочно,— уклонился от ответа Мар.— Какая разница! Главное, что ты повеселился, да и я развлекся. А то что-то мне грустно стало,— признался медальон.— Едем все и едем. Темно, скучно... А тут такое приключение! Веселое, зрелищное. Отвязное.

— Уж отвязное так отвязное,— согласился Семен.— Отвязнее некуда. Эй, святой отец! — Он на четвереньках подобрался поближе к лавочке возницы.— Скоро поселение-то? Селянин есть хочет. И пива выпить не против.

— Э, да какой ты к чертям собачьим селянин! — в сердцах ответил монах, глянув на Семена через плечо.— Где село — не знаешь, хотя и должен, коли поблизости живешь; дубинка у тебя особая, громобойная, таких у селян отродясь не было! Свет окаянным образом то зажигаешь, то гасишь... Не селянин ты, и все тут!

— А кто же я? — озадачился Семен.— Если не селянин, то кто? Может, танкист? — и неудержимо расхохотался.

— Тебе виднее.— Отец Вуди сердито пожал плечами.— Но в том, что ты не селянин, я ничуть не сомневаюсь... Слушай, а ты, часом, не иностранный лекарь-шпион? — вдруг оживился монах.— Ну, рецепты всякие там... Тайны разные — не покупаешь?

— А что так? — удивился Семен внезапному повороту разговора.— У вас что, на шпионов охота? На врачей-вредителей? Сдать меня хочешь, да?

— Нет,— отмахнулся отец Вуди,— вовсе наоборот. Если ты лекарь-шпион, так, может, я тебе какой рецептик продать смогу? — с надеждой спросил монах.— Деньги очень нужны, понимаешь. Совсем я на мели — наш казначей, зараза, чересчур прижимистый, на поездки мало дает, под обрез, а выручку всю забирает... Так ты шпион или нет?

— Увы,— вынужден был огорчить монаха Семен,— я не лекарь и не шпион. Вор я! Вернее, не вор,— поправился Семен,— а вольный специалист по отладке заклинаний. В основном —

охранных. Случайно в ваш Мир попал... Удирал от одного типа и попал.

— Не понял.— Монах резко повернулся к Семену, даже вожжи бросил.— В наш Мир? Ты хочешь сказать, что есть еще Миры? Другие, кроме нашего?!

— Ого! — с подъемом сказал Мар.— Думаю, Семен, что мы оказались в Закрытом Мире... настолько закрытом, что местные жители о других Мирах понятия не имеют! Очень, очень любопытно. Неспроста это...

— Есть Миры,— покивал Семен.— А как же! Тысячи и тысячи Миров, самых разнообразных: живых и мертвых, волшебных и безволшебных, опасных и не очень. Есть и Империя, в которую большинство Миров входит... Неужели об этом у вас ничего не известно? — Семен уселся поудобнее, привалившись спиной к сундуку-аптечке — повозку немного потряхивало; они уже выехали из леса и дорога почему-то сразу стала ухабистее.

Вокруг была залитая лунным светом степь, тянувшаяся до самого горизонта; никакого селения не было и в помине, одна лишь степь кругом, степь, покрытая серебряной в лунном свете травой. Иногда налетавший ночной ветерок пробегал по той траве, и тогда казалось, что повозка плывет по седому морю: высокие травы мягко колыхались пологими волнами.

— Надо же,— удрученно пробормотал монах, потянувшись за вожжами,— тысячи Миров! Невероятно. Сказка, ей-ей... Парень, а ты, случаем, не врешь? Какие у тебя доказательства? — Монах, так и не дотянувшись до вожжей, пересел лицом к Семену: дорога была прямой, и волк, похоже, в управлении не нуждался. Бежал себе и бежал. Как заведенный.

— Я — доказательство! — Семен стукнул себя в грудь кулаком.— Что, у вас много людей с громобойными дубинками? Или кто еще среди ночи может по желанию дневной свет создавать?

— Я таких не встречал,— отец Вуди покачал головой,— но слышал о разных разностях... лекари Братства много где бывают, много чего видят и слышат. Не всему, конечно, верить можно, вранья хватает, как же в рассказах да без вранья...— Отец Вуди не докончил фразу: повозка пошла зигзагом, слетела с дороги и въехала в траву.— Лапу потеряли! — крикнул монах, мигом пересаживаясь обратно и хватаясь за вожжи.— Тпру! Стой, гад! Стой! Ох ты... Не лапа, а башка у него отвалилась...

Черта с два команду теперь услышит! Ну-ка,— монах выхватил откуда-то из-под полы сутаны длинный узкий нож вроде стилета и, опасно высунувшись из повозки, полоснул по кожаным ремням упряжи: повозка остановилась.

Волк тем же противолодочным зигзагом попер дальше, рассекая траву, как сторожевой катер волны; в ночном сумраке укороченное безголовое туловище смотрелось жутко: словно у черного бревна вдруг выросли ноги и оно помчалось само по себе куда-то по своим бревенчатым делам.

Вскоре безголовый волк затерялся среди серебряного сияния.

— М-да, приехали,— флегматично сказал отец Вуди, проводив волка взглядом и спрятав нож под полу.— Здесь и переночуем. Эх, невезуха... Ну, раз такое дело, то предлагаю поужинать. У меня в сумке есть хлеб, сыр. Правда, хлеб немного черствый, да и сыр на любителя... Но ничего другого больше предложить не могу. Кстати, вор-Симеон, хотел тебя спросить: это не ты, случаем, моего волка возле той горы убил? Из своей дубинки.

— Я,— с неохотой сознался Семен и спрыгнул с повозки.— Нечаянно получилось. Но я заплачу! Сколько стоил волк, столько и заплачу. Даже сверх того добавлю, за моральный ущерб.

— Это мы чуть погодя обсудим,— пообещал враз повеселевший отец Вуди, осторожно, поэтапно слезая с повозки: сначала одной ногой на колесо, потом другой на землю.— За трапезой и обсудим. Оборотневый волк дорого стоит... очень дорого... Ха, спина-то больше не болит! — обрадовался монах, замерев на полпути, с ногой на колесе, и в этой неудобной позе ощупал свою поясницу.— Ишь ты, почти год маялся, а тут раз — и прошло. Эхма! — Отец Вуди снял ногу с колеса, попрыгал на месте, присел пару раз, потом согнулся и разогнулся.— Совсем не болит! С чего бы это вдруг? — Монах с подозрением уставился на Семена, словно это именно он взял и вылечил его поясницу. Тайком. Не спрося разрешения.

— С испугу вылечилось,— пояснил Семен, с удовольствием разваливаясь в душистой траве,— само. Такое бывает! Особенно с нервными болячками. Я здесь ни при чем.

— Это хорошо,— одобрил отец Вуди, присаживаясь рядом.— Хорошо, что ты ни при чем. А то я уж подумал ненароком, что ты — проверяющий из Братства. Они, проверяющие, люди

святые, возле них все болезни сами собой проходят... А я тебе тут такого наговорил, такого!.. Хоть в застенок сажай. У нас в Братстве в застенок за ересь попасть — плевое дело!

— Это за какую же такую ересь? — лениво спросил Семен, глядя на полную луну — при более пристальном рассмотрении ночное светило выглядело странно: на нем не было привычных глазу темных пятен. Вообще не было. То есть на здешней луне не имелось ни гор, ни расщелин: она была гладенькая, как яичко.

Неправильная была луна. Подозрительная.

— За разговоры насчет шпионов и секретов,— пояснил монах, доставая из повозки сумку с едой.— Секреты снадобий Братство оберегает серьезно, может и наказать за разглашение рецептов. А что мне, черт возьми, остается делать? — раздраженно сказал он, бросив сумку на траву.— Деньги-то нужны! На опыты там всякие, на просвещение, так сказать.— Отец Вуди облизнул губы.— Эх, винца бы сейчас... О чем это я? А, об опытах... Опыты — дело важное, можно сказать — архиважное! Но дорогостоящее.

Завернешь, бывало, в какой-нибудь попутный кабак, поговоришь там с умными людьми о смысле жизни... или об урожае огурцов... о том о сем с народом потолкуешь — глядь, уже и просветлился, опыта понабрался... Ох ты,— с огорчением пробормотал монах, порывшись в сумке и чего-то там не обнаружив,— флягу вчера в кабаке забыл! Вот горе-то! Чересчур, однако, я там опыта набрался. Как же это, а?

— Нет проблем.— Семен сел и с наслаждением потянулся.— Как, отче, насчет холодного шампанского и печеных фазанов? Ящик шампанского и три фазана. И салаты в придачу.

— Шутишь, да? — горько сказал монах, но посмотрел на Семена с надеждой.— Если шутка, то глупая. Я обижусь.

— Никаких шуток! — категорически заявил Семен.— С выпивкой разве ж шутят?!

— Ни в коем случае,— часто закивал монах,— ни-ни! — И в ожидании уставился на Семена: очень ему было интересно, откуда тот возьмет обещанное. Не из кармана же!

Отец Вуди выглядел настолько заинтересованным и предвкушающим, что Семен не утерпел и решил подать свое угощение как-нибудь поэффектней. Так подать, чтобы потом все

лекари неведомого Братства охали и ахали, слушая рассказ разъездного монаха. И не верили ни одному его слову.

— Именем лунных демонов! — во всю глотку проорал Семен, подняв лицо к звездам и строго глядя на желтый кругляш в ночном небе.— Шампанского мне! И побольше! Фазанов и салатов на закуску обязательно! Короче, жрать давай.— Семен громко прищелкнул пальцами и украдкой глянул на монаха: тот сидел, открыв рот. Чуда ждал.

В воздухе что-то громко загудело, словно мощный трансформатор включился: в траве, неподалеку от Семена, возникли запотевшие бутыли с шампанским, рядом — три фазана горкой; мисочки-салатницы обступили фазанью горку полукругом.

На траве лежал баронский ужин в полном комплекте.

— Кушать подано,— снисходительно сказал Семен, косясь на монаха и ожидая его бурной реакции. Реакция последовала незамедлительно, но вовсе не та, на которую рассчитывал Семен.

— Чур меня! — в ужасе завопил отец Вуди, вскакивая на ноги.— Лунный колдун! Ой мне... — Монах покачнулся и хлопнулся в обморок. На спину. Плашмя. Как стоял.

— Умеешь ты, Семен, сюрпризы делать,— одобрительно сказал Мар.— Вот только не все их правильно понимают.— И затрясся на цепочке в беззвучном хохоте.

ГЛАВА 5
Селениты: Лунные Искусители (Местное Поверье)

Отец Вуди пил холодное шампанское из горлышка, давясь пеной и страшно вытаращив глаза. Изредка он отнимал бутылку от рта, переводил дух, громко отрыгивал и пил дальше; Семен сидел напротив монаха, рассеянно теребя медальон на цепочке и глядя, как святой отец восстанавливает свое душевное равновесие. То есть по-быстрому надирается.

Наконец монах отставил пустую бутылку в сторону, вытер с лица пену и уставился на Семена слегка окосевшим взглядом: душевное равновесие, судя по всему, было восстановлено.

— Колдун,— узнав Семена, утвердительно сказал монах.— Лунный,— и потянулся за новой бутылкой.

— Стой,— приказал Семен,— еще успеешь! Шампанского навалом, даже на опохмел останется. Давай-ка, отче, сначала разберемся, что к чему, а уж после пей себе сколько влезет!

— Разбираться? В чем? — вяло удивился монах, так и не донеся руку до бутылки.— Ты — лунный колдун. Я — дурак, который с тобой связался. Все просто и ясно.

— Почему ты решил, что я — лунный колдун? — спросил Семен, оставив наконец медальон в покое.— Почему именно — лунный? Из-за того, что к лунным демонам обратился, да?

— Ну.— Отец Вуди утвердительно кивнул и, ненароком уцепив бутылку за горлышко, подтащил ее поближе к себе.— А еще потому, что они твое желание немедленно исполнили.

— Это была шутка,— сухо сказал Семен.— Глупая шутка. На самом деле ужин был запакован в одноразовом заклинании и вызван по паролю. Паролем были слова «Жрать давай». Вот и все. Никаких демонов, никакой мистики. Обычная бытовая магия!

— Я ж и говорю — колдун,— не слушая Семена, уныло продолжал монах.— А все колдуны, как известно, живут на луне и по ночам спускаются к людям, чтобы смущать их незрелые умы и скупать человеческие души. В обмен на выполнение сокровенных желаний. А из похищенных душ колдуны выращивают лунных чертей, которых после сбрасывают вниз, на землю. Для того, чтобы они сотрясали земную твердь, высушивали реки и били урожай громом. И заодно разводили блох и вшей. И крыс.

— Это все полный бред, заблуждение и суеверие,— авторитетно заявил Семен, беря фазана и счищая с него декоративные перья.— Лунных колдунов не бывает! Земля трясется от внутренних тектонических процессов, реки мелеют от жары... Урожай бьет не гром, а град. Про вшей, блох и крыс вообще говорить не стану. Потому что где крысы, там и все остальное.

— Бред? — возмутился отец Вуди, раскупоривая бутылку.— Какой же бред, если я сам таких чертей видел! Как они на землю падают.

— Правда? — Семен даже чистить фазана перестал.— Где?

— В небе.— Монах сердито ткнул бутылкой в звезды.— Ночью их хорошо видно-то! Особенно летом. Бывает, полыхнет

на полнеба, а потом летит... огненный такой, круглый. И след за ним дымный, вроде хвоста. Что скажешь, не черт, что ли?

— Метеорит,— равнодушно ответил Семен, продолжая чистить птицу.— Небесный камень. Из космоса прилетает и сгорает в атмосфере. Астрономическое явление, ничего особенного.

— Ну вот на все у тебя есть объяснение,— расстроился отец Вуди.— Верно говорят, что лунный колдун все знает, а чего не знает, так о том наврет. Причем убедительно наврет! И заморочить простого человека для него — одно сплошное удовольствие... Камень с неба падает, ха! Не бывает такого, и точка.— Монах надолго присосался к горлышку.

— А ведь в этом что-то есть,— рассудительно заметил Мар.— Во всяком случае, вариант с лунными чертями мне более понятен, чем вариант с какими-то там космическими камнями. Но все же он ошибается, наш отец-выпивоха. И ты, Семен, ошибаешься. Потому что всем известно: огненные шары в небе— не что иное, как падающие с неба кирпичи из магических стен между Мирами! А вышибает те кирпичи из стен великан Додо, которого за его безумие древние волшебники заточили в черное межмировое пространство. И когда у великана плохое настроение и ему хочется вырваться из своего заточения, он бьет в стены кулаком. Оттого и происходит огненное полыхание — это камни из стен выпадают! И когда хоть одна стена окончательно разрушится, тогда и наступит конец света. Со всеми вытекающими из этого последствиями.

— Час от часу не легче.— Семен хотел было схватиться за голову, но вовремя вспомнил о том, что руки у него в фазаньем жиру и перьях.— Мракобесие какое-то, чесслово... Да ну вас обоих в... Эх... — Семен не договорил, взял непочатую бутылку с шампанским и откупорил ее.

Минут пять прошло в тишине: Семен неспешно потягивал колючее вино, запивая печеное мясо; отец Вуди продолжал накачиваться дармовым колдовским шампанским, то и дело отрыгивая и искоса поглядывая то на Семена, то на луну; Мар, по-видимому, сосредоточенно обдумывал, куда именно Семен хотел послать его и зачем. И потому тоже молчал.

— Я готов,— сказал наконец отец Вуди, не допив третью бутылку; язык у монаха заплетался: святой отец пил вино не

закусывая, напрочь игнорируя фазанов и салаты. И свой хлеб с сыром заодно.

— К чему? — нейтрально поинтересовался Семен, обгладывая фазанью ножку.

— К продаже,— решительно сказал монах.— Давай, лунный колдун, бери мою душу, черт с ней! Но взамен я хочу следующее.— Отец Вуди принялся перечислять, загибая пальцы: — Во-первых, хочу молодость. Во-вторых, денег. В-третьих, удачу при игре в кости... Хочу еще, чтобы женщины любили, чтобы драться хорошо умел... Сильный чтобы был! Высокий и кр-расивый... Коня белого хочу, знамя свое, герб личный, дворец... Чего же я еще хочу? — на секунду задумался отец Вуди.— А, бессмертия хочу! И еще чтобы...

— Чтобы черти у тебя на посылках служили,— рассмеялся Семен.— Пятки чтобы чесали. И за пивом бегали.

— Ох ты! — изумился монах.— Об этом я не подумал. Да, черти на посылках — это хорошо. Это здорово. Хочу!

— Наш друг от скромности не умрет,— с нескрываемой завистью сказал Мар.— Вот это размах, вот это я понимаю! Сам бы себе такого же пожелал, будь я человеком. Ты спроси, а как он насчет того, чтобы самому лунным колдуном стать? Тогда все бы разом получил, халявно и бесконтрольно.

— Папаша Вуди! — Семен уже откровенно веселился.— Тут предложение поступило, чтобы ты лунным колдуном стал. От веры отказался и в маги подался. Тогда все и так иметь будешь, оптом и бесплатно.

— Веру не отдам,— косноязычно, но гордо ответил монах, вновь припадая к бутылке.— Вера — это святое! Для души.

— Так у тебя души не будет,— подзадорил его Семен.— Заберут у тебя душу-то. Зачем тебе тогда вера?

— Чтобы хоть что-то было,— немного подумав, твердо ответил отец Вуди.— Взамен души. Чтобы оно не так болело.

— Молодец,— с уважением сказал Семен.— Ей-ей как тот казак на бочке: хоть и голый, но с шашкой. Так и ты — берите все, но веру не троньте! Ладно, отец Вуди, открою тебе великую тайну — я не лунный колдун! Не колдун я. Не колдун! Вор я. И точка!

— Значит, не хочешь мою душу покупать,— окончательно расстроился монах.— Ну не везет мне со сделками, хоть плачь! Никогда ничего толком продать не могу... Видать, не судьба

мне молодым стать! И коня белого у меня не будет.— Отец Вуди пустил пьяную слезу.

— Куплю я тебе белого коня,— утешил монаха Семен.— Взамен волка. Самого быстрого и выносливого коня! Какого сам выберешь. А насчет молодости — увы. Ничем помочь не могу. Не обучен, знаешь ли.

— Какой же ты колдун после этого, если молодость делать не умеешь,— с ухмылкой проговорил отец Вуди, пытаясь ухватить свою недопитую бутылку за горлышко и все время промахиваясь.— У нас некоторые, из высших адептов... из руководства, м-мать их... по пять раз молодость себе возвращали! Есть у них такие снадобья... а нам, простым, черта с два — ни рецепта тебе, ни намека на состав зелья... Опа! — Монах наконец поймал бутылку, но пить не стал.— Р-рецепты! — Отец Вуди побултыхал шампанское в бутылке.— Окаянные рецепты... Весь мир держится только на рецептах и снадобьях! Приворот, отворот... Жизнь, не жизнь... Возвращенная молодость и преждевременная старость — на все есть свои рецепты! Тайные и не тайные. Всякие.— Монах со вздохом отставил бутылку в сторону.— Желудок что-то болит,— пояснил отец Вуди.— Хватит на сегодня уже! Не мальчик шипучкой баловаться. Хлебного винца — это да, можно было бы. А от этой дряни одно бурчание в животе и изжога. А удовольствия никакого! Не цепляет.— Монах посмотрел на Семена разведенными глазами.— Ни капельки не цепляет! — Отец Вуди похмыкал себе под нос, достал нетвердой рукой что-то из внутреннего нагрудного кармана сутаны и съел. Наверное, это было лекарство от изжоги. Или от бурчания в животе.

— Оно и видно, что ни капельки,— насмешливо заметил Мар.— Глаза от нецепляния уже в разные стороны глядят! Как у рака.

— Зелья, снадобья,— медленно повторил Семен.— Молодость по рецепту... Скажи, Вуди, а как у вас насчет магии слова? Или магии жеста? Комплексная магия есть?

— Никакой нет.— Монах отрицательно помотал головой и чуть не упал на спину от столь резкого движения.— Ересь это! Только лунные колдуны владеют ерес... магией. А раз колдунов нет, то и магии тоже нет. А колдунов точно нет?— Отец Вуди с трудом подмигнул Семену.

— Считай меня кем хочешь.— Семен обреченно махнул рукой.— Хоть сумасшедшим великаном Додо, мне без разницы.

Кирпичи из стен мироздания я тоже вышибать не умею... Что же это за мир такой, а? — Семен вытер руки о траву.— Нет у них магии, подумать только! А как умертвия клепать, или волка оживить, или молодость по пятому разу вернуть — это они могут. А магии нет! Парадокс.

— Никакого пера... парадокса,— горячо запротестовал монах.— Нету магии, да. Но зато есть сила летних трав и корней, глубинных руд и горных минералов, крови порченой и крови обыкновенной... Сила воды и огня — есть! Сила знания, в конце концов. Знания, как все это правильно смешать, взболтать и употребить.

— Вон оно что-о,— с пониманием протянул Мар.— У них магия в подземно-травяном направлении развивалась. В знахарском. В корень, так сказать, пошла.— И захихикал собственной шутке.— Вот же чудной Мир! Семен, нас здесь наверняка ждут сюрпризы. Точно, ждут! Интересно-то как!

— Громобойную дубинку отдашь? — неожиданно трезвым голосом спросил монах.— Взамен волка. Отдашь, а?

— Эге, да ты, отче, никак в себя пришел? — изумился Семен.— Быстро ты как-то! Аж удивительно.

— Лекарство специальное съел.— Отец Вуди поморщился, потер виски.— Раз душу из тела вынимать не будешь, так чего же тогда в стельку пьяным сидеть? Не тот момент... Хорошее лекарство, только голова после него побаливает... Так отдашь дубинку, Симеон? Мне она в дороге очень пригодилась бы! Работа у меня разъездная, всяко в пути бывает, сам видел...

— Нет,— решительно сказал Семен. У монаха обиженно вытянулось лицо.— Я же тебе сказал — за волка заплачу, можешь не сомневаться! Или коня тебе куплю, на выбор... Отдать — не отдам. Но могу поменяться с тобой на что-нибудь не менее ценное. У тебя есть что ценное?

— Ценное-то есть, да не мое,— с тоской в голосе ответил монах.— Аптечка не моя, таратайка тоже. Волк — и тот общественный был, монастырский... Слушай! — вдруг, что-то вспомнив, обрадовался отец Вуди.— А что, если я расскажу тебе, где лежат всякие редкости, и мало того — помогу пробраться в то место? Это я сумею. Запросто! А ты мне за услугу дубинку отдашь, идет?

— Какие редкости? — деловито спросил Семен.— Снадобья-порошки или что посерьезнее? Золото, бриллианты? Так вот, мне не нужно ни то, ни другое.

— Тю! — изумился монах.— Нашел великие ценности: золото и бриллианты! Снадобья, между прочим, гораздо ценнее любого золота-серебра и любых камней-самоцветов будут. Гораздо. Но если тебе ни то, ни другое не нужно, тогда...— Отец Вуди запнулся, сторожко огляделся по сторонам. Словно их кто-то мог подслушивать.

— Тогда? — с интересом переспросил Семен.— Что — тогда?

— Понимаешь,— понизив голос, сказал монах,— я еду по вызову в один городок... он тут неподалеку, сначала селение будет, потом городок... а хозяин городка — граф Локир, вредный, между прочим, человек! Зануда, педант, да еще и жмот: за работу платит не исполнителю, а напрямую в монастырскую казну. Я уже был у него несколько раз.— Отец Вуди покривился, словно вспомнил что-то неприятное.— Представляешь, он вино не пьет! То есть вообще ничего хмельного не пьет! Даже пива. Трезвенник, мать его... И мне пить не разрешал, тьфу на него! А у меня работа нервная, без вина никак нельзя. И отказаться от поездок в замок Локира невозможно, он за мной пожизненно закреплен, замок тот. Ох-хо-хо...

— Да ты кем работаешь-то? — Семен допил остатки шампанского и бросил пустую бутылку в сторону, далеко в степь.

— А я разве не сказал? — удивился отец Вуди.— Скорой помощью работаю. Скорой алхимической помощью. Я — разъездной лекарь-алхимик из Братства Единых. Лечу все, что лечится. Вернее, что разрешено лечить,— поправил себя монах.— К особым секретам Братства не допущен, к специальным рецептам то есть. Пользуюсь лишь стандартными, дозволенными. Хотя кое-что знаю! — похвастался отец Вуди.— Сам дошел. Например, как бесов из ног изгонять. Это когда человеку все время бегать хочется, вот он и бегает, как дурак. Как проснется, так сразу и начинает бегать. Куда-нибудь. Значит, так — берем кусочек очищенного корня мандрагоры и густо натираем его желчью подземного зверя по имени крот, а потом...

— Погоди ты со своей желчной мандрагорой,— отмахнулся Семен,— о деле давай, о графе. Про корешки потом.

— Да, точно,— спохватился отец Вуди.— Так вот, был я у него... э-э... два раза был: сперва порчу с самого графа снимал, по причине которой он с женой супружескими делами не мог заниматься, хе-хе... Потом, по срочному вызову, и саму супружницу оживлял: граф Локир после снятия порчи стал очень... как бы это сказать... очень активным стал, супружница

не вынесла той его активности и отравилась. Ну, я ее и оживил, согласно заказу.

Граф свою ожившую любовь немедленно опробовал в спальне, после чего приказал ее, любовь, закопать. Заколотить в гроб крепко-накрепко и закопать. Сказал, мол, она и раньше в постели холодной была, а сейчас вообще ледяной стала. В буквальном смысле.

Но за работу все же заплатил, а как же! Оживление оно до-орого стоит!

Так вот: есть у графа в замке одна зачарованная комната, я случайно о ней узнал.— Монах предупреждающе поднял руку, заранее отметая возможные вопросы Семена.— Никакой магии! Никакой! Дверь и стены комнаты попросту обработаны неким запирающим зельем неизвестного состава. Много лет тому назад обработаны, дедом графа. И с тех пор никому в ту комнату хода нет! А дед графа, говаривали, якшался с лунными колдунами. Оттого, видать, молодым и помер в одночасье... Вот и подумай, что может быть в той комнате.— Отец Вуди предвкушающе потер руки.— Ох как я бы туда заглянул! Ох и заглянул бы! Да вот не берут мои снадобья ту дверь... Я во второй раз специально одно мощное зелье с собой прихватил, по знакомству достал, как раз для таких случаев. Не взяло, представляешь! — Монах в удивлении развел руками.— Железный ящик с деньгами в кабаке отворило, а...— Тут отец Вуди осекся, словно язык прикусил. Семен сделал вид, что не расслышал оговорки, но Мар молчать не стал:

— Ай да монах! Ай да божий человек. М-да-а, похоже, и божьим людям ничто человеческое не чуждо. Семен, беремся за дело! Может, ничего ценного в той комнате нет, один лишь ходячий труп дедовой тещи. Которую графский дед раз двадцать оживлял и садистски убивал в воспитательных целях. Чтобы в семейные дела не лезла. А может, там действительно что-то весьма ценное найдется! Такое, что и пистоль за наводку отдать не жалко. Соглашайся! В любом случае ничего не теряем, кроме времени. А время у нас пока что есть!

— Едем,— решил Семен.— Кстати, отец Вуди, а нынче ты по какому поводу к графу едешь? Тоже кого-то оживлять?

— А пес его знает,— равнодушно ответил монах.— Гонец с глазу на глаз передал, чтобы я взял с собой все рецепты и снадобья, какие у меня есть. В смысле не только официально дозволенные. Больше ничего не сообщил, сразу назад ускакал.

Что-то спешное, поди... А я тут кукую! — закручинился отец Вуди.— Коня бы! Да где сейчас возьмешь, коня того. Давай, Симеон, спать. Утром что-нибудь придумаем.

— Верно,— согласился Семен. Он встал, собрал с земли оставшиеся бутылки с шампанским и уложил их в повозку— чего добру зря пропадать! Остальное — недоеденных фазанов, соусы и закуски — оставил там, где они лежали. Руки пачкать не хотелось.

Пока Семен наводил порядок, монах залез в повозку и улегся там, обхватив рукой свой сундучок-аптечку.

— На траве-то помягче будет,— с усмешкой сказал Семен.— Охота тебе, папаша всесвятейший, в повозке лежать! Никто твой сундук не украдет, красть некому.

— Мало ли,— сонно ответил отец Вуди.— Вещь казенная, подотчетная... Я уж лучше так, чем без аптечки остаться, а то...— и захрапел, не окончив фразу.

— Мар, ты поглядывай за обстановкой.— Семен зевнул.— Лес хоть и далеко, но все же... За таратайкой тоже пригляди, чтобы не угнали.— И улегся в траву.

— Кровать не желаешь? — услужливо предложил Мар.— С балдахином, массажем и музыкальными пружинами. У меня есть!

— Нет.— Семен рассеянно смотрел на загадочную луну.— Не желаю. Ни массажа, ни музыки — ничего не хочу.

Было тихо, ночной ветерок унялся и больше не шелестел травой; в повозке негромко похрапывал лекарь-алхимик, специалист по знахарскому лечению и хлебному вину; где-то далеко-далеко, в лесу, ухала сова; заметно похолодало — близился рассвет.

Семен слипающимися глазами смотрел в черное небо: небо, как и луна, тоже было неправильным — на нем не было видно звездной мелочи, той легкой небесной россыпи, которая обязательно присутствует в ночном небе. В любом из Миров.

Крупные редкие звезды были абсолютно одинаковы и висели слишком упорядоченно... слишком. Как будто их туда нарочно повесили. Сделали на конвейере и повесили.

А еще звезды не мигали. Светили ровно, как лампочки.

«Странный мир,— уже засыпая, подумал Семен.— Очень странный...» — И уснул. Крепко. Безмятежно.

Утром по дороге двинулись крестьянские подводы.

Отец Вуди сторговался с одним из крестьян помочь доставить безлошадную повозку в селение. Легкий возок прицепили к груженой подводе, и та тронулась в путь. Семен и монах шли рядом, хотя вполне могли бы и ехать — пара впряженных в подводу волов даже не заметила дополнительного прицепа,— но уж больно хорошее стояло утро! И Семену, и отцу Вуди захотелось поразмять ноги.

Пожилой крестьянин оказался человеком общительным и все время, пока они добирались до поселка, обстоятельно рассказывал своим случайным спутникам о виденных им сегодня на лесной дороге ужасах: о разбросанных там и тут руках, ногах, головах... Раза четыре рассказывал, причем с каждым разом подробностей становилось все больше, и были они все ужаснее. Появились в рассказе и стонущие деревья, и потеющая кровью земля, и громадная крыса в золотой короне, пляшущая на обглоданном черепе...

Ехавший с возницей мальчонка лет десяти, сын крестьянина, открыв рот смотрел на отца: мальчик таких подробностей не заметил. О чем теперь искренне жалел.

Наконец они въехали в поселок и остановились у кабака. Заведение называлось «У дуба», что полностью соответствовало действительности — возле кабака рос дуб. Громадный, вековой.

— А мертвые с косами вдоль дороги не стояли? — с испуганным видом спросил напоследок Семен у разговорчивого возницы.— Гнилые такие, в саванах?

— Знамо дело стояли,— важно покивал крестьянин,— именно что с косами. Бабы, мертвые-премертвые, аж воняют, а косы у них до самой земли. Седые. Лунные ведьмы, тять их растять! — и, отцепив повозку от подводы, получил от монаха свою обещанную серебряную монету. После чего прямиком направился в поселковый кабак, оставив подводу под приглядом сына. О ведьмах рассказывать пошел.

Отец Вуди тоже остался — сторожить повозку и свой ценный сундук-аптечку, а Семен отправился на поиски коня. Или лошади.

Ходил он долго, уже и полдень настал, но желающих продать Семену лошадь не оказалось — с Семеном не только не хотели говорить, но и гнали от ворот, обещая набить морду, если он сейчас же отсюда не уберется.

— Дурацкие у них тут нравы,— зло бормотал себе под нос Семен, широким шагом направляясь назад, к кабаку.— Им, блин, натуральное золото предлагаешь, а они тебе оглоблей по хребту обещают! Вот же дикий народ...

— Попробуй одежду сменить,— сочувственным тоном посоветовал Мар.— Встречают-то по одежке! А ты сейчас как батрак одет. Видел работников во дворе у того толстого селянина? Который на тебя еще собак чуть не натравил. Так они были одеты точь-в-точь как ты! Сам посуди, откуда у батрака золото? Скорее всего, селяне решили, что ты или пришлый дурачок, или нарочно над ними издеваешься. Хорошо хоть и впрямь оглоблей не перетянули! А то пришлось бы мне вмешиваться.

— Ах ты! — Семен остановился и в расстройстве хлопнул себя по лбу.— Одежда! Вон оно что.

Он оглянулся по сторонам, нет ли кого поблизости, после чего быстро превратил батрацкую робу в некое подобие дорогой дворянской одежды, виденной им при дворе королевы Яны: неудобный темно-зеленый бархатный камзол с множеством блестящих пуговок на груди, с широким кружевным воротником и кружевными манжетами; бархатные брюки такого же цвета и обязательные высокие ботфорты. Через грудь протянулась синяя атласная перевязь, на которой родовитые дворяне Изумрудного Мира носили парадные шпажки, короткие, тупые и неопасные.

Вместо шпаги Семен недолго думая вдел в ременную петельку пистолет. Чтобы убедительнее выглядеть. Тем более что все равно девать его было некуда — не в руках же нести! А карманов у парадного камзола не предполагалось.

Ходить заново по дворам Семен не решился — еще опознают в новоявленном дворянине бывшего батрака, только что предлагавшего золото за лошадь! Могут возникнуть ненужные вопросы, а следом за ними — ненужные проблемы. Потому Семен отправился, как и решил, к кабаку: там или с кабатчиком насчет коня сторгуется, или пошлет отца Вуди на закупку. Денег даст и пошлет.

Крестьянской подводы возле кабака не было. Видимо, крестьянин-возчик за то время, пока Семен искал лошадь, достаточно пообщался с народом за стаканом вина: и про мертвых с косами рассказал, и про танцующую крысу, и еще невесть

про что. Пока монета не закончилась. Пообщался и уехал. Семен не сомневался, что волами теперь управляет сын крестьянина, а сам рассказчик дрыхнет в подводе, уставший от россказней. До невменяемости уставший.

Не было и повозки с сундуком-аптечкой: отец Вуди стоял, прислонясь к вековому дереву и понуро уставившись в землю. Вид у монаха был крайне несчастный, словно он только что похоронил кого-то из родственников; от отца Вуди за несколько шагов несло ядреной сивухой.

— Папаша, а где ж твоя повозка? — изумился Семен, останавливаясь перед монахом.— Я, понимаешь, весь поселок на уши поставил, отыскивая коня, а повозки-то и нету! И сундук куда-то подевался.

— Нету,— убито согласился монах, поднимая на Семена мутный взгляд и пристально глядя сквозь собеседника куда-то вдаль.— Граф, я не виноват! Д-дорожные обстоятельства... мертвые крысы с з-золотыми косами огр... ик... ограб-били. Вот. Всех убили и ограбили. И меня тоже ог... и уб-били.— Отец Вуди был пьян в слякоть. Как грузчик после магарычевой работы.

— Ух ты,— восторженно сказал Семен.— И когда это он успел так надраться? Впрочем, как наш лекарь-аптекарь умеет надираться, я уже видел. Умеет, еще как умеет! Что же делать? Повозки нет, коня нет.— Семен с насмешкой посмотрел на монаха.— Папаши Вуди тоже, считай, нет... На пробку наступил и временно выпал из реальности. М-да-а... Может, отрезвин у него в кармане поискать? — предложил Семен, но тут же отказался от своей идеи.— Хрен его знает, что у него еще там в кармане лежит! Яд какой ненароком подсуну... Или того хуже — какую-нибудь местную виагру.— Семен расхохотался в полный голос, но тут же помрачнел.— Однако надо что-то делать. Но что?

— Предлагаю перенестись в повозку,— посоветовал Мар,— и на месте разобраться, что к чему. От гражданина монаха ты сейчас никаких толковых показаний не добьешься... в полной несознанке наш гражданин находится! В буквальном смысле.

— А что, можно? — обрадовался Семен.— Но ты ведь сам предупреждал, что без адреса никуда переноситься нельзя!

Еще склеимся с повозкой ненароком,— он озабоченно покачал головой.— Не хотелось бы.

— Все нормально будет,— заверил Семена медальон.— Я ночью, когда вас охранял, на повозку специальную метку поставил, на всякий случай. Вернее, на случай возможного угона. Типа ее пространственный адресок взял! Вот, пригодилось.

— Это ты молодец,— одобрительно сказал Семен, вынимая из петельки пистолет и приводя его в боевое состояние.— Цепляй нашего падре и поехали! Будем, стало быть, закон и порядок восстанавливать. Не слезая с повозки.

— Ты что, в людей стрелять будешь? — полюбопытствовал Мар, следя за приготовлениями Семена.— В живых?

— Нет, в дохлых,— огрызнулся Семен.— Скажешь еще! Ни в кого я стрелять не собираюсь... пока что. На всякий случай пушку готовлю! Может, пугнуть кого придется.— Семен направил ствол в небо.— Поехали!

В ту же секунду Семена сшибло с ног: падая, он нажал на спусковой крючок, и пистолет громыхнул, выпустив короткую очередь в небо.

— Караул! — истошно завопили где-то рядом.— Спасите! — Крик внезапно оборвался, послышался тяжелый удар и удаляющийся дробный топот сапог.

Семен сел, огляделся: он был в повозке. Рядом, недоуменно вертя головой по сторонам, сидел отец Вуди, обхватив руками свой бесценный сундучок-аптечку. Похоже, монах начинал приходить в себя и без всякого отрезвина — взгляд у отца Вуди стал осмысленным. В меру осмысленным.

Повозка, никем не управляемая, мчалась полным ходом — впряженный гнедой жеребец бодро стучал копытами по утоптанной грунтовке, встречный ветер развевал его длинную гриву; повозка то и дело подпрыгивала на ухабах, не спасали и резиновые шины с рессорами.

По левой стороне дороги, что-то невнятно крича, убегал в чисто поле незнакомый Семену мужичок; впереди, неподалеку, высились зубчатые городские стены — дорога упиралась в раскрытые настежь въездные ворота. У ворот стояли вооруженные алебардами стражники и с нескрываемым интересом наблюдали за происходящим.

— Тпру! — заорал Семен, на четвереньках добравшись до лавочки возницы и хватая брошенные вожжи.— Тпру, кому говорю! Стой, животное! — Семен натянул вожжи, конь постепенно перешел на шаг и остановился.

В наступившей тишине было слышно, как всхрапывает жеребец, как вдалеке голосит напуганный мужичок, с курьерской скоростью уносясь в неизвестность, как хохочут стражники.

— Соображать можешь? — Семен повернулся к монаху, тот пожал плечами, подумал и согласно кивнул.— Что случилось?— садясь на лавочку, спросил Семен.— Поехали потихоньку, что ли.— Он легонько тряхнул вожжами, конь фыркнул и неспешно потрусил дальше.— Этот, который из повозки выпрыгнул, он кто?

— Сволочь он,— хриплым голосом ответил монах, роясь за пазухой.— Крыса. Проезжий шаромыга на коне. Опоил меня дурью и повозку украл. Я с ним в кости со скуки поиграть согласился и хлебного винца выпить, а он, мразь, вон чего сделал...— Отец Вуди проглотил таблетку, привычно поморщился.

— Универсальное лекарство? — подмигнул Семен.— На все случаи жизни, да? А понос лечит?

— Нет,— буркнул монах.— От поноса, говорят, пробка в нужном месте хорошо помогает.— Он захихикал, но тут же со стоном схватился за голову.— Ох, башка как трещит! — Отец Вуди со вздохом привалился спиной к борту повозки.— Противоядие это. Но действительно универсальное. Всем лекарям перед поездкой выдают: заказчики, мать их, разные попадаются... Иной вместо платы может тебя и особым вином напоить в целях личной экономии.

— Ну что ж,— рассудительно сказал Семен, глядя на приближающиеся ворота,— нет худа без добра! У нас теперь есть конь и новая упряжь, причем бесплатно, да и дорогу мы изрядно сократили. В общем, спасибо шаромыге,— и замолчал, приняв надменный, гордый вид: стражники вовсю пялились на них, пытаясь разобраться, кто ж такой важный едет в повозке, если кучером у него — богатый дворянин. Так ничего и не поняв, стражники на всякий случай взяли алебарды «на караул».

Отец Вуди торжественно повел рукой, осеняя благодатью и стражников, и алебарды, и ворота заодно. После чего шумно

высморкался через борт, сказал: «Да ну вас всех к черту, у меня голова раскалывается» — и улегся на дно повозки.

Копыта коня застучали по тесаным камням: повозка въехала в город.

В город графа Локира.

ГЛАВА 6
Старость Лечится: Издержки Магических Попыток

Баронов и графов Семен представлял себе соответственно прочитанному в книгах и виденному в кино. Скажем, барон — это всегда нечто толстое, жизнерадостное, только и умеющее, что махать мечом, пить вино бочками и иногда членораздельно говорить. Когда вино не пьет.

Граф, разумеется, должен быть худым, остроносым, гладко выбритым, с моноклем в левом глазу, в обязательном черном фраке с гвоздикой в петлице и с начищенным цилиндром на голове, само собой, слегка пьяным и невероятно глупым.

Граф Локир подходил под вторую категорию лишь частично — скорее, он был похож на въедливого бухгалтера, зубы съевшего на своей нелегкой службе. А бухгалтеры глупыми не бывают. Как правило.

Был господин Локир болезненно худ, высок, остронос и гладко выбрит. Но на том его схожесть с киношными графами и заканчивалась: Локир был лыс, без монокля, одет по-домашнему во что-то затрапезное, вроде ношеного спортивного костюма, абсолютно трезв и чем-то чрезвычайно неприятен. Во всяком случае, Семену гражданин Локир не глянулся сразу, как только он и отец Вуди переступили порог библиотеки, где их ждал граф.

Назвать зал библиотекой мог только человек, искренне верящий, что пяток тонких книжек на каминной полке дают ему полное право так величать это стылое просторное помещение. По всей видимости, зал в основном использовался для других целей: бильярдный стол в глубине библиотеки и карточный, неподалеку от холодного камина, с бронзовым колокольчиком на столешнице, не оставляли сомнений, для каких именно. Для игры, и несомненно — на деньги.

Граф Локир сидел в кресле возле карточного столика, о чем-то размышляя; вид у графа был отрешенный и горестный. Как будто он мучительно решал, что предпочтительнее — то ли самому отравиться, и немедленно, то ли погодить и отравить сначала кого другого.

— А, отец Вуди,— неприятным голосом проскрипел граф Локир, увидев монаха и нехотя вставая из своего глубокого кресла,— наконец-то. В этот раз ты что-то не торопился на мой вызов! Небось по пути все кабаки проверил, пока до замка добрался... За что я монастырю деньги плачу, а? Не только за качество работы, но и за скорость ее выполнения.— Граф близко подошел к отцу Вуди. Семен подумал, что Локир наконец-то решил поздороваться с лекарем-алхимиком, но ошибся: граф обнюхал застывшего в почтении монаха и с кислым выражением на лице отошел в сторону — от отца Вуди ничем не пахло. Универсальное противоядие действовало безотказно, даже запах убирало.

Семен мимоходом подумал, что такое великолепное средство и ему самому пригодилось бы, что надо будет при случае прикупить этих таблеток, если они вообще хоть где-нибудь продаются. И еще у Семена мелькнуло в голове, что если бы перед человечеством вдруг встал окончательный выбор, какое радикальное лекарство ему нужнее — от рака или от похмелья— и вопрос поставили бы на голосование перед всем миром, то еще неизвестно, какое именно лекарство выбрало бы человечество...

— Это кто? — Граф наконец заметил Семена.— Что за чучело? Я его не знаю. Кто таков?!

— Ученик, господин Локир,— немедленно доложил отец Вуди, мельком глянув в сторону Семена.— Приставлен к обучению, так сказать. Для всемерного овладения важной алхимической наукой. Послушник.

— Ну-ну,— неопределенно сказал граф.— Послушник. Ладно, разрешаю.— И сел в кресло.

Семен сейчас действительно выглядел как послушник: отец Вуди, полностью придя в себя по пути к замку, поинтересовался у Семена, где тот раздобыл дворянскую одежду, и, узнав о необычных свойствах костюма-хамелеона, тут же предложил

Семену стать послушником. Учеником лекаря. Ученик он и есть ученик, кто на него внимание обращать станет!

Тщательно осмотрев новоявленного послушника — грубая черная сутана, подпоясанная веревкой, деревянные сандалии на босу ногу,— отец Вуди остался доволен его внешним видом. Вот только тонзуры у послушника-ученика не было, но Семен категорически отказался брить макушку, вот еще! Сегодня он— послушник, да. А завтра ему, может, надо будет стать по необходимости наследным принцем, работа у него, у Семена, такая. А какой, на фиг, из него наследный принц с бритой головой?

Сошлись в конце концов на том, что Семен — послушник на испытании, не прошедший пока что обряда посвящения. И поехали в замок; прежде чем идти к графу, Семен заткнул пистолет за пояс, под сутану, а патрон сунул в кошель с золотом. Во избежание прострела в ногу.

— Итак,— процедил граф, сложив руки на груди и глядя только на отца Вуди,— у меня проблема. Серьезная проблема.

— Я весь внимание,— сказал монах, делая озабоченное лицо.— Что у нас нынче — порча, наговор, сглаз? Дурная болезнь? Неплановая смерть?

Локир вяло покачал головой:

— Ни то и ни другое. Хуже. Гораздо хуже... Я, отец Вуди, с некоторых пор стал видеть призраков.

— Э-э...— растерянно промямлил монах.— Э... призраков? В каком смысле? Я что-то...

— В прямом.— Граф нехотя, через силу улыбнулся.

«Наверное, так улыбаются покойники»,— с неприязнью подумал Семен. У графа была отвратительная улыбка. Мертвая. Улыбка, от которой по шкуре подирал мороз.

— Я — человек деловой.— У Локира вновь окаменело лицо.— Рациональный, трезвомыслящий и, в отличие от многих других, ни в какую романтическую чепуху не верю... И на тебе— призраки! Вернее, призрак. Один.

— Какой? — нейтральным голосом спросил монах.— Мужчина-воин, подло убитый в спину? Или юная поруганная дева, взывающая к отмщению? Или кровавый мальчик? Бывают и такие призраки, которые мальчики. Кровавые... Говорят, что, ежели кого убьешь, тот по ночам к тебе и является...

— Молчать! — рассвирепел граф.— Молчать и не перебивать! Никого я не убивал... Сам — не убивал! Буду я еще в крови мараться... На то у меня специальные люди есть. Призрак, который ко мне приходит ночью,— мой дед по материнской линии. Дед, которого я почти не помню, но который помнит меня.— Локир помолчал, нервно кривя рот.— И этот дед говорит мне невероятные вещи. Пугающие... Темна его речь и слова невнятны, многого я не понял, но кое-что все же уразумел. Призрак говорит, что некая золотая магия навсегда ушла из нашего мира... Что нам больше нечего хранить. Что настало время... э-э... Исхода. И требует, чтобы я вошел в его запечатанную комнату... что-то он там еще о стенных ладонях бормотал, которые якобы дверь открывают... интересно, а бывают ли сумасшедшие призраки? Видимо, бывают...— Граф нахмурился, помолчал.— Наш род, по словам деда, один из избранных, у кого есть право на реализацию Исхода. И что в той комнате лежит Ключ, передаваемый по наследству... А он его передать не успел, за что был оставлен бессменным сторожем Ключа. Посмертно... Кем оставлен? Как? Ничего не понимаю. Бред какой-то! Ключи, исходы... родовые сторожа-призраки... Чушь. Чушь! Но...

Локир строго посмотрел на отца Вуди и продолжил тем же ровным скрипучим голосом:

— Мне необходимо войти в ту тайную комнату и выяснить раз и навсегда, что же в ней находится на самом деле. Иначе призрак никогда от меня не отвяжется. А его присутствие нарушает мое тонкое душевное равновесие, отчего у меня портится сон и начинается несварение желудка. Потому что призраков не бывает. Не должно их быть! Даже родовых.

— Тайная комната? — монах многозначительно переглянулся с Семеном.

— Тайная,— подтвердил граф.— Но вовсе не та, в которую ты когда-то пытался попасть при помощи своих снадобий: та комната сделана лишь для потехи гостей и обмана взломщиков... Дедом сделана. У деда было особое чувство юмора. Своеобразное... И, собственно, не комната то вовсе, а вмурованная в стену обычная дверь.— Граф внезапно заперхал, точно едкого дыма глотнул, и только секунды через три Семен сообразил,

что Локир смеется. Смеется над монахом: лицо отца Вуди пошло красными пятнами, словно его горячими помоями умыли.

— Я знаю все, что творится в моем замке,— успокоившись, сообщил граф.— У меня везде глаза и уши... Короче, я вызвал тебя для того, чтобы ты открыл зачарованную комнату. Как — твоя проблема. Но сегодня же она должна быть распечатана и предъявлена к осмотру! Мне. Лично. А теперь, монах, ступай и займись делом. Слуга тебя проводит.— Граф взял с карточного столика колокольчик и позвонил.

...Тайная зачарованная комната находилась на верхнем этаже замка, в самом начале пустого темного коридора. Неразговорчивый слуга подвел монаха и послушника к двери, молча ткнул в нее пальцем и так же молча удалился.

Отец Вуди открыл принесенную им и Семеном аптечку. Присев на корточки и что-то бормоча себе под нос, монах углубился в изучение ее содержимого, поочередно вынимая из сундучка разные баночки-скляночки и выстраивая их на полу в одному ему ведомом порядке. Отдельно от баночек отец Вуди установил маленький походный треножник, сунул под него стеклянную спиртовку, укрепил на треножнике старую латунную плошку и разжег огонь.

Последней из сундучка была вынута изрядно потрепанная книжка, на обложке которой Семен разглядел полустертую надпись: «Дозволенные к применению рецепты Братства. Справочник. Для служебного пользования».

Семен, чтобы не стоять над душой и не мешать отцу Вуди, отошел в сторонку и оттуда принялся разглядывать заколдованную дверь.

Дверь заколдованной не выглядела. Не было на ней никакой магии! Следы взлома были, слабые следы, еле видимые: пытались дверь открыть, и не один раз пытались, а следов магии — не было. Вообще.

Дверь как дверь, дубовая, крепкая... Очень крепкая — устояла и перед топором, и перед ломом, или чем там ее открывали.

Никаких приметных выступов или отверстий на гладкой поверхности двери не имелось, была только одна ручка, витая, массивная. И все. Как хочешь, так и открывай... Семен даже засомневался: а может, это самая обычная дверь? Железная,

бронированная. Только прикрытая сверху декоративным слоем древесины. И которая открывается каким-нибудь потаенным рычагом или одновременным нажатием на определенные камни в стене. И никакого колдовства, одна голая механика...

— Семен, ну что там? — подал голос медальон.— Есть что необычное? Магия какая есть?

— Нету,— разочарованно ответил Семен.— Во всяком случае, я пока ничего не обнаружил.

— О,— уважительно сказал Мар.— Видать, магия суперпупервысшего порядка! Невидимая и неощутимая.

— Или ее здесь нет вовсе,— отрезал Семен.— И не было.

— Ну да,— не поверил медальон,— скажешь еще! Тогда бы дверцу давным-давно открыли бы. Против лома нет приема! Это тебе любой грабитель скажет: и начинающий, и опытный.

Семен не ответил, потому что Мар был прав.

Тем временем отец Вуди, заглядывая в свой потрепанный справочник, налил в плошку всяческих снадобий, понемногу из разных бутылочек, и, все так же сидя на корточках, принялся старательно размешивать варево костяной ложечкой; в воздухе запахло чем-то пряным и вкусным. Как в кондитерском цехе.

У Семена от запахов забурчало в животе: он давно не ел. Гостеприимный граф Локир не удосужился покормить специалистов-алхимиков, сразу погнав их на работу.

— Ну-с,— монах достал из сундучка кисть-помазок,— думаю, наше взломное зелье готово. Попробуем, попробуем...— Отец Вуди макнул кисть в варево и, не вставая, осторожно провел ею по стыку двери и дверного косяка, возле витой ручки. Там, где по идее должен был находиться замок.

Семен крякнул от неожиданности: магия была. И еще какая магия!

В тех местах, где прозрачное взломное зелье легло на дубовую поверхность, внезапно разлилось нежное перламутровое зарево. Словно монах красил дверь фосфорной самосветной краской: медленные подтеки зелья прочерчивали на двери узкие перламутровые дорожки.

— Ничего не понимаю,— пожаловался Семен непонятно кому.— Колдовство-то, оказывается, есть, а я его не увидел. Странно как-то получается...

— Нету колдовства.— Отец Вуди продолжал аккуратно водить кистью по стыкам двери.— Нету! Сколько можно тебе говорить... Да если бы оно и было — кто ж его увидеть может! Одни лунные колдуны разве что. Нормальный человек магию не видит... да и не должен видеть. Не для того глаза ему дадены, чтобы на всякую пакостную ересь глядеть! — Монах встал на ноги и продолжил свою работу, постепенно превращая темную дубовую дверь в нечто сияющее. Сияющее только для Семена с его ненормальным умением видеть всякую пакостную ересь.

— Ты нашего падре-моралиста не слушай,— с насмешкой в голосе посоветовал Мар Семену.— Он, понимаешь ли, человек крепких убеждений. Сказано — нету колдовства, значит — его нету. И аминь во веки веков! Ты лучше не отвлекайся, а ищи источник колдовства. Должен он быть, обязательно должен! Взломные снадобья вряд ли эту дверцу откроют... Это тебе не кабацкий ящик с медяками. Думай, Семен, напрягай мозги. И я покумекаю.— Медальон умолк.

В это время падре-моралист закончил работу: он уронил на пол кисточку и нетерпеливо подергал дверную ручку — дверь не открылась. Тогда отец Вуди навалился на дверь плечом — но и теперь она не поддалась. Монах зло выругался, отошел на шаг и с размаху саданул в дверь ногой. После чего с завыванием рухнул на пол, схватившись за стопу; дверь, разумеется, как была закрытой, так закрытой и осталась.

— Эдак и покалечиться недолго,— сочувственно заметил Мар.— Вот же настойчивый! До дурости... Семен, походи-ка по коридору, пока святой отец самоистязанием занимается. Может, где в стороне что-нибудь нужное найдешь. Знак какой или подсказку. Или призрака-дедушку встретишь, потолкуешь с ним о деле. А почему бы и нет?

— Дельная мысль,— согласился Семен.— Здравая. Отец Вуди, я пока по коридору прогуляюсь, осмотрюсь. Сдается мне, что не так просто эта дверца открывается... Не зельями.

— А чем же еще? — удивился монах, лежа на полу и растирая ушибленную ногу.— Если ты какие потайные рычаги-кнопки найти хочешь, то без толку это... Попробую-ка я жабью травку в смесь добавить,— решил отец Вуди, садясь перед треног-

ником по-турецки.— Жабью травку и цветок мертвеца. Вонь, конечно, будет преизрядная, но...

— Тем более прогуляюсь,— решил Семен и направился по коридору вглубь, медленно, неторопливо, внимательно глядя по сторонам.

Длинный коридор с рядами одинаковых дверей по обе стороны освещался слабо — маленькое грязное окошко в торце коридора выходило на северную сторону замка и света давало чуть-чуть. Наверное, поэтому Семен почти сразу заметил тускло светящееся оранжевое пятно на стене между дверями, на полпути к окну: пятно по своей форме было точь-в-точь как заколдованная дверь, о которую только что расшибся старательный отец Вуди. С той лишь разницей, что было раза в три меньше: оранжевый прямоугольник находился аккурат между полом и потолком на той же стене коридора, что и зачарованная дверь.

— Есть,— прошептал Семен, останавливаясь напротив пятна.— Мар, ты не поверишь, но, кажется, я нашел то, что нужно. Четко выраженную магию нашел! Оранжевого цвета.

— А я что говорил,— довольным голосом сказал медальон.— Я тебе всякой ерунды не насоветую! Опытный я. Мудрый.

— Несомненно,— согласился Семен.— А теперь, мудрый ты наш, помолчи немного — я работать буду.— Семен укоротил рукава своей сутаны и хотел было внимательно осмотреть пятно, когда наступившую тишину вдруг прорезал глухой удар, сопровождаемый невнятным воплем. Семен обернулся на звук: отец Вуди опять ушибся, но на этот раз плечом и головой; в коридоре стоял мерзкий запах, как от сгоревшего столярного клея. Видно, монах испробовал новое взломное зелье. С жабьей травкой и цветком мертвеца.

— Есть же на свете упертые люди,— вздохнул Мар.— Ей-ей, он Телец по гороскопу! Круторогий. Давай, Семен, не отвлекайся. Работай. Надо побыстрее дверь открыть! Не для графа, а для отца Вуди. В лепешку ведь расшибется, неугомонный...

— Эт-точно,— согласился Семен и, не обращая внимания на охи-ахи и причитания ушибленного монаха, вплотную занялся оранжевой магией.

Прямоугольное пятно было не на самой стене, а несколько перед ней и походило на голографический экран-дисплей из

числа тех, что обязательно присутствуют в фильмах о компьютерных хакерах недалекого будущего. Только вместо значков-пиктограмм или сообщений наподобие «Доступ запрещен», «Вирус внедрен», «Тебе конец, хакерская морда!» на пожарно-оранжевом прямоугольнике имелись отпечатки двух ладоней. Отпечатки были зеленого цвета и резко контрастировали с общим пожарным фоном; под отпечатками на стене тонким гвоздиком были процарапаны контуры тех же ладоней.

— Стенные ладони! — вспомнил Семен слова деда графа, слова, показавшиеся бессмысленными и Локиру, и Семену.— Вон оно что!

— Ладони? — встрепенулся Мар.— Где?

— Здесь, на стене нацарапаны.— Семен поводил пальцем над зелеными пятернями, словно очерчивая их.— Теперь видишь? На магическом плане они, между прочим, зеленые-презеленые. Как июньская трава.

— Теперь вижу,— задумчиво сказал Мар.— Что ж, все ясно: кладешь свои ладони на эти, на процарапанные, и дверь открывается... Все просто. Но... Ты знаешь, я впервые встречаюсь с отдаленной вещевой магией. Слышать — слышал, а сталкиваюсь в первый раз.

— Что такое «отдаленная магия»? — Семен решил не торопиться с травяными отпечатками, успеется еще, а вначале послушать Мара. На всякий случай. Вдруг оно небезопасно, это разноцветное колдовство?

— Отдаленная ма...— начал было медальон, но его прервал вопль отца Вуди: монах сидел на полу, тряс головой и ревел, как разъяренный медведь-шатун — видимо, он опять что-то себе отбил.

— Я тебя доконаю! — кричал отец Вуди, грозя двери кулаком.— Ты у меня еще попляшешь!

Как может плясать дверь, Семен представить себе не мог, не пляшут двери, но отцу Вуди сейчас явно было не до логики. Потому что следом пошли громогласные перечисления сексуальных извращений, которыми занималась мама закрытой двери, ее — мамы то есть — ближние родственники и родственники родственников.

— Крепко он голову себе ушиб,— озаботился Семен.— Эк нашего алхимика разобрало...

— Да, похоже, ему для творческой работы и головы не жалко,— согласился Мар.— Очень ответственный человек. Трудоголик.

— ...в гробу видал,— уже спокойным голосом закончил монах свою тираду.— Все, к черту проверенные рецепты! Сейчас я такое создам, такое!.. Одна труха от тебя останется.— Отец Вуди погрозил двери кулаком, выплеснул из плошки остатки очередного неудачного состава и принялся за приготовление нового. Оригинального, непроверенного. Самодельного.

— Как бы он нас всех не взорвал к хренам собачьим своим экспериментом,— всполошился Мар.— С него станется! Коротенько об отдаленной магии — и открывать. Пока не началось. Отдаленная магия как таковая — это работа с образами. Типа если бы ты куклу своего врага создал, поистыкал ее всю иголками, а враг после этого тут же и помер от огорчения. Понятно?

— Ясное дело.— Семен кивнул, вспомнив проткнутую спицей тряпичную куклу в мавзолее легионеров.— Слыхал, а как же! Культ Вуду называется, его негры придумали. И Вуду, и культ.

— Вуду оно там или не вуду, это без разницы,— категорично заявил медальон.— В разных Мирах отдаленное колдовство по-всякому называется. Так вот: некоторые продвинутые маги, говорят, могли создавать образы вещей, а не живых существ. И работать с этими образами. Что считается практически невозможным — неодушевленные предметы не откликаются на такого рода воздействие... Это и есть отдаленная вещевая магия. Здесь, Семен, кто-то из продвинутых поработал: создал образ двери и разместил его в стороне, чтобы разные алхимики-умельцы реальную дверь не смогли открыть. Как бы ни старались. Сечешь, к чему я веду?

— Не-а,— Семен удрученно помотал головой.— Темна твоя речь, как сказал бы граф Локир. И невнятна.

— Невнятно у логопеда говорят,— проворчал Мар.— Ты прикинь: комнату запечатал дед, так?

— Так.— Семен поглядел в сторону отца Вуди: над далекой плошкой плясало высокое радужное пламя. Колдовское. Верно, монах со злости намешал в посудине такой коктейль, что последствия от его применения могли быть самыми непредсказуемыми. Непредсказуемыми и разрушительными.

— Одно из двух.— Медальон солидно прокашлялся.— Либо дед графа был крутым колдуном, либо ему кто-то помог. Кто-то из пропавших хрен знает когда магов-творителей. Из тех, кто излишки всемирного волшебства в магическое золото перековывал. Из которого потом Слимп вылупился. Вряд ли это дед... маги не помирают в одночасье. Тем более — молодыми. Могут погибнуть, да, но помереть попросту — нет. Вывод?

Семен хотел было ответить, что вывод ему ясен: что не все маги-творители пропали хрен знает когда, что, видать, болтаются некоторые где-то по Мирам; что по барабану ему те маги, они сами по себе, а он — сам по себе... Но не успел.

Снадобье отца Вуди взорвалось.

Негромко взорвалось — особого шума хоть и не случилось, но пол под ногами Семена ощутимо вздрогнул; была неяркая вспышка — странная вспышка, какая-то замедленная, переливающаяся всеми цветами радуги: в ней пропали и отец Вуди, и треножник с плошкой, и сундук-аптечка. И дверь. И часть коридора.

До Семена вспышка не достала: между ним и радужным пламенем возникла преграда — обжигающая глаза яростным светом огненно-фиолетовая сеть.

Через секунду вспышка погасла, погасла и сеть.

— Это... Чего это было? — Семен протер слезящиеся глаза.— Что?!

— Отец Вуди дохимичился,— мрачно сообщил медальон.— Я едва защиту успел поставить. Пошли первую помощь ему оказывать! Если, конечно, она ему нужна,— уточнил Мар.— Живой вроде...

Монах сидел перед треножником и озадаченно вертел в руках латунную плошку: плошка сияла как золотая, Семен издалека видел ее блеск. Новенькой она была, точно ее только что сделали. Сделали и отполировали на продажу.

— Отец Вуди, ты как?! Живой?! — крикнул Семен, подбегая к монаху.— Руки-ноги целы?

— Целы,— чужим, высоким и ломким голосом ответил монах,— только как-то непонятно я себя чувствую...— Лекарь-алхимик встал, повернулся к Семену. И Семен от неожиданности чуть не сел на пол: отец Вуди помолодел. Крепко помолодел.

Перед Семеном стоял паренек лет пятнадцати, вихрастый, без плеши-тонзуры, с задорно вздернутым носом и чистым, неиспитым лицом.

— Ты чего на меня так смотришь? — замирающим голосом спросил парень, бледнея на глазах.— Что... что со мной? — Бывший папаша Вуди уронил плошку.— Неужели все так плохо? Я что, превратился в кого-то? — Паренек с испугом принялся себя оглядывать и ощупывать.

— Я бы не сказал, что совсем плохо,— поспешил успокоить его Семен, борясь с неожиданным приступом нервного смеха.— Вовсе даже наоборот... Ты мечтал быть молодым? Твоя мечта сбылась. Не вовремя, но сбылась. П-поздравляю,— и, не удержавшись, зашелся в хохоте.

— А? — Паренек уставился на Семена в растерянности.— Помолодел? Я? — Он торопливо поднял с пола надраенную плошку и уставился в нее как в зеркало.

Семен огляделся: радужная вспышка преобразила не только монаха и латунную посудину. Стены, облизанные колдовским пламенем, стали выглядеть более свежими... не такими грязными, как раньше; сундук-аптечку словно только что сделали и покрасили — от сундучка явственно несло масляной краской; расставленные по полу там и сям пузырьки-скляночки сверкали чистотой и были по горлышко залиты снадобьями. Наверняка свежими.

— Хотел бы я знать, по какому принципу произошло омоложение.— В голосе Мара звучал неподдельный интерес.— Ну, со шмотками все ясно, стали такими, какими были по изготовлении... Вон на папаше... гм, на сынке Вуди и сутана новая! Почти черная, неношеная. Великовата она ему и длинновата, да ничего — где нужно, подтянет, потуже подпояшется, всего и делов-то... А вот почему Вуди младенчиком не стал? По идее, должен был... Или я что-то не понимаю? — Медальон издал звук, словно языком поцокал.— Возможно, это как-то связано с периодом полового созревания... Короче, хрен его знает.— Мар хихикнул.— Повезло старикану! За здорово живешь новую жизнь себе огреб.

Огребший новую жизнь старикан разглядывал свое отражение в плошке, и брови у него лезли все выше и выше: казалось, Вуди сейчас заплачет. Навзрыд.

— Да, я мечтал помолодеть... но не на столько же! — взвизгнул паренек, отбрасывая плошку в сторону.— Черт знает что получилось! И куда я теперь такой пойду, а? Опять в послушники, да? — Вуди уставился на Семена мокрыми глазами— еще чуть-чуть, и у мальчишки могла начаться истерика.

— Стоп! — Семен поднял руку.— Тихо! Ты помнишь, какие снадобья в последний раз кипятил? Сколько чего в плошку наливал, помнишь?

— Конечно, помню.— Вуди потер глаза кулаком.— А что? — Вопрос Семена отвлек его от переживаний, и истерика не состоялась. Чего Семен, собственно, и добивался.

— Тебе потом надо будет вспомнить все то, что ты здесь делал.— Семен старался говорить спокойно и убедительно.— Вспомнить подробно и точно. Ты ведь только что изобрел свое собственное лекарство от старости! Помнишь, ты про ваших верховных адептов говорил, что они по пять раз молодели? Так ты теперь — сам себе адепт! Хоть сто раз! Хоть двести! Только рецептик припомни и обязательно запиши. Может, я к тебе лет через сорок загляну, перепишу.— Семен подмигнул новоявленному самодельному адепту.

— Слушай,— Вуди, что-то соображая, потер лоб,— так я того... Я же этим зельем торговать могу! Озолочусь, черт побери! Знамя свое будет, герб... Дворец построю... Драться научусь, на мечах и просто так... Я же нынче все могу! И женщины... К черту монастырь! У меня в этот раз будет другая жизнь.— Паренек смотрел на Семена, но видел, похоже, совсем другое; глаза у Вуди стали бессмысленными и счастливыми.

— Ты, знаешь, торговлей заниматься пока не спеши,— осадил Семен парня.— Осмотрись для начала, разберись со своей новой жизнью... Начнешь торговать молодостью — тебя твои же бывшие начальники-адепты быстренько вычислят и прибьют. Не зря же они ни с кем рецептом омоложения не делятся!

— Это верно,— молодой Вуди помрачнел,— не зря. Но...

— Скажи ему, чтобы за границу дул,— посоветовал Мар.— Подальше от своего Братства. И вообще пусть немедленно сматывается из замка! Мы и без него управимся. А ему здесь делать нечего... Если граф узнает, что случилось, он нашего монаха в подвал кинет и заставит молодильное снадобье для себя, любимого, по новой создавать. Под пытками заставит!

После омолодится, а самого Вуди втихаря казнит. Однозначно! Чтобы другим рецепт не рассказал... Лично я на его месте так и поступил бы.

— И вот что еще.— Семен почти дословно повторил сказанное медальоном, только последнюю фразу опустил. Потому что с его, Семена, личным мнением она никак не совпадала.

— Да, действительно.— Вуди стал поспешно собирать флаконchики в сундук.— Драпать надо... Одежду сменить, таратайку... Лекари-алхимики пожизненно связаны с Братством, так что искать меня будут, еще как будут! Но искать-то станут старого Вуди, а не молодого... Симеон, поможешь сундук до повозки отнести?

— Помогу.— Семен кивнул.— По-своему помогу. Особо. Страже на выезде из замка скажи, что ты — послушник, они все равно меня в лицо не запомнили... Для них что ты, что я— все едино, главное, что молодой и в темной сутане... Скажешь, если что: мол, тебя отец Вуди за особым зельем в монастырь отправил. По приказанию графа. Да, и вот еще,— Семен полез в кошель,— возьми-ка на дорогу... Деньги в пути ох как нужны будут.— Семен отсчитал пареньку десять золотых.— Счастливого пути!

— А громобойную дубинку? — заканючил Вуди, пряча деньги в нагрудный карман.— Она мне в дороге тоже пригодится!

— Извини, парень,— Семен развел руками,— но пулемет я тебе не дам. Прибьют тебя из-за него... или надерешься в кабаке до беспамятства, там и украдут.

— Ну и ладно,— не огорчился Вуди,— денег заработаю и куплю. Все куплю!

— Давай-давай,— согласился Семен.— Зарабатывай. Мар, можешь отправить нашего юного алхимика в его повозку? Вместе с сундуком.

— Нет проблем,— откликнулся медальон.— Запросто!

— А с кем это ты разговариваешь? — насторожился Вуди.

— Не важно,— отмахнулся Семен.— Теперь — не важно. Вперед!

И Вуди исчез. Вместе с сундуком-аптечкой.

— Ох ты! — спохватился Семен.— Отрезвин! Я ж у него отрезвина забыл попросить! Тьфу ты... Придется как и прежде, по старинке, с рассолом...

— Пить — вредно,— назидательно изрек Мар.— Бери пример с меня: я и не пью, и не курю, по женщинам не шляюсь...

— Кабы не воровал, так вообще святым был,— в тон ему ответил Семен.— С белыми крылышками и нимбом.

— Так у меня ж специальность такая! — возмутился медальон.— Воровская. А так бы — да. Именно что с нимбом. А крылышки, Семен, больше тебе подходят. Взял и отдал просто так, ни за что, десять золотых! Разорение, чесслово. Кабы я тебя не знал, так решил бы, что ты на голову больной. Дверью ушибленный.— Мар захихикал.

— Ничего! — Семен тоже рассмеялся.— Я деньги с графа сдеру. За работу. О, а вот и Локир! Легок на помине...

Граф стоял у входа в коридор, морщась и прижимая к носу кружевной платочек: мерзкий запах предыдущих экспериментов еще не полностью выветрился, хотя Семен его не ощущал— уже принюхался. За спиной графа топтался молчаливый слуга, испуганно заглядывая в коридор через плечо Локира.

— Вы что тут, кошек на сковороде жарили? — гнусаво спросил Локир, угрюмо глядя на Семена.— Что у вас здесь случилось? Замок чуть не развалился... все стены ходуном ходили. Ваша работа? И кстати, где отец Вуди?

— О горе мне! — Семен театрально схватился за голову, со стоном закатил глаза.— Великое горе... беда! Беда, граф! Горе!

— Короче,— раздраженно буркнул Локир, отнимая платочек от лица.— Дверь не вскрыли, потому что твой наставник побежал искать бутылку, так? Пьянь монашеская.

— Нет,— Семен добавил в голос слезу.— Лунные демоны... колдуны с рогами и мохнатыми лицами... они похитили отца Вуди! Едва он нашел способ открыть дверь, как они его похитили.

— Вздор,— сказал граф, лихорадочно озираясь по сторонам.— Какие колдуны? Какие мохнатые? Не бывает колдунов.— Он попятился, налетев на слугу.

— Бывают,— рыдающим голосом сказал Семен, то и дело вытирая сухие глаза.— Из стен вылезли... все, помню, кричали: мол, не открыть тебе, монах, дверь никогда, ибо золота при тебе нет! Нет у тебя защиты! Ибо боятся лунные демоны чистого металла. И забрали они отца Вуди... уволокли его на съеденье...— Семен надрывно взвыл, опять хватаясь за голову.— За темные леса, за широкие поля... в черный терем на черной горе... на черный стол, под черный нож... уволокли моего на-

ставника! Да как же я без него? Да кто ж меня уму-разуму обучит? Да что мне, сиротинушке, нынче делать?!

— Ты того, не переигрывай,— предупредил Мар.— Напугаешь графа до смерти с его тонким душевным равновесием, он копыта возьмет и отбросит. Хватит давить! Переходи к делу.

— Защиту мне, защиту! — взвыл Семен, заламывая руки.— Сто золотых монет — надежное спасение от злобных лунных демонов! Отец Вуди так и крикнул, проваливаясь в стену: «Сто золотых, мой мальчик, и ты спасен! И сможешь продолжить мое нелегкое дело в открывании зачарованной двери! Ибо все необходимое я уже проделал. И передай графу — пусть меня не ищет! Ибо лунные демоны никого от себя живьем не отпускают...»

— Что-то слишком много он успел тебе крикнуть, пока проваливался,— усомнился граф.— Слушай, парень, а ты, случаем, не врешь, а? Сто золотых! Это хорошие деньги. Ради такой суммы можно и на аферу пуститься! А после — в бега.

— Увы! — застонал Семен, еще старательнее заламывая руки.— Мне не верят! А сотрясание замка? А запах? Нет, граф, я теперь и с золотом к вашей проклятой двери не подойду... Открывайте как хотите. Сами. А мне моя жизнь дорога!

— Что? — Лицо графа налилось кровью.— Откроешь как миленький! И плевать я хотел на твоих лунных демонов. Возьмешь сто золотых и откроешь! А после деньги вернешь. Мне, лично.

— Конечно! Разумеется! — Семен очень натурально засмущался и искательно заглянул в глаза графа.— А можно двести? Для надежности. Все равно ведь верну...

— Сто пятьдесят,— отрезал граф.— И ни монетой больше!

— Как скажете.— Семен обреченно махнул рукой и потупил взор.

— Живо к казначею! — приказал Локир, поворачиваясь к слуге.— Сто пятьдесят монет сюда! Мигом! — Слуга немедленно исчез, словно его тоже транспортировали при помощи магии. К казначею.

Пока решался вопрос с золотой защитой, Семен так и стоял столб столбом у стены, то и дело издавая тяжелые вздохи и стеснительно ковыряя сандалией пол. Как и положено робкому послушнику.

Граф только один раз подошел к двери, осмотрел ее и, что-то невнятно бормоча, вернулся на место, в начало коридора:

дверь, как и все остальное, тоже обновилась — с нее пропали все следы попыток взлома. Похоже, именно это и успокоило графа. Убедило его в том, что в коридоре действительно произошло что-то странное. Что это не афера.

Слуга возник так же неожиданно, как и исчез. Граф взял у него бархатный мешочек, кивком подозвал к себе Семена и сноровисто, умело отсчитал ему сто пятьдесят золотых.

— Не корысти ради,— возвестил Семен, ссыпая монеты в карман сутаны,— а токмо защиты для.— И сделал мученическое лицо.

— Действуй.— Локир ткнул рукой в сторону двери.— Действуй, послушник! И помни: если ты задумал обман... У меня найдется для тебя место в темнице. В подвале. Навсегда.— Граф отступил подальше.

Семен без лишних слов направился к оранжевому прямоугольнику.

— Вруби какие-нибудь эффекты.— Семен остановился возле прямоугольника.— Но не переборщи. Готов?

— Всегда готов,— отрапортовал медальон.— Начинай.

— Крэкс! — проорал Семен, повернув голову в сторону графа.— Фэкс! Пэкс!

И прижал ладони к стене. К зеленым отпечаткам.

Низкий гул заполнил коридор; воздух стал зимним, морозным — на стенах коридора выступил иней. В дополнение ко всему вокруг Семена замерцали яркие вспышки, как будто включился дискотечный стробоскоп; Семен оторвал руки от стылой стены и крепко потер ладони о сутану — за несколько секунд они замерзли, точно Семен десяток снежков слепил.

— Вот с инеем ты, знаешь, перестарался,— заметил Семен, направляясь к двери.— Холодно же! До костей пальцы промерзли.

— Не, я только светом поморгал,— растерянно ответил Мар.— Остальное как-то само собой случилось. Непредвиденно. Я здесь ни при чем!

— Хороший знак,— уверенно сказал Семен.— Вскрыли мы дверь, Мар. Точно — вскрыли!

Граф уже стоял возле двери, поглядывая на приближающегося Семена и многозначительно потряхивал пустым мешочком.

— Минуточку.— Семен, не обращая внимания на явный намек, отодвинул графа плечом в сторону.

— Что ты себе позволяешь, сопляк! — взвился Локир.— Я— граф! Я не позволю каждому...

— Лунные колдуны,— зловещим шепотом произнес Семен, тыкая пальцем в дверь.— Там. Могут. Быть.

Граф обмяк.

— Какие колдуны,— вяло сказал он.— Чушь. Я их пока не видел!

— Так мы же пока и не вошли,— миролюбиво ответил Семен и толкнул дверь.

ГЛАВА 7
Своеобразная Луна И Маленькое Послание

Зачарованная комната была просторна и уныла: серые казематные стены, голый цементный пол и одинокий круглый светильник на потолке, зажегшийся сразу, стоило только Семену приоткрыть дверь; такие комнаты в приличном хозяйстве используются лишь как подсобные помещения для хранения ведер, метелок, швабр и прочего уборочного инвентаря. Еще в подобных местах охотно селятся всякие домовые, привидения, ущербные колдуны и лица, склонные к серьезным психическим заболеваниям,— во всяком случае, именно такая мысль первой пришла Семену в голову, едва он переступил порог.

В центре унылого помещения стоял грубо сколоченный массивный стол — даже не стол, а что-то наподобие верстака,— сколоченный наспех, кое-как, с торчащими там и сям загнутыми в спешке гвоздями.

На столе, на медном овальном блюде, аккуратным рядом лежали какие-то черные, явно магические предметы, над ними словно струились тонкие разноцветные дымки, причем над каждым предметом только одного, своего цвета — чистого, сочного. Дымки друг с другом никак не смешивались, напомнив Семену виденную им когда-то с вертолета, еще во времена службы в армии, небольшую таежную деревеньку в тихую зимнюю погоду. Когда вся деревня печи топила. Под Рождество.

Сзади нетерпеливо завозился граф Локир, настоятельно толкая заробевшего послушника в спину.

— Мар,— успел шепнуть Семен прежде, чем граф втолкнул его внутрь,— в случае чего изобрази колдунов... хоть что-нибудь

изобрази! — и вошел в комнату, сразу отступив в сторону и пропуская графа вперед.

Локир остановился возле стола-верстака, подбоченился и с нескрываемым отвращением огляделся по сторонам.

— М-да,— помолчав, сказал граф.— Шутником дед был преизрядным. Тэкс, что у нас тут?— Локир равнодушно глянул на блюдо с непонятными предметами.— Это что, и есть тот самый Ключ? Ключ во множественном числе? Чушь, полная чушь! Обман и подлог. Где настоящий Ключ, послушник? — Граф, поджав губы и нахмурившись, выжидательно уставился на Семена, словно прикидывая в уме, а не подстава ли это все: открыли монахи дверь до его прихода, успели, сволочи... все ценное украли — Ключ, понятно, тоже стащили, взамен всякого барахла для отвода глаз насыпали,— потом дверь заперли, про колдунов враку придумали... отец Вуди, небось, прячется сейчас где-то в замке с мешком наворованного, а наглый послушник его прикрывает... еще и денег по-легкому срубить захотел, мерзавец.— Мысли графа угадывались легко, словно шли субтитрами по его лбу: простые были мысли, незамысловатые. Ожидаемые.

Похоже, Локир начинал терять интерес к происходящему и собирался вот-вот устроить Семену допрос с пристрастием. На предмет местонахождения отца Вуди с украденным Ключом и скорого изымания прикарманенного послушником золота в размере ста пятидесяти монет. С последующим незамедлительным наказанием всех подряд: и монаха, и послушника. И слуг, для профилактики. Потому что недоглядели.

Расставаться с золотом Семену вовсе не хотелось и удирать пока тоже резона не было, хотя мог бы запросто, зато очень хотелось разобраться с лежащими на блюде вещицами.

— Колдуны! — в ужасе заорал Семен, тыча рукой мимо графа.— Морды из стены высунули! Моргают!

И почти сразу раздался такой рев, от которого у Семена чуть не подкосились ноги: словно здесь, прямо в комнате, включилась городская тревожная сирена; снова заработал лихой дискотечный стробоскоп, ослепляя вспышками и Семена, и графа Локира.

Через пару секунд рев смолк, вспышки поблекли и исчезли.

— Я пойду...— шелестящим шепотом произнес граф Локир, держась рукой за грудь и остекленело глядя сквозь Семена.— Дела у меня. Ты сам тут, пожалуй... я потом...— и на цыпочках, не оглядываясь, вышел из комнаты, осторожно прикрыв за собой дверь.

— Так-то оно лучше,— уверенно сказал Мар.— Как тебе звучок, ничего, да? Это особый корабельный сигнал. Подается во время тумана, чтобы на другой корабль случайно не налететь... Сохранился еще с тех пор, когда мы с моим грамотеем-хозяином в Цветочном Мире контрабандой промышляли. Пригодился, да... Я уже и сам о нем забыл, о звучке, да вовремя на него наткнулся. Эффектно получилось, не правда ли?

— И много у тебя еще таких забытых сюрпризов? — сердито спросил Семен, ковыряя пальцем в ухе.— Эффектных. Ты бы хоть предупредил, что ли... Я и сам насмерть перепугался!

— Интересный вопрос,— оживился Мар.— Надо будет при случае ревизию у самого себя сделать, конкретно разобраться, где чего у меня завалялось. Вдруг что ценное найду? В меня, знаешь, за прошлые века чего только не напихивали... Всякого хватало!

— Можешь прямо сейчас начинать разбираться,— любезно разрешил Семен, подходя к верстаку.— Валяй. А я фиговинками на блюде займусь. Посмотреть охота, что же это такое на самом деле: тот самый Ключ или что другое...

Мар не ответил — он уже занялся делом. Конкретной ревизией самого себя.

Фиговинки на ощупь были теплыми, словно живыми. Семен брал их по очереди и рассматривал, близко поднося к глазам. Это были фрагменты головоломки... в общем-то знакомой головоломки.

Судя по плавно закругленным черным плоскостям, в результате сборки должен был получиться шар; Семену уже приходилось собирать подобные игрушки у себя, в своем Мире. На Земле. Правда, те головоломные конструкции никак не влияли на тонкое душевное равновесие всяких там графов... ни на что они не влияли. Тем более на некий Исход.

— По-моему, это надо сюда,— неуверенно сказал Семен, состыковывая две детальки.— Или не сюда? М-м, занятно...— Семен хотел было присесть на верстак рядом с блюдом, но

громоздкий пистолет за поясом неудобно уперся рукоятью в живот, а стволом в... Уперся, короче говоря.

— Мар! — Семен уронил фрагменты головоломки на блюдо, вытащил пистолет из-за пояса, вложил в него патрон и прищелкнул ствол к рукояти.— А ну-ка, спрячь пушку в упаковочное заклинание! Надоела — спасу нет... Пароль вызова: «Миротворец».— Семен аккуратно положил взведенный пистолет на стол, откуда тот немедленно исчез.

— Так-то оно лучше.— Семен уселся на верстак, поставив ноги на крестовину стяжек, пододвинул к себе блюдо и углубился в головоломку.

Собирать шар оказалось несложно — у подходящих друг к другу деталей сразу менялся цвет магических дымков: поначалу они становились одинаково пепельно-серыми, а после и вовсе исчезали; минуты через две-три состыкованные фрагменты головоломки намертво срастались между собой, становясь единым целым. Монолитом без трещинки и зазора.

Быструю сборку шара тормозило лишь время, необходимое для сращивания, иначе Семен давно бы уже закончил работу, но нарушать неведомую технологию Семен не рискнул: кто их знает, эти волшебные ключи! Еще получишь вместо Исхода какой-нибудь Уход. В никуда.

...Шар-головоломка был уже почти собран, Семену оставалось вставить в него всего лишь одну-единственную деталь, длинный изогнутый штырь, когда дверь с грохотом распахнулась. От пинка распахнулась.

На пороге комнаты стоял граф Локир.

Граф был в рыцарских доспехах и увешан самыми разнокалиберными золотыми цепями-цепочками с ног до головы, как манекен в дешевой ювелирной лавке; в руках у графа был заряженный арбалет. А еще Локир был пьян донельзя. До той степени, когда ноги еще носят, а голова уже не работает. Почти не работает.

Локир поднял арбалет и прицелился в Семена. Вернее, попытался прицелиться, но получилось у графа это плохо — тяжелое оружие чуть не вывалилось у него из рук, Локира сразу повело вперед и в сторону. Семен как сидел на столе, так и застыл. С штырем в одной руке и с шаром в другой он был удивительно похож на монарха-властителя со скипетром

и державой, к которому нетрезвый боярин на прием пришел... Короны только не хватало. И горностаевой мантии.

Сквозь дверной проем виднелись фигуры слуг, они тоже были вооружены кто чем; в комнату слуги не рвались, предпочитая топтаться у противоположной стены коридора и потому никакой опасности для Семена не представляли. Пока что не представляли.

— О, наш бравый охотник на колдунов явился,— язвительно обрадовался Мар.— Давненько его что-то не было! Набрался для храбрости и явился... Семен, как мне с ним быть — может, прибить, ежели что? Или нам самим отсюда убраться? В более спокойное место.

— Поступай как хочешь. По обстоятельствам,— ответил Семен, с любопытством разглядывая Локира: пьяных графов Семен раньше никогда не видел. Зрелище обещало быть интересным и поучительным.

— Эй, чертов послушник, Ключ гони! И деньги,— просипел граф, глядя куда-то мимо чертова послушника и стараясь главным делом не уронить громоздкий арбалет себе на ногу.— Не боюсь я никаких колдунов! Я трезвомыс... слящий человек. Я вас... знаю я вас! М-м-монахи сволочные... Дар-р-рмоеды. А ты вообще нату... туральный жулик и вор!

— Поразительная осведомленность,— усмехнулся Семен и хотел было вставить деталь в шар. Но не успел: Локир все-таки нажал на рычажок спуска. Скорее всего нечаянно нажал, пытаясь удержать арбалет. Брякнула тетива и...

И Семен оказался за городом. Вместе с верстаком, на котором сидел; в одной из толстых ножек верстака торчала арбалетная стрела.

Вокруг была знакомая степь: теплый ветер колыхал высокую траву, в которой до половины утонули ножки стола; далеко-далеко, на фоне вечернего алого зарева, вырисовывался контур гребенки городской стены.

Быстро темнело; в вышине постепенно разгорались звезды, заполняя небо правильными рядами — словно их кто высаживал квадратно-гнездовым способом. Как картошку.

Гладкий кругляш луны, пока еще блеклый, наливался желтым лимонным светом: наступала ночь.

— Ну вот, не дал с графом побеседовать,— огорчился Семен, слезая с верстака,— а зря. Может, он что интересное рассказал бы! Впервые в жизни, поди, надрался... на живого человека похож стал, а не на арифмометр ходячий.

— Мое дело — тебя охранять, а не всякий пьяный бред слушать,— сердито возразил Мар.— Пусть этот ходячий арифмометр спасибо скажет, что промахнулся... что вообще живой остался. Кабы стрела в тебя шла, тогда прихлопнул бы его как таракана, и вся недолга! Ух, крутой я сегодня что-то до невозможности... достали меня уже эти местные алкаши. Никакого соображения нету! Ежели каждый граф после стакана выпитого начнет за арбалет хвататься и пулять с дурна ума в гостей с защитными медальонами, что тогда будет, а? Хотел бы я знать.

— Тогда поголовье графов наверняка уменьшится,— стараясь не улыбаться, предположил Семен.— Причем бесповоротно. Что наверняка повлечет за собой ослабление как феодальных, так и капиталистических формаций в разных Мирах... что, в свою очередь, приведет к дестабилизации экономики Империи... к кровавым гражданским войнам приведет. И к скорому закату самой Империи как таковой.

— Ни хрена себе! — Мар был по-настоящему потрясен открывшейся перед ним перспективой.— И это все из-за одного стакана вина? Тогда я за всеобщую трезвость! Хотя такого все равно никогда не будет. К сожалению.

— Эт-точно,— подтвердил Семен и только сейчас вспомнил о несобранном Ключе в руках.— Ах да! Ну что ж, закончим начатое.— С этими словами Семен вставил черный стержень в черный шар. Плотно. Окончательно. Насовсем.

И ничего не произошло: Ключ-шар как лежал у Семена на ладони мертвым грузом, так и продолжал лежать. Даже не нагрелся.

— Не понял! — Семен в сомнении покачал тяжелый шар, словно взвешивая его.— Не работает, что ли? Наверное, выдохся за сотни лет... Может, об землю им постучать? Об камень. Глядишь, и включится. Где тут камень? Ничего не видно, трава одна... Об верстак, что ли?

— Погоди хреновиной по деревяшке стукать,— рассудительно посоветовал медальон.— Ключ все же, не вобла сушеная...

Деталька, скорее всего, еще к месту не приросла. Когда прирастет, тогда, думаю, что-то и случится. А вот если не случится— тогда и постукать можно, почему бы и нет! Хуже не станет.

— Ладно, уговорил.— Семен положил шар на стол, отошел в сторону — так, на всякий случай,— сел в траву и приготовился ждать.

Прошла минута, другая... пять минут... но ничего не изменилось. Ровным счетом ничего.

— Вот тебе и Ключ,— Семен зевнул,— вот тебе и Исход. От таких Исходов запросто уснуть можно. Сидя. А почему, собственно, я сижу? Я ведь и лежа могу подождать.— Семен потер глаза и лег на спину, сложив руки под головой. Зевнул еще раз да так и замер с открытым ртом: ночное небо менялось. На глазах менялось...

В вышине тихо гасли неправильные звезды. Выключались как лампочки, как ненужное дежурное освещение; вместо упорядоченных небесных светильников все пространство над Семеном постепенно заполнилось миллионами настоящих звезд— близких и далеких, крупных и не очень; общий небесный свет был настолько ярок, что Семен невольно зажмурил глаза.

— Ба! — в восторге завопил Мар.— Чудеса, да и только... Семен, глянь-ка на луну! Ох ты... Да что же это такое происходит? Прямо-таки революционный переворот в природе в отдельно взятом Мире... А-а, вон оно что — наша круглая хренотень заработала! Семен, поздравляю: Исход, о котором так много говорил граф Локир, наконец-то свершился... А знаешь, ничего, красиво смотрится! Внушительно.

Семен прищурился и посмотрел на луну.

Теперь это была не луна. Теперь это была планета, причем планета живая — подернутая голубоватой дымкой атмосферы, с ясно различимыми океанами, материками и морями; если приглядеться, то были видны и крупные города на узкой затемненной части планеты: россыпь неярких мерцающих огоньков.

— Я понял, в чем был смысл Исхода,— сказал Мар внезапно севшим от волнения голосом.— Подумай, где можно было наверняка спрятать Хранилище с магическим золотом? Так спрятать, чтобы никто не нашел то Хранилище и не взломал его снаружи — никто из тех, кому захотелось бы править Мирами.

заполучив такую силу... Да там, где никого из Истинных Миров не бывает! И не может быть.

Мы, Семен, попали ненароком в Мир, находившийся по другую сторону Вселенского Диска! На той стороне, где Настройщик живет... Вот так. А сам Исход — это магический перенос хранилищного Мира на общую сторону Диска. Туда, где он раньше был. Где все Миры находятся.

Ё-моё! Перемещение целого Мира! За какие-то жалкие сто сорок золотых монет! Практически забесплатно... Это же кошмар! Грабеж и конкретное разорение!

— Сто пятьдесят,— флегматично поправил Мара Семен, продолжая лежать в траве и любоваться звездным небом.— Считать не умеешь.

— Сто сорок,— упрямо повторил медальон.— Десять ты Вуди на дорожку дал. Так что реальный положительный баланс— сто сорок монет... Эх, какие бабки можно было на Исходе сделать, какое состояние!!! Такое денежное шоу устроить, что половина Миров от зависти лопнула бы! А вторая запила бы по-черному.

— Обратная сторона Диска, скажешь еще.— Семен всматривался в планету, бывшую недавно безликой луной — там происходило что-то непонятное, что-то неуместное: на фоне материков и океанов возникло дрожащее серебристое мерцание. Словно облачко искр образовалось. Само по себе.— Думаю, что скорее всего этот Мир был когда-то перемещен в другое измерение.— Семен сел, потянулся.— Или сдвинут по оси времени... или замкнут сам на себя... или разбросан исчезающе малыми частями по всей Вселенной... Много вариантов!

— Фантазия у тебя богатая,— помолчав, удрученно сказал медальон.— Для нашего дела даже чересчур. Замкнутый сдвинутый Мир, исчезающе перемещенный, бр-р-р... От твоих рассуждений я и сам скоро замкнуто-сдвинутым стану. Ведь все же просто и понятно, как песня дворника,— имеется Диск, а у Диска есть одна и другая сторона... Так нет — обязательно надо туману напустить! Вот не нужно лишних наворотов делать, Семен, не нужно! Учись отсекать от непонятного заведомо дурацкое, тогда в итоге ты получишь верный ответ. Четкий и однозначный.

— Знаем,— кивнул Семен.— Бритва Оккама называется.

— Какая бритва? — не понял Мар.— Та, которой ты по утрам бреешься?

— Типа того,— усмехнулся Семен и встал.

— Опять шутишь,— горестно вздохнул медальон.— Такие деньжищи мимо уплыли, а ты шутишь! Хи-хи да ха-ха, никакой серьезности. Тут рыдать в полный голос надо и волосы по всему телу рвать, а ты...

— Шар исчез,— сказал Семен, подойдя к столу.— Даже следов не осталось. Ну, это можно было предвидеть...

— Да хрен с ним, с шаром,— завелся Мар.— Нет, не получится, Семен, из тебя бизнесмена! Не умеешь ты деньги делать, и все тут. И весь сказ!

— Так я же и не бизнесмен,— с трудом пряча улыбку, сказал Семен,— и никогда им не буду, вот еще!

— А кто же ты? — опешил Мар.— Кто?!

— Вор с прикрытием, забыл, что ли? — Семен от души расхохотался.

— А... э...— Медальон не нашелся, что ответить.— Действительно, чего это я? Однако ты меня сейчас уел так уел! М-да-а, забылся я, факт... Увлекся. Виноват, больше не буду. Снимаю все свои опрометчивые заявления как несостоятельные и вредящие нашему воровскому делу! Хотя бесплатное вытаскивание Миров с обратной стороны Диска в кодекс тоже не укладывается, учти. Украсть Мир — пожалуйста, а вот благотворительностью заниматься... Слушай! — вдруг радостно воскликнул Мар.— У меня гениальная идея появилась! И впрямь, давай при случае украдем какой-нибудь Мир и потребуем с его жителей бешеный выкуп! Вот где куш сорвем-то...

Семен не ответил: откуда-то издалека, со стороны города, донесся частый колокольный звон; Семен обернулся — над зубчатой стеной в небе расплывалось багровое зарево, отсвет неистового жаркого пламени.

— Пожар у них, что ли? — озаботился Семен.— Вон как горит... С ума, что ли, все посходили? Весь город подожгли, идиоты!

— Вот именно,— враз поскучневшим голосом сказал Мар.— именно, что с ума посходили... Наверное, решили, что конец света настал. Ох и много народа по всему здешнему Миру этой ночью с катушек сдвинется и погибнет! Это ты да я в

курсе, что на самом деле произошло. А прочие... Надеюсь, сынок Вуди в этой горячке не пострадает. Жаль будет, если его рецепт молодости вместе с ним пропадет! Я так надеялся, что ты тем рецептиком когда-нибудь попользуешься...

— Не будем заранее парня хоронить,— отмахнулся Семен.— Он-то ведь тоже в курсе насчет Исхода, сообразит, надеюсь, что к чему... Да и вряд ли Вуди еще до соседнего города добрался! Таратайка — это тебе не гоночный автомобиль. Меня другое интересует.— Семен ткнул пальцем в небо.— Видишь?

— Вижу,— прошептал Мар.

Серебристое облако за время их беседы сильно увеличилось в размере и рассыпалось на множество отдельных блестящих крупиц, хорошо различимых даже на фоне звездного неба.

— Прыгалки чужих,— бесцветным голосом сказал Мар.— Целая армада. Значит, тутошняя луна на самом деле — один из Миров чужих? Вот так так... Увидели новый Мир и сразу рванули посмотреть, что оно такое. Оперативные, сволочи...

— Теперь мне понятно, откуда появились легенда о лунных чертях, которых колдуны на землю сбрасывают.— Семен смотрел в небо как завороженный.— Это прыгалки на полном ходу в атмосферу врезались, вон оно что... И сгорали. А из этого следует, что хранилищный Мир как находился в реальности, так и находится. Только до этого он был невидим... Или я ошибаюсь? Может, все-таки другое пространство — время... а энэлошки сюда случайно попадали, через точку контакта с исходным измерением? Интересная проблема!

— Думаю, нам сваливать отсюда пора, а не рассуждать о всякой чепухе,— нервно произнес Мар.— Вон сколько прыгалок налетело, как ос на варенье... Сваливаем, Семен, сваливаем! Они же, чужие, если тебя найдут, все тебе припомнят — и окаменевшего альфу, и горелые прыгалки в Безопасном Мире, и драконье дерьмо посылкой... шкатулку из мавзолея тоже припомнят. А главное — из-за магического золота тебя запытают! Они же не знают, что золото давным-давно в Слимп превратилось.

— Ты прав.— Семен помрачнел.— Жаль, если чужие этот Мир испоганят...

— Каждому — свое,— философски заметил Мар.— Как на роду написано. Авось не испоганят, посмотрят и улетят... Куда двигаем-то?

— Куда хочешь.— Семен смотрел на небо: прыгалки были уже близко, настолько близко, что их можно было рассмотреть каждую в отдельности.— Стоп! Не куда хочешь, а в Мир, где есть хорошая мастерская по ремонту волшебных вещей.

— Зачем? — с подозрением спросил Мар.— Меня, что ли, ремонтировать? Так я в полном порядке! А если чего порой и ляпну не то, так это вовсе не поломка, а образ мышления такой. Своеобразный.

— Браслет ремонтировать будем,— с досадой ответил Семен.— Тебя-то зачем трогать! Такие, как ты, не ремонтируются и не лечатся. Вообще.

— Ага,— успокоился Мар,— тогда нам в Мастерской Мир надо. Уж там спецы так спецы! Все починят, было бы чем заплатить. Я тебя прямиком в гостиницу доставлю, есть у меня ее прямой адресок, а там видно будет! Ну, поехали.— И преображенный Исходом безымянный Мир тут же исчез, сменившись новым Миром, Мастерским.

Вернее, гостиницей, находящейся в Мастерском Мире.

Судя по всему, гостиница была не из последних: помпезные хрустальные люстры под высоким потолком, декоративный пенный фонтан посреди необъятного холла, стены, украшенные искристой цветной мозаикой, белый мраморный пол... Как минимум пятизвездочный отель.

Проходя мимо фонтана, Семен почувствовал запах хорошего вина — в фонтане явно была не вода. И Семен решил накинуть отелю еще пяток звездочек. А еще он решил не кутить и взять номер попроще. Подешевле. Ежели у них тут в фонтане дармовое шампанское льется, то и цены на проживание наверняка соответствующие... Немаленькие.

Дежурный портье за стойкой регистрации был сама любезность.

— Добро пожаловать в «Эдем», уважаемый святой отец! Какой номер желаете — согласно сану или по вашим возможностям? — Семен только сейчас сообразил, что не успел изменить одежду, так и заявился в гостиницу в сутане, подпоясанный веревкой и в деревянных сандалиях на босу ногу.

— Согласно сану и имеющимся широким возможностям,— надменно сказал Семен. Припомнив гостиницу в Размытом Мире, обошедшуюся ему в шесть золотых, добавил: — Любой приличный номер... только не баронский! Насчет ужина я после распоряжусь.

— Скажи, чтобы линия связи в номере была,— торопливо подал голос Мар.— Надо в новостных линиях полазить, давненько я там не был. Глядишь, что интересное откопаю!

— Да, и пусть в номере обязательно линия связи будет,— требовательно указал Семен.— Мне для работы надо.

— Обязательно, ваше святейшество! — без тени иронии согласился портье.— Для нас большая честь ваш визит. Именно такой номер у нас как раз сейчас свободен. Прошу! — Портье с поклоном протянул Семену жетон доступа в номер.

— Точно — не баронский? — в сомнении глядя на прямоугольник, переспросил Семен: с лицевой стороны серебряной пластинки была вычеканена корона.

— Разумеется,— вежливо ответил портье.

Семен взял протянутый ему жетон. В тот же миг он оказался в предложенном ему номере — гостиничная транспортная магия работала безукоризненно. И даже чаевых не требовала.

Портье не соврал: номер был не баронский. Номер был по меньшей мере королевский. Или императорский.

Главная комната размерами была ничуть не меньше холла и обставлена с вызывающей роскошью — позолоченная мебель в стиле рококо, дизайн от Людовика XV; повсюду — по стенам и потолку — зеркала и алый шелк; паркетный дубовый пол сиял тщательной полировкой.

— За кого он меня принял-то? — в раздумье пробормотал Семен, озираясь по сторонам.— За Папу Римского, что ли? Вседискового.

— Вот поменьше надо было гонору,— расстроенно заметил Мар.— Ох и в копеечку нам этот номер влетит... Монет в пятьдесят, как пить дать! Опять неучтенные расходы, о-хо-хо... Ну, ладно. Главное, что линия связи здесь где-то должна быть. Давай поищем, раз такое дело! Раз ты жетон взял.

— А назад мой заказ никак нельзя переиграть? — спросил Семен, превратив монашеское одеяние в легкий спортивный костюм и приступая к осмотру своих временных владений.—

Сказать, например, что меня неправильно поняли... что я вовсе другое имел в виду. Объяснить, что я бедный безденежный святой... и вообще работаю послушником на полставки.

Мар ничего не ответил и Семен понял — нельзя. Потому что бедные безденежные послушники и носа не сунут в гостиницу с фонтаном из шампанского. А уж если ты подписался на королевский номер, так и плати соответственно. По истечении срока проживания.

В номере оказалось два отдельных туалета и две комнаты с ваннами-джакузи, похожими на бассейн-лягушатник (разумеется, вся сантехника была позолоченная, даже унитазы); также обнаружились сауна и бассейн, похожий на небольшое озеро, с газированной минеральной водой. Семен лишь тихо порадовался, что это оказалась вода, а не сладкое шампанское— с такими фонтанами с них стало бы! А ты потом отмывайся от липкого...

Еще были две спальни с кроватями, по размеру напоминающими посадочные площадки для летательных аппаратов малой авиации; Семен подумал, что путешествие по такой кровати может быть опасным: того и гляди среди подушек заблудишься... Возможно, где-нибудь в уголке, под матрацем, и поныне лежат останки некоего монарха, так и не добравшегося до края кровати. Не доползшего.

В столовый зал Семен заходить не стал, лишь заглянул туда с порога и, в сердцах обозвав его обжоротреком — по длинному столу можно было кататься на велосипеде,— пошел дальше, искать линию связи.

Линия связи оказалась в десятой по счету комнате.

Эта комната была обставлена без показной кричащей роскоши. Обычный деловой офис, небольшой, но с окном в полстены; в стороне от окна стоял самшитовый канцелярский стол с настольной лампой плюс кожаное кресло на колесиках. И все.

У Семена знакомо зарябило в глазах, словно у него перед носом завис рой черных мушек — линия связи была готова к работе.

— Отлично,— с воодушевлением сказал Мар.— То, что надо! Семен, ты пока давай красотами из окна полюбуйся, а я по сети прошвырнусь, новости всякие погляжу. О воре Симеоне,

о том, как идет его розыск... это святое, это обязательно! Опять же сплетни разные... Эх, люблю сплетни! Всегда что-нибудь свеженькое найдется, для нашего дела весьма познавательное. Хотя, как сказал один умный человек: во многих знаньях многое вранье!.. Но я-то сумею отличить настоящее золото от фальшивого. Например, по наличию пробы...

Семен, не слушая пустую болтовню Мара, подошел к окну.

За окном расстилался идиллический пейзаж: холмистое поле, покрытое сочной зеленой травой; на поле паслись упитанные коровы с разноцветными ленточками и серебряными колокольчиками на рогах; рядом с коровами белобрысый пастушок в живописных лохмотьях наигрывал что-то на жалейке— звука слышно не было; чуть дальше начинался дремучий лес. У границы леса сидела пара матерых волков и с умильным выражением на мордах внимала звукам дудочки. Похоже, волки плакали.

А над всей этой лубочной безвкусицей висело румяное глазастое солнышко с дебильной улыбкой от уха до уха: уши у солнышка тоже были. Круглые, блинчиками.

— Бред какой-то,— возмутился Семен.— Так не бывает! — И с раздражением принялся шарить рукой по толстой раме окна в поисках ручки или шпингалета, чтобы открыть окно и убедиться... все равно в чем, но убедиться.

От прикосновения к раме движение за окном замерло, застыло, словно нажали кнопку «стоп-кадр».

Это было не окно. Это был экран плоского монитора.

Очень хорошего монитора. Великолепного. Такого, какого Семен никогда в жизни не видел: спутать на таком экране картинку-заставку с реальностью было весьма несложно. Тем более что объемное изображение оставалось естественным и прекрасно различимым — с сохранением перспективы,— даже если уткнуться в экран носом. Что Семен ради интереса и проделал.

— Компьютер, что ли? — удивился Семен.— А как им управлять? Ни клавиатуры, ни мышки...— Семен ткнул пальцем в ближайшую буренку.

Мгновенно пейзаж с коровами исчез, сменившись ровным серым фоном и большим синим окошком с размашистой желтой надписью в центре: «Меню».

— Так-так,— возбужденно сказал Семен, азартно потирая ладони.— Я хоть и не компьютерщик, но кое в чем разбираюсь. Сейчас ка-а-ак прочешем меню, да ка-а-ак найдем что-нибудь занятное... «Кваку» или «Халфлайфину»... Или дедулю «Дума» на худой случай. Эх, при таком-то изображении да не поиграть от души... Грешно это! — И Семен решительно ткнул пальцем в строчку «Меню».

Синее окошко исчезло, сменившись множеством более мелких окон зеленого цвета: окошек было так много, что они занимали весь экран монитора.

— Так не пойдет! — возмутился Семен, отступая от экрана на несколько шагов для того, чтобы разом увидеть все эти окошки.— Я вам что, со стремянкой должен по всему экрану лазить? Это вы, братцы мастера, что-то не додумали.— Семен потер лоб, соображая.— Или я сам чего-то не додумал? Второе, пожалуй, вернее. Ну-ка.— Семен подошел к экрану, приложил к нему ладонь и повел ею вниз — все окошки послушно заскользили следом: нижние сразу пропали, зато сверху появились новые зеленые прямоугольники.

— Элементарно же,— хмыкнул Семен.— Ладонь вместо мышки, хватай и тяни... Обычная логика, никакого колдовства! Даже обидно, до чего просто... И что у нас тут есть? Где игры? — деловито поинтересовался Семен у экрана. Не дождавшись никакой ответной реакции, Семен разочарованно пожал плечами: — Да, техника здесь, конечно, крутая и продвинутая... А на голос не реагирует! Не то что старина Мар. Однако недоработка...— Развивать дальше эту мысль Семен не стал, а принялся увлеченно читать тексты в окошках, надеясь найти ссылку на игры. Читать все подряд.

Каждый зеленый прямоугольник был тематическим каталогом с путеводными ссылками: здесь имелись окна, предлагающие посмотреть свежие новости или посетить бесплатные библиотеки; окна, обещающие любые развлечения; окна, интригующие возможностью познакомиться со скандальными слухами; имелись окна предсказаний и туманные ссылки на магазины особых магических услуг; окна купли-продажи... и еще много чего другого было — Семен, позабыв об играх, пропускал мимо все то, что в данный момент его не интересовало.

А интересно вдруг стало Семену найти что-нибудь экзотическое — такое, что присуще лишь данному Миру. Необычное захотелось найти! Особое.

Особое нашлось скоро, в окошке «Колониальные товары».

— Продажа и гарантийный ремонт машинок времени,— прочитал вслух Семен одну из ссылок и, убрав ладонь с экрана, призадумался.— Это как? Это... А почему именно машинок, а не машин? Ну-ка,— он ткнул пальцем в ссылку.

Ссылка развернулась во весь экран, мигнула и сменилась изображением глубокой затемненной витрины. На уступах высокой стеклянной горки лежали машинки времени — самые разнообразные. Лежали и тикали.

По низу экрана побежала строчка: «Самые лучшие машинки для учета времени, сделанные в отдаленных диких Мирах! Наши агенты с риском для жизни доставили эти редкости специально для Вас, дорогой покупатель! Зайдите, посмотрите, купите! И Вы не пожалеете о том, что...»— Семен, не вчитываясь в рекламу, с удивлением глядел на ближайшую машинку времени. Которая была доставлена из дикого отдаленного Мира. С риском для жизни.

У Семена когда-то была почти точно такая же: Семену очень нравились его старенькие, но безотказные командирские часы, с красной звездочкой на черном циферблате и надежным механическим будильником, но в Истинные Миры Семен попал без часов, прямым ходом с дружеской пьянки, куда он их специально не взял. Чтобы не потерять ненароком.

Эти часы отличались от бывших у Семена лишь тем, что вместо звездочки на циферблате был нарисован маленький зеленый дракончик.

— Куплю,— решил Семен.— На память о своем диком Мире. Ну-ка, где тут адресок? — Он пошарил взглядом по экрану, но ничего похожего на адресный указатель не нашел, только бегущую рекламную строку.— Сейчас разберемся,— пообещал Семен экрану. Но разобраться так и не успел.

— Семен,— сдавленным голосом сказал Мар,— для тебя в линии закрытое письмо. Личное. От Дубля номер Двадцать Пять. Будешь получать?

— От кого? — опешил Семен.

— От Кардинала,— уточнил Мар.

ГЛАВА 8
Слова, Лишившие Имперских Мастеров Памяти

— Письмо, говоришь? — Семен сел в кресло перед столом, покосился на экран: все машинки времени показывали одно и то же время — без четверти двенадцать. Скорее всего, ночи.

— Уже полночь, а я еще даже не обедал,— пожаловался Семен медальону.— Сообрази-ка что-нибудь дежурное пожевать, обойдусь я и без заказа ужина в номер... Представляю, во сколько такой харч мне обойдется! Давай, организовывай стол и рассказывай: где и как. Где нашел то письмо и как нам его получить.

— Вот это правильно,— одобрил Мар решение Семена.— Толковая экономика должна быть конкретно экономной... Пирожки с мясом, говяжий бульон и салат из капусты устроит?

— Где-то я уже такое выражение слышал,— задумчиво протянул Семен.— Не насчет пирожков, а насчет экономики. В детстве, по-моему... А что-нибудь более существенное есть? В смысле пожевать.

— Конечно, есть,— заверил медальон.— И расстегаи, и пулярка с эстрагоном, и щука с виноградом... Много чего есть! У меня же многовариантное пищевое заклинание имеется, которое я взял из кардинальского медальона. Из того, что ты в Мире с лабиринтом нашел... правда, упаковки одноразовые, поэтому пива с ухой не будет: пропала уха! Это когда ты раков в Безопасном Мире варил и котелок без ухи потребовал, а после все пиво выпил... Так что, не надо пирожков? Зря, зря — на ночь плотно наедаться вредно... Итак, чего кушать будем? — Мар заговорил с интонациями услужливого официанта.— Из перечисленного выше или, может, что другое изволите-с? Могу огласить весь список. Устрицы, кстати, есть, свежие! Рекомендую-с.

— Ладно, давай для начала полезные пирожки с бульоном,— решил Семен.— А там видно будет. Глядишь, и устрицы с щучьим виноградом сгодятся... Я их, между прочим, никогда не пробовал! Ага, вот и пирожки... Ну, рассказывай о письме.— Семен взял с появившегося на столе блюда пирожок, пододвинул к себе кружку с горячим бульоном, накрытую чистой салфеткой, и приготовился слушать.

— Я по линиям пробежался, туда-сюда заглянул. В основном по новостным каналам... Весь Диск гудит по поводу возникшего из ниоткуда нового Мира почти в центре Империи! Прыгалки прыгалками, но и имперская служба разведки тоже не дремала: там немедленно среагировали на глобальные магические возмущения... понятия не имею, что это за возмущения такие! И, значит, оказались имперские службисты на возмутительном месте одновременно вместе с прыгалками. Что создало беспрецедентный юридический казус: кому теперь принадлежит Новый Мир — его так уже окрестили — чужим или Империи? Короче, идет большое разбирательство, которое вполне может закончиться настоящей войной! Такие вот, Семен, дела... Оно, конечно, вряд ли до боевых действий дойдет: полаются, полаются, да и придут к общему взаимовыгодному решению. Кто-то наверняка на этом деле большие бабки нагреет! Жаль, что не мы...

Потом я заглянул на всеобщую почтовую линию, просто так заглянул, на всякий случай. И обнаружил там приоритетное сообщение, адресованное Искуснику Симеону... Приоритетное — это которое все остальные послания к вору Симеону перебивает, самым первым выскакивает! Вот оно и оказалось подписано Дублем Двадцать Пятым. В сообщении сказано, что получить приложенное к нему письмо можно, лишь предъявив особый документ, имеющийся у Симеона. Он, мол, сам знает какой.

— А что, там еще какие-то послания для меня есть? — очень удивился Семен, даже пирожок есть перестал.

— Навалом,— подтвердил Мар.— Они открытые, без вложений, так что я их все пролистнул, чтобы в курсе быть. А, дребедень всякая! Одни предлагают совместно какой-нибудь банк ограбить, другие просят соседа-богатея бомбануть, причем указывают его точный домашний адрес и подробную опись драгоценностей заодно прилагают. Доброхоты, блин... Мелочь, короче говоря.

Да, еще много писем от девиц с предложением перепихнуться где угодно и как угодно... серьезные предложения от вдовушек... заказ от центрального банка спермы — они коллекционируют семя уникальных и вседисково известных личностей... десять предупреждений о готовящихся на Симеона

покушениях... три покаянных письмеца от самого вора Симеона... и прочая пурга. Психов во всех Мирах хватает, и у многих из них имеется возможность прямого доступа в линии: как только тараканы в голове зашебуршатся, так сразу начинают строчить послания кому попало! И куда только врачи смотрят?

— Понятно.— Семен отхлебнул из кружки.— Ты давай объясняй, как кардинальское письмо получить. Кардинал — это вам не сезонное обострение чокнутости! С ним по-серьезному надо...

— Проще простого.— Мар рассмеялся.— Для меня — проще простого! А если через шар новостей действовать или при помощи вон того настенного экрана — тогда долго. Слишком много чего лишнего делать придется! Всякие доказательства твоей личности, дурацкие уточнения, проверки-перепроверки... Обойдемся без бюрократических проволочек: приложи ко мне жетон Дубля для подтверждения — и письмо тут же окажется у тебя.

— Запросто! — Семен, дожевывая очередной пирожок, выудил из кошеля золотую пластинку с огненной подписью Кардинала и приложил прямоугольник к медальону.

Через пару секунд возле блюда с пирожками материализовался плотный серый конверт — без адреса и без подписи.

— Ну-ка, ну-ка.— Семен бросил пластинку в кошель, вытер пальцы салфеткой.— Конверт без магии... ничем зловредным вроде бы не отсвечивает. Посмотрим, что нам гражданин Кардинал пишет! — Осторожно надорвав конверт, он вынул из него сложенный пополам лист; нарочно держа письмо так, чтобы Мар не мог взглянуть на текст, и, делая вид, что читает, Семен с чувством произнес: — Дорогой Симеон! Спешу уведомить вас, что данной мне властью я отрекаюсь от звания Кардинала и передаю бразды тайного правления Империей вам, величайшему и непревзойденному. Я же, преисполненный раскаяния и сожаления о содеянных мной многочисленных преступлениях, удаляюсь в добровольное изгнание, предварительно сменив имя, документы, внешность, возраст и пол, дабы никто не смог меня опознать...

— Врешь! — восхищенно ахнул Мар.— Не может быть!

— Вру,— выдержав необходимую паузу, согласился Семен.— Пол он менять не будет. А все остальное — правда. Наверное.

— Покажи письмо! — потребовал Мар.— Нечего меня дурить, все одно ведь не поверю, пока сам не увижу.

— Смотри,— разрешил Семен.— И я заодно почитаю...

Письмо было короткое и деловое, по виду как будто отпечатанное на струйном принтере:

«Симеон! Крайне необходима конфиденциальная встреча — личную безопасность гарантирую. В случае согласия порви (или надорви) этот лист, тогда внедренное в письмо особое транспортное заклинание будет активировано. Время встречи — любое, на твое усмотрение».

Ни даты, ни подписи.

— Чего ему от нас надо? — раздраженно спросил Мар.— В прошлый раз он тебя бил-бил, не прибил, сам по шапке схлопотал... так теперь что, наверстать решил, да? Матч-реванш устроить надумал? На своем поле.

— Сомневаюсь.— Семен сложил письмо в несколько раз, сунул его в кошель.— По-моему, у Кардинала произошло что-то непредвиденное! Сдается мне, что он в панике. В полном ужасе.

— Кардинал — в панике? — недоверчиво переспросил Мар.— Не может такого быть! Скорее все звезды погаснут и вода во всех кранах закончится, чем Кардинал чего-то испугается. Ха! Скажи, что ты пошутил.

— Ага, пошутил.— Семен допил бульон, отставил кружку в сторону.— И Кардинал пошутил. Смешное такое письмо прислал, развлекательное. Ладно, я подумаю о встрече. Потом.— Семен потянулся, зевнул.— Есть больше не хочу... да и спать, в общем-то, тоже не очень хочется. Искупаться, что ли? Сауна, бассейн... Заманчиво, елки-палки! Слушай, Мар, я вот о чем тебя хотел спросить.— Семен встал и подошел к экрану.— Как бы мне адрес этого магазинчика вычислить? Во-он ту машинку времени прикупить хочу, которая с дракончиком на циферблате.

— Тычешь в изображение раздвижной указкой-управлялкой, и все,— равнодушно ответил Мар.— Тебе покажут и цену, и адрес. Могут и на дом машинку доставить, есть такой сервис.

— Управлялкой? — Семен уставился на экран.— Какой такой управлялкой? Не вижу.

— Той, что справа должна быть, за экранной облицовкой,— пояснил Мар,— там паз специальный... Стоп! — вдруг оборвал сам себя медальон.— А как это ты, умелый наш, ухитрился попасть в магазин без той указки? Эта штуковина без управлялки не работает! По определению.

— Как, как,— Семен ткнул пальцем в экран.— Вот так!

Драконьи часы заняли пол-экрана; снизу высветилась номинальная цена в сто золотых и адрес, который Семену ровным счетом ничего не говорил.

— Колоссально,— прошептал Мар.— Невероятно! Такого попросту не может быть!

— Нет, ну почему же.— Семен склонил голову набок, разглядывая машинку времени.— Модель несколько устаревшая, но качественная: у меня такая же когда-то была. Сто золотых, конечно, за часы дороговато, но если поторговаться...

— Я о другом! — воскликнул Мар.— Что мне те машинки! Мне их и цеплять не на что — ни ручек, ни ножек... Ты хоть сам понимаешь, что произошло?

— Не-а.— Семен поднес медальон к глазам и с интересом посмотрел на него.— Ты о чем?

— Он не понимает,— возмутился Мар.— Он, видите ли, без специальной указки, вручную, управляет технической магией и не понимает, что делает!

— А разве нельзя пальцем... Вручную — нельзя? — удивился Семен.— У нас, на Земле то есть, придуманы такие компьютеры, которые управляются с экрана монитора именно пальцем! Я-то сам с такими не сталкивался, но видел по телевизору. Вот и подумал, что здесь такой же комп стоит. Навороченный.

— Мы что, на твоей Земле находимся? — ехидно спросил Мар.— Эх, Семен, Семен... Ты мимоходом проявил еще одну замечательную способность — умение влиять и на техническую магию тоже. И не заметил этого! Нет, ну почему люди порой бывают такими бестолковыми?

— Ничего магического я здесь не углядел,— огрызнулся Семен,— потому и в мыслях не было, что я делаю что-то необычное! Получается, и ладно.

— Ценное качество,— не слушая Семена, принялся рассуждать вслух медальон.— Архиценное! Стало быть, мы теперь не только обычную магию ломать-курочить сможем, но и техническую. А из этого следует, что...

— Что я пойду купаться и спать,— отрезал Семен.— Хватит с меня на сегодня магии! И обычной, и технической. Вот выключу экран в целях конкретной экономии — и в баньку. А после в кроватку. Пока до подушки доползу, утомлюсь и сразу усну.

— Фигушки,— неожиданно развеселился Мар,— не выключишь! Эти экраны никто выключить не сможет! Даже ты. Уж я-то знаю, поверь! Бывал я раньше в этом Мире: один из моих прежних хозяев у здешнего мастера нужное воровское снаряжение заказывал. Аккурат через такой экран договаривался о встрече.

— Я — и не выключу? — оскорбился Семен.— Я?!

— Иди-ка ты лучше в баню. Как решил,— с усмешкой в голосе посоветовал медальон.— Тут «на ура» не проскочишь... Чтобы отключить техническое колдовство — не воздействовать на него, а именно отключить,— одного твоего таланта мало! Нужно еще и технические заклинания знать. Нет, ничего у тебя не выйдет, и не пытайся. Иди, иди в баню! И меня заодно хорошенько помой, а то грязный как нищенский медяк...

— Ты меня достал.— Семен с ненавистью уставился на экран, где в это время ни с того ни с сего вновь появилась дурацкая заставка с лопоухим солнцем.— И картинка достала! Я не я буду, если своего не добьюсь!

— Не получится,— авторитетно сказал Мар.— Хоть головой об эту стекляшку бейся. Не выйдет!

— Выйдет,— мрачно пообещал Семен.— Еще как выйдет! Так выйдет, что мало не покажется... Говоришь, особые заклинания нужны? Сейчас организую.— Он шагнул к экрану и поднес к нему руку.

— Эй-эй,— забеспокоился Мар,— ты хоть поясни, чего делать собрался! Должен ведь я знать, что к чему. А то опять какого жуткого кадавра наколдуешь, технического... Этот может оказаться покруче молниевого, из Безопасного Мира!

— Ничего особенного я делать не буду.— Семен, сосредоточенно прикусив губу, принялся что-то рисовать на экране,

сильно надавливая на стекло пальцем.— Просто напишу одно заклятие... радикальное заклятие. Техническое... Я его у приятеля-компьютерщика подглядел, когда он свой комп переналаживал. Сказал, что оно надежнее гильотины действует — ни одна машина перед этой командой не устоит! В смысле, компьютер.

— Ты думаешь, сработает? — усомнился Мар, глядя на экран.

Следом за пальцем Семена по стеклу тянулась хорошо видимая темная полоска, превращаясь в незнакомые медальону буквы. А буквы постепенно складывались в таинственную фразу: «FORMAT C:». В неведомое техническое заклинание.

— Думаю, что да.— Семен поставил две заключительные жирные точки и отступил на шаг, любуясь черной угловатой надписью.— Дело-то не во внешней форме команды-заклятия, а в ее содержании... Это ж техническая магия! И она, скорее всего, как любая волшебная техника, отреагирует на внутренний, тайный смысл команды... и по барабану ей, на каком именно языке написано то заклинание! Хоть на древнекитайском.

— И какой же тайный смысл у твоего заклятия? — старательно обдумав сказанное Семеном, но так ничего и не поняв, заинтересованно спросил Мар.

— Понятия не имею.— Семен пожал плечами.— Не беспокойся — если оно сработает, мы увидим... О, готово!

Экран моргнул раз, другой и стал угольно черным. Мертвым.

— Вот видишь.— Семен довольно отряхнул ладони, словно сам себе поаплодировал.— А ты говорил: «Не выключишь, не получится»... Получилось! Выключил, причем без шума, пыли и разрушительных последствий. Это тебе не кадавр самодельный, это — наука! Программирование называется.— Семен с гордым видом направился к выходу.

— Действительно,— нехотя согласился Мар,— никаких видимых разрушений нет... Как-то даже на тебя не похоже. Хм, а какие еще технические заклинания ты знаешь, а?

— Разные,— небрежно ответил Семен, открывая дверь.— «Гейм овер», например. Или «Мастдай». Но это все семечки по сравнению с радикальным техническим заклятием! В великой силе которого ты только что убедился.

Семен вышел, сильно хлопнув дверью.

И, разумеется, не видел, как мертвый экран осыпался со стены черной невесомой пылью.

...Утром Семен проснулся поздно. Он привел себя в порядок, в очередной раз воспользовавшись золотой сантехникой и окончательно убедившись, что ничем принципиальным она от обычной не отличается; умылся-побрился, скушал предоставленный медальоном комплексный завтрак и собрался идти на поиски мастерской по ремонту волшебных браслетов. А заодно часики прикупить.

Так как адрес магазина, торгующего машинками времени, Семен из-за дурацкого спора с Маром не записал, то пришлось сходить в комнату линии связи.

Исчезновение экрана Семена озадачило, но не более того.

— Плановая профилактика, наверное,— решил он.— Свернули и убрали. Она хоть и техническая, но все же магия! У портье нужные адреса узнаю.— И отправился в главный зал своего королевского номера, расплачиваться.

По заведенному общедисковому гостиничному правилу Семен сначала громогласно заявил, что отбывает, и потребовал расчет, после чего принялся выкладывать на стол золотые монеты. Лишь положив десятую, Семен сообразил, что ничего не происходит: монеты как лежали на столе, так и продолжали лежать.

— У них что, и бухгалтерская магия на профилактике? Совсем обалдели.— Семен собрал деньги и пошел в холл гостиницы расплачиваться на месте.

Чтобы не вызвать ненужных вопросов, Семен вновь придал себе вид монаха-послушника; щелканье деревянных сандалий далеко разносилось по гулкому, странно безлюдному коридору гостиницы — королевский номер люкс, как оказалось, был расположен на первом этаже и потому общий коридор выходил прямо в холл. Так что далеко идти не пришлось.

В холле тоже было пусто.

Сегодня за стойкой находился незнакомый Семену портье, весьма отличавшийся от вчерашнего, лощеного: мордастый, плохо выбритый, широкоплечий, в казенном костюме, белой рубашке с черным галстуком и в шляпе. Портье, который более всего походил на работника спецслужбы, чем на сотрудника гостиницы.

Портье-службист, сопя носом, читал какие-то бумаги, сложенные перед ним двумя высокими стопками: брал листок из одной, пробегал по нему глазами и перекладывал в другую. Счета, наверное, сверял.

— Я по поводу проживания в...— начал было Семен, но службист, мельком глянув в его сторону, громко рыкнул в пространство:

— Эй, кто дурака через оцепление пропустил? Пошел вон, убогий,— и вернулся к своей нудной работе: Семен для него перестал существовать.

— Дико извиняюсь, гражданин начальник,— пробормотал Семен и трусцой припустил к выходу из гостиницы.

На улице было лето и жара. Судя по солнцу, близился полдень.

Метров за десять от входа в гостиницу была натянута запрещающая проход желтая лента, укрепленная на переносных столбиках-стойках; перед лентой, удачно повернувшись спиной к зданию, стояло несколько полиментов в темно-синей форме. За лентой толпился народ — то ли зеваки, то ли эвакуированные постояльцы гостиницы,— что-то шумно обсуждая между собой; полименты изредка покрикивали на присутствующих, призывая их к спокойствию; тех, кто не внял призывам и пытался, минуя ленту, прорваться к гостиничному подъезду, угощали ударом дубинки по голове и выпихивали назад, в толпу.

Семен, хмурясь и делая озабоченное лицо — вроде бы он здесь тоже по долгу службы, типа следователь от церкви,— двинул вдоль стены быстрым деловым шагом. Подальше от толпы и полиментов.

За углом, там, где запрещающая лента была привязана к последнему столбику, маялся от безделья молоденький полимент, наверняка курсант — народа здесь не было, сразу за лентой начинались парк. Ни поругаться, ни дубинкой кого огреть... Скука.

Увидев Семена, курсантик просветлел лицом и потянулся к дубинке.

— Во имя господа нашего! — проорал Семен, на ходу крестя юного полимента.— Я с донесением в Святую Инквизицию. Там такое, такое!.. Горы трупов! Число зверя в зеркалах! Са-

тана! Сатана! — Миновав побледневшего стражника, Семен нырнул под ленту и был таков.

Продравшись сквозь кусты, Семен вышел на заброшенную тропинку и побежал по ней не оглядываясь. Пробежав приличное расстояние и никого не встретив на своем пути, Семен постепенно перешел на шаг, потом остановился.

Погони не было, да и кто мог за ним гнаться-то — напуганный мальчишка в форме, что ли?

— Однако непонятная ситуация,— подвел итог всему случившемуся Мар.— Ревизия документов, оцепление... Постояльцы на улице. Ничего не понимаю... Может, учебная облава?

— С учебным мордобоем,— согласился Семен, превращая черную сутану в строгий деловой костюм-тройку, белую сорочку с черным галстуком, шляпу и узконосые туфли — все казенного темно-серого цвета. Как у мордоворота за стойкой.

— Больше смахивает на поиски бомбы.— Семен шагал по тропинке, надеясь, что она рано или поздно выведет его в центральную часть парка, откуда уже легче будет попасть в город.— Позвонил какой-нибудь кретин в гостиницу, сообщил, что там заложена бомба. Отсюда и отключенная гостиничная магия, и полименты, и эвакуация... Все как у всех. Как в любом Мире.

— А чего же тогда нас не эвакуировали? — удивился Мар.

— Не нашли.— Семен махнул рукой.— Номер большой, а я маленький. Среди подушек затерялся.

— Это у тебя удачно получилось,— одобрил услышанное Мар.— Полсотни золотых однозначно сэкономили. Вот и нежданная прибыль получилась! Хорошо день начался, душевно.

— Будем надеяться, что он весь удачным окажется,— с надеждой сказал Семен.— Люблю такие дни!

...На просторной площади со скульптурным фонтаном посередине шел многолюдный митинг; площадь располагалась на центральной парковой аллее и, скорее всего, предназначалась для спокойного народного гулянья, а не для политических собраний. Впрочем, при желании митинг тоже можно смело назвать народным гуляньем, только не очень спокойным. Не очень.

Семен, вынырнув из кустов, поначалу замер в растерянности: вот уж чего он никак не мог ожидать, так это ненароком

увидеть в ином Мире столь знакомую по телевизионным репортажам картину: сотни людей с транспарантами, флажками и, само собой, оратор, стоявший на высоком постаменте выключенного фонтана, рядом с безымянной чугунной статуей. Чуть ли не в обнимку.

Что там было написано на транспарантах, Семен прочитать не смог — они были видны ему с изнаночной стороны; все флажки были разных цветов и политической определенности не создавали.

Оратор взахлеб кричал в жестяной рупор что-то громкое и невнятное, а митингующие то и дело вразнобой аплодировали.

— Пойду послушаю,— решил Семен.— Авось ситуация прояснится...

— Будь осторожен,— предупредил Мар.— Толпа она и есть толпа! Особенно заведенная. Скажешь что-нибудь не то, вмиг завалят и ногами бить начнут... Я-то, конечно, вмешаюсь, но тогда мы ничего не узнаем. Помалкивай лучше, хорошо?

Семен кивнул, сдвинул шляпу на брови и с независимым видом направился к фонтану. К митингу.

Незаметно пристроясь за спинами задних митингующих, Семен стал внимательно слушать жестяные вопли горлопана-главаря. И постепенно до Семена начала доходить суть происходящего.

Этой ночью кто-то совершил гнусную диверсию, таинственным образом уничтожив память городского Разумника (как понял Семен из комментариев в толпе, Разумник был чем-то таким, что регулировало всю жизнедеятельность города). И теперь у Разумника мозги всмятку, а живые экраны видения повсеместно рассыпались в пыль... Весь город в панике: с раннего утра ничего и нигде не работает, даже парковые фонтаны! И в этом, без сомнений, виноваты чужие, которые наслали необратимую техническую порчу на Разумника... из отеля «Эдем» наслали. Которая порча им дорого обойдется! Те, кто должен разобраться с диверсией, разберутся!.. А наш гражданский долг — высказать городским властям свой гневный протест: долой чужих из нашего города! Из нашего Мира! Вон из Империи! Пусть убираются на свою историческую родину! Не потерпим более! И точка.

Семен потихоньку отодвинулся от спин митингующих, развернулся и пошел по аллее прочь: невдалеке был выход — зеленая арка, усыпанная цветами.

— Неужели это мое заклятие так сработало? — наконец убито пробормотал Семен.— Ничего себе...

— Да,— безмятежным голосом подтвердил Мар,— уж сработало так сработало! Как ты и обещал — мало никому не показалось. Пожалуй, даже перебор вышел... Хм, а кто этот Разумник, у которого нынче мозги всмятку? Мэр, что ли? Ну, это не страшно... встречал я безмозглых мэров — отсутствие соображения ничуть не мешало им руководить и брать взятки!

Семен только вздохнул в ответ.

У выхода из парка, возле живой арки из цветущих роз, дорогу Семену преградил некий бравый товарищ в таком же, как у Семена, костюме. При шляпе и галстуке.

— Как настроение трудовых масс? — конспиративным шепотом спросил товарищ-особист, кивнув в сторону фонтана.— Категория возмущения гранична пункту «ж» или?..

— Гранична,— угрюмо буркнул Семен.— Всем пунктам и буквам алфавита гранична,— и, отстранив от себя опешившего товарища, шагнул под зеленую арку.

Уже под аркой Семен оглянулся: бравый оперативник, сложив ладони ковшиком, что-то торопливо бубнил в них. Семен расслышал лишь: «...повторяю, ситуация сверхкритическая... да, да, по всем пунктам, от «а» до «я»!.. да, будем брать. Жду подкрепления...»

От фонтана донеслось нестройное: «Бей чужих, спасай Разумных!»; товарищ в сером, забыв о Семене, побежал к фонтану, придерживая слетающую с головы шляпу.

— Ходу, ходу отсюда,— заторопился Мар,— сейчас здесь весело будет. А у нас своих проблем хватает!

— Эт-точно,— угрюмо сказал Семен и, более не оборачиваясь, вышел из парка.

На близлежащих к парку улицах волнений не наблюдалось: жизнь шла своим чередом. Возможно, этому способствовало большое количество патрульных полиментов — люди в синем мелькали то там, то здесь; Семен шел, поначалу шарахаясь от стражей порядка, но вскоре убедился, что в своем сером ко-

стюме он нынче стал вроде невидимки: его в упор не замечали. Ни полименты, ни прохожие.

Семен перестал нервничать и пошел дальше уверенной походкой значительного человека: неторопливо, расправив плечи и сурово поглядывая на встречных. Словно всех их подозревал в чем-то нехорошем. Как минимум — в заговорах, диверсиях и тайных связях с чужими; встречные принялись еще старательнее не замечать Семена.

Улицы, сплошь вымощенные плиткой, с аккуратными деревцами вдоль чистых тротуаров, все равно оставляли впечатление какой-то неухоженности и безнадежной провинциальности. Возможно, виной тому были дома: двух- и трехэтажные здания «купеческой» постройки, с распахнутыми ставнями окон, они вызвали у Семена неприятное ощущение, что он опять вернулся в свой родной город. В один из его старинных, никогда не реконструировавшихся районов.

Вдалеке, за крышами малоэтажек, виднелись более солидные здания: высотные, с зеркальными окнами-стенами, очень похожие на нью-йоркские небоскребы. Видимо, там находилась деловая часть города.

Небоскребы сияли так, что при взгляде на них хотелось надеть темные очки. Или зажмуриться.

— Мар,— шепнул Семен,— ты в этом Мире был раньше, так что давай, выручай! Мне надо поскорее найти умельца, который смог бы отремонтировать браслет. А по этим улочкам можно бродить долго и безо всякого результата... Ты, помнится, говорил, что кто-то из твоих прежних хозяев обращался к некому мастеру по поводу изготовления спецоборудования. Можешь меня к тому умельцу доставить?

— Конечно,— отозвался Мар.— Хоть сейчас! Только жив ли он? Я-то у него лет двадцать тому назад был... Адресок в моем списке сохранился, так что можно попробовать. Но сначала зайди-ка в любой подъезд или подворотню, а уже оттуда и перенесемся куда надо. Не хочу на улице, у всех на виду... чертовы полименты! Они хоть морды от тебя и воротят при встрече, а на самом деле краем глаза наблюдают, причем внимательно. Это неспроста... И, кстати, два шпика в серых костюмах следом за тобой идут! Улицы за две за три к нам прицепились.

— Где они? — всполошившийся Семен хотел было оглянуться.

— Тихо! Не оборачивайся! — быстро предупредил его Мар.— Не давай им повода сообразить, что ты слежку заметил... Вот подходящая подворотня, заходи.

Семен с беспечным видом свернул в сторону, за угол дома, и... Вспышка темноты, и перед Семеном оказалась высокая дверь.

Дверь выглядела солидно — массивная, тяжелая, черная; на уровне глаз к двери была привинчена никелированная табличка с выгравированной надписью: «Ломбард. Норти Бук и сын».

Семен огляделся: фирма Норти Бука находилась в деловой части города. Не в небоскребе, а в кирпичном доме, узком и высоком, кое-как втиснувшемся между двумя зеркальными гигантами, с тыльной стороны зданий: дверь ломбарда выходила в просторный двор, залитый асфальтом. Видимо, двор по необходимости использовали как служебную автостоянку: он был расчерчен белыми линиями вдоль и поперек, с вписанными в ячейки номерами; сейчас двор был пуст.

Семен хотел было войти в ломбард, но Мар вовремя остановил его:

— Погоди, прикид сменить надо! Встречают-то по одежке, ты мне сам когда-то говорил. Если зайдешь в облике штатного сыскаря, кто ж тогда с тобой разговаривать станет?! В таких заведениях полиментов не жалуют... Ты не смотри, что здесь «Ломбард» написано! На самом деле там...

— Дрова лежат,— закончил Семен фразу и расхохотался.

— Какие такие дрова? — насторожился медальон.— Не понял.

— Я тебе потом объясню,— пообещал Семен, быстро изменяя свой «прикид».— Ты мне напомни, ладно?

— Непременно,— сказал Мар.— Наверняка похабщина какая-нибудь! Эт-хорошо. Это я люблю. Кстати, а кем ты нынче вырядился? Что-то знакомое, но я не соображу...

Семен критически оглядел себя — вроде все было нормально. Как и задумано.

— Я, Мар, нынче самим собой вырядился. Джинсы, спортивная майка и кроссовки. Я точно так же был одет, когда тебя нашел. Только в тот день на мне рубашка была... Майка,

она, знаешь, в данном случае уместнее будет: я такую на институтском субботнике у одного типа видел. Прикольно, правда?

— Правда,— согласился Мар.— Особенно надпись «Слава труду!» на груди. Это, я так понимаю, намек на то, что воровать— тоже работа?

— В точку,— с серьезным видом произнес Семен и вошел в ломбард.

Внутри ломбарда было прохладно, полуденная жара осталась за дверью, на улице. Впрочем, Семен от летнего пекла ничуть не страдал: маскировочный комбинезон прекрасно защищал своего владельца как от жары, так и от холода.

Вдоль стен ломбарда стояли застекленные стеллажи с различными предметами на полках — наверное, выставленные на продажу вещи, вовремя не выкупленные их владельцами; Семен не стал задерживаться возле полок, а направился прямиком к длинному столу, перегородившему дальнюю часть зала.

За столом, на фоне двери с надписью «Служебный вход», подперев голову руками, сидел оценщик — человек неопределенного возраста, который мог быть как самим Норти Буком, так и его постаревшим сыном. Сидел и смотрел на Семена пустым взглядом.

— Здравствуйте! — бодро сказал Семен, подойдя к столу.— Я к вам по делу.

— Ломбард закрыт,— не меняя позы, скучным голосом сообщил безвозрастный оценщик.— По техническим причинам.

— Кому закрыт, а кому и нет.— Семен поискал взглядом стул, но ничего подходящего не нашел, потому присел на стол.— Порекомендовали мне вас. Знакомый один посоветовал — он лет двадцать тому назад здесь кое-какое оборудование заказывал... Специальное.

— Мы не изготавливаем никакого оборудования,— тем же скучным голосом сказал оценщик.— И не изготавливали. Никогда. И ничего не ремонтируем.

— Так. Разговор становится унылым и беспредметным,— решил Мар.— Надо его оживить. Этот заторможенный — не Норти, хотя и похож... Семен, скажи юноше, что нам нужен его папашка. И пусть он передаст папику следующее: «Золотое ухо еще не отыграно!» Должно подействовать, уверен.

— Уважаемый! — Семен закинул ногу на ногу и, демонстративно разглядывая свою кроссовку, продолжил: — У меня дело к вашему отцу. Личное. Передайте ему, будьте так любезны, что золотое ухо еще не отыграно. И пусть он подойдет сюда немедленно! Не то я ваш клоповник сейчас вдребезги разнесу.— Семен повернулся к оценщику и, глядя в его невозмутимое лицо, широко улыбнулся.— И заодно передайте, что к нему пришел Искусник Симеон.

В рыбьем взгляде Бука-младшего что-то изменилось: то ли интерес появился, то ли уважение — Семен не разобрал. Но страха во взгляде не было.

— Минутку.— Приемщик легко поднялся, открыл дверь и скрылся за ней.

— Правильный подход,— заметил Мар,— верный. Оно, конечно, можно было и не представляться, но ничего... Главное, что подействовало. Насчет уха: помнишь, я тебе рассказывал, как мы уши и носы у идолов отпиливали? Одно ухо хозяин себе оставил, на память о Песчаном Мире. Но недолго оно у нас было: мой хозяин после заключения сделки на снаряжение сел в картишки с мастером Норти перекинуться, да слишком много на грудь принял... А-а, вот и сам Норти! Легок на помине.

Человек, который вышел к Семену, выглядел постарше приемщика, но в общем-то сходство было несомненным. Особенно в сравнении с сыном: приемщик вышел следом и встал у стены, сложив руки на груди.

Норти Бук был одет в пеструю рубаху-гавайку навыпуск, полотняные брюки и мягкие тапочки. По-домашнему одет. Просто.

— Приветствую вас! — дружелюбно сказал Бук-старший, протягивая Семену руку через стол.— Очень, очень неожиданный визит! — Рука у Норти была твердая, а пожатие крепким.— Извините моего оболтуса, молодой он еще, неразумный... Серьезного клиента от рядового посетителя не смог отличить, мальчишка! — преувеличенно гневно воскликнул Норти, грозя молодому оболтусу пальцем: Бук-младший слегка пожал плечами. Расстроенным он не выглядел.

— Прошу.— Норти указал на дверь служебного входа.— Давайте поднимемся в специальную комнату, там и поговорим.

— Давайте.— Семен перемахнул через стол и направился к двери.

— А ты, Рони, оставайся здесь,— распорядился Норти Бук, проходя мимо сына.— Кто бы ко мне ни пришел — меня нету. Все ясно?

Рони молча кивнул. И проводил Семена долгим-долгим взглядом. Оценивающим.

К сожалению, ни Семен, ни Мар этого взгляда не увидели.

ГЛАВА 9
Сделка в Ломбарде, Имевшая Много Последствий

За дверью оказалась лестница с широким сквозным пролетом: Семен на глазок оценил количество этажей: выходило не менее пяти. Что для рядового ломбарда было многовато.

Просторная комната на третьем этаже, куда Норти Бук привел Семена, мало походила на место деловых встреч, скорее ее можно было назвать мастерской по ремонту чего угодно: здесь было множество станков — маленьких, аккуратных, расположенных на длинном, как подиум для парада мод, столе. Большинство механизмов было Семену неизвестно, некоторые знакомы: сверлильный и точильный, например. В армии приходилось с такими работать.

Кроме стоявшего посреди комнаты стола-подиума, имелись и другие рабочие места, отгороженные ширмами друг от друга; окон в комнате не было, зато было множество ярких плафонов на потолке.

— Итак,— Норти прошел к столу, отодвинул от него пару табуретов,— присаживайтесь, Симеон, поговорим. Извините, что не в офисе на втором этаже, у меня там полный кавардак... уборку затеял, не ждал сегодня важных гостей. Вообще никого не ждал... Вы в курсе, что у нас случилось? В нашем городе.

— В курсе.— Семен не стал вдаваться в подробности, сел на табурет и привычно закинул ногу на ногу.

— Очень неудачно получилось,— вздохнул Норти, обводя печальным взглядом свою мастерскую.— Думаю, что, пока не найдут того гада, который Умнику мозги прополоскал, заказов у меня не будет: все лягут на дно, чтобы не привлекать к себе

внимания спецслужб. То есть на время перестанут воровать. М-да-а, есть свои недостатки и у техномагии... Убил бы мерзавца! Жаль, не знаю, кто это натворил.

— Кстати о техномагии.— Гад-мерзавец Семен поспешно сменил тему разговора.— Я человек простой, по старинке работаю... Ну, там чары слова и жеста, комплексная магия, наконец,— это все я понимаю. А что такое техномагия? Просветите неграмотного, будьте любезны.

— Техномагия,— Норти Бук назидательно поднял палец,— это, уважаемый Симеон, сплав высоких технологий и волшебства! Что само по себе дает великолепные результаты, порой недоступные ни технике, ни магии по отдельности. Скажем, прыгалки чужих, которые могут летать в междумирье, куда никаким иным способом не попадешь... Да, совсем забыл спросить у вас о Шарке, что золотое ухо у меня оставил,— как его здоровье?

— Проверка,— шепнул Мар.— Не Шарк, а Марк. Марк Красавчик из Речного Мира. Пятнадцать лет тому назад был отравлен Юзаром Неудачником, моим последним хозяином. Тем, которого в Хранилище застрелили.

— Должен сказать, что здоровье у Марка Красавчика нынче не очень,— Семен твердо посмотрел в глаза Норти Бука.— Его Юзар Неудачник отравил. Пятнадцать лет тому назад. Если вас и здоровье Юзара интересует, то он тоже мертв. Застрелили его... сравнительно недавно застрелили. А о вашей фирме и золотом ухе Марка я от Неудачника услышал. Выпивали вместе, то да се...

— Понятно,— ничуть не удивился Норти: видимо, смерть Марка Красавчика не была для него новостью.— Эх, годы, годы! Старею я. Вот и имена путать стал... Впрочем, вернемся к делу. Вы, помнится, что-то хотели отремонтировать? Давайте, показывайте.

— Да.— Семен достал из кошеля браслет, найденный в мавзолее, и протянул его Норти.

— Сюда, пожалуйста,— поспешно сказал Норти, указав рукой в сторону,— у меня для таких работ есть специально оборудованное место. Вещица, должно быть, с секретом? Магическая? Тем более туда.— Норти поднялся и прошел к одному

из огороженных ширмами столов; Семен, прихватив с собой табурет, последовал за Буком-старшим.

За этим столом, по всей видимости, выполняли тонкую работу: к стене, над столешницей, была прикреплена отдельная мощная лампа; инструменты — всякие щипчики-молоточки-отверточки, аккуратно разложенные в ряд,— могли принадлежать как мастеру-часовщику, так и ювелиру; еще на столе имелись большое увеличительное стекло на подвижной суставчатой ножке, с тяжелой подставкой, и выключенная газовая горелка.

— Ну-с, давайте посмотрим вашу штуковину.— Норти вытащил из-под стола круглый стульчик вроде тех, что ставят у пианино, сел за стол; Семен пристроился рядом на принесенном табурете.

Бук-старший взял у Семена браслет, внимательно осмотрел его под лампой и положил бронзовую вещицу на стол. После чего, опустив пониже увеличительное стекло, принялся неторопливо рассматривать через него звенья браслета одно за другим.

Семен тоже заглянул в стекло и оторопел: оно было непрозрачным. Вернее, непрозрачным для Семена с его особым видением: внутри лупы часто пульсировал ядовито-оранжевый свет, от вспышек которого у парня сразу заболели глаза. В данном случае колдовское зрение лишь мешало, но выключить его Семен не мог: проще было не смотреть в стекло. Что Семен и сделал.

— Защелка смята,— подвел итог увиденному Норти, отодвигая в сторону увеличительное стекло.— А в целом вполне работоспособная магическая вещица... Хм, вы не подскажете, для чего она служит?

— Видите ли,— смутился Семен,— как раз именно об этом я и хотел спросить у вас. М-м... дело в том, что браслет достался мне... э-э...

— В наследство от бабушки,— подсказал Норти, опять наводя увеличительное стекло на браслет.— Или от покойной жены... или найден на улице... и так далее. Я все прекрасно понимаю, Симеон, можете не продолжать. Собственно, я и занимаюсь скупкой и ремонтом вещей, найденных — хе-хе! — на улице... а также изготовлением специального инструмента

для поиска таких уличных сувениров... Занятный браслет.— Норти Бук повернулся к Семену.— Несомненно, древняя вещь. И ценная.

— Отремонтируете? — Семен выжидательно посмотрел на мастера Норти.— Как быстро? И сколько возьмете за ремонт?

— Отремонтирую,— согласился Бук-старший,— почему бы и нет. Сегодня и отремонтирую. Сейчас. Но должен предупредить, что конкретно с вас, Симеон, за такого рода починку я возьму в уплату не золото: денег у меня и так хватает!

— А что же тогда возьмете? — озадачился Семен.— Заклинания? Особые, редкие?

— Редкостные, но не заклинания,— поправил Семена мастер Норти.— С вас я возьму в уплату за ремонт какую-нибудь редкостную магическую вещь. Исправную. Если у вас есть, что мне предложить, тогда, думаю, мы договоримся.

— А почему с меня — и не золотом? — с подозрением спросил Семен.— Я вполне платежеспособен!

— Ничуть не сомневаюсь.— Норти подмигнул Семену.— Дело в том, что я коллекционирую редкости. Старинные редкости. Волшебные. А у вас наверняка найдется что-нибудь эдакое, чего у меня в коллекции нету. Какой-нибудь пустячок, безделица, но работоспособная. В наших кругах вы хорошо известны, Искусник Симеон! Не может быть, чтобы у взломщика такого уровня да не было бы с собой чего интересного... Ну так как, соглашаетесь?

— Надо подумать.— Семен вздохнул.— Волшебная, редкая, да еще и работающая безделица, хм...

— А ты пушку ему отдай,— подал голос Мар.— На фиг нам тот пистоль нужен! Еще убьешь из него кого-нибудь ненароком, а после тебя всю жизнь совесть мучить будет, ты же не убийца какой, не наемник. И без пистоля жили не тужили и дальше проживем... Браслет, поверь, важнее твоей громобойной волыны: сильная магия в нем! Я-то знаю, чувствую... Отдавай пистоль, и пусть этот хренов коллекционер поскорее берется за дело!

— Ладно,— неохотно сказал Семен.— Есть у меня одна пустяковина, которая вас несомненно заинтересует. Миротворец!

— Кто — миротворец? — опешил Норти Бук.

Семен не ответил: на коленях у него материализовался пистолет; Норти Бук, враз побледнев, отшатнулся, чуть не упав со своего круглого стульчика.

— Не пугайтесь.— Семен переломил ствол, вынул из него патрон и протянул оружие мастеру.— Вот моя цена. Если вас устроит.

Норти осторожно взял громоздкий пистолет, повертел его в руках, заглянул в дуло; собрал оружие и с задумчивым видом положил его на стол перед собой.

— А вот патрон я пока не отдам.— Семен достал из кошеля письмо Кардинала и, завернув тяжелый цилиндрик в послание, спрятал пакетик в кошель.— Но вручу его вам сразу после ремонта браслета! Пистолет не простой: во-первых, он принадлежал механическому стражнику в одном из тайных Хранилищ древних магов... Слышали о Новом Мире, возникшем из ниоткуда? Там оно и было, это Хранилище. Во-вторых, патрон — многоразовый... нет, не так — вечноразовый... э-э... ну, вы поняли. То есть можно стрелять сколько угодно, хоть до тех пор, пока пистолет в руках не расплавится. Не перезаряжая стрелять!

— Беру,— решил Норти, выдвигая из стола ящик и пряча в него пистолет.— Еще как беру! Это будет гвоздем моей коллекции. Ну-с, господин Симеон, а теперь — за дело! — С этими словами Норти Бук зажег газовую горелку и принялся сосредоточенно перебирать инструменты, полностью уйдя в это дело. Даже о Семене забыл.

— Так я, может, пойду прогуляюсь? — предложил Семен, вставая с табурета.— Что мне здесь сидеть... Когда за браслетом подойти?

— Часа через два, пожалуй,— рассеянно ответил мастер,— или через три... Ближе к вечеру.

— Договорились.— Семен направился было к двери, но потом передумал идти по лестнице. Да и то, чего ноги зря бить!

— Мар, запомни это место, потом прямиком сюда меня и доставишь,— негромко приказал Семен.— А сейчас давай-ка в центр! Хочется мне по городу погулять, вроде туриста. Заодно и магазин с часиками поищу.

— Дались тебе эти часы,— с насмешкой сказал медальон.— Что, ностальгия по своему Миру гложет?

— Не очень,— признался Семен.— Но малехо есть. Чуть-чуть. Поехали!

И они поехали.

Центральная часть города произвела на Семена неизгладимое впечатление. И не только зеркальными небоскребами, не только широкими проспектами и самодвижущимися дорожками-тротуарами. В центре города — там, где обычно располагается площадь с мэрией или каким другим зданием городского управления,— было море. Вернее, аккуратно вырезанный из морской стихии квадратный участок размером с приличный стадион; над неспокойной водной гладью реяли чайки, таская из волн рыбу.

Посреди морского квадрата находился островок, на котором стояла узкая черная пирамида; местная достопримечательность, конечно, недотягивала до известной Семену пирамиды Хеопса, но тоже внушала уважение.

Черный обелиск был обжит: на выступах виднелись гнезда чаек, а основание пирамиды и сам остров белели птичьим пометом.

Зачем и для чего посреди мегалополиса неведомые умельцы разместили столь удивительную конструкцию, было непонятно, но спрашивать у прохожих Семен не решился: кто его знает, как они отреагируют! Может быть, назначение этого обелиска для них настолько самоочевидно и ясно, что вопрос Семена по поводу пирамиды будет равнозначен вопросу: «А что это у вас такое в небе, круглое и яркое?» Выглядеть дураком и провинциалом Семену не хотелось.

Полюбовавшись на морской пейзаж, на горланящих чаек и убедившись, что пирамиду вместе с кусочком моря прикрывают магические стены — полупрозрачный куб высотой с небоскреб,— Семен пошел дальше. Искать магазин с часами.

В первом попавшемся магазинчике, торговавшем некими ладуридами — так было написано на вывеске,— Семену любезно пояснили, что магазин машинок времени находится рядом, и вообще все магазинчики для туристов располагаются здесь, на площади Разумника, и если уважаемый господин турист желает приобрести свежего, недавно отпочковавшегося ладурида, то они готовы немедленно предоставить его за на-

личный расчет. С правом первого ритуального укуса прямо здесь, на месте. Под присмотром специалиста.

Мар никак не прокомментировал поступившее предложение, и Семен, сославшись на то, что ладуридов, как и сепулек, у него дома целых два шкафа и восемь аквариумов, вышел из магазина; оглянувшись, Семен обнаружил, что весь персонал магазинчика прилип изнутри к витрине, провожая его долгими завистливыми взглядами.

Расправив плечи, владелец двух шкафов и восьми аквариумов гордо прошествовал мимо открытых дверей других магазинов и обнаружил наконец-то лавку по продаже машинок времени. Ту самую, рекламу которой недавно видел на экране. Вчера.

Толстый усатый-носатый продавец в белом просторном костюме и белой же кепке-аэродроме на лысой голове поначалу ни в какую не хотел сбрасывать цену на драконьи часы, ссылаясь на то, что при их добывании и доставке погибли пять агентов, съеденных дикими аборигенами дикого Мира. Где была произведена данная машинка времени.

Семен торговался долго и упорно: он даже несколько раз порывался уйти из лавки, но хозяин немедленно хватал его за руку и тут же сбрасывал по десять золотых с цены и по одному агенту из списка погибших; наконец количество съеденных агентов упало до одного — да и тот, как оказалось, в конце концов выздоровел,— а стоимость машинки времени снизилась до пятидесяти золотых. На чем Семен вместе с хозяином лавки и остановились.

Семен завел часы, полюбовался на скачущую секундную стрелку, послушал тиканье, проверил будильник и, довольный, застегнул на руке кожаный ремешок машинки времени.

— С обновкой тебя, дорогой! — воодушевленно сказал толстый продавец, сгребая золото с прилавка.— Не забудь покупку обмыть, чтобы работало хорошо. Вино, шашлык-машлык, эх, хорошо будет!

— Обязательно,— заверил продавца Семен.— А сколько сейчас времени по местному? — Он глянул сквозь стекло витрины.— Судя по тени от обелиска, часов пять вечера... Какие, однако, у вас знатные солнечные часы на площади отгрохали! Это что, специально для туристов сделали, да?

— Ох, дорогой,— расстроенным голосом сказал хозяин лавки, ссыпая монеты в ящик кассы,— зачем так нехорошо говоришь? Какой такой обелиск-шмобелиск? Не знаю такого. Это городской Разумник, что же еще!

— Да? — Семен еще раз глянул на пирамиду.— Я, уважаемый, никогда раньше Разумников не видел. А зачем он... вернее, что он такое?

— Э, совсем темный человек.— Продавец с огорчением поцокал языком.— Откуда прибыл такой? Посол из окраинного Мира, да? У меня послы обычно машинки покупают... Плохой ты посол, глупый — Разумника не знаешь!

— Я не посол,— Семен постучал себя в грудь кулаком. В надпись «Слава труду».— Руссо туристо я! Из настолько далекого Мира, что о нем здесь никто и слыхом не слыхивал. И вряд ли услышит.

— А-а,— продавец успокоился,— тогда понятно. Тебе, дорогой, невероятно повезло, что ты ко мне зашел. Я все знаю! И меня все знают. Хоть кого спроси: кто такой Гогидондорг Седьмой из Мандаринового Мира (Гоги Мандарин для друзей), что машинками времени торгует? Каждый ответит: уважаемый человек Гоги! Порядочный. Не жульничает, не ворует, не сквернословит, когда трезвый... Без меня ни одна компания не обходится! Я и тосты знаю,— воодушевился Гоги,— хорошие тосты, мудрые. Садись, дорогой, я сейчас тебе все про Разумника скажу.— Гоги Мандарин достал из-под прилавка запечатанную амфору, два глиняных стакана и тарелку с тонко нарезанным вяленым мясом.— Для друзей держу,— пояснил Гоги.— И для хороших людей.

— Мне в общем-то пора,— засомневался Семен,— дела у меня...

— Про Разумника знать хочешь? — Гоги раскупорил амфору, в комнате сразу запахло чем-то душистым.— Машинку обмыть надо? Садись, дорогой. Час туда-сюда — не время. А я тебе умное расскажу,— и разлил по стаканам.

...Разумник был живым кристаллом, придуманным учеными Мастерского Мира в незапамятные времена: так как жить и расти такой кристалл мог только в морской среде, то специально для этого в центре каждого крупного города было выделено место, где умельцы из департамента всеобщего управ-

ления и выкладывали морские фрагменты. То ли искусственно их создавали, то ли вырезали из какого настоящего моря — кто их знает! Поди, морей-океанов в Мирах много...

Пирамиды, названные Разумниками, координировали всю жизнь опекаемых ими городов начиная от канализационных систем и заканчивая погодой. Как понял Семен, эти кристаллы, наглухо защищенные магическими стенами от возможных террористических актов, были, по сути, магическими аналогами какого-нибудь земного суперпупермощного компьютера народнохозяйственного назначения. Один из этих аналогов он, Семен, мимоходом превратил в тихого идиота.

Так что теперь город через несколько дней захлебнется в своих нечистотах, также разладится транспортная связь, одновременно лопнут все банки и, возможно, случится внеплановая гроза — Гоги не скупился на катастрофические предположения. Впрочем, как сказал Гоги Мандарин, не все еще потеряно: или город вскоре подключат к аварийному Разумнику, или...

Говорят, что спецслужбы усиленно ищут колдуна-чернокнижника, который наложил ужасное проклятие на городской кристалл — настолько ужасное, что никто из местных маговумельцев ничего не может с тем проклятием поделать, какое-то больно древнее колдовство оказалось, из первобытных, из стихийных... И, как только обнаружат того колдуна, ему сразу отрубят голову, после чего Разумник вновь оживет (при этих словах Семен чуть вином не захлебнулся). Мол, приходил уже кое-кто в лавку, спрашивал, не видел ли он, Гоги, кого подозрительного на площади...

Семену выглядеть подозрительным не хотелось, потому он перестал расспрашивать Гоги Мандарина о Разумнике и переключился на ладуридов, очень ему интересно было узнать, что оно такое: однако Гоги наотрез отказался говорить на столь щекотливую тему, сославшись на то, что баловать себя укусами наркотического червя — дело сугубо личное и никакого отношения к нему, Гоги, не имеет. Он не ладурист, и точка! Он предпочитает хорошее вино.

...Через два часа Семен вышел из лавки, замороченный и несколько разомлевший: Гоги оказался утомительно словоохотливым, а вино — вкусным и некрепким. Сухим.

Солнце уже спряталось за небоскребами, в небе проступили первые звезды; в магазинчиках включили рекламное освещение, и теперь вся площадь была окружена разноцветными огнями.

Море штормило: волны беззвучно накатывались на магические стены и исчезали в них; куда-то подевались все чайки, лишь одна крупная птица все вычерчивала и вычерчивала круги над кристаллом Разумника.

— Типа гордый буревестник над могильным реет камнем,— вяло пошутил Семен, окинув напоследок сонным взглядом птицу и черную пирамиду в центре Площади Разумника.— Мар, давай к Норти Буку двигаться! Берем браслет и сваливаем куда-нибудь подальше. Пока спецслужбисты мне голову не отрубили в целях восстановления деятельности обелиска-шмобелиска.— Он зевнул.— Только ты не прямиком в мастерскую, а сначала в туалет... должен в ломбарде быть туалет, как ты думаешь? Сухое вино, оно как пиво — тоже на организм давит!

— Найду,— пообещал медальон.— Это не проблема.

Туалет располагался на втором этаже, рядом с дверью в офис Норти Бука,— Семен обнаружил это, выйдя из кабинки на лестничную площадку ломбарда.

Старательно отряхнув вымытые руки, Семен хотел было направиться к лестнице, чтобы подняться на третий этаж, но остановился, прислушиваясь: внизу, на первом этаже, разговаривали. Громко разговаривали, уверенно. Не таясь.

Акустика в подъезде была никудышней, потому многих слов Семен не разобрал; говорили двое — Бук-младший и кто-то с командирскими нотками в голосе. Речь шла о воре Симеоне.

Семен осторожно подошел к перилам, заглянул в лестничный пролет: в проеме двери служебного хода был виден Рони, со спины, и беседующий с ним через стол приемки некто в казенном костюме, лица которого Семен не разглядел, мешала низко надвинутая на лоб шляпа.

— ...есть подозрение, что именно он зачаровал Разумника. Дом под наблюдением, все выходы надежно блокированы и потому выбраться изнутри незаметно Симеон никак не сможет,— уверенно говорил некто в костюме и шляпе.— Даже если у него транспортные заклинания имеются. В вашем гадюшнике

они сейчас действуют только в одну сторону. В нужную нам... Так что мышеловка сработает, уж как пить дать! А теперь приступай к своей работе и, как только увидишь вора Симеона, дай знак. На кнопку нажми, не забудь! Забудешь — прибью. Лично.

— Я могу надеяться на то, что тот случай с подложным векселем... ну, вы помните, вы же сами меня допрашивали... что следствие по тому делу будет прекращено? — заискивающе спросил Бук-младший, подобострастно заглядывая под шляпу собеседнику.— В знак моей лояльности. В качестве награды за сообщение.

— Посмотрим,— многозначительно сказал гражданин в шляпе.— Может быть,— и, снисходительно потрепав Рони по щеке, удалился. Бук-младший тяжело вздохнул, сел на стул и, обхватив голову руками, замер. Словно окаменел.

— Заложил, скотина! — От ярости у Мара сел голос.— Стукач! С-сволочь поганая...— Дальше медальон начал выдавать такие матерные конструкции, что они привели бы в замешательство и бывалых портовых грузчиков; правда, Семен не понимал и половины из сказанного — Мар щедро использовал ругательства, позаимствованные им из других Миров, ругательства, которые ничего Семену не говорили.

Не обращая внимания на вопли Мара, Семен на цыпочках поднялся на третий этаж: надо было сначала забрать браслет, а уж после думать, как отсюда удирать.

В мастерской было спокойно: Норти-старший сидел в стороне от ювелирного стола, с интересом разглядывая пистолет и что-то немелодично насвистывая себе под нос; горелка была выключена, инструменты разложены по местам; отремонтированный браслет лежал там же, на столе, на бумажной салфетке.

Осторожно прикрыв за собой дверь, Семен быстрым шагом направился к столу.

— Норти, я очень тороплюсь,— вполголоса произнес Семен, прилаживая браслет рядом с часами,— ваш сын заложил меня полиментам. Дом окружен, транспортные заклинания блокированы. Вот такие, блин, дела.

Защелка встала на место и браслет надежно обхватил Семену руку.

— Что? — Норти Бук уставился на Семена непонимающим взглядом.— Рони?

— Да.— Семен вынул из кошеля патрон, завернутый в кардинальское письмо.— Возьмите.— Он развернул бумагу, протянул мастеру боеприпас.— Как договаривались.

— Рони... заложил? — Норти взял патрон, растерянно глядя на Семена.— Но почему?

— Проблемы с подложным векселем.— Семену было не до подробных объяснений.— Мар, проверь дом! Можем ли мы отсюда удрать с транспортным заклинанием? Очень уж пробиваться с боем не хочется...

— Именно этим я как раз и занимаюсь последние несколько минут,— прервав поток ругани, неожиданно спокойно ответил медальон.— Глухо, Семен, глухо... Нет, какие-то лазейки есть, блокированы лишь общедоступные транспортные коды... все полностью блокированы! Но пока я разберусь с теми лазейками, пока подберу нужное заклинание, нас могут и повязать. Так что постарайся продержаться подольше, авось справлюсь... Да, кстати, смотри не вздумай выходить на улицу! Там нас таким колпаком могут накрыть, что вообще никаких шансов не останется. А здесь им дом мешает. Понятно?

— Понятно.— Семен обернулся, услышав характерный щелчок: Норти Бук, вставив патрон в ствол, собрал оружие. И с очень мрачным выражением на лице двинулся к выходу из мастерской.

— Эй, эй! — всполошился Семен.— Вы куда? Вот не надо в Тараса Бульбу играть, пистолет-то настоящий! Убьете ведь дурака!

Норти Бук, глянув на Семена, оскалился в жесткой улыбке:

— С Рони я отдельно разберусь, по-отцовски. А пистолет... У меня в офисе гомункулус один в ванне лежит... заказной, вчера должны были забрать. Слишком много чего знает! Лишнего.— Норти скрылся за дверью.

— Ишь ты, они тут, оказывается, еще и хаммунскулов изготавливают,— удивился Мар.— До чего разносторонний человек этот Норти Бук! Гений. Ежели не упекут его пожизненно в Исправительный Мир, то можно будет в случае чего снова к нему обратиться. Скажем, если нам самим хаммунскул по-

требуется. Иногда, Семен, весьма полезно иметь двойника... или раба-смертника. Вот, помню, был случай...

— Выход ищи! — рявкнул Семен.— Не отвлекайся!

Мар не ответил, не успел: внизу, под полом, раздался частый грохот выстрелов и протяжный звериный рев. Чуть погодя с лестницы донеслись громкие крики и топот сапог; внизу что-то громко ухнуло и пол под ногами Семена вздрогнул.

— Тьфу ты,— Семен в сердцах сплюнул,— не успел ты, Мар!

— Сейчас-сейчас,— суетливо ответил медальон,— секундочку...

Но у Мара не осталось и секундочки.

Дальнейшее произошло слишком быстро, чтобы Семен успел все осмыслить и принять какое-либо обдуманное решение: в дверь хлынули бойцы-полименты в натянутых на лица синих шапочках-масках и синих же комбинезонах; на Семена немедленно уставилось с десяток ярко светящихся трубочек-лучеметов; из-за спин бойцов, с лестницы, кто-то кричал далеким гулким голосом:

— Живьем вора брать! Живьем! Не стрелять!

— Руки вверх, падаль, не шевелиться! — не слушая криков за спиной, истошно проорал Семену один из бойцов.— Сожжем, пля!

— Рви кардинальское письмо! — не менее истошно завопил Мар.— Письмо! Оно у тебя в руке! Там особое транспортное заклинание! Рви!!! Я ставлю защиту!

Семен резко разорвал письмо пополам; в тот же миг бойцы открыли огонь: ослепительно яркие лучи ударили Семену в лицо и грудь. Почти ударили.

Семен прищурил глаза — лучи уперлись в поставленную Маром защиту, в зеркальную стенку, отгородившую бойцов от Семена. Часть лучей отразилась куда попало, некоторые, хоть и потускнев, но пробили защиту и... застыли, не достав до цели. Очень странно было видеть обрезанные пучки света у своего носа и груди; от лучей веяло таким нестерпимым жаром, что Семен невольно сделал шаг в сторону, потирая левую руку — браслет ни с того ни с сего ощутимо нагрелся. Наверное, близко к огненному выстрелу оказался.

Бойцы не шевелились, лучи не удлинялись; в комнате стало тихо-тихо, как в склепе; обрывки порванного Семеном письма зависли в воздухе словно в невесомости.

Время остановилось.

— Что такое? — Семен поднес медальон к лицу.— Мар, ты что сделал?! — Медальон не ответил.

— Да ничего особого он и не делал.— Семен обернулся на голос.— Это я время остановил. На некоторое время, ха-ха! Ничего каламбур получился, правда?

В кресле, больше похожем на трон, в проходе между ширмами и длинным столом сидел Слимп. Собственной персоной.

Слимп ничуть не изменился с того момента, когда Семен видел его в последний раз: плечистый, коротко стриженный, бородатый, в сером спортивном костюме и кроссовках; Слимп — древняя магия, реализованная и упорядоченная волей Семена; Слимп — владыка своих собственных магических Миров, не пересекающихся с реальностью.

Слимп — самодельный бог с неограниченными возможностями.

Существо, которое могло все, но которое не желало во что-либо вмешиваться. Ни в коем случае.

— Очень своевременно.— От растерянности Семен даже не поздоровался.— Тут такое творится! Спасибо за помощь, большое спасибо!

— Не за что.— Слимп встал с кресла, шагнул навстречу Семену, протянул руку: — Ну, здравствуй, Семен Владимирович. Давненько не виделись!

— Да уж.— Семен крепко пожал протянутую руку, оглянулся на замерших полиментов.— А они того... не оживут, случаем?

— Пока нет.— Слимп с улыбкой глянул на Семена.— Ты, как я вижу, все в путешествиях, в приключениях... Интересная у тебя жизнь! Яркая. Даже завидно немного! Впрочем, каждому свое.— Бородач движением брови создал напротив своего кресла точно такой же мягкий трон и приглашающе повел рукой:— Присаживайся. Надо поговорить — спокойно и не торопясь.

— До разговоров ли сейчас.— Семен недоуменно покачал головой, усаживаясь на свой трон.— Тут разборка идет в пол-

ный рост, пальба вовсю, и вдруг какие-то спокойные деловые разговоры! Я, ей-ей, попросту ошарашен...

— Не волнуйся, никуда от тебя та разборка не денется,— заверил Семена бородатый Слимп.— Вернее, сразу денется, как только время вновь пойдет: ты же для этого письмо Кардинала порвал?.. Кофе хочешь? — Между тронами возник столик с чашками и кофейником.

— Какой там кофе! — Семен раздраженно махнул рукой.— Водки бы сейчас, грамм сто! Чтобы нервы успокоить.

— Можно, хотя и не советую.— Слимп кивнул головой.— Тебе еще с Кардиналом беседовать.

Однако на столике дополнительно возникла пара наполненных до половины хрустальных стаканов и тарелочка с бутербродами. Стаканы были запотевшие, а бутерброды — с маслом и черной икрой: нормальная выпивка с нормальной закуской. То, что надо.

— Другое дело.— Семен повеселел.— Сейчас, только спрошу у Мара, как он себя чувствует после передряги и... Мар, ты как? — Но медальон продолжал молчать.

— Можешь не спрашивать,— усмехнулся Слимп,— я его усыпил. Не хочу, чтобы он в наш разговор вмешивался! Больно он языкастый, твой Мар, отвлекать не по делу будет. Ты после ему расскажешь все, что посчитаешь нужным. Ну, Семен-Симеон, будь здоров! — Бородач поднял стакан, подождал, пока Семен возьмет свой.— Удачи тебе, вор с прикрытием! — и чокнулся с Семеном по всем правилам: размашисто, но аккуратно. После чего одним глотком выпил водку.

Семен на секунду задержался, оглянулся на бойцов-полиментов — те так и продолжали бесполезно жечь воздух лучами, застыв в напряженных позах,— и, неожиданно придя в отличное расположение духа, махом опорожнил стакан.

Водка была что надо — мягкая, холодная.

Семен взял бутерброд и с удовольствие принялся есть; Слимп закусывать выпитое не стал, откинулся на спинку трона, сложил руки на груди и, хитро прищурясь, сказал:

— У вас с Кардиналом схожие вкусы. Тому тоже водка понравилась. С икрой.

— М-м-м? — удивленно промычал Семен, быстро глотая непрожеванный кусок.— Это как? Вы что, и с Кардиналом буха... выпивали?!

— Было дело.— Слимп пригладил бороду.— Вот точно так же, как с тобой, сидели. Я ведь принципиально не вмешиваюсь в чужую жизнь, ты же знаешь... я вообще ни во что не вмешиваюсь! Потому что все последствия такого вмешательства просчитать не могу, особенно отрицательные... да никто, пожалуй, не сможет. Но лезть в мою жизнь я тоже никому не позволю! Вот и пришлось отложить свои дела для встречи с Кардиналом. А то эти его слимперы-камикадзе с их поисковым ритуалом меня уже достали: только и делали, что лезли и лезли ко мне через свои переходные столбы, днем и ночью, круглые сутки. Не поверишь — порой до ста человек сразу заявлялось, и все из разных Имперских Миров! Даже из закрытых. Причем сплошь одни фанатики... Лишь только узнавали, кто я такой, так сразу начинали хором требовать выдачи им Слимпа, то есть меня, в их единоличное пожизненное пользование! Мол, имеют право, у них религия такая... Хамство какое-то, а не религия! А для выяснения, кому конкретно из прибывших он, то есть я, достанется, тут же устраивали кровавую резню. Бои на выживание.

У меня, понимаешь, важные дела, свою вселенную обустраиваю, миры налаживаю, а тут нате вам — ненужный отвлекающий фактор... еще и резня эта.— Слимп от волнения, забывшись, вновь чудесным способом наполнил стаканы водкой. До краев.

Семен, умиляясь, смотрел на созданного им бога: тот все больше и больше становился похожим на человека. Вон и водку стаканом... И проблемы у него появились. Все как у всех. Как у людей.

Слимп посмотрел на стаканы, понял, что погорячился и уменьшил порции втрое; чокнулись, выпили, закусили бутербродами.

— Короче, я встретился с Кардиналом и объяснил ему, что я, как магия, имеющая свободу воли, категорически требую прекратить посягательства на мою личную жизнь.— Слимп отряхнул крошки с бороды.— А то ведь могу и поступиться своими принципами! Уничтожу всех слимперов разом, долго

ли... Впрочем, я не только к Кардиналу явился, я ко всем его единоверцам сразу пришел и со всеми поговорил. Одновременно.— Слимп расхохотался.— Видел бы ты их физиономии! Представь себе: двадцать недоумков вокруг пентаграммы своему Горгу молятся, ритуал совершают... уже и переходной столб вызвали, прыгать в него готовятся, а тут я, здрасьте вам! Я— в количестве двадцати штук и с каждым по отдельности беседую. М-да-а... — Слимп помрачнел.— Не все, конечно, поверили, некоторые принялись и дальше с пентаграммами озоровать, но я для таких особое место создал. Очень особое. Помнишь, ты когда-то в детстве Данте читал? Про ад. Конечно, ничего в книге по малолетству не понял, но все же! — Слимп в ожидании глянул на Семена, тот с трудом припомнил какие-то разрозненные обрывки текста и согласно махнул бутербродом. Мол, было дело. Читал.

— Интересная книга! — сказал бородач.— Я ее в твоей памяти нашел... в памяти все сохраняется, даже если ты уверен, что напрочь позабыл это «все»... после чего воплотил, так сказать, авторский замысел в жизнь. И принялся тех неверящих по прибытии ко мне прямиком в Дантов ад отправлять, на денек-другой. А потом обратно высылать, в тот Мир, откуда они заявились. Если, конечно, живыми оставались... Знаешь, подействовало! Перестали лезть. Как бабка отшептала.— Слимп невесело усмехнулся.— Понимаю, что жестоко, но зато действенно. К чужим, кстати, тоже заглянул, в их сверхзакрытый Икс-Мир — куда посторонним, в отличие от других освоенных чужими Миров, хода нет — побеседовал с главным альфой-бетой. На предмет того, чтобы Слимпа не искали: ни с Кардиналом, ни сами по себе... Провел его, альфу-бету, по своим Мирам, в особое место тоже сводил. Мне главный альфа с испугу даже расписку выдал с глазу на глаз, что его народ никогда больше Слимпа искать не будет. И подписался своим тайным непроизносимым именем «Мбзяб». Действительно, непроизносимое... У них, у чужих, дело быстро делается — тут же свою поисковую программу свернули. На следующий же день.

— О! — изумился Семен.— А где этот Икс-Мир находится? Вот бы туда слетать, посмотреть на житье-бытье чужих.

Будь Семен трезвым, он никогда бы этого не сказал. Больно нужны были ему те альфы-беты с их прыгалками! Но трезвым Семен не был.

— Да запросто! — Слимп перегнулся через столик и коснулся Мара пальцем.— Я тебе в медальон прямой адресок вложил, слетаешь при случае. Между прочим, там, кроме чужих, и людей хватает — всякий наемный сброд с кастрированными душами... Гнусный Мир, честное слово! Страшненький. Впрочем, сам увидишь, если захочешь. Ну, ладно.— Бородач покосился на стаканы, те мигом пропали.— Хорошего понемногу, иначе получится заурядная пьянка, а это мне вовсе не нужно. Не за тем я к тебе пришел.

Семен с некоторым сожалением посмотрел на опустевший столик, но возражать не стал.

— Я, Семен, вот по какому делу тебя от твоих приключений оторвал.— Слимп на секунду умолк, выдерживая многозначительную паузу.— Подарок я тебе решил сделать. Особый!

— Мне? В честь чего? — искренне удивился Семен.— День рождения у меня еще не скоро!

— В честь моего дня рождения,— сделав ударение на «моего», пояснил бородач.— Видишь ли, я чувствую себя крайне обязанным тебе за свое появление. Настолько обязанным, что эта мысль, похоже, становится у меня навязчивой идеей. А бороться с навязчивыми идеями можно только одним путем — реализовав их.— Слимп неторопливо разлил кофе по чашкам.— Рекомендую! Замечательный напиток, из лучших сортов. Не растворимая бурда.— Он пригубил кофе, лукаво поглядывая на Семена. Семен сидел открыв рот и смотрел на бородача. Как тот пьет напиток из лучших сортов.— Короче, я готов выполнить одно твое желание,— насладившись эффектом, сказал Слимп.— Любое. Но с одним условием — оно никак не должно быть обращено против меня лично или как-то затрагивать мои интересы! И не содержать в себе парадоксов вроде: «Хочу, чтобы было выполнено сто моих желаний!», и тому подобное... А так — все что угодно и когда угодно. Просто скажешь вслух: «Слимп! Я хочу то-то и то-то!» — и желание будет немедленно выполнено. Вот тогда, я абсолютно уверен, у меня наконец пройдет это утомительное чувство вины перед тобой.

Семен закрыл рот и минуту молчал, обдумывая услышанное: такое трудно было осознать сразу, больно уж неожиданным оказался дар. Неожиданным и глобальным. С невероятными возможностями.

— Если ты ищешь в моих словах подвох, то подвоха нет.— Слимп поставил на стол опустевшую чашку.— Никакого. И считай, что это я делаю в первую очередь не для тебя, а для себя. В целях снятия родовой психической травмы.— Он улыбнулся. Грустно улыбнулся.— Ладно.— Бородач хлопнул себя по коленям.— Пора и честь знать. Ты как тут, сам управишься или помочь? Загадывай желание и...— Слимп потер ладони.— Будешь загадывать?

— Конечно же нет,— встрепенулся Семен.— Ха, одно-единственное желание и на дребедень потратить! Нет, разумеется. Сам как-нибудь выкручусь. Тем более что письмо уже порвано и транспортное заклинание задействовано. Управлюсь, не беспокойтесь!

— Правильно,— одобрил Слимп.— Такими возможностями зря не разбрасываются... И скажи-ка мне напоследок: что это за странные звуки от тебя постоянно доносятся? Цокот какой-то... У меня слух хороший! Ты что, сверчка с собой носишь? Зачем?

— А, вы про тиканье? — Семен протянул Слимпу левую руку.— Забавно: время стоит, а они идут... Часы это, специальная машинка для контроля времени! Да вы помнить должны, у вас же копия моей памяти имеется... Вон, про ад и про водку с паюсной икрой не забыли ведь! Применяете знания на практике.

— Действительно часы,— убедился Слимп.— А идут они потому, что на руке у тебя. В поле действующего времени... И браслет удачи заодно, подумать только! То-то я ни с того ни с сего решил именно сейчас с тобой встретиться... Резко. Вдруг.

— Браслет удачи? — Семен с интересом уставился на свою руку.— Вон оно для чего эта штуковина сделана... Это же здорово!

— Насчет браслета ты не слишком обольщайся,— нахмурясь, предупредил Семена бородач.— Вещица чиненая, потому работать как положено не будет. Только в экстремальных ситуациях! В смертельно опасных. Слушай, а может, загадаешь себе новый? Я мигом сделаю!

— А меня и такой вполне устраивает,— заверил собеседника Семен.— Какой есть.

— Ну, тогда я удаляюсь.— Слимп встал, поднялся и Семен; тронные кресла вместе с кофейным столиком исчезли.

— Ты с линии огня в сторонку-то отойди,— заботливо посоветовал Слимп, кивнув на стреляющих полиментов,— чтобы не зацепили ненароком, когда я уйду, время пойдет снова. А кардинальское заклинание лишь через секунду сработает.

Семен отступил в проем между ширмами и прижался спиной к стене.

— Бывай, Семен.— Слимп на прощание пожал Семену руку, и тот неожиданно почувствовал себя абсолютно трезвым.— Это чтобы ты с Кардиналом нормально разговаривал,— пояснил Слимп.— Учти, он пьяных терпеть не может! И вообще спиртное не употребляет. Никогда.

— Так он же с вами водку пил,— изумился Семен.— Вы ж мне сами говорили!

— Я — случай особый.— Слимп усмехнулся и растворился в воздухе.

ГЛАВА 10
Слимпер-Лидер И Молодой Помощник

Семен предполагал, что особое транспортное заклинание перенесет его прямиком в императорский дворец, в кабинет Кардинала, где тот день и ночь мается в ожидании встречи с ним, с Семеном. Или не мается, а подписывает важные документы, приказы и указы, но все равно — ждет с нетерпением.

Однако Кардинал Семена не ждал.

И место, в котором оказался Семен, не было дворцом.

Скорее всего дом напоминал ухоженную дачу: на первом этаже располагались большая меблированная гостевая комната, ванная, туалет и кухня, на втором — рабочий кабинет и спальня.

Семен первым делом осмотрел все комнаты в поисках Кардинала, но никого в них не нашел. Вообще никого. Зато обнаружил, что кровать в спальне застлана свежим бельем; что идеально белый унитаз заклеен сверху прозрачной пленкой с

надписью «Стерильно»; что на кухне в холодильном шкафу есть богатый запас различных продуктов, а всю его нижнюю полку занимает штабель консервов.

Семен поначалу оторопел, увидев шкаф — уж слишком тот был похож на привычные, виденные не раз холодильники в родном мире Семена,— но быстро убедился, что к земным морозильникам шкаф никакого отношения не имел: местный холодильник ни к чему не был подключен. Морозил сам по себе.

К железной дверце шкафа магнитом была прикреплена записка, которую Семен снял и прочитал вслух:

— «Симеон! Дом в твоем распоряжении. Когда будешь готов, сообщи мне — я прибуду немедленно. Устройство связи в кабинете, на втором этаже. Подпись: Кардинал, Дубль Первый». Опять, блин, Дубль! Хотя и первый... А где же сам Кардинал? Что он мне все своих замов подсовывает, а? Ишь какой занятой... — Семен смял записку, бросил ее на пол и подошел к окну.

За окном был то ли поздний вечер, то ли раннее утро: в небе разгоралась алая заря, верхушки обступивших дом берез отсвечивали розовым; вдалеке небо затянули угрюмые тучи, внутри которых изредка посверкивало — далекий запоздалый гром ударил в стекло.

Семен открыл окно и с удовольствие втянул в себя предгрозовой запах: сырой воздух был теплый, прогретый. Значит, в этом Мире все же наступал вечер.

— Ну, раз дом в моем распоряжении,— уверенно сказал Семен, направляясь к шкафу с продуктами,— тогда ужинать и спать. А с утра позвоню Кардиналу... Эх, зря Слимп меня трезвил, все одно сам проспался бы! — Достав из холодильника колбасу, сыр и несколько банок консервов, Семен принялся готовить себе нехитрый ужин; хлеб тоже нашелся — он почему-то лежал в холодильнике, плотно завернутый в целлофан. Наверное, чтобы подольше не черствел.

Семен открыл банки консервным ножом, найденным в ящике кухонного стола, и принялся с аппетитом ужинать. И, лишь закончив есть, вспомнил, что за все это время Мар ни разу не подал голоса.

— Мар, дружище, ты чего такой молчаливый? — Семен постучал по медальону пальцем.— Приболел, что ли?

— С чего мне хворать-то,— уныло отозвался медальон.— Здоровый я. Вот еще, болеть! Не было печали...

— Тогда почему молчим? — строгим голосом спросил Семен, выбрасывая объедки и пустые банки в мусорное ведро. В ведре полыхнуло синим, и оно тут же очистилось.— Удобно,— признал Семен.— Но руку туда лучше не совать. Итак, что произошло?

— Знаешь, Семен... удивительное дело со мной случилось,— нехотя, с запинкой сказал Мар.— Причем в самый неподходящий момент. Понимаешь, уснул я не вовремя... и, сдается мне, оставил тебя без защиты. Обложался, короче говоря.— Мар смущенно крякнул.— Может, я и впрямь заболел? Сонной неизлечимой болезнью. Говорят, есть такая муха, от укуса которой людей в сон клонит... Видать, и медальонные мухи бывают. Вот только когда она, зараза, цапнуть меня успела? В упор не помню.

— Вон оно что.— Семен рассмеялся.— Успокойся! Это тебя Слимп цапнул, а не муха. Медальонных мух в природе не существует, я тебе это точно говорю! А если где и существуют, то мы туда не пойдем.

— Сли-и-имп? — удивленно протянул Мар.— В самом деле? Ну-ка, ну-ка, расскажи, поделись воспоминаниями.— Хандру Мара как рукой сняло; медальон, похоже, очень переживал из-за того, что непонятным образом уснул в момент атаки и оставил Семена без своей защиты. Одного против кучи вооруженных полиментов.

Семен огляделся: рассказывать в доме Кардинала историю своей встречи со Слимпом ему не хотелось — здесь запросто могла быть какая-нибудь подслушивающая техника. Микрофонные жучки-стукачи, например. С него, с Кардинала, станется! Было бы что магическое, Семен давно бы углядел, но микрофоны...

— Хорошая погода! — громко сказал Семен, выглянув в окно: тучи затянули небо, погасив вечернюю зарю. Вот-вот должен был начаться ливень.— Люблю грозу в начале мая... Пойду-ка я перед сном прогуляюсь.— Семен вышел на крыльцо, огляделся: ни двора, ни навеса. Словно и не жил здесь никто.

Хмыкнув, Семен превратил маскировочный костюм в непромокаемый плащ с капюшоном, накинул капюшон на голову и отправился гулять в березовый лесок.

Гулял он минут двадцать, неподалеку от дома. Мар потребовал рассказать ему о встрече со Слимпом подробно, вплоть до того, морщился ли тот, когда пил водку, или нет; у любознательного медальона оказалась масса вопросов, на которые Семен попросту не смог дать ответа — скажем, как отнесся Кардинал к визиту Слимпа; что такое ад Данте, как он устроен и можно ли оттуда спереть что-нибудь ценное; какие такие «свои миры» обустраивает Слимп; как можно, невероятно размножившись, беседовать одновременно с громадным количеством людей, не сойдя при этом с ума; где находится Икс-Мир...

Вот на этот вопрос Семен ответить смог, посоветовав медальону проверить свой архив транспортных заклинаний. Мол, Слимп скинул в него, в Мара, прямой адресок в Икс-Мир, и теперь, при желании, они запросто могут туда слетать: услыхав такое, Мар неожиданно возмутился, заявив, что это нечестно— мало того что усыпили, так еще и засунули в него непроверенное заклинание без его, Мара, на то ведома! Воспользовавшись беспомощным состоянием потерпевшего... Что это сильно смахивает на сам знаешь что, и приличные девушки после такого надругательства над собой или кончают жизнь самоубийством, или мстят насильнику. Кровно.

Семен, не ожидавший такого напора, поинтересовался, где это Мар увидел надругательство и при чем здесь девушки. Медальон сердито ответил, что девушки здесь ни при чем, ему просто неприятно, когда с ним обращаются как с вещью. Не спросясь. Впрочем, как тут же добавил Мар, он существо доброе, незлопамятное, потому великодушно прощает Слимпу это безобразие, тем более что все равно ничего ответно сделать ему не сможет. Даже обругать. Только в следующий раз пускай Семен перед такого рода процедурами его обязательно будит— он, Мар, должен сам определить, нужно ему то заклинание или нет! На том и порешили.

Главное Семен приберег напоследок, и Мар сразу позабыл про свою обиду, едва услышал новость о подарке, об одноразовом, но практически ничем не ограниченном желании. Предложения о реализации того желания посыпались из Мара как

из рога изобилия. Начиная от возможности стать Императором всего Диска, подмяв под себя чужих и возведя воровство в ранг основополагающей имперской доктрины, до превращения всяких ненужных тварей типа жучков-паучков, тараканов и полиментов в золото, рубины-алмазы и прочие извечные, жизненно важные ценности.

Насчет жучков-паучков Семен не согласился, птицы с голоду перемрут, а идея сделать полиментов золотыми Семена позабавила, не более: на то и щука в озере, чтобы караси не дремали. Пусть себе живут и полиментят! А то скучно без них будет.

Однако Мар не унимался, генерируя идеи как орава телевизионных знатоков перед финальным проигрышем: мел словесную пургу, короче говоря. Но когда медальон на полном серьезе предложил Семену сделать так, чтобы все солнца во всех Мирах были не круглыми, а в виде слова «Симеон», написанного на общепонятном вседисковом языке,— в качестве прославления и увековечения его, Семена, памяти; а луна обязательно в виде некого уникального и очень красивого медальона,— Семен, не выдержав, потребовал, чтобы Мар заткнулся и не раздражал его всякой ерундой, иначе он за себя не ручается! Не то возьмет и обналичит желание незатейливым способом: превратит некий болтливый медальон на цепочке в собаку на поводке, тоже уникальную и тоже красивую. И будет тогда не Мар, а Мухтар. Бессловесный.

Медальон лишь натужно рассмеялся в ответ, но болтать перестал — чего Семену и хотелось.

Наконец-то разразилась гроза, и Семен побежал в дом: основное было сказано и мокнуть под дождем не было никакой нужды.

Пока Семен заваривал чай, пока его пил, наступила ночь; гроза за окном перешла в обычный затяжной дождик. Монотонный шелест капель в листве берез действовал убаюкивающе, и Семена потянуло в сон, поднявшись на второй этаж, он первым делом нарушил стерильность в туалете, а потом направился в спальню. И крепко проспал до позднего утра, прогуливая во сне лохматую дворнягу на поводке по незнакомому Миру, сделанному из хрусталя и стали; Миру, где в небе вместо солнца яростно пылала короткая фраза: «Симеон — мастдай!»

Утром Семен вымылся, побрился, плотно позавтракал и только после этого вернулся на второй этаж, в рабочий кабинет.

Рабочий кабинет был оборудован просто: стены, оклеенные дешевыми обоями, окно с видом на березовый лесок, черный офисный стол и пара стульев возле него — по стулу с одной и с другой стороны.

На столе находилось обещанное переговорное устройство, при взгляде на которое Семену невольно вспомнился виденный в каком-то фильме телефон прямой правительственной связи с гербом вместо циферблата. С той лишь разницей, что, в отличие от правительственного телефона, этот был серебряный, с выгравированной на месте циферблата готической буквой «К»; а еще у этого устройства не было никаких проводов — даже провода, соединяющего аппарат с переговорной трубкой. Также Семен обнаружил, что серебряную трубку окружает мягкое белое сияние. Магическое. А сам аппарат, похоже, служит всего лишь декоративной подставкой для нее.

Решив, что вряд ли Кардинал задумал сделать ему какую-нибудь колдовскую пакость — не для того ведь приглашал,— Семен присел на стул, взял трубку и поднес ее к уху. В трубке было тихо: ни тебе долгого гудка, ни шорохов и потрескиваний, характерных для телефонной связи,— ничего! Мертво. Впрочем, этот телефон как раз телефоном и не был: Семена обманула внешняя схожесть переговорного устройства с привычным земным аналогом.

Семен уже собрался было крикнуть из озорства: «Алле, барышня, Смольный мне!», но, к счастью, нахулиганить не успел — в трубке раздался голос Кардинала:

— Симеон? — Слышно было изумительно, словно Кардинал был где-то рядом, а не в другом Мире. В Мире Перекрестка.

— Он самый,— громко подтвердил Семен.— А вы кто, сам Кардинал или его Дубль, который первый?

— Дубль? — запнулись на другом конце магической линии.— Ах да, действительно... Знаешь что, Симеон, называй-ка меня лучше не Дублем, а Кардиналом. Так оно вернее будет... собственно, я и есть Кардинал, потому что, по сути, мы с ним одно и то же. Едины в двух лицах.

— А где сам Кардинал? — требовательно спросил Семен.— Оригинал где? Я хочу говорить только с ним!

— Вот как раз по поводу самого Кардинала у меня с тобой и будет беседа,— спокойно ответил Дубль.— Я приду через несколько минут.— В трубке снова стало тихо.

Семен положил трубку на подставку, почесал в затылке.:

— Что у них там могло приключиться? Странный какой-то у нас разговор вышел...

— Странно то, что у Кардинала Дубль сохранился,— возразил Мар.— Я думал, их всех первичным заклинанием повыкосило, тем, которое на «Лихого дядю» было. Которое я в Мире с замком-лабиринтом озвучил.

— Нового слепил,— равнодушно ответил Семен,— долго ли умеючи! Тут, понимаешь, другое — Дубль со мной насчет Кардинала хочет поговорить. Подозрительно как-то...

— Я все слышал,— доложил Семену медальон,— у меня со слухом нормально! Можешь не пересказывать. Сдается мне, Семен, что этот Дубль замыслил сделать переворот: убрать настоящего Кардинала твоими руками, а самому занять его место. Ха, будь у меня такая возможность — я именно так бы и поступил! Они же как братья-близнецы, хрен отличишь... Оригинал, стало быть, в каземат пожизненно, и чтобы непременно под железной маской... хотя лучше всего кровушку ему пустить и там же, в подвале, прикопать — так оно надежнее будет. Тут тебе разом и вся слава, и почет вместе с уважением привалят... ну и власть, само собой. Ради власти на что только не пойдешь!

— Не думаю.— Семен закинул руки за голову, потянулся.— Я уверен, что Кардинал наверняка предусмотрел такую возможность и внес в свою копию соответствующие запреты. Тут что-то другое... Ты вот что — лучше помалкивай при Дубле, понял? Вдруг он тебя услышит! Помнишь того, Двадцать Пятого, что был в замке-лабиринте? Ведь он же тогда услыхал тебя, факт, потому-то огненным мечом чуть на дольки и не порубал.

— Было дело,— охотно согласился Мар.— А я его взорвал. И всех остальных дублей тоже, заодно... Но на всякий случай давай договоримся заранее: если начнется какая заваруха или Дубль снова попытается применить охмуряющее колдовство, то я без предупреждения выдергиваю тебя отсюда куда подальше. В какой-нибудь дальний Мир. Идет?

— Идет,— согласился Семен.— Но только действительно в крайнем случае. В случае реальной угрозы. Не то выдернешь меня посреди беседы, с тебя станется! А мне потом возвращаться и с Дублем объясняться... Да еще попробуй вернись, когда второго письма нету! О, кстати! Запомни на всякий случай пространственный адрес этого дома. Мало ли что...

— Договорились,— тихо сказал Мар и умолк. Потому что Кардинал был уже здесь. Вернее, его Дубль. Первый.

Дубль Кардинала сидел напротив Семена за столом, сложив руки на груди, и бесстрастно разглядывал вора Симеона, словно в первый раз его увидел: взгляд серых глаз был пристальным, изучающим.

Дубль выглядел точно так же, как и тот, которого когда-то уничтожил Мар — лысый, худощавый, с несколько оттопыренными ушами, возраст где-то под пятьдесят.

На дубле Кардинала был серый глухой свитер с высоким воротником — разглядеть ниже мешал стол, но Семен ничуть не сомневался, что Дубль и там одет точно так же, как в прошлый раз, во время их недолгого знакомства: серые брюки и серые же мягкие туфли; такие люди, как Кардинал, никогда не меняют своих вкусов и привычек.

Семен, готовясь к встрече, поначалу решил превратить свой маскировочный костюм в строгий деловой, но потом передумал: встреча неофициальная, значит, можно нарядиться и повеселее! И оделся точно так же, как когда-то в Мастерском Мире, когда к Норти Буку шел. Единственным изменением, которое Семен из озорства внес в одежду, была надпись — сейчас на его майке алел двухрядный лозунг: «Слимпер у слимпера слимп не слимпит!» Мелкими буквами.

— Здравствуй, Симеон,— вежливо сказал Дубль Кардинала, покосившись на лозунг,— вот мы опять и свиделись,— однако руки для приветствия не подал.

— Здравствуйте,— не менее вежливо ответил Семен.— Как здоровье оригинала?

В глазах Дубля мелькнуло то ли ехидство, то ли злорадство, Семен не понял; Дубль Кардинала холодно улыбнулся:

— Если ты имеешь в виду последствия от первичного заклинания, примененного твоим медальоном против Дубля номер Двадцать Пять и, следовательно, против оригинала тоже,

то нынче все в порядке. Вернее, было в порядке,— поправил себя Дубль.— Три дня тому назад. Сейчас — не знаю.

— А почему не знаете, если не секрет? — осторожно полюбопытствовал Семен.— В командировку шеф, что ли, уехал?

— Три дня тому назад оригинал был похищен,— ровным голосом сообщил Дубль.— Чужими.

— Вот те раз.— Семен недоверчиво уставился на Дубля.— Зачем?

— Предполагаю, что похищение было проведено в целях дезорганизации управления Империей в экстремальной ситуации,— любезно пояснил Дубль Кардинала.— Император, если ты помнишь, не способен к прямому руководству во время боевых действий по причине прогрессирующего маразма... а наследник чересчур юн. Потому Кардинала и похитили. Возможно, его собираются использовать как заложника, чтобы решить назревшие политические вопросы без военного конфликта. Возможно.

— Война, что ли, намечается? — насторожился Семен.— Вон оно как!

— Судя по действиям чужих — да,— кивнул Дубль.— Намечается. И очень скоро.

— Погодите,— Семен нахмурился,— но вы же двойник, так? Полная копия Кардинала. Значит, можете возглавить руководство и...

— Не могу,— отрезал Дубль.— Мне существовать-то всего неделю осталось, в случае если Кардинал не объявится! Какое уж там оперативное руководство...

— Э? — не понял Семен.— Почему?

— Потому что я — Дубль,— вздохнул Дубль Кардинала.— Создание, полностью зависимое от оригинала. Если с оригиналом рвется связь, что, как правило, подразумевает его гибель, то двойник не имеет права на дальнейшее существование. И в назначенный срок автоматически самоуничтожается. У меня срок — десять дней. Вот так.

— Тогда что же получается?! — в растерянности пробормотал Семен.— Получается, что настоящий Кардинал мертв?

— Сомневаюсь.— Дубль отрицательно покачал головой.— Мертвый заложник никакой ценности для чужих не представляет — живой Кардинал гораздо предпочтительнее для по-

литического давления на Императора через, гм, Императрицу... предпочтительнее, чем его бесплотная тень из Реестра. Скорее всего, чужие надежно изолировали Кардинала от Истинных Миров: или держат его в специальном, непроницаемом для магической связи, помещении, или занормалили. Потому-то моя связь с оригиналом и пропала...

— Все это очень грустно.— Семен посмотрел в глаза Дублю.— Но я-то здесь при чем? Чего хотел от меня Кардинал? Чего-то ведь хотел, раз встречу назначил.

— Поясняю.— Дубль взгляда не отвел, только немного поморщился: похоже, собеседники в глаза ему никогда не смотрели. Не принято было.— Оригинал хотел встретиться с тобой, Симеон, потому, что к нему приходил Слимп. И в разговоре с оригиналом Слимп упомянул о тебе как о человеке, близком ему... э-э... по сути. Можно сказать, по духу. То есть, как я понял... вернее, как понял Кардинал,— поправился Дубль,— тебя и Слимпа связывает нечто большее, нежели случайное знакомство. И потому, когда слимперское движение самораспустилось, а конфликт с чужими стал неизбежен, оригинал решил обратиться к тебе за помощью: Кардинал хотел попросить тебя уговорить Слимпа помочь ему в возникшей проблеме.

— Так он меня и послушался бы,— с усмешкой заметил Семен.— Слимп — дядька себе на уме... Сказал, что не будет вмешиваться в реальность, значит, не будет, и точка.

— Стало быть, вы действительно знакомы,— вполголоса заметил Дубль.— Это хорошо. Это дает мне надежду...— но на что дает, объяснять не стал, а продолжил рассказ: — Потому Кардинал и дал объявление в линию связи от имени Дубля Двадцать Пятого: только ты, Симеон, мог знать, кто такой этот Двадцать Пятый! И только ты мог получить кардинальское письмо. Потому что знаковая пластинка Двадцать Пятого имеется лишь у тебя. Золотая.

— А вы откуда знаете? — Семен прищурился.— Я вроде Кардиналу об этом не докладывал. И на пластинке никакой магической метки не имеется! Так что отследить ее вы никак не могли.

— Элементарно,— равнодушным голосом ответил Дубль.— В замковой пристройке, где твой медальон разрушил Двадцать

Пятого, имелась и дежурная система непрерывного слежения. Техническая. Незаметная для видящего.

— Понятно,— с облегчением сказал Семен.— Значит, по знаковой пластинке вы найти меня не можете?

— Нет.— Дубль покачал головой.— Но если ты примешь мое предложение, то тебя вообще никто никогда искать не станет. Мало того — ты будешь награжден! Очень хорошо награжден. И, разумеется, все поисковые заклинания будут отозваны, а заведенное на тебя в имперском сыске уголовное дело будет уничтожено. Навсегда.

— Какое предложение? — озадачился Семен.— Вроде бы ни о каких предложениях у нас пока что разговора не было.

— Сейчас будет.— Дубль Кардинала впервые улыбнулся Семену. Как ни странно, улыбка у Кардинала была обаятельная, добрая. Что никак не вязалось с его имиджем теневого властителя Империи. Жесткого и бескомпромиссного властителя.— Я, Симеон, хочу предложить тебе найти мой оригинал и спасти его. То есть выкрасть Кардинала у чужих, если тебе так понятнее... За хорошую, подчеркиваю — очень хорошую плату! Можешь считать это моим частным заказом на работу.— Дубль склонил голову набок и с прищуром посмотрел на Семена.— Тайным заказом,— уточнил Дубль.— Если ненароком проболтаешься об этом хоть кому-нибудь, считай, что ты больше не жилец ни на этом, ни на том свете. Даже Реестра для тебя не будет! Я хоть и самоуничтожусь, но нужные инструкции нужным людям оставить успею. Можешь не сомневаться.

— Не надо меня запугивать,— недовольно вскинулся Семен,— сам, что ли, не понимаю... А ваш Отряд? Вы не пробовали его к чужим засылать?

— Отряд...— Дубль помрачнел.— Нету Отряда! Слимп расстарался, мерзавец... Когда он принцессу Яну от договора со мной освободил — жаль, хорошая видящая была, перспективная,— то заодно и всем остальным членам Отряда вольную дал, за компанию. И вернул всех в те Миры, откуда они были изъяты... А ты говоришь, что Слимп не хочет вмешиваться в реальность! — с раздражением закончил свою речь Дубль Кардинала.

— Я имел в виду его слова о глобальном вмешательстве,— уточнил Семен.— О мелочах он не говорил.

— Хороши мелочи! — возмущенно фыркнул Дубль.— Вся многолетняя работа коту под хвост. Мелочи! М-да-а... А развалить древнюю религию — это, получается, тоже пустяк? Хотя, собственно, его нравоучительные беседы со слимперами и заморочный Адский Мир тут вовсе ни при чем...

— Как ни при чем? — удивился Семен.— Почему же тогда ваша секта... извиняюсь, ваша религия, приказала долго жить?

— Во всяком случае, не из-за бесед и последующих запугиваний,— с пренебрежением ответил Дубль.— Настоящий верующий на такие дешевые трюки не поддастся! Все гораздо проще и неприятнее... Религия слимперов держалась на том, что неведомый Слимп где-то спрятан, что Слимпа можно найти и использовать его неограниченную магическую силу ради благого дела... или неблагого, но использовать. Однако когда та магическая сила явилась ко всем верующим сразу, в обычном человеческом облике, и сообщила, что чихать она хотела и на ту религию, и на тех верующих, что дела ей нет ни до кого,— вот тут-то и настал конец движению слимперов. Потому что искать больше нечего. И незачем.

— Могу только посочувствовать.— Семен пожал плечами.— Так что там насчет оплаты?

— ...Но лично я верю, что истинный Слимп существует,— не слушая Семена, с фанатичным блеском в глазах продолжил Дубль Кардинала.— Истинный, как бы он там ни назывался! Этот Слимп — не Слимп! Это лжебог, в которого я не верю. Ибо есть то, что необъяснимо: комплексная магия, приходящая к нам ниоткуда! Лжебог не стал бы продолжать слать ее людям, потому что плевать ему на дела человеческие... на все плевать, кроме себя самого! Это не бог, это искушение, посланное нам для укрепления веры!

— Давайте вернемся к нашему разговору об оплате,— повышая голос, потребовал Семен,— оставим богу богово, а слимперам — слимперово.

— Хорошо сказано! — не выдержал Мар и тут же испуганно умолк, но Дубль его не услышал: Кардинал уставился на Семена, раздувая ноздри и гневно сверля его взглядом. Вскоре, однако, Дубль успокоился.

— Оплата будет следующая,— ровным голосом произнес Дубль Кардинала,— гражданство в Мире Перекрестка, снятие

всех налогов, пожизненная пенсия первого разряда... министерская пенсия. И три запасных жизни. Разумеется, пенсия действительна только на время твоей нынешней жизни! На запасные она не распространяется. Зато отмена налогов остается действительной и после очередной смерти.— Дубль строго посмотрел на Семена.— Устраивает?

— А как насчет дипломатической неприкосновенности? — прикинув в уме, спросил Семен.

— Какой неприкосновенности? — не понял Дубль.

— В смысле чтобы меня не преследовали по поводу моей работы,— пояснил Семен.— Как-никак специальность у меня противозаконная! Не поощряемая властями.

— Работай на свой страх и риск,— сухо ответил Дубль Кардинала.— Я не вправе отменять основные имперские законы. Впрочем...

— Что — впрочем? — Семен с интересом ждал продолжения.

— Если бы ты, предположим, был слимпером... кем-нибудь из руководства — моим личным помощником, например,— тогда я, как верховный жрец, обязан был бы помогать тебе в затруднительных ситуациях,— размеренно и весомо сказал Дубль.

— Интересная ситуация.— Семен усмехнулся.— Слимперской религии больше нет, сподвижников тоже нет, разбежались кто куда, а верховный жрец — есть. Удивительно!

— Религия — это я,— вздернув подбородок, надменно ответил Дубль Кардинала.— Пока я жив, жива и она!

— Семен,— еле слышно проскулил Мар,— давай в помощники к жрецу двинем, а? Какая крыша, сказка просто! О такой лишь мечтать можно...

Кардинал мельком глянул на медальон — Семен не понял, услышал Дубль реплику Мара или нет, но что-то он явно уловил.

— Тогда, может быть, сделаем так,— заговорил Семен, мимоходом пряча медальон под майку.— Вместо пожизненной пенсии и вечной прописки на Перекрестке вы прямо сейчас берете меня к себе в постоянные помощники, но формально, без обязательного участия в ваших обрядах. И без моего абсолютного подчинения кому-либо, даже вам... разве что в исключительных случаях! Договоренность насчет трех дополни-

тельных жизней и снятия всех налогов, само собой, остается в силе... На этих условиях я немедленно приступаю к работе. Идет?

— Наглец ты, Симеон,— с грустью сказал Дубль,— вымогатель. Высокое звание личного помощника жреца надо сперва заслужить! Тем более вольного помощника. Неподотчетного.

— А я заслужу, вы не сомневайтесь,— уверенно заявил Семен.— Выкраду оригинал Кардинала и тем заслужу. Ну так как?

Дубль ненадолго задумался, потом нехотя согласился:

— Пусть так и будет. Выбирать особо не приходится... Но учти: ни одной жизни загодя ты не получишь! Только после выполнения работы.

— А вдруг меня там сразу прикончат? — запротестовал Семен.— Кто же тогда за меня работу выполнит? Я не согласен! Требую жизненного аванса. Можно и половину одной жизни, так и быть. Но здесь и сейчас!

— Если тебя убьют, мне это уже будет безразлично,— отрезал Дубль Кардинала.— Повторная жизнь реализуется не мгновенно! Короче, решение мной принято окончательное, обжалованию и изменению не подлежит. Вопросы?

— А вы меня где в слимперы принимать будете? — деловито поинтересовался Семен, поняв, что спорить бесполезно: ни дня дополнительной жизни ему авансом не дадут.— Небось ритуал особый нужен, да? Пентаграмма, алтарь, жертвенная кровь — будут?

— На этот раз обойдемся без алтаря и без жертв, времени на полный обряд посвящения у меня нет.— Кардинал встал. Встал и Семен.— Властью, данной мне, объявляю тебя, вор Симеон, моим первым помощником,— торжественно объявил Кардинал.— Вольным помощником! Я, верховный жрец слимперов, беру тебя под свое высокое покровительство.— Дубль протянул руку через стол, и они крепко пожали друг другу руки: Первый Дубль и его первый помощник. Жрец и вор.— У меня есть только одно требование,— сказал Дубль Кардинала, усаживаясь на место.— Не творить никаких интриг у меня за спиной... то есть за спиной Кардинала! И никогда не пакостить мне... ему.

Семен молча похлопал себя по груди, по шутливой надписи, которая вдруг перестала быть шутливой.

— Вот именно.— Дубль одобрительно посмотрел на надпись.— Верное замечание. Глупое, но верное. Итак, помощник Симеон, раз мы все решили, пора обсудить твое задание. Кардинал, скорее всего, содержится где-нибудь в Икс-Мире, самом таинственном Мире чужих: где тот Мир находится и какой у него адрес — я не знаю, никогда там не был. Вот это ты и должен выяснить в первую очередь. Сам.

— Уже,— сказал Семен.— Уже выяснил! Есть у меня верный адресок, есть! Корешок наколку дал. Буквально вчера.

— Шустрый у меня помощник, оказывается.— Дубль усмехнулся.— Может, корешок тебе и о Кардинале что рассказывал?

— Рассказывал,— невозмутимо согласился Семен.— О том, что он спиртное не пьет, но холодную водку с черной икрой уважает.

— Гхм... — Скулы у Дубля порозовели.— Данная информация к твоей работе никакого отношения не имеет... Что ж, в таком случае адрес должен быть верным — этот корешок ошибиться не может. Тогда так: находишь Кардинала, вызволяешь его — желательно без лишнего шума,— и вы вдвоем переноситесь сюда, в дом. Если же Кардинала в Икс-Мире ты не найдешь, тогда все равно возвращаешься сюда за дальнейшими инструкциями.

— А почему не сразу во дворец Императора? — удивился Семен.— Хотя да, может выйти накладка... Во дворце ведь не знают, что оригинал похищен?

— Не знают,— подтвердил Дубль.— И не должны узнать! Любые контакты со мной — через переговорное устройство на втором этаже. И встречи — здесь же.

— Конспиративная квартира,— понимающе сказал Семен.— Шпионское место, где постоянно торгуют славянскими шкафами.

— Какими еще шкафами? — Дубль, не поняв шутки, нахмурился.— Это, Симеон, не конспиративная квартира и не магазин мебели. Это — твой дом. Личный. Специально созданный для встречи с тобой... и для последующих встреч тоже. Живи, если захочешь! Здесь тебя никто не тронет: Мир необитаем, а от зверей и случайных гостей дом надежно защищен

охранной магией. В радиусе километра защищен, мной лично. Можешь сходить проверить — стена добротная!

— Так вы вроде колдовать-то не умеете,— растерянно сказал Семен.— Еще в детстве вас того... упростили. На предмет ворожбы и чародейства.

— Так. Ты и это знаешь.— На лице Дубля изобразилось неподдельное удивление.— Откуда?

— Один призрак рассказал,— уклончиво ответил Семен.— Рассказал и помер. Окончательно. Так что вы его не ищите, все равно не найдете.

— Помер, и ладно,— равнодушно сказал Дубль.— Главное, чтобы его, помершего, другие не нашли. Те, кому обо мне знать такое не положено. А насчет колдовства — комплексная магия вполне заменяет природную, самодельную! Главное, научиться обращаться с ней творчески... научиться грамотно комбинировать фрагменты разных стандартных заклинаний, и тогда можно добиться многого! Очень многого. Если, конечно, в самом начале экспериментов сам себя по неопытности не угробишь.

— А что, разве комплексные заклинания как-то переделываются? — Для Семена это было новостью. Судя по тому, как под майкой вздрогнул медальон, для него это тоже оказалось неожиданностью.

— Переделываются.— Дубль озабоченно глянул в окно: день перевалил далеко за половину, солнце повисло над верхушками дальних берез.— Потом поговорим на эту тему.— Кардинал встал.— Мне пора во дворец. Удачи, вор-помощник! Жду твоего возвращения.— И Дубль растворился в воздухе.

— Экий он резвый,— тут же подал голос из-под майки уставший от длительного словесного воздержания Мар.— Быстренько проинструктировал типа «Ищи где хочешь, но вынь да положь!», и умотал. И ни кусочка дополнительной жизни не выделил, скряга... Один плюс, что Кардинал нашей главной крышей согласился быть! Это здорово, это вдохновляет: мы теперь что хочешь украсть можем и ничего нам за то не будет. Красота! Воруй не хочу... Семен, до меня только что дошло: да ты же натуральным слимпером стал! Мои тебе поздравления. Ну-с, гражданин слимпер в законе, когда заказ Дубля выполнять будем?

— Прямо сейчас и будем.— Семен направился к выходу из комнаты.— Пообедаю только и сразу двинусь в Икс-Мир. Там мы быстренько найдем Кардинала, быстренько его украдем, быстренько вернемся и получим награду. Тоже быстренько.

— Еще один резвый нашелся,— с сарказмом отметил Мар.— Вы, слимперы, все, что ли, такие скоростные?

— Все,— гордо изрек Семен.— То есть оба — я и Кардинал.

И вышел.

ГЛАВА 11
Стертые Люди: Икс-Мир По-будничному

Обед подходил к концу, когда Семену в голову пришла очень неприятная мысль. Мысль о том, что в Икс-Мире его могут опознать и с ходу арестовать.

— Может, мне усы загодя наклеить нужно, для маскировки? — озабоченно сказал Семен, ставя кружку с чаем на стол.— И бороду. А то вдруг чужие меня узнают?

— Не-а, не узнают.— Мар говорил уверенно, со знанием дела.— Во-первых, раньше чужие отслеживали тебя по кошелю, в котором лежало магическое золото, сейчас у тебя ни золота, ни кошеля! Во-вторых, в лицо тебя никто из них не видел... нет, один видел, так он теперь памятником работает и ничего рассказать никому не сможет. Даже голубям, которые на него гадят. А в-третьих, если даже чужие забрались в полиментовский архив и утянули оттуда твой портрет — или копию сделали— то и это не страшно! Людей в том пакостном Мире хватает, Слимп тебе сам об этом рассказывал. Так что альфы-беты наверняка примут тебя за одного из своих наемников. Наемники что? Рабочая скотина... Кто ж скотину в морду запоминает! Для них все люди небось на одно лицо... как и альфы-беты для людей.

— Логично,— согласился Семен.— Усы клеить не буду. Тем более что у меня их и нет: ни усов, ни клея.

— Все это дилетантские штучки,— с пренебрежением отозвался медальон.— Если уж на то пошло, то париками, накладными бровями и прочей самоклеющейся ерундой только имперские шпики пользуются. От скудости бюджета. Насто-

ящие профессионалы используют гибридные маски! Оно, конечно, дорого стоит, но себя вполне оправдывает.

— Гибридные маски? — Семен заглянул в кружку — чая уже не осталось, а вставать и наливать было лень.— Можно поподробнее?

— Можно! — с воодушевлением согласился Мар.— Люблю просвещать неграмотных! Итак: гибридная маска — это накладное лицо... э-э... живое лицо. Приложил его к своей физиономии, оно и приросло на время, ты даже чувствовать тем лицом будешь все по-настоящему! А не нужно стало — отлепил и спрятал... Но, повторяю, прикладывать только к физиономии! А то будет как у Дурика Говоруна.

— А что было с Дуриком? — Семен понял, что сейчас услышит очередную историю о приключениях одного из бывших хозяев Мара; он встал, налил чаю и, откинувшись на спинку стула, посмотрел в окно — на улице вечерело; из окна кухни было видно, что солнце окончательно ушло за березы, небо потемнело и на нем проступил белый круг луны. А еще Семен заметил вдалеке, над березами, слабое серебристое сияние, на которое вчера не обратил внимания — гроза помешала. Это, по всей видимости, и была защитная стена Кардинала.

— Я пробыл у Дурика пять лет,— начал медальон и неожиданно расхохотался, с трудом остановившись, Мар продолжил рассказ вздрагивающим от еле сдерживаемого смеха голосом: — Пять великолепных, незабываемых лет! Знаешь, Семен, есть люди, которым на роду написано все время попадать в самые нелепые ситуации... в крайне дурацкие. В такие, в которые другой человек попасть не может по определению, потому что у него судьба иная.

Отправился, значит, Дурик однажды ночью брать частный банк... а надо сказать, что дело было летом, жара стояла невыносимая! Мне-то что, никакое летнее пекло мне нипочем, а вот Дурик от жары сильно страдал: был он человеком толстым, у него раньше и кличка была Жирдяй, до этого случая. А после навсегда изменилась... Знал бы Дурик, чем его ночная вылазка для него обернется, никогда бы в тот банк не полез!

Итак, убрали мы охранное заклятие и пробрались в банк, к сейфу. Сейф оказался серьезный, без магии, но сделанный на совесть. Впрочем, Дурик тоже умелец был знатный! К походу

мой хозяин подготовился тщательно, взял с собой весь необходимый инструмент и гибридную маску тоже захватил — на тот момент, когда деньги выносить будет. Чтобы случайные свидетели его после не опознали... Ха, при такой комплекции и остаться неузнанным! Но Дурик считал иначе.

Работает, значит, Дурик Говорун в поте лица, сейф вскрывает: разложил инструмент возле себя и маску туда же кинул, чтобы не мешала. А жарища лютая! Ни сквознячка тебе, ни ветерка... Вот Дурик постепенно и стал раздеваться. В конце концов остался он в чем мать родила, то есть голый.

Через час сейф открылся. Но не успел Дурик обрадоваться, что до золота наконец добрался, как на тебе — вламывается в комнату свора полиментов! «Руки вверх!» — орут, «Стрелять будем!» — вопят... Все как положено. Видишь ли, владелец банка не очень магии доверял и потому наладил элементарную сигнализацию в соседнюю половину дома — там полиментовский участок находился,— протянул туда незаметно проволоку от дверцы сейфа и к колокольчику ее приладил. Просто и надежно! Как только Дурик дверцу открыл, так колокольчик и зазвенел.

Ну, Дурик от неожиданности и сел прямо на свои инструменты. Вернее, на маску. И та приросла к его голому заду... Полименты Дурика на ноги поставили, осмотрели его и увидели, какой идиотский казус с пойманным вором приключился. Хохот, понятное дело, был страшный! А тут на Дурика от сильных душевных волнений неудержимый метеоризм напал... Метеоризм, Семен,— это когда человек безостановочно газы пускать начинает, ежели по-интеллигентному выражаться. Короче, маска во время осмотра вдруг приоткрывает рот и ласковым голосом сообщает всем присутствующим: «Пу-ук! Пук-пук». Думаю, ты можешь представить, что тогда началось...

В общем, отпустили полименты Дурика, накостыляли ему по шее и отпустили. Но без инструментов и без одежды... Вот в таком виде мой хозяин и примчался на ближайшую хазу: снять маску самостоятельно он не смог, слишком крепко она к заднице приросла — кожа там особая, что ли? Хм, думаешь, на хазе маску так сразу и отлепили? Хе! Сначала все вдосталь налюбовались на говорящую физиономию, по полу от хохота повалялись, а уж после... С тех пор Жирдяй и стал Дуриком

Говоруном. Навсегда. Впрочем, навсегда ли — не знаю: отдал он меня через пару лет другому вору по кличке Замурзан Ботаник. В обмен на средство для похудения отдал... С Замурзаном у нас тоже разные приключения случались, но это я тебе потом расскажу. Если захочешь.

— Только не сейчас! — Семен вытер салфеткой выступившие от смеха слезы.— А то я запросто коньки отброшу от твоих россказней! А мне еще дело делать надо. Ох ты, ну и хозяева у тебя были...

— Да уж,— скромно подтвердил Мар,— очень разносторонние личности!

— И с одной, и с другой стороны личности! Спереди и сзади,— всхлипнул Семен и опять схватился за салфетку.

Отсмеявшись, Семен бросил в мусорное ведро салфетку вместе с остатками обеда и вышел на крыльцо.

Вечер был тих и безветрен — ни комаров тебе, ни мух; прохладный воздух пах травяной свежестью. Где-то вдалеке, среди берез, заливался ранний соловей: уходить на опасную работу Семену не хотелось — уж очень хорошо здесь было. Душевно.

— Пора,— вздохнул Семен.— Давай, Мар, поехали в «Икс-файлы»! Дави на педаль — истина где-то рядом.

— Куда? — оторопел медальон.— Чего?

— В Икс-Мир поехали,— пояснил Семен,— а «Икс-файлы»— это кино такое. Фантастика. Но очень похожая на здешнюю вседисковую реальность. Очень.

— Твоя кина никак не может быть похожа на реальную жизнь,— подумав, объявил Мар.— Фантастика — это выдумка. А разве я — выдумка? А Кардинал? А чужие? Нет, Семен, реальность — это наши друзья и наши враги, данные нам в ощущениях, так говорил когда-то Замурзан Ботаник. И я с ним согласен. А вот то, что истина где-то рядом,— так оно и есть. Потому что больно уж расплывчатый адресок вложил в меня Слимп! Какой-то размазанный, что ли... Как будто он промчался за один миг по всему маршруту, ставя пространственные метки на все подряд, и на нужное, и на ненужное. Абы как ставя. Ох уж мне эти крутые маги-колдуны! Все у них по-своему, все нестандартно! А ты разбирайся... Правда, выделяется пять более-менее понятных адресов. Это, видимо,

те места, которые Слимпа чем-то заинтересовали. То есть пять конкретных мест в Икс-Мире! А какой именно из тех адресов нам пригодится — не знаю. Что делать будем?

— Прямо по списку и пойдем,— рассудительно ответил Семен.— Посетим все те конкретные места, с самого первого и по самое последнее. Где-нибудь да найдется нужная зацепка! Я так думаю.

— Логично,— похвалил решение Семена медальон.— Ну, тогда поехали!

...Туннель, в котором через секунду оказался Семен, напоминал трубу многополосной автострады: у него был высоченный потолок с четырьмя далеко разнесенными друг от друга рядами светильников и гладкий, стеклянно отблескивающий пол, расчерченный вдоль широкими белыми полосами; стены туннеля терялись в полумраке, но все же было видно, что они не гладкие, а сплошь покрыты крупным рельефным узором, издали похожим на древесную кору.

Семен стоял посреди автострады, идущей из никуда в никуда, и оглядывался по сторонам, прикидывая, в каком направлении ему лучше идти. Желательным было то, которое привело бы его к людям, а не к чужим. Пусть и к наемникам, но — к людям.

— С проезжей части сойди,— посоветовал Мар.— Вдруг тут скоростной гужевой транспорт ездит? Еще задавит ненароком какая-нибудь тележная кобыла... Вон туда давай, вправо, там специальная тропка есть. Для любителей пеших прогулок.

Семен спохватился и опрометью кинулся в сторону.

Возле стены был узенький тротуар, приподнятый над полотном дороги. Семен встал на пешеходную тропинку и опять призадумался, топчась в нерешительности на месте.

— Чего стоим? — поинтересовался Мар.— Проблемы?

— Да вот, не знаю, в какую сторону идти,— признался Семен.— Сложность выбора, понимаешь!

— Давай тогда знак какой-нибудь поищем,— предложил медальон.— Путеводное знамение... О, есть такое! Во-он там, Семен, вдалеке, один потолочный светильник моргает... нет-нет, в другой стороне! Вот туда и пойдем, если все равно куда.

Семен безропотно отправился в указанную Маром сторону: лично он никакого моргающего светильника не видел. Впрочем,

у медальона было, несмотря на отсутствие глаз, острое зрение, и Семен не сомневался в его словах.

— Слушай меня внимательно.— Семен на ходу принялся инструктировать Мара.— Я хочу встретиться с местными людьми, разузнать у них, что здесь к чему. Если налетим на чужих, то прикроешь меня невидимостью, а там посмотрим, как быть. Может, перескочим на другой адрес... Самостоятельно ничего не предпринимай! Разве что в случае смертельной опасности.

— Есть, шеф! — бойко отрапортовал медальон.— Будет исполнено! Вот только что-то ни людей, ни чужих не видно... Единственная опасность, которая возможна в этой дыре,— скорое наступление зевоты и скуки. Смертельной. Ежели так и будем дальше топать впустую.

— Если станет совсем грустно, что-нибудь придумаем,— пообещал Семен.— Нам это не впервой... Ага, теперь вижу твой плафон! Действительно моргает... Ну и пусть! Еще метров сто пройдем, и если за это время никого не встретим, тогда...

Семен не договорил — в противоположной стене туннеля открылся ярко освещенный прямоугольник хода, оттуда один за другим вышли трое мужчин; поглядывая то по сторонам, то на потолок, троица направилась к середине автострады. К тому месту, где над стеклянным шоссе отбивала световую морзянку неисправная лампа.

Семен немедленно раскрасил маскировочный костюм в цвет стены и прижался к ней: увидеть его можно было, лишь подойдя вплотную.

Мужчины были одеты в желтые комбинезоны, похожие на робы сантехников по вызову, у одного из них на плече висела объемистая черная сумка, у второго — что-то наподобие ручного пылесоса; у третьего за спиной был небольшой ранец, прихваченный ремнями крест-накрест через грудь. Человек с ранцем был постарше своих молодых спутников — Семен решил, что ему где-то лет под сорок,— повыше ростом и пошире в плечах. И чем-то здорово напоминал профессионального спортсмена — жестким выражением лица, что ли... Семен не понял.

Тот, который был с сумкой, громко продолжал рассказ, начатый раньше:

— ...и тут, представьте, вваливается в нашу ячейку Гага, весь никакой, морда и кулаки в крови, рубаха порвана. Ну, мы, понятное дело, всполошились: Гага, что случилось? Кто тебя так? Ежели это опять козлы из восьмого, то мы сейчас им такой триндец устроим, что мало не покажется! И плевать на Инкубатор, авось не найдут... Мы, по правде, тоже нарезанными были. Море по колено! Крепкий, гад его, самогон оказался, совсем дурные стали...

— Ну, и что Гага? — напомнил его спутник с пылесосом на плече.— И кто же его так отделал?

— Не кто, а что,— предвкушающе похохатывая, ответил сумочный.— Он, видишь ли, решил еще за одним пузырем к Легу в дежурку смотаться... ты ж знаешь Гагу, он всегда в одиночку надирается!.. Решил, стало быть, он догнаться окончательно. Чтобы — наповал. И двинул с ходу из своей ячейки... быстро-быстро двинул, чтобы не отключиться раньше времени. Бегом.

— И? — заинтересовался тот, который был с ранцем.

— Он пропускной жетон забыл надеть,— с удовольствием сообщил рассказчик.

Оба его спутника зашлись в хохоте.

— Мордой... об собственную дверь! — с перерывами, постанывая от смеха, с трудом добавил сумочный.— Причем три раза! Три! С разбегу!!! Морд...— продолжить сумочный не смог: ослабев от смеха, он сел на дорогу и замотал головой.

— Так-так,— вполголоса сказал Мар.— Вывод: у них здесь тайно гонят самогон и жрут его до упаду в своих жилых ячейках, что говорит о налаженном быте, то есть о давнишней оседлости людей; также есть обязательный пропуск, без которого дверь той ячейки не открыть... Значит, повсеместный контроль. А еще имеется некий Инкубатор, которого все боятся. Не нравится мне этот Инкубатор, ох не нравится...

— Ладно, вставай! — Тот, который был с ранцем (видимо, старший в группе), пнул ногой ослабевшего от смеха товарища. Несильно пнул, для острастки и приведения в чувство.— Дело надо делать! А то сами загремим в Инкубатор под фанфары.— Старший уставился на мигающий потолочный светильник.— Через полчаса движение откроют... Новую лампочку давай!

Рассказчик, продолжая похохатывать, встал, покопался в сумке и протянул старшему короткую стеклянную трубку; старший, взяв ее, проверил на просвет, небрежно сунул в брючный карман. И, щелкнув чем-то на боковине ранца, поднялся в воздух.

— Вога, ты оставайся на подхвате,— приказал сверху ранцевый командир,— а ты, Барт, включай машинку, чего без дела стоять! Под лампой особо глянь, как там стеклопокрытие дороги: проверь, не изменилось ли оно от вспышек! Мне только аварии на моем участке не хватало,— и улетел к плафону.

Барт — тот, что с пылесосом на плече,— сделал вслед улетевшему начальнику непристойный жест, известный в народе как «отруби по локоть»; смешливый Вога тут же беззвучно затрясся, зажимая рот ладонью. Недовольно бурча малопонятное, Барт снял машинку с плеча и со скучным видом, глядя только себе под ноги, побрел широким зигзагом в направлении Семена, лениво поводя раструбом над дорогой; Барт вел себя как опытный минер на очередном зачете с учебным миноискателем на учебном минном поле — работал для проформы. Чтобы отвязались.

— Иду на контакт,— шепнул Семен.— Мар, напоминаю, что бы ни случилось — без моей команды никаких действий! — Семен отлип от стены, превратил костюм в желтый комбинезон, такой же, как у ремонтников, и неторопливо направился к беспечно посвистывающему Барту.

— Привет! — жизнерадостно сказал Семен, останавливаясь перед Бартом и упирая руки в бока.— Как дела?

Тот замер, медленно поднял глаза и, открыв рот, уставился на Семена; лицо его быстро покрывалось бледностью.

— П-привет...— убито сказал Барт.— Слушай, я же тебя ничем плохим не поминал... чего ж ты именно ко мне пришел, а?

— Могу и к нему пойти,— несколько удивленный, Семен глянул в сторону Воги, привычно копающегося в сумке.— Мне все равно к кому.

— Ага, ага.— Барт часто закивал и бочком-бочком подался в сторону, пропуская Семена.— К нему. Да-да... — Он остался стоять на месте, забыв о своем работающем пылесосе: внутри машинки что-то недовольно жужжало и потрескивало, но Барт смотрел только на Семена. С ужасом смотрел.

— Странный ты какой-то.— Семен хмыкнул и прошел мимо Барта к смешливому Воге.

— Привет,— Семен остановился в паре шагов от сумочного,— как жизнь?

— А? — Сумочный Вога уставился на Семена с тем же выражением ужаса в глазах.— Туннельный! — внезапно завопил Вога, срываясь на визг и тыча пальцем в Семена.— Это же туннельный! Заман, Заман, ко мне туннельный приперся! Зама-а-ан!!!

— Иди ты в Инкубатор,— глухо раздалось сверху.— Чего орешь? Он же к тебе приперся, а не ко мне. Вот сам и разбирайся... А мне лампу менять надо. Р-работнички, мать их... Развлекаются все, хохмят...— Летающий Заман, похоже, даже не глянул вниз. Не соизволил.

— Ты того,— прикрываясь сумкой и пятясь от Семена, жалко бормотал Вога,— ты, знаешь... Я ж всегда, как положено, первый тост — за туннельного... Ты вон Замана дождись, ему все равно, он уже пять дополнительных стираний прошел, ему что Инкубатор, что Затуннелье... Рано мне еще! Не хочу!

— Какой туннельный? Какое стиранье?! Ничего не понимаю! — с досадой воскликнул Семен.— Я просто хотел с вами поговорить, спокойно, по-человечески, а вы шарахаетесь от меня, как буржуй от налогового инспектора. Живой я! Не призрак.

— Живой? — Вога опустил сумку.— А чего тогда в закрытом туннеле делаешь?

— Хм.— Семен запнулся.— Чего делаю? Гуляю. Туда-сюда гуляю, хочу кого-нибудь встретить. Вот вас увидел.

— Да ты кто такой, а? — со злостью спросил подошедший к ним Барт, свой пылесос он держал так, словно собирался им в случае чего треснуть Семена по голове: похоже, напугал Семен Барта крепко. По-серьезному.

— Я? — Семен опять запнулся: говорить правду он не собирался, а придумать легенду заранее не успел. Поторопился со встречей.

— С одной стороны, я...— Тут Семен неожиданно вспомнил байку Мара о его разностороннем хозяине и абсолютно не к месту рассмеялся.

— Так он же стертый! — с изумлением понял Барт, вешая пылесос на плечо.— Ей-ей, стертый! То-то он ерунду всякую

несет! Ничего не понимает, на вопросы тормозит... про туннельного слыхом не слыхивал! По смертельной магистрали туда-сюда бродит... Смеется. Точно, стертый! Видать, из больнички в бессознанке удрал и заблудился. Ну, мужик, и напугал ты нас... Эй, Заман! Тут не туннельный! Тут стертый приблудился! — сложив ладони рупором, крикнул вверх Барт.— Это по твоей части! Спускайся вниз!

— Готово,— донеслось сверху.— Сейчас прилечу.

Семен задрал голову: отремонтированный плафон светился ровным немигающим светом; старший группы, с протянутыми к светильнику руками, был похож на черта, ворующего луну. Особенно отсюда, снизу.

Облетев напоследок плафон по кругу и убедившись, что все в порядке, Заман неспешно опустился на стеклянное шоссе. Рядом с Семеном.

— Ты, что ли, туннельный-стертый будешь? — с легкой усмешкой спросил Заман, внимательно разглядывая Семена.— Ну, на туннельного ты пока не тянешь, это моим ребятам с бодуна показалось. Слишком ты настоящий, не призрачный. А вообще-то действительно странно встретить здесь живого человека! Всяко с испуга может в голову прийти... Ты как здесь оказался, а?

Семен пожал плечами:

— Ну, как-как... Вот, оказался.

— Понятно,— почему-то не удивившись, сказал старший.— Ребята, пошли отсюда! Вот-вот движение включат, раскатают тогда нас по всей дороге, никакая больничка не спасет... И ты с нами иди.— Заман махнул рукой в сторону прохода.— Не то и впрямь туннельным станешь. На постоянном окладе.— Вся троица от души расхохоталась.

— Да, тебя как зовут? — посерьезнел Заман.— Это ты помнишь?

— Симеон,— представился Семен.

— Помнишь,— улыбнулся старший.— Это хорошо! Нельзя свое имя забывать. Без имени — ты никто... А меня зовут Заман Щур.

— Щур? — с явным недоумением переспросил Семен.— Если не ошибаюсь, то в моем родном Мире так по-украински

птичку какую-то зовут. Певчую. Вы что, с Земли сюда завербовались?

Все трое переглянулись.

— Ложная память,— со знанием дела объяснил спутникам Заман.— Это нормально, это бывает... Щур — сокращенно от Алмищур. Что это слово раньше означало, увы, не помню. Может, фамилию. Может, воинское звание. Может, кличка такая была... Хм, чего только после больнички не говорят! Тут и земли-то нигде не найдешь... Железный мир. Стеклянно-железный. Ладно, пошли.— Заман быстрым шагом направился к проходу.— Давайте-давайте! Полосы светиться начинают! Бегом!

Все рванули к прямоугольнику в стене. Семен глянул под ноги — белые полосы-вставки наливались угрожающим вишневым светом — и припустил за ремонтной троицей.

Отверстие прохода заросло, едва Семен вбежал в коридор следом за ремонтниками; стена позади Семена почти сразу мелко завибрировала — низкий гул заполнил коридор.

— Успели.— Заман вытер пот со лба.— Вон, пошла лавина... Народ, вы идите по своим делам, на сегодня все. А я с Симеоном потолкую и после его к начальнику блока отведу... Будет меня из диспетчерской кто искать — я на обходе. Все ясно?

— Конечно! — Народ в количестве двух человек повеселел.— Само собой!

— К Легу не ходить! — жестко добавил Заман.— Учую запах— прибью.

На народ было жалко смотреть.

— Ладно,— смилостивился Заман.— Можете казенного пива выпить. И в женский блок сходить. Талоны на пиво и женщин есть?

— Есть,— воспрянули духом ремонтники.

— Вот вам еще, на пиво.— Заман вынул из нагрудного кармана комбинезона несколько серых бумажек.— Я его все одно не употребляю...— Заман расстегнул ремни на груди, снял ранец и протянул его Барту.— Сдашь на склад. К вечерней поверке все должны быть в своих ячейках! Я вас отмазывать от Инкубатора не стану.

— Обижаешь, начальник,— зашумел народ в два голоса.— Разве ж можно?! Нам тоже жить хочется.— Барт и Вога хлоп-

нули друг друга по рукам и, не оглядываясь, поспешили вдаль по коридору. Скоро их шаги стихли, Семен и Заман остались вдвоем. И остался низкий гул, идущий от стены.

— Ты слишком много чего помнишь, Симеон! Какие-то ненужные для работы птичьи имена, название своего мира... Не дотерли тебе память, факт! — Заман посмотрел в глаза Семену.— Или вообще стереть не смогли. Такое, говорят, случалось раньше. Редко, но случалось... Инкубатор для таких неудачников работает круглосуточно.

Потому-то я и хочу успеть побеседовать с тобой, пока санитары-поисковики тебя не нашли.— Старший группы отвел глаза в сторону.— Вспомнить хочу. Свое. Может, ты сумеешь мне помочь... Когда в больничку назад попадешь, там тебе однозначно повторное стирание назначат,— сухо сказал Заман, не глядя в лицо Семену.— Мощное. Забудешь не только как твой мир назывался, но и как маму звали. Могут и ноги парализовать, на время. Чтобы опять не убежал... И в наш блок тебе идти нельзя, начальник мигом новое лицо засечет! Вот такие дела, Симеон.

Семен огорченно покачал головой.

— Да-а, тяжелая ситуация... Впрочем, плевать мне на тех санитаров вместе с их больничкой, руки у них коротки меня достать! Заман, тут есть место, которое никем и ничем не контролируется? Не просматривается и не прослушивается? Там бы и побеседовали.

— Есть такое место.— Старший группы странно поглядел на Семена.— Можно было бы и здесь, конечно, но раз ты хочешь... Сюда.— Заман направился по коридору в ту сторону, куда ушли его друзья-ремонтники; Семен последовал за ним.

Коридор закончился кабиной, аккуратно вписавшейся в размеры коридора и похожей на кабину грузового лифта, с двумя высокими прозрачными дверцами и набором маленьких, как на пульте дистанционного управления, кнопок на внутренней стене кабины.

— Входи.— Заман пропустил Семена вперед.— Сейчас поедем, только блуждающий коридор вначале уберу.— Заман прикрыл дверцы, пощелкал кнопками; коридор, видимый через дверцы, исчез — вместо него возникла серая мгла.

В кабине само собой зажглось дежурное освещение, и только сейчас Семен обнаружил, что в ней имеются еще одни прозрачные двери, противоположные тем, через которые он вошел: за вторыми дверями тоже клубилась неопределенная муть.

— Для аварийного коридора,— заметив взгляд Семена, еле слышно пояснил Заман.— Через него ребята за пивом ушли... Пора, братцы, за деталями на склад,— громко сказал старший группы, указывая Семену взглядом на потолок кабины; Семен понимающе моргнул. Но смотреть вверх не стал.

Заман быстро набрал некий известный ему код — Семен не успел заметить, какой,— и неожиданно резко надавил ладонью на все кнопки разом. Освещение в кабине пропало, а серая муть за дверцами стала быстро светлеть, превращаясь в молочно-голубой туман; через пару секунд туман рассеялся. Семен невольно подался к ближайшим дверцам — то, что он увидел, было невероятно! Зрелище, которое запоминается на всю жизнь.

Перед Семеном простиралась ровная зеркальная гладь, словно кабина лифта стояла посреди бескрайнего ртутного океана,— но это, конечно, была не ртуть; над металлической равниной висело черное космическое небо, усеянное мириадами звезд, больших и маленьких. Звезды безостановочно подрагивали, то увеличиваясь, то уменьшаясь в размерах, как будто видел их Семен сквозь движущееся волнистое стекло. Не очень прозрачное стекло: по зеркальной глади, поверх отраженных звезд, бежали отраженные тени. Если б не они, то Семен незамедлительно решил бы, что оказался в открытом космосе. Без скафандра, в негерметичном лифте. Со всеми вытекающими из этого последствиями.

— Можно выйти, воздуха вполне хватает. Не очень чистого, но хватает,— сказал Заман.— Газовый барьер на случай метеоритной атаки. Вернее, на тот случай, если какой булыжник в силовом поле не полностью сгорит. Впечатляет, да? Я, когда впервые здесь оказался, сознание от страха потерял. После ничего, привык...

— Страсть-то какая! — подал голос Мар.— Междумирье с изнанки, на ощупь! Впечатляет, н-да-а... Жутковато, мрачновато, звездовато... Чересчур звездовато! В прыгалке чужих и то уютнее было. Да, Семен, много чего я видал, но такого —

никогда! И, надеюсь, больше не увижу. Я — существо тонкое, трепетное, мне отрицательные эмоции крайне противопоказаны. А тут того и гляди великан Додо объявится и всех к ногтю придавит! Он же, великан, где-то в этих краях ошивается. В междумирье.

— Нет, таких не берут в космонавты,— насмешливо продекламировал Семен, открыл двери и вышел наружу.

Воздух противометеоритного барьера был сухой и безвкусный. Мертвый. Зеркальная поверхность оказалась скользкой в меру — во всяком случае, Семен не брякнулся, предусмотрительно нарастив на обуви мягкие резиновые подошвы. Стоять было можно.

— Эй, Заман,— Семен повернулся к кабине,— а что...— и осекся. Старший группы держал палец на одной из кнопок управления кабиной, угрюмо глядя на Семена.

— А теперь, Симеон,— напряженным голосом сказал Заман,— или как тебя там на самом деле, рассказывай, на какой служебный отдел работаешь: на охранников или наказателей? Все рассказывай! Будешь врать — нажму кнопку возврата и останешься ты здесь навсегда. Дня два протянешь, не более. Искать тебя никто не будет: способ выхода на поверхность знают только несколько человек! А координаты этого выхода— только я.

— Ого! — Семен изумленно приподнял брови.— Тайная организация вольных ремонтников? Партизаны от паяльника и отвертки? Круто, ничего не скажешь.

— Ты не издевайся,— процедил сквозь зубы старший группы,— не тот момент. Нажму ведь!

— Да жми. Подумаешь, напугал! — Семен недовольно помолчал; Заман ждал, держа палец на кнопке.— Глупо как-то получается... Я, понимаешь, в ваш Мир специально прибыл, чтобы одного человека найти — его чужие похитили,— хотел переговорить с кем-нибудь из людей, с тем, кто объяснил бы мне, что у вас творится. А он на кнопку жать собрался. Ну и жми! Другого кого найду.— Семен со злостью отвернулся.

— Погоди,— уже не так решительно произнес Заман.— Ты утверждаешь, что прибыл в наш Мир сам, не подписывая контракт с Хозяевами? Без прыгалки?

— Без,— коротко ответил Семен.— Дальше что?

— Этого не может быть.— Заман помотал головой.— Сюда невозможно попасть никому постороннему! Исключено!

— Но я-то попал.— Семен подмигнул старшему группы.— Сумел.

— Кто ты? — не убирая пальца с кнопки, растерянно спросил Заман.— Кто?!

— Вор я,— гордо подняв голову, ответил Семен.— Вор с магическим прикрытием. Выполняю частные и государственные заказы. Сейчас, например, выполняю заказ Кардинала Империи на предмет похищения Кардинала Империи! Из вашего Икс-Мира.

— Стоп! — Заман схватился за голову.— Какая Империя? Какой Кардинал? Что за Икс-Мир?

— Палец от кнопки убрал,— подметил Мар.— И то дело.

— Ох, как все запущено-то,— сокрушенно вздохнул Семен.— Даже об Империи забыл... Заман, иди сюда. Чего ты, в самом деле, посреди лифта убиваешься! Сядем, поговорим не торопясь. Мар, организуй-ка нам ужин при свечах. Для романтики. Стол, стулья, сервировку... Да, коврик резиновый не забудь, если он у тебя имеется! А то скользко.

— Это можно,— одобрительно сказал медальон.— Оно, конечно, при свечах обычно с женщинами ужинают, но тут случай особый... Как ты верно сказал — запущенный. Прошу!

Рядом с кабиной лифта возникли стол и четыре стула, стоявших на тонком резиновом ковре: стол был уставлен тарелками с едой, в серебряном ведерке стыла обложенная льдом бутылка шампанского; две высокие витые свечи освещали все это великолепие мягким трепетным пламенем.

— Шампанское то самое, которое из баронского номера,— доверительно сообщил Мар.— Помнишь, как ты на природе с папашей Вуди ужинал? Я оставшиеся в повозке бутылки заначил, извини, что без твоего приказа. Не то сожрал бы наш монах все, не поперхнулся! А нынче вот пригодилось... Стол и стулья шли в комплекте, стандартный набор... Коврик у меня давно лежал, еще с тех пор, как мы с Замурзаном Ботаником за жезлом Черного Шамана в молниевую пещеру лазили. Свечи специальные, ароматозащитные, от комаров и упырей... А, сойдет!

— Что это? — слабым голосом спросил Заман, указывая на стол.— Откуда?

— Магия,— улыбаясь, ответил Семен.— Упаковочное колдовство. Волшебство на розлив. Иди сюда!

— Такого не может быть.— Заман вышел из кабины, сделал пару осторожных шагов по скользкому металлу и оказался на ковре.— Магии не бывает! И волшебства не существует!

— Кто тебе эту глупость сказал? — Семен вынул шампанское из ведерка, содрал фольгу с пробки и принялся откручивать ушко предохранительной сеточки.— Ха, магии нет! Плюнь тому в лицо, кто такую чушь говорит.

— Нельзя,— мрачно сказал Заман, оглядывая стол.— Это Хозяева так говорят. А им в лица и морды плевать — себе дороже будет.

— Хозяева — это чужие? — Семен с громким хлопком откупорил бутылку, и пробка унеслась к звездам.— Тогда тем более плюнь! Они того заслужили.

— А кто такие чужие? — Заман присел на краешек стула, он явно чувствовал себя не в своей тарелке.

— Вот с этого и начнем.— Семен разлил шампанское по бокалам.— Выпьем за наше знакомство, и я тебе все-все расскажу. То, что знаю: и о чужих, и об Империи, и о похищении Кардинала. А ты объяснишь мне, как устроен ваш заморочный мир, где к женщинам и к пиву допускают только по талонам. И почему ты решил, что я охранник-наказатель. Со знакомством, Заман.— Семен поднял свой бокал.

— Ну и денек,— со вздохом сказал Заман.— Ну и смена... Со знакомством, Симеон! — И они чокнулись.

...В Икс-Мире никогда раньше не происходило столь наглого нарушения основных, возведенных в ранг закона, категорических запретов, а именно: стихийно организованная коллективная пьянка — на закрытом для любых посещений внешнем оборонном рубеже — нарушала как минимум шестнадцать параграфов Устава Внутренней Жизни. И около ста пятидесяти связанных с ними пунктов, подпунктов и уточнений тоже нарушала. Что, разумеется, каралось немедленной отправкой в Инкубатор.

Никогда ранее такого нарушения не происходило, и никогда более не произойдет.

Потому что существовать Икс-Миру в том виде, в каком он пребывал века, оставалось недолго. Совсем недолго. Несколько суток.

ГЛАВА 12
Свобода по Лимиту: Импровизированный Магический Побег

Как понял Семен из рассказа старшего техника Замана, социальное устройство Икс-Мира (он же Мир Равновесия по-местному) напоминало классическую государственную пирамиду власти: в ее основе находилось множество техников, обслуживающих разнообразные устройства жизнеобеспечения Мира Равновесия — от простейших до самых сложных. На той же ступени находились и немногочисленные люди-врачи, и стерилизованные женщины из борделей. Прочая обслуга, короче говоря.

Выше стояли охранники, следившие за порядком среди техников; еще выше были наказатели, которые следили за всеми (что-то вроде гестапо, как определил для себя Семен); потом шли Хозяева. То есть чужие: Хозяевами они были для Замана и всех остальных, но никак не для Семена.

Управлял же Миром Равновесия — и всеми остальными Мирами чужих — Главный Хозяин. Он же Император чужих. Которого Заман никогда не видел.

Чужих в Мире Равновесия, по словам Замана, было не очень много: постоянно здесь проживал лишь Главный Хозяин со всеми своими приближенными, советниками и телохранителями. Проживал обособленно, в глубинной части Мира. Куда доступа людям не было.

А стержнем пирамиды был Инкубатор. Загадочный и зловещий.

Собственно, весь Икс-Мир и был создан ради того Инкубатора — для его содержания и надежной охраны. И вся жизнь людей Мира Равновесия подчинялась одному: обслуживанию Инкубатора. Качественному, оперативному, добротному. Потому что Инкубатор производил Хозяев. То есть чужих.

Инкубатор был надежен. Инкубатор был вечен. Но, как и любая техника, он иногда давал незначительные сбои. И тогда на его ремонт аврально, под охраной, направляли специалистов-техников (порой целым жилым блоком), которым после выполнения необходимых работ Хозяева стирали память в больничке, память о том, что они видели в святая святых Мира Равновесия. Стирали, по объяснению Хозяев-врачей, во избежание раскрытия местонахождения Инкубатора и возможных диверсий; охранникам, входившим в Инкубатор, память стирали тоже.

Иногда такое вмешательство в работу мозга заканчивалось для подопытного печально: помимо назначенных к удалению фрагментов памяти уничтожалось и многое другое. Такого человека, не помнящего почти ничего, называли стертым. За одного из которых Заман с его командой и приняли Семена. Стертые, если могли справляться с простейшей работой, продолжали жить; если не могли — отправлялись в Инкубатор.

Первичное стирание памяти — удаление ненужных, а порой и вредных для профессиональной деятельности воспоминаний— по прибытии в Мир Равновесия делали всем, кто имел глупость заключить контракт с чужими через вербовщиков, людей-посредников. Замечательный контракт на великолепно оплачиваемую секретную работу! Стирали независимо от того, хотели этого вновь прибывшие или нет. Впрочем, выгодное предложение было всего лишь приманкой: здесь, в Мире Равновесия, контрактники сразу же становились бесправными рабами. Пожизненно.

Ходили слухи, что зачастую Хозяева обходятся и без формальных договоров — незаметно похищают нужных им специалистов из технически развитых Миров, и вся недолга.

Наказатели во всем этом безобразии с регулярным промыванием мозгов не участвовали — Хозяева их не трогали. Во-первых, потому, что наказатели никак не были связаны с Инкубатором, у них были другие задачи. А во-вторых, у наказателей и так уже изначально было стерто в сознании все, что только можно было стереть, не уничтожив при этом человека как личность. А взамен наказателям прививалось типовое, одобренное Главным Хозяином, верноподданническое миро-

воззрение и комплекс стандартных навыков по выслеживанию бунтарей и недовольных.

Техников, как предполагал Заман, Хозяева не переделывали так радикально из опасения возможной утраты ими профессиональных навыков и творческого подхода к ремонту в нештатных ситуациях — основные знания по обслуживанию устройств Мира Равновесия внедрялись техникам в память сразу же при первичной обработке; охранники не подвергались изменению личности за ненадобностью, достаточно было и начальной переделки — эти люди и при найме, как правило, не блистали интеллектом, а уж после обязательной процедуры вообще становились похожими на зомби. На весьма исполнительных и бесстрашных зомби.

Насколько был осведомлен Заман, наказателей создавали из наиболее хитрых, умных и отчаянных уголовников, не ценящих ни свою, ни чужую жизнь. Из уголовников, приговоренных к смертной казни. Хозяева в разных Мирах выкупали за большие деньги этих смертников из тюрем и своевременно пополняли ими ряды своих верных слуг. Пополняли потому, что убийц с искусственной душой не любили ни техники, ни охранники, и, возможно, именно поэтому с наказателями то и дело происходили несчастные случаи со смертельным исходом. С настолько смертельным, что восстановить погибшего наказателя не могли даже в больничке. Хотя в ней могли лечить все что угодно: начиная от обычного насморка и заканчивая оживлением трупа — если труп, разумеется, был свежий и более или менее целый. Лечить все что угодно, но на усмотрение Хозяев — больничка, пожалуй, была единственным местом в Мире Равновесия, где работали не люди, а Хозяева, чужие.

Люди-врачи, живущие вместе со всеми в ячейках, к больничке никакого отношения не имели: в лечебное заведение Хозяев бесправные жители Мира Равновесия обращались лишь в крайнем случае. Без уверенности в помощи.

Семен, слушая рассказ Замана, мрачнел все больше и больше. Не помогло и шампанское, которое Мар заботливо обновил, едва закончилась первая бутылка.

— Концлагерь какой-то, ей-ей,— зло сказал Семен, дослушав повествование Замана.— Ужас. И как вы это все терпите... Впро-

чем, понятно как. Зомби-охранники, гестапо и регулярное стирание памяти. Хм... Не пойму одного: почему чужие, то есть ваши Хозяева, сами не занимаются своим Инкубатором? Плодились бы себе втихаря, размножались... Людей зачем гробить?!

Заман поставил на стол недопитый бокал и насупленно уставился на ни в чем не повинную посудину.

— Ходят слухи, что Главный Хозяин абсолютно не доверяет своим, потому-то здесь в обслуживании только люди. А еще есть слушок, очень похожий на правду... мерзкий слушок.

— Какой? — Семен был готов услышать любую пакость, с этого Мира станется!

— Слух о том, что в Инкубаторе регулярно проводят ритуал человеческих жертвоприношений,— угрюмо молвил Заман.— Иначе Инкубатор действовать перестанет. А нас гоняют не для ремонта, а для обязательного участия в том ритуале... Потому и память стирают. Усыпляют всех сразу после ритуала, прямо в Инкубаторе, потом доставляют в больничку и стирают.

— Откуда же тогда слухи? — поинтересовался Семен.— Ежели память стерта, то откуда?

— Ну-у,— неуверенно протянул Заман,— у одного какой-то огрызочек нестертого воспоминания остался, у другого... Так, наверное, те сплетни и появляются. С которыми наказатели борются. Кто слишком много болтает, долго в своей ячейке не живет! Пропадает.

— Понятно.— Семену расхотелось пить шампанское. Как-то не тянуло после услышанного.— Скажи, Заман, а почему ты меня принял за охранника-наказателя? Неужели я похож на исполнительного зомби или на верноподданнического службиста?

— Немного похож,— с неохотой признался Заман.— На охранника. Ростом. Но они без мата ни одной фразы внятно сказать не могут, так что вряд ли ты был охранником... Понимаешь, Симеон, очень подозрительно, когда к тебе подкатывает незнакомый человек, тем более в таком гиблом месте, как транспортная магистраль, и начинает демонстрировать свою память... Показывать, что он все-все помнит из своей прошлой жизни. Или нарочно придумывает, что помнит. Провоцирует. А когда ты, Симеон, мимоходом сказал, что больнички не боишься и что у санитаров-поисковиков руки коротки тебя взять,— вот тогда я решил: ты из верховной надзирате-

льной системы. Значит, глаз на меня и на моих ребят положил... Что я еще мог подумать?

— Да, действительно,— со вздохом признал Семен.— Что же еще... Заман, а где у вас содержат пленников? Контрактников то есть. Я уже тебе говорил, что мне надо найти одного человека, Кардинала. Надеюсь, ему вправлять мозги твои хозяева не стали! Не тот расклад. Не тот клиент.

— Ты обещал мне рассказать о том, что знаешь сам,— упрямо напомнил Заман.— Вот и рассказывай. А после я подумаю, чем тебе помочь. Не переживай, уж что-нибудь да сообразим!

— Договорились.— Семен воспрянул духом и налил шампанского себе и Заману.

...Беседа длилась долго; время под неподвижными звездами текло незаметно. Мар еще несколько раз обновлял содержимое ведерка со льдом, но закуска была добротная, разговор неспешный, и потому Семен с Заманом оставались трезвыми. Почти.

— ...и я оказался в туннеле, где вас и повстречал,— закончил свой рассказ Семен.

— Вон оно как,— рассеянно сказал Заман, думая о своем.— Империя, надо же... Повсеместная магия, а не техника. Комплексные заклинания! А Хозяева — враги Империи... Знаешь, Симеон, пока ты рассказывал, я начал кое-что вспоминать. Так, обрывки всякие. Но главное — начал. Может, и остальное вспомню, если опять в Инкубатор на авральную работу не попаду... О, Инкубатор! Вспомнил!

— Что? — одновременно воскликнули Семен и Мар; Заман, конечно, услышал только Семена.

— Звезда,— зловещим шепотом ответил техник.— Громадная! Вся скрученная-перекрученная... то ли на стене, то ли в воздухе висит... Больше об Инкубаторе ничего не помню.

— Жаль,— расстроился Семен.— Хотя мне, в общем-то, нужен не Инкубатор, а Кардинал. Как насчет него? Ты же обещал подумать!

— Подумаю,— заверил Семена Заман.— Мне поговорить сначала надо кой с кем, посоветоваться. Знаешь что, поехали в наш блок! Рядом со мной как раз одна ячейка пустует. В ней и отдохнешь, пока я нужных людей найду и с ними переговорю. Правда, там дверь поломана, не запирается, но это и к лучшему, у тебя ведь пропуска нет...

— Я — самый лучший во всех Мирах пропуск! — заносчиво сообщил в пространство Мар.— Что мне какая-то механическая дверь! Тьфу на нее! Это я не Заману, это я тебе,— сразу же пояснил медальон.— Он меня все одно не слышит.

— Я в твоих способностях ничуть не сомневался,— шепнул в ответ Семен.— Пропуск из тебя еще тот! Универсальный.

— А то,— согласился медальон и умолк.

— Пошли,— сказал, вставая, Заман.— Скоро вечерняя поверка, опаздывать нельзя! Могут наказать. Раз и навсегда.

— А что начальник блока? — вспомнил Семен.— Ты же говорил, что он меня засечет!

— Начальник тоже человек, слабости имеет,— успокоил Семена техник.— Я ему скажу, что ты — мой гость, пузырь самогона поставлю, тогда он на тебя и внимания не обратит. У нас бывает, что из чужого блока кто-нибудь на ночь остается: зашел к друзьям погостить, крепко выпил и остался. Главное, на поверке свою ладонь и жетон-пропуск к специальному окошку в любой ячейке приложить, а трезвый ты или пьяный — кто из Хозяев узнает? Технике это безразлично.

— А если не приложить? — вставая из-за стола, спросил Семен.— Что тогда будет?

— Наказатели, разборка и, скорее всего, Инкубатор.— Заман вошел в лифт.— Но тебе это не грозит: ты же здесь никто. Нету тебя в проверочных списках! Поехали, Симеон, пора.

— Стол со всем остальным барахлом упаковывать? — по-хозяйски поинтересовался Мар.— Вон сколько продуктов еще осталось! Может, еще где под звездами посидеть придется, в более... э-э... нежной компании.

— Брось,— отмахнулся Семен.— Столов в Империи мало, что ли? Пусть Хозяева-чужие головы себе поломают, откуда он взялся. Чтобы бдительность не теряли.— Семен вошел в лифт.

...Блок, где жил Заман, напоминал коридор некой космической станции, как-то виденной Семеном в одном из многочисленных фантастических сериалов. Кажется, та станция была тюрьмой. Так вот жилой блок походил на то космическое узилище во всем, один к одному. Словно создатели фильма здесь перед съемками побывали. Тайком.

Коридор был длинный и широкий, с хромированными металлическими стенами. Один его конец был перегорожен ре-

шеткой, во втором находился вход в кабину перемещений (которую Семен по незнанию окрестил лифтом); блестящий хромом потолок был высокий, арочный, с цепочкой ярких светильников; и, само собой, имелось множество дверей по обе стороны коридора. Прозрачных дверей, через которые было хорошо видно, что происходит внутри каждой жилой ячейки.

Семен шел вдоль дверей-окон, невольно поглядывая на них: за прозрачными перегородками шла своя жизнь — где выпивали, где играли в кости, где уже спали. Каждая ячейка была одноместной, судя по единственной полке-лежанке, но в некоторых ячейках людей было преизрядно. Особенно там, где выпивали.

— Тридцать ячеек в блоке,— пояснил Заман.— Десять рабочих групп. А эти, что выпивают, пришлые. По-моему, из четвертого блока. Или из пятого... Наш — первый. Это чтобы ты знал, в случае чего.

— А сколько всего блоков? — не удержался Семен, хотя зачем было спрашивать, какая разница?

— Сто двадцать.— Заман шел, уверенно ведя за собой Семена.— В сто одиннадцатом врачи живут, их там немного, у них и лечимся... Лекарства врачам Хозяева выдают, по необходимости. В блоках с четырнадцатого по восемнадцатый — женщины... Ты смотри, в восьмой блок не ходи! — спохватившись, предупредил Заман.— Там народ особый живет, своеобразный. Молодым парням делать там нечего! Туда и охранники по одиночке не суются...

— Понял, не пойду.— Семен глянул на дверь очередной ячейки, где азартно резались в карты и по кругу пили из одного стакана.— А как вы друг к другу попадаете, из блока в блок? В гости, самогон пить.

— Да в кабинах, как же еще.— Заман неопределенно махнул рукой вдаль.— Точно так же, как и я с тобой: набираешь нужный код и попадаешь куда тебе надо; когда кабина ушла, на ее месте другая возникает. Так что заторов у нас не бывает. Все просто!.. Пришли.— Старший техник остановился возле неосвещенной полуоткрытой двери.— Вот свободная ячейка. Ее только завтра ремонтировать будут, можешь располагаться. И еще: когда сигнал на поверку услышишь, не пугайся. Он громкий, сигнал,— предупредил Заман.— Меня не жди: я сначала к начальнику блока, а после по твоему вопросу к знакомым технарям схожу.

— К начальнику — обязательно? — позевывая, спросил Семен.— Мы вроде никого по пути не встретили, никто меня не видел... Сейчас сделаюсь невидимым и завалюсь спать.

— Ты и такое можешь? — поразился Заман.

— Могу.— Семен опять зевнул.— Мар, давай-ка включай невидимость.— Вокруг Семена знакомо возник полупрозрачный колпак из чешуек-шестигранников.

— Чудеса,— удивленно сказал Заман, шаря по пустой ячейке взглядом, и хотел что-то еще добавить, но внезапно его голос заглушил пронзительный вой: звук был настолько мерзкий, что у Семена мгновенно заныли пломбированные зубы. Сигнал к вечерней поверке оказался действительно громким — такой не только спящего, но и в стельку пьяного подымет! Заман на прощание помахал невидимому Семену рукой и торопливо ушел куда-то. Видимо, в свою ячейку, докладывать о себе хитрой автоматике.

— Блин, гудок заводской,— с раздражением сказал Семен, когда пронзительный сигнал так же неожиданно стих.— От такого запросто кондрашка схватить может! Тут же, не сходя с места.

— Зато поверку не проспишь,— возразил Мар.— Что от заводского гудка и требуется.

— Ты за входом поглядывай.— Семен с удовольствием растянулся на мягкой лежанке, прикрепленной к стене ячейки на манер купейной полки.— Если кто посторонний сунется, обратно его налаживай. Справишься?

— Справлюсь,— заверил медальон.— Не впервой... Знаешь, Семен, а я ведь магию ощущаю! Сильную. Не здесь и даже не вблизи... далеко где-то. Чую я: заначено в этом поганеньком мирке у Хозяев-чужих что-то волшебное, мощное! Это они пускай своим беспамятным работникам мозги пудрят насчет того, что колдовства нету. Меня не обманешь!

— Разберемся,— сонно пробормотал Семен.— Ежели что толковое — украдем. А если опасное, то обойдем стороной. Или разрушим, долго ли умеючи! До основанья, а затем...— Семен закрыл глаза.

— Лучше, ясный хрен, чтобы то «что-то» толковым было,— с надеждой произнес Мар.— И не очень большим. У меня из упаковочных заклинаний лишь стандартные остались, которые ограниченного объема. Хотя, если воспользоваться двумя заклинаниями сразу, то... А это идея! Наложить одно заклинание

на другое или состыковать их друг с дружкой как-нибудь: вон, Дубль Кардинала говорил о таких вариантах. Почему бы тебе тоже не попробовать? Семен! Ты чего не отвечаешь? А-а, спишь... Ну, спокойной ночи.— Мар с сожалением умолк.

Проснулся Семен от яркого света, ударившего ему в лицо, и невольно прикрыл глаза ладонью.

— Ни звука! — быстро предупредил Семена медальон.— Это охранник! У двери стоит.

Семен посмотрел сквозь щель между пальцами: снаружи, у входа в ячейку, стоял рослый охранник в черной одежде, в черном берете на голове и методично обшаривал темную каморку лучом фонарика.

— Никого нету! — крикнул охранник в сторону.

— Под полкой смотрел? — донеслось раздраженно из коридора.— В сортире пойди глянь! Что ты, пля, как стертый, все тебе подсказывать надо... Будешь, пля, отлынивать, в восьмой блок на патрулирование назначу! Одного.— В коридоре громко, в несколько глоток заржали.

— Сам бы под полками лазил,— огрызнулся охранник, поспешно становясь на колено и заглядывая под лежанку с невидимым Семеном,— и в горшки с дерьмом сам заглядывал бы, сволочь усатая...— но вполголоса огрызнулся, негромко. Чтобы в коридоре не услышали. Встав, охранник подошел к стене напротив лежанки, со злостью пнул в стену ногой: за открывшейся дверью был тесный санузел — рукомойник, душ и унитаз; сантехника располагалась компактно, одно чуть ли не впритирку с другим.

Охранник мазнул лучом по унитазу, в сердцах плюнул и вышел из ячейки.

— Нету никого, я же говорил! — во весь голос проорал он в коридоре, видимо, усатая сволочь на месте не стояла, тоже ячейки проверяла. Освещенные.

— Давай-давай,— донеслось издалека,— старайся, пля! Не то попадешь в восьмой, на проверку задней позиции...— Остальное потонуло в хохоте; охранник, ругаясь, трусцой кинулся догонять ушедших.

— Что случилось? — шепотом спросил Семен, вставая с лежанки.— Ты не знаешь?

— Нет,— вполголоса ответил медальон,— но, думаю, что-то авральное: всех подняли, выгнали из ячеек, построили и куда-то

увели. Заман, кстати, тоже с ними был... Я тебя будить не стал, какой смысл? Все одно помешать не смогли бы.

— Черт.— Семен был не на шутку расстроен.— Это их в Инкубатор погнали, факт. Потом мозги хорошенько прополощут, Заман меня больше и не вспомнит... Эх, жаль мужика!

— У нас работа,— осторожно подбирая слова, подал голос Мар.— Серьезная работа. Я, конечно, тебе сочувствую, то да се, но переживания и сантименты давай оставим на потом, ты не против? Не получилось с Заманом — что ж, есть еще четыре адреса! Можем воспользоваться следующим...

— Воспользуемся.— Семен глянул в сторону темного санузла.— Отмечусь после сна, а после воспользуемся.

— На ощупь будешь или посветить? — участливо поинтересовался медальон.

— Посветить, но не ярко.— Семен усмехнулся.— Зачем охранников нервировать! Слабенькую подсветку, интимную... лишь бы хоть что-то было видно. Чтобы не промахнуться.— И пошел отмечаться.

...Ополоснув руки, Семен вышел в коридор. В коридоре было пусто: ни техников, ни охраны. Семен постоял, в задумчивости стряхивая воду с рук, сказал:

— Давай-ка, Мар, на поверхность слетаем. К столику. Позавтракаю, тогда и двинемся по следующему адресу. А то меня что-то мутит, не пойму отчего — то ли от голода, то ли от этого Мира Равновесия с его тюремными делами. Как охранника увидел, так сразу и замутило. Как от рвотного.

— К столику, понял,— невозмутимо произнес медальон.— Готово!

В тот же миг Семен оказался под звездами, возле стола, на резиновом ковре. Оказался и застыл от неожиданности. Потому что за столом сидела знакомая троица во главе с Заманом и доедала оставшееся со вчерашнего ужина; поодаль стояла кабина перемещений с распахнутыми настежь дверцами.

— Опаньки! — радостно воскликнул Мар.— Старший техник обнаружился! Вместе с молодняком. Сбежали, болезные, из птичника... то есть из Инкубатора! Молодцы. А я думал, что никогда их больше не увижу.

— Привет техникам из первого! — придя в себя от удивления, поздоровался Семен.— Приятного аппетита! Ничего, если я с вами посижу? Тоже позавтракаю.— Барт и Вога закрутили

головами, не понимая, откуда идет голос, Заман приветственно вскинул руку:

— Привет, Симеон! Я так и думал, что ты сюда обязательно заглянешь! Вот, ребят с собой привел... Удрали мы. Наших в Инкубатор повели — ну, мы первыми в кабину и сунулись, вместе с охранником-сопроводителем...

— А где сопроводитель? — Семен непонимающе уставился на Замана — за столом охранника не было.

— В кабине он лежит,— равнодушно пояснил Заман,— мертвый. Удавили мы его по пути! Я ребят успел предупредить, они и подсобили. А справиться втроем с одним человеком, пусть и крепким... Ха!

Семен резко обернулся к кабине, пригляделся: внутри нее действительно лежало что-то черное, бесформенное.

— Круто,— одобрил медальон.— Решительные мужики! Я бы с такими на дело без колебаний пошел.

— Выключи невидимость,— приказал Семен, усаживаясь за стол.— И поесть чего-нибудь свежего сообрази, ладно?.. Заман, ты же подписал себе и твоим друзьям смертный приговор! Инкубатор себе подписал.

— Знаю,— невозмутимо произнес старший техник.— Но иного выхода не было! Опять беспамятство, опять безысходное рабство... а здесь ты появился, о Мирах рассказал, о другой жизни! О той, которую мы забыли. И я так решил: раз ты умеешь путешествовать из Мира в Мир без прыгалки, то, может, и нам поможешь отсюда удрать? Ты — наш последний шанс! Иначе...

— Что — иначе? — поинтересовался Семен, беря с возникшего на столе расписного блюда аккуратный бутерброд.

— В Инкубатор мы все равно не пойдем,— глухо сказал Заман.— И в Мир Равновесия не вернемся: нас там уже наверняка ищут по всем блокам...

Семен вспомнил охранников, проверяющих ячейки, поморщился:

— Да, Заман, ищут. Однако, задачку ты мне подкинул... Мар, ты можешь отправить этих бунтарей в какой-нибудь Мир? Хотя нет, в какой-нибудь не надо... Отправь их в домик Кардинала! Вернусь, тогда и разберемся, кого куда. А то они с этим своим беспамятством враз к полиментам в лапы угодят, сделают что-то не то и угодят, а там с ними особо разбираться не станут — документов нет, объяснить ничего не могут... При-

пишут кучу нераскрытых преступлений и в Исправительный Мир всех троих сошлют! На пожизненную каторгу.

— Так оно все и случилось бы,— не раздумывая, согласился Мар.— Именно так и не иначе. Да-а, Семен, умен ты становишься не по годам... Мое воспитание! — с гордостью возвестил медальон.— Моя школа.

— Слушай, воспитатель хренов.— Семен, пытаясь сохранить серьезный вид, постучал по хренову воспитателю пальцем.— Ты мне на вопрос не ответил!

— Могу, конечно могу,— поспешил заверить Семена медальон.— Только у нас тогда проблемка небольшая возникает. Не глобальная, но все же...

— Какая? — насторожился Семен.

— Да с транспортным заклинанием, с чем же еще,— с досадой пояснил Мар.— Оно же не вечное! Мы и так им неплохо попользовались... Короче: мужичков я отправлю, но больше никого перемещать не стану! Иначе сами отсюда не выберемся— дальние перебросы вещь серьезная, быстро сажают заклинание. А тут троих одновременно...

— Понял. Ничего, выкрутимся.— Семен окинул взглядом троицу: техники сидели не дыша, глядя на Семена во все глаза и ожидая приговора. Окончательного и бесповоротного.

— Сейчас вы отправитесь в одно место.— Семен говорил сухо, подчеркнуто деловито.— Там дождетесь моего возвращения. Еда на первом этаже, в холодильнике, спальня на втором. Ну, разберетесь. Да! В рабочем кабинете, возле спальни, есть телефон... э-э... особое переговорное устройство — его не трогать! Все ясно?

— Ясно,— одновременно выдохнули трое.

— И напоследок, Заман, что ты узнал насчет интересующего меня пленника? Где его держат? — Семен ждал ответа, но Заман лишь развел руками:

— Нету, Симеон, никакого пленника. И новых контрактников давно не поступало... Во всяком случае, никто из моих знакомых ничего не слышал о человеке, которого ты ищешь. Возможно, он содержится в каком другом месте... Извини, что ничем не смог тебе помочь. Извини.

— Что поделаешь.— Семен не очень-то и расстроился, он ожидал нечто в таком роде: вряд ли чужие стали бы держать

Кардинала вместе с остальными людьми.— Буду продолжать искать... Мар, действуй!

Троица исчезла: Семен остался один. Не считая мертвого охранника в кабине.

— Значит, так.— Семен мельком глянул в сторону кабины.— Теперь надо охранников порасспрашивать. Надеюсь, они поболее рядовых техников знают! Организую себе такой же прикид, как у покойничка, и — вперед, по второму адресу. Подозреваю я, Мар, что зацепки, которыми нас снабдил Слимп, по нарастающей идут: сначала сектор техников, потом охранников. Потом будут наказатели.

— Потом Главный Хозяин,— подхватил медальон.— А что же тогда в конце списка находится? У нас, между прочим, еще один адресок неопознанным остается.

— Вот когда им воспользуемся, тогда и узнаем.— Семен вернулся к бутербродам.— Если потребуется... А сейчас неплохо бы чайку! Всухомятку, говорят, вредно есть. У тебя чай остался, или только одно шампанское в запасе имеется?

— Железные нервы! — восхитился Мар.— Стальные. Здесь, понимаешь, труп рядом валяется, рукой подать, а он завтракать будет! Возле покойника.

— А что покойник? — удивился Семен, беря возникшую перед ним кружку с чаем.— Покойники — они народ тихий, покладистый! Если их, конечно, не оживлять,— и отпил из кружки.— А я оживлять никого не собираюсь. Не могу и не хочу.

...Семен, стоя у дверей кабины перемещений, внимательно рассматривал, как одет мертвый охранник — Мар включил необходимую подсветку, залив темную кабину бестеневым медицинским светом. Хотя особо смотреть было не на что: форма как форма. Стандартная.

— Ничего особенного.— Семен превратил маскировочный костюм в точную копию одежды покойника.— Камуфляжка военного образца, шнурованные ботинки, берет... И все черное. Никакой фантазии!

— А на фига в военном покрое фантазия нужна? — с недоумением спросил Мар.— Главное, чтобы удобно носилось и грязь не очень заметна была. И вообще форма есть вещь незыблемая, святая и никаким изменениям не подлежащая! Так

говаривал корешок одного из моих прежних хозяев, полковой интендант, списывая очередную партию нового обмундирования. Он его потом через моего хозяина на оптовый рынок переправлял, в Торговый Мир, и оба неплохо на тех махинациях зарабатывали...

— Ты и в армии побывать успел? — Семен повел плечами, проверяя, ладно ли сидит на нем военная одежка.— В каких войсках служили, поручик?

— В обозных,— хихикнул медальон.— Недолго. Пока не арестовали. А дело было так: прислали как-то в полк, по ошибке, партию особых камуфляжек, как после оказалось — похоронных, бумажных...

— Стоять, пля! — рявкнуло сверху.— Не двигаться! Руки вперед, ноги расставить! — Голос был металлический, свиреп ый. Военно-командный.

Семен задрал голову: метрах в двадцати над ним висела прыгалка — маленькая, почти игрушечная по сравнению с той, на которой Семену когда-то довелось полетать. Но такая же блестящая — брюхо энэлошки отражало и ярко освещенную кабину, и Семена рядом с ней.

— Вырубай свет и включай адрес,— крикнул Семен, запрыгивая в кабину.— Поехали!

— Сопротивление бесполезно! — прогремело из звездной высоты.— Кабина перемещений блокирована! Приказываю выйти и сдаться, иначе, пля...

Что собирался сделать в случае неповиновения владелец металлического голоса, Семен так и не узнал: он перенесся.

Уехал.

ГЛАВА 13
Стандартный Лазерный Излучатель Максимального Поражения

В секторе охранников, выглядевшем почти как знакомый Семену блок ремонтников — только был он раза в три пошире и подлиннее стандартного блока, и еще в него выходило несколько коридоров,— шло общее построение с капитальным разносом всех и вся.

Семен удачно материализовался позади строя и, не привлекая ничьего внимания, потихонечку втерся в последнюю шеренгу охранников: если первая шеренга стояла по стойке смирно, то во второй охранники переминались с ноги на ногу; в третьей уже беседовали громким шепотом, а в четвертой мало того что болтали чуть ли не в полный голос, так еще стоя играли в карты и украдкой курили, пуская дым в рукав. Разнос пережидали.

Семен, конечно, мог бы включить невидимость и постоять где-нибудь в сторонке, послушать, о чем так усердно надрывается мордастый охранник-начальник, расхаживая перед строем туда-сюда, но его больше интересовало, что говорят рядовые бойцы. Опять же при случае можно было невзначай с кем-нибудь словечком перекинуться, то да се и заодно спросить о Кардинале. Узнать, где он содержится.

Слева от Семена увлеченно играли на обеденную пайку масла и ни на кого и ни на что не обращали внимания; справа по очереди курили подозрительного вида сигаретку и вступать в разговор с Семеном не торопились — судя по сладковатому запаху, это был не табак; ничего больше не оставалось, как стоять и терпеливо слушать выступление мордастого начальника. Что Семен и делал.

Монолог начальника охраны был горяч и крайне эмоционален. Настолько эмоционален, что Семен порой с трудом понимал, о чем, собственно, идет речь: очень мешали всякие «Пля!», «Твою мать!», «Козломорды в беретах» и прочие красочные эпитеты, на которые мордастый начальник не скупился. Но постепенно Семен разобрался, что к чему: поводом к разносу явился побег трех ремонтников из первого блока. Коих до сих пор не нашли, о чем пришлось доложить в управление наказателей. Что, само собой, в ближайшее время повлечет за собой штрафные меры, и тогда кому-то из присутствующих очень и очень не поздоровится! Как верно понял Семен, в первую очередь должно было не поздороваться самому начальнику, вот потому-то он и исходил надрывным криком, срывая свою злость и испуг на подчиненных. Разряжался, стало быть. Релаксировал.

Довольно скоро отвыкший от построений Семен заскучал: слева уже проигрывали третью суточную порцию масла и на-

зревал конфликт, справа докуривали общую сигаретку и оттуда то и дело доносился тихий пьяненький смех; делать здесь определенно было нечего. Семен собирался уже включить невидимость, отойти в сторону и поискать в последней шеренге более разговорчивых соседей, когда в торце сектора с шумом открылись дверцы кабины перемещений и оттуда выскочил чем-то явно взволнованный охранник: лицо у него было красное, испуганное, берет не по-уставному торчал из кармана брюк.

Не обращая внимания на построение, охранник рысью припустил к начальнику, делая на бегу странные движения рукой. Словно знак Зорро в воздухе чертил. Или молнию. Убедившись, что начальник заметил его таинственные знаки, охранник подбегать к нему не стал, а нырнул в строй и там затерялся.

Мордастый на секунду поперхнулся очередным «пля!» и тут же быстренько закруглил свою речь:

— Короче, уроды, если сегодня не найдете беглецов, я всех вас отправлю в Инкубатор! Мне, пля, такие работники не нужны! А теперь всем стоять и делать внимательные рожи! Я сказал внимательные, а не умные! Эй, козломорды в четвертой шеренге! Это вас тоже касается! Я, пля, когда построение закончится...— Что там должно было произойти после, Семен не услышал: дверцы кабины снова хлопнули, выпустив наружу еще одного охранника, рослого, седого... Охранника ли?

Семен пригляделся: все же это был не охранник. Форма, несомненно, похожа — такой же стиль, такой же покрой и цвет,— но, в отличие от той, что была на Семене и остальных, у этой имелся особый знак: острая серебряная молния на груди. Для усиления эффекта не хватало лишь оскаленного черепа и надписи: «Не влезай! Убьет!»

— Пля, старший наказатель приперся,— обреченно всхлипнули слева от Семена.— Вот же скотина! Плакала моя пайка масла...— И стало тихо.

Наказатель подошел к начальнику охраны, косо глянул на него: начальник поспешно козырнул, неловко развернулся и отступил за спину старшему наказателю. Откуда немедленно принялся грозить кулаком всему строю и делать страшное лицо. Видимо, вдохновлял подчиненных на внимательность и послушание.

— Бойцы! — не напрягаясь, ровным голосом сказал наказатель, голос у седого был глубокий, громкий, как у преподавателя со стажем.— Я не буду ходить вокруг да около, а скажу прямо, как солдат — солдатам: в ваших рядах был предатель! Побег ремонтников первого блока организовал охранник номер девяносто четыре, которого обнаружил патруль дежурной прыгалки рядом с одной из камер перемещений, на внешнем оборонном рубеже. Будучи обнаруженным, охранник номер девяносто четыре предпочел тут же покончить жизнь самоубийством, нежели сдаться патрулю.— Выдержав эффектную паузу и переждав легкий ропот, пробежавший по шеренгам, старший наказатель добавил: — Должен заметить, что обстоятельства происшедшего весьма подозрительны: номер девяносто четвертый вошел в кабину и задушил сам себя. Заодно сломав себе шею.

Начальник охраны, услышав такую поразительную новость, замер позади седого наказателя, забыв опустить кулак и убрать с лица зверское выражение: так и застыл с перекошенной физиономией. Только побледнел сильно.

— Потому в Мире Равновесия повсеместно вводится чрезвычайное положение,— все так же ровно и спокойно продолжал старший наказатель.— По личному распоряжению Главного Хозяина! Есть подозрение, что сознание охранника было насильно изменено кем-то посторонним, тайно проникшим в Мир Равновесия для шпионажа и проведения диверсий. И, скорее всего, пришелец в данное время укрывается в Старых Секторах — все ныне действующие помещения проверены, подозрительных не обнаружено. Туда же, в Сектора, по-видимому, ушли трое ремонтников из первого блока. Тоже насильственно переделанные... Потому слушайте приказ Главного Хозяина: не занятые в несении службы сейчас же отправляются в Старые Сектора на зачистку — приказано ликвидировать всех, кого там обнаружите!

— Пля, опять недоделков мочить будем,— обрадовался кто-то справа от Семена.— Весело! Хоть постреляю от души... Мурз, у тебя травка еще осталась? Под травку и охотиться веселей!— Что ответил неведомый Мурз, Семен не расслышал, но спрашивавший, похоже, остался доволен: — Согласен! У меня еще два зуба от последней плановой зачистки припрятаны. Золотые.

Один — твой... Может, и сейчас повезет? Надо не забыть, взять щипцы.

Семена передернуло.

Старший наказатель обернулся, что-то тихо сказал начальнику охраны — тот насупился, хотел было возразить, но потом махнул рукой, мол, делайте, что хотите. Ваша власть.

Наказатель медленно пошел вдоль рядов охранников, пристально вглядываясь в их лица, не пропуская ни одного,— многие из охранников опускали глаза, настолько пронзителен был взгляд седого наказателя. И цепок.

Семен тоже отвел глаза в сторону и постарался изобразить на лице тупое служебное выражение. Видимо, получилось это у Семена недостаточно хорошо, потому что старший наказатель задержал свой взгляд на нем несколько дольше, чем на остальных. Задержал и пошел дальше.

— Бр-р,— сказал Мар.— Ну и тип! Посмотрел, как сверлом насквозь продырявил... Не нравится он мне, Семен! И то, что здесь происходит, тоже не нравится. Регулярная охота на беззащитных умственных калек, надо же... Достойное развлечение для крепких вооруженных мужиков, пля! Вот что я тебе, Семен, скажу: я и раньше не любил охранников. А сейчас тем более не люблю! Зубы они, понимаешь, щипцами выламывают... Сволочи! Эх, если б не серьезный заказ, я бы настоятельно рекомендовал тебе сваливать отсюда к едрене фене, причем немедленно, и заняться чем-нибудь не настолько мерзким, как вооруженные прогулки в компании с этими мародерами... Общественный нужник вручную почистить, и то меньше замараешься, ей-ей! Тьфу!

Тем временем старший наказатель вернулся к начальнику охраны, перебросился с ним парой коротких фраз и ткнул рукой в сторону напрягшегося Семена. Указал на него, как Вий на Хому.

— Эй, ты! — рявкнул начальник Семену.— Да, ты, козломорд в четвертой шеренге! Стоять на месте, пля! Остальным — получить оружие, разбиться на тройки и отправляться по маршрутам самостоятельно! По окончании зачистки старшие групп — ко мне. Вольно, разойдись.

— Влипли,— убежденно сказал медальон.— Как есть влипли. Но почему? Не понимаю... Если возникнут проблемы, я тебя на следующий адрес перекину, согласен?

— Через адрес,— шепнул Семен.— Что мне теперь у наказателей делать? Вон, самый главный уже и так здесь. Сейчас беседовать со мной будет. Любезничать... Может, и я у него смогу что-нибудь полезное вызнать?

— Ну-ну,— пробурчал Мар.— Шпион-вызнаватель, ага.— И замолчал.

— Ко мне! — громко приказал Семену начальник охраны.— Бегом! — Семен вздохнул и побежал, а куда было деваться? Помня армейские правила, он остановился за пару шагов от грозного начальника и приложил ладонь к берету — сейчас надо было немедленно отрапортовать, и отрапортовать именно так, как здесь принято: мол, товарищ-господин как-вас-там, рядовой номер такой-то по вашему приказанию прибыл... Но ни звания товарища-господина, ни своего возможного номера Семен, разумеется, не знал; положение складывалось критическое. Хреновое, как сказал бы Мар.

Ситуацию разрядил сам начальник — не дожидаясь рапорта, он, брызжа слюной, с ходу заорал на Семена, топоча ногами:

— Что, пля, за дела? Почему твоей рожи в портретной картотеке до сих пор нету? У старшего наказателя глаз — алмаз, он всех в лицо помнит! Что ты, пля, себе позволяешь, кретин безмозглый?! Молчать, не думать, стоять смирно! Даже если ты из восстановленных, даже если тебе в больничке новую козлиную морду пришили, ты все одно должен был вовремя по новой зарегистрироваться! Ты, пля, не номер сорок пять, ты, пля, нуль-нуль сортирный! Объявляю тебе выговор с лишением карточек на пиво в течение месяца! — Начальник охраны, более не обращая внимания на Семена, в изумлении так и застывшего по стойке смирно, повернулся к старшему наказателю.

— Это сорок пятый,— спокойным голосом пояснил начальник седому,— из новичков. Я в ваш отдел еще неделю тому назад доложил: так и так, сорок пятый пострадал на вечернем патрулировании. В восьмой блок его случайно занесло, в одиночку, он же дурак еще, ни фига не знает... Ничего, отмахался. Только морду на лоскуты порезали. И нос сломали. И один

глаз выбили. А, пустяки! Вот, починили, в строй вернули, как новенький стал. Правда, на себя теперь малость не похож, потому накладочка и вышла!

— Действительно, как новенький,— задумчиво согласился наказатель, бесцеремонно уставясь в лицо Семену.— Чересчур новенький... Ну да ладно. Сорок пятый так сорок пятый. Я не против.— Старший наказатель, не прощаясь, резко повернулся и зашагал к камере перемещений.

— Ты еще здесь? — наконец заметив остолбеневшего Семена, вне себя заорал начальник охраны.— Кр-ругом! Бегом марш! Два месяца без талонов!

Семен уставно развернулся на месте и бросился прочь. Куда глаза глядят.

— Три! — донеслось в спину убегающему сорок пятому с малость измененной в больничке физиономией.— Нет, четыре! Я вас, пля, всех научу, как вовремя регистрироваться!

Семен нырнул в ближайший коридор. Пробежал немного и перешел на шаг: угроза миновала и надо было обдумать, что делать дальше.

— Сорок пять — морда ягодка опять,— флегматично изрек Мар.— Поздравляю вас, номер сорок пятый, с успешно проведенной пластической операцией! По изменению внешности. Н-да-а... Этот седой ведь не успокоится! Я таких гадов знаю— он все перероет, но проверит, кто ты такой есть на самом деле. И в больничку сходит, не сомневайся. Или пошлет туда кого из своих шестерок. Так что на все про все у тебя около часа, пока настоящего сорок пятого не найдут. Управишься?

— Постараюсь,— упрямо сказал Семен.— Час — это нормально. За час много чего успеть сделать можно!

— Тогда делай,— разрешил Мар.— Пока не началось.— И тихонечко засвистел что-то бравурное. Военный марш, наверное. Для поднятия бодрости духа.

Семен шел по коридору, оказавшемуся на самом деле жилым блоком, заглядывая в ячейки через прозрачные двери: в комнатах никого не было, все ушли на зачистку. Согласно приказу.

В торце блока находились дверцы очередной кабины перемещений — видимо, в секторе охранников этих кабин хватало, для большей оперативности; Семен дошел до самых дверец, так никого по пути и не обнаружив.

— Давай в другом коридоре-блоке поищем,— предложил медальон.— Должен ведь у них быть какой-нибудь дежурный охранник... тумбочный какой-нибудь. Вот у него в лоб и спросишь: где тут камера с задержанными? Мне, типа, приказано одного из них по кличке Кардинал лично сопроводить, расстрелять и допросить. Если тумбочный ответит, что, мол, да, есть у нас такой, день и ночь ложкой по решетке стучит и адвоката требует, надоел уже, тогда все ясно — идем, забираем наш заказ и сматываемся отсюда с Кардиналом под мышкой. А если тумбочный делает квадратные глаза и начинает тебя переспрашивать: какая такая камера, какой такой задержанный? И при этом требует предъявить документы, одновременно стараясь тебя застрелить, тогда можно смело уходить по очередному адресу: Кардинала здесь нет... Вернее, уходить по следующему после очередного — к наказателям нам никак не можно, нас там не любят и не ценят. Как тебе мой план?

— Нормальный план,— одобрил Семен.— Так я, пожалуй, и сделаю.— Но реализовать авантюрную задумку медальона он не успел — дверцы кабины перемещений внезапно открылись, явив Семену двух вооруженных охранников: один лениво подпиливал ногти пилочкой, небрежно сунув свою трубку-лучемет в нагрудный карман; второй, слегка присев, целился из лучемета Семену в голову.

— Бах! — крикнул целившийся охранник.— Ты убит! Поминки за твой счет.— И радостно заржал над собственной шуткой.

— Заходи,— приглашающе кивнул охранник с пилочкой.— Некомплект у нас. Приказали взять с собой первого попавшегося, кто с дежурства сменился. Кого в секторе найдем. Вот ты первым и попался... Из наряда в наряд — это ли не счастье, правда? — Он с издевкой усмехнулся.

— Э... Да у меня и оружия нету,— честно предупредил Семен, надеясь, что такой, безоружный, он этим бравым ребятам и даром не нужен.— Не положено мне. Я...

— Не беда,— мягко прервал Семена охранник с пилочкой.— Ты нам просто компанию составишь... Погуляешь, пля, ножки разомнешь. Проветришься. Не все же бумажками заниматься... Ты же, небось, писарчук, да? В штабном блоке сидишь? Бумажечки всякие кропаешь, приказики-указики... Я тебя что-то

раньше не видел, вы, писарчуки, всегда от службы ловко откручиваетесь!

— А оружие в бою добудешь,— жизнерадостно пообещал второй охранник, целясь Семену теперь в живот.— И погибнешь славной смертью, перепутав ствол с рукоятью.— Он снова захохотал — с чувством солдатского юмора у второго все было в норме.

— Заходи, писарчук,— жестко сказал первый охранник, роняя пилочку в брючный карман.— Или в морду получишь. Мне с тобой цацкаться некогда! Приказ есть приказ.

Семен скорчил недовольную мину и вошел в кабину. Скорчил, потому что по роли положено было, а так все складывалось весьма удачно: бравые ребята приняли его за штабного писаря, службы не нюхавшего. А значит, можно было задавать нелепые вопросы... аккуратно задавать, невзначай... дурацкие вопросы, ответы на которые знает каждый опытный боец. Который регулярно бывает на зачистках. И который хоть раз конвоировал заключенных. Например, вопрос о местонахождении Кардинала...

— Гарк,— вскользь представился первый охранник, набирая на пульте сложный код. И многозначительно добавил: — Кликуха — Мордобоец. Сообразил?

Семен молча кивнул.

— А я — Зур Башка,— сообщил второй, убирая лучемет в рукав: в рукаве у него имелось что-то вроде наглухо вшитой кобуры.— Башка не потому что шибко сообразительный, а потому что бутылки об голову бью. Как нажрусь, так и бью! Если думаешь, что об свою, то ошибаешься,— и подмигнул Семену.— А тебя как зовут?

— Симеон,— четко доложил Семен.— Из нового пополнения.

— А-а,— равнодушно протянул Гарк.— Новенький...

— Слышь, Симеон, а погоняло у тебя какое? — поинтересовался Зур.— Кликуха-то какая есть? А то не принято у нас ни по именам, ни по номерам. Мы же не штабные крысы как-никак!

— Есть,— согласился Семен,— как же без клички, нельзя без нее, ни-ни... У каждого порядочного человека должна быть

кличка! Он же без нее абсолютно никто, так ведь? Считай, недочеловек... Слимпер я! Симеон Слимпер.

— Умный он,— недовольно буркнул Гарк Мордобоец.— Ишь как завернул... Философ, пля. Мы, Слимпер, умных не любим. Их вообще никто не любит! Делай, парень, выводы.

— Уже сделал,— поспешно заверил его Семен.— Это я так, шутку пошутил. Юмор для знакомства делал.

— То-то же,— сказал Гарк, успокаиваясь.— Можешь ведь как человек говорить... Все, приехали.

Дверцы кабины раздвинулись.

Старый Сектор выглядел действительно старым, у него и планировка оказалась другая: невероятно высокий для этого Мира потолок был угольно-черным то ли от застарелой грязи, то ли от пожарной копоти; на потолке вразнобой оранжево светили редкие уцелевшие плафоны, ничего толком не освещая и только усиливая тяжелое впечатление, создаваемое мертвым залом; далекие железные стены зияли тусклыми отверстиями еще более темных ячеек и коридоров.

Центральное помещение Сектора походило на трюм космического корабля, который штурмом брали пираты. Тоже космические.

— Здесь что, бой шел? — тихо спросил Семен.— И кто с кем воевал?

— А черт его знает, давно это было,— отозвался Гарк, доставая из нагрудного кармана трубку-лучемет.— Хозяева решили эти катакомбы не восстанавливать, дешевле оказалось новые сектора надстроить... Иди за нами и контролируй тыл. Больше от тебя ничего не требуется. Увидишь что подозрительное — ори! Орать-то умеешь?

— Умею.— Семен настороженно глянул по сторонам.— А что именно — подозрительное? Беглых техников, что ли?

— Техники — ерунда,— процедил сквозь зубы Гарк, что-то делая со своим лучеметом — из трубки ударил ровный яркий луч, нежаркий и неопасный: сейчас оружие работало как фонарь, сильный, дальнобойный. Гарк повел лучом вокруг, проверяя работу лучеметного фонарика, подрегулировал фокус, чтобы луч был пошире, и закончил свою мысль: — Что техники! Это же люди — бах, и нету... Тут, пля, недоделки разные водятся. Вот те по-настоящему опасные: живучие, сволочи, и нападают

внезапно... И клыки у них металлические, у самых крупных недоделков. Лохматых.

— Неужели золотые? — Семен вспомнил разговор о зубах и щипцах.— В самом деле?

— Соображаешь,— хмыкнул Зур.— Бывает, что и золотые. Но редко. А так в основном медные...

— Пошли,— скомандовал Гарк,— чего трепаться, работать надо! — И, безостановочно поводя фонариком из стороны в сторону, медленно направился в глубь зала.

— Башка, а кто они, недоделки? — шепотом спросил Семен.— Мутанты, что ли? Генетические уроды?

— Дурила ты,— беззлобно ответил Зур, доставая из рукава свой лучемет.— Новичок. Слова мудреные говоришь, а смысла в них нету. Недоделки они и есть недоделки! Инкубаторский брак. Неудавшиеся варианты Хозяев, пля... У настоящего Хозяина зубы стальные от рождения! У его лохматой звериной половины. Ну, и по мелочам всяким тоже кой-какие отличия имеются: то глаз лишний, то ухо... То голова.

Реальные Хозяева друг друга не убивают, закон у них такой, и по тому же закону выродков им тоже убивать нельзя. Вот их, недоделков, сюда и сбрасывают, с глаз подальше. На выживание... Старые Сектора — они огромные, друг с дружкой всякими переходами связаны. Так что этой погани здесь хватает.— Зур Башка с отвращением сплюнул на пол и двинул следом за Гарком; Семен пошел замыкающим.

— Все понятненько,— сказал молчавший до сих пор медальон.— До чего же милые эти создания, чужие! Чистка расы сызмальства: дешево, сердито и надежно... Впрочем, не важно: в чужой Мир со своей моралью не ходят. Итак, Семен, что будем делать?

— Пусть все идет, как идет.— Семен говорил тихо, чтобы его не услышали идущие впереди охранники.— Оружия у меня нет, так что на тебя одна надежда! На твое прикрытие. Я дождусь подходящего момента и спрошу о Кардинале, а после можно будет уходить. Да, Мар, вот что: если дела вдруг пойдут наперекосяк, то аварийной командой для переноса будет слово «уход». Понял?

— Конечно.

Немного помолчав, Мар с надеждой спросил:

— Семен, ежели на нас те недоделки нападут, можно мне хоть немного активной защитой попользоваться? Боевых заклинаний у меня навалом, а применить толком все никак не удается, повода не находится!

— Можно,— разрешил Семен.— Сколько угодно! Даже нужно.

— Ох и повеселюсь я,— радостно проговорил медальон, предвкушая развлечение,— ох и поразвлекаюсь!

Группа без приключений неторопливо прошла через весь зал: обломки жести, пластика и битого стекла неприятно хрустели под ногами Семена и охранников. Возможно, этот звук отпугивал недоделков, о которых говорил Зур, во всяком случае, никто на группу пока что не нападал. Пока что.

Гарк, не обращая внимания на коридоры, где почему-то гуляли пронзительные сквозняки, задерживался то у одного, то у другого входа в ячейки: внимательно прислушиваясь и старательно принюхиваясь, он наконец остановился возле очередного провала. Остановился, махнул рукой:

— Давай! — и, отступив в сторону, направил луч фонаря в темноту комнаты. Почему Гарка Мордобойца заинтересовала именно эта ячейка, Семен не знал — никакой определенной системы в поиске технарей-беглецов у охранника не наблюдалось, скорее, Гарк вел себя как охотник, выслеживающий дичь. Зверя, а не человека.

Все произошло молниеносно: едва в луче света мелькнуло что-то массивное, лохматое — Семен не успел понять, нападало существо на них или, наоборот, убегало,— как Зур выстрелил и, крича от возбуждения, все продолжал стрелять и стрелять, ослепляя Семена сварочными вспышками разрядов. Из глубины ячейки донесся надсадный рев, резко завоняло паленой шерстью и горелым мясом, рев оборвался стоном, и вновь стало тихо.

— Один есть,— удовлетворенно сообщил Гарк,— завалили-таки недоделка! Молодец, Башка, с меня пиво,— и, сузив луч, вошел в темную комнату.— Слышь, голова два уха, чего застрял? Иди сюда, щипцы готовь... Э, да тут и лысенький есть! Жареный. Зажарил ты его, напарничек, не пожалел маленького, ай-ай... Вот из-за чего зверюга суетилась-то,— свою половину спасала!.. Щипцы давай, кому говорю!

— Стой здесь,— приказал Семену Зур Башка, нетерпеливо поглядывая в ячейку, полную дыма.— Не трусь, если что не так — зови,— и нырнул в дым.

— Хрена они техников ищут,— угрюмо прокомментировал Мар очевидное.— Охотятся они. Случаем пользуются... Жутковатая, Семен, картина получается: чужие используют людей, а люди охотятся на чужих... Все, блин, в этом Мире с ног на голову и боком поперек! Взорвать бы его к чертям собачьим, не жалко, чесслово.— Медальон зло выругался. Семен не ответил. Да и что можно было сказать!

— Медные,— огорченно сообщил Зур Семену, выныривая из оседающего дыма.— Зря старались, пля. Обидно! Гарк, теперь ты стреляешь, а я на подсветке.— Зур принялся регулировать лучемет, переделывая его в фонарь.— Слышишь, Мордобоец?

— Не глухой.— Гарк вышел из темноты, довольно улыбаясь.— Проглядел ты один правильный клык, Башка! Очки тебе пора заводить, вот что. А кто проглядел, тот ни фига не получил. Уговор дороже зуба! — И похлопал себя по карману; Зур Башка вяло чертыхнулся.

— Что, писарчук, в штаны с испугу не наложил? — снисходительно обратился Гарк к Семену.— Зачистка она и есть зачистка, глупо с нее ничего не поиметь. Бросай свою штабную писанину и переходи в действующую охрану, не пожалеешь! Золотишком разживешься, богатым со временем станешь. Крутым. Если, конечно, недоделки тебя раньше не сожрут. Или Хозяева в Инкубатор не отправят.

— А зачем? — непритворно удивился Семен.— Для чего мне это золото? Что мне с ним делать? Его же здесь никуда не денешь...

Охранники переглянулись и дружно загоготали.

— Вот же д-дурак,— заикаясь от смеха, выдавил из себя Гарк и хлопнул Зура по плечу.— Башка, ну ведь совсем парень зеленый! Ты, помню, тоже был таким поначалу, все меня спрашивал: а это зачем, а это почему?.. Объясни салаге, пусть учится, а то как был дураком, так им и останется. Писарчук, пля! Чернильные мозги.

— Все просто,— отсмеявшись, пояснил Семену Зур.— Половину из добытых в Старых Секторах зубов отдаешь майору

Каппе... если хоть изредка бываешь на общих построениях, то должен его знать — он как раз и руководит всеми построениями, сегодня, пля, разорялся как убогий, пока старший наказатель его не заткнул,— так вот, Каппа оставляет долю себе, а остальное передает начальнику штаба; тот, отстегнув свой процент, отдает золото старшему наказателю, который себя тоже не обижает. А у старшего наказателя есть выход на кого-то из регулярно прилетающих сюда Хозяев... Будешь дружить с Каппой — будет у тебя все: и травка, и колеса, и ладурида сможешь прикупить, если уж совсем невмоготу. Дошло, парень?

— Дошло,— подтвердил Семен.— А я-то думал, что Мир Равновесия полностью закрыт! Для всех и вся. На железный замок.

— Был бы он настолько закрыт, как этого хочется Главному Хозяину, не было бы у нас никогда ни травки, ни других развлечений.— Гарк ухмыльнулся.— Шпионов-диверсантов, правда, тоже не было бы, но нет худа без добра — вот, неплановым зубом разжился! А железные замки, Слимпер, очень легко открываются золотой отмычкой. Крайне легко! Ладно, хватит трепаться. Пошли дальше, охота продолжается.— Гарк Мордобоец повернулся было идти к следующему провалу в стене, когда Семен окликнул его:

— Мордобоец! Самый последний вопрос, насчет шпионов: а где вы их содержите? Ну, арестованных куда помещаете? Если я диверсанта поймаю, к кому мне его вести?

— Дурацкий вопрос,— буркнул Мордобоец.— Ни фига ты никого не поймаешь, нету здесь никаких диверсантов... Я девяносто четвертого хорошо знал, мы с ним в одном блоке жили, он колеса беспрерывно глотал, даже на службе, вот и доглотался! Пристрелил технарей где-нибудь, и весь сказ, мало ли какой с ним глюк случился... А что сам себя задушил — может быть. Глюк он и есть глюк.

— Но все же,— настаивал Семен.— На будущее.

— Какое, пля, у нас может быть будущее,— с тоской вздохнул Гарк. Но на вопрос ответил: — Никаких специальных помещений для долговременного содержания арестованных у нас нет. Разборки проводим на месте, в блоке, или в дежурке... Если уж очень кто-то провинился, до предела, то передаем такого кретина наказателям, а те быстренько спихивают его дежурным Хозяевам. Что там дальше происходит, не знаю, но

догадываюсь: Инкубатор всегда на ходу. Кстати, у наказателей тоже никаких особых помещений для задержанных не имеется! Это я тебе заодно сообщаю, чтобы ты отстал со своими расспросами. Теперь доволен?

— Вполне,— коротко ответил Семен.— Больше никаких дурацких вопросов задавать не буду. Я узнал все, что хотел.

— Вот и молодец.— Гарк Мордобоец шагнул к провалу.— Проходим мимо, это коридор. Там они, как правило, не водя...— Гарк внезапно притормозил, резко поднял руку, останавливая спутников, и, замерев, прислушался; Семен затаил дыхание.

В мертвой тишине раздавался приближающийся топот и дробное металлическое постукивание, как у механической швейной машинки; Зур, не дожидаясь команды, направил в коридор из-за плеча Гарка луч своего фонаря.

— Назад! — крикнул Гарк, отшатываясь от коридорного проема.— К кабине! Там их слишком много! На запах прут.— И опрометью бросился прочь. Зур сломя голову кинулся следом за ним, на бегу меняя настройки лучемета. Переделывая его из фонаря в боевое оружие.

Семен тоже помчался к кабине перемещений, но, не пробежав и половины зала, остановился.

— Мар, я все необходимое узнал, и, в общем, мне тут уже делать нечего! Ты как, еще настроен попрактиковаться в боевой магии? А то можем и убраться.

— Настроен! — с азартом ответил медальон.— Еще как настроен! Сейчас я их...

Впереди, у кабины, что-то полыхнуло: рядом с Семеном, чуть не задев, на миг возникла тонкая, яростно-голубая нить луча и вонзилась в темноту коридора; жуткий рев потряс зал.

— В сторону! — испуганно воскликнул Мар.— Эти вояки сейчас порешат тебя в горячке, с них станется! — Семен пригнулся и побежал, то и дело спотыкаясь о всяческий хлам; отбежав на безопасное расстояние, он остановился, обернулся.

В ослепительно белом сиянии вспышек, до боли резавших глаза, из коридора вывалилась плотная темная масса, сразу рассыпавшаяся на десятки высоких сгорбленных фигур; с каждой вспышкой существа оказывались все ближе и ближе.

— Давай! — Семен в нетерпении топнул ногой.— Мар, давай!

И Мар дал.

Словно огненный шквал пронесся по залу: вспышки лучеметов по сравнению с ним были тусклыми и неубедительными. Слабенькими.

Никакого звука Семен не услышал, не смог услышать — на миг он оглох и ослеп. Упав от взрывной волны на колени и судорожно закрыв глаза ладонями, Семен с трудом глотал раскаленный воздух, проклиная и чужих, и бравых охотников, и Мара с его боевыми заклинаниями.

— Уже все.— Еле слышный голос медальона был полон восторга. Как у мальчишки, впервые стрелявшего из боевого оружия.— Я всего-то чуть-чуть использовал одно из заклинаний... Ух ты, чего получилось! Обалдеть можно.

Семен встал на ноги, огляделся сквозь муть и застилающие глаза слезы. Да, обалдеть было с чего!

Там, где прошел огненный шквал, мусор на полу спекся в ровную корку; потолок и плафоны странным образом очистились от копоти — в зале стало гораздо светлее.

На дымящейся корке пола то тут, то там лежали громоздкие скелеты, некоторые — целые, а некоторые — рассыпанными в длину костями: видимо, пламя застало зверей в прыжке. Не зверей, поправил сам себя Семен, а чужих-бета. Недоделанных одичавших Хозяев.

— Пля, что это было? — раздалось у Семена за спиной.— Я такое впервые в жизни видел! А ты, Башка?

Семен обернулся. Гарк и Зур стояли поодаль, то и дело протирая слезящиеся глаза, и с удивлением рассматривали место огненного побоища.

— Они, наверное, больные были,— предположил Зур, тыча в сторону обугленных скелетов трубкой лучемета, как указкой.— Взрывозаразные! Один рванул, а за ним все остальные погорели, лишь кости остались. Ну и дела...

— Скажешь еще.— Гарк в сомнении почесал щеку своим лучеметом.— Взрывозаразные! Просто... э-э... просто сожрали что-то сильно горючее. Или вывалялись в нем. Мало ли какая дрянь в секторе хранится...— Гарк только сейчас заметил Семена.— О, писарчук, да ты никак уцелел! Повезло тебе, Слимпер, долго жить будешь. Я, по правде говоря, думал, что нечаянно срезал тебя первым выстрелом... Извини, такая суматоха была!

— Живой я.— Семен закашлялся, протер глаза рукавом: кожу на лице саднило, словно он под солнцем слишком долго загорал.

Зур убрал лучемет в рукав и, неожиданно что-то увидев, сорвался с места — склонившись над черепом ближнего скелета, Зур срывающимся голосом окликнул Гарка:

— Мордобоец, иди сюда! Ты на пасть эту глянь! Видишь? Это же... И вон у того, гляди... и у того тоже... Пля, да у них у всех золотые клыки! У всех! Почти целые! Оплавились только немного.— И он встал, растерянно глядя на товарища.

— У все-эх? — врастяжку переспросил Гарк.— Точно? Ты не ошибся?

— Точно,— медленно кивнул Зур, не сводя ошеломленного взгляда с напарника.— Мордобоец, да мы богачи!

— Совершенно верно,— ровно сказал Гарк.— Богачи.— В тот же миг сверкнула молния лучемета, и Зур упал на пол с насквозь прожженной грудью. С дырой там, где раньше билось сердце.

Семен рывком повернул голову: Гарк, прищурясь, смотрел на тело своего бывшего напарника. Бывшего товарища. Друга.

Рука Мордобойца с зажатым в ней лучеметом была направлена на Семена.

— Извини, приятель,— сухо пояснил Гарк Мордобоец мертвому напарнику,— золота слишком мало, чтобы делить его на троих. И слишком много для двоих... Прощай, Башка. Зачистка все спишет. Теперь ты.— Мордобоец тускло глянул на Семена.

Что должно было случиться дальше, объяснений не требовало.

— Уход,— грустно сказал Семен.— Немедленно!

Мар послушно выполнил приказание.

ГЛАВА 14
Смертельный Лучемет: Инцидент С Монаршей Половиной

Семен еще ни разу не попадал в сектора Мира Равновесия, где обитали Хозяева, но подозревал, что они, эти сектора, будут несколько больше жилых блоков для людей. Но чтобы настолько больше...

По-видимому, зал, в котором оказался Семен, принадлежал самому Главному Хозяину. Во-первых, потому, что размер помещения был воистину королевским! Соответствующим. А во-вторых, вряд ли бы Слимп дал чей-нибудь другой адрес — он имел дело лишь с Главным Хозяином.

Собственно, назвать это место помещением можно было лишь с большой натяжкой: какое ж оно помещение, если до железного потолка было метров сто, да и сам потолок, плотно усеянный лампами дневного света, больше походил на матовое, затянутое облаками небо, чем на стандартное внутреннее перекрытие; стен или каких-либо других конструкций, соединяющих искусственное небо с полом, Семен вообще не увидел — либо они были хорошо замаскированы, либо находились настолько далеко, что стали практически невидимы. Пропали за горизонтом.

Пол безразмерного зала покрывал густой дерн: высокая трава выглядела на удивление живой. Возможно, она и в самом деле была настоящей, а не пластиковой — проверять Семен не стал. Какая, в сущности, разница!

Поодаль, справа, блестело гладью спокойное озерцо с аккуратным островком посередине, на островке размещалась открытая беседка, похожая на японскую пагоду, в окружении карликовых деревьев; от берега к занятной беседке вел длинный мостик с низкими перилами, укрепленный на редких сваях. Несерьезный такой мостик. Декоративный.

Слева, метрах в десяти от Семена, деревенским нужником торчала сиротливая, неуместная здесь кабина перемещений с настежь открытыми дверцами.

А впереди, неподалеку, прямо перед Семеном, стояло чудо архитектуры. Не Тадж-Махал, конечно, но тоже весьма и весьма впечатляющее чудо — семь высоченных этажей из нержавеющей стали и дымчатого хрусталя; сооружение походило на праздничную новогоднюю елку с переломанными как попало ветками-этажами. На елку, установленную пьяным хозяином вверх тормашками.

На что уж Семен не разбирался в строительном дизайне, но увиденное могло ошарашить даже самого непритязательного насчет эстетики бомжа. Вот Семена и ошарашило.

— Как оно только не падает? — вымолвил Семен, когда вновь обрел дар речи.— И не разваливается. Ну и елочка...

— Видать, добротно строили! — отозвался Мар.— Наверное, белок драконьих яиц в кладку добавляли. Или чешую многоногой рыбы Ю-ю из Озерного Мира... Там, кстати, наручниками не пользуются — склеивают преступнику руки свежим рыбьим клеем, и вся недолга. А еще там пойманному беглому правую ладонь к левой подошве обязательно приклеивают, хрен снова убежишь... И отклеить ничем нельзя, кроме как мочой той же рыбы, а ты попробуй ее добыть, ту мочу, когда рыба на берег лишь раз в неделю пастись выползает! У них еще казнь такая есть: склеят приговоренному ягодицы, руки-ноги тоже, чтобы не рыпался,— а потом кормят как на убой... хе-хе, именно на убой и кормят! Насильно. Но вкусно. Кошмар!

— Кошмар,— рассеянно согласился Семен, внимательно разглядывая неправильный елочный дворец.— Ужас, летящий на крыльях обжорства и хронического запора... Значит, так: включай невидимость — я пошел знакомиться с Главным Хозяином.

— Каков план наших действий? — деловито поинтересовался Мар.— Кто ты нынче? Технарь или охранник? Или наказатель? Или кто?

— Ангел я,— на полном серьезе ответил Семен.— Рядовой ангел на посылках. Скоростной курьер от господа нашего, магического бога Слимпа. Или, может, архангел? А, ладно! На месте разберусь.

— Опа,— только и сказал медальон.— Это что-то новенькое! И для чего оно тебе нужно, под ангела косить?

— Там увидишь,— пообещал Семен.— Не хочу заранее трепаться, чтобы не сглазить.

— Так-так,— глубокомысленно произнес Мар,— понятно.— Хотя, судя по его растерянному голосу, ничего ему понятно не было. Но признаваться в этом медальон не собирался.

Полупрозрачный колпак невидимости прикрыл Семена с головы до ног, слегка исказив перспективу — отчего сумасшедшее жилище Главного Хозяина ничуть не стало красивее и понятнее.

— Семен, погоди-ка в елку лезть,— остановил друга медальон.— Сдается мне, что в беседке кто-то есть... Думаю, тебе сперва лучше туда сходить, на разведку. А вдруг там...

Кто именно мог быть «там», в беседке, Мар пояснять не стал, и так было понятно: кто-нибудь из приближенных Главного Хозяина. Скорее всего.

— Верно.

Семен осторожно, стараясь не шуметь, чуть ли не на цыпочках направился по узкому мостику к островку с беседкой; мостик, невзирая на свой декоративный вид, был крепким — не шатался и не скрипел. Тоже, видать, был на совесть проклеен особым варевом из чешуи рыбы Ю-ю. Многоногой.

В беседке действительно находились трое: старший наказатель и какой-то чужой в своем полном комплекте. То есть присутствовали и альфа, одетый в обязательный серебристый костюмчик-скафандр, и звероподобный бета: высокопоставленный Хозяин, единый в двух лицах. Очень высокопоставленный! А то, что это именно так, было видно по происходящему в беседке.

Седой наказатель стоял, вытянувшись в струнку, и с мрачным видом смотрел на альфу — лысый карлик, забравшись с ногами на лавку беседки, резким голосом безостановочно говорил ему что-то неприятное; иногда разгневанный альфа даже грозил наказателю своим нестрашным кулачком. Бета, развалившись поблизости на полу, ковырял в стальных зубах когтем, изредка лениво поглядывая то на альфу, то на старшего наказателя. Видимо, вторая часть Хозяина не понимала, в чем, собственно, дело, но прекрасно ощущала настроение своей умной половины и была готова по первому ее приказанию серьезно разобраться с провинившимся. Разорвать его на куски.

Семен остановился на некотором расстоянии от беседки: невидимость невидимостью, но у зверюги наверняка отменный нюх! Вон как в Старом Секторе точно такие же чудища на запах паленого мяса рванули, черт знает откуда учуяли... «Хорошо что ветра здесь нет,— подумал Семен.— Повезло».

— ...Недоделков вообще надо уничтожать прямо в Инкубаторе, в зародыше, на месте! — тем временем истерично вопил карлик.— Без отправки в Старые Сектора. Но есть вековые запреты и догмы, убей свою половину, которые даже я преступить не могу! Я — Император двутелов! Я, который может все! Потому-то мне никак не обойтись без вас, человеков. Я не мешаю вам, охранникам и наказателям, делать бизнес на

смерти поганых недоделков, более того, я поощряю их насильственную утилизацию, да, всячески поощряю! И наркотики разрешаю как вознаграждение! Негласно, разумеется... Что, думал, Император не в курсе, убей свою половину? Да захоти я, все ваши каналы сегодня же были бы перекрыты! Потому что двутелы, через которых вы обтяпываете свои делишки, мои преданные слуги! И докладывают мне обо всем.

Чего же я требую от вас взамен? Того, что вы и так должны делать по своей обязанности: полного контроля над всеми людьми! Повторяю — над всеми! Требую постоянной слежки и за техниками, и за охранниками. Чтобы никаких посторонних, никаких случайных лиц! Если появился чужак — в Инкубатор его! А что я слышу от тебя сейчас, убей свою половину? (Семен в конце концов сообразил, что эта фраза означает примерно то же самое, что и «пля» охранников,— ругательство.) А слышу я то, что в моем наисекретнейшем Мире шастает некий самозванец! Человек, взявшийся ниоткуда! Настоящий охранник номер сорок пять все еще в восстановительном центре, а майор Каппа об этом ничего не знает и покрывает шпиона! И ты, ты...— Карлик захлебнулся словами.

— Осмелюсь доложить,— робко вклинился в обвинительный монолог старший наказатель.— Виновные уже арестованы и после допроса будут отправлены в Инкубатор.

— Виновные — кто? — зло щуря глаза спросил альфа.

— Все,— твердо ответил наказатель.— Оба. Майор Каппа и охранник номер сорок пять. Также я планирую провести децимацию охранников, что даст нам резкое повышение бдительности и подъем боевого духа!

— Деци...— Карлик вытаращил глаза.— Что-о? Вот не надо мне всякие непонятные слова говорить, не надо! Поясни толком, что ты задумал.

— Наказать каждого десятого охранника,— поспешил объяснить седой наказатель.— В Инкубатор их всех, а после...

— Тебя самого в Инкубатор нужно! — взвился альфа.— В такой ответственный момент взять и напрочь развалить всю надзорную систему, это ж надо додуматься! Вредительство это, а не повышение бдительности! Немедленно вернуть майора Каппу в сектор охранников, пусть организовывает поиски чужака; наказателей тоже подключить к поиску. Задействовать

всех! А с тобой я еще разберусь... О выполнении — доложить. Вон!!!

Старший наказатель рванул из беседки как спринтер после стартового выстрела: Семен едва успел посторониться.

— С кем мне приходиться работать! — заламывая ручки, причитал несчастный Император двутелов.— Тупицы! Идиоты! И ничего не поделаешь...

— Мар, наш выход,— шепнул Семен.— Следи за текстом и подыгрывай мне. Добавляй по необходимости всякие музыкально-шумовые спецэффекты, если найдешь в запасах... Ну, ты опытный, сам разберешься. Только сирену не включай! — Семен превратил маскировочный костюм в нечто, напоминающее белую греческую тогу с золотой оторочкой; на ноги организовал простые кожаные сандалии, тоже белые. Ни перьев, ни крыльев Семен делать не стал — все это было лишним. Слишком театральным. Могло только навредить.

Новоявленный ангел уверенно шагнул в беседку.

— Радуйся! — громогласно, с подъемом, возвестил Семен.— Я — посланник бога Слимпа, могущественного и всеблагого!— Альфа в недоумении уставился на пустое место, откуда шел звук.

— Галлюцинация, что ли? — пробормотал карлик, потирая виски.— Доконали меня эти мерзавцы, убей свою половину! В восстановительный центр пора, на профилактику. Давно я там не был...

— Невидимость сними, живо! — прошипел сквозь зубы Семен.— Мир тебе, о великий Император двутелов!

— Теперь я еще и вижу,— расстроенно сообщил альфа беседке.— Прогрессирует, однако.

— Я ангел, посланный к тебе с высокой миссией.— Семен добавил в голос патетики.— Ибо решил бог Слимп испытать тебя, и если ты выдержишь испытание, то будет тебе счастье!

Бета лениво приподнялся, на четвереньках подбежал к Семену, шумно его обнюхал и, зевнув, вернулся на место.

— А, так ты не галлюцинация,— обрадовался карлик-альфа.— Кто таков? — Похоже, альфа до этого совершенно не вникал в смысл произносимых Семеном тирад.

— Ангел я,— терпеливо повторил Семен.— Слимп меня к тебе прислал, по делу.

— Ангел? — Карлик презрительно скривил губы.— Во-первых, ангелов не бывает. Во вторых, если и бывают, то не во плоти! Бестелесные они, понятно?

— Ничего не могу поделать.— Семен развел руками.— Каким был создан, таким к тебе и явился.

— Ближе к делу,— категорично приказал Император двутелов.— Докажи для начала, что ты действительно посланник Слимпа, а уж после говорить будем. Потому как сдается мне, что никакой ты не ангел, а наглый диверсант и шпион, снаряженный всяческим маскировочным колдовством... нюхач имперский, которого по всему Миру Равновесия ищут. Самозванец номер сорок пять. Что, нечего сказать в свое оправдание? Половинка моя, иди ко мне, сейчас ты самодельного ангела кушать будешь.— Бета вопросительно приподнял голову, но остался лежать на месте: реальной угрозы для альфы он пока не видел.

Семен закатил глаза к потолку беседки.

— Господи, ты слышишь эти крамольные речи? — с надрывом спросил Семен у потолка.— И не караешь нечестивца? Что ж, будь по-твоему, господи. Как скажешь, господи. Слушаюсь.— Семен перевел взгляд на лысого нечестивца: альфа тоже с интересом разглядывал крашеный потолок, словно на нем узоры появились.

— Мбзяб! — трагическим голосом произнес Семен; карлик вздрогнул и чуть с лавки не упал, разом позабыв о потолке.— Мбзяб — вот твое тайное, непроизносимое имя, не ведомое никому, кроме всеведущего Слимпа и его ангела-посланника, с доброй вестью к тебе прибывшего!

— Все равно не верю! Поподробнее, будьте любезны.— Голос у альфы внезапно сел.— Где, когда и при каких обстоятельствах Слимп узнал мое внутреннее имя? Только не произносите его больше вслух, умоляю!

— Имя Мбзяб не произносить? — уточнил Семен.— Или Слимп?

— Первое,— торопливо подсказал Император двутелов.— Нельзя! Табу. Если кто из моих подданных ненароком его узнает — все, я больше не Император: поголовно все взбунтуются, меня свергнут и утилизируют. Причем медленно и

больно. Я вас очень прошу, господин ангел! — Мбзяб умоляюще сложил ручки на груди.

— То-то же,— успокоился Семен.— А подробности следующие: тобой, несчастный, была дана расписка, в которой ты отказался от дальнейших поисков Слимпа великого и справедливого, по Дантову аду пройдя и душой оледенев... м-м... или душами, как вернее?

Император не ответил, изменившись в лице и крепко закручинившись.

— Эй, что стряслось? — озаботился Семен.— Какие-то проблемы?

— Нет-нет, это я так... вспомнилось кое-что,— отмахнулся карлик.— Из увиденного. Продолжайте, высочайший, я весь — внимание!

— А что продолжать-то? — пожал плечами Семен.— Я уже все сказал.

— Что нужно от меня великому Слимпу? — требовательно спросил альфа.— Вы что-то там говорили об испытании, или я ослышался? Мы же вроде все вопросы с вашим начальником решили, разошлись без претензий! А теперь какое-то испытание... Зачем? Почему?

— Так надо,— мягко сказал Семен.— Небольшое испытаньице, совсем небольшое... Проверка на лояльность, так сказать. Он,— Семен показал взглядом на потолок,— хочет узнать, зачем вы украли Кардинала и где его содержите.

— Бред какой-то.— Император двутелов нервно почесал лысый затылок.— Зачем всеведущему что-то узнавать? Он ведь и так все знает, по определению. Что-то у вас, высочайший, не состыковывается... Логики не вижу!

— Промысел божий логике не поддается.— Семен назидательно поднял указательный палец.— Логика и вера — две вещи несовместные! На то оно и испытание... Так да или нет? В смысле— похищали вы Кардинала или нет? А если похитили, то где он содержится?

— Не трогали мы Кардинала,— с досадой ответил карлик.— Не похищали. Такой вариант действительно рассматривался на Большом Совете, но был отвергнут как бесперспективный при нынешней политической ситуации. Лично мной отвергнут! Потому что...

В этот момент запоздало протрубили фанфары: Мар обнаружил-таки в своих запасах музыкально-шумовое заклинание и не преминул им воспользоваться. Как оказалось, вовремя: главное Семен узнал, пора было уходить. Но уходить не абы как, а торжественно, в соответствии с ангельской ролью, чтобы не вызвать у Императора ненужных подозрений. Мало ли как в дальнейшем получится, может, еще когда придется Мбзяба побеспокоить, ежели заказ такой будет... Уйти по пятому, последнему адресу — так, на всякий случай; Семен ничуть не сомневался в правдивости слов Императора-альфы, но проверить адресок все же не мешало.

Семен воздел руки к потолку:

— Это знамение! Услышал Слимп слова твои искренние и честные и возрадовался безмерно! И сказал он мне голосом добрым: «Вот Император из Императоров, пастырь для всех двутелов! И быть ему Императором до самой своей смерти!» А мне сказал: «Возвращайся, ангел Симеон, в обитель мою по пятому адресу! По пятому!» Аминь.

— Я понял,— шепнул Мар.— Команда та же: «Уход». Жду.

Неожиданно Семена кто-то грубо толкнул в спину: отпихнув зазевавшегося ангела, в беседку ворвался старший наказатель.

— Извиняюсь,— бросил он на ходу, даже не глянув в сторону Семена,— срочное дело! Ваше Императорское Величество,— запыхавшийся наказатель остановился перед карликом.— Ваше приказание выполнено! Каппа сейчас лично руководит поисками во всех секторах; наказатели прочесывают места, закрытые для общего доступа. Инкубатор они тоже проверят! А после пройдут стандартную процедуру стирания.

— Это хорошо,— вяло одобрил карлик, затуманенным взором глядя на Семена. На посланника бога Слимпа.— Значит, Императором до самой смерти? А когда она будет, та смерть? Этого тебе, ангел, случаем, не известно?

— Сие есть тайна тайн,— строгим голосом ответил Семен.— Ну, я пошел. Мне пора.

Старший наказатель, услышав странное высказывание Императора и не менее странный ответ, резко обернулся: взгляд наказателя встретился со взглядом Семена.

Дальнейшее случилось почти одновременно.

— Уход! — крикнул Семен, но заклинание перемещения почему-то сработало в этот раз с задержкой. Всего секунды на две-три. Но и этого хватило, чтобы произошло непоправимое.

— Это он! — возопил старший наказатель, выдергивая из рукава подозрительно толстый жезл лучемета.— Шпион! Диверсант! Которого все ищут!

Император среагировал мгновенно.

— Взять! — крикнул он бете.— Взять ангела! Порвать!

Бета с места прыгнул на Семена, в полете разведя когтистые руки-лапы, словно собираясь обнять самозваного ангела как лучшего друга; наказатель прицелился в шпиона-диверсанта и нажал спуск. А Семен, не придумав ничего лучше, упал на пол и откатился в сторону.

Огненная молния вспорола воздух в том месте, где только что стоял Семен. И где сейчас оказался бета: зверь умер мгновенно — выстрелом ему снесло полчерепа; лучемет старшего наказателя оказался гораздо мощнее, чем у рядовых охранников. Гораздо.

Императора чужих стало в два раза меньше.

Что произошло дальше, Семен так никогда и не узнал: транспортное заклинание наконец сработало и ангел в белых одеждах перенесся по пятому адресу — по единственному, последнему. По завершающему.

— Черт возьми,— раздраженно сказал ангел-Семен, поднимаясь с пола и отряхиваясь: разумеется, он прибыл на новое место в том же самом положении, в каком убыл из предыдущего.— Мар, что за дела? Почему такая задержка, а? Из-за тебя Империя двутелов наполовину осиротела! Нехорошо, понимаешь, как-то вышло... Не по-божески.

— Я не виноват! — оправдываясь, расстроенно сказал медальон.— Я же тебя предупреждал, что заклинание почти выдохлось! А ты еще технарей в домик Кардинала отправил, гуманизм не вовремя проявил... Вот и имеем то, что имеем. На пару дальних переброс транспортной магии еще хватит, но время срабатывания существенно увеличится. Вон для простенького короткого броска и то сколько его потребовалось!

— Не переживай,— остановил причитания медальона Семен.— На пару хватит, и ладно, больше не потребуется. А вернемся к себе — подзаряжу, не сомневайся: у Дубля нужные

заклинания вытребую, куда он денется! Нам ведь Кардинала теперь по другим Мирам искать придется, здесь его нету, окончательно выяснили... Так, куда это нас занесло? — Семен огляделся по сторонам.

Зал, в котором материализовался Семен, оказался хоть и гораздо меньше императорского, но все же был достаточно просторным; не стилизованный под небо потолок сиял рядами обычных светильников и голой, зеркально отполированной сталью. Зеркально-стальными были и стены: в них отражался и Семен в белых одеждах, и то, что высилось посреди зала,— нечто темное, почти черное, прямоугольное. Напоминающее собой приличных размеров многоэтажку, положенную набок.

— Это что за хренотень? — озвучил мысли Семена медальон.— Гробница, что ли? Типа мавзолея.

— Сейчас посмотрим,— пообещал Семен.— Обязательно! Вдруг Мбзяб половинчатый все же мне наврал, а? Не убоялся Слимпа и наврал, исходя из высших интриганских соображений... А в черной хренотени на самом деле важные политические заключенные содержатся. Вроде Кардинала. Это надо проверить.

Но прежде чем направиться к загадочному строению, Семен изменил одежду: все же ангельские шмотки были чересчур броскими и явно чуждыми этому Миру. Здесь уместнее всего была черная одежда. Форма. Например, такая, как у старшего наказателя. Он посмотрел на себя в ближайшую стену словно в зеркало: все получилось так, как он и задумывал,— на нем была уже ставшая привычной форма охранника, но с серебряной молнией на груди. С фирменным знаком наказателей. Поправив берет — лихо заломив его на правое ухо,— Семен направился к черной постройке. К возможной гробнице-темнице, где всякие Кардиналы в неволе томятся.

— Помнишь, Семен, я тебе как-то о мощном источнике магии говорил? — подал голос Мар.— Который где-то в этом пакостном Мире запрятан? Помнишь? — (Семен энергично кивнул: помню, мол, как такое забудешь!) — Ну так вот: тут он, этот источник! В зале. Только я еще не определил точно, где именно. Как определю — скажу. Надо бы и на него тоже глянуть. Ты не против?

— Договорились.

Семен приблизился к непонятному строению, постоял немного, вглядываясь в свое еле видимое ночное отражение, и приложил руку к темной поверхности: под рукой было стекло— холодное, гладкое. Толстое.

Семен уткнулся лицом в затемненное стекло, отгородившись от яркого света ладонями, чтобы не мешал,— как будто в неосвещенную витрину смотрел. Поначалу ничего видно не было, сплошная темень подвальная... Потом глаза привыкли к полумраку, и Семен увидел.

Внутри постройки располагались стеклянные емкости, по форме точь-в-точь как обычные ванны, только гораздо больше — все они были заполнены вязкой бесцветной жидкостью. В ближней к Семену ванне плавал объемистый пузырь, похожий на яйцо. Пузырь то медленно поднимался к поверхности, то опускался на дно; сквозь мутную пленку оболочки просматривались два свернутых калачиком силуэта, большой и маленький. Два почти созревших чужих, альфа и бета. Почти взрослых.

Что было в других емкостях, Семен не увидел, темно все-таки. Но и увиденного было достаточно.

— Мар, да это же Инкубатор! — шепотом сообщил Семен медальону.— Святая святых Мира Равновесия и Империи чужих! Конвейер по производству двутелов.

— И я, и я посмотреть хочу! — заволновался медальон.— Приложи меня к стеночке, ага, вот так.

Мар замолчал, поглощенный редкостным зрелищем.

— Достаточно,— через полминуты сказал Мар.— Нагляделся, хватит! Там, Семен, где-то сотни четыре тех ванн будет, а то и все полтыщи. Которые с зародышами, а которые уже с практически взрослыми особями... Кстати, при мне несколько ванн в пол ушло: рожать поехали, однозначно! Но не это главное, Семен, не это! Главное находится с другой стороны этой родилки. Пошли туда!

— Ты о чем? — Семен недолго думая пустился в обход Инкубатора. К его противоположной стороне.

— Вычислил я источник магии, вот что! Там он, за Инкубатором. Ох, подозрительно все как-то получается, настораживающе... Они же, чужие, напрочь магию отрицают — кроме своей, технической,— вопят об этом на каждом углу... Слушай,

а может, они нарочно так вопят? Чтобы никаких подозрений ни у кого не возникло?

— Подозрений насчет чего?

Семен шел по длинному коридору между стеной Инкубатора и стеной зала: слева было черное зеркало, стеклянное, справа — белое, металлическое. И в них отражалось бесконечное количество Семенов — темных и светлых. Светлых и темных. Разных.

— А я откуда знаю? Придем на место, там увидим насчет чего,— резонно ответил медальон.— Немного осталось.

Коридор закончился, Семен вошел в просторную, не занятую Инкубатором часть зала. К мощному источнику нетехнической магии.

Свободная часть зала была тиха и безлюдна: ни дежурных ремонтников, ни охранников, ни посланных сюда для поиска диверсанта наказателей. Ни Хозяев. Что Семена только порадовало — ни с кем в этом Мире он больше общаться не хотел. Надоело. И Мир этот ему тоже надоел, хуже полиментов: Семен прямо сейчас отправился бы к Дублю Кардинала с нерадостным известием, но надо было разобраться с загадочной магией. Вернее, с ее источником.

Источник монументально возвышался у дальней стены зала, на краю большого и глубокого бассейна, примыкавшего к Инкубатору; похоже, бассейн был заполнен той же вязкой жидкостью, что и ванны в Инкубаторе,— так, во всяком случае, показалось Семену.

Это была вертикальная пентаграмма. Небольшая, всего-то метров пятнадцать высотой, по сравнению с размерами самого зала — сущий пустяк. Пентаграмма висела в воздухе, ничем не поддерживаемая; за колдовской звездой, почти впритык к стене и к пентаграмме, находился высокий каменный помост с узкой, тоже каменной лестницей, идущей вдоль стены; сбоку помоста был короткий железный трамплин, чуть ли не упиравшийся в центр пентаграммы. Словно здесь регулярно проводили соревнования по прыжкам в бассейн сквозь ту звезду. Эдакий местный вид спортивно-магического развлечения.

Сама пентаграмма была сделана из плотно скрученных в канатный жгут — в руку толщиной — золотых и серебряных ленточек вроде серпантина; звезда была настолько древней,

что драгоценные ленточки давным-давно утратили свой блеск: золото стало матовым, а серебро во многих местах почернело; вся пентаграмма была окружена по контуру ровным бирюзовым сиянием — скорее всего, это было специальное колдовское заграждение. Защита от диверсантов, которых так боялись Хозяева.

Внутри ленточной звезды, не выходя за пределы образованного лучами пятиугольника, полыхало неугасимое алое пламя, чистое, сильное. Волшебное. Видимое только Семену — как и бирюзовое сияние.

— Ба! Да это же пентаграмма секты Изменчивых! — очень удивился Мар.— Только... э-э... стационарная. Зачем, для чего? Неужели двуморды тоже практикуют обряд изменения? Совершенства ищут, хе-хе. В слимпы с мостика налаживаются!

— Вряд ли.— Семен подошел к пентаграмме ближе, задрал голову.— Может, она как-то связана с работой Инкубатора? Может...

Пятиугольник внутри ленточной пентаграммы внезапно налился обычным, вполне видимым пожарным заревом: в огненных всполохах проступили контуры человеческой фигуры.

— Семен, смотри! — взволнованно крикнул медальон.— Смотри, что происходит! С ума сойти...

Фигура — неестественно и жутко дергая всеми конечностями, словно ее пытали электричеством,— неуловимо менялась, искажалась, таяла на глазах, превращаясь в нечто неопределенное; через секунду-другую неопределенность исчезла и внутри пентаграммы обозначился шарик размером с апельсин. Обозначился, уплотнился и вылетел из ленточной звезды по пологой дуге. И без всплеска упал в вязкую жидкость бассейна.

— А... э...— От растерянности Мар не нашел подходящих слов; Семен встал на колени и осторожно, чтобы не свалиться, заглянул в бассейн — шарик медленно погружался, тонул по наклонной, плывя к широкому отверстию у самого дна.

Шарик был прозрачным, и в нем хорошо различались две оранжевые запятые — одна побольше, другая поменьше— крохотные зародыши будущего двутела. Будущего Хозяина.

— Ни... ничего себе де... дела,— заикаясь от волнения, выдавил из себя Мар.— По... получается так, что эта ленточная

пентаграмма живых людей в икру перемалывает, да? Эти дураки-сектанты, значит, личного счастья и всевластья ищут, а их в конечном пункте — хрясть, и в двутела перекраивают, в личинку... Пля, пля и еще раз пля! Во-он оно что,— с отвращением в голосе протянул медальон.— Теперь я все понял. Все. Не делением, Семен, чужие размножаются, враки это! Убийством они плодятся. Убийством! И религию Изменчивых наверняка сами двутелы придумали, специально... рабочие пентаграммы для соответствующего ритуала тоже они создали. И подсунули дуракам, по всем нормальным Мирам раскидали... Хотел бы я знать, как на самом деле появились чужие, кто и для какой цели создал этих мерзавцев! Да спросить нынче не у кого, давно это было... Померли небось уже все, кто мог правду знать. А помост, ясное дело, для местного населения сложен, для тех, кто провинился: быстрая казнь с пополнением родильных ванн... Ублюдки, гниды! Взорвать! Взорвать все к хренам собачьим! Сейчас же!!! — Мар так разъярился, что Семену стало не по себе: боевых заклинаний у медальона было предостаточно. И что они могли натворить, Семен уже видел в Старом Секторе.

— Прекратить истерику! — быстро встав на ноги, гаркнул Семен.— Прекратить, кому сказал! Чего это ты вдруг завелся, а? Ты же не человек, какое тебе дело до тех, кто в пентаграмму сдуру влез, они сами такую судьбу выбрали... Как ты там говорил: несвоевременный гуманизм, да? Вот-вот. Именно этим гуманизмом ты сейчас и занимаешься. Причем в глобальных масштабах! Человечество спасаешь... не все, конечно, но наиболее глупую его часть.

— Плевать мне на человечество,— гневно отрезал медальон.— Мне за Империю обидно! За мои поруганные идеалы. За то, что в душу мне плюнули... И вообще я чужих ненавижу. Давно.

— Какие такие идеалы? — поинтересовался Семен, наблюдая, как вновь кроваво вспыхнула пентаграмма и в бассейн упал очередной шарик-икринка.— Какая душа? Ты уверен, что она у тебя есть?

— Не очень,— успокаиваясь, сознался медальон.— Но хочется верить, что имеется. А идеалы... ну, это я сгоряча, увлекся немного. Какие, на фиг, идеалы в моем-то возрасте и с моим

жизненным опытом... Но оставлять эту пакость вот так, вечно работающей и вечно убивающей, никак нельзя! Ни в коем случае. Что делать будем, Семен?

— Разве непонятно? — удивился Семен.— Взрывать будем, само собой! Соответственно твоему искреннему пожеланию.

— А... а как? — озаботился Мар.

— Об этом я еще не подумал.— Семен проследил задумчивым взглядом за упавшими в бассейн третьим и четвертым шариками-икринками.— Ритуалит где-то народ, старается... Ничего, Мар, взрывать — не разминировать, особых знаний не требуется.

— Можно попробовать боевыми заклинаниями пентаграмму завалить,— предложил медальон.— Отойти подальше и попробовать. Навскидку.

— Нет,— Семен покачал головой,— не пойдет. Слишком долго и слишком опасно! Во-первых, можем сами покалечиться, а во-вторых, я уверен — после первого же выстрела сюда все двутелы вместе с наказателями сбегутся: чтобы у такой ценной вещи да не было хитрой сигнализации! А с одного выстрела ты пентаграмму никак не завалишь, у нее защита имеется... Эх, была бы у нас бомба с часовым механизмом! Все бы проблемы разом отпали: заложил, включил, удрал... Мар! — Семен хлопнул себя по лбу.— А ведь это идея! Мои часы с будильником, твои боевые заклинания — и готово!

— Погоди,— опешил медальон.— Ты это всерьез? Ты хочешь сказать, что собираешься сделать вручную...

— Магобомбу,— подсказал Семен.— Вернее, мину. Магическую.

— Охренеть можно,— только и сказал Мар.

ГЛАВА 15
Самодельный Ликвидатор Инкубатора: Магобомба для Пентаграммы

— Как устроена простейшая мина с часовым механизмом? — Семен расхаживал возле бассейна, по-лекторски сложив руки за спиной и рассуждая вслух: рассуждения были предназначены в первую очередь, конечно, для медальона. Чтобы знал,

какая помощь от него может потребоваться. Как устроена адская машинка, Семен и так знал, зря, что ли, в армии служил? И фильмы о террористах смотрел.— Взрывчатка, детонатор, батарейка и часовой механизм. Часы срабатывают в нужное время, замыкают контакт батарейки; батарейка воспламеняет детонатор, а тот инициирует заложенный в мину заряд. Ба-бах! И все, дело сделано — мост разрушен, враг топчется на берегу и поминает маму взрывника. Вопрос: как создать нечто подобное без электрической батарейки, детонатора и взрывчатки, имея лишь наручные часы с будильником и боевые заклинания... Кстати, Мар, а сколько у тебя в наличии боевых заклинаний? И каких.

— Сорок три! — гордо сообщил Мар.— Самых разных! Из них нумерованно-стандартных, используемых в имперских войсках, девятнадцать. А остальные общепринятой армейской классификации не поддаются: специальные, видимо. Из личного кардинальского фонда! Я эти заклинания у отрядного медальона взял, у того, которым Дубль номер Двадцать Пять хотел тебя в свое время охомутать. Трофейные, во как! Одно из тех заклинаний я совсем недавно испробовал, на недоделках... оно в сопроводительной спецификации было помечено как «Огненный шторм». Очень похоже!

— А какие еще трофейные заклинания у тебя есть? — Семен присел на ступеньку помоста, расслабился и только сейчас понял, как он голоден.— Мар, организуй что-нибудь пожевать! Походное что-нибудь. На свое усмотрение.

Тут же на ступеньке рядом с Семеном возникло круглое пластиковое блюдо со стопкой горячих чебуреков; медальон в этот раз не стал изображать из себя многоопытного официанта-диетолога, а разом выполнил просьбу,— уж очень интересный вопрос задал ему Семен!

— Есть «Звездный дождь»,— стал перечислять Мар,— «Слеза вдовы», «Северное сияние», «Кровавая Мэри», «Воздушное копье»...

— «Северное сияние» и «Кровавую Мэри» знаю,— жуя чебурек, невнятно поддакнул Семен,— крутые вещи! Особенно в чрезмерном количестве. Я бы от «Мэри» сейчас не отказался, к чебурекам — в самый раз! — Семен вздохнул с сожалением.

— М-м, боюсь, зал маловат будет.— Медальон воспринял слова Семена по-своему.— В спецификации особо указано, что использовать «Кровавую Мэри» можно только или на открытом пространстве, или в помещении объемом не менее миллиона кубометров... Это сколько же у нас получается? Сто на сто и еще раз на сто... Не вписываемся.— Медальон озабоченно поцокал, как белка над слишком крепким орешком.— Увы!

— Да мне и ста пятидесяти грамм хватило бы,— с улыбкой ответил Семен,— ну, двести. Зачем мне миллион кубов? Не нужно мне столько! Не выпью.

— Похоже, мы о разных вещах говорим,— сделал правильный вывод Мар.— Хрен с ней, с той непонятной «Мэри», пошли дальше! Э-э, на чем я остановился? А, «Воздушное копье»! Дальше идет «Буйная роза», «Поцелуй шамана» и...

— Хватит перечислять.— Семен доел последний чебурек, повертел в руках поднос, не зная куда его девать. И ловко забросил его на верх помоста. С глаз долой.

— Заклинаний для начинки магобомбы у нас хватает,— подвел итог рассказу медальона Семен.— Надо только их все из тебя вытащить, упаковать в часы и как-то связать с механизмом будильника. Чтобы они одновременно сработали. Разом.

— Все-все вытащить? — ужаснулся Мар.— А как же мы? В таком гиблом месте и без оружия остаться, кошмар! Я же эти заклинания на самый худой случай берег, можно сказать лелеял, по пустякам не тратил... коллекционировал, в конце концов! А ты всю мою коллекцию под корешок, в жестянку со стрелками... Ну хоть одно заклинаньице можно себе оставить, а? Самое слабенькое. Самое-самое!

— Самое слабенькое можно,— разрешил Семен.— Будем от мух отбиваться. Итак, наша первая задача: подготовить к закладке в часы твои коллекционные заклинания. Ну, давай!

— Что — давай? — не понял Мар.

— Заклинания давай.— Семен подставил ладонь под медальон.— Насыпай! Не стесняйся.

— Попробую,— неуверенно сказал Мар.— Если получится. Я такого никогда раньше не делал! Обычно заклинания из медальона в медальон передаются, напрямую... я даже не представляю, как их можно насыпать куда-то! И имеют ли они вообще хоть какую-то материальную форму, чтобы сыпаться...

— А ты вообрази, что моя ладонь — это другой медальон,— с нажимом посоветовал Семен.— Напряги фантазию! И начинай передачу, или что ты в этом случае делаешь. Выдавай продукт на-гора, короче! А я принимать буду.

— Странно как-то,— медальон хихикнул,— непривычно. Ладно, напрягу, чего уж там! Было бы только чего напрягать,— посетовал Мар.— Я даже не знаю, есть ли она у меня, та фантазия?

— Есть, не сомневайся,— успокоил Мара Семен.— И какая! Кто позавчера мне все уши прожужжал, предлагая то полиментов в золото превратить, то заставить каждое солнце Империи светиться именем «Симеон»? Я уж промолчу о луне в виде красивого нагрудного знака... Мне такое и с похмелья в голову не пришло бы. Ха, фантазии нету! Скажешь еще.

— Уговорил,— кротко ответил Мар и тут же хлопотливо забормотал: — Напрягаюсь... напрягаюсь... опс, не напрягся! Еще раз: напрягаюсь, напрягаюсь... э-э, опять сорвалось! А если так...

Семен, хоть и посмеивался над потугами старательного Мара, но ладонь продолжал держать — а вдруг получится?

— Напря...— сказал медальон умирающим голосом и замолчал. В тот же момент от кругляша на груди Семена отделилась легкая тень и лепестком упала на подставленную ладонь; тень была круглая, по размеру точная копия Мара. Словно воздушный сумеречный оттиск медальона. Следом за первой упала вторая тень-лепесток, третья, четвертая... Семен боялся слишком громко вздохнуть, чтобы не отвлечь Мара от непривычного для него занятия — лепестки падали на ладонь один за другим, ложась рядом друг с дружкой; боевые заклинания выглядели настолько хрупкими, настолько нежными, что даже как-то не верилось в их скрытую силу. В то, что каждое из них таит в себе лютую смерть.

— Все,— устало сказал Мар.— Сорок два с копейками — что-то я еще нечаянно выбросил впопыхах, что-то полудохлое, знатно использованное... А одно заклинание, как и договорились, на всякий случай оставил: оно уж точно самое слабенькое, «Повелитель мух» называется! В пояснительной спецификации никаких разъяснений, одно лишь название... Видимо, от насекомых.

— Прекрасно.— Семен осторожно сжал ладонь в кулак.— Теперь ответь на технический вопрос: как ты используешь заклинания? Что с ними делаешь, чтобы они сработали? Вот «Огненный шторм» — ты говорил, что использовал его частично, чуть-чуть. Как это было? Расскажи, пожалуйста, все поэтапно, ничего не пропуская.

— Э-э... Действительно, как? — Мар задумался.— Сложный вопрос ты мне, Семен, задал! С ходу и слов нужных не подберешь... Для меня работать с комплексными заклинаниями так же естественно, как для тебя дышать. Много ли ты можешь поэтапно рассказать о процессе вентиляции своих легких? Дышу себе и дышу... Короче, я сначала как бы оживляю, пробуждаю заклинание, одновременно указывая, какую часть заключенной в нем силы мне сейчас нужно использовать, а потом использую полученную мощь по назначению. Вот вроде и все.

— Значит, внутри каждого заклинания находится упакованная в него магическая сила, так? — уточнил Семен.— Не команда к использованию какой-то внешней магии, а именно своя, специализированная сила. Которую ты расходуешь понемногу, до тех пор, пока заклинание не истощится. Или я ошибаюсь?

— Не ошибаешься,— подтвердил Мар.— Находится. Расходую.

— И, следовательно, если я как-то повреждю то заклинание— надорву его, к примеру,— то вся его сила мгновенно высвободится? — гнул свою линию Семен.

— Может быть,— неуверенно согласился Мар.— Я никогда не слыхал о подобных экспериментах... видимо, рассказывать некому было после таких опытов! Если они проходили удачно. Если надорвать получалось.

— Что я и хотел выяснить.

Семен расстегнул ремешок часов, достал из кошеля с золотом опасную бритву и одним движением снял заднюю крышечку с купленной в Мастерском Мире наручной машинки времени.

— Видишь кулачок будильника? — Семен поднес раскрытые часы поближе к медальону.— Маленький такой. Вот к нему и привяжемся.

— Что? — не понял медальон.— В каком смысле?

— В буквальном.— Семен положил часы на ступеньку возле себя.— Я раскатаю заклинания в нитку, обвяжу ею часы, а кончик примотаю к кулачку. Когда будильник зазвенит, нитка порвется и заклинания сработают. Я так думаю!

— Чепуха.— Мар презрительно фыркнул.— Материальный механизм и нематериальные заклинания, хе! Ничего у тебя не получится. Ни-че-го! А жаль.

— Посмотрим,— многозначительно сказал Семен и принялся медленно уминать пышную горку лепестков-заклинаний в комочек. Как будто с пластилином работал.

— Ты того,— всполошился Мар,— поосторожнее, сапер колдучий! Не то шарахнет так, что ни пентаграммы, ни меня с тобой не останется! А мне еще пожить хочется. Привык я живым быть, понимаешь.

— Я тоже привык.— Семен неторопливо раскатал маленький плотный комочек в короткую нить.— Привычка хорошая, не вредная... Приступаю.— Семен взял со ступеньки часы, завел будильник и выставил время его срабатывания.— Полчаса нам хватит, чтобы сработало транспортное заклинание?

— Хватит, хватит,— ответил Мар.— Заканчивай побыстрее, а то я от страха мерзнуть начинаю! — И действительно, Семен даже сквозь камуфляжку почувствовал, насколько похолодел медальон. Разве что инеем не покрылся.

— Готово! — через минуту сказал Семен.— Я кончик нитки как волосок тонким сделал, тоньше некуда, примотал его к кулачку и натянул. Плотный волосок получился, материальный... Взорвется мина, не сомневайся! — Семен встал, огляделся, прикидывая, куда можно было бы спрятать самодельную магобомбу. И сунул ее в щель кладки помоста, как раз напротив ленточной пентаграммы.

— Можно убираться.— Семен крепко потер руки, словно под краном их вымыл.— Дрожат пальцы-то,— пожаловался он Мару.— Когда делал, не дрожали. А сейчас — дрожат!

— Запустил я транспортное колдовство,— сдавленным голосом сообщил медальон.— Скоро должно сработать. А ты пока нежданных гостей встречай! Не увидел я их вовремя с этими минерными переживаниями, не включил невидимость... Теперь поздно, заметили они тебя.

— Каких гостей? — Семен обернулся.

В стене зала, с той его стороны, где Семен вышел из зеркального коридора, теперь появилась кабина перемещений — ее лицевая часть с открытыми дверями. А возле кабины стояли люди в черном, наказатели, отправленные для проверки Инкубатора: шесть человек, две боевые тройки. Стояли и смотрели на Семена. Просто смотрели, ничего не предпринимая: наверное, присутствие в зале Инкубатора человека в форме было для них не меньшим сюрпризом, чем их появление -- для Семена.

Форма прибывших наказателей несколько отличалась от той, что была на Семене. Вернее, отличалась от формы старшего наказателя: серебряная молния, перечеркнувшая грудь Семена, у пришельцев была заметно меньше. Значит, понял Семен, молния — не только эмблема, но и знак различия в звании. Это Семена устраивало.

Вспомнив майора Каппу, Семен принял надменную позу и, махнув рукой, зычно крикнул:

— Ко мне, пля! Бегом!

Наказатели переглянулись и, сначала нерешительно потоптавшись на месте, бросились к Семену. Бегом. Как и было приказано. Подбежали и сразу построились — видимо, это они сделали уже по привычке, автоматически: настоящий старший наказатель не зря был старшим! Вымуштровал своих подчиненных до полной потери сообразительности и любознательности. Что в данный момент было Семену на руку. Потому что самый лучший способ защиты — это, конечно, нападение. Тем более старшего по званию на младшего.

— Бойцы! — Семен исподлобья оглядел строй.— Вы опоздали на сорок три минуты! Как это понимать? Почему?! — Кто-то в строю попытался было открыть рот, чтобы ответить, почему, но Семен упреждающе взревел: — Молчать, не думать, стоять смирно! — Команда для наказателей оказалась знакомая, рот немедленно захлопнулся.

— В то время как на Главного Хозяина совершено покушение... да-да, покушение! И нечего глаза выпучивать, здесь вам не магазин для очков! Бывшим старшим наказателем совершено, чтоб знали... Так вот — в это трагическое время недопустимо нарушение приказов, и я никому не позволю увиливать от исполнения своего долга! Сказано прибыть — значит,

надо прибыть, вовремя и точно! Сказано убыть — значит, всем надлежит убыть в указанном направлении!

— Пятнадцать минут до взрыва,— прошелестел Мар.— Ой мне...

— ...Главный Хозяин только что назначил меня старшим наказателем.— Семен почувствовал, что начинает нервничать: время шло, а транспортное заклинание не срабатывало. Потому его голос становился все резче и злее.— Я, пля, лично проверяю Инкубатор, а мои подчиненные в это время шляются невесть где! Типа в карты играют и пиво пьют! Позор! Это же преступление! Хуже — предательство! Измена! Кр-р-ругом! — Строй послушно развернулся.— В кабину шагом марш! — Строй потопал к кабине.

И тут Семен от волнения совершил жуткую промашку. Роковую.

— Вернуться в свой сектор,— прорычал он в спины уходящим наказателям,— и доложить начальнику караула о том, что вы все арестованы! Двадцать дней гауптвахты каждому!

— Какой караул?! — в ужасе завопил медальон.— Какая гауптвахта?!

Но слова были произнесены, наказатели, замордованные дисциплиной и начальственным криком Семена, пришли в себя. Остановились, обернулись.

— Это он,— сказал один из наказателей. Уверенно сказал, без тени сомнения, в следующую секунду шесть лучеметов, вынырнув из рукавов-кобур, уставились на Семена.

— Приказано взять живьем,— напомнил своим товарищам тот же наказатель,— в крайнем случае разрешено отстрелить руки-ноги, но не убивать. В больничке им займутся.

От этих негромко произнесенных слов Семена пробрал озноб: ребята были настроены серьезно. По-боевому.

— Десять минут,— отрешенным голосом проинформировал Мар.

Семен попятился — отступать было практически некуда, не в прозрачный же кисель бассейна нырять, в самом деле... Семен нащупал ногой каменную лестницу и, не оборачиваясь, шаг за шагом, двинулся вверх по ступенькам: надо было тянуть время. Которого уже почти не оставалось.

— Брать его буду я.— Ретивый наказатель спрятал трубку лучемета в рукав.— А вы прикрывайте.

Он мягким шагом направился к Семену, раскачиваясь и плавно поводя руками перед собой. И нехорошо улыбаясь.

— Давай я ему муховым заклинанием вломлю,— кровожадно потребовал Мар,— чтобы не выделывался! Ишь, какие кренделя выкаблучивает! Больной, что ли? Припадочный.

— Включай защиту и никакой самодеятельности! — сквозь зубы процедил Семен, пятясь вверх по ступенькам лестницы.— Они скоро и так свою порцию получат.— Ступеньки закончились, Семен вышел на помост.

Положение складывалось неважное: слева была голая стена, справа — пентаграмма. Что находилось позади, Семен не видел, обрыв скорее всего. Вряд ли с той стороны помоста имелась лестница... Но деваться было некуда, и Семен продолжал медленно пятиться. Пока чуть не шагнул в пустоту.

Наказатель оскалился в понимающей улыбке, легко преодолел последние ступеньки и оказался на помосте. Глядя Семену в глаза, наказатель вдруг рванул с места и, сделав пару быстрых шагов, подпрыгнул, намереваясь ударить противника ногой в грудь. Точнее, хотел было подпрыгнуть и ударить...

Пластиковый поднос, мимоходом заброшенный Семеном на помост — весь в масле, жирный и скользкий,— попал наказателю под толчковую ногу: коротко вякнув, наказатель упал боком на гладкий железный трамплин, по которому тут же въехал в ленточную пентаграмму. В работающую.

Вздох ужаса пронесся над пятеркой наказателей: забыв о Семене, пятерка в черном смотрела на колдовскую звезду. На то, как их товарищ переплавляется в зародыши двутела: начальный момент изменения был вполне доступен и для обычного, не особого, как у видящих, зрения. Очень впечатляющий начальный момент!

Браслет удачи на руке Семена заметно нагрелся.

— Что, неужели смертельная опасность была? — Семен оглянулся: позади него, как он и предполагал, помост заканчивался обрывом; там, внизу, из пола торчали короткие металлические копья, направленные остриями вверх. Подготовленные для тех, кто попытался бы малодушно удрать с помоста, не пожелав нырять в пентаграмму.

— Три минуты,— грустно сказал Мар.— Плюс-минус одна, я же не твой будильник, чтобы время секунду в секунду отсчитывать... Ну что, Семен, будем прощаться?

— Фиг тебе, а не прощаться,— огрызнулся Семен.— Ты почему защиту не включил, а? Я же тебе приказал!

— Нету защиты, Сеня,— тем же грустным голосом ответил медальон.— Я ее по ошибке вместе с боевыми заклинаниями сбросил... Вот такой я дурак. Извини, если сможешь!

— После поговорим,— пообещал Семен.— Когда отсюда уберемся.— Медальон недоверчиво хмыкнул.

Дружный негодующий вопль пронесся по залу, эхом отдавшись от стен: Изменение свершилось, и ретивый наказатель икринкой упал в бассейн.

— Сжечь его, сжечь! — истерично закричал кто-то.— Какое, пля, живьем брать?! Сжечь!!!

Молния лучемета ударила в пентаграмму: целились, конечно, в Семена, он был хорошо виден сквозь ленточную звезду, но защитная магия пентаграммы отразила удар — луч вернулся к стрелявшему, и наказателей осталось четверо.

— С лестницы бить надо! — сообразил один из наказателей.— Оттуда достанем, никуда он не денется! — И он бросился к помосту.

— А вот теперь нас точно ухлопают,— с тоской произнес Мар.— Я, конечно, шугану по этому активисту дешевеньким заклинанием от мух, но толку-то! Отгулялись мы, Семен, отрадовались. Надеюсь, что загробная жизнь есть не только у людей, но и у продвинутых медаль...

Транспортное заклинание сработало, оборвав прощальную речь Мара на полуслове: Семена трясло и мотало в кромешной темноте, как будто он на грузовике по кочкам ехал; непрерывный вой и громовой треск оглушали, не давая сосредоточиться на происходящем; до самого последнего момента, до выхода из темноты, Семен терялся в догадках — то ли это транспортная магия наконец включилась, то ли мина рванула, и он теперь мчится на всех парах в некое заведение, где всем воздают по заслугам. Посмертно...

Однако когда трескучая мгла рассеялась, вопрос так и остался нерешенным. Потому что место, в которое прибыл Семен, никак не походило на березовую рощицу с домиком Кардинала.

Никак. Не было здесь никаких домиков и березок; здесь вообще никаких построек не имелось — Мир, в котором оказался Семен, был, мягко говоря, странным.

Двенадцать маленьких неярких солнц, расположенных в безоблачном небе венком, по кругу, заливали неведомый Мир ровным теплым светом; густая трава сочным зеленым ковром тянулась до горизонта — на горизонте были видны горы. Высокие, с белыми верхушками, одинаковые и очень правильные горы, стоявшие на некотором удалении друг от друга. Возможно, это были и не горы вовсе...

В воздухе пахло травой и морем. Семен обернулся: позади расстилалась безбрежная морская гладь. Море было удивительно синим и спокойным, ровным, как ледяной каток, не было даже ряби, не говоря уж о волнах. Хорошее такое, правильное море. Которое, возможно, и не было морем...

На прибрежной полосе яично-желтого песка сидел человек в фиолетовой одежке, сидел и смотрел в морскую даль. Не шевелясь.

— Семен, как ты думаешь, где мы? — Практичный Мар, оказывается, тоже терялся в догадках.— На том свете или на этом? Если на этом, то я ничего не понимаю: все ненастоящее какое-то! Всего чересчур, понимаешь? И солнц слишком много, и цвета здесь какие-то убойные, донельзя ядреные... Ну а если на том — тогда все в порядке, никаких вопросов! Можно отправляться на поиски конторы, где нимбы под расписку выдают. Ты уже ангелом работал, так что опыт имеется!

— Разберемся.— Семен оглядел себя: черная форма старшего наказателя так и осталась формой, не превратилась во что-нибудь балахонно-перьевое с чахлыми крылышками. Это обнадеживало. Семен подумал и решил не менять одежду, только молнию с груди убрал — мало ли какое значение она в этом Мире имеет! Еще набьют физиономию ни за что ни про что или нимб не выдадут... Рисковать не хотелось.

Семен направился было к сидящему на берегу человеку, но по траве пробежала легкая тень, накрыв собой и Семена, и человека в фиолетовом. Семен поднял голову: по небу, невысоко, плыл хрустальный остров, круглый, как блин, и такой же плоский; сквозь хрусталь просматривался классический

замок, словно сошедший с иллюстрации фэнтезийной книги. Тоже полупрозрачный.

Разглядывать замок снизу было интересно: это чем-то напоминало просмотр душещипательного романтического спектакля из-за кулис, с обратной стороны пыльных декораций, под веселый матерок полупьяных рабочих сцены. Тот же эффект. Во всяком случае, забитые хламом подвальные помещения замка и ясно просматриваемые отхожие места восторга у Семена не вызвали.

Человек в фиолетовом тоже поднял голову, посмотрел на замок долгим отсутствующим взглядом, достал из-за пазухи обычную школьную рогатку, натянул резинку и не целясь выстрелил в остров. Чем он выстрелил, Семен не заметил, только остров рассыпался на радужные пузыри, рассыпался вместе с замком, подвальным хламом и сортирами; пузыри повисели секунд пять в воздухе, переливаясь разноцветными всполохами, и полопались. Был замок, и не стало.

— Круто,— оценил увиденное Мар.— Нет, Семен, это не загробный мир, в загробном все должно быть чинно-благородно, никаких тебе рогаток и стрельбы граждан по безобидным летающим стекляшкам... но и не какой-нибудь реальный Истинный Мир. Это вообще хрен его знает что! Может, какой из Миров Слимпа, что он создает себе на потеху?

— Сейчас узнаем.— Семен решительным шагом направился к гражданину с рогаткой, но, чем ближе подходил к нему, тем неувереннее себя чувствовал. Кто его знает, этого вооруженного гражданина в фиолетовом, еще выстрелит с проста ума... А защитного заклинания нету!

Семен постоял в затруднении возле неподвижного, как изваяние человека и, махнув рукой на свои опасения, сел рядом с ним на песок; человек никак не прореагировал на появление соседа. Молчание затягивалось, и Семен, кашлянув, сообщил очевидное:

— Хорошая нынче погода, не правда ли? — однако ответа не получил: сосед по пляжу упорно продолжал хранить молчание, все так же глядя на море. Возможно, он там видел что-то свое, недоступное Семену, но скорее всего просто бездумно созерцал. Медитировал.

Семен решил вежливо пойти напролом:

— Милейший! Будьте любезны, подскажите заплутавшему в пространстве путнику, что это за Мир и как он называется. Если вас не затруднит.

Человек в фиолетовом повернул голову и молча уставился на Семена с таким выражением на лице, словно тот ему в ухо плюнул; было человеку лет двадцать — двадцать три, не более, но назвать его ровесником у Семена язык не повернулся бы: взгляд у незнакомца был усталый, потухший. Как у старца, много чего повидавшего на своем веку.

— Изыди,— коротко ответил молодой человек и, подумав, добавил: — Морок запредельный.— С этим он отвернулся.

— Сам ты запредельный,— бодро ответил Семен, кажется, начинал завязываться разговор.— От морока слышу! Как острова из рогаток расстреливать, так это мы запросто, а вот на вежливый вопрос ответить мы не желаем, гонор у нас! — Семен нес полную чушь, не хуже Мара при очередном приступе болтулизма, но в данный момент это было не важно! Важно было расшевелить этого странного молодого старика, заставить его говорить: ругаться, плеваться, возмущаться — но говорить. Глядишь, слово за слово — и можно было бы узнать, что это за Мир, как он называется и почему он такой... э-э... своеобразный.

Однако реакция молодого человека была несколько иной, чем ожидал Семен,— он встал, уныло пробормотал:

— Как же вы мне все надоели! — и, ступив на морскую гладь, пошел по ней прочь от берега. Быстро пошел, словно Семен его чем-то обидел.

— Эй! Эй! — завопил Семен, вскакивая на ноги.— Так нельзя! Ну чего ты, вернись! Я тебе анекдот расскажу, хочешь? Смешной! Или шампанского выпьем, холодного! У меня есть, наверное.— Семен попытался тоже стать на спокойную поверхность моря, чтобы догнать парня с потухшим взглядом — раз у того получилось, значит, могло получиться и у Семена,— но ничего с хождением по воде у него не вышло: он сразу провалился в нее по колено, да еще и упал от неожиданности.

Вода была холодная; Семен, чертыхаясь, выбрался на берег, обернулся — молодой человек уменьшился до точки и вскоре затерялся в ослепительной синеве.

— Странный тип,— заметил Мар.— То ли сумасшедший, то ли местный святой. А может, и то, и другое. Хотя не все сумасшедшие — святые! Но все святые — сумасшедшие в той или иной степени: то голову в пасть льву сунут, то добровольно разрешат себя стрелами истыкать, то пророчествовать не вовремя начнут, когда нормальный человек молчал бы себе в тряпочку и делал вид, что его здесь нету. Хлопотное это дело, святым быть! Потому и страдают телесно... Зато по воде ходить умеют,— с завистью сказал медальон.— Вон как чесанул! Словно за халявным пивом дунул.

— Да фиг с ним.— Семен разочарованно побрел прочь от моря.— Какой Мир, такие и обитатели. Чокнутые... Чокнутый Мир. А что, подходящее название! Хм, надо будет сюда еще разок заглянуть, под настроение: запиши-ка, Мар, его координаты или метку где оставь. На свое усмотрение... Слушай, я все хотел тебя спросить: а почему мы, собственно, здесь оказались, а не там, куда должны были попасть? Стоп, я уже сообразил, можешь не отвечать.

— Тогда поделись соображением,— потребовал Мар.— А то мне думать лень.

— Помнишь, когда мы с профессором Шепелем познакомились и собрались из ресторана уходить, он меня предупредил, что пентаграмма дает мощные искажения и рядом с ней нежелательно пользоваться транспортным волшебством.— Семен превратил форму в сетчатое трико, чтобы поскорее обсохнуть, и сел на траву, спиной к морю.— Можно попасть не в тот Мир, куда налажено заклинание. И это он говорил о малой пентаграмме! А мы от большой драпали. Вот и занесло невесть куда...

— Хорошо, что не в Исправительный Мир,— поддакнул Мар,— повезло нам! Правда, есть не менее экзотические Миры, куда бы я тоже попасть не хотел. Даже за приличное вознаграждение.

— Например? — Семен глядел на далекие зубцы гор, позевывая: мягкая трава, теплый ветерок, тишина... Спать хотелось отчаянно.

— Например, Мир Прокаженных,— объяснил медальон.— Или Тупиковый Мир... вот уж где пророков-то! Как лесных клопов в кустарнике. Туда безнадежных психов со всех Миров

ссылают, чтобы городской пейзаж не портили... Живут как те недоделки, бр-р! Выживают.

— А тебе-то что с того? — удивился Семен.— Подцепить проказу ты никак не подцепишь, а психи тебя не достанут... Хозяина — да, могут попытаться убить, но ты же его и защитишь! Нет, не понимаю, чего ты ерепенишься.

— Противно мне,— с неприязнью сказал Мар.— Неэстетично! Раздражает.

— Вон оно что.— Семен улегся на траву, закрыл глаза.— Ты, братец, еще и эстет, надо же... Это хорошо. Будет время— о картинах побеседуем: об импрессионизме... о модернизме... о значении «Черного квадрата» Малевича для современно...— Семен уснул, не договорив.

— Не спи,— всполошился Мар,— ты что?! Незнакомый Мир, всякие придурки-чудотворцы с бронебойными рогатками туда-сюда шастают, а он спать наладился! Семен, проснись! Или хотя бы скажи, что мне делать, если какая угроза появится! Мы же сейчас без защиты.

— Расстрелять,— сквозь сон ответил Семен и уснул окончательно, крепко-крепко. Безмятежно.

— Чем расстреливать-то? — горько спросил медальон.— Муховым заклинанием, что ли? — но ответа не получил.— Значит, муховым... Так тому и быть.

...Семену приснилось, что он снова в Инкубаторе, что транспортное заклинание не сработало и мина взорвалась под ногами, ослепив и оглушив его; взрыв разорвал Мир Равновесия пополам, бросив Семена в звездное месиво...

Семен резко сел и протер глаза, подозревая, что он еще не совсем проснулся и кошмар продолжается наяву. Кошмар со взрывами.

Трава перед Семеном была сожжена в пепел — вся, до горизонта; вместо далеких правильных гор теперь высился длинный корявый бугор, светившийся в вечерних сумерках оранжевым лавовым светом, со стороны бугра доносились раскаты грома; земля под Семеном тяжело вздрагивала.

— Мар, что случилось? — Семен попробовал встать, но земля опять пошла ходуном, и он решил не рисковать.— Землетрясение? Извержение вулкана? Что?!

— Ше... Шершень,— дрожащим голосом ответил медальон.— Он т-тебя ужалить хотел. Вот.

— Ну и что? — нетерпеливо спросил Семен.— Дальше что было?

— А я мух... муховым заклинанием его прихлопнуть хотел. Весь заряд одним махом использовал! Думал, оно слабенькое, а шершень, гад, крупный...— Мар явно был в шоке.— И траву сжег... и г-горы... и за горами тоже что-то взорвалось. И в небе дырка была... большая д-дырка, со звездами. Круглая. Потом затянулась. А шершень улетел. Промахнулся я!

Земля перестала трястись — Семен встал на ноги, оглянулся: море отступало от берега. Отлив был слишком быстрым, слишком. Это походило на...

— Мар, включай транспортник,— вне себя крикнул Семен.— Сейчас цунами привалит! Волна будет, громадная!

— Включил,— вяло ответил Мар.— Как стрельнул, так с испугу и включил. Минут пять тому назад.

— Не успеем.

Семен лихорадочно оглядывался, ища путь к спасению: бежать к расплавленным горам было глупо — слишком далеко, все одно волной накроет! Размажет, как козявку... И откуда такая силища в заклинании оказалась, в магической упаковке со столь невзрачным названием? Откуда?!

— Муховое заклинание, блин,— стукнув себя по лбу, вдруг проорал Семен.— «Повелитель мух» — это же одно из имен Сатаны! Ничего себе средство от насекомых! Ну ты, Мар, и выдал... Орел! А орлы, как известно, мух не ловят. Они по ним атомной бомбой шарашат!

— Я не хотел,— заскулил медальон,— не знал я! Ну что за день сегодня такой неудачный, слов нету. Прямо все одно к одному катит... Пятница сегодня, что ли, тринадцатое? По здешнему календарю.

Со стороны моря потянуло холодным ветром, Семен обернулся — к берегу шла волна. Высоченная, темно-серая, в языках пены — волна надвигалась неотвратимо, и спрятаться от нее было некуда.

— Хватит паниковать! Быстро найди какое-нибудь подходящее заклинание,— раздраженно потребовал Семен.— Подземное, подводное, полетное... что есть, то и используем! Вы-

бирать некогда. Иначе... иначе... Погоди-ка с заклинаниями.— Семен приложил ладонь ко лбу козырьком.— В смысле — ищи, но пока не применяй. Ого! Наш беглый святой объявился. Что-то сейчас будет... Интересно — что?

Молодой человек в фиолетовых одеждах возник на гребне надвигающейся волны. Волна была еще далеко, и человек выглядел игрушечным, но был хорошо различим в лучах заходящих солнц. До мельчайших подробностей.

Беглый святой взмахнул руками, словно приветствуя Семена,— серая водяная стена затормозила свой бег, остановилась и неторопливо стала уменьшаться, растекаться, море постепенно возвращалось на место, заливая обнаженное дно приливной волной. Обычной, неопасной. Через несколько минут тихая водяная гладь по-прежнему расстилалась перед Семеном, как будто ничего и не было: ни быстрого отлива, ни цунами. Только серый цвет взбаламученного моря напоминал о случившемся, да и тот исчезал, таял на глазах, сменяясь привычной синевой.

Молодой человек, точно на коньках, несся к берегу, на секунду притормозив возле Семена, человек в фиолетовом недовольно покачал головой, погрозил опешившему Семену пальцем и помчался дальше, к разрушенным горам; ноги конькобежца-святого земли не касались.

— Как нашкодившего мальчишку,— пробормотал Семен.— Как сопляка-несмышленыша... Даже ругать не захотел. Да кто он такой?!!

Ответа не было. И не могло быть. Потому что заклинание возврата сработало и Семен исчез из Чокнутого Мира.

ГЛАВА 16
Самый Лучший Из Магических Подарков

Семен оказался среди берез, неподалеку от дома, подаренного ему Кардиналом.

В этом Мире было позднее утро: солнце еще не взобралось на небо, но уже проглядывало сквозь верхушки берез, согревая и высушивая мокрую землю,— недавно прошел дождь, трава была сырой и скользкой; пробежал легкий ветерок, и Семена окатило

водой с листьев. Превратив сетчатое трико в спортивный костюм, Семен припустил к дому, спасаясь от дождевой росы.

— Дом, милый дом! — с чувством произнес Мар.— А где почетный караул? Где наши бравые ремонтники в количестве трех беспамятных единиц? Непорядок! Своих избавителей надо встречать у крыльца, распевая что-нибудь типа «Славен, славен Симеон!» — Медальон болтал без умолку, и Семен его не одергивал, пусть себе! Каждый по-своему лечит стрессы: кто водкой, кто лекарствами. А кто болтовней.

Дом был пуст. Семен прошелся по этажам и никого не нашел — ни Замана, ни его товарищей, Воги и Барта. Хотя присутствие людей отмечалось: в холодильнике явно уменьшился запас продуктов. А в остальном в доме все было точно так же, как Семен оставил,— везде порядок и чистота.

Единственное нарушение порядка имелось в рабочем кабинете: трубка переговорного устройства лежала не на аппарате-подставке, а рядом с ним, на столе. Аккуратно так лежала, не брошенная впопыхах, а именно положенная на лист писчей бумаги; Семен осмотрел листок со всех сторон— никаких записей на нем не было. И магии тоже не ощущалось. Пожав плечами, Семен опустил трубку на подставку и пошел в ванную: с дорожки не мешало привести себя в порядок, побриться и хорошенько вымыться, смыть с себя всю грязь Мира Равновесия.

Выйдя из ванной — на этот раз уже в шелковом халате, а не в спортивном костюме,— Семен организовал на кухне плотный обед: консервы из холодильника брать не стал, пригодятся еще, а дал указание Мару расстараться по-праздничному — подать всяких деликатесов, да побольше, побольше! Медальон горячо согласился, предложил считать сегодняшний день праздником Имени Всех Живых (вернее, имени живого Семена и себя, не мертвого) и накрыл впечатляющий стол: деликатесов хватало, даже таких, о которых Семен слыхом не слыхивал. Как, например, копченое филе дрыгалки с цветочными специями, традиционное блюдо Зеленого Мира. Семен предвкушающе потер ладони, но после краткого пояснения Мара, что дрыгалка — это, в общем-то, большой кузнечик, пробовать филе расхотел. И занялся более знакомыми блюдами.

К столу также была подана единственная и последняя бутылка шампанского из Размытого Мира, где Семен ужинал в баронском номере.

— Неплохо бы, конечно.— Семен постучал пальцем по бутылке.— Но пить в одиночку скучно. И смахивает на алкоголизм.

— Ну почему же в одиночку? — удивился Мар.— А я? Я, конечно, пить не могу, но тост сказать или...

— Ну почему же в одиночку,— раздалось за спиной Семена.— Я вполне могу составить тебе компанию, Симеон! — Семен развернулся на табурете: перед ним стоял Кардинал. Дубль Номер Один. Как обычно, весь в сером.

— О! — Семен уважительно встал.— Прошу к столу! Но вы же не пьете... Кардинал не пьет,— уточнил Семен.— Тем более с утра.

— Кардинал — он тоже человек, может себе иногда чуть-чуть позволить.— Дубль ногой выдвинул из-под стола второй табурет и сел.— Особенно когда повод есть,— загадочно пояснил он Семену; от Дубля явственно попахивало хорошим вином.— А он есть, повод! — Дубль Кардинала взял нож и вилку, приготовленные Семеном для себя, отрезал кусочек от филе дрыгалки.— М-м, да у тебя, Симеон, хороший вкус! — прожевав, похвалил Дубль.— Гурман ты, первый помощник! Молодец. Присаживайся, чего стоишь? Открывай, наливай.

Семен, несколько оторопевший от столь удивительной перемены в поведении Дубля Кардинала, достал из ящика стола еще одну вилку с ножом и сел на табурет.

— Что празднуем? — поинтересовался Дубль, пододвигая к Семену свой бокал.— Вернее, что празднуешь ты? — Дубль Кардинала особо выделил последнее слово.— Ведь мое задание, Симеон, ты завалил... Напрочь завалил.— У Дубля затряслось лицо — то ли от сдерживаемого плача, то ли от смеха.— Не нашел мой оригинал... не нашел, ведь так?

Семен хмуро покачал головой, нет, мол, не нашел, и откупорил шампанское.

— Лично я праздную свое возвращение,— отрывисто сказал Семен.— То, что живой остался. А Кардинал... Не было его в Икс-Мире! В Мире Равновесия, то есть. Будем искать дальше.— Семен взял бокал; поднял свой бокал и Дубль.

— Тогда — с возвращением тебя, вор Симеон! — торжественно произнес Дубль Кардинала и выпил шампанское не чокаясь — видимо, не знал такой традиции. Или не желал чокаться с вором-помощником. А Семен навязываться не стал.

— Значит, будешь дальше искать? — Дубль поставил бокал на стол, промокнул губы салфеткой.— Похвальное рвение, похвальное! Все верно, заказ есть заказ, я его пока что не отменял... Ну, с делами можно и повременить. Расскажи-ка, Симеон, что с тобой в Икс-Мире произошло, очень меня это интересует. Очень.

Дубль Кардинала сложил руки на груди и посмотрел на Семена: взгляд у Дубля был трезвый, ясный. Словно он ничего с утра и не пил. Для запаха рот прополоскал, и все.

Семен не торопясь наложил на тарелку еды, не торопясь налил по новой — Дубль кивнул одобрительно — и приступил к повествованию. Рассказ был долгий, Семен успел за это время еще пару раз наполнить свой бокал шампанским — Дубль отпивал из своего редкими глотками и долить не просил — и наесться до отвала. Так, как не ел давно.

— ...когда один из наказателей хотел меня застрелить, транспортное заклинание наконец сработало и я перенесся сюда.— Этими словами Семен закончил свой подробный отчет, сообщать Дублю Кардинала о Мире с фиолетовым святым он не стал. Ненужная информация! Новость, которая может иметь совершенно неожиданные последствия. Возможно, далеко идущие.

Дубль одним глотком допил свое шампанское и, прищурясь, поглядел на Семена.

— Что ж, все в точности, как меня и проинформировали.— Дубль Кардинала поставил бокал на стол.— Трое ремонтников, которых ты перебросил сюда, тоже много чего любопытного о Мире Равновесия поведали... Хм, какого такого равновесия? Баланс между количеством людей и чужих, что ли? Впрочем, это уже не важно...

— Что с ними? — Семен подался к Дублю.— Где они?

— Не переживай.— Дубль усмехнулся.— Живы, здоровы. Я их в Имперский военный госпиталь определил, в специальную лабораторию: в первую очередь им память восстановили, по моему приказу. Сегодня ночью и восстановили... Имеются у нас кой-какие методы по возвращению стертых воспоминаний,

и неплохие методы! Экспериментальные. Лично мной разрешенные.

— Вы что же, здесь жили? — Семен глянул на холодильник.— Меня ждали? Потому с техниками и повстречались.

— Вот еще! — Брови Дубля удивленно приподнялись.— Забот у меня больше нету... Кто-то из них трубку с переговорного устройства поднял. Поднял и, не ответив мне, положил. Разумеется, я сразу прибыл сюда, думал — ты вернулся... э-э... в разобранном состоянии. Не способный говорить. С медицинской группой и прибыл... пригодились медики. А трубку я, Симеон, потом нарочно возле подставки лежать оставил, чтобы слышать, что в доме происходит — других устройств для контроля здесь нет. Мало ли кого еще ты мог прислать сюда! Посадил дежурного на постоянную связь, он мне и доложил, что устройство отключили. Что трубку на место положили.

— Вон как,— понял Семен.— Хорошо, что ребятки мой приказ нарушили! Приказ не трогать переговорное устройство... А то я рассказывал и голову ломал — откуда вы узнали, что я вернулся? — Семен отодвинул от себя бокал: шампанское в бутылке еще было, но пить расхотелось. Да и работа впереди была, та, которую Дубль не отменял.

— Я передохну чуток,— неохотно сказал Семен, глядя куда-то мимо Дубля,— до вечера. И отправлюсь дальше на поиски оригинала... Вы, помнится, насчет инструкций что-то говорили. Новые адреса, да? — Семен перевел взгляд на лицо Дубля и умолк: первый Дубль Кардинала улыбался... нет, смеялся! Поначалу беззвучно, сдерживая себя, а после расхохотался в полный голос; не в силах ничего объяснить, Дубль лишь слабо махал рукой Семену — потом, все потом!

Семен, не понимая причины столь неожиданного веселья, истуканом сидел на табурете, ожидая, когда Дубль Кардинала придет в себя.

— Эк его разобрало,— с ужасом прошептал Мар.— Видно, срок ему пришел, карачун берет! Распадаться начинает. Вот истерика его и бьет: с ума наш Дубль сходит, от страха... Кошмарное зрелище! Душераздирающее. Лучше бы я не видел.

Дубль вытер глаза салфеткой и неожиданно подмигнул Семену. А потом разлил остатки шампанского по бокалам.

— Знаешь, Симеон! — Дубль глянул мельком на пустую бутылку и поставил ее на пол, под стол.— А ведь не Дубль я вовсе! Кардинал я. Самый настоящий. Тот самый оригинал, который ты по всему Икс-Миру так упорно искал.— Он снова расхохотался.

— Все, сошел. Как я и предупреждал,— с горечью произнес медальон.— Сейчас буянить начнет, драться. Ты, Семен, как бы невзначай вилки-ножи подальше от него убери, на всякий случай... Какой там адрес Тупикового Мира? — Медальон притих, отыскивая необходимые координаты; Семен, оцепенев, продолжал сидеть, не в силах вымолвить ни слова.

— Что, думаешь, я с ума сошел? — Кардинал посерьезнел.— Ошибаешься, Симеон, крепко ошибаешься... Извини, но я тебя использовал. Так надо было.— Однако бывший Дубль ничуть не выглядел огорченным: угрызения совести, похоже, его абсолютно не мучили.— В интересах Империи использовал. Поверь, ничего личного!

— Но почему? — Семен вышел из оцепенения, обмяк.— Зачем?!

— Молчи и слушай! — Кардинал хлопнул ладонью по столу.— Вопросы — потом. Если они у тебя будут.

Как ты знаешь, Империя находится... гм, находилась на грани войны с чужими; я прилагал все усилия, чтобы оттянуть начало вооруженного конфликта... как мог, так и прилагал! И попутно искал слимп, чтобы нанести превентивный удар по чужим, уничтожить их как вид — разом и навсегда. В первую очередь. А потом... Были у меня кой-какие наметки по социальной реорганизации Империи, были, не скрою! Впрочем, разговор сейчас не об этом... Когда некто по имени Слимп пришел ко мне с претензиями насчет деятельности слимперов, он мимоходом высказал свое идиотское кредо о принципе полного невмешательства в человеческие дела... И я понял — ждать помощи от этого пацифиста-отшельника бессмысленно, войны не избежать! Никак. В разговоре Слимп невзначай упомянул о своем знакомце Симеоне, и тогда я вспомнил о воре, которому невероятно везет в его проделках! О видящем, который зачастую разрушает все, к чему ни прикоснется,— бесповоротно, жестко, навсегда. Без возможности дальнейшего восстановления. Потому-то я и обратился к Симеону через

общую информационную линию с особым письмом: я решил найти тебя, где бы ты ни был! Самостоятельно найти. В частном порядке. Без привлечения спецслужб.

— Разрушаю?..— в изумлении вскинулся было Семен, но Кардинал, подняв ладонь, остановил его:

— У меня есть досье на тебя, Симеон, полное досье! В замке-лабиринте ты уничтожил всего лишь копию. Так вот, в этом досье содержится полное описание всех твоих похождений. Ну, почти полное и почти всех... Я перечислю лишь некоторые пункты, которые заставили меня пойти на этот авантюрный шаг с письмом. И с последующим липовым заказом.

Итак: смена шахской династии в Ханском Мире при активном участии вора Симеона — записано моими агентами со слов джинна Мафусаила ибн-Саадика; гибель всех моих дублей и развал замка-лабиринта — ну, это фактически при мне случилось; создание принцем Симеоном убийственного молниевого кадавра в Безопасном Мире, похищение прыгалки чужих и частичное разрушение местной защитной Сети — это из показаний Станса Ксанса, начальника зомби-филиала службы безопасности. Далее: вмешательство майора Симеона в деятельность Мира-Полигона, что едва не повлекло за собой физическое уничтожение самого Полигона,— взято мной из рапорта маршала Ити Б. Р. В.

Недавний переворот в главном королевстве Изумрудного Мира, как я знаю, тоже произошел не без твоего участия, так?

По-моему, вполне достаточно, чтобы сделать определенные выводы.— Кардинал посмотрел в упор на Семена, и было непонятно, чего больше в его взгляде — осуждения или восхищения похождениями вольного принца-майора. Восхищения, как показалось Семену, было все же несколько поболе.— Да, еще вопрос.— Кардинал облокотился о стол, закинул ногу на ногу.— Вопрос, на который у меня пока нет четкого ответа, но имеются некоторые подозрения... На днях неизвестно откуда появился Новый Мир, ставший камнем преткновения между Империей и чужими, очередная головная боль для меня! А в Мастерском Мире был непонятно как уничтожен один из кристаллов-Разумников, контролирующих жизнедеятельность крупных городов. Вопрос: твоя работа?

— В общем-то моя,— не стал отнекиваться Семен.— И то, и другое. Но портить Разумника я не собирался! Это случайно вышло. Без злого умысла.

— Я так и думал, что твоя.— Кардинал вздохнул.— Вот видишь...— Что именно должен был видеть Семен, Кардинал уточнять не стал. И так все понятно.— Потому-то, Симеон, я и представился тебе Дублем Номер Один, потому-то и нанял тебя на поиски оригинала в Икс-Мире, похищенного чужими. С надеждой — нет, с уверенностью! — что после твоего прибытия в цитадель чужих ты, так или иначе, нанесешь ей непоправимый урон. Как диверсант высшей квалификации. Но чтобы настолько непоправимый...— Кардинал потрясенно развел руками.— Нет слов! Сегодня, рано утром, по всем линиям связи прошло паническое сообщение чужих о том, что Икс-Мир практически весь разрушен, выгорел изнутри дотла. А Император двутелов погиб — надо же, у них даже свой Император был! И собственное название: двутелы. Мне они, значит, фальшивый Совет для отвода глаз подсовывали, мерзавцы... Для решения политических вопросов.

С перепугу чужие-двутелы даже координаты своего Икс-Мира обнародовали: сейчас наши имперские спасатели эвакуируют оттуда выживших после катастрофы людей — внешние сектора остались неповрежденными, так что почти все уцелели. Люди, разумеется, не двутелы.

Но самое главное — это, конечно, уничтожение Пентаграммы-матки! Я о ней и слыхом не слыхивал, пока твои ремонтники не рассказали. После восстановления памяти. Надо же, какой сюрприз! — Кардинал рассеянно взял со стола железную вилку и бессознательно принялся ее сгибать и разгибать. Легко, как пластмассовую.— Какой удачный поворот событий! Теперь чужим будет не до нас: безвластие, анархия, непременная борьба за престол... обязательная гражданская война с применением техномагии и прыгалок. Обязательная! А в итоге — неизбежное уменьшение количества двутелов, пополнить которое они теперь не смогут. Хотя, конечно, что-нибудь да придумают, но не сейчас. Не в ближайшие годы. Впрочем, я двутелам и не дам предпринять ничего конкретного. Пусть только как следует ослабнут, тогда...— Кардинал в очередной раз с силой согнул вилку, и она переломилась. Недоуменно поглядев на

обломки, Кардинал небрежно швырнул их на стол.— Кстати, все пентаграммы культа Изменчивых я прикажу изъять и уничтожить, а культ запретить... Нет, не запретить, а провести разъяснительную работу. Запреты никогда не помогают... Мне ли не знать! — сказал Кардинал, он же верховный жрец официально запрещенной религии слимперов.

— Я, гражданин Кардинал, все же хотел бы уточнить: ваш заказ на поиски самого себя снимается? — Семен посмотрел на обломки вилки и решил на будущее воздержаться от рукопожатий с Кардиналом.— Теперь — снимается?

— Разумеется,— заверил Семена гражданин заказчик.— Теперь — да, снимается. Но обговоренное вознаграждение — остается. Как и статус помощника верховного жреца. Вольного помощника!

— Не понимаю, почему вы сразу не попросили меня уничтожить Икс-Мир, а придумали для этого целую детективную историю,— с упреком сказал Семен.— Обманули меня!

— А ты взялся бы за такой заказ? — с большим интересом спросил Кардинал.— Неужели?

— Пожалуй, нет,— подумав, вынужден был признаться Семен.— Отказался бы. Наотрез. Не умею я разрушать специально...

— То-то же.— Кардинал взял со стола бокал.— За твою удачу, Симеон!

— За удачу,— согласился Семен.— Будем здоровы! — и выпил шампанское одновременно с Кардиналом. Не чокаясь.

— Мне пора.— Кардинал встал, поднялся и Семен.— На сегодня все дела отменены, во дворце Императора праздник. Неофициальный. Тебя, увы, пригласить не могу: ни в коем случае нельзя афишировать наше знакомство и сотрудничество! Это — большая тайна. Понял, вольный помощник? И вот что: заглядывай-ка в линию связи почаще! Если ты мне вдруг снова понадобишься, а дома тебя не окажется, то в линии тебя будет ждать письмо. От Дубля Номер Двадцать Пять.— Кардинал направился было к выходу из дома, но остановился.— Да, совсем забыл! — Кардинал достал из брючного кармана стальной кругляш на цепочке.— Лови! — И бросил его Семену; Семен поймал кругляш, словно бабочку на лету схватил.— Дарю тебе все, что есть в этом медальоне,— громко произнес Кардинал ритуальную фразу передачи заклинаний;

открыв дверь, он с наслаждением вдохнул свежий воздух, пахнущий травой и солнцем.— Это, Симеон, твоя оплата и возмещение магических расходов,— не оборачиваясь, сказал Кардинал.— Какой день! Погулять бы, проветриться... Но дела, дела... — С этими словами Кардинал исчез, растворился в дверном проеме. Наверное, во дворец перенесся. Праздновать.

— И чего там у нас? — сразу засуетился Мар.— Давай, прикладывай расчетный жетон ко мне, и побыстрее! Страсть как интересно на запасные жизни поглядеть, я с таким волшебством еще ни разу не сталкивался! Ну же, ну!

Семен, посмеиваясь, приложил стальной кружок к своему медальону.

— О! — восхищенно сказал Мар.— Ух ты! Ого,— и замолчал, быстро нагреваясь: медальон перекачивал дареные заклинания в себя, впитывал их словно промокашка чернила; одновременно расчетный жетон остывал в руке Семена, пока не стал холодным как ледышка.

— Все,— сообщил Мар довольным голосом,— готово. Можешь выкинуть эту железяку, она теперь ни на что не годна... Пустая! А я — нет. Правда, боевых заклинаний в ней негусто оказалось, так себе, армейский ширпотреб, ничего уникального...— Медальон сыто икнул.— Но в остальном — полный порядок! Транспортные, маскировочные, взломные... Для нашей, Семен, нелегкой специальности заклинания, соответствующие. И идут, между прочим, под секретным грифом «Ниндзя-диверсант»! Расстарался Кардинал, не пожадничал. За что ему мое личное спасибо.— Мар принялся насвистывать что-то бравурное. Марш ниндзей-диверсантов, не иначе.

— Эй, а запасные жизни? — Семен нетерпеливо постучал по медальону ногтем.— Ты о них ничего не сказал. Как там насчет основного вопроса оплаты, а? Меня эти жизни интересуют больше, чем любые армейские заклинания, вместе взятые. Даже бронебойные и с оптическим прицелом.

— Есть такие,— поспешил успокоить Семена медальон,— а как же! Ровно три штуки, согласно договору. Запускаются самостоятельно в случае гибели владельца медальона, в котором они упакованы. Так что можешь гибнуть сколько тебе влезет! Но не более трех раз. С учетом имеющейся у тебя сейчас жизни.

— Шутник,— с сарказмом произнес Семен.— Весельчак. Я и один-то раз помирать не хочу, не говоря уже о трех. Но запас действительно полезный! Всяко может случиться... А что с налогами?

— Полный порядок! — доложил Мар.— Сняты все полностью, тут и подтверждающий указ имеется, за подписью Кардинала... Одно я только не пойму: на фига оно тебе нужно было? Разве ж с украденного налоги берут?

— Пока нет,— невозмутимо ответил Семен,— а там, глядишь, начнут. У нас, на Земле, именно так и поступают: ежели тебя за руку не могут схватить, то воруй сколько влезет, наживай миллионное состояние нечестным путем, никто и слова не скажет. Но налоги с него — плати! Это святое.

— Очень, очень прогрессивный у тебя Мир! — с воодушевлением одобрил медальон.— Воровать безнаказанно разрешают, да еще в особо крупных размерах! Мне нравится. Мудро ты, Семен, с налогами поступил, осмотрительно. Беру свои опрометчивые слова назад! Ну-с, а что у нас дальше?

— А дальше у нас, Мар, отдых и возвращение в Изумрудный Мир. Если не ошибаюсь, коронация Яны завтра? — Семен направился к лестнице, ведущей на второй этаж.— Отосплюсь как следует, и двинем на ту коронацию... завтра раненько утром и двинем. На зорьке. Чтобы не опоздать.— Семен, позевывая, поднялся по лестнице и скрылся в спальне.

...Коронация проходила в одном из залов дворца, не особо пострадавшем во время недавнего переворота. Хотя свежий косметический ремонт местами все же был заметен: зал, похоже, подновляли в спешке, специально к торжественному мероприятию. И, скорее всего, именно к коронации был построен низкий помост у дальней от входа стены — сейчас сплошь устланный богатыми коврами. Во всяком случае, Семен, когда крушил здесь все налево и направо, этого помоста не заметил.

Еще в зале имелись ряды позолоченных кресел для гостей, если бы над помостом висел широкий киноэкран, Семен решил бы, что попал в элитный кинотеатр. Из тех, что для избранных, не для всех.

Коронация была чопорная и утомительно длинная: вначале выступали приближенные к королевской особе министры-советники, восхвалявшие новую правительницу и перечисляв-

шие ее неоценимые заслуги перед народом. Заслуг было много. Семен, облаченный по случаю великосветского праздника в черный смокинг, сидел в первом ряду на почетном месте и отчаянно скучал; Мар, уловив настроение хозяина, решил развеселить его парочкой-другой анекдотов из своей жизни и тем чуть не сорвал церемонию, рассмешив Семена до неуместного здесь громкого хохота. К счастью, Семен был настолько важной персоной, что стража его не только не вытолкала взашей из зала, но даже не сделала замечания. Однако посмотрела косо. С предупреждением. Пришлось Семену попросить Мара замолчать во избежание дворцового скандала и скучать дальше.

Наконец нудные речи министров закончились и началась сама коронация: принцесса Яна — в строгом деловом костюме, но с горностаевой мантией на плечах,— взошла на помост в сопровождении пышно разодетых фрейлин; Яна торжественно поклялась перед всеми присутствующими править мудро и справедливо. После чего на помост поднялся Хайк — вот уж чего Семен никак не ожидал! — с золотой короной в руках. И короновал Яну.

— А он-то здесь при чем? — поразился Мар.— Насколько я знаю, коронуют не личные телохранители! Верховные священники, или члены королевской семьи... или, на худой конец, сами себя коронуют, в спешке и такое бывало. Но чтобы корона— да из рук охранника, пусть и не рядового?! Подозрительно, однако! Неспроста это.— Семен в душе полностью согласился с мнением медальона.

За стенами дворца прогремел праздничный салют и донеслось громовое «Ура!» — с этой минуты Яна стала признанной королевой. Всенародно признанной.

...Сразу после коронации начался бал; Семен бродил по главному залу дворца среди веселящегося люда в поисках Хайка — надо было расспросить его, что произошло во дворце за то время, пока Семен отсутствовал. Но Хайка, черепахового бойца из клана наемных воинов, нигде не было видно. Яну Семен тоже не нашел, впрочем, королева должна была вскоре выйти и принять участие в веселье, о чем зычно предупредили праздничные глашатаи. Так что Семен в ожидании пристроился у одного из столов — чего время зря терять, когда можно поесть, а заодно и с вельможным народом побеседовать: в

конце концов, узнать все дворцовые новости можно было и здесь, у стола. Главное, собеседнику вовремя подливать и как можно более естественно удивляться всему, что от него услышишь. Даже если той новости сто лет в обед и борода у нее до пола.

Но притворяться удивленным Семену не пришлось: услышанная им новость — сказанная кем-то из придворных мимоходом, как нечто само собой разумеющееся,— ошарашила его по-настоящему. Настолько, что Семен чуть кубок с вином не уронил: оказывается, королева Яна скоро выходит замуж! За своего спасителя-иномирца, вместе с которым она, королева, свергла с престола тирана-самозванца. Замуж за мастера боевых искусств принца Хайка; о воре Симеоне и его участии в перевороте никто у стола и не вспомнил. Словно и не было никакого Симеона вообще!

— А настоящий герой остался за бортом,— язвительно ввернул Мар.— Вот так всегда! Ты, блин, стараешься, спасаешь благородную даму изо всех сил, пупок рвешь от усердия, а сливки все равно снимает кто-то другой... Да, Семен, верна древняя истина, ох как верна! Есть три вещи, которые нельзя доверять никому, даже близкому другу: своего коня, свое оружие и свою женщину. Последнее — в особенности! — Медальон желчно рассмеялся.

Семен отошел от стола и побрел куда глаза глядят; на душе у настоящего героя было тоскливо. Собственно, никаких заверений в любви Яна ему не давала, да и разговора о том не было... Но все же!

— Знаешь, Семен, пожалуй, оно и к лучшему, что все так получилось,— сказал чуть погодя Мар.— Ты — человек вольный и по натуре, и по профессии. Ну какой из тебя муж! Тем более король. А девушки... Спасешь еще какую-нибудь принцессу, этого добра везде хватает! В крайнем случае можно ту принцессу из замка украсть, подсунуть дракону для ознакомительного обнюхивания, а после эффектно спасти: верхом на вороном коне, в черном плаще с малиновым подбоем, с молодецким гиком и посвистом... И она — твоя! Даже на ухаживание тратиться не придется. Быстро, практично, удобно! Дешево.

— Иди ты,— вяло огрызнулся Семен.— Тактик-стратег от клуба знакомств! В таких делах я сам разбираться буду, без подсказок. Тем более твоих.

— Ну-ну,— неопределенно сказал Мар и умолк — на середину зала вышли горнисты и протрубили выход королевы: веселящаяся толпа притихла и раздалась в стороны, освобождая проход.

Королева Яна под руку с принцем Хайком вышла в зал. Королева была одета соответственно моменту — белое, как у невесты, платье, белые же туфельки и изумрудное, под цвет глаз, колье; Хайк, причесанный, подстриженный и нарядный, был сам на себя не похож: такого глупого выражения лица у мастера многопрофильного боя Семен никогда еще не видел.

— Эх! — Семен махнул рукой и, нарушая все мыслимые и немыслимые правила дворцового этикета, подошел к сиятельной парочке; по залу пробежал взволнованный шепоток, наступила полная тишина. Как перед оглашением приговора.

— Яна! Хайк! — Семен замялся, не находя нужных слов.— Э-э... Короче: ребята, я страшно за вас рад! Счастья вам и любви! Все получилось как-то неожиданно... не предполагал я такого поворота дел. И потому извините, что без свадебного подарка... Считайте, он за мной! А тебе, Яна, к дню коронации хочу преподнести вот что.— Семен без малейшего сожаления снял с руки браслет и протянул его королеве.— Носи, Яна, этот амулет удачи и никогда его не снимай! Эта вещица несколько раз спасала мне жизнь и, подозреваю, может когда-нибудь пригодиться и тебе... невзирая на защиту и умение твоего будущего мужа.— Семен подмигнул Хайку, тот несколько растерянно пожал в ответ плечами, видимо, он и сам толком не понимал, как это его угораздило стать женихом. Так скоропостижно.

— Спасибо, Симеон.— Яна надела браслет, привстала на цыпочки и поцеловала Семена в губы. Без излишних чувств. Как брата.— Спасибо за все! Я очень тронута... Кстати, Симеон,— Яна понизила голос,— завтра с утра зайди в дворцовую бухгалтерию и оформи необходимые бумаги: в моем банке тебе открыт неограниченный кредит на безвозвратной основе... в разумных пределах, конечно.— Королева мило улыбнулась вору Симеону и, сердито шепнув Хайку: «Ну что ты стоишь

как памятник, улыбайся людям!», вежливо отстранила Семена: аудиенция-экспромт была закончена.

Семен отступил в сторону и смешался с толпой.

...Бал продолжался; Семен, остановившись у первого попавшегося ему стола, меланхолично жевал что-то непонятное, запивая съеденное другим чем-то непонятным,— мысли Семена были далеко отсюда. О чем думал его хозяин, Мар не знал. Но мнение свое высказал:

— Знаешь, Семен, сдается мне, что ты браслет не тому, кому надо, подарил! Эта королева твердо знает, чего она от жизни хочет. И добьется этого, не сомневайся! Вот и муж у нее не то чтобы по большой любви, мне так кажется... гм, все, молчу! Без комментариев. Дело сугубо личное, тонкое. Семейное... А вообще-то надо было Хайку браслет дарить,— невесело подытожил медальон.— Это ему он может когда-нибудь пригодиться, при такой-то самостоятельной жене... Жалко парня! — Мар сочувственно вздохнул.

— Посмотрим.— Семен поставил кубок на стол.— В конце концов, может, ты ошибаешься. И я ошибаюсь... Поглядим. Пошли, Мар, отсюда домой! Думать будем.

— Над чем? — озаботился медальон.— Грустить-печалиться?

— Вот еще! — гаркнул Семен, расправляя плечи.— Как обустроить Вселенную, думать будем! У меня ведь тоже подарок есть, до сих пор нереализованный! От Слимпа.

— Вселенную? — призадумался Мар.— А, Вселенский Диск! Это можно. Как-никак тоже развлечение. Почему бы и нет?

И Семен перенесся.

Домой.

• Слимперия •

ГЛАВА 1
Старый Ловкач, Известный Мастер-Плут

Семен, присев на подоконник стрельчатого окна, смотрел вниз: здешний океан был удивительно спокойный — ни волн, ни крупной ряби; вечерний пассат еле дышал.

Облака незаметно растаяли, и крупные звезды проклевывались одна за другой, словно плановые инкубаторские цыплята; из-за далекого темного горизонта медленно поднималась гигантская зеленая луна, наискось перечеркнутая ребром серебряного кольца. От яркого лунного света океан неожиданно заиграл всплывающими откуда-то из глубины фосфорическими всполохами.

Наступала короткая южная ночь.

Пансионат, в котором поселился Семен, стоял на высокой скале-волнорезе, выступавшей далеко вперед в океанские воды; выглядел пансионат как старинный готический замок, чем и привлек к себе внимание Семена на случайно увиденном рекламном плакате. Реклама замка-пансионата обещала «незабываемые впечатления, острые и неожиданные», а также «спокойствие и домашний уют». Как одно могло сочетаться с другим, Семен не понял, но живое изображение на плакате ему понравилось (бьющиеся о скалу медленные волны; развевающиеся на шпилях длинные флаги; невероятная луна, похожая на Сатурн с его кольцами; ночная радуга звезд), и он прибыл в этот Мир, прямиком ко входу в замок. Прибыл полчаса тому назад, как раз на вечерней зорьке. Заплатил вперед за три дня проживания в типовом люксе на седьмом, предпоследнем, этаже — завтрак, обед и ужин с доставкой в номер — и, войдя в свой люкс, первым делом подошел к окну, да так у него и задержался: уж больно красивый вид открывался с высоты!

...Небо сияло разноцветными звездами; зеленая луна поднималась к зениту, неспешно поворачиваясь вместе с кольцом — сейчас кольцо полностью развернулось и походило на искристый ангельский нимб вокруг ночного светила; океан подмигивал частыми изумрудными бликами.

Откуда-то сбоку, со стороны невидимого берега, в поднебесное лунное сияние вплыл дракон: распахнув отливающие золотом крылья-паруса, он парил высоко над океанской гладью, слегка изогнув длинную шею и опустив морду вниз — словно высматривал что-то в призрачной океанской глубине. Например, какой-нибудь затопленный клад. Или зазевавшуюся русалку, для разнообразия.

— Красота,— прошептал Семен, далеко высовываясь из окна,— просто сказка...

Этажом выше кто-то трубно высморкался, пьяный голос пробурчал: «Ящерица, пля, летает. Во глюки!» — и на голову Семену упал сигаретный окурок. Окурок стукнул Семена по затылку и, рассыпавшись искрами, упал в бездну.

— Себе на башку швыряй! — вне себя заорал Семен.— Зараза!

— Хрена тебе,— сообщил голос. Наверху снова высморкались, и стало тихо.

— Вот и первые обещанные впечатления,— хихикнул Мар,— острые и неожиданные.

— Скорее неожиданные, чем острые,— буркнул Семен, отряхивая волосы.— Все настроение испортил, гад! Романтику порушил.

Семен посмотрел на дракона — тот, взмахнув крыльями, улетел к звездам — и с раздражением закрыл окно.

Закрыл — и остановился, глядя на свое отражение. Семен отразился в стекле почти в полный рост: высокий, ладный, удачливый вор с магическим прикрытием и комбинезоном-хамелеоном в придачу; медальон по имени Мар, собственно и бывший прикрытием Семена, висел поверх нелепой пестрой рубахи. Одет нынче Семен был крайне безвкусно, как и положено богатому туристу в теплых краях: попугаичья гавайка, безразмерные шорты по колено, тапочки на босу ногу. И обязательный кошель с золотом на поясном ремне.

С золотом у Семена проблем не было: спасенная Семеном из колдовской неволи королева Яна, правительница самого крупного королевства Изумрудного Мира, открыла для спасителя неограниченный кредит на безвозвратной основе. Чем

Семен без стеснения и пользовался. Впрочем, его расходы вряд ли могли стать обременительными для богатой королевской казны: покупать оптом недорогие Миры или играть на Вседисковой фондовой бирже Семен не собирался. Как не собирался и открывать какое-нибудь дело, требующее капитальных денежных вложений. Неинтересно это ему было! Другое беспокоило Семена. Гораздо более важное, чем все Миры, вместе взятые.

...Пока Семен искал Яне достойный подарок ко дню ее коронации, она неожиданно собралась замуж за Хайка, мастера по многопрофильному бою, воина из клана Болотной Черепахи, друга и телохранителя Семена. Получалось, что Семен терял сразу двух друзей... Нет, не то чтобы терял, но... Как ни крути, семейная жизнь, тем паче королевская, никак не совмещалась с хлопотной жизнью вора с прикрытием. Никак.

Да и Яна... Нельзя сказать, чтобы Семен строил какие-то далеко идущие планы в своих отношениях с королевой, нет. И все же... Свадьба, непонятно почему такая поспешная, крепко уязвила и расстроила его. И Семен с того расстройства пустился в отчаянный загул.

За те две недели, что прошли после коронации Яны, Семен побывал во многих Мирах, нигде надолго не задерживаясь. Рестораны, бордели, попойки со случайными знакомыми... Драки. В общем, серьезный душевный отдых по полной программе. Никогда раньше Семен не позволял себе такого безобразия! Никогда. А нынче вот позволил.

Это еще хорошо, что Мар оказался на высоте и вовремя вытаскивал Семена из опасных ситуаций: или прикрывал его защитой, или попросту переносил в другой Мир. Действовал он по своему усмотрению — Семен в самом начале загула дал ему разрешение на самостоятельность.

А в том, другом, Мире все начиналось по новой...

В конце концов Семену надоело «гулять» — и пьяные развлечения со временем приедаются! Захотелось пожить в тихом, спокойном месте, привести мысли и чувства в порядок. Подумать, как быть дальше. Вот тут-то ему и попался на глаза рекламный плакат с замком-пансионатом. Очень своевременно попался.

— Ладно.— Семен отвернулся от окна.— Хватит пейзажами любоваться! Еще успею. Осмотрю-ка я лучше номер, что это

за люкс здесь такой... Где всякая пьянь тебе на голову бычки кидает.

Семен, пофыркивая от возмущения, пошел на обход своих временных владений.

Люкс был неплох, вполне соответствовал уплаченной за него сумме. Просторная меблированная гостиная, столовая, спальня; ванная комната с небольшим пустым бассейном, стерильный туалет. И, что особо порадовало Семена, рабочая комната со столом, креслом и вседисковой линией связи. Это было очень кстати. Семен за две недели беспробудного веселья напрочь отстал от жизни Империи, в которой ежедневно что-то да происходило. Причем, как правило, глобальное. А еще в линии связи могли быть сообщения для него лично. Например, от Кардинала, по совместительству — верховного жреца слимперов. У которого Семен числился вольным помощником.

— Слушай, Мар, организуй чего пожевать.— Семен с удовольствием развалился в мягком кресле.— С оплаченным ужином в номере я пролетел, поздно прибыл... В ресторан идти не хочу, осточертели мне те рестораны.— Семен зевнул, почесал в затылке и с неприязнью обнаружил на руке остатки сигаретного пепла.— Лучше я по-походному, без затей... Давай посмотрим, что есть в линии для меня. Да и имперские новости тоже неплохо было бы узнать. Совсем я от общественной жизни оторвался! А после искупаюсь, и спать. А может, и не спать, там посмотрим.— Семен вытер руку о шорты.

— Пожевать, гм... — Медальон призадумался.— Что же у меня осталось-то из съедобного, ума не приложу... Поистратили мы, Семен, пищевые заклинания, да-с. Крепко поистратили! Почти совсем ничего не осталось, одни завалящие хлебобулочные изделия и минералка без газа... Надо бы тебе при случае меня подзарядить, ты уж не забудь.

Мар виновато умолк. На столе появилась бумажная тарелочка с черствым пирожком. И стакан с водой. И все.

— Это когда же я успел-то? — удивился Семен, беря стакан.— Не помню, честное слово.

— Было дело,— охотно поделился воспоминаниями медальон,— когда ты всему борделю в Персиковом Мире выпивку с закуской поставил. Еще девки тортами друг в дружку бросали. Вспомнил?

Семен, краснея, что-то промычал.

— Значит, вспомнил,— вздохнул Мар.— Экий непредвиденный расход продуктовой магии получился, н-да... Но, должен сказать, было очень весело! — оживился медальон.— Особенно когда ты включил огнетушительное и морозильное заклинания одновременно и устроил в холле массовое фигурное катание по ледяной пене... а тут на шум примчалась бордель-маман, оченно крупная женщина, поскользнулась и врезалась в рояль. А тот возьми и развались! Я прям обхохотался.

— Мгм-м... — Семен поперхнулся водой, выплюнул ее на пол и с ужасом спросил: — Это все взаправду было?! И торты, и катание, и рояль в щепки?

— Ну, приврал немного, увлекся,— сознался медальон.— Не в рояль она врезалась, а в пианино... Если бы в рояль, то было бы гораздо смешнее.

Мар рассмеялся.

— Черт... — Семен со злостью уставился на стакан, словно именно он был виноват во всем случившемся.— Все! Хватит!

— Чего хватит? — поинтересовался Мар.— Вспоминать-рассказывать?

— Рассказывать тоже хватит.— Семен поставил стакан на стол и схватился за голову.— Стыд-то какой! Нет, больше никаких загулов! Никакого пьянства и фигурных борделей! Только здоровый образ жизни! Ну, если иногда, чуть-чуть... Для поднятия тонуса и снятия напряжения.

— В общем-то ты прав,— подтвердил медальон.— Пьянство до добра никого не доводит. Хотя когда как... Помню, был у меня занятный случай. Один мой давнишний хозяин занимался контрабандными поставками спиртного в разные Миры. Как-то прикупил он по дешевке громадную партию поддельного крепленого вина и выгодно перепродал его в Шерстяной Мир. Тамошние жители, Семен, специализируются на разведении пушного зверья; шубы, шапки и дубленки, сделанные в Шерстяном Мире, во многих Мирах спросом пользуются! Но я не о том: эти ребята-звероводы в свое время славились как большие специалисты по вино-водочному делу. В смысле, не по производству, а по потреблению, хе-хе... Им, видишь ли, главное было — чтоб недорого и сразу с ног валило, наповал. Потому-то дешевое винцо в самый раз пришлось.

— Ну и что?

Семен взял с тарелки пирожок, с огорчением осмотрел хлебобулочное изделие со всех сторон и со страдальческим видом принялся его грызть.

— А вот то! — посмеиваясь, сказал Мар.— Наше паленое вино тамошние правительственные чиновники аккурат к местному всеобщему празднику закупили, уж не помню, как он назывался, для обязательного народного увеселения. Бесплатного, от ханских щедрот! Традиция у них тогда была — как праздник, так непременно халявное угощение, еда и выпивка до отвала... Почти все крупные начальники-звероводы в стольный град на тот праздник собирались, с друзьями и приближенными. И начиналась недельная пьянка, такая пьянка, что домой после нее не все живыми возвращались! Ну и по стойбищам тоже праздновали, туда вино в бочках поставляли, по ханскому указу... Чтобы звероводы своего хана еще больше любили и почитали.

— И в чем же проблема? — заинтересованно спросил Семен, с трудом дожевывая каменный пирожок.— Вроде бы все должны были остаться довольны: твой хозяин — от выгодной сделки; чиновники тоже небось не в накладе, они-то наверняка закупили вашу бормотуху как марочное вино, а разницу себе в карман положили. Ну и народ, само собой,— от бесплатного угощения. В чем же загвоздка вышла?

— В магии названия,— вздохнув, ответил Мар.— В том Мире, где произвели вино, его тамошнее официальное название, магически зарегистрированное во всех накладных, было «Солынце-Дадар». А в Шерстяном Мире оно, это двойное слово, соответствовало названиям двух местных растений... особых растений, лечебных. Одно — от запора, другое — от пьянства. Зная это, мой хозяин на всякий случай утаил от покупателей-чиновников истинное название вина. А то запросто отказались бы! Но вот купили-таки...

— Неужели они после этого все — того? — недоверчиво спросил Семен.— Все-все?

— Ага,— кротко согласился медальон.— И хан тоже. И его придворные. И начальники-звероводы, и все-все остальные. Лишь денечек один попили всласть, попраздновали, а после целый месяц животами маялись. Представляешь — весь Шерстяной Мир, поголовно! Мало того, они и пить сразу бросили! Вообще.

Какой удар для экономики... Для нашей, контрабандистской экономики,— пояснил Мар.— Нынче там сухой закон. И очень-очень тучные пастбища. На совесть удобренные... И еще в Шерстяном Мире теперь находится самая знаменитая больница для алкоголиков — туда со всех Миров лечиться от пьянства прибывают. Говорят, стопроцентное излечение, даже в самых тяжелых случаях,— вина того у них в запасе еще ой-ой сколько осталось! На всех желающих хватит... И продается оно как лекарство, за бешеные деньги, но действует только в Шерстяном Мире, и нигде больше. На месте, так сказать.

— Ну вот, нет худа без добра,— мудро заметил Семен.— Целый Мир трезвенников! Поверить невозможно.

— Кому добро, а кому и нет,— хмыкнул Мар.— Мой хозяин не в курсе был, что там произошло, сунулся туда через пару лет еще одну партию самопального вина продать, оптом и недорого, его ханские стражники и замели. Сначала хан решил показательно убить контрабандиста-отравителя, с трансляцией по всему Шерстяному Миру... э-э... то ли затоптать табуном диких кобылиц, то ли живот распороть и кишками удушить, то ли в масле сварить... Разные варианты были. Но потом передумал и, с благословения Верховного шамана, возвел моего хозяина в ранг святого. При жизни. За безмерное оздоровление нации и повсеместный расцвет благосостояния. Ну хозяин, понятное дело, от нестерпимых душевных переживаний с катушек напрочь слетел, уверовал в свою окончательную избранность, подарил меня одному своему знакомому вору и основал в Шерстяном Мире крупный монастырь, который сам и возглавил.

Фастин-чудотворец, может, слыхал? От бесплодия прихожанок лечил, с глазу на глаз. Они потом непременно беременели...

— Нет.— Лицо Семена приняло задумчивое выражение.— Ежели бы слышал, то запомнил бы. А как он их лечил? Возложением дланей на чело тех прихожанок или возложением их на кровать? Прихожанок, разумеется. Не дланей.

— Думаю, по второму варианту,— глубокомысленно изрек медальон.— Эдак оно вернее.

Оба расхохотались — и Мар, и Семен.

— Ты давай проверяй, чего там интересного в линии связи есть.— Семен с сожалением глянул на пустую тарелочку.— Да

придется мне, похоже, в ресторан идти. Черствый пирожок не самая сытная на свете еда. И минералка без газа, брр!

— Момент.— Мар мгновение помолчал и радостно сообщил: — Семен, тебе вызов! Висит уже дней пять как... О! И не простой вызов! Срочный, помечен как сверхважный. Кто же это у нас будет? Ну-ка, проверю адресата.

Мар умолк.

— От Кардинала, что ли? — Семен встал с кресла, потянулся.— Опять небось в какой Мир меня погонит, самого себя искать.— Семен усмехнулся.— А что поделаешь? Раз подписался быть его помощником, куда теперь деваться! Мар! Эй, ты чего молчишь-то?

— Это, Семен, не Кардинал,— растерянно ответил медальон.— Это сам Мастер Четырех Углов!

Мар произнес последние слова с такой интонацией, что стало понятно — они все пишутся с прописной буквы. То есть с заглавной.

— А что нужно тому четырехугольному мастеру? — Семен бесцельно заглянул в единственный ящик стола, обнаружил там пустой пакетик из-под презерватива и подумал, что здесь не только связью с иными Мирами занимались, но и другими связями тоже. Прямо на столе.— И кто он, тот мастер? — Семен задвинул ящик.

— Ты не знаешь, кто такой Мастер Четырех Углов?— опешил медальон.— Надо же! Хотя понятно — ты же не состоишь в Гильдии Воров. С тобой, Семен, хочет пообщаться сам Глава Вседисковой Воровской Гильдии! Уже пять дней как хочет. Причем очень срочно.

— Если он пять дней срочно ждал, то еще часок уж точно подождет,— рассудительно сказал Семен.— Пойду-ка я все же в ресторан, от твоего пирожка у меня никаких впечатлений, одна изжога. Жрать хочется, просто невозможно.— Семен направился к выходу из комнаты.— Потом, все потом: и Глава Гильдии, и остальные имперские новости. На сытый желудок.

И он вышел за дверь

Ресторан находился на первом этаже. Уютный, небольшой ресторанчик, с камерным оркестриком на эстраде, с прига-

шенным верхним освещением и с задрапированными гобеленами стенами. На гобеленах везде было изображено одно и то же: рыцари и драконы. И обязательно — младые девы со скорбно заломленными руками. Принцессы, наверное.

На одних гобеленах драконы харчили доблестных рыцарей прямо с латами, на других — рыцари энергично колбасили поверженных драконов мечами; и в том, и в другом случае присутствующие на пейзаже юные принцессы выглядели одинаково расстроенными.

Семен заказал себе жаркое из телятины и кувшин пива. После чего, поминая про себя нехорошими словами дежурный пирожок, приступил к ужину.

Он как раз допивал пиво, когда почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Хотя, как говорят скептики, взгляд есть вещь нематериальная и нечувствительная, никоим образом не осязаемая, однако вор с прикрытием его все же ощутил. Отставив кружку, Семен неспешно принялся вытирать салфеткой рот, с показным безразличием посматривая по сторонам. Он занимал столик в затемненном углу, откуда обозревался весь зал — у него уже появилась профессиональная привычка не маячить у народа на виду, но при этом видеть всех самому. Держать ситуацию под контролем.

В противоположном углу зала ресторана, столиков через шесть, сидела девушка и ела пирожное, запивая его чаем — на столе был виден заварной чайничек. Ела она свое пирожное так сосредоточенно, не поднимая глаз от чашки, что у Семена не осталось никаких сомнений — на него смотрела именно она. Потому как больше разглядывать Семена было некому: за другими столиками шла обычная пьянка, кое-где разудалая, с тостами, кое-где тихая, почти интимная. Как бы там ни было, а выпивающему люду до Семена не было никакого дела.

Видно девушку было плохо, ее угол тоже освещался неважно. Семен лишь смог разглядеть, что у нее длинные черные волосы и тонкие музыкальные пальцы. И что на груди у нее ажурный золотой кулон с небольшим бриллиантом посредине — драгоценный камушек то и дело посверкивал острыми лучиками. Семен отвел взгляд в сторону, подозвал к себе официанта и, расплатившись, направился к себе в номер. Лифта в пансионате не было, откуда в замках лифты? Подниматься

по лестнице после сытного ужина показалось Семену несколько тяжеловато.

— Между прочим,— доверительно сказал Мар, когда Семен добрался до своего этажа,— тебя, оказывается, пасут! Видал девицу с золотой побрякушкой на цепочке? Вот она за тобой и приглядывает. Чтоб меня в трубочку свернуло, ежели это не так! Уж я-то знаю, когда смотрят с необязательным любопытством, а когда конкретно следят... Интересно, кто она, та надзирательная девица, на кого работает? Вряд ли на Имперскую службу безопасности, слишком она красивая для обычной наружной слежки... Такие, как правило, у службы безопасности в амурных делах используются — для выкачивания ценной информации. Или для шантажа с тем же дальнейшим выкачиванием...

— Она действительно красивая? — задумчиво спросил Семен, подходя к двери своего номера.— Я не разглядел. Темно было.

— Вполне на уровне,— заверил Семена медальон.— У меня зрение — сам знаешь какое! О-го-го какое!

— Ну и как она выглядит? — поинтересовался Семен, заходя в номер и запирая дверь.— Как?

— Отлично выглядит,— бодро доложил Мар.— Кулон-плетенка выполнен из золотой проволоки девятьсот девяносто шестой пробы; камушек на полтора карата, огранка стандартная, бриллиантовая, семьдесят две грани... Вроде все.

— Я же тебя про девушку спрашивал, а не про ее украшения,— с укоризной произнес Семен.— Ты мне о ней скажи!

— Ну-у,— неуверенно протянул Мар,— девушка как девушка. Красивая. С глазами и ресницами. Что еще можно сказать, даже не знаю...

— Исчерпывающий ответ,— усмехнулся Семен.— Ладно, если она приставлена за мной следить, то мы еще встретимся. Тогда и посмотрю, какая она из себя, с глазами и ресницами.

Семен направился прямиком в рабочую комнату. Там, устроившись в кресле, он махнул рукой:

— Давай, Мар, письмо от четырехугольного! Или что там — вызов, да? Можешь вызывать. Дозволяю.

— Сейчас.

Медальон затих, включаясь в линию связи. Семен потер глаза — работающая магическая линия выглядела для него как

рой мух, заполняющий всю комнату. Удовольствия это зрелище ничуть не доставляло. Семен прищурился.

— Для соединения надо ввести пароль, которым является ответ на вопрос,— деловито сказал Мар.— А вопрос следующий: «Назовите имя-фамилию человека, с которым вы имели дело в Мастерском Мире». Когда назовешь, тогда сразу пойдет соединение. Учти, говорить надо громко и четко! А то знаю я эти линии: сам не переврешь, так они помогут.

— В Мастерском Мире? — призадумался Семен.— Имел дело? А-а, Норти Бук, хозяин ломбарда!

— Погромче,— попросил медальон,— и без добавлений. Только имя и фамилию, про ломбарды не надо.

— Норти Бук! — рявкнул Семен.

— Есть контакт,— обрадовался Мар,— пароль принят, вызов пошел. Вот-вот картинка со звуком будет! Кстати, для картинки объем нужен, а тут стол мешает.

Семен послушно развернулся вместе с креслом спиной к столу.

Секунд десять ничего не происходило, потом раздался приглушенный звук фанфар и посреди комнаты возник человек, сидящий, как и Семен, в кресле. Вернее, изображение человека и кресла. Картинка была полупрозрачной, иногда покрывалась рябью помех, но в общем выглядела достаточно приемлемо.

Мастер Четырех Углов был стар, сух и немощен, а его кресло напоминало медицинско-инвалидное, с колесиками на ножках и крепежом для капельницы в изголовье. Одет Мастер был в потрепанный домашний халат и легкомысленную курортную панамку. Семен чуть не прыснул, увидев ее, но вовремя удержался: глаза у Мастера были злые и холодные. Рассмеяться в лицо такому собеседнику означало немедленно нажить себе смертельного врага. А Семен уже давно пришел к выводу, что серьезных врагов лучше выбирать сознательно, чем заводить их случайно. Тем более — таких.

— Симеон? — прокаркало изображение.— Ты — Искусник Симеон?

— Я,— не стал отпираться Семен.— А вы — Мастер Четырех Углов?

Изображение не ответило: Мастер внимательно оглядел Семена, пренебрежительно выпятив нижнюю губу и щурясь, слов-

но на лампочку смотрел; дышал Мастер часто и хрипло, видимо, у него была астма.

— Молодой еще,— наконец сказал Мастер,— бестолковый. Зря я тебе вызов послал, не потянешь ты дело. Завалишь.

— Уважаемый Мастер,— начал было Семен, несколько задетый словами собеседника,— я...

— Молчать! — Старик нахмурился и предупреждающе поднял руку.— Говорить потом будешь, когда разрешу.

Семен послушно умолк.

— Слушай внимательно, Симеон.— Мастер достал из кармана халата склянку-ингалятор с лекарством, попрыскал себе в рот («Все же у него астма»,— подумал Семен), закашлялся и спрятал ту склянку в карман.— В одном Мире, не важно в каком, есть нефритовый кадуцей... Ты хоть знаешь, что такое — кадуцей? — Мастер косо глянул на Семена и, не дожидаясь ответа, пояснил: — Кадуцей — это жезл, эмблема вестников и парламентеров; жезл, если ты не в курсе, есть палка, похожая на дубинку. А нефрит — зеленый камень, крепкий. Понятно?

Семен кивнул, про себя удивляясь — неужели Мастер Четырех Углов считает его законченным дураком? Который о жезлах ничего не знает?

— Раньше этот кадуцей принадлежал... э-э... тебе-то какая разница, кому он принадлежал? Сейчас жезл хранится в частной коллекции одного богача, под надежной охраной.— Мастер пожевал губами, глядя куда-то мимо Семена.— Под очень надежной охраной. Магической. Украсть практически невозможно, мои люди уже пробовали недавно. Не получилось.

Старик потер лоб, отчего панамка съехала на затылок, придав ему совершенно комический вид. Но смеяться Семену что-то расхотелось.

— Кадуцей лежит в оригинальной упаковке, выполненной в виде гроба: завтра тот гроб увозят в другое место,— раздраженно сказал Мастер.— Остальную коллекцию уже перевезли, все из-за наших неудачных попыток. Новый адрес содержится в строжайшей тайне... Короче: нефритовый жезл надо выкрасть. Сегодня же! Я послал тебе вызов пять дней тому назад, ведь был же запас времени! А теперь запаса нету... Ты почему сразу не ответил? — Мастер Четырех Углов уставился на Семена пустым взглядом.— Говори. Разрешаю.

— Работал я,— коротко ответил Семен: докладывать о своем загуле старику с ледяными глазами он не собирался.

— Ну да, ну да,— Мастер неожиданно дробно захихикал,— именно что работал.

Семену его реакция не понравилась.

— Поясняю сразу, чтобы не было дурацких вопросов,— успокоившись, снова заговорил Мастер,— никакой магической ценности кадуцей не представляет. Повторяю, никакой! Это— раритет, коллекционная вещь... Ты знаешь, что такое раритет? А и не знаешь, черт с тобой, объяснять не буду.— Старик снова захихикал, но тут же стал серьезным.— Он нужен мне в коллекцию. Лично мне! — Мастер сделал ударение на последнем слове.— Украдешь — получишь тысячу золотых, я не жадный! За хорошую вещь и плачу хорошо.— Старик улыбнулся Семену. Улыбка у Мастера получилась неживой, словно у гипсовой статуи.— Ну а ежели украдешь и дашь деру с кадуцеем — найду и накажу. Очень сильно.

Мастер снова включил и выключил гипсовую улыбку.

— Я хотел бы уточнить,— медленно, взвешивая каждое слово, произнес Семен.— Выкрасть жезл — это заказ или приказ? Имею ли я право не выполнять эту работу?

— Естественно, заказ.— Мастер потер сухие ладошки, словно они у него замерзли.— Частный. Мне не нужна подневольная служба. И отказаться ты тоже имеешь право, дело серьезное, опасное... Похоже, я только зря время на тебя трачу,— внезапно с досадой сказал Мастер Четырех Углов.— Раз пошел такой разговор — отказаться, не отказаться, толку не будет... Нет, не потянешь ты это дело.— Старик презрительно скривил губы.— Кишка тонка. Не дорос ты еще, Симеон, до настоящего вора... Искусник, ха! Кто тебе эту кличку придумал, непонятно.— Мастер, покашливая, достал из кармана ингалятор и прыснул лекарством себе в рот.— Мальчишка ты, а не вор-умелец. Ученик.

— Погодите.— Семен начал заводиться: его открыто оскорбляли! В него не верили.— Я вам своего ответа еще не дал!

— Ну так давай отвечай.— Мастер неожиданно подмигнул Семену.— Оправдай свое звание, Искусник Симеон! Потешь старика, много ли радости у меня в той жизни осталось? — Мастер Четырех Углов потер ладонью под глазами, точно слезы смахнул, но щеки при этом у него оставались сухими.

— Берусь,— решился Семен.— Но ничего не гарантирую! Вы же сами сказали, что там надежная магическая охрана. Если я с ней не справлюсь, то...

— Справишься,— прервал Семена Мастер.— Чтобы такой бравый парень, как ты, да не справился с какой-то дурацкой защитой! Тем более удачливый парень.— Старик ухватился за панамку и натянул чуть ли не на уши.— Холодно у меня здесь... Я, Симеон, о тебе много чего знаю, полнится Империя слухами! В общем, слово тобой сказано, а я буду ждать результата. Меня не ищи, я с тобой завтра сам свяжусь.— Мастер резко наклонился вперед (Семену почудилось, что дед сию секунду вывалится из своего кресла) и ткнул пальцем в сторону Семена, прямиком ему в грудь.— Адресок зала, где хранится кадуцей, я уже скинул в твой медальон... Хороший у тебя медальон, Симеон! Уникальный.— Мастер завистливо поцокал языком.— Когда-нибудь, надеюсь, он станет украшением моей коллекции. Ну бывай, Искусник!

Прощально тявкнули фанфары, изображение замерцало и исчезло. Семен остался в комнате один.

— Что-то не нравится мне эта затея,— мрачно сказал Мар.— Ты обратил внимание, как он тебя на «слабо» взял? И намеки насчет меня... Все это, Семен, дурно пахнет. Воняет, ежели точнее. Подвох, явный подвох! Но в чем?

— Подвох там или не подвох,— Семен встал с кресла,— но, как выразился четырехугольный дед, слово сказано. Стало быть, надо мне сейчас двигать в тот Мир, где хранится кадуцей, и делать дело. А там, на месте, разберусь, что к чему. Если украду, то тысяча золотых мне никак не помешает... да хрен с ним, с тем золотом, не бедствую я. Мне просто неприятно, что этот главный воровской сморчок меня дураком и недотепой считает!

— Да уж.— Мар тяжело вздохнул.— Я и говорю, на «слабо» тебя дедуля зацепил. А ты и пошел у него на поводу. Нет чтобы сначала подумать, со мной посоветоваться, а уж после давать ответ! Если эту фигню лучшие специалисты Империи украсть не смогли, то, подозреваю, задание невыполнимо принципиально.

И вообще, зачем Главе воровской Гильдии нефритовая безделица? Для коллекции? Не верю! Платить тысячу золотых

за ненужную вещь по меньшей мере глупо. Мыслю я, что кадуцей не так уж и прост...

— Ты коллекционеров не встречал.— Семен вышел из рабочей комнаты.— Они все с одинаковым мозговым вывихом. Ежели такой вывихнутый чего решил в свою коллекцию заполучить, то ни за какими расходами не постоит! Последние штаны продаст, но купит.

— То-то Мастер в халате сидел,— недовольно проворчал медальон,— штаны у него явно закончились... Все же, Семен, есть у меня подозрение, что от тебя хотят избавиться. Ты в Гильдии не состоишь, работаешь сам по себе, хлеб у остальных воров отбиваешь. И в общак взносы не делаешь, какой Гильдии от тебя прок? Опять же твои похождения на виду, можно сказать, ты — имперская знаменитость. Почему бы тебе и не подгадить, так сказать, сунуть палку в колеса? Нефритовую.— Мар невесело хохотнул над собственной шуткой.— Устроить полиментовскую засаду по анонимному сообщению о готовящемся ограблении... или наемного убийцу в темном уголочке заначить... или ловушку-самострел наладить... или...

— Мар, у тебя, похоже, начинается паранойя.— Семен остановился у стрельчатого окна и, смотрясь в него как в зеркало, превратил свой пляжный наряд в черное трико и мягкие туфли; за окном все так же искрился океан, но зеленой луны видно не было: наверное, ушла на другую сторону замка-пансионата.— Сам себя пугаешь и меня заодно! Тут к работе подготовиться надо, настроиться, а не жуткими пророчествами заниматься... А ты на что? Вот и следи, чтобы всяких неприятностей с нами не случилось, ловушечно-полиментовских!

— Паранойя? — Медальон призадумался.— О, знаю такое слово! Правильное слово, умное. Это, Семен, у обывателей та паранойя болезнью считается, а в нашем деле без нее никак нельзя. Больше опасаешься — дольше живешь!

— Жаль, новости не узнали,— не слушая умных рассуждений медальона, сказал Семен.— Заморочил мне голову дед-угловик! Когда вернемся, первым делом именно новостями займусь. Украду жезл и займусь... Мар, а где находится зал с кадуцеем? В каком Мире?

— Секундочку.— Медальон тихо забубнил что-то невнятное. Видимо, проверял адрес по имперскому списку истинных Ми-

ров.— Вот, нашел.— Он замялся.— Э-э... странное название. Окраинный Мир, это где ж он находится? Никогда там не был. Захолустье небось какое-то, на самом краю Вселенского Диска...

— Какая разница? — Семен отвернулся от окна.— Не пешком же! Запускай адрес, сейчас посмотрим, насколько он Окраинный, тот Мир.

— Угу,— ответил Мар и включил транспортное заклинание.

ГЛАВА 2
Сокровище Ловкача, Исключающее Милость и Пощаду

Просторный холодный зал, в котором очутился Семен, вовсе не был похож на музейное помещение, где хранятся разные древние ценности. И на антикварную лавку — со стеллажами и выставленным на них дорогостоящим антиквариатом — никак не походил. Зал скорее напоминал складское помещение после панической эвакуации: по мраморному полу были разбросаны обрывки упаковочной бумаги, какие-то разбитые ящики, тряпки, грязные веревки-бечевки, гнутые гвозди и прочий мусор. Создавалось впечатление, что здесь совсем недавно то ли что-то спешно распаковывали, то ли не менее спешно запаковывали.

По стенам тут и там висели длинные полотнища, схожие с воинскими штандартами, разрисованные непонятными эмблемами и надписями. Некоторые были безжалостно оборваны до половины, словно их пытались второпях содрать со стен, да недосуг было делать это аккуратно. Между полотнищами виднелась голая каменная кладка. Семен поднял голову — арочный потолок зала тоже был каменным.

На стенах, кроме драных штандартов, еще имелось множество металлических чаш-светильников, в которых негромко шипело желтое газовое пламя. В зале было хоть и сумрачно, но разобрать, где что находится, Семен мог. Во всяком случае, освещения хватало, чтобы не налететь в потемках на какой-нибудь ящик или пропороть ногу гвоздем.

Посреди зала, на черном возвышении, стоял хрустальный гроб. Нацеленный на необычную домовину луч единственного потолочного светильника был узконаправленным и ничего более не освещал; гроб сиял, как витрина ночного супермаркета.

— Мар,— тихонько позвал Семен,— ты никакой засады не видишь?

— Вроде все в порядке,— неуверенно ответил медальон.— Никого и ничего... Кроме смертного сундука, разумеется. Там кто-то лежит. Дохлый кто-то... И магией оттуда тянет, от той стекляшки! Сильной магией... Ты уж будь поосторожнее, плохое это место. М-м, давай я на всякий случай невидимость включу?

— Давай.

Семен осторожно, на цыпочках, направился к хрустальному гробу. Колпак невидимости, накрывший его от макушки до пола, несколько искажал перспективу, слегка затемнял и без того слабое освещение, потому Семен один раз чуть не налетел на битый ящик, но в последний момент все же успел увернуться. Смертный сундук, как его обозвал Мар, был окружен невероятным количеством хлама, словно кто-то решил забаррикадировать гроб всяческим мусором от нежелательных посетителей.

— Наверное, экспонаты вывозили,— прошептал Семен, обходя очередной завал,— в срочном порядке. Как дед-угловик и предупреждал. А гроб на завтра оставили... Почему?

— Хрен его знает,— отозвался медальон.— Может, он неподъемный какой? Или с ним особое обращение нужно... Э, какое нам дело до этого? Берем палку и сваливаем, нечего нам задерживаться! Больно уж гнусное заведение.— Мар цыкнул, словно сквозь зубы сплюнул.— Не располагает к душевному комфорту.

— Эт-точно,— согласился с медальоном Семен.— Никакой радости, сплошная тоска и разрушение... Вешаться здесь славно. Включить «Реквием» Моцарта, послушать минут пять и повеситься на ближайшей чашке с огнем, в знак согласия с композитором. Типа положительной критики.

— Тут мертвяков и без самодеятельных критиков хватает,— уныло сказал Мар.— Вон, лежит красавчик... И кадуцей в руках держит.

Семен остановился возле гроба.

Возвышение оказалось узким дубовым столом, покрытым длинной черной скатертью; в хрустальном ларе, сложив руки на груди, лежал хорошо сохранившийся мужик бандитской внешности, с бритым черепом и густой бородой-лопатой, в серой долгополой сутане. В руках у мужика был зажат зеленый жезл, по виду вылитая милицейская палочка-выручалочка вроде той, которой оснащены все гаишники. Казалось, мужик вот-вот откроет глаза, откинет прозрачную крышку гроба и, обличительно погрозив Семену той палкой, потребует у него для начала водительские права, а после и какой другой документ, разрешающий всяким посторонним находиться в разоренном зале.

— Ну-с, и где та надежная магическая охрана? — Семен медленно пошел вокруг стола, приглядываясь и к гробу, и к самому столу: пока что никакой защитной магии не наблюдалось. Вообще.— Знаешь, Мар,— озадаченно сказал Семен, завершив осмотр и вернувшись на прежнее место,— а ведь нету никакой колдовской защиты! Очень это меня настораживает...

— Ловушка! — категорично заявил медальон.— А дохляк в гробу — наемный зомби-убийца. Ты крышку приоткроешь, а он тебя хрясть по лбу своей кадуцеиной, и все мозги на пол. Что я, с зомбями не сталкивался, что ли? Вон, вроде давно мертвый, а все еще свежий как огурчик. Лежит и небось коварные планы насчет всяких черепно-мозговых травм строит... У, подлюка! Станса Ксанса на тебя с топором нету, начальника из зомби-филиала.

Мар крепко выругался.

— Погоди лаяться.— Семен взялся за крышку гроба.— Может, на самом деле он совсем мертвый и неопасный! Проверить сначала надо.— Семен осторожно приподнял тяжелую крышку, подождал немного — никакого шевеления в гробу не случилось— и, поднатужившись, поднял хрустальный верх. Крышка повернулась на хрустальных же петлях и остановилась в вертикальном положении; Семен на всякий случай резво подался от гроба в сторону.

Постояв с минуту на месте и убедившись, что ничего опасного не произошло — не завыла сигнализация, не появились разъяренные сторожа или наряд полиментов из вневедомственной охраны, да и сам подозрительный покойник так и продолжал лежать словно по команде: «Смирно! Всем умереть!» — Семен подошел к открытому гробу и остановился в нерешительности.

— Чего тянешь,— забеспокоился Мар.— Думать о смысле жизни после будешь, на досуге, под пиво и воблу. Хватай палку и ходу отсюда, ходу!

— Погоди ты суетиться,— огрызнулся Семен, не отрывая глаз от жезла-кадуцея.— Тут такая, понимаешь, загогулина выходит...

— Где?! — всполошился медальон.— Где выходит? Из носа? Изо рта лезет? Ничего не вижу! Ты уверен, что загогулина тебе не почудилась?

— Заткнись,— повысил голос Семен.

Мар немедленно заткнулся.

— Кадуцей, он абсолютно черный,— продолжал Семен.— На магическом плане. Такую черноту я видел только в Мире-Полигоне, когда мы от столба инферно спасались. Черный, точь-в-точь как тот столб! Мне даже прикасаться к жезлу не хочется...

— Да? — расстроился медальон.— А что же тогда делать?

— Вот, стою и думаю,— пояснил Семен.— Прикидываю варианты. Скажи, Мар, а есть ли у тебя заклина...

Позади, в мусорной свалке, зашуршало. Семен обернулся— по мусору кто-то шел. Кто-то невидимый для обычного человека, не обладающего магическим зрением. Осторожно шел, крадучись. Если бы не жесткая оберточная бумага, попавшая под ногу невидимке, Семен не скоро бы заметил, что в зале он не один.

— Конкурент приперся,— догадался Мар.— Ишь, крадется... Ну, Семен, дождались мы подмоги! Сейчас все и решится. Ты, главное, не мешай — пусть берет кадуцей, пусть! Ежели его зомб не убьет и жезл ничего плохого с ним не сделает, тогда поступаешь так: бьешь его сначала в подбородок, потом в солнечное сплетение, а после коленом в пах — нервная и осмысленная деятельность на время блокируется, мы берем кадуцей и гордо уходим за тысячью золотых... Надеюсь, ты видишь конкурента?

— Вижу,— еле слышно ответил Семен.

По залу, в направлении хрустального гроба, двигалось бирюзовое облачко, окутывавшее темный человеческий силуэт— нерезкий, расплывчатый. Но, невзирая на расплывчатость, было видно, что человек ростом с Семена, худощав и довольно ловок: ящики и прочий хлам он огибал легко и грациозно, словно танцуя.

Семен отступил в сторону. Незнакомец подошел к гробу и остановился. Судя по тому, что невидимка стоял, оглядываясь

по сторонам, и не предпринимал никаких действий, таинственный конкурент пребывал в растерянности — наверное, его смутила поднятая на гробе крышка. Семен осторожно пододвинулся ближе — он вовсе не собирался дать человеку, пусть и конкуренту, бестолково погибнуть, а в том, что жезл смертельно опасен, он ни капли не сомневался, как и в том, что такую черную штуковину голыми руками брать нельзя,— и чуть не закашлялся от неожиданности: от незнакомца пахло духами. Хорошими женскими духами, чем-то вроде знаменитых «Шанель», но несколько иначе. Хотя и не менее приятно.

— Он, гад, еще и бабским одеколоном мажется! — изумился медальон.— Тем более в ухо ему, в ухо! То есть в челюсть. Но когда жезл возьмет, не раньше.

Мар, посчитав инструктаж законченным, притих в ожидании.

Незнакомец склонился над гробом и протянул к жезлу руки.

— Стой, дурак! — Семен крепко схватил невидимку за плечо.— Не трогай, убьет! — Человек вздрогнул, отпрянул от гроба и... И упал. Семен еле успел подхватить обмякшее тело.

— Что там? — забеспокоился Мар.— Чего он? С испугу помер? Вот незадача... Ты, Семен, поспешил однако. Вот учишь тебя, учишь, как надо грамотно поступать, а ты все одно посвоему! Как мы теперь кадуцей сопрем?

Семен не ответил: положив незнакомца на пол, он осторожно похлопал того по щекам, пытаясь привести в чувства; под руку попались длинные волосы. Крякнув от изумления, Семен легонько провел рукой по груди отключившегося с испугу конкурента. Это была девушка. Без всяких сомнений.

Пальцы Семена наткнулись на металлическую бляшку, лежавшую на груди девушки; круглая железка была прикреплена к цепочке. Едва Семен прикоснулся к металлическому кругляшу, как бирюзовое облачко заморгало. Семен сжал бляшку в кулаке, и облачко, делавшее нежданную посетительницу невидимой, исчезло. Семен разжал пальцы — бирюзовое сияние больше не появилось — и, отпустив кругляш, выпрямился.

— Ба! — радостно завопил Мар.— Узнаю! Узнаю кулон-плетенку и камушек на полтора карата! Вон, и глаза с ресницами тоже на месте... Семен, да это же та самая девица из ресторана! Конкурентиха, чтоб я поржавел! Ха, мне все ясно — никакая она не надзирательница, и это хорошо, а то я уж подумал... Да фиг с ним, чего я там сам себе понапридумывал, главное—

она из наших, из своих! Фу, гора с плеч... Глянь-ка, глянь! Одета так же, как и ты, в трико и мягкие туфли. Сговорились вы, что ли? Ого! У нее на руках перчатки! Серебряные, надо же... То-то она так смело к нефритине потянулась.

— Выключи невидимость,— сказал Семен, присаживаясь на корточки рядом с девушкой.— Хватит человека пугать. Эй, подруга! — Семен еще раз похлопал девушку по щекам, но безрезультатно.— Мар, дай-ка твоей минеральной воды, она сейчас в самый раз будет.

Рядом, на полу, возник стакан с заказанной водой. Семен набрал полный рот минералки и прыснул девушке в лицо.

Та открыла глаза, посмотрела на Семена непонимающим взглядом, села и первым делом схватилась за кулон, проверяя, на месте ли он. А уж после вытерла лицо рукой в перчатке. И уставилась на Семена.

Мар не соврал: девушка была хороша! Красива не броской фотомодельной красой, холодной и глянцевой, а... Семен не смог точно подобрать определение. Красивая, и все тут! Высокий лоб, удивленно приподнятые брови; большие испуганные глаза, серо-голубые; чистая матовая кожа; слегка припухлые губы; черные тяжелые волосы... Если бы Семен встретил такую девушку на Земле, он подумал бы, что в роду у нее были итальянцы. Или испанцы — короче, кто-то из южан.

Хотя таких глаз у испанцев-итальянцев, как правило, не бывает.

— Тебя как зовут? — миролюбиво спросил Семен девушку.

— Вы... вы меня видите? — с непонятным ужасом спросила девушка, зачем-то оглядываясь по сторонам. Голос ее, мягкий и тихий, слегка дрожал.

— Конечно, вижу,— подтвердил Семен.— Почему бы и нет, раз твоя невидимость отключилась? Ну так как тебя зовут?

— Теперь уже все равно,— обреченно ответила девушка,— можно и сказать. Меня зовут Олия.

Она легко встала на ноги, поднялся и Семен.

— Значит, ты тоже за кадуцеем? — спросил он, глядя на ее руки.— Вижу, подготовилась толково! Перчатки, верно, специальные, защитные? Где взяла?

— У деда.— Олия, вспомнив о перчатках, сорвала их с рук и швырнула на пол.— В шкафу лежали. Их там много... Пошли скорей отсюда, пошли! Куда угодно, но скорей!

— А как же кадуцей? — не понял Семен.— И я, и ты шли за одним и тем же. Я должен его взять, у меня заказ, я...

— Это смерть,— глухо сказала девушка.— Окончательная, бесповоротная. Стоит дотронуться до жезла голыми руками— и все! Даже запасные жизни не помогут.— Олия твердо посмотрела Семену в глаза.— Я не собиралась воровать дедушкин кадуцей! Я хотела его всего лишь перепрятать. Чтобы вы, Симеон, до него не добрались.

— Опаньки! — вскинулся Мар.— Таки нас опознали, Семен! Тьфу ты... Нет, слава нас погубит. Однозначно!

— А кто твой дед? Коллекционер-богач, которого недавно чуть не ограбили, да? — Семен поднял перчатки и протянул их Олии.— Возьми, чего разбрасываться нужными вещами, пригодятся когда-нибудь.

— Они одноразовые,— Олия поморщилась,— и жгут руки. Я их никогда больше не надену... А мой дед — Мастер Четырех Углов, который вам заказ и оформил. Вы, между прочим, сейчас в подвале его... вернее, нашего замка находитесь.— Олия огляделась по сторонам с затравленным видом.— Умоляю, давайте скорее уберемся отсюда! Здесь полным-полно следящих глаз! Техномагия, дед у чужих много лет тому назад купил... Я хотела незаметно и по-быстрому, а теперь...

Девушка прижала ладони к лицу и вдруг горько заплакала.

— А... э...— только и сказал ошарашенный Семен, сжимая в руке одноразовые перчатки.— Н-да-а...

— Включаю транспортное заклинание,— торопливо предупредил Мар.— Разбираться друг с дружкой и переживать будете в другом месте.

В тот же миг Семен оказался в меблированной гостиной знакомого номера люкс, откуда совсем недавно убыл по адресу, предложенному щедрым дедушкой Олии. Навстречу своей несостоявшейся окончательной смерти.

Олия стояла рядом, все еще прижимая ладони к лицу, но плакать уже перестала.

— Извините меня,— Олия вытерла глаза,— я вовсе не плакса! Но дедушка меня не простит,— убитым голосом добавила она.— Никогда.— Судя по ее интонации, это было правдой.

— Ты знаешь что, ты присядь.— Семен положил серебряные перчатки на оказавшийся поблизости журнальный столик.— И я тоже сяду. Надо все же поговорить толком.

Семен уселся в кресло, закинул ногу на ногу; Олия пристроилась на краешке второго, по другую сторону журнального столика.

— Э-э...— сказал Семен, не представляя, с чего начать свои расспросы.— Ты есть хочешь?

— Хочу.— Девушка несмело улыбнулась.— Я, когда сильно пугаюсь, потом голодной становлюсь. Это нервное, да. Но от чая или кофе я бы не отказалась.

— С пирожным,— подсказал Семен.— Видел, знаю! Сейчас сообразим.— Семен огляделся.— Мар, ты у нас организатор бывалый, подскажи, как в номер еду заказать можно? Не хочу я Олию в ресторан вести, не тот момент. Должен ведь у них какой-нибудь звонок быть, горничную там вызвать или официанта... Не черствыми же пирожками нашу гостью угощать!

— Не видел я никаких звонков,— буркнул Мар.— Попробуй громко потребовать в свой номер того-то и того-то, наверняка гостиничная магия тут имеется... Пирожки черствые, ха! А кто виноват? Я, что ли?

Медальон обиженно умолк.

— Верно.— Семен проигнорировал последнее заявление Мара.— Сейчас, Олия, все будет. Наверное.— Семен прокашлялся и громко сказал в пространство: — Прошу доставить в мой номер два кофе и пирожных... Ты какие любишь? — Семен глянул на Олию.

— Эклеры,— подсказала девушка.— Или бисквитные. Какие будут, такие пусть и принесут.

— Короче, кофе и разных пирожных,— закончил свой заказ Семен.— Десяток.

Над журнальным столиком замерцало розовое зарево. Через пару секунд на столешнице стояли две кофейные чашечки, фарфоровый кофейник и квадратный подносик с разложенными на нем маленькими пирожными. Разными, как и было заказано.

— Так просто? — изумился Семен.— И стоило мне прошлый раз в ресторан идти, когда, оказывается, все можно с прямой доставкой в номер? Мар, ты почему не предупредил?

— А ты что, спрашивал меня? — с усмешкой в голосе ответил вопросом на вопрос медальон.— Тем более что и сам должен был сообразить. Не первый раз, поди, в гостиницах останавливаешься... А в ресторан ты, Семен, не зря сходил — еще

неизвестно, как бы ты к Олии отнесся, если бы я ее там не увидел и не опознал после в зале с гробиной.

— С кем вы все время разговариваете? — поинтересовалась девушка, разливая по чашечкам кофе.— Нас же только двое!

Олия взяла пирожное.

— Вот с этим типчиком.— Семен постучал пальцем по медальону.— Мое магическое прикрытие. Болтун, хулиган и циник. Верный друг и товарищ! Надежный.

Семен тоже взял чашечку.

Мар крякнул, но комментировать сказанное Семеном не стал.

— Тот самый медальон-талисман? — Олия так поразилась, что даже забыла про поднесенное ко рту пирожное.— Который Вирти-тонкорукий создал, придворный астролог императрицы Файли? Дедушка столько о нем рассказывал, о вашем талисмане! Говорил, что для любого вора, даже самого никудышного, это настоящая удача — завладеть тем медальоном. Что очень хотел бы иметь его в своей коллекции и что не остановится ни перед чем, даже перед убийством, чтобы...

Олия внезапно замолчала и уставилась в чашку.

— Вот! — внушительно изрек Мар.— Видишь, как некоторые меня ценят! Готовы убить вседисковую воровскую знаменитость ради обладания мной. А он с дурацкими претензиями, пирожки черствые вспомнил, фи!

Медальон был явно польщен услышанным. Хотя и старался не подать виду.

— Об этом, Олия, я как раз и хотел с тобой поговорить.— Семен отхлебнул из чашечки: кофе был крепкий, горячий и в меру сладкий. Хороший кофе.— О том, почему твой дед решил меня убить. Но теперь вопрос отпал — мне все ясно. Из-за моего медальона. Так?

— Нет.— Олия поставила чашку на столик.— Вернее, да — и из-за медальона тоже. Вы, Симеон...

— Давай на ты,— решительно сказал Семен.— Я-то к тебе на вы не обращаюсь! Хотя, возможно, это и невежливо с моей стороны, но так уж получилось. На ты, договорились?

— Договорились.— Олия взяла еще одно пирожное.— Знаете, Симеон... Знаешь, Симеон,— поправилась Олия,— сколько людей мечтают тебя убить?

— Меня? — оторопел Семен.— Хорошенькое начало для разговора... И за что, если не секрет?

— За все.— Девушка надкусила пирожное.— За то, что ты удачлив; за то, что не состоишь в Гильдии Воров, что живешь сам по себе, никому не подчиняясь и никому не кланяясь. А это не каждый может себе позволить — не подчиняться никому! Далеко не каждый...

— Ну, на службе-то я и вправду не состою,— согласился Семен,— но кой-какое начальство у меня все же есть. Имперское, высокопоставленное.— Семен многозначительно поднял глаза к потолку.— Я у него в дежурных помощниках числюсь: беглых дублей при необходимости отлавливаю.

— Я не о том.— Олия потянулась было к следующему пирожному, но остановилась.— Хватит, а то поправлюсь.— Взяв чашку, она откинулась на спинку кресла: — Ты, Симеон, свободен и знаменит. Очень знаменит! А многим такое положение дел не нравится. Моему деду, например. Он же, Симеон, тебя люто ненавидит! Да-да, ненавидит! Но, по-моему, это все от зависти к тебе.

— Ко мне? — Семен от удивления, не глядя, чуть было не поставил свою чашечку мимо стола, но вовремя спохватился.— Да на кой я ему сдался, твоему деду? Он богат, у него есть все... И власть есть. Такая власть, что ему кто угодно другой позавидует! Кроме меня.— Семен покачал головой.— Мне власть не нужна. Никакая.

— Вот,— Олия подалась вперед,— вот именно! Ты, Симеон, сам по себе! Все время — сам! Вокруг тебя то и дело что-то происходит, всякие невероятные события вседискового размаха случаются, а ты этим не пользуешься! Другой на твоем месте, с твоим талантом, сколотил бы свою какую организацию, воровскую ли, политическую, без разницы — поклонников у тебя во всех Мирах хватает, информационные линии связи общедоступны,— и попытался бы пробиться во власть, войти в дворцовую знать... В высший правительственный круг войти! А ты этого не делаешь. Почему?

— На фиг нам тот круг нужен,— высокомерно отозвался Мар.— Нам заклинания требуются и деньги! Как говорил один из моих хозяев: «Деньги — это свобода. А свобода — это все!» Ты, Семен, так и передай своей девице-красавице. Слово в слово.

— ...Не понимает тебя дед. Симеон, совсем не понимает. И потому — боится. Боится и завидует. Твоим возможностям, Симеон, завидует, твоему таланту.

Олия, конечно, не слышала реплики Мара. А Семен передавать ей слова медальона не стал.

— Какому таланту? — невозмутимо поинтересовался он.— Воровскому? Нет у меня, Олия, склонности к воровству. И не было. Это всего лишь случай, что я стал вором с прикрытием, не более.

— А разве я о воровстве говорила? — Олия несмело улыбнулась.— Я говорила о таланте! О таланте работы с магией. Ты умеешь не только видеть колдовство, но и воздействовать на него! Вручную. Этого не может никто!

— Откуда такие познания? — помолчав, спросил Семен. Услышанное его не обрадовало. Собственно, он никогда и не скрывал своего умения, мастерство в карман не спрячешь, но услышать такое от внучки Главы Воровской Гильдии было нерадостно — значит, и Глава тоже знает. Наверняка.

— Полнятся Миры слухами,— уклончиво ответила Олия.— Ты, Симеон, видимо, нечасто в линии связи заглядываешь. Там много чего о тебе сообщается... а если хорошенько поискать да обдумать все найденное, то можно сделать верные выводы.

— Какие, например? — заинтересовался Семен.— Расскажи, Олия! Заинтриговала ты меня, чесслово.

— Потом, ладно? — Девушка отвела взгляд в сторону.— Нет у меня сейчас настроения разные вседисковые сплетни и слухи пересказывать...

— Потом так потом,— не стал возражать Семен.— Останусь я до поры до времени заинтригованным. Вернемся лучше к кадуцею: что это за мужик с жезлом и бородищей в хрустальном гробу? Откуда тот гроб у твоего дедушки? Да, кстати, и о дедушке расскажи поподробнее, пожалуйста, мне надо знать, на какие пакости он еще горазд. Таких дедушек надо изучать досконально, под микроскопом, чтобы вовремя от них предохраняться. Чтобы мухоморов в суп не накидали тайком.

Семен долил кофе себе и Олии.

— Не знаю я, откуда тот гроб и кадуцей,— не обидевшись на «мухоморов», огорченным тоном сказала Олия.— Дедушка в тайне это держит. У него много чего есть, из разных Миров... много чего интересного и опасного. А гроб стоит в подвале нарочно: дед присылает туда неугодных ему людей из Гильдии. Дает частный заказ выкрасть нефритовый жезл для своей коллекции — то якобы для проверки мастерства, то за тысячу золотых, то на «слабо» берет, когда как... Смотря на что те

бедолаги клюнуть должны... Они, простаки, и пытаются выкрасть! А после их на заднем дворе хоронят. Там у нас уже целое кладбище.— Девушка вздохнула.— А дед у меня все равно хороший,— невпопад сказала она.— Он меня воспитал, когда родители умерли. Ни в чем мне не отказывал!

Олия с вызовом посмотрела на Семена, но Семен возражать не стал — хороший так хороший. Родственников не выбирают.

— Убьет он меня,— поникнув, тихо проговорила Олия.— Найдет и убьет, я же его предала... Нельзя мне в наш замок возвращаться! Никак нельзя.

— Крутой у нее дедуля,— неодобрительно заметил Мар,— хотя и невероятно добрый. Благостный, м-да-а... Представляешь, Семен: изумительно хороший старичок убивает изумительно любимую внучку — ну чем не сюжет для картины? Кадуцеем, ага. Или посохом. Зверски.

— Какое предательство?

Семен не сомневался в ответе, но хотелось убедиться наверняка.

— Я не дала тебе погибнуть, Симеон,— помедлив, ответила Олия.— Хотела перепрятать жезл, чтобы ты не нашел... я после кадуцей на место вернула бы. Но теперь... Там, Симеон, в подвале, везде глаза разбросаны: и на полу, и на стенах... маленькие, стеклянные. Как бусинки. Их сразу и не заметишь... Дедушка у чужих оптом купил, специально для своего подвала. Чтобы потом в записи все внимательно рассмотреть, что да как... Утром и посмотрит, обязательно. А там — я. И ты. Симеон, нам бежать отсюда надо! Мастер Четырех Углов знает, где ты остановился... Он придет сюда, я чувствую! И придет не один.

Семен озадаченно поглядел на девушку: та смотрела на него широко раскрытыми от страха глазами. И были глаза у нее сейчас темно-синими, глубокими, как апрельское небо поздним вечером. Семен невольно залюбовался, но тут же одернул себя.

— Во-первых, Олия, откуда такая трогательная забота обо мне? — несколько смущенно спросил он. Ему вовсе не хотелось допрашивать девушку, но приходилось.— Помереть не дала, надо же... А во-вторых — откуда твой дед знает, где я нахожусь?

Олия опустила глаза, нервно потеребила кулон на груди— бриллиантик сверкнул многоцветными лучиками — и неохотно сказала:

— Мне дедушка поручил найти тебя и проследить, с кем ты встречаешься, какие заказы выполняешь... Поручил потому, что я лучше всех в нашей Гильдии с линиями связи работаю... умею искать в них все, что нужно для Гильдии, и делать правильные выводы из найденного тоже умею. Работа у меня такая — находить по крохам полезные сведения. Например, у кого есть что-то особо ценное и в каком месте оно, это что-то, спрятано. Нужных Гильдии людей тоже я нахожу... Поисковая наводчица я, Симеон.— Олия искоса глянула на Семена, проверяя, как он относится к тому, что она сказала.— Очень хорошая поисковая наводчица, между прочим!

Олия произнесла это так, словно оправдывалась перед Семеном, как будто он ее уличил в чем-то постыдном. Возможно, профессия аналитика-наводчика в Гильдии совершенно не котировалась, не престижной была, и Олии было стыдно признаваться в этом знаменитому вору... Вору, которому она час тому назад спасла жизнь. Вернее, пыталась спасти — Семен и сам не прикоснулся бы к той опасной вещице, к окаянному жезлу, постоял бы над хрустальным гробом и ушел, черт с ними, с теми деньгами... Но ведь пыталась!

— И давно ты за мной следишь? — полюбопытствовал Семен.— Ты не бойся, ни ругать тебя, ни обижать я не стану. Поисковая наводчица — это замечательно! Нужная работа, интересная! Хотя я впервые о такой специальности слышу... Давно, да?

— Два Мира тому назад.— Олия говорила, не поднимая глаз.— Нашла... вычислила... А, не важно как! Нашла, короче, и стала следить.

— Два Мира тому назад,— задумчиво произнес Мар.— Это где ж было-то? О, вспомнил! Это когда пианину в борделе разломали! Ну, Семен, насмотрелась она на тебя, поди... На красивого такого и пьяного. В стельку.

Медальон коротко хихикнул. Семен потер лицо — что-то щеки ни с того ни с сего разгорелись. Словно с мороза пришел.

— Понятно,— сухо молвил Семен.— Представляю, что ты там видела... Скажи, а почему ты решила меня уберечь от дедушкиного заказа?

Олия вспыхнула, словно и она на морозе побывала. Ничего не ответив, девушка поставила кофейную чашечку на стол, встала с кресла, огляделась.

— Мне в порядок себя привести надо,— проговорила она, не глядя на Семена.— Ванная там?

Не слушая запоздалого ответа, Олия уверенно направилась в нужном направлении: похоже, планировку номера она знала досконально. Или бывала уже здесь, или в гостиничной информационной линии подсмотрела, когда следом за Семеном в пансионат прибыла.

— Семен! — в изумлении, словно не веря самому себе, воскликнул медальон, едва Олия вышла из гостиной.— Да она... Она же к тебе неравнодушна! Вот это да-а... Любовь с ней, что ли, стряслась? Нам только влюбленной внучки деда-убийцы не хватало. Ха! Знал бы Мастер Четырех Углов, чем рядовое задание по слежке за великим Искусником Симеоном для его внучки обернется, он бы ее на замок в кладовке запер и ключ для надежности проглотил... Ты чего не отвечаешь, а? Тебя что, тоже ключом попользовали, только разводным и по голове? Хе-хе!

Мар засмеялся было, но тут же умолк: Семен на шутку никак не отреагировал, как сидел сиднем в кресле, так и продолжал сидеть, лишь глазами хлопал. Вид у великого Искусника Симеона был донельзя глупый. Словно его и впрямь оглоушили.

— Эй! — забеспокоился Мар.— Ты это прекрати! Любовь— дело хорошее, одобряю, но сейчас тебе о другом думать надо. О том, куда ноги из пансионата делать! Дедуля утром сказку про хрустальный гроб посмотрит, разъярится и прибежит сюда вприпрыжку как есть, в халате и панамке. Типа разборку устраивать! А оно нам надо? Я-то, конечно, и с тридцатью дедами в панамках управлюсь, подумаешь, но после могут возникнуть осложнения и проблемы. Хотя проблема, кажись, у нас и так уже имеется.— Медальон расстроенно покряхтел.— Вон твоя проблема, из ванной возвращается...

Олию было просто не узнать: на ней было асфальтового цвета платье типа «сафари» из плотного материала, со множеством карманов на молниях-застежках — платье, совершенно не подходящее для официальных приемов, но удобное и практичное в походе, а еще белая блузка и белые же туфельки на низком каблуке. Что самое интересное, она успела подкраситься, хотя у Семена в ванной никакой косметики отродясь не было. И быть не могло.

Семен встал из кресла, с недоумением глядя на девушку.

— Что-то не так? — забеспокоилась Олия, оглядывая себя.— Вообще-то этот маскировочный костюм раньше никогда сбоев не давал! Хотя и старая модель... «Летучая мышь». Конечно,

не то, что твой, Симеон, штучный «Хамелеон», но тоже многое умеет! Я его в прошлом году из одного забытого спецхранилища выкрала.— Это было сказано с гордостью.— Сама, без помощи деда! Нашла через линию связи и выкрала.

— И про «Хамелеон» знает,— вкрадчивым голосом отметил Мар.— Очень, очень продвинутая девица! Любознательная. Хм, не удивлюсь, если и кулончик у нее с магическим секретом, наподобие меня. Хотя вряд ли, я — уникальный и неповторимый! На весь белый свет один-единственный. Что меня и радует.

— Нет-нет, Олия,— поспешно ответил Семен,— все в порядке! Меня косметика смутила.— Семен развел руками.— Вроде бы не было ее в номере! Да и у твоего бывшего наряда карманов тоже не имелось.

— Ах вон оно что! — Олия легонько прикоснулась пальцем к своему кулону.— Все необходимое — здесь. Это не обычное украшение, кулон у меня вместо сумочки: транспортно-упаковочные типовые заклинания, то да се... и вместо стандартного опознавательного медальона тоже. Очень удобно! Оригинальная разработка, сделана по заказу моей прабабушки. Фамильная ценность, уникальная!

— Я так и думал,— недовольно проворчал Мар.— Но все же я куда как уникальнее! В тыщу раз! А то и в две. Ты, Семен, поглядывай за девицей, больно она шустрая какая-то. И костюмчик у нее имеется, и кулончик фамильный, особый... А может, она нарочно к тебе подосланная! Уж чересчур гладко одно к другому ложится: вот тебе и благородная спасительница, полностью экипированная к походу, и злобный дедушка-гонитель в наличии, от которого вам надо спасаться; подозрительно, ей-ей! Лично мне — крайне подозрительно.

— Не ревнуй,— шепнул Семен.— Тебе это не идет.

— Но подозревать-то я имею право? — угрюмо возразил Мар.— Или как?

— Сколько угодно,— разрешил Семен.— Только молча, про себя.

— Наивный ты,— с укоризной сказал медальон.— Чересчур к людям доверчивый, эхма! — и затих. Наверное, снова принялся злостно подозревать. Но уже молча, как и было приказано.

— Олия,— начал было Семен, но тут в дверь номера постучали. Требовательно постучали, по-полиментовски громко. Без оглядки на поздний час.

— Это мой дед! — вскрикнула девушка, прижимая руки к груди.— Да-да, это он! Мы пропали. Симеон, уходим, прошу! Куда угодно, но уходим!

— Сначала посмотрю, какой такой это дед,— угрожающе пообещал Семен, направляясь к двери.— А удрать мы всегда успеем! Мар, готовь на всякий случай переброску в любой другой Мир.— И открыл дверь.

За дверью стоял Хайк, друг и телохранитель Семена.

Муж королевы Яны.

ГЛАВА 3
Странные Люди, Изучающие Миры Перекрестка

— Какие люди! — неподдельно обрадовался Мар.— Какие женатые короли к нам на огонек заглянули, сто лет, сто зим! Вернее, две недели с хвостиком... Семен, тебе не кажется, что наш боевой друг как-то хреново выглядит? — озаботился медальон.— Борода набок, синяк под глазом... Да и драный он какой-то, наш мастер рукопашного боя, неухоженный и зело печальный... Неужели у них снова в королевстве переворот случился и товарищ король в бега ударился? Тогда где же его зеленоглазая королева с браслетом удачи? Яна — где?

— Заходи,— отрывисто сказал Семен и, пропустив Хайка, выглянул в коридор. По глубокой ночной поре там никого не было. Семен захлопнул дверь, запер ее на ключ и повернулся к нежданному гостю.

Медальон был прав — воин из клана Болотной Черепахи, мастер многопрофильного боя, наемный телохранитель Хайк выглядел не лучшим образом. Далеко не лучшим.

Во-первых, куда-то подевались все его роскошные одежды, приличествующие новоиспеченному королю: на Хайке был знакомый Семену тертый-перетертый джинсовый костюм, выцветший от времени, весь в неровных заплатках, да легкие сандалии на босу ногу. На плече висела холщовая сумка.

Во-вторых, под левым глазом у Хайка был внушительный синяк, а правая щека крепко расцарапана. С учетом боевого мастерства друга-телохранителя Семен немедленно заподозрил, что тот совсем недавно сражался с десятком-другим про-

фессиональных воинов. С полувзводом десантников-каратистов, например. Не менее!

— Привет,— грустно сказал Хайк.— А я от жены ушел.

— Привет,— ответил Семен.— Что?!

Хайк прошел в гостиную и безо всякого выражения на лице посмотрел на Олию. Девушка, ответно глянув на Хайка— всклокоченного, несчастного, побитого, с исцарапанной физиономией,— как ни странно, сразу успокоилась: это был не ее дед, значит, опасность миновала. А побитых, несчастных да расцарапанных она за свою жизнь много повидала. Испуга они у нее давно не вызывали. Жалости, впрочем, тоже.

— Хайк,— помолчав, наконец представился ночной гость.— Друг Симеона... Вы, извините, случаем, не принцесса или королева будете?

— Нет.— Олия взглянула на Семена, тот кивнул — можно, мол, говори. — Я — внучка Главы Воровской Гильдии.— Девушка запнулась.— Воровка я. А зовут меня Олия.

— Очень приятно,— ожив лицом, с чувством ответил Хайк.— Очень! Я, Олия, с некоторых пор терпеть не могу ни принцесс, ни королев. Это здорово, что вы воровка, а не принцесса. Я рад.

Семен подошел ближе и внимательно оглядел приятеля: в остальном Хайк ничуть не изменился — такой же худой, такой же нескладный. Ну обтрепанный, ну патлы до плеч, нечесаные и немытые. Ну бородка свалявшаяся... С кем не бывает! Тем более если от жены ушел...

— Я не понял,— громко сказал Семен.— Ты действительно сам от Яны ушел или она тебя выгнала? Удалила от себя?

— Сам.— Хайк с остервенением почесал голову.— Пока тебя нашел, совсем запаршивел! Неделю за тобой по разным Мирам бегал, никак догнать не мог, фу-у... И вообще — за мной погоня! Жандармы-сыскари, чтоб им... Слушай, Симеон, я пойду искупаюсь, а? Мочи больше нету грязным ходить. После и поговорим. Ванная где?

— Там.— Семен ткнул рукой.— Только ты побыстрее, мы вот-вот удирать будем! Нас тут вскоре убивать собираются, так что долго задерживаться никак нельзя.

— Мне тоже нельзя,— на ходу кинул Хайк,— меня тоже скоро убивать будут,— и скрылся в ванной комнате.

— Интересная, господа, нынче ситуация получается,— воодушевленно известил медальон.— Архиинтересная! Ну, то, что ванная сегодня повышенным спросом пользуется, это ладно, мелочи... Кстати, Семен, может, и ты искупаешься, на дорожку? Нет? А, ну и ходи немытым, с табачным пеплом в шевелюре... Я вот о чем хотел сказать: странно все это, господа! Сначала на нас сваливается невинная дева, после беглый муж и — обратите внимание! — их обоих собираются в ближайшее время убить. И нас, кстати, тоже, заодно. Не слишком ли много происшествий за одну короткую летнюю ночь? И кто, хотелось бы мне знать, собирается лишить жизни нашего дорогого многопрофильного королька? Нашего непобедимого рубаку-парня? Ревнивая жена вместе с королевской гвардией? Или...

— Мар, не тарахти, как телевизор,— поморщился Семен.— Вот на все у тебя мнение есть! Особое и веское. Погоди, выйдет Хайк, объяснит, тогда и...

Он осекся: в дверь снова постучали, на этот раз аккуратно, негромко.

— Кто там? — зло крикнул Семен.— Чего надо?!

— Извините, уважаемый,— пролепетали за дверью,— это гостиничная администрация. Нам... мне поговорить с вами надо! У нас... мнэ-э... у меня дело особого, деликатного свойства... лично поговорить требуется, с глазу на глаз. Будьте любезны, откройте дверь!

— Отдыхаю я! — рявкнул Семен.— Завтра утром говорить будем.

За дверью завозились, кого-то с силой пихнули — раздался звук, словно по толстому кулю с мукой стукнули,— и в дверь снова постучали, но уже гораздо громче, гораздо. Ногой, наверное. Сапогом.

— Открывай, пля! — требовательно крикнули за дверью.— Это королевская жандармско-сыскная служба ее величества Яны Первой! Открывай, а не то дверь ломать будем!

— Господа, господа,— плаксиво зачастил администраторский голосок,— нельзя, зачем же вы так, дверь новая, в прошлом месяце ремонт делали.— Вновь раздался удар по кулю с мукой, и голосок, простонав: — Вы звери, господа! — утих. Теперь уже надолго.

— Олия, туда! — Семен махнул рукой в сторону ванной комнаты.— Бегом! — Схватив напоследок с журнального столика одноразовые серебряные перчатки, Семен тоже кинулся к ванной.— Мар, включай транспортное заклинание, убираемся отсюда домой... то есть в домик Кардинала!

В дверной замок уже били снаружи чем-то тяжелым, сильно били, наверное ногой: еще пара ударов, и новая дверь наверняка не выдержит. «Разве ж это дверь, смех один»,— на бегу подумал Семен.

Ванная комната, к счастью, оказалась незаперта: намыленный Хайк, включив краны на полную и потому не услышав панического вторжения, старательно оттирал лицо здоровенной банной мочалкой, сидя на краю полупустого бассейна. Ворвавшись следом за Олией, Семен подхватил с пола тяжелую холщовую сумку и, кинув в нее перчатки вместе с одеждой Хайка, скомандовал:

— Поехали! Олию с Хайком не забудь, понял?

— А то,— согласился медальон.— Само собой!

В гостиной что-то с грохотом упало, торопливо забухали по полу сапоги и...

Перенос произошел мгновенно: только что Семен стоял в ванной комнате, в облаках пара и брызг, а через секунду очутился уже в другом месте. Совсем в другом! Не в домике Кардинала. И даже не в том Мире, где находился тот домик.

— Оба-на! — растерянно сообщил очевидное Мар.— Однако мы не там, куда собирались. Я, кажись, здорово промахнулся. Почему? Ни хрена не понимаю...

Они стояли на песчаном берегу озера, большого и чистого; вокруг озера зеленел густой лес. Позади, за спиной Семена, в лесу щебетали птицы и тянуло оттуда сырой грибной прохладой; посреди озера, на каменном островке, высился замок, абсолютно черный, узкий и пугающе высокий. Выглядел замок странно оплывшим, без единого острого угла; верхняя часть высотного строения заметно скособочилась, как будто некогда замок ухитрился попасть под прицельный термический удар. Словно его долго и с удовольствием заплевывали огнем боевые драконы. Семен с тревогой глянул в небо.

Нет, это точно был не тот Мир, куда Семен ожидал попасть: в том Мире было всего одно солнце. Здесь же их было целых

три — одно большое, гораздо больше того, которое по утрам поднималось над березами, обступившими домик Кардинала, и два поменьше, потусклее, зависшие по обе стороны основного. Собственно, эти два солнышка не очень-то и тянули на громкое звание небесных светил — просто два довольно ярких пятна, не более. Возможно, это было всего лишь какое-то местное атмосферное явление вроде ложных зимних солнц, но Семена это зрелище ничуть не интересовало. Главное для него было то, что они удрали! Хотя и непонятно куда.

— Кто воду выключил? — крикнул Хайк, сидя на песке и слепо шаря вокруг себя рукой с зажатой в ней мочалкой.— Мыло глаза ест! Что за шутки... и бассейн куда-то подевался... Эй, что случилось? Где мы?

— Спокойствие, только спокойствие.— Семен торопливо ухватил намыленного приятеля за скользкую руку, поднял его и подвел к кромке воды.— Мы, Хайк, уже не в номере пансионата, а в ином Мире, и прямо перед тобой лежит целое иномирное озеро! Давай, топай вперед и быстренько домывайся... К нам жандармско-сыскная служба некстати приперлась, горячий привет от твоей жены принесла, так что пришлось уволочь тебя без предупреждения!

— А,— равнодушно сказал Хайк,— понятно. Вещи мои хоть захватили? — и, войдя в воду, побрел на глубину, оставляя за собой пенные островки.

— Захватили.— Семен потрусил сумкой, там глухо забрякало.— И куртку, и штаны, и сандалии, и все остальное. Полотенце забыли, ты уж не серчай.

Хайк, ничего не ответив, нырнул и скрылся под водой. Семен повернулся к Олии — та, стоя спиной к озеру, с отсутствующим видом изучала ничем не примечательное ближнее дерево. Семен тоже уставился на него, но тут вспомнил, что Хайк голый. Ага, понятно.

— Он там плавает.— Семен положил сумку на песок.— Моется. Когда будет выходить, тогда опять на деревья и посмотришь. А пока что...

Семен не закончил свою мысль, не успел: из глубины леса донесся отдаленный громовой всхрап, тут же перешедший в невнятное безостановочное бубнение. Казалось, там, в далеком лесном далеке, кто-то громадный — судя по силе голоса —

безостановочно шпарит речитативом что-то угрожающее, перемежая свои угрозы надсадным кашлем. Голос явно приближался, бормотание постепенно становилось достаточно членораздельным и даже местами приобретало смысл.

— Что это? — с испугом спросила Олия, невольно пятясь от стены деревьев.— Чудовище? Дракон-людоед?

Девушка оступилась и чуть не упала в воду, но Семен вовремя успел ее подхватить.

— Не думаю,— усмехнулся Семен, ставя Олию на ноги.— Вряд ли драконы говорят такое... Прислушайся!

Голос, в котором заметно проскальзывали жестяные нотки, в это время довольно отчетливо проревел:

— ...запрещается во избежание внезапного упадания! Также, граждане экскурсанты, категорически не можно...

Чего там категорически было не можно, ни Олия, ни Семен не услышали: голос заперхал и пропал, внезапно, как и возник. Словно его выключили.

— Гид-экскурсовод называется,— пояснил Семен.— С мегафоном и туристами. Сейчас появится.

Словно в подтверждение сказанного из-за ближних верхушек деревьев выплыла прямоугольная платформа. По размерам транспортное устройство походило на памятный Семену автобус «Икарус», только без кузова и без колес. Платформа опустилась пониже и неспешно полетела над берегом, издавая легкое кошачье мурлыканье.

На летающей платформе, уставленной двухместными сиденьями, было полным-полно экскурсионного народа. Барьеры-поручни по периметру платформы не позволяли излишне любопытным свалиться на землю, ограничивая тем самым право народного демократического выбора. На предмет внезапного упадания.

Впереди, на носу платформы, сидели водитель и, спиной к нему, обещанный Семеном гид-экскурсовод. В руках гид держал устройство, действительно похожее на мегафон — разница заключалась лишь в том, что вместо раструба у этого шумного устройства был рот, больше похожий на пасть, а вместо микрофона — ухо. Гид озабоченно ковырял мизинцем в ухе-микрофоне, поглядывая при этом то на экскурсантов, то по сторонам.

Заметив Семена и Олию, гид тут же поднес живой мегафон ко рту и оповестил всех, хотели они того или нет:

— А вот, граждане, местные аборигены! Чем живут, как живут — науке неизвестно! Видимо, на подножном корму или на случайной гуманитарной помощи. О традициях: в положенный день кормежки Огненной Рыбы-Зверя, обитающей в озере, один из аборигенов добровольно отправляется на съедение... Кстати, обратите внимание на человека в воде.— Экскурсовод глянул вниз.— Вам, граждане, неслыханно повезло! Именно здесь и сейчас вы станете очевидцами свершения древнего ритуала, видеть который дано не каждому! И помните— все это организовала вам экскурсионная фирма «Ужаснись», лидер туристического бизнеса Теневого Мира, самая лучшая фирма из существующих... Граждане экскурсанты! — рявкнула пасть.— Не скапливайтесь на одном борту, видно будет всем! Мы подлетим к месту ритуала, и вы...— Мегафон опять закашлялся и выключился; непослушные граждане столпились на переднем краю платформы, чуть не сбросив со своих мест водителя вместе с гидом, и, навалившись животами на предохранительные поручни, вовсю глазели на добровольного жертвенного аборигена. Жертвенный же абориген, не подозревая ничего худого, кролем чертил водную гладь озера, вовсю радуясь жизни.

— Хайк! — во всю глотку завопил Семен.— Плыви на берег! Кому говорю, плыви! Греби сюда!

Мегафон вновь ожил:

— Сейчас вы слышите ритуальные крики соплеменников, крики, долженствующие обозначать тревогу за жизнь соплеменника. Далее, после пожирания Рыбой-Зверем ее жертвы последует ритуальный плач и посыпание голов песком... Граждане! Да уймитесь же... Гра-а-а-ж...— Перегруженный нос транспортного устройства не выдержал веса скопившихся на нем людей: платформа резко накренилась, с треском сломались поручни, и экскурсанты посыпались в озеро, как пельмени в кастрюлю. Хорошо хоть, что произошло это у берега, на мелководье. Полегчавшая платформа вернулась в прежнее горизонтальное положение и недвижно зависла на месте — водитель, как и все, плескался в озере.

Первым на берег выбрался гид, с него текло ручьем. Став лицом к озеру, экскурсовод тут же бодро заявил через мегафон:

— Граждане! Все в порядке, ситуация под контролем! Неожиданное купание является плановой частью нашей увлекательной поездки! Вы лично смогли ощутить, какие чувства должна испытывать обреченная на съедение жертва... Попрошу без паники — Рыба-Зверь на мелководье не заплывает! Выходим организованно, весело и не забываем, что экскурсионная фирма «Ужаснись» всегда на страже интересов наших клиентов! И оправдывает свое название.— Голос у мегафона был сиплый, булькающий, наверное, в него изрядно натекло воды.

— Ну и пройдоха,— радостно изумился Мар.— Видал я пройдох, но такого... Ловко выкрутился! Наш человек, наш. Молодец!

— Эй, уважаемый,— Семен подошел к гиду, похлопал его по мокрому плечу,— насчет человеческих жертвоприношений— это, надеюсь, шутка? Фирменный рекламный трюк, да?

— Почему же трюк,— гордо возразил экскурсовод, повернувшись к Семену.— У нас все честно! Каждый опасный сектор других Миров, временно сброшенный в Тень, то есть помещенный на хранение к нам, в Теневой Мир, остается в полной неприкосновенности. Какой есть, такой и есть! Нам обман ни к чему, мы — фирма солидная, с многолетними традициями. А вы... э-э... собственно, кто такой?

Гид с подозрением оглядел Семена: тот все еще был в трико и на экскурсанта никак не походил. Не тянул.

— Имперская этнографическая экспедиция,— небрежно ответил Семен.— Собираем легенды, сказки, тосты... Я — начальник экспедиции. Вас что, не предупредили? Упущение, упущение... Кому-то крепко не поздоровится! У нас, понимаешь, научный эксперимент в полном разгаре: Огненную Рыбу-Зверя выманиваем, для налаживания вербального контакта, а тут шум, гам! Авария с вываливанием тел! Непорядок. Надо будет доложить.— Судя по всему, гид не знал, что такое «этнография» и «вербальный» и какое такое отношение имеют сказки и тосты к местному чудовищу, но «Имперская экспедиция» и «не поздоровится» он понял.

— Мы действуем согласно договору,— засуетился гид,— у нас лицензия! И налоги вовремя отчисляем! Зачем же так

сразу — доложить... Вы же на работе, и я на работе. Договоримся, надеюсь?

По лицу экскурсовода расплылась такая заискивающая и многозначительная улыбка, что Семену нестерпимо захотелось немедленно получить у него взятку. Но это не входило в его планы. Впрочем, пока что у Семена не было вообще никакого плана. Пока что.

— Вы людей принимайте,— Семен поглядел в сторону озера,— да телегу свою на землю опустите, если можете, чего она наверху болтается... Еще ветром угонит. Давайте, действуйте.

Экскурсовод беспрекословно повиновался, признавая право Семена командовать собой. Видимо, сработал безусловный рефлекс подчинения, разбуженный громким и непонятным званием Семена: перечить начальнику этнографической экспедиции гиду было не с руки. Вместо этого он поднял свой мегафон и начал отдавать булькающие распоряжения, призывая граждан экскурсантов организованно построиться на берегу, проверить, все ли на месте, не утоп ли кто с испугу — ха-ха, шутка! — а некоему Вовчиду приказал как угодно, но опустить платформу на землю для удобства посадки пассажиров и продолжения оплаченной экскурсии.

Последним на берег вышел Хайк. Не обращая внимания на шокированных его видом экскурсантов, он попрыгал на одной ноге, вытряхивая воду из уха, после чего достал из сумки свои вещи, вытерся курткой и стал одеваться. Олия опять принялась разглядывать деревья, а Семен направился к товарищу.

— Как там? — вполголоса спросил Семен.— Все нормально? Говорят, в озере какая-то рыба-зверь живет, огненная. Весьма опасная! Ей, говорят, регулярно жертвы приносят... Людей она харчит, вживую.

— Огненная? То-то вода такая теплая.— Хайк надел сырую куртку, отряхнул прилипший к ней песок.— Даже вылезать не хотелось... Насчет звериной рыбы не знаю, но какая-то дрянь там и впрямь обитала. Цапнуть меня за ногу пыталась, когда я нырнул! Большая дрянь, зубастая...

— Ну а ты что? — Семен вздрогнул, представив себе Хайка с откушенной ногой.

— Да ничего особенного.— Хайк глянул на озеро.— Мочалку ей в глотку забил, и все дела. Пасть большая, а глотка маленькая, надо же! Забавно. Задохнулась уже, поди, ежели без жабр... Мочалку жалко.— Хайк осуждающе покачал головой.— Хорошая мочалка была! Жесткая.— Посчитав тему разговора исчерпанной, он поднял сумку и нацепил ее на плечо.

Водитель платформы каким-то образом ухитрился опустить свое транспортное средство на берег. Мокрые экскурсанты, обсуждая неожиданное происшествие — кто со смехом, кто с руганью,— спешили забраться на платформу, подальше от опасного озера с ужасной Огненной Рыбой-Зверем.

— Симеон.— Кто-то коснулся плеча Семена, он повернул голову: рядом стояла Олия.— Попроси этого гида, пусть он нас отвезет на каменный остров с замком, а?

— Зачем? — Семен с неприязнью глянул на оплавленный замок.— Чего нам там делать-то? Горелый, как Останкинская башня, явно нежилой... Подозрительный и опасный. Вот еще!

— Ну я тебя очень прошу.— Олия умоляюще сложила руки у груди.— Я потом объясню, времени нету: они уже взлетать собираются!

— Гражданин экскурсовод! — крикнул Семен.— Задержите вылет! Мы отправляемся с вами.

И вся троица бегом припустила к платформе. Гражданина экскурсовода это не сильно обрадовало, но вылет он все же задержал. Олия и Хайк прошли в глубь транспортного устройства, а Семен задержался возле гида.

— Шеф, до острова подкинь.— Семен ткнул пальцем в сторону черного замка.— Экспедиция переносится туда по секретным техническим причинам... Кстати, а замок не опасен?

— Кто ж его знает? — Гид, прикрываясь от солнца ладонью, посмотрел на замок.— В моем маршрутном списке ничего о нем не сказано. Может, и опасный... да здесь все опасно! Иначе с чего бы народ сюда так ломился, на безопасные пейзажи и в других Мирах полюбоваться можно... Вовчид, притормозишь над островом, но к замку близко не подлетай, на всякий случай... Граждане! — Гид поспешно схватил мегафон.— Посмотрите вниз! Вот она, знаменитая Рыба-Зверь во всем своем ужасающем великолепии! Какая пасть, какие зубы! Вовчид, сделай круг.

Семен перегнулся через бортик и тоже глянул вниз.

Рыба-Зверь была похожа на морскую хищную барракуду, только гораздо крупнее и с многочисленными когтистыми лапками по бокам. Сейчас Рыба-Зверь мирно плавала в озере, не проявляя никакой агрессии,— плавала вверх брюхом, поджав скрюченные лапки и выпучив в небо остекленелые глаза. Из открытой пасти Рыбы-Зверя торчал край банной мочалки.

— ...Коварная Рыба-Зверь, не получив долгожданной жертвы, всегда притворяется мертвой в надежде поживиться птицами-трупоедами,— уверенно продолжал гид с видом знатока-натуралиста.— Как видите, получается у нее это весьма успешно... Очень похоже, очень! Но будьте бдительны — стоит зазеваться и...

Кто-то из экскурсантов бросил вниз пустую бутылку из-под пива, та звучно стукнула Рыбу-Зверя по голове, но Рыба-Зверь все равно продолжала коварно притворяться дохлой. Весьма успешно, как сказал умный гид.

Ничуть не смутившись, гид продолжал:

— А следующей целью нашего осмотра будет новинка, жуткая и смертельно опасная, изъятая из одного мертвого Мира, где нынче проводятся исследовательские работы,— это громадный плотоядный рот с глазами, который жрет всех подряд! Предупреждаю: платформу не переворачивать, рот не дразнить, бутылками в глаза не швырять! Нарушитель будет крупно оштрафован по возвращении на базу... или оставлен в том секторе, где он нахулиганил. В виде наказания.

Гид ухмыльнулся не менее плотоядно, чем ожидающая осмотра новинка.

— Тэкс,— сказал Мар.— Значит, забрался-таки гражданин Шепель в мавзолей легионеров! Вот же настырный какой, дурачок археологический... Что ж, поделом ему! В следующем перерождении будет знать, как других подставлять.

Медальон, неожиданно придя в хорошее расположение духа, принялся весело насвистывать что-то мрачно-заунывное. Похоронный марш, наверное.

Остров приближался. Платформа вошла в тень от оплавленного замка, и сразу стало зябко, неуютно. Экскурсанты притихли, задрав головы и настороженно разглядывая зловещее черное сооружение; транспортное устройство миновало береговую линию и нерешительно заколыхалось на месте.

— Снижайся,— нервно приказал гид водителю, и тот быстро опустил платформу на каменный берег.

— Большое вам спасибо.— Семен крепко, от души пожал руку гиду.— Ваш вклад в развитие имперской этнографии поистине неоценим! Наука в моем лице выносит вам благодарность.

Семен спрыгнул с невысокой платформы на берег, следом за ним спрыгнули Олия и Хайк; платформа тут же поднялась вверх и, увеличив скорость, пошла по дуге, огибая остров с замком. Последнее, что заметил Семен, был взгляд гида: тот смотрел на начальника этнографической экспедиции скорбно, как на покойника. Возможно, гид знал больше, чем сказал Семену... Во всяком случае, взгляд Семену не понравился.

— Что ж, господа этнографы,— Семен упер руки в боки, глядя на друзей,— поздравляю вас с прибытием на необитаемый остров. Только я понятия не имею, зачем он нам... Олия, ты ничего не хочешь объяснить?

— Чуть попозже, хорошо? — Девушка смотрела на черное здание во все глаза.— Я схожу проверю, тот ли это замок или не тот, а вы пока располагайтесь...

Она, не оборачиваясь, скорым шагом направилась к оплавленному строению.

— В каком смысле — тот или не тот? — крикнул ей вслед Семен, но Олия не ответила.

Семен повернулся к Хайку и пожал плечами: мол, ничего не понимаю. Потом махнул рукой:

— Давай и впрямь располагаться. Устал я что-то... Эх, поесть бы сейчас хорошенько, а потом поспать! Но с едой у нас напряженка вроде бы... Мар, точно ничего съедобного нету?

— Ну-у,— в задумчивости протянул медальон.— Даже и не знаю, как тебе ответить... Человеческого — нету. Кроме черствых пирожков в количестве трех штук, причем два из них надкушены...

— Да? — заинтересовался Семен.— А нечеловеческая еда — это что?

— Кошачьи консервы,— доложил Мар.— В смысле, консервы для кошек, мясные. Мы когда-то промышляли поставками поддельной тушенки: этикетки переклеивали и продавали кошачий корм как тушеную говядину. Вот пяток банок завалялось...

— Давай пару, на пробу,— решился Семен.— Кошка дрянь есть не будет! Значит, и для нас сойдет, за неимением ничего другого. Давай-давай, а то жрать хочется до невозможности!

— Как пожелаешь,— грустно сказал медальон.— Но учти — какую-либо ответственность за возможные хреновые последствия я на себя не беру. Сам попросил!

— Какую ответственность? — насторожился Семен, разглядывая появившиеся у его ног консервные банки.— Отравиться можем, что ли?

— Не. А ну как вы мяукать после начнете и хвостами обзаведетесь? — расхохотался Мар.— Пушистыми, трубой!

— Шутник,— буркнул Семен, присаживаясь.— Остряк. Слушай, комик ты наш, а кошачьего пива у тебя, случаем, нету? До кучи.

— Брага есть,— все еще похихикивая, ответил медальон.— Но вы ж такое не пьете! Ни ты, ни Хайк.

— Давай брагу.— Семен уселся по-турецки, открыл банку, дернув за кольцо на крышке.— И стаканы давай! В походных условиях и не такую дрянь пить можно... А она не слишком гнусная?

— Не слишком,— заверил Мар.— Блевать, думаю, не будете.

...Семен и Хайк сидели на берегу, пальцами выковыривая из банок кошачий корм и регулярно чокаясь граненными стаканами: объемистая бутыль с мутным пойлом была уже на треть пустой. Олия все не возвращалась, и Семен уже начинал беспокоиться, но пускаться на розыски пока что не стоило — вряд ли за прошедшие полчаса с ней могло что-нибудь произойти. Вряд ли. Не маленькая ведь! Походит, посмотрит и вернется...

— Слушай, Хайк,— Семен проглотил очередной безвкусный кусочек мяса, в который раз удивившись, почему кошки так любят эти дурацкие консервы,— и все же, если не секрет, почему ты удрал от Яны? Конечно, можешь не отвечать, если не хочешь, но все же?

Хайк помолчал, заглянул в свой пустой стакан, налил браги себе и Семену, все молча. Потом чокнулся с Семеном, выпил и сказал:

— Я, друг Симеон, был нужен ей не как муж, а как палач-телохранитель, как наказатель государственного масштаба, вот таким образом... Эдакий король-убийца, всенародное пугало,

которым непослушных детей стращают! Плохой король и хорошая королева, н-да...

— Не понял.— Семен уставился на Хайка поверх стакана.— Ничего не понял!

— Чего ж тут непонятного? — Хайк сосредоточенно выуживал из банки закуску.— Опоила она меня чем-то, пока ты ей подарок к коронации искал, я и перестал соображать: что говорила мне, то и делал... Мы, кстати, так и не повенчались— я как раз перед свадьбой удрал. Очнулся и удрал.

У Яны, между прочим, любовник есть, какой-то хлыщ из придворных... А может, и не он один, запросто! Я раньше не замечал всего, вернее замечал, но не понимал, а уж когда отпустило, тогда да, вспомнил и понял.

Хайк вытрусил из банки остатки кошачьей еды, кинул их в рот, глянул на Семена и неожиданно подмигнул ему.

— Ни фига себе...— Семен был ошеломлен.— Вот так скромница, вот так принцесса-одуванчик! А я-то и подарок ей особый, и наилучшие пожелания... Какой же дурак! — Семен расстроенно покачал головой.— Ну и дамочка! Зараза в юбке.

— Дамочка еще та,— с серьезным видом сказал Хайк.— Очень себе на уме... Я, Симеон, последнее время ни с того ни с сего тосковать начал. Вроде все славно: и свадьба скоро, и невеста-красавица, и королевскую мантию уже мне шьют, а— тоска! Словно не жениться я собрался, а вешаться... Ну, я по старой привычке раздобыл кой-каких травок, однажды вечерком набил ими трубочку и покурил чуток, для поднятия настроения. Курю и чувствую: что-то со мной происходит, словно какая тяжесть с плеч сваливается — от травы, правда, несколько другой эффект должен быть, ну да ладно, все одно хорошо! Докурил я трубочку и... И пришел в себя. То есть все вспомнил, в один миг — как Яна мной надменно командовала, хоть бы раз слово ласковое сказала... ухмылки-перемигивания придворных и шепоток за спиной вспомнил... и то, что Яна категорически запретила мне сегодня к ней в опочивальню заходить. Впрочем, она меня туда и не пускала никогда... ты понимаешь, о чем я.— Хайк криво усмехнулся, плеснул себе браги в стакан, выпил залпом.— Я взял и прямиком направился в ту опочивальню, плевать мне было на приказ, очень уж сильно я разозлился! Там-то все и увидел... Яна с дружка своего соскочила— как была разгоряченной, так и соскочила, в глаз мне с размаху врезала, еще и ногтями прошлась.— Хайк потрогал щеку.—

Говорит: «Пшел вон, скотина!» Я развернулся и пошел... Ну не убивать же ее, в самом деле! — Хайк с тоской посмотрел на Семена.— Женщина как-никак! Хотя и змея подколодная... Переоделся я в свое, забрал сумку с шаром предсказаний из сокровищницы, деньжат еще прихватил на дорожку и отправился тебя искать. На том, Симеон, моя королевская женитьба и закончилась.

Хайк, не замечая того, сжал в кулаке пустую консервную банку, та хрустнула; несостоявшийся жених швырнул жестяной комок за спину.

— Ситуация, блин,— вздохнул Семен.— Единственно, что радует,— это то, что ты вовремя в себя пришел, не натворил зверств с подачи Яны Первой, доброй и всемилостивой! Эх, Яна, Яна...— Семен рассеянно покатал стакан в ладонях.— Вон почему за тобой жандармы-сыскари бегали-то! Мстила тебе Яночка, факт... Кстати, а как они тебя нашли?

Вместо ответа Хайк распахнул куртку и ткнул себе в грудь: там висели два медальона, один знакомый Семену — круглый, размером со стандартный имперский жетон, дымчато-золотистый и полупрозрачный, личный жетон Хайка, другой прямоугольный, стальной, с вычеканенной на нем зубчатой короной. Семен хмыкнул, почесал в затылке и признался:

— А я его в упор не заметил, даже когда ты купался. Хотя тогда вовсе не до разглядываний было, с той развеселой экскурсией! С самоупадательной.

Хайк снял с шеи цепочку с прикрепленным к ней прямоугольным жетоном, подбросил его пару раз на ладони, словно примериваясь, и неожиданно швырнул тяжелый медальон далеко в озеро. Стальная пластинка сверкнула красной искоркой в лучах заходящего солнца и беззвучно ушла в воду.

— Королевский медальон с транспортными заклинаниями мне Яна на грудь повесила,— хмуро объяснил Хайк.— Собственноручно. Чтобы я мог по ее приказанию вершить суд и расправу там, где она посчитает нужным. И не только в ее королевстве! И не только в Изумрудном Мире... Сказала, что по этому замечательному подарку она меня всегда сможет отыскать, если я ненароком заблужусь в других Мирах. Такая, черт ее побери, трогательная забота.— Хайк зло сплюнул.— Я бы от него раньше избавился, но тебя надо было найти... А теперь пусть меня в этом озере ищут! Авось решат, что я утонул.

— Из всего сказанного меня удивило лишь одно,— с усмешкой в голосе поведал Мар.— Не двуличность нашей зеленоглазой королевы, нет, это для настоящего монарха в порядке вещей и является свойством естественным, как яд у гадюки... Удивило меня то, что наш друг ухитрился самостоятельно освободиться от чар любовного зелья. Повезло мужику! Оно, конечно, всякую разную дурман-траву курить вредно, врачи не советуют, но если от нее просветление в мозгах наблюдается, причем радикальное, то отчего ж и не покурить? Семен, ты название травки на всякий случай узнай: ежели и тебя любовная хандра ненароком скрутит, забьешь косячок, пару раз полезного дымку глотнешь — и порядок! Снова веселый и холостой.

А еще, Семен, спешу тебя обрадовать: судя по всему, плакал наш неограниченный кредит от Яны! И хрен с ним, выкрутимся,— с присущим ему оптимизмом пообещал медальон.— Для начала деньжата есть, у тебя и у Хайка, а там посмотрим... Может, еще какую королеву подцепим и на кредит раскрутим! Долго ли умеючи.

— Эт-точно,— согласился Семен и зевнул.

Потом зевнул еще раз.

— Хайк,— сонно произнес он,— что-то я притомился, больно уж день суетной и длинный выдался! Отдохну чуток... Ты, когда Олия придет, разбуди меня, ладно?

— Обязательно.

Хайк пододвинул к себе ополовиненную бутыль с крепкой брагой, налил стакан и в задумчивости уставился на озеро, думая о своем; рубиновое вечернее солнце опускалось за далекий лес, уводя с собой такие же рубиновые ложные светила; было тихо-тихо, как в ночном музее.

Семен лег на спину, сложил руки под головой и немедленно уснул — крепко, безмятежно... И спал долго, без сновидений.

Пока в озере не взорвалась Рыба-Зверь.

ГЛАВА 4
Сонный Лабиринт: Ищем Магическую Помощь!

Семен проснулся от взрыва резко, сразу. Проснулся и сел.

Ночь наступила давно: все небо было усыпано звездным крошевом, плотно, как морской пляж галькой. Маленькая луна

с двумя ее блеклыми спутницами-дублями терялась на фоне ярких звезд. Далекий черный лес спал.

А на полпути к лесному берегу опадал водяной бугор: от бугра шли крупные волны, раскачивая и ломая отраженное небо; там и тут неспешно всплывала брюхом вверх оглушенная рыба. Рыбин было много, и крупных, и мелких. Разных.

— Что случилось? — хриплым со сна голосом спросил Семен.— Где Олия?

Он огляделся: неподалеку сидел Хайк, взлохмаченный, явно спросонья, как и Семен.

— Не знаю,— так же хрипло ответил Хайк.— Извини, я тоже задремал, бражка меня усыпила. Ну-ка...

Хайк вскочил на ноги, подошел к озеру. Семен откашлялся, встал и тоже побрел к воде — очень пить хотелось. Пока Хайк внимательно рассматривал то место, где случился взрыв, Семен зашел в воду, напился, черпая из озера сложенными ковшиком ладонями, умылся. Выходя на берег, он наступил на что-то упругое, круглое: с испугу шарахнулся было в сторону, но остановился и пригляделся. Это была скрюченная когтистая лапа Рыбы-Зверя, одна из многих — взрывом ее закинуло аж на берег. Подобрав лапу, Семен направился к Хайку.

— Вот,— сказал он, кинув к ногам Хайка свою находку.— Остатки диверсанта-взрывника. Узнаешь?

Хайк присел на корточки, потрогал пальцем один из длинных когтей, глянул на Семена снизу вверх:

— Ну и что?

— Что, что... Рыба-Зверь взорвалась, вот что. Она же внутри огненная! Сдохнуть сдохла, а огонь, видать, не погас — вода в нее просочилась, вот Рыба-Зверь и рванула, как перегретый паровой котел.

Семен посмотрел по сторонам: Олии нигде не было видно. Если б она спала где-нибудь неподалеку, то, услышав взрыв, обязательно проснулась бы и пришла. Значит, Олия не здесь, а скорее всего...

— Пошли, Хайк, в черный замок, Олия наверняка там!

Семен повернулся и ткнул рукой в сторону того замка, ткнул и застыл, не веря своим глазам: замок был вовсе не черный! Возможно, на него так подействовал звездный свет, возможно, лунный, но, как бы то ни было, мрачная постройка

светилась насыщенным синим цветом, по оплавленным стенам текли легкие голубоватые всполохи, и напоминал сейчас замок некую высоковольтную установку в рабочем режиме. Генератор Ван-де-Граафа на двадцать мегавольт, например, полностью заряженный и готовый к употреблению.

— Была у нас экспедиция этнографическая,— упавшим голосом сказал Семен,— а станет натурально спасательная... Хайк, ты ничего странного с замком не замечаешь?

— Ничего,— с задержкой сообщил Хайк.— Я и сам замок-то еле-еле вижу, слишком он черный!

— Ага,— зябко передернул плечами Семен.— Понятно. Магия, значит... Сильная магия! Вот черт!

Он торопливо зашагал к электрическому синему зданию. Хайк топал сзади, негромко звякая на каждом шагу золотом в сумке: в тишине металлическое бряцанье напоминало звон кандальных цепей и сильно раздражало Семена, ему невольно представились сморщенные от старости призраки в нестираных вонючих саванах, с обрывками ржавых цепей на костяных руках-ногах, призраки, обитающие в замке. Они деловито расчленяли Олию на кусочки в то время, пока Семен беспечно дрых. Семен глухо застонал от отвращения к самому себе.

— Что, зуб болит? — участливо поинтересовался Мар, но Семен не ответил, и медальон не стал больше спрашивать.

Вход в замок нашелся сразу, видно его было издалека. Высокий, арочный, без дверей и намного ярче, чем стены, он был похож на обычный проход во двор сквозь корпус жилого дома, любимое место ночных алкоголиков и хулиганов. К сожалению, таких личностей никак не предвиделось... Эх, если б все дело ограничилось лишь стычкой с пьяным хулиганьем, Семен и переживать бы не стал: уж как-нибудь разобрались бы, тем более что Хайк и в полной темноте драться умеет, на звук. Увы, к тому, что ожидало Семена внутри замка, вряд ли можно было применить боевое мастерство... Оставалось надеяться на себя, на свое умение. И на удачу.

Семен подошел ко входу, внимательно его осмотрел. Никаких магических ловушек тут не было, скорее всего они располагались в замке — как же без ловушек, да в таком месте? Семен вошел под арку и остановился, изучая обстановку; Хайк, почему-то неуверенно, последовал за Семеном.

В замке имелся один-единственный зал, просторный, словно выставочный павильон на международной торговой ярмарке. Не было в зале никаких верхних этажей и перекрытий, окон и настенных драпировок, какой-либо мебели тоже не было — голое функциональное помещение, абсолютно пустое и невероятно высокое, залитое ровным сине-фиолетовым светом, от которого у Семена немедленно заслезились глаза.

Чуть дальше от входа необъятный зал перегораживали многочисленные прозрачные стены, высокие, до потолка, перегораживали на первый взгляд как попало; где-то там, далеко, сквозь магические перегородки было видно массивное возвышение, похожее на алтарь, от него-то и исходило это жгучее сияние. Не надо было быть семи пядей во лбу, чтобы понять: в зале устроен лабиринт, запутанный и смертельно опасный. Но в чем была его опасность, Семен пока не знал.

На полу, среди прозрачных стен, там и сям лежали мертвецы. Некоторые из них уже истлели, превратившись в скелеты, некоторые мумифицировались и напоминали собой плохо сделанные восковые куклы. Как понял Семен, в мумии превратились те, кого угораздило помереть аккурат в том месте, где проходила какая-либо магическая стенка.

Олию отделяла от алтаря примерно треть расстояния, если по прямой. Она лежала, свернувшись калачиком, словно шла, шла, устала да и прилегла отдохнуть. Семен перевел дух, попытался успокоиться — его вдруг ни с того ни с сего начала бить нервная дрожь, совершенно не вовремя.

— Видишь? — шепотом спросил Семен, обращаясь к одному Хайку, но ответили ему оба, и Хайк, и Мар:

— Нет, Симеон, ничего не вижу, мрак кромешный!

— Кажись, там что-то синенькое фиолетит... Я ж не такой глазастый на волшебство, как ты! Но ощущаю — магии здесь до фига и больше... Свет включить?

— Внимание! — Семен повел плечами и глубоко вздохнул, унимая дрожь.— Хайк, стой на месте и ничего не предпринимай, что бы ни случилось! Просто стой и наблюдай: если будет надо, я тебе крикну.... Мар, давай освещение! Начинаем работу.

В ту же секунду в зале стало гораздо светлее. Не так, как в солнечный день, скорее как в ненастные вечерние сумерки, но и этого освещения хватило, чтобы Хайк увидел то же самое,

что и Семен,— кроме магических перегородок, разумеется. Черепаховый боец коротко выругался.

— Охренеть можно,— изумился Мар,— и ты в эту жуть полезешь? Не знаю, что ты там видишь, но меня количество дохляков на погонный метраж пола впечатляет! Ты уж поосторожнее, ладно? Не хотелось бы...

Чего ему не хотелось, медальон не сказал, но и так было понятно.

Семен подошел к прозрачным стенам, постоял немного, покачиваясь с носка на пятку и прикидывая, с чего начать, потом неспешно прошелся вдоль извилистой границы, за которой притаился в ожидании следующей жертвы магический лабиринт: Семен воспринимал его как живое существо. Живое, коварное и тупое.

Лицевые плоскости лабиринта сходились под разными углами, порой между ними был небольшой зазор, но пролезть в те щели Семен не мог, не таракан, чай! Надо было искать или щель пошире, или вход, если он имелся.

— А, вот ты где.— Семен остановился возле одной из перегородок: на ней явственно проступал четко очерченный прямоугольный контур размером с обычную дверь. Проступал, но сам входной проем был закрыт, запечатан той же магией, из которой были созданы стены-перегородки.

— Что у нас тут?

Семен присел на корточки возле закрытой двери и принялся ее тщательно осматривать, выкинув из головы все посторонние мысли и прикусив от усердия нижнюю губу: работа предстояла еще та! С такими колдовскими запорами Семен никогда раньше не сталкивался...

Собственно, ничего сложного на первый взгляд не было: дверь покрывали небольшие матовые квадраты, разбросанные как попало, на которых имелись разные буквы — на каждом прямоугольнике по одной. Судя по всему, из тех букв надо было сложить некое слово или фразу, тогда дверь наверняка откроется, но какую? Семен прикоснулся к одному из квадратов пальцем, тот послушно сдвинулся с места.

— Мар, возникла небольшая проблемка,— вполголоса сказал Семен.— Замочек у двери не простой, а текстовый! Ты медальон опытный, мудрый, так что давай, подключайся! Я

тебе продиктую буквы, а ты попробуй придумать из них что-нибудь осмысленное... Буквы-то не забудешь?

— Склерозом не страдаю,— горделиво ответил Мар.— Диктуй! Авось справлюсь! Один из моих хозяев, грамотей, я тебе когда-то о нем рассказывал, очень любил всякие шарады и головоломки разгадывать, ну и я заодно в них поднаторел.

— Тогда слушай.

Семен принялся зачитывать буквы вслух. Букв было немного, на одно предложение от силы, но это предложение могло оказаться каким угодно!

— Думаю, что всякие ругательства можно сразу отбросить,— предположил Семен, закончив недолгое чтение.— И патриотические лозунги тоже. И стихи заодно, вряд ли создатель лабиринта стишатами баловался, не тот случай... Должно, по-моему, получиться что-то вроде: «Сезам, откройся!» Чтобы коротко и по существу.

— Буду соображать,— пообещал Мар,— только не отвлекай меня! Комбинируй, пробуй, а меня пока не отвлекай.

Медальон едва слышно принялся бормотать что-то маловразумительное: он уже приступил к решению неожиданной задачи.

Семен принялся двигать квадраты так и сяк, но все время выходила какая-то ерунда. Промучившись с полчаса, Семен решил немного передохнуть, хотя бы минутку. Он сел, обхватив колени руками, и с ненавистью уставился на текстовый замок.

— Что-то не так? — спросил издалека Хайк.— Симеон, помощь не требуется?

— Сейчас ты мне не помощник,— уныло ответил Семен.— Замок гадский никак открыть не могу! Хитрый, понимаешь... Какой-то пароль набрать нужно, я пытаюсь, а ничего не получается... Полная бессмыслица из букв складывается! Хоть так, хоть эдак.

— Ты извини, что я не в свое дело лезу, но должен заметить, Симеон, что пароль совсем не обязательно должен быть осмысленным,— уверенно сказал Хайк.— Порой чем он абстрактней, тем надежней!

— И что же делать? — Семен обернулся.— Эдак я до самой старости ковыряться с тем алфавитом буду! До потери зубов и полного облысения.

— Вообще-то, если замок нельзя открыть, его ломают. Или вышибают.— Хайк присел на корточки, покопался в сумке.— Слушай, а может, шар предсказаний как-то использовать можно? Давай я в него посмотрю, вдруг какую подсказку увижу? Что-нибудь нестандартное.

— Смотри,— рассеянно ответил Семен.— Почему бы и нет?..— Он оживился.— Нестандартное, говоришь? Хм, а в этом что-то есть! Помню, был у меня кубик Рубика, игрушка такая с подвижными разноцветными гранями, я его все никак собрать не мог, не получалось. Тогда я взял, сорвал с него все разноцветные наклейки и переклеил их по новой, так, чтобы кубик выглядел как собранный.

— А зачем? — поинтересовался Мар, тут же охотно перестав бормотать: ему, как и Семену, до чертиков надоело биться над неразрешимой загадкой.— Смысл какой?

— Больно он меня раздражал, несобранный.— Семен поднялся на ноги.— Переклеил и больше к нему не возвращался... я его на пачку жвачки потом обменял.

— И к чему ты клонишь? — устало спросил медальон.— Не вижу связи!

— Я тоже не вижу,— заверил его Семен.— Но попробовать надо!

— Чего попробовать? — Мар совсем запутался.— Кубики, наклейки, жвачки... Ничего не понимаю!

Семен промолчал: он в это время старался подцепить ногтем один из квадратов, но тот скользил по дверной плоскости, уходя от пальца. Семен придержал непослушный прямоугольник другой рукой и осторожно, понемногу, принялся отдирать магическую нашлепку ногтем от двери. Наконец это ему удалось: квадрат с буквой остался у Семена в пальцах, а на двери вместо той оторванной буквы возникло отверстие — вначале маленькое, размером с бывший квадрат, оно быстро разрасталось, и через пару секунд в двери зияла брешь с ладонь величиной. Тем временем квадрат в руке Семена бесследно растаял.

— Вот так,— Семен довольно щелкнул пальцами,— и никак иначе! Народ, пошла вода в хату.— Он отодрал следующий квадрат, в этот раз все получилось быстрее, сказался опыт.—

Еще триста сорок шесть ведер, дорогой Карабас Барабас, и золотой ключик у нас в руках!

— Час от часу не легче,— огорчился Мар.— Семен, у тебя с головой в порядке? Уже и ключик какой-то приплел... Золотой?! Где?!

— Где-то в болоте.— Семен неопределенно мотнул головой, не отвлекаясь от работы.— У черепахи Тортилы в сейфе заначен.

— Тогда Хайк должен ее знать,— сделал вывод медальон.— Он из клана Болотной Черепахи, стало быть, наверняка о твоей Тротиле слышал, или как ее там... А Тротила — она тоже боец?

— А то,— многозначительно сказал Семен.— Непобедимый! Ее все лягушки в болоте опасаются, как даст лапой по башке— и конец. Квакнуть не успеешь!

— Э, да ты пошутил! — понял медальон.— Хе-хе, смешно! А кто такой Карабас? Из наших, из воров? Забавная кличка.

— Потом объясню.— Семен поддел ногтем очередную букву.— Не до сказок мне сейчас... Видел бы ты, во что дверь превратилась! Сплошная дыра, а не дверь.— Он отодрал последний волшебный квадрат, отряхнул руки и, обернувшись к Хайку, крикнул:

— Готово! Ну я пошел! — и шагнул в дверной проем.

— Удачи! — ответно крикнул Хайк, пряча шар предсказаний в сумку.— Все будет хорошо, я видел! В трех случаях из пяти, правда, но это дает надежду... Ты, главное, стенок не касайся ни в коем случае!

— Уговорил, не буду!

Семен мысленно перекрестился и отправился в путь. Первые шаги дались с трудом, казалось, что опасные стены намагничены и притягивают к себе, но это просто разыгралась фантазия. Немного освоившись, Семен зашагал увереннее — коридор лабиринта был достаточно широк, в нем вполне могли разойтись два человека.

Вскоре коридор разветвился. Семен выбрал то направление, которое вело к лежащей на полу девушке, однако выбор оказался неудачным, через десяток шагов коридор повернул совсем в другую сторону и вновь разветвился... Семен решил не глу-

пить, иначе заблудится напрочь, а держаться одной стороны — рано или поздно, но он все равно придет к Олии!

Так Семен блуждал почти час, то приближаясь к девушке, то удаляясь от нее — казалось, что лабиринт бесконечен, хотя это было вовсе не так. В конце концов у Семена возникло неприятное ощущение, что его попросту «водят». А что, если стены могут сами по себе перемещаться, напрочь меняя планировку лабиринта? Тогда блуждание по этим опасным закоулкам затянулось бы очень надолго. Что Семена никак не устраивало.

Он уже хотел было поделиться своими опасениями с Маром, когда неожиданно вышел в длинный прямой коридор, упиравшийся в самосветный фиолетовый алтарь. Алтарь сиял настолько свирепо, что Семену пришлось смотреть на него сквозь щелку между пальцами.

— Так-так,— оживился Мар.— Здорово! Пошли мы, значит, за водицей, а нам вина налили, ха! Семен, давай-ка сходим к этой фигне, глянем, чего там и как. Сдается мне, что ждет нас там нехилый сюрприз, но не знаю какой.

— Мне Олию вытаскивать надо,— хмуро возразил Семен.— К черту те сюрпризы, и без них уже тошно...

— Семен, ты не прав.— Мар был непреклонен.— Сам посуди, на хрена этот запечатанный лабиринт был создан? Ясен пень, чтобы никто к столу не подошел!

— К какому столу? — Семен прищурил глаза, но и так — с прищуром и сквозь пальцы — он все равно не смог разглядеть ничего определенного в обжигающем сиянии.

— Стол там каменный,— великодушно пояснил Мар.— На столе железный стакан обычного вида... Бутылку и закуску не вижу, наверное, выпили и за ножку пустую тару сунули. А закусь сожрали! Э, небось и тут алкаши побывали, ох и пронырливый народец! Везде они есть, мерзавцы, даже в колдовских лабиринтах водятся... О чем это я сказать хотел? А, вспомнил. Мне так кажется, что ежели подойти к тому столу, то лабиринт должен исчезнуть — ты ведь достигнешь цели, ради которой все это отгрохали! Ну, может, еще чего сделать придется: колдовство какое порушить или очередной дурацкий пароль взломать, типа свой приход отметить, так это ж запросто! Мы уже опытные. Ну и сюрприз забрать, если он там

есть, если алкаши его не уперли... Не зря же ты битый час жизнью рисковал, заслужил!

— Эт-точно.— Семен потер глаза, слезы от сварочного сияния текли не переставая.— Заслужил, факт. Давай попробуем, может, и впрямь лабиринт исчезнет... Но мне на ощупь идти придется, а то я ослепнуть могу! Ты мне подсказывай прямой путь, чтобы я в стенку ненароком не вписался. Ни шага влево, ни шага вправо, понял?

— Не беспокойся, не впишешься,— успокоил его медальон.— Проведу тебя словно по ниточке! Ты, главное, не торопись, иди как на похоронах — медленно и торжественно. Не спеша.

— Тоже мне, нашел сравнение, тьфу на тебя! Договорились.

Семен встал на середину коридора, зажмурился, плотно закрыл глаза ладонью и неторопливо, то и дело останавливаясь, пошел к столу.

— Чуть левее! Чуть правее! Опять левее,— бодро командовал Мар.— Верным путем идешь, товарищ Симеон! А теперь правее, правее, кому говорю! Обратно левее...

— Что-то нитка у тебя чересчур кривая получается,— буркнул Семен,— по такой только пьяным ходить, в доску пронырливым. Как те, что стакан оставили.

— Ничего не поделаешь,— флегматично сказал медальон.— И рад бы тебя прямо вести, да ты ж меня не слушаешься, все норовишь в сторону уйти. Погоди, а может, у тебя ноги разной длины? Поэтому тебя и заносит куда не надо. Признайся — разной?

— Это язык у тебя разной длины,— огрызнулся Семен.— Когда не надо длинный, а когда надо — короткий.

— Значит, я — феномен,— обрадовался Мар.— Несомненно!

— Сказал бы я тебе, какой ты на самом деле феномен,— Семен остановился, пошарил перед собой рукой, ничего не нащупал,— да ругаться некогда. Давай, Сусанин, веди дальше!

— А Сусанин — это хорошо или плохо? — немедленно встревожился медальон.— Я неправильно чего-то делаю?

— Хорошо это, хорошо,— Семен успокаивающе похлопал по медальону ладонью,— не переживай. Он в лес врагов завел, они там и померли от голода и волков... Ну, Мар, направляй дальше! Хватит о пустяках трепаться.

— Ничего себе пустяки,— возмутился медальон.— Враги, лес, волки! Драма жизни и смерти! Жуть.

— Мар! — грозно прикрикнул Семен.— Кому сказал, кончай болтать! Сделаем дело, тогда и трепись смело.

— Да пришли мы, пришли,— спохватился медальон.— Стол перед тобой, всего в двух шагах.

Семен сделал эти два последних шага и уперся животом в столешницу: вытянув руку, он пошарил ладонью по холодной поверхности, тут же ненароком зацепил что-то тяжелое. Оно, это тяжелое, повалилось на бок, с дробным перестуком покатилось по столешнице и упало на пол. В тот же миг слепящий свет, ощутимый даже через пальцы, исчез. Семен отнял ладонь от лица и открыл глаза.

Перед ним находился приличных размеров стол, действительно каменный, из малахита. Узорчатая столешница была пуста, Семен заглянул под нее — никаких выдвижных ящиков у стола не имелось. И пустых бутылок за ножками тоже не нашлось. Семен подобрал упавший стакан, а когда выпрямился, то обнаружил, что магические стены исчезли. Все. Разом.

— Мар, сработало! И взламывать ничего не пришлось.

Семен посмотрел в сторону Олии: путь к ней был свободен. Так, со стаканом в руке, Семен и кинулся к девушке.

— Что и требовалось доказать,— удовлетворенно сказал медальон.— Я, как всегда, был прав... Семен, ты куда?! Стол, стол получше осмотри, зря он, что ли, сиял?! Может, сила в нем великая, ты хоть ножку отломи на всякий случай!

Но Семену плевать было и на стол, и на его великую силу: подхватив Олию на руки, он опрометью кинулся прочь из зала. На выходе из замка Хайк попытался было взять девушку из рук Семена, но тот рыкнул на него и промчался мимо: Хайк потрусил следом.

Над островом светало: звезды поблекли, в сером утреннем небе разгоралась утренняя заря — первое ложное солнце, холодное, неяркое, уже показалось из-за леса.

Лишь отбежав от замка на приличное расстояние, почти к самому берегу, Семен остановился и, осторожно положив Олию на землю, смог наконец отдышаться. Кашляя и отплевываясь, он немного походил по берегу. Хайк в это время, присев на корточки, занялся девушкой: пощупал у нее пульс

на шее, приподнял веко и заглянул в зрачок; вел себя черепаховый боец словно заправский врач.

— Как Олия? — Семен подошел к Хайку.— Жива?

— Жива.— Хайк встал.— Вполне жива! Только спит она, очень крепко спит. Надо бы ее, Симеон, к толковому специалисту... Моих познаний все же маловато, чтобы точный диагноз поставить.

— К врачу, конечно! Сейчас организуем. Мар, ты...— Семен повел было рукой в сторону спящей девушки и обнаружил, что все еще держит прихваченный из замка железный стакан. Небрежно сунув посудину Хайку в сумку, он добавил:

— Мар, давай-ка перенеси нас в хорошую больницу! В самую лучшую!

— Тогда нам на Перекресток надо, в военный госпиталь,— предложил медальон.— Там спецы классные! За деньги все что хочешь сделают. Но берут дорого, учти.

— Без разницы,— махнул рукой Семен,— заплатим, есть золото в золотовницах... Давай, включай перенос! Быстрее!

— Сначала переоденься,— потребовал Мар.— Завалишься в военную больницу в таком виде, никто с тобой разговаривать не будет! Два подозрительных оборванца с беспамятной девушкой на руках... м-да... Сначала вас всех арестуют, оборванцев то есть, а уж потом разбираться с девушкой станут.

— Верно.

Семен поспешно изменил свой наряд: черное трико превратилось в добротный темно-коричневый костюм неважного покроя, из числа тех, что носят всякого рода мелкие имперские чиновники в Мире Перекрестка,— Семен не хотел привлекать к себе излишнего внимания. К костюму прибавилась белая рубашка и коричневый галстук. Мягкие туфли стали твердыми и тоже коричневыми.

— То, что надо,— одобрил Мар.— Натуральный бюрократ! Сойдет.

— Давай включай переброс.— Семен взял Олию на руки.

Мгновение — и утренний неяркий свет моргнул, сменившись полуденным, матовым и жарким; остров с замком, озеро— все исчезло. Вместо них теперь была голая, выжженная суховеем равнина от одного, задранного вверх, горизонта до другого, такого же неправильного,— будто стояли Семен и Хайк

на дне безразмерной чаши. Вдалеке по равнине цепочкой протянулся ряд громадных решетчатых башен, железных и ржавых, за башнями виднелись развалины города; в равномерно белом знойном небе солнца не было. Вообще.

— Ты куда нас приволок? — вне себя заорал Семен,— это разве Перекресток? Где обещанный госпиталь, где врачи?!

— Ничего не понимаю,— растерянно ответил Мар.— Ну-ка еще раз...

Безжизненная равнина сменилась изумительно красивым зимним пейзажем: Семен и Хайк стояли на заснеженной скале. Внизу, под скалой, на ледяном берегу копошилось множество пингвинов; за льдиной начинался безбрежный океан, над которым клубились тяжелые серебряные облака, из облаков в океан били ветвистые молнии; поверх облаков раскинулась широкая радуга, маленькое холодное солнце висело под радугой, как бубенчик на хомуте свадебной лошади.

— Опять не то! — с досадой воскликнул Мар.— Ну совершенно ничего не понимаю! Адрес верный, транспортное заклинание свежее, все делаю как надо, а носит по Мирам куда попало, как дурака по ярмарке.

— Пытайся дальше,— мрачно сказал Семен.— Сначала найдем людей, а после будем разбираться, что с твоим заклинанием приключилось.

— Ничего с ним не приключилось,— отрезал Мар.— Я его уже протестировал: нормальное заклинание, рабочее...

Ледяной Мир с пингвинами и радугой исчез; новый Мир был не так красив, но зато в нем обитали люди.

Семен с Олией на руках и Хайк с сумкой на плече очутились в каком-то первобытном селении: высокие хижины, сделанные из толстого бамбука, с покатыми крышами из пальмовых листьев обступали их со всех сторон; ни дорожки, ни тропинки— вся земля вокруг поросла густой травой. Словно здесь и не ходили.

Солнце в небе этого Мира было обычным, нормальных размеров и не холодное — Семен мельком глянул вверх, день близился к полудню,— воздух, сырой и теплый, как в бане, пах незнакомыми цветами и свежезаваренным кофе.

Возле ближних хижин играли смуглые то ли от рождения, то ли от загара дети, на редкость чистые и ухоженные для

такого места. Увидев пришельцев, малыши вовсе не испугались, а с любопытством уставились на них. Где-то неподалеку находились и взрослые жители поселка, Семен слышал их неразборчивые голоса.

— Не может быть! — ахнул Мар.— Нет, только не это! Едем дальше! Куда угодно, но дальше.

— Стой! — приказал Семен.— Остаемся! Хватит, нагулялись уже... Ты, собственно, почему задергался-то, а? Тут разве людоеды какие живут или вампиры? С чего такая паника, ну-ка признавайся.

— Это ж Пестрый Мир,— неохотно ответил медальон.— Мало того, мы ухитрились попасть именно в ту деревню, где живет колдун, тот самый, у которого мой последний хозяин адресок Хранилища с золотом вытряхивал. Того Хранилища, откуда ты меня забрал.

— Колдун там, не колдун, какая разница? — Семен осторожно положил Олию в траву.— Даже хорошо, что колдун. Они, колдуны-шаманы, в медицине худо-бедно, но разбираются! Должность обязывает.

— Тогда спрячь меня под рубашку,— попросил Мар.— Не надо, чтобы колдун-шаман меня увидел. Очень не надо!

— Почему? — Семен кинул медальон за пазуху.— Сильно вы его со своим хозяином обидели, да?

— Сильно,— признался Мар.— Могут быть неприятности, если шаман меня опознает: они, гады колдучие, до хрена памятливые! Все как один.

— А где его искать-то? — Семен постучал себя по груди.— Эй, партизан-подпиджачник! Где твой шаман живет?

Мар не ответил, вместо него сказал Хайк:

— Симеон, а вон тот мужик, что из соседней хибары вышел, случаем, не колдун? Здорово похож на поселкового мага! Он, между прочим, сюда идет.

Семен повернулся навстречу шаману.

Сомнений не было: к ним шел колдун. Большой грузный мужчина, темнокожий, босой, в зеленой накидке вроде мексиканского пончо, подпоясанный кожаным ремешком. На голове поселкового мага сидела неуместная по сезону меховая шапка, украшенная длинными зелеными перьями; на могучей груди колдуна висело с пяток разнокалиберных ожерелий из

черепов всяких лесных зверушек, а на тонком поясе болталась тыква-погремушка с ручкой; в тыкве на каждом шагу что-то громко постукивало. В руке колдун держал медную кружку, мятую, закопченную, из которой то и дело прихлебывал прямо на ходу; от кружки шел терпкий лекарственный запах.

Колдун подошел к Семену, оглядел его с ног до головы — на Хайка шаман внимания не обратил — и, приложившись к кружке, спросил простуженным басом:

— Миссионер, что ли? Учти, нам миссионеры не нужны! Проваливай туда, откуда явился. Пока я добрый.

Колдун заглянул в кружку, страдальчески приподнял кустистые брови и вновь отхлебнул из нее.

— Нет-нет,— поспешно заверил его Семен.— Мы не миссионеры! Мы... э-э... вольные путешественники. Туристы мы! У нас беда: девушка наша приболела, спит и не просыпается, а вы, говорят, целитель могущественный, умелый... Посмотрите, что с ней?

— Кто говорит? — ничуть не удивившись, спросил колдун.

— Все,— не моргнув глазом отрапортовал Семен.— Кого ни встретим, так все и говорят: великий шаман в зеленом лечит что угодно! И берет за работу недорого.

— Брешут,— надменно процедил колдун, выплеснул остатки питья на землю, с отвращением сплюнул.— Брешут, что недорого. Ну пошли.

Он повернулся и потопал к своей хижине. Семен подмигнул Хайку, тот понял намек по-своему: подняв Олию, он перекинул ее через плечо и направился к хижине колдуна; Семен хмыкнул и пошел за ним.

В хижине творился настоящий бедлам, словно в ней порезвилась стая пьяных бабуинов: разбросанная по полу битая посуда, какие-то рваные тряпки где попало, перевернутая в углу лежанка с разворошенной постелью; вдоль ближних стен валялись пучки сухих трав, засыпанные обломками стульев; на дальней стене, прилепившись животом к бамбуковым стволам, висела башкой вниз упитанная жаба с кроваво-красными глазами. Жаба то и дело напрягала лапки и вытягивала голову, словно порывалась отклеиться от стены и спрыгнуть вниз, но не отклеивалась и не прыгала, взгляд ее слепо шарил по ком-

нате, ни на чем особо не останавливаясь. Короче, внутри вид у хижины был еще тот! Очень и очень настораживающий.

У самого входа лежал разбитый вдребезги глиняный кувшин, крупные черепки которого тлели, как угли. Семен едва успел схватить Хайка за куртку и остановить его — осколки кувшина мерцали не простым, а магическим светом, для черепахового бойца невидимым.

— На осколки не наступите,— не оборачиваясь предупредил колдун,— они превращательной силой Куандо заряжены, того и гляди в ящериц обратитесь.

Семен перепрыгнул через оранжевые черепки, Хайк покосился на Олию и попросту их обошел.

— Не обращайте внимания на погром.— Колдун, громко сопя, поставил на место лежанку, заправил постель.— Сгружайте вашу девицу сюда, а я пока приберусь.

Он походил по хижине, брезгливо вороша ногой тряпки, нашел и вытащил из-под скомканного одеяла совок, веник, помахал ими в воздухе, словно остужая, и принялся подметать черепки. Хайк положил Олию на постель.

— Ходят тут всякие,— брюзгливо сказал колдун, заметая осколки на совок,— а потом у ящериц говорящие детеныши появляются... Да не о вас я! — Колдун махнул веником в сторону встрепенувшегося Семена.— Это шаман-первогодок из соседнего поселка утром приходил, опять со мной силой задумал меряться, недоумок. Надоел хуже банановой запеканки, сколько ж можно... Я его по-хорошему в прошлый раз предупредил— уймись, не то худо будет, ан нет, опять приперся! Надрался с утра для храбрости и приперся. Драку устроил, разорение, порчу на меня чихом пускал... с собой ее притащил, в носу. Вот дочихался. У меня всего-то простуда, а он сейчас под камнем где-то прячется.— Колдун выкинул черепки вместе с совком и веником за порог.— Эй! — высунув голову за дверь, зычно крикнул он.— Ко мне не ходить! Детей с улицы забрать, всем дома сидеть! Кто не услышал— я не виноват.

Закрыв дверь, колдун обернулся к гостям:

— Давай, миссионер, рассказывай, что с девушкой приключилось.— Колдун снял шапку с головы, небрежно швырнул ее в сторону: шапка зигзагом пролетела по хижине, выискивая

чистое место, не нашла и шлепнулась на обломки стульев.— Как уснула, почему, все рассказывай.

Колдун сел на пол, похлопал перед собой ладонью. Семен и Хайк сели напротив.

— Я — не миссионер,— терпеливо напомнил Семен,— я...

— А мне без разницы, кто ты.— Поселковый маг сложил руки на груди.— Я тебя так назвал, значит, им ты и будешь. А ты,— он ткнул пальцем в сторону Хайка,— его помощник. Ну, Миссионер и Помощник, говорите, не тяните время! У меня дел по горло, вечером прием больных назначен: разных порченых с пяток, со сглазом трое... полтора зомби на повторное зомбирование, тоже возни достаточно.

Семен хотел было спросить, как это — полтора зомби? Но не решился.

— Она, Олия...— начал Семен, но шаман резко поднял руку и зажал Семену рот:

— Без имен! Соображай, куда пришел.— Колдун не сразу убрал руку от лица опешившего Семена.— Зря я, что ли, ваших имен знать не хочу и свое вам не называю? — Колдун обвел хижину тяжелым взглядом.— Когда почищу в доме все, тогда можно и представляться друг другу. Этот, что ящерицей стал, успел-таки во время драки именное проклятие куда-то влепить! Убивательное проклятие, то ли на меня настроенное, то ли вообще...

Семен глянул поверх головы колдуна: жаба на стене беспокойно ерзала, изо всех сил упираясь лапками в бамбучины, и вот-вот должна была отлепиться от стены — ее красные глаза смотрели на Олию. Только на нее.

— Вот оно, именное проклятие! — завопил Семен, вскакивая на ноги.— Вот оно!

Подбежав к стене, он что было сил врезал по жабе кулаком, припечатав ее к твердому бамбуку. В тот же миг жаба, утробно вякнув, рассыпалась зелеными брызгами; в хижине мерзко завоняло болотной гнилью.

— Молодец,— одобрительно сказал колдун, помахивая перед носом ладонью.— Прыткий ты, как я погляжу! Живым взглядом заклятие увидел, о! Нет, ты не миссионер, ты — шаман. Знатный шаман, но совсем необученный. Зачем рукой

бил? Надо было костяной иглой проткнуть, заговоренной. Тогда бы без вони обошлось... Хочешь ко мне в ученики?

— Я подумаю,— пообещал Семен, вытирая руки взятой с пола тряпкой.— Но сначала разбудите Олию. А там видно будет...

— Значит, не хочешь, жа-аль,— огорченно протянул колдун.— Ну что ж, вольному воля. Садись, молодой чародей, говорить будем. А ты,— колдун мельком глянул на Хайка,— ты пойди дверь отвори, пошире. Ни к чему нам всякой гадостью дышать.

Хайк послушно встал и отворил дверь.

— Меня зовут Йокомбе,— громогласно изрек колдун, воздев руки к потолку.— Я — самый сильный шаман в округе! Меня все боятся, мне все поклоняются, передо мной все трепещут и так далее, и тому подобное... Уф! Официальная часть закончена. Теперь оба сядьте, как сидели, представьтесь и подробно расскажите, что стряслось с вашей девицей. Предупреждаю: за излечение от всякого рода магических недугов я беру дорого, не менее одной козы или четырех поросят, хотя иногда, в особо сложных случаях, и дойной коровы в уплату бывает мало! Но тебе, молодой чародей, я сделаю поблажку как очистившему мой дом — подаришь мне чего-нибудь, и ладно! Золотую монету, например.

— А если две? — поинтересовался Семен, усаживаясь перед колдуном-шаманом.— Но с гарантией, что вы сделаете все возможное для Олии!

— Согласен,— быстро ответил шаман.— Но тогда деньги — вперед!

Семен усмехнулся и полез в кошель с золотом.

ГЛАВА 5
Столп — Легенды И Много Пива

Шаман Йокомбе перестал трясти над Олией своей погремушкой, устало вытер пот со лба и отошел от лежанки, вешая погремушку на пояс.

— Готово.— Он кивнул Семену и Хайку, в напряжении застывшим поодаль.— Можете подойти посмотреть на вашу де-

вицу. Жить будет, хотя могла вскоре и помереть, во сне... У нее совсем жизненной силы не осталось! Вовремя вы ее ко мне принесли, крайне вовремя.

Йокомбе выдернул из-под обломков стульев пучок сухой травы, достал из кармана накидки трубку с кресалом, присел на корточки и, набив трубку травой, с удовольствием закурил.

Семен и Хайк подошли к лежанке, посмотрели: лицо Олии порозовело, сейчас она спала обычным, нормальным сном. Не колдовским.

— Однако,— шаман затянулся дымом,— уж больно в нехорошем месте вы были! И зачем, спрашивается? Чего там искали?

— Это Олия искала.— Семен повернулся к шаману.— А чего именно, не знаю. Я всего лишь спас ее...

— Молодец, Симеон-чародей, хорошо сказал! — рассмеялся шаман.— А я, значит, всего лишь от смерти ее вылечил.— Йокомбе выпустил клуб дыма, закашлялся.— Надоела простуда окаянная! Э, к вечеру уйдет, никуда не денется... И девица ваша, думаю, к тому времени очнется. Впрочем, ерунда эти магические болячки! Если их, конечно, вовремя лечить. Есть вещи куда хуже...

— Например? — Семен присел напротив шамана.

— Например, то, что звезды сошли со своих мест.— Йокомбе ткнул пальцем в потолок хижины.— Рушится мироздание! Верно, конец света настает, как и предсказал великий колдун Муграбо двадцать лет тому назад... Уж которую ночь на небо гляжу — да, разбегаются звезды, уходят незнамо куда! Скоро вовсе разбегутся и пропадут в черном Нигде, там, куда души после смерти уходят.

Семен посмотрел на потолок, потом на шамана.

— Этого не может быть,— авторитетно сказал он.— Во-первых, звезды подчиняются классической звездной механике и не могут с бухты-барахты рвануть кто куда. Во-вторых, даже если это и происходит на самом деле, то увидеть отсюда такое разбегание никак нельзя! Нереально.

— А разве колдовство-чародейство увидеть реально?,— хитро прищурился шаман.— Я, например, не могу.

— Ну, колдовство,— Семен замялся,— это же совсем другое дело. Да и рядом оно, то чародейство, а звезды за миллиарды

километров отсюда! Пока лучи от самого ближнего светила до нас долетят, много времени пройдет. Я уж не говорю о совсем далеких звездах. Их свет через тысячу лет будет здесь виден, не раньше. Или через две.

Шаман вытряхнул из трубки на пол остывший пепел, встал и снисходительно посмотрел на Семена.

— Правдивы твои слова, юный чародей. Но они для обычных людей правдивы, а не для меня! Я ведь смотрю на звезды не глазами, а внутренним оком.— Йокомбе постучал себя пальцем по лбу.— Духовным. Которому твои... э-э... километры не преграда!

— Третьим глазом, что ли? — не поверил Семен.— Да ну, байки это все! Шарлатаны-сенсы придумали, чтобы людей дурачить.

— Я разве похож на шарлатана? — обиженно спросил шаман, наставив на Семена чубук трубки как ствол пистолета.— Зря, зря ты отказался пойти ко мне в ученики, несведущий чародей по имени Симеон! Так и останешься навсегда темным и необразованным... Ты небось и во Вселенский Диск веришь, да? В то, что он состоит из разных Миров, отделенных друг от друга безвоздушной преградой?

— Не очень,— ответил Семен, в душе удивляясь мудрости и прозорливости поселкового мага: надо же, темный-темный, а сам дошел до верного понимания устройства Вселенной! До начал астрономии.

— И правильно,— одобрил Йокомбе.— Потому что нету никакого Диска, а есть Великий Столп, единый и всеобъемлющий. А известная нам реальность со всеми Мирами, образно говоря, всего один-единственный кирпичный блок в том бесконечном Столпе! Мы живем как слепые мелкие твари, крохотные, суетные, привязанные к своим замкнутым Мирам-кирпичикам, которых не счесть сколько в том столповом блоке... И когда мы умираем, тогда наш дух может перейти из одного блока Великого Столпа в другой, по заслугам своим — в верхний или нижний, и так далее. Или остаться там, где он был, обреченным на бессмысленное перерождение.

— Ого,— только и вымолвил Семен, попробовал представить себе Великий Столп, но ничего не получилось. Не вписывалась такая махина в его сознание! Не умещалась.

— Кирпичный блок рассыпается,— многозначительно сказал шаман, показав взглядом на потолок.— Исчезнет он — и Столп наверняка рухнет... Короче говоря, конец света близок. Месяц-другой, не более! — Йокомбе посмотрел на Семена, на Хайка и неожиданно предложил: — Пиво будете? У меня в погребе есть. Хорошее пиво, крепкое!

— Можно,— согласился Семен, несколько ошарашенный перспективой столь близкого апокалипсиса.— Банановое, наверное? Из бананов, я слышал, вино делают и самогон гонят. Но чтобы пиво?

— Почему же банановое? — Йокомбе разгреб ногой мусор возле стены, поднял бамбуковую крышку и спустился по лесенке в погреб.— Обычное... Держи!

Из ямы наполовину высунулся деревянный бочонок, Хайк подхватил его и поставил на пол, следом взял протянутый шаманом сверток из пальмовых листьев.

— Нормальное пиво,— заверил Йокомбе, вылезая из погреба.— Ячмень, хмель и сок цветущей лианы с дольками пьяного гриба для улучшения вкуса и крепости. Хм, а остались ли у меня целые кружки? Надо посмотреть.

Шаман побрел по хижине, перетряхивая разбросанное по полу барахло, и вскоре вернулся с глиняной кружкой в одной руке и остро заточенным ножом-тесаком в другой; у кружки была отбита ручка.

— Всю посуду утром переколотили,— без сожаления сказал Йокомбе,— хорошо поразвлеклись, ей-ей! Будете из одной по очереди, а у меня своя есть, небьющаяся,— шаман сунул глиняную посудину Семену.— Эта, как тебя... Хайк, бери пиво и пошли на свежий воздух.

Йокомбе, прихватив медную кружку и сунув в загадочный сверток нож, направился к выходу.

— Неси,— Семен похлопал Хайка по плечу,— я сейчас подойду. Стакан из сумки возьму и подойду, зря он там, что ли, валяется.— Черепаховый боец без усилий поднял бочонок, взял его под мышку и вышел из хижины.

— Семен, не забудь про наш уговор,— напомнил из-под рубашки медальон,— меня шаману не показывай! И пива поменьше пей, оно действительно крепкое.

— А ты откуда знаешь? — усмехнулся Семен, доставая железный стакан из сумки.— Пил его, что ли?

— Не пил, но некоторые последствия видел,— обрадовался Мар возможности поболтать.— Своеобразные, хе-хе... Один мой хозяин с голодухи шляпку пьяного гриба как-то слопал, и с ним такое случилось! Вообразил он себя четырехкрылой мухой в стадии щетиночной линьки и...

— Так то ж гриб и с голодухи,— оборвал его Семен.— А это пиво, ты разницу чувствуешь? Хотя на пустой желудок оно тоже не очень... Ладно, много пить не буду, уговорил.

Возле хижины невесть откуда появились деревянный столик и три скамеечки; на столе, поверх пальмовых листьев, стояла любимая кружка шамана, рядом лежал копченый окорок. Йокомбе деловито стругал окорок ножом, а Хайк тем временем раскупоривал бочонок. Семен поставил на листья принесенные им кружку без ручки и железный стакан, хотел было помочь Хайку, но там и одному делать было нечего. Хлопнула затычка, из отверстия в крышке поползла густая пена.

— Готово.— Шаман полюбовался ровно нарезанными кусками мяса.— Просто, вкусно, полезно. Хайк, наливай!

Он уселся на скамеечку в ожидании.

Семен тщательно протер стакан пучком сорванной травы — мало ли кто из него раньше пил, еще подцепишь какую инфекцию! — подождал, покуда Хайк нальет пиво сначала шаману, потом себе, а уж затем подставил и свой стакан под янтарную пивную струю.

Пиво было замечательное. Ядреное, колючее, с непривычным цветочным привкусом и вовсе не крепкое. Очень малоградусное пиво, можно сказать безалкогольное. Для спортсменов.

Семен не удержался и, несмотря на предупреждение медальона, выпил пару стаканов подряд. Впрочем, стакан был раза в два меньше кружек, с которыми управлялись шаман и черепаховый боец, потому они шли почти на равных. Мясо— нежное, с неизвестными Семену специями, вдосталь перченое— прекрасно подходило к пиву.

Минут пять прошло в тишине: все сосредоточенно жевали и пили, изредка мыча что-то одобрительно-нечленораздельное— говорить пока не хотелось, не до того было. Разговор начался, лишь когда голод и жажда малость поутихли. Не очень хорошо начался... Семен, окончательно запарясь от жары и потеряв бдительность от съеденного-выпитого, мимоходом превратил свой коричневый костюм в более легкую одежку — майку-

борцовку и шорты. Отчего медальон, ранее спрятанный под рубашкой, свободно повис на его груди. Йокомбе мельком глянул на Семена: внезапную смену одежды он никак не прокомментировал, но зато сразу зацепился взглядом за медальон. Отставив кружку в сторону и стерев с губ пену, шаман, навалившись животом на стол, подался ближе к Семену.

— Эй, парень, откуда у тебя эта штуковина? — Йокомбе пристально разглядывал медальон, мрачнея на глазах.— Опасная это вещь, Симеон-чародей! Вредная. Хотя, может, я и ошибаюсь, но очень твоя висюлька напоминает колдовской жетон одного мерзавца, что когда-то сюда заявился...

Семен посмотрел вниз, увидел, что произошло, и понял, что неприятного разговора о медальоне ему не избежать. Говорить всю правду ему не хотелось, мало ли как шаман воспримет его, Семена, рабочую специализацию! Вряд ли Йокомбе после встречи с бывшим владельцем Мара проникся душевностью к преступному миру, и к ворам в частности. Но ответить надо было сейчас, немедленно, иначе шаман мог заподозрить Семена и Хайка невесть в чем и последствия могли произойти самые непредсказуемые, ненужные, а обижать шамана хоть чем-нибудь Семен никак не желал. Надо было выкручиваться.

— Я, честно говоря, не знаю, о каком мерзавце вы говорите,— Семен отпил глоток пива из стакана,— и чего он здесь понаделал, тот мерзавец, я тоже не в курсе... Медальон я снял со скелета в одном глухом месте, куда попал совершенно случайно. Так уж выпало, что я оказался в тех местах, причем вовсе не по своей воле! Снял и с тех пор ношу — вреда от медальона никакого, он лишь выполняет приказы того, кто его носит. Видимо, прежний его владелец использовал свой жетон не в самых благородных целях.

— Вот именно, не в самых,— все еще хмурясь, сказал шаман, отваливаясь от стола и беря кружку.— Наделал он тут делов с этим медальоном, всю жизнь помнить буду... Так, говоришь, со скелета снял? Это хорошо.

Йокомбе надолго припал к кружке. Семен, видя, что ругаться и буянить шаман не собирается, налил себе из бочонка: пива оставалось не так уж и много, бочонок заметно полегчал.

— А что произошло-то? — спросил Хайк, с завистью наблюдая, как поселковый маг, осушив кружку, набивает трубку ароматной курительной травой. Похоже, Хайку после выпитого

тоже захотелось подымить, но попросить сделать хотя бы одну затяжку он стеснялся.

— Что произошло? — Йокомбе затянулся, пустил струйку сизого дыма.— Много чего всякого... Началось-то оно все с малой беды, а закончилось большой. Вернее, чуть не закончилось.— Шаман еще разок затянулся, вытер чубук и протянул трубку Хайку.— На, покури. И ты, Симеон, тоже затянись, традиция у нас такая. Означает, что мы друг другу не враги.

— Прям как у американских индейцев, вроде трубку мира по кругу пустить,— усмехнулся Семен.— Плохой из меня индеец, не курю я,— но трубку у черепахового бойца все же взял, однако не сразу: Хайк долго затягивался дымом с блаженным видом и отдавать Семену орудие всенародного примирения не хотел. Наконец Семен отобрал у него трубку, сделал глоток дыма — тот был на удивление приятным, не шел ни в какое сравнение с табачным, которым Семен когда-то отравился в школьном туалете после первой же затяжки,— обтер чубук и вернул трубку шаману.

— Разливай,— повелительно сказал Хайку шаман,— не береги. Ежели не хватит, то еще достанем, в погребе бочек много! Пивовар из соседнего поселка недавно у меня свою жену от бесплодия лечил, ну и расплатился, чем мог. А я не против: хорошее пиво— оно в радость желудку и голове. Если в меру, конечно.

Йокомбе сыто рыгнул.

— Так что там насчет того мерзавца? — напомнил Семен, жуя кусок мяса.— Который чуть большую беду не устроил.— Шаман осоловело посмотрел на Семена, соображая, о чем речь.

— А-а, вон ты о чем.— Йокомбе взял полную кружку, отхлебнул.— Началось все с того, что лет пятнадцать тому назад поселковые охотники нашли в джунглях, неподалеку отсюда, человека. Белого, как вы.— Шаман окинул добродушным взглядом Семена и Хайка.— Это я вам не в укор, вы же не виноваты, что родились такими... э-э... особенными. Значит, нашли охотники белого человека и принесли его ко мне — ранен он был, ох сильно ранен! Руку ему кто-то по локоть оторвал. Левую. Ужасная рана, как он кровью не истек... М-да. Но дело не в раненом человеке, все одно к вечеру умер, а в том, что он говорил в бреду: о хранилище с грудами золота и об адресе заветном, который в его жетоне записан.— Йокомбе умолк, потер горло, сказал довольно: — Смотри-ка, уже совсем не

болит! Ушла простуда, как и не было... Я ж говорю, от толкового пива одна верная польза! Лекарства так не помогают, уж поверьте шаману-лекарю... Да, так насчет жетона: я его с покойника снял и припрятал— незачем людей искушать, многие охотники тот бред слышали, пока раненого ко мне несли. Слышали и другим ту историю передали! И уж непременно нашелся бы какой-нибудь недоумок, отправился бы на розыски таинственных сокровищ неведомо куда, на верную погибель... Перед смертью безрукий в себя пришел, сказал мне, что охраняет те сокровища Железный Демон, который громовой молнией ему руку оторвал; еще успел сказать, что удирал оттуда, не глядя куда его несет, потому к нам попал и... И умер. Хотел я поначалу окаянный жетон в болото кинуть, да засомневался и припрятал. Зря! Надо было все же утопить.

Короче, слухи о безруком человеке и горах золота пошли гулять повсеместно, даже по другим Мирам. И лет через пять после того события заявился ко мне один тип вот с этим медальоном.— Шаман неодобрительно глянул на Мара, тот еле слышно ойкнул.— Заявился и с порога начал требовать от меня, чтобы я ему адрес хранилища выдал, где золото валом лежит. Я, разумеется, сказал, что никакого адреса у меня нету, что враки все то и сплетни... Но негодяй не поверил, стал настаивать, нехорошо настаивать,— Йокомбе непроизвольно потер щеку, на которой Семен только сейчас заметил тонкий шрам.— В общем, не получилось у нас доброго разговора! Не получилось... Подрались мы сначала, а после уж за магию взялись. Кабы не этот медальон, я бы живо с тем мерзавцем справился! Он бы у меня вешалкой стоял, у двери. Во веки веков! — Шаман приложился к кружке.— Схватились мы не на шутку: одна половина поселка дотла сгорела, вторая рассыпалась... Хоть никто из людей особо не пострадал, и то славно! Успели спрятаться, их счастье... Битва двух магов дело опасное, посторонним лучше держаться подальше.

Долго мы друг друга мутузили — у меня защита хорошая, надежные амулеты и покровительство Банановой Духа, у него тоже на уровне. Ага, думаю, эдак мы долго воевать будем, я уже и уставать начал... Крикнул ему, что, мол, согласен, отдам проклятый жетон с адресом.— Йокомбе коротко рассмеялся, что-то вспомнив.— Предложил сесть за стол, выпить мировую,

и пусть идет с жетоном на все четыре стороны! Негодяй согласился, но предупредил, что защиту не снимет и будет настороже. Ну, я тоже расслабляться не собирался... Сели, поговорили, выпили. Выслушал я его, достал жетон с адресом из тайника, отдал ему, и он ушел, живой и невредимый.— Шаман затрясся от смеха.

— Как? — изумился Семен.— Просто взял и ушел?

— Да.— Йокомбе заглянул в кружку, пододвинул ее Хайку. Тот намек понял, налил пива доверху.— Хотел было я его отравить, у меня и яд всегда с собой, разные в жизни случаи бывают... Добавил бы отравы в кувшин с вином, вместе и выпили бы: яд не сразу действует, день еще прожить можно, а противоядие только у меня имеется! Но не отравил. И знаете почему?

Шаман обвел собеседников веселым взглядом. Семен и Хайк переглянулись, одновременно пожали плечами.

— Да потому, что он ничего не знал о Железном Демоне, охраняющем те сокровища.— Йокомбе расплылся в улыбке.

— Вот оно, первобытное коварство,— с горечью промолвил Мар.— Гнусные папуасские интриги! Выходит, я по милости этого черномазого колдуна-интригана десять лет в Хранилище провалялся... Лучше бы он прежнего моего хозяина, Юзара Неудачника, отравленным вином напоил, чесслово! Уж кто-нибудь меня наверняка бы подобрал, не оставил бы сиротинкой беспризорной, неприкаянной... самому поганому полименту служить и то лучше, чем бесполезной железкой среди мертвяков годами лежать! Я там чуть с ума со скуки не сошел, чуть не поржавел с тоски, чуть...

Семен ответно улыбнулся колдуну-интригану, превратил майку в толстый свитер и спрятал медальон за пазухой. Жалобные причитания теперь звучали еле слышно и от поучительной беседы не отвлекали.

— Холодает,— пояснил Семен шаману.— Зябко.

— Разве? — с недоумением спросил шаман.— Экие вы, белые, неженки... Тогда давай для согрева самогону выпьем, у меня бутыль где-то есть... не помню где... т-ты поищи, мжет хде надешь, выппем...

Язык у Йокомбе внезапно стал заплетаться, глаза потускнели, и поселковый маг, сонно моргнув раз-другой, сполз со

скамеечки, уютно прилег на бочок, положил руку под голову и немедленно уснул; высокая трава от его могучего храпа пошла волнами, словно над ней кружил вертолет. Маленький такой вертолет, действующая модель на бензиновом двигателе.

Семен с изумлением понял, что Йокомбе развезло, причем развезло мгновенно, без перехода: сидел человек вроде почти трезвый, пил пиво, интересную историю рассказывал и вдруг вырубился напрочь! Словно ему мозги отключили.

Хайк выглядел не лучше, хотя и держался: сидел на скамеечке, бессмысленно глядя вдаль стеклянным взглядом. И даже не моргал.

— Эй! — заволновался Семен.— Что с вами? Хайк, очнись!

Но черепаховый боец ничего не ответил, закрыл глаза и, уронив голову на столик, уснул.

— Ну-ка, дай взглянуть,— донеслось из-под свитера,— чего произошло-то, а? Семен, да убери ты наконец свой балахон, мне под ним висеть жарко.

Семен мигом превратил свитер обратно в майку.

— Угу,— понимающе сказал Мар, оценив обстановку.— Таки отравил шаман всех! И себя тоже... Перестарался, интриган хренов, с ядом! Дозировку не рассчитал.

— Отравил? Зачем? — поразился Семен.— Я, например, нормально себя чувствую, так что вряд ли Йокомбе нас травил. С чего бы?!

— Он, вишь, рассказал вам лишку, вот и травануп собеседников на всякий случай, вместе с собой,— любезно пояснил Мар.— Чтобы никому его слов не передали! Но увлекся процессом и... Ты погоди,— зловеще пообещал медальон,— скоро тоже стекленеть начнешь. Давай быстро-быстро обыщи шамана, противоядие наверняка у него в кармане заначено! Выпьешь и Хайку в рот вольешь, а шаману не лей, пусть помирает себе на здоровье. Опасный тип! Социально вредный.

— Сам ты опасно-вредный! Пьяные они в стельку... Но почему?

Семен взял кружку Хайка, понюхал недопитое пиво, осторожно попробовал его на вкус, сделал пару глотков и удивленно приподнял брови. Потом отпил из своего стакана, сравнивая.

— Яд, да? — с надеждой спросил Мар.— Я был прав?

— Пиво это.— Семен выплеснул остатки пива из стакана.— Но другое. У меня в стакане легкое, тонизирующее, а у Хайка в кружке — убойно-крепкое! Ух какое крепкое, с двух глотков в голове зашумело.

— Ничего не понимаю,— удрученно сказал медальон.— Разливали всем из одной емкости, ни шаман, ни Хайк самогона в кружки тайком не подливали, я бы заметил... Слушай, а может быть, стакан у тебя какой особый, с хитринкой? Типа отрезвительный. Ну, ты в него спиртное наливаешь, а он всю дурь из напитка вытягивает... Весьма полезная вещица! — заключил Мар.— И для шпионов полезная, и для нашего дела годная: сидишь с кем, выпиваешь на равных, тот уже скапустился, все тайны тебе сообщает, а ты трезвый и запоминаешь, где чего драгоценного лежит и как туда проще залезть.

— Не думаю.— Семен внимательно разглядывал стакан, поворачивая его то так, то эдак, но никаких особых пометок или надписей на нем не углядел.— Оно, конечно, идея у тебя верная... но сдается мне, что это всего лишь какой-то побочный эффект. Чтобы посудину от алкоголизма за семью печатями держали — нет! Кому она нужна такая... Вот если бы стакан воду в вино превращал, тогда да, тогда за ним все подряд лезли бы, до драки! Все любители халявной выпивки.

— Давай попробуем,— живо откликнулся медальон.— Я в хижине бочажок с ковшиком видел, вряд ли там вино! Налей, и сразу ясно будет.

— Почему бы и нет,— согласился Семен.— Заодно посмотрю, как там Олия.

Олия все еще спала. Семен, стараясь не разбудить девушку, тихонько набрал воды в стакан и, мягко ступая, вышел из хижины. Вышел, остановился возле столика, заглянул в стакан: вода в нем на глазах меняла цвет — из мутной, затхлой она становилась прозрачной, с легким голубоватым оттенком; от воды потянуло грозовой свежестью. Родниковая, да и только!

— Спирт,— убежденно сказал Мар.— Что я, спирта не видел? Ну-ка, отхлебни на пробу... Хотя нет, сунь меня туда, я сам проверю, вдруг и не спирт то, а сплошной обман зрения... или яд имени папуаса Йокомбе.— Медальон хихикнул.

— Ныряй,— разрешил Семен и окунул медальон в воду.

Подержав его там секунду-другую, Семен вынул Мара из стакана.

— Как забортная проба? — поинтересовался он, вытирая медальон об майку.— Акул не видел?

— Елы-палы,— сдавленно прохрипел Мар.— Охренеть! Блии-ин...

— Неужто и в самом деле спирт? — прищурился Семен, разглядывая медальон: на кругляше играли блики заходящего солнца.— Вон ты какой чистый стал! Впрочем, это потому, что я тебя об майку...

— Семен, не поверишь,— затараторил Мар,— не поверишь, и все тут! Я... у меня... ох, такое случилось!

— Так спирт или не спирт? — прервал его Семен.— Давай закончим дело с экспериментом, раз уж начали, а после ты своими дивными впечатлениями поделишься.

— Не спирт,— уверенно дал заключение медальон.— Мало того, вода жутко необычной стала... вроде лечебной, ей-ей! Я в одном Мире вместе с хозяином в целебном роднике полоскался, знаю, какая она: та, что в стакане, посильнее будет! Куда как посильнее. Особая! Но дело в другом...

— Погоди.— Семен задумался.— Сильная лечебная вода, говоришь? А если...— Он, не договорив, подошел к Хайку, поднял ему голову и медленно, чтобы тот не захлебнулся, влил черепаховому бойцу в рот полстакана особой воды. Хайк сглотнул, закашлялся и, вырвав голову из руки Семена, открыл глаза.

— Что... Почему? — Черепаховый боец трезвел с каждой секундой все более и более, взгляд у него прояснился, стал осмысленным. Мало того — глубокие царапины на щеке, оставленные коготками всемилостивейшей королевы Яны, бесследно пропали, синяк под глазом Хайка тоже рассосался.

— Живая вода изобрелась, вот те на...— с благоговением прошептал Мар.— Ох и стакан, ох и находочка! Прям как в Мире Темных Островов, но тамошняя водица действует куда как медленнее и только на людей. Семен, представляешь, у меня...

— Ты как? — Семен настороженно смотрел на Хайка.— Самочувствие — как?

— Отличное.— Хайк встал, зевнул, с удовольствием потянулся.— Выспался на славу! Надо же — пиво страшно крепкое,

натурально перебор случился, а голова ничуть не болит. Хм, сколько же я спал? — Хайк озабоченно глянул на солнце.— Там же висит, где и было... Неужели сутки?

— Немного спал.— Семен слил остатки живой воды в медную кружку, протянул ее Хайку.— Всего полчаса. Ладно, напои этим гражданина Йокомбе, а я к Олии пошел, лечить ее сейчас буду.

— Погоди.— Хайк заглянул в кружку.— Тухлой водой, что ли, шамана поить? Зачем?

— Как — тухлой? — в один голос воскликнули Семен с Маром. Семен заглянул в медную посудину — на дне бултыхалась мутная водица со знакомым неприятным запахом.

— Понятно.— Семен брезгливо отстранил от себя кружку.— Вода лишь в стакане лечебной становится... Что ж, придется нашему другу-шаману немного подождать! Или протрезветь обычным путем. Естественным.

Семен повернулся к хижине, но идти в нее не пришлось— Олия стояла на пороге, растерянная, прикрывая от вечернего света глаза ладонью. Увидев Семена, она радостно вскрикнула и бросилась к нему. Семену показалось, что она сейчас его обнимет, он даже руки вперед протянул, но Олия остановилась в шаге от него, глядя по сторонам.

— Симеон, где мы? — озабоченно спросила она.— Что случилось? И кто этот человек, вон тот, который лежит в траве? Он ранен, ему плохо? Хайк, привет!

Хайк расплылся в улыбке, кивнул ответно, но говорить ничего не стал. Посмотрел на Семена и не стал.

Семен сделал вид, что он вовсе и не собирался обниматься, а решил физзарядкой на досуге развлечься: помахал немного руками по-физкультурному и ответил:

— Олия, все в порядке. Мы в Пестром Мире, от колдовского сна тебя спасали. А тот человек, что лежит возле стола, это знатный шаман Йокомбе, он как раз тебя и лечил. Видишь, как старался — аж всю шаманскую силу истощил, в обморок упал! Хайк, давай занесем нашего друга в хижину, чего ему здесь на виду валяться... тем более что лежанка освободилась.

Подхватив колдуна за руки-ноги, Семен и Хайк отволокли его в дом.

Вернувшись на улицу, Семен поначалу девушку не увидел, испугался было, что она куда опять унеслась приключения искать, но тут Олия вышла из-за хижины, поправляя на себе платье, и у Семена отлегло от сердца.

— Надо мне было,— пояснила Олия, заметив встревоженный вид Семена.— Ох, как есть хочется.— Девушка посмотрела на остатки копченого окорока голодными глазами.— И пиво в бочонке, прелесть! Что празднуете? — Она села за столик.

— Ты лучше из стакана пей,— спохватился Семен и поставил перед девушкой железную посудину.— Из кружек нежелательно, сразу захмелеешь!

— А какая разница, из чего пить? — удивилась девушка, но перечить не стала. Семен налил ей пива, сел на другую скамеечку, рядом. Хайк вынес из хижины свою сумку, достал из нее шар предсказаний и, уткнувшись в него носом, демонстративно углубился в рассматривание невесть чего. Мол, вы беседуйте, а я вам мешать не стану.

Подождав, пока Олия немного поест и выпьет, Семен решил, что уже можно расспросить ее, как и что с ней произошло, но девушка его опередила:

— Слушайте, а где люди? Тихо-то как! Словно весь поселок вымер.

— Они по хижинам сидят,— пояснил Хайк, не отрываясь от шара.— Как Йокомбе им приказал, так и сидят... Очень дисциплинированный народ!

— Есть с чего дисциплинированными быть,— усмехнулся Семен.— Йокомбе у них шаман крутой, на поступки скорый... Олия, расскажи, пожалуйста, как ты в черном замке оказалась? И зачем? Почему нас с собой не позвала?

Девушка съела ломтик мяса, выпила пива и лишь потом ответила несколько смущенно:

— Извини, Симеон... Конечно, я поступила опрометчиво. Но... но Чаша принца Ранди была так близка, настолько, что... Я сама ее взять хотела, понимаешь? Ну, доказать тебе и себе, что я все могу сама! Но, к сожалению, не сумела. Даже не увидела, как та Чаша выглядит... Обидно.

— Не смогла взять, говоришь? Хм...— Семен с интересом покосился на стакан в ее руке.— Давай-ка подробнее! Что это

за замок был, откуда ты о нем узнала... О Чаше тоже не забудь, для чего она и зачем. Все рассказывай.

— Хорошо.

Олия допила пиво, равнодушно покатала в ладонях пустой стакан, отставила его в сторону.

— Я как-то говорила тебе, что работала в Гильдии поисковой наводчицей. И мне приходилось просматривать множество линий связи... порой в таких потайных уголках случалось бывать, в таких древних архивах, о которых, пожалуй, никто сейчас и не помнит! И вот в одной из таких забытых линий я нашла документ... нет, не документ — легенду о Чаше принца Ранди.— Олия помолчала.— Случилось это пять или семь тысяч лет тому назад, в одном из Миров, название которого в легенде не упоминалось: жил тогда в том Мире принц Ранди. Жил не тужил: охота, пиры, друзья-подружки, то да се... Мать у принца давно умерла, а король-отец был еще человеком крепким, нестарым.

Однажды весной повстречал принц в лесу девушку чудной красоты, с золотыми волосами и фиалковыми глазами, и сразу же влюбился в нее без памяти. Что за девушка, откуда — про это в легенде не говорилось, сказано только, что она из простолюдинок была; короче, взял принц девушку с собой, поселил ее в домике на берегу озера и стал к ней тайком наведываться. Потому-то король о той девушке ничего не знал, до поры до времени.

Тем же летом, во время охоты, случайно занесло короля-отца к домику у озера, и увидел он, как девушка, стоя у окна, расчесывает свои прекрасные золотые волосы... Тут же влюбился в нее король, забрал девушку и во дворец отвез.

Прознал о том принц, кинулся к отцу: мол, так и так, это моя подруга, и я ее люблю! Слово за слово — повздорили они, крепко повздорили! До того, что схватились за мечи и стали драться. Друг дружку, к счастью, не поубивали, но поранили сильно. Девушка это все видела и от испуга сознание потеряла. А когда очнулась, то стала безумной — никого не узнает, ничего не понимает и говорить не может. Осерчал король и выгнал их обоих из замка, и сына, и девушку.

Стали они скитаться где придется, а зимой девушка сильно заболела: разные лекари ее лечили, но все без толку! Понял Ранди, что она умирает, и решил обратиться к одному искусному

магу за помощью. Увы, тот сказал, что вылечить девушку не в его силах и принц сам должен будет найти некое известное магу спасительное средство в потустороннем мире, куда он, маг, может принца отправить. Но плата, возможно, окажется слишком велика — потусторонний мир ничего просто так не отдает! Принц Ранди не испугался и дал согласие отправиться в опасное путешествие. Сказано — сделано.

Вернулся принц через день: седой, изможденный, старый. И принес с собой Чашу. Кому она раньше принадлежала, как принц смог ее раздобыть — неизвестно. Потому что напоил принц девушку водой из той Чаши и умер. А девушка сразу выздоровела! Мало того, она и в сознание пришла, взяла Чашу и вернулась к королю-отцу, куда ж ей деваться-то было? Вышла замуж за короля, нарожала ему детей, и жили они душа в душу до самой своей смерти...

— Очень поучительная история,— одобрительно сказал Мар.— И наводит на всяческие невеселые размышления... Значит, наш железный стаканчик и есть та самая Чаша? Громко названо, громко... Хотя ночной горшок тоже иногда величают «вазой», но суть от того не меняется.

— ...А Чашу вскоре украл тот самый искусный маг,— продолжала Олия.— Он вообще-то был злым магом и использовал принца в личных целях. Чашу маг хранил в своем Черном Замке, под надежной магической охраной, подойти к ней мог лишь он один. Конечно, были попытки ту Чашу у мага выкрасть, были... В основном при помощи всяких технических устройств, чтобы охрану обойти. Но взять Чашу иначе как руками невозможно, такое вот у нее свойство.

Кстати, Черный Замок в легенде очень подробно описан, потому-то я его сразу и узнала...

Когда магу пришло время умирать, он заколдовал Замок, отправив его в никуда, и объявиться тот Черный Замок должен перед концом света. Смешно, правда? Замок есть, а конца света нету!

— А вот это уже никуда не годится,— хмуро проворчал Мар.— Тут уже не до размышлений становится! М-да...

— Но это же легенда! — рассмеялась Олия, глядя на вытянувшиеся лица друзей.— Всего-навсего сказка!

— Сказка? — Семен переглянулся с Хайком.— А теперь, Олия, послушай-ка любопытную новость...

ГЛАВА 6
Сезон Летних Игр на Муравьиной Плеши

— Это невероятно,— сказала Олия, дослушав до конца рассказ Семена.— Невозможно, немыслимо!

— Да,— удрученно согласился Семен,— настоящий кошмар. Но факт остается фактом: звезды разбегаются. А в чем причина, почему, не знаю.

— Я вовсе не о том,— отмахнулась Олия.— Какое мне дело до тех светляков в небе, пусть себе разбегаются, подумаешь... Но что произойдет с Мирами Вселенского Диска?! Что случится с нами?

— М-м... — Семен в затруднении почесал затылок.— Выходит, ты ничего не поняла. Ладно, объясню проще: Вселенский Диск состоит из множества разных Миров, отделенных друг от дружки колдовским безвоздушным пространством, так? — Олия нахмурилась, не понимая, к чему клонит Семен.— Каждый Мир находится в одном и том же отведенном ему изначально месте, рядом со своим солнцем, которое и есть звезда... ну, примерно в одном и том же месте находится. И каждый конкретный магический адрес жестко привязан к своему конкретному Миру, вернее к его солнцу — я так думаю,— а раз звезды стали менять свое местонахождение, то адреса становятся иными и ты, путешествуя из Мира в Мир, будешь попадать куда придется, а не туда, куда тебе надобно...

Семен хлопнул себя по лбу и обернулся к Хайку:

— Вот почему нас по разным Мирам носило! Да, Хайк, похоже, у нас уже началась проблема с перемещениями.— Он снова повернулся к Олии.— Но это еще не все! Пока что лишь путаются адреса Миров, это не опасно, но вполне возможно, что вскоре транспортные заклинания начнут выбрасывать путешественников в то самое колдовское безвоздушное пространство... И тогда настанет время чужих с их прыгалками! Они-то своего не упустят... Да, совсем забыл! Раз Миры сошли со своих мест, то не исключено, что они могут начать сталкиваться, а это однозначно приведет к их гибели... Что будет потом со всей Вселенной, то есть с Вселенским Диском, я и представить себе не могу!

— Надеюсь, это еще не скоро произойдет,— задумчиво сказала Олия.— Не сегодня и не завтра... Теперь мне понятно, почему Черный Замок объявился! Наверное, возник недавно в своем Мире, а жители взяли и в Тень его скинули, подальше от греха... Там же мертвые были, в Замке! Видели?

— Видели.— Семен глянул в небо: солнце ушло за крыши хижин, окрасив напоследок край небосвода в малиновый цвет; в темной небесной выси уже разгорались крупные тропические звезды.

— Пора и о ночевке подумать,— подал голос Хайк.— Останемся или все же попробуем в какую гостиницу перенестись?

Семен не успел ответить: внезапно Олия, взвизгнув, вскочила со скамеечки и отбежала в сторону, показывая пальцем на бочонок с пивом. Семен повернул голову. На бочонке, свернув задние лапки калачиком и задрав хвост крючком, сидела крупная ящерица и, запустив длинную соломинку в отверстие бочонка, потягивала пиво. Сидела она, видимо, уже давно, потому что брюшко у нее было раздуто, а глаза блаженно прикрыты.

— Я не останусь здесь,— испуганно крикнула Олия,— что хотите делайте, а не останусь! Я змей и ящериц до смерти боюсь, а эта вообще какая-то ненормальная, пиво через соломинку пьет... еще укусит меня во сне!

Ящерица лениво приоткрыла один глаз, вяло махнула лапкой, мол, больно надо мне тебя кусать, отстань, и принялась дальше тянуть пиво.

— Решено.— Семен встал.— Попробуем все же попасть в какое-нибудь более цивилизованное место. В гостиницу или на постоялый двор... или в домик Кардинала, если повезет! Выспимся, а утром будем решать, что делать дальше.

— Кардинал? — переспросил Хайк, пряча шар предсказаний в сумку.— Вот уж от кого я на твоем месте держался бы подальше!

— Почему? — Семен уставился на Хайка.— Не понял. Объясни!

— Э, да ты совсем от жизни оторвался.— Хайк повесил сумку на плечо.— Десять дней тому назад при невыясненных обстоятельствах скоропостижно скончался Император... полностью скончался, без возможности какого-либо восстановления —

это Император-то! — и буквально на следующий день престол занял Кардинал. Как было объявлено, временно, для пресечения возможных волнений и поддержания порядка... Императора до неприличия быстро похоронили, и безутешная вдова объявила по нему пятилетний траур, удалившись от дел и назначив Кардинала регентом до совершеннолетия сына — тому через пять лет как раз шестнадцать исполнится. Так что Кардинал, считай, на пять лет стал полноправным Императором... а за пять лет много чего измениться может! Ты понимаешь, о чем я.— Хайк невесело улыбнулся.— А ну как принц не доживет до совершеннолетия? Заболеет чем неизлечимым или отравится и умрет, как его отец Император, без возможности посмертного восстановления... Всяко при дворцах бывает! Я знаю.

— Но я-то здесь при чем? Я Кардиналу здорово помог недавно,— нетерпеливо прервал его Семен.— У меня с ним хорошие отношения...

— Были,— поморщившись чему-то, поправил его Хайк.— Были да сплыли. Новый Император со своих друзей-знакомых как раз и начал, с тех, кто о нем много чего лишнего знал. Нынче каждый день в новостных линиях о казнях сообщают: один сановник из прежнего окружения Кардинала вдруг шпионом чужих оказался, второй — отравителем... другие — опасными ворами-казнокрадами или тайными вредителями... и так далее.

Я уж не говорю о бывших советниках умершего Императора: тех арестовали и казнили в первый же день, за саботаж и попустительство. За то, что Императора не уберегли... Думаешь, Кардинал о тебе забыл? Как же! Небось спит и видит, когда ты в его домик заявишься, там тебя наверняка уже ждут. С наручниками и кляпом наготове.

— Вот это да-а-а, — протянул изумленно Мар,— вот так фокус. Семен, на тебя, кажись, вновь охотничий сезон открыт, с поисковыми заклинаниями! То-то я последнее время себя непонятно чувствовал, словно кто ищет нас, но не думал, что дело может быть настолько серьезным... А это, оказывается, имперский сыск по приказу нашего дорогого жреца-шефа от столбняка очнулся. Эх, какая знатная «крыша» навернулась!

Жаль, у меня на нее такие грандиозные планы были, пальчики оближешь...

— Проверить сначала надо,— сухо ответил Семен и медальону, и Хайку одновременно.— Не верю без доказательств! Впрочем, рисковать не станем, отправимся туда, где безопасней. На Перекресток нельзя, само собой, да и в другие продвинутые Миры нежелательно... Мар, давай на свое усмотрение, в любой захолустный Мир. Кстати, транспортное заклинание после недавних переносов у тебя не сильно потрачено, вытянешь нас троих?

— Запросто,— оживился медальон.— Я ж тебе рассказать хотел, да ты мне не дал. После купания в принцевом стакане у меня все заклинания обновились! Представляешь — все! И даже те, о которых я позабыл за давностью лет, которые где-то на заднем плане болтались, за ненужностью... типа архивчик полностью использованных, пустых, мне все некогда от них избавиться было... лень, если честно. Таки пригодились, да! Иногда и лениться полезно, в чем я никогда не сомневался.

— Прямо натуральный вечер сюрпризов, в самом деле,— развел руками Семен.— Причем один другого удивительнее! Значит, и пищевое заклинание восстановилось?

— А то,— охотно подтвердил Мар.— С голоду не помрешь, гарантирую.

— Очень хорошо.— Семен взял со стола железный стакан, протянул его Хайку.— Спрячь в сумку да смотри не потеряй. Ценная вещь, куда как поважнее шара предсказаний будет!

Хайк недоверчиво усмехнулся: что может быть ценнее магического шара? Но возражать не стал, положил стакан на самое дно.

— Ой, смотрите, смотрите! — закричала Олия, с ужасом показывая на ящерицу пальцем.— Совсем с ума сошла! Чокнулась...

Семен поглядел на ящерицу и расхохотался: рептилия, вконец очумев от пива, лихо плясала на бочонке, делая в сторону хижины шамана разные непристойные жесты; дули у ящерицы получались неважно, пальцы на лапках были коротковаты, а все остальное выходило убедительно.

— Не обращай внимания,— отсмеявшись, посоветовал девушке Семен.— Обычная пьяная ящерица, эка невидаль... Пивус рептилис называется, местный вид. Очень редкий!

Историю чокнутой ящерицы он решил Олии не объяснять— зачем человека зря расстраивать?

— Так мы переносимся или нет? — вежливо напомнил Мар.— Или на пьяных заколдованных шаманов любуемся?

— Переносимся,— махнул рукой Семен.

В новом Мире была ночь и шел мелкий промозглый дождь. Троица стояла на узкой улочке, мощенной тесаным камнем. Камень этот блестел как стеклянный в свете неярких газовых фонарей; сырые стены домов проступали за фонарями смутными темными пятнами. После жаркого Пестрого Мира сразу стало холодно, и Семен превратил свой легкомысленный наряд в более подходящую одежду: костюм вроде охотничьего, непромокаемый плащ с капюшоном и сапоги. Олия тоже организовала себе нечто подобное. Хайк, как человек закаленный и непривередливый, на плохую погоду внимания обращать не стал. Да и не было у него костюма «Хамелеона»...

— Мар, где мы? — Семен шел, пытаясь разглядеть в сырой мгле вывеску гостиницы.— Что за Мир?

— Да кто ж его нынче знает,— вздохнул медальон.— Я использовал адрес одной из лучших гостиниц Виноградного Мира, хороший Мир, там всегда лето и народ очень дружелюбный, особенно если ты при деньгах. А куда попали на самом деле, не знаю. На лето ничуть не похоже, скорее ранняя осень. Да и архитектура... В Виноградном так не строят.

— Разберемся.— Семен остановился возле одного из фонарей, вгляделся в слякотную мглу.— Смотрите, там на доме вроде вывеска какая-то есть! Может, все же гостиница? И чего у них такая темень, ни одно окно не светится... Мар, ну-ка подсвети.

Семен шагнул ближе к дому.

Во вспыхнувшем матовом свете на вывеске обнаружились старательно нарисованная волчья морда с оскаленной пастью и, чуть ниже, надпись: «Волчье логово», еще чуть ниже: «Гостиница». А еще ниже, совсем мелко: «На твой страх и риск, путник».

Семен замер в нерешительности:

— Подозрительная какая-то гостиница! Может, ну ее? Давайте другую поищем, без предупредительных надписей. Что-то у меня на душе неспокойно...

— Глупости.— Олия смахнула с лица дождевые капли.— У моего дедушки во дворе замка бассейн есть, там на табличке тоже написано: «Купайтесь на свой страх и риск!» Ну и что? Купаются же! Иногда. Когда крокодилов оттуда убирают... И никто еще не утонул.

— А крокодилы в бассейне для чего? — поинтересовался Хайк.— Для экзотики?

— Дедушка мне не говорил.— Олия поежилась.— Симеон, я замерзла! Сколько можно думать...

Семен толкнул дверь.

В гостинице было тепло, сухо и почему-то слегка попахивало зверинцем. Вдоль стен небольшого зала-вестибюля стояли видавшие виды диваны с кожаной обивкой, местами основательно порванной, но аккуратно зашитой. Также в вестибюле был разожженный камин и множество картин, развешанных между настенными светильниками над спинками диванов. Все это создавало ощущение спокойствия и уюта. За гостиничной стойкой никого не наблюдалось. Сбоку от стойки находилась высокая стальная дверь с надписью: «Вход»; на двери с непонятной целью был укреплен массивный засов.

Семен подошел к стойке, хлопнул ладонью по чашечке звонка:

— Есть кто? Народ, отзовись! Постояльцы пришли.

— Зря шумите,— донеслось сзади.— Все на соревновании, будут не скоро.

Голос был гнусавый, словно говоривший страдал то ли полипами, то ли крепким насморком. Семен обернулся.

Возле входной двери сидел на диване, полускрытом распахнутой створкой двери, почему его сначала никто и не заметил, мужчина лет сорока: худощавый, с седой, по-военному короткой стрижкой и такими же седыми пышными усами, в черной мешковатой камуфляжке, подпоясанной широким ремнем. У мужчины было мрачное выражение лица; в руках он держал развернутую газету. Видимо, мужчина как раз читал ее, когда вошли новые постояльцы.

— А как же нам тогда... э-э... вселиться? — полюбопытствовал Семен.— Сидеть и ждать, что ли? Неизвестно сколько.

— Зачем ждать? — Человек в черном бросил газету на диван, встал, при этом на ремне у него обнаружилась расстегнутая кобура с торчащей из нее пистолетной рукоятью.— Берите ключи и вселяйтесь. Утром скажете портье о себе и заплатите, всего-то делов! Вы, кстати, кем будете — участниками финальной битвы или наблюдателями?

Семен не нашелся что сказать, слишком уж вопрос оказался неожиданным, потому ответил уклончиво:

— Отдохнем, а там посмотрим. Кем-нибудь.

— Ежели опыта мало, то участниками не советую.— Собеседник указал рукой на газету.— Пишут, что хотя премия в этом сезоне необыкновенно велика, но и бойцы к финалу подобрались знатные.

Человек в черном шмыгнул носом, достал из кармана платок и трубно высморкался.

— Кабы не проклятый грипп, я бы завтра тоже в драке поучаствовал,— пожаловался он.— Может, повезло бы... Гнусная болезнь! Даже обращением не лечится... Весь город на Муравьиной Плеши, ставки бешеные, один я не у дел. Сижу тут, друг попросил за него подежурить, раз я нюх потерял. Вот и дежурю.— Он раздраженно скомкал платок.— Берите ключи и ступайте. Утром скажете, что Фальк Черный разрешил. Идите, идите! А то подцепите от меня какую заразу, и плакало ваше участие в финале...

Фальк уселся на диван, закинул ногу на ногу и раскрыл газету.

Семен зашел за стойку, взял из ячейки с надписью «Смежные номера» два ключа на общей связке и направился к стальной двери. За ней начинался длинный широкий коридор с потолочными светильниками, точь-в-точь как привычные Семену лампы дневного света — они и гудели точно так же; по обеим сторонам коридора, стены и потолок которого были обшиты дубовыми панелями, шли пронумерованные двери, тоже металлические, отполированные до блеска, и тоже с засовами. И с глазками. Правда, засовы были везде отодвинуты и заперты навесными замками, а ушки глазков привинчены к двери винтами и оплом-

бированы, но все равно впечатление от увиденного оставалось тягостное.

— Не гостиница, а тюрьма какая-то.— Семен посмотрел на бирки ключей.— Или психбольница. Тридцать четвертый двухместный и тридцать пятый одинарный... Я с Хайком в тридцать четвертом, разумеется.

Семен вручил девушке ключ от ее номера.

Гостиничный номер был далеко не супер, но более-менее приличный, а то Семен опасался, что увидит лишь нары с матрасом и голые железные стены, так на него подействовал мрачный коридор. Отнюдь нет! В комнате нашлось все необходимое: две нормальные деревянные кровати, застланные, как положено, всем свежим, чистым, одежный шкаф, стол, стулья, туалет и ванна с душем. Единственным неприятным сюрпризом стало то, что окно в номере было забрано снаружи прочной кованой решеткой. Решеток на окнах Семен не любил.

— По-спартански, но на одну ночь сойдет,— решил он.— Олия, как у тебя? — Семен постучал в железную дверь, соединяющую оба номера. Дверь, как и повсюду, была с засовом.

— Все в порядке! — откликнулась девушка.— Погоди, я искупаюсь, а после к вам зайду.

— А что, дельная мысль.— Семен потер колкий подбородок.— Побриться, помыться, поужинать и баиньки...

Он превратил свою уличную одежду в банный халат и пошел в ванную.

...Вечер прошел замечательно, но слишком быстро для Семена: все собрались в двухместном номере, отужинали. Мар организовал великолепное застолье, давно Семен так вкусно не ел! Поболтали о том, о сем... Семен, выпив немного сухого вина, вскоре понял, что засыпает прямо за столом. Хайк отдыхать не хотел, он вообще спал мало, Олия же выспались в гостях у шамана Йокомбе... уж выспалась так выспалась! А вот Семен чуть со стула не падал.

Хайк принялся объяснять Олии, как пользоваться шаром предсказаний. Поняв, что друзьям сейчас не до него, Семен потихоньку вылез из-за стола, прилег на кровать и мгновенно уснул.

Проснулся он почти под утро от жары: в номере было натоплено по случаю холодов, да и банный халат в этот раз получился излишне теплым.

Хайк спал, мерно посапывая во сне,— ни жара, ни холод его не беспокоили, спать он мог в любых условиях. Семен, невольно позавидовав Хайку, открыл окно настежь и остался возле него, очень уж славно было! Прохладно.

Дождь кончился, серое предрассветное небо очистилось от туч, но звезды, маленькие и редкие, романтического настроения не создавали; у горизонта, закрывая те неинтересные звезды, темнело что-то громоздкое, необъятное. Окно номера располагалось высоко над землей и выходило не на улицу, как ожидал Семен, а на равнину, поросшую чахлой травой,— то ли гостиница была расположена на самой окраине города, то ли сам город состоял из одной лишь улицы, Семен не знал да и знать не хотел: задерживаться в этом Мире надолго он не собирался.

Семен зевнул и хотел было прикрыть окно, как вдруг над тем громоздким и темным, у горизонта, вспыхнула алая зарница, на миг окрасив небо в утренние свежие краски. Далекий многоголосый крик, ослабленный расстоянием, прокатился над равниной. В крик явственно вплетался не менее хоровой звериный вой. Похоже, волчий.

Все это напоминало отчаянный вопль футбольных болельщиков в тот самый миг, когда в ворота забивается самый главный, определяющий победителя гол. Тогда орет весь стадион — кто от радости, кто от возмущения, но молчаливых нету! За исключением разве что тех, кто переусердствовал с выпивкой и сомлел во время игры...

Семен потер глаза — спать хотелось невозможно,— но решил еще немного постоять, посмотреть и послушать. И не зря: вскоре и вспышка, и крик, и вой повторились. Причем крик был гораздо сильнее и протяжнее, словно не гол там сейчас забили, а устроили массовую драку; звериный вой был настолько пронзительным, что у Семена засвербело в ушах.

— Бойцы-финалисты,— пробормотал Семен, плотно закрывая окно.— Спортсмены-соревнователи. Ну-ну...

И он завалился спать дальше, не обращая внимания ни на вспышки, ни на глухой далекий шум неведомого соревнования.

Утро началось с криков и беготни за дверью, ведущей в коридор. Семен оторвал голову от подушки: орали в несколько голосов, орали зло, надрывно, крики то и дело перекрывал звериный рев; несколько раз послышался свист бича, что-то тяжелое пару раз ударилось в дверь номера — хорошо, что дверь была заперта на ключ, а задвижка в замке была приличной, не хуже наружного засова,— потом грохнул выстрел, другой, кто-то взревел дурным голосом, и стало тихо. Семен полежал несколько минут, стараясь уснуть, но сон уже не шел, да и какой сон после стрельбы-то! Семен встал, подошел к двери и осторожно приоткрыл ее.

В коридоре никого не было. Дверь противоположного номера оказалась заперта на засов, а ушки засова прихвачены навесным замком; на дверной ручке висела стандартная гостиничная табличка «Не беспокоить!»; неподалеку валялся пластиковый шприц с оперением как у стрелы, толстый, пустой. Семен покачал головой, тихонько закрыл дверь. И запер ее на ключ.

— Что случилось?

Хайк сел, потянулся за штанами.

— Стреляли,— ответил Семен и пошел умываться.

В ванной, в стаканчике у зеркала, нашлась пара запакованных в целлофан зубных щеток в комплекте с тюбиком зубной пасты — гостиничный подарок, которого Семен вчера от усталости не приметил. Почистив зубы и проведя по ним языком, Семен обнаружил, что у него исчезли все пломбы... Вернее, не пломбы исчезли, а зубы стали абсолютно целыми, словно их никогда не ремонтировали.

— Ай да стакан имени Ранди,— восхитился Семен.— Наверное, это когда я пиво с шаманом пил.— Прихватив зубную щетку на память (все одно в оплату номера входит!), он вышел из ванной.

...Через полчаса Семен организовал завтрак. Как раз к этому времени Хайк закончил мыться-полоскаться, да и Олия пришла из своего номера, свежая, с мокрыми волосами, пахнущая незнакомой Семену парфюмерией. В этот раз Мар угостил народ крепким горячим чаем с ватрушками. Медальон то и дело порывался завалить стол деликатесами, ссылаясь на то, что у него этого добра нынче до фига и больше, но Семен

запретил. И не от жадности запретил, а потому, что обжираться с утра нельзя, весь день насмарку пойдет. А вечером — сколько угодно, хотя, говорят, это вредно... На том и порешили.

— Как ночь? — жуя ватрушку, спросил Семен у Олии.— Крики и вспышки не донимали? Весело тут народ живет, ничего не скажешь! Что же у них за массовое соревнование такое? Чересчур шумное... Хотелось бы взглянуть.

— Ничего я не видела и не слышала, спала как убитая.— Олия отхлебнула чаю, взглянула на Семена задорно и сказала совсем не по теме: — Мне Хайк все-все рассказал! Как ты меня из Черного Замка спасал и что железный стакан оттуда вынес. Спасибо тебе, Симеон! Так стакан и есть Чаша принца Ранди?

Семен кивнул, не пускаясь в объяснения.

— А я из него пиво пила,— огорчилась Олия.— Из легендарной Чаши как из обычной кружки! Фу, какое неуважение к древнему чуду... Мне прямо за саму себя досадно, вот.

— Я тоже из него пиво пил,— невозмутимо сказал Семен.— И ничего плохого в том не нахожу. У меня, между прочим, теперь все зубы целые, ни одной пломбы! Может, и еще чего вылечилось, я пока не знаю.

Олия посмотрела на Семена оторопело, помолчала. Было видно, как она водит языком по зубам...

— И у меня тоже все зубы целыми стали...— растерянно сообщила она.

— Вот видишь,— одобрительно улыбнулся Семен.— А ты говоришь — неуважение!

— Симеон,— Хайк отложил надкушенную ватрушку, посмотрел на Семена очень серьезно: сегодня Хайк вел себя странно, был молчалив и сидел с угрюмым видом, словно обидел его кто,— хотел было я с тобой после завтрака поговорить, но решил, что тянуть время незачем. Слишком важная новость!

— Да? — Семен насторожился, ожидая услышать что-нибудь неприятное. И не ошибся.

— Вчера, после того как я показал Олии возможности шара предсказаний, я, интереса ради, прошелся по новостным линиям. И обнаружил, что кто-то очень старательно убирает все сообщения о неладах с транспортной магией: только я наткнусь на

такое сообщение, глядь — а его уже нету! Кстати, там же, в линиях, я нашел много писем от избранных, таких же, как и я, через которых комплексные заклинания в Миры поступают. Они, избранные, как правило, себя не афишируют, но тут словно прорвало! Так вот: за последнее время не было ни одного сеанса приема заклинаний.— Хайк выжидательно посмотрел на Семена.

— А разве плохо? — не понял Семен.— У тебя же от тех сеансов и голова болит, и чувствуешь ты себя неважно...

— Дело вовсе не во мне,— возразил Хайк.— А в том, что источник комплексных заклинаний иссяк... Совсем неладно стало в нашем мироздании!

— Уж куда неладнее,— согласился Семен, но, видя, что Хайк хочет сказать еще что-то, умолк.

— Звезды разбегаются, и путешествовать из Мира в Мир становится сложно, это раз.— Хайк загнул палец, считая.— Комплексная магия ни к кому не поступает, это два... Вскоре транспортные заклинания окончательно израсходуются и перемещаться будет невозможно даже в пределах одного Мира. Три.— Хайк посмотрел на Семена, тот ждал продолжения.— Также рано или поздно израсходуются и пищевые заклинания, это четыре. Множество Миров существуют только за счет ввозимых в них продуктов и стандартной пищевой магии, например Мир Перекрестка. Значит, там в конце концов начнется борьба за выживание: обязательно война и людоедство. Это пять.— Хайк загнул последний палец, со злостью стукнул кулаком по столу.— Насчет конца света не знаю, но конец Империи не за горами!

— Чужие своего ни в коем случае не упустят,— озабоченно произнес Семен.— Кинутся захватывать беспризорные Миры один за другим, те, которые из Империи выпадут. С их прыгалками — запросто!

— Кстати, насчет чужих,— вспомнил Хайк.— Я заодно ночью в одну защищенную правительственную линию заглянул, далеко лезть не стал, но там говорилось, что у чужих недавно какая-то серьезная проблема возникла. То ли эпидемия у них, то ли что другое... Если надо, я попробую все же пробиться через защиту и узнать поточнее.

— Неплохо бы,— одобрил Семен.— Но не сейчас! Заплатим за гостиницу, погуляем по городу. Вряд ли мы сюда когда-нибудь вернемся. значит, надо воспользоваться моментом. Походим вроде туристов, подумаем, что дальше делать и как быть... что-то же надо делать, нельзя ведь сидеть сложа руки и ждать беды! Лютующий Кардинал-Император, поисковые заклинания, конец света — сколько ж всего сразу навалилось-то... Прогулки, они хорошо от мрачных мыслей отвлекают, глядишь, чего и придумаем.

Семен встал, превратил банный халат в невзрачную, болотного цвета куртку, такие же унылые брюки и черные полусапоги: не хотел он одеваться броско и привлекать к себе внимание, настроения не было. Олия подумала и состряпала себе нечто похожее по цвету. Хайк, давно уже одетый, сунул ноги в сандалии и взял сумку.

За стойкой в вестибюле стоял молодой парень, вихрастый, улыбчивый, в одежде, заметно схожей с камуфляжкой Фалька, только ровной желто-зеленой расцветки. У парня была забинтована левая рука.

— Нам Фальк Черный вчера разрешил поселиться.— Семен положил связку ключей на стойку.— Сколько мы должны?

Он достал из кошеля золотую монету.

Парень пододвинул к себе связку, посмотрел на бирки:

— О! Вы, стало быть, соседи того возвратного, которого мы сегодня утихомиривали? Прошу прощения за причиненные неудобства.

Парень взял монету, отсчитал сдачу медяками: медяков было много, хоть нищим раздавай, ни одной серебряной монеты. Семен сгреб деньги со стойки и, указав взглядом на забинтованную руку, пошутил:

— Бандитская пуля?

— Производственная травма,— усмехнулся парень.— Бывает! Возвратный когтем цапнул, зараза... Два шприца снотворного в него всадили, пока не утихомирился! Один — я, один— Фальк... Он, гад возвратный, в номер к себе шел и в росомаху обратился, а у росомахи сами знаете какие когти. Ничего, скоро заживет, не впервой... Номера за вами оставлять?

Парень пододвинул Семену книгу регистрации.

— Пожалуй, не надо,— Семен принялся заполнять графы задним числом.— Мы уж как-нибудь...

— А-а, натуральное логово успели подыскать,— с пониманием сказал парень.— Это правильно! Перед соревнованием именно то, что надо. Гостиница, конечно, дело хорошее, но голые стены, высокие потолки, искусственный свет — это да, это раздражает, согласен. Вы, кстати, уже застраховались? Если нет, то могу порекомендовать надежную контору.

— Застраховались мы,— буркнул Семен,— вчера еще. Вот, готово.

Он пододвинул книгу к парню.

— А кто такие «возвратные»? — спросил Хайк. Без всякого умысла спросил, просто так, больно уж слово чудное было, незнакомое. Парень внезапно подобрался, исподлобья посмотрел на Хайка, спросил резко:

— Он с вами?

— С нами, разумеется,— поспешил заверить его Семен, оборачиваясь к Хайку и делая страшное лицо.— Деревенский он, из глубинки, потому и вопросы дурацкие задает! — Вспомнив слова Фалька Черного, добавил веско: — Участником финала сегодня будет, ага.

— Вон оно что,— расслабился парень.— То-то я смотрю, одежда... Ну ладно. Удачной вам охоты!

Семен повернулся и направился к выходу. Уже в дверях он услышал, как парень вполголоса бросил презрительно:

— Деревенский и в финале?.. Вот дурак!

Семен вышел на улицу.

Погода была великолепная: ослепительное солнце и ни единого облачка на синем глубоком небе, холодный воздух, пахнущий увядшими листьями и недавним дождем — действительно, здесь стояла ранняя осень. Как Мар вчера и говорил.

Словно почувствовав, что Семен вспомнил о нем, медальон прокашлялся и тихонько, заговорщицки произнес:

— Семен, ты обратил внимание на глаза того парнишки? Вернее, на его зрачки?

— Глаза? — Семен призадумался.— Зеленые, кажись... Насчет зрачков ничего сказать не могу: зрачки как зрачки. Были бы расширены, тогда понятно — наркоман. А что?

— Они у него вертикальные,— зловещим шепотом сообщил Мар.— Немножко, но вертикальные, ты мог и не заметить. Оборотень тот парень, вот что! Занесло нас, Сема, в Мир Оборотней, тьфу на них... Слышал я об этом Мире, доводилось. Нормальные люди сюда не суются!

— А кто сказал, что мы — нормальные? — совершенно уместно удивился Семен.— Нормальные дома сидят, водку с пивом по выходным пьют, с женами ругаются и морды друг дружке бьют, а не шастают из Мира в Мир, как мы... Нормальные люди трубят на постылой службе от звонка до звонка за стабильную зарплату, а не воруют заклинания, живут себе, живут, да и помирают. А что, тоже вариант! Но не для меня.

— М-да. Хорошо, что мы ненормальные,— подытожил медальон.— Был бы я нормальным, как ты расписал, всенепременно повесился бы от скуки. Разве ж это жизнь!

— Да ты и так висишь,— верно заметил Семен.— На цепочке.

— Уел, один ноль в твою пользу,— рассмеялся Мар.— Хочешь премию в виде бутылочки пива?

Семен не отказался, почему бы и нет? Все ж честно заработал. И пошел дальше, прихлебывая из горлышка.

...Как выяснилось, гостиница «Волчье логово» располагалась на самой окраине города. Город же оказался по-современному большим и шумным. Возможно, это даже была столица, Семен не разобрался, а спрашивать у прохожих он не рискнул. Кто их, оборотней, знает! Еще укусят, с них станется. А ты мучайся после того укуса каждое полнолуние... Хайк и Олия восприняли известие по-разному. Хайк лишь флегматично пожал плечами, а девушка испугалась всерьез, так что Семену пришлось ее долго успокаивать, поить минеральной водой и обещать, что в этом Мире они не задержатся. Погуляют до вечера и перенесутся в какой другой Мир, все равно в какой! Олия хоть и успокоилась, но от встречных прохожих шарахалась как от зачумленных, тесно прижимаясь к Семену и прячась лицом в его плечо. Семен ничуть не возражал— шел выпятив грудь, расправив плечи, и поглядывал на прохожих свысока. Прохожие сторонились, улыбаясь влюбленной парочке, и желали им удачной охоты. Семен важно кивал, ответно желая им легкой добычи. На Хайка прохожие демонстративно не обращали внимания, однако многие, пройдя мимо,

оборачивались и провожали его взглядом. Хайк в своей линялой, почти белой джинсовке выделялся как лягушка-альбинос среди нормальных болотных собратьев — все прохожие были в одеждах защитной раскраски, под цвет жухлой травы и палых листьев. По сезону.

Город был красив: высокие многоэтажные дома с зеркальными стенами вместо окон, широкие улицы, утопающие в осенней зелени — трава, кусты и деревья росли везде, где только имелась такая возможность. Грамотно высаженные и тщательно ухоженные, деревья превращали улицы в сплошной парк.

Проезжая часть, мощенная тесаным камнем, была невелика и занимала меньшую часть улицы. Механическим самоходным транспортом здесь не пользовались вообще, да и движение было не слишком оживленное — всадники на лошадях, извозчики, иногда кареты и уж совсем редко — груженые телеги. Возможно, ближе к центру все было иначе, и скорее всего — иначе, не может большой город обойтись без транспортных магистралей! Но местные транспортные проблемы волновали Семена меньше всего: сейчас он гулял без определенной цели, наслаждаясь тишиной и невероятно чистым, как в лесу, воздухом.

Семен шел по городу, с интересом поглядывая по сторонам: когда еще повезет узнать быт и нравы оборотней? Нравы его пока что устраивали, нормальные нравы, вполне дружественные, а быт хорошо иллюстрировали разнообразные магазины: уж крупных магазинов, магазинчиков помельче и всяческих торговых лавок в городе хватало! Были тут и продуктовые, и одежные, и ювелирные — всякие, как и в любом другом городе. Но особенно часто встречались магазины специализированные, охотничьи. Семен из любопытства зашел в несколько таких магазинов и с удивлением обнаружил, что там действительно есть практически все необходимое для толковой охоты — все, однако, кроме настоящего оружия! Не было в тех специализированных магазинах ни обязательных ружей, ни арбалетов, ни даже луков, зато глаза разбегались от множества разнообразных шипастых браслетов и рогатых касок самых причудливых форм, а также усеянных острыми лезвиями панцирей, созданных явно не на человеческую фигуру. Видимо, понятие

«охота» в мире оборотней имело несколько иной смысл, нежели тот, к которому Семен привык.

Устав гулять, троица зашла в открытое кафе с ласковым названием «Мамин котенок» и расположилась за стандартным пластмассовым столиком под раскидистым зонтом, ожидая, когда к ним подойдет официант. Олия хотела заказать чаю и пирожных, а Семен с Хайком решили выпить по кружечке местного пива, дегустации ради.

Но вместо официанта к столику подошел Фальк Черный— в мешковатой камуфляжке, подпоясанный, но без кобуры.

Оглядев всех троих дружелюбно-насмешливым взглядом, Фальк сел на свободное пластиковое кресло, развалился по-хозяйски:

— Привет, человеки! Ну, Симеон, как вам наш Мир? — Не дожидаясь ответной реакции, Фальк сразу добавил: — У меня к вам есть предложение...

— От которого мы не сможем отказаться,— скучным голосом закончил за него фразу Семен.— Так, что ли?

ГЛАВА 7
Спецоперация: Лукавое Искусство Монархических Переворотов

Фальк, откинувшись на пластиковую спинку кресла, с нескрываемым интересом разглядывал Семена, словно у того на лбу червонец был нарисован. Семен терпеливо ждал продолжения разговора, но Фальк начинать беседу не торопился. Олия явно нервничала, а Хайк, не дождавшись официанта, отправился к буфетному прилавку за пивом и всем остальным. Спросил только у Фалька вежливо:

— Пиво будете?

Тот не отказался, и Хайк ушел.

— Знаете, Симеон,— после длинной паузы сказал наконец Фальк,— вы удивительно похожи на свой портрет. Вернее, наоборот, но это не важно... Талантливые художники в Имперском сыскном отделе работают, молодцы, не придерешься.

Семен молчал, не понимая, к чему клонит его собеседник, хотя одно уже было ясно: он,Семен, засветился. Впрочем, это

его не пугало, достаточно сказать Мару — и прощай, Мир Оборотней!

— Да не волнуйтесь вы так,— успокоительно сказал Фальк, заметив состояние Олии.— Никто вас арестовывать не собирается, ни к чему это ни мне, ни вам. Я действительно хочу сделать одно деловое предложение...

— Откуда вы меня знаете? — оборвал его Семен.— О предложениях потом.

— По роду службы.— Фальк Черный умолк: Хайк принес пиво в высоких литровых кружках. Фальк взял одну, отпил с удовольствием.— Я состою в царском комитете народной безопасности, в оперативном отделе, чин и должность у меня сравнительно небольшие... но действую я от имени и по поручению моего прямого руководства. Оно в курсе, что вы здесь, Симеон! Собственно, я сам вчера и доложил — лично, без официального рапорта, так что в нашем управлении мало кто знает о вашем прибытии... На днях к нам поступила ориентировка насчет особо опасного вора Симеона: внешние данные, особые приметы и портрет. Вместе со списком преступлений, большой список, должен сказать! Впечатляющий...

— Сейчас чай с пирожными принесу,— вполголоса сказал Хайк Олии.— Подожди минутку.

Фальк повернулся к Хайку:

— Вас не затруднит захватить креветок к пиву? С креветками вкуснее будет.

Хайк снова ушел к прилавку.

— Так вот, насчет ориентировки.— Фальк вернулся к пиву.— Последний раз подобное сообщение мы получали от Имперского сыскного отдела лет десять тому назад, они тогда бухгалтера-казнокрада ловили, который главную имперскую казну основательно почистил. Поймали, не поймали — не знаю... Впрочем, не о том я! — с досадой прервал сам себя Фальк.— Наш Мир хоть и считается формально владением Империи, но существует сам по себе. Империя не лезет в наши дела, мы — в имперские... Оборотней ни в одном Мире не жалуют, потому живем мы крайне замкнуто.

Как вы поняли, ориентировки Имперского сыска у нас редки, так что свежую трудно было не заметить.— Фальк подмигнул Семену.— Я вчера друга-охранника подменял и, как вас увидел,

сразу понял: ба, да это же Искусник Симеон, тот самый! А с ним компания людей, не оборотней... Тем более что сегодня ваш товарищ подтвердил мою догадку.— Фальк мотнул головой в сторону Хайка.— Когда у портье о возвратном спросил... У нас даже малые дети знают, кто это!

— И кто же? — Семен лениво жевал креветки, одну за другой, потягивал горьковатое пиво и жмурился на яркое солнце. Отчего-то на душе у него было хорошо. То ли погода так действовала, то ли что другое, Семен не знал, но ощущение праздника не исчезало.

Олия, забыв о пирожных и чае, внимательно слушала Фалька. Хайк пил свое пиво с отсутствующим видом, думая о чем-то далеком, постороннем. Возможно, о конце света— слишком уж отрешенное у него было выражение лица.

— Возвратные — это оборотни, которые используют во время соревнований запрещенные к употреблению препараты. Допинг, если угодно.— Фальк выбрал креветку покрупнее, принялся ее старательно очищать.— Препараты улучшают выносливость, увеличивают мышечную силу, укрепляют костную ткань, челюсти и клыки в особенности. Но только в обращенном состоянии! В человеческом облике они не действуют... почти не действуют. Обнаружить допинг в крови невозможно, нет таких способов, хотя исследования в этом направлении ведутся. Иногда после приема допинг-препарата случается неконтролируемый возврат из человеческого состояния в звериное, с потерей разума... Временный возврат, часа на три-четыре. Но и за этот короткий срок возвратный может наделать много бед! Потому-то органами правопорядка и ведется постоянная борьба с нелегальными производителями допинговых средств... По правде говоря, безуспешная борьба.— Фальк запил креветку пивом.— Слишком большие деньги крутятся в спортивном бизнесе! Тот же тотализатор, например.

— Понятно.— Семен видел достаточно фильмов о мафии, подробных объяснений ему не требовалось.— Я вот о чем спросить вас хотел: а как же вы, оборотни, полнолуние переносите? В городе небось с миллион жителей будет, а то и больше! Вы же друг дружку давным-давно поубивать должны были и лошадей всех съесть, а они вон по улицам скачут, живые...

— Полнолунное обращение у нас под жестким контролем,— заверил Семена Фальк.— На то есть типовое, одобренное главным царским фармацевтом лекарственное средство, очень эффективное, практикуется всеми гражданами во время полнолуния в обязательном порядке. Ну а ежели имеется такое желание, то можно встретить полнолуние в специально отведенных для этого лагерях отдыха закрытого типа, с круглосуточным егерским контролем. Без фармацевтики встретить. Кстати, лагеря пользуются большим спросом.

— Под жестким? — Семен недоверчиво покачал головой.— Вы уж скажете...

— Под очень жестким,— с нажимом сказал Фальк.— Потому что ослушникам немедленно делают инъекцию, без суда и разбирательства.

— Смертельную? — ахнула Олия.

— Зачем же? — удивился Фальк.— Обычную, блокирующую способность к обращению. Навсегда блокирующую. Потому никто и не рискует... хотя, конечно, всякое бывает.

— Подумаешь, не сможет больше нарушитель в зверя превращаться,— пожала плечами Олия.— Тоже мне беда... Жить-то он все равно будет!

— Милая девушка,— Фальк вздохнул,— для оборотня потерять способность к обращению равносильно тому, как если бы вы, скажем... э-э... перестали получать удовольствие от секса и утеряли способность к деторождению. Жить-то вы будете, не так ли? Но ущербно.

Олия вспыхнула, Семен нахмурился.

— Простите, если я что-то не то сказал,— поспешил извиниться Фальк.— Я забыл о ваших человеческих условностях... Мы к вопросам продолжения рода относимся гораздо проще, без ханжеских недомолвок. У людей такая сложная этика!

— Давайте ближе к делу,— остановил его Семен.— Извинения приняты. Какое у вас к нам предложение?

— К делу так к делу.— Фальк достал из кармана свежий платок, промокнул усы.— Сегодня ночью будет проходить финальное соревнование на Муравьиной Плеши — это стадион такой, за городом,— и по традиции на финале будет присутствовать сам царь. Он и вручит главный приз победителю. Имеются сведения из верных источников, что во время про-

ведения данного соревнования некие лица планируют устроить крупный террористический акт с возможным применением разрушительной магии, который и необходимо предотвратить. Мое руководство обращается к вам с настоятельной просьбой принять участие в превентивно-охранных мероприятиях с целью обеспечения целостности жизни царя и граждан.— Фальк явно утомился от такого обилия казенных фраз, видимо, не привык произносить их: сразу потянулся за пивом, глотку промочить.

Семен уставился на Фалька в изумлении.

— То есть вы хотите сказать, что ничего воровать не придется, а даже вовсе наоборот? Работать не вором, но охранником?

— Типа того,— согласился Фальк.— Хорошо оплачиваемая работа и всего на одну ночь. Дело в том, что обычную взрывчатку или чего другое мы и сами найдем, нет проблем, но когда дело касается магии, ее оперативного обнаружения... Здесь необходим видящий, причем хороший! Такой, как вы. Среди оборотней видящих, увы, нету — не дано нам от природы ощущать магию. Да и крупных терактов у нас раньше не случалось, по мелочам все и без магии, не любят оборотни магию-то, не жалуют ее... Мы, скажу честно, были не готовы к эдакому повороту событий, не предусмотрели, а то бы непременно взяли в штат видящего из другого Мира загодя.— Фальк сердито хлопнул ладонью по столу.— Мерзавцы! Не одно, так другое придумают, за ними не поспеешь!

— А если отменить финал? — задал вопрос Семен.— В связи со сложившейся ситуацией?

Фальк так посмотрел на него, что Семен понял: отменить нельзя. Никак.

— Что вы! Подобное решение вызовет бурю протеста, массовые демонстрации и волнения, а то и настоящий бунт.— Фальк озабоченно покачал головой.— Для нас соревнования на выживание — это все! Это и политика, и экономика, и образ жизни, наконец. Нет, ни в коем случае ни отменять, ни переносить нынешнее соревнование на другой день нельзя. Опасно!

— Ладно.— Семен отхлебнул пива, подумал.— Моя... то есть наша задача в чем? И какая будет оплата?

— Задача простая.— Фальк, поняв, что Семен не против предложенной ему работы, заговорил уверенно, деловито:— Осмотреть стадион перед соревнованием на предмет всяческих магических сюрпризов, а во время соревнования находиться рядом с царем, на всякий случай. Вы же не только видящий, но и действующий? Умеете воздействовать на магию?

Семен кивнул утвердительно.

— Замечательно,— обрадовался Фальк.— Теперь насчет оплаты: пятьсот золотых вас устроит? Наличкой, без оформления бухгалтерской документации, лишняя огласка нам не нужна... Сумма немаленькая за одну-единственную ночь в царской ложе, с просмотром финального боя! Может, и не будет никакого теракта, кто знает?

Народный службист отвел взгляд в сторону, уставился на что-то непримечательное за спиной Семена. Ждал ответа.

— Врет, жучара,— уверенно сказал Мар.— Цену ломит, вредитель. Ему небось тыщу золотых разрешили тебе отстегнуть, царя ведь охранять будешь, не мешок картошки! Вот он и ломит, чтобы подзаработать. Семен, не поддавайся на провокацию, дави его, дави!

— Девятьсот,— ровным голосом ответил Семен.— По триста на каждого. Предполагаю, что и вы, Фальк, не останетесь внакладе... Деньги вперед, перед началом осмотра стадиона, такое мое условие.

— Договорились,— быстро согласился Фальк,— перед началом и получите. Я поехал в управление, а вы тоже не задерживайтесь: жду вас у стадиона через два часа.

Фальк встал и, не прощаясь, ушел к дороге, ловить извозчика.

— Значит, не тыщу ему разрешили потратить, а полторы как минимум,— с досадой воскликнул медальон.— Даже торговаться не стал... Эх, лоханулись мы, Семен! Тьфу, блин.

— Ребята, извините, что у вас согласия не спросил.— Семен с виноватым видом обернулся к Олии и Хайку.— Увлекся как-то... Вы не против работы на стадионе?

— Ничуть.— Олия восторженно смотрела на Семена.— Вот это хватка, вот это класс! Почти тысячу монет отхватить и всего-навсего за ночное дежурство, за просмотр драки оборотней, да какой — борьбы на выживание! Я бы сама денег не пожалела, чтобы увидеть такое, а тут еще и заплатят... Я— за!

— Не думаю, что нам дадут спокойно посмотреть.— Семен недовольно поморщился.— Не думаю... Хайк, а ты как?

— Куда вы, туда и я,— коротко ответил Хайк.— Без вариантов.

— Ну и славно.— Семен взял креветку.— Допиваем пиво и двигаем к стадиону. Начинается работа!

— А как же конец света? — напомнил Семену медальон.— Ты о нем не забыл? Собирался вроде подумать, решить чего-то... Или я ошибся?

— Ситуация изменилась. Что сейчас важнее, сам посуди,— сказал Мару Семен,— теоретический конец света в отдаленном будущем или жизни реальных людей и сегодня? Ну, не людей, оборотней... И девятьсот золотых в придачу.

— Девятьсот реальных золотых, конечно,— не раздумывая заявил Мар.— Дураков нету! Вопрос закрыт, я был не прав.

— То-то же.— Семен поднял кружку с пивом.— За успех! — и выпил до дна. Тем более что пива там оставалось немного.

...Стадион на Муравьиной Плеши, как Семен и предполагал, оказался той самой громадиной, которую он видел ночью из окна гостиничного номера. Стадион назывался «Плешка» и внутри напоминал хоккейный: такие же пластиковые сиденья, широкие проходы и высокие прозрачные щиты вокруг игрового поля. Но отличия имелись, и отличия заметные.

Травяное игровое поле было исчерчено белой сеткой с крупными ячейками: как объяснил Фальк, это были выдвижные стенки — с их помощью можно было создавать подвижные лабиринты для игры «Найди и загрызи» и ей подобных; отделять пары соревнующихся во время боя на выживание с последующим объединением тех выживших в новые пары; также при помощи стен пресекалась массовая драка игроков с болельщиками. Подобные драки случались не часто, но все же случались, особенно в финальных играх.

Как понял Семен, бои «на выживание» были действительно на выживание, по-настоящему. Проигравший зачастую погибал, несмотря на врожденное свойство оборотней быстро восстанавливаться: и впрямь, попробуй-ка восстановись, если тебе оторвали голову! Или перекусили пополам... Но желающих участвовать в играх возможность погибнуть не останавливала— выигравший получал крупный денежный приз, который с лихвой окупал и смертельный риск, и возможные увечья.

Стадион был открытый, без крыши, но с решетчатым железным куполом — на ребрах купола, по периметру стадиона, висели мощные прожектора для освещения трибун. Над игровым полем тоже были светильники, но другие, поменьше размером и укрепленные на специальной подвесной площадке: здоровенная площадка напоминала ровный потолок, раскинувшийся от одного конца игрового поля до другого.

Фальк пояснил, что малые прожектора — это узконаправленные лунные светильники, вызывающие эффект полнолунного обращения; также Фальк сказал, что во время натурального полнолуния соревнования, разумеется, не проводятся. Во избежание неприятностей. Были, мол, исторические прецеденты, но, какие именно, народный службист уточнять не стал.

Прежде чем приступить к осмотру стадиона, Фальк выдал Семену обещанные деньги: пересчитывать золото Семен не захотел, слишком долго пришлось бы возиться, время шло к вечеру. Он поручил Мару запаковать кошель одноразовым упаковочным заклинанием, заодно и пересчитать монеты. Паролем вызова Семен назначил фразу: «Деньги-дребеденьги». Мар охотно выполнил поручение и с радостью сообщил, что монет не девятьсот, а целых девятьсот одна! О чем попросил Фальку не говорить: сам обсчитался, сам и виноват. Закон рынка, понимаешь...

Хайк, заинтересовавшись столь оригинальным способом хранения наличности, попросил упаковать в медальон и его золото, то, что Хайк унес из сокровищницы королевы Яны,— ему уже надоело таскать в сумке зряшную тяжесть. Мар отнесся к просьбе с большим энтузиазмом: ему нравилось ощущать себя крупным банкиром, вернее крепким банком. Хотя проку от того золота для него лично не было никакого.

Упаковав и золото Хайка, медальон возвестил, что у них нынче на балансе шесть тысяч монет без малого и с такими деньжищами можно послать на фиг всех оборотней вместе с их царем и удариться в бега, пока не началось. В смысле, пока террористы чего вредного для целостности банка-медальона не устроили... Семен посоветовал Мару заткнуться и не мешать оплаченной работе. Он, Семен, в отличие от некоторых железяк, имеет совесть! Мар, словно давно ждал повода, тут же пустился в философские рассуждения об относительности понятия «совесть» в различных жизненных ситуациях. Кончи-

лось дело тем, что Семен спрятал медальон под куртку, откуда голос Мара доносился еле слышно и работе не мешал.

Семен и его команда обошли сначала все внутренние помещения стадиона. Как ни странно, их оказалось немного, в основном комнаты ожидания для участников игр, с обязательными лунными светильниками помимо обычных, дежурных. Фальк, ставший на время проводником и экскурсоводом, отвечал на любые вопросы, связанные с проведением соревнований. В комнатах ожидания оборотни-игроки готовились перед выходом на поле. Их, обращенных, экипировали работники стадиона, нечувствительные к лунному свету из-за специально принимаемых лекарств. Экипировали в личные доспехи игрока, от которых в немалой степени зависел исход боя, а потому нужен был глаз да глаз — не так доспехи застегнул, ремешок какой излишне перетянул — и все, не дошел до финала игрок, хорошо, если жив остался... Потому-то игроки-профессионалы предпочитали, чтобы их готовили к сражению близкие родственники.

Хотя и здесь не обходилось без накладок. Фальк, похмыкивая в усы, рассказал историю о том, как одна неверная жена готовила мужа к очередному поединку. Она мало того что излишне перетянула на его доспехах все застежки-завязки, так еще перед выходом пригоршню мерзлых лосиных блох мужу под панцирь насыпала, специально их в баночке на льду держала. А поединщиком у несчастного мужа как раз любовник той неверной жены был... Блохи, понятное дело, скоро отогрелись и в самый неподходящий момент принялись мужа люто грызть. Ко всему прочему многие из блох во время боя и на любовника-поединщика перескочили! И вместо нормальной схватки получилась идиотская комедия: весь стадион ревет, жаждет крови, а эти двое бросили грызню и с остервенением чешутся, но не очень-то в тех железках почешешься... Не поверите — они под рев зрителей помогли друг дружке доспехи сорвать, где зубами, где когтями, и чесались до тех пор, пока их из брандспойтов водой не окатили! Конечно же оба немедленно были сняты с соревнования за применение недозволенных в честном бою средств... блохи не допинг, сразу видны! А искать правого и виноватого не стали, кому оно нужно, после такого срама...

Что там дальше произошло с теми двумя неудачниками и одной неверной женой, Фальк не знал, давно это было, но с

тех пор у оборотней бытует выражение «Подпустить блоху»— поговорка, как понял Семен, схожая с земной про медвежью услугу.

Ни в комнатах ожидания, ни в подсобных помещениях Семен магии не обнаружил, ни вредной, ни полезной, о чем Фальк сделал соответствующую запись в протоколе осмотра, где все и расписались, после чего антиколдовская бригада пошла наверх обследовать трибуны.

На трибунах и без Семена с его компанией народу хватало. Ретивые охранники-службисты тщательно осматривали кресла, выискивая прикрепленную к спинкам-сиденьям-ножкам взрывчатку или что иное подозрительное; царскую ложу, устроенную на уровне первого, самого нижнего яруса, проверяли особо тщательно, уж там службистов было тьма-тьмущая, не сосчитать сколько! Царская ложа — защищенный стальными листами домик-выступ с бронестеклом во всю лицевую стену— напоминала пустую сахарницу, облепленную муравьями: охрана проверяла домик и снаружи, и внутри. Семен заглянул в окно-стену, увидел, что там не только содрали декоративную обшивку с кирпичных стен, но даже разобрали полы, и презрительно усмехнулся: вряд ли неведомые террористы стали бы минировать ложу, слишком это просто! Слишком это на поверхности... Усмехнулся и пошел по рядам кресел, делать свою работу.

Осмотр стадиона закончился, когда уже начало смеркаться. Не найдя ничего подозрительного, Семен и компания в который раз расписались в протоколе осмотра, после чего Семен вздохнул с облегчением: ему уже порядком надоели все эти бюрократические заморочки, хотелось наконец отдохнуть от беготни по трибунам и посмотреть обещанное представление. Так как наблюдать за соревнованием им предстояло из царской ложи, то Фальк немедля провел туда Семена и его команду через отдельный, усиленно охраняемый вход.

Царская ложа выглядела изнутри целехонькой, словно ее и не разбирали до основания: натертый паркетный пол, занавеси на стенах, ряд мягких кресел возле стены-окна, столик с бутылками и закусками, кабинка туалета — словом, все чинчинарем, располагайся и отдыхай себе на здоровье! По-царски.

Фальк приволок откуда-то стулья, расставил их вдоль стены. Пояснил, что, как правило, в ложу посторонние охранники не допускаются, у царя свои телохранители, потому и не пре-

дусмотрены дополнительные сидячие места. Но сегодня день предстоит особый, тревожный... вернее, ночь... и царь милостиво разрешил наемному магу Симеону, вместе с его командой, присутствовать в его ложе и даже сидеть. Ну, и ему, Фальку, тоже такая честь выпала, за компанию. Хотя, как подумал Семен, скорее всего, Фальку поручили следить за той наемной командой, на всякий случай...

Семен, пользуясь отсутствием монарха, подошел к окну.

Небо в перекрестьях купола было черным, ночным; трибунные прожектора трудились вовсю, заливая ряды неприятным бледно-фиолетовым заревом. Лунные светильники над игровым полем пока что бездействовали. Народу уже собралось изрядно, почти все места были заняты, поток зрителей-болельщиков, спускающихся по лестницам проходов, редел — соревнование, похоже, должно было начаться вот-вот.

— Ваше величество! — громко отрапортовал Фальк за спиной Семена.— Группа магоохраны к работе готова! Старший— бригадир Фальк, служба народной безопасности.

Семен поспешно отступил от окна и повернулся лицом к монарху.

Царь оборотней совершенно не походил на царя, вернее на расхожий образ монарха — великого и всеблагого, мудрого, чуткого, утомленного бременем вечной ответственности... на образ, созданный историческими фильмами и книгами,— не походил! Причем разительно.

Перед Семеном стоял наголо остриженный громила ростом чуть ли не под потолок, с низким лбом, глубоко посаженными глазками-бусинками и квадратной челюстью. Вместо роскошных одежд и походной мантии на царе оборотней был все тот же, набивший оскомину, болотного цвета костюм неопределенного покроя, такой же, как и у всех жителей города. Короны у царя не было. Громила что-то безостановочно жевал, оглядываясь по сторонам. Взгляд у царя был цепкий, оценивающий— разок глянул на Семена, что-то решил про себя и тут же потерял к наемному магоохраннику всяческий интерес. Монарх прошел к креслам и сел в центре ряда.

Семен даже подумал сперва, что не царь то вовсе, а один из его телохранителей, проверяющий состояние помещения, ан нет! Вошедшие следом двое, ростом едва пониже царя, были одеты в черную, как у Фалька, полувоенную камуфляжку, подпоясаны и вооружены: помимо обязательных кобур с пи-

столетами у каждого телохранителя на поясе еще висел устрашающих размеров кинжал в узорчатых ножнах. Насколько Семен помнил, более всего оборотни страшились серебра — значит, наверняка клинки у тех кинжалов были серебряными! Пули в патронах, скорее всего, тоже не из свинца отливались...

Телохранители остались у входа, сложив руки на груди, и с бесстрастным видом смотрели куда-то вдаль: ни новоявленная магоохрана, ни Олия их не интересовали — они были на службе. Приказано царем не трогать человеков — не тронут, а прикажет убить— убьют.

Семен присел на краешек стула, уставился в окно: игровое поле было как на ладони, все ж первый ярус как-никак. Прожектора над трибунами сильно потускнели за то время, пока Семен разглядывал царя, зато включились на полную мощность лунные светильники — сейчас игровое поле напоминало ночную лужайку, залитую ярким колдовским светом. Эльфов на ней только не хватало или фей... Или оборотней. Потому что никакого действия на игровом поле не происходило.

Семен не знал, так ли оно должно быть или не так, специальная это задержка или случайная — мало ли какие правила у оборотневских игрищ? Но, судя по оживлению в рядах и приглушенному шуму за окном, что-то действительно было не в порядке; царь нетерпеливо заерзал в кресле, приподнялся было и сел — на поле из десятка открывшихся ворот побежали люди в черном, много, целая толпа. Вернее, игроки-оборотни, откуда здесь людям взяться-то... и довольно неуклюжие игроки! Оборотни бежали, странно переваливаясь на ходу, вприпрыжку. Семен пригляделся и изумленно покачал головой — надо же, как он ошибся... Это были птицы с черным оперением, не до конца оформившиеся под лунными светильниками в комнатах ожидания, но вполне убедительные птицы. «Забавно у них состязания начинаются, бой в воздухе, что ли? Кто больше ламп клювом расколошматит? Не-эт, скорее всего это группа поддержки вышла, для разогрева зрителей»,— подумал Семен и, успокоившись, приготовился смотреть развлекательную программу.

— Кто пустил орнитов?! — рявкнул, вскакивая с кресла, царь. Голос был под стать его наружности, хриплый и трубный.— Откуда они, серебро им в кровь, взялись, если в программе наземный бой?!!

Семен подобрался: ого, в соревновании возникли непредвиденные изменения... совсем непредвиденные! Настораживающие.

Оборотни-орниты полностью обратились в птиц: разом, словно по команде, они взмахнули крыльями и взлетели, стаей пронеслись под светильниками, бросив густую тень на игровое поле,— Семен успел заметить, что в лапах орниты держат какие-то круглые блестящие предметы — и откуда они их только взяли? — и резко ушли вверх, в ночную темноту. А после этого начался кошмар...

С неба на ряды со зрителями посыпались те самые блестящие предметы. Не долетев до рядов, шары гулко взрывались, оставляя в воздухе облака дыма; осколки дробно застучали по крыше и бронестеклу царской ложи. Жуткий рев тысяч перепуганных болельщиков заглушил частые взрывы; народ в панике кинулся с трибун кто куда, давя и сминая все на своем пути; дымные облачка возникали то там, то тут, по всему стадиону, над всеми секторами, словно кто-то, не целясь специально, лупил по зрительским рядам шрапнелью из зенитки.

— Серебряные бомбы! — зарычал царь, кидаясь к окну.— Сволочи! Сволочи!! — Он замолотил по стеклу кулаками; телохранители, сорвавшись с места и позабыв о магоохранниках, бросились к монарху — то ли оттащить его от окна, то ли прикрыть собой в случае, если стекло не выдержит прямого попадания бомбы, Семен не понял. Не успел понять.

Видимо, покушение разрабатывалось именно с учетом того, что телохранителям в этой ситуации будет не до посторонних, не до чужаков: первая пуля вошла одному из охранников в затылок, и на бронестекло плеснула коричневая жижа вместе с вырванным пулей глазом; следующий выстрел достался второму телохранителю, в шею, в позвоночник. Он, телохранитель, тоже умер сразу, а вот третьего выстрела не последовало, хотя Фальк стрелял очень быстро и очень метко. Хайк все равно оказался проворнее. Семен еще поворачивал голову на звук стрельбы, а Хайк уже отнял пистолет у народного службиста, оторвав ему кисть руки вместе с оружием, и вдобавок тут же с хрустом свернул Фальку шею. После чего сел на стул и принялся вытирать руки краем драпировки.

Царь обернулся, глянул на труп Фалька — под расстегнутой курткой была видна подмышечная кобура,— покривился брезгливо, сказал:

— Зря. Надо было вначале допросить. Эй ты, маг! — Царь ткнул пальцем в сторону Семена.— Немедленно разбей стекло! Мне надо под лампы, авось успею! Живо бей стекло, кому говорю! Возвращаться слишком долго... Бей!

— Мар,— Семен говорил торопливо, злить царя было ни к чему,— сможешь бронестекло разбить?

— Запросто,— не менее торопливо ответил медальон,— только пусть царево величество в сторону свалит, а то пришибу!

— В сторону! — крикнул Семен царю и махнул рукой.— Прочь!

Царь отскочил от окна.

Почти сразу же ударил гром, от которого Семен едва не оглох. Бронестекло покрылось трещинами, помутнело и рассыпалось множеством крошечных осколков, похоронив под ними царевых телохранителей. В ложе сразу стало очень шумно, Семен даже сквозь глухоту слышал отчаянные крики гибнущих оборотней. Царь, рыча от ярости, длинным прыжком вылетел из ложи, приземлился у прозрачного ограждения игрового поля и, не сбавляя скорости, врезался всем телом в преграду. Та не выдержала, проломилась. Царь вбежал в искусственный лунный свет, на ходу срывая с себя одежды. Поначалу орниты царя не заметили — куда там, в такой-то суматохе! — а уж после атаковать его было поздно: царь оборотней начал превращаться. Буквально за секунды его тело раздалось и покрылось твердой чешуей, блестящей, как сталь, шея вытянулась, голова стала плоской и рогатой, хвост и крылья прорезались одновременно и выросли с пугающей быстротой, как в компьютерном мультфильме. Царь оборотней... дракон-оборотень задрал голову к черному небу, заревел, пустив длинную струю рыжего пламени, и взлетел в неспокойное небо.

Охота началась.

Финальная и беспощадная.

— Эта,— рассудительно сказал Мар,— сдается мне, пора линять отсюда куда подальше. Тут сейчас такие разборки пойдут, что и нам достанется на всю катушку! Или бомбой серебряной убивать попробуют, или в давке потопчут, или охранники пристрелить решат, а оно нам надо? С такими-то деньжищами... Ты, Семен, как хочешь, а я вас отсюда выдергиваю.

Не успел Семен возразить, хотя чего уж возражать, все правильно, как Мир Оборотней исчез.

Место, в которое нынче попал Семен, выглядело достаточно странно, но вполне узнаваемо: квадратный светильник на потолке и однотонно-темный ковер на полу; два мягких дивана, прикрепленных к противоположным стенам, с широкой багажной полкой над каждым из них; деревянный столик у большого зашторенного окна.

Пол комнаты ощутимо подрагивал, и под ним то и дело что-то ритмично постукивало.

Это, несомненно, было купе, причем очень просторное купе, до непривычности просторное.

— Ты куда нас притащил, банк самоходный? — устало спросил Семен, поворачиваясь к окну спиной.— Где мы?

Олия сидела посреди купе на стуле, бледная, испуганная,— Мар так и прихватил ее, вместе со стулом,— а Хайк с флегматичным видом продолжал вытирать руки обрывком занавеси.

— Понятия не имею,— хихикнул медальон.— Ты ж знаешь, что нынче с адресами творится... В хорошее место прибыли: ни оборотней тебе, ни бомб, натуральная благодать! Передохнете на диванчиках, поспите, а утром дальше куда двинем... только придумай куда! Ты, кажись, о конце света заботился, типа разобраться что к чему и конкретно отменить его? Вот и отменяй! У тебя получится, я знаю.

— Я? Отменить конец света? — Семен озадаченно потер подбородок.— Хм... интересная мысль. А почему бы и нет? — И вдруг понял, что у них появилась очень важная цель всего путешествия! Можно сказать, смысл существования.

Конкретный.

ГЛАВА 8
Самоходный Локомотив, Идущий Меж Пространств

— Схожу-ка я посмотрю, что здесь к чему,— сказал Хайк и, открыв дверь, вышел из купе. Семен надумал было пойти с ним вместе, но глянул на Олию и остался: девушка выглядела такой напуганной, что бросать ее одну было никак нельзя. Буквально несколько минут назад вокруг них гибли оборотни

и рвались серебряные бомбы, смерть и грохот повсюду, а сейчас тишина и уют... но времени-то всего ничего прошло, не успела еще Олия в себя прийти. Это Хайку просто, он за свою жизнь в таких переделках побывал, что давным-давно уже научился быстро переключаться: нет угрозы, ну и ладно, можно расслабиться. Да и Семен ко всяким опасным приключениям более спокойно, что ли, стал относиться... Но для Олии подобные жуткие события были в диковинку. На ее глазах почти мгновенно погибли трое, ужасно погибли, причем один из них, к которому она уже почти привыкла, который начинал внушать доверие, оказался предателем... и после убийства царя хладнокровно пристрелил бы и их самих, наверняка пристрелил бы, не нужны ему были свидетели!

Семен понимал, что происходит с девушкой. И еще понимал, что отвлечь ее от тех невеселых мыслей надо как можно скорее, немедленно, ни к чему ей переживать то, что уже прошло и вряд ли повторится.

— Олия, есть хочешь? — Семен уселся на диван возле окна.— Иди сюда, к столику.— Олия молча встала со стула, пересела на соседний диван, уставилась невидящим взглядом в зашторенное окно.

— Мар, сообрази-ка чего поужинать,— попросил Семен.— Хотя нет — сделай-ка ты нам лучше бутылочку шампанского! И шоколаду, если в запасе есть. Конфеты какие-нибудь...

— Момент,— отозвался медальон.— Прошу! — На столе возникли бутылка холодного шампанского, стаканчик с салфетками, коробка шоколадных конфет-ассорти и пара хрустальных бокалов. Хайка, похоже, Мар в расчет не принял, сервировал купейный столик на двоих.

— Олия, знаешь что...— Семен взял бутылку, откупорил ее, разлил пенистое вино по бокалам.— Давай сделаем вид, что у нас неожиданное романтическое свидание. Как тебе моя идея?

— Что?! — Олия посмотрела на Семена громадными от удивления глазами, враз позабыв о своих тяжелых мыслях. Чего Семен и добивался.

— Представь себе, как будто мы только что случайно познакомились,— воодушевился Семен.— Оказались в одном купе, потому что нам по пути, мы...

— В одно и то же заведение ехали,— услужливо подсказал Мар.— На курсы повышения квалификации для воров-рецидивистов.— Семен, услышав реплику, запнулся от неожиданности, но Олия на эту заминку внимания не обратила.

— Меня зовут Олия.— Девушка улыбнулась Семену.— А вас?

— А я Симеон,— подхватил игру Семен.— Мы с вами раньше нигде не встречались, случаем? Очень ваше лицо мне знакомо. Очень-очень.

— Не думаю, что встречались.— Олия лукаво посмотрела на Семена, взяла бокал, пригубила шипучего вина.— А вы, Симеон, кто будете, если не секрет?

— Я, милая Олия, человек вольный.— Семен тоже взял бокал, но пить не стал.— Путешествую по Мирам, нигде особо не задерживаясь — по ряду причин не задерживаясь... Жизнь кочевая, но интересная! А работаю я...

— Воры мы,— с гордостью за профессию сказал Мар, а Семен машинально повторил. Олия фыркнула в бокал, облилась шампанским, и на том романтическое свидание закончилось. Потому что, когда Олия вытерла лицо и руки салфеткой, в купе зашел Хайк.

Семен с досадой посмотрел на друга, не вовремя он все же вернулся, погулял бы еще хоть полчасика, но досада мгновенно исчезла — вид у Хайка был ошарашенный. Словно он самого себя на прогулке встретил.

— Что случилось? — Семен протянул Хайку свой бокал, тот взял и выпил залпом.— В чем дело?

— Вы в окно смотрели? — Хайк поставил бокал на столик.— Посмотрите, не пожалеете!

Семен поднял штору.

За окном был поздний вечер. Поезд ехал по высокой насыпи — внизу темнел густой лес, над лесом висела полная белая луна; на фоне луны высвечивался далекий косяк ведьм на метлах, спешащих куда-то по своим ведьминским делам,— все в черном, с высокими остроконечными шляпами. Ведьмы как ведьмы...

— Сейчас, погодите.— Хайк налил себе еще шампанского.— Сейчас будет...— Почти сразу после его слов поезд вошел в туннель, странный туннель со светлыми дымчатыми стенами, и через секунду вынырнул совсем в другом месте. Здесь было

раннее утро, солнце едва поднялось из-за горизонта. Поезд шел по железному мосту, внизу плыли по реке крутобокие деревянные корабли с поднятыми парусами. А на высоком берегу раскинулся город с разноцветными крышами низких домов; белокаменная церковь с золотым куполом, стоявшая почти у края берега, выглядела как зажженная свеча посреди россыпи детских кубиков.

Поезд снова нырнул в дымчатый туннель и на этот раз оказался в солнечной долине. Вокруг были сады в цвету, среди деревьев просматривались нарядные домики, возле домиков бегали дети, играли в пятнашки; вдоль железнодорожного пути неспешно рысил единорог с длинной серебряной гривой.

За стеклом опять возникла серая пелена...

Семен отвернулся от окна, у него от частой смены пейзажей и времени суток закружилась голова, Олия словно прилипла к оконному стеклу. Она была настолько поглощена зрелищем, что напрочь забыла о своих тревогах и о Семене с Хайком тоже забыла. Поезд мчался на полной скорости через страны и города, нигде не снижая скорости. А может, и через разные Миры мчался... Семен не знал.

— Я тоже долго смотреть не смог,— понимающе сказал Хайк.— Калейдоскоп какой-то... Прошелся по вагонам, думал, кого встречу, проводника там или контролера... за билеты заплатить хотел, не люблю зайцем ездить. И никого не встретил! Понимаешь — никого! Даже пассажиров... Что же это за поезд неправильный, без проводников-то? У него, наверное, и машиниста тоже нету, сам по себе едет... Куда? Зачем?

Семен не нашелся что ответить. Зато Мар отреагировал сразу:

— А, легендарный поезд-призрак! Как же, как же, слыхал, было дело. Городская сказка, ха! Урбанистический фольклор, байка для технарей-мистиков... Врака насчет того, что будто бы есть некий вечный поезд, который ездит сам по себе — без маршрута, без водителя-машиниста, без пассажиров... где хочет, там и ездит. И останавливается, где хочет, а кто в него угодил, тот навсегда пропал! Потому что ни воды, ни еды в поезде нету... и останавливается он настолько редко, что от остановки до остановки никто не выживает, без запасов-то. Зато он, поезд,

может отвезти пассажира в такой Мир, которого не существует... например, в твой Мир, Семен. Хочешь домой?

— Отстань,— буркнул Семен,— чего зря болтаешь.

Он пересказал легенду Хайку. Черепаховый боец обдумывал услышанное недолго:

— Какой же это призрак, скажешь еще! Я лично вижу вполне настоящий стол, вполне сгодится, чтобы поужинать, и настоящий диван, на котором и отдохнем. А поутру видно будет! Там разберемся.

Семен не мог не согласиться с мудрым решением Хайка.

— Мар, давай-ка нам ужин,— сказал он.— Действительно, чего это мы сидим голодные? Конфеты и шампанское не в счет, разве ж то еда...

— Слушай, Семен,— с тревогой произнес медальон,— а вдруг вечного поезда и впрямь не существует? А у нас у всех коллективная галлюцинация, и на самом деле лежим мы поголовно все контуженные серебряной бомбой... и я тоже контуженный... и умира-а-а-аем... На фига ж тогда, спрашивается, вам ужинать и продуктовое заклинание понапрасну тратить, если все одно вокруг одни лишь предсмертные видения?

— С предсмертным бредом мы уж как-нибудь справимся,— заверил Мара Семен,— а вот голодные галлюцинации и впрямь могут заметно усилиться. Я, например, могу ненароком принять тебя за ломтик полукопченой колбасы на веревочке и съесть. О, уже начинается! От тебя, дружище, мясном вроде бы попахивает... да-да! И чесночком.

— Не надо меня есть! — быстро ответил медальон.— Пошутил я, чего ты?

На столе в спешном порядке стали возникать разнообразные закуски.

— Ну вот, другое дело,— одобрил Семен.— Ладно, живи, не съем!

Он пододвинул к столу царский стул и, с трудом оторвав Олию от окна, объявил, что пора ужинать.

Пока они ели, за окном то наступала ночь, то загорался день. Один раз за стеклом, рядом с поездом, долго летел ворон с человечком-седоком в зеленой одежде из листьев. Человечек требовательно стучал в стекло древком маленького копья, делал

непонятные знаки, но, чего он хотел от путников, они не узнали— поезд вновь ушел в серый туннель.

После ужина Хайк улегся на диван, подложил руку под голову и сразу уснул. Не было ему никакого дела до бесконечной вереницы чудес за окном: все одно ничего не понятно, бессмысленная мешанина из нарезок чужой жизни! Пусть себе мельтешит, сну не мешает...

Олия, позевывая, вышла из купе, вскоре вернулась — умытая, гладко причесанная,— сказала, что в туалетной комнате есть вода, и вполне сносная, ошибается легенда насчет запасов-то; прилегла на второй диван и тоже уснула.

Семен зашторил окно, вышел в коридор и прикрыл за собой дверь. Спать ему совершенно не хотелось, можно было пока что и в окно поглядеть. А если захочется отдохнуть, то вон сколько диванов свободных, выбирай любой...

Семен долго стоял у окна, держась за поручень и покачиваясь вместе с вагоном. Наконец ему надоело стоять, и он зашел в одно из купе, где окно было не только не зашторено, но и немного приоткрыто — в купе гулял бодрящий сквознячок. Там он сел на диван, раззевался. Хотел было прилечь, но тут в приоткрытое окно залетело нечто такое, отчего сонное настроение сразу пропало. Семен нагнулся и, не веря своим глазам, поднял с пола влажную мятую бумажку, обычную голубую обертку от маленькой шоколадки. Шоколадка называлась «Вальс» и была произведена, судя по белому типографскому тексту, в ОАО «Кондитерское объединение «Россия» в славном городе Самаре. На Земле.

У Семена затряслись руки.

— Что такое? — всполошился Мар.— Тайное послание? Условный шпионский знак? Семен, да не молчи ты!

Но Семен не мог ответить: зажав обертку в кулаке, он зачарованно смотрел в окно.

За стеклом было унылое осеннее небо, низкое и темное; невдалеке тянулся смешанный лес, мокрый, дождевой. Тускло алели и желтели осенние листья, средь жухлой травы чернели голые проплешины. Мимо деревьев, по тропинке, шел мужик в кепке, армейском плаще и резиновых сапогах, с оцинкованным ведром и удочкой в руке; следом за мужиком бежала коза, сердито мотая головой.

— Не может быть.— Семен сорвался с места, выбежал в коридор: по другую сторону вагона мок под дождем тот же лесок. Семен ринулся к тамбуру.

В тамбуре было сыро и холодно, аккурат по погоде за окном.

Семен встал слишком близко к дверному стеклу, оно сразу запотело от дыхания, пришлось вытереть его рукавом. За стеклом мелькнула асфальтовая дорога переезда с прилепившимся сбоку станционным домиком и опущенным шлагбаумом, с парой грузовых машин за тем шлагбаумом и женщиной в черной фуфайке возле дверей домика, со скрученным флажком в поднятой руке. Вид у женщины был суровый, она выполняла свою работу... И снова потянулся лес.

Через некоторое время Семен понял, что поезд тормозит. Медленно, но неуклонно.

Наконец поезд остановился, резко щелкнул дверной замок— Семен отступил назад — и дверь открылась сама собой. Остро запахло креозотом и прелой листвой, в лицо Семену ударил сырой ветер. Было тихо, только шелестел в траве бесконечный осенний дождик; далекое «Каррр!» прорезалось и утонуло в том бесконечном шелесте.

Точно так же, сама по себе, опустилась и лесенка— Семену предлагали выйти. Если он, конечно, захочет.

— Это твой Мир, Семен? — глухо спросил Мар.

— Да.— Семену было трудно отвечать, горло ни с того ни с сего перехватило.

— Ты... выйдешь? — Медальон говорил тихо, Семен едва слышал его.— Это ведь твой единственный шанс... я тебя доставить сюда никогда не смогу! И метку путеводную не могу сделать, потому что Мир этот абсолютно не волшебный, не к чему мне привязаться... Решай!

Семен посмотрел на деревья — там жил его Мир, серый, без чудес, обыденный и понятный; посмотрел в коридор вагона— там, в купе, был его друг и была девушка, которой он, Семен, небезразличен,— медленно скомкал обертку от шоколадки и выбросил ее. Голубой комочек упал на землю, прокатился и замер, прижатый к траве дождем.

— Поехали,— хрипло сказал Семен неведомо кому.— Здесь нет остановки.

Он развернулся и пошел в глубь вагона; позади лязгнула поднимаемая лесенка, жестко щелкнул дверной замок. Поезд плавно тронулся и поехал, набирая скорость; за окнами на миг стало темно, и тут же в небе заиграло солнце, жаркое, восточное...

Поезд мчался через пустыню: далеко-далеко в белесом небе колыхался дивный миражный дворец, окруженный фонтанами и пальмами. Семен равнодушно глянул на мираж, зашел в соседнее с друзьями купе, закрыл окно шторой и лег на диван.

— Думаю, тебе не стоит говорить Хайку и Олии о том, что случилось,— осторожно сказал медальон.— Ни к чему оно. Да?

— Да,— ответил Семен, закрыл глаза и больше не сказал ни слова. А потом уснул.

Спал Семен долго, и снилась ему всякая ерунда, которую он немедленно позабыл, едва проснулся. А разбудило его негромкое бормотание Мара, словно он с кем-то вяло спорил. Семен открыл глаза — в купе никого не было.

— Мар, ты с кем болтаешь? — Семен зевнул, сел и потянулся со сна.— Никого ведь нету! Плохой признак, братец... Может, у тебя расстройство психики началось? Ты это брось, у меня ни одного знакомого врача-психиатра по лечению волшебных медальонов нету! Да и куда я в тебя лекарство засовывать-то буду?

— Не, здоровый я! Это привычка у меня такая, от десяти лет одиночества,— пояснил Мар.— Иногда дает себя знать... Я, понимаешь, пока ты спал, задумался: а какова была твоя роль в покушении на царя оборотней и почему именно ты? И какой план имелся у Фалька насчет тебя и Хайка с Олией?

— Роль моя была охранная, за деньги.— Семен встал с дивана и пошел в туалет.— А планы... Убил бы Фальк нас, ясное дело. Вернее, попробовал бы убить... Чего ж еще?

— За всем этим безобразием кроется весьма изощренная интрига! — не слушая Семена, продолжал медальон.— Ну, покушение на царя как таковое — это понятно, это просто. Или наследник подсуетился, или спортивная мафия, или военные— они тоже с амбициями, им государством страсть как порулить хочется! Заговор небось давно подготовили, но требовался козел отпущения, на которого можно было бы свалить подлое убийство монарха... А тут появляешься ты: неместный человек,

к тому же в глобальном Имперском розыске и со списком преступлений длиной в простыню — подарок какой-то, а не вор Симеон! Тут-то машина и закрутилась... Хотя, если б ты не встретился в гостинице с Фальком, бойни на стадионе, возможно, и не случилось бы... Но царя однозначно грохнули бы! Рано или поздно.

Пока Семен занимался утренним туалетом, медальон с воодушевлением продолжал раскрывать коварные планы оборотней-заговорщиков:

— ...И наверняка у Фалька в пистолете первые три патрона были с серебряными пулями, для царя и охранников, а остальные три — обычные, для людей. Значит, кладет он монарха и охрану серебром, вас — свинцом, а после сует отработанный пистолет тебе в руку. Типа ты, гад, их любимого царя пристрелил! И наверняка у него был с собой второй пистоль, пустой, заранее отстрелянный — из которого он, борец с террористами, вас, людишек, как бы и угрохал. Его бы и предъявил при немедленном разбирательстве.

А потом, конечно, официальный некролог, скорая коронация нового правителя... или узурпация власти военными. И доклад Императору: мол, так и так, прибили мы вора Симеона, извиняйте, что не взяли живьем! Император, думаю, не расстроился бы, простил оборотней... Добрый он, наш новый Император! Душевный, блин.

— Ну ты и накрутил! — Семен умылся, вода действительно была довольно чистая, холодная; нашел на полочке обмылок, достал из кошеля бритву и стал бриться. Поезд шел мягко, можно было не опасаться, что порежешься.— А баллистическая экспертиза? Она же враз раскусила бы подлог оружия!

— Ха-ха,— презрительно рассмеялся медальон,— ой, насмешил! Какая на фиг экспертиза, когда все спланировано и схвачено! Не было бы никакой экспертизы, а была бы всеобщая античеловеческая истерия, умело организованная и искусственно подогреваемая. Как же, человек-вор убил оборотня-царя! Наших бьют! Ох, тяжело пришлось бы случайным людям в Мире Оборотней, ох и тяжело...

Мар сочувственно вздохнул.

— Что ж,— Семен ополоснул бритву, вытер ее и спрятал в кошель,— покушение на царя не удалось, и это главное! Мы

свои деньги честно отработали. А что до козлов отпущения... Их сейчас в Мире Оборотней свежуют одного за другим. Конвейерно.

С этими словами он пошел в купе, будить друзей.

За завтраком Семен ни слова не сказал о давешней остановке поезда, да и не заметил никто ту остановку... Зато рассказал о предположении Мара, с юмором, как некий абстрактный анекдот. А Хайк неожиданно подтвердил, что у Фалька действительно был второй пистолет, за поясом сзади, под курткой,— он, Хайк, его почувствовал, когда народного службиста... э-э... нейтрализовал. Олия к рассказу Семена отнеслась спокойно, случившееся в Мире Оборотней ее уже не волновало— было да прошло!

А когда приступили к чаю, Семен как бы невзначай, мимоходом, словно о пустяке каком, сказал, что решил выяснить, почему Миры сошли со своих мест. И, если получится, вернуть все на свои места.

Эта новость огорошила и Олию, и Хайка — тот от неожиданности уронил чайную ложечку под стол и не поднял, забыл о ней. Первой опомнилась Олия.

— Симеон, но это же невозможно! Бог его знает, отчего Миры стали разбегаться!

— И только Бог может вернуть их обратно,— мрачно согласился с Олией черепаховый боец.— Никто иной... Ты — не сможешь!

— Смогу. Отвечаю по пунктам.— Семен с удовольствием выпил чаю, выдерживая необходимую паузу. Пауза удалась: на него смотрели как на Спасителя — Олия смотрела. А Хайк полез за ложечкой под стол, протер ее салфеткой и снова стал спокойно помешивать чай. Дескать, если Симеон чего сказал, так не впустую те слова им сказаны! Хайк доверял Симеону во всем. Даже в спасении Миров.

— Есть у меня один знакомый бог в Чокнутом Мире.— Семен поставил стакан на стол, откинулся на спинку дивана.— Он-то наверняка в курсе. Надо будет найти его и расспросить, что к чему. Из-за чего конец света настает...

А еще у меня есть подарок от бога Слимпа: он обещал выполнить любое мое желание! Одно, но любое.— Семен подмигнул друзьям.— Вот и воспользуюсь им, чего добру зря про-

падать? Не денег же от гражданина бога требовать, действительно...

— Вот это знакомства! — ахнула Олия.— Круто!

— Да уж,— скромно потупился Семен.— Мы, воры с прикрытием, такие! Со связями.

— Ежели так,— спохватилась девушка,— тогда зачем тебе... нам в Чокнутый Мир отправляться? Брр, ну и название! Там, наверное, одни психи живут... Попроси Слимпа вернуть Миры на место, и достаточно. И все станет хорошо!

— Нет,— покачал головой Семен.— Психи живут в Тупиковом Мире. Я там не был, но мне о нем когда-то Мар говорил. А попросить Слимпа я, конечно, могу, без проблем! Хоть сейчас могу. Но... Вернет он Миры на свои места, а дальше что? Причины разбегания мы ведь не знаем — того и гляди Миры снова в путь наладятся... Нет, прежде чем использовать подаренное желание, надо во всем разобраться! Чтобы ошибок не наделать: такого второго желания у меня нету. И не предвидится.

— Значит, в путь,— сказал Хайк и допил остывший чай одним глотком.— Лично я уже готов. Можно двигаться.

— А ты, Олия? — Семен повернулся к девушке.

— Разумеется, с вами! — Олия решительно стукнула кулачком по столу.— Неужели ты мог подумать что другое? Вот только я богов никогда раньше не видела,— неохотно созналась она.— Страшно мне!

— Не бойся, не съедят,— успокоил девушку Семен.— Они, боги, не кровожадные...— Вспомнив, однако, как Слимп разобрался с фанатиками-слимперами, он уточнил: — Не очень кровожадные. Как правило.

Да и вообще — ничего не бойся, я с тобой! И Хайк, и Мар. Уж мы-то втроем тебя от любого вредного бога защитим, можешь не сомневаться. Что нам те боги, ерунда! — Тут Семен сообразил, что несколько заврался, и поспешил добавить: — А чуть что — мигом удерем, в целости и сохранности.

— Тогда вперед! — крикнула Олия задорно.— Куда нам, в Чокнутый Мир? Ура, на абордаж!

И она махнула рукой, словно в ней была зажата пиратская сабля.

— Лады.

Семен огляделся по сторонам: не забыли ли чего? Напомнил Хайку повесить на плечо сумку, а то останется в вагоне нежданным подарком невесть для кого, потом сказал в пространство:

— Спасибо за гостеприимство! Счастливой дороги!

Купе неожиданно покачнулось, под полом часто застучало— то ли откликнулся поезд на то пожелание, то ли укороченные рельсы попались, не везде пути гладкие... И пошел дальше — ровно, скоро, продолжая свое бесконечное путешествие.

Семен вздохнул и приказал:

— Мар, давай в Чокнутый Мир! Надеюсь, хоть в этот раз нам повезет и сразу в него попадем... Очень надеюсь.

Вагон исчез. Семен как будто на секунду ослеп,— черным-черно, ни искры света,— а потом стало и светло, и ветрено, и шумно.

В этот раз им действительно повезло: Семен и его компания оказались в Чокнутом Мире.

Как и прежде, здесь все так же светили двенадцать солнц, расположенных в голубом небе звездным венком, по кругу; все так же зеленела молодая трава, уже успела вырасти после магического выстрела медальона; желтел песком берег, и синее море тоже было на месте. А далеких гор, сожженных Маром, не было. Вместо них на горизонте тянулся черный оплавленный бугор, слегка присыпанный по хребту снегом, словно там когда-то суперпуперядерную бомбу испытывали запредельной мощности.

Небо было ясным, безоблачным, а море штормило, по нему гуляли серьезные пенистые волны, и оттуда, с моря, дул холодный ветер, пахнущий водорослями и дождем; ближе к берегу волны резко опадали, как будто их кто осаживал, и уже лениво, неспешно выползали на песок.

— Красиво! — посмотрев по сторонам, восторженно сказала Олия.— А цвета какие яркие... Точно не настоящее все, а нарисованное! Знаешь, Симеон, есть такие краски, которые самосветные...

— Основанные на эффекте флюоресценции,— подсказал умный Мар, но Олия его не услышала.

— ...И здесь словно все теми красками раскрашено. А кто же тот удивительный художник?

— Художника как раз и не видно.— Семен тоже огляделся.— Был тут один фиолетовый бог со школьной рогаткой, он из нее всякие неудачные проекты расстреливал. А сейчас ни бога, ни проектов... Впрочем, никто и не обещал встречать меня на берегу с лютней в руках и букетом роз под мышкой! Будем его искать. Пойдемте от моря подальше, а то холодно чересчур, так и простыть можно... к горам пойдем. Последний раз, когда я видел фиолетового бога, он именно туда драпал, вулкан тушить.

Семен направился в сторону оплавленных гор.

Шли недолго, минут тридцать от силы. По пути Семен для поднятия настроения распевал запомнившиеся ему еще с армейской поры бодрые походно-строевые песни о всяких соловьях-пташечках, плачущих девчонках и подбитых танках; Олия подхватывала припев, запоминая его с первого раза, а Хайк песен не пел — он, как и медальон, бдел. Неизвестный Мир, мало ли что...

Через полчаса они оказались у подножия горы-бугра — резко как-то оказались, чересчур быстро. Шли-шли и вдруг пришли! Даже устать толком не успели. По всей видимости, Чокнутый Мир был небольшим Миром, под стать своей игрушечной раскраске, или же в нем действовали неведомые Семену магические законы, сокращающие выбранный путь, кто его знает! Главное, что пришли.

Гора уходила вершиной в небо, и не росло на ней ни кустика, ни травинки. Одна лишь ровная черная поверхность, блестящая как стекло; ни выступа, ни трещинки, все ровное и гладкое. Уцепиться не за что...

Впрочем, Семен и не собирался подниматься в ту гору. Ушли от пронизывающего морского ветра, и то хорошо. Здесь можно устроить походный лагерь, то есть сесть на траву и подумать, что делать дальше. Не опасаясь простыть. Можно и кофе организовать, почему бы и нет?

— Эк я их, горы-то, в одну общую махину уделал,— с ощущением собственной значимости изрек Мар.— Любо-дорого посмотреть! Должен сказать тебе, Семен, но строго между нами: то муховое заклинание, которым я эдакую знатную полировку навел, оно ведь тоже восстановилось! Так что если тебе захо-

чется еще чего огнем отполировать, то я запросто. Ты мне только скажи, а уж за мной не заржавеет.

Он расхохотался над своим каламбуром.

Семен объявил привал, уселся по-турецки на траву. Мар услужливо предложил черного кофе и бутербродов, никто от угощения не отказался.

Семен, потягивая горячий кофе из одноразового пластикового стаканчика, обдумывал, как бы им найти того парня с усталыми глазами, взгляд которых выдавал много чего пережившего и повидавшего на своем веку человека. Бога в фиолетовых одеяниях. Но ничего путного в голову не приходило... Не орать же в три глотки: «Боже, явись!» Ори, не ори — не захочет, не явится.

— Хайк! — Семен отбросил пустой стаканчик в сторону.— Доставай-ка ты свой шар предсказаний и посмотри, где местный творец прячется: гуляет ли он по своему Миру или в пещере какой дрыхнет? Может, удастся его обнаружить... Привал привалом, но и отдых надо с толком использовать.

Семен прикинул, что бы еще полезного для розыскного дела предложить, но за него решила Олия:

— Верная мысль! Хайк, доставай шар, а я рядышком посижу, посмотрю. Интересная вещица! Он что, действительно предсказывать может? А ты мне никаких предсказаний в прошлый раз не показывал...

Хайк полез в сумку за шаром, недовольно бурча себе под нос, что, мол, некоторые дамы излишне любопытны, а предсказание — дело тонкое, торопливости не терпит и вообще не женское это дело в шары предсказаний пялиться, от этого может развиться близорукость и косоглазие, что даму никак не украсит... Дама возразила: мол, все ведьмы такими шарами пользовались, исторический факт! Вполне женское занятие... А Хайк ответил, что именно потому-то все ведьмы лицом... э-э... малость несимпатичные. А Олия сказала, что...

Семен, улыбаясь, лег на спину, сложил руки под головой и уставился в небо. Дружеская перебранка его позабавила, не более. Хорошо, когда люди ругаются не со злости, а лишь для пользы дела — и Хайк, и Олия замечательные специалисты в поисках по линиям связи, уж вдвоем-то они что-нибудь тол-

ковое да найдут... Возможно, и фиолетового бога обнаружат, с них станется!

— Мне всегда нравилась роль начальника,— умиротворенно сказал Мар.— Дал подчиненным задание и лодырничай сколько угодно! Лежишь себе, в носу ковыряешь, о возвышенном думаешь, о любви например, а дело делается, и цель все ближе... Кстати, о любви и достижении цели! Был у меня один поучительный случай: решил как-то один из моих хозяев, специалист по кражам со взломом, жениться. Ну что ж, дело хорошее, хотя какая женитьба при нашей-то работе? Сегодня ты женатый, а завтра в Исправительном Мире и напрочь холостой, хе-хе...

А хозяин у меня обстоятельный был, в любовь с первого взгляда не верил. Да и жениться хотел непременно с конкретной выгодой: чтобы жена с приданым была, с положением в обществе, со связями... Ну много чего хотел! Понятное дело, что такие невесты на дороге не валяются и с сумками по магазинам не бегают — фиг такую случайно повстречаешь.

Тогда поместил мой хозяин брачное объявление в одной из общих линий связи, в специальном разделе для подобных заявлений. И о себе, замечательном, написал: рост, возраст, привычки... То да се, как обычно в таких объявах пишут; обзавелся псевдонимом Верный, дал для переписки свой почтовый адресок. И из тщеславия портретик свой приложил, хотя делать это, на мой взгляд, было вовсе не обязательно: нос крючком, уши лопухами, лысина и очки в придачу. Красавец, одно слово! У него и кличка-то была Лысый Чмо, соответствующая... Мне страсть как интересно было — отзовется ли хоть кто-нибудь на столь заманчивое предложение? И, как ни странно, отозвались! Но вовсе не женщина, а некий Доброжелатель (это он в письме к хозяину так представился). А написал таинственный Доброжелатель, что наткнулся он случайно в той брачной линии на изображение господина Верного и был потрясен удивительным сходством уважаемого господина Верного со своим заклятым врагом Обби Дроном, служившим главным казначеем в некоем королевском банке, в Табачном Мире. Который, казначей, его, Доброжелателя, однажды сильно подвел...

Далее предложил в том письме автор-Доброжелатель моему хозяину выгодное дело: мол, учитывая поразительное сходство господина Верного с тем главным казначеем, не дурно было бы ему, Верному, выдать себя за мерзавца-казначея и обчистить королевский банк! Причем он, Доброжелатель, никакой денежной доли себе не требует, ему достаточно будет того, что он отомщен и ненавистный ему казначей сядет в тюрьму за растрату. А ежели господин Верный ни разу подобными вещами не занимался, то пусть не боится: дело безопасное, надежное...

В письме также давались подробные инструкции: где спрятаны ключи от основного сейфа с бриллиантами и где находится тот сейф, как к нему пройти и как отключить сигнализацию... В общем, обстоятельно Доброжелатель к мести подготовился, ничего не скажешь! Потрудился, ага...

Еще Доброжелатель предупредил, что завтра, в пятницу, главного казначея в банке однозначно не будет— уезжает куда-то по личным делам, никого о том не оповестив, и не воспользоваться этим моментом глупо! Тем более что в пятницу банк закрыт по случаю королевского праздника, никого из сотрудников не будет, а охранять банк на завтра определены недавно принятые на работу охранники, которые главного казначея хоть и знают в лицо, но голоса его ни разу не слышали... Пятничным паролем доступа в центральное хранилище банка назначено простое слово «депозитарий».

Еще к письму прилагался транспортный адрес, прямиком ко входу в банк. Адресок, разумеется, был магический...

Что ж! Хозяин мой недолго ломал голову над предложением: скинул в меня адрес, выучил наизусть инструкцию и на следующий день, поутру, отправился на дело. Операция прошла без сучка без задоринки: вошел Лысый Чмо в банк, сказав пароль на входе, взял ключи, вырубил сигнализацию и отправился в хранилище. А вот там начались и сучки и задоринки...

Во-первых, сейф оказался пустым, а во-вторых, хранилище было закрыто мощной противотранспортной магией, что обнаружилось, лишь когда в зал толпой поперли злые полименты— их туда набилось, как окурков в пепельнице заядлого курильщика, до упора! Вооруженные и агрессивные, того и

гляди застрелят... Поднял руки мой хозяин, куда деваться-то? Сдался...

Доставили его в полиментовскую допросную, и приступили штатные дознаватели к обстоятельному разговору: так и так, господин Обби Дрон, нам все про ваши замыслы известно, предупредил нас некий анонимный и бескорыстный информатор, спасибо ему за то; а теперь рассказывайте, куда бриллианты из сейфа спрятали. Выкладывайте правду и похищенные ценности заодно, вам же легче будет! А то перейдем от предварительного допроса к основному, мало не покажется.

Понял мой хозяин, что его крепко подставили... Стал объяснять что к чему, да никто ему не верит; в линию связи дознаватели все же заглянули, однако не нашлось там никакого брачного объявления от гражданина Верного! Стерли уже, успели... а мой хозяин свое гнет — подстава, не того поймали!

Ладно, вызвали для опознания сотрудников банка, те в сомнении: вроде бы действительно наш казначей, Обби Дрон, а вроде бы и нет, голос как будто пониже, хотя, возможно, он простыл. Тогда бывшую жену казначея пригласили, с которой казначей год тому назад развелся, кто ж, как не она, поможет запутанную ситуацию прояснить! Бывшая и прояснила: сразу же в Лысом Чмо дорогого муженька признала, с порога, даже разглядывать его особо не стала; тут же крик подняла, что он — мерзавец и негодяй, убить его мало, что сумасшедший он, вор, опасный псих и так далее и тому подобное...

Смекнул мой хозяин, что дело крайне нечисто и пора что-то предпринимать, иначе будет вскоре и основной допрос, и подорванное здоровье, и Исправительный Мир, само собой, место, где калеке жить трудно. Сказал наобум, чтобы время до основного допроса потянуть: «Эх, так и быть! Скажу я, где украденное добро лежит: оно у моей разведенной супруги спрятано». Разведенная супруга, как эти слова услыхала, сразу в обморок брякнулась. Она, поди, и предположить такого оборота не могла... Короче, устроили обыск в ее доме и нашли там бриллианты в мешочках... и настоящего Обби Дрона в подвале тоже нашли, прикопанного. Свежеубиенного.

Она, бывшая жена, хитромудрой женщиной была: давно уже искала по брачным объявлениям подходящего для себя

супруга — богатого, знатного, а лучше всего принца-королевича какого, да и нарвалась на портрет моего хозяина. И тут же придумала коварный план с подменой: уговорила Обби Дрона пойти на авантюру, мол, все одно другой за тебя отдуваться будет, а мы поделим камушки по совести, уедем кто куда и заживем припеваючи... а я на следствии подтвержу, что пойманный вор и есть главный казначей. Он, конечно, упираться станет, но доказать ничего не сможет, слишком похож... чуть что, и сумасшедшим объявить его можно, свихнувшимся на почве нервного потрясения и угрызений совести.

В четверг вечером Обби Дрон украл и вынес бриллианты, а его подельница от имени Верного написала письмо технику линии связи с просьбой убрать брачное объявление, так как он, Верный, уже нашел свое счастье. В пятницу утром бывшая жена подкараулила у банка моего хозяина, убедилась, что все идет по плану, и сообщила о краже дежурному полименту по горячей линии связи; ближе к полудню жена отравила незадачливого Обби Дрона — делить бриллианты по совести, вот еще! — быстренько его похоронила и пошла на опознание, где неожиданно засыпалась.

Но открывшаяся правда все равно не спасла моего хозяина от Исправительного Мира: отправили его туда за незаконное проникновение в королевский банк с целью взлома и хищения... Старые грешки ему на суде тоже припомнили, потому общий срок наказания у Лысого Чмо вышел приличный!

— Ну и что дальше? Мораль какая? — Семен поглядел на Олию и Хайка: те сосредоточенно смотрели в шар предсказаний, о чем-то тихо переговариваясь между собой, и вид у них был обеспокоенный. Что-то, видимо, они все же в линиях связи нашли, но вряд ли найденное относилось к фиолетовому богу, иначе бы Семена немедля окликнули...

— Мораль? — Медальон задумался.— Есть мораль! Жену покойного Обби Дрона тоже в Исправительный Мир сослали, навечно. И там она с разрешения начальницы женского поселения вышла замуж за Лысого Чмо, родила ему сына, и жили они долго и почти счастливо. После того как у моего хозяина закончился срок наказания, он остался в Исправительном Мире вольнонаемным работником. А меня передал сыну, когда тот подрос; иногда сынуля специально попадался полиментам на незначительных преступлениях и отправлялся ненадолго проведать мамку и папку, потому что обычным путем

попасть в Исправительный Мир невозможно, он для транспортной магии закрыт наглухо. Почти закрыт.

Так Лысый Чмо добился своей цели: он хотел жениться и женился! Хотя и не на даме с приданым.— Мар хихикнул.— И не со связями.

— Оно, конечно, верно.— Семену надоело лежать, он сел, отряхнул с куртки прилипшие травинки.— Но лучше быть холостым и на воле, чем женатым и в Исправительном Мире. Я так думаю.

— Кому как,— загадочно сказал медальон.— Не могу не вспомнить по этому поводу другой случай, когда...

— Симеон! — крикнул Хайк.— Иди сюда! Любопытные новости есть.

— Иду! — Семен встал.— Час воспоминаний закончен, Мар. Пора делами заняться.

И он пошел к Хайку, узнавать любопытные новости.

ГЛАВА 9
Самый Любопытный Из Миров Перекрестка

— И что тут у нас?

Семен остановился возле Хайка, с интересом заглянул в шар предсказаний на его ладони: в дымке шара проглядывалось нечто неопределенное, вроде объемной черной кляксы-медузы; медуза быстро таяла.

— Клякса какая-то,— сообщил Семен.— Это и есть ваша новость?

— Остаточный эффект дохлого сторожевого заклинания,— пояснил Хайк, передавая шар Олии.— Оно хотело убить наш шар, но мы успели раньше.

— Ну вы даете,— с уважением сказал Семен,— хакеры какие-то, а не спецы по магическим линиям связи. И где ж вы на него нарвались, на то сторожевое заклинание? Неужели фиолетовый бог постарался?

— Нет.— Олия бережно уложила шар в сумку.— Хотя бога мы нашли! Вернее, Хайк нашел, а я после в одну линию заглянула, там-то и нарвалась...

— Давайте подробнее и с самого начала.— потребовал Семен.— А то чего важное забудете сказать, я сделаю неверный

вывод, и мы дружно пойдем не туда, куда надо, и не сделаем того, что нужно! Отчего случится катаклизм в мироздании, и оно, мироздание, окончательно разбежится в разные стороны, а после начнется вселенский хаос и человечество бесследно потеряется в складках времени-пространства, то есть погибнет. Без единого шанса на возрождение.

— Эк загнул! — восхищенно произнес Мар.— Ты, Семен, когда такие перлы в массы несешь, неси их помедленней, а то я смысла уловить не успеваю! Ты что-то насчет клизмы говорил... При чем тут клизма?

— Пошутил я,— поторопился успокоить друзей Семен, увидев их вытянувшиеся лица.— Поумничать захотелось не вовремя. Ладно, давайте.

Семен кивнул Хайку.

— Мир этот необитаем,— начал черепаховый боец,— то есть всякие звери, рыбы и насекомые здесь имеются, как же без них-то в живом Мире! Но людей нету. Есть только один человек, он находится там.— Хайк махнул рукой вдоль горы-бугра.— Точно не знаю где, но направление известно. Он сейчас возле озерца сидит, под пальмами, на воду смотрит.

— В фиолетовых одеждах? — уточнил Семен.— Медитирует?

— Голый, в набедренной повязке,— ответил Хайк.— Но в фиолетовой. А насчет медитации... Вроде того, да. Можно сказать и так, оно по смыслу схоже.

— Не понял.— Семен настороженно уставился на Хайка.— Как это — вроде того?

— Травку он курит,— пояснил черепаховый боец.— Особую, от которой из реальности в мир грез уходишь. Травка, кстати, не вредная, курить можно без особых последствий для души и тела... Если, конечно, в меру употреблять.

— Ну-ну... — Семен помрачнел.— Бог-наркоман, этого еще не хватало... А ты ничего не путаешь?

— Не путаю,— заверил Семена Хайк.— Уж я-то в травках разбираюсь! По цвету и виду — она самая. Соответствует!

— М-да... — Семен вздохнул.— Найти его сложно будет? Далеко это отсюда?

— Насколько далеко — не знаю.— Хайк пожал плечами.— Мне только направление известно... Найдем, не беспокойся! Я в шар регулярно заглядывать буду, чтобы с курса не сбиться.

— Возможно, придется идти долго.— Семен посмотрел на небо: звездный венок сползал к горизонту, к морю.— За день можем не успеть, даже при здешних пешеходных чудесах по сокращению расстояний.

— А если с помощью моей транспортной магии? — с ходу предложил медальон.— Я типа скачками буду ее использовать, помаленьку... авось повезет, и мы быстренько найдем то озерцо?

— Нет.— Семен отрицательно помотал головой.— Твой вариант, Мар, не годится. Во-первых, ты не сможешь выдержать направления...

— Ну почему же? — возмутился медальон.— Это же элементарно! Я ставлю здесь еще одну метку, как у моря, после мы идем куда подальше, я ставлю по пути третью и, уже ориентируясь по тем своим трем меткам, смогу почти точно, как по линейке...

— Во-вторых,— продолжил Семен,— где гарантия, что при таких скачках нас не занесет в совершенно другой Мир? Ты же сам знаешь, что сейчас творится с той транспортной магией! Нет, рисковать нельзя — поди потом вернись, ежели что! Опять по всяким Мирам блуждать придется, время зря терять... Пешком, только пешком!

— Я не против,— согласился Мар.— Не мне ж ногами топать... Опять же полезная экономия транспортного заклинания и физическая разминка для народа. И поешь ты походно-строевые песни классно, заслушаться можно, сплошное удовольствие! Единственно, крайне громко и немузыкально поешь,— укоризненно сказал медальон.— Не задушевно.

— Критика не принимается,— твердо заявил Семен.— Сам подумай, откуда может взяться задушевность в строевых песнях? — Семен усмехнулся.— Так, дальше у нас что? А, линия связи со сторожевым заклинанием, да-да... И что в той линии интересного было?

Он посмотрел на Олию.

— Там, Симеон, и нашлась потрясающая новость.— Олия чуть не подпрыгивала от нетерпения, пока Симеон разговаривал с медальоном,— так ей хотелось поскорее рассказать ему о самом главном.— Хайк научил меня входить через шар предсказаний в информационные линии, и я сначала прошлась по известным мне тайным адресам, где сообщают достоверную информацию, а не разрешенные имперской цензурой новости. Так вот, правда ужасна! Разбегание Миров отмечено повсе-

местно, транспортная магия во многих Мирах уже вообще не действует, особенно в удаленных от центра Империи... вернее, магия-то действует по-прежнему, но попасть в отдаленные Миры из центра и наоборот теперь практически невозможно! Даже используя особо мощные военные заклинания... Но это еще не все, Симеон!

Правительства разных Миров обратились через закрытые линии связи напрямую к Императору, в Мир Перекрестка, с вопросом о сути происходящего, но, не получив никакого ответа, решили воспользоваться платными услугами чужих, чтобы добраться до Мира Перекрестка на прыгалках... Так вот: чужих нету! Ни альф, ни бет, ни прыгалок — словно их никогда и не было. Они исчезли из всех Миров одновременно, представляешь?! И на связь тоже никто из чужих не выходит...

— Да-да... — Семен нахмурился, припоминая.— Ты, Хайк, говорил когда-то, что у них эпидемия вроде бы началась, что чужих все меньше и меньше становится... Забыл вам тогда сказать, что ту эпидемию устроил им я, побывав в их главном Икс-Мире! Чужих там Хозяевами величали, а железная планета-база называлась Миром Равновесия. Отвлекся на что-то и забыл... Ну, позже расскажу, вы мне напомните только.

У Олии округлились глаза, ей хотелось немедленно узнать, что натворил в главном Мире Хозяев-чужих непредсказуемый Симеон... но надо было вначале сообщить еще кое-что важное, а уж после и расспрашивать.

— Тогда мы рискнули заглянуть в закрытую, секретную линию Императора.— Олия похлопала ладонью по сумке с шаром.— Обнаглели, наверное, но у нас все так хорошо получалось! Обошли кучу сторожевых заклинаний и в итоге наткнулись на донесение от главы имперской разведки Императору, лично... м-м... дословно текст не помню, но смысл вот какой: чужие, оказывается, затеяли междоусобную войну! И развернули такие боевые действия, что им вскоре стало не до захвата Миров... ни до чего стало! Почему началась война, из-за чего — в донесении не написано.

Но вот что самое невероятное было в том сообщении — якобы во время тех боевых действий кто-то применил мощнейшее первичное заклинание, уничтожившее чужих как вид... Наверное, одна из воюющих сторон хотела прихлопнуть дру-

гую при помощи колдовства, но так как опыта работы с магией, тем более первичной, ни у кого из чужих нет, то и шарахнули по всем, и по своим тоже!

После этого и началось разбегание Миров... Ничего себе совпаденьице, да? — Олия рассмеялась.— А когда мы стали выходить из секретной императорской линии, нас засекли: там хитрое заклинание оказалось, особое, как раз на случай непрошеных гостей. Впускать-то оно впускает, в отличие от других сторожей, но если пароль при входе в ту секретную линию назван не был, то при выходе заклинание вцепляется в тебя мертвой хваткой, поднимает тревогу и заодно убивает устройство, с помощью которого ты влез в запретное место... У меня опыта защиты от подобных заклинаний маловато, но Хайк сделал все как надо.

Олия ласково потрепала Хайка по плечу, и у Семена вдруг непонятно отчего защемило сердце.

— Можешь не беспокоиться, Симеон,— подтвердил Хайк.— Нас не найдут, я гарантирую! Да и захотели бы найти, ничего у них не получится, с нынешней-то транспортной чехардой...

Внезапно заметив, как изменилось лицо Семена, Хайк замолчал, нахмурился, соображая, что бы это означало, после чего отодвинулся от Олии, присел на корточки и, буркнув:

— Надо бы ревизию в сумке навести,— занялся содержимым своей поклажи.

Олия, казалось, ничего не заметила.

— И вот что мне интересно,— озабоченным тоном проговорила она,— откуда чужие могли взять убойные первичные заклинания? Все древние книги с подобным опасным волшебством, насколько я знаю, давным-давно сожжены, да и магией чужие принципиально не пользуются...

— Сожжены, да не все.

Семен смотрел, как Хайк бесцельно роется в сумке, и на душе у него отчего-то стало неуютно, тоскливо. Словно он друга чем-то незаслуженно обидел.

— Хайк, бросай вещи туда-сюда перекладывать, ну их! Пошли лучше кофейку выпьем, с коньячком, по чуть-чуть. Будешь?

Семен присел на корточки рядом с Хайком. Черепаховый боец грустно улыбнулся Семену, оглянулся на Олию — та как

раз отошла в сторону, заинтересовалась пролетающей мимо красивой бабочкой, пурпурной, шестикрылой,— и тихо сказал:

— Симеон, ты не думай ничего такого... Я... Олия ко мне относится как к товарищу, не более! Понимаешь? Не жди от меня подлостей, ладно?

— А я ничего и не думал.— Семен рассмеялся, дружески хлопнул черепахового бойца по спине и встал.— Кофе на дорожку выпьем или как?

— Можно.— Хайк поднялся, повесил сумку на плечо.— Только без коньяка, не люблю я коньяк...

— Мар, сделай нам кофейку, в трех экземплярах,— Семен щелкнул пальцами,— холодного, глясе. Сможешь? — Настроение у Семена было замечательное, хотелось отчудить что-нибудь эдакое, необычное.— И — музыку. Обязательно — хорошую музыку! Есть у тебя чего хорошего-то?

— Пошукаем,— серьезно ответил Мар.— Почему бы и нет?

Потом они сидели и долго пили холодный кофе с кусочками сливочного мороженого, наблюдая, как тонет в неспокойном море звездный венок — солнце за солнцем; как по небу пролетают подгоняемые вечерним теплым ветром прозрачные замки и дворцы, принесенные неведомо откуда; как восходит неправильная многоугольная луна, громадная, белая, больше похожая на семигранную гайку, чем на круг,— и все это время над равниной звучала музыка. Играл, судя по всему, симфонический оркестр, великолепно играл! А еще пели двое, он и она. О чем они пели, Семен не знал, потому что песни исполнялись на незнакомом языке, но, судя по мелодии,— о любви. О чем же еще могут петь двое под столь дивную музыку?

Луна поднялась в небо; кофе больше не хотелось никому, напились вдоволь; закончился и необычный концерт. Пора было двигаться в путь. Семен посмотрел по сторонам: луна светила так ярко, что, казалось, в Чокнутый Мир вовсе и не ночь пришла, а случился рядовой пасмурный день. Краски лишь поблекли, да и то несильно.

— Пошли, что ли,— сказал Семен, вставая.— Идти вполне можно, не заблудимся.

Они зашагали в указанном Хайком направлении.

— Симеон, а что это за музыка была? — поинтересовалась Олия.— Красивая... и как твой медальон ухитрился ее сохранить?

— О! — оживился Мар.— Последняя новинка магоискусства от умельцев из Соснового Мира! Музыкальное консервирование называется... Ну, не очень-то последняя: все же двести лет прошло с тех пор, как я те песни в Мире Перекрестка слышал и консервировал... Мой тогдашний хозяин был жутким меломаном, он перед каждым серьезным грабежом всегда ходил на какой-нибудь концерт, душой просветлялся. Заодно и музыку консервировал — чтобы, ежели в Исправительный Мир попадет, было не так скучно...

Семен пересказывал то, что ему говорил Мар, иногда при этом вставляя в пересказ и свои комментарии, от которых Олия хохотала, а Хайк сдержанно улыбался.

Незаметно разговор перешел на музыку вообще, и Семен предложил спеть походную песню, но Олия не захотела — ночь такая тихая, зачем привлекать к себе лишнее внимание? Может, здесь кроме летающих дворцов еще и летающие чудища существуют, с тонким слухом... Лучше не рисковать зря. Семен подумал и согласился: чудища с тонким слухом действительно могут оказаться много опаснее некоторых музыкальных критиков, которым не нравится его пение. Мар покряхтел, но возмущаться не стал.

А чуть позже Олия вспомнила слова Симеона о невесть как сохранившейся книге первичных заклинаний. И об эпидемии, устроенной вором-Симеоном в Икс-Мире тоже вспомнила, и Семен охотно принялся рассказывать о своих приключениях. О том, как он очутился в Хранилище, как подобрал Мара и что из этого вышло... Как он, Симеон, нашел книгу первичных заклинаний, а спустя несколько Миров познакомился с Хайком, с Яной; о Слимпе великом и бородатом тоже рассказал. Впрочем, Хайк эти похождения знал не хуже друга Симеона, порой даже поправлял его, ловя на неточностях.

Когда Семен перешел к повествованию, как он искал подарок для королевы Яны, примолк и Хайк: многое из того, о чем говорил Семен, было новостью и для него. Например, то, что друг Симеон — самый натуральный слимпер, помощник верховного жреца! Пусть и бывший помощник, но все же.

Рассказ о том, как Семен по заданию Кардинала искал самого Кардинала, вызвал у Хайка негодование: почему Симеон не взял его, черепахового бойца, с собой в тот проклятый Икс-Мир? Он, Хайк, наверняка пригодился бы Симеону! Олия же всерьез расстроилось — ей было жалко людей с насильно стертой памятью, и успокоилась она, лишь когда узнала, что практически все люди из Икс-Мира спасены и вылечены. Дослушав рассказ, они оба — и Хайк, и Олия — сошлись на том, что Симеон правильно сделал, взорвав пентаграмму-матку двутелов, да и самих главарей-чужих заодно...

Вот так, за разговорами, они шли, шли, пока не пришли к пустыне.

Оплавленная гора была хоть высока и длинна, но не бесконечна — постепенно сойдя на нет, она сменилась бескрайней пустыней, где серые барханы тянулись насколько хватало глаз. Над барханами висела неправильная луна, заливая унылый пейзаж бестеневым светом; где-то далеко выл одинокий шакал, тоскливо и безнадежно.

— Хайк, доставай-ка шар.— Семен внимательно оглядел барханы.— Будем направление уточнять. Уточним и пойдем... эх, не люблю я по сухому песку ходить! Ноги вязнут, да и вообще,— он протер глаза,— вот, уже и пыли надуло. Непростое оно дело, богов искать... Утомительное.

— Нам — туда,— махнул рукой Хайк, заглянув в шар предсказаний,— во-он туда.

Семен посмотрел туда, куда он указывал. Песок да песок, никаких ориентиров.

— Надо почаще в шар заглядывать,— решил Семен,— а то будем ходить-блуждать до потери интереса к реальности,— и зашагал по песку.

...Рассвет застал их в пути: как Семен и предполагал, идти по барханам оказалось трудно. Мало того, пару раз они уходили в сторону от маршрута, и приходилось делать приличный крюк, чтобы вернуться на прежний курс; один раз сделали привал, позавтракали и немного вздремнули. И пошли дальше.

Солнца всплывали одно за другим, поднимаясь над серой пустыней и превращая ее в золотую, горячую. Когда над горизонтом встала солнечная дуга, половинка звездного венка,

Семен увидел под ней оазис: редкие зеленые пальмы вокруг синего озерца и лежащую на берегу человеческую фигурку.

— Ребята! — Семен остановился и с торжествующим видом указал рукой на озерцо.— Вон там нас ждут несметные богатства! Вперед! Мы станем купаться в деньгах и швырять их в море.

Увязая по щиколотку в песке и кляня усталость, он тем не менее довольно бодро потопал к оазису.

— Ты с ума сошел! — ахнул Мар.— Кто ж в море деньги швыряет, ты что?! Разорение, сплошное разорение... И где ты вообще море увидел, где? Ой, Семен, не нравится мне твое поведение, подозрительное оно! Наверное, солнцами голову напекло, экая она у тебя нежная... А вроде бы еще не очень-то и жарко.

Медальон был не на шутку встревожен. Впрочем, Олия с Хайком тоже не поняли неожиданного заявления о несметных богатствах, так что Семену пришлось на ходу рассказывать им «Остров сокровищ». Что помнил, то и рассказал; лучше всего, разумеется, Семену запомнилась лихая пиратская песня.

Потому-то к озерцу они подошли, вовсю горланя: «Йо-хо-хо и бутылка рому!» — причем больше всех надрывался Мар, хотя никто его, кроме Семена, слышать не мог. От такого шума только глухой не проснулся бы! Но фиолетовый бог, как его окрестил Семен, спал в теньке под пальмой крепко-крепко, и разбудить его мог разве что проливной дождь с градом. Которого здесь не могло быть по определению.

Семен остановился возле спящего, присел на корточки: молодой бог в набедренной повязке лежал, сложив руки на груди, и улыбался — видимо, ему снился хороший сон; рядом валялась курительная трубочка и полупустой кисет. Просыпаться бог не хотел ни в какую, понапрасну Семен окликал и тормошил его — все было бесполезно.

— Давай водой окатим,— предложил Хайк.— Я порой вот так же отключался, после травки, меня водой и будили. Грубо, но действенно!

— Именно что грубо.— Семен встал.— Бог как-никак, не алкаш подзаборный! Деликатнее надо.

— Верно,— согласился Мар,— не надо водой, ты оплеух ему навешай, хрена миндальничаешь! Проснется как миленький,

куда денется... Но деликатно навешивай, в самом деле, а то очнется и станет бузить, метать громы-молнии и наказывать всех подряд.

— Советничек,— сказал Семен.— Дипломат. Олия, возьмика из сумки стакан и набери воды: сейчас мы нашего гражданина чародея от нездорового сна лечить будем.

Пока Олия ходила к озерцу, Семен и Хайк усадили бога, чтобы тот не захлебнулся; придерживая его за плечи, Семен влил ему в рот лечебной воды. Эффект превзошел все ожидания: гражданин чародей тут же открыл глаза, вскочил на ноги и, трусцой подбежав к озерцу, немедленно упал в него лицом вниз, где и затих; возле ушей у бога забулькали крупные пузыри.

— Возможно, у настоящих богов принято именно так умываться,— с сомнением сказал Мар,— э-э... радикально. Случись подобное с обычным человеком, то я решил бы, что он тонет. Вернее, топится на мелководье.

— Хайк! — Семен бросился к тонущему богу.— Помогай!

Вдвоем они оттащили несостоявшегося утопленника подальше от воды; молодой бог вяло отбрыкивался, обзывая всех «мороками запредельными» и требуя, чтобы никто из снорожденных не вмешивался в его личную жизнь. Похоже, он еще не вполне пришел в себя и путал сон с явью. Хайк держал бога сзади мертвой хваткой, не давая ему махать руками. И не знал, что делать дальше.

— Эк все запущено-то.— Семен выплеснул остатки воды из стакана.— Мар, коньяку мне! Вот, молодец.— Семен раскупорил появившуюся бутылку, наполнил стакан на треть и силком влил коньяк в рот молодому богу. Тот хотел было выплюнуть, но передумал и проглотил. Взгляд у него прояснился.

— Полегчало, маг-чародей? — заботливо спросил Семен.— Ты не стесняйся, говори! Могу еще налить, хочешь?

— Хочу,— прислушавшись к собственным ощущениям, ответил бог.— Первый раз встречаю настолько вещественных мороков... и не рассыпаются, и коньяком угощают. Забавно... — Он подумал, добавил утвердительно: — Очень забавно! Почему бы и не воспользоваться моментом?

Хайк отпустил бога, тот сел на песок, налил себе еще коньяку, полстакана, выпил залпом.

— Симеон, он сейчас опьянеет! — встревоженно предупредила Олия.— По такой-то жаре!

— Вряд ли.— Семен присел напротив бога.— Из этого стакана — вряд ли! Проверено.

Семен превратил свою одежду в легкую рубашку и шорты, более подходящие к жаркому дню; Олия и Хайк сели рядом.

Маг-чародей никак не отнесся к смене одежды Семена, да и не заметил он того — молодой бог смотрел куда-то вдаль, напрочь позабыв о своих гостях.

— Эй, парень, очнись! — Семен помахал у него перед лицом рукой.— Мы тут! Слушай, коньячный йог, бросай медитировать, мы к тебе по делу. И не отстанем, пока не поговорим.

— Мороки,— буркнул коньячный йог,— запредельные... Ну, чего вам? Смешно, однако: я беседую с порождением собственных снов! Впрочем, говорящие мороки большая редкость... Почему бы и не поболтать, пока вы не рассыпались? Чего вам надо, снорожденные? Говорите.

— Ты меня помнишь? — Семен ткнул себя пальцем в грудь. Бог рассеянно посмотрел на него, вяло махнул рукой и, снова налив себе коньяку, задумался над стаканом.

— Значит, ни фига ты не помнишь.— Семен раздраженно стукнул кулаком себя по колену.— Я у тебя недавно был, горы еще спалил ненароком, потом цунами началось, ты волну утихомиривал... Помнишь?

— Так вы что, не мороки? — неподдельно изумился бог, вытаращившись на Семена.— Живые, что ли?

— Воистину живые! — с пафосом воскликнул Мар.— Дошло наконец-то... Стали бы тебя всякие мороки-шмороки дорогим коньяком потчевать! Элитным, двадцать пять лет выдержки, прямая поставка из Виноградного Мира, пошлина дикая плюс акциз... одна бутылка целый золотой стоит! А он из стакана и без закуси, никакой культуры, блин. Где вы воспитывались, молодой человек?

Бог ошалело уставился на Мара, заглянул в стакан и вдруг захохотал. Да что там захохотал — заржал, расплескав весь коньяк по песку. Семен терпеливо ждал, когда пройдет неожиданный приступ смеха. Наконец бог перестал смеяться, вытер глаза рукой, протянул стакан Семену:

— Забирай! Я-то думал, что вы мороки и коньяк тоже призрачный, а коли так, то хватит пить, недоставало еще с утра надраться.

Семен забрал стакан, положил его в сумку.

— Настоящие... — Молодой бог с любопытством оглядел пришельцев.— Кто бы мог подумать... Да здесь настоящих-то никогда и не было, с момента сотворения этого Мира!

— Не было, говоришь? — удивился Мар.— А откуда ж тогда про коньяк знаешь? Или он испокон веков существует? Типа на заре сотворения Вселенского Диска создан был, самым первым. А потом уж и Диск заодно сляпали, чтобы было кому тот коньяк пить, хе-хе...

— Мар, замолчи,— потребовал Семен.— Дай по делу поговорить, не до шуток сейчас!

— Откуда я знаю про коньяк? — Молодой бог устало потер лицо.— Да я много чего знаю.— Он удрученно вздохнул.— Я, в общем-то, и могу очень многое, но далеко не все... Такое вот у меня ограничение, знать и не мочь.

— Ограничение? — удивилась Олия.— Как это? Почему?

— Точно, не мороки,— обрадовался бог,— те бы спрашивать не стали, им это неинтересно... хотя бывают и сложные конструкции, вполне адекватные...— Маг-чародей в затруднении пощелкал пальцами.— Беседуешь с таким, беседуешь, полное впечатление достоверности, а он, глядь, взял да и рассыпался! На полуслове... Как бы проверить, что вы — настоящие? А не обман чувств.

Семен не нашелся что ответить.

— Может, по морде ему дать? — предложил находчивый Мар.— Кровь из организма пустить... зуб там выбить или палец вывихнуть... ногу, в конце концов, сломать для убедительности!

— Не доказательно,— поморщился бог.— Во-первых, я бессмертный, а во-вторых, неуязвимый. Ладно, приму вас за реальность, а что еще остается делать?

— Замечательно,— обрадовался Семен.— Кстати, хотел спросить как реальный человек реального бога: тебя как зовут? А то без имени неудобно, знаешь ли. И ничего, что на ты, не в обиде? Так получилось, понимаешь...

— Бог? — удивился молодой человек.— Какой же я бог! Ха, скажешь еще... Все, ты меня убедил в своей реальности: ни

один морок так меня не назвал бы, нет у них никакого уважения к их создателю... и чувств тоже нету! Давайте знакомиться.

Парень привстал, протянул руку:

— Настройщик. Имя за давностью лет не помню... А вас как зовут?

— Оба-на, живой Настройщик! — ахнул Мар.— Семен, да мы, оказывается, на другой стороне Вселенского Диска очутились! Ой мне! — И умолк, не в силах сказать более ни слова.

Семен понял, что Мар испугался. По-настоящему испугался, без притворства, что с ним случалось крайне редко.

— Симеон.— Семен тоже привстал, пожал протянутую руку.— Вор с магическим прикрытием.

— Олия.— Девушка улыбнулась Настройщику.— Поисковая наводчица... Воровка, в общем.

— Хайк.— Бородач в джинсовом костюме тоже пожал руку Настройщику.— Воин из клана Болотной Черепахи. Избранный.

— А я — Мар,— набравшись храбрости, сказал медальон.— То самое магическое прикрытие... Гражданин Настройщик, так это ты... извиняюсь, вы регулируете все мироздание, да? Оченно наслышан, знаете ли, легенды всякие, то да се... Извините за бестактность, ежели что,— смутился Мар.— Я с богами не часто общаюсь, да-с.

— Я — не бог.— Настройщик щелкнул пальцами: тотчас на нем возникла долгополая фиолетовая рубаха с боковыми карманами, фиолетовые же брюки и кожаные сандалии; также рядом, в тенечке, материализовались четыре мягких кресла.— Прошу.— Настройщик встал, подняв с песка трубочку и тощий кисет, спрятал их в карман рубахи, уселся в кресло.

— Пальцем щелкнул — и готово,— негромко заметил Мар, не удержавшись по своей вредности.— Типичный небог, ей-ей...

— Я всемогущий только в пределах моего Комплексного Мира,— несколько раздраженно ответил Настройщик,— далее моя власть не распространяется! Это я говорю для тебя, медальон по имени Мар, чтобы не было лишних вопросов.

— Комплексный Мир? Очень необычное название.— Семен глянул на Хайка.— Скажи, Настройщик, а не связано ли оно как-то с комплексными заклинаниями, поступающими в остальные Миры через избранных? Через тех, кто...

— Я знаю, кто такие избранные.— Настройщик тоже поглядел на Хайка, с пониманием поглядел.— Конечно, связано! Этот Мир и существует исключительно для того, чтобы создавать те комплексные заклинания и пересылать их через избранных в другие Миры, а я при нем вроде обслуживающего техника, за порядком доглядываю...

Хайк заерзал на месте, видно было, что хочет что-то спросить, больно уж тема ему близка, но Настройщик предупредительно поднял руку — мол, не торопись, сейчас, погоди минутку,— и Хайк промолчал.

— Вот вы все решили, что я — бог.— Настройщик откинулся на высокую спинку кресла, сложил руки на груди.— Со стороны оно, конечно, так и кажется... Но лишь со стороны. Мне-то лучше знать, кто я на самом деле!

— И кто же? — не удержалась от вопроса Олия, хотя и так было понятно, что Настройщик сам все расскажет, истосковался он по общению.

— Заключенный.— Настройщик повел вокруг себя рукой.— А это моя тюрьма... Замечательная тюрьма! Здесь есть все, чего бы я ни пожелал, но за века надоедает любая роскошь, если она однообразна. А покинуть Комплексный Мир я не могу, такое на мне неснимаемое заклятие! Оно же делает меня бессмертным и неуязвимым... к сожалению.

— Ты сожалеешь, что вечен? — поразился Хайк.— Впервые такое слышу! Обычно люди мечтают о бессмертии...

— Я тоже мечтал,— с грустью произнес Настройщик.— Когда мне, молодому волшебнику-ученику, предложили стать Настройщиком и пообещали вечную молодость и здоровье, я ни минуты не раздумывал... А зря! Надо было подумать, прежде чем соглашаться.

— Гм, если не секрет, кто предложил-то? — Семен сочувственно глядел на бессмертного заключенного.— Не хочешь отвечать — не говори, вопрос для тебя, думаю, не из приятных...

— Древние маги, кто ж еще,— пожал плечами Настройщик,— старшие. Когда они стали не нужны... то есть, вернее, сами маги с чего-то вдруг решили, что они больше никому не нужны... или это была всего лишь официальная версия для непосвященных, а на самом деле старшие маги затеяли что-то тайное, личное... до сих пор в догадках теряюсь... Так вот, тогда-то

они и сотворили Комплексный Мир, абсолютно закрытый, в который никому из посторонних хода нет! Хм, жутко интересно: как вы-то ухитрились сюда попасть?

Должен сказать, что я не знаю, из каких практических соображений был создан этот Мир, могу только догадываться... Например, для того, чтобы все пользовались единой универсальной магией и не лезли в изучение чего-то более серьезного, опасного. По принципу: «Меньше знаешь — мироздание целее!»

Настройщик сгорбился, уперся локтями в колени, криво усмехнулся:

— Целее! Эх, было оно целым, а теперь...— Он достал из кармана трубочку и кисет, взвесил их на ладони и со злостью швырнул далеко в сторону.— Дожил! От беспомощности дурман-траву курить начал... Куда уж дальше! И ничего поделать не могу, представляете, ничего! Вы, наверное, не в курсе, что мирозданию приходит конец? Разваливается оно, необратимо разваливается!

— В курсе.— Семен побарабанил пальцами по подлокотнику кресла.— Собственно, мы по этому поводу к тебе и прибыли...

— А как вы ухитрились это сделать? — с жадным любопытством спросил Настройщик.— Как? Если вы смогли пробраться в совершенно закрытый Мир, то, возможно, и я смогу отсюда выскользнуть через вашу лазейку! Хотя бы на день — к людям, куда угодно, хоть в Исправительный Мир, я согласен! Впрочем, о чем я говорю,— с горечью произнес Настройщик.— Проклятое волшебство никуда меня отсюда не отпустит...

— В Комплексный Мир меня когда-то забросила пентаграмма двутелов,— пояснил Семен.— Как, почему — не знаю... Забросила, и все тут! А Мар на всякий случай адресную метку на морском берегу оставил, по ней мы и вернулись вчера. Я насчет разбегания Миров хотел с тобой потол...

— Погоди,— нетерпеливо перебил Семена Настройщик.— Какие двутелы, какая пентаграмма? Двутелы — это чужие, да? Я хоть и ограничен в перемещениях, но доступ к линиям связи у меня есть, и не только к линиям... Впрочем, не важно! Расскажи-ка подробнее, что к чему!

Семен откашлялся и начал рассказывать — коротко, по существу, одни лишь факты и ключевые моменты. Если Олии

и Хайку он преподнес историю своего прибытия в Истинные Миры и путешествие в Икс-Мир как приключенческий роман, то Настройщику был представлен официальный отчет, без лишних подробностей. Да и не нужны были сейчас те подробности, только отвлекали бы от сути дела.

Настройщик слушал внимательно, изредка кивая чему-то своему, словно подтверждая для себя услышанное. Когда Семен обмолвился о своей последней встрече с Кардиналом, о том, что Кардинал собирался нанести удар по чужим, стоит им хоть немного ослабнуть в междоусобной войне, как Настройщик резко остановил Семена.

— Достаточно! Мне все ясно. Этот ваш Кардинал...

— Император,— поправил Настройщика бесцеремонный Мар.— Новый.

— Ну Император,— отмахнулся Настройщик,— тем более! Ты, Симеон, говорил, что он в свое время экспериментировал с магией и даже с комплексным волшебством в частности, да? То есть опыт по манипуляциям с заклинаниями у него имеется. И книга первичных заклинаний нынче лежит в имперском спецхранилище, или где она там еще лежит... уж кто-кто, а Император наверняка может ею воспользоваться! И его слова об ударе по чужим... недавнее полное исчезновение двутелов... Все сходится.

— То есть? — Семен ждал ответа, хотя ему уже все было ясно.

— Буквально в тот день, когда исчезли двутелы и Миры стронулись со своих мест,— медленно и веско сказал Настройщик,— кто-то в центре Империи, в Мире Перекрестка, применил невероятно мощное самодельное колдовство, составленное из фрагментов несовместимо разных первичных заклинаний... довольно толково составленное! Но магия та, как и любая самоделка, была до крайности сырая, толком не продуманная и потому непредсказуемая по своим последствиям. Последствия, к сожалению, долго ждать себя не заставили...

— Ты уверен, что в Мире Перекрестка? — мрачно спросил Семен.— Точно?

— Я же Настройщик,— развел руками вечно юный собеседник.— Я знаю.

— Кардинал-Император хренов! — с ненавистью сказал Мар.— Гад слимперский. Жаль, что я его в свое время первичным заклинанием «На лихого дядю» не до конца прихлоп-

нул. Эх, а какая возможность была, какая возможность! Дурак я круглый после этого, и все тут...

— Что делать будем? — Семен посмотрел в глаза Настройщику.— Есть ли какие варианты по отмене того заклинания?

— В принципе есть.— Настройщик потер лоб, нахмурился.— Помнится, в руководстве по работе с первичными заклинаниями что-то говорилось об отмене произведенного действия, что-то элементарное... давно читал, уже подзабыл. Надо память освежить.

Он встал с кресла и пошел по берегу.

За трубкой и кисетом.

ГЛАВА 10
Самодельная Ловушка Из Медных Прутьев

Настройщик вернулся, уселся в кресло, набил трубочку дурман-травой и, прикурив от пущенной из пальца искры, погрузился в раздумья. Но размышлял и курил он недолго — почти сразу вынул трубочку изо рта, недоуменно оглядел ее, сплюнул с отвращением:

— Дрянь какая! Отсырела, что ли? — Он порылся в кисете и, достав пригоршню зелья, обнюхал его, даже лизнул.— Нет, вроде бы все в порядке... Странно. Не хочется вовсе.— Настройщик выбил трубку о подлокотник и спрятал ее в карман.— Вчера перестарался, наверное... Ладно, обойдемся.— Вечный юноша потер виски, припоминая.— Отмена первичного заклинания... м-м... простенькое, да-да, но что именно?

Настройщик глубоко задумался, прикрыв глаза.

Семен встал потихоньку со своего кресла, сделал знак Олии и Хайку — мол, пошли отсюда. Те намек поняли и без шума последовали за Семеном. Отойдя по берегу озерца подальше от затихшего Настройщика, Семен остановился.

— Не хочу мешать,— вполголоса пояснил он друзьям.— А то чихнет кто или закашляется — и все, плакал наш рецепт отмены заклинания... С травкой-то он, может, быстрее вспомнил бы и наверняка, но раз она испортилась...

— Ни хрена с той дурман-травой не случилось,— уверенно заявил Мар,— чего с ней станется! Это сам Настройщик испортился... то есть вылечился от привычки к траве. Стакан,

вот в чем все дело! Опасная, должен тебе сказать, Семен, вещица эта посудина имени глупого принца, страсть как опасная...

— Чем же? — заинтересовался Семен.

— Ну ты сам подумай,— несколько раздраженно ответил медальон.— Ежели ваш дурацкий стакан настолько капитально человека лечит, что тот после нескольких глотков напрочь от дурман-травы отказывается, тогда, стало быть, посудина кого угодно и от других не менее вредных привычек отвадить сможет! Типа от горького пьянства или от иных травок-заварок... от порошков счастья, в конце концов, которые немалых денег стоят.

— И что? — не понял Семен.— Это же здорово! Долой массовое пьянство и наркоманию, даешь здоровый образ жизни: физкультуру всякую, плавание там или горнолыжный спорт какой...

— Если синдикат торговли порошками счастья узнает об этом стакане, они тебе башку враз снесут,— угрюмо сказал Мар.— Горной лыжей, ага... Я бы на твоем месте выбросил стакан и забыл о его существовании! Оно для твоего личного здоровья куда как полезней было бы.

— Да откуда ж синдикат узнает? — рассмеялся Семен.— Я, что ли, им скажу? Или ты?

— Всяко бывает,— флегматично ответил медальон.— Вылечишь, к примеру, одного-другого — ты ж не удержишься, с тебя станется! — и готово, поползли слухи... А синдикат, Семен, это пострашнее любого Кардинала-Императора будет!

— Во всяком случае, не страшнее конца света,— резонно заметил Семен.— Все, хватит на тему здравоохранения! Итак, Олия...

И тут он обнаружил, что друзей рядом нет. Пока Семен беседовал с медальоном, Олия превратила свою одежду в закрытый купальник и теперь плескалась в озерце; Хайк, сбросив куртку и закатав штанины, тоже забрался в воду по горло — все же было очень жарко, пустыня как-никак.

— А почему бы и нет? — Семен оглянулся на Настройщика: тот сидел, уронив голову на грудь, и, похоже, вовсе не думал, а попросту спал.— Ладно, нам тут еще долго торчать, можно и искупаться.

Снимать комбинезон Семен не стал, превратил его в плавки, снял пояс с кошелем и нырнул в воду.

Вода была на удивление холодной, поначалу даже показалась ледяной, и Семен чуть не заорал от неожиданности. Но орать под водой было неспособно, да и на воздухе шуметь тоже не рекомендовалось, поэтому Семен вынырнул, покричал немножко шепотом, а после поплыл к Олии. Они погонялись друг за дружкой по всему озерцу, а Хайк бултыхался почти на одном месте: плавать в штанах было крайне неудобно. А без штанов — еще неудобнее!

Устав резвиться, Семен подплыл к берегу, вышел, ступая по горячему песку, попрыгал на одной ноге, вытряхивая воду из уха, и чуть не сбил с ног Настройщика — тот, оказывается, уже не думал думу, сидя в кресле, а стоял в тени одинокой пальмы, сложив руки на груди, и с нескрываемой завистью глядел на пловцов. Пальмы здесь раньше не было, видно, вырастил Настройщик ее только что, именно для создания тени. Вместо зонтика.

— Хорошая водичка,— похвалил Семен,— сплошное удовольствие! Давай окунись, по жаре самое то.

— Нет,— покачал головой Настройщик,— я плавать не умею... Один раз попробовал, сразу ко дну пошел и утонул. А воскресать мне жутко не нравится, неприятное это дело, воскресение-то... и голова после долго болит. Я уж тут, на песочке... А если помыться, так и дождь можно организовать, теплый, с шампунем. Хочешь дождь?

— Дождя не надо,— наотрез отказался Семен,— особенно с шампунем. Мы уже помылись... Олия, Хайк, давайте сюда!

Через минуту отряд был в сборе. Олия, выйдя на берег, сменила купальник на короткое легкое платье и, достав из воздуха гребешок, принялась аккуратно расчесывать длинные волосы — судя по всему, она воспользовалась магией своего кулона-плетенки. Хайк накинул на себя куртку и стоял наполовину сухой, наполовину мокрый — со штанов текло, как после стирки. Семен спохватился, что он в одних плавках, и, подпоясавшись ремнем с кошелем, немедленно вернул себе прежние рубашку и шорты.

— Значит, так,— сказал Настройщик, когда его гости привели себя в порядок и приготовились слушать.— Вспомнил я! И впрямь ничего сложного... Для отмены действия первичного заклинания надо лишь прочитать его наоборот, от конца к началу, и все.

— Так просто? — изумилась Олия.— И ничего более?

— Соблюдая артикуляцию и ударения, сделанные при нормальном, первом чтении заклинания,— уточнил Настройщик.— Это немаловажно! Иначе не сработает... Плохого оно ничего не сделает, вывернутое заклинание, но и отмены колдовства не случится.

— Не проблема,— заверил Настройщика Семен,— уж мы постараемся! Главное, добыть то состряпанное Кардиналом заклинание, а остальное — дело техники. Нас трое...

— Четверо,— поправил Семена медальон.— Я тоже грамотный и говорить умею!

— Нас четверо,— согласился Семен,— на четыре голоса и будем читать задом наперед, каждый по-своему... уж чего-нибудь да сделаем!

— Это хорошо,— думая о чем-то своем, сказал Настройщик.— Надеюсь, что так оно и будет... иначе окончательно потеряется смысл моего существования.

— То есть? — нахмурился Семен, стараясь понять услышанное.— Какой еще смысл? Живи себе и живи, целый Мир под твоим началом, хочешь — дворцы строй и ломай, хочешь— грозы с шампунем устраивай или ураганами из бабочек забавляйся. Красота!

— Я говорю о смысле назначенной мне жизни, а не о пустых развлечениях.— Настройщик снисходительно посмотрел на Семена.— Дворцы и грозы быстро надоедают, уж поверь мне! Моя работа — следить за Комплексным Миром, чтобы все работало как надо, чтобы регулярно создавались комплексные заклинания и уходили во все Миры так же регулярно! А сейчас-то ничего и не работает: Миры блуждают где попало, адреса перепутались... комплексные заклинания расходуются впустую, и оттого мой Мир лихорадит, болеет он... Мне пришлось все выключить,— помрачнел Настройщик.— А какой же я тогда Настройщик, если мне настраивать нечего? Впрочем, если бы Миры остановились, даже и не вернулись бы на свои места, а просто остановились, я бы тогда смог переналадить адреса и восстановить работу Комплексного Мира... Симеон, очень прошу — найди то гнусное заклинание и отмени его действие! Пусть все станет так же, как и прежде, пусть все вернется на свои места.

— Вместе с чужими,— поддакнул Мар.— Заклинание-то в первую очередь против них направлено было...

— Дались вам эти чужие,— поморщился Настройщик.— В большом доме да без тараканов — не бывает! Пускай себе, вреда от них немного... сами вымрут через сотню-другую лет без своей главной пентаграммы.

— И то верно,— самодовольно изрек медальон,— уж постарались мы так постарались! Как сейчас помню: мой хозяин бегает, за голову хватается, криком кричит: «Что делать? Что делать?!» — а я ему советую часовую магобомбу делать и взрывать все на фиг! Пропал бы он без меня, как есть пропал бы.

— Не так оно было,— возмутился Семен,— врешь ты все!

— Разве? — удивился Мар.— Жаль. Мне мой вариант больше нравится. Э, наверное, меня при переносе из Икс-Мира малость контузило, вот и перепутались воспоминания...

— Кстати,— Настройщик глянул на медальон Семена,— можно ли мне, Симеон, сделать копию с твоего нагрудного знака по имени Мар? Вернее, не полный его дубликат — не нужен он мне, болтливый такой! — а всего лишь копию заложенных в него заклинаний и путевых разметок... хочу я все-таки попробовать устроить себе небольшой отпуск, вырваться отсюда хоть на время! А путевые разметки, надеюсь, мне пригодятся — хотя бы для того, чтобы разобраться, как обойти установленный старшими волшебниками заслон вокруг моего Мира.

— Это ты у него спрашивай.— Семен постучал пальцем по медальону.— Он у нас товарищ самостоятельный, насилия над личностью не терпит... м-м... над своей личностью.— Семен усмехнулся.— Как договоришься, так и будет.

— Мар, разрешишь скопировать? — обратился к медальону Настройщик.

— Ну, следовало бы мне для приличия сначала поломаться, покобениться,— ответил Мар, весьма польщенный вниманием бессмертного владыки Комплексного Мира,— но раз ко мне по-людски, с уважением, то ничего не имею против. Копируйте на здоровье!

Настройщик прикоснулся пальцем к медальону, застыл, прикрыв глаза.

— Щекотно,— захихикал Мар.— Словно муравьи в меня поналезли... странное ощущение! Беспокойное.

— Вот и все.— Настройщик открыл глаза, убрал палец.— Надо же, сколько всего в тебе позапрятано! Очень, очень интересные заклинания встретились, на досуге разберусь. Глав-

ное, путевые разметки четкие, хорошо прописаны... А вот это что оно такое?

Настройщик повел рукой, и над озерцом зазвучала величественная органная музыка, спокойная, размеренная: казалось, она шла прямиком из неба. Впечатление было настолько колоссальное, что Семен невольно поежился.

— Музыкальная консерва номер триста сорок семь,— не раздумывая ответил Мар.— А как называется — понятия не имею! Она типа без названия была: вышел мужик на сцену, сыграл на механизме, все похлопали и разошлись. Длинная музыка! Я несколько другую предпочитаю, повеселее...

— Чудесно,— не слушая болтовню медальона, прочувствованно сказал Настройщик.— Давно я не слушал по-настоящему хороших вещей. Спасибо, Мар.— Вечно юный хозяин Комплексного Мира был явно растроган.— Живая музыка! Что может быть лучше!

— На здоровье,— несколько смущенно ответил медальон.— Вы потом лучше консерву номер сорок девять послушайте, вот там музычка так музычка! Сплошной «бум-бум», сто восемьдесят ударов в минуту, ноги сами в пляс пустятся, гарантирую!

— Обязательно,— заверил его Настройщик.— При случае. Если настроение будет.

— Что ж, вроде бы все вопросы решены, да? — Семен протянул руку Настройщику.— Пойдем мы, пора... Прощай, Настройщик!

— Не «прощай», а до свидания,— подмигнул Настройщик Семену.— Если удастся разобраться с путевыми разметками, то, думаю, свидимся еще. Счастливого вам пути.— Настройщик пожал руки всем.— Удачи! Буду надеяться и ждать результата.

— Да, кстати,— спохватился Семен,— ты мог бы нас как-нибудь наладить прямиком в Мир Перекрестка? А то, боюсь, опять занесет черт-те куда, а время-то идет!

— Увы,— опечалился Настройщик,— чего не могу, того не могу... Придется вам самим, своим ходом.

— Ничего, нам не впервой,— заверил его Семен.— Разберемся... Олия, возьми сумку, а то забудем! Мар, давай включай перенос в Мир Перекрестка, а там уж как повезет...

Чокнутый Мир, он же Комплексный — яркий, цветастый — резко померк: последнее, что услышал Семен, был заверша-

ющий органную мелодию громовой аккорд, пронесшийся над озерцом словно порыв сильного ветра.

...Место, куда на этот раз прибыл Семен, резко отличалось от покинутого им Мира: здесь было холодно, сыро и довольно темно. После жаркой пустыни Семену на секунду-другую почудилось, что он угодил то ли в солидный погреб, то ли в старую партизанскую землянку. Но когда глаза привыкли к местному освещению, оказалось, что местечко, где он очутился, вовсе не погреб и не землянка, а кое-что похуже. Намного хуже!

Просторный темный зал с голыми каменными стенами и неровными, как попало расположенными у потолка окошками напоминал старательно вычищенный от мусора подвал; по стенам тянулся ряд колец для факелов, но самих факелов в них не было; расставленные вокруг Семена жаровни с алыми углями ни дополнительного света, ни какого-либо ощутимого тепла не давали. Также плохой новостью оказалось и то, что Семен находился внутри небольшой, метра три на три, пентаграммы, сделанной из толстенных медных прутьев: жаровни стояли как раз на остриях ее лучей, и стояли явно не случайно!

Но самое поганое заключалось в том, что колдовская звезда была активирована.

Прозрачные бирюзовые стены по периметру внутреннего пятиугольника — стык в стык, без единой щелочки — уходили в грязный, покрытый разводами копоти потолок; в магических плоскостях змеились тонкие фиолетовые нити, и Семен решил без лишней нужды к тем стенам не подходить.

— Где это мы? — изумленно спросил Хайк за спиной Семена.— И где Олия?

Семен обернулся вовремя: черепаховый боец уже наладился выйти из пентаграммы, уже направился к опасной, невидимой для него стене — нахмуренный, сосредоточенный. Семен еле успел схватить Хайка за руку.

— Стоять! К медным прутьям не подходить! — строго приказал Семен.— И вообще держись-ка ты лучше середины... Там стены понаставлены, магические. Убить, надеюсь, не убьет, но током шарахнет будь здоров! Или чем еще шарахнет, проверять что-то не хочется.

— Ага,— сказал Хайк,— понятно,— и вернулся на место.

— Мар,— позвал Семен,— ты что думаешь по поводу всего этого?

— А чего думать,— уныло отозвался медальон.— Поймали нас, Семен. Как, кто, почему и для чего — не знаю... Для меня, видишь ли, эдакий форс-мажор тоже неожиданностью стал. Но однозначно не имперских служб работа, факт! Иначе бы их тут как шпрот в банке было, в два слоя... Давай подождем, там видно будет, что к чему.

— А Олия где? — Семен поозирался по сторонам в надежде, что девушка где-то рядом, но в подвале, кроме них, никого не было.

— Не знаю, где конкретно, но точно в этом Мире,— заверил Семена медальон.— У меня сначала прошло подтверждение, что все прибыли на место... а уж после нас сюда запихнуло.

— Ну хоть какая-то хорошая новость,— успокоился Семен.— Когда выберемся из пентаграммы, то сразу двинемся на поиски! Не думаю, что Олия где-то далеко, не могло нас раскидать по всему Миру...

— Могло,— неохотно сказал Мар.— Не хотел я тебя расстраивать, но деваться некуда — еще как могло! Я вот одного никак не пойму: почему лишь тебя и Хайка в эту ловушку затянуло? По половому признаку, что ли, отсортировало? Эге, да здесь небось какие-нибудь дикие амазонки колдуют! Им, поди, мужики для размножения требуются, будут вас эксплуатировать в нужном направлении, хе-хе...

— Не смешно,— буркнул Семен.— Ты мне лучше скажи, куда нас занесло? В какой Мир?

— Затрудняюсь ответить,— посерьезнел медальон.— В имперском списке Истинных Миров он не значится, на Закрытый Мир тоже не похож — у тех особый магический привкус... типа обязательная колдовская метка имеется. Сдается мне, Семен, что мы ненароком попали в настолько захолустный Мир, что его попросту до сих пор не обнаружили. Глубокая провинция, сонная и тупая! И жители небось такие же.

— Ничего себе тупая,— недоверчиво покачал головой Семен.— В пентаграмму-то нас загнали? Загнали. Выходит, не настолько здешние тупые и сонные, как тебе кажется.

— Ерунда,— авторитетно заявил Мар.— Ежели просвещенный миссионер угодил в вырытую дикарем ловушку, это еще не значит, что миссионер глупее дикаря! Просто обстоятельства так неудачно сложились... И то, что тупой дикарь убил и съел того умного миссионера, ничего не меняет — все одно он дурак, сволочь и хам!

— Верные слова,— одобрил Семен,— насчет вырытой ловушки. А насчет «убил и съел» мы еще посмотрим, кто кого! Хм, вот и долгожданный дикарь-маг пожаловал...

В дальнем конце зала открылась дверь, прежде невидимая в полумраке. Вошедший в зал человек с факелом в руке на секунду остановился, вглядываясь в подвальную темноту, после захлопнул дверь и с радостным криком «Демоны! Попались ужо!» кинулся бегом к колдовской звезде.

— Хайк, ничего самостоятельно не предпринимай,— торопливо шепнул Семен.— Надо сначала разобраться, что к чему, а уж после...

Черепаховый боец молча кивнул.

Человек остановился возле пентаграммы, поднял над головой факел, чтобы было лучше видно, и радостно заулыбался:

— Демоны... И медальончики небось на обоих, как положено! Не соврала книжица, не соврала... Сработала моя звездовая ловушка!

Семен тоже глядел на мага — охотника за демонами, и чем больше глядел, тем больше мрачнел. Потому что не тянул этот охотничек на серьезного колдуна-профессионала... Да он вообще не походил на ведуна, хоть самую малость разбирающегося в магии!

Охотнику за демонами было лет тридцать—тридцать пять. Ростом чуть ниже Семена, плотный, красномордый, с выпирающим из-под грязного свитера круглым животом, в штанах с пузырями на коленях и стоптанных башмаках, он производил удручающее впечатление. А сальные волосы, стриженные коекак, щербатая улыбка, недельная щетина и крепкая перегарная вонь и вовсе делали его больше похожим на деревенского тракториста-алкоголика, чем на специалиста в области магических наук.

— Здравствуйте, великий маг и чародей! Это вы хозяин пентаграммы? — подчеркнуто вежливо и громко спросил Семен, очень надеясь, что гражданин чародей достаточно трезв и с ним можно поговорить, не опасаясь непредвиденных действий, ведь от дилетанта, к тому же пьяного, можно было ожидать чего угодно. Вплоть до нечаянного превращения его, Семена, и Хайка во что-нибудь неодушевленное.

— Пентухрама? — озадачился великий маг, уставясь на Семена в очевидном затруднении.— Это чего такое, а?

— Магическая звезда.— Семен для убедительности ткнул рукой в сторону медных прутьев.— Э-э... звездовая ловушка, как вы ее назвали,— так она ваша или нет?

— Моя, конечно, а чья же еще? — удивился маг, мимоходом высморкался на пол и, шмыгнув, вытер нос рукавом.— Сам делал, по рисунку из магической книжечки... Тут из магов, поди, я один на тыщи верст! А то и на всем белом свете единственный... Ты вот что, ты мне зубы не заговаривай, понял? Я здесь главный, а потому приказываю — покажите мне ваши демонские медальоны! Убедиться хочу, что ошибки нету.— Чародей сунул факел поближе к пентаграмме.— Доставайте медленно и не вздумайте колдовать! Все одно ничего у вас не получится, зато я могу ненароком озлобиться и тайное слово молвить, от которого вас в лепешку сплющит — у моей ловушечки сила о-го-го какая!

Семен, как и было приказано, медленно достал из-за пазухи медальон и показал его хозяину пентаграммы; Хайк тоже предъявил свой дымчато-золотистый жетон, издалека предъявил — подходить к невидимым стенкам после предупреждения Семена он не собирался.

— У тебя железная бляха, значит, ты главный,— убежденно сказал небритый чародей.— С тобой и буду толковать. Тебя, демон, как зовут-то?

— Симеон.— Семен так же медленно убрал медальон на место.— А вас как?

— Так я тебе и сказал.— Чародей погрозил Семену пальцем.— Дураков нету настоящее, даденное мамкой имя всяким демонам называть! Я в книжечке про вашу братию все прочитал: и то, как вы порчу через верное имя насылать умеете, и то, что убить порядочного человека вам раз плюнуть... Зови меня Подайла, как друзья меня кличут, и хватит с тебя, демон!

— Уважаемый Подайла,— Семен говорил размеренно, не торопясь, чтобы слова доходили до сознания гражданина мага,— вы здорово ошибаетесь, считая нас демонами. Мы обычные люди, такие же, как и вы, только у нас имеются личные волшебные медальоны... они у многих есть!

— Ну да,— согласился Подайла,— у всех демонов имеются волшебные медальоны, как же им без них! Вся демонская сила в тех жетонах и заключена, я знаю, я читал. Ты, Симеон, меньше болтай о пустом, а лучше ответь — пойдешь ко мне в услужение? В работники пойдешь? Надо, понимаешь, одно

хитрое дельце провернуть, а без толкового демона сложно выходит. То есть вообще никак не получается!

Хайк невольно сжал кулаки и гневно посмотрел на Подайлу: подобное унизительное заявление от невесть кого он воспринял как прямое оскорбление Симеона и, соответственно, его самого, личного телохранителя знаменитого вора с прикрытием. Семен глянул на черепахового бойца, успокаивающе похлопал его по спине и обратился к Подайле:

— Смотря какая работа, уважаемый! Видите ли, пахать-сеять я не обучен, кузнечного дела тоже не знаю... коров доить не умею и не хочу тому учиться. Я — вор, и этим все сказано.

— Обалдеть,— потирая ладони, восторженно сказал Подайла,— вот свезло так свезло! Мне ж вор и нужен, зачем мне кузнец-то? Я и сам ковать обучен... Слушай, Симеон, нравишься ты мне! Ей-ей нравишься. Похоже, мы с тобой столкуемся.

— А если не столкуемся? — Семену вовсе не понравилась радость хозяина пентаграммы.— Что тогда?

— Тайное слово скажу, и всего делов-то,— ухмыльнулся Подайла.— Пентухраму от крови из шланга ополосну и буду ждать, пока сговорчивые демоны не попадутся.

— Не надо тайного слова,— поспешно сказал Семен.— Чего же вы хотите украсть, славный маг Подайла? Золото? Я дам вам много золота, только выпустите нас отсюда!

— Нет,— покачал головой славный маг,— что я, дурак, на демонское золото разменяться? Не-эт, мои цели куда как серьезнее. Я хочу...

— Секундочку, маг Подайла,— прервал его Семен.— Прежде чем мы приступим к деловым переговорам, ответьте мне на один вопрос: с нами путешествовала девушка... ну, демонесса, можно и так ее назвать... скажите, куда она могла подеваться? Может, у вас еще одна пентаграмма где имеется?

— Нету у меня больше звездовых ловушек,— равнодушно ответил маг Подайла,— и одной достаточно. А где ваша демонесса — знать не знаю! Она мне и даром не нужна, какой с бабы прок? Хороший, умелый демон — вот кто мне нужен был... вернее, пара родственных демонов, которые не бросят друг друга в беде, хе-хе. Потому что один из вас — ты, бородатый,— останется в пентухраме заложником. Договор договором, но и подстраховаться надо!

Маг Подайла заулыбался, весьма довольный своей сообразительностью.

— Хм, в каком смысле — родственных? — с недоумением спросил из-под рубашки Мар.— Братьев он, что ли, отловить хотел? Но вы не братья, почему же тогда оба сюда угодили? А, понял! Дружба иногда покрепче родственных отношений бывает! Опять же, Хайк заключил с тобой нерушимый договор об охране, повязан с тобой серьезно, да-да. Вот оно и сошлось одно к одному... Все ж какой я умный! Спасу нету.

— Маг Подайла,— убитым голосом молвил Семен, делая скорбное лицо,— предусмотрительность ваша поистине дьявольская! Собственно, вы уже можете выпустить меня отсюда, считайте, что я согласился на работу. При таких условиях — и не согласиться? Глупцом надо быть... Но у меня одно требование: я делаю дело, вручаю вам украденное, а вы сразу отпускаете Хайка... э-э... моего друга-демона.

— Лады,— расцвел Подайла,— сейчас тебя выпущу. Но учти: сделаешь мне худо — считай, твой друг уже погиб. А если убьешь меня, то он, друг, останется в звездовой ловушке навсегда, я и тут все предусмотрел! Она, пентухрама, у меня надежная, посторонними не выключаемая, не взламываемая и не ремонтируемая. Чтобы какой колдун-умник погасить ее не смог...

А ты, бородатый, в дверцу не рыпайся: я ее лишь для Симеона открою, тебя пентухрама не пропустит. Хотя, конечно, можешь попробовать, отчего же нет,— ухмыляясь, дозволил славный маг Подайла.— Только после не жалуйся, что я тебя не предупредил!

— Хайк,— Семен повернулся к черепаховому бойцу,— я постараюсь как можно быстрей решить проблему... Мар, обустрой-ка здесь все как надо: лежанку какую, еду и всякое разное, ну, сам сообразишь.

Буквально сразу же в пентаграмме появились небольшой диван с подушкой и теплым одеялом, ящик тушенки, вилка и консервный нож в стакане, упаковка минеральной воды и небольшой штабель буханок хлеба, запечатанных в целлофан; отдельно возникло оцинкованное ведро с крышкой.

— А ведро-то зачем? — поразился Семен.— За водой, что ли, ходить?

— Чувствуется, что ты в исправительных местах никогда не был,— снисходительно заметил Мар.— Пробел в образовании, однако! Зачем, зачем... Приспичит Хайку — он сам разберется, для чего оно ему нужно, то ведро.

Семен хмыкнул, покачал головой, но говорить ничего не стал — и так все понял.

— Симеон,— негромко сказал Хайк,— будь осторожен. И не доверяй этому проходимцу. Сдается мне, что он не из тех, кто держит свое слово.— Черепаховый боец пожал Семену руку и уже совсем тихо добавил: — Моя сумка у Олии, там же шар предсказаний — думаю, она через него сама нас найдет, тебя или меня. Поэтому не отвлекайся излишне на поиски Олии, хорошо? Мне очень не нравится сидеть тут,— признался Хайк.— Скучно!

— Эй, демоны, хватит шушукаться,— прикрикнул Подайла.— Обустроили пентухраму, и хватит! За работу пора браться, уговор дороже денег... Симеон, надо бы тебе переодеться, а то будешь внимание привлекать в своей демонской одежке. Но где ж нормальные шмотки взять-то? Вот незадача...

Семен повернулся к Подайле, внимательно оглядел его и превратил свою рубашку и шорты в нечто подобное тому, что было на владельце пентаграммы, только не такое грязное и драное. Как ни странно, но мгновенная смена одежды Семена потрясла мага Подайлу куда сильнее, нежели появление в колдовской звезде дивана и продуктов.

— Ну ты и ловкач,— восхитился Подайла,— ну и пройдоха! Умелец! Лихо ты, ух как лихо! М-да, быть демоном — это здорово... Готовься, Симеон, сейчас выпускать тебя буду.— Подайла запустил руку под свитер на животе, вытащил оттуда потертую книжку и, полистав страницы, отыскал нужную. Подсвечивая факелом, маг произнес непонятную фразу, ткнул пальцем в сторону Семена. Бирюзовая стена перед Семеном покрылась мелкой рябью; фиолетовые молнии, как потревоженные змеи, поползли в разные стороны, собрались у стыков с другими стенами — выжидающие, готовые в любой момент вернуться на место.— Иди прямо,— указал Подайла,— уже можно. Дозволяю, хе-хе.

Семен прошел сквозь бирюзовую плоскость, на миг ощутив головокружение и жар во всем теле, но неприятные ощущения сразу же пропали, как только магическая стенка осталась у него за спиной.

— Эй, демон,— Подайла отсалютовал Хайку факелом,— бывай! Лопай консервы и молись за удачу своего друга... тьфу, демоны ж никогда не молятся, я и забыл. Короче, желай ему удачи изо всех сил.

Маг развернулся и потопал к выходу из зала; Семен махнул рукой Хайку и пошел следом за Подайлой.

За дверью начинался коридор-лестница, ведущий вверх, к дневному свету. Подайла загасил факел и воткнул его в кольцо на стене.

Поднявшись по ступенькам, Семен очутился под открытым небом: вокруг были сплошные развалины, даже не развалины, а высоченные груды битого кирпича, ломаного шифера, расколотых на куски мраморных плит и покалеченных статуй с торчащими из мусора культяпками рук-ног. Плоская крыша подвала, из которого они только что вышли, поднималась над землей где-то на метр и тоже была завалена разнообразным строительным хламом. То, что Семен принял прежде за окна, оказалось пробоинами, скорее всего от снарядов.

Серое небо, затянутое облачной пеленой, напоминало осеннее, дождевое, но, судя по жаре, вряд ли здесь действительно стояла осень. Зеленая трава, росшая на чистых участках земли, и редкие, покрытые пыльной листвой кустики не походили на осенние, увядающие... Да, в этом Мире было лето.

— Место называется Гиблым.— Подайла заметил интерес Семена и истолковал его по-своему.— Правильные граждане сюда не ходят, потому можешь не беспокоиться: твоего бородатого демона никто не увидит и не потревожит. И не освободит.— Маг уверенно пошел по еле заметной тропинке между кучами мусора, не оглядываясь пошел, знал, что Семен нападать на него не станет.

— Все же, Сема, должен тебе сказать,— с насмешкой в голосе сообщил Мар,— что наш самонадеянный проводник полный невежда и дурак. Потому невежда, что, имея некую магическую книгу, не может самостоятельно решить свою проблему и вызывает для этого демона... А дурак потому, что в демонов верит! И в дружбу между ними, надо же... Согласно множеству легенд, которые я слыхал, дружбы у демонов не бывает никогда, любой из них с удовольствием перегрызет глотку другому, тому, кто попытается набиться ему в сотоварищи. И объединяются демоны лишь в случае крупных боевых действий или несомненной личной выгоды! На предмет капитально пограбить и помародерствовать... Если бы наш маголох вызвал парочку настоящих, крутых демонов, то сейчас бы ему настал полный каюк с отрыванием головы, выпусканием кишок и прочими маленькими смертными прелестями. О, крутые де-

моны-убийцы! Общение с ними пропитано добротой и гармонией, несомненно!

Мар зашелся в злорадном хохоте.

— Куда мы идем? — Семен нагнал Подайлу.— Далеко еще?

— Не, недалече.— Маг Подайла указал рукой вдаль.— Вон труба драконья торчит, а моя хатка под ней... Я уже год живу в Гиблом Месте, знаю его вдоль и поперек.— Подайла замедлил шаг, обернулся к Семену.— Отшельник я, понял? Когда книжица ко мне попала, сразу от людей и ушел.

Семену очень хотелось спросить про ту книжицу: откуда она и как досталась мусорному отшельнику, но он решил не торопить события.

— А почему «Драконья труба»? — Семен посмотрел в указанном направлении: за дальней грудой кирпичей торчала, опасно наклонясь, черная колонна.— Местное название, да?

— Почему ж название? — Подайла говорил не оборачиваясь.— Драконья труба она и есть драконья... Когда случилась война — много-много лет тому назад, еще при моем прапрадеде, прирученные драконы из таких труб чугунными ядрами в укрепления плевались, насквозь стены прошибало... Видать, обронил сгоряча один из драконов трубу с высоты или прибили его, откуда ж я знаю! Здесь драконьих костей видимо-невидимо, если под обломками покопаться, много чего интересного найти можно, опасного и непонятного... Один тип хотел чего-то в земле искать,— Подайла постучал себя по книжке на животе,— вот, доискался.— Он хохотнул непонятно чему и умолк.

Хатка Подайлы, кривобокая, грязная, собранная из невесть какого хлама, выглядела настолько убого, что Семену не то что входить в нее — рядом стоять и то не хотелось! Впрочем, заходить внутрь не пришлось: Подайла отворил дверь, коротко ругнулся, пнул ногой что-то лежавшее на пороге и захлопнул дверь с такой силой, что самодельная хатка заходила ходуном, за малым чуть не развалилась.

— Посиделки в доме отменяются,— хмуро сказал Подайла,— нажрались, скоты, в мое отсутствие окончательно, вповалку лежат! Ни пройти, ни продохнуть...

— Кто лежит? — с невинным видом поинтересовался Семен.— Тоже отшельники?

— Вроде того,— недовольно пробурчал маг Подайла.— Эх, а еще друзья называются... Я, как сигнал получил, все бросил и к ловушке побежал, а эти мерзавцы, видать, заначку мою

нашли, целая канистра вина под кроватью лежала, хорошего вина, на табаке настоянного... Мерзавцы! — Подайла с ненавистью погрозил кулаком своему домику.— Ужо стану демоном, со всеми вами поквитаюсь! Каждому былые обидки припомню! Лично! Кого в порошок сотру, кого в дерьмо собачье обращу... Никого не пожалею.

— Демоном? — не веря своим ушам переспросил Семен.— Я не ослышался?

— Не ослышался.— Подайла расправил плечи, смерил изумленного Семена тяжелым взглядом и сказал как отрубил, через губу, спесиво:

— И не просто демоном, а князем демонов! Что там князем— царем! А ты, вор, в этом мне поможешь.

— Охренеть можно! — восторженно ахнул Мар.— Во мужик дает! Молодец, ух и молодец, грамотное пожелание... Хотя все равно дурак.

Семен почесал в затылке:

— Может, сразу диктатором? Чего мелочиться-то...

— Логично,— великодушно согласился кандидат в верховные правители демонов,— одобряю. Можно и в диктаторы, я не против. Гулять так гулять!

ГЛАВА 11
Страшный Летучий Икатель Массового Поражения

— Итак, демон Симеон, слушай сюда.— Подайла сел на кусок кирпичной кладки, по-хозяйски закинул ногу на ногу; Семен присаживаться не стал, грязно очень, а остался стоять: руки по швам, глаза на выкате — в высшей степени дисциплинированный демон на приеме у высокого начальства. Почти диктатора.— Там, за Гиблым Местом,— Подайла указал пальцем в сторону дымящихся вдалеке мусорных куч,— есть небольшой городок, Палдор называется, и живет там удельный князь Бифан. Его, кстати, я убивать не стану, слугой сделаю, самым жалким и ничтожным! Будет, мерзавец, у меня на побегушках — подай то, подай се... ужо посмотрим, кто из нас «подайла»! Так вот: у князя где-то в тайнике хранится демонский медальон, не чета твоему — раза в три больше и толще, а значит, и силы в нем колдовской куда как поболее твоего.

Вот мое требование: я хочу, чтобы ты украл тот медальон и принес его мне! Когда я стану всемилостивым диктатором, то за эту работу приближу тебя к себе, обласкаю, дам орден с медалями и еще чего-нибудь подарю, там видно будет. Задание понятно? Какие будут вопросы?

Семен перестал изображать ревностного служаку, надоело. Он вдохнул полной грудью, потер глаза — непростое это дело целую минуту вовсю таращиться— и сказал:

— Есть вопросы, есть, а как же... Во-первых, как попал к князю демонский медальон, во-вторых, откуда у вас книга с чертежами пентаграммы, в-третьих, не боитесь ли вы, что я сам воспользуюсь украденным медальоном и стану главным над всей нечистой силой? Я бы лично не стал доверять столь ценный предмет первому встречному... э-э... демону.

— Слишком много знать хочешь,— недовольно проворчал Подайла.— А воспользоваться ты им шиш воспользуешься — медальон выключен, заговорен то есть... Кабы он работал, Бифан бы давным-давно меня уже нашел и прибил, он спит и об том сны видит! А как включить магическую бляху, знаю только я! — Подайла постучал для убедительности себя в грудь.— В книжке, между прочим, включательное заклинание не записано, учти.— Кандидат в диктаторы скрутил кукиш и показал его Семену.— И не мылься, все железно схвачено... В голове оно у меня, понял?

— Да не нужен мне ваш супермедальон,— с досадой ответил Семен,— мне своего хватает, порой с избытком! Вот еще, в цари-диктаторы... Я и вором себя неплохо чувствую.

— Правильно,— оживился Подайла,— хорошая профессия, интересная, сам иногда балуюсь для развлечения. Только красть здесь не у кого,— с презрением добавил маг Гиблого Места,— голытьба, нищета! Сами норовят у меня что попало спереть, уроды... Ну я им ужо! В порошок, в соба...

Видя, что гражданина Подайлу понесло по второму кругу, Семен невежливо прервал его:

— И все же я хотел бы услышать ответы на все свои вопросы. Для дела надо! Что ж я втемную работать буду, так и засыпаться недолго, и плакало тогда ваше диктаторство... Оно вам надо?

Подайла немного поколебался, наконец, очевидно решившись, проговорил:

— Ну, если для дела... Только смотри — кому из демонов мою историю расскажешь, ни ордена, ни медалек не получишь! И вообще убью, понял? Жестоко-прежестоко, с фантазией.

Семен пошатнулся, схватился за сердце, хотел было потрястись немного от страха, но решил, что это уже перебор, и не стал трястись. Подайлу произведенный эффект вполне устроил:

— Тогда слушай и не перебивай: пришел в прошлом году к княжескому дворцу один заезжий ученый, магоисторик, как он сам себя обозвал. Вид самый что ни на есть ученый: старый, очки, шляпа, лицо глупое, все как положено... У нас, Симеон, чтобы ты знал, ученых-умников не любят, одни беды от их изобретений! И колдовство тоже умники придумали, чтобы простых людей мучить, и войну они же затеяли, не поделили чего-то между собой, бес его знает чего... ну, не они сами затеяли, но с их подачи, исторический факт! Мне в приходской школе объяснили, что главные враги человечества — ученые и демоны, первые в особенности.

Когда война закончилась — они в той войне все друг дружку поубивали, главные колдуны-умники, отчего их магия развеялась, драконы окочурились, а солдаты по домам пошли,— волшебство повсеместно запретили, книги сожгли, оставшихся в живых умников повесили-порезали, и наступила всеобщая благодать. Повсюду тихо, мирно... никто ничего не колдует и не взрывает, и золота на опыты от королей не требует. Опять же налоги понизились. Это ж сколько денег на ту чертову науку уходило, сдуреть можно! Короче, всем стало хорошо, как никогда... Кое-что из наук, конечно, осталось: арифметика, чтобы монеты считать, грамота, приход-расход составлять и заключенных в тюрьмах переписывать, что ж за тюрьма да без переписи? Э, отвлекся я...

Пришел, значит, к князю дед-историк, у стражников войти проситься начал, чтобы пустили в замок, а пресветлому князю как раз скучно было, он с похмелья маялся... Ну вот, князь как того умника в очках из окна увидел, враз смешно ему стало, он и дозволил его к себе пустить. Посмеяться решил: таки ж не знал князь, что историк не только проклятый ученый, но и демон! Думал, это дурачок городской приблудился, веселить сейчас будет, дескать, с такой мордой и стекляшками на носу только шутом и работать, за медяк рожи корчить... Я как раз

при князе хлопотал: то вина принести, то тазик вынести, очень уж ему муторно было!

Зашел тот историк к князю и давай с ходу околесицу нести: он, дескать, из другого Мира прибыл, изучает историю самобытного колдовства удаленных Миров, а у нас хочет посмотреть место последней решающей битвы здешних сил добра и зла, о которой узнал из... э... остальное ерунда. И вот, значит, просит он у князя разрешения побыть недельку в его владениях, чтобы покопаться в руинах — это он так Гиблое Место обозвал, ха! Можно подумать, для этого высокое дозволение требуется, в мусоре ковыряться... Князь веселится, винцо попивает, на тазик уже не смотрит — полегчало ему. Ну, хорошая шутка, она лучше знахаря лечит, пользу для души и тела приносит, это всем известно.

В общем, много чего понаговорил пришлый дед глупого да несуразного, потешил князя вволю. Тот ему медяк сунул и велел убираться. Вот тут все и началось... Дед-историк наконец-то сообразил, за кого его приняли, завелся и стал доказывать, что он на самом деле ученый, что из другого Мира: книжку из воздуха достал, эту самую.— Подайла небрежно похлопал себя по животу.— Я-то заметил, а князь нет... дед ее своей монографией обозвал. «Методика и приемы самобытного магодейства в изолированных Мирах» называется, я уже после на обложке прочитал. Хитрое название, типично демонское, не людское...

Я, между прочим, уже давно смекнул, что к чему, а князь Бифан серчать начал: не любит он, когда ему перечат! Раз назначил, что дед — потешный дурачок, значит, дурачок он и есть, и нечего зря время тратить. Однако ж дед настырный попался, неуемный, решил, видно, на своем настоять, доказать князю, что он не абы кто... Ну что-то еще принялся наколдовывать: постучит по медальону пальцем, скажет чего, глядь— появилось! Какие-то свитки-бумажки, старые вещички... муть всякая. А когда достал все, что ему нужно было, сказал тихо своему жетону: мол, хватит, выключайся. И слово запорное молвил, а я рядом был, услышал...

Князя чуть карачун не взял от эдакой наглости. Это ж надо, в его собственный замок, в спальню, недорезанный умник-колдун заявился! Даже не колдун, а и вовсе демон из другого Мира! Побагровел князь, за саблей потянулся — князь-то саблист известный, сколько дуэлей выиграл, не счесть, всегда

оружие при нем, даже в спальне,— а демон-историк того не видит, плетет ерунду о взаимопонимании, свитки раскручивает... Понял я, чем дело сейчас закончится, умыкнул незаметно книжку и дал деру: на ходу книжку полистал, увидел, что к чему, и двинул прятаться в Гиблое Место. На всякий случай отсидеться там решил... И правильно сделал! Мне потом говорили, что мертвого демона князь лично в мешке к дальнему болоту отвез и утопил, бумажки колдовские в костре спалили, а главную книжку по имени «Монография» не нашел... меня в хищении заподозрил, всюду искал! Дюжину человек на поиски в Гиблом Месте отрядил, но разве ж здесь кого найдешь, если только он сам найтись не захочет?

А медальон князь себе оставил: одна моя знакомая, прислуга из княжеского дворца, подслушала, как Бифан перед друзьями спьяну тем медальоном хвастался, и рассказала мне о том при случае... и еще говорила, мол, очень князь сожалел, что поспешил бумажки демона-историка спалить — у него, вишь, идея появилась медальон оживить и попользоваться спрятанным в нем колдовством. До сих пор, подлец, надеется меня найти и книгу отобрать... Еще вопросы есть?

— Теперь вроде бы нету.— Семен посмотрел на дымящиеся у горизонта кучи мусора.— Разве что такой: как мне добраться до дворца князя? Я же заблужусь в вашем Гиблом Месте!

— Демон, блин, называется,— снисходительно сказал Подайла, вставая с кирпичной глыбы,— заблудиться он боится. Провожу, чего уж там...— Он ходко двинул к дымным кучам. Семен пошел следом.

За Гиблым Местом простиралась гладкая пустошь, ни кустика, ни травинки, словно выгорело все когда-то и более не прижилось. Вдали, за пустошью, высилась городская стена с редкими сторожевыми башенками поверху, недлинная стена, аккурат для небольшого города. Чуть далее за городком виднелся лес.

— Странное место для поселения,— Семен уперся руками в бока,— лучше, что ли, не нашли? Хуторок в степи, одно слово.

— Много ты понимаешь,— возмутился Подайла.— Хорошее место, исконная наша родина! Восстановленная после войны... В лесу строиться нельзя было, там владения другого князя начинаются: за городом река, по ней граница и проходит... А, собственно, какое тебе дело до всего этого? Украл, вернулся,

добычу отдал и будь здоров! Ты ж не собираешься в городе селиться?

— Не собираюсь,— согласился Семен.— Нечего мне там делать. Выполню ваше задание — и привет, у меня своих забот хватает! А в диктаторы вы уж сами...

— Правильно,— одобрил Подайла,— и чем быстрее выполнишь, тем лучше для твоего друга-демона.

С этими словами он развернулся и скрылся за ближайшей мусорной кучей.

— Эй-эй,— спохватился Семен,— а как я вас найду, чтобы украденный медальон отдать?

Ответа не последовало, ушел Подайла.

— Не беспокойся, я дорогу хорошо запомнил,— заверил Семена Мар.— А ежели заблудимся, то я транспортное заклинание в режиме местного перемещения включу: пентаграмма-то на полную катушку работает, вмиг туда снова затянет!

— Спасибо, обойдусь как-нибудь,— отказался Семен.— Разве что в самом крайнем случае,— и зашагал к городской стене.

Он шел, не заботясь о том, как он проникнет в город, как проберется во дворец — эти мысли он оставил на потом, чего заранее тревожиться-то! — шел, с наслаждением вдыхая чистый воздух. То, что в Гиблом Месте воняло, как в свинарнике, он ощутил, лишь отойдя от развалин на приличное расстояние.

— Знаешь, Мар,— сказал вдруг Семен, когда до городской стены осталось совсем немного,— а не пойду я сейчас в знатный город Палдор! Пойду-ка я сначала к реке, искупаюсь, а то после тех помоечных мест я себя грязным-прегрязным чувствую, словно в мусорном баке ночевал... Опять же, может, рыбаков на берегу встречу, потолкую с ними, разузнаю, что да как. Наш заказчик давно в городе не был, почти год, а за это время там многое измениться могло.

Семен взял левее, делая крюк.

Возле города земля была уже не такой твердой и мертвой: кое-где пробивалась трава, а возле городских стен росли невысокие кусты; облака наконец разошлись, выглянуло солнце— Семен определил, что близится полдень,— и стало вовсе жарко. Семен хотя и не страдал от жары, но шел, стараясь держаться короткой тени от высокой стены, чтобы солнце не слепило.

В кустах то тут, то там посверкивали осколки битых бутылок: то ли жители постарались, отдыхая на природе, то ли

дозорные стражники со стены понабросали, с них станется. Так или иначе, но идти надо было с оглядкой, чтобы ногу случайно не пропороть.

— Вот уж действительно гиблое место,— заметил Мар,— я бы ни за что в подобных условиях жить не стал... В крайнем случае пошел бы войной на соседнего князя, разбил бы его наголову и построил бы в лесу свой город. А то что за дела— у него, понимаешь, и зелень, и птицы, а ты сиди под солнцем и потей...

— Родину не выбирают. — Семен то и дело поглядывал вверх, не заметили ли его дозорные стражники? Хотя он больше опасался не того, что его увидят, а того, что ненароком на голову пустую бутылку уронят.— Какая есть, такая и есть... Разве они виноваты, что здесь крупное сражение когда-то случилось? Небось драконы постарались, всю землю выжгли, потому до сих пор и не растет ничего.

Семен чуть не наступил на осколок бутылочного горлышка и решил больше не отвлекаться на пустые разговоры. Зато Мар принялся болтать вовсю: начав с пары припомнившихся ему анекдотов о драконах, он перешел к теме удобрения полей драконьим навозом, после — к торговле выращенной на тех полях сельхозпродукцией... потом к бешеным налогам на торговые прибыли; затем медальон вспомнил о хитрых способах сокрытия доходов от налогообложения, способах, которыми за приличную мзду занимался один из его бывших хозяев, юрист по образованию... об аресте того юриста вспомнил... об Исправительном Мире, где тоже существуют и бюрократы, и налоги, и взятки... Семен уже начал дуреть от бесконечной истории, когда Мар бодро закруглил свой рассказ:

— Ура, стена закончилась, вон и речка видна... В общем, пришибли в конце концов местные братцы-налоговики моего юриста насмерть, а я перешел к новому хозяину.

— Очень хорошо.— Семен зевнул.— Хорошо, что его вовремя убили. Не то загрузил бы ты меня окончательно всякой налоговой ерундой вместе с приходами-расходами и финансовой документацией, будь она неладна! Бухгалтер я какой, чтобы в этой мути разбираться? Чуть не уснул на ходу.

Семен, предвкушая удовольствие от купания, направился к реке.

Река была широкая, полноводная. Заросшие кустарником берега соединял добротный бревенчатый мост на мраморных плитах-сваях, взятых явно из Гиблого Места; от моста к городу тянулась наезженная дорога, которая упиралась в настежь раскрытые по дневному времени железные ворота. Возле ворот, в тени, побросав как попало алебарды, сидело четверо стражников в красной форме и медных кирасах. От нечего делать стражники резались в карты и подозрительного бродягу-оборванца, пришедшего со стороны Гиблого Места, за игрой не заметили. Семен поспешил укрыться в кустах.

— Работнички,— съязвил Мар.— У них под носом, можно сказать, объявился преступный элемент воровской специализации, а им хоть бы хны! Никакой бдительности... Думаю, Семен, входить в город надо обязательно невидимым, а то начнут охранные ребята от скуки приставать к тебе с глупыми вопросами, могут и побить мало-мало, для развлечения. Вишь, как от безделья маются.

В это время один из стражников, проигравший, встал, задрал голову к сторожевой башенке над воротами и под дружный хохот товарищей надсадно заорал: «Мазур, опять дракон летит! Труби сбор, пока живой, а то он первым делом толстых жрет!» Из окошка башенки, как кукушка из часов, тут же высунулся толстый стражник, погрозил игрокам начищенной трубой-горном, метко плюнул в крикуна и так же быстро скрылся — видимо, про дракона-людоеда башенный Мазур слышал сегодня не в первый раз. Хохот грянул с новой силой, оплеванный стражник крепко ругнулся, вытер лицо рукавом и сел играть в карты дальше.

Семен потихоньку спустился к реке по крутому бережку, цепляясь руками за кусты. У самой воды берег становился пологим, песчаным, можно было идти, не опасаясь свалиться в реку. Купаться вблизи от стражников Семен не решился, мало ли что, а сразу пошел к мосту: уж там вряд ли кто его увидит.

За все время, пока Семен шел, ему не встретилось ни одного рыбака — то ли они, рыбаки, предпочитали ловить рыбу в каком другом месте, то ли в реке вообще не было рыбы... Зато в изобилии встречались следы гулянок: старые кострища, пу-

стые бутылки и забытые шампуры. Да, любил здесь народ погулять, ох и любил!

Под мостом было прохладно. Семен превратил костюм в плавки, зашел в реку, не снимая пояса с кошелем, и принялся оттирать себя пучком сорванной травы. Мыться с предложенным Маром шампунем Семен не захотел, пена по воде пойдет, могут обратить внимание... Зачем рисковать зря?

Пока Семен купался, по мосту несколько раз прогрохотали колеса, в одну и другую сторону. В первый раз Семен от неожиданности нырнул и притаился, а после нырять не стал— увидеть его из едущей повозки было невозможно. Искупавшись, Семен вышел на бережок и, раскинув руки, принялся стоя обсыхать.

По настилу моста часто защелкали каблуки, кто-то торопливо шел с дальнего берега к этому — акустика под мостом была хорошая, как в оперном театре, звук отдавался от медленной воды звонким эхом. Каблуки простучали у Семена над головой, и стало тихо.

— Семен, что-то мне эта походка очень и очень знакомой кажется,— встревожился Мар.— Надо бы посмотреть, кто там прошел!

— Ты думаешь, что...

Не договорив, Семен превратил плавки в легкий спортивный костюм с кроссовками — не хотелось ему вновь одеваться бомжом,— вскарабкался по берегу и раздвинул ветки кустов.

Возле стражников стояла Олия, живая-здоровая, с сумкой на плече, и что-то объясняла им, показывая рукой то в сторону дальнего леса, то на городские ворота. Стражники, перегородив алебардами проход в город, слушали ее рассказ, скептически ухмыляясь; толстый Мазур, рискуя свалиться, высунулся по пояс из сторожевой башенки, но больше не плевался, а тоже слушал. И тоже ухмылялся.

Беседа продолжалась недолго: один из стражников, скорее всего старший, сказал что-то повелительное и указал алебардой на ворота. Двое подчиненных стражников, встав по бокам Олии, повели ее в город; девушка не сопротивлялась, но шла неохотно.

— На дознание повели,— с ужасом сказал Мар.— За воротами, как правило, есть домик для стражников, они там пер-

вичное дознание всяких подозрительных проводят... Ты понимаешь, что может случиться? Девушка, одна-одинешенька, никого и ничего не знает, толпа солдат...

— Мар, включай невидимость,— приказал Семен и, как только вокруг него знакомо возник полупрозрачный колпак из чешуек-шестигранников, со всех ног кинулся к воротам.

— И... звук дай...— на бегу крикнул Семен,— что-нибудь жуткое... рев дракона у тебя есть? Громкое... на всю мощь!

Не успел Семен подбежать к воротам, как в чистом небе ударил гром такой силы, что стражники у ворот присели, уронив алебарды. Гром повторился, перейдя в протяжный вой падающей авиабомбы, а потом уж громыхнуло так громыхнуло! Толстый Мазур, вереща что-то невнятное и бестолково размахивая трубой, то высовывался из окна башенки, вертя головой по сторонам, то прятался и был похож на окончательно спятившую часовую кукушку; стражники у ворот, забыв про алебарды, кинулись закрывать железные створки. Семен, воспользовавшись суматохой, проскочил мимо стражников и вбежал в город. Позади с грохотом закрылись ворота, с опозданием заголосила сигнальная труба.

— Люблю эффекты! — радостно крикнул медальон.— От-то шороху воякам задали!

Семен огляделся: справа от него находился каменный дом с вывеской «Досмотровая» над дубовой, перетянутой железными полосами дверью. Семен со всей силы двинул ногой по доскам возле ручки, но дверь не шелохнулась.

— Момент,— засуетился Мар,— отойди-ка!

Семен отпрыгнул в сторону. В воздухе глухо ухнуло, дверь разлетелась облаком мелких стружек, деревянных и железных; Семен кинулся внутрь. К счастью, ничего страшного не случилось, пока что не случилось! Семен успел вовремя.

Олия отбивалась от одного из стражников сумкой, лупила его наотмашь, как придется. Она так и застыла— разъяренная, с занесенной для удара сумкой,— когда взорвалась дверь. Второй стражник лежал возле порога оглушенный, видимо, хотел разобраться, кто там стучится и мешает необходимому досмотру, да не успел открыть... Стражник возле Олии, крупный, со снятыми доспехами и в расстегнутой форме, стоял вполо-

борота ко входу, недоуменно шаря взглядом по пустой комнате. Семена он, разумеется, не видел.

— Привет,— рявкнул Семен,— нокаут пришел! — и со всей силы врезал стражнику кулаком в челюсть, снизу вверх, а когда тот хоть и закатил глаза, но остался стоять, повторил удар, уже с левой. Стражник рухнул на пол.

— Симеон! — закричала Олия, прижимая сумку к груди.— Это ты?

— Я! — Семен схватил девушку за руку.— Пошли отсюда скорее... Держись ко мне поближе.— Семен втянул Олию под колпак невидимости.

— Симеон! — Олия наконец увидела Семена, обняла его с такой силой, словно решила немного придушить на радостях.— Ура! Я нашла тебя! Шар предсказаний не соврал! А я так боялась...— Чего она боялась, Олия не сказала, не успела: в досмотровую через дверной проем заглянул пробегавший мимо стражник, запыхавшийся, перепуганный. Увидев лежащие на полу тела, стражник завопил дурным голосом:

— Драконья атака! Невидимый дракон! А-а-а, убивают! Всех уби-и-и-или!!! — и убежал, исчез, словно его тот невидимый дракон языком слизнул.

— Пошли отсюда.

Взявшись за руки и прижимаясь друг к дружке, нарушители спокойствия бросились вон из дома.

Улица напоминала место боевых действий. Туда-сюда носились сломя голову стражники, то и дело сталкиваясь друг с другом; кто-то баррикадировал ворота, заваливая их чем попало — бочками, досками, камнями, даже рояль с испугу откуда-то приволокли и навалили его на шаткую баррикаду; кто-то стрелял из арбалетов в небо, наугад; кто-то под шумок грабил ближайшие магазинчики. В общем, оборона шла вовсю, неорганизованная и опасная. Уже появились первые потерпевшие: кому-то ногу роялем отдавило, кого-то поранили упавшие с неба арбалетные стрелы.

— Бежим! — крикнул Семен, и они помчались прочь от бравых защитников. Они бежали, не выбирая дороги, то и дело сталкиваясь с зеваками, спешившими поглазеть, что там происходит у ворот. Сбитые с ног любопытствующие граждане немедленно подхватывали общий крик:

— Невидимый дракон! Дракон! — отчего паника лишь усиливалась. Вдалеке ударил набат.

— Какой ажиотаж! Какая экспрессия! — воодушевился Мар.— Эдак и до уличных беспорядков недалеко... До чего же здешний народ легковозбудимый! От жаркого климата, да-да. Кровь горячая, страсти бурные...

Семен свернул в первую попавшуюся улочку, в другую, в третью и остановился, чтобы перевести дух. Олия отпустила его руку, в изнеможении прислонилась к стене дома.

Улочка, к счастью, была тихая, ни одного человека; ставни на окнах домов плотно закрыты, а двери наверняка заперты изнутри на засовы. Похоже, жители этих домов не очень-то опасались невидимого дракона, но вполне серьезно относились к прогнозу Мара насчет возможных беспорядков.

— Что это было? — спросил Семен, малость отдышавшись.— Неужто действительно натуральный драконий рев?

— Ты о чем? — не поняла Олия.

— Это я Мару.— Семен тоже прислонился к стене.— Его работа! То, что сейчас творится в городе,— паника и всякое такое. Умелец, ничего не скажешь! Паникодел.

— Ну, типа да, дракон прозвучал,— охотно подтвердил медальон.— Один из моих хозяев страсть как этих животных любил, все с ними возился, кормил, заботился и всякие оригинальные звуки своих питомцев коллекционировал... Его дракон и съел, но уже без меня: хозяин перед этим махнулся мной на упаковку драконьих витаминов и...

— Короче можешь? — Семен нетерпеливо постучал пальцем по медальону.

— Можно и короче,— согласился Мар.— Это драконья кормежка была: дракон пару раз икнул, зевнул и пукнул. Вот и все. Я лишь чуток усилил звук,— скромно добавил медальон.— Самую малость, для пущей убедительности.

— Молодец,— рассеянно сказал Семен, оглядывая улицу. Прохожих не наблюдалось, пора было идти дальше.

— Олия, мне срочно надо отыскать дворец местного князя,— сказал Семен, поворачиваясь к девушке.— Мы чуть попозже обо всем поговорим, ладно? Найдем во дворце безопасное местечко и побеседуем.

Он приобнял Олию за плечи, чтобы она случайно не вышла из-под колпака невидимости, и воровская парочка отправилась на поиски княжьего жилища.

Найти княжеские хоромы оказалось несложно, достаточно было выйти на центральную улицу: она упиралась в небольшой парк, обнесенный оградой в виде чугунных копий. Посреди парка и стоял тот дворец... Как выяснилось, к величественным зданиям княжеский дом никакого отношения не имел. Это было самое заурядное трехэтажное строение с мезонином, оштукатуренное, с крохотными балкончиками на верхних этажах и внушительным мраморным подъездом. Окрестить столь громким званием банальную трехэтажку мог только человек, никогда не видевший настоящих дворцов. Такой, например, как гражданин Подайла, доморощенный маг из Гиблого Места.

Впрочем, для города Палдор, застроенного сплошь одноэтажными домиками, и здание в три этажа было дворцом.

Идти по центральной улице пришлось осторожно, держась как можно ближе, почти прижимаясь к стенам домов. Дело в том, что народ еще не успокоился, буянил народ, хотя паника понемногу стихала, что имело простое объяснение: нельзя же, в самом деле, так долго пугаться неведомо кого! Олия предложила было превратить маскировочные костюмы в такую же, как у встречных, одежду и идти дальше не таясь, не боясь наткнуться на кого-то, но Семен не разрешил, заметив, что скорее всего дом князя охраняется и пробраться в него двум простым горожанам будет невозможно. Тем более после атаки невидимого дракона...

Он оказался прав: у ворот парка и впрямь дежурили стражники, но не в красной, как у городской стражи, а в темно-синей форме, со стальными кирасами. И вооружены охранники были не тяжелыми алебардами, а мечами и короткими арбалетами. Несомненно, это была личная гвардия князя. Вдоль чугунной ограды прохаживались такие же стражники. Нет, попасть обычному человеку в княжеский парк было нелегко.

— Думаю, нет смысла обходить забор,— шепнул Семен Олии.— Уверен, стражники повсюду.

— А что станем делать? — тоже шепотом спросила Олия.— У тебя есть план?

Семен пожал плечами.

— Советую не рыпаться, а малость подождать,— порекомендовал бывалый медальон.— Раз в городе тревожная обстановка с драконами и возможными беспорядками, то без гонцов или осведомителей дело не обойдется... Во, легок на помине! Готовьтесь, сейчас ворота откроют.

По улице к парковым воротам бежал знакомый Семену толстый Мазур, на бегу пытаясь дудеть в горн, но получалось у него убого, неприличное вяканье какое-то получалось. Подбежав к воротам, Мазур последний раз дунул в горн и крикнул:

— С донесением от начальника городской стражи!

Охранники раскрыли ворота: Семен и Олия вбежали в парк следом за толстяком. Мазур, хрипло дыша и часто хватаясь за правый бок, припустил по дорожке к дому. Остановившись возле мраморного подъезда, толстый стражник приложил к губам сигнальную трубу и издал ею до того неприличный звук, что Семен едва не расхохотался.

Потешный сигнал был услышан: на балкон второго этажа вышел князь собственной персоной. То, что это был именно он, князь, а не кто другой, сомнений не вызывало — Мазур встал по стойке смирно и отдал честь, впопыхах приложив к голове руку с зажатым в ней горном.

Князь, рослый, осанистый, коротко стриженный, с аккуратной бородкой и ухоженными николаевскими усами, был одет по-домашнему: в длинном черном халате, с прицепленной к поясу саблей в серебряных ножнах и в уютных шлепанцах на босу ногу; в руке князь держал хрустальный рог с чем-то темным. Судя по утомленному виду хозяина дома, в роге был не чай.

— Чего надобно? — грозно спросил князь, сделав изрядный глоток из рога.— По какому делу тревожишь?

— Ваша светлость! — принялся докладывать Мазур.— У меня донесение от начальника городской стражи! Атака невидимого дракона отбита, имеются раненые и ушибленные, также есть некоторые разрушения винных магазинов...

— А что дракон? — Князь снова приложился к рогу.— Убит, надеюсь?

— Дракон? — растерялся Мазур.— Ну... э-э... он помирать полетел. Уже, наверное, и помер, не рычит больше.

— Молодцы! — просиял князь.— Орлы! С такими людьми нам никакие напасти не страшны, ни драконы, ни ураганы, ни злобные происки завистливых соседей! Наш великий народ, несмотря на тяжесть военного наследия и происки врагов, уверенно смотрит в будущее! Мы...— Князь заглянул в рог, увидел, что там пусто, и быстренько закруглил победную речь:— В общем, передай начальнику стражи, чтобы наградил всех защитников отечества медалями! И немедленно, сообразно личным заслугам. Свободен, герой. Пшел вон.

Князь повернулся и скрылся в доме.

— Так точно! — гаркнул Мазур.— Будет исполнено!

Он грузно потрусил по дорожке к выходу из парка, радостно крича на бегу:

— Медали для всех, по заслугам! Никто не уйдет обиженный! Ура князю!

Крик толстого стражника затих вдали; лязгнули, закрываясь, парковые ворота.

— Пойдем,— Семен потянул Олию за руку,— пора... Искать надо медальон, такой же, как у меня, но гораздо больше. С оладью размером примерно.

— А зачем? — Олия непонимающе уставилась на Симеона.— Тебе одного Мара не хватает?

— Хватает, еще как хватает.— Семен вздохнул.— Ладно, придется немножко задержаться... вижу, надо рассказать, что случилось, а то втемную работать неинтересно, азарт не тот.

Он отвел девушку в сторону от дорожки, мало ли какой еще герой-трубач с донесением примчится, и поведал ей о беглом Подайле, об украденной им у пришлого магоисторика книжке, о «пентухраме» и Хайке в ней. И о задании, назначенном Подайлой в обмен на свободу черепахового бойца, тоже рассказал — подробно, чтобы Олия знала, что они ищут и зачем.

Олия выслушала рассказ Семена, сказала, что, конечно, надо сначала Хайка вытащить из ловушки, а после уж решать, как наказать самодельного мага-негодника... может, доверить Хайку провести воспитательную работу? Он справится.

Семен отказался от столь решительных мер, сославшись на принципы гуманизма, и намекнул, что он уже придумал, каким будет то наказание: говорить о задумке Семен не захотел,

вдруг сглазит! Сказал лишь, что для этого все равно потребуется медальон, спрятанный у князя Бифана. Олия ничего не имела против — гуманизм так гуманизм! Только бы Подайле досталось на всю катушку за его гнусные проделки...

Коли пошел столь обстоятельный разговор, Семен решил не торопиться с работой, никуда она от них не убежит, а узнать заодно, где была Олия и как она ухитрилась выйти к гостеприимному городу Палдор... неужто смогла без подсказок разобраться, как работает шар в режиме предсказаний? Хайк ведь не объяснил, не успел...

Рассказ девушки был куда короче и менее красочен, чем повесть Семена: очутилась в лесу, вначале испугалась и растерялась, но потом вспомнила о шаре предсказаний в сумке— хорошо, что сумку взяла она, а не Хайк! Помудрила над шаром часа два, и так и эдак, в конце концов поняла, что надо делать. Увидела в шаре картинку с городскими воротами, стражников, Семена, пробирающегося мимо них... Ну и пошла в нужном направлении. Когда сбивалась с пути, изображение в шаре становилось тусклым, а то и вовсе пропадало. Так она пришла к воротам, а дальше Семен и сам все знает.

— Если вы уже все обсудили,— подал голос Мар, до этого деликатно молчавший,— то не пора ли заняться работой? День, понимаешь, уже к вечеру клонится, а еще ни фига не сделано! Или вы собираетесь всю ночь с факелами по дому бегать, не привлекая к себе внимания? Эх, сдается мне, что найти заказанную хреновину будет непросто... Я на вашем месте подпалил бы дом под утро, князь и выскочил бы из него с особо ценными вещами в охапке! С саблей, хрустальным рогом и медальоном, хе-хе... Вот тут-то его и надо брать,— убежденно сказал Мар.— Не князя, а медальон, естественно.

— Отличная идея,— обрадовался Семен.— Мар, дружище, спасибо! Олия, похоже, не будем мы искать заказанный медальон — князь его нам самолично вручит. Мало того, благодарить будет за то, что забираем!

— Как так? — изумились и Олия, и Мар. Правда, вредный Мар сразу же поинтересовался:

— Семен, а поджигать дом со спящими людьми вполне соответствует твоим принципам гуманизма? Или гуманизм сам по себе, а работа — сама по себе?

— Не буду я ничего поджигать,— твердо сказал Семен для медальона, а Олии пояснил: — Мар предлагал запалить дом, чтобы князь выбежал с самым для него ценным... Варварский способ, чесслово! Нет, мы пойдем иным путем, более верным. И более... э-э... смешным, что ли.

— Каким? — заинтересовался Мар.

Олия же промолчала — она слушала.

— Значит, так.— Семен посмотрел на дом.— Находим кухню и подсыпаем в еду князя...

— Яд! — с сарказмом подсказал Мар.— Из чувства немереного гуманизма травим всех подряд, а затем не торопясь находим медальон и дуем к помойному магу спасать Хайка. М-да, не ожидал от тебя, Семен, такого предложения...

Семен и бровью не повел, выслушав столь провокационное заявление.

— Подсыпаем в еду какое-нибудь средство, от которого князь на время становится больным: мощное слабительное или что другое, но не менее действенное... а утром приходим к князю под видом лекарей и сообщаем ему, что на него пало отсроченное колдовское проклятие. Мол, в доме хранится нечто магически опасное, вызвавшее ту болезнь. Забираем медальон для снятия с князя злых чар и заодно вылечиваем пациента с помощью железного стакана.

Семен подмигнул Олии:

— Справишься с ролью? Твой маскировочный комплект, кстати, может превращаться в какую-нибудь подходящую для лекаря одежку? Желательно мужскую: как правило, в известных мне Мирах лекарями-аптекарями работают в основном мужчины. И одежды, кстати, у них темные, учти.

— Надеюсь, что может, я пока не пробовала.

Олия оглядела себя: ее платье медленно превратилось в безразмерную черную куртку с капюшоном; под стать куртке были и брюки, и высокие сапоги. Мешковатая одежда скрадывала очертания девичьей фигуры, и Олия в ней вполне могла сойти за парня. Ежели, конечно, спрятать волосы и особенно к Олии не приглядываться.

— Сойдет,— одобрил Семен.— Волосы уберешь под куртку, а на голову не забудь накинуть капюшон. Теперь насчет слабительного...

— На фиг то слабительное! — прервал Семена медальон.— Еще не сработает или сработает, да не так, как надо... Знаю я те самопальные лекарства в отсталых Мирах, от них недолго по-настоящему заболеть. Есть у меня в запасе одно замечательное, изумительное средство... Поверь, Семен, князь будет рыдать от восторга, когда ты его вылечишь!

— А что за средство? — насторожился Семен.— Надеюсь, не опасное?

— Для здоровья — нет,— хихикая ответил Мар.— Разве что для самолюбия... Веселый карнавальный порошок, контрабанда из Пузырькового Мира! Лежал у меня за ненадобностью уж не помню сколько лет... Как ты там говорил — пойдем смешным путем? Ну, тогда пошли.

— На кухню? — уточнил Семен.— В княжий ужин порошок сыпать?

— В ужин ненадежно,— рассудительно сказал медальон.— Съест еще не тот, кто нам требуется... В вино, только в вино! В то, которое один лишь князь пьет.

ГЛАВА 12
Скорая Лекарско-Извозчичья Муниципальная Помощь

Семен и Олия для начала обошли весь дом, осторожно, чуть ли не на цыпочках, знакомясь с его планировкой и обитателями. На первом этаже находились холл с ведущими наверх лестницами, просторный зал для приемов, людская, кухня и какие-то подсобные помещения, куда Семен заглядывать не стал; второй этаж полностью занимал князь, возле массивной двери на стульях дремали двое слуг-посыльных, и потому заходить в княжеские апартаменты Семен не решился; третий этаж походил на гостиничный вариант — длинный коридор с дверями по обе стороны. Наверное, здесь отдыхали после пирушек званые гости князя...

На кухне орудовал повар с четырьмя помощниками-поварятами, стряпал ужин — все печки были уставлены кипящими и шкварчащими кастрюлями-сковородками, поварята носились как угорелые, а повар безостановочно ругался. Десятка полтора человек прислуги сидели в людской и без особого азарта перебрасывались в карты, чего-то ожидая. В общем,

расстановка сил была ясна, пора было переходить к намеченному Семеном плану.

Бочки с вином нашлись в холодном подвале, здоровенные, лежащие на железных козлах и пока что запечатанные. С латунными кранами было всего лишь две. Одна из них, та, что поменьше, находилась поодаль от всех остальных. Ничуть не сомневаясь в том, что князю наливают именно из этой бочки, Семен залез на нее, уселся верхом, с трудом выдернул деревянную пробку и всыпал в бочку предложенный Маром порошок. Последствия сделанной добавки показались Семену довольно необычными, если не странными: в бочке тут же весело заклокотало, из отверстия ударил переливающийся разными цветами луч, на миг превратив унылый подвал в праздничный калейдоскоп. Семен быстро воткнул пробку на место, потушив разноцветное сияние, спрыгнул на пол и отряхнул руки.

— Готово,— возвестил он,— а теперь...

Мар закончил мысль за него:

— А теперь для верности надо подождать, когда князю захочется еще винца дернуть. Хм, судя по его настроению, это произойдет скоро, кого-нибудь из своих шестерок пришлет... Ага, вот и гонец, легок на помине, молодец, вовремя.

В подвал вошел один из слуг-посыльных с расписным кувшином в руке. Нацедив из бочонка, слуга воровато огляделся и приник к кувшину; вытерев губы рукавом, он долил вина и пошел к выходу.

— Раз,— негромко сказал медальон.

— Что — раз?

Семен проводил взглядом слугу: тот чуть не столкнулся в дверях с поваром, который тоже был с кувшином, но поменьше и попроще. Повар, дождавшись, когда слуга закроет дверь, подошел к бочонку, налил вина и, отхлебывая на ходу, ушел из подвала.

— Два,— сказал Мар.— Расхитителей княжеского добра считаю, непонятно, что ли? Ох и жулики...

...За полчаса, что Семен и Олия провели возле бочки с особым вином, в подвал заглянули многие, почти все обитатели дома, за исключением поварят и самого князя. Дело шло к ужину, самое время промочить горло, тем более после великой победы над драконом. Вино в кувшины-графины набирали из

другой бочки, побольше, но каждый из посетителей обязательно хоть чуть-чуть, но прикладывался к княжескому бочонку.

— Жадность фраеров сгубила,— посмеиваясь, сказал Мар, когда паломничество к винным бочкам наконец закончилось.— Однако завтра утром будет весело всем, не только князю! Ох и весело...

Как Семен ни упрашивал Мара объяснить, что же произойдет поутру, открывать тайну медальон отказался наотрез. Сказал, что сами увидят. Мол, объясненный розыгрыш не даст ребяткам-заговорщикам никакого удовольствия, а он, Мар, не из тех, кто любит портить доброе развлечение. Даже по необходимости.

Дело близилось к вечеру, пора было подумать о ночлеге. Семен предложил внаглую устроиться на третьем этаже, все равно комнаты зря пустуют, но Олия и Мар отговорили его от столь рискованного поступка: того и гляди гости к князю нагрянут, день-то особый! Вон и повар готовил на целую толпу, поварят вконец загонял...

Олия была права: в зале для приемов накрывали длинный стол. Слуги в парадных ливреях шустро сновали по всему этажу, покрикивая друг на друга, таская туда-сюда стулья, тарелки, графины, прикатывая столики-тележки с судками-лотками-супницами из кухни в зал и возвращаясь обратно с пустыми столиками за следующими судками-лотками. Пару раз на Семена чуть не наехали тележкой, один раз едва не сбили с ног Олию. В общем, на этаже творился сущий бедлам!

Благополучно удрав из шумного дома, ребятки-заговорщики остановились под балконом, с которого днем выступал князь. Надо было прийти в себя и спокойно решить, что делать дальше.

Первые гости, по-видимому, уже прибыли — возле подъезда стояла розовая коляска с низкорослой лошадкой, украшенной живыми цветами и оттого похожей на мультяшную пони. Возница суетился вокруг коляски, стирая с нее тряпкой дорожную пыль.

— Интересно,— задумчиво сказал Мар,— а какое вино подадут гостям? Надеюсь, не...

Словно в ответ из комнаты князя донесся рык:

— ...В мой день рождения, совпавший со знаменательной победой, вино на стол подавать самое лучшее, понял? То, которое в новом бочонке, в малом! Если замечу, что слуги под

шумок дуют мое вино, выпорю и слуг, и тебя, собственноручно. И смотри, чтобы все было на высшем уровне — сегодня у меня в гостях ожидается владетель лесного города, барон Тризи. Ступай! Так ты говоришь, дорогая, барон приедет с супругой?

На балкон вышел князь в белом мундире, в сапогах и при обязательной сабле, неожиданно трезвый, а вместе с ним появилась статная дама в розовых шелках, то ли жена, то ли любовница.

— С ней, с кошкой драной.— Дама сердито поджала алые губки.— Сплетница в нашем городе известная! Пусик, будь осторожен и не давай ей понять, что мы с тобой давно и хорошо знакомы.

Дама улыбнулась бравому пусику, кокетливо погрозив ему пальчиком.

— Прелестница! — томно выдохнул князь, подкручивая ус.— У нас еще есть время, пойдем в спальню, я тебе книжку почитаю... интересную, с картинками.

Чем там закончилось дело с чтением художественной литературы, ни Семен, ни Олия не узнали — парковые ворота распахнулись, и в сад въехала карета, черная, запряженная четверкой вороных. Возница вовсю сигналил резиновой грушей-клаксоном, безостановочно выдавая что-то вроде знакомого Семену «Спартак — чемпион!». Наверное, это приехал долгожданный барон Тризи или какой другой, не менее знатный гость, но выяснять, кто именно, Семен и Олия не собирались — они проскользнули в открытые ворота и были таковы.

В одном из закоулков винные диверсанты сменили одежды на более подходящие, такие же как у прохожих. Семен убрал колпак невидимости и вместе с Олией отправился искать ужин и ночлег.

С ужином проблем не возникло: в небольшой забегаловке Семен и Олия наелись до отвала. И хотя меню было без затей, простое меню — чебуреки и сухое вино в ассортименте, все оказалось вкусным и сытным. А вино вполне приемлемым, не слишком кислым.

Гостиница в замечательном городе Палдор имелась всего одна, да и та была переполнена. Семена подселили в номер к четырем развеселым мужичкам, обмывавшим торговую сделку. Он в коллектив не влился, лег на кровать одетым (не

превращать же комбинезон в пижаму на глазах у народа) и попытался уснуть, невзирая на застольный шум.

Олии повезло больше — она поделила номер с некой заезжей фрейлиной, строгой дамой в возрасте, не вступающей в разговоры с девицами низшего сословия. Потому Олия прекрасно выспалась, в отличие от Семена — торговые мужички пили долго и угомонились далеко за полночь, упав кто под стол, кто мимо кровати. Мар с самого начала предлагал выключить звук, но Семен не решился — а вдруг Олия придет, мало ли что случиться может... Но Олия не пришла, и Семен уснул.

Утром его разбудил стук в дверь. Веселых мужичков не было, ушли по своим торговым делам, опохмеляться скорее всего. Семен встал, зевнул и открыл дверь. На пороге стояла Олия, возбужденная, веселая.

— Симеон, все получилось! — едва сдерживая себя, чтобы не воскликнуть в полный голос, прошептала девушка.— Если бы ты знал, что творится возле дома князя! Я рано проснулась и решила прогуляться к саду, а там такое, такое! Это надо видеть самому. Пошли скорей!

— Момент.— Семен потер глаза.— Подожди меня на улице. Я только умоюсь-побреюсь, приведу себя в порядок... Пятнадцать минут, и я готов.

Семен еще разок зевнул и пошел бриться-умываться.

Рассчитавшись с портье за себя и за Олию, он вышел из гостиницы. День был чудесный: недавно прошел дождь, жаркое солнце скрылось за облаками; прохладный воздух пах утренним кофе и сдобными булочками из соседнего кафе-кондитерской.

Как Олия ни торопила Семена, он все же завел ее в маленькую кондитерскую, где они выпили кофе и съели по пирожному — приступать к работе на голодный желудок Семен не захотел, так и гастрит схлопотать недолго! Никуда та работа от них не денется... Если, конечно, средство сработало.

Выйдя из кафе, Семен взял Олию под руку, и они пошли к дому князя, обычные, ничем не примечательные горожане.

Средство сработало: сад князя Бифана был плотно оцеплен стражниками, а у ворот они стояли вообще в два ряда; любопытствующие граждане толпились перед оцеплением, стараясь разглядеть, что такое происходит в княжеском саду, а тем более в доме. Приглушенные расстоянием, из дома неслись

крики, словно там шел непрекращающийся скандал или драка. Или то и другое одновременно.

Семен, оставив Олию в сторонке и наказав ей не вмешиваться, еще затопчут, быстренько проскользнул в толпу и принялся испуганно спрашивать налево и направо:

— Что случилось, господа? Что? Вы знаете? Неужели опять дракон, да? Или налоги подняли? Или война?

Провокация имела успех: пару раз Семену съездили по ребрам, чтобы не поминал налоги всуе, он и перестал их поминать, а на остальные вопросы Семен получил весьма эмоциональные, но расплывчатые ответы — мол, может, и дракон виноват, а может, и война будет, хрен их разберет... Говорят, демоны в княжьем доме поселились, рожи кошмарные, рогахвосты, тьфу, нечисть... несомненно, из-за невидимого дракона те демоны явились, проклял дракон перед смертью город, да-да!.. И война будет, разумеется,— кто ж в проклятом городе жить нынче захочет... Говорят, барон Тризи и есть самый настоящий демон, он дракона на наш Палдор и натравил, гад... вот с кем воевать-то надо, с лесным городом, это они порчу навели! У них все есть, а у нас так себе, ни то ни се...

Семен выбрался из толпы.

— Народные массы волнуются,— озабоченно пояснил он Олии.— Никто ничего толком не знает, выдумывают всякую чушь... Ладно, ерунда это все! Меня больше волнует, как мы за ворота попадем, вон сколько людей собралось... Не запускать же по новой драконью икоту, они же друг друга с испугу подавят! Что же делать-то?

— Симеон, смотри! — Олия показала рукой.— Карета скорой помощи!

И действительно, по улице к воротам неторопливо ехала белая обшарпанная карета с красным крестом на дверце: карету тащила кляча, спокойная как после дозы элениума. Возница тоже никуда не спешил, на лице у него было написано безмерное отвращение и скука, дескать, чего суетиться, все там будем, мне ли не знать... Скорая помощь остановилась перед «народными массами», возница привстал, лениво крикнул:

— Муниципальная скоростная лекарская карета! — и сел на место, потеряв интерес к происходящему. Стражники принялись расталкивать толпу у ворот, освобождая место для проезда.

— То, что надо.— Семен рванул к карете.— Олия, за мной! Быстренько делай лекарский наряд!

Семен, на ходу превратив городскую одежку в строгий деловой костюм, черный и солидный, подбежал к карете, дернул за ручку дверцы — та легко открылась — и, сказав: «Приветствую, коллеги, извините за опоздание», нырнул в полумрак. Следом за ним впорхнула Олия, захлопнув за собой дверцу.

В карете на противоположных лавочках сидели двое лекарей в обязательных темных одеждах, с объемистыми саквояжами на коленях. Лекари были угрюмы и один на другого старались не смотреть. Появление Семена и Олии они восприняли спокойно, оглядели их и отвернулись, уставясь один в пол, другой в потолок. Семен и Олия тоже уселись на лавочки, бок о бок со светилами лекарской науки. Светила, похоже, радости от этого соседства не испытали.

— Ну-с, коллеги,— жизнерадостно сказал Семен, потирая ладони,— введите меня в курс дела, а то я очень торопился и не успел толком расспросить гонца... Какие симптомы, в порядке ли стул? А температурка в пределах ли? Надеюсь, предварительный диагноз уже имеется?

— Нету пока никакого диагноза,— недовольно буркнул один из лекарей,— и вообще не дело медицины заниматься одержимостью демонами, это к церковникам, мы-то здесь при чем? Пускай они исцеляют, лично я бесов изгонять не подряжался...

— Ошибаетесь, батенька,— заволновался второй,— именно что медицины, именно! Что церковники? Обман то все, морфий для народа! Ложь, враки, побасенки... Наука и вера — две вещи несовместные, как вы не понимаете? Сказки это все про демонов... слухи... Недостойно оно научного мужа! Обычное коллективное умопомешательство, не более. Будем лечить.

— Идите к черту,— грубо ответил первый лекарь,— понахватались новомодных поветрий в вашем лесном городе... Демоны, они не лечатся! Таков мой окончательный диагноз.

Лекарь сердито умолк. Скорее всего, спор шел у них всю дорогу, пока карета ехала к княжескому дому, потому-то дружеские отношения и не сложились.

Карета тронулась с места; лекарь-материалист с любопытством повернулся к Семену:

— А вы кто будете? Что-то я вас не припомню.

— Я тоже не помню,— сообщил лекарь-мистик.— Вы, собственно, откуда взялись? И где ваши лекарства и инструменты?— с нарастающим подозрением спросил он.

— Господа! — Семен успокаивающе поднял руку.— Спокойствие, только спокойствие! Я — представитель нетрадиционной медицины, практикующий доцент-экстрасенс, специалист по демоническим мутациям и контактам третьего рода. Проездом в вашем городе, возвращаюсь из горного монастыря, где всемерно просветлялся... А это мой ученик-помощник, прошу любить и жаловать.

Семен указал на Олию, та слегка покачнула капюшоном, здороваясь.

— Все необходимое у меня тут.— Семен задрал подбородок и высокомерно постучал себя по лбу.— Древние знания и опыт сотен поколений — вот мои лекарства, вот мои инструменты! А также сила воли, ясность ума и широко открытый третий глаз.

— Шарлатан,— с пренебрежением сказал первый лекарь; второй добавил:

— Причем махровый.

Оба разом отвернулись от махрового шарлатана и его махрового помощника. Семен лишь порадовался, что наконец-то у врачевателей появилось общее мнение и что презрение к шарлатанам пересилило любопытство. Это было на руку, это снимало много ненужных вопросов.

Карета скорой помощи остановилась, лекари вышли, вышел и новоявленный экстрасенс с помощником. Никто карету не встречал, то ли некому было, то ли не до того... Второе оказалось вернее.

Едва Семен вошел в холл, миновав застывших на месте лекарей, как его оглушили крики, шум и хохот. Казалось, в доме идет бесшабашная гулянка с невероятным размахом, прям как в последний раз. А потом Семен увидел демонов.

Демоны были одеты в парадные ливреи слуг, демоны были веселы, демоны были в стельку пьяны. Семен невольно попятился, прикрывая собой Олию. В тот же миг он услышал дробный стук подошв. Это лекари, побросав тяжелые саквояжи, задали стрекача, оставив коллегу-шарлатана наедине с чертовщиной. Самым резвым оказался лекарь-материалист — он первым выскочил за ворота с истошным криком: «Демоны! Демоны! Спасайся кто может!» Задремавший возница скоростной

муниципальной кареты проводил убежавших лекарей тусклым взглядом, сплюнул и вновь закрыл глаза. Все равно от костлявой не убежишь, все там будем...

Демоны Семена не замечали, не до того им было: они резвились. Кто танцевал без музыки, кто пел, кто хохотал, кто бил посуду... Пустые графины, бутылки и кувшины валялись там и сям. Некоторые демоны, из особо нарезвившихся, спали по углам, мирно похрапывая во сне. Семен стоял, не предпринимая никаких действий, просто стоял и смотрел.

Демоны выглядели знакомо, Семен таких видел раньше, в фильмах ужасов. У нечисти были на удивление разноцветные морды — мелькали и красные, и синие, и черные, а у некоторых вообще зеленые хари; рожки на лысых головах, поросячьи пятачки на мордах, хвосты из распоротых сзади брюк и копыта вместо обуви не оставляли сомнений, что не демоны то вовсе, а рядовые черти. Что, впрочем, ситуацию не проясняло.

— Мар, давай объясняй,— потребовал Семен, поглядывая на веселых чертей.— Розыгрыш удался, мы в трепете... да что там в трепете! В ужасе, не меньше... Это от порошка, да?

— От порошка, само собой,— подтвердил довольный Мар.— А знатно ведь скачут, ты не находишь? Эх, сюда бы музычку, то-то пляс был бы! Вон как отчебучивают, любо-дорого посмотреть...

— Мар! — повысил голос Семен.

— Ну хорошо,— поскучнел медальон.— Карнавальный порошок есть одобренное Минздравом Пузырькового Мира безвредное средство, придающее облику пользователя черты мифического существа, соответствующего его основным психологическим качествам, вследствие чего необязательно ношение карнавальной маски... э-э... средство вызывает гарантированную адекватность поведения согласно приобретенному облику... м-м... действие от двадцати до двадцати четырех часов, в зависимости от времени суток и погоды. Так было написано в инструкции, слово в слово!

— Понятно.— Семен покачал головой.— А ты раньше действие одобренного Минздравом порошка видел или нет?

— Нет,— честно ответил Мар.— Сейчас вижу. Мне нравится!

— Хулиган ты,— грустно сказал Семен.— Вредитель-экспериментатор... И что теперь делать, а?

Он подумал, сложил у рта ладони рупором и крикнул тревожно:

— Вино заканчивается, братцы! Все в подвал! Вина мало осталось! В подвал, скорей!!!

Бывшие слуги, а нынешние черти ринулись гурьбой к винному подвалу; через минуту помещение опустело.

— С этими понятно,— Семен усмехнулся,— действительно, у них не только морды изменились, но и соответствующий менталитет вырос...

— Чего не заметил, того не заметил,— с сожалением признался Мар,— хвосты видел, а на минт... менталитет внимания не обратил, у них у всех штаны наглухо застегнуты были. Экий ты глазастый!

Семен фыркнул, не ответил и направился к залу для приемов. Испуганная Олия держалась поближе к Семену, не отставая от него ни на шаг.

В зале тоже шла пьянка, но более пристойная: сидевшие за длинным столом упыри, гномы, ведьмы, тролли и прочая мифическая сволочь пили вино из кубков, то и дело швыряя друг в друга объедками и обглоданными костями; возле окна, укрывшись шторой, дрых атлетически сложенный герой-полубог с мужественным лицом. А может, и не герой, но храпел он как полубог, не менее.

— Этот-то сюда как затесался? — с недоумением пробормотал Семен.— Видать, порядочный человек, единственный на всю кодлу... И тот нажрался как свинья, тьфу.— Семен озадаченно потер щеку.— Где же князь? Который из них?

Внезапно грянула песня: положив руки друг другу на плечи, сказочная нечисть с неожиданным подъемом затянула:

— Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались!

— Гляди-ка,— поразился Семен,— откуда они творчество земных бардов знают? Любопытно...

Он прислушался: да, точно, это была та самая песня— с крохотными, незначительными изменениями, но та!

— Сперли, однозначно,— обиделся Семен.— Везде одно и то же... Пиратство форева[1]! А как же авторское право? И вообще— каким образом?

— Не знаю, как твои барды,— насмешливо сказал Мар,— но эту песню поют во всех Мирах, и ей уже лет триста, не менее!

[1] От англ. forever — навсегда.

Народное творчество, понимаешь... Так что неизвестно, кто у кого ее позаимствовал.

— Пу-у-усик! — донеслось призывно от стола.— Где ты, пусик? Твоя любовочка хочет с тобой выпить!

Костлявая носатая ведьма в розовых лохмотьях требовательно застучала по столу кубком. Семен и Олия зашарили по разудалой компании взглядами, выискивая князя-пусика.

Герой-полубог перестал храпеть, открыл глаза. Утробно рыкнув со сна, он сел, зевнул и поднялся во весь свой немалый рост. На герое не было ничего, кроме шторы, которую полубог тут же приладил вроде набедренной повязки; остатки белого мундира лохмотьями валялись под ним на полу, рядом с саблей. До пояса герой был ,и впрямь как герой, а ниже — вылитый сатир с козлиными ногами; стуча копытами, князь направился к столу, сыто отрыгивая и почесывая бок, на котором рельефно отпечатались сабельные ножны.

— Мар, включай-ка невидимость,— шепнул Семен.

В ту же секунду колпак невидимости прикрыл и его, и Олию.

— Значит, так.— Семен решительно ткнул рукой в сторону козлоногого героя.— План несколько меняется. Эти страхолюдища так и не поняли, что с ними произошло, и считают все происходящее вполне естественным. Потому никто с нами говорить, а тем более отдавать медальон за лечение не станет... Улучим момент и напоим князя из стакана! Он станет самим собой, и мы утащим его из-за стола для объяснения ситуации. В смысле, что мы — лекари, пришли снять проклятие колдовского медальона и далее по прежнему сценарию. Думаю, в обмен на возвращение нормального вида своей «любовочке» князь скупиться не станет. Надеюсь, что не станет.— Семен повернулся к Олии.— Давай стакан!

Олия молча порылась в сумке, ойкнула и медленно вынула оттуда что-то плоское, кривое. Это был стакан — сплющенный и погнутый, безвозвратно погибший. Лечение князя, как и его гостей, отменялось...

— Я нечаянно,— чуть не плача сказала девушка.— Наверное, когда стражников сумкой лупила... И шар предсказаний треснул! Вот беда...

— Чего-то в этом роде я и ожидал,— флегматично произнес Мар.— Слишком уж все сложно получалось, слишком заумно!

А заумные планы, как правило, нежизнеспособны: обязательно на чем-нибудь да проколешься... Семен, а ну их всех на фиг! Хозяевам все одно не до нас, у них оргия с пусями-мусями и распеванием народных частушек, а слуги-черти добрались до бочек в подвале, нескоро появятся. Нет им всем никакого дела ни до чего, кроме себя, любимых... Пускай резвятся! А мы по-простому, как и положено ворам, без лишних затей обшарим все комнаты, все шкафы, возьмем то, что нам нужно, и гордо удалимся. Они к вечеру и без стаканотерапии в себя придут... Эх, хотелось бы поглядеть, что тогда будет! Ой как хотелось бы! — Медальон злорадно захохотал.— Но работа есть работа...

— Придется,— без энтузиазма согласился Семен.— Олия, поднимаемся на этаж к князю и ищем медальон, других вариантов нету.

Воры-домушники направились к лестнице, оставив мифологическую шушеру на произвол судьбы, что, впрочем, той шушере ничуть не повредило, им и так было хорошо. Даже очень.

Возможно, гости князя будут с упоением вспоминать невероятный случай, приключившийся с ними в день рождения хозяина дома, еще и внукам рассказывать станут. А может, и не станут, будут молчать до самого конца, кто знает? Правитель, одержимый демоном,— это, знаете ли... Подчиненные могут и взбунтоваться, на всякий случай. Во избежание.

Покои князя на втором этаже, разумеется, никем не охранялись.

Дверь оказалась не заперта, у нее вообще замка не было: либо князь доверял своим людям во всем, либо был лют на расправу, и в его комнаты никто не смел войти, даже в его отсутствие. Второй вариант больше походил на правду.

Комнаты шли анфиладой, но почти в каждой было несколько дверей, которые вели в соседние помещения. Семен и Олия не стали обыскивать их все подряд, а двинулись сразу на поиски рабочего кабинета, ведь должен же здесь быть кабинет? Место уединения и обдумывания важных государственных дел. Вот его-то в первую очередь и надо было осмотреть, потом спальню, а после, если не повезет, и все остальное.

Обособленная комната, возможный рабочий кабинет, напоминала банкетный зал после выноса тел последних гостей. Заваленная пустыми бутылками, с грязными тарелками и ста-

канами на стульях, с каким-то пыльным тряпьем по углам, она вызвала у Семена скуку и отвращение. В центре рабочего кабинета стоял добротный письменный стол с грудами официальных бумаг, с опрокинутой сухой чернильницей и поломанным гусиным пером в ней... Похоже, князь малость недолюбливал канцелярскую работу.

Семен осмотрел стол, повыдвигал все ящики, но ничего, кроме пустых бутылок и драных носков, там не обнаружил. Оставаться в рабочем кабинете и рыться в бутылочных завалах ни Семену, ни тем более Олии не хотелось, они пошли искать спальню князя. И довольно скоро ее нашли.

Спальня отличалась чистотой и ухоженностью, не в пример комнате для подписания указов. Стены и потолок были задрапированы алым шелком, пол закрывал мягкий ковер с ворсом по щиколотку; высокие серебряные зеркала в виде дополнительных фальшивых окон создавали иллюзию необъятности помещения; несколько пуфов с бархатными сиденьями и золоченые тумбочки под зеркальными окнами завершали убранство спальни. Впрочем, нет: еще в спальне было полным-полно оружия! Как ни странно, повсюду висели сабли — на стенах, в несколько рядов, и даже в изголовье необъятной кровати, крест-накрест; кровать была настолько велика, что на ней запросто могло разместиться с десяток влюбленных пар. А ежели потесниться, то и вся дюжина, если, конечно, пары не шибко толстые попадутся.

Чувствовалось, что спальня — любимое и ценимое место отдыха князя, что она ему дорога, и рваных носков тут ни за что не найти. Как и пустых бутылок. Но есть ли здесь медальон, Семен не знал. Надо было приниматься за поиски.

Для начала перешерстили кровать как наиболее подходящее место для тайного хранения медальона — вряд ли кто посмеет тронуть святое святых без разрешения и присутствия князя. Смотрели под подушками, под одеялами, даже матрас попытались приподнять, но не тут-то было! Семен не поленился, залез под кровать, вдруг там ларец какой запрятан? Под кроватью было пусто, только пыль, да и той немного. Олия тем временем принялась за тумбочки: вытаскивала из них ящички и высыпала содержимое на пол, так было удобнее. Семен вылез из-под кровати, мимоходом перевернув несколько пуфов, стряхнул с себя пыль и присоединился к девушке — тумбочек было много, ящичков в них тоже хватало, и каждый был забит

разнообразным барахлом, характеризующим князя как весьма большого затейника и оригинала по части любовных утех. Разве что хлыстов в тех ящиках не было, да и то лишь потому, что не влезли бы они туда. Или не додумались в этом Мире до развлечений маркиза Де Сада, не доросли еще...

За всей этой возней ни Семен, ни Олия, ни даже Мар не услышали, как издалека, постепенно приблизилось к спальне неуверенное постукивание копыт и жеманное хихиканье. Последний ящичек лишился своего содержимого — на вершине очередной горки лежал медальон. Тот самый, размером с донышко консервной банки: железный, слегка поржавевший диск с выгравированными на нем мелкими значками и с крепкой железной цепочкой. Медальон незадачливого магоисторика, демона, убитого и утопленного в болоте...

— Вот он! — Олия подхватила тяжелый кружок.— Симеон, уходим!

— Это еще что такое?! — донеслось от двери.

Семен и Олия разом обернулись. В дверях спальни возвышался князь-сатир, громадный, чуть ли не упирающийся макушкой в высокую притолоку; из-за спины князя выглядывала носатая ведьма в розовом. Она бессмысленно хихикала, то и дело норовя запустить руку под набедренную повязку милого пусика. Князь обвел спальню пылающим взором, гневно раздул ноздри:

— Кто перевернул мои пуфы? — горестно вопросил он у спальни.

Семен пододвинулся к Олии поближе, приложил палец к губам, мол, ни звука! Олия кивнула.

— Кто валялся в моей кровати? — еще более горестно спросил князь.

Семен шепнул Мару: «Чуть что, уходим через местное перемещение, в пентаграмму».

— И кто, наконец, лазил в моих шкафах? — зарычал князь, хватая со стены ближайшую саблю.— Воры! У меня в спальне гнусные воры! Убью!

Опасно размахивая клинком и топоча копытами, князь-сатир кинулся на поиски неведомых разорителей, по пути от избытка чувств круша что ни попадя; ведьма вприпрыжку бежала за ним, застряв рукой в набедренной повязке.

— Уходим,— приказал Семен, крепко беря Олию за руку, чтобы она в пути снова не потерялась.— Хорошего понемножку.

Княжеская спальня исчезла: гнусные, довольные успехом воры стояли в знакомой Семену пентаграмме. Здесь все было по-прежнему: все так же тлели жаровни на остриях лучей колдовской ловушки — видимо, Подайла свежего уголька подбросил, не забыл; все так же пробирал озноб от сырого холода. Мага Подайлы в подвале не было, где-то шлялся по своим мусорным делам в предвкушении демонского всевластия. Или пил табачное вино с друзьями-алкоголиками. С коллективом матерых отшельников.

Хайк лежал на диване, укрывшись теплым одеялом, и спал.

— Подъем! — зычно крикнул Семен.— Спасательная команда прибыла! Сейчас кандидат в диктаторы припрется, узнавать, кто к нему в пентухраму опять угодил. Встретим же нашего освободителя достойно, громко славя его милость и щедрость! Только чур после нашего освобождения гражданина Подайлу не бить,— предупредил Семен черепахового бойца,— он мне живым нужен! Мертвого дурака не проучишь...

— Ну наконец-то! — радостно воскликнул Хайк, отбрасывая одеяло и вскакивая с дивана.— Симеон! Олия! Я уже за вас беспокоиться начал.

Черепаховый боец крепко обнял сперва друга Симеона, потом Олию. Семен ревновать не стал, поди не каждый день разлученные друзья встречаются.

— Хайк, я твой шар предсказаний разбила,— повинилась Олия, едва черепаховый боец выпустил ее из своих объятий.— По голове стражника сумкой лупила, вот он и треснул. Ты извини, если сможешь...

— Да пропади он пропадом, тот шар! — отмахнулся Хайк.— Подумаешь! Обойдемся мы и без шара... Что?!

— Дошло,— ехидно заметил Мар.— Реакция явно замедленная, сообразительность низкая... Нет, Семен, одиночное заключение штука вредная, утомительная, от него дичают и заметно тупеют. А если бы мы неделю за княжеским сувениром бегали? Бедный заложник тогда бы нас вообще не узнал, да-с. Знаем, сидели мы в одиночках...

— Мар, не болтай ерунды! — прикрикнул Семен.— Пока не притопал заказчик, проверь-ка украденный медальон и вытащи из него все, кроме заклинаний перемещений, усек? Кстати, а ты справишься с запертым медальоном-то? Он вроде бы как заговорен от постороннего вмешательства...

— Никаких проблем,— заверил Семена крупный специалист по взломным делам.— Эта железка заперта голосовым паролем от рядовых пользователей, от дураков вроде Подайлы, чтобы они теми заклинаниями не смогли воспользоваться. А я-то не рядовой, особый я! Давай медальон, потрошить его буду,— кровожадно сказал Мар.— Люблю, знаешь ли, в чужих заклинаниях ковыряться! Порой та-а-акое откопаешь, чего и представить себе не мог...

Семен взял у Олии тяжелый медальон, приложил его к Мару: судя по тому, как стал нагреваться специалист по взлому, процесс пошел.

Девушка достала из сумки шар предсказаний, и Хайк, озабоченно цокая языком, принялся осматривать свое бесценное сокровище. Все, кроме Олии, были заняты. Потому-то Подайлу, главного мага Гиблого Места, умельца по строительству зловредных «пентухрам», первой увидела она.

— Подайла! — испуганно воскликнула девушка.— Вооруженный...

Семен поднял глаза: будущий повелитель демонов шел к пентаграмме, нехорошо улыбаясь и держа в одной руке факел, а в другой — опущенный вниз арбалет. Воткнув факел в кольцо на стене, Подайла развернулся к Семену и навел на него оружие.

В свете факела Семен увидел, что арбалет заряжен и взведен.

ГЛАВА 13
Сильная Личность — Ити Б. Р. В., Маршал Перекрестка

— Приветствую вас, маг Подайла! — крикнул Семен, старательно изображая радостную улыбку.— А вот и мы, с заказанным медальоном.— Семен поднял над головой сильно похолодевший железный кругляш: Мар, судя по всему, выкачал из него все подчистую, как Семен и просил... Лишь бы Мар не перестарался, не вытянул заодно и транспортные заклинания! Для Семена, да и для всех остальных это было важно.

— Вижу,— коротко сказал Подайла, не опуская, однако, арбалет.— Вижу, что обмануть меня хотел, гнусный воровской демон! Украсть-то украл, сумел, заодно подружку свою нашел и сразу в бега наладился, да? И родственничка своего не пожалел, бросить хотел, вот она, демонская дружба, нда-а...—

Маг Подайла криво усмехнулся.— А моя звездовая ловушка опять тебя поймала и демонеску твою заодно... Нет веры людям, а уж демонам и подавно! Все, лишаю тебя орденов, медалей, своей ласки и росту по службе. Гони медальон, зараза! Кидай его сюда!

— Круто,— оценил заявление мусорного колдуна потяжелевший и нагревшийся от работы Мар.— Знавал я многих дураков, обыкновенных, но с таким впервые сталкиваюсь! Как бы мне его классифицировать? М-м, что-то типа: «Дурак отстойный, вконец зачморенный, на фиг бескомпромиссный...» Ты, урод! Чтоб у тебя менталитет на лбу вырос!

Семен, не ожидавший подобных слов, расхохотался.

— Он еще и смеется,— изумился отстойный Подайла,— каков наглец!

Мусорный колдун озадаченно нахмурился. На лице его нарисовалось подозрение, что демон-вор смеется не просто так, что у него имеется в запасе что-то такое, чего он, умный Подайла, не учел.

— Требую объяснить причину неуместного веселья,— сухо приказал маг Подайла.— И не вздумай врать! Застрелю.

Он демонстративно прицелился в Семена из арбалета. Оружие было заряжено остро заточенным куском строительной арматурины.

— Семен, пусть пальнет,— обрадованно воскликнул Мар,— преподнесем ему маленький урок! Я заточку сожгу, а ты объясни Подайле, что пентаграмма хоть нас не выпускает, но и сюда тоже ничего постороннего не впустит! Заставь дурака поверить, что вы оказались в патовой ситуации, тогда он и говорить с нами иначе будет, спокойнее. Давай-давай,— подбодрил Семена медальон.— Дразни его, дразни!

— Ни хрена ты мне не сделаешь, кретин.— Семен выставил ногу вперед, упер руки в боки и спесиво выпятил нижнюю губу.— Мы в твоей пентаграмме под надежным прикрытием! Она же нас и защищает, недоумок! Тоже мне, знаток магии, состряпал колдовскую звезду, а как она работает, толком и сам не знает. Неуч ты, а еще в диктаторы намылился.— Семену подумалось, не слишком ли он зарвался, но отступать было некуда.— Стреляй же в честного демона, убедись, что он неуязвим.— Семен выпятил грудь.

— Стрельну ведь, допросишься ты у меня!

Голос Подайлы звучал неуверенно, но арбалет он продолжал держать твердо, видать, имелся опыт.

— Стреляй же, гад! — Семен обвинительно ткнул рукой в сторону мага.— Увидишь сам, как ты глуп и мерзок в своем неведении. Из-за таких, как ты, все беды на свете! От идиотов с гонором, которые творят невесть что, а потом удивляются, с чего это вдруг такие хреновые последствия! Ты, блин, палка в колесе мирового прогрес...

Подайла резко перевел арбалет на Олию и выстрелил, Олия даже среагировать не успела: арматурина ударилась в видимую лишь для Семена бирюзовую стену пентаграммы и рассыпалась электросварочными искрами.

— Опс,— пробормотал Мар,— ни фига себе...

— Видишь,— Семен с удовольствием показал магу Подайле кукиш,— я ж тебя предупреждал! И с медальоном то же самое случилось бы, кинь я его тебе.

— А вот я сейчас слово заветное скажу,— предупредил Семена насупившийся арбалетчик,— и перемолотит вас моя звездочка ясная! В фарш, в труху! Что, съел?

— И медальон заодно перемолотит,— напомнил Семен.— Дырка тебе от бублика станется, а не диктаторство!

— Ну ладно,— с неохотой согласился Подайла,— убедил.— Он отбросил в сторону бесполезный арбалет.— И чего делать будем?

— Говорить будем,— предложил Семен.— Хочешь, я тебе расскажу, как мы украли медальон и почему снова очутились в твоей ловушке?

— Говори,— с кислой миной согласился Подайла,— но ведь соврешь все одно... Правдивый демон, ха! Все равно что неподкупный стражник, сплошная небывальщина. Брехня.

— Мои слова ты можешь запросто проверить,— сказал Семен,— это очень легко сделать, особенно до заката. Пойдешь в город, к дворцу князя, в толпе покрутишься, там тебе все-все расскажут. Только о налогах не заикайся, бока намнут!

— Это да,— согласился заинтригованный Подайла,— намнут. Но я ж не такой тупой, чтобы о налогах в толпе беседовать... Давай, рассказывай!

Семен уселся на диван, закинув ногу на ногу, Хайк и Олия пристроились рядом. Подайла, видя, что рассказ может затянуться, приволок откуда-то пару запасных факелов и толстен-

ный чурбак, на который и взгромоздился возле ближайшей жаровни, чтобы не замерзнуть.

Помня, что лишних подробностей для достоверности повествования не бывает, Семен рассказывал красочно, словно роман читал, хотя некоторые детали все же опускал за ненадобностью. Например, откуда прилетел невидимый дракон или как Олия добралась до города. Или откуда взялся карнавальный порошок.

Впрочем, Подайла и не спрашивал — демоны, они и есть демоны, что им стоит дракона к себе призвать или из густого леса выбраться? Пустяки, одно слово... Когда Семен добрался до случая во дворце князя, описал его подругу и во что они превратились, Подайла принялся гоготать как сумасшедший, словно тоже веселого порошку попробовал.

— Это ж Нинетка была,— утирая слезы, пояснил маг,— известная певичка из лесного города, любовница барона Тризи... Ох и ведьма! Значит, на обоих управителей глаз положила? С нее станется, это она запросто, пля...

Семен умолк на то время, покуда сведущий Подайла высказывал все, что он думает об актрисках, об управителях городов и об их вольном образе жизни, причем высказывал громко, авторитетно и от души. Слушать Подайлу было любопытно, Семен и не подозревал, насколько сложен и многообразен здешний мат. Когда знаток светской жизни выдохся, Семен коротко сообщил ему о том, где был спрятан медальон и почему демонам-ворам пришлось удирать назад в пентаграмму.

— Может быть, ты и не соврал,— рассудительно сказал Подайла, дослушав Семена.— Но все же надо сходить проверить. Убедиться надо!

Подайла вынул факел из кольца и направился к выходу.

— Эй! Ты же сам говорил, что тебе нынче в город хода нету,— напомнил ему Семен.— Забыл, что ли?

— Сейчас можно,— обернувшись, через плечо ухмыльнулся Подайла.— Пока князь Бифан козлом по спальне скачет, а его знатная стража от зевак обороняется и невидимых драконов в небе выглядывает — можно! Да и не через главные городские ворота я пойду, понятное дело.

С этими словами колдун Гиблого Места вышел из подвала.

— Хм, и как долго нам его ждать придется? — забеспокоился Хайк.— Далеко ли до города?

— Не очень, до города часа полтора ходу,— медленно ответил Семен, о чем-то думая,— да к княжескому дому сходить, в толпе потусоваться, да назад... Часов через пять-шесть вернется, не раньше.

— Тогда я посплю,— решила Олия,— вы, ребята, не против? Устала я что-то, еще и перенервничала: страшно, когда в тебя из арбалета в упор стреляют!

Хайк и Семен поспешно встали с дивана, и девушка, свернувшись калачиком, почти сразу уснула. Семен заботливо укрыл Олию одеялом.

— Я, пожалуй, шаром займусь.— Черепаховый боец осторожно взял с дивана забытый им шар предсказаний.— Надеюсь, он не совсем испорчен.

Хайк уселся на ящик с консервами, уткнулся в слабо мерцающий шар: на поверхности чернела длинная косая трещина, и одна половинка шара светилась несколько тусклее другой. Но светилась.

— А я кой с кем поговорю,— угрожающе сказал Семен.— Ну-ка, Мар, поясни, что означало твое «Опс!». Или я чего-то не понял, или ты едва успел воспользоваться своей защитой, так? И Олия могла погибнуть...

— Нет,— с досадой ответил медальон,— ты прям как мракобес Подайла: делаешь выводы, не зная истинных причин... Защита у меня была подготовлена для всех троих, и никакая заточка ее не пробила бы! Гадский Подайла быстро сориентировался, типа попробовал убедиться в искренности твоих слов насчет пентаграммы, но решил стрелять в кого другого— вдруг ты врешь про защиту? Ему-то убивать тебя не резон, ты у него за главного демона идешь... за бригадира, несомненно. Вот и стрельнул Подайла в Олию, что ему до нее?

Меня другое расстроило — стены у пентаграммы действительно ничего не пропускают внутрь нее. Понимаешь, о чем я?

— Не очень,— покачал головой Семен.

— Жутко мощная пентаграмма,— вздохнул Мар.— И какое бы транспортное заклинание я ни применил, когда мы из нее выберемся, то все одно будем вновь и вновь возвращаться в эту хренову ловушку! Получается, Семен, что убраться из этого Мира нам, увы, не суждено. И останемся мы здесь на-

всегда, до конца света... В обществе местных помойных придурков.

— А-а,— успокоился Семен.— Всего-то! А я-то решил, что ты маху дал... Не переживай, у меня все продумано. Вернется наш славный мерзавец Подайла, выпустит нас — куда ж ему деваться! — получит свой медальон «всевластия», и ты сам увидишь, что тогда случится.

— Эге! — обрадовался Мар.— Ну-ка, ну-ка, жду с нетерпением. И ничего мне заранее не объясняй, обожаю сюрпризы!

...Подайла вернулся, как и предполагал Семен, не скоро.

Окошки-пробоины под высоким потолком давно уже потемнели, слились со стенами; жаровни погасли, уголь в них выгорел дотла; в громадном черном подвале было темно и жутковато. Мар выдал из своих запасов упаковку свечей — не от комаров и вампиров, как случалось когда-то, а самых обычных, парафиновых — и попросил использовать их крайне экономно, мол, больше нету. Свечи расставили внутри пентаграммы где только можно было и, не обращая внимания на причитания Мара, экономно зажгли сразу все: колдовская звезда стала напоминать громадный юбилейный торт. Не хватало лишь самого юбиляра.

Юбиляр, если можно его так назвать, пришел, когда троица внутри пентаграммы села ужинать тушенкой: скаредный медальон категорически отказался выдавать что-либо еще, сказав, что надо рачительно лопать то, что уже имеется в наличии, не запихивать же ему эти консервы в себя обратно! Тем более что у него этой тушенки завались, надо ж ее куда-то девать.

Подайла был возбужден: рассказ старшего демона, то есть Семена, подтвердился полностью — замок князя до сих пор оцеплен, а слухи в толпе один другого страшнее! В основном говорили о разноцветных чертях в лакейских одеждах, заполонивших все этажи замка, от подвала до чердака. О чертях, съевших иноземного доктора вместе с его учеником живьем и без соли, потому как соли те черти боятся, от нее у нечисти рога и хвосты отваливаются. «Лекари, наверное, постарались,— понял Семен,— кто ж еще?»

— Раз ты убедился в моей правоте,— назидательно сказал Семен,— тогда давай выпускай нас! Отдаю тебе медальон, и мы расходимся чин-чинарем. Про арбалет забудь,— быстро добавил Семен, видя, что Подайла косится на забытое им в подвале оружие.— Ни к чему нам новые проблемы! Я тебя

клятвенно заверяю: никто тебе ничего плохого не сделает, ни я, ни мои друзья!

— Ни магией, ни рукой, ни ногой,— уточнил Подайла.— Ни в мыслях, ни действием. Клянитесь страшной клятвой и целуйте в подтверждение свои медальоны!

— Чтоб я демоном перестал быть,— воодушевленно поклялся Семен.— Чтоб вовек мне демонского Мира не видать! — Словно в дешевой мелодраме, он поднес медальон к губам, а потом незаметно сплюнул в сторонку.

— Вот такое отношение ко мне правильное,— похвалил Семена Мар,— только плеваться не надо! Не надо, понимаешь, момент портить, а то впечатление смазанное остается...— И он замурлыкал что-то лирическое, душевное.

Олия и Хайк тоже поклялись страшной необязательной клятвой, и быть бы вскоре знатоку демонов всенепременно битым, а то и более, если бы Семен заранее не предупредил друзей.

Подайла, стоя под воткнутым в кольцо факелом, заглянул в книжку-монографию, громко произнес нужное заклинание и махнул в сторону пентаграммы рукой: фиолетовые молнии перед Семеном знакомо расступились. Но выходить первым Семен не стал — сначала из колдовской звезды вышла Олия, за ней Хайк, а уж после и Семен, мало ли что у Подайлы на уме! Выпустит одного лишь демона-бригадира, а остальных законопатит за ненадобностью, с него станется...

— Я свое слово сдержал,— не отводя глаз от железного кругляша в руке демона-бригадира, сказал Подайла.— Теперь и ты... Дай медальон! Дай!!! — Лицо Подайлы от волнения пошло багровыми пятнами, видимыми даже в неверном свете факела. Семен поспешил отдать ржавый амулет новому владельцу, а то еще прихватит того нервный карачун, и ничего из задуманного не выйдет...

Подайла трясущимися руками нацепил на себя медальон и, трепетно поглаживая вычищенную от лишней магии железяку, перевел дух. Семен ждал, что же будет дальше; ждала Олия, глядя на Подайлу и слегка улыбаясь; ждал Мар, весь в предвкушении обещанного сюрприза. А Хайк ничего особенного не ждал — он смотрел на мага Гиблого Места как каратист-инструктор на пьяного хулигана, пока что тихого, не буйного, и разминал пальцы. Выражение его лица ясно говорило: ты, дружок, только дай мне повод, а дальше я сам!

— Сбылась моя мечта! — торжественно провозгласил Подайла, воздев руки к невидимому в темноте потолку,— и отныне весь мир у моих ног! Трепещите же, несчастные! Вы, кстати, тоже трепещите, освобожденные из пентухрамы, не стесняйтесь... Ваш правитель идет к вам, о мои демоны!

Подайла поднес к лицу тяжелый медальон, шепнул что-то: внутри железной бляхи слегка щелкнуло, словно тепловое реле у холодильника сработало.

— Старье,— с пренебрежением сказал Мар.— Магоприводная часть ни к хренам собачьим. Сундук-раритет... Самое место на свалке! Где он и находится.

— Неси же меня, о мой талисман, в страну демонов, в золотые королевские чертоги,— приказал Подайла и трижды стукнул по медальону пальцем.

Но ничего не произошло: новоявленный властелин Мира никуда не исчез и стоял с видом ребенка, у которого только что отобрали мороженое и лопнули гвоздиком воздушный шарик — ни тебе желанного перемещения, ни золотых чертогов...

— А чего он другого хотел-то? — посмеиваясь, заметил Мар.— Попасть в несуществующее место, ха! Семен, поясни убогому, но аккуратненько, доступно... Пусть другой адрес загадает, из реальных.

— Эй, маг Подайла! — Семен с трудом подавил смешок.— Для того чтобы перенестись куда-то, надо давать точные координаты, а не вольное описание места прибытия! Скажи: «Хочу попасть в такой-то конкретный Мир», тогда лишь медальон и сработает. А уж на месте разберешься, чертоги там или не чертоги...

— И как именно называется твой конкретный Мир? — наивно спросил Подайла.— Я ж не знаю!

— Много их, Миров-то,— уклончиво ответил Семен.— Тебе в который надо?

— В демонский, самый главный,— уверенно ответил владелец ржавой побрякушки,— в наиглавнейший! Что мне в отсталых Мирах делать? Мне они без надобности, вот еще!

— Рекомендую Перекресток,— серьезно посоветовал Семен.— Это самый крутой из всех известных мне Миров. Там и чертоги есть, и дворцов навалом, сколько хочешь...

— Разберусь,— отрезал Подайла.— Хочу в Мир Перекрестка!

Он трижды стукнул по медальону костяшкой пальца.

В тот же миг кудесник Подайла оказался внутри пентаграммы, среди оплывших свечей и пустых консервных банок.

— Здравствуй, пресветлый Мир! — завопил Подайла, не поняв, куда он попал,— а вот и я, твой хозяин!

— Прям цирк какой-то,— зашелся в хохоте Мар,— главный клоун из отпуска вышел, ха-ха! Ну, Семен, ты даешь!

Олия, хоть и не слышала реплики Мара, тоже рассмеялась, и даже Хайк улыбнулся.

— Подданные, где вы? — удивленно вопросил у свечей пришлый хозяин,— не прячь... А-а, это ж наглый обман!

Разъяренный Подайла покрутил головой, отыскивая в полумраке Семена с компанией, обвинительно ткнул в их сторону пальцем:

— Обманули! Заборонили демоны подлые! Мер-р-рзавцы!!!

Семен протестующе поднял руку:

— Стоп! Кончай лаяться! Никто тебя не заборонил, сам в свою ловушку угодил. Ты ж демоном стал, вот она тебя и отловила! И дальше будет отлавливать, сколько ни пытайся из нее выбраться... Соображать надо, понял?

— Да? — Подайла умолк, задумавшись.— Хм, а ты ведь прав... Эх, непростое оно дело — в правители выдвигаться! Всяк норовит тебе гадость устроить, подсидеть, не пустить... И собственное творение туда же,— со злостью сказал Подайла.— Ну я ему ужо! — Он вытащил из-под свитера книгу, в раздражении полистал ее.— Ага! Нашел!

Поведя вокруг себя рукой, выдвиженец в правители пробубнил длинную труднопроизносимую фразу. Магические стены пентаграммы, вспыхнув напоследок сине-фиолетовыми всполохами, растаяли — выход из тупика, в котором оказались спасатели мироздания, был открыт.

— Другое дело,— одобрил Семен.— Теперь можно и в короли-властители! В общем, счастливого пути, амбициозный ты наш!

Подайла не ответил, чего ему с рядовыми демонами калякать, когда уже вот-вот пред ним падет главный демонский Мир Перекрестка! Маг Гиблого Места в очередной раз постучал по ржавому медальону пальцем, раздраженно повторил свое требование и пропал, уже насовсем.

— Интересно, куда его, болезного, занесло? — задумчиво спросил Мар.— Надеюсь, в более-менее приличное место. Туда, где подобных типов не сильно обижают — все-таки старался

человек, цели своей добивался! Кто ж виноват, что цель у него дурацкая была...

— Пора и нам перемещаться.— Семен нахмурился.— Опять скакать по незнакомым Мирам... Когда же мы в конце концов на Перекресток попадем? Леший его знает!

— Я хоть и не леший, но знаю,— важно сказал медальон.— Прямо сейчас и попадем, не сомневайся.

— Как? — изумился Семен,— ты серьезно?

— Абсолютно,— заверил его Мар.— Среди заклинаний, что я вытянул из того драндулета, есть одно особое, розыскное! Типа специальное, археологическое, как раз для отыскания древних Миров с неустойчивой адресацией... Крепкое заклинание, надежное — нынче таких не делают, ювелирная работа, да-с! Не то что продукция Комплексного Мира, не в обиду Настройщику будь сказано. И, уверен, оно нам поможет... Запускать? — деловито спросил медальон.

— Разумеется,— дозволил Семен,— какие вопросы!

— Уже. Но придется малость подождать,— предупредил Мар.— Пока оно раскочегарится, пока с Мирами проверочную связь установит, пока убедится, что найденный Мир и есть Перекресток... а после я включу транспортное заклинание, не раньше.

— Давай-давай,— подбодрил Семен Мара,— действуй.— Он оглядел себя.— М-м, надо бы переодеться, все ж в центр направляемся.

Семен превратил свой маскировочный комбинезон в хорошего покроя белый костюм с серой рубашкой и белым узким галстуком; белые узконосые туфли выглядели пижонски, но на Перекрестке были в моде. Олия, глядя на Семена, тоже приоделась — в ее длинном черном платье и черных туфельках можно было смело идти куда угодно — хоть на вечерний прием, хоть на похороны. Хайк просто отряхнул грязь со штанов и куртки.

— Прям жених и невеста,— съязвил Мар.— Вместе с дежурным свидетелем... Только вы в расцветке одежки малость ошиблись, с точностью до наоборот. Э, для Перекрестка сойдет! Для свадьбы, между прочим, тоже.

— Олия, Хайк, возьмите-ка меня за руки на всякий случай,— потребовал Семен, не обращая внимания на происки медальона,— чтобы вновь не потеряться. Мы отбываем и, надеюсь,

туда, куда надо! Мар обещает, что попадем в Мир Перекрестка. Верится с трудом, но...

Тут и мрачный подвал, и пентаграмма со свечами растаяли, исчезли, сменившись дневным светом и ровным городским шумом.

— Битте-дритте,— радостно завопил Мар,— получилось! Что и говорить, были ж мастера в свое время, золотые головы! Семен, с тебя бутылка, хотя я и не пью. С прибытьицем, стало быть... Как говорил великий Подайла в минуты умственной скорби: «Трепещите, несчастные!» Нехай трепещут: мы прибыли, и кое-кому это даром не пройдет.

Семен огляделся. Мар был прав: несомненно, они оказались в Мире Перекрестка, на одной из его широких многолюдных улиц. На бульваре.

Синее небо, жаркое послеполуденное солнце и чистый воздух, пахнущий цветами; высокие дома за кронами ухоженных деревьев — дома-дворцы совершенно разной архитектуры и стиля... пара дирижаблей, плывущих в небе по своим дирижаблевым делам... да, это был Перекресток!

Никто из прохожих — в странных, разнообразных до нелепости одеждах — не обратил особого внимания на возникших посреди бульвара усталых путешественников: здесь и не такое видали! Ну, покосились мимоходом, прошли да тут же и забыли о них, мало ли кого на улицах столичного Мира встретишь, всех не упомнишь...

Лишь башка канализационного дракона, урной торчавшая из брусчатки, с любопытством поглядела на трех замерших возле нее людей, но, ничего от них не получив, потеряла к троице всякий интерес. Раскрыв пасть, дракон снова уставился глазами в безоблачное небо в ожидании вкусного мусора от прохожих.

— Здравствуй, стольный Мир! — воодушевился Мар.— Как ты узнаваем! Ты безразличен ко всему, кроме денег и скандалов! Первого тебе не обещаю, но второго скоро будет с преизбытком... Семен, мы куда, в гостиницу или сразу Кардинала-Императора свергать пойдем?

— В гостиницу,— решил Семен.— Экстремальные развлечения оставим на завтра... Народ, вы нормально поесть хотите? Лично я тушенкой не наелся. Как насчет ресторана?

Народ от ресторана отказываться не стал, проголодался народ, успел. Мар, прикинув их месторасположение, порадовал

Семена сообщением, что сравнительно недалеко отсюда должно находиться славное ресторанное заведение «Чемодан для пузатого разведчика». Семен, подивившись столь диковинному названию, отправился вместе с друзьями на поиски того ресторана.

Ресторан оказался под стать своему названию, странный, но забавный. В витринах, у входа, были выставлены муляжи удивительных существ, в знакомой Семену реальности никак не встречающихся. Они были похожи на людей, только ростом пониже; многорукие, многоногие, зубастые, поголовно все в парадной военной форме, при эполетах и вооруженные до зубов кто чем. Когда Семен проходил мимо, один из муляжей чихнул и вытер нос рукавом. Семен сделал вид, что ничего не заметил.

— Рекламные нежити,— со знанием дела сказал Мар.— Надо же, сохранились... Я думал, их давным-давно в утиль сдали, они ж недолговечные! А эти, глянь-ка, крепенькие и неплохо держатся... Наверное, с ними водкой за работу расплачиваются, водка для нежити что эликсир долголетия... формалин тоже годится, но он дороже.

Семен толкнул дверь и вошел в ресторан. Конечно, если по-джентльменски, то первой надо было пропустить Олию, а если по правилам безопасности, то Хайка — но Семен так устал, что не задумывался сейчас ни о правилах хорошего тона, ни о безопасности, хотелось лишь поесть, найти гостиницу и завалиться спать.

Внутри ресторан выглядел не менее живописно, чем его витрины. С потолка, раскорячив в полете когтистые лапы и растопырив пластиковые крылья, неподвижно пикировало что-то драконообразное в обязательной парадной форме, с нацеленным на входящих посетителей то ли копьем, то ли берданкой. Семен невольно остановился, вглядываясь в чудище. К счастью, это действительно был муляж. Вроде бы.

В глубине зала возвышалась темная от времени деревянная стойка с торчащими из нее хромированными пивными кранами. Посетителей в ресторане было немного, большинство столиков пустовало.

В дальнем углу, возле стойки, на небольшом возвышении красовалась открытая машина, черная, блестящая, здорово похожая на гангстерскую таратайку тридцатых годов прошлого века. Семен хотел было удивиться — откуда на Перекрестке

такая машина? Но вспомнил, что на Перекрестке есть все, да и ездят здесь не только в каретах... И не стал удивляться. В машине имелся столик, между кожаными сиденьями, повернутыми друг к дружке. Столик был не занят.

— Симеон, давай там сядем, а? — Олия показала на машину. —Прелесть какое местечко!

— Хе, вы на втором этаже не были,— сказал довольный произведенным впечатлением Мар.— Вот где сплошное безобразие! Аж четыре зала, и все в стиле четырех самых безумных, раздолбайных Миров! Старым девам и впечатлительным отставникам подниматься туда не советую, нервный срыв гарантирован. Там даже сидений нормальных нету — где качели, где гамаки, а где унитазы... В общем, на любителя.

— Наверх мы не пойдем,— решил Семен.— В машине, думаю, нам поуютнее будет, чем на качелях, не говоря уж...— Семен пренебрежительно махнул рукой.— Тут кроме пива что-нибудь подают?

— А как же! — обрадовался Мар.— Меню на столике, выбирай и заказывай. Там же, на столе, кнопочка для вызова официанта. Выбрал и звони, мигом примчатся! Тем более к машине.

— А чем же она так примечательна?

Семен осмотрел машину, ничего подозрительного в ней не нашел и спокойно уселся за столик; Хайк сел рядом, Олия — напротив.

— Это ж машина самого Ити Б. Р. В.,— охотно пояснил медальон.— Он на ней за чудищами-умертвиями по всему Бетонному Миру гонялся, когда тамошние колдуны-самоучки из нереальности всякую гадость выпустили... Типа начальником карательной экспедиции был, которая чудищ повсеместно отстреливала. Ну и всех колдунов заодно положили, чтобы неповадно было... Кстати, именно в этой машине он два раза и погиб. Или три. Точно не помню.

— Ити Б. Р. В.! Маршал магических войск, как же! — улыбнулся Семен.— Забавный старикан. Хм, на пузатого разведчика он вовсе не тянет, с чего вдруг такое название у ресторана?

— Говорят, хотел в молодости разведчиком стать,— припоминая, ответил Мар.— Вот и назвал, в честь своей юношеской мечты. Лично я обозвал бы подобное заведение «Шпионским логовом», просто и звучно. А то все хотят быть разведчиками, но никто — шпионами! Мне, понимаешь, за тружеников плаща

и кинжала обидно... Тоже люди, тоже, поди, при деле — работают, стараются, а их не любят. Нехорошо как-то...

— Значит, это его ресторан? — удивился Семен,— Ити Б. Р. В.?

— Разумеется,— подтвердил Мар.— На Перекрестке многие свои рестораны имеют! Те, кто мало-мальски чего-то в жизни достиг. Можно сказать, что ежели у человека нет своего ресторана, то и не человек он вовсе, а полный лох... Тонкий намек понял, да? Престиж — вот что такое ресторан. Даже малюсенький.

— Понял я, все понял,— отмахнулся от намека Семен.— Мне лишь пельменной «Симеон энд компани» для полного самоутверждения не хватало... м-да... Обойдусь и без общепита. Олия, выбрала чего?

Девушка в ответ растерянно пожала плечами и протянула меню Семену.

— «Печень врага под ведьминским соусом»,— удивленно приподняв брови, прочитал вслух Семен.— Интер-р-есно... Коктейль «Контрольный поцелуй», надо же! Салат «Шинкованный гоблин с трюфелями»... надеюсь, гоблин у них свежий.— Семен отложил меню и нажал кнопку звонка.— Своеобразный, должен сказать, юмор у здешнего администратора! Небось бывший военный и сподвижник великого Ити Б. Р. В. Однополчанин, несомненно...

Дождавшись, когда к машине подошел официант — в идеально подогнанной камуфляжной форме и с боевой раскраской на физиономии,— Семен объявил заказ:

— Значит так, милейший. Нам всем картошечки жареной, с мясом, салатиков разных в трех экземплярах и пива кувшин. Кувшин большой.

— Есть солянка...— начал официант, но Семен оборвал его:

— Только без названий, уважаемый! Пусть это останется вашей ресторанной тайной, страшной и непроизносимой. Впрочем, давай и солянку тоже! Короче, все давай...

Семен проводил взглядом официанта: тот, отвесив поклон вошедшему в зал лысому старичку в строгом костюмчике мышиного цвета, поспешил дальше, на кухню, оформлять заказ. Старичок по-хозяйски оглядел зал, увидел Семена и, расплывшись в улыбке, направился к нему.

— Опаньки! — всполошился Мар.— Глянь-ка, Семен, Ити Б. Р. В. собственной персоной! Ох и легкий на помине дед... Ты с ним поосторожней, как бы он чего не заподозрил.

Семен тоже увидел маршала, прошептал торопливо:

— Ребята, ничему не удивляйтесь и молчите! Я нынче снова майор-разрушитель из диверсионного отдела... Здравия желаю, господин маршал!

Семен встал, хотел было отдать честь, но вспомнил, что одет по-граждански, и замер с недонесенной до головы рукой. Маршал поднялся на возвышение, первым делом любовно погладил капот машины, стер невидимое пятнышко рукавом, а уж затем поздоровался с Семеном:

— Ну, здравствуй, майор Симеон! Или уже не майор? — Ити Б. Р. В. подмигнул Семену.— Помнится, я предлагал тебе должность адъютанта-полковника, когда мы в Мире-Полигоне повстречались, да не сложилось у нас тогда... Ты как жив-то остался?

Маршал поклонился Олии, кивнул Хайку:

— Разрешите присоединиться к вашей компании?

— Пожалуйста,— в один голос ответили Олия и Хайк.

Маршал, кряхтя, присел рядом с девушкой, положил руки на стол и уставился на Семена в ожидании.

Семен вздохнул. Никакой байки о своем давнишнем спасении из Мира-Полигона, где армейские колдуны экспериментировали с запретным инферно, у него в запасе не было, не предполагал Семен вновь с маршалом встретиться! Однако надо было что-то говорить.

— Я и сам не знаю... — Семен отвел глаза в сторону.— Очнулся в незнакомом Мире... выкинуло меня с полигона каким-то образом, повезло. Но оглушило сильно — неделю вспомнить не мог, кто я и откуда! Подлечился немного в тамошней больнице, пришел в себя... Буквально сегодня прибыл на Перекресток и как раз своих друзей встретил. Они, кстати, тоже по диверсионной работе специалисты, но из другого ведомства, и вообще из другого Мира... Вот и все.

Маршал участливо поглядел на бедолагу майора, пришибленного военным экспериментом до потери памяти.

— Бывает! — сочувственно молвил Ити Б. Р. В.— Я однажды тоже полмесяца никого не узнавал и не помнил, как меня зовут. Мы тогда с колдунами-вывертышами в Мире Зеленой Розы воевали, порядок наводили. Приложили они мой отряд

дальше некуда, ни амулеты, ни бронемаготехника не помогли... Веселое время было! — с ностальгией по ушедшей молодости произнес маршал.— Молодые, задорные, море по колено. И водка не брала, сколько ни пей, всегда трезвый! Вспомнить приятно.

— А что это за Мир Зеленой Розы? — поинтересовалась Олия.— Я о таком и не слыхала.

— Окраинный Мир,— равнодушно ответил маршал.— Давным-давно вычеркнут из списка Истинных Миров... Собственно, из действительности он тоже вычеркнут: колдуны, видя, что проигрывают, решили отправить свой Мир в другую реальность, но перемудрили с заклятиями и попросту вывернули его наизнанку. Вместе с собой. Очень, знаете ли, впечатляющее зрелище было, очень!

Ити Б. Р. В. пожевал губами и неожиданно с обидой произнес:

— А меня, Симеон, новый Император сегодня утром на пенсию отправил. Не посмотрел на заслуги и отправил, ни с того ни с сего. Теперь я маршал в отставке, н-да-а... Знаешь, что я тебе скажу, майор? — Ити Б. Р. В. посмотрел на друзей бравого майора Симеона, поколебался немного и, пробормотав: «в принципе, тоже свои люди», сказал, понизив голос: — Сдается мне, Симеон, что наш Император сошел с ума. Или его подменили.

— Почему вы так решили? — поразился Семен.

— Потому что он отправил в отставку всех,— зловещим шепотом ответил маршал-пенсионер.— Представляешь, одним указом — всех! И нынче сидит во дворце... или ходит, или что еще делает... один-одинешенек! Слуг и тех разогнал... Дворец, говорят, с полудня окружен смертобойным магическим заслоном, ни войти, ни выйти. Что там творится, никто не знает.

— А вдовствующая императрица с сыном? — помолчав, спросил Семен.

— Без объяснений высланы в монастырь,— коротко ответил Ити Б. Р. В. Маршал обвел притихших собеседников взглядом и сухо добавил, явно сожалея, что поддался минутному порыву:— Об услышанном, коллеги, прошу не распространяться. Информация сугубо конфиденциальная.

Он встал, сдержанно попрощался со всеми и ушел не оглядываясь, прямой как штык.

— Действо продолжается! — с пафосом воскликнул Мар.— В представлении участвуют все те же плюс сбрендивший Кардинал-Император. Интересно, какой следующей будет реплика случая на этом спектакле жизни?

— Кушать подано! — торжественно известил подошедший с тяжелым подносом официант.

— Вот именно,— захихикал медальон.

ГЛАВА 14
Сверкающий Ливень И Многотиражная Пресса

Остановиться решили в гостинице, знакомой Семену по первому дню его прибытия в Мир Перекрестка из Хранилища с магическим золотом. Идти от ресторана до гостиницы пешком ни Семен, ни Олия не захотели: Мар предупредил, что слишком далеко будет, лучше извозчика нанять. Ну а Хайку было все равно — на извозчике, так на извозчике, какая разница. Порой Семену казалось, что черепаховый боец не знает, что такое усталость... Хотя, разумеется, это было не так.

Лучший отель Перекрестка назывался просто, без излишних претензий: «Лучший»,— и этим названием было сказано все.

В прошлый раз Семен оказался сразу в баронском номере гостиницы — его туда притащил Мар, воспользовавшись заранее приготовленным возвратным заклинанием,— и потому само здание, снаружи, он не видел. А посмотреть было на что! Более всего гостиница походила на странно оплывший небоскреб с зеркальными стенами... нет, скорее — на застывший водопад. Множество стрельчатых окон-витражей с цветными стеклами создавали на фасаде здания гигантское изображение разноцветнополосатого надкушенного яблока. Семен, глядя на рисунок, не мог отделаться от мысли, что нечто подобное он уже видел. Но где, вспомнить так и не смог.

Располагалась гостиница в ухоженном парке, исчерченном асфальтовыми дорожками; среди зелени там и сям виднелись маленькие ресторанчики и магазинчики с вывешенными над входом флагами; на всех флагах присутствовала фирменная символика отеля — все то же надгрызенное неведомо кем яблоко.

Вечерело. Солнце ушло за верхушки парковых деревьев, небо заметно потускнело и утратило голубизну. Когда извозчичья коляска подкатила ко входу в гостиницу, на небе зажигались первые звезды.

Холл гостиницы напоминал весенние джунгли, атакуемые цунами. Вдоль левой стены росли пышные травы, а саму стену густо покрывали цветущие лианы, возле которых порхали бабочки; правая стена была прозрачной, и за ней, в подсвеченной лампами воде, плавали экзотически пестрые рыбы. Семен невольно взглянул на потолок: потолок соответствовал вечернему небу. То есть на нем тоже светили звезды и плыли облака, точь-в-точь как на улице.

Олия прилипла к стене-аквариуму, Хайк остался рядом с ней — он тоже никогда раньше не видел подобных аттракционов и восторгался чудными рыбками не меньше, чем Олия.

Семен заказал всем по отдельному номеру, средства вполне позволяли. Себе и Хайку он определил одноместные баронские номера вроде того аварийного из запасника, где он ночевал когда-то, а Олии (гулять так гулять!) королевский люкс. Уплатив авансом за сутки проживания, Семен еле-еле оттащил друзей от аквариумной стены, и они отправились лифтом на седьмой этаж, где располагались баронско-королевские номера. Конечно, можно было воспользоваться транспортной магией, выданные ключи позволяли мгновенно перенестись в заказанный номер, но с некоторых пор Семен опасался лишний раз пользоваться той магией — еще окажешься вместо своего баронского полулюкса в какой-нибудь иномирной тмутаракани, добирайся потом назад...

Скоростной лифт быстро доставил их на этаж, где Семен, зевая и стараясь не уснуть на ходу, со второй попытки нашел-таки свой номер. Пожелав друзьям на прощание спокойной ночи, Семен закрыл дверь, отметился первым делом в туалете и прямиком направился в спальню. Роскошь и убранство номера Семена не заинтересовали, роскошь как роскошь, на то он и баронский полулюкс — ковры, вычурная мебель, пригашенный потолочный свет. Скинув с себя комбинезон, Семен упал на необъятную кровать под балдахином и мгновенно уснул.

Проснулся он уже под утро. Что ему снилось, он не помнил, но наверняка что-то хорошее — настроение было приподнятое, словно предстоял знатный праздник с развлечениями и по-

дарками, а не опасный поход в замок Кардинала-Императора. Семен зевнул, потянулся и бодро спрыгнул с кровати.

— Доброе ночное утро! — с подъемом приветствовал Семена Мар.— Ну и горазд же ты дрыхнуть, скажу я тебе! Крепкий молодецкий сон, любо-дорого посмотреть... поди, взорвись рядом серебряная бомба, и то не разбудила бы. И вообще, здоровье, оно от правильных нервов, а правильные нервы — от глубокого естественного сна без снотворного и будильника. Потому что и то, и другое крайне вредно для душевного равновесия, хотя будильник порой страсть как необходим... Как сейчас помню, приключилась однажды с одним моим хозяином любопытная история,— немедленно приступил к обстоятельному рассказу Мар, соскучившийся за ночь по общению.

Семен, улыбаясь, направился в душ. И пока он мылся, фыркая от удовольствия, Мар продолжал говорить — вода ничуть не мешала его красноречию.

— ...Был когда-то у меня хозяин по имени Кирик, вор-авантюрист, а кличка у него была Снотворник. И не потому, что он спать чересчур любил, вовсе нет, а потому что, перед тем как обворовать клиента, этот Кирик обязательно его усыплял, для надежности. Усыпит, обчистит до нитки, потом включит транспортную магию и — прости-прощай!

По молодости Кирик промышлял в гостиницах, работал под заезжего коммивояжера, и довольно удачно работал. Пока не погорел на глупой случайности: по ошибке выпил предназначенное клиенту снотворное вино и уснул в чужом номере, прямо в момент кражи. Естественно, загремел вместе со мной в Исправительный Мир на десять лет, а как же! Любопытно, сколько ж я лет по тому Миру вообще шатался, со всеми своими хозяевами? Надо будет посчитать на досуге, интересно ведь...

После исправиловки Кирик больше с гостиницами не связывался, подался на курортный промысел, пассажиров круизных кораблей щипать. Присмотрит жертву побогаче и начинает к ней в доверие втираться, а уж прикинуться добропорядочным человеком Кирику раз плюнуть было! Заматерел он за десять лет, солидным мужиком стал... Кой-какие накопления у него сохранились, Кирик их в дело пустил: костюм от самого модного кутюрье Перекрестка, с золотыми запонками и бриллиантовой заколкой для галстука, туфли лаковые... опять же благородная седина и море обаяния. То, что нужно!

Кирик в основном с женщинами работал, с одинокими. Они, богачки, завсегда в морские оздоровительные путешествия словно на бал отправляются, все драгоценности с собой берут. Им, видишь ли, покрасоваться перед корабельной публикой страсть как охота! И почему-то эти дамы абсолютно уверены, что на корабле с их цацками ничего плохого случиться не может... Ну дуры, что с них взять, кроме того золота и бриллиантов, хе-хе!

В одном из очередных круизов приглядел Кирик некую дамочку. Дамочка что надо, клиентка по всем статьям — одинокая, без попутчиков, прикинутая от и до — кольца, серьги, броши и прочие драгоценные побрякушки, как положено. Разумеется, Кирик-Снотворник в тот же день с ней и познакомился, уж не помню точно как... То ли на танец пригласил, то ли на ногу наступил, а может, и то и другое: танцевать мой хозяин толком не умел, да и какие на фиг танцы-шманцы в Исправительном Мире? А дальше пошло-поехало накатанным путем: трали-вали о погоде, о море, о музыке-песнях, о романтике, то да се... Та дама вдовствующей графиней назвалась. сказала, что после недавних похорон мужа предписали ей врачи длительные морские прогулки для успокоения нервов, вот она и прогуливается. И что, мол, она рада познакомиться со столь чутким и обаятельным человеком, который скрасит ей тяжесть утраты и скуку долгого круиза. А Кирик в свою очередь представился графине вдовым принцем и пообещал сделать для нее оздоровительное плавание ярким и незабываемым... причем честно пообещал. Потому как остаться без брюликов и золота— разве ж такое забудешь!

Интрижка развивалась по нарастающей, как обычно. Вечером они отужинали в ресторане, где Кирик, окончательно охмурив графиню, договорился с ней о ночной романтической прогулке на верхней палубе. В сиянии пылких звезд и под шорох томных волн, так сказать... Короче, вызнал-таки Снотворник номер каюты графини, после чего они выпили по бокалу шампанского, и графиня отбыла к себе, не подозревая, что в ее шипучее вино было подмешано особое, весьма действенное снотворное. А Кирик отправился к себе, дожидаться назначенного полуночного часа, покуда снотворное наверняка подействует. Ждал, ждал, да сам неожиданно и уснул... И проспал до позднего утра. В общем, не удалась затея, полный облом вышел! Ладно, Кирик переживать не стал, решил, есть

еще время, круиз-то длинный, наверстает упущенное... Наверстывать он принялся сразу: встретился с графиней и пригласил ее на обед. Графиня какая-то задумчивая была, рассеянная, но прийти на обед не отказалась. Где Кирик опять угостил ее снотворным шампанским, любезно проводил мадам до каюты, а сам остался на палубе, неподалеку. Сел в шезлонг в ожидании нужного времени и позорным образом уснул опять...

Вечером все повторилось по новой — легкий ужин с шампанским, масса взаимных комплиментов и скорый глубокий сон. На следующий день сонная история повторилась еще раз и еще... тут мой хозяин и призадумался: а не ведет ли графиня с ним игру? Что, если она раскусила его намерения и незаметно меняет бокалы? А он, значит, от собственного зелья косеет и дрыхнет в то время, когда спать ему вовсе не положено? С такими тяжелыми мыслями, опухший от бесконечного сна и с пролежнями на благородной морде, Кирик пошел на очередную встречу с графиней. Графиня, надо заметить, тоже не выглядела майской розой — осунулась, подурнела, вся какая-то всклокоченная стала, на нервах... Попытался Кирик снова о романтике разговор завести, да не пошла беседа: какая на фиг романтика с такой-то рожей, как у него, и с такими нервами, как у нее! Через пять минут невнятной болтовни у графини вдруг началась истерика — вцепилась она ногтями в морду Кирику, а он ей в ответ оплеух навешал, для приведения в чувства. Хорошо, никто тот скандал не видел, они за шлюпками на корме стояли... Графиня Кирика гнусным негодяем обозвала, охотником за титулом и наследством ее покойного мужа — который, между прочим, и не графом был вовсе, а королем великого государства в Каменном Мире! О чем негодяй принц прекрасно знает... да какой он к черту принц, если танцевать не умеет! Она, королева, его сразу раскусила. Ну нигде, нигде от этих проходимцев не спрячешься, даже путешествуя инкогнито. Даже подсыпая им в шампанское снотворное, чтобы отвязались в конце-то концов! И где, черт побери, это видано, чтобы изо дня в день опаивали женщину ее же собственным снотворным, наглость какая... и вообще, как он ухитрялся это делать, она ведь следила за бокалами!

Кирик прям обалдел, услышав такое признание, и недолго думая объяснил знатной вдове что к чему. И еще сказал, что ему на хрен не нужны были ни тот королевский титул, ни те сокровища, о которых он впервые слышит. Просто хотел усы-

пить «графиню» и ограбить ее как частное лицо, всего-то! Но коли эдакая накладочка вышла, то он, Кирик, обязуется больше не предпринимать попыток ограбления и вообще немедленно покидает корабль. Дабы не смущать высокопоставленную особу своим присутствием.

А королева на это заявление — ох уж эти непредсказуемые женщины! — вдруг категорически потребовала, чтобы никуда Кирик с корабля не девался и оставался при ней. Мол, обещал сделать путешествие ярким и незабываемым? Вот и делай...

Поговорили они начистоту, разобрались что к чему, посмеялись и в знак примирения пошли в ресторан... но шампанское заказывать не стали! На всякий случай. Они, вор Кирик и королева Магда, вообще его больше никогда не пили, даже когда официальный прием устраивали... В память о своем знакомстве не пили.

— Поженились, что ли? — спросил Семен, вытираясь полотенцем.— Раз совместные приемы устраивали, то, стало быть, поженились.

— Совершенно верно,— подтвердил Мар.— Через год после свадьбы дочку родили, невзирая на королевскую трудовую занятость, хе-хе. А дочурка, когда выросла, стала наследной правительницей... Очень, знаешь ли, знаменитой правительницей! Вернее, воительницей. Ее в Каменном Мире до сих пор помнят. Одни ее великой героиней считают, памятники ставят, другие ее именем непослушных детишек пугают... Но это уже совсем другая история.

— Ишь ты,— удивился Семен, натягивая маскировочный комбинезон.— Да-а, будь у твоего хозяина самый простенький будильник, глядишь, всё совсем иначе могло обернуться! И дочки-правительницы никакой не было бы, и памятников... Судьба, одно слово.

— А я о чем толкую,— усмехнулся медальон.— Кстати, о судьбе: я думаю, что если б каждый младенец рождался с сопроводительной запиской — типа кем он будет, когда вырастет,— то, сдается мне, не все из младенцев покидали бы роддом живыми! Особенно те, у кого на роду написано стать богатым и знаменитым... Между прочим, Семен, у той дочки-воительницы был сын, а у его праправнука тоже сын, с которым ты хорошо знаком.

Мар выжидательно умолк.

— Ну? — Семен превратил костюм в спортивную одежду.— И кто же он, тот неведомый знакомец?

— Мастер Четырех Углов! — торжественно возвестил медальон.

— Где? — встрепенулся Семен, с тревогой оглядываясь по сторонам. Потом сообразил: — Ффу-у, помянул черта не к месту... Получается, у Олии в роду была настоящая королева-воительница? Эдакая Зена, королева воинов? Кто бы мог подумать.

— Ты смотри, Хайку не проболтайся,— предупредил Семена Мар.— У него к сиятельным особам женского пола довольно своеобразное отношение, не самое лучшее.

— Не проболтаюсь,— пообещал Семен.— Зачем человека понапрасну нервировать... А пойду-ка я прогуляюсь, свежим воздухом подышу! Вон и рассвет уже.— За витражным окном между тем заметно посветлело.— Газет прикуплю, почитаю, чего новенького на Перекрестке творится. И впрямь, не сидеть же в номере дурак дураком, когда выспался и настроение хорошее!

— Фи, газеты! — с пренебрежением отозвался Мар.— Ничего в них нету, кроме брехни и сплетен. И рекламных объявлений. Давай-ка лучше я в новостную линию связи загляну... правда, ее отыскать сначала надо, а то здесь, в номере, только местная гостиничная работает.

— Вот видишь! — Семен направился к двери.— Еще и линию искать, по этажам туда-сюда ходить, дежурных будить, спрашивать, возни-то сколько! Я уж лучше враки и сплетни почитаю, авось что путное обнаружится. Опять же, ножками прогуляюсь, все ж моцион.

На улице было по-утреннему прохладно. Рассветная серая мгла и легкий туман превратили парк в таинственный лес, из которого на Семена настороженно смотрели разноцветные глаза витрин фирменных магазинчиков-ресторанчиков. Семен представил себе, что в лесу его поджидают голодные, охочие до человеческих потрохов чудовища, а он, бравый охотник с разрушительным бластером в виде медальона, отважно идет их истреблять,— и рассмеялся. Нет, эти чудища были охочи лишь до денег, ни до чего более, а с деньгами пока что проблем не предвиделось. Во всяком случае, до конца света должно было вполне хватить.

Но впечатление загадочной опасности Семену понравилось. Он углубился в неизведанный страшный лес и осторожно пошел по асфальтовой тропинке, ведущей в логово огненноглазых зверей семейства «купи-продай», безжалостных к тем, у кого нет великого защитного амулета по имени «наличка». Сторожко пробираясь по таинственному лесу в предчувствии яростного покупательного сражения, Семен чуть не наступил на таинственного алкоголика, задремавшего в кустах и высунувшего ноги на тропинку. Впечатление было испорчено напрочь, и дальше Семен пошел обычным шагом, позабыв о своей детской фантазии.

Заходить в какой-либо ресторан Семен не стал, настроения не было, а вот магазинчики посетил все: они работали круглосуточно и торговали чем угодно, от пирожков с мясом до золотых украшений. Украшения Семену не требовались. Купив в одном магазине несколько свежих газет-толстушек, в другом — кулек горячих пончиков, в третьем — бутылку лимонада, Семен нашел полянку с лавочкой, где и расположился. Уплетая пончики и запивая их холодным лимонадом, Семен принялся неторопливо просматривать одну из газет, по привычке начав с последней страницы. Мар был прав: газета оказалась сплошь забита рекламными объявлениями и сплетнями из жизни неизвестных Семену знаменитостей. Позевывая, Семен листал и листал газету, пока не добрался до первой, начальной страницы.

— Опаньки! — изумленно воскликнул Мар.— Гляди-ка, гляди! Скандал во дворце Императора! Как же так, уже скандал и без нас?

На первой странице под заголовком «Паникеров— к ответу!» размещалась крупная фотография входа в императорский дворец. Перед фасадом здания, исчезая за краями фото, тянулась цепь угрюмых полиментов с прозрачными щитами и увесистыми дубинками в руках. Арочный вход во дворец охраняли особо дюжие бойцы, неспокойно охраняли — их дубинки были в основательной работе, местами аж размазались. Кому и по каким местам доставалось, разобрать не удалось, потерпевшие в кадр не попали. Семен и Мар углубились в чтение статьи под фотографией.

Суть передовицы заключалась в том, что со вчерашнего дня по Перекрестку ходят упорные слухи о подписании Императором указа об освобождении со своих должностей всех

глав и руководителей имперских служб, как силовых, так и муниципальных. И якобы Император после столь необъяснимого поступка отказал всем в назначенной на тот день плановой аудиенции, закрылся во дворце, и никакого доступа к нему нынче нет. Однако, как говорилось в статье, доблестные службы правопорядка находятся на своих местах и исправно несут службу; коммунальное хозяйство работает, как и прежде; армия находится в боевой готовности, и никакой враг...

Семен пропустил ура-патриотическую часть текста и наткнулся на абзац, где провокационные слухи о затворничестве Императора связывались с упаднической болтовней известного прорицателя С. насчет грядущего конца света и вовсю клеймились позором всяческие сволочи-приспешники, распускающие лживые выдумки о грядущем вскоре Судном Дне. Семен, уронив газету, вскочил с лавки.

— Стой, ты чего? — запротестовал медальон.— Я ж до конца не дочитал!

— Нечего там читать,— отрезал Семен.— Если уже в центральной прессе говорят о затворничестве Кардинала и о конце света, вроде как массовые слухи опровергают, то медлить нельзя — того и гляди могут начаться волнения, и пробраться во дворец станет вообще невозможно! Надо действовать прямо сейчас, времени в обрез... ты когда-то говорил, что поисковые заклинания имперского сыскного отдела найдут меня на Перекрестке за сутки? От суток осталось всего ничего.

Семен кинулся бегом к гостинице.

— Так-так,— возбужденно зачастил Мар.— Наконец-то началось! А то все пончики, лимонадики, тишь да благодать... Правильно! Вперед, пля, на штурм дворца! Ура! Только мы туда не попадем,— внезапно закручинился медальон,— у меня, понимаешь, привязки ни к одному из его залов нету, этому дворцу всего-то лет пятьдесят, новострой... Не приходилось мне в нем бывать. Да если бы и нашлась привязка, толку-то? Проход во дворец надежно запаролен — это ежели с помощью транспортной магии туда лезть. А без верного пароля нас прямиком в Исправительный Мир вышвырнет, дворец ух какие сторожевые заклинания охраняют! Вернее, должно вышвырнуть, а куда на самом деле забросит, по нынешним временам, хрен его знает...

— Без магии прорвемся,— заверил Семен на бегу,— как-нибудь да влезем.

Он вывернул на аллею, ведущую к отелю, и внезапно чуть не налетел на группу таких же, как и он, бегунов в похожей спортивной форме. Спортсмены бежали молча, сосредоточенно, с нахмуренными суровыми лицами, словно не пробежку делали, а выполняли важную, ответственную работу. В руках у спортсменов были авоськи, битком набитые толстыми книгами, и не ими одними. Как заметил Семен, у некоторых вместо книг в авоськах лежали тяжелые пластиковые бутылки. Возглавлял группу рослый лидер-знаменосец — на красном полотнище золотилась надпись «Бегущие вместе». Куда и зачем они бежали вместе со своим знаменем и авоськами, Семен понятия не имел, но так как ему было по пути, то он пристроился в хвост группы.

Возле отеля группа остановилась, остановился передохнуть и Семен — бегать на полный желудок было тяжело, пончики и лимонад остались явно недовольны длительной пробежкой. Ничуть не уставшие спортсмены деловито вытряхнули из авосек книги и построились в каре вокруг бумажной кучи; у всех книг оказалось одинаковое название: «Учебник начинающего предсказателя». После чего, к удивлению Семена, несколько спортсменов деловито полили книжную груду из принесенных бутылей — в воздухе резко запахло бензином,— и лидер-знаменосец громогласно заявил:

— Так будет с каждым мерзавцем, посягнувшим на устои и спокойствие нашего имперского общества! Скажем дружное «нет!» возмутительным предсказаниям о конце света! В лице этой кучи мы сжигаем не только порнографические сочинения предсказателя-отщепенца, но и его самого, символически. Поджигай.

С этими словами рослый лидер отошел в сторону. Один из спортсменов швырнул в книжную горку зажженную спичку, и через секунду на площади перед входом в гостиницу заполыхал костер.

— Слушай, а с каких это пор учебники стали порнографией?— вполголоса поинтересовался Семен у вставшего в строй «книжного пожарника».

— С сегодняшнего дня,— так же вполголоса ответил «пожарник».— По нашему общему единогласному решению. Паникеров — к ответу!

— А чего возле гостиницы? — не унимался Семен.— Тут же место не шибко людное. Надо было на центральной площади, с мегафоном и под барабаны...

— Там прохожие могут по шее надавать,— раздраженно пояснил спортсмен-поджигатель, меряя Семена подозрительным взглядом.— А ты чего провокационные вопросы задаешь? Не наш, что ли? Из этих, из паникеров-предсказателей, да?

— Не, я просто мимо пробегал,— честно ответил Семен и сторонкой, чтобы не привлекать к себе внимание, обошел замерших в суровом молчании борцов с предсказательной порнухой.

— М-да,— скрипучим голосом сказал молчавший до того медальон.— Падение всех малых и больших государств, как правило, начиналось именно с публичного уничтожения неугодных кому-то книг, не важно, хороших или плохих... Печально это! И знаменательно, причем без участия всяких опальных предсказателей. Увы.

Поднявшись на этаж, Семен первым делом разбудил Олию, для чего минут пять барабанил в ее дверь кулаком, вызывая косые взгляды у проходивших мимо ранних постояльцев, пока наконец заспанная девушка не открыла ему дверь. Входить в номер Семен не стал, назначил Олии встречу через полчаса в холле, на первом этаже, и пошел будить Хайка. Впрочем, стучаться к нему и тормошить черепахового бойца не пришлось— дверь была открыта, а сам Хайк уже бодрствовал, как раз собирался чистить зубы и умываться. Семен вкратце рассказал ему о газетных новостях и о том, что времени осталось очень мало, в обрез, поисковые заклинания вот-вот найдут его, Семена! А заодно не поздоровится и Олии с Хайком... К рассказу о дворцовом скандале Хайк отнесся спокойно, а насчет малого времени заметил, что когда они проберутся во дворец, то никакое поисковое колдовство их там не достанет, не пробьется сквозь магическую защиту. Это ж не рядовая пивная, а дворец, сердце Империи как-никак!

Семену очень понравилось, что Хайк сказал не «если», а «когда». Согласившись с черепаховым бойцом, Семен оставил его умываться, а сам пошел на первый этаж, ждать друзей.

Немножко постояв там, он вышел на улицу, поглядеть, как идут дела у «Бегущих вместе». Дела, похоже, шли нормально: поодаль от ступенек валялось золотобуквенное знамя, черное горелое пятно отмывали щетками двое служащих гостиницы,

а наряд полиментов уводил последнего из спортсменов-бегунов. Семен от души порадовался неожиданному правоохранительному рвению — сомнительная затея с сожжением книг вовсе не пришлась ему по душе.

— Наверное, проинструктировать загодя полиментов забыли,— желчно сказал Мар.— Вот они по незнанию и арестовали ребятишек... Ну ничего, скоро выпустят.

— Ты думаешь? — удивился Семен.— Но почему?

— Потому что без благословения вышестоящих чиновников такие акции не проводятся,— мудро изрек медальон.— Нужен был козел отпущения, чтобы отвлечь народ от вредных слухов, его и нашли... Уверен, что в кустах прятались репортеры-фотографы и дневные выпуски любимых тобой газет обязательно выйдут с заголовками типа «Так поступают настоящие патриоты», с соответствующими фотографиями. Н-да, не завидую я тому прорицателю...— вздохнул Мар.

Вскоре из гостиницы вышел Хайк, минут через десять появилась и Олия в знакомом платье «сафари» — не найдя Семена в условленном месте, друзья решили, что он на улице, и не ошиблись. Семен повторил свой рассказ специально для Олии. Та, в отличие от Хайка, восприняла новости близко к сердцу. Она то и дело ойкала, переживая за Семена, и глядела на него сочувственно, что ему очень понравилось.

— ...Итак, план на сегодня будет следующий,— подвел итог Семен.— Сейчас завтракаем, потом идем ко дворцу, проникаем в него...

— И свергаем гада Кардинала! — воодушевленно подсказал Мар.— За шкирку его и долой из правителей! А тебя на его место. Что, здорово я придумал? Здорово?

Семен запнулся, но лишь на мгновение.

— Тут у некоторых имеются крайне революционные предложения,— сказал он, не уточняя у кого, хотя и так было ясно.— Поясняю для этих некоторых: никого свергать я не намерен! Я хочу спасти мироздание, а не наказать Кардинала-Императора. Пусть себе правит, какое мне до него дело! Находим Кардинала, забираем у него заклинание, разогнавшее Миры,— надо будет, насильно забираем! — читаем его наоборот и восстанавливаем исходное положение Миров. Все.

— Семен, ты не прав,— огорчился медальон.— Мы что ж, ничего со спасения мироздания не поимеем, выходит? А на фига ж его тогда спасать, а? За «большое спасибо»? Учти,

тебе и его не скажут, потому как никто в Империи и знать не будет, что это ты всех героически спас...

— Ничего,— утешил Мара Семен,— для истории это обычное дело, когда герой безымянен. Иногда его деяние вообще остается для народа неизвестным... Между прочим, настоящий герой принципиально скромен и не бегает по улице с криком: «Люди, дивитесь, какой я великий подвиг отчебучил! Восторгайтесь мной, я это люблю, мне это нравится!» Понял?

— Дурацкий принцип,— недовольно сказал Мар.— С такими взглядами надо дома сидеть, пиво пить и животом толстеть, а не Миры спасать, вот еще...

Он горестно умолк: спорить с Семеном смысла никакого не имело. Сказал, что не будет Императором, значит, не будет.

— Утешься хотя бы тем, что если уцелеет мироздание, то уцелеем и мы,— улыбаясь, заметил Семен.— И ты тоже.

— Единственное, что радует,— буркнул Мар.

Добираться до императорского дворца решили на такси, благо и машин, и извозчичьих колясок возле гостиницы хватало. Но прежде чем отправиться в путь, Семен на минутку зашел в кусты, где превратил спортивную одежку в более подходящую для похода ко дворцу: непритязательный костюм среднего качества и покроя, который вряд ли будет выделяться в толпе зевак и репортеров. А в том, что их возле дворца окажется предостаточно, Семен не сомневался.

Таксист попался разговорчивый. Услышав, куда надо пассажирам, сразу доложил, что за сегодняшнее утро у него уже третья ездка ко дворцу, что народ словно с ума посходил, прет на дворцовую площадь валом, хотя... какой это к черту народ? Репортеров он туда возил, а это не народ, это газетные бандиты, мерзавцы и подлецы, потому как наличными не платят, а дают расписки, по которым ему придется долго выбивать деньги из тех газетных редакций... Вспомнив о своих обидчиках, таксист оглядел Семена, тут же затормозил и потребовал, чтобы пассажиры признались, репортеры они или нет. Если репортеры, то пусть дуют на своих двоих или ищут какого другого кретина. Семен, сидевший на переднем сиденье рядом с водителем, клятвенно заверил, что к газетным мерзавцам они никакого отношения не имеют, и сунул таксисту золотой, авансом оплатив проезд. Водитель сказал, что у него нету сдачи, а Семен ответил: «Ну и хрен с ней. Езжай!» — а Мар принялся ворчать о разорительной неэкономности некоторых воров с

прикрытием, которые скоро по миру пойдут с протянутой рукой от таких широких жестов и фиг кто горбушку черствую подаст... Семен убрал медальон за пазуху и принялся глядеть в окошко.

Перекресток жил своей обычной жизнью. По улицам ездили бездымные машины, кареты и повозки, некоторые запряженные лошадьми, некоторые нет; все так же неведомо куда спешили прохожие, деловитые, сосредоточенные; по-прежнему работали магазины, рестораны и увеселительные центры; единственное отличие, которое заметил Семен, было в том, что на улицах стало гораздо больше патрульных полиментов. Впрочем, машины они не останавливали, пассажиров не проверяли, и Семен перестал обращать на полиментов внимание.

Императорский дворец Семен увидел издалека: здание возвышалось над высотными городскими постройками, как гора над холмами. Белая, с золотыми пятнами-вкраплениями гора. Архитекторы, создавшие дворец, не мудрствуя лукаво придали ему вид пирамиды. А золотые пятна при внимательном рассмотрении оказались гигантскими барельефами — суровыми лицами, повернутыми в профиль. Видимо, это были лики предыдущих Императоров или видных политических деятелей Перекрестка, кого же еще можно изобразить на стенах имперского дворца-пирамиды? Семен хотел было спросить у таксиста, но передумал — какая, в сущности, разница...

Такси выехало на громадную площадь и остановилось: дальше, как пояснил таксист, общественному транспорту ходу не было — проезд по площади карался серьезным штрафом. Вплоть до ссылки в Исправительный Мир. Семен вылез из машины одновременно с Хайком, помог выйти Олии; такси немедленно развернулось и уехало.

Возле дворца народу было преизрядно: у главного входа, перед плотным оцеплением — но не подходя к нему близко, с учетом вчерашнего опыта,— толпились журналисты, ожидая неведомо чего; репортеры то и дело щелкали фотоаппаратами, ослепляя вспышками полиментов. Те ругались, демонстративно поигрывая дубинками, но без команды в ход их не пускали.

По сторонам от плотной группы охотников за новостями кучковались зеваки, в основном молодежь с бутылками пива в руках. Эти вели себя более вольготно и шумно, то свистели, то орали; иногда, озорства ради, с силой выталкивали из своей кучки кого-нибудь прямо в оцепление, где бедолага, ежели не

успевал вовремя отскочить, иногда получал дубинкой по спине или голове, уж как повезет. Похоже, эти дурацкие выходки развлекали полиментов больше, чем зевак. Били они не сильно, а так, для порядка. Чтобы нескучно было.

Пройти во дворец, даже воспользовавшись невидимостью, казалось невозможным.

— Эх, хорошо озоруют,— искренне порадовался за молодежь Мар, которому Семен объявил амнистию и вынул из-за пазухи.— Здорово быть таким молодым, таким отвязным... таким глупым и безбашенным! Аж завидно. Никаких тебе хлопот, никаких мыслей, одни рефлексы-инстинкты! Я, Семен, иногда себя настолько старым и мудрым чувствую, что пора меня на пенсию отправлять, чесслово... Типа надиктовывать мемуары, делиться воспоминанием с молодняком и наставлять его на путь истинный: как не попасться во время работы и грамотно замести следы, где можно выгодно толкнуть украденное... сколько и кому сунуть на лапу в Исправительном Мире, чтобы не доставали принудительно-воспитательными работами.

— Отставить пенсию и мемуары — приказал Семен, внимательно разглядывая толпу издали.— Тем более что у воровских медальонов пенсий не бывает... Хм, народ, ваши предложения — как пробраться во дворец?

Народ был в замешательстве и ничего путного предложить не смог. Мар хотел было напугать всех драконьим рыком, как он сделал у ворот славного городка Палдор, но Семен ответил, что здесь не провинция и никто на такую дешевку не купится; Олия долго морщила лоб, в конце концов пожала плечами и ничего предлагать не стала; Хайк недолго думая посоветовал устроить массовую драку и под шумок прорваться к дворцовому входу. А драку он, Хайк, организует без проблем, было бы на то разрешение Симеона! Чувствовалось, что Хайку его план очень нравится, он уже и куртку начал снимать, чтобы рукам вольготно было, однако Семен от организованного побоища отказался, потому что не драка то будет, а натуральное избиение младенцев. Хотя массовое волнение действительно было бы как нельзя кстати!

Так как идей больше не поступало, Семен объявил, что сам придумает реальный план. И стал думать. Минут через десять нетерпеливый Мар вежливо поинтересовался, родилась ли хоть какая-нибудь гениальная задумка в светлой голове его хозяина или нет? Узнав же, что план все еще в процессе

разработки, то есть ничего ни хрена не придумано, вредный медальон посоветовал Семену обратиться напрямую к полиментам и поинтересоваться у них самих, как всего вернее поступить: все-таки напугать, или побить, или, гм-гм, подкупить всех оптом? Последнее, скорее всего, найдет живейший отклик в сердцах доблестных стражников порядка. Хотя это и нереально — никаких денег на подкуп эдакой оравы не хватит...

— Придумал! — Семен хлопнул себя по лбу.— Сейчас устроим такое, что ни полиментам, ни репортерам с зеваками до нас никакого дела не будет!

— Это как? — насторожился Мар, поняв, что своими опрометчивыми словами он подал Семену некую идею. Причем вряд ли та идея ему, Мару, понравится.

— Переполох устроим,— охотно пояснил Семен и медальону, и друзьям.— Подходим к оцеплению поближе, и Мар по моей команде швыряет сотню-другую золотых, что припасены у него в загашнике, в толпу. Начинается суета, волнение... народ подбирает монеты, дерется за них, это непременно... Потом, когда страсти накаляются до предела, Мар швыряет деньги за оцепление, в сторону от входа во дворец. Ликующий народ сминает полиментов в погоне за денежками, остальные охранники, естественно, стягиваются к месту бучи... между прочим, полименты тоже люди и от золота не откажутся, так что дополнительная суматоха с дубинками нам обеспечена. А мы тем временем гордо входим во дворец. Можно даже без колпака невидимости — нынче нас сделают незаметными халявное золото и всеобщая потасовка!

— Гениально,— одобрила предложение Олия.— Лучше и не придумаешь.

Хайк, несколько разочарованный тем, что ему не придется драться, тоже признал, что план хоть куда. А медальон на минуту потерял дар речи: пока Мар экал и мекал в бессловесном негодовании, Семен с компаньонами приблизились к оцеплению.

— Семен! — истошно завопил Мар, когда к нему вернулся дар речи.— Это не план, это же форменное разорение, крах всей моей банковской системы! Я ведь не приспособлен к швырянию драгоценностями, я ж типа вовсе наоборот! Если я начну как дурак кидать золото куда попало, то запросто испорчусь от душевных мук!

— А если не начнешь, тогда испорчусь я,— хладнокровно парировал Семен.— И Олия, и Хайк, и все-все остальные испортятся. Вместе с Мирами и вселенной.

— Бедный я,— убито произнес Мар.— О горе мне, несчастному! Ладно, Семен, будь по-твоему, куда мне деваться. Но учти: я данное безобразие, несовместимое с моими жизненными принципами, делаю исключительно по грубому принуждению, и совесть моя перед самим собой чиста. Не виноватый я!

— Как есть не виноватый,— подтвердил Семен.— Отпускаю тебе грехи расточительства, аминь и всякое такое до кучи... А теперь за дело — включаю пароль вызова: «Деньги-дребеденьги!»

Присутствовавшие в то утро на площади репортеры и праздные гуляки не смогли потом внятно объяснить, как именно начались беспорядки, настолько все случилось неожиданно. Но в одном показания очевидцев сходились полностью: золотой град, несколько раз просыпавшийся на их головы, был невиданным по роскоши зрелищем! Зрелищем, от которого у многих на память остались синяки, выбитые зубы и вывихнутые руки-ноги. Потому что монеты были увесистые, падали с большой высоты... да и свалка за ними вышла знатная! А еще свидетели утверждали, что в той драке за невесть откуда взявшимся золотом участвовали многие полименты, бросившие охранять вход во дворец. И, мол, все это было заснято корреспондентами, у которых полименты фотоаппараты тут же поотбирали и поразбивали.

Однако проведенное по горячим следам служебное расследование сего позорного факта не подтвердило: по заверениям самих полиментов, никто из них указанных для несения дежурства мест не покидал, в драке гражданских лиц не участвовал и золотого града не видел, враки это все... а фотоаппараты журналисты сами друг об дружку побили, отчего пленки засветились и пришли в негодность, какая жалость.

А то, что бойцы, днем стоявшие в оцеплении, закупили вечером самый дорогой ресторан и гудели в нем всю ночь до утра, никого не касалось — во внеслужебное время каждый волен делать то, что ему заблагорассудится. Если, конечно, действие это не противозаконно и не противоречит уставу внутренней службы.

Гудели так, что и не заметили, как бесповоротно изменилась вселенная.

ГЛАВА 15
Смертобойный Лифт: Импровизация С Маленькой Перенастройкой

Высоченные двери-ворота императорского дворца были незаперты. Хайк приотворил одну половину ворот, тяжелую, словно отлитую из чугуна. Диверсанты-золотометатели проскользнули в щель, оставив за собой площадь с ее повальной свалкой, мордобоем и криками. Когда Хайк прикрыл за собой створку ворот, утихли и крики.

Впереди, в конце недлинного коридора, находился просторный зал с высоким потолком. Пол в зале стеклянно поблескивал разноцветной мозаикой; вдоль темно-серых гранитных стен, увешанных здоровенными батальными картинами, стояли белые мягкие диваны; в потолочной вышине тянулись ряды зажженных хрустальных люстр. Широкая мраморная лестница в глубине зала, напротив входа, поднималась к усыпанной драгоценными камнями двери — судя по всему, перед Семеном и его товарищами был зал ожидания для высокопоставленных посетителей, своего рода дворцовая прихожая.

Но войти в ту прихожую мешали частые угольно-черные нити в конце коридора, натянутые от пола до потолка точно струны некого музыкального инструмента. Эдакая арфа, играющая всего одну, но убийственную мелодию.

— Всем стоять! — предупредил Семен, хватая Олию и Хайка за плечи.— Впереди магический заслон, серьезный... То-то я удивлялся, что дворец вроде бы наглухо запечатан, все о том говорят, а снаружи никаких признаков защитной магии не видно! А она вон где...

— Можно я не буду стоять? — робко спросил Мар.— Можно я буду висеть? А то у меня с ножками проблема,— и нервно захихикал.

Семен неуместную шутку даже не услышал. Подойдя поближе к черным нитям, он принялся их внимательно разглядывать.

Собственно, это были не нити, а узкие полоски вроде серпантина, повернутые ребром к входным воротам. Семен не сомневался, что если к ним прикоснуться, то смерть наступит мгновенно — природа этой магии была сродни магии нефритового кадуцея в подвале Мастера Четырех Углов.

— Хайк, посмотри-ка у себя в сумке, есть ли там серебряные перчатки.— Семен пятясь отошел от колдовской решетки.— Будет очень грустно, если мы их потеряли.

— Вот они.— Хайк вытащил из сумки сначала одну, затем другую перчатку.— Сохранились, на самом дне лежали. А для чего они?

— Симеон, неужели защита настолько опасная? — с испугом спросила Олия.— Вроде дедушкиного кадуцея?

— Да.— Семен взял перчатки, натянул их на руки и, подправив кое-где неплотно прилегающую к пальцам шелковистую материю, убедился, что теперь перчатки сидят как надо.— Уж отгородился Кардинал от всего мира так отгородился, радикальней некуда. Ни войти, ни выйти... Там, Хайк, загородка из черных полос, что-то вроде гибельной магии жезла, что дед Олии мне украсть заказывал. Голыми руками прикасаться нельзя, того и гляди убьет.

Семен повернулся к полоскам, согнул в локтях руки и пошевелил пальцами, точь-в-точь хирург перед серьезной операцией. А затем подошел к преграде, глубоко вздохнул и медленно, сантиметр за сантиметром, всунул ладонь между черными полосками, раздвинув их. Убедившись, что ничего страшного не произошло — перчатка лишь слегка нагрелась,— Семен надавил тыльной стороной ладони на одну из полосок, отодвигая ее в сторону. В образовавшийся просвет он сунул вторую руку и, повернув ладони, словно намеревался раздвинуть дверцы застрявшего лифта, развел руки в разные стороны. Поначалу все пошло легко и замечательно, но вот отодвинутые полоски коснулись других, те следующих и еще, и еще... С каждой отодвинутой полоской Семен чувствовал все большее сопротивление, как будто он растягивал пружинный эспандер. Мало того — перчатки стали сильно нагреваться, особенно там, где полоски собрались в жгуты. Но главное было сделано: перед Семеном открылся достаточно широкий проход.

— Олия, вперед,— напряженным голосом сказал Семен.— Не торопясь, боком. И не забывай ноги повыше поднимать!

Девушка послушно поднырнула Семену под руку, встала перед ним — Семен на миг почувствовал запах ее волос — и, повернувшись, боком осторожно вошла в невидимый для нее проход.

— Хорошо. Теперь ты, Хайк.

Семен не отводил взгляда от прохода, чтобы не отвлекаться: держать упругие полоски с каждой секундой становилось все тяжелее. И горячее.

— У тебя перчатки дымятся,— сказал Хайк, швыряя в проход сумку.— Момент!

Он, как и Олия, подлез под руку Семена и, переступив через незримый порог, последовал за сумкой.

Семен шагнул в проход: руки пошли в стороны, давление на ладони усилилось, усилился и жар; резко подавшись вперед, Семен прыгнул. Позади раздался дребезжащий звук, словно кто-то провел пальцем по ненастроенным гитарным струнам. Семен, чертыхаясь, первым делом сорвал с рук перчатки, отшвырнул их подальше и принялся размахивать обожженными ладонями в воздухе, словно воду с них стряхивал. Упавшие на пол перчатки, остывая, превратились из серебряных в коричневые, а чуть погодя вообще рассыпались мелкими хлопьями. В воздухе запахло горелой пластмассой.

— К полу руки приложи,— заботливо посоветовал Мар,— он стеклянный, холодный. А я сейчас мазь от ожогов поищу, должна у меня где-то быть, в контрабандной аптечке.

Семен рухнул на колени и, постанывая от удовольствия, прижал ладони к разноцветной мозаике.

— Симеон, ты как? — Олия присела перед Семеном, с тревогой поглядела на его руки.— Я, помнится, говорила, что перчатки жгутся... Покажи, что там у тебя!

Семен оторвал руки от пола, сел, поднес ладони к лицу и поразился — никаких ожогов на них не было, ладони как ладони, покраснели только. Да и боль уже почти прошла.

— Вовремя ты запрыгнул.— Олия встала, поднялся и Семен.— Еще немного, и перчатки развалились бы у тебя прямо на руках. Они же одноразовые, свое полностью отработали... как-то чересчур быстро отработали. Наверное, здесь магия посильнее, чем у кадуцея. Поопаснее.

— Я, гражданин покалеченный, не понял — нужна мазь или не нужна? — поинтересовался Мар.— Экономить лекарство будем или как?

— Будем экономить.

Семен вытер руки о пиджак, повернулся к серпантину: черные полоски, как Семен и ожидал, вернулись на свои места. Назад дороги не было.

— Кстати об экономии. На организацию беспорядков потрачено ровно двести восемьдесят пять монет,— бойко отрапортовал медальон.— Я сэкономил на каждой сотне по пять золотых! Ну не молодец ли я?

— Молодец, бухгалтер ты наш,— рассеянно ответил Семен, отвлекшись на превращение ненужного уже костюма в удобную и привычную спортивную форму.— Можешь взять с полочки любую медаль, заслужил. Носи на здоровье.

— Медаль? — оторопел Мар.— А, я понял, ты пошутил. Хотя лично мне идея нравится — медальон с медалью! Типа за офигенную храбрость во время налета или за стойкость при допросе с пристрастием... Надо будет подумать. Э, я ж не до конца тебе отчитался! Итого у нас осталось более пяти тысяч монет, что меня несколько успокаивает после столь неожиданной растраты.

— Ну и славно,— одобрил Семен.— А теперь пошли Кардинала искать! Дворец громадный, придется попотеть.

— Куда пойдем? — несколько растерянно спросила Олия.— По лестнице или в боковые двери? Вон их сколько.

Семен огляделся повнимательнее. И впрямь, дверей в зале хватало: по цвету неотличимые от стен, они располагались между диванами. Семен насчитал штук двадцать тех дверей, плюнул и бросил считать.

— Идем по лестнице.— Он направился к мраморным ступеням.— Вперед меня не высовываться! Боюсь, ежели Кардинал слетел с катушек, то он мог не ограничиться запорными ловушками на входе во дворец. Сдается мне, что нас и дальше могут поджидать неприятные сюрпризы.

— Ага,— согласился Мар.— Нормально чокнутый завсегда врагов отовсюду поджидает и загодя обороняется! Мало того— ищет их, чтобы самому первым напасть. Видал я таких в Тупиковом Мире, было дело, очень непредсказуемый народец! Один маску-решетку на морду нацепил и давай с самопилкой за кем ни попадя бегать... другой перчатку с ножиками вместо пальцев склепал и ну ими встречных-поперечных ширять! Очень изобретательные личности. С фантазией.

— Неужто управы на маньяков не нашлось? — полюбопытствовал Семен, неторопливо шагая по ступенькам лестницы к усыпанной самоцветами двери.— Какого-нибудь Робокопа, борца за правое дело, или доброго Терминатора, защитника больных и малолетних?

— Не, настолько законченных психов там не было,— подумав, ответил Мар.— Но фантазеров-изобретателей все одно заколбасили при мне... Здоровенный мужик с дырявым казаном на башке и с вымазанным фосфором ломиком: хрясть налево, хрясть направо! Мол, вот кохо я всю жизню искал-то, вот кохо мне надоть! Да, против лома не попрешь... Семен, погоди-ка,— встрепенулся медальон.— Дай на дверь посмотреть... Гляди, как камушки сияют!

Семен остановился возле двери.

— Что там? — шепотом спросила, останавливаясь, Олия.— Проблемы?

Хайк на всякий случай приготовился к действию.

— Нет, просто Мар на камушки посмотреть хочет,— пояснил Семен.— Но учти, ювелир, выковыривать из двери я ничего не буду. Мы пришли сюда не за этим!

— А ничего ковырять и не придется,— с презрением ответил медальон.— Бижутерия! Дешевка. Удивительная нищета при таких-то размахах... А еще императорский дворец, тоже мне. Пфе!

— Они, поди, тоже экономить умеют.— Семен взялся за ручку двери, медленно потянул ее на себя.— Небось всяк на память камушек сковырнуть норовит...

Дверь отворилась.

Никакой лестницы, или коридора, или очередного зала, как предполагал увидеть Семен, за дверью не было. А была там небольшая комнатка, чистенькая, с однотонными стенами цвета бордо, без окон, с дежурным плафоном на потолке и кожаным диванчиком у боковой стены.

— Непонятно,— нахмурился Семен.— Где же...

Он не стал пояснять, чего ожидал найти: надо было разбираться с тем, что имелось.

А имелось в комнате кое-что явно магическое и непонятное— напротив дивана, на стене раскинулась густая паутина из тонких ярко-синих линий, пересекающихся под самыми неожиданными углами. Более всего паутина напоминала рисунок печатной платы какого-то сложного электронного устройства. Путаные линии заканчивались на уровне груди горизонтальным рядом из десяти пронумерованных кнопок. Чуть левее кнопок находилась плоская коробка с круглым углублением, дно которого тускло светилось оранжевым колдовским светом; под таинственным углублением белели две прямоугольные кла-

виши с надписями «Да» и «Нет». А еще к коробке подходила отдельная пара темных синих жил, тоже магических, невидимых никому, кроме Семена.

Не заметив ничего подозрительного, Семен махнул рукой, приглашая друзей идти за ним, и вошел в комнатку.

— Симеон, гляди, кнопочки,— войдя следом, сказала Олия.— Может, это лифт у них такой? Нажмешь кнопку, и он поедет, куда тебе надо. На нужный этаж.

— Возможно.— Семен подошел к кнопкам поближе, присмотрелся.— Однако маловато будет для такой дворцовой громадины! Сдается мне, что здесь надо определенные комбинации набирать, к каждому этажу свою... Да и лифт ли это?

— А ты нажми любую,— посоветовал Хайк,— и сразу станет понятно. Заработает — поедем, не заработает — уйдем, другие двери проверим. Те, что внизу, между диванами.

— Попробую,— без особой охоты согласился Семен.— Меня вон та вещица смущает.— Он показал пальцем на коробку с углублением.— Для чего она?

— Понятное дело для чего,— отозвалась Олия.— Я подобное уже видела, обычные клавиши подтверждения или отмены выбора... Если ты кнопку не того этажа нажмешь, то всегда можно отменить действие. Удобно, правда?

— Правда.— Семен потер лоб, соображая.— Ну ладно.

Он протянул руку и надавил кнопку с номером «один».

— Первый этаж, вестибюль... где вы сейчас и находитесь,— с запинкой произнес мягкий женский голос — звук, похоже, шел отовсюду сразу.— Неправильно набран номер! Будьте любезны повторить набор.

Семен от неожиданности чуть не отпрыгнул от стены с кнопками, настолько голос был громкий и живой, но вовремя спохватился.

— Особая запись,— пояснил он напуганной Олии и озирающемуся Хайку.— Голосовая консерва, как сказал бы Мар.

— Ни... ничего себе к-консерва,— заикаясь, отозвался медальон,— на фиг, на фиг! Меня чуть не переклинило с испугу... тихо, как в склепе, даже мухи не жужжат, и вдруг нате вам, консервированная голосом тетка! Тьфу на нее.

Мар издал звук словно плюнул и умолк.

— Следующая попытка.

Семен уже безбоязненно протянул руку и нажал очередную кнопку, вторую.

— Восьмой этаж, конференц-зал,— объявил голос.

— Как-то странно у них тут адресация устроена,— пробормотал Семен.— А, сойдет!

Он нажал клавишу с надписью «Да».

В тот же миг приоткрытая входная дверь со стуком захлопнулась; лязгнул внутренний замок, и тот же приятный голос вежливо попросил:

— Будьте любезны, приложите к окошку считывающего устройства ваш личный жетон для проверки допуска. У вас имеется одна минута. В случае несоответствия допуска вы будете уничтожены. Благодарю за внимание.

— Чего?! — вне себя завопил Мар.— Она совсем бешеная, что ли? Какой на фиг допуск, нету у меня ничего подобного! Семен, они нечестно играют, я против! Протестую я!

— Черт!

Семен с силой надавил на клавишу «Нет», но ничего не изменилось — дверь как была закрыта, так закрытой и осталась.

— Симеон, она правду сказала? — Олия побледнела.— Ты... ты можешь что-нибудь сделать?

— Давай я попробую дверь высадить,— спокойно предложил Хайк.— Не уверен, что получится, но другого варианта у нас нету. Или есть?

— Не знаю.

Семен, закусив губу, с ненавистью уставился на коробку с оранжевым глазком.

— Осталось сорок секунд,— заботливо предупредил добрый голос.— Если у вас имеются какие-либо последние распоряжения или пожелания, можете их высказать, они обязательно будут рассмотрены и переданы по назначению. Осталось тридцать секунд.

— Иди ты...— огрызнулся Семен.— Обойдемся без предсмертных желаний.

Он легонько, по очереди, прикоснулся пальцем к синим жилам-проводам, что подходили к коробке с проверочным глазком: никаких особых ощущений не возникло, лишь палец слегка зачесался, словно комар укусил... Крепко ухватив те жилы, Семен одним рывком выдрал их из коробки, обе одновременно. Вырванные с корнем жилы забились в руках, как две пойманные змеи, наливаясь опасным голубым сиянием. Недолго думая — а чего думать-то, если некогда! — Семен взял и соединил их местами обрывов. Колдовские провода вздрогнули,

напряглись было и тут же обмякли. В месте соединения образовался наплыв, а голубое сияние хоть и не угасло, но стало чуть тусклее — судя по всему, оторванные жилы успешно срослись, только непонятно было, к добру или к худу.

— Ваш допуск принят,— услужливо сказал женский голос.— Свободный переход включен... приключен... заключен между... куда... Бу... будьте лю... любезны!

Вслед за этим лязгнул, открываясь, дверной замок.

— О чем это она? — нахмурился Хайк, а Олия, сразу поняв что к чему, обрадовалась:

— Симеон, сработало! Ты великий умница!

Она звонко чмокнула великого умницу в щеку; Семен расцвел, заулыбался, хотел было обнять девушку, но вместо этого вдруг принялся яростно чесать ладони.

— Ну вот,— рассудительно сказал Мар,— с твоей помощью все приходит в соответствие с нынешним владельцем дворца: каков Император, таковы и его магические помощнички... Эй-эй! Ты правую ладонь не шибко, к ненужным встречам оно! А вот левую чеши посильнее, верная к деньгам примета.

Семен буркнул в ответ невнятное, продолжая с остервенением драть ногтями обе ладони попеременно.

— Выходим или попробуем с кнопками поработать? — спросил Хайк, участливо глядя на Семена.— Чего с руками-то на этот раз, а?

— Будто комары погрызли,— пожаловался Семен.— Аллергия, что ли, на местное волшебство? Эх, страсть как не люблю за всякую магическую дрянь хвататься! А куда денешься, надо...— Семен поплевал на ладони, крепко их потер.— Вроде бы полегчало. Жми на вторую, авось сработает!

Хайк надавил на кнопку.

— Вава,— задушевно сказал женский голос и со щелчком выключился. Как понял Семен, навсегда.

Стены комнаты на миг затуманились и сменили цвет на пурпурный; к удивлению Семена, сращенные им жилы вновь оказались на своих местах, точно и не вырывал он их никогда из проверочной коробки, только стали теперь магические провода какими-то блеклыми, почти прозрачными... Судя по всему, бравые исследователи дворца очутились в другой, похожей комнате.

— И не лифт это вовсе,— уверенно сказал Хайк,— а магический почтовый ящик! Переправил нас по адресу в точно

такую же кабину, как посылку, а сам на месте остался. Вон и стены цветом изменились... Внутридворцовое транспортное колдовство, для облегчения проверки и путешествия по этажам. Умно придумано!

— Полностью с тобой согласен,— задумчиво ответил Семен, прикидывая, а не надо ли и здесь выдрать из коробки волшебные провода, на всякий случай? Но блеклые жилы опасения не вызывали, и Семен решил их не трогать. Тем более что ладони до сих пор чесались.

— Симеон, а почему голос умолк? — поинтересовалась Олия.— И не грозится больше... Ты чего с ним сделал?

— Наверное, я всю охранную систему перекоротил, потому она вместе с голосом и отключилась. Отрубилась напрочь.

Семен подошел к двери, толкнул ее и вышел из комнаты.

Конференц-зал начинался сразу за дверью, обычной, без самоцветов. И был, разумеется, похож на типовые предназначенные для официальных мероприятий помещения: с полсотни рядов строгих кресел с откидными сиденьями; невысокая, покрытая черным ковром сцена с белой трибуной посреди и черным же задником от пола до потолка; множество маленьких, но ярких светильников по всему потолку. Семен прошел между рядами, не поленился заглянуть за трибуну — не прячется ли там кто? Например, Кардинал-Император, скрываясь от выдуманных им преследователей. Но никого за трибуной не было и быть не могло, лишь пылилась забытая кем-то фигурная бутылка из-под дорогого коньяка, да валялось несколько окаменевших от времени шоколадных конфет... Конференц-зал явно использовался не по назначению. Или давно не убирался.

— Пойдем дальше, комната за комнатой, этаж за этажом,— решил Семен.— Можно и пешком, если кто магической кабиной пользоваться опасается, вон и двери имеются.

В стенах зала, возле заднего ряда, была пара высоких дверей, по одной на каждой стене, с золотой надписью «Запасный выход». Семен открыл одну из них и отшатнулся: знакомый убийственный серпантин исчеркал дверной проем черными полосами, надежно перекрыв вход на межэтажную лестницу.

— Тут не пройдем.— Семен закрыл дверь, открыл другую: черные полосы были и здесь.— Понятно.— Он в сердцах хлопнул дверью.— Сдается мне, что гражданин Кардинал заблокировал все входы-выходы во дворце одним и тем же способом. Уж не знаю, какое заклинание он применил и откуда его взял,

может, из комплексных скомбинировал, это он умеет... В общем, остается нам только лифтовая комната. Кто за? Против? Я так и думал.

Семен направился к лифтовой комнате.

Следующие несколько часов поисковая команда носилась по дворцу с этажа на этаж, из зала в зал, набирая различные числовые комбинации наобум, как попало. Заботливый голос, поясняющий, куда они попадут в том или ином случае, больше не звучал, помер голос вместе с системой дворцовой защиты, и потому каждая новая адресная комбинация становилась маленьким приключением. Хотя в основном были те приключения довольно скучными и неазартными. Да и действительно, кого может потрясти вид бухгалтерии со множеством казенных столов и с обязательными механическими арифмометрами на каждом из них, с испачканными чернилами столешницами, с ободранными шкафами у стен, где хранятся всяческие ведомости и приходно-расходные ордера? Или производственные помещения с захламленными верстаками и выключенными станками? Или подвал с бесконечно длинной и запутанной системой протекающих труб водоснабжения и канализации?

Никого в осмотренных помещениях не обнаружилось — ни уборщиков, ни сантехников, ни Кардинала. Да и не стал бы Кардинал торчать в тех залах и комнатах, он, поди, вообще там никогда не бывал! На фига Императору какая-то хренова канализация или чертовы подсобки, ему и без них классно живется, как заметил Мар после того, как они забрели на склад, битком набитый ржавыми трубами, мешками с цементом, штабелями кирпичей и ящиками с кафелем.

Но некоторые из опробованных комбинаций оказались весьма удачными. Например, однажды Семен с компанией попали в уютный бар, где было навалом самой разнообразной выпивки, начиная от золотомедального светлого пива и кончая элитными сортами шампанского и коньяка. И главное — ни единого человека, бери сколько хочешь... Семен лишь огорченно сглотнул слюну. Борясь с искушением, он громко сообщил, что отряд находится в боевом походе и потому для всех устанавливается единый сухой закон. И Олия, и Хайк отнеслись к заявлению равнодушно, они вовсе не собирались задерживаться в баре, не до пива сейчас... а негодник Мар ехидно сказал, чтобы Семен не выделывался и не переносил на остальных свои низменные желания. Но предупредил, что

адресную комбинацию он запомнил и после сокрушительного поражения Кардинала обязательно ее Семену сообщит. Не ранее.

Другая комбинация привела их в зал с глубоким бассейном, метров сто на пятьдесят размером, настоящее прямоугольное озеро, окруженное шезлонгами и пластиковыми топчанами; чистая и тихая вода была настолько прозрачна, что свет мощных потолочных ламп высвечивал каждую плитку кафеля на его дне. Глянув на манящую к себе воду, Семен не устоял и решил объявить привал. Тем более что время подходило к обеду, судя по возмущенным сигналам желудка.

Вода была прохладной, бодрящей. Семен поплавал в бассейне от души; Хайк нашел забытые кем-то на топчане плавки и наконец-то смог, не стесняясь Олии, плавать со всеми вместе. Разгулявшийся Семен попробовал было из озорства немного притопить Хайка, но тот выскальзывал из рук как угорь и в конце концов, увлекшись, чуть сам не утопил Семена. После чего Семен, наглотавшись воды, расхотел дальше резвиться и вылез из бассейна передохнуть. Олия тоже выбралась на кафельный бережок, устроилась на соседнем с Семеном топчане.

— Хорошо гуляем,— лениво произнес Семен, наблюдая за Хайком: тот уже который раз пересекал озеро-бассейн, наворачивая стометровку за стометровкой.— Сейчас пообедаем и двинем дальше.

— Как раз об этом я и хотела с тобой поговорить,— озабоченно сказала Олия.— Не кажется ли тебе, что мы, не зная верных адресов, можем бродить по дворцу до бесконечности? Здесь сотни залов, тысячи комнат, а Кардинал — один. И, скорее всего, он находится где-то в своих личных апартаментах: или в тронном зале, или в рабочем кабинете. Или в спальне. Вряд ли в каком другом месте! Тем более что все проходы между этажами и залами перекрыты его же магией... Хотя, конечно, он может воспользоваться лифтовой комнатой. Короче, Симеон, хватит носиться по дворцу наугад, пора как-то систематизировать наши поиски. Например, использовать адресные комбинации последовательно, по очереди, не пропуская ни одной. Или... м-м...

— Найти план-схему дворца с названиями всех помещений и их точными адресами,— подсказал Семен.— Это я придумал, когда Хайк меня топил. С испугу придумал, не иначе.

— Да! — радостно воскликнула Олия.— Именно план! Именно с адресами! А найти его можно в библиотеке, здесь наверняка имеется библиотека... В комнатах охраны тоже можно поискать, но библиотека лучше — вряд ли в ней могут быть приготовлены ловушки для непрошеных гостей.

— Чтобы найти библиотеку, все одно надо знать ее адрес.— Семен вздохнул.— Замкнутый круг получается.

— И ничего не замкнутый,— решительно возразила Олия.— Пускай Хайк через свой шар попробует ее найти! Шар вроде бы не до конца поломан, что-то показывает... может, и сумеет Хайк определить, как до зала с книгами добраться.

— Тогда уж лучше не библиотеку искать, а сразу Кардинала.— Семен встал с топчана, крикнул громко: — Хайк, плыви сюда, дело есть! И обедать пора!

Черепаховый боец, не доплыв до противоположного бортика, развернулся и помчался к Семену, быстрый, как торпеда.

— Мар, организуй-ка нам обед,— попросил Семен, похлопывая себя по животу,— есть хочется! Незатейливый обед, без излишеств. По-походному, чтобы ко сну не потянуло.

— Незатейливый шашлык с острой приправой, свежим лавашем и молодым вином подойдет? — услужливо предложил Мар.

Семен открыл было рот, чтобы согласиться, но медальон уже дал отбой:

— Не, раз сухой закон, то никакого вина! А без вина и шашлык не нужен, какой в нем прок? Значит, шашлык отпадает... Пельмени и чебуреки тоже, их с холодной водкой кушать надо... ростбиф, бефстроганов и сосиски непременно со свежим пивком идут... дичь с красным сухим, а сладости — с шампанским и коньяком. В общем, остается лишь манная каша. К ней горячительных напитков, кроме чая, не предусмотрено.

— Издеваешься? — уныло спросил Семен, кляня себя за опрометчивые слова насчет выпивки.— Пользуешься моментом, да?

— А то! — медальон расхохотался.— Ну, будешь кашку-то? Вкусная, с ванилью и изюмом! Детская.

— Сам ее лопай,— гордо отказался Семен.— Я лучше голодать буду, чем...

— Оглянись,— со смехом сказал Мар, Семен и оглянулся.

Позади него стоял накрытый стол и рядом с ним три стула; на серебряном блюде дымилась приличная горка румяных шашлыков, присыпанных кольцами розового лука, а рядом с блюдом лежала стопка тонких лепешек; также на столе белела фаянсовая плошка с огненно-красной приправой, салфетки и бутылки с холодной минеральной водой; вина к шашлыкам подано не было.

— Другое дело,— одобрил Семен.— Оно, конечно, без вина не то, но сойдет! Я свое слово крепко держу: сказал «Пьянству— бой!» — значит бой. Тем более что выпивки все одно нету.

Он приглашающе выдвинул стул для Олии. Хайк вылез из бассейна, обтерся вместо полотенца курткой и без лишних слов присоединился к друзьям: сначала еда, а уж после о деле.

Запах свежей воды, жареного мяса и приправ живо напомнил Семену пикник у реки, с той лишь разницей, что не было здесь вездесущих комаров и алкоголиков. И вина тоже не было... Семен выпил минеральной воды и окончательно убедился, что минералка— слабая замена сухому вину. Никудышная, вернее.

— Хайк, тут у нас план организовался,— доев свою порцию мяса, поведал Семен.— Уж не знаю, насколько реальный... Надо с помощью шара вычислить адресный код зала, где находится Кардинал. Сможешь?

— Не знаю.— Хайк с сомнением покачал головой.— Шар все-таки сильно пострадал, работает нынче как попало... Может, покажет, а может, и нет.

— Тогда на всякий случай вот тебе еще одно задание.— Семен выпил минералки из горлышка, поморщился.— Запасное. Попробуй найти дворцовую библиотеку. Там, возможно, есть список всех помещений с их адресами... на крайний случай имеется вариант со служебными комнатами охранников, но соваться туда не очень хочется — где охрана, там всегда жди неприятностей, каких-нибудь сюрпризов-подлянок... Как, возьмешься?

— Почему бы и нет? — Черепаховый боец не торопясь вытер руки салфеткой.— Прямо сейчас и займусь. Эх, подремонтировать бы шар, враз все бы нашел! Да нет таких специалистов, увы.

— Семен! — неожиданно подал голос медальон.— Слушай, а что если шар живой водичкой из стакана облить? Глядишь, и подлечится инструмент, хе-хе. Я, разумеется, шучу, но все

же, а? Правда, сначала надо саму посудину отрихтовать, но ежели постараться, то...

— Мне Мар только что хорошую идею подал.— Семен встал, подошел к брошенной у бортика сумке и вынул из нее смятую чашу принца Ранди.— Он предложил выправить стакан и воспользоваться лечебной магией для восстановления шара. Сомнительно, конечно, но...

— Симеон, давай железку сюда! — заволновался Хайк.— Дельная, очень дельная мысль! Давай-давай, я сам его выправлю.

Черепаховый боец взял протянутый ему стакан и без видимых усилий, словно и не с железом работал, а с мягким оловом, принялся осторожно приводить чашу Ранди в порядок. Семен с завистью поцокал языком, наблюдая, как Хайк орудует пальцами словно плоскогубцами — он так не смог бы!

— Готово! — Хайк продемонстрировал то, что у него получилось.

Отреставрированный стакан вышел кособоким, с неровными выгнуто-вогнутыми стенками и походил на изделие начинающего дизайнера-абстракциониста. Но набрать в него воду было можно, а чего ж больше надобно?

— Давайте я воды принесу!

Олия взяла стакан, подбежала к бассейну, быстро зачерпнула из него и... впопыхах упустила стакан — наполненная водой посудина немедленно ушла на дно.

— Ой,— растерянно сказала Олия, поворачиваясь к столу.— Хайк, я его нечаянно уронила... Симеон, что делать?

Семен и Хайк подошли к бассейну.

Стакан лежал на дне, в углу: вода вокруг него приобрела голубоватый оттенок, окутала стакан едва заметным облачком, в нем то и дело вспыхивали легкие серебристые искорки; голубое облачко медленно, но верно увеличивалось.

— Глубоко,— с сомнением сказал Хайк.— С грузом нырять придется. А где ж тут груз возьмешь? — Он огляделся.— Одни деревяшки, какой с них толк! Гирю бы... Эх, и почему при бассейнах никогда гирь не держат? Зря.

— Наверное, чтобы ни у кого желания утопиться не возникло,— охотно пояснил Мар.— Очень уж она соблазнительна, пудовая гиря возле бассейна, х-ха!

Но черепаховый боец его не услышал.

— Ну его к лешему, тот стакан,— беззаботно махнул рукой Семен.— Груз по этажам искать, нырять, суетиться... Да и не помню я адреса бассейна, фиг сюда вернемся! Хайк, попробуй-ка заглянуть в шар какой он есть, вдруг сработает? А нет— подождем, когда вся вода в бассейне пользительной станет, тогда шар в ней и вымоем. Хотя это нескоро будет...

— Ладно.

Хайк уселся на бортик, приладил на коленях шар предсказаний и сосредоточенно в него уставился.

— Семен, неужто стакан в бассейне оставишь? — изумился медальон.— Широкий жест! Отчаянно широкий. А как же боевые раны лечить, неужто сюда бегать? Типа шарахнет тебя Кардинал-Император в драке скипетром по башке, а ты ему: «Минуточку, сейчас к бассейну сбегаю, подлечусь малость, а потом дальше веселье продолжим», ха-ха! Стоп... Я понял! — Мар аж задохнулся от пришедшей ему на ум догадки.— Въехал я! Это ж мы, значит, свергаем Кардинала... ну, не свергаем, ну, просто убиваем, это еще смешнее... власть меняется, ты становишься у руля Империи и первым делом приватизируешь бассейн, ага! Ставишь возле него охрану с турникетом, кассира с мешком и объявляешь платный вход для всяких калечных, увечных и прочих хилых страждущих... О, какие деньжищи к нам потекут! Какие бабки!!! Семен, тебе не говорили, что ты гений? Так вот, сообщаю, если не в курсе,— ты гений! Финансовый воротила, вот ты кто. Акула биз...

— Отстань,— с усмешкой оборвал Семен прожектерскую болтовню медальона.— Сколько раз тебе повторять: не собираюсь я никого свергать! А тем более убивать. И Императором становиться не хочу, больно надо...

— Хорошо,— немедленно согласился Мар.— Не свергай, не убивай. Но отхватить-то бассейн себе ты можешь, а? Заслужил ведь! Значит так: когда возьмешь Кардинала за глотку, то сразу требуй от него окончательной и необратимой приватизации бассейна вместе с дворцом, а не то, скажи, в бараний рог согну, пасть порву, моргала повыкалываю, свергну и убью. Он, конечно, заплачет, подпишет декрет — и опаньки! Дело сделано.

— Да ну тебя,— отмахнулся Семен,— приватизатор самопальный... Хайк, как у тебя? Нашел чего?

— Нашел,— не поднимая голову от шара, ответил Хайк.

— Императора? — вскинулась Олия.— Правда?

— Нет.— Хайк поднял голову.— Библиотеку и ее адрес. Особую библиотеку, секретную!

— Тогда в путь.— Семен щелкнул пальцами.— Вперед, к инструкциям, путеводителям и справочникам!

— А как же стакан? — спросила Олия, виновато отводя взгляд в сторону.— Жалко терять...

— Не беспокойся,— Семен улыбнулся девушке.— У Мара все схвачено! Он посоветовал оставить живую воду во всенародное пользование, причем бесплатное. Чтобы люди от всех болезней лечились и нас добрым словом поминали.

Медальон возмущенно крякнул, но слово уже было сказано.

— У тебя, Симеон, необыкновенно мудрый советчик,— с уважением сказала Олия.— Не каждому достается настолько честный и порядочный друг! Повезло тебе, Симеон.

— Эта... чего уж там, пускай моются бесплатно...— застыдившись, пошел на попятную Мар.— Типа, если на добром слове, то... Я ж не гад какой, чтобы калек грабить! В общем, забираю свои необдуманные слова взад. И точка!

— Молодец,— похвалил его Семен.— Верное решение. А теперь все — в библиотеку! Будем умнеть и интеллектуально возвышаться... Или какие дамские романы почитаем?

Семен подмигнул Олии и направился к лифтовой комнате.

— Терпеть не могу дамские романы,— фыркнула Олия.— Тогда уж лучше детективы.

А Хайк ничего не сказал. Для него лучшей книгой был шар предсказаний. Даже и поломанный.

ГЛАВА 16
Сбывшаяся Легенда: Истинный Мировой Порядок

Библиотека воображения не поражала. Сравнительно небольшая — с учетом размеров самого дворца,— она напоминала районную, в которую Семен частенько ходил в детстве. С той лишь разницей, что в районных библиотеках не делают стены из черного с искрой мрамора, и вряд ли там увидишь стол для дежурного охранника, тем более из красного дерева... да и стеллажи обычно не позолочены. И книги не прикованы к

тем стеллажам тонкими серебряными цепями. «А так — очень даже похоже»,— решил Семен, оглядывая помещение.

Не очень высокий потолок светился равномерным матовым светом, удобным для чтения, создавая иллюзию дневного облачного неба; ряды блестящих стеллажей часто перегораживали библиотеку, оставляя между собой одинаковые узкие проходы, аккурат чтобы двоим разминуться.

Стеллажей было много, книг на них тоже хватало...

— И где же нам искать тот список адресов? — с сомнением покачала головой Олия.— Все подряд, что ли, открывать и читать?

— Запаримся.— Семен прикинул на глазок, сколько здесь книг.— Эдак неделю копошиться придется... Давайте думать логически.

— Давайте,— охотно подхватил идею Мар.— Логика! Что может быть вернее и надежнее! Используя логику, можно точно установить, что дважды два всегда равно пяти... или семи... или ста двадцати трем, смотря какой логикой пользоваться. Или что молоко сокращает жизнь, а табак и ром ее удлиняют... или, если уж на то пошло, можно абсолютно однозначно доказать, что никакого Кардинала-Императора на свете не существует и Миров заодно тоже нету. А имеется твой пупок, который, по сути, и есть само мироздание в его обнаженном виде. В опупенном. Давайте, давайте рассуждать логически! Я — за.

— Тьфу на тебя,— рассердился Семен.— Я по делу говорю, а ты все развлекаешься... Знаете что? Сдается мне, что адресная книга вряд ли будет стоять на полке, прикованная к ней пижонской цепочкой. Все ж рабочая вещь, справочник. Скорее всего здесь должен быть специальный отдел дворцовой литературы, всякие архивные документы: чертежи, описания, адреса и прочее. Пойдемте поищем.— Семен направился было к стеллажам, но, вспомнив о чем-то, задержал шаг и обернулся к друзьям: — Вы книги на всякий случай не открывайте, мало ли что в них понаписано. Мар как-то рассказал мне историю об одном из своих хозяев, которого чуть молниями не убило! А он всего лишь под обложку ненароком заглянул. Так что осторожность и еще раз осторожность!

С этими словами Семен вошел в ближайший проем между стеллажами. Олия, с опаской поглядывая на столь грозные книги, пошла соседним проходом — мало ли что, хоть до Си-

меона докричаться можно... А Хайк, усмехнувшись, выбрал дальний стеллажный коридор: он допускал, что книги могут быть опасными, но не настолько же! Самое ужасное, что может стрястись — искренне считал черепаховый боец,— это если тяжелый том тебе на ногу упадет. Не более.

Семен шел между книжными стенами, поглядывая на корешки фолиантов: золотые надписи на многих из них потускнели от времени, стали нечитаемыми. А те, которые все же можно было прочитать, ничего Семену не объясняли, потому что в основном состояли из странного вида иероглифов или пиктограмм. Хотя иногда встречались и вполне понятные названия: «Производственная некрономика», например. Или «Высшие блаженства, практическое руководство по достижению». Или «Есть ли смерть после смерти?»... Читать такие названия было интересно, книги просились в руки, но Семен проходил мимо. В первую очередь надо было отыскать адресную книгу. Лишь один раз Семен остановился и снял с полки тяжелый том — его привлекло вытесненное изумрудной самоцветной вязью название: «Социальный уклад, быт и нравы вампирьей общины», сочинение некой адептки 8-го курса Вольхи Редной. От книги в кожаном переплете пахло древностью и еще почему-то чесноком. Полистав жесткие пергаментные страницы, посмотрев на изящные живые гравюры, Семен с сожалением вернул книгу на место — вникать было некогда.

Ряд тянулся и тянулся, изредка перемежаясь разрывами для перехода в соседние ряды. Сколько Семен ни приглядывался, так нигде и не увидел тематических пояснительных табличек. То ли книги были расставлены абы как, бессистемно (что вряд ли!), то ли он не понимал той системы. Семен свернул в соседний ряд, в тот, где шла Олия, и увидел ее невдалеке, присевшую на корточки и внимательно разглядывающую что-то на полу. Что-то черное, прямоугольное.

— Олия, с тобой все в порядке?

Семен быстрым шагом направился к девушке.

— Да.— Олия глянула на Семена удивленными глазами.— Смотри, кто-то книгу сжег, древнюю. Зачем? Я хотела тебя позвать, но ты уже сам пришел.

Семен присел рядом с девушкой, посмотрел на черное пятно. Это действительно была книга, вернее раскрытая обложка от небольшой книги; поверх обложки и вокруг нее тонким слоем лежал пепел от сожженных страниц, старательно растоптан-

ный; на пепле едва заметно отпечаталась чья-то подошва. Видимо, топтали с остервенением, чтобы даже по горелым останкам нельзя было восстановить уничтоженный текст.

Семен осторожно, двумя пальцами, взял обложку и перевернул ее. На лицевой стороне не было никаких надписей. Брезгливо уронив закопченный прямоугольник на пол, Семен встал и оглядел стеллажи; встала и Олия.

— Хм, откуда книжка взялась-то? — озадаченно пробормотал Семен.— А, вот откуда!

Один из стеллажей несколько отличался от прочих: книги в нем располагались не как обычно — плотно, обложка к обложке,— а словно на выставке-продаже, каждая в своей ячейке, лицевой стороной к посетителю; весь стеллаж, точно бронестекло, закрывало едва видимое темно-зеленое сияние. Ячейка, оказавшаяся аккурат перед лицом Семена, была пуста, лишь на задней стенке тускнела небольшая бронзовая табличка с выгравированным на ней мелким текстом.

Семен задрал голову — над верхними ячейками тянулась алая предупредительная надпись: «Совершенно секретно! Доступ только для Императора!».

— Значит, Кардинал-Император поработал,— решил Семен,— больше некому. И чего он на книжку взъелся? Прям «Бегущий вместе», сам по себе.

— А ты что, до сих пор не сообразил, какую именно книгу он спалил? — удивился Мар.— Вот те раз... Да ты ж ее сам в руках когда-то держал!

— Не сообразил,— признался Семен.— Да мало ли какие книжки я в руках держал-то, все не упомнить...

— Ты к пустому ящику внимательнее приглядись,— посоветовал медальон.— Там внутри написано. Я вот прочитал и сразу догадался.

Мар едва слышно хихикнул; Семен последовал совету.

Хотя видно сквозь магическую защиту было плохо, но Семен все же разглядел слова, выгравированные на бронзовой табличке: «Книга базовых (первичных) заклинаний. Единственный экземпляр».

— А-а,— с пониманием протянул Семен,— та самая, из которой я когда-то страничку утянул... Ну все, Мар, нету теперь никаких первичных заклинаний! А может, оно и к лучшему?

— Разумеется, к лучшему,— охотно согласился медальон.— Никто больше той неуправляемой магией не воспользуется, не устроит трамтарарам и бумсик в общемировом масштабе...

В тот же миг, словно опровергая слова Мара, где-то неподалеку тяжело ухнуло, как будто железную сваю с потолка уронили, пол под ногами Семена и Олии вздрогнул, роняя книги, опасно закачались стеллажи.

— Бежим! — крикнул Семен, хватая девушку за руку.— Задавит!

Они опрометью кинулись прочь, к выходу из книжного коридора; Семен бежал и слышал, как медленно валятся позади них стеллажи, как рвутся и звенят серебряные цепи, как дробно падают на пол книги,— бежал изо всех сил, потому что стеллажи впереди тоже качались...

— Это землетрясение! — верещал перепуганный Мар.— Семен, небо тускнеет, дворец рушится! Нет, хуже — это конец света, конец мироздания, конец мне, а-а!!!

Семен с Олией едва успели выскочить из-под разваливающихся стеллажей. Позади что-то грузно осело, раздался пронзительный скрежет, и все стихло.

Семен резко обернулся: библиотека, такая аккуратная минуту тому назад, сейчас напоминала безалаберный склад вторсырья, где в одной куче валяются и никому не нужная макулатура, и цветной лом. Книги, развалившиеся стеллажи, порванные цепи — все перемешалось. И над этим жутким безобразием, способным довести настоящего книголюба до инфаркта и скорого посмертного существования, клубилось облако пыли, мелкой, книжной, от которой свет в зале действительно заметно потускнел.

— Это... что это было? — воскликнула Олия.— Симеон, ты...

Девушка ойкнула и спряталась за спину Семена. Впрочем, и Семен невольно подался назад.

По куче, осторожно ступая и непрестанно чихая, шел человек. Странный человек в удивительной куртке и штанах, сплошь покрытых веселыми радужными полосами вперемежку с серебряными звездами; со вздыбленной огненно-рыжей шевелюрой, крупными пятнами-конопушками по молочно-белому лицу, с красным носом и сочной, цвета молодой травы, бородой. На плече у подозрительно знакомого незнакомца висела привычная холщовая сумка, только и она теперь была изукрашена не хуже своего владельца.

— Хайк? — неуверенно спросил Семен.— Это ты?

— Я,— ответил человек и, чихнув напоследок так, что край кучи под его ногами заметно просел, спрыгнул на пол.

— Можно смотреть? — робко спросил Мар.— Конец света уже закончился?

После чего он, наверное, посмотрел. И тут же разразился гомерическим хохотом.

— Хайк, дружище, что с тобой стряслось? — испуганно спросил Семен.— Ты сам на себя не похож!

— Да? — черепаховый боец нахмурился.— В каком смысле?

— Ты сейчас как клоун одет,— выглядывая из-за плеча Семена и еле сдерживая смех, сказала Олия.— Как веселый клоун, рыжий-прерыжий! И конопатый! И с уникальной зеленой бородой.

Хайк притянул к глазам прядь волос, осмотрел ее. После этого далеко оттянул короткую бороду и, страшно скосив глаза, долго ее разглядывал. Потом глянул на свой костюм, сумку. И лишь затем сказал по-прежнему спокойным голосом:

— Действительно.

И флегматично огладил уникальную бороду.

— Ты не переживай,— бросилась успокаивать черепахового бойца Олия,— ничего страшного! Одежду постираем или новую купим, а бороду сбреешь... в косметический салон сходишь, где веснушки убирают и носы перекрашивают. А рыжим быть не зазорно! Подстрижешься немножко, и все дела.

— Налысо! — захлебываясь от смеха, пропищал Мар.— Только налысо! И в пудовом гриме! С такой ядреной шевелюрой и... ик! И носом, и кругляшами по всей физиономии... его ж ни в одно приличное заведение не п-пустят... решат, что цирк сгорел, а к-клоуны разбежались! Ой мне!

Мар тихонько завыл от избытка чувств.

— Хайк, что с тобой случилось? — повторил вопрос Семен.— Кстати, твоя работа? — Он ткнул рукой в сторону поваленных стеллажей.

— Моя,— уныло кивнул черепаховый боец.— Это я в книжку одну заглянул, «Искусство клоунить врагов» называется. Понимаешь, я массу боевых искусств знаю, но о таком никогда не слышал. Ну и...

— И? — с любопытством спросила Олия.— Дальше что?

— Ткнул пальцем в одну из картинок,— неохотно ответил Хайк.— В разделе «Практические уроки». Больше мне сказать нечего.

— А грохот, грохот-то отчего был? — Семен глянул мельком на книжно-стеллажную кучу. Пыль уже почти осела, в зале стало гораздо светлее.

— Она, книжка, у меня в руках вспыхнула,— пояснил Хайк.— И я от неожиданности немножко... э-э... отпрянул. Кто ж виноват, что у них тут коридоры узкие? — Черепаховый боец тяжело вздохнул.— Нехорошо как-то вышло...

— Ты себя нормально чувствуешь? — озаботился Семен.— Все в порядке?

— Вполне.— Хайк рассеянно пригладил рыжую шевелюру.— Ты, Симеон, был совершенно прав: в колдовские книжки лучше не заглядывать, себе дороже станет. А бороду жаль.

Он замолчал, явно расстроенный предстоящим бритьем.

— Ладно, что-нибудь придумаем,— пообещал Семен.— Одно плохо — как в этом бедламе адресную книгу теперь найти? Ума не приложу. Вот незадача...

— Я, конечно, существо маленькое,— все еще всхлипывая от смеха, сказал Мар,— но не глупенькое. И есть у меня идея... хорошая, знаете ли, идея. Умная!

— Давай говори,— заинтересовался Семен.— Нам любые идеи сгодятся, и умные и глупые, лишь бы делу помогли.

— Вахта,— коротко сказал Мар.

— Чего? — не понял Семен.— При чем здесь она?

— Эх, Семен, Семен,— огорчился медальон.— Я думал, ты с полунамека сообразишь... Вахта в общежитии, бывал в таких местах, а? Там, как правило, журнал со списком жильцов находится, с номерами их комнат... и всякие другие справочники тоже. Вплоть до адресов веселых девочек, хе-хе! Но не на стенке, а в столе. Под рукой.

— Точно! — Семен посмотрел на изукрашенный резьбой стол дежурного охранника.— Мар, а ведь ты верно мыслишь! Сейчас проверю.

Семен подошел к столу, рывком выдвинул самый верхний ящик и... И обнаружил в нем с десяток разнокалиберных по размеру и цвету книжиц, прикованных к нижней части столешницы все теми же серебряными цепями. На обложке верхней книги, стандартного размера и в сафьяновом переплете,

было вытеснено золотом: «Лифтовая нумерация помещений дворца. Для служебного пользования».

— Чего ж ты молчал! — Семен, звеня цепью, выложил книгу на стол.— Не мог раньше сказать! Мы бы время зря не тратили.

— Всеведущий я, что ли? — возмутился Мар.— Когда сообразил, тогда и сказал. И вообще, хватай книжку, и побежали Кардинала нашим черепаховым клоуном удивлять: то-то обрадуется, бесплатный цирк приехал!

Медальон вновь зашелся в неудержимом хохоте.

Семен поднапрягся и разорвал цепь — в сущности, серебряные цепи действительно были декоративными, сплошная формальность, а не защита от воров. Впрочем, вряд ли кто рассчитывал на то, что посетители этой библиотеки станут похищать книги.

— Тэкс.— Семен раскрыл адресную книгу, полистал страницы. Адресов было много, очень много! Мелким шрифтом, от которого рябило в глазах.— И где у нас будет Император? Смотрим в алфавитном порядке... есть.— Семен ткнул пальцем.— Ого, сколько комнат за ним числится, аж три страницы одних только личных апартаментов! Причем указано, что без особого императорского доступа туда не попасть... Ну, с этим у нас нынче проблем нету. Итак, с чего начнем?

— Предлагаю с рабочего кабинета,— тут же сказала Олия.— Еще не вечер... или вечер, но ранний,— уточнила она.— Вряд ли Кардинал будет в спальне!

— В рабочем кабинете тоже не обязательно,— возразил Семен.— В книжке и личные императорские бильярдные указаны, и сауны, и массажные, и рестораны, и... Хотя какая разница, с чего начинать! Можно и с рабочего императорского кабинета, почему бы нет... Ух ты! Их, кабинетов, целых десять штук, м-да-а... С которого начнем?

Семен прищурился думая. Потом бесшабашно махнул рукой:

— А прям по списку и пойдем! Прошу всех в лифт.

...Кардинала-Императора они нашли в рабочем кабинете номер семь. Кабинет был невелик и уютен: мягко притушенное потолочное освещение, темные, едва видимые в полумраке книжные шкафы вдоль стен, полированный паркет под ногами— и Кардинал за широким столом, в обязательном сером костюме. На столе неярко светила лампа под зеленым абажуром. Кардинал что-то писал золотой ручкой на листе плотной, с орнаментом, бумаги, писал медленно, старательно, то и дело

останавливаясь и перечитывая написанное. За спиной Кардинала, вдалеке, тускло синел и перемигивался ранними звездами прямоугольник балконной двери — на Перекрестке был поздний вечер.

Семен замер в нерешительности.

— Давай! — скороговоркой зашептал Мар.— Чего стоишь, вперед, самая пора, он же весь в делах! За глотку его, за яблочко, и свергать на фиг, пока он тебя не заметил!

— Симеон, это ты? — не отрываясь от работы, усталым голосом спросил Кардинал-Император.— Проходи, присаживайся. Я сейчас.— Семен в растерянности посмотрел на друзей. Не так он себе представлял встречу с безумным владыкой Империи, не так! Но раз приглашают... Семен направился к столу Кардинала. Олия и Хайк безмолвно последовали за ним.

Рядом со столом находился кожаный диван для посетителей. Семен уселся, не представляя себе, что же делать дальше. Он был настроен на скандал, на крик, на драку в конце концов... но никак не на вежливый, корректный прием. Олия присела рядом, чинно сложив руки на коленях. Хайк остался стоять, но сумку с плеча снял — на всякий случай. И стал потихоньку разминать пальцы.

Кардинал дописал, поставил внизу листа дату и свою размашистую подпись, отложил ручку в сторону и лишь после этого поднял глаза на Семена. Взгляд у Кардинала был под стать его голосу — усталый. Очень усталый. И вообще Кардинал заметно сдал — черты лица, и без того острые, стали еще жестче; оттопыренные уши, казалось, оттопырились еще больше, делая Кардинала похожим на старую летучую мышь; на лысине поблескивали капельки пота, словно Кардинал только что проделал большую, утомительную работу. Физическую.

— Да ты не один,— без особого удивления сказал Кардинал.— Хм, сюрприз, сюрприз... Чем обязан, господа? — Он глянул на Хайка, уголок его рта дернулся в намеке на улыбку и опал.— Или они с тобой, Симеон?

— Со мной,— буркнул Семен, соображая, с чего начать разговор, ну не с истеричного же вопля: «Кардинал! Заклинание гони! А не то мы тебя... мы тебе...»

— Ученики? Компаньоны? — Кардинал обратил внимание на Олию, взгляд его потеплел.— Красивая у тебя ученица, Симеон! Растет твое мастерство и влияние, растет... вон и внучку

Мастера Четырех Углов в дело взял, а дед беспокоится, на днях лично ко мне обращался, слезно просил найти любимицу... Впрочем, я и искать не стал, зачем? Коли она с тобой, то не пропадет.

— Мы пришли для того,— начал Семен напористо, с неудовольствием чувствуя, что опять, в который раз при беседе с Кардиналом теряет инициативу разговора, попадает под гнетущее обаяние этого человека,— для того, чтобы...

— Как там на улице? — сложив руки на груди, доброжелательно спросил Кардинал у девушки, не обращая внимания на запальчивый тон Семена.— Сегодня ведь праздник, День Перекрестка... небось гуляет уже народ, да? Фейерверк в полночь будет... должен быть. Не знаю, увижу ли...

— Мы с утра во дворце, ваше величество,— скованно ответила Олия.— Наверное, гуляет.— Девушка беспомощно посмотрела на Семена, тот слегка пожал плечами. Он о таком празднике вообще слыхом не слыхивал.— Неужели вы все это время знали о нас? О том, что мы по дворцу ходим?

— Видишь ли, милая девочка,— Кардинал зевнул,— поисковые заклинания нашли Симеона часа два тому назад, о чем мне немедленно было доложено теми же заклинаниями... дублирующий сигнал, по личной Императорской линии. Был бы он там,— Кардинал неопределенно махнул рукой в сторону,— то сидел бы сейчас в кутузке... ни за что сидел бы. Потому что я тебя, Симеон, арестовывать не хотел, не для того ты мне нужен был. И сидел бы о-о-очень долго, без моего личного вмешательства... Хорошо, что ты здесь оказался, во дворце. Я, собственно, уже дал прямое распоряжение убрать тебя из поиска... да и твое личное дело приказал уничтожить. Живи, сколько осталось.

Кардинал внезапно помрачнел, глянул на исписанный лист, отвел взгляд в сторону.

— А... а зачем вы меня искали? — Семен понимал, что не о том идет разговор, не о главном, но не спросить не мог.

— Ну-у,— протянул Кардинал, откинувшись на спинку стула,— теперь оно не важно... Но раз ты спрашиваешь, то отвечу. Время пока есть.— Кардинал крепко потер лицо, массируя его, словно оно у него онемело.— Ты, разумеется, в курсе происходящего?— Семен кивнул.— И знаешь, из-за чего все случилось, иначе не пришел бы сюда, не так ли? Невзирая на защиту дворца.— Семен опять кивнул: ему не нравилось, что Кардинал

опережает его вопросы, ему вообще не нравилось поведение Кардинала, неправильное поведение. Слишком уж он был спокоен.

— Мирозданию приходит конец, Симеон.— Кардинал опустил глаза к листу бумаги, уперся в него невидящим взглядом.— И я, я его устроил, тот конец, что самое паршивое! Я хотел, Симеон, выйти через тебя на бога Слимпа, на самозваного, но могущественного бога... хотел просить его помочь отменить заклинание, которое я сам же создал и применил, не зная о всех последствиях. Чужие исчезли, да, но скоро исчезнем и все мы! — Кардинал поднял глаза, посмотрел мимо Семена, сказал глухо: — К утру погибнет Чумной Мир, слышал о таком? Ах да! Ты ж всегда представлялся младшим принцем из него, значит, слышал... И дальше все пойдет по нарастающей, Симеон, по очень быстрой нарастающей... к концу следующей недели не будет ни одного Мира из тех, что стронулись с мест после моего заклинания. После его активизации.

— Погодите,— оторопел Семен,— о чем вы говорите?! Это ж космический процесс, это ж столетиями, тысячелетиями может продолжаться! Ерунда какая-то, право... Вы ошибаетесь!

— Это не космический, а магический процесс,— негромко поправил его Кардинал.— И у него свои законы, мне ли не знать! Я оказался тем самым великаном Додо, который наконец-то разрушил стену своей темницы... межмировую стену. Ты знаешь эту легенду, Симеон?

— Знаю.

Семен с трудом сглотнул, во рту вдруг пересохло: однако все было гораздо хуже, чем казалось на первый взгляд. Куда как хуже!

— Я не хотел применять то заклинание до последнего,— горько усмехнулся Кардинал.— Надеялся, что с проблемой можно справиться обычным образом... Ты не поверишь, Симеон, сколько моих бывших друзей предало меня, когда я стал Импер... регентом! Сколько их заключило тайный альянс с чужими, с теми, что остались, и все лишь для того, чтобы свергнуть меня! В Земляном Мире, как оказалось, вовсю шли работы по изготовлению новой пентаграммы-матки, с прямыми поставками материалов отсюда, из Мира Перекрестка.— Кардинал зевнул, прикрыв рот ладонью.— И мне пришлось... я был обязан...— Кардинал умолк, глядя в глаза Семену.— Что,

осуждаешь? — Он слабо усмехнулся.— Молодой ты еще, Симеон, глупый. Ни черта в интригах и политике не понимаешь...

— Да, я не разбираюсь в политике.— Семен почувствовал, что начинает злиться.— Возможно, я и впрямь глупый! Но зато я никогда не применил бы непроверенное колдовство, убивающее колдовство... даже против чужих не применил бы!

— Неужто? — Брови Кардинала удивленно полезли вверх, сонный взгляд прояснился.— Никогда-никогда? Даже если б не было другого выхода? Совсем не было?

— Никогда! — гордо отрезал Семен.— Потому что выход всегда найдется, даже если его и нету. И вообще: немедленно отдайте мне... нам ваше заклинание! Я знаю, как исправить вашу ошибку. Я могу...

— А если не отдам? — Кардинал оживился. Куда только подевалось его безразличие, даже щеки порозовели.— А? Что делать будешь?

— Вызову вас на дуэль! — рявкнул Семен.— Немедленно, сейчас! От этого заклинания зависит жизнь тысяч Миров, наша жизнь! Моя и моих друзей!

Семен в запальчивости вскочил с дивана.

— Ду-у-эль,— насмешливо протянул Кардинал.— Экий ты резвый... Да куда тебе против меня, мальчишка! Дуэлянт, подумать только. Эх, Симеон, Симеон...

— Тогда я вызываю вас на дуэль,— шагнул вперед Хайк, отодвигая плечом Семена,— раз вам нужен хороший противник, то сразитесь со мной!

— С клоунами не дерусь принципиально,— сухо ответил Кардинал.— Здесь вам не ярмарка и не балаган, господин чудак.

— Я не клоун! — Хайк гневно упер руки в бока.— Я — мастер многопрофильного боя из клана Болотной Черепахи, двенадцатый уровень обучения!

— Тем более не буду,— равнодушно сказал Кардинал, меряя черепахового бойца взглядом.— Я против тебя — как Симеон против меня. Не пойдет.

— Тогда заклинание гони, гад! — завопил Мар, потеряв всяческое терпение.— Если слышишь меня, так гони! А то валяет дурку, понимаешь... Совесть иметь надо, понял?

Кардинал неожиданно расхохотался до слез:

— Цирк, сущий цирк! Ну нету у меня того заклинания, понимаете? Нету! Я его составил и записал прямо в книжке первичных заклинаний. А когда увидел, что все, конец, нет

никакой надежды,— сжег ту проклятую книгу! Сегодня утром и сжег. Вместе с самодельным заклинанием.— Кардинал неожиданно перестал смеяться. Промакнув глаза носовым платком, он выжидательно оглядел визитеров.

— Да, жаль, что вы опоздали, очень жаль. Еще вопросы есть?

Семен отрицательно покачал головой. Говорить с Кардиналом ему было не о чем.

— Тогда прошу вас покинуть помещение,— официальным тоном приказал Кардинал.— У меня неотложное дело, господа. И я хотел бы побыть один.

Он зевнул, протяжно-протяжно.

— Вы негодяй! — сжав кулачки, крикнула Олия.— Вас убить мало! Вы, вы...

Она не нашлась, что еще сказать, лишь тяжело задышала.

— Именно это сейчас и происходит,— мрачно сказал Кардинал.— Я принял перед вашим приходом яд, хороший яд. Мне не будет больно, я просто усну. А после... после откроются все выходы из дворца. Прощайте, юноши. Идите веселитесь — сегодня праздник, сегодня можно.

— Блеф! — взорвался Семен.— У вас наверняка не одна жизнь в запасе!

— Я не считаю себя вправе жить после всего мной содеянного,— мягко, словно разговаривая с капризным ребенком, ответил Кардинал.— Потому я отказался сегодня от всех своих запасных жизней. Да и вряд ли они мне пригодятся, когда погибнет мироздание. И посмертного существования тоже... не... будет...

Глаза Кардинала медленно закрылись, руки опустились, он покачнулся и упал грудью на стол; лоб Кардинала-Императора звучно ударился о столешницу. Кардинал замер — скособочившись, уткнувшись лицом в подписанный им документ.

— Блеф,— неуверенно повторил Семен.— Кардинал?

— Он что, правда себя отравил? — Олия в ужасе схватилась за голову.— Симеон, сделай что-нибудь, скорей!

Семен бросился к Кардиналу, откинул его на спинку стула. Глаза у того были открыты, зрачки расширены, в углу рта пузырилась густая пена; Кардинал еще дышал. Пока что дышал.

— Хайк! — завопил Семен, стараясь поднять тяжелое, вываливающееся из рук тело.— Хватай этого придурка и бегом в бассейн! Кидай его в угол, где стакан лежит, там вода на-

верняка вся живой стала, макай, покуда он в себя не придет, до упора макай! И напиться его заставь!

Хайк молча поднял Кардинала со стула, перебросил тело через плечо, трусцой вбежал в лифт:

— Симеон, код бассейна!

— А черт! — Семен лихорадочно зашелестел страницами адресной книги.— Где же он, где? Блин, не найду!

— Триста двадцать пять,— быстро подсказал Мар,— я помню.

— Триста двадцать пять,— крикнул Семен Хайку.

Черепаховый боец нажал кнопки и исчез вместе с умирающим Кардиналом.

— Ффу-у... — Семен утер пот со лба.— Ну и денек! Кардинал, бывалый мужик, а поступил, как девчонка, которая от несчастной любви димедролом травится. Вот уж чего никак от него не ожидал! Мар, а откуда ты номер бассейна знаешь?

— Эта... я...— замялся медальон.— Запомнил на всякий случай, когда ты книжку листал. Мало ли... эта... если тот номерок срочно потребуется.

— Меня оживлять, да? — невесело улыбнулся Семен.— Ты, Мар, сплошная забота и опека! Ангел-хранитель, ей-ей.

— Да не,— еще больше засмущался медальон.— Типа если... ну... если ты приватизировать бассейн все ж надумаешь, чтобы номерок тебе сразу подсказать, для быстрого оформления документика на вступление в право обладания. С последующей немедленной инвентаризацией объекта. Во как.

— Мар, ты меня убиваешь! — Семен расхохотался, схватившись руками за живот.— Заботливый ты наш! Инвен... инвентаризатор хренов!

Он рухнул спиной на диван, от смеха стуча ногами по полу. Рухнул и зашелся истерическим хохотом.

— Симеон! — Олия растерянно заметалась вокруг дивана, не зная, что делать.— Симеон! Прекрати!

Семен, однако, ее не слышал, смеялся безостановочно, словно внутри него раскручивалась туго скрученная смеховая пружина. Он все хохотал и хохотал, пока Олия не влепила ему с размаху крепкую пощечину.

Семен умолк, сел и с изумлением потер щеку:

— Ох и тяжелая у тебя рука... Все, хватит! — Девушка размахнулась было добавить еще, для профилактики, но Семен вовремя увернулся.— Я уже в порядке. Спасибо.

Он встал, походил по кабинету, успокаиваясь и обдумывая, что делать дальше; Олия не сводила с него глаз.

— Деваться некуда.— Семен повернулся к девушке.— Пришло время использовать мои знакомства... Не пугайся, я сейчас Слимпа вызывать буду.

Семен задрал голову к потолку и громко произнес:

— Слимп! Я хочу с вами встретиться! Будем обещанное желание реализовывать.

— Давно пора.

Семен и Олия одновременно повернули головы: в глубине кабинета, в невесть откуда взявшемся кресле, больше похожем на трон, сидел плечистый бородач — коротко стриженный, в белоснежной тоге, с золотым лавровым венком на голове и с рубиновым скипетром в руке. Это был Слимп, крупный специалист по невмешательству в реальность и умелец по части уклонения от конфликтных ситуаций; бог, полностью ушедший в собственные, придуманные им Миры. Насколько Семен помнил, в прошлый раз Слимп выглядел куда как проще и демократичнее... Видать, сказывалась специфика работы.

— Всем привет!

Слимп поднялся из кресла, щелкнул пальцами: кресло-трон исчезло, заодно пропал и скипетр с золотым венком; белая тога превратилась в деловой костюм-тройку, на носу Слимпа возникли очки в тонкой платиновой оправе — явно для форса,— и стал гражданин бог весьма похож на преуспевающего юриста. Адвоката, разумеется.

— Я прямо с работы,— пояснил Слимп, с любопытством оглядывая кабинет,— только что народу в одном из Миров являлся. Народ у меня простой, без регулярных подтверждений моего существования бузить начинает, в атеизм ударяется... А кому ж это понравится? Ох и хлопотно, должен тебе сказать, Семен, поддерживать свою божескую репутацию,— добродушно посетовал Слимп, разглядывая засмущавшуюся Олию,— там явись, там покажись... Порой думаю: а не начать ли все заново? Они, люди, чем взрослее становятся, тем беспокойнее. В небо, понимаешь, рвутся, в космос... А откуда у меня космос

возьмется? Не планировал я ничего подобного... Итак, чем могу помочь?

— Тут проблема возникла.— Семен нервно потер горячую щеку; Слимп взглянул на отпечаток пятерни, покосился на Олию, улыбнулся понимающе, но ничего не сказал.— Дело в том, что Кардинал создал некое заклинание для того, чтобы расправиться с чужими. Но чего-то там перемудрил, и в итоге мало того что пропали чужие, так еще и конец света наступает: все обитаемые Миры вот-вот исчезнут!

— И чего же ты хочешь? — поинтересовался Слимп.— Вернуть чужих или отсрочить конец света?

— Ни того, ни другого,— убежденно сказал Семен.— В смысле, о чужих и речи быть не может! А конец света я не хочу отсрочить — я хочу отменить его раз и навсегда!

— Такого, Семен, даже я не в силах сделать,— вздохнул Слимп.— Всему когда-нибудь приходит конечный момент, который можно отсрочить, вполне можно, но отменить — никогда!

— Я неверно выразился,— смутился Семен.— Я имел в виду, что надо вернуть Миры в исходное состояние и отменить заклятие Кардинала раз и навсегда!

— Погоди, погоди,— усмехнулся бог,— речь у нас шла лишь об одном желании, а не о нескольких, пусть и взаимосвязанных. Ты давай одно из двух выбирай!

— Хорошо,— призадумался Семен.— Тогда давайте так: если вернуть Миры на свои бывшие места, то будет ли по-прежнему действовать на них заклятие или нет? Это не желание, это вопрос к вам как к специалисту.

— Хороший вопрос,— важно кивнул Слимп.— Правильно, что не кидаешься реализовывать столь мощное желание очертя голову. Любое вмешательство в реальность, тем более такое глобальное, всегда влечет за собой...

— Слышали уже! — не утерпел грубый Мар,— причем не один раз. Вы меня извините, бог Слимп, что я эдак по-хамски вашу лекцию прерываю, но дело-то безотлагательное! Люди скоро гибнуть начнут, целыми пачками... Да что там люди! Материальных ценностей страсть сколько пропадет! Убытки вселенского масштаба случатся, а вы говорите...

Медальон притих, испугавшись собственной храбрости и ожидая немедленных карательных мер вроде насильного усыпления. Чтобы не мешал и с дурацкими замечаниями не лез.

Однако Слимп не обиделся:

— Действительно,— спохватился бог.— Это ведь твое желание, Семен, какое бы оно ни было! Погоди-ка.

Слимп на секунду прикрыл глаза, словно прислушиваясь к чему-то, нахмурился.

— Должен огорчить тебя, Семен,— с сожалением произнес Слимп, открыв глаза,— ни один из предложенных тобой вариантов не возможен. Я разобрался с заклятием, с принципом его устройства. Если вернуть Миры в исходное состояние, то заклинание все равно по новой сорвет их с места и в конце концов уничтожит. И отменить кардинальское заклинание я не в силах: оно составлено из низкоуровневых, базисных элементов... Нет, не получится. Не в моей власти. Слишком оно необратимое.

— Что же делать? — Семен в растерянности посмотрел на Слимпа.— Вы можете подсказать?

— М-м... Я могу забрать вас в любой из своих Миров,— любезно предложил бог.— Их катастрофа не коснется, уверяю тебя! Они, можно сказать, лежат совсем в другой системе магических координат, в другой реальности вернее. Причем в более совершенной! — похвастался Слимп.— Как, согласны?

— Нет,— отрицательно помотал головой Семен.— Это не решение... нельзя так делать. Должен быть другой выход из положения, должен!

— Другого нет,— уверенно ответил Слимп.— Ситуация однозначно непоправима! Во всяком случае, лично я не представляю, как ее можно улучшить.

Семен внимал словам бога понурившись, с потерянным видом.

— Симеон, не соглашайся.— Олия ласково обхватила Семена за плечи.— Ты же сам говорил, что из любой передряги есть выход. Ищи же его, ищи!

— Хорошо.— Семен выпрямился, твердо посмотрел Слимпу в глаза.— Вы сказали, что поняли смысл заклятия. Каким образом оно действует? Растолкуйте, пожалуйста.

— Это можно,— согласился бог.— Дело в том, что заклинание изначально было налажено на уничтожение одних лишь Миров, населенных чужими, как вы их называете... с размахом заклятие состряпано, ничего не скажешь! Но Кардинал не учел маленькой детали при составлении того заклинания, крохотной детали... пустячка! Из-за которого чуть погодя сама собой образовалась вторая волна уничтожения, более медленная, но и более широкого спектра воздействия. Волна, которая нарастает с каждым часом и которую мне, увы, не остановить. Она, Семен, уничтожит все Миры, населенные людьми... ведь, насколько я знаю, чужие — это бывшие люди? И чем больше Миров захватывает та волна, тем мощнее она становится. Увы.

— Понятно.— Семен задумался.— Скажите, а волна действует не на конкретно взятый в отдельности Мир, адресно, а только на все и обязательно разом?

— Можно сказать и так,— с интересом глядя на Семена, ответил Слимп.— Я понимаю ход твоих рассуждений, Семен. Да, если бы сейчас, предположим, вдруг исчезли все Миры— не в результате действия заклинания, нет, а сами по себе,— за исключением какого-то одного Мира, то он остался бы цел: заклинание его не тронуло бы. Оно тогда бы вообще рассеялось, такова его природа... Но — один Мир! Не более. Впрочем, это чистейшей воды теория, игра ума, которую...

— Стоп! — Семен поднял руку, останавливая рассуждения бога Слимпа.— Есть! Я придумал!

— Да? — удивился Слимп.— Ну-ка, ну-ка...

— Вселенский Диск! — громко и четко сказал Семен.— Согласно легенде! Диск, на котором находятся все Миры и живут все люди.

— В смысле? — оторопел Слимп.— Что-то я... Диск? Плоский?!

— В смысле объединить погибающие Миры в единый Мир,— пояснил Семен, загораясь идеей.— В один-единственный Мир, тот, на который не будет распространяться заклятие Кардинала!

— А почему именно плоский? — уже что-то прикидывая в уме, задумчиво спросил бог Слимп.— Хотя ты прав! Именно что плоский,— Слимп возбужденно потер ладони,— только так и не иначе!

— Из-за законов гравитации? — с пониманием спросил Семен.— Ускорения всякие, моменты вращения... тектонические процессы... да?

— Нет,— в азарте отмахнулся Слимп.— Кроить Миры легче. Хор-р-рошую ты мне задачку придумал, Семен! Вот уж придумал так придумал!

Бог Слимп выглядел вовсе не обескураженным столь неожиданным пожеланием Семена, а скорее наоборот — очень и очень довольным.

— Эх и поработаю же я! — мечтательно сказал он.— Не все ж на престоле красоваться... Прощай, Семен,— он крепко пожал протянутую Семеном руку.— Больше мы не увидимся никогда. Я немедленно возьмусь за исполнение твоего желания, и мы с тобой в расчете: ты создал меня, а я спасу тебя... и твое мироздание заодно. Да, кстати! Чуть не забыл...

Слимп украдкой взглянул на Олию: девушка отошла в сторону, чтобы не мешать важной беседе, и оттуда с тревогой наблюдала за Семеном и его другом-богом. Наклонившись поближе к Семену, Слимп тихо прошептал ему на ухо:

— Девушку береги! Она славная.

Он дружески похлопал Семена по плечу и исчез: бог Слимп приступил к исполнению желания Семена. Отправился перекраивать Миры на новый лад.

— Чудеса,— выдохнула Олия.— Неужели мы спасены, Симеон? Или... Семен?

— Зови меня по-прежнему.— Семен подошел к девушке, взял ее за руки.— Не будем менять хороших привычек, ладно?

— Ладно, Симеон,— согласилась Олия.— Как скажешь, Симеон.

Она прикрыла глаза и потянулась к Семену.

— Целуй ее, целуй! — обрадовался Мар.— Цел... вот же блин! Хайк! И как всегда, не вовремя. Тьфу на него!

Семен обернулся: в лифтовой комнате стоял Хайк. Мокрый, точно его только что из стиралки вынули,— самый настоящий, привычный и правильный Хайк, черепаховый боец, а не клоун из детской книжки. Шлепая мокрыми сандалиями и оставляя на паркете следы, Хайк подошел к Семену.

— Что с Кардиналом?

Семен отпустил руки Олии, девушка огорченно вздохнула и присела на диван, отвернувшись от Хайка. Но черепаховый боец не обратил никакого внимания на ее обиду — он выполнял важное задание Симеона и первым делом обязан был ему доложить, как обстоят дела. А уж после выяснять, чем это он умудрился расстроить Олию.

— Жив Кардинал.— Хайк победно улыбнулся Семену.— Живехонек! Наглотался, правда, воды до икоты, но она ж целебная, ничего с ним не станется. Заодно и я выкупался, случайно.— Хайк с довольным видом почесал в мокрой бороде.— Главное, бриться теперь не надо! Прям камень с души.

— Ты его в зале с бассейном оставил? — Семен глянул на лифтовую комнату: Кардинала там не было, черепаховый боец вернулся один.

— Да.— Хайк прошлепал к столу.— Я ему рассказал про твой вариант со Слимпом, и Кардинал заявил, что если все обойдется, если Миры останутся целы, то звание регента он передает тебе. А сам Кардинал удаляется от дел. Навсегда.

— Как так? — не понял Семен.

— Он же травиться собрался,— Хайк сел за стол Кардинала, с облегчением вытянул ноги,— и загодя подготовил официальное отречение от регентства, чтобы, когда его найдут мертвым, в Империи не наступило безвластие... пусть и в погибающей, но все ж в Империи! Здесь пустая строчка есть.— Хайк показал мокрым пальцем на исписанный лист бумаги.— Чье имя туда впишут, тот и станет регентом. То есть Императором.

— Благодетель, а не Кардинал! — восхитился Мар.— Радетель государственного масштаба, ага.

Он неприятно засмеялся.

— Тебе что-то не нравится? — удивленно спросил Семен у медальона.— Почему? Мудрый политический шаг, последняя забота об Империи...

— Из-за этой пустой строчки все претенденты на престол завтра же друг дружку потравили бы да кинжалами покололи,— язвительно сообщил Мар.— Можешь не сомневаться! Да, умный Кардинал человек, ничего не скажешь. Интриган высшей пробы... мало ему было того, что все и так погибнут, захотелось

напоследок грандиозную склоку устроить. по всем правилам дворцовой интриги!

— Надеюсь, что ты не прав.— Семен заглянул в исписанный лист, убедился, что пустая строчка действительно существует.— Хайк, снимай куртку, а то она слишком мокрая, чернила размажет... вытри руки насухо и бери ручку, вон она лежит, золотая. Сейчас документ заполнять будешь.

— Дельное решение,— оживился медальон.— Чего тянуть-то. Ох и покоролевствуем мы, Семен, ох и поуправляем Империей! Вернее, Вселенским Диском... вернее, Вселенско-Имперским Диском... э, долго произносить, как бы покороче? Во, придумал! Слимперия! В память о Слимпе, хе-хе. Значит, для начала отбабахаем тебе, Семен, посреди Слимперии памятник выше облаков, типа ось мироздания... ну и я на груди у того памятника, а как же! Большой, красивый, блестящий, чтобы в солнечную погоду меня во всех Мирах видно было...

— Вытер руки? Тогда пиши.— Семен присел на край стола, покачал ногой.

— Что писать-то? — Хайк занес ручку над пустой строкой.

— Тебя как полностью зовут? — Семен глянул на черепахового бойца.— А то давно знакомы, а как по батюшке величают, до сих пор не знаю.

— Хайк, третий сын Варри-Непобедимого, главы клана Болотной Черепахи,— с недоумением ответил Хайк.— А что?

— Вот и впиши это в пустую строку.— Семен подмигнул Хайку.— Был третьим в семье, а станешь первым в Империи... в Слимперии, как Мар ее обозвал.— Семен постучал по медальону пальцем.— Слышишь, хорошее название придумал! Думаю, приживется.

Но Мар не ответил — похоже, он напрочь онемел от неожиданности, только поскуливал да покряхтывал, не в силах вымолвить ни слова.

— Симеон, я не достоин.— Хайк отложил ручку.— Кто я и кто ты... Нет, не буду вписывать себя! И не проси.

— Пиши! — рявкнул Семен.— Нашел время выяснять, кто лучше, а кто хуже... Я никогда не буду правителем, потому что не хочу! Не по мне оно, понимаешь? А ты... Во-первых, я знаю, что ты человек порядочный и никого почем зря не угробишь. Во-вторых, займешься воспитанием принца, у тебя

получится! В ученики его возьмешь, боевым наукам обучишь... Человека из него сделаешь. Не придворного воспитанника, а именно — человека.

— Все равно не буду,— упрямо помотал головой Хайк.— Не достоин я!

— ...Да и Яне нос утрешь,— как бы мимоходом заметил Семен,— будет знать, как тебя обижать.

Хайк молча взял ручку и быстро вписал свое имя в отречение Кардинала.

— Молодец.— Семен встал.— Спрячь документ, пока Кардинал не передумал... э, да у тебя ж все мокрое, куда прятать-то! Вывесь свое барахло на балконе, там ветерок его быстро высушит.

Хайк послушно снял с себя мокрые штаны, оставшись в одних плавках, и, прихватив куртку, отправился на балкон.

— А теперь, Олия...— Семен повернулся было к девушке, но испуганный вопль Хайка оборвал его слова:

— Симеон! Олия! Сюда, скорей!

Семен опрометью кинулся на крик, решив, что новоиспеченный регент ненароком ухитрился вывалиться за балконное ограждение и висит над бездной, дрыгая ногами, вот-вот сорвется...

Однако Хайк и не думал никуда вываливаться: бросив мокрую одежду на пол, упершись руками в высокие перила, он стоял и смотрел вдаль. Семен выбежал на балкон и замер, пораженный. Олия остановилась рядом с Семеном, взяла его за руку — ей от того, что она увидела, стало жутковато.

Балкон находился на самой вершине гигантского дворца-пирамиды — просторный, мраморный, обдуваемый теплым ночным ветром,— и с него открывался изумительный вид на деловую часть Мира Перекрестка. Вернее, на весь Мир Перекрестка. Точнее, на видимую часть Слимперии.

Внизу, где-то под пирамидой, далеко-далеко, шло празднество — там запускали фейерверк, блуждающие россыпи еле видимых разноцветных искр: народ праздновал День Перекрестка, и не было народу сейчас никакого дела до того, что происходило с их Миром. Пока что не было.

А впереди, перед балконом, простиралась ночь, а за ней, на самой грани видимости, светился день. День иного Мира,

неизвестно какого: иномирное солнце висело над Слимперией, освещая свой кусочек Всемирного Диска; а чуть дальше тоже виднелось солнце, совсем маленькое, тусклое, вечернее, а за ним еще одно, крохотное, и еще... Солнца уходили вдаль, как фонари над бесконечным шоссе.

Семен повернул голову — в другой стороне тоже были солнца, большие и малые, желтые, красные, голубые... и в другой стороне — тоже. Солнца нового Мира, единого и неделимого, солнца великой Слимперии.

— Красотища! — с восхищением сказал Мар.— Невероятная красотища. И ты от всего этого отказался... Эх, Семен, Семен.

Медальон умолк, погруженный в горестные думы.

— Эгей, там, на балконе! — крикнул снизу кто-то очень знакомым голосом: слышимость в чистом воздухе была изумительная.— А вот и я, как обещал.

Семен навалился животом на ограждение, посмотрел вниз: лениво взмахивая крыльями, к ним поднимался из темноты фиолетовый дракон устрашающих размеров, дракон, переливающийся отблесками тысяч далеких солнц; на спине летающей крепости в легкой открытой беседке сидел человек в фиолетовом смокинге, фиолетовых брюках-дудочках и фиолетовых же штиблетах, сидел и вовсю размахивал над головой фиолетовым цилиндром.

— Это же Настройщик! — ахнула Олия.— Откуда?

Дракон поравнялся с балконом и завис, распластав кожистые крылья и слегка покачиваясь на месте.

— Ты откуда? — ошарашенно спросил Семен.— Неужели все-таки сумел выбраться из своего Комплексного Мира?

— Сумел.— Фиолетовый Настройщик торжественно водрузил цилиндр на голову.— Буквально только что, через оставленные твоим болтливым медальоном путевые метки. Свобода, братцы, свобода! И мой Комплексный Мир ожил... Имею я право устроить себе отпуск, верно? Шампанского, опять же, с друзьями выпить.— Он огляделся.— Тем более что повод, кажется, есть. И кто ж это все устроил?

— Он.— Хайк и Олия одновременно указали на Семена.

— Прошу на борт, коллега! — Настройщик махнул рукой.— Всех прошу! Летим смотреть новый бескрайний Мир и пить шампанское!

Фиолетовый бог повел рукой, и от беседки к балкону протянулся широкий золотой трап.

— Я не могу,— расстроенно покачал головой Хайк,— у меня работа и юный принц на воспитании... И Слимперией управлять кому-то надо, в конце концов.

— А мы летим, да, Олия? — Семен повернулся к девушке.

— Конечно!

Она легко вспрыгнула на перила балкона. Семен подсадил, помог. Пробежав по трапу, Олия оказалась в беседке, где ее подхватил Настройщик.

— Бывай, Хайк.— Семен пожал руку черепаховому бойцу.— Смотри, управляй Слимперией по уму и по совести! Вернусь— проверю.

Хлопнув на прощание Хайка по плечу, он забрался на трап и зашагал по золотой дорожке.

— Можешь не сомневаться! — крикнул Хайк, третий сын Варри-Непобедимого, главы клана Болотной Черепахи, а ныне властелин Слимперии.— Штаны только сначала высушу и сразу же приступлю, по уму да по совести. До встречи!

Хайк помахал вослед улетающему дракону мокрой курткой.

...Фиолетовый дракон, мягко взмахивая крылами, летел к солнечному, дневному Миру. Настройщик откупорил первую бутылку шампанского, пробка с хлопком унеслась в звездное небо. Семен и Олия подставили бокалы под пенную струю.

— На фиг того Слимпа! — с подъемом воскликнул медальон.— Он все одно в кусты свалил, причем навсегда. Да здравствует Настройщик! Настройщику — ура! ...Уж лучше такой бог в корешах, чем никакой, да, Семен? — тихо добавил он.

Но Семен ничего ему не ответил: он смотрел на Олию, а Олия смотрела на Семена...

А потом они выпили шампанского, обнялись и поцеловались, крепко-крепко.

И последнее слово осталось за Маром.

Впрочем, не в первый раз.

И, скорее всего, не в последний.

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ МАГИЯ, или Солнечные Литературно-Искристые Миры Превращений Михаила Бабкина (СЛИМП МБ)

Любого искушенного в литературно-песенных традициях недавнего прошлого читателя, конечно, столь замысловатым названием в заблуждение не введешь. Я и не собираюсь этого делать. Честно признаю: первая часть — римейк строчки из культового к/ф 70–80-х годов прошлого века «Щит и меч», а вот вторая... Собственно вторая и составляет предмет нашего исследования.

Такое объединение, на мой взгляд, вполне обоснованно, поскольку «щит и меч» — это не только эмблема тайного ордена отечественных Вайсов и Штирлицев, но и непременные атрибуты героического и боевого магических эпосов: они призваны облагораживать суровые лики многочисленных персонажей, победительно шествующих по бескрайним и плодоносным полям мировой фантастики.

Михаил Бабкин тоже не забывает об этих артефактах в прямом и переносном смыслах. С одной стороны, он иногда вручает их своим героям, с другой — тщательно заботится о читабельности собственных произведений, «прикрывая» их Щитом юмора, иронии и отчасти мягкой сатиры, а также «вооружая до зубов» Мечом хорошего, сочного русского языка.

На самом деле понимать все оттенки Слова, чувствовать Его мощные переливы и виртуозно работать с Ним — особый талант, которым обладает далеко не каждый, пусть даже и признанный мэтр. В российском фэн-доме в этой связи навскидку, пожалуй, можно упомянуть не очень-то много имен: Кир Булычев, Евгений Лукин, Юрий Брайдер и Николай Чадович... Сюда же с полным основанием следует поместить и Михаила Бабкина, каждой своей книгой доказывающего право участвовать в блестящем собрании «кудесников Языка».

Читая того или иного автора, невольно задумываешься: почему у одного повествование течет через пень-колоду, описания скучны, герои невыразительны, а у другого — все буквально бурлит, кипит, выплескивается через край, заставляя забыть о времени и суете повседневного бытия?

Понятно, дар... Понятно, особое отношение к литературе... Понятно, любознательность, специфическим образом перерастающая в желание творить, кроить и перестраивать серую реальность по иным лекалам, создаваемым исключительно личным воображением и эмоциями... Но чтобы пройти свой творческий маршрут, подчинившись литературному притяжению, чтобы родились осязаемые переживания

и миры, понятные не только тебе самому, но и другим людям, безусловно, нужна еще питательная среда.

Скажем, Михаил Бабкин. Родился в Ростове-на-Дону в июле 1959 года... Школа... Учеба в Ростовском институте сельскохозяйственного машиностроения (РИСХМ)... После окончания — год работы на заводе в должности мастера... Потом были восемь лет, отданных ракетным войскам Советской Армии...

Что из перечисленного могло предвещать появление в 1995 году сказки «Зеркало ведьмы» (из нее позже вырос детский цикл «Проклятие старой ведьмы»), обозначившей рождение на горизонте отечественной фантастики нового яркого имени?.. Однако, если задать себе труд немного поработать воображением, чуть углубившись в анкету, быстро выяснится максимальная вероятность именно такого развития судьбы Михаила!

Ростов Великий, он же Ростов-батюшка,— едва ли не тот самый Перекресток, который позже явится авансценой в «Слимпериаде» Михаила Бабкина. Там, в Ростове, на пересечении традиций и культур шлифовался язык и солнечными красками южного пестроцветья напитывалось воображение. Как и когда соединились они, обогатив друг друга,— гадать не будем. Известно одно: публикация первого фантастического рассказа юного ростовчанина состоялась в 1975 году, да не где-нибудь, а в Польше!

Удачная проба пера, по сути, предопределила всю судьбу. Потом были другие «пробные» рассказы, были и годы вынужденного молчания (в смысле — непечатания), но писать Михаил уже не переставал ни при каких обстоятельствах, работая подчас, как принято теперь выражаться, в стол. И труд этот, прямо скажем, не пропал даром: если бы не было его, то, возможно, не появилась бы та насыщенность слога, то буйство сюжетных хитросплетений, та красочность образов, которые отличают качественную фантастику и качественную литературу вообще.

Думаю, в судьбе Михаила Бабкина хватало и сложностей, и неожиданных поворотов. Такая преизбыточность в сочетании с южным темпераментом не могла не вывести его рано или поздно в русло именно юмористической фантастики, одним из признанных лидеров которой он и является сегодня в России. Подтверждением тому служит завидная читательская популярность, совершенно заслуженно пришедшая к писателю после публикации издательством «Альфа-книга» его произведений — и прежде всего упомянутой выше трилогии. На ней и стоит остановиться поподробнее.

Как начинается с вешалки театр, так книга рождается с названия...

Что сразу приходит на ум, когда впервые читаешь короткое и малопонятное словечко «слимп»?

За других отвечать не берусь, а вот лично мне почему-то представился... Олимп! Блестящий, сверкающий, наполненный многочисленными античными богами, которым совсем не чуждо ничто

человеческое... Не знаю, какой ассоциации добивался сам автор, но и последовавшие производные неологизмы «слимпер» и «слимперия» обещали мне встречу с чем-то ярким, необычным, непредсказуемо замечательным, познаваемым не иначе как через особую магию художественной самости, которой талантливый писатель околдовывает попавшегося в его сети неофита. С этой точки зрения каждое произведение есть авторское «заклинание притяжения», не иссякающее до тех пор, пока жив магический дар настоящего фантаста... Забегая вперед, скажу: в своих ожиданиях в данном случае я, по счастью, не ошибся.

Главный герой «Слимпериады» студент Семен, он же Симеон, появляется на фоне весьма узнаваемой русской компании, когда члены ее, преисполнившись чувства хорошо исполненного долга, традиционно завершают «трудовой надрыв» в пользу общего знакомого праздничным возлиянием. Подтрунивая над «пиволюбивым» студентом, соотечественники даже не представляют, сколь трудный и великий путь уготован тому в скором будущем! Ни о чем не догадывается и он сам, лениво рассматривая случайно найденную газету из далекого-далекого прошлого...

Оно и немудрено: три книги понадобилось написать автору, чтобы показать, как из недоучившегося студента волею посланного ему чудного объявления-заклинания возникает вор с магическим прикрытием, гроза сокровищ и артефактов, не уловимый ни своими, ни даже «чужими» всевидящий преобразователь всяческого колдовства («специалист по отладке заклинаний»!), потрясатель Открытых и Закрытых миров, непобедимый противник вредного Кардинала и всех его бессчетных дублей, нерукоположенный создатель абсолютного бога, спаситель королев, девиц, призраков, наконец, самого Вселенского Диска (Истинных Миров)!

Впрочем, похоже, много мучений этот «живчик» своему истинному создателю (автору) не принес. Есть подозрение, что оба они— родственные души, генетически связанные друг с другом. Так, на первых же страницах мы узнаем, что Семен, после некоторых юношеских колебаний «...поступил в технический университет, где обучался последние годы всяким мало кому сейчас нужным премудростям. И зачастую жалел об этом своем необдуманном поступлении, потому что уже на втором курсе понял, что техникой ему заниматься неинтересно. А интересно было Семену писать всякие фантастические истории, в которых придуманная им действительность была гораздо интереснее, чем та, в которой он жил».

Ну, за что боролся, на то и напоролся — продуктивными усилиями своего «родителя», который, судя по его биографии, и сам был бы не прочь...

Понятное дело, при такой напряженной работе не обойтись без верного советчика, охранителя, можно сказать, друга. Все эти и другие полезные качества объединил в себе магический медальон Мар, соб-

ственно и обеспечивающий «магическое прикрытие», а кроме того, достойно разделивший с новым хозяином тяготы и лишения весьма опасных путешествий, в ходе которых развивались и совершенствовались удивительным образом «профессиональные навыки» обоих.

Из персонажей «поддержки» достойны упоминания Хайк — воин из клана Болотной Черепахи, исполнявший по мере развития сюжета различные важные роли — от телохранителя и верного друга Симеона до регента-управителя Вселенского Диска (в финале трилогии), и Олия — внучка Главы Вседисковой Гильдии Воров и Мастера Четырех Углов, пробудившая в сердце искушенного к тому времени (третий том!) «светила воровского мира» чистую и возвышенную любовь.

Названный ранее Кардинал — «упрощенный» интриган, комплексующий по поводу своего «упрощения»[1],— олицетворяет собой противодействующую главному герою силу, но не темную, как это принято по стандарту, а скорее именно серую. Здесь заметны следы удачного карикатурирования коллизии, придуманной когда-то Дюма-старшим: дряхлый Император, Императрица, всесильный регент (Кардинал), адюльтер между двумя последними... Впрочем, эта линия лишь слегка обозначена, подробности опущены: ежели кому понадобится, он в любой момент может обратиться к первоисточнику.

Разумеется, карикатурно стилизованы под ситуацию также «гвардейцы» кардинала и «мушкетеры» (правда, эти последние существуют как бы сами по себе), юмористически обозначен конфликт между ними. Появление «противников» эпизодично, что объясняется, в частности, логикой построения и самой трилогии, и каждой книги в отдельности.

Структурно все три романа представляют собой «цепочки новелл», описывающих, как правило, разнокалиберные Миры, куда по всяким надобностям путешествуют Семен и Мар. Этих Миров на самом деле много: Изумрудный, Каменный, Озерный, Чистоледный, Рациональный, Мандариновый, Тупиковый, Торговый, Выгребной, Мир-Х, Исправительный и т.п. Одни из них (скажем, Ханский, Лесной) прописаны достаточно зримо; другие же только упоминаются, поскольку их пока еще не коснулись «разносторонние» интересы основных героев. Главное, все эти Миры — Истинные, то есть рано или поздно туда можно совершить «познавательно-экспроприационную» экспедицию-экскурсию — если на то будет когда-нибудь писательская воля.

Совсем не трудно заметить, что целеполагание Миров в большинстве случаев прописано в самих названиях. Потому-то, прибыв, например, вместе с героем в Ханский Мир, не удивляешься, встретив джинна Мафусаила ибн-Саадика, в некоторой степени повторяющего

[1] В терминологии М. Бабкина «упрощение» есть освобождение человека от стихийных магических способностей, «подрывающих» основы унифицированного магического мира.

судьбу знаменитого лагинского Хоттабыча и успешно развивающего цветисто-возвышенную речевую традицию Востока. В Лесном как родного принимаешь Иванносорокосила — «доброго лихого» человека, принципиального борца с друидами, безошибочно определяющего последних по негативному отношению к «национальной браге». Соответственно, в Мире-Полигоне готов слушать по стойке «смирно» парадно-благостного Маршала Ити Б.Р.В. — Главнокомандующего Имперскими войсками, «слугу царю, отца солдатам»... Ну и, конечно, магические клинки, «шары предвидения», «ковры-дастарханы», прочие колдовские артефакты, «первичные» и «комплексные» заклинания легко перемещаются в пространстве Миров вслед за персонажами, составляя вещную основу реализуемых сюжетных коловращений.

Тем самым в пределах каждого повествовательного отрезка обязательно обнаруживаются какие-то параллели, аллюзии, реминисценции, иногда литературно-сказочно-мифологические, иногда — национальные или социально-бытовые, иногда — политические, иронично, а то и в сатирическом ключе воспроизводящие вполне узнаваемые реалии нынешней российской действительности. Так традиционно проявляется связь фантастического с жизнью, опосредующая особую привлекательность и ценность интонированного вымысла как инструмента многослойного видения мира — не только сущностей его, но и «кажимостей», каждая из которых возникает как реакция на некие вызовы всегда сложносочиненного и сложносочлененного времени. По существу, о феномене писателя лишь тогда и можно говорить без всяких натяжек, когда он различает и умеет преподнести такого рода символику.

Михаилу Бабкину подобное интонирование под силу. Причем, что радует, не только в границах отдельных новелл, но и интегрально: многомерной идеей сшиваются добротные куски (романы трилогии) в единое художественное целое — зашифрованное, подающее до поры до времени упреждающие сигналы и декодируемое по мере накопления информации, неравномерно распределенной по пространству повествования.

В самом начале трилогии Мар мимоходом рассказывает прибывшему частным порядком Семену несколько легенд — о Настройщике, о слимпе, о великане Додо и т.д. Сюжетные переходы и постоянные разветвления романных интриг, жонглирование эпизодами и положениями, преобладание в содержательном плане комического не позволяют сразу понять, что в этих легендах, как в зародыше, сфокусирована энергетика и логика романных «перетоков» друг в друга. Определенные подсказки заботливо разбросаны автором тут и там, но понять их, наблюдая увлекательную игру со словом, а потом и как будто участвуя в ней, не так-то просто.

Не вдаваясь в подробное рассмотрение содержательно-легендной обусловленности, отметим только, что в первом романе происходит «настройка главного героя на слимп»; во втором — усилиями «на-

строенного настройщика магии» Семена мифический слимп рождается на свет; в третьем — уже объективированный в божественную ипостась Слимп, вооруженный идеями своего создателя, во исполнение обещанного последнему «одного сокровенного желания» спасает Истинные Миры, и раскаявшийся Кардинал добровольно передает бразды правления победителю, признав окончательное и бесповоротное поражение в долгом противостоянии.

Итак, что же такое СЛИМП?

В каждом романе происходит содержательное расширение этого понятия. Самое первое определение дает Мар, пересказывая легенду: слимп — «фиговина» такая, с помощью которой то ли можно запросто создавать миры, то ли, наоборот, запросто их разрушать. «А еще в той легенде говорилось, что хранится этот таинственный слимп неведомо где, а ежели кому из людей удастся отыскать его, тогда всем станет хорошо».

Второй уровень расшифровки — деятельностно-назывной: название каждой новеллы по первым буквам входящих в него слов всегда складывается в «слимп». Тогда получается, что этот последний какой-то своей частью явлен в любом романном эпизоде. Иначе говоря, каждая новелла хранит свой «паззл смысла»; их декодирование и соединение должны дать (и дают!) некую обобщенную картину.

Следующий уровень расшифровки можно обозначить как философско-религиозный: поскольку слимп таинствен и недоступен, поскольку ему приписаны чудодейственные свойства, естественно, рождается культ слимпа, появляются его апологеты (слимперы), вырисовываются трактовки целеполагания поисковых усилий заинтересованных сторон и объективирования «слимп-фактуры» в случае нахождения бога.

Это крайне интересная тема, в которой автор иронично показывает механизм возникновения и развития культа как такового. Не вызывает сомнения и авторское резюме: фанатики способны лишь извратить культовую идею, видя только прагматический смысл ее и добиваясь практических выгод. Соответственно, их попытки достигнуть желаемого изначально обречены на провал, более того, несут тотальное разрушение Истинным Мирам.

А вот Семен, ставший, по существу, «свободным слимпером», радикально решает сложную поисковую задачу — именно за счет целевой неангажированности, идеалистичности общей установки. Дорожа собственной свободой как величайшей и непреходящей ценностью, он в таком же ключе «активизирует» и... магический синтез!

Так появляется «свободный Слимп» — божественная упорядоченная магия, лишенная фанатического заземления, целевой оболочки долженствования и служения чьим-то интересам. Новорожденный бог покидает Истинные Миры, чтобы творить свои собственные... Судя по последней встрече олимпизированного Слимпа с Семеном, процесс этот идет не так уж гладко. Автор как будто бы дает понять:

конфликтный стержень еще не исчерпан, следовательно, вполне можно ожидать появление эпопеи новой содержательной направленности.

Существует и еще один — неявный — уровень расшифровки, который, по идее, должен завершить прочтение трилогии. Намек на него содержит помещенный во второй роман диалог Семена с призраком Барли, некогда «упростившим» Кардинала. Избитый тезис о том, с чего все начинается, несколько расширен: и магия, как оказывается, тоже начинается со Слова...

Что ж, «Слимпериада» Михаила Бабкина — прекрасное доказательство этой мысли: Слово возбуждает магию превращений, изменяющих судьбы героев и Миров; магия Слова властвует над пространствами и персонажами; магией слова искрится «подоснова» читательского воображения, включающегося после прочтения каждой страницы...

И тогда Слимп в «реальных читательских координатах» есть результат талантливой и упорной работы со Словом и над Словом. Только такой Слимп, подразумевающий добровольное взаимодействие творческих авторских интенций и ожиданий аудитории, гарантирует успех.

Олег ЮЗИФОВИЧ

СОДЕРЖАНИЕ

СЛИМП 5
СЛИМПЕР 305
СЛИМПЕРИЯ 561
Олег Юзифович. С чего начинается магия, или Солнечные Литературно-Искристые Миры Превращений Михаила Бабкина (СЛИМП МБ) 824

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!
Издательство просит отзывы об этой книге и Ваши предложения присылать по адресу: 125565, Москва, а/я 4, «Издательство Альфа-книга» или по e-mail: mn@armada.ru
Информацию об издательстве и книгах можно получить на нашем сайте в Интернете: ***http://www.armada.ru***

Литературно-художественное издание

Михаил Александрович Бабкин
СЛИМПЕРИАДА
Трилогия

Заведующий редакцией
В. П. Маршавин

Ответственный редактор
Т. А. Стельмах

Художественный редактор
Н. Г. Безбородов

Технический редактор
А. А. Ершова

Корректор
Н. А. Карелина

Компьютерная верстка
Т. А. Рогожиной

Подписано в печать 07.07.06. Формат 60x90/16.
Гарнитура «Петербург». Печать офсетная.
Бумага газетная. Усл. печ. л. 52,00. Доп. тираж 6000 экз.
Изд. № 4241. Заказ № 17149.

ООО «Издательство Альфа-книга»
125565, Москва, а/я 4; ул. Расковой, д. 20
Изд. лицензия ЛР № 066460 от 30.03.99
СЭЗ № 77.99.02.953.П.001254.08.03

Отпечатано с готовых диапозитивов на ОАО
«Саратовский полиграфический комбинат»
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 59

Изумрудный Мир... Красивое название, не правда ли? А еще вот такие Миры: Тупиковый, Ханский, Мандариновый, Торговый, Выгребной... ну и Исправительный, как же без него? А еще Мир Равновесия, Мир Прокаженных и много всяких прочих. Все эти Истинные Миры располагаются на Вселенском Диске, по которому и скитается в поисках приключений или по необходимости удачливый вор Симеон, бывший «земной» студент, со своим странным другом — медальоном по имени Мар, обеспечивающим Симеону магическое прикрытие...

ISBN 5-93556-504-8